
3 1761 05095819 8

1-6, bd in 3

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

С. Т. АКСАКОВА.

Томъ I.

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА

и

ВОСПОМИНАНІЯ.

МОСКВА.
Изданіе А. А. Карцева.
1895.

Типо-Литографія Д. А. Бончъ-Бруевича, Мясницкая, Козловскій пер., домъ Прянишникова.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

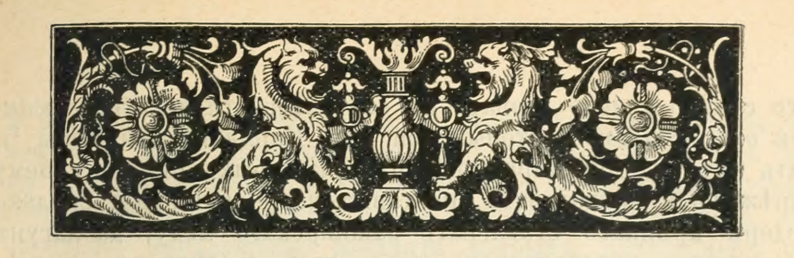
I.

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА.

II.

ВОСПОМИНАНІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Первый отрывокъ изъ Семейной Хроники.

Степанъ Михайловичъ БАГРОВЪ.

Переселеніе.

Тѣсно стало моему дѣдушкѣ жить въ Симбирской губерніи, въ родовой вотчинѣ своей, жалованной предкамъ его отъ царей московскихъ; тѣсно стало ему, не потому, чтобъ въ самомъ дѣлѣ было тѣсно, чтобъ не доставало лѣсу, пашни, луговъ и другихъ угодьевъ,—всего находилось въ излишествѣ, а потому, что отчина, вполнѣ еще прадѣду его принадлежавшая, сдѣлалась разнопомѣстною. Событіе совершилось очень просто: три поколѣнія сряду въ роду его было по одному сыну и по нѣскольку дочерей; нѣкоторыя изъ нихъ выходили за-мужъ, и въ приданое имъ отдавали часть крестьянъ и часть земли. Части ихъ были небольшія, но уже четверо чужихъ хозяевъ имѣли право на общее владѣніе неразмежеванною землею,—и дѣдушкѣ моему, нетерпѣливому, вспыльчивому, прямому и ненавидящему домашнія кляузы, сдѣлалась такая жизнь несносною. Съ нѣкотораго времени сталъ онъ часто слышать объ Уфимскомъ намѣстничествѣ, о неизмѣримомъ пространствѣ земель, угодьяхъ, привольяхъ, неописанномъ изобиліи дичи и рыбы и всѣхъ плодовъ земныхъ, о легкомъ способѣ пріобрѣтать цѣлыя области за самыя ничтожныя деньги: носились слухи,

что стоило только позвать къ себѣ въ гости десятокъ *родичей отчинниковъ* Картобынской или Кармалинской тюбы [1]), дать имъ два-три жирныхъ барана, которыхъ они по своему зарѣжутъ и приготовятъ, поставить ведро вина, да нѣсколько ведеръ крѣпкаго ставленаго башкирскаго меду, да лагунъ корчажнаго крестьянскаго пива, такъ и дѣло въ шляпѣ: неоспоримое доказательство, что Башкирцы были не строгіе магометане и въ старину. Говорили, правда, что такое угощеніе продолжалось иногда недѣлю и двѣ; да съ Башкирцами и нельзя вдругъ толковать о дѣлѣ, и надо всякій день спрашивать: „А что, знакомъ, добрый человѣкъ, давай говорить объ мой дѣла" [2]). Если гости, ѣвшіе и пившіе буквально день и ночь, еще не вполнѣ довольны угощеніемъ, не вполнѣ напѣлись своихъ монотонныхъ пѣсенъ, наигрались на чебызгахъ [3]), наплясались, стоя и присѣдая на одномъ мѣстѣ въ самыхъ каррикатурныхъ положеніяхъ, то старшій изъ родичей, пощелкавши языкомъ, покачавъ головой и не смотря въ лицо спрашивающему, съ важностью скажетъ въ отвѣтъ: „Пора не пришелъ—еще баранъ тащи". Барана, разумѣется, притащатъ, вина, меду нальютъ, и вновь пьяные Башкирцы поютъ, пляшутъ и спятъ, гдѣ ни попало... Но всему въ мірѣ есть конецъ; придетъ день, въ который родичъ скажетъ, уже прямо смотря въ глаза спрашивающему: „Ай, бачка, спасибо, больно спасибо! Ну что, какой твой нужда?" Тутъ, какъ водится, съ природною русскому человѣку ловкостью и плутовствомъ, покупщикъ начнетъ увѣрять Башкирца, что нужды у него никакой нѣтъ, а наслышался онъ, что Башкирцы больно добрые люди, а потому и пріѣхалъ въ Уфимское намѣстничество и захотѣлъ съ ними дружбу завести и проч. и проч.; потомъ рѣчь дойдетъ нечаянно до необъятнаго количества башкирскихъ земель, до неблагонадежности припущенниковъ [4]), которые годъ-другой заплатятъ деньги, а тамъ

[1]) Тюба—волость.

[2]) Русскіе обитатели Оренбургской губерніи до сихъ поръ, говоря съ Башкирцами, стараются точно такъ же ломать русскую рѣчь, какъ и сами Башкирцы.

[3]) Чебызга—дудка, которую Башкирецъ беретъ въ ротъ какъ кларнетъ и, перебирая лады пальцами, играетъ на ней двойными тонами, такъ что вы слышите въ одно и то же время какихъ-то два разныхъ инструмента. Мнѣ сказывали музыканты, что чебызга чудное явленіе въ мірѣ духовыхъ инструментовъ.

[4]) Припущенниками называются тѣ, которые за извѣстную ежегодную или единовременную плату, по заключенному договору на извѣстное число

и платить перестанутъ, да и останутся даромъ жить на ихъ земляхъ, какъ настоящіе хозяева; а тамъ и согнать ихъ не смѣешь и надо съ ними судиться;—за такими рѣчами (сбывшимися съ поразительною точностью) послѣдуетъ обязательное предложеніе избавить добрыхъ Башкирцевъ отъ нѣкоторой части обременяющихъ ихъ земель... и за самую ничтожную сумму покупаются цѣлыя области и заключаютъ договоръ судебнымъ порядкомъ, въ которомъ, разумѣется, нѣтъ и быть не можетъ количества земли: ибо кто же ее мѣрилъ? Обыкновенно границы обозначаются урочищами, напримѣръ, вотъ такъ: „отъ устья рѣчки Конлыелга до сухой березы на волчьей тропѣ, а отъ сухой березы прямо на Общій Сыртъ, а отъ Общаго Сырта до лисьихъ норъ, отъ лисьихъ норъ до Солтамраткиной борти“ и прочее. И въ такихъ точныхъ и неизмѣнныхъ межахъ и урочищахъ заключалось иногда десять, двадцать и тридцать тысячъ десятинъ земли! И за все это платилось какихъ-нибудь сто рублей (разумѣется цѣлковыми), да на сто рублей подарками, не считая частныхъ угощеній. — Полюбились дѣдушкѣ моему такіе разсказы; и хотя онъ былъ человѣкъ самой строгой справедливости, и ему не нравилось надуванье добродушныхъ Башкирцевъ, но онъ разсудилъ, что не дѣло дурно, а способъ его исполненія, и что, поступя честно, можно купить обширную землю за сходную плату, что можно перевесть туда половину родовыхъ своихъ крестьянъ и переѣхать самому съ семействомъ, то-есть достигнуть главной цѣли своего намѣренія: ибо съ нѣкотораго времени до того надоѣли ему безпрестанныя ссоры съ мелкопомѣстными своими родственниками за общее владѣніе землей, что бросить свое родимое пепелище, гнѣздо своихъ дѣдовъ и прадѣдовъ, сдѣлалось любимою его мыслью, единственнымъ путемъ къ спокойной жизни, которую онъ, человѣкъ уже не молодой, предпочиталъ всему.

Итакъ, накопивши нѣсколько тысячъ рублей, простившись съ своей супругою, которую звалъ Аришей, когда былъ

лѣтъ, живутъ на башкирскихъ земляхъ. Почти ни одна деревня припущенниковъ, по окончаніи договорнаго срока, не оставила земель башкирскихъ; изъ этого завелись сотни дѣлъ, которыя обыкновенно оканчиваются тѣмъ, что припущенники оставляются на мѣстахъ своего жительства съ нарѣзкой имъ пятнадцати-десятинной пропорціи на каждую ревизскую душу по пятой ревизіи... и вотъ какъ перешло огромное количество земель Оренбургской губерніи въ собственность Татаръ, Мещеряковъ, Чувашъ, Мордвы и другихъ казенныхъ поселянъ.

веселъ, и Ариной, когда бывалъ сердитъ; поцѣловавъ и благословивъ четырехъ малолѣтнихъ дочерей и особенно новорожденнаго сына, единственную отрасль и надежду стариннаго дворянскаго своего дома, ибо дочерей считалъ онъ ни за что: „что въ нихъ проку! вѣдь онѣ глядятъ не въ домъ, а изъ дому. Сегодня Багровы, а завтра Шлыгины, Малыгины, Поповы, Колпаковы. Одна моя надежда—Алексѣй...“ сказалъ на прощанье мой дѣдушка, и отправился за Волгу въ Уфимское намѣстничество.

Но не сказать ли вамъ напередъ, что за человѣкъ былъ мой дѣдушка?

Степанъ Михайловичъ Багровъ [1]), такъ звали его, былъ не только средняго, а даже небольшого роста; но высокая грудь, необыкновенно широкія плечи, жилистыя руки, каменное, мускулистое тѣло, обличали въ немъ силача. Въ разгульной юности, въ молодецкихъ потѣхахъ, кучу военныхъ товарищей, на него нацѣплявшихся, стряхивалъ онъ, какъ брызги воды стряхиваетъ съ себя коренастый дубъ послѣ дождя, когда его покачнетъ вѣтеръ. Правильныя черты лица, прекрасные большіе темноголубые глаза, легко загоравшіеся гнѣвомъ, но тихіе и кроткіе въ часы душевнаго спокойствія, густыя брови, пріятный ротъ — все это вмѣстѣ придавало самое открытое и честное выраженіе его лицу; волосы у него были русые. Не было человѣка, кто-бы ему не вѣрилъ; его слово, его обѣщаніе было крѣпче и святѣе всякихъ духовныхъ и гражданскихъ актовъ. Природный умъ его былъ здравъ и свѣтелъ. Разумѣется, при общемъ невѣжествѣ тогдашнихъ помѣщиковъ, и онъ не получилъ никакого образованія, русскую грамоту зналъ плохо; но служа въ полку, еще до офицерскаго чина, выучился онъ первымъ правиламъ ариѳметики и выкладкѣ на счетахъ, о чемъ любилъ говорить даже въ старости. Вѣроятно, онъ служилъ не очень долго, ибо вышелъ въ отставку какимъ-то полковымъ квартирмейстеромъ. Впрочемъ, тогда дворяне долго служили въ солдатскомъ и унтеръ-офицерскомъ званіяхъ, если не проходили ихъ въ колыбели и не падали всѣмъ на голову изъ сержантовъ гвардіи капитанами въ армейскіе полки. О служебномъ поприщѣ Степана Михайловича я мало знаю; слышалъ только,

[1]) Т.-е. Степанъ Михайловичъ Аксаковъ. Сынъ его назывался не Алексѣемъ, а Тимоѳеемъ (отецъ автора Семейной Хроники). *И. А.*

что онъ бывалъ часто употребляемъ для поимки волжскихъ разбойниковъ, и что всегда оказывалъ благоразумную распорядительность и безумную храбрость въ исполненіи своихъ распоряженій; что разбойники знали его въ лицо и боялись какъ огня. Вышедъ въ отставку, нѣсколько лѣтъ жилъ онъ въ своемъ наслѣдственномъ селѣ Троицкомъ, Багрово тожъ [1]), и сдѣлался отличнымъ хозяиномъ. Онъ не торчалъ день и ночь при крестьянскихъ работахъ, не стоялъ часовымъ при ссыпкѣ и отпускѣ хлѣба; смотрѣлъ рѣдко, да мѣтко, какъ говорятъ русскіе люди, и, ужъ прошу не прогнѣваться, если замѣчалъ что дурное, особенно обманъ, то уже не спускалъ никому. Дѣдушка, сообразно духу своего времени, разсуждалъ по-своему: наказать виноватаго мужика тѣмъ, что отнять у него собственные дни,—значитъ вредить его благосостоянію, то-есть своему собственному; наказать денежнымъ взысканіемъ—тоже; разлучить съ семействомъ, отослать въ другую вотчину, употребить въ тяжелую работу—тоже, и еще хуже, ибо отлучка отъ семейства—несомнѣнная порча; прибѣгнуть къ полиціи... Боже помилуй! да это казалось такимъ срамомъ и стыдомъ, что вся деревня принялась бы выть по виноватомъ, какъ по мертвомъ, а наказанный счелъ-бы себя опозореннымъ, погибшимъ. Да и надо сказать, что дѣдушка мой былъ строгъ только въ пылу гнѣва: прошелъ гнѣвъ, прошла и вина. Этимъ пользовались: иногда виноватый успѣвалъ спрятаться, и гроза проходила мимо. Скоро крестьяне его пришли въ такое положеніе, что было не на кого и не за что разсердиться.

Приведя въ порядокъ свое хозяйство, дѣдушка мой женился на Аринѣ Васильевнѣ Неклюдовой, небогатой дѣвицѣ, также изъ стариннаго дворянскаго дома. При этомъ случаѣ кстати объяснить, что древность дворянскаго происхожденія была конькомъ моего дѣдушки, и хотя у него было 180 душъ крестьянъ, но производя свой родъ, Богъ знаетъ по какимъ документамъ, отъ какого-то варяжскаго князя, онъ ставилъ свое семисотъ-лѣтнее дворянство выше всякаго богатства и чиновъ. Онъ не женился на одной весьма богатой и прекрасной невѣстѣ, которая ему очень нравилась, единственно потому, что прадѣдушка ея былъ не дворянинъ.

[1]) Троицкое, Аксаково тожъ, или Старое Аксаково (Симбирской губерніи), принадлежитъ нынѣ племяннику автора Сем. Хроники, одному изъ сыновей его меньшаго брата Аркадія. *И. А.*

Итакъ вотъ каковъ былъ Степанъ Михайловичъ; теперь возвратимся къ прерванному разсказу.

Переправившись чрезъ Волгу подъ Симбирскомъ, дѣдушка перебилъ поперекъ степную ея сторону, называемую луговою, переѣхалъ Черемшанъ, Кандурчу, чрезъ Красное поселеніе, слободу селившихся тогда отставныхъ солдатъ, и пріѣхалъ въ Сергіевскъ, стоящій на горѣ, при впаденіи рѣки Сургута въ Большой Сокъ. Сергіевскъ нынѣ заштатный городъ, давшій свое имя находящимся въ 12 верстахъ отъ него сѣрнымъ источникамъ, извѣстнымъ подъ названіемъ Сергіевскихъ сѣрныхъ водъ. Чѣмъ дальше углублялся дѣдушка въ Уфимское намѣстничество, тѣмъ привольнѣе, изобильнѣе становились мѣста. Наконецъ въ Бугурусланскомъ уѣздѣ, около Абдуловскаго казеннаго виннаго завода, показались лѣса. Въ уѣздномъ городѣ Бугурусланѣ, расположенномъ на высокой горѣ, надъ рѣкою Большой Кинель, про которую долго пѣвалась пѣсня:

Кинель рѣка
Не быстра, глубока,
Только тиниста—

въ Бугурусланѣ остановился Степанъ Михайловичъ, чтобъ поразспросить и поразузнать поближе о продающихся земляхъ. Въ этомъ уѣздѣ уже мало оставалось земель, принадлежавшихъ Башкирцамъ: всѣ заселялись или казенными крестьянами, которымъ правительство успѣло раздать земли, описанныя въ казну за Акаевскій бунтъ, прежде всеобщаго прощенія и возвращенія земель отчинникамъ — Башкирцамъ, или были уже заселены ихъ собственными припущенниками, или куплены разными помѣщиками. Изъ Бугуруслана дѣдушка дѣлалъ поѣздки въ Бугульминскій, Бирскій и Мензелинскій уѣзды (изъ нѣкоторыхъ частей двухъ послѣднихъ составленъ нынѣ новый Белебеевскій уѣздъ); побывалъ онъ на прекрасныхъ берегахъ Ика и Демы. Мѣста очаровательныя! И въ старости Степанъ Михайловичъ съ восторгомъ вспоминалъ о первомъ впечатлѣніи, произведенномъ на него изобильными, плодоносными окрестностями этихъ рѣкъ; но онъ не поддался обольщенію, и узнавъ покороче на мѣстѣ, что покупка башкирскихъ земель неминуемо поведетъ за собою безконечные споры и тяжбы, ибо хозяева сами хорошенько не знали правъ своихъ и числа

настоящихъ отченниковъ, — дѣдушка мой, ненавидящій и боявшійся, какъ язвы, слова тяжбы, рѣшился купить землю, прежде купленную другимъ владѣльцемъ, *справленную и отказанную за него* судебнымъ порядкомъ, предполагая, что тутъ уже не можетъ быть никакого спора. Казалось, что сужденіе его было справедливо, но на дѣлѣ вышло совсѣмъ другое, и меньшой внукъ его, уже будучи сорока лѣтъ, покончилъ послѣдній споръ. Съ сожалѣніемъ воротился съ береговъ Ика и Демы дѣдушка мой въ Бугурусланъ, и въ двадцати-пяти верстахъ отъ него купилъ землю у помѣщицы Грязевой по рѣчкѣ Большой Бугурусланъ, быстрой, глубокой и многоводной. На сорокъ верстъ протяженія, отъ города Бугуруслана до казеннаго селенія Красный Яръ, оба берега его были не заселены: что за угодье, что за приволье было тогда на этихъ берегахъ! Вода такая чистая, что даже въ омутахъ, сажени въ двѣ глубиною, можно было видѣть на днѣ брошенную мѣдную денежку! Мѣстами росла густая *урема* [1]) изъ березы, осины, рябины, калины, черемухи и чернотала, вся переплетенная зелеными гирляндами хмѣля и обвѣшанная палевыми кистями его шишекъ; мѣстами росла тучная высокая трава съ безчисленнымъ множествомъ цвѣтовъ, надъ которыми возносили верхи свои душистая кашка, татарское мыло (боярская спѣсь), скорлазубецъ (царскія кудри) и кошечья трава (валеріана). Бугурусланъ течетъ по долинѣ; по обѣимъ сторонамъ его тянутся, то тѣснясь, то отступая, отлогія, а иногда и крутыя горы; по скатамъ и отрогамъ ихъ изобильно росъ всякій черный лѣсъ; поднимешься на гору,—тамъ равнина—не початая степь, черноземъ въ аршинъ глубиною. По рѣкѣ и окружающимъ ее индѣ болотамъ, всѣ породы утокъ и куликовъ, гуси, бекасы, дупели и курахтаны вили свои гнѣзда и разнообразнымъ крикомъ и пискомъ наполняли воздухъ; на горахъ же, сейчасъ превращавшихся въ равнины, покрытыя тучною травою, воздухъ оглашался другими особенными свистами и голосами; тамъ водилась во множествѣ вся степная птица: дрофы, журавли, стрепета, кроншнепы и кречетки; по лѣсистымъ отрогамъ жила бездна тетеревовъ; рѣка кишѣла всѣми породами рыбъ, которыя могли сносить ея студеную воду: щуки, окуни, головли, язи, даже кутема и лохъ изо-

---

[1]) Уремой называется лѣсъ и кусты, растущіе около рѣкъ.

бильно водились въ ней; всякаго звѣря и въ степяхъ и лѣсахъ было невѣроятное множество; словомъ сказать: это былъ—да и теперь есть—уголокъ обѣтованный.... Дѣдушка купилъ около пяти тысячъ десятинъ земли и заплатилъ такъ дорого, какъ никто тогда не плачивалъ, по полтинѣ за десятину. Двѣ тысячи пятьсотъ рублей въ то время была великая сумма. Совершивъ купчую крѣпость и принявъ землю во владѣніе, то-есть справивъ и отказавъ ее за собою, весело воротился онъ въ Симбирскую губернію къ ожидавшему его семейству, и живо, горячо принялся за всѣ приготовленія къ немедленному переселенію крестьянъ: дѣло очень хлопотливое и трудное, по довольно большому разстоянію, ибо отъ села Троицкаго до новокупленной земли было около четырехъ сотъ верстъ. Въ ту же осень двадцать тяголъ отправились въ Бугурусланскій уѣздъ, взявъ съ собою сохи, бороны и сѣмянной ржи: на любыхъ мѣстахъ взодрали они дѣвственную почву, обработали двадцать десятинъ озимаго посѣва, то-есть, переломали не пареный залогъ и посѣяли рожь подъ борону; потомъ подняли нови еще двадцать десятинъ для ярового сѣва, поставили нѣсколько избъ и воротились на зиму домой. Въ концѣ зимы другіе двадцать человѣкъ отправились туда же, и съ наступившею весною посѣяли двадцать десятинъ ярового хлѣба, загородили плетнями дворы и хлѣвы, сбили глиняные печи и опять воротились въ Симбирскую губернію; но это не были крестьяне, назначаемые къ переводу; тѣ оставались дома и готовились къ переходу на новыя мѣста: продавали лишній скотъ, хлѣбъ, дворы, избы, всякую лишнюю рухлядь. Наконецъ, въ половинѣ іюня, чтобы поспѣть къ Петрову дню, началу сѣнокоса, нагрузивъ телѣги женами, дѣтьми, стариками и старухами, прикрывъ ихъ согнутыми лубьями отъ дождя и солнца, нагромоздивъ необходимую домашнюю посуду, насажавъ дворовую птицу на верхи возовъ и привязавъ къ нимъ коровъ, потянулись въ путь бѣдные переселенцы, обливаясь горькими слезами, навсегда прощаясь съ *стариною*, съ церковью, въ которой крестились и вѣнчались, и съ могилами дѣдовъ и отцовъ. Переселеніе, тяжкое вездѣ, особенно противно русскому человѣку; но переселяться тогда, въ неизвѣстную бусурманскую сторону, про которую, между хорошими, ходило много и недобрыхъ слуховъ, гдѣ, по отдаленности церквей, надо было и умирать безъ испо-

вѣди и новорожденнымъ младенцамъ долго оставаться не крещенными,—казалось дѣломъ страшнымъ!... За крестьянами отправился и дѣдушка. Новоселившуюся деревню назвалъ Знаменскимъ, давъ обѣтъ, современемъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, построить церковь во имя Знаменія Божія Матери, празднуемаго 27 ноября, что и было исполнено уже его сыномъ [1]). Но крестьяне, а за ними и всѣ окружные сосѣди, назвали новую деревеньку Новымъ Багровымъ, по прозванію своего барина и въ память Старому Багрову, изъ котораго были переведены; даже и теперь одно послѣднее имя извѣстно всѣмъ, а первое остается только въ дѣловыхъ актахъ: богатаго села Знаменскаго съ прекрасною каменною церковью и высокимъ господскимъ домомъ не знаетъ никто. Неусыпно и неослабно смотрѣлъ дѣдушка за крестьянскими и за господскими работами: во-время убрался съ сѣнокосомъ, во-время сжалъ яровое и ржаное и во-время свезъ на гумно. Урожай былъ неслыханный, баснословный. Крестьяне ободрились. Къ ноябрю мѣсяцу у всѣхъ были построены избы, и даже поспѣлъ небольшой господскій флигель. Разумѣется, дѣло не обошлось безъ вспоможенія сосѣдей, которые, не смотря на дальнее разстояніе, охотно пріѣзжали на *помочи* къ новому разумному и ласковому помѣщику,—попить, поѣсть и съ звонкими пѣснями дружно поработать. Зимой дѣдушка отправился въ Симбирскую деревню и перевезъ свое семейство. На слѣдующій годъ уже не такъ трудно было перевесть еще сорокъ душъ и обзавести ихъ хозяйствомъ. Первымъ дѣломъ дѣдушки было въ этотъ же годъ построить мельницу, ибо молоть хлѣбъ надо было ѣздить верстъ за сорокъ. Итакъ, выбравъ заранѣе мѣсто, гдѣ вода была не глубока, дно крѣпко, а берега высоки и также крѣпки, съ обѣихъ сторонъ рѣки подвели къ ней плотину изъ хвороста и земли, какъ двѣ руки, готовыя схватиться, а для большей прочности оплели плотину плетнемъ изъ гибкой ивы; оставалось удержать быструю и сильную воду и заставить ее наполнить назначенное ей водоемище. Съ одной стороны, гдѣ берегъ казался пониже, заранѣе устроенъ былъ мельничный амбаръ на два мукомольные постава съ толчеей. Всѣ снасти были готовы и даже смазаны; на огромныя водяныя колеса,

---

[1]) Село Знаменское, Новое Аксаково тожъ, находится и нынѣ въ Бугурусланскомъ уѣздѣ Самарской губерніи и принадлежитъ племянникамъ С. Т. Аксакова, сыновьямъ его меньшаго брата Аркадія. *И. А.*

черезъ деревянныя трубы *кауза* [1]), должна была броситься рѣка, когда, прегражденная въ своемъ природномъ руслѣ, она наполнитъ широкій прудъ и станетъ выше дна кауза. Когда все уже было готово, и четыре длинныя дубовыя сваи крѣпко вколочены въ твердое, глинистое дно Бугуруслана, поперегъ будущаго вешняка, дѣдушка сдѣлалъ помочь на два дня; сосѣди были приглашены съ лошадьми, телѣгами, лопатами, вилами и топорами. Въ первый день огромныя кучи хвороста изъ нарубленнаго мелкаго лѣса и кустовъ, копны соломы, навозу и свѣжаго дерна были нагромождены по обѣимъ сторонамъ Бугуруслана, до сихъ поръ вольно, неприкосновенно стремившаго свои воды. На другой день, на всходѣ солнца, около ста человѣкъ собрались *занимать заимку*, то-есть, запрудить рѣку. На всѣхъ лицахъ было что-то заботливое и торжественное; всѣ къ чему-то готовились; вся деревня почти не спала эту ночь. Дружно, въ одно и то же мгновенье, съ громкимъ крикомъ сдвинули въ рѣку съ обоихъ береговъ кучи хвороста, сначала связаннаго пучками; много унесло быстрое теченіе воды, но много его, задержаннаго сваями, легло поперегъ рѣчного дна; связанныя копны соломы съ каменьями полетѣли туда же, за ними слѣдовалъ навозъ и земля; опять настилка хвороста, и опять солома и навозъ, и сверху всего толстые слои дерна. Когда все это, кое-какъ затопленное, стало выше поверхности воды, человѣкъ двадцать крестьянъ, дюжихъ и ловкихъ, вскочили на верхъ запруды и начали утаптывать и уминать ее ногами. Все это производилось съ такою быстротою, съ такимъ общимъ рвеніемъ, безпрерывнымъ воплемъ, что всякій проѣзжій или прохожій испугался бы, услыхавъ его, еслибъ не зналъ причины. Но пугаться было некому: одни дикія степи и темные лѣса на далекое пространство оглашались неистовыми криками сотни работниковъ, къ которымъ присоединилось множество голосовъ женскихъ и еще больше ребячьихъ: ибо все принимало участіе въ такомъ важномъ событіи, все суетилось, бѣгало и кричало. Не скоро сладили съ упрямою рѣкой: долго она рвала и уносила хворостъ, солому, навозъ и дернъ; но наконецъ люди одолѣли, вода не могла пробиться болѣе, остановилась, какъ бы задума-

---

[1]) Каузомъ называется деревянный ящикъ, по которому вода бѣжитъ и падаетъ на колеса; около Москвы зовутъ его *дворецъ* (дверецъ), а въ иныхъ мѣстахъ - *скрыни*.

лась, завертѣлась, пошла назадъ, наполнила берега своего русла, затопила, перешла ихъ, стала разливаться по лугамъ, и къ вечеру уже образовался прудъ, или лучше сказать всплыло озеро, безъ береговъ, безъ зелени, травъ и кустовъ, на нихъ всегда растущихъ: кое-гдѣ торчали верхи затопленныхъ погибшихъ деревъ. На другой день затолкла толчея, замолола мельница—и мелетъ и толчетъ до сихъ поръ....

Оренбургская губернія.

Боже мой, какъ, я думаю, была хороша тогда эта дикая, дѣвственная, роскошная природа!.. Нѣтъ, ты уже не та теперь, не та, какою даже и я зазналъ тебя—свѣжею, цвѣтущею, неизмятою отвсюду набѣжавшимъ разнороднымъ народонаселеніемъ! Ты не та, но все еще прекрасна, такъ же обширна, плодоносна и безконечно разнообразна, Оренбургская губернія!.. Дико звучатъ два эти послѣднія слова! Богъ знаетъ, какъ и откуда зашелъ тутъ *бургъ!*.. Но я зазналъ тебя, благословенный край, еще Уфимскимъ намѣстничествомъ!

Чудесный край, благословенный,
Хранилище земныхъ богатствъ,
Не вѣчно будешь ты, забвенный,
Служить для пастырей и паствъ!
И люди набѣгутъ толпами,
Твое приволье полюбя,
И не узнаешь ты себя
Подъ ихъ нечистыми руками:
Помнутъ луга, порубятъ лѣсъ,

Взмутятъ въ водахъ лазурь небесъ!
И горы соляныхъ кристалловъ
По тузлукамъ твоимъ найдутъ,
И руды дорогихъ металловъ
Изъ нѣдръ глубокихъ извлекутъ!
И тукъ земли неистощенный
Всосутъ чужія сѣмена;
Чужія снимутъ племена
Ихъ плодъ сторицей возвращенный;
И въ глубь лѣсовъ и въ даль степей
Разгонятъ дорогихъ звѣрей!

Такъ писалъ о тебѣ, лѣтъ тридцать тому назадъ, одинъ изъ твоихъ уроженцевъ [1]), и все это отчасти уже исполнилось или исполняется съ тобою; но все еще прекрасенъ ты, чудесный край! Свѣтлы и прозрачны, какъ глубокія, огромныя чаши, стоятъ озера твои—Кандры и Каратабынь. Многоводны и многообильны разнообразными породами рыбъ твои рѣки, то быстротекущія по долинамъ и ущельямъ между отраслями Уральскихъ горъ, то свѣтло и тихо незамѣтно-катящіяся по ковылистымъ степямъ твоимъ, подобно яхонтамъ, нанизаннымъ на нитку. Чудны эти степныя рѣки, всѣ изъ безчисленныхъ, глубокихъ водоеминъ, соединяющихся узкими и мелкими протоками, въ которыхъ только и примѣтно теченіе воды. Въ твоихъ быстрыхъ родниковыхъ ручьяхъ, прозрачныхъ и холодныхъ какъ ледъ, даже въ жары знойнаго лѣта, бѣгущихъ подъ тѣнью деревъ и кустовъ — живутъ всѣ породы форелей, изящныхъ по вкусу и красивыхъ по наружности, скоро пропадающихъ, когда человѣкъ начнетъ прикасаться нечистыми руками своими къ дѣвственнымъ струямъ ихъ свѣтлыхъ прохладныхъ жилищъ. Чудесной растительностью блистаютъ твои тучные черноземные, роскошные луга и поля, то бѣлѣющіе весной молочнымъ цвѣтомъ вишенника, клубничника и дикаго персика, то покрытые лѣтомъ, какъ краснымъ сукномъ, ягодами ароматной полевой клубники и мелкою вишнею, зрѣющею позднѣе и темнѣющею къ осени. Обильною жатвой награждается лѣнивый и невѣжественный трудъ пахаря, кое-какъ и кое-гдѣ всковырявшаго жалкою сохою или неуклюжимъ сабаномъ твою плодоносную почву! Свѣжи, зелены и могучи стоятъ твои разнородные черные лѣса, и рои дикихъ пчелъ шумно населяютъ нерукотворныя борти твои, занося ихъ душистымъ липовымъ медомъ. И уфимская куница, болѣе всѣхъ уважаемая, не перевелась еще въ лѣсистыхъ верховьяхъ рѣкъ Уфы и Бѣлой! Мирны и тихи патріархальные первобытные обитатели и хозяева твои, кочевыя башкирскія племена! Много уменьшились, но еще велики, многочисленны конскіе табуны, и коровьи, и овечьи стада ихъ. Еще по прежнему, послѣ жестокой, буранной зимы, отощалые, исхудалые, какъ зимнія мухи, Башкирцы съ первымъ весеннимъ тепломъ, съ первымъ подножнымъ кормомъ,

[1]) Самъ авторъ Семейной Хроники. *И. А.*

выгоняютъ на привольныя мѣста на половину передохшіе отъ голода табуны и стада свои, перетаскиваясь и сами за ними, съ женами и дѣтьми... И вы никого не узнаете черезъ двѣ или три недѣли! Изъ лошадиныхъ остововъ явятся бодрые и неутомимые кони, и уже степной жеребецъ гордо и строго пасетъ косякъ кобылицъ своихъ, не подпуская къ нему ни звѣря, ни человѣка!.. Раздобрѣли тощія, зимнія стада коровъ, полны питательной влагой вымя и сосцы ихъ. Но что Башкирцу до ароматнаго коровьяго молока! Уже поспѣлъ живительный кумысъ, закисъ въ кобыльихъ *турсукахъ* [1]), и все, что можетъ пить, отъ грудного младенца до дряхлаго старика, пьетъ до-пьяна цѣлительный, благодатный, богатырскій напитокъ, и дивно исчезаютъ всѣ недуги голодной зимы и даже старости: полнотой одѣваются осунувшіяся лица, румянцемъ здоровья покрываются блѣдныя, впалыя щеки.—Но страшный и грустный видъ представляютъ покинутыя селенія! Наскачетъ иногда на нихъ, ничего подобнаго невидавшій, заѣзжій путешественникъ, и поразится видомъ опустѣлой, какъ будто вымершей деревни! Дико и печально смотрятъ на него окна разбросанныхъ юртъ съ бѣлыми трубами, лишенныя пузырчатыхъ оконницъ, какъ человѣческія лица съ вытянутыми глазами... Кое-гдѣ лаетъ на привязи сторожевой голодный песъ, котораго изрѣдка навѣщаетъ и кормитъ хозяинъ, кое-гдѣ мяучитъ одичалая кошка, сама промышляющая себѣ пищу,—и никого больше, ни одной души человѣческой...

Какъ живописны и разнообразны, каждая въ своемъ родѣ, лѣсная, степная и гористая твоя полоса, особенно послѣдняя, по скату Уральскаго хребта, всѣми металлами богатая, золотоносная полоса! Какое пространство отъ границъ Вятской и Пермской губерніи, гдѣ по зимамъ не въ рѣдкость замерзаніе ртути, до Гурьева городка на границѣ Астраханской губерніи, гдѣ растетъ мелкій виноградъ на открытомъ воздухѣ, чихиремъ котораго прохлаждаются въ лѣтніе жары, грѣются зимою и торгуютъ Уральскіе казаки! Что за чудесное рыболовство по Уралу! Единственное и по вкусу добываемой *красной рыбы* [2]), и по своему исполненію. Багреньемъ называется это рыболовство, и ждетъ оно горя-

---

[1]) Турсукъ—мѣшокъ изъ сырой кожи, снятой съ лошадиной ноги.

[2]) Красной рыбой называется бѣлуга, осетръ, севрюга, шипъ, бѣлорыбица и другія.

чей и вѣрной кисти, чтобъ возбудить общее вниманіе... Но виноватъ, заговорился я, говоря о моей прекрасной родинѣ. Посмотримъ лучше, какъ продолжаетъ жить и дѣйствовать мой неутомимый дѣдушка.

Новыя мѣста.

Ну, отдохнулъ Степанъ Михайловичъ, и не разъ отъ души перекрестился, когда перебрался на просторъ и приволье береговъ Бугуруслана. Не только повеселѣлъ духомъ, но и поздоровѣлъ тѣломъ. Ни просьбъ, ни жалобъ, ни ссоръ, ни шума! Ни Воейковыхъ, ни Мошенскихъ, ни Сущевыхъ [1])! Ни лѣсныхъ порубокъ, ни хлѣбныхъ потравъ, ни помятыхъ луговъ! Одинъ полный господинъ, не только надъ своей землей, но и надъ чужой. Паси стада, коси траву, руби дрова — никто и слова не скажетъ. Крестьяне тоже какъ-разъ привыкли къ новому мѣсту, и полюбилось имъ оно. Да и какъ не привыкнуть, какъ не полюбить! Изъ безводнаго и лѣсного села Троицкаго, гдѣ было такъ мало луговъ, что съ трудомъ прокармливали по коровѣ да по лошади на тягло, гдѣ съ незапамятныхъ временъ пахали одни и тѣ же загоны, и, не смотря на превосходную почву, конечно, повыпахали и поистощили землю, — переселились они на обширные плодоносные поля и луга, никогда не тронутые ни косой, ни сохой человѣка, на быструю, свѣжую и здоровую воду со множествомъ родниковъ и ключей, на широкій, проточный и рыбный прудъ, и на мельницу у самаго носа, тогда какъ прежде таскались они за двадцать пять верстъ, чтобы смолоть возъ хлѣба, да и то случалось нѣсколько дней ждать очереди. Вы удивитесь, можетъ быть, что я назвалъ Троицкое безводнымъ? Обвините стариковъ, зачѣмъ они выбрали такое мѣсто? Но дѣло было не такъ въ началѣ, и стариковъ винить не за что. Троицкое нѣкогда сидѣло на прекрасной рѣчкѣ Майнѣ, вытекавшей версты за три отъ селенія изъ-подъ Моховыхъ озеръ; да сверхъ того вдоль всего селенія тянулось, хотя не широкое,

---

[1]) Помѣщики, жившіе съ дѣдушкой въ Старомъ Багровѣ и владѣвшіе вмѣстѣ съ нимъ неразмежеванной землей.

но длинное, свѣтлое и въ срединѣ глубокое озеро, дно котораго состояло изъ бѣлаго песка; изъ этого озера даже бѣжалъ ручей, называвшійся *Бѣлый ключъ*. Такъ было въ старину; давно, правда, очень давно. По преданію извѣстно, что Моховыя озера были нѣкогда глубокими, лѣсными, круглыми провалами съ прозрачною, холодною какъ ледъ водою и топкими берегами, что никто не смѣлъ близко подходить къ нимъ, ни въ какое время, кромѣ зимы, что будто бы берега опускались и поглощали дерзкаго нарушителя неприкосновеннаго царства водяныхъ чертей. Но человѣкъ—заклятой и торжествующій измѣнитель лица природы! Старинному преданію, не подтверждаемому новыми событіями, перестали вѣрить, и Моховыя озера мало-по-малу, отъ мочки коноплей у береговъ и отъ пригона стадъ на водопой, позасорились, съ краевъ обмелѣли и даже обсохли отъ вырубки кругомъ лѣса; потомъ заплыли толстою землянистою пеленой, которая поросла мохомъ и скрѣпилась жилообразными корнями болотныхъ травъ, покрылась кочками, кустами и даже сосновымъ лѣсомъ, уже довольно крупнымъ: одинъ провалъ затянуло совсѣмъ, а на другомъ остались два глубокія, огромныя окна, къ которымъ и теперь страшно подходить съ непривычки, потому что земля, со всѣми болотными травами, кочками, кустами и мелкимъ лѣсомъ — опускается и поднимается подъ ногами, какъ зыбкая волна. Отъ уменьшенія, вѣроятно, Моховыхъ озеръ, рѣчка Майна поникла въ верху, и уже выходитъ изъ земли нѣсколько верстъ ниже селенія, а прозрачное, длинное и глубокое озеро превратилось въ грязную вонючую лужу; песчаное дно, на сажень и болѣе, затянуло тиной и всякой дрянью съ крестьянскихъ дворовъ; Бѣлаго ключа давно и слѣдовъ нѣтъ, скоро не будетъ о немъ и памяти.

Переселясь на новыя мѣста, дѣдушка мой принялся, съ свойственными ему неутомимостью и жаромъ, за хлѣбопашество и скотоводство. Крестьяне, одушевленные его духомъ, такъ привыкли работать настоящимъ образомъ, что скоро обстроились и обзавелись какъ старожилы, и въ нѣсколько лѣтъ гумна „Новаго Багрова“ занимали втрое больше мѣста, чѣмъ самая деревня, а табунъ добрыхъ лошадей и стадо коровъ, овецъ и свиней казались принадлежащими какому-нибудь большому и богатому селенію.

Съ легкой руки Степана Махайловича переселеніе въ Уфим-

скій или Оренбургскій край начало умножаться съ каждымъ годомъ. Со всѣхъ сторонъ потянулись Луговая Мордва, Черемисы, Чуваши, Татары и Мещеряки; Русскихъ переселенцевъ, казенныхъ крестьянъ разныхъ вѣдомствъ и разнокалиберныхъ помѣщиковъ также было не мало. Явились и сосѣди у дѣдушки: шуринъ его, Иванъ Васильевичъ Неклюдовъ, купилъ землю въ двадцати верстахъ отъ Степана Михайловича, перевелъ крестьянъ, построилъ деревянную церковь, назвалъ свое село Неклюдовымъ, и самъ переѣхалъ въ него съ семействомъ, чему дѣдушка совсѣмъ не обрадовался: до всѣхъ родственниковъ своей супруги, до всей *Неклюдовщины*,—какъ онъ называлъ ихъ,—Степанъ Михайловичъ былъ большой неохотникъ. Помѣщикъ Бахметевъ купилъ землю еще ближе, верстахъ въ десяти отъ Багрова, на верховьѣ рѣчки Совруши, текущей параллельно съ Бугурусланомъ, на юго-западъ; онъ также перевелъ крестьянъ и назвалъ деревню Бахметевкой. Съ другой стороны, верстахъ въ двадцати по рѣкѣ Насягай или Мочагай, какъ и до сихъ поръ называютъ ее туземцы, также завелось помѣщичье селеніе, Полибино, впослѣдствіи принадлежавшее С. А. Плещееву, а теперь принадлежащее Карамзинымъ. Насягай больше и лучше Бугуруслана: полноводнѣе, рыбнѣе, и птица на немъ водилась и водится гораздо изобильнѣе. По дорогѣ въ Полибино, прямо на востокъ, верстахъ въ восьми отъ Багрова, заселилась, на небольшомъ ручьѣ, большая мордовская деревня Нойкино; верстахъ въ двухъ отъ нея построилась мельница на рѣчкѣ Боклѣ, текущей почти параллельно съ Бугурусланомъ на югъ; недалеко отъ мельницы впадаетъ Бокла въ Насягай, который діагоналемъ съ сѣверо-востока торопливо катитъ свои сильныя и быстрыя вòды прямо на юго-западъ. Верстахъ въ семнадцати отъ Новаго Багрова, принимаетъ онъ въ себя нашъ Бугурусланъ, и усиленный его водами, недалеко отъ города Бугуруслана, соединяется съ Большимъ Кинелемъ, теряя въ немъ знаменательное и звучное свое имя.

Наконецъ появился мордовскій выселокъ, подъ названіемъ Кивацкаго, уже только въ двухъ верстахъ отъ дѣдушки, внизъ по Бугуруслану; это была Мордва, отдѣлившаяся отъ селенія Мордовскій Бугурусланъ, сидѣвшаго на рѣчкѣ Малой Бугурусланчикъ, верстахъ въ девяти отъ Багрова. Степанъ Михайловичъ сначала поморщился отъ близкаго

сосѣдства, напоминавшаго ему старое Троицкое; но тутъ вышло совсѣмъ другое дѣло. Это были добрые, смирные люди, уважавшіе дѣдушку, не менѣе какъ своего волостного начальника. Въ нѣсколько лѣтъ Степанъ Михайловичъ умѣлъ снискать общую любовь и глубокое уваженіе во всемъ околоткѣ. Онъ былъ истиннымъ благодѣтелемъ дальнихъ и близкихъ, старыхъ и новыхъ своихъ сосѣдей, особенно послѣднихъ, по ихъ незнанію мѣстности, недостатку средствъ и по разнымъ надобностямъ, всегда сопровождающимъ переселенцевъ, которые нерѣдко пускаются на такое трудное дѣло, не принявъ предварительныхъ мѣръ, не заготовя хлѣбныхъ запасовъ и даже иногда не имѣя на что купить ихъ. Полные амбары дѣдушки были открыты всѣмъ—бери что угодно. „Сможешь—отдай, при первомъ урожаѣ; не сможешь—Богъ съ тобой“: съ такими словами раздавалъ дѣдушка щедрою рукою хлѣбные запасы на *сѣмены* и *ѣмены*. Къ этому надо прибавить, что онъ былъ такъ разуменъ, такъ снисходителенъ къ просьбамъ и нуждамъ, такъ неизмѣнно вѣренъ каждому своему слову, что скоро сдѣлался истиннымъ оракуломъ вновь заселяющагося уголка обширнаго Оренбургскаго края. Мало того, что онъ помогалъ, онъ воспитывалъ нравственно своихъ сосѣдей! Только правдою можно было получить отъ него все. Кто разъ солгалъ, разъ обманулъ, тотъ и не ходи къ нему на господскій дворъ: не только ничего не получитъ, да въ иной часъ дай Богъ и ноги унести. Много семейныхъ ссоръ примирилъ онъ, много тяжебныхъ дѣлъ потушилъ въ самомъ началѣ. Со всѣхъ сторонъ ѣхали къ нему за совѣтомъ, судомъ и приговоромъ—и свято исполнялись они! Я зналъ внуковъ, правнуковъ тогдашняго поколѣнія, благодарной памяти которыхъ въ изустныхъ разсказахъ переданъ былъ благодѣтельный и строгій образъ Степана Михайловича, не забытаго еще и теперь. Много слыхалъ я простыхъ и вмѣстѣ глубокихъ воспоминаній, сопровождаемыхъ слезами и крестнымъ знаменіемъ объ упокоеніи души его. Неудивительно, что крестьяне любили горячо такого барина; но также любили его и дворовые люди, при немъ служившіе, часто переносившіе страшныя бури его неукротимой вспыльчивости. Впослѣдствіи нѣкоторые изъ молодыхъ слугъ его доживали свой вѣкъ при внукѣ Степана Михайловича, уже стариками; часто разсказывали они о строгомъ, вспыльчивомъ, справедливомъ

и добромъ своемъ старомъ баринѣ, и никогда безъ слезъ о немъ не вспоминали.

И этотъ добрый, благодѣтельный и даже снисходительный человѣкъ омрачался иногда такими вспышками гнѣва, которыя искажали въ немъ образъ человѣческій и дѣлали его способнымъ на ту пору къ жестокимъ, отвратительнымъ поступкамъ. Я видѣлъ его такимъ въ моемъ дѣтствѣ, что случилось много лѣтъ позднѣе того времени, про которое я разсказываю,—и впечатлѣніе страха до сихъ поръ живо въ моей памяти! Какъ теперь гляжу на него: онъ прогнѣвался на одну изъ дочерей своихъ, кажется за то, что она солгала и заперлась въ обманѣ; двое людей водили его подъ руки; узнать было нельзя моего прежняго дѣдушку; онъ весь дрожалъ, лицо дергали судороги, свирѣпый огонь лился изъ его глазъ, помутившихся, потемнѣвшихъ отъ ярости! „Подайте мнѣ ее сюда!“ вопилъ онъ задыхающимся голосомъ. (Это я помню живо: остальное мнѣ часто разсказывали). Бабушка кинулась было ему въ ноги, прося помилованія, но въ одну минуту слетѣлъ съ нея платокъ и волосникъ, и Степанъ Михайловичъ таскалъ за волосы свою тучную, уже старую Арину Васильевну. Между тѣмъ, не только виноватая, но и всѣ другія сестры и даже братъ ихъ съ молодою женою и маленькимъ сыномъ убѣжали изъ дома и спрятались въ рощу, окружавшую домъ; даже тамъ ночевали; только молодая невѣстка воротилась съ сыномъ, боясь простудить его, и провела ночь въ людской избѣ. Долго бушевалъ дѣдушка на просторѣ, въ опустѣломъ домѣ. Наконецъ, уставши колотить Танайченка и Мазана, уставши таскать за косы Арину Васильевну, повалился онъ въ изнеможеніи на постель и наконецъ впалъ въ глубокій сонъ, продолжавшійся до ранняго утра слѣдующаго дня. — Свѣтелъ, ясенъ проснулся на зарѣ Степанъ Михайловичъ, весело крикнулъ свою Аришу, которая сейчасъ прибѣжала изъ сосѣдней комнаты съ самымъ радостнымъ лицомъ, какъ будто вчерашняго ничего не бывало. „Чаю! гдѣ дѣти, Алексѣй, невѣстушка? Подайте Сережу“, говорилъ проснувшійся безумецъ, и всѣ явились, спокойные и веселые, кромѣ невѣстки съ сыномъ [1]). Это была женщина сама съ сильнымъ

[1]) Невѣстка съ сыномъ Сережей, жена Тимоѳея Степановича, Марія Николаевна Аксакова, урожденная Зубова, мать автора Семейной Хроники. Во всей первой половинѣ Хроники она выступаетъ подъ названіемъ Софьи Николаевны, урожденной Зубиной. *И. А.*

характеромъ, и ни какія просьбы не могли ее заставить такъ скоро броситься съ ласкою къ вчерашнему дикому звѣрю, да и маленькій сынъ безпрестанно говорилъ: „боюсь дѣдушки, не хочу къ нему“. Чувствуя себя въ самомъ дѣлѣ не хорошо, она сказалась больною и не пустила сына. Всѣ пришли въ ужасъ, ждали новой грозы. Но во вчерашнемъ дикомъ звѣрѣ сегодня уже проснулся человѣкъ. Послѣ чаю и шутливыхъ разговоровъ, свекоръ самъ пришелъ къ невѣсткѣ, которая дѣйствительно была нездорова, похудѣла, перемѣнилась въ лицѣ и лежала въ постели. Старикъ присѣлъ къ ней на кровать, обнялъ ее, поцѣловалъ, назвалъ красавицей-невѣстынькой, обласкалъ внука и наконецъ ушелъ, сказавши, что ему „безъ невѣстыньки будетъ скучно“. Черезъ полчаса невѣстка, щегольски, по городскому разодѣтая, въ томъ самомъ платьѣ, про которое свекоръ говорилъ, что оно особенно идетъ ей къ лицу, держа сына за руку, вошла къ дѣдушкѣ. Дѣдушка встрѣтилъ ее почти со слезами: „Вотъ и больная невѣстка себя не пожалѣла, встала, одѣлась и пришла развеселить старика“, сказалъ онъ съ нѣжностью. Закусили губы и потупили глаза свекровь и золовки, всѣ не любившія невѣстку, которая почтительно и весело отвѣчала на ласки свекра, бросая гордые и торжествующіе взгляды на своихъ недоброхотокъ.... Но я не стану болѣе говорить о темной сторонѣ моего дѣдушки; лучше опишу вамъ одинъ изъ его добрыхъ, свѣтлыхъ дней, о которыхъ я много наслышался.

Добрый день Степана Михайловича.

Въ исходѣ іюня стояли сильные жары. Послѣ душной ночи, потянулъ на разсвѣтѣ восточный, свѣжій вѣтерокъ, всегда упадающій, когда обогрѣетъ солнце. На восходѣ его проснулся дѣдушка. Жарко было ему спать въ небольшой горницѣ, хотя съ поднятымъ на всю подставку подъемомъ старинной оконной рамы съ мелкимъ переплетомъ, но за то въ пологу изъ домашней рѣдинки. Предосторожность необходимая: безъ полога заѣли бы его злые комары и не дали уснуть. Роями носились и тыкались длинными жалами своими въ тонкую преграду крылатые музыканты, и всю ночь

пѣли ему докучныя серенады. Смѣшно сказать, а грѣхъ утаить, что я люблю дишкантовый пискъ и даже кусанье комаровъ; въ нихъ слышно мнѣ знойное лѣто, роскошныя безсонныя ночи, берега Бугуруслана, обросшіе зелеными кустами, изъ которыхъ со всѣхъ сторонъ неслись соловьиныя пѣсни; я помню замираніе молодого сердца и сладкую, безочетную грусть, за которую отдалъ бы теперь весь остатокъ угасающей жизни.... Проснулся дѣдушка, обтеръ жаркою рукою потъ съ крутого, высокаго лба своего, высунулъ голову изъ подъ полога и разсмѣялся. Ванька Мазанъ и Никанорка Танайченокъ храпѣли въ растяжку на полу, въ каррикатурно-живописныхъ положеніяхъ. „Экъ храпятъ собачьи дѣти!“ сказалъ дѣдушка и опять улыбнулся. Степанъ Михайловичъ былъ загадочный человѣкъ: послѣ такого сильнаго словеснаго приступа, слѣдовало бы ожидать толчка калиновымъ подожкомъ (всегда у постели его стоявшимъ) въ бокъ спящаго, или пинка ногой, даже привѣтствія стуломъ: но дѣдушка разсмѣялся, просыпаясь, и на весь день попалъ въ добрый стихъ, какъ говорится. Онъ всталъ безъ шума, разъ-другой перекрестился, надѣлъ порыжѣлыя, кожаныя туфли на босыя ноги, и въ одной рубахѣ изъ крестьянской оброчной льняной холстины (ткацкаго тонкаго полотна на рубашки бабушка ему не давала) вышелъ на крыльцо, гдѣ пріятно обхватила его утренняя, влажная свѣжесть. Я сейчасъ сказалъ, что ткацкаго холста на рубашки Арина Васильевна не давала Степану Михайловичу, и всякій читатель вправѣ замѣтить, что это не сообразно съ характерами обоихъ супруговъ. Но какъ же быть, прошу не прогнѣваться, такъ было на дѣлѣ: женская натура торжествовала надъ мужскою, какъ и всегда! Не разъ битая за толстое бѣлье, бабушка продолжала подавать его и, наконецъ, пріучила къ нему старика. Дѣдушка употребилъ однажды самое дѣйствительное, послѣднее средство: онъ изрубилъ топоромъ на порогѣ своей комнаты все бѣлье, сшитое изъ оброчной льняной холстины, не смотря на вопли моей бабушки, которая умоляла, чтобъ Степанъ Михайловичъ „билъ ее, да своего добра не рубилъ....“ но и это средство не помогло: опять явилось толстое бѣлье—и старикъ покорился.... Виноватъ, опровергая мнимое замѣчаніе читателя, я прервалъ разсказъ про „добрый день моего дѣдушки“. Никого не безпокоя, онъ самъ досталъ войлочный потникъ, лежавшій всегда въ чуланѣ, подослалъ его подъ

себя на верхней ступени крыльца и сѣлъ встрѣчать солнышко по всегдашнему своему обычаю.—Передъ восходомъ солнца бываетъ весело на сердцѣ у человѣка какъ-то безсознательно; а дѣдушкѣ сверхъ того весело было глядѣть на свой господскій дворъ, всѣми нужными по хозяйству строеніями тогда уже достаточно снабженный. Правда, дворъ былъ не обгороженъ, и выпущенная съ крестьянскихъ дворовъ скотина, собираясь въ общее мірское стадо, для выгона въ поле, посѣщала его мимоходомъ, какъ это было и въ настоящее утро и какъ всегда повторялось по вечерамъ. Нѣсколько запачканныхъ свиней потирались и почесывались о самое то крыльцо, на которомъ сидѣлъ дѣдушка, и, хрюкая, лакомились раковыми скорлупами и всякими столовыми объѣдками, которые безъ церемоніи выкидывались у того же крыльца; заходили также и коровы и овцы; разумѣется, отъ ихъ посѣщеній оставались неопрятные слѣды; но дѣдушка не находилъ въ этомъ ничего непріятнаго, а напротивъ любовался, глядя на здоровый скотъ, какъ на вѣрный признакъ довольства и благосостоянія своихъ крестьянъ. Скоро громкое хлопанье длиннаго пастушьяго кнута угнало посѣтителей. Начала просыпаться дворня. Дюжій конюхъ Спиридонъ, котораго до глубокой старости звали „Спирькой", выводилъ, одного за другимъ, двухъ рыжепѣгихъ и третьяго бураго жеребца, привязывалъ ихъ къ столбу, чистилъ и проминалъ на длинной коновязи, при чемъ дѣдушка любовался ихъ статями, заранѣе любовался и тою породою, которую надѣялся повести отъ нихъ, въ чемъ и успѣлъ совершенно. Проснулась и старая ключница, спавшая на погребицѣ, вышла изъ погреба, сходила на Бугурусланъ умыться, повздыхала, поохала (это была ея неизмѣнная привычка), помолилась Богу, оборотясь къ солнечному восходу, и принялась мыть, полоскать, чистить горшки и посуду. Весело кружились въ небѣ, щебетали и пѣли ласточки и косаточки, звонко били перепела въ поляхъ, разсыпались въ воздухѣ пѣсни жаворонковъ, надсѣдаясь, хрипло кричали въ кустахъ дергуны; подсвистываніе погонышей, токованье и блеянье дикаго барашка неслись съ ближняго болота, варакушки въ запуски передразнивали соловьевъ,—выкатывалось изъ-за горы яркое солнце!... Задымились крестьянскія избы, погнулись по вѣтру сизые столбы дыма, точно вереница рѣчныхъ судовъ выкинула свои флаги; потянулись мужички въ поле.... Захотѣлось дѣдушкѣ

умыться студеной водою и потомъ напиться чаю. Разбудилъ онъ безобразно спавшихъ слугъ своихъ. Повскакали они, какъ полоумные, въ испугѣ, но веселый голосъ Степана Михайловича скоро ободрилъ ихъ: „Мазанъ, умываться! Танайченокъ, будить Аксютку и барыню,—чаю!“ Не нужно было повторять приказаній: неуклюжій Мазанъ уже летѣлъ со всѣхъ ногъ съ мѣднымъ, свѣтлымъ рукомойникомъ на родникъ за водою; а проворный Танайченокъ разбудилъ некрасивую молодую дѣвку Аксютку, которая, поправляя свалившійся на бокъ платокъ, уже будила старую дородную барыню Арину Васильевну. Въ нѣсколько минутъ весь домъ былъ на ногахъ, и всѣ уже знали, что старый баринъ проснулся веселъ. Черезъ четверть часа стоялъ у крыльца столъ, накрытый бѣлою браною скатерткой домашняго издѣлья, кипѣлъ самоваръ въ видѣ огромнаго мѣднаго чайника, суетилась около него Аксютка, и здоровалась старая барыня, Арина Васильевна, съ Степаномъ Михайловичемъ, не охая и не стоная, что было нужно въ иное утро, а весело и громко спрашивала его о здоровьѣ: „какъ почивалъ, и что во снѣ видѣлъ?“ Ласково поздоровался дѣдушка съ своей супругой и назвалъ ее Аришей; онъ никогда не цѣловалъ ея руки, а свою давалъ цѣловать въ знакъ милости. Арина Васильевна разцвѣла и помолодѣла: куда дѣвалась ея тучность и неуклюжесть! Сейчасъ принесла скамеечку и усѣлась возлѣ дѣдушки на крыльцѣ, чего никогда не смѣла дѣлать, если онъ не ласково встрѣчалъ ее. —„Напьемся-ка вмѣстѣ чайку, Ариша!“ заговорилъ Степанъ Михайловичъ, „покуда не жарко. Хотя спать было душно, а спалъ я крѣпко, такъ что и сны всѣ заспалъ. Ну, а ты?“ Такой вопросъ былъ необыкновенная ласка, и бабушка поспѣшно отвѣчала, что которую ночь Степанъ Михайловичъ хорошо почиваетъ, ту и она хорошо спитъ; но что Танюша всю ночь металась. Танюша была меньшая дочь, и старикъ любилъ ее больше другихъ дочерей, какъ это часто случается; онъ обезпокоился такими словами и не приказалъ будить Танюшу до тѣхъ поръ, покуда сама не проснется. Татьяну Степановну разбудили вмѣстѣ съ Александрой и Елизаветой Степановнами, и она уже одѣлась; но объ этомъ сказать не осмѣлились. Танюша проворно раздѣлась, легла въ постель, велѣла затворить ставни въ своей горницѣ, и хотя заснуть не могла, но пролежала въ потемкахъ часа два; дѣдушка остался доволенъ, что Танюша

хорошо выспалась. Единственнаго сынка, которому было девять лѣтъ, никогда не будили рано. Старшія дочери явились немедленно. Степанъ Михайловичъ ласково далъ имъ поцѣловать руку и назвалъ одну Лизынькой, а другую Лексаней. Обѣ были очень не глупы; Александра же соединяла съ хитрымъ умомъ отцовскую живость и вспыльчивость, но добрыхъ свойствъ его не имѣла. Бабушка была женщина самая простая и находилась въ полномъ распоряженіи у своихъ дочерей; если иногда она осмѣливалась хитрить съ Степаномъ Михайловичемъ, то единственно по ихъ наущенію, что, по неумѣнью, рѣдко проходило ей даромъ и что старикъ зналъ наизусть; онъ зналъ и то, что дочери готовы обмануть его при всякомъ удобномъ случаѣ, и только отъ скуки, или для сохраненія собственнаго покоя, разумѣется будучи въ хорошемъ расположеніи духа, позволялъ имъ думать, что онѣ надуваютъ его; при первой же вспышкѣ, все это высказывалъ имъ, безъ пощады, въ самыхъ нецеремонныхъ выраженіяхъ, а иногда и бивалъ; но дочери, какъ настоящія Евины внучки, не унывали: проходилъ часъ гнѣва, прояснялось лицо отца, и онѣ сейчасъ принимались за свои хитрые планы, и не рѣдко успѣвали.

Накушавшись чаю и поговоря о всякой всячинѣ съ своей семьей, дѣдушка собрался въ поле. Онъ уже давно сказалъ Мазану: „лошадь!“ — и старый бурый меренъ, запряженный въ длинныя крестьянскія дроги или роспуски, чрезвычайно покойныя, переплетенныя частою веревочной рѣшеткою, съ длиннымъ лубкомъ по срединѣ, накрытымъ войлокомъ, уже стоялъ у крыльца. Конюхъ Спиридонъ сидѣлъ кучеромъ въ незатѣйливомъ костюмѣ, то есть, просто въ одной рубахѣ, босикомъ, подпоясанный шерстянымъ, тесемочнымъ краснымъ поясомъ, на которомъ висѣлъ ключъ и мѣдный гребень. Въ предъидущій разъ Спиридонъ ѣздилъ въ такую же экспедицію даже безъ шляпы; но дѣдушка побранилъ его за то, и на этотъ разъ онъ приготовилъ себѣ что-то въ родѣ шапки, сплетенной изъ широкихъ лыкъ: дѣдушка посмѣялся надъ его *шлычкой,* и надѣвъ *полевой* кафтанъ изъ небѣленаго домашняго холста да картузъ, и подостлавъ подъ себя про запасъ отъ дождя армякъ, сѣлъ на дроги. Спиридонъ также подложилъ подъ себя сложенный втрое свой обыкновенный зипунъ, изъ крестьнскаго бѣлаго сукна, но окрашенный въ ярко-красный цвѣтъ марены, которой много родилось въ

поляхъ. Этотъ красный цвѣтъ былъ въ такомъ употребленіи у стариковъ, что багровскихъ дворовыхъ сосѣди звали „маренниками"; я самъ слыхалъ это прозвище, лѣтъ пятнадцать послѣ смерти дѣдушки. Въ полѣ Степанъ Михайловичъ былъ всѣмъ доволенъ. Онъ осмотрѣлъ отцвѣтавшую рожь, которая, въ человѣка вышиною, стояла какъ стѣна; дулъ легкій вѣтерокъ, и синія лиловыя волны ходили по ней, то свѣтлѣе, то темнѣе отражаясь на солнцѣ. Любо было глядѣть хозяину на такое поле! Дѣдушка объѣхалъ молодые овсы, полбы и всѣ яровые хлѣба́; потомъ отправился въ паровое поле и приказалъ возить себя взадъ и впередъ по вспареннымъ десятинамъ. Это былъ его обыкновенный способъ узнавать доброту пашни; всякая цѣлизна, всякое нетронутое сухое мѣстечко сейчасъ встряхивало качкія дроги, и если дѣдушка бывалъ не въ духѣ, то на такомъ мѣстѣ втыкалъ палочку или прутикъ, посылалъ за старостой, если его не было съ нимъ, и расправа производилась немедленно. Въ этотъ разъ все шло благополучно; можетъ быть и попадались цѣлизны, только Степанъ Михайловичъ ихъ не замѣчалъ или не хотѣлъ замѣтить. Онъ заглянулъ также на мѣста степныхъ сѣнокосовъ и полюбовался густой высокой травой, которую чрезъ нѣсколько дней надо было косить. Онъ побывалъ и на крестьянскихъ поляхъ, чтобы знать самому, у кого уродился хлѣбъ хорошо и у кого плохо; даже паръ крестьянскій объѣхалъ и попробовалъ, все замѣтилъ и ничего не забылъ. Проѣзжая чрезъ залежи и увидѣвъ поспѣвавшую клубнику, дѣдушка остановился и, съ помощью Мазана, набралъ большую кисть крупныхъ, чудныхъ ягодъ и повезъ домой своей Аришѣ. Не смотря на жаръ, онъ проѣздилъ почти до полдень. Только завидѣли спускающіяся съ горы дѣдушкины дроги—кушанье уже стояло на столѣ, и вся семья ожидала хозяина на крыльцѣ. „Ну, Ариша, весело сказалъ дѣдушка, какіе хлѣба́ даетъ намъ Богъ! Велика милость Господня! А вотъ тебѣ и клубничка". Бабушка растаяла отъ радости; „на половину поспѣла", продолжалъ онъ: „съ завтрашняго дня посылать по ягоды." Говоря эти слова, онъ входилъ въ переднюю; запахъ горячихъ щей несся ему на встрѣчу изъ залы. „А, готово!" еще веселѣе сказалъ Степанъ Михайловичъ: „спасибо"; и не заходя въ свою комнату, прямо прошелъ въ залу и сѣлъ за столъ. Надобно сказать, у дѣдушки былъ обычай: когда онъ возвращался съ поля, рано или позд-

но,—чтобъ кушанье стояло на столѣ, и Боже сохрани, если прозѣваютъ его возвращеніе и не успѣютъ подать обѣда. Бывали примѣры, что отъ этого происходили печальныя послѣдствія. Но въ этотъ блаженный день все шло, какъ по маслу, все удавалось. Здоровенный дворовый парень, Николка Рузанъ, сталъ за дѣдушкой съ цѣлымъ сучкомъ березы, чтобы обмахивать его отъ мухъ. Горячія щи, отъ которыхъ русскій человѣкъ не откажется въ самые палящіе жары, дѣдушка хлебалъ деревянной ложкой, потому-что серебряная обжигала ему губы; за ними слѣдовала ботвинья со льдомъ, съ прозрачнымъ балыкомъ, желтой какъ воскъ соленой осетриной и съ чищенными раками, и тому подобныя легкія блюда. Все это запивалось домашней брагой и квасомъ, также со льдомъ. Обѣдъ былъ превеселый.... Всѣ говорили громко, шутили, смѣялись; но бывали обѣды, которые проходили въ страшной тишинѣ и безмолвномъ ожиданіи какой-нибудь вспышки. Всѣ дворовые мальчишки и дѣвченки знали, что старый баринъ весело кушаетъ, и всѣ набились въ залу за подачками; дѣдушка щедро одѣлялъ всѣхъ, потому что кушанья готовилось впятеро болѣе, чѣмъ было нужно. Послѣ обѣда, онъ сейчасъ легъ спать. Вымахали мухъ изъ полога, опустили его надъ дѣдушкой, подтыкали кругомъ края подъ перину; скоро сильный храпъ возвѣстилъ, что хозяинъ спитъ богатырскимъ сномъ. Всѣ разошлись по своимъ мѣстамъ также отдыхать. Мазанъ и Танайченокъ, предварительно пообѣдавъ и наглотавшись объѣдковъ отъ барскаго стола, также растянулись на полу въ передней, у самой двери въ дѣдушкину горницу. Они спали и до обѣда, но и теперь не замедлили заснуть; только духота и упёка отъ солнца, ярко свѣтившаго въ окна, скоро ихъ разбудила. Отъ сна и отъ жара пересохло у нихъ въ горлѣ; захотѣлось имъ прохладить горячія гортани господской бражкой съ ледкомъ, и вотъ на какую штуку пустились дерзкіе лежебоки: въ непритворенную дверь достали они дѣдушкинъ халатъ и колпакъ, лежавшіе на стулѣ у самой двери. Тайначенокъ надѣлъ на себя барское платье и сѣлъ на крыльцо, а Мазанъ побѣжалъ со жбаномъ на погребъ, разбудилъ ключницу, которая, какъ и всѣ въ домѣ, спала мертвымъ сномъ, требовалъ поскорѣе проснувшемуся барину студеной браги, и когда ключница изъявила сомнѣніе, проснулся ли баринъ,—Мазанъ указалъ ей на фигуру Танайченка, сидящаго на крыльцѣ въ халатѣ и колпакѣ; нацѣдили

браги, положили льду, проворно побѣжалъ Мазанъ съ добычей. Жбанъ выпили по-братски, положили халатъ и колпакъ на старое мѣсто, и цѣлый часъ еще дожидались, пока проснется дѣдушка. Еще веселѣе утрешняго проснулся баринъ, и первое его слово было: „студеной бражки“. Перепугались лакеи: Танайченокъ побѣжалъ къ ключницѣ, которая сейчасъ догадалась, что первый жбанъ выпили они сами; она отпустила пойла, но вслѣдъ за посланнымъ сама подошла къ крыльцу, на которомъ сидѣлъ уже въ халатѣ настоящій баринъ. Съ первыхъ словъ обманъ открылся, и дрожащіе отъ страха Мазанъ и Танайченокъ повалились барину въ ноги, и что-жъ, вы думаете, сдѣлалъ дѣдушка?.... Расхохотался, послалъ за Аришей и за дочерьми, и, громко смѣясь, расказалъ имъ всю продѣлку своихъ слугъ. Отдохнули бѣдняги отъ страха, и даже одинъ изъ нихъ улыбнулся. Степанъ Михайловичъ замѣтилъ и чуть-чуть не разсердился; брови его начали было морщиться, но въ его душѣ такъ много было тихаго спокойствія отъ цѣлаго веселаго дня, что лобъ его разгладился, и, грозно взглянувъ, онъ сказалъ: „ну, Богъ проститъ на этотъ разъ; но если въ другой“.... договаривать было не нужно.

Нельзя не подивиться, что у такого до безумія горячаго и въ горячности жестокаго господина люди могли рѣшиться на такую наглую шалость. Но много разъ я замѣчалъ въ продолженіи моей жизни, что у самыхъ строгихъ господъ прислуга пускалась на отчаянныя проказы. Съ дѣдушкой же моимъ это былъ не единственный случай. Тотъ же самый Ванька Мазанъ, подметая однажды горницу Степана Михайловича и собираясь перестлать постель, соблазнился мягкой пуховой периной и такими же подушками, вздумалъ понѣжиться, полежать на барской кровати, легъ, да и заснулъ. Дѣдушка самъ нашелъ его, крѣпко спящаго въ этомъ положеніи, и — только разсмѣялся! Правда, онъ отвѣсилъ ему добрый разъ своимъ калиновымъ подожкомъ; но это такъ, ради смѣха, чтобъ позабавиться испугомъ Мазана. Впрочемъ, съ Степаномъ Михайловичемъ и не то случилось: во время его отсутствія, выдали замужъ четырнадцати-лѣтнюю дѣвочку, двоюродную его сестру П. И. Багрову [1]), круглую, но очень

[1]) Т. е. Надежду Ивановну Аксакову. Это происшествіе разсказано въ слѣдующемъ отрывкѣ Семейной Хроники. *И. А.*

богатую сироту, жившую у него въ домѣ и горячо имъ любимую—за такого развратнаго и страшнаго человѣка, котораго онъ терпѣть не могъ. Конечно, это дѣло устроили близкіе родные его сестры съ материнской стороны, но съ согласія Арины Васильевны и при содѣйствіи ея дочерей. Объ этомъ я разскажу послѣ, теперь же возвратимся къ доброму дню моего дѣдушки.

Онъ проснулся часу въ пятомъ по полудни, и, послѣ студеной бражки, не смотря на палящій зной, скоро захотѣлъ накушаться чаю, вѣруя, что горячее питье уменьшаетъ тягость жара. Онъ сходилъ только искупаться въ прохладномъ Бугурусланѣ, протекавшемъ подъ окнами дома, и, воротясь, нашелъ всю свою семью, ожидающую его у того же чайнаго стола, поставленнаго въ тѣни, съ тѣмъ же кипящимъ чайникомъ-самоваромъ и съ тою же Аксюткою. Накушавшись до-сыта любимаго потогоннаго напитка, съ густыми сливками и толстыми подрумянившимися пѣнками, дѣдушка предложилъ всѣмъ ѣхать для прогулки на мельницу. Разумѣется, всѣ съ радостью согласились, и двѣ тетки мои, Александра и Татьяна Степановны, взяли съ собой удочки, потому что были охотницы до рыбной ловли. Въ одну минуту запрягли двое длинныхъ дрогъ: на однихъ сѣлъ дѣдушка съ бабушкой, посадивъ промежъ себя единственнаго своего наслѣдника, драгоцѣнную отрасль древняго своего дворянскаго рода; на другихъ дрогахъ помѣстились три тетки и парень, Николашка Рузанъ, взятый для того, чтобъ нарыть на плотинѣ червяковъ и насаживать ими удочки у барышень. На мельницѣ бабушкѣ принесли скамейку, и она усѣлась въ тѣни мельничнаго амбара, неподалеку отъ кауза, около котораго удили ея меньшія дочери, а старшая, Елизавета Степановна, сколько изъ угожденія къ отцу, столько и по собственному расположенію къ хозяйству, пошла съ Степаномъ Михайловичемъ осматривать мельницу и толчею. Малолѣтный сынокъ то смотрѣлъ, какъ удятъ рыбу сестры (самому ему удить на глубокихъ мѣстахъ еще не позволяли), то игралъ около матери, которая не спускала съ него глазъ, боясь, чтобъ ребенокъ не свалился какъ-нибудь въ воду. Оба камня мололи: однимъ обдирали пшеницу для господскаго стола, а на другомъ мололи завозную рожь; толчея толкла просо. Дѣдушка былъ знатокъ всякаго хозяйственнаго дѣла; онъ хорошо разумѣлъ мельничный уставъ и толковалъ

своей умной и понятливой дочери всѣ тонкости этого дѣла. Онъ мигомъ увидѣлъ всѣ недостатки въ снастяхъ или ошибки въ уставѣ жернововъ: одинъ изъ нихъ приказалъ опустить на пол-зарубки, и мука пошла мельче, чѣмъ помолецъ былъ очень доволенъ; на другомъ поставѣ по слуху угадалъ, что одна цѣвка въ шестернѣ начала подтираться; онъ приказалъ запереть воду; мельникъ Болтуненокъ соскочилъ внизъ, осмотрѣлъ и ощупалъ шестерню, и сказалъ: „Правда твоя, батюшка Степанъ Михайловичъ! одна цѣвка маленько пообтерлась.“—„То-то маленько“, безъ всякаго неудовольствія возразилъ дѣдушка; „кабы я не пришелъ, такъ шестерня-то бы ночью сломалась.“—„Виноватъ, Степанъ Михайловичъ, не доглядѣлъ.“—„Ну, Богъ проститъ, давай новую шестерню, а у старой подтертую цѣвку перемѣнить, да чтобы новая была не толще, не тоньше другихъ—въ этомъ вся штука.“ Сейчасъ принесли новую шестерню, заранѣе прилаженную и пробованную, вставили на мѣсто прежней, смазали, гдѣ надобно, дегтемъ, пустили воду не вдругъ, а понемногу (тоже по приказанію дѣдушки), — и запѣлъ, замололъ жерновъ безъ перебоя, безъ стука, а плавно и ровно. Потомъ пошелъ дѣдушка съ своей дочерью на толчею, захватилъ изъ ступы горсть толченаго проса, обдулъ его на ладони и сказалъ помольщику, знакомому Мордвину: „чего смотришь, сосѣдъ Васюха? Видишь, ни одного неотолченнаго зернышка нѣтъ. Вѣдь перепустишь, такъ пшена-то будетъ меньше.“ Васюха самъ попробовалъ и самъ увидѣлъ, что дѣдушка говоритъ правду; сказалъ спасибо, поклонился, то-есть, кивнулъ головой, и побѣжалъ запереть воду. Оттуда прошелъ дѣдушка съ своей ученицей на птичный дворъ; тамъ все нашелъ въ отличномъ порядкѣ: гусей, утокъ, индѣекъ и куръ было великое множество, и за всѣмъ смотрѣла одна пожилая баба съ внучкой. Въ знакъ особенной милости, дѣдушка далъ обѣимъ поцѣловать ручку и приказалъ, сверхъ мѣсячины, выдавать птичницѣ ежемѣсячно по полупуду пшеничной муки на пироги. Весело воротился Степанъ Михайловичъ къ Аринѣ Васильевнѣ, всѣмъ былъ онъ доволенъ: и дочь понятна, и мельница хорошо мелетъ, и птичница Татьяна Горожана [1]) хорошо смотритъ за птицею.

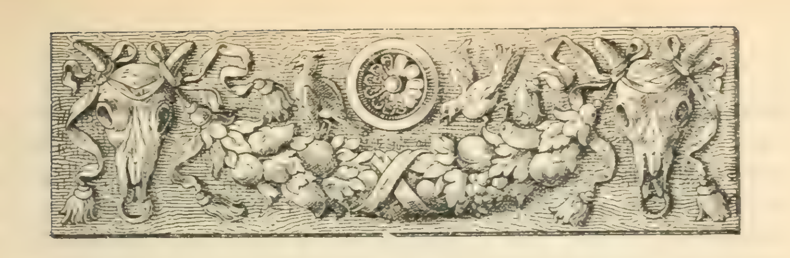
---

[1]) Прозванье „Горожаны“ она имѣла потому, что нѣсколько времени съ-молоду жила въ какомъ-то городѣ.

Жаръ давно свалилъ, прохлада отъ воды умножала прохладу отъ наступающаго вечера, длинная туча пыли шла по дорогѣ и приближалась къ деревнѣ, слышалось въ ней блеянье и мычанье стада, опускалось за крутую гору потухающее солнце. Стоя на плотинѣ, любовался Степанъ Михайловичъ на широкій прудъ, какъ зеркало неподвижно лежавшій въ отлогихъ берегахъ своихъ; рыба играла и плескалась безпрестанно; но дѣдушка не былъ рыбакомъ. — „Пора, Ариша, домой; староста, чай, ждетъ меня", сказалъ онъ. Меньшія дочери, видя его въ веселомъ расположеніи, стали просить позволенія остаться поудить, говоря, что на солнечномъ закатѣ рыба клюетъ лучше, и что черезъ полчаса онѣ придутъ пѣшкомъ. Дѣдушка согласился и уѣхалъ съ бабушкой домой на своихъ дрогахъ, а Елизавета Степановна съ маленькимъ братомъ сѣла на другія дроги. Степанъ Михайловичъ не ошибся: у крыльца ожидалъ его староста, да и не одинъ, а съ нѣсколькими мужиками и бабами. Староста уже видѣлъ барина, зналъ, что онъ въ веселомъ духѣ, и разсказалъ о томъ кое-кому изъ крестьянъ; нѣкоторые, имѣвшіе до дѣдушки надобности или просьбы, выходящія изъ числа обыкновенныхъ, воспользовались благопріятнымъ случаемъ, и всѣ были удовлетворены: дѣдушка далъ хлѣба крестьянину, который не заплатилъ еще стараго долга, хотя и могъ это сдѣлать; другому позволилъ женить сына, не дожидаясь зимняго времени, и не на той дѣвкѣ, которую назначилъ самъ; позволилъ виноватой солдаткѣ, которую приказалъ было выгнать изъ деревни, жить по прежнему у отца, и проч. Этого мало: всѣмъ было поднесено по серебряной чаркѣ, вмѣщавшей въ себѣ болѣе квасного стакана, домашняго крѣпкаго вина. Коротко и ясно отдалъ дѣдушка хозяйственныя приказанія старостѣ и поспѣшилъ за ужинъ, нѣсколько времени его уже ожидавшій. Вечерній столъ мало отличался отъ обѣденнаго, и вѣроятно кушали за нимъ даже поплотнѣе, потому что было не такъ жарко. Послѣ ужина Степанъ Михайловичъ имѣлъ обыкновеніе еще съ полчаса посидѣть въ одной рубахѣ и прохладиться на крыльцѣ, отпустя семью свою на покой. Въ этотъ разъ, нѣсколько долѣе обыкновеннаго онъ шутилъ и смѣялся съ своей прислугой; заставлялъ Мазана и Танайченка бороться и драться на кулачки, и такъ ихъ поддразнивалъ, что они, не шутя, колотили другъ друга и вцѣпились даже въ волосы; но дѣдушка, до-сыта насмѣ-

явшись, повелительнымъ словомъ и голосомъ заставилъ ихъ опомниться и разойтись.

Лѣтняя, короткая, чудная ночь обнимала всю природу. Еще не угась свѣтъ вечерней зари и не угаснетъ до начала сосѣдней утренней зари! Часъ отъ часу темнѣла глубь небеснаго свода, часъ отъ часу ярче сверкали звѣзды. громче раздавались голоса и крики ночныхъ птицъ, какъ-будто они приближались къ человѣку! Ближе шумѣла мельница и толкла толчея въ ночномъ сыромъ туманѣ.... Всталъ мой дѣдушка съ своего крылечка, перекрестился разъ-другой на звѣздное небо и легъ почивать, не смотря на духоту въ комнатѣ, на жаркій пуховикъ, и приказалъ опустить на себя пологъ.

Второй отрывокъ изъ Семейной Хроники.

Михайла Максимовичъ КУРОЛЕСОВЪ [1].

Я обѣщалъ разсказать особо объ Михайлѣ Максимовичѣ Куролесовѣ и его женитьбѣ на двоюродной сестрѣ моего дѣдушки, Прасковьѣ Ивановнѣ Багровой [2]). Начало этого событія происходило въ 1760 годахъ, прежде того времени, о которомъ я разсказывалъ въ первомъ отрывкѣ изъ Семейной Хроники, а конецъ гораздо позже. Исполняю мое обѣщаніе.

Степанъ Михайловичъ былъ единственный сынъ Михайла Петровича Багрова, а Прасковья Ивановна — единственная дочь Ивана Петровича Багрова. Дѣдушка мой очень любилъ ее, какъ единственную женскую отрасль рода Багровыхъ и какъ единственную свою двоюродную сестру. Прасковья Ивановна лишилась матери еще въ колыбели, а десяти лѣтъ потеряла отца. Мать ея была изъ рода Бактеевыхъ, и очень богата: она оставила дочери 900 душъ крестьянъ, много денегъ и еще болѣе драгоцѣнныхъ вещей и серебра; послѣ отца также получила она 300 душъ; и такъ она была богатая сирота и — будущая богатая невѣста. Послѣ смерти отца, она

1) Т. е. Мих. Максим. Куроѣдовъ.
2) Т. е. Надеждѣ Ивановнѣ Аксаковой.

сначала жила у бабушки Бактеевой, потомъ пріѣзжала и гостила подолгу въ Троицкомъ, и наконецъ Степанъ Михайловичъ перевезъ ее на житье къ себѣ. Любя не менѣе дочерей свою сестричку-сиротку, какъ называлъ ее Степанъ Михайловичъ, онъ былъ очень нѣженъ съ ней по-своему; но Прасковья Ивановна, по молодости лѣтъ, или лучше сказать по дѣтскости своей, не могла цѣнить любви и нѣжности своего двоюроднаго брата, которыя не выражались никакимъ баловствомъ, къ чему она уже попривыкла, поживши довольно долго у своей бабушки; итакъ не мудрено, что она скучала въ Троицкомъ и что ей хотѣлось воротиться къ прежней своей жизни у старушки Бактеевой. Прасковья Ивановна была не красавица, но имѣла правильныя черты лица, прекрасные, умные, сѣрые глаза, довольно широкія, длинныя темныя брови, показывающія твердый и мужественный нравъ, стройный высокій ростъ, и въ четырнадцать лѣтъ казалась осьмнадцатилѣтнею дѣвицей; но, несмотря на тѣлесную свою зрѣлость, она была еще совершенный ребенокъ и сердцемъ, и умомъ: всегда живая, веселая, она рѣзвилась, прыгала, скакала и пѣла съ утра до вечера. Голосъ имѣла чудесный, страстно любила пѣсни, качели, хороводы и всякія игрища, и когда ничего этого не было, то цѣлый день играла въ куклы, непремѣнно сопровождая свои игры всякаго рода русскими пѣснями, которыхъ и тогда знала безчисленное множество.

За годъ до переѣзда ея къ Степану Михайловичу, пріѣхалъ въ Симбирскую губернію, въ отпускъ, молодой человѣкъ, лѣтъ 28-ми, родовой тамошній дворянинъ, Михаилъ Максимовичъ Куролесовъ, служившій въ военной службѣ; онъ былъ, какъ говорится, молодецъ собой. Многіе называли его даже красавцемъ; но иные говорили, что онъ, не смотря на свою красивость, былъ какъ-то непріятенъ, и я въ ребячествѣ слыхалъ объ этомъ споры между бабушкой и моими тетками. Съ пятнадцатилѣтняго возраста онъ находился въ службѣ въ какомъ-то извѣстномъ тогда славномъ полку и дослужился уже до чина майора. Въ отпускъ пріѣзжалъ рѣдко, да и пріѣзжать было не къ чему, потому что у него родового имѣнія всего было душъ съ полтораста, и то малоземельныхъ, находившихся въ разнопомѣстномъ селеніи Грачовкѣ. Разумѣется, онъ не имѣлъ настоящаго образованія, но былъ боекъ на словахъ и писалъ также бойко и складно. Я имѣлъ

въ своихъ рукахъ много его писемъ, изъ которыхъ очевидно, что онъ былъ человѣкъ толковый, ловкій и въ то же время твердый и дѣловой. Не знаю, какъ онъ былъ родня нашему безсмертному Суворову, но въ перепискѣ Куролесова я нашелъ нѣсколько писемъ геніальнаго полководца, которыя всегда начинались такъ: „Милостивый государь мой, братецъ Михаилъ Максимовичъ" и оканчивались: „съ достодолжнымъ почтеніемъ къ вамъ и милостивой государынѣ сестрицѣ Прасковьѣ Ивановнѣ, честь имѣю быть и проч." Михаила Максимовича мало знали въ Симбирской губерніи, но какъ „слухомъ земля полнится", и притомъ, можетъ быть, онъ и въ отпуску позволялъ себѣ кое-какіе *дебоши*, какъ тогда выражались, да и пріѣзжавшій съ нимъ деньщикъ или крѣпостной лакей, не смотря на строгость своего командира, по секрету, кое-что пробалтывалъ, — то и составилось о немъ мнѣніе, которое вполнѣ выражалось слѣдующими афоризмами: что „майоръ шутить не любитъ", что „у него ходи по стрункѣ и съ тропы не сваливайся", что онъ солдата не выдастъ и, коли можно, покроетъ, а если попался, такъ ужъ помилованья не жди, что слово его крѣпко, что если пойдетъ на ссору, то „ему и чортъ не братъ", что онъ „лихой, бѣдовый", что онъ *„гусь лапчатый, звѣрь полосатый..."* [1]); но всѣ единогласно называли его отличнымъ хозяиномъ. Носились также слухи, вѣроятно вышедшіе изъ тѣхъ же источниковъ, что майоръ большой гуляка, то-есть охотникъ до женскаго пола и до хмѣльного, но знаетъ всему мѣсто и время. Первая охота покрывалась поговоркою, что „быль молодцу не укоръ"; а вторая, что „выпить мужчинѣ не бѣда" и что „кто пьянъ да уменъ,—два угодья въ немъ". И такъ майоръ Куролесовъ не имѣлъ положительно дурной репутаціи, а напротивъ въ глазахъ многихъ имѣлъ репутацію выгодную. Къ тому же былъ искателенъ, умѣлъ приласкаться и приласкать, оказывалъ уваженіе старшимъ и почтеннымъ людямъ, и потому приняли его всѣ радушно и съ удовольствіемъ. Будучи близкимъ сосѣдомъ Бактеевыхъ, которымъ приходился дальнимъ родственникомъ по мужу дочери Бактеевой, А. А. Курмышевой (да, кажется, и крестьяне ихъ жили въ одномъ селѣ), онъ умѣлъ такъ сыскать ихъ распо-

[1]) Двумя послѣдними поговорками, несмотря на видимую ихъ неопредѣленность, русскій человѣкъ опредѣляетъ очень много, ярко и понятно для всякаго.

ложеніе, что всѣ его любили и носили на рукахъ. Сначала дѣлалъ онъ это безъ особенныхъ видовъ, а вслѣдствіе своего неизмѣннаго правила „добиваться благосклонности людей почтенныхъ и богатыхъ“; но потомъ, увидѣвъ тамъ живую, веселую и богатую Прасковью Ивановну, по наружности совершенную уже невѣсту,—онъ составилъ планъ жениться на ней и прибрать къ рукамъ ея богатство. Съ этой опредѣленной цѣлью онъ удвоилъ свои заискиванья въ бабушкѣ и теткѣ Прасковьи Ивановны и добился до того, что онѣ въ немъ, какъ говорится, души не чаяли; да и за молодой дѣвушкой началъ такъ искусно ухаживать, что она его полюбила, разумѣется, какъ человѣка, который потакалъ всѣмъ ея словамъ, исполнялъ желанія и вообще баловалъ ее. Михайла Максимовичъ открылся роднымъ Прасковьи Ивановны, прикинулся влюбленнымъ въ молодую сироту, и всѣ повѣрили, что онъ ею *смертельно заразился,* грезитъ ею во снѣ и на яву, сходитъ отъ нея съ ума; повѣрили, одобрили его намѣреніе и приняли бѣднаго страдальца подъ свою защиту. При такомъ благосклонномъ покровительствѣ родныхъ, не трудно было ему успѣть въ своемъ намѣреніи: онъ угождалъ дѣвочкѣ доставленіемъ разныхъ удовольствій, каталъ на лихихъ своихъ коняхъ, качалъ на качеляхъ и самъ качался съ ней, мастерски пѣвалъ съ нею русскія пѣсни, дарилъ разными бездѣлушками и выписывалъ для нея затѣйливыя дѣтскія игрушки изъ Москвы.

Зная, что для полнаго успѣха необходимо получить согласіе двоюроднаго брата и опекуна невѣсты, Михаилъ Максимовичъ попробовалъ втереться къ нему въ милость. Подъ разными предлогами, съ рекомендательными письмами отъ родныхъ Прасковьи Ивановны, пріѣзжалъ онъ къ Степану Михайловичу въ деревню — но не понравился хозяину. Съ перваго взгляда это можетъ показаться страннымъ: отъ чего бы не понравиться? У молодого майора были нѣкоторыя качества, которыя какъ-будто бы симпатизировали со свойствами Степана Михайловича; но у старика, кромѣ здраваго ума и свѣтлаго взгляда, было это нравственное чутье людей честныхъ, прямыхъ и правдивыхъ, которое чувствуетъ съ перваго знакомства съ человѣкомъ неизвѣстнымъ—*кривду и неправду* его, для другихъ незамѣтную; которое слышитъ зло подъ благовидною наружностью и угадываетъ будущее его развитіе. Ласковыя рѣчи и почтительный тонъ не обманули

Степана Михайловича, и онъ сразу отгадалъ, что тутъ скрываются какія-нибудь плутни. При томъ дѣдушка былъ самой строгой и скромной жизни, и слухи, еще прежде случайно дошедшіе до него, такъ легко извиняемые другими, о безпутствѣ майора, поселили отвращеніе къ нему въ цѣломудренной душѣ Степана Михайловича, и хотя онъ самъ былъ горячъ до бѣшенства, но недобрыхъ, злыхъ и жестокихъ безъ гнѣва людей—терпѣть не могъ. Вслѣдствіе всего этого принялъ онъ Михайлу Максимовича холодно и сухо, несмотря на умные и дѣльные разговоры обо всемъ и особенно о хозяйствѣ; когда же гость, увидѣвъ Прасковью Ивановну, уже переѣхавшую въ то время къ моему дѣдушкѣ, сталъ любезничать съ нею, какъ старый знакомый, и она слушала его съ удовольствіемъ, то у дѣдушки, по обыкновенію, покривилась голова на сторону, посдвинулись брови и покосился онъ на гостя не ласково. Напротивъ, Аринѣ Васильевнѣ и всѣмъ дочерямъ гость очень приглянулся, потому что съ первыхъ минутъ онъ умѣлъ къ нимъ подольститься, и онѣ пустились-было съ нимъ въ разныя ласковыя рѣчи; но вышесказанные мною зловѣщіе признаки грозы на лицѣ Степана Михайловича всѣхъ обдали холодомъ, и всѣ прикусили язычки. Гость попытался возстановить общественное спокойствіе и пріятность бесѣды, но напрасно: отъ всѣхъ началъ онъ получать короткіе отвѣты, отъ хозяина же и не совсѣмъ учтивые. Дѣлать было нечего, надо было уѣхать, хотя уже наступало позднее ночное время и слѣдовало бы гостю, по деревенскому обычаю, остаться ночевать. „Дрянь человѣкъ и плутъ, авось въ другой разъ не пріѣдетъ", сказалъ Степанъ Михайловичъ семьѣ своей, и, конечно, ничей голосъ не возразилъ ему, но за то потихоньку долго хвалили браваго майора, и охотно слушала и разсказывала про его угодливости молодая дѣвочка, богатая сирота.

Похлебавъ не солоно, отъѣхалъ Михайла Максимовичъ отъ Степана Михайловича и воротился къ Бактеевой съ извѣстіемъ о своей неудачѣ. Дѣдушку моего хорошо знали, и съ первой минуты потеряли всякую надежду на его добровольное согласіе. Долго думали, но ничего не придумали. Отважный майоръ предлагалъ пригласить молодую дѣвушку въ гости къ бабушкѣ и обвѣнчаться съ ней безъ согласія Степана Михайловича, но Бактеева и Курмышева были увѣрены, что дѣдушка мой не отпуститъ свою сестру одну, а

если и отпустить, то очень не скоро, а майору оставаться долѣе было нельзя. Онъ предлагалъ отчаянное средство: уговорить Прасковью Ивановну къ побѣгу, увезти ее и сейчасъ гдѣ-нибудь обвѣнчаться; но родные и слышать не хотѣли о такомъ зазорномъ дѣлѣ—и Михайла Максимовичъ уѣхалъ въ полкъ. Пути Провидѣнія для насъ непостижимы, а потому мы не можемъ судить, отчего судьбѣ было угодно, чтобъ это злое намѣреніе увѣнчалось успѣхомъ. Черезъ полгода, вдругъ получила старуха Бактеева извѣстіе, что Степанъ Михайловичъ, по весьма важному дѣлу, уѣзжаетъ куда-то далеко и надолго. Куда и зачѣмъ уѣзжалъ онъ —не знаю, только куда-то далеко, въ Астрахань или въ Москву, и непремѣнно по дѣлу, потому что бралъ съ собой повѣреннаго Пантелея Григорьевича. Сейчасъ послали грамоту къ Степану Михайловичу и просили позволенія, чтобъ внучка, во время отсутствія своего опекуна и брата, пріѣхала погостить къ бабушкѣ, но получили короткій отвѣтъ: „что Парашѣ и здѣсь хорошо, и что если желаютъ ее видѣть, то могутъ пріѣхать и прогостить въ Троицкомъ сколько угодно“. Пославъ такой положительный отвѣтъ и пригрозивъ строго на-строго своей, всегда покорной, супругѣ, чтобъ она берегла Парашу, какъ зеницу своего ока, и никуда изъ дома не отпускала, Степанъ Михайловичъ отправился въ путь.

Бактеева пересылалась и переписывалась съ Прасковьей Ивановной и съ семействомъ моего дѣдушки. Сейчасъ по полученіи извѣстія, что онъ уѣхалъ, Бактеева увѣдомила объ этомъ Михайлу Максимовича Куролесова, прибавя, что Степанъ Михайловичъ уѣхалъ надолго, и что не можетъ-ли онъ пріѣхать, чтобъ лично хлопотать по извѣстному дѣлу; а сама старуха Бактеева, съ дочерью, немедленно отправилась въ Троицкое. Она всегда была въ дружескихъ отношеніяхъ съ Ариной Васильевной; узнавъ, что Куролесовъ и ей очень понравился, она открылась, что молодой майоръ безъ памяти влюбленъ въ Парашеньку; распространилась въ похвалахъ жениху и сказала, что ничего такъ не желаетъ, „какъ пристроить при своей жизни свою внучку-сиротинку, и увѣрена въ томъ, что она будетъ счастлива; что она чувствуетъ, что ей уже не долго жить на свѣтѣ, и потому хотѣла бы поторопиться этимъ дѣломъ“. Арина Васильевна, съ своей стороны, совершенно одобрила такое намѣреніе, но выразила сомнѣніе, чтобы Степанъ Михайловичъ на это

согласился, и что „Богъ знаетъ почему, Михаилъ Максимовичъ хотя всѣмъ взялъ, но ему больно не понравился".— Призвали на совѣтъ старшихъ дочерей Арины Васильевны, и подъ предсѣдательствомъ старухи Бактеевой и ея дочери Курмышевой, особенно горячо хлопотавшей за майора, положено было: предоставить улаживаніе этого дѣла родной бабушкѣ, потому что она внучкѣ всѣхъ ближе, но такимъ образомъ, чтобъ супруга Степана Михайловича и ея дочери остались въ сторонѣ, какъ будто онѣ ничего не знаютъ и ничему не причастны. Я уже сказалъ прежде, что Арина Васильевна была женщина добрая и очень простая; дочери ея были совершенно на сторонѣ Бактеевой, а потому и не мудрено, что ее могли уговорить способствовать такому дѣлу, за которое Степанъ Михайловичъ жестоко будетъ гнѣваться. Между тѣмъ беззаботная и веселая сирота и не подозрѣвала, что рѣшаютъ судьбу ея. Объ Михайлѣ Максимовичѣ часто говорили при ней, хвалили изо всѣхъ силъ, увѣряли, что онъ любитъ ее больше своей жизни, что день и ночь думаетъ о томъ, какъ-бы ей угодить, и что если онъ скоро пріѣдетъ, то вѣрно привезетъ ей множество московскихъ гостинцевъ. Прасковья Ивановна слушала съ удовольствіемъ такія рѣчи и говорила, что она сама никого на свѣтѣ такъ не любитъ, какъ Михаила Максимовича. Пока гостила старуха Бактеева въ Троицкомъ, ей привезли изъ деревни письмо отъ Куролесова, который увѣдомлялъ, что какъ скоро получитъ отпускъ, то немедленно пріѣдетъ. Наконецъ Бактеева и Курмышева, условившись съ Ариной Васильевной, что она ни о чемъ къ своему супругу писать не станетъ и отпуститъ къ нимъ Парашеньку, несмотря на запрещеніе Степана Михайловича, подъ предлогомъ тяжкой болѣзни родной бабушки,—уѣхали въ свое помѣстье. Прасковья Ивановна плакала и просилась къ бабушкѣ, особенно узнавъ, что майоръ скоро пріѣдетъ: но ее не пустили изъ уваженія къ приказанію братца, Степана Михайловича. Куролесовъ не могъ получить немедленно отпуска и пріѣхалъ мѣсяца черезъ два. Вскорѣ послѣ его пріѣзда, отправили гонца съ письмомъ въ Троицкое къ Аринѣ Васильевнѣ: въ письмѣ Курмышева увѣдомляла, что старуха Бактеева сдѣлалась отчаянно больна, желаетъ видѣть и благословить внучку, а потому проситъ прислать ее съ кѣмъ-нибудь; было прибавлено, что безъ сомнѣнія Степанъ Михайловичъ не будетъ

гнѣваться за нарушеніе его приказанія, и конечно-бы отпустилъ внучку проститься съ своей родной бабушкой. Письмо очевидно было написано на показъ, для оправданія Арины Васильевны передъ строгимъ супругомъ. Вѣрная своему обѣщанію и обезпеченная такимъ письмомъ, Арина Васильевна немедленно собралась въ дорогу и сама отвезла Парашеньку къ ея мнимо-умирающей бабушкѣ; прогостила у больной съ недѣлю и воротилась домой совершенно обвороженная ласковыми рѣчами Михайлы Максимовича и разными подарками, которые онъ привезъ изъ Москвы не только для нея, но и для дочери ея. Прасковья Ивановна была очень довольна; бабушкѣ ея стало сейчасъ лучше; угодникъ майоръ привезъ ей изъ Москвы игрушекъ и разныхъ гостинцевъ, гостилъ у Бактеевой въ домѣ безвыѣздно, разсыпался передъ ней мелкимъ бѣсомъ, и скоро такъ привязалъ къ себѣ дѣвочку, что когда бабушка объявила ей, что онъ хочетъ на ней жениться, то она очень обрадовалась и, какъ совершенное дитя, начала бѣгать и прыгать по всему дому, объявляя каждому встрѣчному, что „она идетъ замужъ за Михаила Максимовича, что какъ будетъ ей весело, что сколько получитъ она подарковъ, что она будетъ съ утра до вечера кататься съ нимъ на его чудесныхъ рысакахъ, качаться на самыхъ высокихъ качеляхъ, пѣть пѣсни или играть въ куклы, не маленькія, а большія, которыя сами умѣютъ ходить и кланяться“... Вотъ въ какомъ состояніи находилась голова бѣдной невѣсты. Мѣшкать не стали, опасаясь, чтобъ не дошли слухи до Степана Михайловича; созвали сосѣдей, сдѣлали помолвку, обручили жениха съ невѣстой, заставили поцѣловаться, посадили рядочкомъ за столъ и выпили ихъ здоровье. Невѣста соскучилась было длинной церемоніей, множествомъ поздравленій и сидѣньемъ на одномъ мѣстѣ, но когда позволили ей посадить возлѣ себя свою новую московскую куклу, то сдѣлалась очень весела, объявляла всѣмъ гостямъ, что это ея дочка, и заставляла куклу кланяться и вмѣстѣ съ ней благодарить за поздравленія. Черезъ недѣлю жениха съ невѣстой обвѣнчали съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей, показавъ новобрачной вмѣсто пятнадцатаго, семнадцатый годъ, въ чемъ по ея наружности никто усомниться не могъ.—Хотя Арина Васильевна и ея дочери знали, на какое дѣло шли, но извѣстіе, что Парашенька обвѣнчана, чего они такъ скоро не ожидали, привело ихъ въ ужасъ: точно спала пелена съ ихъ глазъ,

точно то случилось, чего они и не думали, и онѣ почувствовали, что ни мнимая смертельная болѣзнь родной бабушки, ни письмо ея—не защита имъ отъ справедливаго гнѣва Степана Михайловича. Еще прежде извѣстія о свадьбѣ отправила Арина Васильевна письмо къ своему супругу, въ которомъ увѣдомляла, что по такимъ-то важнымъ причинамъ отвезла она внучку къ умирающей бабушкѣ, что она жила тамъ цѣлую недѣлю, и что хотя Богъ далъ старухѣ Бактеевой полегче, но Парашеньку назадъ не отпустили, а оставили до выздоровленія бабушки: что дѣлать ей было нечего, насильно взять нельзя, и она поневолѣ согласилась и поспѣшила уѣхать къ дѣтямъ, которыя жили одни-одинехоньки, и что теперь опасается она гнѣва Степана Михайловича. На это письмо онъ отвѣчалъ, что Ариша сдѣлала глупо, чтобъ она ѣхала опять къ старухѣ Бактеевой и во что бы то ни стало привезла Парашу домой. Арина Васильевна вздыхала, плакала надъ письмомъ и не знала, что дѣлать. Молодые Куролесовы не замедлили пріѣхать къ ней съ визитомъ. Парашенька казалась совершенно счастливою и веселою, хотя уже не такъ дѣтски рѣзвою. Мужъ ея также казался вполнѣ счастливымъ, и въ же время былъ такъ спокоенъ и разсудителенъ, что успокоилъ бѣдную Арину Васильевну своими умными рѣчами. Онъ убѣдительно доказалъ, что весь гнѣвъ Степана Михайловича упадетъ на родную бабушку Бактееву, которая тоже по своей опасной болѣзни, хотя ей теперь, благодаря Бога, лучше, имѣла достаточную причину не испрашивать согласія Степана Михайловича, зная, что онъ не скоро бы далъ его, хотя конечно бы со временемъ согласился; что мѣшкать ей было нельзя, потому что она, какъ говорится, на ладонъ дышала, и тяжело было бы ей умирать, не пристроивъ своей родной внучки, круглой сироты, потому что не только двоюродный, но и родной братъ не можетъ замѣнить родной бабушки. Много было наговорено подобныхъ успокоительныхъ разсужденій, сопровождаемыхъ богатыми свадебными подарками, которые были приняты съ большимъ удовольствіемъ, смѣшаннымъ съ нѣкоторымъ страхомъ. Оставлены были подарки и для Степана Михайловича. Михайла Максимовичъ посовѣтовалъ Аринѣ Васильевнѣ, чтобъ она погодила писать къ своему супругу до полученія отвѣта на извѣстительное и рекомендательное письмо молодыхъ, и увѣрилъ, что онъ вмѣстѣ съ Прасковьей

Ивановной будетъ немедленно писать къ нему; но писать онъ и не думалъ и хотѣлъ только отдалить грозу, чтобъ успѣть, такъ сказать, утвердиться въ своемъ новомъ положеніи. Послѣ женитьбы Михайла Максимовичъ послалъ немедленно просьбу объ увольненіи его въ отставку, которую и получилъ очень скоро. Первымъ его дѣломъ было объѣздить съ молодой своей женой всѣхъ родственниковъ и всѣхъ знакомыхъ, какъ съ ея стороны, такъ и съ своей. Въ Симбирскѣ же, начиная съ губернатора, не было забыто ни одно служебное, ни одно сколько-нибудь значительное лицо. Всѣ не могли довольно нахвалиться прекрасною парочкой молодыхъ; во всѣхъ такъ умѣли найти они благосклонное расположеніе, что одобреніе этого брака сдѣлалось общимъ мнѣніемъ. Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ.

Степанъ Михайловичъ, не получая давно писемъ изъ дому, видя, что дѣло его затянулось, соскучившись въ разлукѣ съ семействомъ, вдругъ, въ одинъ прекрасный день, воротился въ свое Троицкое. Задрожали и руки, и ноги у Арины Васильевны, когда она услыхала страшныя слова: „баринъ пріѣхалъ“.—Степанъ Михайловичъ, узнавъ, что всѣ живы и здоровы, свѣтелъ и радостенъ вошелъ въ свой господскій домъ, расцѣловалъ свою Аришеньку, дочерей и сына, и весело спросилъ: „да гдѣ-же Параша?“ Ободрившись ласковостью супруга, Арина Васильевна отвѣчала ему съ притворной улыбкой: „гдѣ, доподлинно не знаю; можетъ у бабушки. Да вѣдь ты, батюшка, давно изволишь знать, что Парашенька замужемъ“. Не стану описывать изумленія и гнѣва моего дѣдушки; гнѣвъ этотъ удвоился, когда онъ узналъ, что Прасковья Ивановна выдана за Куролесова. Степанъ Михайловичъ принялся было за расправу съ своей супругой, но она, повалившись ему въ ноги со всѣми дочерьми и представивъ письма старухи Бактеевой, успѣла увѣрить его, что „знать ничего не знаетъ и что она была сама обманута“. Бѣшенство Степана Михайловича обратилось на старуху Бактееву; онъ приказалъ себѣ приготовить другихъ лошадей и, отдохнувъ часа два-три, поскакалъ прямо къ ней. Можно себѣ представить, какую схватку *учинилъ* онъ съ бабушкой Прасковьи Ивановны. Старуха, вытерпѣвъ первый потокъ самыхъ крѣпкихъ ругательствъ, пріосанилась и, разгорячившись въ свою очередь, сама напала на моего дѣдушку. „Да что-жъ это ты развоевался, какъ надъ своей крѣпостной

рабой, сказала она, развѣ ты забылъ, что я такая-же столбовая дворянка, какъ и ты, и что мой покойный мужъ былъ гораздо повыше тебя чиномъ. Я поближе тебя къ Парашенькѣ, я родная бабушка ей и такая же опекунша, какъ ты. Я устроила ея счастіе, не дожидаясь твоего согласія, потому что была больна при смерти и не хотѣла ее оставить на всю твою волю; вѣдь я знаю, что ты бѣшеный и сумасшедшій; живя у тебя, пожалуй, она бы въ иной часъ и палки отвѣдала. Михайла Максимовичъ ей по всему пара, и Парашенька его сама полюбила. Да и кто-же его не полюбитъ и не похвалитъ. Тебѣ только онъ не угодилъ, а ты спроси-ка твою семью, такъ и узнаешь, что она имъ не нахвалится".—„Врешь ты, старая мошенница! вопилъ мой дѣдушка; ты обманула мою Аришу, прикинулась, что умираешь... Ты продала свою внучку разбойнику Мишкѣ Куролесову, который приворотилъ васъ съ дочкой къ себѣ нечистой силой..." Старуха Бактеева вышла изъ себя и въ запальчивости выболтала, что Арина Васильевна и ея дочери были съ нею заодно и заранѣе приняли разные подарки отъ Михайлы Максимовича. Такія слова обратили опять весь гнѣвъ Степана Михайловича на его семейство. Погрозивъ, что онъ разведетъ Парашу съ мужемъ по ея несовершеннолѣтію, онъ отправился домой, но заѣхалъ по дорогѣ къ священнику, который вѣнчалъ Куролесовыхъ. Онъ грозно потребовалъ у него отчета, но тотъ очень спокойно и съ увѣренностью показалъ ему обыскъ, подпись бабушки и невѣсты, рукоприкладство свидѣтелей и метрическое свидѣтельство изъ Духовной Консисторіи, что Прасковьѣ Ивановнѣ семнадцатый годъ. Это былъ новый ударъ для моего дѣдушки, лишившій его всякой надежды къ расторженію ненавистнаго ему брака и несказанно усилившій его гнѣвъ на Арину Васильевну и дочерей. Я не буду распространяться о томъ, что онъ дѣлалъ, воротясь домой. Это было бы ужасно и отвратительно. По прошествіи тридцати лѣтъ тетки мои вспоминали объ этомъ времени, дрожа отъ страха. Я скажу только въ короткихъ словахъ, что виноватыя признались во всемъ, что всѣ подарки, и первые и послѣдніе и назначенные ему, онъ отослалъ къ старухѣ Бактеевой, для возвращенія кому слѣдуетъ, что старшія дочери долго хворали, а у бабушки не стало косы, и что цѣлый годъ ходила она съ пластыремъ на головѣ. Молодымъ же Куролесовымъ онъ далъ знать, чтобъ они не смѣли къ нему и глазъ показывать, а у себя дома запретилъ поминать ихъ имена.

Между тѣмъ время шло, залѣчивая всякія раны, и духовныя, и тѣлесныя, успокоивая всякія страсти. Черезъ годъ зажила голова у Арины Васильевны, утихъ гнѣвъ въ сердцѣ Степана Михайловича. Сначала онъ не хотѣлъ не только видѣть, но и слышать объ молодыхъ Куролесовыхъ, даже не читалъ писемъ Прасковьи Ивановны; но къ концу года, получая со всѣхъ сторонъ добрыя вѣсти объ ея житьѣ и о томъ, какъ она вдругъ сдѣлалась разумна не по годамъ, Степанъ Михайловичъ смягчился, и захотѣлось ему видѣть свою милую сестричку. Онъ разсудилъ, что она менѣе всѣхъ виновата, что она была совершенный ребенокъ,— и позволилъ пріѣхать ей въ Троицкое, но безъ мужа. Разумѣется, она сейчасъ прискакала. Въ самомъ дѣлѣ, Прасковья Ивановна такъ перемѣнилась въ одинъ годъ своего замужества, что Степанъ Михайловичъ не могъ надивиться. И странное дѣло, откуда вдругъ взялась у нея такая любовь и признательность къ своему двоюродному брату, какой она вовсе не чувствовала до замужества и еще менѣе, казалось, могла почувствовать послѣ своей свадьбы? Прочла ли она въ его глазахъ, полныхъ слезъ при встрѣчѣ съ нею, сколько скрывается любви подъ суровой наружностью и жестокимъ самовластіемъ этого человѣка? Было ли это темное предчувствіе будущаго, или неясное пониманіе единственной своей опоры и защиты? Почувствовала ли она безсознательно, что изъ всѣхъ баловницъ и потатчицъ ея ребяческимъ желаніямъ— всѣхъ больше любитъ ее грубый братъ, противникъ ея счастія, невзлюбившій любимаго ею мужа?... Не знаю, но для всѣхъ было поразительно, что прежняя легкомысленная, равнодушная къ брату дѣвочка, непонимавшая и непризнававшая его правъ и своихъ къ нему обязанностей, имѣющая теперь всѣ причины къ чувству непріязненному за оскорбленіе любимой бабушки,—вдругъ сдѣлалась не только привязанною сестрою, но горячею дочерью, которая смотрѣла въ глаза своему двоюродному брату, какъ нѣжно и давно любимому отцу, нѣжно и давно любящему свою дочь.... Какъ бы то ни было, но внезапно родившееся чувство прекратилось только съ ея жизнью. Что за чудная перемѣна сдѣлалась во всемъ существѣ Прасковьи Ивановны въ такія молодыя лѣта, въ одинъ годъ замужества? Пропало неразумное дитя и явилась, хотя веселая, но разумная женщина. Она искренно признавала всѣхъ виноватыми предъ Степаномъ Михайлови-

чемъ. Извиняла только себя неразуміемъ, а бабушку, мужа и другихъ—горячею и слѣпою къ ней любовью. Она не просила, чтобъ Степанъ Михайловичъ сейчасъ простилъ ея мужа, виноватаго больше всѣхъ, но надѣялась, что со временемъ, видя, какъ она счастлива, какой попечительный, неутомимый хозяинъ ея мужъ, какъ устроиваетъ ея состояніе—братецъ проститъ Михаила Максимовича и позволитъ ему пріѣхать. Хотя дѣдушка мой ничего не сказалъ на такія слова, но былъ совершенно побѣжденъ ими. Онъ не сталъ долго держать у себя свою умную сестрицу, какъ онъ сталъ называть ее съ этихъ поръ, и отправилъ немедленно къ мужу, говоря, что теперь *тамъ* ея мѣсто. Прощаясь, онъ сказалъ ей: „Если черезъ годъ ты будешь такъ же довольна своимъ мужемъ, и онъ будетъ такъ же хорошо съ тобою жить, то я помирюсь съ нимъ.“ И точно черезъ годъ, зная, что Михайла Максимовичъ ведетъ себя хорошо и занимается устройствомъ имѣнія жены своей съ неусыпнымъ рвеніемъ, видя нерѣдко свою сестрицу здоровою, довольною и веселою, Степанъ Михайловичъ сказалъ ей: „привози своего мужа.“ Онъ принялъ Куролесова съ радушіемъ, прямо и откровенно высказалъ свои прежнія сомнѣнія и обѣщалъ ему, если онъ всегда будетъ такъ хорошо себя вести,—родственную любовь и дружбу. Михайла Максимовичъ держалъ себя очень умно: онъ не былъ такъ вкрадчивъ и искателенъ, какъ прежде, но такъ же почтителенъ, внимателенъ, предупредителенъ. Въ немъ слышалось больше самостоятельности и увѣренности; онъ былъ озабоченъ, погруженъ въ хозяйственныя дѣла, просилъ совѣтовъ у старика, понималъ ихъ очень хорошо и пользовался ими съ отличнымъ умѣньемъ. Онъ счелся съ нимъ въ дальнемъ родствѣ самъ по себѣ, и называлъ его дядюшкой, Арину Васильевну тетушкой, сына ихъ братцемъ, а дочерей сестрицами. Онъ оказалъ Степану Михайловичу какую-то услугу, еще до своего примиренія или прощенія; дѣдушка зналъ это, и теперь сказалъ ему спасибо, и даже поручилъ о чемъ-то похлопотать. Однимъ словомъ, дѣло уладилось превосходно. Казалось, всѣ обстоятельства говорили въ пользу Михайлы Максимовича, но дѣдушка повторялъ свое: „хорошъ парень, ловокъ и смышленъ, а сердце не лежитъ“.

Такъ прошелъ еще годъ, въ продолженіи котораго Степанъ Михайловичъ переселился въ Уфимское намѣстничество. Въ первые три года послѣ женитьбы, Куролесовъ велъ себя

скромно и смирно, или по крайней мѣрѣ такъ скрытно, что ничего не было слышно. Впрочемъ, онъ дома жилъ мало, и все время проводилъ въ разъѣздахъ. Одинъ только слухъ носился вездѣ и даже увеличивался, что молодой хозяинъ *строгонекъ*. Въ слѣдующіе два года Куролесовъ надѣлалъ чудеса по устройству имѣнія жены своей, что неоспоримо доказывало его неусыпную дѣятельность, предпріимчивость и желѣзную волю въ исполненіи своихъ предпріятій. Имѣніе Прасковьи Ивановны управлялось прежде очень плохо: оно было разстроено, запущено, крестьяне избалованы. Они давали очень мало дохода, не потому, чтобы мѣстность была невыгодна для сбыта хлѣба, но потому, что они, кромѣ того, что плохо работали, были малоземельны и находились отчасти въ общемъ владѣніи съ бабушкой Бактеевой и теткой Курмышевой. Михайла Максимовичъ съ того началъ, что принялся за переводъ крестьянъ на новыя мѣста, а старыя земли продалъ очень выгодно. Онъ купилъ степь въ Симбирской губерніи (теперь Самарской), въ Ставропольскомъ уѣздѣ, около семи тысячъ десятинъ, землю отличную, хлѣбородную, черноземъ въ полтора аршина глубиною, ровную, удобную для хлѣбопашества, по рѣчкѣ „Берля“, въ вершинахъ которой только росъ по отрогамъ небольшой лѣсокъ; да былъ еще заповѣдный „Медвѣжій Врагъ“, который и теперь составляетъ единственный лѣсъ для всего имѣнія. Тамъ поселилъ онъ 350 душъ. Это вышло имѣніе отмѣнно выгодное, потому что находилось во ста верстахъ отъ Самары, и въ 60 и въ 40 верстахъ отъ многихъ волжскихъ пристаней. Извѣстно, что удобный сбытъ хлѣба составляетъ у насъ все достоинство имѣнія [1]). Потомъ отправился Михайла Максимовичъ въ Уфимское намѣстничество и купилъ у Башкирцевъ примѣрно по урочищамъ болѣе 20,000 десятинъ, также чернозему, хотя далеко не такъ богатаго, какъ въ Симбирской губерніи, но съ довольнымъ количествомъ дровяного и даже строевого лѣса. Земля лежала по рѣкѣ Усень и рѣчкамъ: Сююшъ, Мелеусъ, Кармалка и Белебейка; тогда, кажется, это былъ Мензелинскій уѣздъ, а теперь Белебеевскій, принадлежащій къ Оренбургской губерніи. Тамъ поселилъ

---

[1]) Это имѣніе, извѣстное подъ именемъ „село Вишенки, Куроѣдово тожъ“, Ставропольск. у. Самарской губ., раздѣлено теперь на двѣ половины, изъ которыхъ одна перешла къ сыновьямъ автора Сем. Хроники, а другая къ его брату Николаю Тимоѳеевичу. *И. А.*

онъ, на истокѣ множества ключей, составляющихъ рѣчку Большой Сююшъ, 450 душъ, да на рѣчкѣ Белебейкѣ 50 душъ. Большую деревню назвалъ „Парашино“ [1]), а маленькую—„Ивановка“. Симбирское же имѣніе называлось „Куролесово“, и всѣ три названія составляли имя, отчество и фамилію его жены. Эта романическая затѣя въ такомъ человѣкѣ, какимъ явится впослѣдствіи Михайла Максимовичъ, всегда меня удивляла. Впрочемъ, есть люди, которые находятъ, что подобныя выходки бываютъ часто. Резеденцію свою и своей супруги устроилъ онъ въ особомъ ея родовомъ материнскомъ имѣньи, состоящемъ изъ 350 душъ, въ селѣ Чурасовѣ [2]), находящемся въ 50 верстахъ отъ губернскаго города. Тамъ выстроилъ онъ, по тогдашнему, великолѣпный господскій домъ, со всѣми принадлежностями; отдѣлалъ его на славу, меблировалъ отлично, расписалъ весь красками внутри и даже снаружи; люстры, канделябры, бронза, фарфоровая и серебряная посуда удивляли всѣхъ; домъ поставилъ на небольшомъ косогорѣ, изъ котораго били и кипѣли болѣе двадцати чудныхъ родниковыхъ ключей. Домъ, косогоръ, родники—все это обхватывалось и заключалось въ богатомъ, плодовитомъ саду, на двѣнадцати десятинахъ, со всевозможными сортами яблоковъ и вишенъ. Внутреннее хозяйство дома, прислуга, повара, экипажи, лошади—все было устроено и богато и прочно. Окружные сосѣди, которыхъ было не мало, и гости изъ губернскаго города не переводились въ Чурасовѣ: ѣли, пили, гуляли, играли въ карты, пѣли, говорили, шумѣли, веселились. Парашеньку свою Михайла Максимовичъ одѣвалъ какъ куклу, предупреждалъ всѣ ея желанія, тѣшилъ съ утра до вечера, когда только бывалъ дома. Однимъ словомъ, въ нѣсколько лѣтъ во всѣхъ отношеніяхъ онъ поставилъ себя на такую ногу, что добрые люди дивились, а недобрые завидовали. Михайла Максимовичъ не забылъ и о церкви, и въ два года, вмѣсто ветхой деревянной, выстроилъ и снабдилъ великолѣпною утварью новую каменную церковь; даже славныхъ пѣвчихъ завелъ изъ своихъ дворовыхъ людей. На четвертомъ году замужества, Прасковья Ивановна, совершенно довольная и счастливая, родила дочь, а потомъ черезъ

---

[1]) Т.-е. Надежино, Куроѣдово тожъ. Это село (въ Белебеевскомъ уѣздѣ Уфимской губ.) принадлежитъ теперь одному изъ сыновей покойнаго автора. *И. А.*

[2]) Т.-е. Чуфаровѣ.

годъ и сына, но дѣти не жили: дѣвочка умерла на первомъ же году, а сынъ уже трехъ лѣтъ. Прасковья Ивановна такъ привязалась было къ нему, что эта потеря стоила ей дорого. Цѣлый годъ она не осушала глазъ, и даже необыкновенно крѣпкое ея здоровье очень разстроилось, и болѣе дѣтей она не имѣла. Между тѣмъ авторитетъ Михайлы Максимовича въ общественномъ мнѣніи росъ не по днямъ, а по часамъ. Съ мелкимъ и бѣднымъ дворянствомъ, правду сказать, поступалъ онъ крутенько и самовластно, и хотя оно его не любило, но за то крѣпко боялось, а высшее дворянство только похваливало Михайлу Максимовичу за то, что онъ не даетъ забываться тѣмъ, кто его пониже. Годъ отъ году становились чаще и продолжительнѣе отлучки Куролесова, особенно съ того несчастнаго года, когда Прасковья Ивановна потеряла сына и неутѣшно сокрушалась. Вѣроятно, ея супругу наскучили слезы, вздохи и тишина въ уединеніи, потому что Прасковья Ивановна цѣлый годъ не хотѣла никого видѣть. Впрочемъ, и самое шумное и веселое общество въ Чурасовѣ его къ себѣ не привлекало.

Мало-по-малу стали распространяться и усиливаться слухи, что майоръ не только строгонекъ, какъ говорили прежде, но и жестокъ, что, забравшись въ свои деревни, особенно въ Уфимскую, онъ пьетъ и развратничаетъ, что тамъ у него набрана уже своя компанія, пьянствуя съ которой, онъ доходитъ до неистовствъ всякаго рода, что главная бѣда: въ пьяномъ видѣ немилосердно дерется безо всякаго резону, и что уже два-три человѣка пошли на тотъ свѣтъ отъ его побой; что исправники и судьи обоихъ уѣздовъ, гдѣ находились его новыя деревни, всѣ на его сторонѣ, что однихъ онъ задарилъ, другихъ запоилъ, а всѣхъ запугалъ; что мелкіе чиновники и дворяне передъ нимъ дрожкой дрожатъ, потому что онъ всякаго, кто осмѣливался дѣлать и говорить не по немъ, хваталъ среди бѣла дня, сажалъ въ погреба или овинныя ямы и морилъ холодомъ и голодомъ, на хлѣбѣ да на водѣ, а нѣкоторыхъ безъ церемоніи диралъ немилосердно какими-то *кошками* [1]). Слухи были не только спра-

[1]) Кошки были любимымъ орудіемъ наказанія у Михайлы Максимовича. Это ничто иное, какъ ременныя плети, оканчивающіяся семью хвостами изъ сыромятной кожи, съ узлами на концѣ каждаго хвоста. Въ Парашинѣ даже послѣ смерти Куролесова, нѣкоторое время сохранялись въ кладовой, разумѣется, безъ употребленія, эти отвратительныя орудія, и я видѣлъ ихъ самъ. Когда имѣніе досталось сыну Степана Михайловича, кошки были сожжены.

ведливы, но слишкомъ умѣренны; дѣйствительность далеко превосходила робкую молву. Кровожадная натура Куролесова, воспламеняемая до бѣшенства спиртными парами, развилась на свободѣ во всей своей полнотѣ и представила одно изъ тѣхъ страшныхъ явленій, отъ которыхъ содрогается и которыми гнушается человѣчество. Это ужасное соединеніе инстинкта тигра съ разумностью человѣка.

Наконецъ слухи превратились въ достовѣрность, и никто изъ окружающихъ Прасковью Ивановну, родныхъ, сосѣдей и прислуги, никто уже не ошибался на счетъ Михайлы Максимовича. Когда онъ возвращался въ Чурасово послѣ своихъ страшныхъ подвиговъ, то велъ себя по-прежнему почтительно къ старшимъ, ласково и внимательно къ равнымъ, предупредительно и любезно къ своей женѣ, которая, выплакавъ свое горе, опять стала здорова и весела, а домъ ея по-прежнему былъ полонъ гостей и удовольствій. Хотя Михайла Максимовичъ ни съ кѣмъ въ Чурасовѣ не дрался, предоставляя это удовольствіе старостѣ и дворецкому, но всѣ по наслышкѣ дрожали отъ одного его взгляда; даже въ обращеніи съ нимъ родныхъ и короткихъ знакомыхъ было замѣтно какое-то смущеніе и опасеніе. Прасковья Ивановна ничего не замѣчала, а если замѣчала, то приписывала совсѣмъ другой причинѣ: невольному уваженію, которое внушалъ всѣмъ Михайла Максимовичъ своимъ диковиннымъ хозяйствомъ, своимъ умѣньемъ жить богато и разумной твердостью своихъ поступковъ. Люди разсудительные, любящіе Прасковью Ивановну, видя ее совершенно спокойною и счастливою, радовались, что она ничего не знаетъ, и желали, чтобъ какъ можно долѣе продолжалось это незнаніе. Конечно, и между тогдашними приживалками и мелкопомѣстными сосѣдками были такія, у которыхъ очень чесался язычекъ и которымъ очень хотѣлось отплатить высокомѣрному майору за его презрительное обращеніе, то-есть: вывести его на свѣжую воду; но кромѣ страха, который онѣ чувствовали невольно и который вѣроятно не удержалъ бы ихъ, было другое препятствіе для выполненія такихъ благихъ намѣреній: къ Прасковьѣ Ивановнѣ не было приступу ни съ какими вкрадчивыми словами о Михайлѣ Максимовичѣ; умная, проницательная и твердая Прасковья Ивановна сейчасъ замѣчала, не смотря на хитросплетаемыя рѣчи, что хотятъ ввернуть какое-нибудь словцо, невыгодное для Михайлы Макси-

мовича; она сдвигала свои темныя брови и объявляла рѣшительнымъ голосомъ, что тотъ, кто скажетъ непріятное для ея мужа, никогда уже въ домѣ ея не будетъ. Послѣ такого предупредительнаго и грознаго выраженія, разумѣется, уже никто не осмѣливался путаться не въ свое дѣло. Приближенная къ Прасковьѣ Ивановнѣ прислуга, особенно одинъ старикъ, любимецъ покойнаго ея отца, и старуха ея нянька, которыхъ преимущественно жаловала госпожа, но съ которыми, вопреки тогдашнимъ обычаямъ, не входила она въ короткія сношенія,—также ничего не могли сдѣлать. Старику и старухѣ, о которыхъ я сейчасъ сказалъ, была кровная нужда, чтобъ ихъ барыня узнала настоящую правду о своемъ супругѣ: близкіе родные ихъ, находившіеся въ прислугѣ у барина, невыносимо страдали отъ жестокости своего господина. Наконецъ старикъ и старуха рѣшились разсказать барынѣ все, и улучивъ время, когда Прасковья Ивановна была одна, вошли къ ней оба; но только вырвалось у старушки имя Михайлы Максимовича, какъ Прасковья Ивановна до того разгнѣвалась, что вышла изъ себя; она сказала своей нянѣ, что если она когда-нибудь разинетъ ротъ о баринѣ, то болѣе никогда ее не увидитъ и будетъ сослана на вѣчное житье въ Парашино. Такимъ образомъ прекращены были всѣ пути къ доносу на Михайлу Максимовича и заткнуты всѣ рты. Прасковья Ивановна вѣрила безусловно своему мужу и любила его. Она знала, что посторонніе люди охотно путаются въ чужія дѣла, охотно мутятъ воду, чтобы удачнѣе ловить въ ней рыбу, и она заранѣе приняла твердое намѣреніе, постановила неизмѣннымъ правиломъ: не допускать до себя никакихъ разсужденій о своемъ мужѣ. Правило очень мудрое, необходимое для сохраненія спокойствія въ семейной жизни; но нѣтъ правила безъ исключенія. Можетъ быть, что въ настоящемъ случаѣ твердый нравъ и крѣпкая воля Прасковьи Ивановны, сильно подкрѣпленные тѣмъ обстоятельствомъ, что все богатство принадлежало ей, могли бы въ началѣ остановить ея супруга, и онъ, какъ умный человѣкъ, не захотѣлъ бы лишить себя всѣхъ выгодъ роскошной жизни, не дошелъ бы до такихъ крайностей, не допустилъ бы вырости вполнѣ своимъ чудовищнымъ страстямъ и кутилъ бы умѣренно, въ тихомолку, какъ и многіе другіе.

Такъ протекло нѣсколько лѣтъ. Михайла Максимовичъ предавался на свободѣ своимъ наклонностямъ, быстро разви-

вался и наконецъ началъ совершать безнаказанно неслыханныя дѣла. Я не стану разсказывать подробно, какую жизнь велъ онъ въ своихъ деревняхъ, особенно въ Парашинѣ, а также въ уѣздныхъ городишкахъ: это была бы самая отвратительная повѣсть. Я скажу только то, что необходимо для полученія настоящаго понятія объ этомъ страшномъ человѣкѣ. Первые года, занимаясь устройствомъ жениныхъ имѣній, можно сказать, съ самозабвеніемъ, онъ могъ назваться самымъ умнымъ, дѣятельнымъ и попечительнымъ хозяиномъ. Всѣми безконечно разнообразными и тяжелыми заботами и хлопотами, соединенными съ дальнимъ переселеніемъ крестьянъ и водвореніемъ ихъ на мѣстахъ новаго жительства,— Михайла Максимовичъ неусыпно занимался самъ, постоянно имѣя въ виду одно: благосостояніе крестьянъ. Онъ умѣлъ не жалѣть денегъ, гдѣ было нужно, смотрѣлъ, чтобы онѣ доходили до рукъ во-время, въ мѣру, и предупреждалъ всякія надобности и нужды переселенцевъ. Самъ выпроваживалъ ихъ со *старины*, самъ ѣхалъ съ ними большую часть дороги и самъ встрѣчалъ ихъ на новосельи, снабженномъ всѣмъ для ихъ пріема и помѣщенія. Правда, онъ былъ слишкомъ строгъ, жестокъ въ наказаніи виноватыхъ, но справедливъ въ разборѣ винъ и не ставилъ крестьянину всякаго лыка въ строку; онъ позволялъ себѣ отъ времени до времени гульнуть, потѣшиться денекъ-другой, завернуть куда-нибудь въ сторонку, но хмѣль и буйство скоро слетали съ него, какъ съ гуся вода, и съ новой бодростью являлся онъ къ своему дѣлу.

Да, дѣло лежало у него на плечахъ, занимало всѣ его умственныя способности и не давало ему предаться пагубному пьянству, которое, отнимая у него умъ, снимало узду съ его страстей, чудовищныхъ, безчеловѣчныхъ. Да, дѣло спасало его. Когда же онъ привелъ въ порядокъ обѣ новыя деревни: Куралесово и Парашино, устроилъ въ нихъ господскія усадьбы съ флигелями, а въ Парашинѣ небольшой помѣщичій домъ, когда у него стало мало дѣла и много свободнаго времени,—пьянство, съ его обыкновенными послѣдствіями, и буйство совершенно овладѣли имъ, а всегдашняя жестокость мало-по-малу превратилась въ неутолимую жажду мукъ и крови человѣческой. Избалованный страхомъ и покорностью всѣхъ его окружающихъ людей, онъ скоро забылся и перестал знать мѣру своему бѣшеному своеволію. Онъ выбралъ себѣ изъ дворовыхъ и даже изъ крестьянъ десятка

полтора головорѣзовъ, достойныхъ исполнителей его воли, и образовалъ изъ нихъ шайку разбойниковъ. Видя, что барину все сходило съ рукъ, они повѣрили его могуществу, и сами, пьяные и развратные, охотно и смѣло исполняли всѣ его безумныя приказанія. Досаждалъ ли кто Михайлѣ Максимовичу непокорнымъ словомъ или поступкомъ, напримѣръ даже хотя тѣмъ, что не пріѣхалъ въ назначенное время на его пьяные пиры,—сейчасъ, по знаку своего барина, скакали они къ провинившемуся, хватали его тайно или явно, гдѣ бы онъ ни попался, привозили къ Михайлѣ Максимовичу, позорили, сажали въ подвалъ въ кандалы, или сѣкли по его приказанію. Михайла Максимовичъ очень любилъ хорошія вещи, хорошихъ лошадей, и любилъ, какъ украшеніе дома, хорошія, по его мнѣнію, картины. Если что-нибудь подобное нравилось ему въ домѣ своего сосѣда, или просто въ томъ домѣ, гдѣ ему случалось быть, то онъ сейчасъ предлагалъ хозяину помѣняться; въ случаѣ несогласія его, онъ предлагалъ иногда и деньги, если былъ въ хорошемъ духѣ; если и тутъ хозяинъ упрямился, то Михайла Максимовичъ предупреждалъ его, что возьметъ даромъ. Въ самомъ дѣлѣ, черезъ нѣсколько времени являлся онъ съ своей шайкой, забиралъ все, что ему угодно, и увозилъ къ себѣ; на него жаловались, предписывали произвесть слѣдствіе; но Михайла Максимовичъ съ перваго разу приказалъ сказать земскому суду, что онъ обдеретъ кошками того изъ чиновниковъ, который покажетъ ему глаза, и—оставался правъ, а челобитчикъ между тѣмъ былъ схваченъ и высѣченъ, иногда въ собственномъ его имѣніи, въ собственномъ домѣ, посреди семейства, которое валялось въ ногахъ и просило помилованія виноватому. Бывали насилія и похуже, и также не имѣли никакихъ послѣдствій. Черезъ нѣсколько времени Михайла Максимовичъ мирился съ обиженными, удовлетворяя ихъ иногда деньгами, а чаще привлекая къ миру страхомъ, но похищенное добро оставалось его законною собственностью. Пируя съ гостями, онъ любилъ хвастаться, что „вотъ эту красотку въ золотыхъ рамахъ“ отнялъ онъ у такого-то господина, а это бюро съ бронзой у такого-то,—и всѣ эти такіе-то господа нерѣдко пировали тутъ же и притворялись, что не слышатъ словъ хозяина или, скрѣпя сердце, сами смѣялись надъ собой. Михайла Максимовичъ имѣлъ удивительно крѣпкое сложеніе; онъ пилъ много, но никогда не

напивался *до положенія ризъ*, какъ говорится; хмѣль не валилъ его съ ногъ, а поднималъ на ноги и возбуждалъ страшную дѣятельность въ его отуманенномъ умѣ, въ его разгоряченномъ тѣлѣ. Любимымъ его наслажденіемъ было—заложить нѣсколько троекъ лихихъ лошадей во всевозможные экипажи, разумѣется, съ колокольчиками, насажать въ нихъ своихъ собесѣдниковъ и собесѣдницъ, дворню, кого ни попало, и съ громкими пѣснями и криками скакать во весь духъ по окольнымъ полямъ и деревнямъ. Имѣя съ собой всегда запасъ вина, онъ особенно любилъ напоить до-пьяна всякаго встрѣчнаго, какого бы званія, пола и возраста онъ ни былъ, и больно сѣкалъ того, кто осмѣливался ему противиться. Наказанныхъ привязывали къ деревьямъ, къ столбамъ и заборамъ, не обращая вниманія ни на дождь, ни на стужу. О болѣе возмутительныхъ насиліяхъ я умалчиваю. Въ такомъ расположеніи духа ѣхалъ онъ однажды черезъ какую-то деревню; проѣзжая мимо овиннаго тока, онъ замѣтилъ женщину необыкновенной красоты. „Стой!" закричалъ Михайла Максимовичъ. „Петрушка! какова баба?" „Больно хороша", отвѣчалъ Петрушка. „Хочешь на ней жениться?" — „Да какъ же жениться на чужой женѣ", отвѣчалъ, ухмыляясь, Петрушка.—„А вотъ какъ! Ребята! бери ее, сажай ко мнѣ въ повозку...." Женщину схватили, посадили въ повозку, привезли прямо въ приходское село, и хотя она объявила, что у ней есть мужъ и двое дѣтей—обвѣнчали съ Петрушкой, и никакихъ просьбъ не было, не только при жизни Куролесова, но даже при жизни Прасковьи Ивановны. Когда же все имѣніе перешло въ руки ея племянника [1]), онъ возвратилъ эту женщину вмѣстѣ съ мужемъ и дѣтьми прежнему ея господину: первый мужъ давно уже умеръ. Наслѣдникъ, то-есть тотъ же племянникъ, роздалъ также нѣсколько разныхъ вещей прежнимъ хозяевамъ, которые предъявили свои требованія; многія же вещи долго валялись въ кладовыхъ, пока не истлѣли отъ ветхости. Трудно повѣрить, чтобъ могли совершаться такія дѣла въ Россіи, даже и за 80 лѣтъ; но въ истинѣ разсказа нельзя сомнѣваться.

Какъ ни была ужасна и отвратительна, сама по себѣ, эта преступная, пьянаго буйства исполненная жизнь, но она повела еще къ худшему, къ болѣе страшному развитію при-

1) Отца автора Сем. Хроники.

родной жестокости Михайлы Максимовича, превратившейся наконецъ въ лютость, въ кровопійство. Терзать людей сдѣлалось его потребностью, наслажденіемъ. Въ тѣ дни, когда случалось ему не драться, онъ былъ скученъ, печаленъ, безпокоенъ, даже боленъ, и потому часъ отъ часу становились рѣже его поѣздки въ Чурасово и короче пребыванія тамъ. За то, воротясь въ свое любимое Парашино, онъ спѣшилъ вознаградить себя. Обзоръ хозяйственныхъ заведеній представлялъ ему достаточное число жертвъ; тутъ уже всякая вина была виновата, а въ какомъ хозяйствѣ нельзя найти какихъ-нибудь мелочныхъ упущеній, если захочешь отыскать ихъ. Впрочемъ, отъ лютости Михайлы Максимовича страдали преимущественно дворовые люди. Онъ рѣдко наказывалъ крестьянъ, и то въ случаяхъ особенной важности или личной извѣстности ему виноватаго человѣка; за то старосты и прикащики терпѣли отъ него наравнѣ съ дворовыми. У него не было пощады никому, и каждый изъ его приближенныхъ, а иной и не одинъ разъ, бывалъ наказанъ насмерть. Замѣчательно, что когда Михайла Максимовичъ сердился, горячился и кричалъ, что бывало рѣдко,—онъ не дрался; когда же добирался до человѣка съ намѣреніемъ потѣшиться его муками, онъ говорилъ тихо и даже ласково: „Ну, любезный другъ, Григорій Кузмичъ (вмѣсто обыкновеннаго: Гришка), дѣлать нечего, пойдемъ, надобно мнѣ съ тобой разсчитаться". Съ такими словами обращался онъ къ главному своему конюху, по прозванью Ковлягѣ, который, неизвѣстно почему, чаще другихъ подвергался истязаніямъ. „Поцарапайте его кошечками", говорилъ съ улыбкой Михайла Максимовичъ окружающимъ, и начиналась долговременная пытка, въ продолженіи которой баринъ пилъ чай съ водкой, курилъ трубку и отъ времени до времени пошучивалъ съ несчастной жертвой, пока она еще могла слышать... Меня увѣряли достовѣрные свидѣтели, что жизнь наказанныхъ людей спасали только тѣмъ, что завертывали истерзанное ихъ тѣло въ теплыя, только что снятыя, шкуры барановъ, тутъ же зарѣзанныхъ. Осмотрѣвъ внимательно наказаннаго человѣка, Михайла Максимовичъ говорилъ, если былъ доволенъ: „ну, будетъ съ него, приберите къ мѣсту"... и дѣлался веселъ, шутливъ и любезенъ на цѣлый день, а иногда и на нѣсколько дней. Чтобы довершить характеристику этого страшнаго существа, я приведу его собствен-

ныя слова, которыя онъ не одинъ разъ говаривалъ въ кругу пирующихъ собесѣдниковъ: „Не люблю палокъ и кнутьевъ, что въ нихъ? Какъ разъ убьешь человѣка! То ли дѣло кошечки: и больно, и не опасно!“ Я разсказалъ десятую долю того, что знаю, но, кажется, и этого довольно. Замѣчательно, какъ необъяснимое явленіе и противорѣчіе въ искаженной человѣческой природѣ, что Михайла Максимовичъ, достигнувъ высшей степени разврата и лютости, ревностно занялся построеніемъ каменной церкви въ Парашинѣ; онъ производилъ эту работу экономически. Въ то время, на которомъ остановился мой разсказъ, церковь по наружности была отдѣлана, и наняты были мастеровые для внутренной отдѣлки; столяры, рѣщики, золотари и иконописцы уже нѣсколько мѣсяцевъ работали въ Парашинѣ, занимая весь господскій домъ.

Четырнадцать лѣтъ была за-мужемъ Прасковья Ивановна, и хотя замѣчала что-то странное въ своемъ супругѣ, котораго послѣдніе два года рѣдко и не надолго видала, но не только не знала, даже и не подозрѣвала ничего подобнаго. Она продолжала жить беззаботно и весело: лѣтомъ занималась съ увлеченіемъ своимъ плодовитымъ садомъ и родниками, которыхъ не позволяла обдѣлывать и очень любила сама расчищать, а все остальное время года проводила съ гостями и сдѣлалась большой охотницей играть въ карты. Вдругъ получаетъ она съ почты или съ нарочнымъ письмо отъ одной старушки, дальней родственницы ея мужа, которую она очень уважала. Въ письмѣ была описана вся жизнь Михайлы Максимовича и въ заключеніе сказано, что грѣшно оставлять въ невѣдѣніи госпожу тысячи душъ, которыя страдаютъ отъ тиранства изверга, ея мужа, и которыхъ она можетъ защитить, уничтоживъ довѣренность, данную ему на управленіе имѣніемъ. Что кровь ихъ вопіетъ на небо, что и теперь извѣстный ей лакей, Иванъ Онуфріевъ, умираетъ отъ жестокихъ истязаній и что самой Прасковьѣ Ивановнѣ нечего опасаться, потому-что Михайла Максимовичъ въ Чурасово не посмѣетъ и появиться, что добрые сосѣди и самъ губернаторъ защитятъ ее. Прасковья Ивановна была поражена какъ громомъ. Я слышалъ самъ, какъ она разсказывала, что въ первыя минуты совсѣмъ было сошла съ ума; но необычайная твердость духа и теплая вѣра подкрѣпили ее, и она скоро рѣшилась на такой поступокъ, на какой

едва ли бы отважился самый смѣлый мужчина: она велѣла заложить лошадей, сказавши, что ѣдетъ въ губернскій городъ, и съ одною горничной дѣвушкой, съ кучеромъ и лакеемъ отправилась прямо въ Парашино. Путь лежалъ дальній, надобно было проѣхать четыреста верстъ, и нашлось довольно свободнаго времени обдумать свой поступокъ. Прасковья Ивановна сама говорила, что не составляла въ головѣ своей никакихъ плановъ, какъ и что ей дѣлать. Она хотѣла только взглянуть своими глазами и удостовѣриться, что дѣлаетъ и какъ живетъ тамъ ея Михайла Максимовичъ. Она не вѣрила вполнѣ письму его родственницы, которая жила далеко и могла быть обманута ложными слухами, а спросить въ Чурасовѣ свою няню не захотѣла. Никакая опасность не входила ей въ голову: мужъ всегда съ нею былъ такъ нѣженъ и почтителенъ, что ей казалось самымъ естественнымъ и возможнымъ дѣломъ уговорить Михайлу Максимовича сѣсть съ ней въ коляску и увезть его въ Чурасово. Она пріѣхала въ Парашино нарочно вечеромъ, оставила свою коляску у околицы, а сама съ горничной и лакеемъ, никѣмъ неузнанная (да ее мало и знали), прошла до господскаго двора и черезъ заднія ворота пробралась до самаго флигеля, изъ котораго неслись крикъ, пѣсни и хохотъ, и твердою рукой отворила дверь... Судьба какъ нарочно собрала все, что могло однимъ разомъ показать ей, какую жизнь велъ Михайла Максимовичъ. Онъ пировалъ съ какими-то гостями пьяный, даже болѣе обыкновеннаго. Одѣтый въ шелковую красную рубаху съ косымъ воротомъ, . . .
. . . . . съ стаканомъ пунша въ одной рукѣ, . . .
. . . .
. . . . . . его полупьяные лакеи, дворовыя и крестьянскія бабы пѣли пѣсни и плясали. Прасковья Ивановна едва не упала въ обморокъ отъ такого зрѣлища; она все поняла, и никѣмъ незамѣченная, потому что горница была полна народа, затворила дверь и вышла изъ сѣней. На крыльцѣ встрѣтилась она лицомъ къ лицу съ однимъ изъ слугъ Михайлы Максимовича, человѣкомъ не молодымъ и не пьянымъ по счастію. Онъ узналъ барыню и закричалъ было „матушка Прасковья Ивановна, вы ли это?“... Но Прасковья Ивановна зажала ему ротъ и, отведя его подальше на средину широкаго двора, грозно сказала: „Такъ-то вы безъ меня поживаете? Конецъ вашему веселому житью“. Слуга повалился

ей въ ноги и со слезами сказалъ: „Матушка, развѣ мы ему рады? Развѣ это наша воля? Самъ Господь васъ принесъ!“... Прасковья Ивановна велѣла ему молчать и приказала вести себя къ Ивану Онуфріеву, узнавъ, что онъ еще живъ. На заднемъ дворѣ, въ скотной избѣ нашла она умирающаго Онуфріева. Онъ былъ очень слабъ, и отъ него она не могла ничего узнать; но родной его братъ, Алексѣй, молодой парень, только вчера наказанный, кое-какъ сползъ съ лавки, сталъ на колѣни и разсказалъ ей всю страшную повѣсть о братѣ, о себѣ и о другихъ [1]). Сердце Прасковьи Ивановны облилось кровью отъ жалости и ужаса, совѣсть терзала ее, и она твердо рѣшилась положить конецъ преступнымъ, злодѣйскимъ дѣйствіямъ Михайлы Максимовича, что казалось ей весьма легко. Она строго запретила сказывать о своемъ пріѣздѣ, и узнавъ, что въ новомъ домѣ, построенномъ уже нѣсколько лѣтъ и по какой-то странной причудѣ барина до сихъ поръ не отдѣланномъ, есть одна жилая, особая комната, не занятая мастеровыми, въ которой Михайла Максимовичъ занимался хозяйственными счетами,—отправилась туда, чтобъ провесть остатокъ ночи и поговорить на другой день поутру съ своимъ уже не пьянымъ супругомъ. Но тайна ея пріѣзда не вполнѣ сохранилась. Слухъ о немъ дошелъ до одного изъ самыхъ отчаянныхъ сподвижниковъ Михайлы Максимовича, который изъ преданности или изъ страха шепнулъ о томъ на ухо своему барину. Ошеломила эта вѣсть Михайлу Максимовича. Хмѣль вылетѣлъ у него изъ головы, онъ смутился и почуялъ грозу. Хотя онъ мало зналъ твердый и мужественный нравъ своей жены, потому что не было опытовъ еще ему проявиться, но онъ его угадывалъ. Онъ распустилъ свою пьяную бесѣду, вылилъ на себя два ушата холодной воды, освѣжился тѣломъ, укрѣпился духомъ, переодѣлся въ обыкновенное платье и пошелъ посмотрѣть, спитъ ли Прасковья Ивановна. Онъ успѣлъ уже обдумать и составить планъ своихъ дѣйствій. Онъ разсчиталъ очень вѣрно, что Прасковья Ивановна была кѣмъ-нибудь извѣщена объ образѣ его жизни, что она не повѣрила извѣстіямъ и пріѣхала удостовѣриться въ нихъ лично. Онъ узналъ, что она заглянула во флигель и видѣла мелькомъ его пирушку; но

---

[1]) Иванъ Онуфріевъ остался живъ и прожилъ лѣтъ до пятидесяти; братъ его захилѣлъ и умеръ черезъ годъ.

не зналъ, что она видѣла Онуфріева и что Алексѣй разсказалъ ей все. Въ пирушкѣ и гульбѣ онъ надѣялся кое-какъ извиниться, прикинуться раскаявшимся грѣшникомъ, умаслить нѣжностями свою жену и какъ можно скорѣе увезти ее изъ Парашина.

Между тѣмъ уже разсвѣтало и даже взошло солнце. Михайла Максимовичъ бережно подошелъ къ комнатѣ, въ которой находилась Прасковья Ивановна; онъ тихонько отворилъ дверь и увидѣлъ, что приготовленная ей дорожная постель на сундукѣ не была смята, что на нее никто не ложился. Онъ окинулъ глазами всю комнату; Прасковья Ивановна стояла на колѣняхъ и со слезами молилась Богу на новый церковный крестъ, который горѣлъ отъ восходящаго солнца, передъ самыми окнами дома: никакого образа въ комнатѣ не было. Постоявъ нѣсколько минутъ, Михайла Максимовичъ сказалъ веселымъ голосомъ: „Полно молиться, душа моя, Парашенька! Какъ это ты вздумала обрадовать меня своимъ пріѣздомъ!“ Прасковья Ивановна не смутилась, встала, не допустила мужа обнять себя, и, пылая внутренно справедливымъ гнѣвомъ, холодно и твердо объявила ему, что она все знаетъ и видѣла Ивана Онуфріева. Безпощадно и рѣзко высказала свое отвращеніе отъ изверга, который уже не можетъ быть ея мужемъ; объявила ему, чтобы онъ возвратилъ ей довѣренность на управленіе имѣніемъ, сейчасъ уѣхалъ изъ Парашина, не смѣлъ бы показываться ей на глаза и не заглядывалъ бы ни въ одну изъ ея деревень, и что если онъ этого не исполнитъ, то она подастъ просьбу губернатору, откроетъ правительству всѣ его злодѣйства— и онъ будетъ сосланъ въ Сибирь на каторгу. Не ожидалъ этого Михайла Максимовичъ. Пѣна выступила у него на губахъ отъ бѣшенства и злобы. „А, такъ ты такъ-то поговариваешь, лебедка! Такъ и я поговорю съ тобой другимъ голосомъ!“ заревѣлъ остервенившійся злодѣй: „ты не выѣдешь изъ Парашина, покуда не подпишешь мнѣ купчей крѣпости на все свое имѣніе, а не то я уморю тебя съ голоду въ подвалѣ“. Послѣ этихъ словъ, онъ схватилъ стоявшую въ углу палку, нѣсколькими ударами сбилъ съ ногъ свою Парашеньку и билъ до тѣхъ поръ, пока она не лишилась чувствъ. Онъ позвалъ нѣсколько благонадежныхъ людей изъ своей прислуги, приказалъ отнести барыню въ каменный подвалъ, заперъ огромнымъ замкомъ и ключъ по-

ложилъ къ себѣ въ карманъ. Грозенъ и страшенъ явился онъ передъ своей дворней, которую приказалъ собрать всю на лицо. Хотѣлъ было отыскать виноватаго, того, кто водилъ барыню въ скотную избу, но тотъ, предвидя бѣду, давно уже скрылся; съ нимъ бѣжали кучеръ и лакей, пріѣхавшіе съ Прасковьей Ивановной; за ними послали погоню. Горничная дѣвушка не рѣшилась покинуть своей госпожи. Михайла Максимовичъ ее не тронулъ, далъ ей нѣкоторыя наставленія, какъ уговаривать барыню въ покорности, и заперъ своими руками въ тотъ же подвалъ. Что же сдѣлалъ Михайла Максимовичъ потомъ? Запилъ и закутилъ болѣе прежняго. Но увы! напрасно онъ пилъ водку какъ воду, напрасно пѣла и плясала предъ нимъ пьяная ватага,—Михайла Максимовичъ сдѣлался угрюмъ и мраченъ. Это не мѣшало однакожъ ему дѣйствовать неутомимо къ достиженію своей цѣли. Онъ заготовилъ въ уѣздномъ городѣ на имя одного изъ своихъ достойныхъ друзей законную довѣренность отъ Прасковьи Ивановны на продажу Парашина и Куролесова (Чурасово изъ милости оставлялъ ей), и всякой день два раза спускался въ подвалъ къ своей женѣ и уговаривалъ подписать довѣренность; просилъ прощенья, что въ горячности такъ строго съ нею обошелся, обѣщался, въ случаѣ ея согласія, никогда не появляться ей на глаза, и божился, что оставитъ духовную, въ которой, послѣ своей смерти, откажетъ ей все имѣніе. Прасковья Ивановна, страдая отъ побоевъ, изнуряемая голодомъ и получившая даже лихорадку, не хотѣла и слышать ни о какой сдѣлкѣ. Такъ прошло пять дней. Чѣмъ все бы это кончилось — одному Богу извѣстно.

Между тѣмъ дѣдушка Степанъ Михайловичъ продолжалъ благополучно жить въ новомъ своемъ Багровѣ, которое отстояло отъ Парашина въ 120 верстахъ. Я уже сказалъ, что онъ давно искренно примирился съ Михайломъ Максимовичемъ, и хотя сердце его не лежало къ нему, но вообще онъ былъ имъ доволенъ. Куролесовъ съ своей стороны оказывалъ Степану Михайловичу и всему его семейству большое уваженіе, преданность и готовность на всякія послуги. Поселивъ Парашино и занимаясь его устройствомъ, онъ каждый годъ пріѣзжалъ въ Багрово, былъ постоянно ласковъ, искателенъ, просилъ у Степана Михайловича совѣтовъ, какъ у человѣка, опытнаго въ переселеніи кресть-

янъ; съ большою благодарностью, точно и подробно записывалъ всѣ его слова, и въ самомъ дѣлѣ пользовался ими. Онъ упросилъ даже Степана Михайловича два раза пріѣхать въ Парашино, чтобы взглянуть: умѣлъ-ли онъ воспользоваться его совѣтами. Дѣдушка въ оба раза остался совершенно доволенъ новымъ хозяиномъ, и въ послѣднее свое посѣщеніе осмотрѣвъ пашню и всѣ хозяйственныя заведенія, сказалъ Куролесову: „ну, братъ Михайла, ты изъ молодыхъ да ранній, и тебя учить нечего.“ Въ самомъ дѣлѣ, всѣ хозяйственныя дѣла у Михайлы Максимовича были въ отличномъ порядкѣ. Само собою разумѣется, что онъ принималъ, угощалъ и чествовалъ старика, какъ родного отца. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, недобрые слухи о Куролесовѣ стали носиться въ Багровѣ. Сначала дѣдушкѣ совсѣмъ объ нихъ не говорили, потому что онъ не любилъ слушать дурныхъ вѣстей, но слухи росли годъ отъ году. Семейство Степана Михайловича знало ихъ, и Арина Васильевна рѣшилась сказать ему, что Михайла Максимовичъ „больно не хорошо живетъ“. Старикъ не повѣрилъ и отвѣчалъ, что „только развѣсь уши, такъ пожалуй и церковную татьбу взведутъ на человѣка. Знаю я, продолжалъ онъ, каковы были крестьяне и дворовые у Бактеевыхъ,—на подрядъ мошенники и лежебоки, да и братнины крестьяне также безъ хозяина избаловались. Что мудренаго, что настоящая работа и порядокъ показались имъ хуже медвѣдя? Можетъ статься, что Михайла и крутенько поворотилъ, ну да привыкнутъ. А что онъ погуляетъ, выпьетъ иногда послѣ трудовъ, такъ и то мужчинѣ не бѣда, лишь бы не забывалъ своего дѣла. Вотъ мерзкихъ дѣлъ не надо, да вѣдь пожалуй и солгутъ: а ты съ дочками любишь слушать бабьи сплетни!“ Послѣ такихъ словъ, долго ничего не говорили Степану Михайловичу. Наконецъ родовые багровскіе крестьяне, переведенные вмѣстѣ съ бактеевскими изъ Симбирской губерніи въ Парашино, имѣвшіе родственниковъ въ Новомъ Багровѣ, стали пріѣзжать туда и разсказывать про барина страшныя вѣсти. Арина Васильевна вторично доложила о томъ своему супругу и предложила ему, чтобы онъ самъ разспросилъ парашинскаго старика изъ багровскихъ, котораго честность и правдивость ему давно были извѣстны и который теперь находится у нихъ въ деревнѣ. Дѣдушка согласился. Призвалъ, разспросилъ старика и услышалъ та-

кую повѣсть, отъ которой встали у него дыбомъ волосы на головѣ. Какъ быть, что дѣлать, чѣмъ тутъ пособить—не умѣлъ онъ придумать: онъ получалъ изрѣдка письма отъ Прасковьи Ивановны, видѣлъ, что она была совершенно спокойна и счастлива, и заключилъ, что она о поведеніи своего супруга ничего не знала. Онъ самъ нѣкогда давалъ ей совѣты, чтобъ она никому не позволяла наушничать на своего мужа, и убѣдился, что она хорошо исполняетъ его совѣты. Онъ разсудилъ, что если она узнаетъ истину, то врядъ ли поправитъ дѣло, а будетъ только убиваться съ горя понапрасну. Итакъ надо желать, чтобъ она ничего не знала. Онъ терпѣть не могъ путаться въ чужія дѣла, да и считалъ это безполезнымъ въ отношеніи къ Михайлѣ Максимовичу. „Пусть сломитъ себѣ шею или попадетъ въ уголовную—туда ему и дорога. Этого человѣка одинъ только Богъ можетъ исправить. Крестьянамъ жить у него можно, а дворовые всѣ негодяи, пускай терпятъ за свои грѣхи. Не хочу мѣшаться въ эти поганыя дѣла.“ Такъ разсудилъ по своей логикѣ Степанъ Михайловичъ и удовольствовался только тѣмъ, что пересталъ отвѣчать на письма Куролесова и прекратилъ всякія съ нимъ сношенія; тотъ понялъ, что это значитъ, и оставилъ старика въ покоѣ; переписка же у Степана Михайловича съ Прасковьей Ивановной сдѣлалась какъ-то чаще и задушевнѣе.

Такъ оставались дѣла до того утра, когда вдругъ явились къ моему дѣдушкѣ передъ крыльцомъ трое бѣжавшихъ людей изъ Парашина. Въ первый день своего побѣга они скрывались въ непроходимомъ лѣсномъ болотѣ, которое упиралось въ парашинскія крестьянскія гумна; вечеромъ они кое-съ-кѣмъ повидались, узнали подробно всю исторію и пустились прямо къ Степану Михайловичу, какъ единственному защитнику и покровителю Прасковьи Ивановны. Можно себѣ представить, что такое было съ Степаномъ Михайловичемъ, когда онъ узналъ о случившемся въ Парашинѣ! Онъ любилъ свою единственную родную сестру не меньше, если не больше своихъ родныхъ дочерей. Параша, до полусмерти избитая разбойникомъ своимъ мужемъ, Параша, сидящая въ подвалѣ уже третій день, можетъ быть давно умершая, представлялась съ такой ясностью его живому воображенію, что онъ вскочилъ какъ безумный, побѣжалъ по своему двору, по деревнѣ, изступленнымъ голосомъ сзывая

дворовыхъ и крестьянъ. Всѣ сбѣжались, прискакали изъ полей, кого не было дома. Всѣ, сочувствуя отчаянному горю любимаго господина, кричали единогласно, что они всѣ ѣдутъ и пѣшкомъ идутъ выручать Прасковью Ивановну.... И вотъ черезъ нѣсколько часовъ, трое роспусковъ, запряженныхъ тройками лихихъ господскихъ коней, съ двѣнадцатью человѣками отборныхъ молодцовъ изъ дворовыхъ и крестьянъ и съ людьми, бѣжавшими изъ Парашина, вооруженными ружьями, саблями, рогатинами и желѣзными вилами, скакали по Парашинской дорогѣ. Къ вечеру выѣхали еще двое роспусковъ на лучшихъ крестьянскихъ лошадяхъ, съ десятью также вооруженными людьми, и поскакали по той же Парашинской дорогѣ на подмогу Степану Михайловичу. На другой день вечеромъ первый поѣздъ былъ уже въ семи верстахъ отъ Парашина; выкормили усталыхъ лошадей и, только начала заниматься лѣтняя заря, нагрянули на широкій господскій дворъ и подъѣхали прямо къ извѣстному подвалу, находившемуся возлѣ самаго флигеля, въ которомъ жилъ Куролесовъ. Степанъ Михайловичъ бросился въ подвалъ и началъ стучать кулакомъ въ деревянную дверь. Слабый голосъ спросилъ: „Кто тутъ?“ Дѣдушка узналъ голосъ сестры своей, прослезился отъ радости, что засталъ ее живою, и, крестясь, громко закричалъ: „Слава Богу! Это я, братъ твой, Степанъ Михайловичъ, ничего не бойся!“ Онъ послалъ кучера, лакея и стараго слугу Прасковьи Ивановны заложить коляску, въ которой она пріѣхала изъ Чурасова, поставилъ шесть человѣкъ съ ружьями, саблями и рогатинами у входа въ выходъ, а самъ съ остальными, съ помощью топоровъ и желѣзнаго лома, принялся отбивать дверь. Въ одну минуту она была сломана: Степанъ Михайловичъ своими руками вынесъ Прасковью Ивановну, положилъ ее на роспуски, съ одной стороны посадилъ возлѣ нея вѣрную горничную, а съ другой сѣлъ самъ, и со всѣми людьми спокойно съѣхалъ со двора. Солнце начинало всходить, и опять ярко загорѣлся крестъ на церкви, когда Прасковья Ивановна проѣзжала мимо нея. Ровно за шесть сутокъ молилась она на этотъ крестъ.... помолилась и теперь, благодаря Бога за свое избавленіе. Коляска догнала ихъ уже въ пяти верстахъ отъ Парашина. Степанъ Михайловичъ пересадилъ сестру въ коляску и отправился съ нею въ Багрово.

Какъ же все это случилось? спросятъ меня. Неужели никто не видалъ этого происшествія? Куда дѣвался Михайла Максимовичъ и его вѣрные слуги? Неужели онъ ничего не зналъ, или его не было дома?.... Нѣтъ, многіе слышали и видѣли освобожденіе Прасковьи Ивановны; Михайла Максимовичъ былъ дома, даже зналъ, что происходитъ—и не осмѣлился показаться изъ своего флигеля.

Событіе совершилось очень просто: пропировавшіе съ бариномъ весь вечеръ холопы были такъ мертвецки пьяны, что иныхъ нельзя было добудиться. Любимый и трезвый лакей, не пившій никогда вина, съ трудомъ разбудилъ хмѣльного барина; дрожа отъ страха, разсказалъ онъ про наѣздъ Степана Михайловича и про ружья, прямо нацѣленныя на флигель. „Гдѣ же всѣ наши?“ спросилъ Михайла Максимовичъ. „Одни спятъ; другіе попрятались“, отвѣчалъ холопъ и солгалъ, потому что пьяная ватага начинала собираться у господскаго крыльца. Михайла Максимовичъ подумалъ, махнулъ рукой и сказалъ: „Чортъ съ ней! Запри дверь и смотри въ окно, что будетъ дальше.“ Чрезъ нѣсколько минутъ лакей закричалъ: „Барыню увозятъ!.... увезли!....“ — „Ложись спать“, сказалъ Михайла Максимовичъ, завернулся въ одѣяло и заснулъ, или притворился заснувшимъ.

Да, есть нравственная сила праваго дѣла, передъ которой уступаетъ мужество неправаго человѣка. Михайла Максимовичъ зналъ твердость духа и безстрашную отвагу Степана Михайловича, зналъ неправость своего дѣла и не смотря на свое бѣшенство и буйную смѣлость — уступилъ свою жертву безъ спора.

Бережно повезъ Степанъ Михайловичъ свою, всегда горячо любимую, больную сестру, возбуждавшую теперь еще большую его нѣжность и глубокое состраданіе. Онъ не разспрашивалъ ее дорогой ни о чемъ, и когда привезъ благополучно въ Багрово, то запретилъ домашнимъ безпокоить ее разспросами. Благодаря необыкновенно крѣпкому тѣлосложенію и столько же сильному духу, Прасковья Ивановна, недѣли черезъ двѣ, оправилась; тогда Степанъ Михайловичъ рѣшился разспросить ее обо всемъ: ему необходимо было знать настоящую истину событія для того, чтобы знать, какъ дѣйствовать, а росказнямъ людей, своими глазами ничего не видавшихъ, онъ никогда не вѣрилъ. Прасковья Ивановна съ полною откровенностью сказала ему настоящую

правду; но въ то же время просила, чтобъ онъ не говорилъ о томъ своему семейству и чтобъ никто ее ни о чемъ не разспрашивалъ. Боясь горячаго нрава своего брата, отдавая себя въ полное его распоряженіе, она умоляла однако не мстить Михайлѣ Максимовичу, и съ твердостью объявила, что она одумалась и рѣшилась не позорить своего мужа, не безчестить имени, которое сама должна носить во всю свою жизнь. Она прибавила, что теперь раскаялась въ тѣхъ словахъ, которыя вырвались у нея при первомъ свиданіи съ Михайломъ Максимовичемъ въ Парашинѣ, и что ни подъ какимъ видомъ она не хочетъ жаловаться на него губернатору; но считая за долгъ избавить отъ его жестокости крѣпостныхъ людей своихъ, она хочетъ уничтожить довѣренность на управленіе ея имѣніемъ и проситъ Степана Михайловича взять это управленіе на себя; проситъ также сейчасъ написать письмо къ Михайлу Максимовичу, чтобъ онъ возвратилъ довѣренность, а если же онъ этого не сдѣлаетъ, то она уничтожитъ ее судебнымъ порядкомъ. Она желала, чтобъ все это написано было Степаномъ Михайловичемъ твердо, но безъ всякихъ обидныхъ словъ; для большаго же удостовѣренія хотѣла собственноручно подписать свое имя; надобно прибавить, что она плохо знала русскую грамоту. Степанъ Михайловичъ такъ любилъ сестру, что преодолѣлъ свой гнѣвъ и согласился на ея просьбу и желаніе. Онъ не хотѣлъ слышать только объ одномъ: объ управленіи ея имѣніемъ. „Не люблю путаться въ чужія дѣла, говорилъ онъ, не хочу, чтобы твои родные сказали, что я нагрѣваю руки около твоихъ тысячи душъ. Хозяйство пойдетъ скверно у тебя, это правда, но ты богата, съ тебя будетъ; теперь же такъ и быть напишу, что беру на себя все управленіе имѣніемъ, чтобы пугнуть твоего сахара медовича.... Прочее, о чемъ просишь, все будетъ сдѣлано.“ Вслѣдствіе того семейству былъ отданъ строгій приказъ ни о чемъ не разспрашивать Парашу. Письмо къ Михайлѣ Максимовичу написалъ дѣдушка собственной своей рукой; Прасковья Ивановна также приписала въ немъ, и гонецъ отправился въ Парашино. Въ то время, какъ они соображали, думали, гадали и писали—въ Парашинѣ уже все было рѣшено. На четвертый день воротился гонецъ съ извѣстіемъ, что, волею Божіею, Михайла Максимовичъ скоропостижно скончался и что его уже похоронили.... Невольно перекрестился Степанъ

Михайловичъ, получивъ первый это извѣстіе, и сказалъ: „Слава Богу". То же сказала и вся его семья, которая, не смотря на свое прежнее благорасположеніе къ Куролесову, давно уже смотрѣла на него со страхомъ, какъ на ужаснаго злодѣя. Но не то было съ Прасковьей Ивановной. Судя по себѣ, всѣ думали, что она порадуется этому извѣстію, и поспѣшили сообщить его. Къ общему удивленію, она была поражена имъ до такой степени, что пришла въ совершенное отчаяніе, и снова захворала. Когда же крѣпкая натура преодолѣла болѣзнь, тоска овладѣла ею; нѣсколько недѣль не осушала она глазъ съ утра до вечера, и такъ исхудала, что напугала Степана Михайловича. Непонятно было для всѣхъ, изъ какого источника происходило такое глубокое сокрушеніе о смерти мужа, *изверга рода человѣческаго*, какъ всѣ его называли, котораго она не могла уже любить и который такъ злодѣйски поступилъ съ нею. Но вотъ объясненіе.

Нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ этого происшествія, моя мать, которую очень любила Прасковья Ивановна, спросила ее въ минуту сердечнаго изліянія и самыхъ откровенныхъ разговоровъ о прошедшемъ (которыхъ Прасковья Ивановна не любила): „Скажите пожалуйста, тетушка, какъ могли вы такъ убиваться по Михайлѣ Максимовичѣ? Я на вашемъ мѣстѣ сказала бы: царство ему небесное — и порадовалась бы." — „Ты дура, отвѣчала Прасковья Ивановна, я любила его четырнадцать лѣтъ, и не могла разлюбить въ одинъ мѣсяцъ; хотя узнала, какого страшнаго человѣка я любила, а главное, я сокрушалась объ его душѣ: онъ такъ умеръ, что не успѣлъ покаяться."

Къ шести недѣлямъ разсудокъ нѣсколько овладѣлъ страждущею душою Прасковьи Ивановны, и она поѣхала, или, лучше сказать, согласилась поѣхать въ Парашино вмѣстѣ съ братомъ и со всѣмъ его семействомъ, чтобы отслужить панихиду и отправить сорочины на могилѣ Михайлы Максимовича. Къ общему удивленію, Прасковья Ивановна, во время пребыванія своего въ Парашинѣ и во время печальной церемоніи, не выронила ни одной слезинки, но можно себѣ представить, чего стоило такое усиліе ея растерзанной душѣ и еще больному тѣлу! По ея желанію пробыли въ Парашинѣ только нѣсколько часовъ, и она не входила во флигель, въ которомъ жилъ и умеръ ея мужъ.

Не трудно догадаться, отъ чего произошла скоропостижная кончина Куролесова. Когда Степанъ Михайловичъ выручилъ свою сестру изъ подвала, то всѣ въ Парашинѣ ободрились и ожидали, что пришелъ конецъ владычеству Михайлы Максимовича. Всѣ думали, что Багровскій баринъ, бывшій вмѣсто отца ихъ барынѣ, скрутитъ ея мужа и выгонитъ изъ имѣнія, ему не принадлежащаго. Никому и въ голову не входило, чтобъ молодая ихъ госпожа, такъ обиженная, избитая до полусмерти, сидѣвшая на хлѣбѣ и на водѣ въ погребу, въ собственномъ своемъ имѣніи,—не стала преслѣдовать судебнымъ порядкомъ своего мучителя. Всякой день ждали, что нагрянетъ Степанъ Михайловичъ съ капитанъ-исправникомъ и земскимъ судомъ, но прошла недѣля, другая, третья—никто не пріѣзжалъ... Михайла Максимовичъ пилъ, гулялъ и буйствовалъ; передралъ до полусмерти всю свою дворню, не исключая и того трезваго лакея, который будилъ его во время извѣстнаго события — за то, что они его выдали, и хвалился, что получилъ отъ Прасковьи Ивановны крѣпость на все ея имѣніе. Мѣра терпѣнія человѣческаго преисполнилась; впереди не было никакой надежды, и двое изъ негодяевъ, изъ числа самыхъ приближенныхъ и—что всего замѣчательнѣе—менѣе другихъ терпѣвшіе отъ его жестокости, рѣшились на ужасное дѣло: они отравили его мышьякомъ, положа мышьякъ въ графинъ съ квасомъ, который выпивалъ обыкновенно Михайла Максимовичъ въ продолженіи ночи. Ядъ былъ положенъ въ такомъ количествѣ, что Куролесовъ жилъ не болѣе двухъ часовъ. Преступники не имѣли сообщниковъ, и потому такое страшное событіе поразило всѣхъ неописаннымъ ужасомъ. Всѣ подозрѣвали другъ друга, но долго не знали настоящихъ виновниковъ. Чрезъ полгода одинъ изъ нихъ сдѣлался отчаянно боленъ и предъ смертью признался въ своемъ преступленіи. Товарищъ его, котораго однако умирающій не назвалъ, бѣжалъ и пропалъ безъ вѣсти [1]).

Безъ сомнѣнія, скоропостижная смерть Куролесова повела бы за собой уголовное слѣдствіе, еслибъ въ Парашинѣ не было въ конторѣ очень молодого писца, котораго звали также Михайломъ Максимычемъ и который только недавно

[1]) Все это мѣсто о смерти Куролесова отъ словъ: „мѣра терпѣнія" было опущено въ предшествовавшихъ изданіяхъ Семейной Хроники вслѣдствіе цензурныхъ соображеній. *И. А.*

былъ привезенъ изъ Чурасова. Этотъ молодой человѣкъ, необыкновенно умный и ловкій, уладилъ все дѣло. Впослѣдствіи онъ былъ повѣреннымъ, главнымъ управителемъ всѣхъ имѣній и пользовался полною довѣренностью Прасковьи Ивановны. Подъ именемъ Михайлушки, онъ былъ извѣстенъ всѣмъ и каждому въ Симбирской и Оренбургской губерніи. Этотъ замѣчательно-умный человѣкъ нажилъ себѣ большія деньги, долго держался скромнаго образа жизни, но отпущенный на волю послѣ кончины Прасковьи Ивановны, потерявъ любимую жену, спился и умеръ въ бѣдности. Кто-то изъ его дѣтей, какъ мнѣ помнится, вышелъ въ чиновники и наконецъ въ дворяне.

Не могу умолчать, что лѣтъ черезъ сорокъ, сдѣлавшись владѣльцемъ Парашина, внукъ Степана Михайловича нашелъ въ крестьянахъ свѣжую, благодарную память объ управленіи Михайлы Максимовича, потому что чувствовали постоянную пользу многихъ его учрежденій; забыли его жестокость, отъ которой страдали преимущественно дворовые, но помнили умѣнье отличать праваго отъ виноватаго, работящаго отъ лѣниваго, совершенное знаніе крестьянскихъ нуждъ и всегда готовую помощь. Старики разсказывали, улыбаясь, что у Куролесова была поговорка: „плутуй, воруй, да концы хорони, а попался, такъ не пеняй“.

Воротясь въ Багрово, Прасковья Ивановна, пригрѣтая самой нѣжной искренней любовью своего брата и заботливымъ ухаживаньемъ всей его семьи (которую однако она не очень любила), ожидавшей отъ нея великихъ и богатыхъ милостей, мало-по-малу отдыхала отъ удара, жестоко ее поразившаго. Крѣпкое ея здоровье возстановилось, душа успокоилась, и по прошествіи года она рѣшилась переѣхать въ свое Чурасово. Грустно было Степану Михайловичу разставаться съ сестрицей; по душѣ она пришлась ему всѣми своими свойствами, и привыкъ онъ къ ней чрезвычайно; во всю свою жизнь онъ ни разу не прогнѣвался на Прасковью Ивановну; но онъ не удерживалъ ее, а напротивъ самъ уговаривалъ къ скорѣйшему отъѣзду. „Ну что, сестрица, за-житье тебѣ съ нами? говорилъ Степанъ Михайловичъ. У насъ жизнь скучная, но мы уже къ ней привыкли. Ты человѣкъ еще молодой (ей былъ тридцатый годъ), ты богата, ты привыкла не къ такой жизни. Ступай въ свое Чурасово. Тамъ у тебя домъ барскій, диковинный садъ съ родниками, много бога-

тыхъ сосѣдей, всѣ тебя любятъ, всѣ живутъ весело; а можетъ быть Богъ пошлетъ тебѣ счастливую судьбу; охотниковъ будетъ много." Прасковья Ивановна со дня на день откладывала свой отъѣздъ—такъ было тяжело ей разстаться съ братомъ, ея спасителемъ и благодѣтелемъ съ малыхъ лѣтъ. Наконецъ день былъ назначенъ. Наканунѣ, рано поутру, пришла она къ Степану Михайловичу, который, задумавшись, печально сидѣлъ на своемъ крылечкѣ; она обняла его, поцѣловала, заплакала и сказала: „братецъ, я чувствую всю вашу ко мнѣ любовь и сама люблю и почитаю васъ, какъ родного отца. Конечно, Богъ видитъ мою благодарность; но я хочу, чтобъ и люди ее видѣли. Позвольте мнѣ укрѣпить вамъ все мое материнское имѣніе: отцовское и безъ того достанется Алешѣ. Мои родные, съ матушкиной стороны, богаты, и вы знаете, что мнѣ не за что награждать ихъ своимъ имѣніемъ. Замужъ я никогда не пойду. Я хочу, чтобъ родъ Багровыхъ былъ богатъ. Согласитесь, братецъ, успокойте, утѣшьте меня." И при этихъ словахъ она бросилась ему въ ноги и осыпала поцѣлуями его руки, которыми онъ старался поднять ее. „Слушай, сестра, сказалъ Степанъ Михайловичъ нѣсколько строгимъ голосомъ. Ты меня плохо знаешь! Чтобъ я покорыстовался чужимъ добромъ и взялъ имѣнье мимо законныхъ наслѣдниковъ.... нѣтъ, этому не бывать и никто про Степана Багрова этого не скажетъ. Смотри же, чтобъ и помину не было объ Бактеевскомъ имѣньи; а не то мы съ тобою поссоримся въ первый разъ въ жизни."

На другой день Прасковья Ивановна уѣхала въ Чурасово и зажила своей особенною, самобытною жизнью.

Третій отрывокъ изъ Семейной Хроники.

Женитьба молодого БАГРОВА.

Много пронеслось годовъ, много совершилось событій: былъ голодъ, повальныя болѣзни, была Пугачевщина. Шайки Емели распугали помѣщиковъ Оренбургскаго края, и Степанъ Михайловичъ со своимъ семействомъ также бѣжалъ, сначала въ Самару, а потомъ, внизъ по матушкѣ по Волгѣ, въ Саратовъ и даже Астрахань. Но все прошло, все успокоилось, все забылось. Одни подросли, другіе возмужали, третьи постарѣли: разумѣется въ числѣ третьихъ былъ Степанъ Михайловичъ. Видѣлъ это онъ и самъ, да какъ-то не вѣрилъ. Нерѣдко говорилъ онъ: „много уплыло по вешней водѣ", и говорилъ онъ это безъ огорченія, какъ будто рѣчь шла о другомъ человѣкѣ, а не о немъ.... въ самомъ дѣлѣ не тотъ уже былъ мой дѣдушка. Куда дѣвались его богатырскія силы, и проворство, и неутомимость? Дѣдушка дивился тому иногда, но продолжалъ жить по прежнему, по старинному: онъ такъ же, столько же ѣлъ и пилъ, сколько и чего хотѣла душа; такъ же одѣвался, не справляясь съ погодою, отъ чего начиналъ иногда прихварывать. Тускнѣли понемногу его ясные и зоркіе взгляды, слабѣлъ громкій голосъ; рѣже онъ

гнѣвался, рѣже бывалъ веселъ и свѣтелъ. Старшихъ дочерей своихъ онъ пристроилъ: первая, Веригина, уже давно умерла, оставивъ трехлѣтнюю дочь; вторая, Коптяжева, овдовѣла и опять вышла замужъ за Нагаткина; умная и гордая Елисавета какими-то судьбами попала за генерала Ерлыкина, который, между прочимъ, былъ старъ, бѣденъ и пилъ запоемъ; Александра нашла себѣ столбового русскаго дворянина, молодого и съ состояніемъ, И. П. Коротаева, страстнаго любителя Башкирцевъ и кочевой ихъ жизни,— Башкирца душой и тѣломъ; меньшая, Танюша, оставалась при родителяхъ; сынокъ былъ уже двадцати-семи лѣтъ, красавчикъ, кровь съ молокомъ: „кофту да юбку, такъ больше бы походилъ на барышню, чѣмъ всѣ сестры", такъ говорилъ про него самъ отецъ. Не смотря на горькія слезы и постоянное сокрушеніе Арины Васильевны, Степанъ Михайловичъ, какъ только сыну минуло шестнадцать лѣтъ, опредѣлилъ его въ военную службу, въ которой онъ служилъ года три и по протекціи Михайлы Максимовича Куролесова находился почти годъ безсмѣннымъ ординарцемъ при Суворовѣ; но Суворовъ уѣхалъ изъ Оренбургскаго края, и какой-то нѣмецъ генералъ (кажется Трейблутъ) безъ всякой вины жестоко отколотилъ палками молодого человѣка, не смотря на его древнее дворянство. Бабушка чуть не умерла съ печали, да и дѣдушкѣ не понравилась эта штука: онъ взялъ Алешу въ отставку и опредѣлилъ въ Верхній Земскій Судъ, гдѣ онъ усердно и долго служилъ и былъ впослѣдствіи прокуроромъ.

Не могу пройти молчаніемъ замѣченную мною странность: большая часть этихъ господъ нѣмцевъ и вообще иностранцевъ, служившихъ тогда въ русской службѣ, постоянно отличались жестокостью и большою охотою до палокъ. Нѣмецъ-лютеранинъ, отколотившій безпощадно молодого Багрова, былъ въ то же время строгимъ соблюдателемъ церковныхъ русскихъ обрядовъ. Вотъ какъ случилось это историческое событіе въ Багровской семейной хроникѣ. Подъ какой-то неважный праздникъ приказалъ нѣмецъ-генералъ служить всенощную въ полковой церкви, что совершалось всегда въ его присутствіи и при собраніи всѣхъ офицеровъ. Время было лѣтнее, окошки отворены; вдругъ залилась въ воздухѣ русская пѣсня по Дворянской улицѣ города Уфы; генералъ бросился къ окошку; по улицѣ шли

трое молодыхъ унтеръ-офицеровъ, одинъ изъ нихъ пѣлъ пѣсню; генералъ приказалъ ихъ схватить и каждому дать по триста палокъ. Бѣдный мой отецъ, который не пѣлъ, а только вмѣстѣ шелъ съ другими унтерами, объявилъ, что онъ дворянинъ, но генералъ, злобно улыбаясь, сказалъ ему: „Дворянинъ долженъ быть съ большимъ благоговѣніемъ къ служба Господня“ — и въ своемъ присутствіи, въ сосѣдней комнатѣ съ церковью, при торжественномъ пѣніи божественныхъ славословій, звѣрски приказалъ отсчитать триста ударовъ невинному юношѣ, запрещая даже ему кричать, чтобъ: „не возмущать Господня служба“. Замертво отвезли наказаннаго въ лазаретъ. Тамъ должны были разрѣзать на немъ мундиръ, — такъ распухло его нѣжное молодое тѣло; два мѣсяца гнила у него спина и плечи. Каково было все это узнать матери, любившей единственнаго сынка до безумія! Дѣдушка жаловался кому-то, и еще до выхода изъ лазарета сынъ его, немедленно подавшій просьбу объ отставкѣ, былъ уволенъ изъ военной службы для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ, съ чиномъ 14-го класса. Въ настоящее время было забыто это происшествіе; ему прошло уже восемь лѣтъ.

Алексѣй Степановичъ [1]) преспокойно служилъ и жилъ въ Уфѣ, отстоявшей въ 240 верстахъ отъ Багрова, и пріѣзжалъ каждый годъ два раза на побывку къ своимъ родителямъ. Ничего особеннаго съ нимъ не происходило. Тихій, скромный, застѣнчивый, ко всѣмъ ласковый, цвѣлъ онъ какъ маковъ цвѣтъ, и вдругъ... помутился ясный ручеекъ жизни молодого деревенскаго дворянина.

Въ городѣ Уфѣ, гдѣ постоянно находилась воеводская канцелярія, постоянно жилъ Товарищъ Намѣстника, коллежскій совѣтникъ, Николай Ѳедоровичъ Зубинъ [2]), человѣкъ умный и честный, но слишкомъ нѣжный и слабый. Онъ овдовѣлъ и у него осталось трое дѣтей: дочь Сонечка [3]), двѣнадцати лѣтъ, и два малолѣтныхъ сына. Отецъ любилъ свою Сонечку страстно, да и какъ было не любить такую красавицу и умницу, которая, не смотря на свой дѣтскій возрастъ, скоро сдѣлалась ему подругой и помощницей по домашнему хозяйству. Года черезъ полтора послѣ

---

[1]) Т. е. Тимоѳей Степановичъ, отецъ автора Сем. Хроники.
[2]) Т. е. Зубовъ.
[3]) Т. е. Марья, мать автора Сем. Хроники.

смерти первой своей жены, горячо имъ любимой, выплакавъ сердечное горе, Николай Өедоровичъ успокоился и влюбился въ дочь извѣстнаго описателя Оренбургскаго края, тамошняго помѣщика П. А. Рычкова, и вскорѣ женился. Молодая жена, Александра Петровна, умная, гордая и красивая, овладѣла совершенно нѣжнымъ сердцемъ вдовца и возненавидѣла его любимицу, свою молоденькую, но уже прекрасную, падчерицу. Дѣло весьма обыкновенное. Страшное слово мачиха, давно сдѣлавшееся прилагательнымъ именемъ для выраженія жестокости, шло какъ нельзя лучше къ Александрѣ Петровнѣ; но Соничку нельзя было легко вырвать изъ сердца отца: дѣвочка была неуступчиваго нрава, съ ней надо было бороться, и оттого злоба мачихи достигла крайнихъ предѣловъ; она поклялась, что дерзкая тринадцати-лѣтняя дѣвчонка, кумиръ отца и цѣлаго города, будетъ жить въ дѣвичьей, ходить въ выбойчатомъ платьѣ и выносить нечистоту изъ-подъ ея дѣтей... Она буквально сдержала свою клятву: черезъ два или три года Соничка жила въ дѣвичьей, одѣвалась какъ черная служанка, мыла и чистила дѣтскую, гдѣ поселились уже двѣ новыя сестрицы. Что же страстно любившій отецъ?.. Онъ не видѣлъ дочери по цѣлымъ мѣсяцамъ, и когда встрѣчалъ, одѣтую чуть не въ рубище,—отворачивался, вздыхалъ, плакалъ потихоньку и спѣшилъ удалиться. Таковы бываютъ по большей части немолодые вдовцы, влюбленные въ молодыхъ своихъ женъ. Я не знаю въ точности всѣхъ путей и средствъ, которыми достигла Александра Петровна своего торжества, и потому не стану говорить о нихъ; не стану также распространяться о томъ, какимъ жестокостямъ и мученіямъ подвергалась несчастная сирота, одаренная отъ природы чувствительною, сильною и непокорною душою; тутъ не были забыты самыя унизительныя наказанія, даже побои за небывалыя вины. Скажу только, что падчерица была близка къ самоубійству: она спаслась отъ него чудомъ. Вотъ какъ это случилось: рѣшившись прекратить невыносимую жизнь, бѣдная дѣвушка захотѣла въ послѣдній разъ помолиться въ своей коморкѣ на чердакѣ, передъ образомъ Смоленской Божіей Матери, которымъ благословила ее умирающая мать. Она упала передъ иконой и, проливая ручьи горькихъ слезъ, приникла лицомъ къ грязному полу. Страданія лишили ее чувствъ на нѣсколько минутъ и она какъ-будто забылась; очнувшись, она встала

и видитъ, что передъ образомъ теплится свѣча, которая была потушена ею наканунѣ; страдалица вскрикнула отъ изумленія и невольнаго страха, но скоро, признавъ въ этомъ явленіи чудо всемогущества Божьяго,—она ободрилась, почувствовала, неизвѣстныя ей до тѣхъ поръ, спокойствіе и силу, и твердо рѣшилась страдать, терпѣть и жить. Съ этого дня безпомощная сирота облеклась непроницаемою бронею терпѣнія къ вящему раздраженію своей мачихи. Она все исполняла, что ей приказывали; все переносила спокойно; никакія унизительныя наказанія не вырывали слезъ, не доводили ее до дурноты, до обморока, какъ это прежде бывало, и къ обыкновенному названію: „мерзкая дѣвчонка" присоединился эпитетъ: „отчаянная и мерзкая дѣвчонка". Но исполнилась мѣра долготерпѣнія Божьяго, и грянулъ громъ: великолѣпная Александра Петровна, въ цвѣтѣ лѣтъ, здоровья и красоты, родила еще сына и умерла въ десятый день послѣ родовъ. Она знала за сутки, что должна умереть и поспѣшила примириться со своею совѣстью: вдругъ ночью разбудили Соничку и позвали къ мачихѣ; Александра Петровна при свидѣтеляхъ покаялась въ своихъ винахъ передъ падчерицей, просила у нея прощенья и заклинала именемъ Божіимъ не оставить ея дѣтей; падчерица простила, обѣщалась не оставить ихъ, и сдержала обѣщаніе. Александра Петровна призналась такъ же своему мужу, что всѣ обвиненія, взводимыя на его дочь,—была выдумка и клевета.

Боже мой, какъ смерть перевернула все вверхъ дномъ! Николая Ѳедорыча разбилъ нервическій параличъ, послѣ котораго онъ жилъ еще нѣсколько лѣтъ, но уже не вставалъ съ постели. Загнанная, оборванная барышня, — которую подлое лакейство, особенно приданые мачихи, обижали сколько душѣ угодно, втоптали въ грязь,—вдругъ сдѣлалась полновластною госпожею въ домѣ, потому что больной отецъ отдалъ ей въ распоряженіе все. Объясненіе и примиреніе виновнаго отца съ обиженной дочерью — были умилительны и даже возмутительны для дочери и окружающихъ. Раскаяніе долго терзало больного старика, долго лились у него слезы и день и ночь, и долго повторялъ онъ только одни слова: „Нѣтъ, Соничка, ты не можешь меня простить!" Не осталось ни одного знакомаго въ городѣ, передъ которымъ онъ не исповѣдовалъ бы торжественно винъ своихъ передъ дочерью, и „Софья Николаевна" сдѣлалась предметомъ всеобщаго ува-

женія и удивленія. Умудренная годами тяжкихъ страданій, семнадцати-лѣтняя дѣвушка вдругъ превратилась въ совершенную женщину, мать, хозяйку и даже офиціальную даму, потому что по болѣзни отца принимала всѣ власти, всѣхъ чиновниковъ и городскихъ жителей, вела съ ними переговоры, писала письма, дѣловыя бумаги, и впослѣдствіи сдѣлалась настоящимъ правителемъ дѣлъ отцовской канцеляріи. Съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ и нѣжностью ухаживала Софья Николаевна за больнымъ отцомъ, присматривала попечительно за тремя братьями и двумя сестрами и даже позаботилась о воспитаніи старшихъ; она нашла возможность пріискать учителей для своихъ братьевъ, отъ одной съ ней матери, Сергѣя и Александра, изъ которыхъ первому было двѣнадцать, а другому десять лѣтъ: она отыскала для нихъ какого-то предобраго француза Вильме, заброшеннаго судьбою въ Уфу, и какого-то полу-ученаго малоросса В—скаго, сосланнаго туда же за неудавшіяся плутни. Софья Николаевна воспользовалась случаемъ, сама училась вмѣстѣ съ братьями [1]) и черезъ полтора года отправила ихъ въ Москву къ А. Ѳ. Аничкову, съ которымъ черезъ двоюроднаго его брата, находившагося въ Уфѣ, познакомилась она заочно и вела постоянную переписку. Аничковъ жилъ въ Москвѣ, вмѣстѣ съ извѣстнымъ Н. И. Новиковымъ; оба пріятеля до того плѣнились краснорѣчивыми письмами неизвѣстной барышни съ береговъ рѣки Бѣлой, изъ Башкиріи, что присылали ей всѣ замѣчательныя сочиненія въ русской литературѣ, какія тогда появлялись, что очень много способствовало ея образованію. Аничковъ былъ особеннымъ ея почитателемъ и счелъ за счастіе исполнить просьбу Софьи Николаевны, то-есть, взять на свои руки обоихъ ея братьевъ и помѣстить ихъ въ университетскій благородный пансіонъ, что и сдѣлалъ усердно и точно. Мальчики очень хорошо учились, но по несчастію ученье было прервано тѣмъ, что ихъ потребовали въ гвардію, куда они были записаны еще въ колыбели.

Всѣ, по тогдашнему умные и образованные люди, попадавшіе въ Уфу, спѣшили познакомиться съ Софьей Николаевной, плѣнялись ею и никогда не забывали. Большая часть такихъ знакомствъ обратилась впослѣдствіи въ дружбу съ

---

[1]) Она училась такъ прилежно, что скоро могла понимать французскія книги, разговоры и даже выучилась немного говорить по французски.

ея семействомъ, которая прекращалась только смертью. Изъ числа ихъ я назову только тѣхъ, которыхъ зналъ самъ: В. В. Романовскаго, А. Ю. Авенаріуса, П. И. Чичагова, Д. Б. Мертваго и В. И. Ичанскаго. Ученые и путешественники, посѣщавшіе новый и чудный Уфимскій край, также непремѣнно знакомились съ Софьей Николаевной и оставляли письменные знаки удивленія ея красотѣ и уму. Конечно, положеніе этой дѣвушки въ обществѣ и семействѣ было выгодно, служило ей, такъ сказать, картиннымъ подножіемъ, но за то и стояло на немъ чудное созданіе. Особенно памятны мнѣ стихи одного путешественника, графа Мантейфеля, который прислалъ ихъ Софьѣ Николаевнѣ при самомъ почтительномъ письмѣ на французскомъ языкѣ, съ приложеніемъ экземпляра огромнаго сочиненія въ пяти томахъ in quarto доктора Бухана, только-что переведеннаго съ англійскаго на русскій языкъ и бывшаго тогда знаменитою новостью въ медицинѣ. Домашній лѣчебникъ Бухана былъ драгоцѣннымъ подаркомъ для Софьи Николаевны: она могла пользоваться его указаніями и составлять лѣкарства для лѣченія своего больного отца. Въ стихахъ же графъ Мантейфель называлъ уфимскую красавицу и Венерой, и Минервой.

Не смотря на болѣзненное состояніе, Николай Ѳедоровичъ не оставлялъ нѣсколько лѣтъ своей должности. Всякій годъ раза два онъ давалъ вечера съ танцами; самъ къ дамамъ не выходилъ, а мужчинъ принималъ лежа въ кабинетѣ; но молодая хозяйка принимала весь городъ. Нѣсколько разъ въ годъ онъ непремѣнно посылалъ свою Соничку на балы къ почетнымъ лицамъ города. Софья Николаевна, богато одѣтая, отлично по тогдашнему танцующая, уступая усильнымъ просьбамъ старика, пріѣзжала на балъ на самое короткое время. Протанцовавъ польскій, менуэтъ и одинъ контредансъ или экоссесъ, она сейчасъ уѣзжала, мелькнувъ въ обществѣ, какъ блестящій метеоръ. Все, что имѣло право влюбляться, было влюблено въ Софью Николаевну, но любовью самою почтительной и безнадежной, потому что строгость ея нравовъ доходила до крайнихъ размѣровъ.

И вотъ въ какую необыкновенную дѣвушку влюбился сынокъ Степана Михайловича. Онъ не могъ вполнѣ понимать и цѣнить ее, но одной наружности, одного живого и веселаго ума ея достаточно было, чтобы свести съ ума человѣка—и молодой человѣкъ сошелъ съ ума. Съ перваго

взгляда Софья Николаевна, которую онъ увидѣлъ у обѣдни, обворожила, какъ говорили тогда, его мягкое сердце. Узнавъ, что красавица принимаетъ всѣхъ чиновниковъ, пріѣзжающихъ къ ея отцу, Алексѣй Степановичъ (станемъ звать его полнымъ именемъ), какъ чиновникъ, служившій въ Верхнемъ Земскомъ Судѣ, сталъ постоянно являться съ поздравленіями по праздничнымъ и табельнымъ днямъ, въ пріемной Товарища Намѣстника; всегда видѣлъ Софью Николаевну и таялъ часъ отъ часу болѣе. Эти посѣщенія, слишкомъ точныя, слишкомъ продолжительныя, хотя почти безмолвныя, были скоро замѣчены всѣми, и вѣроятно, — первая замѣтила ихъ молодая хозяйка. Очарованные глаза, пылающія щеки, смущеніе, доходившее до самозабвенія, всегда были краснорѣчивыми объяснителями любви. Надъ искренней любовью обыкновенно всѣ смѣются, такъ положено испоконъ вѣка,— и весь городъ смѣялся надъ смиреннымъ, застѣнчивымъ и стыдливымъ, какъ деревенская дѣвушка, Алексѣемъ Степанычемъ, который въ отвѣтъ на всѣ шутки и намеки конфузился и краснѣлъ, какъ маковъ цвѣтъ. Софья Николаевна, строгая и даже суровая ко всѣмъ свѣтскимъ любезникамъ, вопреки ожиданію всѣхъ, была снисходительна къ своему безмолвному обожателю. Я не знаю, жалко-ли ей стало молодого безотвѣтнаго человѣка, терпѣвшаго за любовь къ ней насмѣшки; поняла-ли она, что это не минутное увлеченіе, не шутка для него, а вопросъ цѣлой жизни—не знаю, но суровая красавица не только благосклонно кланялась и смотрѣла на Алексѣя Степаныча, но даже заговаривала съ нимъ; робкіе, несвязные отвѣты, прерывающійся отъ внутренняго волненія голосъ, не казались ей ни смѣшными, ни противными. Впрочемъ, надо сказать, что Софья Николаевна высоко себя держала передъ бойкими и заносчивыми людьми, а со смиренными и скромными всегда была снисходительна и ласкова.

Такъ тянулось дѣло довольно долго. Вдругъ дерзкая мысль озарила горящую голову Алексѣя Степаныча, мысль—жениться на Софьѣ Николаевнѣ! Онъ самъ сначала перепугался такого смѣлаго и несбыточнаго желанія. Куда ему до Софьи Николаевны, перваго лица въ городѣ, первой умницы и красавицы въ цѣломъ свѣтѣ по его мнѣнію... и онъ совершенно отбросилъ такое намѣреніе. Но мало-по-малу, постоянная благосклонность и вниманіе, привѣтливые, какъ-будто ободряющіе

взгляды Софьи Николаевны (такъ ему казалось), а всего более любовь, овладѣвшая всѣмъ существомъ его, снова вызвали отброшенную мысль, и она скоро сроднилась, сжилась съ его жизнью. Одна старая помѣщица, жившая по дѣлу въ Уфѣ, Алакаева, которая ѣзжала въ домъ къ Зубинымъ, дальняя родственница Алексѣя Степаныча, принимала въ немъ всегда особенное участіе; онъ сталъ чаще навѣщать ее, ласкаться къ ней, какъ умѣлъ, и наконецъ открылся въ своей любви къ извѣстной особѣ и въ своемъ намѣреніи искать ея руки. Любовь, какъ городская молва, была давно извѣстна Алакаевой; но намѣреніе жениться ее удивило. „Не пойдетъ, сказала старуха, качая головой, она преумная, прегордая, превоспитанная. Мало-ли въ нее влюблялись, но никто посвататься не осмѣлился. Ты, конечно, красавчикъ, стариннаго дворянскаго рода, имѣешь небольшое состояніе, а со временемъ будешь и богатъ: это всѣ знаютъ; но ты человѣкъ не ошлифованный, деревенскій, ничему не ученый, и больно ужъ смиренъ въ публикѣ“... Обо всемъ этомъ догадывался и самъ Алексѣй Степанычъ, но любовь совершенно помутила ему голову, и денно и ночно кто-то шепталъ ему въ уши, что Софья Николавна за него пойдетъ. Хотя надежды молодого человѣка казались Алакаевой неосновательны, но она согласилась на его просьбу съѣздить къ Софьѣ Николавнѣ и, не дѣлая никакихъ намековъ о его намѣреніи, завести рѣчь о немъ какъ-нибудь стороною, и замѣтить все, что она скажетъ. Алакаева поѣхала немедленно; Алексѣй Степанычъ остался у ней въ домѣ, ожидая ея возвращенія; старуха проѣздила довольно долго; на влюбленнаго напалъ такой страхъ, такая тоска, что онъ принялся плакать, и наконецъ, утомленный слезами, заснулъ, прислонясь головой къ окошку. Старуха, воротясь, разбудила его и съ веселымъ видомъ сказала: „Ну, Алексѣй Степанычъ, въ самомъ дѣлѣ что-то есть. Я стала о тебѣ говорить и немножко на тебя нападать, а Софья Николавна заступилась за тебя не на шутку и наконецъ сказала, что ты долженъ быть человѣкъ очень добрый, скромный, тихій и почтительный къ родителямъ, что такихъ людей благословляетъ Богъ и что такіе люди лучше бойкихъ говоруновъ“. Алексѣй Степанычъ опьянѣлъ отъ радости и самъ не помнилъ, что говорилъ тогда. Алакаева, давъ ему успокоиться, съ твердостью сказала: „Если это твое непремѣнное желаніе, то вотъ тебѣ мой совѣтъ.

Поѣзжай немедленно къ отцу и матери, разскажи имъ все и проси у нихъ согласія и благословенія, пока добрые люди не помѣшали. Если ты получишь и то и другое, то я не отказываюсь хлопотать за тебя. Только не торопись; умасли напередъ сестеръ, а мать противиться твоему желанію не станетъ. Разумѣется, первое дѣло согласіе твоего отца. Я его знаю, онъ больно крутъ, но разуменъ; поговори съ нимъ, когда онъ будетъ веселъ". Алексѣй Степанычъ удивился такому осторожному совѣту и такимъ околичностямъ, и возразилъ: „что родители его будутъ очень рады и что развѣ есть какой-нибудь порокъ въ Софьѣ Николавнѣ?"—„Пребольшой", отвѣчала умная старуха. „Она бѣдна, у нея ровно нѣтъ ничего, а ея дѣдушка былъ простой урядникъ въ казачьемъ Уральскомъ войскѣ". На Алексѣя Степаныча нисколько не подѣйствовали эти многозначительныя слова; но предчувствіе не обмануло старуху Алакаеву, и предостереженіе было слишкомъ поздно. Черезъ недѣлю Алексѣй Степанычъ взялъ отпускъ, раскланялся съ Софьей Николавной, которая очень ласково пожелала ему счастливаго пути, пожелала, чтобъ онъ нашелъ родителей своихъ здоровыми и обрадовалъ ихъ своимъ пріѣздомъ,—и полный радостныхъ надеждъ отъ такихъ пріятныхъ словъ, молодой человѣкъ уѣхалъ въ деревню къ отцу и матери. Старики обрадовались, но какъ-то не удивились несвоевременному пріѣзду сына и посматривали на него вопросительно; а сестры (которыя жили неподалеку и по увѣдомленію матери сейчасъ прискакали) цѣловали и миловали братца, но чему-то улыбались. Алексѣй Степанычъ былъ особенно друженъ съ меньшей сестрой и открылся ей первой въ своей страсти. Татьяна Степановна, нѣсколько романическая дѣвица, любившая брата больше, чѣмъ другія сестры, слушала его съ участіемъ и наконецъ такъ увлеклась, что открыла ему весь секретъ: семья знала уже объ его любви и смотрѣла на нее неблагопріятно. Вотъ какимъ образомъ происходило дѣло: мѣсяца за два до пріѣзда Алексѣя Степаныча, Иванъ Петровичъ Каратаевъ ѣздилъ зачѣмъ-то въ Уфу и привезъ своей женѣ эту городскую новость; Александра Степановна (я сказалъ о ея свойствахъ) вскипѣла негодованіемъ и злобой; она была коноводъ въ своей семьѣ и вертѣла всѣми, какъ хотѣла, разумѣется, кромѣ отца; она обратила въ шпіоны одного изъ лакеевъ Алексѣя Степаныча, и онъ сообщилъ ей всѣ

подробности объ образѣ жизни и о любви своего молодого барина; она нашла какую-то кумушку въ Уфѣ, которая разнюхала, разузнала всю подноготную и написала ей длинную грамоту, съ помощью отставного подъячаго, составленную изъ городскихъ вѣстей и сплетенъ дворни въ домѣ Зубина, преимущественно со словъ озлобленныхъ приданыхъ покойной мачихи. Не трудно догадаться, какими красками была расписана Софья Николавна.

Дѣло извѣстное, что въ старину (я разумѣю старину Екатерининскую), а можетъ быть и теперь, сестры не любили, или очень рѣдко любили своихъ невѣстокъ, то есть женъ своихъ братьевъ, отчего весьма краснорѣчиво называются *золовками;* еще болѣе не любили, когда женился единственный братъ, потому что жена его дѣлалась безраздѣльною, полною хозяйкою въ домѣ. Въ человѣческомъ существѣ скрыто много эгоизма; онъ дѣйствуетъ часто безъ нашего вѣдома, и никто не изъятъ отъ него; честные и добрые люди, не признавая въ себѣ эгоистическихъ побужденій, искренно приписываютъ ихъ инымъ благовиднымъ причинамъ: обманываютъ себя и другихъ безъ умысла. Въ натурахъ недобрыхъ, грубыхъ и невѣжественныхъ обнаруживаются признаки эгоизма ярче и безцеремоннѣе. Такъ было и въ семействѣ Степана Михайловича. Женитьба брата, на комъ бы то ни было, непремѣнно досадила-бы всѣмъ. „Братецъ къ намъ перемѣнится, не станетъ насъ такъ любить и жаловать, какъ прежде, молодая жена ототретъ родныхъ, и домъ родительскій будетъ намъ чужой“: это непремѣнно сказали-бы сестры Алексѣя Степаныча, хотя бы его невѣста была—ихъ поля ягода; но невѣстки Софьи Николавны хуже нельзя было придумать для нихъ. Александра Степановна поспѣшила пригласить Елизавету Степановну въ Багрово, чтобы сообщить матери и сестрамъ, разумѣется, съ приличными украшеніями, всѣ полученныя ею свѣдѣнія о похожденіяхъ своего братца; всѣ повѣрили ей безусловно, и вотъ какое мнѣніе составилось о Софьѣ Николавнѣ. Во-первыхъ, Зубиха (такъ называли ее сестры и мать Алексѣя Степаныча въ своихъ тайныхъ засѣданіяхъ) — низкаго рода: дѣдушка у ней былъ Уральскій казакъ, по прозванію Зубъ, а мать (Вѣра Ивановна Кандалинцова) изъ купеческаго званія. Слѣдовательно низко было породниться съ ней старинному дворянскому дому. Во-вторыхъ, Зубиха—нищая: какъ умретъ отецъ или

отставятъ его отъ должности, то пойдетъ по міру, а потому и братцевъ и сестрицъ своихъ навяжетъ на шею мужу. Въ третьихъ, Зубиха—гордячка, модница, городская прощелыга, привыкшая повелѣвать всѣмъ городомъ; слѣдовательно на нихъ, на деревенскихъ жителей, даромъ что они старинные столбовые дворяне,—и плюнуть не захочетъ. Наконецъ въ четвертыхъ, Зубиха—колдунья, которая корнями привораживаетъ къ себѣ всѣхъ мущинъ, бѣгающихъ за ней, высуня языкъ, и въ томъ числѣ приворотила бѣднаго братца ихъ, потому что пронюхала объ его будущемъ богатствѣ и объ его смиренствѣ, захотѣла быть старинной дворянкой и нарохтится за него замужъ... Александра Степановна, которая заправляла всѣмъ дѣломъ, съ помощью бойкаго и ядовитаго языка своего, всѣхъ смутила и доказала, какъ дважды два четыре, что такая невѣста, какъ Софья Николавна,—совершенная бѣда для нихъ; „что она, пожалуй, и Степана Михайловича приворотитъ, и тогда всѣ они пропали: слѣдовательно надо употребить всѣ усилія, чтобы Алексѣй Степанычъ не женился на Софьѣ Николавнѣ". Очевидно, что всего нужнѣе было внушить Степану Михайловичу самыя дурныя мысли о Софьѣ Николавнѣ, но какъ это сдѣлать? Дѣйствовать прямо онѣ не рѣшались, потому что совѣсть была нечиста. Кой грѣхъ, отецъ заподозритъ ихъ въ умыслѣ, тогда ужъ не повѣритъ и правдѣ; онъ еще и прежде, когда старики пріискали было невѣсту своему сыну, далъ имъ почувствовать, что понимаетъ ихъ нежеланіе — видѣть брата женатымъ. — Итакъ устроили слѣдующую махинацію: одну изъ родныхъ племянницъ Арины Васильевны, пѣтую дуру, смертную вѣстовщицу и пьяницу, Флену Ивановну Лупеневскую, научили пріѣхать какъ будто въ гости въ Багрово и, между прочими розсказнями, разсказать про любовь Алексѣя Степаныча, разумѣется, съ самой невыгодной стороны для Софьи Николавны. Долго Александра Степановна учила съ голосу Флену Ивановну, что говорить и какъ говорить. Наконецъ роль была по возможности вытвержена. Флена Ивановна явилась въ Багрово къ обѣду, послѣ котораго и хозяева и гости заснули часа три и потомъ собрались къ чаю. Старикъ былъ въ духѣ и самъ навелъ свою гостью на исполненіе роли. „Ну что, Флена пушка! (такъ звалъ ее Степанъ Михайловичъ по причинѣ толщины и малаго роста), разсказывай, что слышала о пріѣзжихъ изъ Уфы (ея сестра,

Катерина Ивановна Калышинская съ мужемъ недавно оттуда воротились). Чай, вѣстей навезли съ три короба, ну да ты прилжешь четвѳртый...“ — „Охъ, шутникъ ты нашъ, шутникъ, дядюшка любезный, отвѣчала Флена Ивановна, что мнѣ лгать! вѣстей-то навезли много“. Тутъ она разсказала цѣлую кучу разныхъ былей и небылицъ и нелѣпыхъ сплетенъ, отъ которыхъ я пощажу моихъ читателей. Дѣдушка притворился, что ничему не вѣритъ, даже справедливымъ извѣстіямъ; онъ подтрунивалъ надъ разсказщицей, путалъ ее въ словахъ, сбивалъ и такъ забавно дразнилъ, что вся семья валялась со смѣху. Глупой бабѣ, выпившей со сна добрую чарку настойки для бодрости, за досаду стало, и она съ нѣкоторою горячностью сказала старику: „Да что это, дядюшка, ты все смѣешься и ничему не вѣришь? погоди, я приберегла тебѣ вѣсточку на закуску; ты ей за неволю повѣришь, да и смѣяться не станешь.“ Семья переглянулась, а дѣдушка засмѣялся.—„Ну, вытряхивай, весело сказалъ онъ; повѣрить не повѣрю, а смѣяться не стану; ты ужъ мнѣ надоѣла.“—„Охъ, дядюшка, дядюшка, начала Флена Ивановна; ты вотъ объ братцѣ-то нашемъ любезномъ, Алексѣѣ-то Степановичѣ, ничего не знаешь. Вѣдь онъ высохъ съ тоски; приворотила его къ себѣ нечистой силой уфимская вѣдьма, дочка набольшаго тамошняго, воеводы что-ли, намѣстника ли—не знаю. Говорятъ, такая красавица, всѣхъ заполонила, и старыхъ и молодыхъ, всѣхъ корнями обвела. Всѣ за ней, прости Господи, какъ кобели за сукой, такъ и бѣгаютъ. А голубчикъ-то мой, братецъ-то Алексѣй Степанычъ, такъ врюхался, что ни ѣстъ, ни пьетъ и не спитъ. Все и сидитъ у ней, глазъ съ нея не сводитъ, глядитъ да вздыхаетъ, а по ночамъ все мимо ея дома ходитъ, съ ружьемъ да съ саблей, все караулитъ ее; она же, Зубиха-то, говорятъ, его приголубливаетъ; вѣдь онъ самъ красавчикъ и столбовой дворянинъ, такъ у ней губа-то не дура: хочетъ за него замужъ выйти. Да и какъ не хотѣть? вѣдь она нищая и отецъ ея изъ простыхъ, сынъ казака Уральскаго, Ѳедьки Зуба; хоть самъ и дослужился до чиновъ и при большихъ мѣстахъ былъ, а ничего не нажилъ: все протранжирилъ на столы да на пиры, да на дочкины наряды; старикъ еле живъ, на ладонъ дышетъ, а дѣтей-то куча: отъ двухъ женъ—шесть человѣкъ. Всѣ сядутъ на твою, дядюшка, шею, коли братецъ-то на ней женится; у ней

приданаго однѣ платья; на брюхѣ-то шелкъ, а въ брюхѣ-то щелкъ. А ужъ Алексѣй Степанычъ, говорятъ, на себя не похожъ—узнать нельзя, точно въ воду опущенный; ужъ и лакеи-то, глядя на него, плачутъ, а вамъ доложить не смѣютъ. Повѣрь, дядюшка, все правда до единаго слова; допроси своихъ лакеевъ, они не запрутся.“ Арина Васильевна принялась плакать, а дочки куксить глаза. Дѣдушка былъ немного озадаченъ, но скоро овладѣлъ собою и съ равнодушной улыбкой отвѣчалъ: „Прилгано много, а можетъ есть и правда. Я самъ слышалъ, что Зубина красавица и умница, вотъ въ чемъ и все колдовство [1]). Что мудренаго, если и у Алексѣя глаза разгорѣлись. Остальное все враки. Выйти замужъ за Алексѣя—Зубина и не думаетъ; она найдетъ себѣ получше и побойчѣе жениха. Онъ ей не пара.—Ну, теперь кончено. Больше объ этомъ не тарантить. Пойдемте пить чай на дворѣ.“—Разумѣется, Флена Ивановна и всѣ прочіе болѣе не смѣли и поминать объ уфимскихъ новостяхъ. Вечеромъ гостья уѣхала. Послѣ ужина, когда Арина Васильевна и дочери начали было безмолвно прощаться съ Степаномъ Михайловичемъ, онъ остановилъ ихъ слѣдующими словами: „Ну что, Ариша? что у тебя на умѣ бродитъ? Дура Флена, конечно, много приврала, а мнѣ сдается, что тутъ есть и правда. Письма Алексѣевы какъ-то стали другія. Надо бы это дѣло какъ-нибудь поразвѣдать. Да всего лучше позовемъ Алешу сюда: отъ него узнаемъ всю правду.“—Тутъ Александра Степановна вызвалась въ одну недѣлю спосылать нарочнаго въ Уфу, чтобы развѣдать объ этомъ дѣлѣ черезъ родственницу своего мужа, прибавя, что она женщина правдивая и ни за что не солжетъ. Старикъ согласился не вызывать сына до полученія новыхъ извѣстій. Александра Степановна сейчасъ ускакала домой въ свою Каратаевку (всего въ 50 верстахъ отъ Багрова) и ровно черезъ недѣлю воротилась къ старикамъ; она привезла то самое письмо, которое еще прежде получила отъ своей кумушки и о которомъ я уже говорилъ. Письмо показали и прочли Степану Михайловичу, и хотя

[1]) Дѣдушка вообще колдовству мало вѣрилъ. Даже стрѣлялъ одинъ разъ (вынувъ тихонько дробь) въ колдуна, который увѣрялъ, что ружье заговорено и не выстрѣлитъ; разумѣется, ружье выстрѣлило и крѣпко напугало колдуна, который однако нашелся и торжественно объявилъ, что дѣдушка мой „самъ знаетъ“, чему и повѣрили всѣ, разумѣется кромѣ Степана Михайловича.

онъ плохо вѣрилъ женскимъ справкамъ и донесеніямъ, но нѣкоторыя статьи въ письмѣ показались ему правдоподобными и произвели на него непріятное впечатлѣніе. Онъ рѣшительно сказалъ, что если въ самомъ дѣлѣ Зубина думаетъ выйти замужъ за Алешу, то онъ не позволитъ ему жениться на ней, потому что она не дворянскаго рода. „На этой же почтѣ пишите къ Алешѣ и зовите его домой."—Черезъ нѣсколько дней, которые не были потеряны даромъ, потому что Арина Васильевна съ дочерьми успѣли напѣть въ уши старику много неблагопріятнаго для любви Алексѣя Степаныча, вдругъ, какъ снѣгъ на голову, явился онъ самъ, что мы уже знаемъ.

Услыхавъ отъ сестры все, сейчасъ разсказанное мною, Алексѣй Степанычъ крѣпко призадумался и оробѣлъ. Лишенный отъ природы твердой воли, воспитанный въ слѣпомъ повиновеніи къ семейству, къ отцу, — въ страхѣ онъ не зналъ, что ему дѣлать. Наконецъ, рѣшился поговорить съ матерью. Арина Васильевна, любившая единственнаго сынка безъ памяти, но привыкшая думать, что онъ все еще малое дитя, и предубѣжденная, что это дитя полюбило опасную игрушку,—встрѣтила признаніе сына въ сильномъ чувствѣ такими словами, какими встрѣчаютъ желаніе ребенка, просящаго дать ему въ руки раскаленное желѣзо; когда же онъ, слыша такія рѣчи, залился слезами, она утѣшала его, опять-таки, какъ ребенка, у котораго отнимаютъ любимую игрушку. Что ни говорилъ Алексѣй Степанычъ, какъ ни старался опровергнуть клеветы на Софью Николавну—мать его не слушала, или слушала безъ всякаго вниманія. Прошло еще два дня: сердце молодого человѣка разрывалось; тоска по Софьѣ Николавнѣ и любовь къ ней росли съ каждымъ часомъ, но вѣроятно онъ не скоро бы осмѣлился говорить съ отцемъ, если бы Степанъ Михайловичъ не предупредилъ его самъ. Въ одно прекрасное утро, послѣ ночи, проведенной почти безъ сна, Алексѣй Степанычъ, нѣсколько похудѣвшій и поблѣднѣвшій, рано пришелъ къ отцу, который сидѣлъ по своему обыкновенію на своемъ крылечкѣ. Старикъ былъ веселъ и ласково встрѣтилъ сына; но, взглянувъ пристально ему въ лицо, онъ понялъ, что происходило въ душѣ молодого человѣка. Давъ поцѣловать ему свою руку, онъ съ живостью, но безъ гнѣва, сказалъ ему: „послушай, Алексѣй! я знаю, что лежитъ у тебя на сердцѣ, и вижу,

что дурь крѣпко забралась къ тебѣ въ голову. Разсказывай же мнѣ всю подноготную безъ утайки, и чтобъ все до одного слова была правда.“ Хотя Алексѣй Степанычъ не привыкъ откровенно говорить съ отцомъ, котораго больше боялся, чѣмъ любилъ, но любовь къ Софьѣ Николавнѣ придала ему смѣлость. Онъ бросился сначала къ отцу въ ноги и потомъ разсказалъ ему со всѣми подробностями, ничего не скрывая, свою сердечную повѣсть. Степанъ Михайловичъ слушалъ терпѣливо, внимательно: кто-то изъ домашнихъ шелъ было къ нему поздороваться, но онъ издали выразительно погрозилъ калиновымъ подожкомъ своимъ, и никто, даже Аксинья съ чаемъ не смѣла подойти, пока онъ самъ не позвалъ. Разсказъ сына былъ безпорядоченъ, сбивчивъ, длиненъ и не убѣдителенъ; но тѣмъ не менѣе свѣтлый умъ Степана Михайловича понялъ ясно, въ чемъ состояло дѣло. По несчастію оно ему не понравилось, и не могло понравиться. Онъ мало понималъ романическую сторону любви, и мужская его гордость оскорблялась влюбленностью сына, которая казалась ему слабостью, униженіемъ, дрянностью въ мужчинѣ: но въ то же время онъ понялъ, что Софья Николавна тутъ ни въ чемъ не виновата и что все дурное, слышанное имъ на ея счетъ, было чистою выдумкою злыхъ людей и недоброжелательствомъ собственной семьи. Подумавъ немного, вотъ что онъ сказалъ безъ всякаго гнѣва, даже ласково, но съ твердостью: „Послушай, Алексѣй! ты именно въ такихъ годахъ, когда красивая дѣвица можетъ приглянуться мужчинѣ. Въ этомъ бѣды еще никакой нѣтъ; но я вижу, что ты черезчуръ врѣзался, а это ужъ не годится. Я Софью Николавну ни въ чемъ не виню; я считаю, что она дѣвица предостойная, — только тебѣ не пара и намъ не съ руки. Во-первыхъ, она дворянка вчерашняя, а ты потомокъ самаго древняго дворянскаго дома. Во-вторыхъ, она горожанка, ученая, бойкая, привыкла послѣ мачихи повелѣвать въ домѣ и привыкла жить богато, даромъ что сама бѣдна; а мы люди деревенскіе, простые и наше житье ты самъ знаешь; да и себя ты долженъ понимать: ты парень смиренный; но хуже всего то, что она больно умна. Взять жену умнѣе себя — бѣда: будетъ командирша надъ мужемъ; а при томъ ты такъ ее любишь, что на первыхъ порахъ непремѣнно избалуешь. Ну, такъ вотъ тебѣ мое отцовское приказаніе: выкинь эту любовь изъ головы. Я же, признаться тебѣ, думаю, что

Софья Николавна за тебя не пойдетъ. Надо рубить дерево по себѣ. Мы поищемъ тебѣ какую-нибудь смирненькую, тихонькую, деревенскую родовую дворяночку, да съ состояніемъ. Выйдешь въ отставку, да и заживешь припѣваючи. Вѣдь мы, братъ, не широки въ перьяхъ; только что сыты, а доходовъ больно мало; объ Куролесовскомъ же наслѣдствѣ, которое всѣмъ глаза разодрало, я и не думаю. Это дѣло невѣрное; Прасковья Ивановна сама человѣкъ не старый, можетъ выйти замужъ и народить ребятъ. Ну, такъ смотри же, Алеша! чтобъ все съ тебя слетѣло, какъ съ гуся вода, и чтобъ помину не было о Софьѣ Николавнѣ..." Степанъ Михайловичъ протянулъ милостиво руку своему сыну, которую тотъ поцѣловалъ съ привычною почтительностью. Старикъ велѣлъ подавать чай и звать къ себѣ семью. Онъ былъ необыкновенно ласковъ и веселъ со всѣми; но несчастный Алексѣй Степанычъ впалъ въ совершенное уныніе. Никакой гнѣвъ отца не привелъ бы его въ такое отчаяніе. Гнѣвъ Степана Михайловича проходилъ скоро и послѣ него являлись и снисхожденіе, и милость, а теперь онъ видѣлъ спокойную твердость, и потерялъ всякую надежду. Алексѣй Степанычъ вдругъ такъ измѣнился въ лицѣ, что мать испугалась, взглянувъ на него, и стала приставать къ нему съ вопросами: „что съ нимъ сдѣлалось? здоровъ-ли онъ?"—Сестры также замѣтили перемѣну, но, будучи похитрѣе, ничего не сказали. Степанъ Михайловичъ все видѣлъ и все понималъ. Покосившись на Арину Васильевну, онъ проворчалъ сквозь зубы: „Не приставай къ нему." Алексѣя Степаныча оставили въ покоѣ, не обращая на него вниманія — и деревенскій день покатился по своей обыкновенной колеѣ.

Разговоръ съ отцомъ глубоко поразилъ, сокрушилъ, можно сказать, сердце Алексѣя Степаныча. Онъ потерялъ сонъ, аппетитъ, сдѣлался совершенно ко всему равнодушенъ и ослабѣлъ тѣломъ. Арина Васильевна принялась плакать и даже сестры перетревожились. На другой день мать едва могла добиться, чтобы онъ сказалъ нѣсколько словъ о томъ, что говорилъ съ нимъ отецъ. На всѣ допросы Алексѣй Степанычъ отвѣчалъ: „Батюшкѣ не угодно, я человѣкъ погибшій, я не жилецъ на этомъ свѣтѣ." И въ самомъ дѣлѣ черезъ недѣлю онъ лежалъ въ совершенной слабости и въ постоянномъ забытьѣ: жару наружнаго не было, а онъ бредилъ и

день и ночь. Болѣзни его никто не могъ понять, но это просто была нервная горячка. Семья перепугалась ужасно; докторовъ по близости не было и больного принялись лечить домашними средствами; но ему становилось часъ отъ часу хуже и наконецъ онъ сдѣлался такъ слабъ, что каждый часъ ожидали его смерти. Арина Васильевна и сестры ревѣли и рвали на себѣ волосы. Степанъ Михайловичъ не плакалъ, не сидѣлъ безпрестанно надъ больнымъ, но едвали не больше всѣхъ страдалъ душою; онъ хорошо понималъ причину болѣзни. „Но молодость свое взяла", и ровно черезъ шесть недѣль Алексѣю Степанычу стало полегче. Онъ проснулся къ жизни совершеннымъ ребенкомъ и жизнь медленно вступала въ права свои; онъ выздоравливалъ два мѣсяца; казалось, онъ ничего прошедшаго не помнилъ. Онъ радовался всякому явленію въ природѣ и въ домашнемъ быту, какъ новому незнакомому явленію; наконецъ совершенно оправился, даже поздоровѣлъ, пополнѣлъ и получилъ, уже болѣе года потерянный, румянецъ во всю щеку; удилъ рыбу, ходилъ на охоту за перепелами, ѣлъ и пилъ аппетитно и былъ веселъ. Родители не нарадовались, не наглядѣлись на него и убѣдились, что болѣзнь выгнала изъ молодой головы и сердца всѣ прежнія мысли и чувства. Можетъ быть оно и въ самомъ дѣлѣ было бы такъ, еслибъ его взяли въ отставку, продержали съ годъ въ деревнѣ, нашли хорошенькую невѣсту и женили; но старики безпечно обнадежились настоящимъ положеніемъ сына: черезъ полгода отправили его опять на службу въ тотъ же Верхній Земскій Судъ, опять на житье въ Уфу—и судьба его рѣшилась навсегда. Прежняя страсть загорѣлась съ новою, несравненною большею силой. Какъ возвратилась любовь въ сердце Алексѣя Степаныча, вдругъ или постепенно—ничего не знаю; знаю только, что онъ сначала ѣздилъ къ Зубинымъ изрѣдка, потомъ чаще и наконецъ такъ часто, какъ было возможно. Знаю, что покровительница его, Алакаева, продолжала ѣздить къ Софьѣ Николавнѣ, тонкими разспросами вывѣдывала ея расположеніе и привозила благопріятные отзывы, утверждавшіе и въ ней самой надежду, что гордая красавица благосклонно расположена къ ея скромному родственнику. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ отъѣзда Алексѣя Степаныча изъ деревни, вдругъ получили отъ него письмо, въ которомъ онъ съ несвойственной ему твердостью, хотя всегда съ почтительной

нѣжностью, объявилъ своимъ родителямъ, что любитъ Софью Николаевну больше своей жизни, что не можетъ жить безъ нея, что надѣется на ея согласіе и проситъ родительскаго благословенія и позволенія посвататься. Старики вовсе не ожидали такого письма и были имъ поражены. Степанъ Михайловичъ сдвинулъ брови, но ни однимъ словомъ не выразилъ своихъ мыслей. Вся семья хранила глубокое молчаніе; онъ махнулъ рукой, и всѣ оставили его одного. Долго сидѣлъ мой дѣдушка, чертя калиновымъ подожкомъ какіе-то узоры на полу своей комнаты. Степанъ Михайловичъ скоро смекнулъ, что дѣло плохо и что теперь ужъ никакая горячка не вылѣчитъ отъ любви его сына. По своей живой и благосклонной натурѣ, онъ даже поколебался, не дать ли согласія, о чемъ можно было заключить изъ его словъ, обращенныхъ къ Аринѣ Васильевнѣ. „Ну что, Ариша (говорилъ онъ ей на слѣдующее утро, разумѣется, наединѣ), какъ ты мекаешь? Вѣдь не позволимъ, такъ намъ не видать Алексѣя, какъ ушей своихъ: или умретъ съ тоски, или на войну уйдетъ, или пойдетъ въ монахи — и родъ Багровыхъ прекратится.“ Но Арина Васильевна, уже настроенная дочерьми, какъ-то не испугалась за своего сынка и отвѣчала: „Твоя воля, Степанъ Михайловичъ, что тебѣ угодно, того и я желаю: да только какое же будетъ отъ нихъ тебѣ уваженіе, если они поставятъ на своемъ, послѣ твоего родительскаго запрещенія?“ Пошлая хитрость удалась: самолюбіе старика расшевелилось и онъ рѣшился подержаться. Онъ продиктовалъ сыну письмо, въ которомъ выразилъ удивленіе, что онъ принялся опять за прежнее, и повторилъ то, что говорилъ ему на словахъ. Короче, письмо содержало положительный отказъ.

Прошло двѣ-три недѣли — не было писемъ отъ Алексѣя Степаныча. Наконецъ, въ одинъ осенній ненастный день, дѣдушка сидѣлъ въ своей горницѣ, поперегъ постели, въ любимомъ своемъ халатѣ изъ тонкой армячины [1]), сверхъ рубашки-косоворотки, въ туфляхъ на босую ногу; подлѣ него пряла на самопрялкѣ козій пухъ Арина Васильевна и старательно выводила тонкія длинныя нити, потому что затѣяла выткать изъ нихъ домашнее сукно на платье своему сыночку,

[1]) Не знаю какъ теперь, а въ старые годы въ Оренбургской мѣнѣ такую покупали армячину, которая своей тониной и чистотой равнялась съ лучшими азіатскими тканями.

такъ чтобъ оно было ему легко, и тепло, и покойно; у окошка сидѣла Танюша и читала какую-то книжку; гостившая въ Багровѣ, Елизавета Степановна присѣла подлѣ отца на кровати и разсказывала ему про свое трудное житье, про службу мужа, про свое скудное хозяйство и недостатки. Старикъ печально слушалъ, положа руки на колѣни и опустивъ на грудь свою, уже посѣдѣлую, голову. Вдругъ дверь изъ лакейской отворилась; высокій, красивый молодой парень, Иванъ Малышъ, въ дорожной курткѣ, проворно вошелъ и подалъ письмо съ почты, за которымъ ѣздилъ онъ въ городъ за 25 верстъ. Очевидно было, что письма ожидали съ нетерпѣніемъ, потому что всѣ встрепенулись. „Отъ Алеши?“ спросилъ торопливо и неспокойно старикъ. „Отъ братца“, отвѣчала Танюша, подбѣжавшая къ Малышу, проворно взявшая письмо и прочитавшая адресъ. „Спасибо, что скоро съѣздилъ. Чарку водки Малышу. Ступай обѣдать и отдыхать.“ Ту-жъ минуту отворился поставецъ, барышня вытащила длинный штофъ узорнаго стекла, налила серебряную чарку и подала Малышу; тотъ перекрестился, выпилъ, крякнулъ, поклонился и ушелъ. „Ну, читай, Танюша“, сказалъ дѣдушка. Татьяна Степановна была его чтецомъ и писцомъ. Она помѣстилась у окошка; бабушка оставила прялку, дѣдушка всталъ съ кровати, и всѣ обсѣли кругомъ Татьяну Степановну, распечатавшую между тѣмъ письмо, но не смѣвшую предварительно заглянуть въ него. Послѣ минутнаго молчанія, началось медленное и внятное чтеніе вполголоса. Послѣ обыкновенныхъ тогда: „Милостивѣйшій государь батюшка и Милостивѣйшая гусударыня матушка“, Алексѣй Степанычъ писалъ почти слѣдующее: „На послѣднее мое просительное письмо, я имѣлъ несчастіе получить немилостивый отвѣтъ отъ васъ, дрожайшіе родители. Не могу преступить воли вашей и покоряюсь ей: но не могу долго влачить бремя моей жизни безъ обожаемой мною Софьи Николавны, а потому въ непродолжительномъ времени смертоносная пуля скоро просверлитъ голову несчастнаго вашего сына“ [1]). Эффектъ былъ сильный; тетки мои захныкали, бабушка, ничего подобнаго не ожидавшая, поблѣднѣла, всплес-

[1]) Письмо это я почти помню наизусть. Вѣроятно оно и теперь существуетъ въ старыхъ бумагахъ одного изъ моихъ братьевъ. Очевидно, что нѣкоторыя выраженія письма заимствованы изъ тогдашнихъ романовъ, до которыхъ Алексѣй Степанычъ былъ охотникъ.

нула руками и повалилась безъ памяти на полъ, какъ снопъ: въ старину также бывали обмороки. Степанъ Михайловичъ не шевельнулся; только голова его покосилась на одну сторону, какъ передъ началомъ припадка гнѣва, и слегка затряслась... она не переставала уже трястись до его смерти. Дочери, опомнившись, бросились помогать матери и скоро привели ее въ чувство. Тогда, поднявши вой какъ по мертвому, Арина Васильевна бросилась въ ноги Степану Михайловичу. Дочери, слѣдуя ея примѣру, также заголосили. Арина Васильевна, не смотря на грозное положеніе головы моего дѣдушки, забывъ и не понимая, что сама подстрекнула старика не согласиться на женитьбу сына, громко завопила: „батюшка Степанъ Михайловичъ! сжалься, не губи родного своего дѣтища: вѣдь онъ у насъ одинъ и есть; позволь жениться Алешѣ! Часу не проживу, если съ нимъ что случится“. Старикъ оставался неподвижно въ прежнемъ положеніи. Наконецъ нетвердымъ голосомъ сказалъ: „полно выть. Выпороть надо бы Алешу. Ну-да, до завтра; утро вечера мудренѣе; а теперь уйдите и велите давать обѣдать“. Обѣдъ у старика служилъ успокоительнымъ средствомъ въ трудныхъ обстоятельствахъ. Арина Васильевна заголосила было опять: „помилуй, помилуй!“ Но Степанъ Михайловичъ громко закричалъ: „убирайтесь вонъ!“ и въ голосѣ его послышался ревъ приближающейся бури. Всѣ поспѣшно удалились. До обѣда никто не смѣлъ заглянуть въ комнату Степана Михайловича.—Что пролетѣло по душѣ его въ эти минуты, какая борьба совершилась у желѣзной воли съ отцовскою любовью и разумностью, какъ уступилъ побѣду упорный духъ?.. трудно себѣ представить; но когда раздался за дверью голосъ Мазана: „кушанье готово“, дѣдушка вышелъ спокоенъ, и ожидавшія его жена и дочери, каждая у своего стула, не замѣтили, на слегка поблѣднѣвшемъ лицѣ его, ни малѣйшаго гнѣва; напротивъ, онъ былъ спокойнѣе, чѣмъ поутру, даже веселѣе, и кушалъ очень аппетитно. Скрѣпя сердце, Арина Васильевна должна была подлаживаться къ его рѣчамъ, и, не смѣя не только спрашивать, но даже и вздыхать, напрасно старалась разгадать мысли своего супруга; напрасно устремляла вопрошающіе взгляды маленькихъ своихъ каштановыхъ глазокъ, заплывшихъ жиромъ,—темноголубые открытые и веселые глаза Степана Михайловича ничего не отвѣчали. Послѣ обѣда онъ уснулъ по обыкновенію; проснувшись, сдѣлался

еще веселѣе; но о письмѣ и о сынѣ ни полслова. Всѣ однако видѣли, что на умѣ у старика ничего недобраго не было. Прощаясь съ супругомъ послѣ ужина, Арина Васильевна осмѣлилась спросить: „не изволишь ли сказать мнѣ чего-нибудь объ Алешѣ?“ Дѣдушка улыбнулся и отвѣчалъ: „я уже сказалъ тебѣ: утро вечера мудренѣе. Почивай съ Богомъ“.

Утро въ самомъ дѣлѣ оказалось и мудро и благодатно. Дѣдушка всталъ въ четыре часа. Мазанъ вздулъ ему огня. Первыми словами Степана Михайловича были: „Танайченокъ, ты сейчасъ ѣдешь въ Уфу съ письмомъ къ Алексѣю Степанычу, соберись въ одну минуту; да чтобы никто не зналъ, куда и зачѣмъ ѣдешь. Въ корень молодого бураго, а на пристяжку свистуна. Возьми овса двѣ осьмины и каравай хлѣба. Спроси у ключника Петра два рубля мѣдныхъ денегъ на дорогу. Какъ я напишу письмо, чтобы все было готово. Сказано—сдѣлано“.—Эта поговорка исполнялась у дѣдушки безъ отговорокъ. Онъ отперъ дубовую шкатулку или шкафъ, нѣчто въ родѣ письменнаго бюро, досталъ бумаги, перо, чернилицу, и написалъ не безъ труда (потому что лѣтъ уже десять подписывалъ только свое имя), тяжелымъ старинным почеркомъ: „Любезный сынъ нашъ Алексѣй! Мы съ матерью твоей Ариной Васильевной позволяемъ тебѣ жениться на Софьѣ Николавнѣ Зубиной, если на то будетъ воля Божія, и посылаемъ тебѣ наше родительское благословеніе. Отецъ твой, Степанъ Багровъ“.

Черезъ полчаса, еще задолго до свѣту, вытянулъ Танайченокъ длинную гору мимо господскаго гумна и ѣхалъ бойко рысью по дорогѣ въ Уфу. Въ пять часовъ приказалъ Степанъ Михайловичъ подавать самоваръ той же Аксюткѣ, которая, изъ молодой и некрасивой дѣвчонки, сдѣлалась уже очень немолодой и еще болѣе некрасивой дѣвкой; но будить никого не приказалъ. Не смотря на то, старую барыню разбудили и по секрету донесли, что уже давнымъ-давно уѣхалъ куда-то Танайченокъ съ письмомъ отъ барина, на парѣ господскихъ лошадей. Арина Васильевна не осмѣлилась вдругъ прійти къ своему супругу; она помѣшкала съ часъ времени и явилась, когда уже старикъ напился чаю и весело балагурилъ съ Аксиньей. „Ну зачѣмъ тебя разбудили? привѣтливо сказалъ Степанъ Михайловичъ, протягивая руку. Вѣдь ты чай плохо спала?“ — „Меня никто не будилъ, отвѣчала Арина Васильевна, почтительно цѣлуя руку старика; я сама

проснулась. Я спала ночь хорошо, въ надеждѣ на твою милость къ бѣдному нашему Алешѣ“. Дѣдушка пристально посмотрѣлъ на нее, но ничего не увидалъ на привыкшемъ къ притворству лицѣ. „А коли такъ, я тебя порадую: я послалъ нарочнаго гонца въ Уфу, и написалъ Алексѣю отъ обоихъ насъ позволеніе жениться на Софьѣ Николаевнѣ“.

Арина Васильевна,—не смотря на то, что, приведенная въ ужасъ страшнымъ намѣреніемъ сына, искренно молила и просила своего крутого супруга: позволить жениться Алексѣю Степанычу,—была не столько обрадована, сколько испугана рѣшеніемъ Степана Михайловича, или лучше сказать, она бы и обрадовалась, да не смѣла радоваться, потому что боялась своихъ дочерей; она уже знала, что думаетъ о письмѣ Лизавета Степановна, и угадала, что скажетъ Александра Степановна. По всѣмъ этимъ причинамъ, Арина Васильевна приняла рѣшеніе своего супруга, которымъ онъ надѣялся ее обрадовать, какъ-то холодновато и странно, что старикъ и замѣтилъ; Лизавета Степановна не изъявила ни малѣйшаго удовольствія, а только одну почтительную покорность волѣ отца; Танюша, вѣрившая письму брата искренно, обрадовалась отъ всего сердца. Лизавета Степановна даже и въ первую минуту не была встревожена намѣреніемъ брата; она плакала и просила за него только потому, что мать и меньшая сестра плакали и просили: нельзя же было ей такъ ярко рознить съ ними. Она выписала немедленно Александру Степановну, которая пришла въ бѣшенство, узнавъ о рѣшеніи дѣла, и сейчасъ прискакала; разумѣется, она сочла письмо братца за пустую угрозу, за штуку Софьи Николавны. Съ помощью Лизаветы Степановны, она скоро увѣрила въ этомъ мать и даже меньшую сестру, Танюшу. Но дѣло было кончено: явно возставать противъ него не представлялось уже никакой возможности. Мыслей же Степана Михайловича, будто Софья Николавна сама не пойдетъ за Алексѣя Степаныча, никто изъ семьи не раздѣлялъ. Оставимъ Багрово и посмотримъ, что дѣлается въ Уфѣ.

Я не беру на себя рѣшить положительно, имѣлъ ли Алексѣй Степанычъ твердое намѣреніе застрѣлиться, въ случаѣ отказа своихъ родителей, или, прочитавъ въ какомъ-нибудь романѣ подобное происшествіе, вздумалъ попробовать: не испугаются ли его родители такого страшнаго послѣдствія своей непреклонности? Судя по дальнѣйшему развитію

характера Алексѣя Степаныча, мнѣ хорошо извѣстному, я равно не могу признать его способнымъ ни къ тому, ни къ другому поступку. И такъ, я предполагаю только, что молодой человѣкъ не хитрилъ, не думалъ пугнуть своихъ стариковъ, напротивъ, искренно думалъ застрѣлиться, если ему не позволятъ жениться на Софьѣ Николавнѣ; но въ то же время я думаю, что онъ никогда не имѣлъ бы духа привесть въ исполненіе такого отчаяннаго намѣренія, хотя люди тихіе и кроткіе, слабодушные, какъ ихъ называютъ, бываютъ иногда способны къ отчаяннымъ поступкамъ болѣе, чѣмъ натуры живыя и бѣшеныя. Мысль о самоубійствѣ, безъ сомнѣнія, была почерпнута изъ какого-нибудь романа: она совершенно противорѣчитъ характеру Алексѣя Степаныча, его взгляду на жизнь и сферѣ понятій, въ которыхъ онъ родился, воспитался и жилъ. Какъ бы то ни было, пустивъ въ ходъ свою грамотку, Алексѣй Степанычъ пришелъ въ сильное волненіе, занемогъ и получилъ лихорадку. Покровительница его, Алакаева, знавшая все,—о послѣднемъ письмѣ ничего не знала; она навѣщала его ежедневно и замѣчала, что, кромѣ лихорадки простой и лихорадки любовной, молодой человѣкъ еще чѣмъ-то необыкновенно встревоженъ. Въ одинъ день сидѣла она у Алексѣя Степаныча, вязала чулокъ и разговаривала о всякой всячинѣ, стараясь занять больного и отвлечь его мысли отъ безнадежной любви. Алексѣй Степанычъ прилегъ на канапе, заложилъ руки за голову и смотрѣлъ въ окошко. Вдругъ онъ поблѣднѣлъ, какъ полотно: по улицѣ проѣхала телѣга парой и заворотила на дворъ; Алексѣй Степанычъ узналъ лошадей и Танайченка. Онъ вскочилъ на ноги и съ крикомъ: „отъ батюшки, изъ Багрова“ бросился въ переднюю. Алакаева схватила его за руку и съ помощью сидѣвшаго въ лакейской человѣка не допустила его выбѣжать на крыльцо, потому что на дворѣ стояла мокрая и холодная осенняя погода. Между тѣмъ Танайченокъ проворно вбѣжалъ въ комнату и подалъ письмо. Алексѣй Степанычъ дрожащими руками распечаталъ, прочелъ коротенькое письмо, залился слезами и бросился на колѣни передъ образомъ. Алакаева сначала не знала, что и думать; но Алексѣй Степанычъ подалъ ей родительскую грамотку и она, прочитавъ ее, также съ радостными слезами принялась обнимать обезумѣвшаго отъ восторга молодого человѣка. Тутъ онъ признался ей, какое письмо послалъ къ отцу и матери.

Алакаева покачала головой. Призвали Танайченка, распросили подробно объ его отправкѣ и увидѣли, что дѣло было рѣшено самимъ Степаномъ Михайловичемъ, безъ участія, безъ вѣдома своей семьи и вѣроятно противъ ея желанія. Когда прошли первыя минуты радостнаго волненія для Алексѣя Степаныча и совершеннаго изумленія для Алакаевой, которая, перечитавъ письмо, все еще не вѣрила глазамъ своимъ, потому что хорошо знала нравъ Степана Михайловича и хорошо понимала недоброжелательство семьи,— начали они совѣщаться, какъ приступить къ дѣлу. Когда оно казалось далекимъ, невозможнымъ со стороны семейства жениха, тогда они считали его благонадежнымъ со стороны невѣсты; но тутъ вдругъ напало на Алакаеву сомнѣніе: припомнивъ и сообразивъ всѣ благопріятные признаки, она почувствовала, что можетъ быть слишкомъ перетолковала ихъ въ пользу жениха. Какъ умная женщина, она поспѣшила охладить пылкія надежды молодого человѣка, благоразумно разсуждая, что, обольстившись ими, труднѣе ему будетъ перенесть внезапное разрушеніе радужныхъ своихъ мечтаній; отказъ вдругъ представился ей очень возможнымъ, и ея опасенія навели страхъ на Алексѣя Степаныча. Впрочемъ, Алакаева нисколько не отступилась отъ своего обѣщанія и на другой же день поѣхала съ предложеніемъ къ Софьѣ Николавнѣ. Она просто, ясно, безъ всякаго преувеличенія, описала постоянную и горячую любовь Алексѣя Степаныча, давно извѣстную всему городу (конечно и Софьѣ Николавнѣ); съ родственнымъ участіемъ говорила о прекрасномъ характерѣ, добротѣ и рѣдкой скромности жениха; справедливо и точно разсказала про его настоящее и будущее состояніе; разсказала правду про все его семейство, и не забыла прибавить, что вчера Алексѣй Степанычъ получилъ чрезъ письмо полное согласіе и благословеніе родителей искать руки достойнѣйшей и всѣми уважаемой Софьи Николавны, что самъ онъ отъ волненія, ожиданія отвѣта родителей и несказанной любви, занемогъ лихорадкой; но, не имѣя силъ откладывать рѣшеніе своей судьбы, просилъ ее, какъ родственницу и знакомую съ Софьей Николавной даму, узнать: угодно ли, не противно ли будетъ ей, чтобы Алексѣй Степанычъ сдѣлалъ формальное предложеніе Николаю Ѳедоровичу. Софья Николавна, давно привыкшая, какъ говорилось въ старину: „сама обивать около себя росу“, или къ самобытности, какъ

говорится теперь,—безъ смущенія, безъ всякихъ церемоній и дѣвичьихъ оговорокъ и жеманствъ, тогда неизбѣжныхъ, отвѣчала Алакаевой слѣдующее: „Благодарю Алексѣя Степаныча за честь мнѣ сдѣланную, а васъ, почтеннѣйшая Мавра Павловна, за участіе. Скажу вамъ откровенно: я давно замѣтила, что Алексѣй Степанычъ ко мнѣ не равнодушенъ и давно ожидала, что онъ сдѣлаетъ мнѣ предложеніе, не рѣшая, впрочемъ, вопроса: пойду ли я за него или нѣтъ. Послѣдняя поѣздка Алексѣя Степаныча къ отцу и къ матери, его внезапная, какъ сами вы мнѣ сказывали, опасная продолжительная болѣзнь въ деревнѣ, и перемѣна, когда онъ воротился, показали мнѣ, что родители его не желаютъ имѣть меня невѣсткой. Признаюсь, я этого не ожидала; скорѣе можно было опасаться несогласія со стороны моего отца. Потомъ я увидѣла, что Алексѣй Степанычъ возвратился къ прежнимъ чувствамъ, и теперь догадываюсь, что онъ успѣлъ склонить отца и мать къ согласію. Но разсудите сами, почтеннѣйшая Мавра Павловна, что теперь это дѣло принимаетъ совсѣмъ другой видъ: входить въ семейство противъ его желанія—рискъ слишкомъ опасный. Конечно, отецъ мой не сталъ бы противиться моему выбору; но могу ли я рѣшиться его обмануть? Узнавъ же, что его Соничку какой-то деревенскій помѣщикъ не вдругъ удостоилъ чести войти въ его семейство,—онъ ни за что не согласится и сочтетъ это униженіемъ. Я не влюблена въ Алексѣя Степаныча, я только уважаю его прекрасныя свойства, его постоянную любовь и считаю, что онъ можетъ составить счастіе любимой женщины. И такъ позвольте мнѣ подумать и притомъ, прежде чѣмъ я скажу объ этомъ моему больному отцу, прежде чѣмъ встревожу его такимъ извѣстіемъ, я хочу сама говорить съ Алексѣемъ Степанычемъ: пусть онъ пріѣдетъ къ намъ, когда выздоровѣетъ“.

Алакаева съ точностью передала отвѣтъ жениху; ему показался онъ не предвѣщающимъ добра, но Алакаева, напротивъ, находила его весьма благопріятнымъ и успокоила Алексѣя Степаныча.

Долго сидѣла Софья Николавна одна въ гостиной, простившись очень дружески съ Маврой Павловной, и думала крѣпкую думу. Омрачились ея живые и блестящіе глаза, тяжелыя мысли пробѣгали по душѣ и отражались какъ въ зеркалѣ на ея прекрасномъ лицѣ. Все, что она сказала Алакаевой,

была совершенная правда, и вопросъ итти или нѣтъ за Алексѣя Степаныча—точно оставался не рѣшеннымъ. Наконецъ предположеніе сватовства обратилось въ дѣйствительность, и надо было рѣшить этотъ великій, роковой вопросъ для всякой дѣвушки. Необыкновенно ясная голова Софьи Николавны,—еще не омраченная страстностью ея натуры, тогда ничѣмъ глубоко не возмущаемой,—все понимала и все видѣла въ настоящемъ видѣ, въ настоящемъ свѣтѣ. Положеніе ея въ будущемъ было безотрадно: отецъ лежалъ на смертномъ одрѣ и, по словамъ лучшаго доктора Зандена [1]), не могъ прожить болѣе года; все состояніе старика заключалось въ двухъ подгородныхъ деревушкахъ: Зубковѣ и Касимовкѣ, всего 40 душъ съ небольшимъ количествомъ земли; наличныхъ денегъ у Николая Ѳедоровича было накоплено до десяти тысячъ рублей, и онъ назначилъ ихъ на приданое своей Сонichкѣ. Выдать ее замужъ было постояннымъ, горячимъ его желаніемъ; но—бываютъ же такія чудеса: Софья Николавна не имѣла еще ни одного жениха, то-есть, не получила ни одного формальнаго предложенія. По смерти старика должны остаться шестеро сводныхъ дѣтей отъ двухъ браковъ; должны были учредиться двѣ опеки, и послѣднія трое дѣтей отъ Александры Петровны поступали къ родной бабушкѣ, Е. Д. Рычковой, подъ опеку сына ея, В. П. Рычкова. Материнское имѣніе ихъ заключалось также въ небольшой деревенькѣ, душъ въ 50; братья Софьи Николавны, отъ одной матери, находились въ Москвѣ, въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ, и она оставалась совершенно одна, даже не было дальнихъ сродниковъ, у которыхъ могла бы она жить. Однимъ словомъ: некуда было приклонить голову! Нужда, бѣдность, жизнь изъ милости въ чужихъ людяхъ, полная зависимость отъ чужихъ людей—тяжелы всякому; но для дѣвушки, стоявшей въ обществѣ такъ высоко, жившей въ такомъ довольствѣ, гордой по природѣ, избалованной общимъ искательствомъ и ласкательствомъ, для дѣвушки, которая испытала всю странную тяжесть зависимости и потомъ всю прелесть власти,—такой переходъ долженъ былъ казаться невыносимымъ. И вотъ молодой, честный, скромный, пригожій собой мужчина, старинного дворянскаго рода, единственный сынъ, у отца котораго

---

[1]) Ѳедоръ Ивановичъ Занденъ, докторъ весьма ученый, бывшій впослѣдствіи штадтъ физикомъ въ Москвѣ.

было 180 душъ, который долженъ былъ получить богатое наслѣдство отъ тетки, который любитъ, боготворитъ ее,— предлагаетъ ей руку и сердце: съ перваго взгляда тутъ нечего и колебаться. Но нравственное неравенство между ними было слишкомъ велико. Никто въ городѣ не могъ подумать, чтобъ Софья Николавна вышла за Алексѣя Степаныча. Она очень хорошо понимала справедливость общественнаго мнѣнія и не могла не уважать его. Невѣста—чудо красоты и ума; женихъ, правда бѣлый, розовый, нѣжный (что именно и не нравилось Софьѣ Николавнѣ), но простенькій, не дальній, по мнѣнію всѣхъ, деревенскій дворянчикъ; невѣста бойка, жива: женихъ робокъ и вялъ; невѣста по тогдашнему образованная, чуть не ученая дѣвица, начитанная, понимавшая всѣ высшіе интересы; женихъ совершенный невѣжда, ничего не читавшій, кромѣ двухъ-трехъ глупѣйшихъ романовъ, въ родѣ Любовнаго Вертограда или Аристея и Телазіи, да Русскаго пѣсенника,—женихъ, интересы котораго не простирались далѣе ловли перепеловъ на дудки и соколиной охоты; невѣста остроумна, ловка, блистательна въ свѣтскомъ обществѣ; женихъ не умѣетъ сказать двухъ словъ, неловокъ, застѣнчивъ, смѣшонъ, жалокъ, умѣетъ только краснѣть, кланяться и жаться въ уголъ или къ дверямъ, подалѣе отъ свѣтскихъ говоруновъ, которыхъ просто боялся, хотя по истинѣ многихъ изъ нихъ былъ гораздо умнѣе; невѣста съ твердымъ, надменнымъ, неуступчивымъ характеромъ; женихъ слабый, смирный, безотвѣтный, котораго всякій могъ загонять. Ему ли поддержать, защитить жену въ обществѣ и семействѣ?... Такія противоположныя мысли, взгляды и картины роились, мѣшались, тѣснились въ воображеніи молодой дѣвушки. Давно наступили сумерки, она все еще сидѣла одна въ гостиной; наконецъ невыразимое смятеніе тоски, страшное сознаніе, что умъ ничего придумать и рѣшить не можетъ, что для него становится все часъ отъ часу темнѣе—обратили ея душу къ молитвѣ. Она побѣжала въ свою комнату молиться и просить свѣта разума свыше, бросилась на колѣни передъ образомъ Смоленской Божьей Матери, нѣкогда чуднымъ знаменіемъ озарившей и указавшей ей путь жизни; она молилась долго, плакала горючими слезами, и мало-по-малу почувствовала какое-то облегченіе, какую-то силу, способность къ рѣшимости, хотя не знала еще, на что она рѣшится; это чувство было уже отрадно ей. Она сходила посмотрѣть на

заснувшаго больного своего отца, воротилась въ свою комнату, легла и спокойно заснула. На другой день поутру, Софья Николавна проснулась безъ всякаго волненія; она подумала нѣсколько минутъ, бросила взглядъ на вчерашнія свои колебанія и смущенія, и спокойно осталась при своемъ намѣреніи поговорить сначала съ женихомъ и потомъ уже рѣшить дѣло окончательно, смотря по тому впечатлѣнію, какое произведетъ на нее разговоръ съ Алексѣемъ Степанычемъ.

Алексѣй Степанычъ, желая какъ можно скорѣе узнать рѣшеніе судьбы своей, позвалъ доктора и умолялъ вылѣчить его поскорѣе. Докторъ обѣщалъ и на этотъ разъ сдержалъ обѣщаніе. Черезъ недѣлю Алексѣй Степанычъ, правду сказать, худой, блѣдный и слабый, сидѣлъ уже въ гостиной у Софьи Николавны. Взглянувъ на тощую фигуру молодого человѣка, прежде цвѣтущаго румянцемъ здоровья, она почувствовала жалость и многое сказала не такъ рѣзко, не такъ строго, какъ хотѣла. Въ сущности невѣста сказала жениху все то же, что говорила Алакаевой, но прибавила, что она, во-первыхъ, не разстанется съ отцомъ, пока онъ живъ, а во-вторыхъ, что она не будетъ жить въ деревнѣ, а желаетъ жить въ городѣ, именно въ Уфѣ, гдѣ имѣетъ много знакомыхъ, достойныхъ и образованныхъ людей, въ обществѣ которыхъ должна жить съ мужемъ. Въ заключеніе она прибавила, что очень бы желала, чтобъ ея мужъ служилъ и занималъ въ городѣ, хотя не блестящее, но благородное и почетное мѣсто. На всѣ такія предварительныя условія и предъявленія будущихъ правъ жены, Алексѣй Степанычъ отвѣчалъ съ подобострастіемъ, что „всѣ желанія Софьи Николавны для него законъ, и что его счастіе будетъ состоять въ исполненіи ея воли...“ и этотъ отвѣтъ, недостойный мужчины, вѣрный признакъ, что на любовь такого человѣка нельзя положиться, что онъ не можетъ составить счастія женщины,— могъ понравиться такой умной дѣвушкѣ. Поневолѣ должно признать, что въ основаніи ея характера уже лежали сѣмена властолюбія и что въ настоящее время, освобожденныя изъ подъ тяжкаго гнета жестокой мачихи, они дали сильные ростки; что безъ вѣдома самой Софьи Николавны—любовь къ власти была тайною причиною ея рѣшимости. Софья Николавна захотѣла сама прочесть письмо, въ которомъ Алексѣй Степанычъ получилъ позволеніе своихъ родителей искать ея руки. Письмо было въ карманѣ у жениха, и онъ пока-

залъ его. Софья Николаевна прочла и убѣдилась, что ея догадки о первоначальномъ несогласіи родителей были совершенно справедливы. Молодой человѣкъ не умѣлъ притворяться, и притомъ такъ былъ влюбленъ, что не могъ противиться ласковому взгляду или слову обожаемой красавицы; когда Софья Николавна потребовала полной откровенности, онъ высказалъ ей всю подноготную безъ утайки, и, кажется, эта откровенность окончательно рѣшила дѣло въ его пользу. Мысль воспитать по своему, образовать добродушнаго молодого человѣка, скромнаго, чистосердечнаго, неиспорченнаго свѣтомъ,—забралась въ умную, но все-таки женскую голову Софьи Николавны. Ей представилась плѣнительная картина постепеннаго пробужденія и воспитанія дикаря, у котораго не было недостатка ни въ умѣ, ни въ чувствахъ, погруженныхъ въ непробудный сонъ, — который будетъ еще болѣе любить ее, если это возможно, въ благодарность за свое образованіе. Эта мысль овладѣла пылкимъ воображеніемъ Софьи Николавны, и она очень милостиво отпустила своего хвораго обожателя, обѣщала поговорить съ отцомъ и передать отвѣтъ черезъ Алакаеву. Алексѣй Степанычъ утопалъ въ восторгѣ, по тогдашнему выраженію. Вечеромъ Софья Николавна опять прибѣгла къ молитвѣ; опять молилась долго, восторженно, напряженно; она заснула очень утомленная и ночью видѣла сонъ, который растолковала, какъ слѣдуетъ, въ подтвержденіе своего рѣшенія. Умъ человѣческій все растолкуетъ такъ, какъ ему хочется. Я забылъ этотъ сонъ, но помню, что его можно было растолковать въ противоположную сторону, съ гораздо большимъ основаніемъ и гораздо меньшими натяжками. На слѣдующее утро Софья Николавна немедленно сообщила своему почти умирающему отцу о предложеніи Алексѣя Степаныча. Хотя Николай Ѳедоровичъ почти не зналъ жениха, но у старика какъ-то составилось понятіе о немъ, какъ о человѣкѣ самомъ ничтожномъ. При всемъ пламенномъ желаніи пристроить Соничку при своей жизни, этотъ женихъ (первый, надобно замѣтить) ему не нравился. Но Софья Николавна, съ обыкновенною пылкостью своего ума и убѣдительнымъ краснорѣчіемъ, доказала старику, что не должно пропускать такой партіи. Она высказала ему все, что мы уже знаемъ, въ пользу этого брака, и главное, что не только не разлучится съ нимъ, но и останется жить въ одномъ домѣ. Она такъ живо представила

свое безпомощное состояніе, когда Богу будетъ угодно оставить ее сиротой, что Николай Өедоровичъ прослезился и сказалъ: „другъ мой, умница моя Сончка! дѣлай, что тебѣ угодно: я на все согласенъ. Представь же мнѣ поскорѣе своего будущаго жениха; я хочу познакомиться съ нимъ поближе, и также хочу непремѣнно, чтобъ его родители сдѣлали намъ письменное предложеніе".

Софья Николавна написала записку Алакаевой и просила передать Алексѣю Степанычу, что Николай Өедоровичъ приглашаетъ его къ себѣ въ такомъ-то часу.

Алексѣй Степанычъ продолжалъ утопать въ блаженствѣ, раздѣляя его только съ покровительницей своей Маврой Павловной; но приглашеніе къ Николаю Өедоровичу въ назначенный часъ, приглашеніе, котораго онъ никакъ не ожидалъ, считая старика слишкомъ больнымъ и слабымъ, очень его смутило. Николай Өедоровичъ, за отсутствіемъ Намѣстника первое лицо, первая власть въ цѣломъ Уфимскомъ краѣ, Николай Өедоровичъ, къ которому онъ и прежде приближался съ благоговѣніемъ—теперь казался ему чемъ-то особенно страшнымъ. Ну, если ему не понравилось намѣреніе чиновника Верхняго Земскаго Суда, 14-го класса, жениться на его дочкѣ? Если онъ сочтетъ дерзостью такое предложеніе, да крикнетъ: „Какъ ты осмѣлился подумать о моей дочери? По тебѣ ли она невѣста? Посадить его подъ караулъ, отдать подъ судъ"... Какъ не дики кажутся такія мысли, но онѣ дѣйствительно пришли тогда въ голову молодому человѣку, о чемъ онъ самъ разсказывалъ впослѣдствіи.—Собравшись съ духомъ, ободряемый словами Алакаевой, Алексѣй Степанычъ напялилъ мундиръ, или вѣрнѣе сказать надѣлъ его на себя, какъ на вѣшалку, потому что очень похудѣлъ, и отправился къ Товарищу Намѣстника. Съ треугольной шляпой подъ мышкой, придерживая дрожащей рукой непослушную шпагу, вошелъ онъ, едва переводя духъ отъ робости, въ кабинетъ больного старика, нѣкогда умнаго, живого и бодраго, но теперь почти недвижимаго, изсохшаго какъ скелетъ, лежащаго уже на смертной постели. Алексѣй Степанычъ отвѣсилъ низкій поклонъ и сталъ у дверного косяка. Уже одинъ этотъ пріемъ заставилъ поморщиться больного хозяина. „Подойдите ко мнѣ поближе, господинъ Багровъ, сядьте возлѣ моей постели. Я слабъ, не могу говорить громко". Алексѣй Степанычъ, со многими поклонами,

присѣлъ на кресло, стоявшее у самой кровати. „Вы ищите руки моей дочери?“ продолжалъ старикъ... Женихъ вскочилъ съ креселъ, поклонился и сказалъ, что точно такъ, что онъ осмѣливается искать этого счастія... Я могъ бы передать весь разговоръ подробно, потому что много разъ слыхалъ, какъ пересказывалъ его изъ слова въ слово Алексѣй Степанычъ; но въ немъ отчасти есть повтореніе того, что мы уже знаемъ, и я боюсь наскучить читателямъ. Сущность дѣла состояла въ томъ, что Николай Ѳедоровичъ разспросилъ молодого человѣка объ его семействѣ, объ его состояніи, объ его намѣреніяхъ относительно службы и мѣста постояннаго жительства; сказалъ ему, что Софья Николавна ничего не имѣетъ, кромѣ приданаго въ 10 тысячъ рублей, двухъ семей людей и трехъ тысячъ наличныхъ денегъ для первоначальнаго обзаведенія; въ заключеніе онъ прибавилъ, что хотя совершенно увѣренъ, что Алексѣй Степанычъ, какъ почтительный сынъ, безъ согласія отца и матери не сдѣлалъ бы предложенія, но что родители его могли передумать и что приличіе требуетъ, что бы они сами написали объ этомъ прямо къ нему, и что до полученія такого письма онъ не можетъ дать рѣшительнаго отвѣта. Алексѣй Степанычъ привставалъ, кланялся, садился, во всемъ соглашался и обѣщалъ завтра же написать къ отцу и къ матери. Черезъ полчаса старикъ сказалъ, что усталъ (это была совершенная правда) и отпустилъ молодого человѣка довольно сухо. По выходѣ его, Софья Николавна въ ту же минуту вошла въ кабинетъ къ отцу: онъ лежалъ съ закрытыми глазами, лицо его выражало утомленіе и вмѣстѣ душевное страданіе. Услыхавъ приближеніе дочери, онъ бросилъ на нее умоляющій взглядъ, сжалъ руки на груди и воскликнулъ: „Соничка, неужели ты пойдешь за него?“ — Софья Николавна знала напередъ, какое дѣйствіе произведетъ это свиданіе, и приготовилась даже къ худшему впечатлѣнію. „Я предупреждала васъ, батюшка, сказала она тихо, кротко, но съ твердостью, что по совершенному незнанію свѣтскаго обращенія, по неловкости и робости, Алексѣй Степанычъ съ перваго раза долженъ показаться вамъ дурачкомъ; но я видѣлась съ нимъ много разъ, говорила долго, узнала его коротко и ручаюсь вамъ, что онъ никого не глупѣе, а многихъ гораздо умнѣе. Я прошу васъ поговорить съ нимъ еще раза два, и увѣрена, что вы согласитесь со мною“. Старикъ, долго, пристально,

проницательно посмотрѣлъ на свою дочь, какъ-будто хотѣлъ прочесть что-то сокровенное въ ея душѣ, глубоко вздохнулъ и согласился: вызвать къ себѣ на-дняхъ и поговорить побольше съ молодымъ человѣкомъ.

Алексѣй Степанычъ съ первою почтою написалъ самое нѣжное, самое почтительное письмо къ своимъ родителямъ. Онъ благодарилъ ихъ за то, что они вновь даровали ему жизнь, и униженно просилъ, чтобы они написали поскорѣе письмо къ Николаю Ѳедоровичу Зубину и просили у него руки его дочери для своего сына, прибавляя, что это всегда такъ водится и что Николай Ѳедоровичъ безъ ихъ письма не даетъ рѣшительнаго отвѣта. Исполненіе просьбы столь обыкновенной затруднило стариковъ: они были не сочинители, въ подобныхъ оказіяхъ не бывали и не умѣли приступить къ дѣлу; осрамиться же въ глазахъ Товарища Намѣстника и будущаго свата, вѣрно ученаго дѣльца и писаки,— крѣпко имъ не хотѣлось. Цѣлую недѣлю сочиняли письмо; наконецъ кое-какъ написали и послали его къ Алексѣю Степанычу. Письмо точно было написано неловко, безъ всякихъ вѣжливостей и любезностей, необходимыхъ въ подобныхъ обстоятельствахъ.

Покуда Алексѣй Степанычъ дожидался отвѣта изъ деревни, Николай Ѳедоровичъ пригласилъ его къ себѣ еще два раза. Второе посѣщеніе не поправило невыгоднаго впечатлѣнія, произведеннаго первымъ; но при третьемъ свиданіи присутствовала Софья Николавна, которая, какъ-будто не зная, что женихъ сидитъ у отца, вошла къ нему въ кабинетъ, неожиданно воротясь изъ гостей ранѣе обыкновеннаго. Ея присутствіе все перемѣнило; она умѣла заставить говорить Алексѣя Степаныча, знала, о чемъ онъ можетъ говорить и въ чемъ можетъ выказаться съ выгодной стороны его природный, здравый смыслъ, чистота нравовъ, честность и мягкая доброта. Николай Ѳедоровичъ видимо былъ доволенъ, обласкалъ молодого человѣка и пригласилъ его пріѣзжать какъ можно чаще. Когда Алексѣй Степанычъ ушелъ, старикъ обнялъ свою Соничку со слезами и, осыпая ее ласковыми и нѣжными именами, назвалъ между прочимъ чародѣйкой, которая силою волшебства умѣетъ вызывать изъ души человѣческой прекрасныя ея качества, такъ глубоко скрытыя, что никто и не подозрѣвалъ ихъ существованія. Софья Николавна была также очень довольна, потому что

и сама не смѣла надѣяться, чтобъ Алексѣй Степанычъ могъ такъ хорошо поддержать ея доброе мнѣніе и оправдать выгодные о немъ отзывы.

Наконецъ письмо, съ формальнымъ предложеніемъ стариковъ, было получено, и Алексѣй Степанычъ лично вручилъ его Николаю Ѳедоровичу. Увы! безъ волшебнаго присутствія и помощи Софьи Николавны, женихъ опять попрежнему не понравился будущему тестю, да и письмомъ остался онъ очень недоволенъ. На слѣдующій день онъ имѣлъ продолжительный разговоръ съ своею дочерью, въ которомъ представилъ ей всѣ невыгоды имѣть мужа ниже себя по уму, по образованію и характеру; онъ сказалъ, что мужнино семейство не полюбитъ ее, даже возненавидитъ, какъ грубое и злое невѣжество всегда ненавидитъ образованность; онъ предостерегалъ, чтобы она не полагалась на обѣщанія жениха, которыя обыкновенно рѣдко исполняются и которыхъ Алексѣй Степанычъ не въ силахъ будетъ исполнить, хотя бы и желалъ. На такія справедливыя замѣчанія и совѣты, почерпнутые прямо изъ жизни, Софья Николавна умѣла возражать съ удивительной ловкостью, и въ то же время умѣла такъ убѣдительно и живо представить хорошую сторону замужества съ человѣкомъ хотя не бойкимъ и не образованнымъ, но добрымъ, честнымъ, любящимъ и не глупымъ, что Николай Ѳедоровичъ былъ увлеченъ ея плѣнительными надеждами и далъ полное согласіе. Софья Николавна съ горячностью обняла отца, поцѣловала его изсохшія руки, подала ему образъ, стала на колѣни у кровати и, проливая ручьи горячихъ слезъ, приняла его благословеніе. „Батюшка! воскликнула съ увлеченіемъ восторженная дѣвушка, я надѣюсь съ Божьею помощью, что чрезъ годъ вы не узнаете Алексѣя Степаныча. Чтеніе хорошихъ книгъ, общество умныхъ людей, безпрестанные разговоры со мною вознаградятъ недостатокъ воспитанія; застѣнчивость пройдетъ и умѣнье держать себя въ свѣтѣ придетъ само собою.“—„Дай Богъ, отвѣчалъ старикъ. Пошли за священникомъ, я хочу помолиться о твоемъ счастьѣ вмѣстѣ съ тобою.“

Въ тотъ же день вечеромъ пригласили Алакаеву съ женихомъ, старинныхъ Зубинскихъ знакомыхъ, Аничкова и Мисайловыхъ, и дали Алексѣю Степанычу слово. Нѣтъ выраженій для описанія блаженства молодого человѣка! Софья

Николавна до глубокой старости вспоминала объ этихъ счастливыхъ для него минутахъ. Алексѣй Степанычъ бросился въ ноги Николаю Ѳедоровичу, цѣловалъ его руки, плакалъ, рыдалъ какъ дитя, едва не упалъ въ обморокъ отъ избытка счастія, которое до послѣдней минуты казалось ему недоступнымъ. Невѣста сама была глубоко тронута такимъ искреннимъ выраженіемъ пламенной, безграничной любви.

Чрезъ два дня назначили офиціальную помолвку и пригласили весь городъ. Городъ былъ удивленъ, потому что многіе не вѣрили слухамъ: будто Софья Николавна Зубина идетъ за Алексѣя Степановича Багрова. Наконецъ всѣ повѣрили и съѣхались; поздравляли, желали всякаго благополучія и всѣхъ возможныхъ благъ. Женихъ былъ радостенъ и свѣтелъ; онъ не замѣчалъ никакихъ двусмысленностей въ поздравленіяхъ, никакихъ насмѣшливыхъ улыбокъ и взглядовъ; но Софья Николавна все видѣла, все замѣтила, все слышала и понимала, хотя, говоря съ нею, были всѣ осторожны и почтительны. Она знала напередъ, какъ встрѣтитъ общество ея поступокъ, но внутренно не могла не огорчаться выраженіемъ мнѣнія этого общества, чего, конечно, никто не замѣтилъ. Она была весела, ласкова со всѣми, особенно съ женихомъ, и казалась совершенно счастливою и довольною своимъ выборомъ. Вскорѣ жениха съ невѣстою пригласили въ кабинетъ къ Николаю Ѳедоровичу и обручили тамъ при немногихъ свидѣтеляхъ. Старикъ плакалъ во все время, когда священникъ читалъ молитвы. По окончаніи обряда онъ приказалъ жениху съ невѣстою поцѣловаться, обнялъ ихъ горячо и сильно, сколько могъ, и, поглядѣвъ пристально въ лицо Алексѣю Степанычу, сказалъ: „люби ее и всегда такъ, какъ любишь теперь, Богъ даетъ тебѣ такое сокровище....“ Онъ не могъ договорить. Обрученные женихъ и невѣста вышли опять къ гостямъ. въ сопровожденіи присутствовавшихъ при обрученіи. Всѣ мужчины обнимали жениха и цѣловали руку у невѣсты; всѣ дамы обнимали невѣсту и у всѣхъ перецѣловалъ ручки женихъ. Наконецъ, когда кончилась эта суматоха, обрученныхъ посадили рядомъ на диванъ, упросили вновь поцѣловаться и съ бокалами въ рукахъ осыпали ихъ вторичными поздравленіями и добрыми желаніями. Между мужчинами хозяйничалъ С. П. Аничковъ, а между дамами—Алакаева. Алексѣй Степанычъ съ роду не пивалъ ничего кромѣ воды, но его

уговорили выпить бокалъ какого-то вина, которое сильно подѣйствовало на его непривычный организмъ, разстроенный недавнею болѣзнью и постояннымъ волненіемъ души. Онъ сдѣлался необыкновенно живъ, смѣялся, плакалъ и много наговорилъ для потѣхи общества и для огорченія невѣсты. Гости развеселились. За однимъ бокаломъ послѣдовалъ другой, за другимъ третій; подали богатую закуску; всѣ плотно покушали, еще выпили и разъѣхались шумно и весело. У жениха закружилась и заболѣла голова, и Алакаева увезла его домой.

Николай Ѳедоровичъ чувствовалъ себя очень плохо и хотѣлъ какъ можно скорѣй сыграть свадьбу; но какъ въ то же время онъ желалъ, чтобъ приданое было устроено богато и пышно, то принуждены были отложить свадьбу на нѣсколько мѣсяцевъ. Старинные материнскіе брильянты и жемчуги надобно было передѣлать и перенизать по новому фасону въ Москвѣ, и оттуда же выписать серебро и нѣкоторые наряды и подарки; остальныя же платья, занавѣсь парадной кровати и даже богатый чернобурый салопъ, мѣхъ котораго давно уже былъ купленъ за 500 рублей и котораго теперь не купишь за 5000,—все это было сшито въ Казани; столоваго бѣлья и голландскихъ полотенъ было запасено много. Десять тысячъ, назначенныя на приданое, составляли тогда большую сумму; а какъ много дорогого было припасено заранѣе, то роспись приданаго выходила такъ роскошна и великолѣпна, что, читая ее теперь, трудно повѣрить дешевизнѣ восьмидесятыхъ годовъ прошедшаго столѣтія.

Первымъ дѣломъ, послѣ обрученія и помолвки, были рекомендательныя письма ко всѣмъ роднымъ жениха и невѣсты. Софья Николавна, владѣвшая между прочимъ особеннымъ дарованіемъ писать краснорѣчиво, написала такое письмо къ будущему свекру и свекрови, что Степанъ Михайловичъ, хотя былъ не сочинитель и не писака, но весьма оцѣнилъ письмо будущей своей невѣстки. Выслушавъ его съ большимъ вниманіемъ, онъ взялъ его изъ рукъ Танюши и, съ удовольствіемъ замѣтивъ четкость руки невѣсты, самъ прочелъ письмо два раза и сказалъ: „Ну, умница и должна быть горячая душа!“ Вся семья злилась и молчала; одна Александра Степановна не вытерпѣла и, сверкая круглыми, выкатившимися отъ бѣшенства зрачками, сказала:

„Что и говорить, батюшка, книжница: мягко стелетъ, да каково-то будетъ спать.“ Но старикъ грозно взглянулъ на нее и зловѣщимъ голосомъ сказалъ: „А почемъ ты знаешь? Ничего не видя, ужъ ты коришь! Смотри! держи языкъ за зубами и другихъ у меня не мути.“ Послѣ такихъ словъ, всѣ пришипились и, разумѣется, еще болѣе возненавидѣли Софью Николавну. Степанъ Михайловичъ, подъ вліяніемъ теплаго и ласковаго письма, взялъ самъ перо въ руки и, вопреки всякимъ церемоніямъ, написалъ слѣдующее:

„Милая моя, дорогая и разумная будущая невѣстушка.

„Если ты насъ стариковъ такъ заочно полюбила и уважаешь, то и мы тебя полюбили; а при свиданьи, Богъ дастъ, и еще больше полюбимъ, и будешь ты намъ какъ родная дочь, и будемъ мы радоваться счастію нашего сына Алексѣя.“

Софья Николавна также по достоинству оцѣнила простую рѣчь старика; она уже прежде, по однимъ разсказамъ, полюбила его заочно. Родныхъ у невѣсты не было и писать ея жениху было не къ кому. Но она захотѣла, чтобъ Алексѣй Степанычъ написалъ рекомендательное письмо къ ея заочному другу и покровителю ея братьевъ, А. Ѳ. Аничкову; разумѣется, женихъ съ радостью согласился исполнить ея желаніе. Софья Николавна не слишкомъ надѣялась на умѣнье Алексѣя Степаныча объясняться письменно и пожелала предварительно взглянуть на письмо. Боже мой, что прочла она въ этомъ письмѣ! Алексѣй Степанычъ, много наслышавшись объ Аничковѣ, вздумалъ написать витіевато, позаимствовался изъ какого-нибудь тогдашняго романа и написалъ двѣ страницы такихъ фразъ, отъ которыхъ, при другихъ обстоятельствахъ, Софья Николавна расхохоталась бы, но теперь.... кровь бросилась ей въ голову, и потомъ слезы хлынули изъ ея глазъ. Успокоившись, она сначала не знала, какъ ей быть, какъ выйти изъ этого затруднительнаго положенія? Впрочемъ, она думала недолго, написала черновое письмо отъ жениха къ Аничкову и сказала Алексѣю Степанычу, что, по непривычкѣ къ перепискѣ съ незнакомыми людьми, онъ написалъ такое письмо, которое могло бы не понравиться Аничкову, и потому она написала черновое и проситъ его переписать и послать по адресу. Ей было совѣстно и больно и оскорбительно за своего жениха, голосъ ея слегка дрожалъ, и она едва владѣла собою; но женихъ чрезвычайно обрадовался такому предложенію;

выслушавъ письмо, восхищался имъ, удивлялся сочинительницѣ и покрывалъ поцѣлуями ея руки. Тяжелъ первый шагъ къ неуваженію будущаго своего супруга и къ осуществленію мысли повелѣвать имъ по произволу....

Зная, что у стариковъ мало денегъ и что они по неволѣ скупы на нихъ, Алексѣй Степанычъ написалъ просительное письмо къ своимъ родителямъ съ самымъ умѣреннымъ требованіемъ денегъ, и для подкрѣпленія своихъ словъ упросилъ Алакаеву, чтобы она написала къ Степану Михайловичу и удостовѣрила въ справедливой просьбѣ сына и въ необходимости издержекъ для предназначенной свадьбы; онъ просилъ всего 800 рублей, но Алакаева требовала 1,500 рублей. Старики отвѣчали сыну, что у нихъ такихъ денегъ нѣтъ и что они посылаютъ ему послѣдніе 300 рублей, а 500 рублей, если они ужъ необходимы, предоставляли ему у кого-нибудь занять; но прибавляли, что пришлютъ ему четверку лошадей, кучера, форейтора и всякихъ съѣстныхъ припасовъ. На Алакаеву же старики разсердились за требованіе такой огромной суммы и не отвѣчали ей. Дѣлать было нечего; Алексѣй Степанычъ поблагодарилъ за милости своихъ родителей и занялъ 500 рублей, но какъ этихъ денегъ не достало, то Алакаева дала ему еще своихъ 500 рублей, тайно отъ его стариковъ.

Между тѣмъ свиданія жениха съ невѣстой становились чаще, продолжительнѣе, а разговоры откровеннѣе. Тутъ только увидала Софья Николавна, какъ много будетъ ей работы въ будущемъ, тутъ только она вполнѣ разглядѣла своего жениха! Она не ошиблась въ томъ, что онъ имѣлъ отъ природы хорошій умъ, предоброе сердце и строгія правила честности и служебнаго безкорыстія, но за то во всемъ другомъ нашла она такую ограниченность понятій, такую мелочность интересовъ, такое отсутствіе самолюбія и самостоятельности, что неробкая душа ея и твердость въ исполненіи дѣла, на которое она уже рѣшилась, не одинъ разъ сильно колебались; не одинъ разъ приходила она въ отчаяніе, снимала съ руки обручальное кольцо, клала его передъ образомъ Смоленскія Божьей Матери и долго молилась, обливаясь жаркими слезами, прося просвѣтить ея слабый умъ. Такъ поступала она, что мы уже знаемъ, во всѣхъ трудныхъ обстоятельствахъ своей жизни. Послѣ молитвы Софья Николаевна чувствовала себя какъ-то бодрѣе и спокойнѣе, при-

нимала это чувство за указаніе свыше, надѣвала обручальное кольцо и выходила въ гостиную къ своему жениху спокойная и веселая. Больной ея отецъ чувствовалъ себя часъ-отъ-часу хуже и слабѣе; дочь умѣла его увѣрить, что она съ каждымъ днемъ открываетъ новыя достоинства въ своемъ женихѣ, что она совершенно довольна и надѣется быть счастливою замужемъ. Тяжкій недугъ уже омрачалъ ясность взгляда Николая Ѳедоровича; онъ не только вѣрилъ искренности своей дочери, но и самъ убѣждался, что его Соничка будетъ счастлива и часто говорилъ: „Слава Богу, теперь мнѣ легко умереть."

Приближалось время свадьбы. Все приданое было готово. Женихъ также приготовился, благодаря совѣтамъ Алакаевой, которая совершенно взяла его въ руки. Умная старуха сама не подозрѣвала, до какой степени Алексѣй Степанычъ не зналъ и не понималъ приличій въ общественной жизни. Безъ нея онъ надѣлалъ бы такихъ промаховъ, отъ которыхъ невѣста не разъ сгорѣла бы со стыда. Напримѣръ, онъ хотѣлъ подарить ей въ день имянинъ такой матеріи на платья, какую можно подарить только ея горничной; онъ думалъ ѣхать къ вѣнцу въ какой-то старинной повозкѣ на пазахъ, которая возбудила бы смѣхъ въ цѣломъ городѣ, и пр. и проч. Оно въ сущности ничего не значитъ, но видѣть своего жениха посмѣшищемъ уфимскаго моднаго свѣта было бы слишкомъ тяжело для Софьи Николавны. Разумѣется, все это было поправлено Алакаевой, или, лучше сказать, самой невѣстой, потому что старуха обо всемъ совѣтовалась съ нею. Софья Николавна заранѣе объявила жениху, чтобъ онъ и не думалъ дарить ее въ имянины, потому что она терпѣть не можетъ имянинныхъ подарковъ. Для свадьбы же приказала купить аглицкую новенькую карету, только что привезенную изъ Петербурга однимъ уфимскимъ помѣщикомъ, Мурзахановымъ, успѣвшимъ промотаться и проиграться въ нѣсколько мѣсяцевъ. За карету было заплачено 350 рублей ассигнаціями. Софья Николавна отдала за нее свои деньги и прислала въ подарокъ жениху отъ имени своего отца, запретивъ ему безпокоить своей благодарностью умирающаго старика. Такъ улаживались и другія затрудненія. Алексѣй Степанычъ и Софья Николавна написали отъ себя и отъ имени Николая Ѳедоровича письмо къ Степану Михайловичу и Аринѣ Васильевнѣ, убѣдительно

прося ихъ осчастливить своимъ пріѣздомъ на свадьбу. Зажившіеся въ деревнѣ и одичавшіе старики, разумѣется, не поѣхали: городъ и городское общество представлялись имъ чѣмъ-то чуждымъ и страшнымъ. Изъ дочерей также никто не хотѣлъ ѣхать; но Степану Михайловичу показалось это не ловкимъ и онъ приказалъ отравиться на свадьбу Елизаветѣ и Александрѣ Степановнамъ. Ерлыкинъ находился на службѣ въ Оренбургѣ, а Иванъ Петровичъ Каратаевъ сопровождалъ свою супругу въ Уфу. Прибытіе этихъ незванныхъ и неожиданныхъ гостей надѣлало много огорченій Софьѣ Николавнѣ. Будущія ея золовки, отъ природы очень умныя и хитрыя, расположенныя враждебно, держали себя съ нею холодно, непріязненно и даже неучтиво. Хотя Софья Николавна слишкомъ хорошо угадывала, какого расположенія можно ей было ждать отъ сестеръ своего жениха, тѣмъ не менѣе она сочла за долгъ быть сначала съ ними ласковою и даже предупредительною; но увидя, наконецъ, что всѣ ея старанія напрасны и что чѣмъ лучше она была съ ними, тѣмъ хуже онѣ становились съ нею,—она отдалилась и держала себя въ границахъ свѣтской холодной учтивости, которая не защищала ее однако отъ этихъ подлыхъ намековъ и обиняковъ, которыхъ нельзя не понять, которыми нельзя не оскорбляться, и которые понимать и которыми оскорбляться въ то же время неловко, потому что сейчасъ скажутъ: „на ворѣ шапка горитъ“. Отвратительное оружіе намековъ и обиняковъ, выгнанное образованностью въ общество мѣщанъ, горничныхъ и лакеевъ, было тогда оружіемъ страшнымъ и общеупотребительнымъ въ домахъ деревенскихъ помѣщиковъ, по большей части весьма близкихъ съ своей прислугой и нравами, и образованіемъ. Да еще правду ли я сказалъ, что оно выгнано? Не живетъ ли оно и теперь въ насъ, сокрытое подъ другими, болѣе приличными, болѣе искусственными формами? Разумѣется, всему уфимскому обществу показались сестрицы жениха деревенскими чучелами. Что касается до Ивана Петровича, уже довольно обашкирившагося и всегда начинавшаго съ восьми часовъ утра тянуть желудочный травникъ, то онъ при первой рекомендаціи чмокнулъ три раза ручку у Софьи Николавны и съ одушевленіемъ истиннаго Башкирца воскликнулъ: „ну, какую кралечку подцѣпилъ братъ Алексѣй!“ Много переглотала Софья Николавна слезъ отъ злобныхъ выходокъ будущихъ своихъ золовокъ и грубыхъ шутокъ и любезностей будущаго свояка. Всего прискорбнѣе

было то, что Алексѣй Степанычъ ничего не примѣчалъ и, казалось, былъ очень доволенъ обращеніемъ своихъ сестеръ съ Софьей Николавной, и, конечно это ее не только огорчало въ настоящемъ, но и пугало въ будущемъ. Ядовитыя эти змѣи, остановясь у брата въ домѣ, съ первой же минуты начали вливать свой ядъ въ его простую душу и дѣлали это такъ искусно, что Алексѣй Степанычъ не подозрѣвалъ ихъ ухищреній. Тысячи намековъ на гордость его невѣсты, на ея нищенство, прикрывающееся золотомъ и парчею, на его подчиненность волѣ и прихотямъ Софьи Николавны, безпрестанно раздавались въ его ушахъ; многаго онъ не замѣчалъ, не понималъ, но многое попадало прямо въ цѣль, смущало его умъ и безсознательно заставляло задумываться. Всѣ эти уловки, а иногда и открытыя нападенія, прикрывались видомъ участія и родственной любви. „Что это, братецъ, какъ ты худъ? говорила Елизавета Степановна. Ты совсѣмъ измучился, исполняя приказанія Софьи Николавны. Вотъ теперь, ты только что воротился изъ Голубиной слободки [1]), усталъ, проголодался, и ничего не покушавши, скачешь опять на дежурство къ невѣстѣ. Вѣдь мы тебѣ родныя, вѣдь намъ тебя жалко...“ и притворныя слезы, или по крайней мѣрѣ морганье глазами и утиранье ихъ платкомъ, довершали вкрадчивую рѣчь. — „Нѣтъ, бѣшено врывалась въ разговоръ Александра Степановна, не могу утерпѣть. Я знаю, ты осердишься, братецъ, а можетъ быть и разлюбишь насъ; такъ видно угодно Богу; но я скажу тебѣ всю правду: ты совсѣмъ перемѣнился; ты насъ стыдишься, ты насъ совсѣмъ забылъ; у тебя только и на умѣ, какъ бы лизать ручки у Софьи Николавны, да какъ бы не проштрафиться передъ нею. Вѣдь ты сдѣлался ея слугой, крѣпостнымъ слугой! Каково намъ видѣть, что ужъ и эта старая вѣдьма Алакаева помыкаетъ тобой, какъ холопомъ: поѣзжай туда, то-то привези, объ этомъ-то справься... да приказываетъ еще все дѣлать проворнѣе, да еще изволитъ выговоры давать; а насъ и въ грошъ не ставитъ, ни о чемъ съ нами и посовѣтоваться не хочетъ...“ Алексѣй Степанычъ не находилъ словъ для возраженія, и говорилъ только, что онъ сестрицъ своихъ любитъ и всегда будетъ любить, и что ему пора ѣхать къ Софьѣ Николавнѣ; послѣ чего бралъ шляпу и поспѣшно

[1]) Отдаленная улица въ Уфѣ.

уходилъ. „Да, бѣги, бѣги поскорѣе, кричала ему вслѣдъ бѣшеная Александра Степановна, а то прогнѣвается, да еще ручки не пожалуетъ.“ Подобныя явленія повторялись не одинъ разъ и, конечно, производили свое впечатлѣніе. Софья Николавна не могла не замѣтить, что пріѣздъ сестрицъ Алексѣя Степаныча произвелъ въ немъ нѣкоторую перемѣну. Онъ казался смущеннымъ, не съ такою точностью исполнялъ свои обѣщанія и даже менѣе проводилъ съ ней время. Софья Николавна очень хорошо понимала настоящую причину; къ тому же Алакаева, съ которою вошла она въ короткія и дружескія отношенія и которая знала все, что дѣлается на квартирѣ у Алексѣя Степаныча, не оставляла ее снабжать подробными свѣдѣніями. Софья Николавна, по своей пылкой и страстной природѣ, не любила откладывать дѣла въ долгій ящикъ. Она справедливо разсуждала, что не должно давать время и свободу укореняться вредному вліянію сестрицъ, что необходимо открыть глаза ея жениху и сдѣлать рѣшительное испытаніе его характеру и привязанности, и что если и то и другое окажется слишкомъ слабымъ, то лучше разойтись передъ вѣнцомъ, нежели соединить судьбу свою съ такимъ ничтожнымъ существомъ, которое, по ея собственному выраженію, „отъ солнышка не защита и отъ дождя не епанча“. Рано утромъ она вызвала къ себѣ жениха, затворилась съ нимъ въ гостиной, не приказала никого принимать и обратилась къ испуганному и поблѣднѣвшему Алексѣю Степанычу съ слѣдующими словами: „Послушайте, я хочу объясниться съ вами откровенно, сказать вамъ все, что у меня лежитъ на сердцѣ, и отъ васъ требую того же. Сестрицы ваши меня терпѣть не могутъ и употребили всѣ старанія, чтобъ возстановить противъ меня вашихъ родителей. Я знаю все это отъ васъ самихъ. Ваша любовь ко мнѣ преодолѣла всѣ препятствія: родители дали вамъ свое благословеніе и я рѣшилась за васъ выйти, не побоявшись ненависти цѣлой семьи. Я надѣялась найти себѣ защиту въ вашей ко мнѣ любви и въ моемъ стараніи доказать вашимъ родителямъ, что я не заслуживаю ихъ непріязни. Я вижу теперь, что я ошиблась. Вы сами видѣли, какъ я приняла вашихъ сестрицъ, какъ я ласкалась, какъ я старалась угодить имъ. Онѣ заставили меня удалиться своими грубостями, но я не разу не сдѣлала имъ ни малѣйшей невѣжливости. Что же изъ этого вышло? Прошла только одна недѣля, какъ пріѣхали ваши сестри-

цы, и вы уже много перемѣнились ко мнѣ: вы забываете, или не смѣете иногда исполнять того, что мнѣ обѣщали, вы менѣе проводите со мной времени, вы смущены, встревожены, вы даже не такъ ласковы ко мнѣ, какъ было прежде. Не оправдывайтесь, не запирайтесь, это было бы не честно съ вашей стороны. Я знаю, что вы меня не разлюбили; но вы боитесь показывать мнѣ свою любовь, боитесь вашихъ сестеръ и потому смущаетесь и даже избѣгаете случаевъ оставаться со мной наединѣ. Это все совершенная правда, вы сами это знаете. И такъ скажите, какую надежду могу я имѣть на твердость вашей любви? Да и что это за любовь, которая струсила и прячется отъ того, что невѣста ваша не нравится вашимъ сестрицамъ, о чемъ вы давно знаете? Что же будетъ, если я не понравлюсь вашимъ родителямъ и если они косо на меня посмотрятъ? Да вы разлюбите меня въ самомъ дѣлѣ! Нѣтъ, Алексѣй Степанычъ, благородные люди не такъ любятъ и не такъ поступаютъ. Зная, что меня терпѣть не могутъ ваши родные, вы должны были удвоить при нихъ ваше вниманіе, нѣжность и уваженіе ко мнѣ—тогда они не осмѣлились бы и рта разинуть; а вы допустили ихъ говорить вамъ въ глаза оскорбительныя слова. Я все знаю, что онѣ говорятъ вамъ. Я заключаю изъ всего этого, что любовь ваша пустое нѣжничанье, что на васъ нельзя положиться и что намъ лучше разстаться теперь, нежели быть несчастными на всю жизнь. Подумайте хорошенько о моихъ словахъ. Я даю вамъ два дня, чтобы ихъ обдумать. Продолжайте ѣздить къ намъ, но два дня я не буду видѣться съ вами наединѣ и не стану поминать объ этомъ разговорѣ; потомъ спрошу васъ по совѣсти, какъ честнаго человѣка: имѣете ли вы довольно твердости, чтобы быть моимъ защитникомъ противъ вашихъ родныхъ и всѣхъ, кто вздумалъ бы оскорблять меня? Можете ли вы заставить вашихъ сестеръ не обижать меня ни заочно, ни въ вашемъ присутствіи, ни однимъ словомъ, ни однимъ оскорбительнымъ намекомъ? Хотя разрывъ за недѣлю до свадьбы, для всякой благовоспитанной дѣвушки, большое несчастіе, но лучше перенести его разомъ, нежели мучиться всю жизнь. Вы знаете, что я не влюблена въ васъ, но я начинала любить васъ и, конечно, полюбила бы сильнѣе и постояннѣе, чѣмъ вы. Прощайте! сегодня и завтра мы чужіе“.
Алексѣй Степанычъ, давно заливавшійся слезами и нѣсколько разъ порывавшійся что-то сказать, не успѣлъ разинуть

рта, какъ невѣста ушла и заперла за собою дверь. Какъ громомъ пораженный, Алексѣй Степанычъ не вдругъ пришелъ въ себя. Наконецъ мысль потерять обожаемую Софью Николавну представилась ему съ поразительною ясностью, ужаснула его и вызвала то мужество, ту энергію, къ которой бываютъ способны, на короткое время, люди самаго слабаго, самаго кроткаго нрава. Онъ поспѣшно отправился домой, и когда его сестрицы, нисколько не сжалившись надъ огорченнымъ и разстроеннымъ видомъ братца, встрѣтили его обычными злобными шуточками,—Алексѣй Степанычъ пришелъ въ изступленіе и задалъ имъ такую выпалку, что онѣ перепугались. Человѣкъ добрый, тихій и терпѣливый бываетъ страшенъ въ гнѣвѣ. Алексѣй Степанычъ сказалъ между прочимъ своимъ сестрамъ, что „если онѣ осмѣлятся еще сказать при немъ хотя одно оскорбительное слово объ его невѣстѣ, или насчетъ его самого, то онъ въ ту же минуту переѣдетъ на другую квартиру, не велитъ ихъ пускать ни къ себѣ, ни къ невѣстѣ, и обо всемъ напишетъ къ батюшкѣ“. Этого было довольно. Александра Степановна твердо помнила слова отца: „держи языкъ за зубами и другихъ у меня не мути“. Она очень хорошо знала, какая грозная туча взмыла бы отъ жалобы братца и какихъ страшныхъ послѣдствій могла она ожидать. Обѣ сестры кинулись на шею Алексѣя Степаныча, просили прощенья, плакали, крестились и божились, что впередъ этого никогда не будетъ, что онѣ сами смерть какъ любятъ Софью Николавну и что только изъ жалости къ его здоровью, для того, чтобы онъ меньше хлопоталъ, онѣ позволяли себѣ такія глупыя шутки. Въ тотъ же день поѣхали онѣ къ Софьѣ Николавнѣ, лебезили передъ ней и ласкались самымъ униженнымъ образомъ. Она очень хорошо поняла, что это значитъ и—торжествовала. Положеніе несчастнаго жениха было поистинѣ достойно сожалѣнія. Его любовь, нѣсколько успокоившаяся, пріутихшая отъ частыхъ свиданій и простого, ласковаго обращенія Софьи Николавны, отъ увѣренности въ близости свадьбы, нѣсколько запуганная и какъ будто пристыженная насмѣшками сестеръ — вспыхнула съ такой яростью, что въ настоящую минуту онъ былъ способенъ на всякое самоотверженіе, на всякій отчаянный поступокъ, пожалуй—на геройство. Все это ярко выражалось на его молодомъ и прекрасномъ лицѣ, и съ такимъ-то лицомъ нѣсколько разъ являлся онъ передъ Софьей Николавной въ продолженіи

этихъ безконечныхъ двухъ дней. Тяжело было ей смотрѣть на него, но она имѣла твердость выдержать назначенный искусъ. Она сама не ожидала того сердечнаго волненія и тоскливой жалости, которыя испытала въ это время. Она почувствовала, что уже любитъ этого смиреннаго, простого молодого человѣка, безгранично ей преданнаго, который не задумался бы прекратить свою жизнь, если-бъ она рѣшилась отказать ему!.. Наконецъ прошли и эти долгіе два дня. На третій, рано поутру, Алексѣй Степанычъ дожидался своей невѣсты въ гостиной; тихо отворилась дверь, и явилась Софья Николавна прекраснѣе, очаровательнѣе, чѣмъ когда-нибудь, съ легкою улыбкою и съ выраженіемъ въ глазахъ такого нѣжнаго чувства, что, взглянувъ на нее и увидя ласково протянутую руку, Алексѣй Степанычъ отъ избытка сильнаго чувства обезумѣлъ, на мгновеніе потерялъ употребленіе языка... но вдругъ опомнившись, не принимая руки, онъ упалъ къ ногамъ своей невѣсты, и потокъ горячаго сердечнаго краснорѣчія, сопровождаемый слезами, полился изъ его груди. Софья Николавна не дала ему кончить, она подняла его, сказала ему: что она видитъ, чувствуетъ и раздѣляетъ любовь его, вѣритъ всѣмъ его обѣщаніямъ, и безъ страха вручаетъ ему свою судьбу. Она приласкала его такъ, какъ никогда не ласкала, и сказала нѣсколько такихъ нѣжныхъ словъ, какихъ никогда не говорила...

Только пять дней оставалось до свадьбы. Всѣ приготовленія были совершенно кончены, и женихъ и невѣста, свободные отъ хлопотъ, почти не разставались. Уже пять мѣсяцевъ Софья Николавна была невѣстой Алексѣя Степаныча, и во все это время, вѣрная своему намѣренію перевоспитать своего жениха, невѣста не теряла ни одной удобной минуты и старалась своими разговорами сообщать ему тѣ нравственныя понятія, которыхъ у него не доставало, уяснять и развивать то, что онъ чувствовалъ и понималъ темно, безсознательно, и уничтожать такія мысли, которыя забрались ему въ голову отъ окружающихъ его людей; она даже заставляла его читать книги, и потомъ, разговаривая съ нимъ о прочитанномъ, съ большимъ искусствомъ объясняла все, смутно или превратно понятое, утверждая все шаткое и примѣняя вымышленное къ дѣйствительной жизни. Но едва ли во всѣ эти пять хлопотливыхъ мѣсяцевъ успѣла Софья Николавна высказать такъ много новаго, какъ въ эти пять дней; по

случаю же недавняго, сейчасъ мною разсказаннаго происшествія, поднявшаго, изощрившаго, такъ сказать, душу жениха, все было принято Алексѣемъ Степанычемъ съ особеннымъ сочувствіемъ. Каковъ вообще былъ успѣхъ этого курса нравственной педагогики — я рѣшить на себя не беру. Трудно судить, до какой степени были справедливы мнѣнія обѣихъ особъ, о которыхъ я говорю, но онѣ впослѣдствіи согласно утверждали, ссылаясь на отзывъ постороннихъ людей, что въ Алексѣѣ Степанычѣ произошла великая перемѣна, что онъ точно переродился. Я охотно готовъ этому вѣрить; но имѣю доказательство, что въ знаніи свѣтскихъ приличій успѣхи Алексѣя Степаныча были не такъ велики. Я знаю, что онъ разсердилъ свою невѣсту наканунѣ свадьбы и что ея вспыльчивость произвела сильное и болѣзненное впечатлѣніе на кроткую его душу. Вотъ какъ это происходило: у Софьи Николавны сидѣли двѣ значительныя уфимскія дамы; вдругъ входитъ лакей съ какимъ-то бумажнымъ сверткомъ, подаетъ Софьѣ Николавнѣ и докладываетъ, что Алексѣй Степанычъ прислалъ это съ кучеромъ и приказалъ, „чтобы вы поскорѣе сдѣлали чепецъ для Александры Степановны“. Не предупрежденная ни однимъ словомъ жениха, который только за полчаса съ нею разстался, Софья Николавна вспыхнула отъ досады. Значительныя дамы, будто бы подумавшія сначала, что этотъ свертокъ подарокъ отъ жениха, не хотѣли скрыть своихъ улыбокъ, и невѣста, не совладѣвъ съ собою, приказала отнести посылку назадъ, и сказать Алексѣю Степанычу: „чтобы онъ обратился къ чепечницѣ, и вѣрно по ошибкѣ принесли къ ней эту работу“. Дѣло происходило весьма просто: женихъ, воротясь домой, нашелъ свою сестру въ большомъ затрудненіи, потому что мастерица, которая взялась сдѣлать ей для свадьбы парадный чепчикъ, вдругъ захворала и прислала назадъ весь матеріалъ. Алексѣй Степанычъ, видѣвшій своими глазами, какъ искусно его невѣста дѣлала головные уборы, вызвался пособить сестриному горю и приказалъ Никанорке отнесть къ Софьѣ Николавнѣ вышеупомянутый свертокъ и покорнѣйше проситъ ее, чтобы она сдѣлала чепчикъ для Александры Степановны. Никанорка не пошелъ самъ за недосугомъ и послалъ кучера, а кучеръ вмѣсто покорнѣйшей просьбы передалъ приказаніе. Алексѣй Степанычъ поспѣшилъ къ невѣстѣ для объясненія и взялъ съ собою опять тотъ же несчастный свертокъ. Софья Николавна, не простывшая еще

отъ первой вспышки, увидя жениха, входящаго съ знакомымъ ей сверткомъ бумаги, вспылила еще больше и наговорила много лишнихъ, горячихъ и оскорбительныхъ словъ. Женихъ смутился, растерялся, оправдывался очень плохо, но сердечно огорчился. Софья Николавна отослала матеріалъ для чепчика къ какой-то извѣстной ей женщинѣ и, раскаявшись въ своей горячности, старалась ее поправить; но, къ удивленію своему, Алексѣй Степанычъ не могъ забыть оскорбленія, смѣшаннаго съ какимъ-то страхомъ; онъ сдѣлался очень печаленъ, и напрасно старалась невѣста успокоить и развеселить его.

Наступило 10-е мая 1788 года, день, назначенный для свадьбы. Женихъ пріѣхалъ къ невѣстѣ поутру, и Софья Николавна, уже встревоженная наканунѣ, къ огорченію своему увидѣла, что вчерашнее грустное выраженіе не сошло съ лица Алексѣя Степаныча. Она сама, въ свою очередь, огорчилась и даже оскорбилась. Она привыкла думать, что Алексѣй Степанычъ не будетъ помнить себя отъ радости въ тотъ день, когда поведетъ ее къ вѣнцу; а онъ является невеселымъ и даже грустнымъ! Она сказала это своему жениху, и тѣмъ смутила его еще больше. Разумѣется, онъ старался увѣрить ее, что считаетъ себя блаженнѣйшимъ изъ смертныхъ и проч., но надутыя и пошлыя слова, произносимыя и прежде много разъ и выслушиваемыя съ удовольствіемъ, теперь, не проникнутыя смысломъ внутренняго одушевленія, непріятно отозвались въ слухѣ невѣсты. Черезъ нѣсколько времени они разстались съ тѣмъ, чтобы увидѣться уже въ церкви, гдѣ въ шесть часовъ вечера женихъ долженъ былъ ожидать невѣсту.

Страшное сомнѣніе возникло въ душѣ Софьи Николавны: будетъ ли счастлива она замужемъ? Много темныхъ пророческихъ мыслей пробѣжало въ ея пылкомъ умѣ. Она обвиняла себя за горячность, за рѣзкія выраженія; сознавалась, что причина была ничтожна, что она должна была предвидѣть множество подобныхъ промаховъ своего жениха и принимать ихъ спокойно. Они уже и случались не одинъ разъ, но тутъ несчастное стеченіе обстоятельствъ, присутствіе постороннихъ дамъ, съ которыми она была въ непріязненныхъ отношеніяхъ, укололо ея самолюбіе и раздражило ея природную вспыльчивость. Она чувствовала, что испугала Алексѣя Степаныча, каялась въ своей винѣ и въ то же время сознавалась въ глубинѣ своей души, что способна провиниться опять.

Тутъ снова представилась ей вся трудность взятаго на себя подвига: перевоспитаніе, пересозданіе уже двадцати-семилѣтняго человѣка. Цѣлая жизнь, долгая жизнь съ мужемъ неровней, котораго она при всей любви не можетъ вполнѣ уважать, безпрестанное столкновеніе совсѣмъ различныхъ понятій, противоположныхъ свойствъ, наконецъ частое непониманіе другъ друга.... и сомнѣніе въ успѣхѣ, сомнѣніе въ собственныхъ силахъ, въ спокойной твердости, столько чуждой ея нраву, впервые представилось ей въ своей поразительной истинѣ и ужаснуло бѣдную дѣвушку!... Но что же дѣлать? Неужели разорвать свадьбу предъ самымъ вѣнцомъ, поразить своего умирающаго отца, привыкшаго къ успокоительной мысли, что его Сонічка будетъ счастлива за добрымъ человѣкомъ? Неужели потѣшить всѣхъ своихъ недоброжелателей, особенно значительныхъ дамъ? Сдѣлаться баснею, шуткою города и цѣлаго края, можетъ быть подвергнуться клеветамъ? Наконецъ, убить, въ настоящемъ значеніи слова убить, страстно любящаго ее жениха? и все это изъ одного опасенія, что у ней не достанетъ твердости къ выполненію давно обдуманнаго плана, который начиналъ уже блистательно осуществляться? „Нѣтъ, не бывать тому! Богъ поможетъ мнѣ. Смоленская Божія Матерь будетъ моей заступницей и подастъ мнѣ силы обуздать мой вспыльчивый нравъ...“ такъ думала и такъ рѣшила Софья Николавна. Слезы и молитва возвратили ей твердость.

Церковь Успенія Божіей Матери находилась очень близко отъ дома невѣсты и стояла тогда на пустырѣ. Задолго до шести часовъ она окружена была толпою любопытнаго народа. Высокій крылецъ Зубинскаго дома, выходившій на улицу, обставился экипажами тѣхъ особъ, которыя были приглашены провожать невѣсту; остальное общество съѣзжалось прямо въ церковь. Невѣсту одѣвали къ вѣнцу. Маленькій братъ, трехлѣтній Николинька, которого рожденіе стоило жизни его матери, обувалъ Софью Николавну по принятому обычаю, разумѣется, съ помощью горничныхъ. Въ исходѣ шестаго часа невѣста уже была готова и, принявъ благословеніе отца, вышла въ гостиную. Богатый подвѣнечный нарядъ придавалъ еще болѣе блеску ея красотѣ. Дорога отъ дома жениха въ церковь лежала мимо самыхъ оконъ гостиной, и Софья Николавна видѣла, какъ онъ проѣхалъ туда въ англійской Мурзахановской каретѣ на четверкѣ славныхъ доморощенныхъ лошадей;

она даже улыбнулась и ласково кивнула головой Алексѣю Степанычу, который, высунувшись изъ кареты, глядѣлъ въ растворенныя окна дома. Проѣхали также сестры жениха, Алакаева и всѣ мужчины, провожавшіе его въ церковь. Невѣста не хотѣла, чтобы женихъ дожидался, и хотя ее останавливали, но она настояла, чтобы ѣхали немедленно. Софья Николавна спокойно и твердо вошла въ церковь; ласково и весело подала руку своему жениху, но смутилась, увидѣвъ на его лицѣ то же грустное выраженіе, и всѣ замѣтили, что женихъ и невѣста были не веселы подъ вѣнцомъ. Церковь была ярко освѣщена и полна народа; архіерейскіе пѣвчіе не щадили своихъ голосовъ. Свадьба во всѣхъ отношеніяхъ была парадна и великолѣпна. По окончаніи обряда, сестры, весь поѣздъ съ обѣихъ сторонъ и также лучшая уфимская публика сопровождали молодыхъ въ домъ къ Николаю Ѳедоровичу. Тамъ немедленно начались и продолжались танцы до богатаго, но ранняго ужина. Всѣ гости, имѣвшіе право входить къ Николаю Ѳедоровичу въ кабинетъ, перебывали у него и поздравили со вступленіемъ въ бракъ его дочери. На другой и слѣдующіе дни происходило все то, что обыкновенно при такихъ случаяхъ бываетъ, то-есть, обѣдъ, балъ, визиты, опять обѣдъ и опять балъ: однимъ словомъ, все точно такъ, какъ водится и теперь, даже въ столицахъ.

Грустная тѣнь давно слетѣла съ лица молодыхъ. Они были совершенно счастливы. Добрые люди не могли смотрѣть на нихъ безъ удовольствія и часто повторялись слова: „какая прекрасная пара!“ Черезъ недѣлю молодые собирались ѣхать въ Багрово, куда сестры Алексѣя Степаныча уѣхали черезъ три дня послѣ свадьбы. Софья Николавна написала съ ними ласковое письмо къ старикамъ.

Сестры Алексѣя Степаныча, послѣ неожиданной вспышки братца, держали себя въ послѣднее время осторожно: не позволяли при немъ себѣ никакихъ намековъ, ужимокъ и улыбокъ, а передъ Софьей Николавной были даже искательны: но, разумѣется, этимъ нисколько ее не обманули: за то братецъ повѣрилъ отъ души ихъ искреннему расположенію къ невѣстѣ. На свадьбѣ и на праздникахъ послѣ свадьбы, разумѣется, онѣ играли жалкія роли, а потому поспѣшили уѣхать. Воротясь домой, то-есть, къ Степану Михайловичу, онѣ рѣшились дѣйствовать осторожно и не показывать передъ старикомъ своей враждебности къ Софьѣ Николавнѣ, но за то

Аринѣ Васильевнѣ и двумъ своимъ сестрамъ расписали онѣ такими красками свадьбу и все тамъ происходившее, что поселили въ нихъ сильное предубѣжденіе и неблагорасположеніе къ невѣсткѣ. Онѣ не забыли разсказать объ изступленномъ гнѣвѣ и угрозахъ Алексѣя Степаныча за ихъ выходки противъ Софьи Николавны, и всѣ уговорились держать себя съ нею при Степанѣ Михайловичѣ ласково и не говорить ему прямо дурного на счетъ невѣстки; но въ то же время не пропускать благопріятныхъ случаевъ, незамѣтно для старика, возстановлять его противъ ненавистной имъ Софьи Николавны. Поступать надобно было очень искусно. Не довѣряя этого дѣла другимъ, взяли его на себя Елизавета и Александра Степановны. Дѣдушка подробно разспрашивалъ о свадьбѣ, о томъ, кого онѣ видѣли, о состояніи здоровья старика Зубина и вообще обо всемъ, тамъ происходившемъ. Онѣ все хвалили; но въ похвалахъ этихъ слышенъ былъ запахъ и вкусъ яда, и не удалось имъ провести Степана Михайловича. Онъ обратился такъ, ради шутки, а можетъ быть и для соображенія, къ Ивану Петровичу Каратаеву и спросилъ его: „Ну что, братъ Иванъ, что ты мнѣ скажешь о нашей невѣстушкѣ? Ихъ дѣло бабье, а ты мужчина и лучше можешь судить объ этомъ.“ Иванъ Петровичъ, не смотря на миганье своей супруги, отвѣчалъ съ увлеченіемъ: „Да вотъ что, батюшка, я вамъ скажу: что такой кралечки (безъ этого живописнаго слова онъ не умѣлъ похвалить красоту), какую подцѣпилъ братъ Алексѣй, другой не отыщешь въ цѣломъ свѣтѣ. Что взглянетъ, то рублемъ подаритъ. А ужъ что за умница, такъ ужъ и говорить нечего. Одно доложу вамъ, батюшка: горда; пошутить нельзя; только вздумаешь подпустить турусы на колесахъ—такъ взглянетъ, что языкъ прикусишь.“— „Вижу, братъ, что она тебѣ врать не позволяла“, сказалъ старикъ съ веселымъ лицомъ, разсмѣялся и прибавилъ: „ну это еще не большая бѣда.“ Степанъ Михайловичъ, по всѣмъ разсказамъ, по письмамъ Софьи Николавны и по отвѣту Ивана Петровича Каратаева, составилъ въ своемъ умѣ весьма благопріятное мнѣніе объ Софьѣ Николавнѣ.

Извѣстіе о скоромъ пріѣздѣ молодыхъ произвело тревогу и суету въ тихомъ, слишкомъ простомъ домѣ деревенскихъ помѣщиковъ. Надобно было почиститься, пріодѣться, принарядиться. Невѣстка городская модница, привыкла жить побарски, даромъ что бѣдна: осудитъ, осмѣетъ — такъ думали

и говорили всѣ, кромѣ старика. Особыхъ и свободныхъ комнатъ въ домѣ не было, надобно было вывести Танюшу изъ ея горницы, выходившей угломъ въ садъ, на прозрачный Бугурусланъ съ его зелеными кустами и голосистыми соловьями. Танюшѣ очень не хотѣлось перейти въ передбанникъ, но другого мѣста не было: всѣ сестры жили въ домѣ, а Каратаевъ и Ерлыкинъ спали на сѣнникѣ. За день до пріѣзда молодыхъ, привезли кровать, штофный занавѣсъ, гардины; пріѣхалъ и человѣкъ, умѣющій все это уставить и приладить. Танюшину комнату отдѣлали въ нѣсколько часовъ. Степанъ Михайловичъ посмотрѣлъ, полюбовался, а женщины кусали отъ зависти губы. Наконецъ прискакалъ передовой съ извѣстіемъ, что молодые остановились въ Мордовской деревнѣ Нойкино, въ восьми верстахъ отъ Багрова, гдѣ они переодѣнутся и часа черезъ два пріѣдутъ. Все пришло въ движеніе. Хотя старикъ еще съ утра послалъ за священникомъ, но какъ онъ еще не пріѣзжалъ, то послали гонца верхомъ поторопить его. Между тѣмъ въ Нойкинѣ происходила также забавная суматоха. Молодые ѣхали на перемѣнныхъ по проселочной дорогѣ, и потому надобно было посылать передового для заготовленія лошадей отъ деревни до деревни. Въ Нойкинѣ всѣ знали Алексѣя Степановича еще дитятей, а Степана Михайлыча считали отцомъ и благодѣтелемъ. Вся деревня отъ мала до велика, душъ 600 мужеска и женска пола, сбѣжалась къ той избѣ, гдѣ должны были остановиться молодые. Софья Николавна едва ли видала вблизи Мордву, и потому одежда Мордовокъ и необыкновенно рослыхъ и здоровыхъ дѣвокъ, ихъ вышитыя красною шерстью бѣлыя рубахи, ихъ черные шерстяные пояса или хвосты, грудь и спина и головные уборы, обвѣшанные серебряными деньгами и колокольчиками, очень ее заняли. Но когда она услыхала простыя, глупыя, но искреннія восклицанія всей толпы, на изломанномъ нѣсколько русскомъ языкѣ, то радостныя привѣтствія, то похвалы и добрыя желанія,—она и смѣялась, и даже плакала: „Ай, ай, Алеша, какой жена тебѣ Богъ давалъ! Ай, ай, хороша! говорили старики и старухи; а отца наша Степанъ Михайлычъ то-то рада будетъ! Ну дай вамъ Богъ, дай Богъ!“ Когда же молодая, переодѣвшись въ пышное городское платье, вышла садиться въ карету, то въ народѣ поднялся такой гулъ восторга и радостныхъ похвалъ, что даже лошади перепугались. Молодые, подаривъ десять рублей на вино всему міру, отправились въ дорогу.

Позади господскаго гумна, стоящаго на высокой горѣ, показался высокій экипажъ. „Ѣдутъ, ѣдутъ!“ раздалось по всему дому, и вся дворня, а вскорѣ и всѣ крестьяне сбѣжались на широкій господскій дворъ, а молодежь и ребятишки побѣжали на встрѣчу. Старики Багровы со всѣмъ семействомъ вышли на крыльцо; Арина Васильевна въ шелковомъ шушунѣ и юбкѣ, въ шелковомъ гарнитуровомъ съ золотыми травочками платкѣ на головѣ, а Степанъ Михайлычъ въ какомъ-то стародавнемъ сюртукѣ, выбритый и съ платкомъ на шеѣ, стояли на верхней ступенькѣ крыльца; одинъ держалъ образъ Знаменія Божьей Матери, а другая — каравай хлѣба съ серебряной солонкой. Золовки и два зятя стояли около нихъ. Экипажъ подкатилъ къ крыльцу, молодые вышли, упали старикамъ въ ноги, приняли ихъ благословеніе и расцѣловались съ ними и со всѣми ихъ окружающими; едва кончила молодая церемонію и обратилась опять къ свекру, какъ онъ схватилъ ее за руку, поглядѣлъ ей пристально въ глаза, изъ которыхъ катились слезы, самъ заплакалъ, крѣпко обнялъ, поцѣловалъ и сказалъ: „Слава Богу! Пойдемъ же благодарить Его.“ Онъ взялъ невѣстку за руку, провелъ въ залу сквозь тѣсную толпу, поставилъ возлѣ себя,—и священникъ, ожидавшій ихъ въ полномъ облаченіи, возгласилъ: „Благословенъ Богъ нашъ, всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ.“

Четвертый отрывокъ изъ Семейной Хроники.

Молодые въ Багровѣ.

После молебна, за которымъ горячо молились свекоръ и невѣстка, всѣ приложились ко кресту; священникъ окропилъ молодыхъ и всѣхъ присутствующихъ святой водой; начались вновь цѣлованья и обычныя въ такихъ случаяхъ рѣчи: „Просимъ насъ полюбить, принять въ свое родственное расположеніе“ и проч. Разумѣется, это говорили тѣ, съ которыми молодая еще не была знакома. Степанъ Михайловичъ молчалъ; онъ только смотрѣлъ съ любовью въ заплаканные глаза и на пылающія щеки Софьи Николавны, внимательно слушалъ каждое ея слово и замѣчалъ каждое движеніе. Наконецъ взялъ невѣстку за руку, повелъ въ гостиную, сѣлъ на канапе и посадилъ возлѣ себя молодыхъ. Арина Васильевна помѣстилась на другомъ концѣ канапе, рядомъ съ сыномъ; кругомъ сѣли сестры съ мужьями. Надобно сказать, что Степанъ Михайловичъ никогда не сидѣлъ въ гостиной и входилъ въ нее только при самыхъ необыкновенныхъ случаяхъ, и то на самое короткое время; въ цѣломъ домѣ онъ зналъ свою особую горницу и крылечко, весьма незатѣйливо сложенное изъ деревянныхъ брусьевъ и досокъ; онъ такъ привыкъ къ нимъ, что въ гостиной былъ какъ-то не дома и ему становилось неловко. Но на этотъ разъ онъ преодолѣлъ себя и повелъ

ласковыя рѣчи съ Софьей Николавной: прежде всего разспросилъ о здоровьи любезнаго свата, Николая Ѳедоровича; искренно пожалѣлъ, узнавъ, что онъ слабѣетъ часъ отъ часу, и прибавилъ, что „не станетъ долго задерживать въ Багровѣ дорогихъ своихъ гостей". Нечего и говорить, что молодая не ходила за словомъ въ карманъ, и была не только вѣжлива, но предупредительна, даже искательна. Арина Васильевна, женщина отъ природы добродушная, подлаживалась къ своему супругу, какъ умѣла и на сколько хватало у ней смѣлости не слушаться своихъ дочерей. Аксинья Степановна искренно полюбила невѣстку съ перваго взгляда и была съ ней ласкова; но прочія молчали, и не трудно было угадать по ихъ взглядамъ, что происходило у нихъ въ душѣ. Черезъ полчаса молодая пошептала что-то на ухо своему мужу, который поспѣшно всталъ и вышелъ въ приготовленную для нихъ спальню, находившуюся возлѣ гостиной. Степанъ Михайловичъ посмотрѣлъ съ удивленіемъ; но Софья Николавна заняла его такимъ одушевленнымъ разговоромъ, что онъ развлекся и очень удивился, когда черезъ нѣсколько времени растворились обѣ половинки дверей въ спальню и Алексѣй Степанычъ вошелъ, держа въ рукахъ огромный серебряный подносъ, нагруженный свадебными подарками, подъ тяжестью которыхъ подносъ даже гнулся. Софья Николавна встала съ живостью, взяла съ подноса и поднесла свекру кусокъ аглицкаго тончайшаго сукна и камзолъ изъ серебрянаго глазета, весь богато расшитый по картѣ [1]) золотою канителью, битью и блестками, прибавя, что все сработано ея собственными руками: это была совершенная правда. Степанъ Михайловичъ, хотя косился на стоящаго съ подносомъ сына, но принялъ подарки милостиво и поцѣловалъ невѣстку. Аринѣ Васильевнѣ былъ поднесенъ шелковый головной платокъ, сплошь затканный золотомъ, и цѣльная штука превосходной шелковой китайской матеріи, считавшейся и тогда рѣдкостью; золовкамъ — также по куску шелковой дорогой матеріи, а зятьямъ — по куску аглицкаго же сукна: разумѣется, подарки золовкамъ и зятьямъ были нѣсколько низшаго достоинства. Всѣ вставали, цѣловались, цѣловали ручки, кланялись и благодарили. Двери изъ залы трещали отъ на-

---

[1]) Шитье по картѣ значило, вѣроятно значитъ и теперь, что узоры рисовались на картѣ, потомъ вырѣзывались, наклеивались на матерію и вышивались золотомъ.

пора любопытныхъ зрителей и зрительницъ, а изъ дверей спальни робко выглядывали однѣ масляныя головы деревенскихъ горничныхъ, потому что *избная* дворня не смѣла вломиться въ богато убранную комнату молодыхъ. Въ залѣ послышался шумъ: лакеи не могли выгнать посѣтителей, которые мѣшали имъ накрывать столъ. Степанъ Михайловичъ догадался, въ чемъ дѣло, всталъ, выглянулъ въ дверь и однимъ взглядомъ и тихо произнесеннымъ словомъ „вонъ!“... очистилъ залу.

Обѣдъ происходилъ обыкновеннымъ порядкомъ; молодые сидѣли рядомъ между свекромъ и свекровью; блюдъ было множество, одно другого жирнѣе, одно другого тяжелѣе; поваръ Степанъ не пожалѣлъ корицы, гвоздики, перцу и всего болѣе масла. Свекоръ ласково подчивалъ молодую, и молодая ѣла, творя молитву, чтобъ не умереть на другой день. Разговоровъ было мало, сколько отъ того, что у всѣхъ были *рты на барщинѣ*, какъ говаривалъ Степанъ Михайловичъ, столько же и отъ того, что говорить не умѣли, да и всѣ смущались, каждый по своему; къ тому же Ерлыкинъ, въ трезвомъ состояніи, когда онъ пилъ только одну воду, былъ крайне скупъ на слова, за что и считался отмѣнно умнымъ человѣкомъ; Каратаевъ же безъ спроса не смѣлъ разинуть рта при Степанѣ Михайловичѣ и ограничивался только повтореніемъ послѣднихъ словъ, какъ напримѣръ: „сѣнокосъ былъ бы хорошъ, еслибъ не захватило ненастье“.—„Еслибъ не захватило ненастье“, повторялъ Каратаевъ. „Рожь сильно цвѣла, да неожиданно хватилъ морозъ“.—„Неожиданно хватилъ морозъ“, подхватывалъ Каратаевъ, и т. д. Такія подхватыванья случались иногда невпопадъ. Старики не догадались запастись въ Уфѣ шипучимъ виномъ и здоровье новобрачныхъ пили трехлѣтней, на три ягоды налитой клубниковкой, густой, какъ масло, разливающей вокругъ себя чудный запахъ полевой клубники. Ванька Мазанъ, обутый въ сапоги, вонявшіе дегтемъ, въ сюртукѣ, сидѣвшемъ на немъ, какъ рогожный куль на медвѣдѣ, подавалъ всѣмъ однимъ бокалъ съ бѣлыми узорами и синеватою струйкой, которая извивалась внутри стеклянной ножки. Когда пришлось молодымъ благодарить за поздравленіе, Софьѣ Николавнѣ, конечно, было непріятно пить изъ бокала, только что вышедшаго изъ жирныхъ губъ Каратаева: но она не поморщилась и хотѣла даже выпить цѣлый бокалъ. Свекоръ остановилъ ее и ска-

залъ: „Не кушай всего, милая невѣстынька, головка заболитъ: наливка вкусна и сладима, но крѣпка; ты къ этому непривычна". Софья Николавна увѣряла, что такое чудесное питье не можетъ быть вредно, и просила позволенія еще прихлебнуть немножко, и свекоръ изъ своихъ рукъ далъ ей выпить одинъ глотокъ.

Для всей семьи было ясно, что Степанъ Михайловичъ доволенъ невѣсткой и что всѣ ея рѣчи ему нравились. Видѣла это и сама Софья Николавна, хотя и замѣтила съ удивленіемъ, что два раза свекоръ на минуту былъ чѣмъ-то недоволенъ. Въ продолженіи стола, не одинъ разъ она встрѣчала его выразительный взглядъ, привѣтливо на нее устремленный. Наконецъ кончился долгій и утомительный, впрочемъ для одной Софьи Николавны, деревенскій праздничный обѣдъ, который старалась она оживить, по возможности, веселыми разговорами. Встали изъ-за стола; сынъ и дочери поцѣловали у отца руку, что хотѣла было сдѣлать и Софья Николавна, но старикъ не далъ руки, обнялъ и расцѣловалъ свою невѣстку. Это недаванье руки случилось уже въ другой разъ и, слѣдуя пылкой своей природѣ, Софья Николавна съ живостью и нѣжностью сказала: „отъ чего-же, батюшка, вы не даете мнѣ руки? Я также ваша дочь и также съ любовью и почтеніемъ желаю поцѣловать вашу руку". Пристально и какъ-то глубоко посмотрѣлъ старикъ на свою невѣстку и ласково отвѣчалъ: „Любить-то я тебя люблю; но только роднымъ дѣтямъ надо цѣловать руку у отца. Вѣдь я не попъ".

Опять пошли въ гостиную и расѣлись по-прежнему. Аксютка принесла *кофъ* [1]), котораго старикъ не пилъ, который подавался въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ и до котораго вся семья была очень лакома. Послѣ кофе Степанъ Михайловичъ всталъ и, сказавъ: „теперь надо хорошенько уснуть, да и молодымъ съ дороги тоже бы отдохнуть не мѣшало", пошелъ въ свою горницу, куда проводили его сынъ и невѣстка. „Вотъ мой уголъ, невѣстынька, весело сказалъ старикъ; садись, такъ будешь гостья. Я только для перваго разу посидѣлъ со всѣми вами въ гостиной, да еще въ этомъ хомутѣ (онъ указалъ на галстукъ). Алеша это знаетъ: теперь же, если кто хочетъ со мной сидѣть, такъ ми-

---

[1]) Такъ произносилось это слово въ семействѣ Багровыхъ.

лости прошу ко мнѣ“. Онъ поцѣловалъ невѣстку, далъ поцѣловать руку сыну и отпустилъ ихъ, а самъ раздѣлся и легъ успокоиться отъ необыкновенныхъ своихъ тѣлесныхъ подвиговъ и душевнаго движенья. Крѣпкій сонъ не замедлилъ овладѣть имъ, и скоро раздался здоровый храпъ, отъ котораго мѣрно шевелился пологъ, опущенный Мазаномъ на стараго барина.

Примѣру хозяина послѣдовали и другіе. Затья, по лицамъ которыхъ не трудно было догадаться, что они хорошо покушали, а Каратаевъ даже и выпилъ, отправились спать на сѣнникъ въ конюшню. Дочери собрались въ горницу къ матери, которая спала особо отъ старика; тамъ начались такія шептанія и шушуканья, суды и пересуды, что никто изъ нихъ въ этотъ день и спать не ложился. Досталось на орѣхи бѣдной Софьѣ Николавнѣ! Разцыганили ее золовушки! Очевидная благосклонность свекра къ невѣсткѣ выводила изъ себя озлобленную семью. Нашлась однако одна добрая душа, вдова Аксинья Степановна, по второму мужу Нагаткина, которая заступилась за Софью Николавну; но на нее такъ прогнѣвались, что выгнали изъ комнаты и окончательно исключили изъ семейнаго совѣта, и тутъ же получила она, въ добавокъ къ прежнему прозвищу „простоты сердечной“, новое оскорбительное прозвище, которое и сохранилось при ней до глубокой старости; но добрая душа осталась однако навсегда благорасположенною къ невѣсткѣ и гонимою за то въ семьѣ.

Молодые отправились въ свою парадно-убранную спальню. Софья Николавна, съ помощью горничной своей дѣвушки, черномазой и бойкой Параши, разобрала дорожные сундуки и баулы, которыхъ было необыкновенно много въ англійской мурзахановской каретѣ. Параша знала уже на перечетъ всю дворню, всѣхъ старухъ и стариковъ въ крестьянахъ, которыхъ особенно слѣдовало подарить, и Софья Николавна, привезшая съ собой богатый запасъ разныхъ мелкихъ вещей, всѣмъ назначила подарки, располагая ихъ по лѣтамъ, заслугамъ и почету, которымъ пользовались эти люди у своихъ господъ. Молодые супруги не чувствовали усталости и надобности отдохнуть. Софья Николавна переодѣлась въ другое платье, менѣе пышное, и, оставя Парашу окончательно раскладываться и устраиваться въ спальнѣ, пошла, не смотря на жаръ, гулять съ молодымъ своимъ му-

жемъ, которому очень хотѣлось показать ей свои любимыя мѣста: березовую рощу, островъ, обсаженный только что распустившимися липами, и прозрачныя воды огибающей его рѣки. И какъ хорошо было тамъ въ эту пору, когда свѣжесть весны соединяется съ лѣтнею теплотою! Алексѣй Степанычъ, страстно любящій, еще не привыкшій къ счастію быть мужемъ обожаемой женщины, былъ какъ-то непріятно изумленъ, что Софья Николавна не восхитилась ни рощей, ни островомъ, даже мало обратила на нихъ вниманія и, усѣвшись въ тѣни на берегу быстро текущей рѣки, поспѣшила заговорить съ мужемъ объ его семействѣ, о томъ, какъ ихъ встрѣтили, какъ полюбила она свекра, какъ съ перваго взгляда замѣтила, что она ему понравилась, что можетъ быть и матушкѣ свекрови также бы она понравилась, но что Арина Васильевна какъ будто не смѣла приласкать ее, что всѣхъ добрѣе кажется Аксинья Степановна, но что и она чего-то опасается... „Я все вижу и понимаю, прибавила она; вижу я, откуда сыръ боръ горитъ. Я не пропустила ни одного слова, ни одного взгляда; вижу, чего я должна ожидать. Богъ судья твоимъ сестрамъ, Елисаветѣ и Александрѣ Степановнѣ...“ Но разсѣянно слушалъ Алексѣй Степанычъ: освѣжительная тѣнь, зелень наклонившихся вѣтвей надъ рѣкою, тихій ропотъ бѣгущей воды, рыба, мелькавшая въ ней, наконецъ обожаемая Софья Николавна, его жена, сидящая подлѣ и обнявшая его одной рукой... Боже мой, да развѣ тутъ можно что-нибудь замѣчать, кого-нибудь обвинять, чѣмъ-нибудь быть недовольнымъ? Да тутъ нельзя слышать, и понять, что услышишь,—и Алексѣй Степанычъ рѣшительно не слыхалъ и не понялъ, что говорила его молодая жена; ему было такъ хорошо, такъ сладко, что одно только забвеніе всего окружающаго и молчаніе могло служить полнымъ выраженіемъ его упоительнаго блаженства. Софья Николавна продолжала говорить, говорила много, съ жаромъ, съ чувствомъ—и наконецъ замѣтила, что мужъ ея не слушаетъ, чуть ли не дремлетъ. Она быстро встала, и тутъ послѣдовало одно изъ тѣхъ явленій, тѣхъ столкновеній взаимнаго непониманія другъ друга, которое хотя и проглядывало уже не одинъ разъ, но такъ ярко еще никогда не обозначалось. Все было высказано вновь, и въ потокѣ горячихъ рѣчей вырвались слезы и упреки въ невниманіи и равнодушіи. Изумленный, даже встревоженный Алексѣй Сте-

панычъ, какъ будто упавшій съ неба, какъ будто разбуженный отъ сладкаго сна, думая успокоить жену, увѣрялъ съ совершенною искренностью, что все прекрасно и все безподобно, что это все ея одно воображеніе, что ее всѣ любятъ и что развѣ можетъ кто-нибудь ее не любить?.. Не смотря на простоту и ясность чистосердечнаго убѣжденія, на безграничную любовь, которая выражалась въ глазахъ, въ лицѣ и въ голосѣ Алексѣя Степаныча, Софья Николавна, при всемъ ея умѣ и живой чувствительности, не поняла своего мужа и въ его словахъ нашла новое доказательство того же равнодушія, того же невниманія. Объясненія и толкованія продолжались съ возрастающимъ жаромъ, и не знаю, до чего бы дошли, еслибъ Алексѣй Степанычъ, издали увидя бѣгущую къ нимъ, по высокимъ мосткамъ, горничную дѣвушку сестры Татьяны Степановны и догадавшись, что батюшка проснулся и что ихъ ищутъ, не сообщилъ поспѣшно своихъ опасеній Софьѣ Николавнѣ, которая въ одну минуту очнулась, овладѣла собой и, схвативъ мужа за руку, поспѣшила съ нимъ домой; но невесело шелъ за ней Алексѣй Степанычъ.

Въ Багровѣ заранѣе были сдѣланы распоряженія, чтобы въ день пріѣзда молодыхъ угостить дворню, всѣхъ своихъ и даже сосѣднихъ крестьянъ, если кто захочетъ прійти или пріѣхать. Заранѣе сварили нѣсколько *печей* корчажнаго пива, *насидѣли* десятокъ-другой ведеръ крѣпкаго домашняго вина и приготовили всякой нужной посудины. Ложась отдохнуть послѣ обѣда, Степанъ Михайловичъ спросилъ: „а что, Нойкинскихъ и Киврацкихъ много?“ и Мазанъ отвѣчалъ, что всѣ здѣсь: и старики, и старухи, и ребятишки. Степанъ Михайловичъ улыбнулся и сказалъ: „Ну такъ мы ихъ угостимъ. Скажи-же ключницѣ Ѳедосьѣ и ключнику Петру, чтобъ все было готово“. Степанъ Михайловичъ спалъ не долго, но проснулся еще веселѣе, чѣмъ легъ. Первое слово его было: „все-ли готово?“ Отвѣчали, что давно готово. Старикъ поспѣшно одѣлся, ужъ не въ парадный сюртукъ, а въ свой любимый халатъ изъ тонкой армячины и вышелъ на крылечко, чтобъ лично распорядиться угощеніемъ. На широкомъ зеленомъ дворѣ, не отгороженномъ отъ улицы, были утверждены на подставкахъ доски, на которыхъ стояли лагуны съ пивомъ, боченки съ виномъ и лежали грудами для закуски, разрѣзанные надвое, пироги. Пирогами назывались и теперь на-

зываются въ Оренбургской губерніи небольшие продолговатые хлѣбные короваи изъ пшеничной муки. Кучка дворовыхъ стояла особо и ближе всѣхъ; подальше находилась большая толпа крестьянъ и крестьянокъ, а еще подалѣе—уже огромная толпа мордвы обоего пола. Степанъ Михайловичъ окинулъ все бѣглымъ взглядомъ, увидѣлъ, что все въ порядкѣ, и воротился на свое крылечко. Только что хотѣлъ онъ спросить у своей семьи, которая вся уже собралась: а гдѣ-же молодые?—какъ явилась Софья Николавна съ Алексѣемъ Степанычемъ. Свекоръ встрѣтилъ невѣстку еще ласковѣе и обошелся съ нею уже такъ просто, какъ съ дочерью. „Ну, Алеша, сказалъ онъ, бери жену за руку и веди ее поздороваться съ дворовыми и крестьянами: вѣдь всѣ хотятъ видѣть и поцѣловать ручку у своей молодой барыни... Пойдемте!“ Онъ пошелъ впередъ; за нимъ слѣдовалъ Алексѣй Степанычъ съ женою, рука въ руку; въ нѣкоторомъ отдаленіи шла Арина Васильевна съ дочерьми и зятьями. Съ трудомъ удерживали свою досаду золовки (исключая Аксиньи Степановны). Возрастающія ласки Степана Михайловича, торжественное вступленіе ненавистной Софьи Николавны въ званіе молодой хозяйки, ея красота и щегольской нарядъ, ловкость, бойкость ея языка, почтительная и увлекательная ласковость къ свекру— все это раздражало, язвило ихъ завистливыя души. Онѣ вдругъ почувствовали свое паденіе въ домѣ отца. „Объ насъ ужъ что говорить, мы ужъ отрѣзанные ломти, шептала Александра Степановна, а вотъ на Танюшу не могу смотрѣть безъ слезъ. Что она теперь въ домѣ? Холопка Софьи Николавны; да и васъ, матушка, теперь никто почитать не станетъ. Всѣ будутъ смотрѣть изъ ея рукъ...“ Голосъ ея дрожалъ и слезы навертывались на круглыхъ вертящихся глазахъ. Между тѣмъ, подошедъ къ дворовымъ, Степанъ Михайловичъ подозвалъ и своихъ крестьянъ, говоря: „Что-же вы не вмѣстѣ стоите? Развѣ вы не одной матки дѣтки? Ну вотъ вамъ, продолжалъ онъ, молодая госпожа, а молодого барина вы давно знаете; служите имъ, когда придетъ время, такъ же вѣрно и усердно, какъ намъ съ Ариной Васильевной; а они будутъ васъ за то любить да жаловать“. Всѣ поклонились въ ноги. Молодая была изумлена, не знала, куда дѣваться и что начать: она не привыкла къ такимъ явленіямъ. Видя ея смущеніе, свекоръ сказалъ: „Ничего! поклониться—голова не отвалится. Ну, цѣлуйте же у молодой барыни ручку, да и погуляйте

за ея здоровье". Всѣ встали и начали подходить къ Софьѣ Николавнѣ. Она оглянулась: ловкая Параша и приданый лакей Ѳедоръ стояли въ сторонѣ съ подарками. По знаку госпожи своей, они проворно подали ей цѣлый узелъ и ящикъ съ разными вещами. Еще не привыкшая протягивать ручку для поцѣлуевъ и въ то же время стоять неподвижно, какъ статуя,—Софья Николавна принялась было сама цѣловаться со всѣми, что повторялось при полученіи изъ рукъ ея подарка; но Степанъ Михайловичъ вмѣшался въ дѣло: онъ смекнулъ, что эдакъ придется ему не пить чаю до ужина. „Гдѣ же тебѣ, невѣстынька, перецѣловать всѣхъ, да еще по два раза? сказалъ онъ. Ихъ много; вотъ со стариками, со старухами — другое дѣло; а съ тѣхъ будетъ и ручки". Несмотря однако на облегченіе и ускореніе этой довольно скучной и тягостной церемоніи, она продолжалась очень долго. Степанъ Михайловичъ, по живости своей, самъ иногда задерживалъ ходъ дѣла, называя нѣкоторыхъ дворовыхъ и крестьянъ по именамъ и сопровождая эти имена одобрительными отзывами. Многіе старики или старухи говорили простыя слова усердія и любви, иные даже плакали и всѣ вообще смотрѣли на молодую радостно и привѣтно. Софья Николавна была глубоко потрясена. „За что эти добрые люди готовы полюбить меня, а нѣкоторые уже любятъ? думала она. Чѣмъ я заслужила ихъ любовь?.." Наконецъ, когда всѣ, отъ стараго до малаго, перецѣловали ручку у молодой барыни, и нѣкоторые были перецѣлованы ею, когда всѣ получили щедрые подарки, Степанъ Михайловичъ взялъ за руку Софью Николавну и подошелъ съ ней къ толпѣ Мордвы. „Здорово, сосѣди"! сказалъ онъ весело и привѣтливо. „Спасибо, что пріѣхали. Вотъ вамъ молодая сосѣдка. Полюбите ее. Милости просимъ и васъ выпить и закусить, чѣмъ Богъ послалъ." Радостныя и шумныя восклицанія понеслись изъ толпы. „Ай, спасибо, спасибо, Степанъ Михайлычъ! Слава Богъ! какой Онъ жена то давалъ твой Лексѣй! Ай, ай, хорошъ! За то, Степанъ Михайлычъ, что ты больно добрый человѣкъ!"

Началась попойка. Степанъ Михайловичъ съ молодыми и со всей своей семьей поспѣшилъ къ любимому своему крылечку. Онъ чувствовалъ, что давно прошла пора для вечерняго чая, который неизмѣнно подавался въ шесть часовъ, а теперь было давно семь. Уже длинная тѣнь отъ

дома покосилась на югъ и легла своими краями на кладовую и конюшню; давно на большомъ столѣ, у самаго крыльца, кипѣлъ самоваръ и дожидалась Аксютка. Всѣ разсѣлись вокругъ стола; но Степанъ Михайловичъ не разстался со своимъ крылечкомъ и сѣлъ на любимомъ своемъ мѣстѣ, подославъ подъ себя неизмѣнный войлочный потникъ. Вечерній чай разливала Танюша, и Аксютка только ей прислуживала. Софья Николавна попросила позволенія у свекра сѣсть возлѣ него на крылечкѣ, на что старикъ съ видимымъ удовольствіемъ согласился. Невѣстка проворно выскочила изъ-за стола и, съ недопитой своей чашкой чая, въ одну минуту очутилась уже подлѣ свекра. Онъ приласкалъ ее и, заботясь, чтобъ она не вымарала платья, приказалъ и ей постлать войлокъ. У нихъ пошелъ живой и веселый разговоръ; а за чайнымъ столомъ злобно переглядывалась и даже перешептывалась семья, несмотря на присутствіе молодого мужа; онъ не могъ этого не замѣтить, и ему, и безъ того не веселому, становилось какъ-то грустно и неловко. Вдругъ раздался громкій голосъ старика: „Ступай къ намъ, Алеша, у насъ веселѣе“. Алеша встрепенулся, пересѣлъ къ отцу и какъ будто сталъ повеселѣе. Послѣ чая, оставшись на тѣхъ же мѣстахъ, продолжали разговаривать до ужина, который также былъ поданъ позже обыкновеннаго, т.-е. послѣ 9-ти часовъ. Во все это время звучныя пѣсни и веселый смѣхъ подгулявшаго народа далеко оглашали постепенно темнѣвшую окрестность. Послѣ ужина сейчасъ разошлись по своимъ мѣстамъ, или *по своимъ норамъ*, какъ говорилъ Степанъ Михайловичъ. Прощаясь, невѣстка попросила свекра благословить и перекрестить ее на сонъ грядущій, и свекоръ охотно перекрестилъ ее и поцѣловалъ съ отеческимъ чувствомъ.

Свекровь и старшая золовка Нагаткина сопровождали молодыхъ въ спальню и нѣсколько минутъ посидѣли у нихъ. Алексѣй Степанычъ, въ свою очередь, пошелъ проводить мать и сестру. Софья Николавна поспѣшно отпустила свою горничную и сѣла у одного изъ растворенныхъ оконъ, обращенныхъ къ рѣкѣ, густо обросшей вербой и тальникомъ. Ночь была великолѣпна; заря какъ будто не гасла, медленно готовясь перейти изъ вечерней въ утреннюю. Свѣжесть отъ воды и запахъ молодыхъ древесныхъ листьевъ, вмѣстѣ съ раскатами и свистами соловьевъ, неслись въ растворенныя окна. Но о другомъ думала Софья Николавна. Какъ умная женщина,

знавшая напередъ, что ожидало ее въ семействѣ мужа, она, конечно, заранѣе составила планъ своихъ дѣйствій. Не выѣзжая никогда изъ города, она не имѣла никакого понятія о жизни деревенскихъ небогатыхъ помѣщиковъ, разсѣянныхъ по разнымъ захолустьямъ обширнаго края. Она, конечно, не представляла себѣ ничего пріятнаго, но дѣйствительность была гораздо хуже. Все ей не нравилось, все было противно: и домъ, и садъ, и роща, и островъ. Она привыкла любоваться великолѣпными видами съ нагорнаго берега рѣки Бѣлой, въ окрестностяхъ Уфы, а потому деревушка въ долинѣ, съ бревенчатымъ, потемнѣвшимъ отъ времени и ненастья домомъ, съ прудомъ, окруженнымъ болотами, и съ вѣчнымъ стукомъ толчеи, показались ей даже отвратительными. Люди также не могли ей понравиться, начиная съ семьи до крестьянскихъ ребятишекъ, кромѣ Степана Михайловича. Если-бъ не было его, она пришла-бы въ отчаянье. Она составила себѣ о немъ предварительно выгодное понятіе; грубоватая наружность свекра съ перваго взгляда испугала ее, но скоро она прочла въ его разумныхъ глазахъ и добродушной улыбкѣ, услыхала въ голосѣ, что у этого старика много чувства, что онъ сердечно расположенъ къ ней, что онъ готовъ полюбить, что онъ полюбитъ ее. Зная и прежде, что у нея вся надежда на свекра, она тогда же приняла твердое намѣреніе непремѣнно снискать его любовь; но теперь она сама его полюбила, и разсчетъ ума соединился съ сердечнымъ влеченіемъ. Въ этомъ отношеніи Софья Николавна была довольна собой; она сама видѣла, что шла быстро къ цѣли, и смущало ее только то, что она въ горячности оскорбила своего добраго мужа; она нетерпѣливо ждала его, но онъ какъ нарочно не возвращался. Софья Николавна давно бы побѣжала отыскать его, еслибъ знала, гдѣ найти.... Такъ ей хотѣлось броситься къ нему на шею, заплакать, сказать; „прости меня“ и потокомъ горячихъ ласкъ и словъ уничтожить въ душѣ его послѣднюю тѣнь неудовольствія.... Но Алексѣй Степанычъ не возвращался. Благодатныя мгновенія раскаянья, восторженной любви, желанья исправить свою вину — проходили даромъ. Порывъ не можетъ продолжаться долго, и черезъ нѣсколько минутъ Софьѣ Николавнѣ стало страшно, а потомъ и досадно, что такъ долго не возвращается ея мужъ. Наконецъ, онъ пришелъ, нѣсколько разстроенный, смущенный, и вмѣсто того, чтобъ броситься къ

нему на шею и сказать: „прости меня“, Софья Николавна, взволнованнымъ и нѣсколько раздраженнымъ голосомъ, спросила Алексѣя Степаныча, едва переступившаго порогъ: „помилуй, гдѣ ты былъ? отчего ты бросилъ меня одну? я измучилась, дожидаясь тебя битыхъ два часа.“—„Я посидѣлъ у матушки съ сестрами какихъ-нибудь четверть часа“, отвѣчалъ тихо и печально Алексѣй Степанычъ.—„И онѣ успѣли тебѣ нажаловаться, выдумали, наклеветали на меня, и ты имъ повѣрилъ. Отчего ты такъ огорченъ, такъ печаленъ?“ На лицѣ Софьи Николавны выразилось сильное волненіе и прекрасные глаза наполнились слезами. Молодой мужъ встревожился и даже испугался (слезы начинали пугать его): „Сонечка, сказалъ онъ, успокойся; никто на тебя не жаловался, да и за что? ты ни передъ кѣмъ не виновата.“ Алексѣй Степанычъ сказалъ не совсѣмъ правду. Открыто никто не жаловался, прямо никто не обвинялъ; но обинякоми и намеками дали ему почувствовать, что жена его безсовѣстно льстится къ одному свекру для того, чтобы наплевать на всю остальную семью, что хитрости ея понимаютъ и пойметъ со временемъ и самъ Алексѣй Степанычъ, когда очутится ея холопомъ. Алексѣй Степанычъ не повѣрилъ такимъ намекамъ; но грустное состояніе, въ которомъ онъ находился послѣ разговоровъ на островѣ, какъ-то усилилось и легло свинцомъ на его доброе сердце. Онъ сказалъ только два слова Аринѣ Васильевнѣ: „напрасно, матушка!“ и поспѣшно ушелъ; но не вдругъ воротился въ спальню, а нѣсколько времени походилъ одинъ по залѣ, уже пустой, темной, посмотрѣлъ въ отворенныя семь оконъ на спящую во觉 мракѣ грачевую рощу, на темнѣвшую вдали урему, поприще его дѣтскихъ забавъ и охотъ, вслушался въ шумъ мельницы, въ соловьиные свисты, въ крики ночныхъ птицъ... Легче стало у него на сердцѣ, и пошелъ онъ въ спальню, никакъ не воображая встрѣчи, которая его ожидала. Софья Николавна скоро одумалась, вновь раскаянье заговорило въ ней, хотя уже не съ прежней силой; она перемѣнила тонъ, съ искреннимъ чувствомъ любви и сожалѣнія она обратилась къ мужу, ласкала его, просила прощенья, съ неподдѣльнымъ жаромъ говорила о томъ, какъ она счастлива, видя любовь къ себѣ въ батюшкѣ Степанѣ Михайловичѣ, умоляла быть съ ней совершенно откровеннымъ, краснорѣчиво доказала необходимость откровенности, — и мягкое сердце мужа разнѣжилось, успо-

жилось, и высказалъ онъ ей все, чего рѣшился было ни подъ какимъ видомъ не сказывать, не желая ссорить же ну съ семьей. Успокоившись, онъ легъ и сейчасъ заснулъ; но Софья Николавна долго не спала и думала свою крѣпк ую думу. Наконецъ, вспомнивъ, что ей надо рано встать, ч то она имѣла намѣреніе прійти къ своему свекру на его кр ылечко вмѣстѣ съ восходомъ солнышка, задолго до прихо да семьи, чтобъ утѣшить старика и высказаться на просторѣ, — она постаралась заснуть, и хотя не скоро, хоть съ бол ьшимъ усиліемъ, но заснула.

Съ первыми лучами солнца проснулась Софья Николавна. Немного спала она, но встала бодрою и живою. Проворно одѣлась, поцѣловала мужа, сказала ему, что идетъ къ батюшкѣ, что онъ можетъ еще уснуть часъ-другой, и поспѣшила къ свекру. Степанъ Михайловичъ проспалъ долѣе обыкновеннаго и только что умылся и вышелъ на крылечко. Утро, праздничное, великолѣпное майское утро, со всею прелестью полной весны, съ ея свѣжестью и роскошью тепла, съ хоромъ радостныхъ голосовъ всей живущей твари, съ утренними, длинными тѣнями, гдѣ таилась еще и прохлада и влажность, убѣгающія отъ солнечныхъ, торжествующихъ лучей—обхватило Софью Николавну и подѣйствовало на нее живительно, хотя она не привыкла сочувствовать красотамъ деревенской природы. Появленіе невѣстки удивило свекра и обрадовало. Ея свѣжее лицо, блестящіе глаза, уборъ волосъ и щегольское утреннее платье не показывало, чтобы невѣстку разбудили, чтобы она вскочила со сна и, не выспавшись, не прибравшись, неряхой—прибѣжала къ своему свекру. Степанъ Михайловичъ любилъ живыхъ, бодрыхъ и умныхъ людей: все это находилъ онъ въ Софьѣ Николавнѣ и все это очень ему нравилось. „Что это ты такъ рано вскочила? весело сказалъ онъ, обнимая невѣстку. Вѣдь ты не выспалась! Вѣдь ты не привыкла рано вставать! Вѣдь головка будетъ болѣть!“—„Нѣтъ, батюшка, отвѣчала Софья Николавна, обнимая старика съ искренней нѣжностью. Я привыкла рано вставать; съ самаго дѣтства у меня было много дѣла и много заботъ. Цѣлая семья и больной отецъ были у меня на рукахъ. Послѣднее время я избаловалась, стала позднѣе вставать. Но сегодня я проснулась рано; Алексѣй мнѣ сказалъ (старикъ поморщился), что вы уже давно встали, и я пришла къ вамъ

въ надеждѣ, что вы меня не прогоните и позволите мнѣ напоить васъ чаемъ." Въ этихъ обыкновенныхъ словахъ было тамъ много внутренняго чувства, такъ онѣ были сказаны отъ души, что старикъ былъ растроганъ, поцѣловалъ Софью Николавну въ лобъ и сказалъ: „Ну, если такъ, то спасибо, милая невѣстынька. Мы поговоримъ, поболтаемъ съ тобой на просторѣ и ты напоишь меня чаемъ." Аксютка ставила уже самоваръ на столъ. Степанъ Михайловичъ не приказалъ никого будить, и Софья Николавна начала распоряжаться чаемъ. Все она дѣлала проворно, ловко, какъ будто цѣлый вѣкъ ничего другого не дѣлала. Съ удовольствіемъ смотрѣлъ старикъ на эту прекрасную молодую женщину, не похожую на все его окружающее, у которой дѣло такъ и кипѣло въ рукахъ. Чай былъ сдѣланъ крѣпкій, точно такъ, какъ онъ любилъ, то есть: чайникъ, накрытый салфеткой, былъ поставленъ на самоваръ, чашка налита полнехонько наравнѣ съ краями, и Софья Николавна подала ее, не проливъ ни одной капли на блюдечко; ароматный напитокъ былъ такъ горячъ, что жегъ губы. „Да ты колдунья, съ пріятнымъ изумленіемъ сказалъ старикъ, принявъ чашку и отвѣдавъ чай: ты знаешь всѣ мои причуды; ну, если ты будешь такъ угождать мужу, то хорошо ему будетъ жить." Старикъ обыкновенно пилъ чай одинъ и когда самъ накушивался, тогда начинала пить семья; но тутъ, принявъ вторую чашку, приказалъ невѣсткѣ, чтобъ она налила чашечку себѣ, сѣла подлѣ него и вмѣстѣ съ нимъ кушала чай. „Никогда не пивалъ больше двухъ, а теперь выпью третью, сказалъ онъ самымъ ласковымъ голосомъ; какъ-то чай кажется лучше." Въ самомъ дѣлѣ, Софья Николавна все дѣлала съ такимъ удовольствіемъ, что оно просвѣчивалось на ея выразительномъ лицѣ и не могло не сообщиться воспріимчивой природѣ Степана Михайловича, и стало у него необыкновенно весело на душѣ. Онъ заставилъ выпить невѣстку другую чашку и даже съѣсть домашній кренделъ, печеньемъ которыхъ долго славились багровскія печи. Чай убрали; начались разговоры, самые живые, одушевленные, искренніе и дружелюбные. Софья Николавна дала полную волю своимъ пылкимъ чувствамъ, своему увлекательному краснорѣчію—и окончательно понравилась старику. Посреди такой пріятной бесѣды вдругъ онъ спросилъ. „А что мужъ? спитъ?"—„Алексѣй просыпался, когда я ухо-

дила; но я велѣла ему еще соснуть", съ живостью отвѣчала Софья Николавна. Старикъ сильно наморщился и на минуту замолчалъ. „Послушай, милая моя невѣстушка, сказалъ онъ подумавши, безъ гнѣва, но съ важностью: ты такая умница, что я скажу тебѣ правду безъ обиняковъ. Я не люблю ничего держать на душѣ. Послушаешь—ладно, не послушаешь—какъ хочешь: ты мнѣ не родная дочь. Мнѣ не по нутру, что ты называешь мужа Алексѣй; у него есть отчество. Ты ему не мать, не отецъ. Вѣдь ты и слугу стала бы звать Алексѣй. Жена должна обходиться съ мужемъ съ уваженьемъ; тогда и другіе станутъ его уважать. Не понравилось мнѣ тоже, что ты вчера за подарками его посылала, и что онъ стоялъ съ подносомъ, какъ лакей. Вотъ и сейчасъ ты сказала, что *велѣла* ему соснуть. Повелѣвать женѣ не приходится, а то будетъ худо. Можетъ это у васъ такъ въ городѣ ведется; но по нашему, по старинному, по деревенскому, — все это никуда не годится". Съ почтеньемъ слушала Софья Николавна. „Благодарю васъ, батюшка, сказала она такъ искренно, съ такимъ внутреннимъ чувствомъ, что каждое слово доходило до сердца старика: благодарю васъ, что вы не потаили отъ меня того, что вамъ было непріятно. Я не только съ радостью исполню вашу волю, я и сама понимаю теперь, что это точно не хорошо. Я еще молода, батюшка. Меня не кому было поучить: отецъ мой шестой годъ лежитъ въ постели. Я переняла такое обращенье съ мужемъ у другихъ. Впередъ этого никогда не будетъ, не только при васъ, но и безъ васъ. Батюшка, продолжала она, и крупныя слезы закапали изъ ея глазъ: я полюбила васъ, какъ родного отца; поступайте со мной всегда, какъ съ родной дочерью; остановите, побраните меня, если я провинюсь въ чемъ-нибудь, и простите, но не оставляйте на сердцѣ неудовольствія. По молодости, по горячности моей, я могу провиниться на каждомъ шагу; вспомните, что я въ чужой семьѣ, что я никого не знаю и что никто не знаетъ меня; не оставьте меня"..... Она бросилась на шею къ свекру, у котораго также глаза были полны слезъ, она обняла его, точно какъ родная дочь, и цѣловала его грудь, даже руки. Свекоръ не отнялъ ихъ и сказалъ: „Ну, такъ ладно!" У Степана Михайловича была чуткая природа; мы уже знаемъ это; онъ безошибочно угадывалъ зло и безошибочно привлекался къ добру. Съ перва-

го взгляда понравилась ему невѣстка, а теперь онъ понялъ, оцѣнилъ и вполнѣ ее полюбилъ навсегда. Многимъ опытамъ была впослѣдствіи подвергнута эта любовь, всякой бы другой поколебался; но онъ устоялъ до послѣдняго своего вздоха.

Вскорѣ явился Алексѣй Степанычъ, а вслѣдъ за нимъ и вся семья. Дочери давно посылали Арину Васильевну, но она не смѣла прійти, потому что слова Степана Михайловича: „никого не будить"—равнялись запрещенью приходить. Она и теперь пришла только потому, что старикъ приказалъ Мазану позвать всѣхъ. Не видно было слѣдовъ слезъ на лицѣ Софьи Николавны, и она встрѣтила свекровь и золовокъ съ особенною ласкою и предупредительностью. Въ Степанѣ Михайловичѣ ничего необыкновеннаго также не было замѣтно; но живость и веселость невѣстки, которую она не умѣла скрыть, была сейчасъ замѣчена двумя средними золовками, и онѣ съ ужасомъ разгадали сущность дѣла.—Степанъ Михайловичъ рѣшилъ, что молодымъ надо объѣздить родныхъ по старшинству, и потому было положено, что завтра молодые поѣдутъ къ Аксиньѣ Степановнѣ Нагаткиной, которая и отправилась домой въ тотъ-же день послѣ обѣда; съ ней поѣхала и Елизавета Степановна, чтобъ помочь въ хлопотахъ по хозяйству для пріема молодыхъ къ обѣду. До деревни Нагаткиной считалось пятьдесятъ верстъ. Для добрыхъ багровскихъ коней такое разстояніе не требовало отдыха, и выѣздъ назначенъ былъ въ шесть часовъ утра.

Степанъ Михайловичъ нисколько не скрывалъ своего расположенія къ невѣсткѣ. Онъ не разлучался съ нею и безпрестанно разговаривалъ: то разспрашивалъ о семейныхъ ея обстоятельствахъ; то заставлялъ разсказывать про ея городскую жизнь; слушалъ съ вниманіемъ и участіемъ, нерѣдко умными и мѣткими словами обсуживая дѣло. Софья Николавна съ жаромъ хваталась за его дѣльныя замѣчанія и ясно доказывала, что съ ея стороны это было не угодливое поддакиванье образу мыслей старика, но полное пониманіе и убѣжденіе въ справедливости его словъ. Въ свою очередь и Степанъ Михайловичъ знакомилъ невѣстку съ прошедшею и настоящею жизнью новаго для нея семейства; онъ разсказывалъ все такъ правдиво, такъ просто, такъ искренно и такъ живо, что Софья Николавна, одна способная оцѣнить его вполнѣ, приходила въ восхищенье. Она не встрѣчала

подобнаго человѣка: ея отецъ былъ старикъ умный, нѣжный, страстный и безкорыстный, но въ то же время слабый, подчиненный тогдашнимъ формамъ приличія, носившій на себѣ печать уклончиваго, искательнаго чиновника, который, начавъ съ канцелярскаго писца, дослужился до званія товарища намѣстника; здѣсь же стоялъ передъ ней старецъ необразованный, грубый по наружности, по слухамъ даже жестокій въ гнѣвѣ, но разумный, добрый, правдивый, непреклонный въ своемъ свѣтломъ взглядѣ и честномъ судѣ,—человѣкъ, который не только поступалъ всегда прямо, но и говорилъ всегда правду. Величавый образъ духовной высоты вставалъ передъ пылкой, умной женщиной и заслонялъ все прошлое, открывая передъ нею какой-то новый нравственный міръ. И какое счастье: этотъ человѣкъ—ея свекоръ! Отъ него зависитъ ея спокойствіе въ семьѣ мужа и, можетъ быть, даже благополучіе въ супружеской жизни!

Обѣдъ прошелъ гораздо живѣе и веселѣе вчерашняго; невѣстка сидѣла попрежнему между свекромъ и своимъ мужемъ, но Арина Васильевна пересѣла на обыкновенное свое мѣсто, насупротивъ Степана Михайловича. Сейчасъ послѣ обѣда уѣхали въ Ногаткино Аксинья и Елизавета Степановны. Ложась уснуть по обыкновенію, старикъ сказалъ: „Ну, Ариша, кажись, Богъ далъ намъ славную невѣстку: ее грѣшно не полюбить.“—„Подлинно такъ, Степанъ Михайлычъ, отвѣчала Арина Васильевна. Ужъ если тебѣ Софья Николавна угодна, такъ мнѣ и подавно“. Старикъ покосился, но смолчалъ. Старуха ушла скорѣе, чтобъ не обмолвиться и чтобъ сообщить своимъ дочерямъ знаменательныя слова Степана Михайловича, которыя и приняты были, какъ законъ, къ точному исполненію, по крайней мѣрѣ по наружности.

Хотя мало спала Софья Николавна въ послѣднюю ночь, но не могла заснуть послѣ обѣда. Она опять ходила гулять съ своимъ мужемъ, по его желанію, въ старую березовую грачевую рощу и внизъ по рѣкѣ. Тутъ не было уже никакихъ непріятныхъ столкновеній. Торжествующая, увлеченная и восхищенная своимъ свекромъ, Софья Николавна старалась передать Алексѣю Степанычу пылкія ощущенія, которыми была переполнена ея воспріимчивая душа. Подобно всѣмъ страстнымъ, восторженнымъ людямъ, она перенесла нѣкоторую часть качествъ, плѣнившихъ ее въ свекрѣ, на своего молодого, прекраснаго друга и любила его въ то

время больше, чѣмъ когда-нибудь. Съ радостнымъ изумленіемъ слушалъ одушевленныя рѣчи своей красавицы-жены Алексѣй Степанычъ и думалъ про-себя: „Слава Богу, что они съ батюшкой такъ понравились другъ другу: теперь все будетъ хорошо“. Онъ цѣловалъ руки Софьи Николавны, говорилъ ей, „что онъ счастливѣйшій человѣкъ во всей вселенной и что она такое божество, которому нѣтъ равнаго на свѣтѣ и которому должны всѣ поклоняться.“ Онъ не могъ понимать вполнѣ своей жены, не могъ чувствовать высказанной, глубокой и тонкой оцѣнки высокихъ качествъ Степана Михайловича, и по прежнему оставался только совершенно убѣжденнымъ, что отецъ его такой человѣкъ, котораго всѣ должны почитать и даже бояться. Въ этотъ разъ Софья Николавна ничего не замѣчала; она чувствовала и говорила за него сама; она хвалила и березовую, кочковатую рощу, и глубокую рѣку; даже о золовкахъ своихъ отзывалась очень благосклонно.

Проснувшись послѣ обѣда, Степанъ Михайловичъ немедленно позвалъ къ себѣ невѣстку съ мужемъ и всю свою семью. Давно не видали его такимъ ласковымъ и свѣтлымъ. Хорошо ли онъ выспался, или на сердцѣ у него было хорошо,—только всякій видѣлъ, что старый баринъ чѣмъ-то очень доволенъ и веселъ. Послѣ отзыва Степана Михайловича, Александра и Елизавета Степановны себя принудили, а Танюша (всѣ ее такъ звали) и Арина Васильевна очень охотно стали ласковѣе и разговорчивѣе; Каратаеву мигнула Александра Степановна, — и онъ смѣлѣе сталъ повторять послѣднія слова говорящаго, хотя бы и не съ нимъ говорили; но мрачный генералъ продолжалъ молчать и смотрѣть значительно. Семейная бесѣда сдѣлалась необыкновенно жива и одушевлена. Старику захотѣлось поранѣе накушаться чаю, разумѣется въ тѣни подлѣ крылечка, и невѣстка получила исключительное право разливать вечерній чай. Танюша охотно уступила ей свою должность. Послѣ чая Степанъ Михайловичъ приказалъ заложить двое дрогъ, посадилъ съ собою невѣстку и въ сопровожденіи всей семьи поѣхалъ на мельницу. Надобно сказать, что старикъ былъ охотникъ до мельничнаго дѣла и самъ занимался имъ. Жернова мололи и толчея толкла отлично, хотя амбаръ былъ невзраченъ и неопрятно покрытъ камышомъ. Хозяинъ любилъ похвастаться внутреннимъ устройствомъ своей мельницы и принялся по-

дробно показывать все невѣсткѣ; онъ любовался ея совершеннымъ невѣдѣніемъ, ея любопытствомъ, а иногда и страхомъ, когда онъ вдругъ пускалъ сильную воду на всѣ четыре постава, когда снасти начинали пошевеливаться, покачиваться и постукивать, а жернова быстро вертѣться, пѣть и гудѣть, когда въ хлѣбной пыли начиналъ трястись и вздрагивать полъ подъ ногами и весь мельничный амбаръ. Для Софьи Николавны это была совершенная новость, которая нисколько ей не нравилась; но изъ угожденія свекру она всему дивилась, обо всемъ разспрашивала, всѣмъ любовалась. Свекоръ былъ очень доволенъ, долго продержалъ невѣстку на мельницѣ, и когда вышелъ съ нею на плотину, гдѣ молодой мужъ и двѣ золовки удили рыбу, то былъ встрѣченъ общимъ смѣхомъ: старикъ и невѣстка были покрыты мукою. Для Степана Михайловича это было дѣло обыкновенное; онъ же, выходя, немножко отряхнулся по привычкѣ и утерся, а Софья Николавна не подозрѣвала, что такъ искусно и сильно напудрена; и самъ свекоръ расхохотался, глядя на свою невѣстку; она же смѣялась больше всѣхъ, шутила очень забавно и жалѣла только о томъ, что нѣтъ зеркала и что не во что ей посмотрѣться, хорошо ли она убрана на балъ. Видя, что всѣ очень заняты рыбной ловлей, старикъ повезъ свою молодую мельничиху (такъ звалъ онъ ее весь этотъ вечеръ) вокругъ пруда, чрезъ мостъ, и, обогнувъ все верховье, всѣ разливы, воротился уже по плотинѣ къ тому казу, около котораго удили рыбаки и гдѣ спокойно сидѣла и смотрѣла на нихъ тучная Арина Васильевна. Вездѣ, гдѣ проѣзжали свекоръ съ невѣсткой, была грязь, топь; по скверному мостишку едва можно было переѣхать черезъ рѣку и еще труднѣе было пробраться по навозной и топкой плотинѣ; все было не по вкусу Софьѣ Николавнѣ: но, конечно, не могъ этого замѣтить Степанъ Михайловичъ, который не видалъ ни грязи, ни топи, не слыхалъ противнаго запаха отъ стоячей воды или навозной плотины. Все было имъ самимъ заведено, устроено и все было ему пріятно. Солнце садилось, становилось сыро; всѣ весело отправились домой; рыбаки повезли съ собой добычу—славныхъ окуней, красноперокъ и небольшихъ язей. У крыльца ожидалъ хозяина староста, старикъ занялся хозяйственными распоряженіями, молодая привела въ порядокъ свой нарядъ; рыбу между тѣмъ сварили, изжарили на сковородкѣ въ сметанѣ, а самыхъ

крупныхъ окуней испекли въ кожѣ и чешуѣ, и все это за ужиномъ нашли очень вкуснымъ.

Такъ прошелъ другой день; разошлись поранѣе, чтобъ молодымъ завтра пораньше встать и ѣхать въ гости. Александра Степановна, оставшись наединѣ съ матерью и меньшою сестрою, сбросивъ съ себя тяжкое принужденье, дала волю своему бѣшеному нраву и злому языку. Она видѣла, что все погибло, что свекоръ горячо полюбилъ невѣстку, что сбылись ея предсказанія, что приворотила старика городская прощалыга, и что теперь нечего другого дѣлать, какъ спровадить молодыхъ поскорѣе въ Уфу, и безъ нихъ приняться уже за какую-нибудь хитрую работу. Досталось и Аринѣ Васильевнѣ, и Танюшѣ за то, что онѣ были уже слишкомъ ласковы, и что еслибъ не она, то заворожила бы и ихъ эта модница, эта нищая казачья внучка.

На другой день, точно въ шесть часовъ утра, отправились молодые въ Нагаткино, на шестеркѣ славныхъ доморощенныхъ лошадей, въ аглицкой своей каретѣ. Невѣстка успѣла напоить чаемъ свекра и поѣхала обласканная имъ; онъ даже перекрестилъ ее на дорогу, потому что молодые должны были ночевать въ гостяхъ. Дорога шла сначала внизъ по рѣкѣ, а потомъ, перерѣзавъ ее и поднявшись въ гору, достигала уѣзднаго городка Бугуруслана. Не останавливаясь въ немъ, путешественники наши переѣхали по мосту рѣку Большой-Кинель, и луговою его стороною, ровною и покрытою густой травой, по степной, колеистой, лѣтней дорогѣ, не заѣзжая ни въ одно селенье,—кони бѣжали шибкой рысью, верстъ по десяти въ часъ. Алексѣй Степанычъ давно не бывалъ за Кинелемъ; зеленая, цвѣтущая, душистая степь приводила его въ восхищенье; то и дѣло стрепета поднимались съ дороги и кроншнепы постоянно провожали экипажъ, кружась надъ нимъ и залетая впередъ, садясь по вѣхамъ и оглашая воздухъ своими звонкими трелями. Алексѣй Степанычъ очень жалѣлъ, что съ нимъ не было ружья... Полная звуковъ, голосовъ и жизни степь, богатая тогда всѣми породами полевой дичи, такъ сильно его развлекала или, правду сказать, такъ поглощала все его вниманіе, что онъ безъ участія слушалъ, а отчасти и вовсе не слыхалъ умныхъ и живыхъ разговоровъ Софьи Николавны. Она скоро замѣтила невниманіе мужа и призадумалась; потомъ изъ веселой сдѣлалась недовольною и наконецъ принялась разговаривать

съ своей Парашей, которая сидѣла съ ними въ каретѣ. Перевалившъ плоскую возвышенность, какъ разъ къ двѣнадцати часамъ подкатила карета къ деревенскому, небольшому дому Аксиньи Степановны, еще менѣе Багровскаго похожему на городскіе дома. Домъ стоялъ на плоскомъ берегу Малаго-Кинеля и отдѣлялся отъ него однимъ только огородомъ съ молодыми овощами, съ грядками, изрѣшеченными бѣлыми лутошками для завивки побѣговъ сахарнаго гороха, и съ нѣсколькими подсолнечниками. Неравнодушно вспоминая и теперь эту простую, бѣдную мѣстность, которую увидѣлъ я въ первый разъ, лѣтъ десять позднѣе, я понимаю, что она нравилась Алексѣю Степанычу и что должна была не понравиться Софьѣ Николавнѣ. Мѣсто голое, пустое, на припекѣ, на плоскомъ берегу; кругомъ ровная степь съ сурчинами, ни деревца, ни кустика, рѣка тихая, омутистая, обросшая камышомъ и палочникомъ.... Кому же все это понравится? Ничего казистаго, великолѣпнаго, живописнаго; но Алексѣй Степанычъ такъ любилъ это мѣсто, что даже предпочиталъ его Багрову. Я не согласенъ съ нимъ, но также очень полюбилъ тихій домикъ на берегу Кинеля, его прозрачныя воды, его движущіеся теченіемъ рѣки камыши, зеленую степь вокругъ и плотъ, ходившій почти отъ самаго крыльца и перевозившій черезъ Кинель еще болѣе въ степную, ковылистую, казалось безграничную даль, прямо на югъ!......

Хозяйка съ двумя маленькими сыновьями и двухлѣтней дочерью, съ Елизаветой Степановной и ея мужемъ встрѣтила дорогихъ гостей на крыльцѣ. Не смотря однако на невыгодную наружность деревенскихъ хоромъ, въ комнатахъ было все чисто и опрятно, и даже гораздо чище и опрятнѣе, чѣмъ у Степана Михайловича. Вообще у „сердечной простоты“, такъ ее называли сестрицы, не смотря на ея вдовье положеніе, не смотря на присутствіе маленькихъ дѣтей, замѣчался въ домѣ какой-то приборъ и порядокъ, обличавшій исключительно женскую попечительность. Я уже сказалъ, что Аксинья Степановна была добрая женщина, что она полюбила невѣстку и потому очень естественно, что она, въ качествѣ гостепріимной хозяйки, приняла и чествовала молодыхъ съ полнымъ радушіемъ. Это предвидѣли въ Багровѣ и нарочно отправили Елизавету Степановну, чтобъ она, по превосходству своего ума и положенія въ обществѣ (она была генеральша), могла воздерживать порывы дружелюбія простодуш-

ной Аксиньи Степановны; но простая душа не поддалась умной и хитрой генеральшѣ и на всѣ ея настойчивые совѣты отвѣчала коротко и ясно: „Вы себѣ тамъ, какъ хотите; не любите и браните Софью Николавну, а я ею очень довольна; я, кромѣ ласки и уваженія, ничего отъ нея не видала, а потому и хочу, чтобъ она и братъ были у меня въ домѣ мною также довольны"…. и все это исполняла на дѣлѣ съ искренней любовью и удовольствіемъ: заботилась, ухаживала за невѣсткой и подчивала молодыхъ на-пропалую. За то гордая Елизавета Степановна и даже ея мужъ, впрочемъ такъ натянувшійся къ ночи, что его заперли въ пустую баню, держали себя гораздо холоднѣе и дальше, чѣмъ въ Багровѣ. Софья Николавна не обращала на нихъ вниманія и была увлекательно любезна съ хозяйкой и ея маленькими дѣтьми. Послѣ обѣда немного отдохнули, потомъ гуляли по Кинелю, перевозились на ту сторону, потомъ пили чай на берегу рѣки; предлагали гостьѣ поудить рыбу, но она отказалась, говоря, что терпѣть не можетъ этой забавы и что ей очень пріятно проводить время съ сестрицами. Алексѣй же Степанычъ, обрадованный взаимнымъ дружескимъ обращеніемъ старшей сестры и жены, съ увлеченіемъ занялся удочками, которыми вся прислуга потѣшалась и тѣшила своихъ молодыхъ господъ. Онъ до самаго ужина просидѣлъ на берегу Кинеля, забившись въ густой камышъ, и выудилъ нѣсколько крупныхъ лещей, которыми изобиловали кинельскія тихія воды. Отъѣздъ былъ назначенъ также въ шесть часовъ слѣдующаго утра; даже хотѣли выѣхать поранѣе, чтобы не заставить Степана Михайловича дожидаться молодыхъ къ обѣду; хозяйка же съ своей сестрицей-генеральшей положили выѣхать къ вечеру, чтобъ ночевать въ Бугурусланѣ, выкормить хорошенько лошадей и на другой уже день пріѣхать въ Багрово. Софья Николавна продолжала быть нѣсколько недовольною своимъ мужемъ. Не смотря на необыкновенный умъ, она не могла понять, какъ могъ человѣкъ, страстно ее любящій, любить въ то же время свое сырое Багрово, его кочковатыя рощи, навозную плотину и загнившія воды; какъ могъ онъ заглядываться на скучную степь съ глупыми куликами, и наконецъ, какъ онъ могъ нѣсколько часовъ не видать своей жены, занимаясь противной удочкой и лещами, отъ которыхъ воняло отвратительной сыростью. Не могла понять, и потому, когда Алексѣй Степанычъ спѣшилъ дѣ-

литься съ нею сладкими впечатлѣніями природы и охоты, она почти обижалась. Впрочемъ на этотъ разъ въ ней нашлось столько благоразумія, что она не заводила объясненій, не дѣлала упрековъ: сцена на островѣ была у ней еще въ свѣжей памяти.

Алексѣй Степанычъ и Софья Николавна проспали спокойно ночь въ собственной спальнѣ Аксиньи Степановны, которую она имъ уступила, устроивъ наилучшимъ образомъ, какъ могла и какъ умѣла, не обративъ никакого вниманія на ѣдкія замѣчанія сестрицы-генеральши. Рано поутру молодые уѣхали, получасомъ даже ранѣе назначеннаго срока. На возвратномъ пути ничего особеннаго не случилось, кромѣ того, что Алексѣй Степанычъ нѣсколько менѣе развлекался степью и куликами и не такъ уже ахалъ, когда стрепета взлетали съ дороги, и потому внимательнѣе слушалъ и нѣжнѣе смотрѣлъ на свою обожаемую жену. Они пріѣхали въ Багрово ранѣе, чѣмъ ихъ ожидали. Столъ однакоже накрывали; Александра Степановна успѣла уже указать, что „придется батюшкѣ сегодня попозднѣе обѣдать, что гдѣ же городскимъ людямъ нѣсколько дней сряду такъ рано вставать". Старикъ хорошо понималъ музыку этихъ словъ и къ общему изумленію весело отвѣчалъ: „ну такъ что-жъ? Мы и подождемъ дорогихъ гостей". Всѣ были поражены этими словами. Надобно сказать, что Степанъ Михайловичъ во всю свою жизнь позже двѣнадцати часовъ не садился за столъ, а если чувствовалъ особенный аппетитъ, то приказывалъ подавать кушанье и раньше и, при малѣйшей медленности или задержкѣ, онъ начиналъ сильно гнѣваться. „Такъ вотъ какова Софья Николавна, шептала въ уши матери и меньшой сестрѣ Александра Степановна, для нея можно и подождать съ удовольствіемъ! Ну если бы вы, матушка, когда-нибудь опоздали къ обѣду, возвращаясь изъ Неклюдова, такъ досталось бы и вамъ, и всѣмъ намъ"... Не успѣла она кончить свое злобное шептанье, сидя съ матерью въ сосѣдней комнатѣ, какъ подлетѣла уже карета къ крыльцу, фыркали усталые кони и цѣловалъ свою невѣстку свекоръ, хваля молодыхъ, что они не опоздали, и звучно раздавался его голосъ: „Мазанъ, Тайначенокъ, кушанье подавать!"

День пошелъ прежнимъ порядкомъ. Послѣ вечерняго чая Степанъ Михайловичъ, благоволеніе къ невѣсткѣ котораго часъ отъ часу увеличивалось, приказалъ пригнать со степи

табунъ лошадей, чтобъ показать его Софьѣ Николавнѣ, которая какъ-то между словъ сказала, что не имѣетъ понятія о табунѣ и желала бы его видѣть. Табунъ пригнали на дворъ и старикъ самъ водилъ невѣстку по двору, показывалъ ей лучшихъ матокъ съ жеребятами-сосунками, стригановъ, лонщаковъ [1]) и молодыхъ мереновъ, которые, въ продолженіи лѣта, всѣ ходили въ табунѣ на сытномъ и здоровомъ подножномъ корму. Онъ подарилъ ей двухъ отличныхъ жеребыхъ кобылъ, говоря, что поведетъ отъ нихъ заводъ на ея счастье. Маленькіе жеребята очень понравились Софьѣ Николавнѣ, она съ удовольствіемъ смотрѣла на ихъ прыжки и и ласки къ матерямъ; за подарокъ же, разумѣется, очень благодарила. „Смотри же, Спирька," строго наказывалъ Степанъ Михайловичъ своему главному конюху, „чтобъ кобылы Софьи Николавны были сбережены сохранно, а на жеребятъ положимъ особыя примѣты: ушко распоремъ пониже, а со временемъ и тавро сдѣлаемъ съ именемъ молодой барыни.— Хоть бы ты была охотница до лошадей, невѣстынька, продолжалъ онъ, обращаясь къ Софьѣ Николавнѣ, а вотъ Алексѣй вовсе не охотникъ!" Старикъ очень любилъ лошадей, и неусыпными трудами, при небольшихъ его денежныхъ средствахъ, имѣлъ уже многочисленный заводъ и вывелъ такую породу доброѣзжихъ коней, которой удивлялись охотники и знатоки. Степанъ Михайловичъ обрадовался участію Софьи Николавны къ конному его заводу, изъявленному ею, конечно, изъ одного желанія угодить свекру, принялъ ея слова за чистыя деньги и повелъ ее посмотрѣть, какъ кормятъ ѣзжалыхъ лошадей, и своихъ, и гостиныхъ, которыхъ иногда скоплялось не мало.

Боясь наскучить моимъ читателямъ такимъ подробнымъ описаніемъ пребыванія молодыхъ Багровыхъ у свекра, я скажу только, что слѣдующій, то-есть, пятый день былъ проведенъ такъ же, какъ и предыдущій. По старшинству слѣдовало бы теперь молодымъ сдѣлать свадебный визитъ къ Ерлыкинымъ: но деревушка ихъ находилась въ 170 верстахъ отъ Багрова, гораздо ближе къ Уфѣ, и такъ положено было, чтобъ молодые заѣхали къ нимъ на возвратномъ пути въ Уфу. Къ тому же супругъ Елизаветы Степановны, мрачный и молчаливый ге-

---

[1]) Стриганами называютъ годовалыхъ жеребятъ, потому что имъ подстригаютъ гривы, чтобъ онѣ ровнѣе и лучше росли. Лонщакъ—двухлѣтній жеребенокъ, третьякъ.

нералъ Ерлыкинъ, напившись пьянъ въ Нагаткинѣ, запилъ запоемъ, который обыкновенно продолжался не менѣе недѣли, такъ что жена принуждена была оставить его въ Бугурусланѣ, подъ видомъ болѣзни, у какихъ-то своихъ знакомыхъ. И такъ черезъ день назначено было ѣхать къ Александрѣ Степановнѣ. и она съ своимъ башкиролюбивымъ супругомъ отправилась наканунѣ въ свою Каратаевку и пригласила, съ позволенія отца, старшую и младшую сестру; а Елизавета Степановна осталась дома, подъ предлогомъ, что у ней больной мужъ лежитъ въ Бугурусланѣ, а собственно для назидательныхъ бесѣдъ съ стариками. Дорога къ Каратаевымъ, которые жили почти въ такомъ же разстояніи отъ Багрова, какъ и Нагаткина, то-есть немного болѣе пятидесяти верстъ, шла совершенно въ противоположную сторону, прямо на сѣверъ. Съ половины пути, мѣстность дѣлалась гористою и лѣсною. Молодые отправились послѣ ранняго завтрака, и какъ дорога была не ѣздовита и тяжела, то на полдорогѣ, между Новой и Старой Мертовщины [1]) (куда на возвратномъ пути имъ надо было заѣхать), они покормили въ полѣ часа два и къ вечернему чаю пріѣхали въ Каратаевку. Домишко у любителя Башкирцевъ былъ несравненно хуже нагаткинскаго дома: маленькія темныя окна прежде всего бросались въ глаза, полы были неровны, съ множествомъ дыръ, проѣденныхъ крысами. и такъ грязны, что ихъ и домыться не могли. Съ какимъ-то страхомъ и отвращеніемъ вступила Софья Николавна въ это негостепріимное и противное жилье. Александра Степановна вела себя надменно, безпрестанно оговариваясь и отпуская разныя колкости, какъ напримѣръ: „мы рады, рады дорогимъ гостямъ, милости просимъ; братецъ, конечно, не осудитъ, да только я ужъ и не знаю, какъ сестрицѣ Софьѣ Николавнѣ и войти въ нашу лачужку послѣ городскихъ палатъ у своего батюшки. Мы вѣдь люди бѣдные, нечиновные. и живемъ по своему состоянію; вѣдь у насъ жалованья и доходовъ нѣтъ.“ Софья Николавна не оставалась въ долгу и отвѣчала, что всякій живетъ не столько по своему состоянію, сколько по своему вкусу, и что впрочемъ для нея все равно, гдѣ бы ни жили и какъ бы ни жили родные Алексѣя Степаныча. Послѣ ужина молодымъ отвели для спальни такъ называемую гостиную, гдѣ, какъ только погасили свѣчку.

[1]) Названіе деревни.

началась возня, стукъ, прыганье, и они были атакованы крысами съ такою наглостью, что бѣдная Софья Николавна не спала всю ночь, дрожа отъ страха и отвращенья. Алексѣй Степанычъ принужденъ былъ зажечь свѣчу и, вооружась подоконной подставкой, защищать свою кровать, на которую даже впрыгивали крысы, покуда не была зажжена свѣча [1]. Впрочемъ Алексѣй Степанычъ не чувствовалъ ни страху, ни отвращенія; для него это была не новость, и сначала его даже забавляли и стукъ, и возня, и дерзкіе прыжки этихъ противныхъ животныхъ, а потомъ онъ даже заснулъ, съ подстановкой въ рукахъ, лежа поперекъ кровати; но Софья Николавна безпрестанно его будила, и только по восхожденіи солнца, когда непріятель скрылся въ свои траншеи, заснула бѣдная женщина. Она встала съ головною болью, а хозяйка только подсмѣивалась тому, „какъ негодныя крысы напугали Софью Николавну", прибавляя, что онѣ нападаютъ только на новенькихъ и что хозяева къ нимъ уже привыкли. Аксинья Степановна и Танюша, которая также боялась крысъ, не могли однако безъ сожалѣнія смотрѣть на жалкое и больное лицо своей невѣстки и изъявляли ей свое участіе. Нагаткина даже попеняла Александрѣ Степановнѣ, зачѣмъ она не приказала взять обыкновенныхъ предосторожностей, то-есть, поставить кровать по срединѣ горницы, привязать пологъ и подтыкать кругомъ подъ пуховикъ; но хозяйка злобно смѣялась и говорила: „жаль, что крысы дорогой гостьѣ носа не откусили". „Смотри, отвѣчала ей Аксинья Степановна, чтобъ не дошло до батюшки и чтобъ тебѣ не досталось".

Деревня Каратаевка была поселена вдоль по скату на небольшой, изъ родниковъ состоящей рѣчкѣ, запруженной въ концѣ селенья и поднимавшей мельницу на одинъ поставъ. Мѣстоположеніе было бы не дурно, но хозяева и весь бытъ ихъ были такъ противны, что и сама мѣстность никому не нравилась. Каратаевъ, который въ Багровѣ боялся Степана Михайловича, а дома боялся жены, иногда и хотѣлъ бы полюбезничать съ Софьей Николавной, да не смѣлъ, и только, пользуясь отсутствіемъ супруги, просилъ иногда у молодой позволенія поцѣловать ея ручку, прибавляя по обыкновенію, что такой писаной красавицы нигдѣ не отыщешь. При повто-

---

[1] Невѣроятное множество крысъ продолжало водиться въ Каратаевкѣ лѣтъ сорокъ. Я самъ испыталъ ихъ наглыя ночныя нападенія.

реніи такой просьбы—позволенія онъ уже не получилъ.— Каратаевъ велъ жизнь самобытную: большую часть лѣта проводилъ онъ, разъѣзжая въ гости по башкирскимъ кочевьямъ и каждый день напиваясь до пьяна кумысомъ; по-башкирски говорилъ, какъ башкирецъ; сидѣлъ верхомъ на лошади и не слѣзалъ съ нея по цѣлымъ днямъ, какъ башкирецъ, даже ноги у него были колесомъ, какъ у башкирца; стрѣлялъ изъ лука, разбивая стрѣлой яйцо на дальнемъ разстояніи, какъ истинный башкирецъ; остальное время года жилъ онъ въ какомъ-то чуланѣ съ печью, прямо изъ сѣней, цѣлый день глядѣлъ, высунувшись, въ поднятое окошко, даже зимой въ жестокіе морозы, прикрытый ергакомъ, насвистывая башкирскія пѣсни и попивая отъ времени до времени цѣлительный травникъ или ставленый башкирскій медъ. Зачѣмъ смотрѣлъ Каратаевъ въ окошко, передъ которымъ лежало пустое пространство двора, пересѣкаемое вкось неторной тропинкой, что видѣлъ, что замѣчалъ, о чемъ думала эта голова на богатырскомъ туловищѣ,—не разгадаетъ никакой психологъ. Нарушалось, правда, иногда созерцаніе философа: проходила козыремъ по дорожкѣ изъ людской въ скотную избу полногрудая баба или дѣвка, кивалъ и мигалъ ей Каратаевъ и получалъ въ отвѣтъ коротко знакомыя киванья и миганья... но женскій образъ исчезалъ на поворотѣ, какъ призракъ, и снова глядѣлъ Каратаевъ въ пустую даль.

Софья Николавна не знала, какъ вырваться изъ этой берлоги, и послѣ ранняго обѣда, въ продолженіи котораго стояли уже лошади у крыльца, молодые сейчасъ распростились и уѣхали. На прощаньи хозяйка, цѣлуясь съ золовкой въ обѣ щеки и въ плечи, выразительно благодарила за пріятнѣйшее посѣщеніе, и не менѣе выразительно благодарила невѣстка за пріятнѣйшее угощеніе.

Оставшись въ каретѣ съ мужемъ, Софья Николавна дала волю своей досадѣ. Простодушная Аксинья Степановна безъ намѣренія выболтала ей, что хозяйка съ умысломъ не взяла предосторожностей отъ крысъ, и молодая женщина, удержавшись отъ вспышки въ домѣ своей недоброхотки, не совладѣла съ своей вспыльчивой природой: она позабыла, что въ каретѣ сидитъ Параша, позабыла, что Александра Степановна родная сестра Алексѣю Степанычу, и не поскупилась на оскорбительныя выраженія. Алексѣй Степанычъ, по добротѣ своего сердца и прямодушію, не могъ повѣрить умыслу со

стороны своей сестры, видѣлъ въ этомъ одну недогадливость и обидѣлся выраженіями Софьи Николавны, которыхъ, сказать по правдѣ, нельзя было извинить ни въ какомъ случаѣ. Молодой мужъ въ первый разъ осердился на свою молодую жену, сказалъ, что ей стыдно такъ говорить, отвернулся и замолчалъ. Въ такомъ расположеніи духа пріѣхали они въ старую Мертовщину, гдѣ жила въ то время замѣчательно умная старуха Марья Михайловна Мертвая [1]), дочь которой, Катерина Борисовна (большая пріятельница Софьи Николавны), недавно вышедшая замужъ за сосланнаго въ Уфу правительствомъ и овдовѣвшаго тамъ П. И. Чичагова, совершенно неожиданно для молодыхъ Багровыхъ, находилась тутъ же съ своимъ мужемъ. Софья Николавна, которая любила Чичагова не меньше, чѣмъ свою пріятельницу, была такъ обрадована этой нечаянностью, что позабыла всю свою досаду и сдѣлалась очень жива и весела; но Алексѣй Степанычъ остался печаленъ и молчаливъ, что было замѣчено всѣми.

Исторія и вторичная женитьба Чичагова цѣлый романъ, и я разскажу его какъ можно короче; разскажу потому, что мы въ послѣдствіи будемъ встрѣчаться съ этимъ семействомъ и особенно потому, что оно имѣло нѣкоторое вліяніе на жизнь молодыхъ Багровыхъ. П. И. Чичаговъ былъ необыкновенно умный или, справедливѣе сказать, необыкновенно остроумный человѣкъ; онъ получилъ по тогдашнему блестящее и многостороннее образованіе, зналъ нѣсколько языковъ, рисовалъ, чертилъ (т. е. зналъ архитектуру), писалъ и прозой, и стихами. Въ порѣ пылкой молодости влюбился онъ въ Москвѣ въ дѣвицу Римско-Корсакову, и для полученія ея руки рѣшился на какой-то непростительный обманъ, который открылся уже послѣ брака, за что и былъ Чичаговъ сосланъ на жительство въ Уфу. Жена его скоро умерла; онъ черезъ годъ утѣшился, влюбился въ Катерину Борисовну и увлекъ ее своей любезностью, веселостью, образованностью и умомъ; наружность же его была очень некрасива, влюбиться въ него было невозможно. Катерина Борисовна была дѣвушка взрослая и съ твердымъ характеромъ; мать и братья не могли съ ней сладить и выдали за Чичагова, который впослѣдствіи былъ прощенъ, но не имѣлъ права выѣзжать изъ Уфимской губер-

---

[1]) Впослѣдствіи правительство позволило измѣнить это страшное слово, и сыновья ея стали называться Мертваго. *Примѣч. автора.*

нія. Софья Николавна любила его вдвойнѣ: за то, что онъ былъ мужемъ, страстно любимымъ, ея пріятельницы, и, вѣроятно, еще болѣе за то, что онъ былъ уменъ и образованъ. Старуха Марья Михайловна задумала переѣхать на житье въ деревню, и Чичаговъ съ женой пріѣхали именно за тѣмъ, чтобы помогать ей строить домъ и церковь. Софья Николавна, уже съ недѣлю прогостившая въ семействѣ своего мужа и его сестеръ, обрадовалась Чичаговымъ, какъ свѣтлому празднику; пахнуло на нее свѣжимъ воздухомъ, отдохнула ея душа и живой умъ, и она проговорила съ друзьями чуть не до полночи. Алексѣй Степанычъ просидѣлъ бы въ безмолвномъ уединеніи, еслибъ разумная старуха хозяйка не смекнула дѣломъ и не заняла гостя приличными разговорами; послѣ ужина онъ простился однако съ хозяевами и ушелъ спать въ отведенную для гостей комнату. Софья Николавна нашла уже его крѣпко спящимъ, а на другой день рано поутру, не безпокоя хозяевъ, они уѣхали въ Багрово.

Дорогой Алексѣй Степанычъ продолжалъ дуться и молчать: даже на всѣ прямые вопросы Софьи Николавны онъ отвѣчалъ такъ холодно и односложно, что она перестала говорить съ нимъ. По ея живому и нетерпѣливому нраву, это ей было очень тяжело; а какъ она не хотѣла заводить объясненій при Парашѣ и рѣшилась отложить ихъ до послѣ-обѣденнаго отдыха, когда она останется одна съ мужемъ, то и завела она разговоры съ своей горничной, вспоминая про уфимское житье. Алексѣй Степанычъ забился въ уголъ кареты и заснулъ или притворился спящимъ. Такъ пріѣхали они въ Багрово часа за два до обѣда. Степанъ Михайловичъ видимо обрадовался невѣсткѣ и даже сказалъ, что соскучился по ней. „Нѣтъ, прибавилъ онъ, не надо вамъ съ Алешей долго здѣсь оставаться, а то я привыкну къ тебѣ, невѣстынька, да пожалуй еще и скучать стану“. Степанъ Михайловичъ заставилъ Софью Николавну разсказать все подробно объ ея поѣздкѣ. Онъ зналъ Марью Михайловну, очень хвалилъ и сказалъ, что завтра пошлетъ звать ее съ зятемъ и дочерью откушать хлѣба и соли у молодыхъ, для чего и назначилъ слѣдующее воскресенье, до котораго оставалось четыре дня. „Послѣ завтра съѣздите вы къ Калмынскимъ и Луневскимъ, говорилъ старикъ, и также позовете ихъ въ воскресенье, а тамъ, дня черезъ три, и Богъ съ вами! поѣзжайте въ Уфу, къ своимъ мѣстамъ. Сватъ Николай Ѳедоровичъ никогда не

разставался съ тобой (тутъ онъ обратился къ невѣсткѣ) и, чай, больно по тебѣ соскучился, а ты, чай, и подавно стосковалась по больномъ старикѣ".

Степанъ Михайловичъ скоро догадался, что въ эту поѣздку произошло что-нибудь непріятное. Продолжая разговаривать, онъ спросилъ: „ну, что, рады ли вамъ были хозяева въ Каратаевкѣ?" Разумѣется, отвѣчали, что были очень рады; но Софья Николавна между словъ упомянула, что не спала тамъ всю ночь отъ крысъ. Старикъ удивился. Онъ всего одинъ разъ, и то очень давно, былъ въ Каратаевкѣ и ничего подобнаго не слыхалъ. „Такъ, такъ, батюшка Степанъ Михайлычъ!" простодушно воскликнула Арина Васильевна. Напрасны были запретительные знаки Елизаветы Степановны: старуха не успѣла замѣтить ихъ, за что ей потомъ крѣпко досталось отъ дочекъ. „Тамъ такія крысы, продолжала она, что ужасть, безъ полога и спать нельзя". — „А вы спали безъ полога?" спросилъ старикъ измѣнившимся и какимъ-то зловѣщимъ голосомъ. Должны были отвѣчать, что спали безъ полога. „Хороша хозяйка!" сказалъ онъ, и такъ поглядѣлъ на жену и на дочь-генеральшу, что у нихъ морозъ пробѣжалъ по кожѣ.

Каратаевы и Нагаткина съ Танюшей еще не воротились: они должны были пріѣхать къ вечернему чаю. Обѣдъ прошелъ не весело. Всѣ были смущены и всякій имѣлъ свои причины. Арина Васильевна съ Елизаветой Степановной чуяли приближающуюся грозу и боялись, что громъ упадетъ и на нихъ. Давно не гнѣвался Степанъ Михайловичъ; тѣмъ страшнѣе казался ожидаемый гнѣвъ, отъ котораго онѣ поотвыкли. Софья Николавна замѣтила, что свекоръ нахмурился. Она была не прочь, если бы онъ припугнулъ свою дочку, которую она терпѣть не могла, какъ явнаго своего врага; но опасалась, чтобъ ей самой тутъ же какъ-нибудь не досталось. Она, конечно, проговорилась о крысахъ, не имѣя никакого дурного намѣренія; она не думала, чтобъ свекоръ обратилъ на это обстоятельство особенное вниманіе и придалъ ему такую важность. Впрочемъ, у Софьи Николавны лежалъ свой камень на сердцѣ: она еще не рѣшилась и не знала, какъ поступить съ мужемъ, который осердился въ первый разъ за обидныя слова объ Александрѣ Степановнѣ: дожидаться ли, чтобъ онъ самъ обратился къ ней, или прекратить тягостное положеніе, испросивъ у него прощенья, и

своей любовью, нѣжностью, ласками заставить его позабыть ея проклятую вспыльчивость? И, конечно, она точно бы такъ поступила, потому что любила горячо, пламенно своего молодого, добраго, кроткаго, любящаго мужа. Она строго осуждала себя. Она должна была все предвидѣть, ко всему быть готовой. Она знала, что Алексѣй Степанычъ не задумается умереть за нее, но что нѣжнаго, постояннаго вниманія, полнаго пониманія всего, что можетъ огорчить ее, всѣхъ мелочей жизни, отъ него не должно требовать и нельзя ожидать. Но что же ей дѣлать съ своей кипучею кровью, съ своими тонкими, блажными нервами, съ своей живой, увлекающейся головой, съ своей чувствительной, воспріимчивой душою?... Такъ думала, такъ чувствовала бѣдная женщина, ходя изъ угла въ уголъ по своей спальнѣ, куда ушла она послѣ обѣда и гдѣ дожидалась мужа, котораго на дорогѣ задержала мать, позвавъ къ себѣ въ комнату. Минуты казались ей часами. Мысль, что Алексѣй Степанычъ нарочно медлитъ, не желая остаться съ ней наединѣ, избѣгая объясненій; мысль, что она, не облегчивъ своего сердца, переполненнаго разными мучительными ощущеніями, не примирившись съ мужемъ, увидится съ нимъ въ присутствіи враждебной семьи и должна будетъ притворяться цѣлый вечеръ,—эта мысль сжимала сердце, бросала ее въ ознобъ и жаръ... Вдругъ растворилась дверь, и Алексѣй Степанычъ, уже не робкій и печальный, а смѣлый и даже раздраженный, входитъ рѣшительными шагами и самъ начинаетъ укорять свою жену, зачѣмъ она пожаловалась батюшкѣ и прогнѣвала его на сестрицу Александру Степановну!.. „Теперь всѣ дрожатъ и плачутъ, и Богу только одному извѣстно, что изъ этого выйдетъ", говорилъ Алексѣй Степанычъ, полный тѣмъ, что сейчасъ надули ему въ уши мать и Елизавета Степановна. „Перемутить да перессорить семью своего мужа не хорошо, грѣшно. Вѣдь я разсказывалъ тебѣ, каковъ бываетъ батюшка въ гнѣвѣ, а ты, все это зная и видя, что онъ тебя полюбилъ, воспользовалась"... Терпѣнье Софьи Николавны лопнуло, голова вспыхнула, любовь замолчала, сожалѣнья, раскаянья какъ будто никогда ни бывало, и увидѣлъ бѣдный мужъ, что не одинъ Степанъ Михайлычъ можетъ приходить въ гнѣвъ... Неотразимый потокъ жалобъ, обвиненій, упрековъ хлынулъ на него... И Алексѣй Степанычъ былъ смятъ, уничтоженъ, виноватъ безъ оправданья, чуть не злодѣй въ его собственныхъ глазахъ... И стоя на

колѣняхъ, обливаясь слезами, вымаливалъ онъ прощенья у ногъ Софьи Николавны... И не Алексѣй Степанычъ не устоялъ бы противъ этого пламеннаго взрыва ума, чувства, огня, сердечнаго убѣжденья и чуднаго дара говорить! И совершенно правый человѣкъ, гораздо потверже Алексѣя Степаныча, на ту минуту призналъ бы себя виноватымъ передъ молодой, прекрасной, любимой женщиной... Алексѣй же Степанычъ, конечно, былъ не правъ.

Въ спальнѣ молодыхъ утихала гроза, а на другомъ концѣ дома, въ небольшой горницѣ Степана Михайловича, только что начиналась. Старикъ проснулся. Сонъ не умирилъ его духа, не разгладилъ морщинъ на крутомъ его лбѣ; мраченъ сидѣлъ онъ нѣсколько времени поперекъ своей кровати и вдругъ крикнулъ: „Мазанъ!"... Мазанъ давно лежалъ на двери, смотрѣлъ въ щелку и, по обыкновенію, сопѣлъ безъ милосердія. Онъ поставленъ былъ дозоромъ, а вся семья въ страхѣ ожиданья сидѣла въ залѣ. Мазанъ, закричавъ во все горло: „чего изволите!", точно вломился въ дверь. „Пріѣхала Александра Степановна?" — „Изволили пріѣхать." — „Позвать ко мнѣ". И въ ту же минуту вошла Александра Степановна, потому что мѣшкать въ такихъ случаяхъ было всего опаснѣе. „А какъ это ты, сударыня, началъ старикъ знакомымъ и страшнымъ ей голосомъ, брата и невѣстку крысами стравила?"—„Виновата батюшка", смиренно отвѣчала Александра Степановна, у которой подогнулись колѣни и страхъ подавилъ ея собственный бѣшеный нравъ, „нарочно положила ихъ въ гостиной, да не догадалась полога повѣсить. Въ хлопотахъ да въ радости изъ ума вонъ"... „Ты съ радости не догадалась! Да развѣ я тебя не знаю? Да какъ ты осмѣлилась сдѣлать это супротивъ брата, супротивъ меня? Какъ осмѣлилась осрамить отца на старости?"... Можетъ быть, дѣло бы тѣмъ и кончилось, то-есть: крикомъ, бранью и угрозами, или какимъ-нибудь тычкомъ, но Александра Степановна не могла перенесть, что ей достается за Софью Николавну, понадѣялась, что гроза пройдетъ благополучно, забыла, что всякое возраженіе новая бѣда, не вытерпѣла и промолвила: „понапрасну терплю за нее". Новый, страшнѣйшій припадокъ гнѣва овладѣлъ Степаномъ Михайловичемъ, того гнѣва, который не проходилъ даромъ и оканчивался страшными, отвратительными послѣдствіями... Уже готово было сорваться съ языка страшное слово... Но Арина Ва-

сильевна, вдова Нагаткина и Танюша, стоявшія за дверью, видя бѣду, отважились войти въ горницу къ Степану Михайловичу. Онѣ бросились въ ноги старику и завопили голосомъ. Каратаевъ, съ ними же стоявшій, убѣжалъ въ рощу и, схвативъ палку, обивалъ, ломалъ невинные березовые сучья, вымѣщая на нихъ за свою жену. Елизавета Степановна не осмѣлилась даже войти, чувствуя, что у самой совѣсть не чиста, и зная, что отецъ хорошо это понимаетъ. „Батюшка, Степанъ Михайлычъ! голосила Арина Васильевна, воля твоя святая, дѣлай, что тебѣ угодно,—мы всѣ въ твоей власти,—только не позорь насъ, не срами своего рода передъ невѣсткой; она человѣкъ новый, ты ее до смерти перепугаешь"... Вѣроятно, эти слова образумили старика. Помолчавъ съ минугу, онъ оттолкнулъ ногой Александру Степановну и закричалъ: „вонъ! и не смѣй показываться на глаза, покуда не позову!" Никто не дожидался дальнѣйшихъ приказаній; въ одну минуту горница опустѣла и все стало тихо вокругъ Степана Михайловича, у котораго еще долго темны и мутны были голубые зрачки глазъ, долго тяжело онъ дышалъ и грудь его высоко подымалась, потому что онъ сдержалъ свое бѣшенство, не удовлетворилъ своему разгорѣвшемуся гнѣву.

Давно кипѣлъ самоваръ на столѣ въ гостиной, но не въ тѣни у крылечка, потому что на дворѣ было сыро: дождь только-что перестало лить, какъ изъ ведра. Природа точно сочувствовала происходившему въ домѣ Багровыхъ. Съ самаго обѣда двѣ тучи, одна другой чернѣе, сошлись по срединѣ неба и долго стояли на одномъ мѣстѣ, перебрасываясь огнями молній и потрясая воздухъ громовыми ударами. Наконецъ все это разрѣшилось дождевымъ ливнемъ, тучи провалили на востокъ и яркое солнце открылось на западѣ. Свѣжѣе, ароматнѣе стали луга и лѣса, громче, веселѣе запѣли птицы... но не такъ бываетъ послѣ грозы страстей человѣческихъ!

Арина Васильевна съ дочерьми, кромѣ Александры Степановны, которая сказалась больною, и съ зятемъ Каратаевымъ (Ерлыкинъ еще не возвращался подъ предлогомъ болѣзни) собрались въ гостиную. Степанъ Михайловичъ спросилъ чаю къ себѣ въ горницу и приказалъ сказать, чтобъ никто не ходилъ къ нему. У молодыхъ была заперта дверь: но, подождавъ ихъ нѣсколько времени, рѣшились постучаться: онп

сейчасъ вышли, и хотя Софья Николавна была повидимому весела, а Алексѣй Стапанычъ въ самомъ дѣлѣ былъ веселѣе, чѣмъ прежде, но не трудно было догадаться по ихъ лицамъ, что между ними произошло что-нибудь необыкновенное. О совершившихся событіяхъ въ горницѣ Степана Михайловича они ничего не знали. Что же касается до Арины Васильевны съ дочерьми, то онѣ похожи были на людей, которыхъ только-что вытащили изъ воды или выхватили изъ огня. Жаль, что не кому было наблюдать, а то всѣ эти лица безъ сомнѣнія представляли богатую и разнообразную мимическую картину. Разговоры не клеились и шли очень вяло. Отсутствіе Степана Михайловича и Александры Степановны было слишкомъ подозрительно, и Софья Николавна подъ какимъ-то предлогомъ ушла въ свою спальню, позвала Парашу — и загадка объяснилась. Въ дѣвичьей знали всю подноготную: во-первыхъ, Мазанъ и Танайченокъ слышали всю исторію, а во-вторыхъ, и старая барыня и молодая барышня привыкли все сообщать своимъ прислужницамъ, слѣдовательно Параша могла сдѣлать своей барынѣ точное и подробное донесенье. Софья Николавна очень перетревожилась. Она никакъ не ожидала такихъ страшныхъ послѣдствій, очень раскаявалась въ томъ, что сказала свекру о проклятыхъ крысахъ и очень искренно сожалѣла объ Александрѣ Степановнѣ. Воротясь въ гостиную, она просила позволенья у свекрови навѣстить больную сестрицу; но ей отвѣчали, что она спитъ. Покуда уходила Софья Николавна, успѣли разсказать Алексѣю Степанычу обо всемъ. Въ девять часовъ кое-какъ поужинали и сейчасъ разошлись по своимъ угламъ. Оставшись наединѣ съ мужемъ, Софья Николавна въ волненіи и слезахъ бросилась къ нему на шею и съ глубокимъ чувствомъ раскаянья вновь просила у него прощенья, обвиняя себя гораздо болѣе, чѣмъ была въ самомъ дѣлѣ виновата. Алексѣй Степанычъ не понялъ прекраснаго источника этой сердечной муки, этихъ искреннихъ слезъ своей молодой жены. Ему только жалко было смотрѣть, какъ она убивалась по напрасну, и онъ старался ее утѣшить, говоря, что, слава Богу, все кончилось благополучно, что они къ этому привыкли, что завтра батюшка проснется веселъ, проститъ сестрицу Александру Степановну, что все пойдетъ по прежнему прекрасно. Онъ только упрашивалъ Софью Николавну, чтобъ она ни съ кѣмъ не объяснялась и не просила прощенья въ

своей невольной винѣ, что она хотѣла сдѣлать, и совѣтовалъ не ходить къ батюшкѣ завтра поутру до тѣхъ поръ, покуда онъ самъ не позоветъ. Яснѣе, чѣмъ когда нибудь, поняла Софья Николавна своего мужа и огорчилась до глубины души... Онъ проспалъ всю ночь преспокойно, — она всю ночь не спала.

Степанъ Михайловичъ тяжело перенесъ припадокъ гнѣва, да и совѣстно ему было противъ невѣстки, которая могла узнать о случившемся. Прямому его сердцу противенъ былъ всякой низкій и злонамѣренный поступокъ, а тутъ въ поступкѣ дочери онъ еще видѣлъ нарушеніе своихъ правъ и власти. Онъ чуть не захворалъ; не ужиналъ, не сидѣлъ на своемъ крылечкѣ, даже старосты не видалъ, а передалъ ему приказанія черезъ слугъ. Благодатный мракъ ночи, уясняющій наше внутреннее зрѣніе, тишина, а потомъ сонъ, раздаватель благъ и умиритель тревогъ, произвели однако свое благотворное дѣйствіе. На слѣдующій день, рано поутру Степанъ Михайловичъ призвалъ Арину Васильевну и велѣлъ ей передать его приказаніе дочерямъ; разумѣется, оно непосредственно относилось къ Александрѣ, и отчасти къ Елизаветѣ Степановнѣ, „чтобъ и виду не было никакого неудовольствія и чтобъ невѣстка ничего замѣтить не могла“. Черезъ нѣсколько времени подали самоваръ, позвали всю семью и молодыхъ. Арина Васильевна по счастію успѣла черезъ сына попросить свою невѣстку, чтобъ она развеселила свекра, который дескать не совсѣмъ здоровъ и какъ-то не веселъ, и невѣстка, не смотря на проведенную ночь безъ сна, не смотря на то, что на сердцѣ у ней было нерадостно, исполнила, какъ нельзя лучше, желаніе свекрови, которому, конечно, сочувствовали всѣ, и всѣхъ больше сама Софья Николавна.

Софья Николавна была удивительная женщина! Ея живая, воспріимчивая, легко волнуемая природа могла мгновенно увлекаться порывами ума или сердца и мгновенно превращаться изъ одного существа въ другое, совершенно не похожее на первое. Впослѣдствіи называли это свойство притворствомъ, и грубо ошибались. Это была какая-то артистическая способность вдругъ переселиться въ другую сферу, въ другое положеніе, поддаваться безусловно своей мысли и желанью, вполнѣ искреннему и потому всѣхъ увлекающему. Мысль и желаніе успокоить встревоженнаго свекра,

котораго она горячо полюбила, который за нее вступился, за нее встревожился, за нее разстроился въ здоровьи; мысль успокоить мужа и его семью, напуганную и обиженную за нее, по милости ея невоздержнаго языка, такъ безгранично овладѣла живымъ воображенiемъ и чувствами Софьи Николавны, что она явилась какимъ-то чуднымъ, волшебнымъ существомъ,—и скоро покорилось неотразимому обаянью все, ее окружавшее. Она сама разливала чай; сама успѣвала подавать чашки, сначала свекру, а потомъ свекрови и даже другимъ. Со всѣми успѣвала говорить, и такъ ловко, такъ кстати, такъ весело, что свекоръ совершенно повѣрилъ, что она ничего вчерашняго не знала, повѣрилъ—и самъ развеселился. Его веселость также имѣла сообщительное свойство, и черезъ часъ не было уже замѣтно слѣдовъ вчерашней бури.

Прямо изъ-за обѣда молодые отправились съ свадебными визитами въ Неклюдово къ Калминскимъ, и въ Луневку (въ двухъ верстахъ отъ Неклюдова) къ знакомой намъ Ф. П. Луневской. Въ Неклюдовѣ жилъ Иларiонъ Николаевичъ Калминскiй съ женою своею Катериной Ивановной. Это былъ человѣкъ въ своемъ родѣ очень замѣчательный, не получившiй никакого научнаго образованiя, но очень умный и начитанный, вышедшiй изъ простолюдиновъ (говорили, что онъ изъ Мордвы), дослужившiйся до чина надворнаго совѣтника и женившiйся по разсчету на дочери деревенскаго помѣщика и стариннаго дворянина. Въ настоящее время онъ предался хозяйству и жадно копилъ деньги. Калминскiй имѣлъ претензiю быть вольнодумцемъ и философомъ; его звали вольтерьянцемъ, разумѣется тѣ, которые слыхали о Вольтерѣ. Въ семействѣ своемъ онъ жилъ уединенно и отдѣльно, предоставляя себѣ полную свободу къ удовлетворенiю своихъ нестрогихъ наклонностей и вкусовъ. Софья Николавна слыхала о немъ, но никогда его не видала, потому что онъ служилъ въ Петербургѣ и недавно былъ переведенъ прямо въ Оренбургъ. Она очень удивилась, найдя въ немъ умнаго, по тогдашнему образованнаго человѣка и щеголевато одѣтаго по городской модѣ. Сначала такая неожиданность была для нея прiятна, но скоро кощунство и нравственный цинизмъ въ семейныхъ отношенiяхъ, которыми хозяинъ не замедлилъ пощеголять передъ городской красавицей, поселили въ ней отвращенiе къ нему, сохранившееся навсегда. Супруга его

въ нравственныхъ качествахъ ничѣмъ не отличалась отъ своей сестрицы Луневской, но была несравненно ея умнѣе. Посидѣвъ съ часъ времени у Калмыковыхъ, молодые отправились къ Луневской, гдѣ также пробыли съ часъ. Въ обоихъ домахъ кушали чай и домашнее варенье, приправляемые такими разговорами, которые приводили въ ужасъ Софью Николавну. Оба семейства были приглашены на обѣдъ въ воскресенье. По необъяснимой странности нѣкоторыхъ духовныхъ явленій, иногда поразительныхъ по своей непослѣдовательности, Ф. И. Луневская съ перваго взгляда чрезвычайно полюбила Софью Николавну и, провожая ее, наговорила уже такихъ любезностей, отъ которыхъ надобно было или краснѣть, или хохотать; но тѣмъ не менѣе онѣ выражали горячее сочувствіе и даже увлеченье. За часъ до ужина воротились молодые домой и были встрѣчены Степаномъ Михайловичемъ на извѣстномъ крылечкѣ съ необыкновеннымъ радушіемъ и удовольствіемъ. Особенно забавляло Степана Михайловича, что Флена Ивановна горячо полюбила его невѣстку, безпрестанно ее цѣловала и говорила, что она ей родная по *душенькѣ*, распрелюбезная сестрица. Даже послѣ ужина, вопреки обыкновенію, опять всей семьей перешли на крылечко, посидѣли и весело поболтали съ старикомъ въ ночной прохладѣ, подъ звѣзднымъ небомъ, при слабомъ бѣловатомъ свѣтѣ потухающей зари, что любилъ Степанъ Михайловичъ, самъ не зная почему.

Остальныя два дня до воскресенья, то есть, до дня торжественнаго свадебнаго обѣда, какого никогда еще не бывало въ Багровѣ, прошли безъ замѣчательныхъ событій. Ерлыкинъ воротился изъ Бугуруслана желтый и больной, какимъ всегда бывалъ послѣ запоя. Степанъ Михайловичъ зналъ несчастную слабость или болѣзнь своего зятя и лѣчилъ его какими-то отвратительными настойками, но безуспѣшно. Въ трезвенномъ состояніи Ерлыкинъ имѣлъ сильное отвращеніе отъ хмѣльнаго и не могъ поднести ко рту рюмки вина безъ содраганья, но раза четыре въ годъ вдругъ получалъ непреодолимое влеченіе ко всему спиртному; пробовали ему не давать, но онъ дѣлался самымъ жалкимъ, несчастнымъ и безъ умолку говорливымъ существомъ, плакалъ, кланялся въ ноги и просилъ вина; если же и это не помогало, то приходилъ въ неистовство, въ бѣшенство, даже посягалъ на свою жизнь. Софьѣ Николавнѣ все это разсказали, она чрезвычайно со-

жалѣла о немъ, ласково заговорила, стараясь какъ-нибудь втянуть его въ дружескую бесѣду; но напрасно: суровый, мрачный и гордый генералъ непреклонно молчалъ. Елизавета Степановна, вмѣсто благодарности, обижалась участьемъ невѣстки къ деверю и съ колкостью давала ей это почувствовать. Степанъ Михайловичъ замѣтилъ и сдѣлалъ строгій выговоръ своей умной дочери, которая за то еще болѣе не взлюбила свою невѣстку.

Два раза возилъ Степанъ Михайловичъ Софью Николавну для прогулки въ ржаныя и яровыя поля, въ заповѣдный лѣсъ, называемый *потаеннымъ колкомъ,* и на свои любимые горные родники. Старику казалось, что все это очень занимало и очень нравилось его дорогой невѣсткѣ, но ей положительно все не нравилось. Одно только поддерживало духовныя силы Софьи Николавны: мысль, что она скоро уѣдетъ и постарается никогда не заглянуть въ Багрово. Если бы кто-нибудь сказалъ ей, что она будетъ жить въ немъ постоянно, до старости, и даже кончитъ жизнь, она бы не повѣрила и отвѣчала бы искренно, что лучше согласна умереть... но только къ тому человѣкъ не привыкнетъ и того не перенесетъ, чего Богъ не пошлетъ!

Наступило воскресенье. Начали къ обѣду съѣзжаться гости: пріѣхала изъ старой Мертовщины Марья Михайловна и пріѣхали изъ Неклюдовщины и Луневки Калминскіе и Луневскіе, пріѣхали изъ Бугуруслана старый холостякъ судья и старый же холостякъ городничій. Пріѣхала и сосѣдка, маленькая, худенькая, говорливая старушенка, Афросинья Андревна (фамиліи не помню, да никто и не называлъ ее по фамиліи) изъ своей деревушки. Это была знаменитая лгунья, которую любилъ по временамъ слушать Степанъ Михайловичъ, какъ слушаетъ иногда съ удовольствіемъ дѣтскія волшебныя сказки и взрослый человѣкъ...

Но Афросинья Андревна стоитъ того, чтобъ съ нею хоть немного познакомиться. Афросинья Андревна жила нѣкогда по тяжебному дѣлу десять лѣтъ въ Петербургѣ; наконецъ выиграла тяжбу и переѣхала въ свою деревушку. Она вывезла изъ Питера множество такихъ диковинныхъ разсказовъ, что, слушая ихъ, Степанъ Михайловичъ смѣялся до слезъ. Между прочимъ онъ разсказывала, что была знакома на короткой ногѣ съ Императрицей Екатериной Алексѣевной, и прибавляла въ поясненіе, что, живя десять лѣтъ въ одномъ

городѣ, нельзя же было не познакомиться. „Стою я одинъ разъ въ церкви, говорила вдохновенная разсказщица, обѣдня отошла; Государыня проходитъ мимо меня, я низко поклонилась и осмѣлилась поздравить съ праздникомъ; а она, матушка Ея Величество, и изволила проговорить: „Здравствуй, Афросинья Андревна! что твое дѣло? Что ты не ходишь ко мнѣ по вечерамъ съ чулкомъ? Мы бы съ тобой отъ скуки поговорили“. Съ тѣхъ поръ я и ну ходить всякій день. Познакомилась съ придворными. Всѣ во дворцѣ до единаго человѣка меня знали и любили. Куда бывало ни пошлютъ, за какими-нибудь покупками что-ли, придворный лакей ужъ непремѣнно ко мнѣ заѣдетъ и обо всемъ разскажетъ. Ну, разумѣется, ужъ всегда поднесешь ему рюмку вина: нарочно для этого всегда штофикъ держала. Одинъ разъ сижу я у окошка, эдакъ подъ вечеръ, вижу, скачетъ верховой придворный лакей, весь въ красномъ съ гербами; немного погодя, другой, а тамъ и третій,—я ужъ не вытерпѣла, подняла окошко, да и кричу: „Филипъ Петровичъ, Филипъ Петровичъ! что это вы разскакались, да и ко мнѣ не заѣдете?“—„Некогда, матушка Афросинья Андревна, отвѣчаетъ лакей, такая бѣда случилась, свѣчъ во дворцѣ не достало, а скоро понадобятся“.—„Постойте, кричу, да заѣзжайте ко мнѣ, у меня есть въ запасѣ пять фунтиковъ, возьмите...“ Обрадовался мой Филипъ Петровичъ... Сама къ нему и свѣчки вынесла и выручила ихъ изъ бѣды. Ну такъ какъ же было, батюшка, Степанъ Михайловичъ, имъ не любить меня?“

Степанъ Михайловичъ ко многимъ особенностямъ своего нрава присоединялъ и эту странность, что, будучи заклятымъ врагомъ, ненавидя всякую намѣренную ложь, даже малѣйшій обманъ, утайку, очень простительную при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ,—любилъ слушать безвредное лганье и хвастанье (какъ онъ выражался) людей простодушныхъ, предающихся съ какимъ-то увлеченьемъ, съ какой-то наивностью, даже съ вѣрою, небылицамъ своего воображенія. Не только въ веселомъ обществѣ, но даже наединѣ, если былъ въ хорошемъ расположеніи духа, Степанъ Михайловичъ охотно бесѣдовалъ съ Афросиньей Андревной, которая цѣлые часы съ жаромъ разсказывала исторію десятилѣтняго своего пребыванія въ Петербургѣ, всю составленную въ томъ же духѣ, какъ и приведенный мною маленькій образчикъ.

Теперь обратимся къ съѣхавшимся гостямъ въ Багрово.

Что за кафтанъ былъ на судьѣ, что за мундиръ на городничемъ, и въ добавокъ ко всему, между двухъ деревенскихъ чучелъ въ женскомъ платьѣ, то есть между женой и свояченицей, Калминскій во французскомъ шитомъ кафтанѣ, съ двумя часовыми цѣпочками, съ перстнями на пальцахъ, въ шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ съ золотыми пряжками. Нечего дѣлать, и Степанъ Михайловичъ пріодѣлся и всѣ родные принарядились. Острый, сатирическій умъ Чичагова потѣшался надъ этой смѣсью костюмовъ и особенно надъ своимъ пріятелемъ Калминскимъ. Ему ловко было это дѣлать, потому что его жена и Софья Николавна, которымъ онъ все это говорилъ, были неразлучны и сидѣли поодаль. Софьѣ Николавнѣ большого труда стоило не смѣяться; она старалась не слушать и убѣдительно просила Чичагова замолчать, а всего лучше заняться разговорами съ достопочтеннымъ Степаномъ Михайловичемъ, что онъ исполнилъ и въ короткое время очень полюбилъ старика, а старикъ полюбилъ его. Калминскаго хозяинъ не жаловалъ, и за то, что онъ „произшедшій", и за то, что онъ еретикъ и развратникъ.

Можно себѣ представить, что обѣдъ былъ приготовленъ на славу. На этотъ разъ Степанъ Михайловичъ отказался отъ всѣхъ исключительно любимыхъ блюдъ: сычуга, жаренаго свиного хребта (красная часть) и зеленой ржаной каши. Достали гдѣ-то другого повара поискуснѣе. О столовыхъ припасахъ нечего и говорить: поеный шестинедѣльный теленокъ, до уродства откормленная свинья и всякая домашняя птица, жирные бараны—всего было припасено вдоволь. Столъ ломился подъ кушаньями и блюда не умѣщались на немъ, а тогда было обыкновенье: всѣ блюда ставить на столъ предварительно. Исторія началась съ холодныхъ кушаній: съ окорока ветчины и съ буженины, прошпигованной чеснокомъ; затѣмъ слѣдовали горячія: зеленыя щи и раковый супъ, сопровождаемые подовыми пирожками и слоенымъ паштетомъ; непосредственно за тѣмъ подавались ботвинья со льдомъ, съ свѣже-просольной осетриной, съ уральскимъ балыкомъ и цѣлою горою чищеныхъ раковыхъ шеекъ на блюдѣ; соусовъ было только два: съ солеными перепелками на капустѣ и съ фаршированными утками подъ какой-то красной слизью съ изюмомъ, черносливомъ, шепталой и урюкомъ. Соусы были уступка модѣ. Степанъ Михайловичъ ихъ не любилъ и называлъ болтушками. Потомъ показались чудовищной величины

жирнѣйшій индюкъ и задняя телячья нога, напутствуемые солеными арбузами, дынями, мочеными яблоками, солеными груздями и опенками въ уксусѣ; обѣдъ заключился кольцами съ вареньемъ и битымъ или дутымъ яблочнымъ пирогомъ съ густыми сливками. Все это запивалось наливками, домашнимъ мартовскимъ пивомъ, квасомъ со льдомъ и кипучимъ медомъ. И все это кушали, не пропуская ни одного блюда, и все благополучно переносили гомерическіе желудки нашихъ дѣдовъ и бабокъ! Кушали не торопясь, и потому обѣдъ продолжался долго. Кромѣ того, что блюдъ было много, и блюдъ, какъ мы видѣли, основательныхъ, капитальныхъ, лакеи, какъ свои, такъ и гостиные (то есть пріѣхавшіе съ гостями), служить не умѣли, только суетились и толкались другъ о друга, угрожая безпрестанно облить кого-нибудь соусомъ или сокомъ изъ-подъ буженины.

Обѣдъ былъ вполнѣ веселый; по правую сторону хозяина сидѣла Марья Михайловна, а по лѣвую Чичаговъ, который часъ отъ часу болѣе и болѣе нравился Степану Михайловичу и который одинъ въ состояніи былъ оживить самое скучное общество. Подлѣ Марьи Михайловны сидѣли молодые, подлѣ Софьи Николавны—ея пріятельница Катерина Борисовна, возлѣ которой помѣстился Калминскій и цѣлый обѣдъ любезничалъ съ обѣими молодыми дамами, успѣвая въ то же время перекидываться иногда забавнымъ словцомъ съ Алексѣемъ Степанычемъ и — ѣсть за двоихъ, вознаграждая себя тѣмъ за строгій постъ, который добровольно держалъ дома по своей необыкновенной скупости. Сосѣдомъ Чичагова былъ Ерлыкинъ, который одинъ въ цѣлой компаніи ѣлъ мало, пилъ одну холодную воду, молчалъ, смотрѣлъ мрачно, значительно. Около хозяйки сидѣли племянницы, дочери и прочіе гости. Послѣ обѣда перешли въ гостиную, гдѣ два стола были уставлены сластями. На одномъ столѣ стоялъ круглый, китайскаго фарфора, *конфектный приборъ*, на кругломъ же желѣзномъ подносѣ, раззолоченномъ и раскрашенномъ яркими цвѣтами; приборъ состоялъ изъ какихъ-то продолговатыхъ ящичковъ съ крышками, плотно вставляющихся въ фарфоровыя же перегородки; въ каждомъ ящичкѣ было варенье: малиновое, клубничное, вишенное, смородинное трехъ сортовъ и костяничное, а въ серединѣ прибора, въ кругломъ, какъ бы небольшомъ соусникѣ, помѣщался сухой розовый цвѣтъ. Этотъ конфектный сервизъ, который теперь считался бы дра-

гоцѣнной рѣдкостью, прислалъ въ подарокъ свояку Николай Ѳедоровичъ Зубинъ. Другой столъ былъ уставленъ тарелочками съ бѣлымъ и чернымъ кишмишемъ, урюкомъ, шепталой, финиками, винными ягодами и съ разными орѣхами: кедровыми, грецкими, рогатыми, фисташками и миндалемъ въ скорлупѣ. Вставъ изъ-за стола, Степанъ Михайловичъ былъ такъ веселъ, что даже не хотѣлъ ложиться спать. Всѣ видѣли, да онъ и хотѣлъ это показать, какъ онъ любитъ и доволенъ своей невѣсткой и какъ она любитъ и уважаетъ свекра. Онъ часто обращался къ ней во время обѣда, требуя разныхъ мелкихъ услугъ: то-то мнѣ подай, того-то мнѣ налей, выбери мнѣ кусочекъ по своему вкусу, потому что дескать у насъ съ невѣсткой одинъ вкусъ; напомни мнѣ, что бишь я намедни тебѣ сказалъ; разскажи-ка намъ, что ты мнѣ тогда-то говорила, я какъ-то запамятовалъ.... Наконецъ и послѣ обѣда: то поди прикажи, то поди принеси... и множество тому подобныхъ мелочей, тонкихъ вниманій, ласковыхъ обращеній, которыя, не смотря на ихъ простую, незатѣйливую отдѣлку и грубоватую иногда форму, были произносимы такимъ голосомъ, сопровождались такимъ выраженіемъ внутренняго чувства, что ни въ комъ не осталось сомнѣнія, что свекоръ *души не слышитъ* въ невѣсткѣ. Не нужно и говорить, съ какою любовью и благодарностью отвѣчала Софья Николавна на всѣ малѣйшія, для многихъ неуловимыя, разнообразныя проявленія любви къ ней непреклонно строгаго свекра. Въ порывѣ веселости Степанъ Михайловичъ вытащилъ было на сцену Луневскую и, будто ничего не зная, громко ее спросилъ: „Что, Флена Ивановна, приглянулась ли тебѣ моя невѣстка?“ Флена Ивановна съ восторгомъ, удвоеннымъ пивомъ и наливками, начала увѣрять, божиться и креститься, что она свою дочь Лизыньку такъ не любитъ, какъ полюбила Софью Николавну съ перваго взгляда, и что какое счастье послалъ Богъ братцу Алексѣю Степанычу! „То-то же, сказалъ ей значительно Степанъ Михайловичъ, теперь ты другимъ голосомъ поешь; такъ не сбивайся же“... Но въ эту минуту Софья Николавна, можетъ-быть не желавшая чтобъ такого рода разговоръ продолжалъ развиваться, приступила съ убѣдительными просьбами къ свекру, чтобъ онъ прилегъ отдохнуть, хоть на короткое время, на что онъ согласился. Невѣстка проводила его, даже сама опустила пологъ и, получивъ почетное и лестное ей приказанье, чтобъ всѣ гости

были заняты и веселы, поспѣшила къ гостямъ. Кое-кто легли отдохнуть, а всѣ остальные пошли на островъ и разсѣлись тамъ въ древесной тѣни, надъ свѣтлою рѣкою. Вспомнила Софья Николавна происходившую тутъ недавно, неразумную свою вспышку, вспомнила свои несправедливые упреки мужу, вспомнила, что они надолго его огорчили,—и закипѣло у нея сердце, и хотя видѣла она Алексѣя Степановича теперь совершенно счастливымъ и радостнымъ, громко смѣющимся какому-то двусмысленному анекдоту Калминскаго, но она увлекла его въ сторону, бросилась къ нему на шею и со слезами на глазахъ сказала: „Прости меня, мой другъ, и забудь навсегда все, что здѣсь происходило въ день нашего пріѣзда!“ Алексѣй Степанычъ очень былъ не радъ слезамъ, но поцѣловалъ свою жену, поцѣловалъ обѣ ея ручки и, добродушно сказавъ: „какъ это ты, душа моя, вспомнила такіе пустяки; что тебѣ за охота себя тревожить?“... поспѣшилъ дослушать любопытный анекдотъ, очень забавно разсказываемый Калминскимъ. Конечно, въ сущности не чѣмъ было огорчаться, а стало на ту минуту грустно Софьѣ Николавнѣ.

Старикъ скоро проснулся и приказалъ всѣхъ звать къ себѣ передъ крылечко, въ широкую густую тѣнь своего дома, гдѣ кипѣлъ самоваръ; для всѣхъ были разставлены кресла, стулья и столы. Невѣстка разливала чай; явились самыя густыя сливки съ подрумянившимися толстыми пѣнками, сдобныя булки и крендели, и всему этому опять нашлось мѣсто въ желудкахъ нѣкоторыхъ посѣтителей. Послѣ чая Калминскіе и Луневская уѣхали, потому что имъ ѣхать было не далеко, всего 15 верстъ, и потому, что ночевать въ домѣ рѣшительно было негдѣ. Бугурусланскіе гости также отправились домой.

На другой день по утру уѣхали Марья Михайловна съ Чичаговыми, а послѣ обѣда отправились Ерлыкины, чтобъ ожидать посѣщенія молодыхъ на возвратномъ пути въ Уфу. Въ этотъ же день вечеромъ безъ церемоніи сказалъ Степанъ Михайловичъ, что пора и *остальнымъ гостямъ ко дворамъ*, и что онъ хочетъ послѣдніе дни провести съ сыномъ и невѣсткой и потолковать съ ними безъ помѣхи. Разумѣется, на другой же день гости разъѣхались. Александра Степановна простилась такъ ласково съ невѣсткой, какъ смогла, а невѣстка простилась съ золовкой съ непритворнымъ чув-

ствомъ удовольствія. Свекоръ точно разгадалъ ея тайное желаніе пожить съ ними нѣсколько дней безъ золовокъ. Она благословляла мысленно догадливаго старика. Съ Аксиньей же Степановной, которую старикъ звалъ *добрухой* и *простухой*, и *маіоршей*, когда бывалъ веселъ, Софья Николавна простилась съ искреннимъ чувствомъ благодарности и родственной любви. Все это видѣлъ старикъ насквозь. Свекровь и Танюша были не помѣха, во-первыхъ потому, что отъ природы были добрѣе и лучше расположены къ невѣсткѣ, а во-вторыхъ потому, что онѣ часто удалялись и оставляли ихъ наединѣ между собою.

Три дня еще прожили молодые въ Багровѣ въ совершенномъ спокойствіи духа, не наблюдаемые безпрестанно зоркимъ недоброхотствомъ, не смущаемые ни притворными ласками, ни ядовитыми намеками. Утихли легко раздражаемые нервы Софьи Николавны и она могла съ большимъ безпристрастіемъ оглядѣться вокругъ себя, признать и понять особый міръ, въ которомъ она находилась. Разумнѣе, снисходительнѣе смотрѣла она на чуждыхъ ей, во всѣхъ отношеніяхъ, свекровь и меньшую золовку; съ меньшимъ увлеченьемъ взглянула на свекра, и поняла, изъ какой среды вышелъ ея мужъ; поняла отчасти, что онъ не могъ быть другимъ человѣкомъ и что долго, часто, а можетъ быть всегда, станутъ они подъ-часъ не понимать другъ друга. Послѣдняя мысль слишкомъ легко пролетѣла у ней въ головѣ, и прежнія обольстительныя мечты перевоспитанья, перерожденья Алексѣя Степаныча овладѣли ея пылкимъ умомъ. То, что безпрестанно случается въ жизни съ большею частью молодыхъ женщинъ, то же происходило и съ Софьей Николавной: сознаніе въ неравенствѣ съ собою, сознаніе въ нѣкоторой ограниченности чувствъ и понятій своего мужа, нисколько не мѣшало ей пламенно и страстно къ нему привязываться—и уже начинала мелькать у нея неясная мысль, что онъ не такъ ее любитъ, какъ можетъ любить, потому что не безгранично преданъ онъ любви своей, потому что не ею одною онъ занятъ, потому что любитъ и прудъ, и островъ, и степь, населенную куликами, и воду съ противной ей рыбою. Чувство ревности, еще безъ имени, безъ предмета, уже таилось въ ея горячемъ сердцѣ, и темно, смутно предчувствовала она что-то недоброе въ будущемъ. Степанъ Михайловичъ, также до того времени нѣсколько смущаемый собственными постоянными наблюде-

ніями надъ чувствами и поступками своихъ дочерей, съ большимъ спокойствіемъ разглядѣлъ свою невѣстку и даже своего сына. Онъ былъ такъ уменъ, не смотря на то, что не получилъ никакого образованія, такъ тонко понималъ, не смотря на то, что выражался грубо, по топорному, что почувствовалъ все неравенство природы этихъ двухъ существъ, и—крѣпко призадумался. Нельзя сказать, чтобъ онъ не радостно смотрѣлъ на ихъ теперешнюю взаимную любовь, на эту нѣжную предупредительность, на это ничѣмъ неотвлекаемое, страстное вниманіе Софьи Николавны къ своему мужу,—нѣтъ, онъ веселился, глядя на нихъ, но съ примѣсью какого-то опасенья, съ какою-то неполнотою вѣры въ прочность и въ продолжительность этого прекраснаго явленія. Онъ много, подолгу бесѣдовалъ съ ними, и съ обоими вмѣстѣ, и съ каждымъ порознь. Хотѣлось бы ему что-то имъ высказать, на что-то указать, дать какіе-то полезные совѣты; но когда онъ начиналъ говорить, то неясно понимаемыя имъ чувства и мысли не облекались въ приличное слово, и ограничивался онъ обыкновенными пошлыми выраженіями, тѣмъ не менѣе исполненными вѣчныхъ нравоучительныхъ истинъ, завѣщанныхъ намъ опытною мудростью давно живущаго человѣчества и подтверждаемыхъ собственнымъ нашимъ опытомъ. Ему было досадно, и онъ откровенно говорилъ о томъ своей умной невѣсткѣ, которая однако не могла понять, что вертѣлось на умѣ и таилось въ душѣ у старика. Онъ говорилъ своему сыну: „Жена у тебя больно умна и горяча, можетъ иногда скажетъ тебѣ и лишнее; не балуй ее, сейчасъ останови и вразуми, что это не годится; пожури, но сейчасъ же прости, не дуйся, не таи на душѣ досады, если чѣмъ недоволенъ; выскажи ей все на прямыя денежки; но вѣрь ей во всемъ; она тебя ни на кого не промѣняетъ“. Онъ говорилъ также наединѣ Софьѣ Николавнѣ: „Дорогая невѣстушка, всѣмъ тебя Богъ не обидѣлъ, одно скажу тебѣ, не давай воли своему горячему сердцу; мужъ у тебя добрый и честный человѣкъ: нравъ у него тихій, и ты отъ него никогда терпѣть не будешь никакой обиды; не обижай его сама. Чти его и поступай съ уваженьемъ. Не станешь почитать мужа,—пути не будетъ. Что онъ скажетъ или сдѣлаетъ не такъ, не по твоему,—промолчи, не всяко лыко въ строку, не всяка вина виновата. Больно я тебя полюбилъ, вижу я тебя всю! Ради Бога, не переливай черезъ край: все хорошо въ мѣру, даже ласки и угожденья“...

Сынъ принималъ отцовскія наставленія съ привычнымъ благоговѣньемъ, невѣстка съ пылкимъ и благодарнымъ чувствомъ дочери. Много было и всякихъ другихъ разговоровъ: о будущемъ житьѣ-бытьѣ въ Уфѣ, о дальнѣйшей службѣ Алексѣя Степаныча, о средствахъ для городской жизни. Обо всемъ условились обстоятельно и всѣ были довольны.

Наконецъ наступилъ послѣдній день отъѣзда. Сняли штофныя гардины и занавѣсъ, сняли съ подушекъ атласныя и кисейныя наволочки съ широкими кружевами, все это уложили и отправили въ Уфу; напекли и нажарили разныхъ подорожниковъ; привезли того же отца Василія и отслужили молебенъ „о путешествующихъ". Послали заготовить лошадей уже не въ Нойкино, а въ Коровино, за 40 верстъ, потому что туда должны были довезти ихъ домашніе кони: тотъ же славный шестерикъ, на которомъ катались молодые съ свадебными визитами. Въ послѣдній разъ отобѣдали вмѣстѣ; въ послѣдній разъ потчивалъ Степанъ Михайловичъ свою дорогую невѣстку любимыми блюдами. Карета стояла уже у крыльца. Вставъ изъ-за стола, перешли въ гостиную, сѣли, замолчали; Степанъ Михайловичъ перекрестился и всталъ; всѣ перекрестились встали, помолились Богу и начали прощаться. Всѣ, кромѣ Степана Михайловича, плакали, но и онъ едва крѣпился. Благословляя и обнимая невѣстку, онъ шепнулъ ей на ухо: „порадуй же меня внучкомъ". Софья Николавна покраснѣла до ушей и, молча, цѣловала у старика руки, которыхъ онъ уже не отнималъ. У крыльца стояла вся дворня и почти всѣ крестьяне. Нѣкоторые было вздумали прощаться съ молодыми, но Степанъ Михайловичъ не любилъ прощаній и проводовъ, и закричалъ: „Куда вы лѣзете! поклонитесь, да и будетъ". Только и успѣла Софья Николавна поцѣловаться съ Өедосьей да съ Петромъ. Проворно сѣли молодые въ свою карету и, какъ перышко, подхватили ее съ мѣста крѣпкіе кони. Степанъ Михайловичъ, накрывъ рукою глаза отъ солнца, нѣсколько мгновеній слѣдилъ за облакомъ пыли, стараясь разглядѣть въ немъ улетающій экипажъ, и когда карета выбралась къ господскому гумну, на крутую гору, воротился въ свою горницу и легъ почивать.

Пятый отрывокъ изъ Семейной Хроники.

ЖИЗНЬ ВЪ УФѢ.

Въ первыя минуты Софьѣ Николавнѣ было жаль свекра, грустно, что она разсталась съ нимъ: образъ старика, полюбившаго ее, огорченнаго теперь разлукою съ невѣсткой, такъ и стоялъ передъ нею; но скоро мѣрное покачиванье кареты и мелькающія въ окна поля, небольшіе пролѣски, горный хребетъ, подлѣ котораго шла дорога, произвели свое успокоительное дѣйствіе, и Софья Николавна почувствовала живую радость, что уѣхала изъ Багрова. Радость эта была такъ сильна, что она не умѣла скрыть ее, хотя понимала, что для мужа будетъ это непріятно. Алексѣй Степанычъ былъ грустенъ болѣе, казалось ей, чѣмъ должно. Можетъ-быть и послѣдовали бы какія-нибудь объясненія; но слава Богу, ихъ не было: мѣшало присутствіе Параши. Быстро прокатилась карета черезъ Нойкино, привѣтствуемая дружелюбными и веселыми восклицаніями попадавшейся на встрѣчу Мордвы; по плохому мосту переѣхала Насягай, при впаденіи въ него рѣчки Боклы, промелькнула черезъ Полибино, и опять переѣхавъ Насягай, наконецъ достигла Коровина, гдѣ ждали нашихъ молодыхъ приготовленныя обывательскія лошади. Багровскіе кони должны были нѣсколько часовъ отдохнуть и выкормиться, чтобъ на зарѣ отправиться до-

мой. Софья Николавна запаслась бумагой и черниліцей съ перомъ, и написала къ свекру и свекрови благодарное, горячее письмо, которое, конечно, относилось къ одному Степану Михайловичу: онъ все понялъ и спряталъ письмо въ секретный ящикъ своего небольшого шкафа, гдѣ никто его не видалъ и гдѣ черезъ восемь лѣтъ, уже послѣ его кончины, нечаянно нашла свое письмо Софья Николавна. Лошадей заложили, и молодые, простившись съ кучеромъ и форрейторомъ, которымъ былъ на этотъ разъ долгоногій Танайченокъ, отправились въ дальнѣйшій путь. Судьба захотѣла побаловать Софью Николавну; заѣхать въ деревню Ерлыкиныхъ было невозможно. Мостъ на какой-то глубокой рѣкѣ, которую, своротивъ въ сторону на Ерлыкино, необходимо слѣдовало переѣхать, подгнилъ и развалился; починки его надобно было ожидать очень долго, и молодые Багровы отправились прямо въ Уфу. Отъ какого скучнаго и тягостнаго посѣщенія избавило это обстоятельство молодую женщину! Подъѣзжая къ Уфѣ, Софья Николавна предалась исключительно чувству горячей дочерней любви. Больной отецъ, уже слишкомъ двѣ недѣли ее не видавшій, тоскующій по ней въ одиночествѣ, на рукахъ нерадивой прислуги, безпрестанно представлялся ея пылкому воображенію. Перевозъ черезъ рѣку Бѣлую, на дрянномъ паромѣ, задержавшій путешественниковъ слишкомъ часъ, подъемъ на крутую гору, также очень медленный,— все это вмѣстѣ взволновало нервы Софьи Николавны, раздражило ея нетерпѣливую природу, и она, пріѣхавъ наконецъ домой, съ лихорадочнымъ волненіемъ подбѣжала къ спальнѣ своего отца и тихо отворила дверь... Старикъ лежалъ въ обыкновенномъ своемъ положеніи, и подлѣ него, на самыхъ тѣхъ креслахъ, на которыхъ всегда сидѣла Софья Николавна, сидѣлъ лакей Калмыкъ.

Но объ этомъ Калмыкѣ надобно разсказать подробно. Въ тѣ времена, въ Уфимскомъ намѣстничествѣ, было самымъ обыкновеннымъ дѣломъ покупать киргизятъ и калмычатъ обоего пола у ихъ родителей или родственниковъ; покупаемыя дѣти дѣлались крѣпостными слугами покупателя. Лѣтъ за тридцать до разсказываемаго мною случая, Николай Ѳедоровичъ Зубинъ купилъ двухъ калмыченковъ, окрестилъ ихъ, очень полюбилъ, баловалъ, и когда они подросли, выучилъ грамотѣ и приставилъ ходить за собою. Оба были умны, ловки, и, казалось, очень усердны; но когда поднялась Пугачевщина,

они бѣжали къ бунтовщикамъ. Одинъ вскорѣ погибъ, а другой, особенно любимый господиномъ, по имени Николай, сдѣлался любимцемъ знаменитаго бунтовщика Чики, бывшаго въ свою очередь любимцемъ Пугачева. Извѣстно, что шайка бунтущей сволочи долго стояла подъ Уфою, на другомъ берегу рѣки Бѣлой. Въ ней находился Николай Калмыкъ, уже въ какомъ-то значительномъ чинѣ. Разсказывали, что онъ свирѣпствовалъ больше всѣхъ и особенно грозился на своего господина и воспитателя, Зубина. Есть преданіе, что всякій разъ, когда намѣревались переправиться черезъ Бѣлую, чтобъ завладѣть беззащитнымъ городомъ, имъ казалось, что множество войска выступало на крутой противоположный берегъ рѣки, и что какой-то старикъ, съ копьемъ и крестомъ въ рукѣ, на бѣлой какъ снѣгъ лошади, предводительствовалъ войскомъ. Всякій разъ трусливыя шайки бродягъ со страхомъ оставляли свое намѣреніе и, мѣшкая такимъ образомъ, дождались извѣстія, что Пугачевъ разбитъ. Разумѣется, бунтовщики разбѣжались во всѣ стороны. Дѣло Пугачевское кончилось. Разсыпавшуюся сволочь перехватали и предали суду. Николай Калмыкъ также былъ схваченъ и приговоренъ къ висѣлицѣ. Нисколько не ручаюсь за достовѣрность разсказа, но меня увѣряли, что на Калмыка, котораго судили въ Уфѣ, была надѣта уже петля, но что, по дарованному помѣщикамъ праву, Зубинъ простилъ своего прежняго любимца и взялъ его къ себѣ на свое поручительство и отвѣтственность. Калмыкъ, повидимому, раскаялся и старался усердною угодливостью загладить свое преступленіе. Мало-по-малу онъ вкрался въ довѣренность своего господина, и когда Софья Николавна, послѣ смерти мачихи, вступила въ управленіе домомъ, она нашла уже Калмыка дворецкимъ и любимцемъ своего отца, особенно потому, что онъ былъ любимцемъ покойной ея мачихи. Николай Калмыкъ, какъ человѣкъ очень хитрый, сдѣлавшій много оскорбленій затоптанной въ грязь барышнѣ, понималъ свое положеніе и прикинулся кающимся грѣшникомъ, сваливая всѣ вины на покойницу и обвиняя себя только въ рабскомъ исполненіи ея приказаній. Великодушная четырнадцатилѣтняя госпожа, для которой тогда ничего не стоило навсегда удалить Калмыка, повѣрила его раскаянью, простила и сама упросила отца оставить Николая въ прежней должности. Впослѣдствіи она не всегда была имъ довольна за самовольство его рас-

поряженій и двусмысленную трату денегъ; она даже замѣчала, что онъ втайнѣ былъ ближе къ ея отцу, чѣмъ бы она желала; но видя, какъ онъ усердно ходитъ за больнымъ господиномъ (у котораго въ комнатѣ всегда спалъ), какъ успѣваетъ въ то же время отлично исполнять должность дворецкаго, она довольствовалась легкими выговорами и оставляла Калмыка спокойно укореняться во всѣхъ его должностяхъ. Сдѣлавшись невѣстою, Софья Николавна сама должна была позаботиться о своемъ приданомъ, должна была много времени проводить съ женихомъ и, слѣдовательно, менѣе быть съ отцомъ и менѣе заниматься хозяйствомъ. Николай Калмыкъ воспользовался благопріятными обстоятельствами и съ каждымъ днемъ болѣе овладѣвалъ больнымъ старикомъ. Надѣясь вскорѣ избавиться отъ госпожи и самъ сдѣлаться господиномъ въ домѣ, онъ сталъ наглѣе и менѣе скрывалъ свою силу. Софья Николаевна иногда рѣзко его осаживала и къ сожалѣнію замѣчала, что старикъ постоянно привыкалъ къ своему любимцу и подчинялъ себя его власти. Послѣдніе дни передъ свадьбой, первые дни послѣ свадьбы и наконецъ слишкомъ двухнедѣльный отъѣздъ въ Багрово дали возможность Калмыку вполнѣ овладѣть своимъ почти умирающимъ бариномъ, и первый взглядъ на сидящаго въ креслахъ лакея, чего прежде никогда не бывало, открылъ Софьѣ Николавнѣ настоящее положеніе дѣлъ. Она такъ взглянула на любимца, что онъ смѣшался и сейчасъ ушелъ. Старикъ далеко не такъ обрадовался дочери, какъ она могла ожидать, и поспѣшилъ объяснить, что онъ самъ насильно заставляетъ иногда Калмыка сидѣть возлѣ него на креслахъ. Софья Николавна, сказавъ: „напрасно вы это дѣлаете, батюшка; вы его избалуете и принуждены будете прогнать: я лучше васъ его знаю...“, не вошла въ дальнѣйшія объясненія и поспѣшила выразить свою сердечную радость, что нашла больного не въ худшемъ положеніи. Пришелъ Алексѣй Степанычъ, и старикъ, растроганный искреннею нѣжностью своей дочери, искреннею ласковостью своего зятя, взаимною любовью обоихъ, слушалъ всѣ ихъ разсказы съ умиленіемъ и благодарилъ Бога со слезами за ихъ счастіе. Софья Николавна съ живостью занялась устройствомъ своего житья, взяла себѣ въ домѣ три совершенно отдѣльныя комнаты и въ нѣсколько дней такъ распорядилась своимъ помѣщеніемъ, что могла принимать къ себѣ гостей, нисколько не безпокоя больного.

Она принялась было по прежнему распоряжаться хозяйствомъ своего отца и уходомъ за нимъ, отодвинувъ Калмыка на второстепенное мѣсто главнаго исполнителя ея приказаній; но всегда ненавидѣвшій ее калмыкъ уже чувствовалъ себя довольно сильнымъ, чтобъ не побояться открытой борьбы съ молодою своею барыней. Удвоивъ заботливость около старика Зубина, онъ съ неимовѣрною хитростью умѣлъ оскорблять его дочь на каждомъ шагу, особенно ея смиреннаго мужа; съ нимъ онъ былъ такъ дерзокъ, что, не смотря на кроткій и тихій нравъ, Алексѣй Степанычъ терялъ терпѣнье и говорилъ своей женѣ, что оставаться имъ въ такомъ положеніи невозможно. Нѣсколько времени Софья Николавна щадила больного старика и думала своими внушеніями остановить Николая въ предѣлахъ сноснаго приличія; она надѣялась на его умъ, надѣялась на то, что онъ долженъ знать ея твердый характеръ и не рѣшится довести ея до крайности; но злобный азіятецъ (какъ его всѣ въ домѣ называли) былъ заранѣе увѣренъ въ побѣдѣ и старался вызвать Софью Николавну на горячую вспышку. Онъ давно уже успѣлъ внушить старику, что прежняя барышня, а теперешняя молодая барыня терпѣть не можетъ его, вѣрнаго Калмыка, и что непремѣнно захочетъ его прогнать; отъ такихъ словъ больной приходилъ въ ужасъ, клялся и божился, что лучше согласится умереть, чѣмъ отпустить его. Софья Николавна пробовала, въ самыхъ ласковыхъ и нѣжныхъ словахъ, намекнуть отцу, что Калмыкъ забывается передъ ея мужемъ и такъ дурно исполняетъ ея приказанія, что она видитъ въ этомъ умыселъ—вывесть ее изъ терпѣнія. Николай Өедоровичъ приходилъ въ волненіе, не хотѣлъ ничего слушать, говорилъ, что онъ Калмыкомъ совершенно доволенъ, просилъ оставить Калмыка въ покоѣ и употреблять вмѣсто него другого человѣка для исполненія ея приказаній. Много, дорого стоило вспыльчивой молодой женщинѣ, привыкшей къ полновластному господству въ домѣ своего отца, переносить дерзкія оскорбленія отъ „подлаго холопа!“ Но она такъ любила отца, находила такое счастіе въ томъ, чтобы ходить за нимъ, покоить его, облегчать, по возможности, его страдальческое положеніе,—что мысль оставить умирающаго старика въ полную зависимость негодяя Калмыка и другихъ слугъ—долго не входила ей въ голову. Она укротила свою вспыльчивость и оскорбленную гордость; распоряжалась въ

домѣ черезъ другого человѣка, зная въ то же время, что Калмыкъ измѣнялъ и перемѣнялъ всѣ ея распоряженія по своему произволу. Она выпросила у отца приказаніе, чтобъ Калмыкъ не входилъ въ его спальню, покуда она сидитъ тамъ; но это приказаніе было вскорѣ нарушено: подъ разными предлогами, Николай безпрестанно входилъ въ комнату къ старику, да и самъ больной безпрестанно его спрашивалъ. Такое мучительное положеніе тянулось нѣсколько мѣсяцевъ.

Жизнь свою въ уфимскомъ обществѣ устроила Софья Николавна согласно своему желанію; съ пріятными для нея людьми она видалась часто, то у себя, то у нихъ; съ остальными видалась изрѣдка, или считалась церемонными визитами. Алексѣя Степаныча и прежде всѣ знали, а теперь люди близкіе съ Софьей Николавной сблизились съ нимъ, полюбили его, и онъ очень хорошо улаживался въ новомъ своемъ положеніи, то-есть въ избранномъ обществѣ Софьи Николавны.

Между тѣмъ, вскорѣ по возвращеніи въ Уфу, Софья Николавна почувствовала особеннаго рода нездоровье, извѣстіе о которомъ привело Степана Михайловича въ великую радость. Продолженіе древняго рода Багровыхъ, потомковъ знаменитаго Шимона, было постояннымъ предметомъ думъ и желаній старика, смущало спокойствіе духа, торчало гвоздемъ у него въ головѣ. Получивъ вожделѣнное извѣстіе отъ сына, Степанъ Михайловичъ предался радостной надеждѣ, и даже повѣрилъ, что у него непремѣнно будетъ внукъ. Семья всегда говорила, что онъ въ это время былъ необыкновенно веселъ. Онъ сейчасъ отслужилъ молебенъ за здравье болярыни Софіи, простилъ какіе-то долги сосѣдямъ и своимъ крестьянамъ, всѣхъ заставлялъ поздравлять его и поилъ всякаго до-пьяна. Въ пылу такой восторженности вдругъ вздумалось ему наградить свою чайницу и кофейницу Аксюту, которую онъ, Богъ знаетъ за что, постоянно жаловалъ. Аксютка была круглая крестьянская сирота, взятая во дворъ, *на сѣни*, съ семилѣтняго возраста, единственно потому, что ее некому было кормить. Она была очень дурна лицомъ: рыжая, въ веснушкахъ, съ глазами неизвѣстнаго цвѣта, и сверхъ того отвратительно неопрятна и зла. За что бы ее любить? А Степанъ Михайловичъ очень ее любилъ, и не проходило обѣда, чтобъ онъ не давалъ или не посылалъ со

стола подачки своей Аксюткѣ; когда же она стала дѣвкой на возрастѣ, заставилъ по утрамъ наливать себѣ чай и разговаривалъ съ нею цѣлые часы. Въ настоящее время Аксюткѣ было уже далеко за тридцать лѣтъ. И вотъ въ одно утро, черезъ нѣсколько дней послѣ радостной вѣсти изъ Уфы, Степанъ Михайловичъ говоритъ Аксюткѣ: „Что ты, дура, ходишь неряхой? Поди и переодѣнься хорошенько, по-праздничному; я хочу тебя замужъ выдать.“ Оскалила зубы Аксютка, и, считая, что баринъ балагуритъ, отвѣчала: „Ну кто на мнѣ, на сиротѣ, женится? Развѣ пастухъ Кирсанка.“ Это былъ извѣстный дуракъ и уродъ. Степану Михайловичу стало какъ будто досадно, и онъ продолжалъ: „Ужъ если я посватаю—женится что ни лучшій парень. Пошла, одѣнься, и мигомъ приходи ко мнѣ.“ Въ радостномъ недоумѣніи ушла Аксюта, а Степанъ Михайловичъ велѣлъ позвать къ себѣ Ивана Малыша; мы отчасти уже знаемъ его. Это былъ двадцати-четырехъ-лѣтній парень, кровь съ молокомъ, молодецъ въ полномъ смыслѣ, и ростомъ и дородствомъ, сынъ стариннаго усерднаго слуги, Бориса Петрова Хорева, умершаго въ Пугачевщину отъ заботъ, какъ всѣ думали, и сухоты, при сохраненіи въ порядкѣ ввѣренныхъ его управленію крестьянъ Новаго Багрова, когда помѣщикъ бѣжалъ съ семьей въ Астрахань. Ивана потому звали Малышемъ, что у него былъ старшій братъ, также Иванъ, который прозывался Хоревъ, по прозвищу своего отца. Иванъ Малышъ выросъ передъ своимъ бариномъ, какъ листъ передъ травой. Степанъ Михайловичъ посмотрѣлъ на него, полюбовался и сказалъ самымъ милостивымъ и ласковымъ голосомъ, отъ котораго у Малыша жилки задрожали: „Малышъ, я хочу тебя женить.“—„Ваша господская воля, батюшка Степанъ Михайловичъ“, отвѣчалъ душой и тѣломъ преданный слуга. —„Поди же, принарядись и приходи ко мнѣ; да чтобъ одна нога тамъ, а другая здѣсь.“ Малышъ опрометью побѣжалъ исполнить барскій приказъ. Аксютка однако пришла первая; она пригладила и примазала свои рыжіе волосы коровьимъ масломъ, напялила праздничную кофту съ юбкой, обулась въ башмаки,—и не похорошѣла! Она не могла удерживаться, и ротъ ея безпрестанно кривился отъ радостной улыбки; ей было стыдно отъ того, и она закрывала лицо рукою. Степанъ Михайловичъ смѣялся. „Что, любо небось, хочется замужъ“, говорилъ онъ..... Соколомъ влетѣлъ Малышъ, и

морозъ подралъ его по кожѣ, при видѣ нарядной вороны, Аксютки. „Вотъ тебѣ невѣста, весело сказалъ Степанъ Михайловичъ, она мнѣ хорошо служитъ, и отецъ твой мнѣ хорошо служилъ: я васъ не покину.—Ариша, сказалъ онъ, обратясь къ только-что вошедшей женѣ, невѣстѣ сшить все приданое изъ господскаго добра, и корову ей дать, и свадьбу сыграть господскимъ пивомъ, виномъ и харчами.“ Противорѣчій не было. Свадьбу сыграли. Аксютка безъ памяти влюбилась въ красавца-мужа, а Малышъ возненавидѣлъ свою противную жену, которая была въ добавокъ старше его десятью годами. Аксютка ревновала съ утра до вечера, и не безъ причины, а Малышъ колотилъ ее съ утра до вечера, и также не безъ причины, потому что одно только полѣно, и то не надолго, могло зажимать ей ротъ, унимать ея злой языкъ. Жаль, очень жаль! погрѣшилъ Степанъ Михайловичъ и сдѣлалъ онъ чужое горе изъ своей радости.

Я сужу объ этой его радости не столько по разсказамъ, какъ по его письму къ Софьѣ Николавнѣ, которое я самъ читалъ; трудно повѣрить, чтобы этотъ грубый человѣкъ, хотя умѣющій любить сильно и глубоко, какъ мы видѣли, могъ быть способенъ къ внѣшнему выраженію самой нѣжной, утонченной заботливости, какою дышало все письмо, исполненное совѣтовъ, просьбъ и приказаній—беречь свое здоровье. Къ сожалѣнію, я помню только нѣсколько словъ изъ этого письма. „Кабы ты жила со мной, писалъ старикъ между прочимъ, я бы не далъ на тебя вѣтру вѣнуть [1]) и порошинкѣ сѣсть.“

Софья Николавна умѣла цѣнить любовь свекра, хотя понимала въ то же время, что половина любви относилась къ будущему наслѣднику, — и обѣщалась свято исполнять его просьбы и приказанія. Но трудно было ей сдержать свое обѣщаніе. Кромѣ того, что она принадлежала къ числу тѣхъ женщинъ, которыя платятъ за счастіе быть матерью постоянно-болѣзненнымъ состояніемъ, болѣе тягостнымъ и мучительнымъ, чѣмъ всякая болѣзнь, — она страдала душой: отношенія къ отцу день ото-дня становились огорчительнѣе, а дерзости Калмыка—невыносимѣе. Алексѣй-же Степанычъ, не видя ничего опаснаго въ постоянномъ нездоровьѣ жены, слыша отъ другихъ, что это дѣло обыкновенное, ничего не

[1]) То-есть повѣять вѣтру.

значитъ, скоро пройдетъ, хотя смотрѣлъ на нее съ сожалѣніемъ, но не слишкомъ возмущался, — и это огорчало Софью Николавну. Что же касается до жизни у тестя, то онъ привыкъ къ ней; избѣгалъ встрѣчи съ Калмыкомъ, занимался усердно своею должностью въ Верхнемъ Земскомъ Судѣ, гдѣ скоро надѣялся быть прокуроромъ, и довольно спокойно дожидался перемѣны въ своемъ положеніи: это также не нравилось Софьѣ Николавнѣ. Такъ тянулось время нѣсколько мѣсяцевъ, какъ я уже сказалъ, тянулось не весело для всѣхъ.

Но Калмыкъ не довольствовался такимъ положеніемъ дѣлъ. Онъ шелъ къ развязкѣ. Видя, что Софья Николавна побѣждаетъ свое справедливое негодованіе и свою горячность, онъ рѣшился вывесть ее изъ терпѣнія; ему было нужно, чтобъ она вспылила и пожаловалась отцу, котораго онъ предупреждалъ не одинъ разъ, что ожидаетъ каждую минуту жалобы на себя отъ Софьи Николавны и требованія удалить его изъ дома. Не дожидаясь никакого особеннаго случая, никакого повода, Калмыкъ, въ присутствіи слугъ, въ двухъ шагахъ отъ молодой барыни, стоявшей у растворенныхъ дверей въ другой сосѣдней комнатѣ, прямо глядя ей въ глаза, началъ громко говорить такія дерзкія слова объ ней и объ ея мужѣ, что Софья Николавна была сначала изумлена, ошеломлена такою наглостью; но скоро, опомнившись и не сказавъ ни одного слова Калмыку, бросилась она къ отцу и, задыхаясь отъ волненія и гнѣва, передала ему слышанныя ею, почти въ лицо сказанныя его любимцемъ дерзости..... Слѣдомъ за нею вошелъ Калмыкъ и, не давъ ей даже кончить, кукся глаза и крестясь на образъ, съ клятвою началъ увѣрять, что все это клевета, что онъ никогда ничего подобнаго не говаривалъ, и что грѣхъ Софьѣ Николавнѣ губить невиннаго человѣка!.... „Слышишь, Соничка, что онъ говоритъ“, встревоженнымъ голосомъ произнесъ больной... Софья Николавна, пораженная до глубины души, забыла свою великодушную рѣшимость, забыла, что можетъ уморить отъ испуга старика, и такъ крикнула на его любимца, что онъ долженъ былъ уйти. Сказавъ отцу: „Послѣ такой обиды, батюшка, я съ Калмыкомъ не могу жить въ одномъ домѣ; выбирайте кого выгнать: меня или его“, какъ безумная выбѣжала она изъ комнаты больного. Старику сдѣлалось дурно. Калмыкъ поспѣшилъ къ нему на помощь; когда же,

послѣ обыкновенныхъ въ такихъ случаяхъ медицинскихъ средствъ, Николай Ѳедоровичъ оправился, онъ бесѣдовалъ долго съ своимъ любимцемъ и наконецъ велѣлъ позвать къ себѣ дочь. „Сонечка, сказалъ онъ съ возможною для него твердостью и спокойствіемъ, я не могу, по моей болѣзни и слабости, разстаться съ Николаемъ; я имъ живу. Вотъ деньги, купите себѣ домъ Веселовскихъ.“—Софья Николавна упала въ обморокъ и была отнесена въ свою комнату.

Такъ вотъ какой имѣла исходъ эта нѣжная, взаимная любовь отца и дочери, скрѣпленная, казалось, неразрывными узами временнаго охлажденія, произведеннаго покойною Александрой Петровной, потомъ раскаяніемъ и благодарностью со стороны виновнаго отца и пламенною безграничною горячностью невиноватой дочери, забывшей всѣ прежнія оскорбленія,—дочери, которая вышла за мужъ именно за такого человѣка и съ такимъ условіемъ, чтобъ онъ не разлучалъ ея съ отцомъ!.. И когда же она разстается съ нимъ?... Когда доктора не ручались уже и за мѣсяцъ его жизни! Доктора ошибались въ своемъ предсказаніи, точно такъ, какъ ошибаются они и теперь: больной прожилъ еще болѣе года.

Когда пришла въ себя Софья Николавна и взглянула на испуганное блѣдное лицо своего Алексѣя Степановича, она поняла и почувствовала, что есть существо ее любящее: она обняла своего сокрушеннаго горемъ мужа, и ручьи слезъ облегчили ея сердце. Она разсказала все происшедшее между ею и отцомъ; разсказъ обновилъ всю горечь оскорбленія, уяснилъ безвыходность положенія, и она, конечно, пришла бы въ отчаяніе, еслибъ не поддержалъ ее этотъ добрый мужъ, слабый по своему характеру и менѣе ея дальновидный по своему уму, но за то не впадавшій въ крайности и не терявшій присутствія духа и разсудка въ тяжелыя минуты жизни. Можетъ быть, покажется страннымъ, что Алексѣй Степанычъ поддержалъ духъ Софьи Николавны; но эта необыкновенная женщина, не смотря на свой необыкновенный умъ и повидимому твердый нравъ, имѣла несчастное свойство упадать духомъ и совершенно теряться въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ поражалась ея душа нравственными неожиданными ударами. Какъ безпристрастный передаватель изустныхъ преданій, долженъ я сказать, что сверхъ того она была слишкомъ чувствительна къ суду свѣта, слишкомъ подчинялась ему, какъ бы ни стояла сама выше того круга, въ которомъ

жила. Мысль, что скажетъ уфимскій свѣтъ, особенно значительныя дамы, въ немъ живущія, потомъ мысль, что подумаетъ мужнина семья, а всего болѣе, что скажетъ свекоръ, узнавъ, что Софья Николавна съѣхала отъ отца,—эти мысли язвили ея самолюбіе и гордость, и терзали ее наравнѣ съ оскорбленнымъ чувствомъ дочерней любви. Ей одинаково казалось ужаснымъ: обвиненіе, падавшее на отца въ неблагодарности къ дочери, и обвиненіе, падавшее на дочь въ недостаткѣ любви къ умирающему отцу. Выбора не было: что-нибудь одно должны были подумать люди и кого-нибудь должны были осудить... Глубокую жалость, смѣшанную съ изумленіемъ, чувствовалъ Алексѣй Степанычъ, глядя на такое терзаніе! Трудно, мудрено было приступиться къ Софьѣ Николавнѣ съ утѣшительными или успокоительными рѣчами. Пылкое ея воображеніе рисовало ужасныя картины, и живописно передавало ихъ ея одушевленное, увлекательное слово. Она заранѣе уничтожала всякія попытки къ исходу изъ своего положенія, устраняла всякую надежду на примиреніе съ нимъ. Но любовь и душевная простота, которой не доставало Софьѣ Николавнѣ, научили Алексѣя Степаныча,—и, переждавъ первый неудержимый порывъ, вопль взволнованной души, онъ началъ говорить слова весьма обыкновенныя, но прямо выходившія изъ добраго простого сердца, и они, мало-по-малу, если не успокоили Софью Николавну, то по крайней мѣрѣ привели къ сознанію, къ пониманію того, что она слышитъ. Онъ говорилъ, что она до сихъ поръ исполняла долгъ свой, какъ дочь горячо любящая отца, и что теперь надобно также исполнить свой долгъ, не противорѣча и поступая согласно съ волею больного; что вѣроятно Николай Ѳедоровичъ давно желалъ и давно рѣшился, чтобъ они жили въ особомъ домѣ; что, конечно, трудно, невозможно ему, больному и умирающему, разстаться съ Калмыкомъ, къ которому привыкъ и который ходитъ за нимъ усердно; что батюшкѣ Степану Михайловичу надо открыть всю правду, а знакомымъ можно сказать, что Николай Ѳедоровичъ всегда имѣлъ намѣреніе, чтобы при его жизни дочь и зять зажили своимъ домомъ и своимъ хозяйствомъ; что Софья Николавна будетъ всякой день раза по два навѣщать старика и ходить за нимъ почти такъ же, какъ и прежде; что въ городѣ, конечно, всѣ узнаютъ со временемъ настоящую причину, потому что и теперь вѣроятно кое-что знаютъ, будутъ бранить Кал-

мыка и сожалѣть о Софьѣ Николавнѣ. „Впрочемъ, прибавилъ онъ, можетъ-быть батюшка сказать-то сказалъ, а разстаться съ тобой не рѣшится. Поговори съ нимъ и представь ему всѣ резоны.“ Ничего не отвѣчала Софья Николавна и долго молчала, устремивъ вопросительный, изумленный взглядъ на мужа; правда простыхъ словъ и простоты душевной повѣяла на нее такъ успокоительно и отрадно, что они показались ей и новыми, и мудрыми. Дивилась она, какъ прежде ей самой не пришло все это въ голову, и съ благодарною любовью обняла Алексѣя Степаныча. И такъ было рѣшено, что Софья Николавна попытается убѣдить Николая Ѳедоровича, чтобы онъ отмѣнилъ свое рѣшеніе, чтобъ позволилъ имъ оставаться въ домѣ, при совершенно отдѣльномъ хозяйствѣ, безъ всякаго соприкосновенія съ Калмыкомъ, оставаться, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, когда Софья Николавна, послѣ разрѣшенія отъ беременности, Богъ дастъ, совершенно оправится. Все это основывалось на самой убѣдительной причинѣ, то-есть, что Софьѣ Николавнѣ, по ея положенію, вредно трястись въ экипажѣ по непроѣзднымъ уфимскимъ улицамъ, и что въ то же время никакая опасность не помѣшаетъ ей всякій день ѣздить къ больному. Объясненіе съ отцомъ не имѣло успѣха; старикъ спокойно и твердо сказалъ ей, что его рѣшеніе не было минутнымъ порывомъ, а давно обдуманнымъ дѣломъ. „Я напередъ зналъ, милая моя Соничка—такъ говорилъ Николай Ѳедоровичъ,—что, вышедши замужъ, ты не можешь оставаться въ одномъ домѣ съ Николаемъ. Ты противъ него раздражена, и я не обвиняю тебя; онъ прежде былъ много виноватъ передъ тобою; ты простила ему, но забыть его оскорбленій не могла. Я знаю, что и теперь онъ бываетъ передъ тобою виноватъ, но тебѣ все уже кажется въ преувеличенномъ видѣ“...—„Батюшка“, прервала было его Софья Николавна; но старикъ не далъ ей продолжать, сказавъ: „Погоди, выслушай все, что я хочу сказать тебѣ. Положимъ, что Калмыкъ точно такъ виноватъ, какъ ты думаешь; но въ такомъ случаѣ тебѣ еще болѣе невозможно жить съ нимъ подъ одною кровлею, а мнѣ—невоможно съ нимъ разстаться. Сжалься на мое бѣдное, безпомощное состояніе. Я уже трупъ недвижимый, а не человѣкъ; ты знаешь, что Калмыкъ двадцать разъ въ сутки долженъ меня ворочать съ боку на бокъ; замѣнить его никто не можетъ. Мнѣ одно только нужно—спокойствіе духа. Смерть стоитъ у

меня въ головахъ. Каждую минуту я долженъ готовиться къ переходу въ вѣчность. Мысль, что Калмыкъ дѣлаетъ тебѣ непріятности, возмущала мой духъ безпрестанно. Нечего дѣлать, разстанемся, мой другъ, живите своимъ домомъ. Когда же ты будешь пріѣзжать ко мнѣ—ты не увидишь противнаго тебѣ человѣка: онъ охотно будетъ прятаться. Онъ добился, чего хотѣлъ, выжилъ тебя изъ дому и теперь можетъ обворовывать меня сколько ему угодно... Я все это знаю и вижу, и все ему прощаю за неусыпное обо мнѣ попеченіе и денно и нощно; онъ то выноситъ, ходя за мною, чего никакія человѣческія силы вынести не могутъ. Не огорчай же меня, возьми деньги и купи домъ въ Голубиной Слободкѣ на свое имя."

Не стану описывать разныхъ сомнѣній, колебаній, бореній съ собою, слезъ, мученій, уступокъ, охлажденій и новыхъ воспламененій Софьи Николавны. Довольно того, что деньги были взяты, домъ купленъ, и черезъ двѣ недѣли поселился въ немъ Алексѣй Степанычъ съ своею молодою женой. Домикъ былъ новенькій, чистенькій, никто въ немъ еще не жилъ. Софья Николавна съ горяча принялась, съ свойственною ей ретивостью, за устройство новаго своего жилья и житья-бытья; но здоровье ея, сильно страдавшее отъ болѣзненнаго положенія, и еще сильнѣе пострадавшее отъ душевныхъ потрясеній, измѣнило ей; она сдѣлалась очень больна, пролежала недѣли двѣ въ постели и почти цѣлый мѣсяцъ не видѣла отца.

Первое свиданіе Софьи Николавны послѣ болѣзни съ Николаемъ Ѳедоровичемъ, который сталъ еще слабѣе, было жалко и умилительно. Старикъ столковался по дочери, считалъ себя причиною ея болѣзни, и мучился невозможностью ее увидѣть. Наконецъ они свидѣлись, обрадовались и оба поплакали. Николай Ѳедоровичъ особенно огорчался тѣмъ, что Софья Николавна ужасно похудѣла и подурнѣла, чему причиною было не столько огорченіе и болѣзнь, сколько особенность ея положенія. У нѣкоторыхъ женщинъ въ эту пору измѣняется и даже искажается лицо: съ Софьей Николавной было точно то же. Черезъ нѣсколько времени дѣло обошлось, уладилось и отношенія съ отцомъ приняли благопріятный видъ. Калмыкъ не показывался на глаза Софьѣ Николавнѣ. Одинъ Степанъ Михайловичъ не могъ примириться съ переѣздомъ дочери отъ умирающаго отца въ свой собственный домъ. Софья Николавна это предчувствовала, и еще до болѣзни успѣла напи-

сать къ свекру самое откровенное письмо, въ которомъ старалась объяснить и оправдать по возможности поступокъ своего отца; но Софья Николавна хлопотала понапрасну: Степанъ Михайловичъ обвинялъ не Николая Ѳедоровича, а его дочь, и говорилъ, „что она должна была все перетерпѣть и виду непріятнаго не показывать, что бы шельма Калмыкъ ни дѣлалъ.“ Онъ написалъ выговоръ Алексѣю Степанычу, зачѣмъ онъ позволилъ своей женѣ „бросить отца на рабьи руки.“—Необходимости разлучиться, для сохраненія спокойствія умирающаго, Степанъ Михайловичъ не понималъ, а равно и того, что можно женѣ дѣйствовать безъ позволенія мужа. Впрочемъ, въ этомъ случаѣ мужъ и жена были совершенно согласны.

Для окончательнаго устройства своего новенькаго домика и маленькаго хозяйства, Софья Николавна пригласила къ себѣ на помощь одну свою знакомую вдову, уфимскую мѣщанку Катерину Алексѣвну Чепрунову, женщину самую простую и предобрую, жившую гдѣ-то въ слободѣ, въ собственномъ домишкѣ, съ небольшимъ однако плодовитымъ садомъ, съ котораго получала небольшой доходъ. Сверхъ того, она содержала себя и единственнаго, обожаемаго кривого сынка своего Андрюшу переторжкою разнымъ мелкимъ товаромъ, и даже продавала калачи на базарѣ. Главный ея доходъ состоялъ въ продажѣ бухарской выбойки, для покупки которой ежегодно ѣздила она на мѣну въ Оренбургъ. Катерина Алексѣвна Чепрунова была съ материей стороны родственница Софьѣ Николавнѣ; но Софья Николавна имѣла слабость скрывать это родство, хотя всѣ въ городѣ о немъ знали. Катерина Алексѣвна души не чаяла въ своей знаменитой и блистательной родственницѣ, которую навѣщала, потихоньку отъ ея мачихи, въ тяжкое время униженія и гоненій, и которая сдѣлалась явно благодѣтельницей Катерины Алексѣвны во время торжества и власти. Наединѣ Софья Николавна осыпала ласками безкорыстную, постоянно и горячо ее любившую родственницу и даже обходилась съ нею почтительно; при свидѣтеляхъ же, одна была покровительствуемая калачница, а другая—дочь товарища намѣстника. Но добрѣйшая Катерина Алексѣвна не только не оскорблялась тѣмъ, а даже требовала, чтобъ съ нею такъ обходились; она безгранично любила свою ненаглядную и родную ей красавицу, и смотрѣла на нее какъ на высшее благодѣтельное существо; она бы

себя не взлюбила, еслибъ какъ-нибудь помрачила блестящее положеніе Софьи Николавны. Разумѣется, тайна была открыта Алексѣю Степановичу, и онъ, не смотря на свое древнее дворянство, о которомъ довольно напѣвала ему семья, принялъ мѣщанку-торговку какъ добрую родственницу своей жены и во всю свою жизнь обходился съ ней съ ласкою и уваженіемъ; онъ хотѣлъ даже поцѣловать грубую руку калачницы, но та сама ни за что на это никогда не соглашалась. Только убѣдительныя просьбы Софьи Николавны принудили Алексѣя Степаныча не разсказывать объ этомъ родствѣ въ своей семьѣ и въ кругу знакомыхъ. За то какъ любила его простодушная Катерина Алексѣвна и какою горячей была заступницей за него впослѣдствіи, во всякихъ домашнихъ неудовольствіяхъ! Съ помощью этой-то Катерины Алексѣвны, которая умѣла все найти и все купить дешево, устроилась Софья Николавна и скоро и хорошо.

Въ городѣ довольно поговорили, порядили и посудили о томъ, что молодые Багровы купили себѣ домъ и живутъ сами по себѣ. Много было преувеличенныхъ и выдуманныхъ разсказовъ; но Алексѣй Степанычъ угадалъ: скоро узнали настоящую причину, отчего молодые оставили домъ отца; этому, конечно, помогъ болѣе всего Калмыкъ, который хвастался въ своемъ кругу, что выгналъ капризную молодую госпожу, раскрашивая ее при сей вѣрной оказіи самыми яркими красками. И такъ въ городѣ поговорили, порядили, посудили и—успокоились.

И вотъ наконецъ остались совершенно вдвоемъ молодые Багровы. По утрамъ уѣзжалъ Алексѣй Степанычъ къ своей должности въ Верхній Земскій судъ. Отправляясь туда, онъ завозилъ жену къ ея отцу, а возвращаясь изъ присутствія, заѣзжалъ самъ къ тестю и, пробывъ у него нѣсколько времени, увозилъ свою жену домой. Умѣренный обѣдъ ожидалъ ихъ. Обѣдъ съ глазу на глазъ въ *собственномъ* домѣ, на собственныя деньги, имѣлъ свою прелесть для молодыхъ хозяевъ, которая, конечно, не могла продолжаться слишкомъ долго: къ чему не привыкаетъ человѣкъ? Софья Николавна, не смотря на свое болѣзненное состояніе и скудныя средства, умѣла убрать свой домикъ, какъ игрушечку. Вкусъ и забота замѣняютъ деньги, и многимъ изъ пріѣзжавшихъ въ гости молодымъ Багровымъ показался ихъ домикъ убраннымъ богато. Всего труднѣе было устроить прислугу: приданаго лакея

Софьи Николавны, Өедора Михеева, женили на приданой же горничной, черномазой Парашѣ; а молодого слугу изъ Багрова, Ефрема Евсеева, честнаго, добродушнаго и очень полюбившаго молодую барыню (чего нельзя было сказать про другихъ слугъ), обвѣнчали съ молоденькою прачкой Софьи Николавны, Аннушкой. Честнаго Ефрема также очень полюбила молодая барыня, и не даромъ. Этотъ рѣдкій человѣкъ цѣлою жизнью доказалъ ей свою преданность [1]).

Между тѣмъ уфимская жизнь приняла весьма правильное и однообразное теченіе. По нездоровью и непріятному расположенію духа, Софья Николавна выѣзжала рѣдко, и то къ самымъ короткимъ знакомымъ, изъ немногаго числа которыхъ, самыхъ короткихъ, то-есть Чичаговыхъ, долго не было въ городѣ: они воротились съ матерью уже въ глубокую осень. Непріятное расположеніе духа Софьи Николавны, такъ тѣсно связанное съ разстройствомъ нервъ, сначала очень огорчало и безпокоило Алексѣя Степаныча. Онъ ничего не понималъ въ этомъ дѣлѣ: больныхъ безъ болѣзни, огорченныхъ безъ горя, или наоборотъ заболѣвающихъ отъ безпричинной грусти и грустныхъ отъ небывалой или незамѣтной болѣзни — онъ не встрѣчалъ во всю свою жизнь. Видя однако, что ничего важнаго или опаснаго нѣтъ, онъ началъ привыкать мало-по-малу, и успокоился. Онъ убѣдился въ той мысли, что все это одно воображеніе. Этою мыслью онъ и прежде объяснялъ себѣ разныя волненія и огорченія Софьи Николавны

[1]) Евсеичъ (его звали всегда только по отчеству) впослѣдствіи былъ дядькой ея старшаго сына, за которымъ ходилъ съ отцовскою горячностью. Я зналъ коротко этого почтеннаго старика. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ, я видѣлъ его уже слѣпого, доживавшаго свой вѣкъ въ Пензенской губерніи, у одного изъ внуковъ Степана Михайловича Багрова. Мнѣ случилось прогостить тамъ цѣлый лѣтній мѣсяцъ. Каждый день, рано поутру, приходилъ я удить въ проточномъ прудѣ на рѣчкѣ Какармѣ, при впаденіи ея въ прекрасную рѣку Пизу; на самомъ берегу пруда стояла изба, въ которой жилъ Евсеичъ. Каждый день, подходя къ пруду, видѣлъ я этого уже дряхлаго, сгорбленнаго, сѣдого какъ лунь старика, стоявшаго прислонясь къ углу своей избы, прямо противъ восходящаго солнца; костлявыми пальцами обѣихъ рукъ опирался онъ на длинную палку, прижавъ ее къ своей груди и устремивъ слѣпые глаза на встрѣчу солнечнымъ лучамъ. Онъ не видѣлъ свѣта, но чувствовалъ теплоту его, столь пріятную въ свѣжести утренняго воздуха, и грустно-радостно было выраженіе его лица. Слухъ его былъ такъ чутокъ, что онъ издали узнавалъ мою походку и весело, какъ старый рыбакъ привѣтствуетъ молодого, привѣтствовалъ меня, хотя мнѣ самому было уже пятьдесятъ лѣтъ. „А, это ты, соколикъ! (такъ привыкъ онъ звать меня въ молодости). Пора! Дай Богъ клёвъ на рыбу!“— Года черезъ два онъ скончался на рукахъ дочери, сына и жены, которая пережила его нѣсколькими годами.

въ тѣхъ случаяхъ, когда не могъ доискаться видимой, понятной для него причины. Онъ перестал безпокоиться, но за то начиналъ иногда понемногу скучать. Дѣло было совершенно естественно. Какъ ни любилъ Алексѣй Степановичъ жену, какъ ни жалко было ему смотрѣть, что она безпрестанно огорчается,—но слушать ежедневно, по цѣлымъ часамъ, постоянныя жалобы на свое положеніе, весьма обыкновенное, слушать печальныя предчувствія и даже предсказаніе о будущихъ несчастныхъ послѣдствіяхъ своей беременности, небывалые признаки которыхъ Софья Николавна умѣла отыскивать, при помощи своихъ медицинскихъ книжныхъ свѣдѣній, съ необыкновеннымъ искусствомъ и остроуміемъ: слушать упреки тончайшей требовательности, къ удовлетворенію которой рѣдко бываютъ способны мужья — конечно, было скучновато. Софья Николавна это видѣла и огорчалась до глубины души. Еслибъ она находила въ своемъ мужѣ вообще недостатокъ чувствъ, неспособность любить безгранично, она бы скорѣе примирилась съ своимъ положеніемъ. „Чего Богъ не далъ, того негдѣ взять", часто говаривала она сама, и, признавая разумность такой мысли, она покорилась бы своей судьбѣ; но къ несчастью, страстная, восторженная любовь Алексѣя Степаныча, когда онъ былъ женихомъ, убѣдила ее, что онъ способенъ пламенно любить и вѣчно любилъ бы ее точно такъ же, если-бъ не охладѣлъ почему-то въ своихъ чувствахъ... Несчастная эта мысль овладѣла постепенно воображеніемъ Софьи Николавны. Изобрѣтательный ея умъ всему находилъ множество причинъ и множество доказательствъ: причинами она считала: неблагопріятныя внушенія семьи, свое болѣзненное состояніе, а всего болѣе—потерю красоты, потому что зеркало безжалостно показывало ей, какъ она измѣнилась, какъ подурнѣла. Доказательства находила она въ томъ, что Алексѣй Степанычъ равнодушенъ къ ея опасеніямъ, не обращаетъ полнаго вниманія на ея положеніе, не старается ее утѣшить и развлечь, а главное, что онъ веселѣе, охотнѣе говоритъ съ другими женщинами,—и вспыхнуло какъ порохъ, таившееся въ глубинѣ души, несознаваемое до сихъ поръ, мучительное, зоркое и слѣпое въ то же время, чувство ревности! Начались ежедневныя объясненія, упреки, слезы, ссоры и примиренія!.. И ни въ чемъ еще не былъ виноватъ Алексѣй Степанычъ: внушеніямъ семьи онъ совершенно не вѣрилъ, да и самый сильный авторитетъ въ его

глазахъ былъ, конечно, отецъ, который своею благосклонностью къ невѣсткѣ возвысилъ ее въ глазахъ мужа; объ ея болѣзненномъ состояніи сожалѣлъ онъ искренно, хотя, конечно, не сильно, а на потерю красоты смотрѣлъ какъ на временную потерю, и заранѣе веселился мыслью, какъ опять разцвѣтетъ и похорошѣетъ его молодая жена; онъ не могъ быть веселъ, видя, что она страдаетъ; но не могъ сочувствовать всѣмъ ея предчувствіямъ и страхамъ, думая, что это одно пустое воображеніе; къ тонкому вниманію онъ былъ, какъ и большая часть мужчинъ, не способенъ; утѣшать и развлекать Софью Николавну въ дурномъ состояніи духа было дѣло по истинѣ мудреное: какъ разъ не угодишь и попадешь въ просакъ: не поправишь, а испортишь дѣло; къ этому требовалось много искусства и ловкости, которыхъ онъ не имѣлъ. Можетъ быть точно онъ говорилъ веселѣе и охотнѣе съ другими женщинами, потому что не боялся ихъ какъ-нибудь огорчить или раздражить пустыми словами, сказанными невпопадъ. Но не такъ смотрѣла Софья Николавна на это дѣло, да и не могла смотрѣть иначе по своей природѣ, въ которой все прекрасное легко переходило въ излишество, въ крайность. Какъ тутъ быть, если у одного нервы толсты, крѣпки и здоровы, а у другого тонки, нѣжны и болѣзненны? Если приходили они въ сотрясеніе у Софьи Николавны отъ того, что не дотрогивалось до нервовъ Алексѣя Степаныча?—Одни только Чичаговы понимали нравственныя причины печальнаго положенія молодыхъ Багровыхъ, и хотя Софья Николавна и еще менѣе Алексѣй Степанычъ—ничего имъ не открывали, но они приняли въ нихъ живое участіе, и своимъ дружескимъ вниманіемъ, а всего болѣе частыми посѣщеніями, присутствіемъ своимъ, умными и дѣльными разговорами, много успокоивали пылкую голову Софьи Николавны и много сдѣлали добра на то время и ей, и ея мужу.

Въ такомъ положеніи находились молодые Багровы до того времени, когда Софья Николавна сдѣлалась матерью. Не смотря на частыя душевныя огорченія, она въ послѣдніе два мѣсяца поправилась въ своихъ физическихъ силахъ и благополучно родила дочь. Конечно, Софья Николавна и еще болѣе Алексѣй Степанычъ желали имѣть сына; но когда мать прижала къ сердцу свое дитя, для нея уже не существовало разницы между сыномъ и дочерью. Страстное чувство материнской любви овладѣло ея душой, умомъ, всѣмъ нравствен-

нымъ существомъ ея. Алексѣй Степанычъ благодарилъ только Бога, что Софья Николавна осталась жива, радовался, что она чувствуетъ себя хорошо, и сейчасъ помирился съ мыслью, зачѣмъ не родился у него сынъ.

Но въ Багровѣ было совсѣмъ не то! Степанъ Михайловичъ такъ увѣрилъ себя, что у него родится внукъ, наслѣдникъ рода Багровыхъ, что не вдругъ повѣрилъ появленію на свѣтъ внучки. Наконецъ прочиталъ собственными глазами письмо сына и, убѣдясь, что дѣло не подлежитъ сомнѣнію, огорчился не на шутку; отмѣнилъ приготовленное крестьянамъ угощеніе, не захотѣлъ самъ писать къ невѣсткѣ и сыну, а велѣлъ только поздравить *роженицу съ животомъ и дочерью,* да приказалъ назвать новорожденную Прасковьей[1]), въ честь любимой своей сестры Прасковьи Ивановны Куролесовой. Угадывая напередъ его желаніе, малюткѣ еще на молитвѣ дали имя Прасковьи. — И жалко, и забавно было смотрѣть на досаду Степана Михайловича! Даже семья посмѣивалась промежъ себя потихоньку. По разумности своей, старикъ очень хорошо зналъ, что гнѣваться было не на кого, но въ первые дни онъ не могъ овладѣть собою,—такъ трудно ему было разстаться съ сладкою надеждой или, лучше сказать, съ увѣренностью, что у него родится внукъ и что авось не погибнетъ знаменитый родъ Шимона. Онъ велѣлъ убрать съ глазъ, спрятать подальше родословную, которая уже лежала у него на постели, въ ожиданіи радостнаго извѣстія, и въ которую онъ всякой день собирался внести имя внука. Онъ запретилъ своей дочери Аксиньѣ Степановнѣ ѣхать въ Уфу, чтобъ быть крестной матерью новорожденной Багровой, и съ досадой сказалъ: „Вотъ еще! семь верстъ киселя ѣсть! ѣхать крестить дѣвочку! Каждый годъ пойдетъ родить дочерей, такъ не наѣздишься!“ — Впрочемъ, время взяло свое, и черезъ нѣсколько дней разгладились морщины (которыя на сей разъ никого не пугали) на лбу Степана Михайловича, и мысль, что можетъ быть черезъ годъ невѣстка родитъ ему внука, успокоила старика. Онъ написалъ ласковое письмо невѣсткѣ, шутя ее побранилъ и шутя приказалъ, чтобъ черезъ годъ былъ у ней сынъ.

Софья Николавна такъ предалась новому своему чувству, такъ была охвачена новымъ міромъ материнской любви, что

[1]) Т. е. Надеждой, въ честь Надежды Ивановны Куроѣдовой.

даже не замѣтила признаковъ неудовольствія свекра и не обратила вниманія на то, что Аксинья Степановна не пріѣхала крестить ея дочь. Съ трудомъ удержали Софью Николавну девять дней въ постели. Она чувствовала себя такъ хорошо, что на четвертый день могла пожалуй хоть танцовать... Но не танцовать хотѣлось ей, а ходить, няньчиться, не спать, и день и ночь, съ своею Парашенькой, которая родилась худенькою и слабенькою, вѣроятно вслѣдствіе того, что мать носила ее будучи безпрестанно больна и душой и тѣломъ. Кормить своего ребенка не позволили ей доктора, или, лучше сказать, докторъ, Андрей Юрьевичъ Авенаріусъ, человѣкъ очень умный, образованный и любезный, который былъ короткимъ пріятелемъ и ежедневнымъ гостемъ у молодыхъ Багровыхъ. При первой возможности, Софья Николавна повезла свою малютку къ дѣдушкѣ, то-есть, къ своему отцу, Николаю Ѳедоровичу. Она думала, что видъ этой крошки обрадуетъ больного старика, что онъ найдетъ въ ней сходство съ покойною, первою женой своею Вѣрой Ивановной. Сходства этого вѣроятно не бывало, потому что младенцы, по моему мнѣнію, не могутъ походить на взрослыхъ, но Софья Николавна во всю свою жизнь утверждала, что первая дочь, какъ двѣ капли воды, была похожа на бабушку. Старикъ Зубинъ уже приближался къ концу земного своего поприща, разрушался тѣлесно и духовно. Онъ равнодушно взглянулъ на младенца, едва могъ перекрестить его и сказалъ только: „Поздравляю тебя, Соничка". Софья Николавна была очень огорчена и труднымъ положеніемъ своего отца, котораго болѣе мѣсяца не видала, и его равнодушіемъ къ ея ангелу-Парашенькѣ.

Но скоро надъ люлькой своей дочери забыла молодая мать весь окружающій ее міръ! Всѣ интересы, всѣ другія привязанности поблѣднѣли передъ материнскою любовью, и Софья Николавна предалась новому своему чувству съ безуміемъ страсти. Ни чьи руки, кромѣ ея собственныхъ рукъ, не прикасались къ малюткѣ. Она сама подавала свою Парашеньку кормилицѣ, сама поддерживала ее у груди, и не безъ огорченія смотрѣла, какъ другая, чужая женщина кормила ея дочь... Трудно повѣрить; но дѣйствительно было такъ! Софья Николавна впослѣдствіи сама признавалась въ томъ, что она не могла выносить, если Парашенька долго оставалась у груди кормилицы, отнимала ее голодную и закачивала на

своихъ рукахъ или въ люлькѣ, напѣвая колыбельныя пѣсни. Софья Николавна перестала видаться со своими знакомыми и даже съ другомъ своимъ, Катериной Борисовной Чичаговой. Разумѣется, всѣмъ это казалось или странно, или смѣшно, а людямъ близкимъ и досадно. На самое короткое время пріѣзжала она каждый день къ отцу и каждый разъ возвращалась въ страхѣ: не больна ли ея дочь?—Она предоставила своему мужу полную свободу заниматься, чѣмъ ему угодно, и Алексѣй Степанычъ, посидѣвъ нѣсколько дней дома и увидѣвъ, что Софья Николавна не обращаетъ на него вниманія, даже выгоняетъ изъ маленькой дѣтской, для того, чтобы передышенный воздухъ не былъ вреденъ дитяти, а сама отъ малютки не отходитъ,—сталъ одинъ выѣзжать въ гости, сначала изрѣдка, потомъ чаще, наконецъ каждый день, и принялся играть отъ скуки въ рокомболь и бостонъ. Нѣкоторыя уфимскія дамы подшучивали надъ молодымъ, оставленнымъ мужемъ, любезничали съ нимъ и говорили, что онѣ обязаны занимать и утѣшать сироту, за что Софья Николавна, конечно, имъ будетъ благодарна, когда опомнится отъ страсти къ дочери и воротится въ свѣтъ. Только впослѣдствіи эти любезности дошли до Софьи Николавны и возмутили ея душу. Катерина Алексѣвна Чепрунова, постоянно навѣщавшая свою родственницу, смотрѣла на нее съ изумленіемъ, сожалѣніемъ и досадой. Она сама была нѣжная мать, любившая горячо своего единственнаго кривого сынка; но такая привязанность и забвеніе всего окружающаго, какъ у Софьи Николавны, казались ей чѣмъ-то похожимъ на сумасбродство. Она охала, вздыхала, била себя кулаками въ грудь и животъ (это была ея привычка), говорила, что такая любовь смертный грѣхъ передъ Богомъ и что Богъ за нее накажетъ. Софья Николавна разсердилась и перестала пускать ее въ дѣтскую. Одинъ Андрей Юрьевичъ Авенаріусъ принимался довольно часто въ комнатѣ Парашеньки. Софья Николавна безпрестанно находила разные признаки разныхъ болѣзней у своей дочери, лѣчила по Бухану и, не видя пользы, призывала доктора Авенаріуса; не зная, что и дѣлать съ бѣдною матерью, которую ни въ чемъ нельзя было разувѣрить, онъ прописывалъ разныя, иногда невинныя, а иногда и дѣйствительныя лѣкарства, потому что малютка въ самомъ дѣлѣ имѣла очень слабое здоровье.

Мудрено сказать, что бы вышло изъ всего этого въ бу-

дущемъ, еслибъ, по невѣдомымъ намъ судьбамъ Провидѣнія, не разразился внезапно громовой ударъ надъ несчастною Софьею Николавной, если бы не умерла скоропостижно ея ангелъ-Парашенька. Излишество ли ухода, излишество ли лѣченья, природная ли слабость тѣлосложенія младенца были причиною его смерти—неизвѣстно; оказалось только, что онъ на четвертомъ мѣсяцѣ своей жизни не вынесъ самаго легкаго дѣтскаго припадка, *младенской*, или *родимца*, которому рѣдкій изъ грудныхъ дѣтей не бываетъ подверженъ. Сидя у колыбели и замѣтивъ, что Парашенька вздрогнула, и что личико ея искривилось, Софья Николавна торопливо взяла на руки свою дочь: она была уже мертвая...

Крѣпкое, богатырское надобно было имѣть здоровье Софьѣ Николавнѣ, чтобъ вынесть этотъ ударъ! Доктора, попеременно, отъ нея не отходили. Занденъ, Авенаріусъ и Клоусъ, которые всѣ ее очень любили, нѣсколько дней опасались за ея разсудокъ, потому что она никого не узнавала. Но, благодареніе Богу, молодости и крѣпкому сложенію, страшное время прошло. Несчастная мать опомнилась, и любовь къ мужу, который самъ страдалъ всею душою, любовь, мгновенно вступившая въ права свои, спасла ее. Когда Софья Николавна въ четвертую ночь пришла въ себя, взглянула сознательно на окружающіе ее предметы, узнала Алексѣя Степаныча, котораго узнать было трудно, такъ онъ перемѣнился,—узнала неизмѣннаго друга своего, Катерину Алексѣвну,—страшный крикъ вырвался изъ ея груди и спасительные потоки слезъ хлынули изъ глазъ: она еще ни разу не плакала. Она обняла Алексѣя Степаныча и долго, молча, рыдала на его груди: онъ самъ рыдалъ, какъ дитя. Прошла опасность помѣшательства въ умѣ; но наступила другая опасность: истощеніе силъ тѣлесныхъ. Четверо сутокъ не пила и не ѣла бѣдная страдалица, и очнувшись, не могла проглотить не только пищи, но и лѣкарства, даже воды. Положеніе было такъ опасно, что доктора не противились желанію больной исповѣдаться и причаститься. Исполненіе христіанскаго долга благотворно подѣйствовало на Софью Николавну; она заснула, тоже въ первый разъ, и проснувшись часа черезъ два, съ радостнымъ и просвѣтленнымъ лицомъ, сказала мужу, что видѣла во снѣ образъ Иверской Божьей Матери, точно въ такомъ видѣ, въ какомъ написана она на мѣстной иконѣ, въ ихъ приходской церкви; она прибавила, что еслибъ она

могла помолиться и приложиться къ этой иконѣ, то, конечно, Матерь Божія ее-бы помиловала. Мѣстную икону принесли изъ церкви, священникъ отслужилъ молебенъ „о спасеніи и здравіи больной". При пѣніи словъ: „призри благосердіемъ, всепѣтая Богородице, на мое лютое тѣлесе озлобленіе", всѣ присутствующіе упали на колѣни, повторяя слова божественной молитвы; Алексѣй Степанычъ плакалъ навзрыдъ. Больная также плакала умиленными слезами во все время службы, приложилась къ мѣстной иконѣ и почувствовала такое облегченіе, что могла выпить воды, а потомъ стала принимать лѣкарства и пищу. Катерина Борисовна Чичагова и Катерина Алексѣвна Чепрунова не оставляли своей пріятельницы ни на минуту. Больная скоро вышла изъ опасности. Отдохнуло настрадавшееся сердце Алексѣя Степаныча. Съ новымъ усердіемъ принялись доктора за лѣченіе, которое представляло своего рода опасность, потому что медики слишкомъ любили свою паціентку: одинъ предвидѣлъ чахотку, другой сухотку, а третій боялся аневризмы. По счастью всѣ согласились въ одномъ: чтобы немедленно отправить больную въ деревню, на чистый, именно лѣсной воздухъ и на пользованіе кумысомъ. Въ началѣ іюня растительность травъ находилась еще въ полной свѣжести, и питье кобыльяго молока было еще не опоздано.

Степанъ Михайловичъ принялъ извѣстіе о смерти внучки весьма равнодушно; даже сказалъ: „вотъ есть объ чемъ убиваться, объ дѣвчонкѣ, этого добра еще будетъ!" Но когда, вслѣдъ за первымъ извѣстіемъ, было получено другое, что здоровье Софьи Николавны находится въ опасности—старикъ сильно перетревожился. Когда же пришло третье извѣщеніе, что невѣстка вышла изъ близкой опасности, но что очень больна, что доктора не могутъ ей помочь и отправляютъ ее на кумысъ, Степанъ Михайловичъ весьма прогнѣвался на докторовъ, говоря, что они людоморы, ничего не смыслятъ и поганятъ душу человѣческую бусурманскимъ питьемъ.— „Если конину есть православному человѣку запрещено, продолжалъ онъ, то какже пить молоко нечистаго животнаго? Вижу бѣду, прибавилъ онъ съ глубокимъ вздохомъ и махнулъ рукой: жива-то, можетъ быть, невѣстка останется, да захилѣетъ, и дѣтей не будетъ". Степанъ Михайловичъ сильно огорчился и надолго остался постоянно грустнымъ.

Въ двадцати-девяти верстахъ отъ Уфы по Казанскому

тракту, на юго-западъ, на большой рѣкѣ „Уза“, впадающей въ чудную рѣку „Дему“, окруженная богатымъ чернолѣсьемъ, лежала татарская деревушка „Узытамакъ“, называемая Русскими „Алкино“, по фамиліи помѣщика [1]). Въ роскошной долинѣ, въ живописномъ безпорядкѣ тѣснилась эта деревушка на подошвѣ горы Байрамъ-тау, защищавшей ее отъ сѣвера; на западъ возвышалась другая гора, Зеинъ-тау, на юго-востокъ текла рѣчка Уза, покрытая мелкимъ лѣсомъ [2]); цвѣтущія поляны дышали благовоніемъ травъ и цвѣтовъ, а лѣса изъ дуба, липы, ильмы, клену и всякихъ другихъ породъ чернолѣсья, разрѣжая воздухъ, сообщали ему живительную силу. Въ этотъ-то прелестный уголокъ повезъ Алексѣй Степанычъ слабую, желтую, худую, однимъ словомъ сказать, тѣнь прежней Софьи Николавны; съ ними поѣхалъ другъ-докторъ Авенаріусъ. Съ трудомъ довезли больную до мѣста. Гостепріимный хозяинъ и помѣщикъ этой деревни принялъ ихъ съ радушіемъ; онъ имѣлъ порядочный домъ съ флигелями; Софья Николавна не захотѣла помѣститься въ домѣ, и для нея очистили флигель. Семейство хозяина было слишкомъ любезно и внимательно къ ней, такъ что докторъ принужденъ былъ отдалить на время этихъ добрыхъ людей, которые хотя были мусульмане по вѣрѣ, но говорили довольно хорошо по-русски. Одежда и образъ жизни ихъ представляли

---

[1]) Деревня Узытамакъ состояла, по восьмой ревизіи, изъ девяноставосьми ревизскихъ душъ мужского пола крѣпостныхъ крестьянъ, принадлежащихъ потомку прежнихъ владѣльцевъ, помѣщику г-ну Алкину: она носитъ прежнее имя, но выстроена уже правильною улицею, на прежнемъ мѣстѣ.

[2]) „Тау“, значитъ гора, „Байрамъ“—праздникъ. Это имя, какъ говоритъ преданіе, дано горѣ потому, что на ней, будто-бы, Башкирцы совершали торжественное молебствіе послѣ „Уразы“, то-есть поста. „Зеинъ-Тау“—значитъ гора собранія: „Зеиномъ“ называется пиръ или собраніе народа для борьбы, бѣганья и конской скачки. Гора эта получила названіе „Зеина“ со времени пріобрѣтенія отъ Башкирцевъ земли, лежащей по рѣчкѣ Узѣ, помѣщикомъ Алкинымъ, что случилось именно въ 1791-мъ году. Г-нъ Алкинъ, послѣ заключенія условія съ Башкирцами, далъ для нихъ на этой горѣ пиръ съ разными увеселеніями. „Тамакъ“ значитъ устье, а потому и деревня на устьѣ Узы, при впаденіи ея въ Дему, называется „Узы-Тамакъ“. Имена же рѣчки „Узы“, а равно и рѣчки „Куркуль-Даукъ“, которое сейчасъ встрѣтится, значенія не имѣютъ.

Я говорю все это, основываясь на самыхъ точныхъ новыхъ свѣдѣніяхъ, благосклонно доставленныхъ мнѣ Е. П. Б-мъ и полученныхъ имъ отъ теперешняго владѣльца деревни Узы-тамакъ, г-на Алкина. Я видѣлъ самъ прекрасную мѣстность этой деревни: но этому прошло уже такъ много лѣтъ, что я не могъ бы вѣрно описать ее безъ пособія свѣдѣній, доставленныхъ мнѣ обязательными людьми.

тогда пеструю смѣсь татарскихъ и русскихъ нравовъ; но кумысъ былъ у нихъ обычнымъ питьемъ отъ утра до вечера. Для Софьи Николавны приготовляли этотъ благодатный напитокъ уже цивилизованнымъ способомъ, т.-е. кобылье молоко заквашивали не въ турсукѣ, а въ чистой, новой, липовой кадушечкѣ. Хозяева утверждали, что такой кумысъ менѣе вкусенъ и менѣе полезенъ; но больная чувствовала непреодолимое отвращеніе отъ мѣшка изъ сырой лошадиной кожи, и цѣлебное питье готовилось для нея самымъ опрятнымъ образомъ. Докторъ устроилъ курсъ лѣченія и уѣхалъ въ Уфу; Алексѣй же Степанычъ, съ Парашей и Аннушкой, оставались безотлучно при больной. Воздухъ, кумысъ, сначала въ маломъ количествѣ, ежедневныя прогулки въ каретѣ вмѣстѣ съ Алексѣемъ Степанычемъ въ чудные лѣса, окружавшіе деревню, куда возилъ ихъ Ефремъ, сдѣлавшійся любимцемъ Софьи Николавны и исправлявшій на это время должность кучера,—лѣса, гдѣ лежала больная цѣлые часы, въ прохладной тѣни, на кожаномъ тюфякѣ и подушкахъ, вдыхая въ себя ароматный воздухъ, слушая иногда чтеніе какой-нибудь забавной книги и нерѣдко засыпая укрѣпляющимъ сномъ,—все вмѣстѣ благотворно подѣйствовало на здоровье Софьи Николавны, и черезъ двѣ, три недѣли она встала и могла прохаживаться сама. Докторъ опять пріѣхалъ, порадовался дѣйствію кумыса, усилилъ его употребленіе, а какъ больная не могла выносить его въ большихъ пріемахъ, то Авенаріусъ счелъ необходимымъ предписать сильное тѣлодвиженіе, то-есть верховую ѣзду. Дѣло тогда неслыханное и дикое въ дворянскомъ быту, которое не нравилось Алексѣю Степанычу и которое Софья Николавна также находила неприличнымъ. Напрасно хозяйскія дочери подавали поучительный примѣръ, пробѣгая на башкирскихъ иноходцахъ цѣлые десятки верстъ по окрестностямъ,—Софья Николавна долго противилась всѣмъ убѣжденіямъ, и въ томъ числѣ просьбамъ мужа, котораго докторъ положительно и скоро увѣрилъ въ необходимости верховой ѣзды. Пріѣхали Чичаговы въ гости къ Багровымъ въ Алкино, и наконецъ, кое-какъ, общими силами, побѣдили упрямство Софьи Николавны; самою сильною побудительною причиною къ согласію былъ примѣръ Катерины Борисовны Чичаговой, которая, какъ истинный другъ, пожертвовала собственнымъ предубѣжденіемъ и стала ѣздить верхомъ, сначала одна, а потомъ вмѣстѣ съ

больною. При сильномъ тѣлодвиженіи, была предписана и другая пища, а именно: жирное баранье мясо, отъ котораго Софья Николавна также имѣла отвращеніе. Вѣроятно докторъ Авенаріусъ, въ назначеніи діэты, руководствовался пищеупотребленіемъ Башкиръ и кочующихъ лѣтомъ Татаръ, которые во время питья кумыса почти ничего не ѣдятъ, кромѣ жирной баранины, даже хлѣба не употребляютъ, ѣздятъ верхомъ съ утра до вечера по своимъ раздольнымъ степямъ, ѣздятъ до тѣхъ поръ, пока зеленый ковыль, состарѣвшись, не посѣдѣетъ и не покроется шелковистымъ серебрянымъ пухомъ. Лѣченье пошло отлично хорошо, прогулки производились цѣлымъ обществомъ вмѣстѣ съ дочерьми и сыновьями хозяина. Нерѣдко заѣзжали на поташный заводъ, находившійся въ двухъ верстахъ отъ Алкина, въ глубинѣ лѣса, на берегу прекрасной рѣчки „Куркулъ-даукъ" [1]). Съ любопытствомъ смотрѣла Софья Николавна, какъ кипѣли чугунные котлы съ золою, какъ въ деревянныхъ чанахъ садился *щадрикъ*, какъ въ калильныхъ печахъ очищался онъ огнемъ и превращался въ бѣлые ноздреватые куски растительной соли, называемой поташомъ. Она любовалась живостью, съ которою производилась работа, и проворствомъ Татаръ, которые въ своихъ тюбетейкахъ и длинныхъ рубахахъ, не мѣшавшихъ ихъ тѣлодвиженіямъ, представляли для нея странное зрѣлище. Вообще хозяева были такъ любезны, что забавляли свою гостью пѣснями, плясками, конными скачками (зеинами) и борьбою своихъ мусульманскихъ подданныхъ.

Во всѣхъ этихъ прогулкахъ и увеселеніяхъ сначала постоянно участвовалъ Алексѣй Степанычъ; но успокоенный состояніемъ здоровья своей больной, видя ее окруженною обществомъ и общимъ вниманіемъ, онъ началъ понемногу пользоваться свободными часами: деревенская жизнь, воздухъ, чудная природа разбудили въ немъ прежнія его охоты; онъ устроилъ себѣ удочки, и въ прозрачныхъ родниковыхъ рѣчкахъ, которыхъ было довольно около Алкина, принялся удить осторожную пеструшку и кутему; даже хаживалъ иногда съ

[1]) Этотъ заводъ уничтоженъ въ 1848 году; въ 1791-мъ только что начиналась въ Уфимскомъ краѣ выварка поташа, истребившая впослѣдствіи множество лучшихъ породъ чернолѣсья: липы, ильмы, вяза и клена. Изобиліе этихъ породъ было такъ велико, что сначала только ихъ и употребляли на поташъ, потому что зола ихъ несравненно выгоднѣе другихъ. Продажа поташа представляла тогда огромныя выгоды сравнительно съ прочими отраслями доходовъ.

сѣткою за перепелами, ловить которыхъ Ѳедоръ Михеевъ, молодой мужъ Параши, былъ большой мастеръ и умѣлъ дѣлать перепелиныя дудки. Эта охота находится въ презрѣніи у охотниковъ до другого рода охотъ; но право не знаю, за что ее такъ презираютъ? Лежать въ душистыхъ полевыхъ лугахъ, развѣсивъ передъ собою сѣтку по верхушкамъ высокой травы, слышать вблизи и вдали звонкій бой перепеловъ, искусно подражать на дудочкѣ тихому мелодическому голосу перепелки, замѣчать, какъ на него откликаются задорные перепела, какъ бѣгутъ и даже летятъ они со всѣхъ сторонъ къ человѣку, наблюдать разныя ихъ горячія выходки и забавныя продѣлки, наконецъ, самому горячиться отъ удачной или неудачной ловли,—признаюсь, все это въ свое время было очень весело и даже теперь вспоминается не равнодушно... Софьѣ Николавнѣ растолковать этого веселья было невозможно.—Слава Богу, черезъ два мѣсяца она поздоровѣла, пополнѣла, и яркій румянецъ заигралъ на ея щекахъ.

Авенаріусъ пріѣхалъ въ третій разъ и былъ вполнѣ утѣшенъ состояніемъ здоровья Софьи Николавны. Онъ имѣлъ полное право торжествовать и радоваться: онъ первый предложилъ питье кумыса и управлялъ ходомъ лѣченія. Онъ и прежде очень любилъ свою паціентку, а теперь, такъ счастливо возвратя ей здоровье, привязался къ ней, какъ къ дочери.

Каждую недѣлю доносилъ Алексѣй Степанычъ о состояніи здоровья жены своей Степану Михайловичу. Онъ радовался, что невѣстка его поправляется; но, разумѣется, не вѣрилъ цѣлебной силѣ кумыса и очень сердился за верховую ѣзду, о которой имѣли неосторожность написать къ нему. Домашніе воспользовались удобнымъ случаемъ и нѣсколькими ѣдкими словцами, мимоходомъ, но впопадъ сказанными, такъ усилили досаду старика, что онъ написалъ грубоватое письмо къ сыну, которое огорчило Софью Николавну. Когда же Степанъ Михайловичъ удостовѣрился, что невѣстка его совершенно выздоровѣла и даже пополнѣла, сладкія надежды зашевелились у него въ головѣ, и примирился онъ отчасти съ кумысомъ и верховою ѣздой.

Къ осени воротились молодые Багровы въ Уфу. Старикъ Зубинъ былъ уже очень плохъ, и чудесное возстановленіе здоровья дочери не произвело на него никакого впечатлѣнія. Все было кончено для него на землѣ, всѣ связи расторгну-

ты, всѣ жизненныя нити оборваны, и едва только держалась душа въ разрушенномъ тѣлѣ.

Дальнѣйшій ходъ внутренней жизни молодыхъ Багровыхъ былъ какъ будто пріостановленъ разными обстоятельствами: сначала рожденіемъ дочери и страстною, безумною любовью къ ней матери; потомъ смертью малютки, отъ которой едва не помѣшалась мать, едва не умерла, и наконецъ—продолжительнымъ лѣченіемъ и житьемъ въ татарской деревнѣ. Въ мятежное время душевныхъ мукъ и тѣлесныхъ страданій, Софья Николавна постоянно видѣла искреннюю любовь и самоотверженіе со стороны Алексѣя Степаныча. Столкновеній, случающихся безпрестанно въ обыкновенномъ порядкѣ жизни между неравными природами, тогда не было, а если и были поводы къ нимъ, то они не могли быть замѣчены. При обращеніи крупной монеты, мелочь не видна. Въ обстоятельствахъ исключительныхъ, въ событіяхъ важныхъ, идетъ одна крупная монета, а ежедневные расходы жизни спокойной, по большей части, уплачиваются мелочью. Алексѣй Степанычъ былъ не бѣденъ крупною монетой, а въ мелочи часто встрѣчался у него недостатокъ. Когда человѣкъ при видѣ нравственнаго страданія или опасности, угрожающей здоровью и жизни любимаго существа, страдаетъ самъ всѣми силами своей души, забывая сонъ, покой и пищу, забывая всего себя; когда напрягаются нервы, возвышается духовная природа—тогда нѣтъ мѣста требованіямъ и нѣтъ мѣста мелочнымъ вниманіямъ, заботамъ и угожденіямъ. Проходитъ пора потрясающихъ событій, все успокоивается, опускаются нервы, мельчаетъ духъ; кровь и тѣло, вещественная жизнь, съ ея пошлостью, вступаютъ въ права свои, привычки возвращаютъ утраченную власть, и наступаетъ пора тѣхъ самыхъ требованій, о которыхъ мы сейчасъ говорили, пора вниманій, угожденій, предупрежденій и всякихъ мелочныхъ бездѣлокъ, изъ которыхъ соткана дѣйствительная, обыкновенная жизнь. Когда-то еще придетъ время трудныхъ опытовъ, надобности въ самоотверженіи и жертвахъ, а между тѣмъ жизнь постояно бѣжитъ по колеѣ своей, и мелочи составляютъ ея спокойствіе, украшеніе, услажденіе, однимъ словомъ, то, что мы называемъ счастьемъ. По такимъ-то причинамъ, когда Софья Николавна стала поправляться, а Алексѣй Степанычъ пересталъ тревожиться за ея жизнь и здоровье, мало-по-малу начали вновь появляться, съ одной

стороны, прежняя требовательность, а съ другой стороны, прежняя неспособность—удовлетворять тонкости требованій. Тихія объясненія и упреки стали надоѣдать мужу, а горячихъ вспышекъ сталъ онъ бояться; страхъ сейчасъ исключилъ полную искренность, а потеря искренности въ супружествѣ, особенно въ лицѣ второстепенномъ, всегда нѣсколько зависящемъ отъ главнаго лица, ведетъ прямою дорогою къ нарушенію семейнаго счастія. Съ возвращеніемъ въ Уфу, къ обыденной, праздной, городской жизни, вѣроятно все бы это усилилось; но тяжкое страдальческое положеніе, уже дѣйствительно умирающаго, отца поглотило всѣ тревоги, наполнило собою умъ и чувство Софьи Николавны, и она предалась вся безраздѣльно, согласно закону своей нравственной природы, чувству дочерней любви. Ходъ, раскрытіе всѣхъ сторонъ домашней жизни опять пріостановились. Софья Николавна проводила дни и ночи въ домѣ отца. Калмыкъ продолжалъ съ большимъ усердіемъ, съ напряженнымъ вниманіемъ и съ изумительною неутомимостью ходить за больнымъ господиномъ. Онъ продолжалъ также избѣгать присутствія его дочери, хотя имѣлъ право и возможность безнаказанно появляться ей на глаза. Софья Николавна была тронута такимъ поведеніемъ. Она сама призвала къ себѣ Калмыка, примирилась съ нимъ и позволила ему ходить вмѣстѣ съ нею за умирающимъ. Николай Ѳедоровичъ, несмотря на видимое безчувствіе и равнодушіе ко всему окружающему, замѣтилъ эту перемѣну, слабо пожалъ руку дочери и тихимъ шопотомъ, который едва можно было разслушать, сказалъ ей: „Благодарю тебя“. Софья Николавна безвыходно оставалась при отцѣ.

Я сказалъ, что сладкія надежды зашевелились въ головѣ Степана Михайловича при полученіи добрыхъ извѣстій о возстановленіи здоровья невѣстки. Онѣ зашевелились не даромъ: въ скоромъ времени Софья Николавна сама увѣдомила свекра, что надѣется на милость Божію—на рожденіе ему внука, во утѣшеніе его старости. Въ первую минуту Степанъ Михайловичъ чрезвычайно обрадовался, но скоро овладѣлъ собою, скрылъ свою радость отъ семьи. Можетъ быть, ему пришло на умъ, что пожалуй и опять родится дочь, опять залюбитъ и залѣчитъ ее, вмѣстѣ съ докторами, до смерти Софья Николавна, и опять пойдетъ хворать; а можетъ быть, что Степанъ Михайловичъ, по примѣру многихъ людей, которые

нарочно пророчатъ себѣ неудачу, надѣясь втайнѣ, что судьба именно сдѣлаетъ вопреки ихъ пророчеству, притворился нисколько необрадованнымъ и холодно сказалъ: „нѣтъ, братъ, не надуешь! тогда повѣрю и порадуюсь, когда дѣло въ очью совершится". Подивились домашніе такимъ словамъ и ничего на нихъ не отвѣчали. Въ самомъ же дѣлѣ старикъ, не знаю почему, во глубинѣ души своей опять предался увѣренности, что у него родится внукъ, опять приказалъ отцу Василію отслужить молебенъ о здравіи плодоносящей рабы Софіи; опять вытащилъ, сосланную съ глазъ долой, спрятанную родословную и положилъ ее поближе къ себѣ.

Между тѣмъ тихо наступилъ послѣдній часъ для Николая Өедоровича. Послѣ многолѣтнихъ, мучительныхъ страданій, прекращеніе жизни столь бѣдной, столь жалкой, какъ-то неестественно задержанной такъ долго въ тѣлѣ, уже совершенно разслабенномъ и недвижимомъ, не могло никого возмущать. Сама Софья Николавна молилась только о томъ, чтобъ мирно, спокойно отлетѣла душа ея отца... и мирно, даже радостно отлетѣла она. Въ минуту кончины лицо умирающаго просвѣтлѣло, и долго сохранилось это просвѣтленіе во всѣхъ его чертахъ, не смотря на сомкнутые глаза уже охладѣвшаго трупа. Похороны были великолѣпны и торжественны. Старика Зубина нѣкогда очень любили; любовь эта забывалась понемногу, состраданіе къ его несчастному положенію ослабѣвало съ каждымъ днемъ; но когда вѣсть о смерти Николая Өедоровича облетѣла городъ, всѣ точно вспомнили и вновь почувствовали и любовь къ нему, и жалость къ его страдальческому состоянію. Опустѣли дома, и все народонаселеніе Уфы, въ день похоронъ, составило одну тѣсную улицу отъ Успенія Божіей Матери до кладбища. Миръ твоему праху, добрый человѣкъ, добрый и слабый, какъ человѣкъ!

Послѣ кончины Николая Өедоровича, учредили двѣ опеки надъ дѣтьми его отъ двухъ браковъ. Алексѣя Степаныча назначили опекуномъ братьевъ Софьи Николавны, отъ одной съ ней матери, которые, не кончивъ курса ученія въ Московскомъ Благородномъ пансіонѣ, были вытребованы въ Петербургъ для поступленія въ гвардію. Я забылъ сказать, что по ходатайству умиравшаго старика Зубина, незадолго до его смерти, Алексѣя Степаныча опредѣлили прокуроромъ Нижняго Земскаго Суда.

Долго плакала и молилась Софья Николавна; плакалъ и молился съ ней и Алексѣй Степанычъ; но это были тихія слезы и тихая молитва, которыя не разстроивали только-что возстановившагося здоровья Софьи Николавны. Просьбы мужа, совѣты друзей, увѣщанія докторовъ, особенно Авенаріуса, разумно принимались ею, и она стала беречь себя и съ должнымъ вниманіемъ смотрѣть на свое положеніе. Ей убѣдительно доказывали, что здоровье и самая жизнь будущаго ея дитяти зависятъ отъ состоянія ея здоровья и духа въ настоящемъ ея положеніи. Горькій опытъ подтверждалъ убѣжденія друзей и врачей, и молодая женщина съ твердостію покорилась всему, чего отъ нея требовали. Получивъ письмо отъ свекра, въ которомъ онъ простыми словами высказывалъ искреннее сочувствіе къ горести невѣстки и опасеніе, чтобы она опять не разстроила собственнаго своего здоровья, — Софья Николавна отвѣчала старику самымъ успокоительнымъ образомъ; и точно она обратила полное вниманіе на сохраніе спокойствія своего духа и здоровья своего тѣла. Жизнь была расположена правильно и разнообразно. Авенаріусъ и Клоусъ, который началъ очень сближаться съ домомъ Багровыхъ, назначили Софьѣ Николавнѣ ежедневныя прогулки передъ обѣдомъ, не только въ экипажахъ, но и пѣшкомъ; ежедневно или собирались къ Софьѣ Николавнѣ и къ Алексѣю Степанычу нѣсколько человѣкъ безцеремонныхъ и пріятныхъ гостей, или сами Багровы отправлялись въ гости къ кому-нибудь, по большей части къ Чичаговымъ. Братья Катерины Борисовны Чичаговой были очень дружны съ молодыми хозяевами, особенно меньшой, Д. Б. Мертваго; онъ заранѣе напросился къ нимъ въ кумовья. Оба брата часто бывали въ Голубиной Слободкѣ и пріятно проводили время у Багровыхъ: это были люди благородные и образованные, по тогдашнему времени. Чтеніе книгъ было однимъ изъ главныхъ удовольствій у Багровыхъ; но какъ нельзя было безпрестанно читать или слушать чтеніе, то выучили Софью Николавну играть въ карты; преподаваніемъ этой науки преимущественно занимался Клоусъ, и когда только Багровы проводили вечеръ дома, то онъ непремѣнно составлялъ ихъ партію. Авенаріусъ не могъ участвовать въ этомъ занятіи, потому что во всю свою жизнь не умѣлъ различить пятерки отъ туза.

Наступила ранняя и въ то же время роскошная весна;

взломала и пронесла свои льды и разлила свои воды, верстъ на семь въ ширину, рѣка Бѣлая. Весь разливъ виденъ былъ какъ на ладонкѣ изъ оконъ домика Голубиной Слободки; разцвѣлъ плодовитый садъ у Багровыхъ, и запахъ черемухъ и яблонь наполнилъ воздухъ благовоніемъ; садъ сдѣлался гостиной хозяевъ, и благодатное тепло еще болѣе укрѣпило силы Софьи Николавны.

Въ это время случилось въ Уфѣ происшествіе, которое сильно заняло умы ея обитателей, и особенно молодыхъ Багровыхъ, потому что герой происшествія былъ имъ очень знакомый человѣкъ и даже, какъ мнѣ помнится, дальній родственникъ Алексѣю Степанычу. Софья Николавна, по живости своей, приняла самое горячее участіе въ этомъ романическомъ событіи. Молодой человѣкъ, одинъ изъ первыхъ и богатыхъ дворянъ Уфимскаго или Оренбургскаго края, Н. П. Тимашевъ, влюбился въ прекрасную татарку Тевкелеву, дочь богатаго татарскаго дворянина. Это семейство, точно такъ же какъ и семейство Алкиныхъ, уже приняло тогда нѣкоторую внѣшнюю образованность въ образѣ жизни и говорило хорошо по-русски, но строго соблюдало во всей чистотѣ мусульманскую вѣру. Прекрасная татарка Сальмé въ свою очередь влюбилась въ красиваго русскаго офицера, служившаго капитаномъ въ полку, который стоялъ въ окрестностяхъ Уфы. Ожидать добровольнаго согласія родителей и взрослыхъ братьевъ на законный бракъ—не было никакой надежды, потому что невѣстѣ надобно было сдѣлаться христіанкой. Долго боролась Сальмé съ своею любовью, которая жарче горитъ въ сердцахъ азіатскихъ женщинъ. Наконецъ, какъ это всегда бываетъ, Магометъ былъ побѣжденъ, и Сальмè рѣшилась бѣжать съ своимъ возлюбленнымъ капитаномъ, окреститься и потомъ обвѣнчаться. Командиръ полка, въ которомъ служилъ Тимашевъ, добрѣйшій и любезнѣйшій изъ людей, любимый всѣми безъ исключенія, генералъ-майоръ Мансуровъ, прославившійся потомъ съ Суворовымъ на Альпійскихъ горахъ, при переправѣ черезъ „Чортовъ мостъ", самъ недавно женившійся по любви, зналъ приключенія своего капитана, сочувствовалъ имъ и принялъ влюбленныхъ подъ свое покровительство. Въ одну сумрачную и дождливую ночь Сальмé ушла изъ родительскаго дома; въ ближней рощѣ дожидался ее Тимашевъ съ верховыми лошадьми; надобно было проскакать около ста верстъ до Уфы. Сальмé

была искусная наѣздница; черезъ каждыя десять или пятнадцать верстъ стояли, заранѣе приготовленные, перемѣнные кони, охраняемые солдатами, очень любившими своего добраго капитана, и бѣглецы полетѣли „на крыльяхъ любви“, какъ непремѣнно сказалъ бы поэтъ того времени. Между тѣмъ въ домѣ Тевкелевыхъ, гдѣ давно подозрѣвали Сальмѐ въ склонности къ Тимашеву и строго за ней присматривали, отсутстіе ея было скоро замѣчено. Въ одну минуту собралась толпа вооруженныхъ Татаръ и, пылая гнѣвомъ, подъ предводительствомъ раздраженнаго отца [1]) и братьевъ, понеслась въ погоню съ воплями и угрозами мести; дорогу угадали, и, конечно, не уйти бы нашимъ бѣглецамъ, или по крайней мѣрѣ не обошлось бы безъ кровавой схватки,—потому что солдатъ и офицеровъ, принимавшихъ горячее участіе въ дѣлѣ, по дорогѣ было разставлено много,—еслибъ позади бѣгущихъ не догадались разломать мостъ черезъ глубокую лѣсную, неприступную, рѣку, затруднительная переправа черезъ которую вплавь задержала преслѣдователей часа на два, но со всѣмъ тѣмъ, косная лодка, на которой переправлялся молодой Тимашевъ съ своею Сальмѐ черезъ рѣку Бѣлую, подъ самою Уфою,—не достигла еще средины рѣки, какъ прискакалъ къ берегу старикъ Тевкелевъ съ сыновьями и съ одною половиною вѣрной своей дружины, потому что другая половина передушила на дорогѣ лошадей. На берегу, какъ будто случайно, явилась цѣлая рота солдатъ, приготовлявшаяся къ перевозу и занявшая всѣ паромы и завозни. Несчастный отецъ заскрежеталъ зубами, проклялъ дочь и воротился домой. Полумертвую отъ страха и усталости, Сальмѐ посадили въ карету и привезли въ домъ къ матери Тимашева. Дѣло приняло характеръ законный и оффиціальный: явилась магометанка, добровольно желающая принять христіанскую вѣру; начальство города взяло ее подъ свою защиту, увѣдомило муфтія, жившаго въ Уфѣ и всѣми называемаго „татарскимъ архіереемъ“, обо всемъ происшедшемъ и требовало отъ него, чтобъ онъ воспретилъ семейству Тевкелевыхъ и вообще всѣмъ магометанамъ прибѣгать къ какимъ-нибудь насильственнымъ и враждебнымъ покушеніямъ для освобожденія дѣвицы Сальмѐ, *добровольно* принима-

[1]) Другой варіантъ этого преданія говоритъ, что мать съ сыновьями преслѣдовала убѣжавшую дочь.

ющей христіанскую вѣру. Въ нѣсколько дней духовенство приготовило новообращенную къ принятію таинства крещенія и мѵропомазанія. Обрядъ былъ совершенъ великолѣпно и торжественно въ городскомъ соборѣ; Сальмѐ назвали Серафимой, по имени крестнаго отца Ивановной, и вслѣдъ за тѣмъ, не выходя изъ церкви, обвѣнчали молодыхъ влюбленныхъ. Весь городъ принималъ участіе въ этомъ событіи. Разумѣется, вся молодежь и всѣ мужчины были за прекрасную Сальмѐ; но за то женщины строго осуждали ее, можетъ быть иныя и не безкорыстно. Весьма немного нашлось такихъ, которыя искренно и дружелюбно протянули руку юной христіанкѣ, вступившей, по положенію своего мужа, въ высшій кругъ уфимскаго общества. Софья Николавна съ Алексѣемъ Степанычемъ были въ числѣ людей самыхъ близкихъ и горячо сочувствующихъ молодымъ новобрачнымъ. При дѣятельномъ пособіи, также молодой и любезной, генеральши А. Н. Мансуровой (урожденной Булгаковой), друзья Тимашевыхъ скоро помогли имъ стать твердою ногою на новомъ для нихъ пути общественной городской жизни. Приняли дѣятельныя мѣры къ приличному образованію молодой капитанши, и при помощи природныхъ ея способностей и живости ума, въ непродолжительное время, она сдѣлалась свѣтскою, интересною дамою, возбуждавшею невольное участіе и невольную зависть, чему, конечно, много содѣйствовала ея красота и необыкновенность положенія. Софья Николавна навсегда осталась искреннею пріятельницею Серафимы Ивановны Тимашевой, которая къ общему сожалѣнію жила недолго: черезъ три года она умерла чахоткой, оставя двухъ сыновей и сокрушеннаго горестью мужа. Тимашевъ едва не сошелъ съ ума, бросилъ службу, посвятилъ себя дѣтямъ и навсегда остался вдовцомъ. Носились слухи, за вѣрность которыхъ никакъ нельзя ручаться, что причиною болѣзни и смерти молодой женщины была тайная тоска о покинутомъ семействѣ и раскаяніе въ измѣнѣ своей природной вѣрѣ.

Между тѣмъ время быстро шло, не останавливаясь никакими событіями. Наступила пора, когда Софьѣ Николавнѣ не позволяли уже выѣзжать въ гости, не позволяли даже прогуливаться въ экипажѣ за городомъ. Въ хорошую погоду она прохаживалась по саду, раза два въ день по получасу; въ дурное время то же дѣлала въ комнатахъ, растворивъ всѣ двери своего небольшого домика. Вѣроятно все это за-

творничество, точность и принужденіе были нетолько безполезны, но скорѣе вредны, хотя очевидность противорѣчила моему мнѣнію: Софья Николавна была совершенно здорова. Алексѣй Степанычъ находился въ необходимости соглашаться на такую строгую докторскую опеку, потому что получалъ частыя приказанія отъ своего отца беречь жену паче зеницы своего ока; притомъ друзья ея, Чичаговы и Мертваго, а всего болѣе доктора, любившіе ее искренно и даже съ увлеченіемъ, такъ наблюдали за Софьей Николавной, что она не могла шагу ступить, не могла ничего ни спить, ни съѣсть безъ ихъ позволенія. По какимъ-то служебнымъ дѣламъ Авенаріусъ долженъ былъ отлучиться, и Клоусъ, который также служилъ въ Уфѣ городовымъ акушеромъ, получилъ подъ непосредственное свое наблюденіе здоровье Софьи Николавны. Клоусъ былъ предобрѣйшій, умный, образованный и въ то же время по наружности пресмѣшной нѣмецъ. Будучи еще не старымъ человѣкомъ, онъ носилъ совершенно желтый парикъ. Всѣ дивились, откуда онъ доставалъ такого цвѣта человѣческіе волосы, какихъ ни у кого на головѣ не бываетъ; брови и бѣлки маленькихъ карихъ глазъ были тоже желтоваты, небольшое же круглое лицо красно, какъ уголь [1]). Въ дружескомъ своемъ обращеніи онъ былъ большой оригиналъ; очень любилъ цѣловать ручки у знакомыхъ дамъ, но никогда не позволялъ цѣловать себя въ щеку, доказывая, что со стороны мужчинъ это большая неучтивость. Онъ также очень любилъ маленькихъ дѣтей; выраженіе этой любви состояло въ томъ, что онъ сажалъ къ себѣ на колѣни любимое дитя, клалъ его ручку на ладонь своей лѣвой руки, а правою гладилъ ручку ребенка цѣлые часы. Самымъ сильнымъ выраженіемъ его дружескаго расположенія было слово *варваръ* или *варварка,* и потому Софья Николавна, которой онъ былъ преданъ душевно, безпрестанно называлась варваркой. Сдѣлавшись короткимъ другомъ въ домѣ Багровыхъ, Клоусъ зналъ всѣ подробности о Степанѣ Михайловичѣ, зналъ его горячее желаніе имѣть внука, зналъ его нетерпѣливое ожиданіе. Клоусъ хорошо писалъ по-русски, и четкимъ

---

[1]) Андрей Михайловичъ Клоусъ, въ томъ же 1791 году, переѣхалъ въ Москву и поступилъ въ Воспитательный Домъ преподавателемъ повивальнаго искусства. Онъ добросовѣстно исправлялъ эту должность тридцать лѣтъ и скончался въ 1821 году. Желтый парикъ остался неизмѣнною его принадлежностью. Овъ былъ страстный и многимъ извѣстный нумизматъ.

почеркомъ написалъ для старика свое предположеніе, за вѣрность котораго ручался, что у Софьи Николавны между 15 и 22 сентября родится сынъ. Предсказаніе послали къ Степану Михайловичу, который хотя и сказалъ: „вретъ нѣмецъ!“ но втайнѣ ему повѣрилъ; радостное и тревожное ожиданіе выражалось на его лицѣ и слышалось во всѣхъ его рѣчахъ. Въ это время, извѣстная намъ Афросинья Андревна, отъ которой онъ менѣе скрывалъ свое безпокойство, состоявшее существенно въ томъ, что невѣстка опять родитъ дочь, разсказала какъ-то ему, что, проѣзжая черезъ Москву, ѣздила она молиться Богу къ Троицѣ, къ великому угоднику Сергію, и слышала тамъ, что какая-то одна знатная госпожа, у которой все родились дочери, дала обѣщаніе назвать перваго своего ребенка, если онъ будетъ мальчикъ, Сергіемъ, и что точно, черезъ годъ, у нея родился сынъ Сергій. Степанъ Михайловичъ промолчалъ; но на первой же почтѣ собственноручно написалъ къ своему сыну и невѣсткѣ, чтобъ они отслужили молебенъ Сергію, Радонежскому чудотворцу, и дали обѣтъ, если родится у нихъ сынъ, назвать его Сергіемъ; въ объясненіе же таковой своей воли прибавилъ: „потому что въ домѣ Багровыхъ Сергѣя еще не было“. Приказаніе исполнили въ точности. Софья Николавна неусыпно занималась приготовленіемъ всего, что только можетъ придумать заботливая мать для будущаго своего дитяти; но всего важнѣе было то, что нашлась для него чудесная кормилица въ одной изъ деревушекъ покойнаго ея отца, въ Касимовкѣ. Крестьянка Мароа Васильевна соединяла въ себѣ всѣ качества для этой должности, какихъ только можно было желать; сверхъ того, она охотою шла въ кормилицы и заранѣе переѣхала въ Уфу съ груднымъ своимъ ребенкомъ.

Дѣло приближалось къ развязкѣ. Уже и ходить Софьѣ Николавнѣ запрещали. Катерина Борисовна Чичагова сдѣлалась нездорова и не выѣзжала изъ дома, а другихъ никого уже Багровы не принимали. Катерина Алексѣвна Чепрунова гостила почти безвыходно у своей родственницы и только отлучалась для свиданія съ своимъ ненаглядным Андрюшей. Клоусъ являлся каждый разъ поутру, позавтракать, и каждый день въ шесть часовъ вечера пріѣзжалъ пить чай съ ромомъ и играть въ карты съ хозяевами, а какъ игра была почти безденежная, то разсчетливый нѣмецъ доставалъ гдѣ-то игранныя карты и привозилъ съ собою. Иногда карты

смѣнялись чтеніемъ, при которомъ присутствовалъ и Клоусъ. Читалъ всегда Алексѣй Степанычъ, получившій въ этомъ дѣлѣ навыкъ и нѣкоторое умѣнье. Иногда случалось, что нѣмецъ привозилъ нѣмецкую книгу и переводилъ ее словесно; слушали съ удовольствіемъ, особенно Софья Николавна, потому что она желала имѣть хотя нѣкоторое понятіе о нѣмецкой литературѣ.

Испытавъ всю безграничность, все увлеченіе, все могущество материнской любви, съ которою, конечно, никакое другое чувство равняться не можетъ, Софья Николавна сама смотрѣла на свое настоящее положеніе съ уваженіемъ: она приняла за святой долгъ, сохраненіемъ душевнаго спокойствія, сохранить здоровье носимаго ею младенца и упрочить тѣмъ его существованіе,—существованіе, въ которомъ заключились всѣ ея надежды, вся будущность, вся жизнь. Мы уже довольно знаемъ Софью Николавну, знаемъ, какъ она способна увлекаться, и потому не будемъ удивлены, узнавъ, что она вся предалась чувству матери, любви еще къ неродившемуся ребенку. Всѣ дни и часы дней и ночей были посвящены сбереженью себя во всѣхъ отношеніяхъ. Такъ устремился ея умъ, ея страстное вниманіе на одинъ этотъ предметъ, что она ничего другого не замѣчала и была, повидимому, совершенно довольна Алексѣемъ Степанычемъ, хотя вѣроятно встрѣчались случаи быть недовольной. Алексѣй Степанычъ, чѣмъ болѣе узнавалъ жену свою, тѣмъ съ большимъ изумленіемъ смотрѣлъ на нее. Онъ былъ человѣкъ всего менѣе способный цѣнить восторгъ и сочувствовать восторгу, отъ чего бы онъ ни происходилъ. Восторженность любви въ Софьѣ Николавнѣ его пугала; онъ боялся ея, какъ привыкъ бояться припадковъ бѣшенаго гнѣва въ своемъ отцѣ. Восторженность на людей тихихъ, кроткихъ и спокойныхъ всегда производитъ непріятное впечатлѣніе; они не могутъ признать естественнымъ такое состояніе духа; они считаютъ восторженныхъ людей больными на то время, людьми, на которыхъ *находитъ* иногда... Они не вѣрятъ въ прочность ихъ душевнаго спокойствія, потому что оно сейчасъ можетъ нарушиться, и чувствуютъ страхъ къ такимъ людямъ... Страхъ самое опасное чувство для любви, даже къ отцу и къ матери... Говоря вообще, внутренняя, домашняя жизнь и супружескія семейныя отношенія между молодыми Багровыми не только не подвинулись впередъ, какъ должно было

ожидать, а напротивъ, какъ будто отступили назадъ. Это странно, но такъ бываетъ иногда въ жизни.

Въ самое это время Клоусъ былъ переведенъ на службу въ Москву. Онъ уже распрощался съ своимъ начальствомъ и со всѣмъ городомъ и дожидался только благополучнаго разрѣшенія Софьи Николавны, надѣясь быть полезнымъ ей въ случаѣ надобности. Предполагая, что послѣ пятнадцатаго сентября, на другой или на третій день, онъ можетъ уѣхать, Клоусъ нанялъ себѣ лошадей именно къ этому числу. Наемныя лошади были ему нужны для того, что онъ хотѣлъ заѣхать куда-то въ сторону отъ большой дороги, къ какому-то нѣмцу-помѣщику. Пятнадцатое сентября прошло безъ ожидаемаго событія; Софья Николавна чувствовала себя лучше и бодрѣе, чѣмъ прежде, и только нелѣпыя докторскія приказанія заставляли ее сидѣть и большею частью лежать на канапе. Прошло шестнадцатое, семнадцатое и восемьнадцатое сентября, и какъ ни любилъ нѣмецъ Софью Николавну, но начиналъ очень сердиться, потому что принужденъ былъ платить нанятому извощику съ лошадьми ежедневно по рублю мѣди, что казалось тогда неслыханною дороговизною и большимъ расходомъ. Хозяева дружески подшучивали надъ нимъ и каждый вечеръ продолжали читать, слушать или играть въ карты; если другъ-нѣмецъ выигрывалъ у нихъ гривенъ шесть мѣдью, то бывалъ очень доволенъ, говоря, что сегодня не дорого заплатитъ извощику. Такъ прошло и девятнадцатое сентября. Двадцатаго пріѣхалъ поутру Клоусъ, и Софья Николавна встрѣтила его въ дверяхъ своей спальни, привѣтствуя книксенами... Нѣмецъ разсердился; „да что-жъ это ты, варварка, дѣлаешь со мной?“ говорилъ онъ, цѣлуя по обычаю протянутую ручку хозяйки, *по польску*, какъ онъ выражался. „Помилуй, Алексѣй Степанычъ, продолжалъ онъ, обращаясь къ мужу, жена твоя меня раззоритъ. Ей слѣдовало родить пятнадцатаго, а двадцатаго она книксены дѣлаетъ“. — „Ничего, Андрей Михайлычъ, отвѣчалъ, трепля его по плечу, Алексѣй Степанычъ; ты насъ сегодня въ карты обыграешь, только карты ужъ стали плохи“. Клоусъ обѣщалъ привезти новыя карты, позавтракалъ и, просидѣвъ до двухъ часовъ, уѣхалъ. Ровно въ шесть часовъ вечера пріѣхалъ добродушный нѣмецъ въ Голубиную Слободку, къ знакомому домику; не встрѣтивъ никого въ передней, въ залѣ и гостиной, онъ хотѣлъ войти въ спальню, но дверь была

заперта; онъ постучался, дверь отперла Катерина Алексѣвна; Андрей Михайловичъ вошелъ—и остановился отъ изумленія: полъ былъ устланъ коврами; окна завѣшены зелеными шелковыми гардинами; надъ двуспальною кроватью висѣлъ парадный штофный занавѣсъ, въ углу горѣла свѣчка, заставленная книгою; Софья Николавна лежала въ постели, на подушкахъ, въ парадныхъ же наволочкахъ, одѣтая въ щегольской, утренній широкій капотъ; лицо ея было свѣжо, глаза блистали удовольствіемъ. „Поздравьте меня, другъ нашъ, сказала она крѣпкимъ и звучнымъ голосомъ: я мать, у меня родился сынъ!“ Нѣмецъ, взглянувъ въ лицо Софьи Николавны, услыша ея здоровый голосъ, счелъ всю обстановку за шутку, за комедію. „Полно, варварка, проказничать со мной; я старый воробей, меня не обманешь, сказалъ онъ, смѣясь, вставай-ка, я новыя карточки привезъ“, и, подойдя къ постели и подсунувъ карты подъ подушку, онъ прибавилъ: „вотъ на зубокъ новорожденному!“—„Другъ мой, Андрей Михайловичъ, говорила Софья Николавна, ей Богу я родила: вотъ мой сынъ“... На большой пуховой подушкѣ, тоже въ щегольской наволочкѣ, подъ кисейнымъ, на розовомъ атласѣ, одѣяльцемъ, въ самомъ дѣлѣ лежалъ новорожденный, крѣпкій мальчикъ; возлѣ кровати стояла бабушка-повитушка, Алена Максимовна... Клоусъ вышелъ изъ себя, взбѣсился, отскочилъ отъ постели, какъ будто обжегся, и закричалъ: „какъ? безъ меня! я живу здѣсь недѣлю и плачу всякій день деньги, и меня не позвали!“... Красное его лицо побагровѣло, парикъ сдвинулся на сторону, вся его толстая фигура такъ была смѣшна, что родильница принялась хохотать. „Батюшка, Андрей Михайловичъ, говорила бабушка-повитушка, Богъ далъ, не успѣли и опомниться; а какъ только убрались, то хотѣли было послать, да Софья Николавна изволила сказать, что ваше здоровье сейчасъ пріѣдете“.—Опомнился искренній другъ Софьи Николавны и ея мужа. Прошла его досада; радостныя слезы выступили на глазахъ; схватилъ онъ новорожденнаго младенца своими опытными руками, началъ его осматривать у свѣчки, вертѣть и щупать, отъ чего ребенокъ громко закричалъ; сунулъ онъ ему палецъ въ ротъ, и когда новорожденный крѣпко сжалъ его и засосалъ, нѣмецъ родостно вскрикнулъ: „а варваръ! какой славный и здоровенный!“ Софья Николавна перепугалась, что такъ небрежно поступаютъ съ ея безцѣннымъ

сокровищемъ, а повивальная бабка испугалась, чтобъ новорожденнаго не сглазилъ нѣмецъ; она хотѣла было его отнять, но Клоусъ буянилъ: онъ бѣгалъ съ ребенкомъ по комнатѣ, потребовалъ корыто, губку, мыло, пеленокъ, теплой воды, засучилъ рукава, подпоясался передникомъ, сбросилъ парикъ и принялся мыть новорожденнаго, приговаривая: „а, варваренокъ, теперь не кричишь; тебѣ хорошо въ тепленькой-то водицѣ!"... Наконецъ прибѣжалъ, не помнившій себя отъ восхищенія, Алексѣй Степанычъ: онъ отправлялъ нарочнаго съ радостнымъ извѣстіемъ къ Степану Михайловичу, написалъ письмо къ старикамъ и къ сестрѣ Аксиньѣ Степановнѣ, прося ее пріѣхать какъ можно скорѣе крестить его сына. Алексѣй Степанычъ чуть не задушилъ въ своихъ объятіяхъ еще мокраго нѣмца; домашнихъ же своихъ онъ давно уже всѣхъ перецѣловалъ и со всѣми поплакалъ. Софья Николавна... но я не смѣю и подумать выразить словами ея чувства. Это было упоеніе, блаженство, которое не всѣмъ дается на землѣ и не надолго.

Рожденіе сына произвело необыкновенное веселье въ домѣ; даже сосѣди отчего-то повеселѣли. Вся прислуга Багровыхъ, опьянѣвъ сначала отъ радости, а потомъ отъ вина, пѣла и плясала на дворѣ: напились даже тѣ, которые никогда ничего не пивали; въ числѣ послѣднихъ былъ Ефремъ Евсеевъ, съ которымъ не могли сладить, потому что онъ все просился въ комнату къ барынѣ, чтобъ посмотрѣть на сынка; наконецъ жена, съ помощью Параши, плотно привязала Евсеича къ огромной скамейкѣ; но онъ и связанный продолжалъ подергивать ногами, щелкать пальцами и припѣвать, едва шевеля языкомъ: „ай люли, ай люли!"...

Андрей Михайловичъ Клоусъ, уставъ отъ трудовъ и радостнаго волненія, сѣлъ наконецъ въ кресла и съ великимъ наслажденіемъ напился чаю; а какъ въ этотъ вечеръ онъ какъ-то усерднѣе подливалъ рому, то и почувствовалъ послѣ третьей чашки, что у него зашумѣло въ головѣ. Приказавъ, чтобы новорожденному до утра не давали груди кормилицы, а поили однимъ ревеннымъ сиропомъ, онъ простился съ своими счастливыми хозяевами, поцѣловалъ ручонку новорожденнаго и поѣхалъ спать, съ тѣмъ, чтобы поранѣе навѣстить родильницу. Проходя черезъ дворъ, онъ увидѣлъ пляску и услышалъ пѣсни, которыя неслись изъ всѣхъ оконъ кухни и людскихъ. Онъ остановился, и хоть жаль было ему

помѣшать веселью добрыхъ людей, но принялся онъ всѣхъ уговаривать, чтобъ перестали они пѣть и плясать, потому что барынѣ ихъ нуженъ покой. Къ удивленію его, всѣ послушались и при немъ же полегли спать. Выходя изъ воротъ, нѣмецъ бормоталъ про-себя: „какой счастливый мальчишка! какъ всѣ ему рады!“

И въ самомъ дѣлѣ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ родился этотъ младенецъ! Мать, страдавшая безпрестанно въ первую беременность,—нося его, была совершенно здорова; никакія домашнія неудовольствія не возмущали въ это время жизни его родителей; кормилица нашлась такая, какихъ матерей бываетъ немного, что, разумѣется, оказалось впослѣдствіи; желанный, прошеный и моленый, онъ не только отца и мать, но и всѣхъ обрадовалъ своимъ появленіемъ на бѣлый свѣтъ: даже осенній день былъ теперь, какъ лѣтній!...

Но что же происходило въ Багровѣ, когда пришла радостная вѣсть, что Богъ даровалъ Алексѣю Степанычу сына и наслѣдника? Въ Багровѣ происходило слѣдующее: съ пятнадцатаго сентября, Степанъ Михайловичъ считалъ дни и часы, и ждалъ каждую минуту нарочнаго изъ Уфы, которому велѣно было скакать день и ночь *на перемѣнныхъ;* это дѣло было тогда вновѣ, и Степанъ Михайловичъ его не одобрялъ, какъ пустую трату денегъ и ненужную тревогу для обывателей; онъ предпочиталъ ѣзду на своихъ; но важность и торжественность событія заставила его отступить отъ обычнаго порядка. Судьба не наказала его слишкомъ долгимъ ожиданіемъ: двадцать-второго сентября, когда онъ почивалъ послѣ обѣда, пріѣхалъ нарочный съ письмами и доброю вѣстью. Просыпаясь отъ крѣпкаго сна, едва старикъ потянулся и крякнулъ, какъ ворвался Мазанъ и, запинаясь отъ радости, пробормоталъ: „поздравляю, батюшка Степанъ Михайловичъ, съ внучкомъ!“ — Первымъ движеніемъ Степана Михайловича было перекреститься. Потомъ онъ проворно вскочилъ съ постели, босикомъ подошелъ къ шкапу, торопливо вытащилъ извѣстную намъ родословную, взялъ изъ чернильницы перо, провелъ черту отъ кружка съ именемъ „Алексѣй“, сдѣлалъ кружокъ на концѣ своей черты и въ серединѣ его написалъ: „Сергѣй“.

Прощайте, мои свѣтлые и темные образы, мои добрые и недобрые люди, или лучше сказать, образы, въ которыхъ есть и свѣтлыя и темныя стороны, люди, въ которыхъ есть и доброе и худое! Вы не великіе герои, не громкія личности; въ тишинѣ и безвѣстности прошли вы свое земное поприще, и давно, очень давно его оставили; но вы были люди, и ваша внѣшняя и внутренняя жизнь исполнена поэзіи, такъ же любопытна и поучительна для насъ, какъ мы и наша жизнь, въ свою очередь, будемъ любопытны и поучительны для потомковъ. Вы были такія же дѣйствующія лица великаго всемірнаго зрѣлища, съ незапамятныхъ временъ представляемаго человѣчествомъ, такъ же добросовѣстно разыгрывали свои роли, какъ и всѣ люди, и такъ же стоите воспоминанія. Могучею силою письма и печати познакомлено теперь съ вами ваше потомство. Оно встрѣтило васъ съ сочувствіемъ и признало въ васъ братьевъ, когда и какъ бы вы ни жили, въ какомъ бы платьѣ ни ходили. Да не оскорбится же никогда память ваша никакимъ пристрастнымъ судомъ, никакимъ легкомысленнымъ словомъ!

КОНЕЦЪ СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ.

II.

ВОСПОМИНАНІЯ.

ГИМНАЗІЯ.

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ.

Въ серединѣ зимы 1799 года пріѣхали мы въ губернскій городъ Казань. Мнѣ было восемь лѣтъ. Морозы стояли трескучіе, и хотя заранѣе были наняты для нас двѣ комнаты въ маленькомъ домѣ капитанши Аристовой, но мы не скоро отыскали свою квартиру, которая, впрочемъ, находилась на хорошей улицѣ, называющейся „Грузинскою". Мы пріѣхали подъ вечеръ въ простой рогожной повозкѣ, на тройкѣ своихъ лошадей (поваръ и горничная пріѣхали прежде насъ); переѣздъ съ кормежки сдѣлали большой, долго ѣздили по городу, разспрашивая о квартирѣ, долго стояли по безтолковости деревенскихъ лакеевъ— и я помню, что озябъ ужасно, что квартира была холодна, что чай не согрѣлъ меня и что я легъ спать, дрожа какъ въ лихорадкѣ; еще болѣе помню, что страстно любившая меня мать также дрожала, но не отъ холода, а отъ страха, чтобъ не простудилось ея любимое дитя, ея Сереженька. Прижавшись къ материнскому сердцу и прикрытый сверхъ одѣяла лисьимъ, атласнымъ, еще приданымъ салопомъ, я согрѣлся, уснулъ и проснулся на другой день здоровымъ, къ неописанной радости моей встревоженной матери. Сестра моя и братъ, оба меня моложе, остались въ Симбирской губерніи, въ богатомъ селѣ Чуфаровѣ, у двоюродной тетки моего отца,

отъ которой въ будущемъ ожидали мы наслѣдства; но въ настоящее время она не помогала моему отцу ни одной копѣйкой и заставляла его съ семействомъ терпѣть нерѣдко нужду: даже взаймы не давала ни одного рубля. Не знаю, какія обстоятельства принудили моихъ родителей, при ихъ стѣсненномъ положеніи въ деньгахъ, пріѣхать въ губернскій городъ Казань, но знаю, что это было сдѣлано не для меня, хотя вся моя будущность опредѣлилась этой поѣздкой. Проснувшись на другой день, я былъ пораженъ движеніемъ на улицѣ; до сихъ поръ я ничего подобнаго не видывалъ. Впечатлѣніе было такъ сильно, что я не могъ оторваться отъ окошка. Не удовлетворяясь отвѣтами на мои разспросы пріѣхавшей съ нами женщины Параши, которая сама ничего не знала, я добился какой-то хозяйской дѣвушки и мучилъ ее нѣсколько часовъ сряду, задавая иногда такіе вопросы, на которые она отвѣчать не умѣла. Отецъ и мать ѣздили въ соборъ, помолиться, и еще куда-то, по своимъ дѣламъ, но меня съ собою не брали, боясь жестокихъ крещенскихъ морозовъ. Обѣдали они дома, но вечеромъ опять уѣхали; утомленный новыми впечатлѣніями, я заснулъ ранѣе обыкновеннаго, болтая и слушая болтовню Параши; но только-что разоспался, какъ ласковая рука той же Параши бережно меня разбудила. Мнѣ сказали, что за мною прислали возокъ, что мнѣ надобно встать и ѣхать въ гости, гдѣ ожидали меня отецъ и мать. Меня одѣли въ праздничное платье, умыли и причесали, закутали и посадили въ возокъ вмѣстѣ съ тою же Парашей. Вырванный изъ крѣпкаго ребячьяго сна, испуганный такимъ происшествіемъ, какого со мной никогда не бывало, застѣнчивый отъ природы, съ замирающимъ сердцемъ, съ предчувствіемъ чего-то страшнаго, ѣхалъ я по опустѣвшимъ городскимъ улицамъ. Наконецъ мы пріѣхали. Параша раздѣла меня въ лакейской, повторила мнѣ на ухо слова, нѣсколько разъ сказанныя дорогой, чтобъ я не робѣлъ, довела за руку до гостиной, лакей отворилъ дверь, и я вошелъ. Блескъ свѣчей и громкія рѣчи такъ меня смутили, что я остановился какъ вкопаный у двери. Первый увидѣлъ меня отецъ и сказалъ: „а, вотъ и рекрутъ". Я смѣшался еще болѣе. „Лобъ!" произнесъ чей-то громовой голосъ, и мужчина огромнаго роста поднялся съ креселъ и пошелъ ко мнѣ. Я такъ перепугался, ибо понималъ страшный смыслъ этого слова, что безъ памяти бросился бѣжать. Громкій хохотъ всѣхъ присутству-

ющихъ остановилъ меня, но матери моей не понравилась эта шутка: материнское сердце возмутилось испугомъ своего дитяти; она бросилась ко мнѣ, обняла меня, ободрила словами и ласками, и, поплакавъ, я скоро успокоился. Теперь надобно разсказать, куда привезли меня: это былъ домъ старинныхъ друзей моего отца и матери, Максима Дмитріевича и Елизаветы Алексѣевны Княжевичей, которые прежде нѣсколько лѣтъ жили въ Уфѣ, гдѣ Максимъ Дмитріевичъ служилъ губернскимъ прокуроромъ (вмѣстѣ съ моимъ отцомъ) и откуда онъ переѣхалъ, также прокуроромъ, на службу въ Казань. Максимъ Дмитріевичъ еще въ молодости выѣхалъ изъ Сербіи. Онъ прямо поступилъ въ кавалергарды, а потомъ былъ опредѣленъ въ Уфу прокуроромъ Верхняго Земскаго суда. Онъ могъ назваться вѣрнымъ типомъ южнаго славянина и отличался радушіемъ и гостепріимствомъ; хотя его наружность и пріемы, при огромномъ ростѣ и рѣзкихъ чертахъ лица, сначала казались суровыми, но онъ имѣлъ предобрѣйшее сердце; жена его была русская дворянка Р-ва; домъ ихъ въ городѣ Казани отличался вполнѣ славянскою надписью надъ воротами: „Добрые люди, милости просимъ!" [1])—Когда Княжевичи жили въ Уфѣ, то мы видались очень часто, и мы съ сестрой игрывали вмѣстѣ съ старшими сыновьями, Дмитріемъ и Александромъ, которые также были тутъ и которыхъ я не скоро узналъ; но когда мать все это мнѣ напомнила и растолковала, то я вдругъ закричалъ: „Ахъ, маменька, такъ это тѣ Княжевичи, которые учили меня бить лбомъ грецкіе орѣхи!" Восклицаніе мое возбудило общій смѣхъ. Робость прошла, и я сдѣлался веселъ и вновь подружился съ старыми пріятелями; они были одѣты въ зеленые мундиры съ красными воротниками, и я узналъ, что они отданы въ Казанскую гимназію, куда чрезъ часъ ихъ увезли. Это случилось въ воскресенье; молодые Княжевичи были отпущены къ родителямъ съ утра до восьми часовъ вечера. Мнѣ стало скучно, и, слушая разговоры моего отца и матери съ хозяевами, я задремалъ, какъ вдругъ долетѣли до дѣтскаго моего слуха слѣдующія слова, которыя навели на меня ужасъ и далеко прогнали сонъ. „Да, мой любезный Тимоѳей Степанычъ и

[1]) Надпись, по длиннотѣ и крупнотѣ буквъ, не умѣщалась, а потому была написана слѣдующимъ образомъ: „Д. Л. Милости просимъ". Читая буквы по старинному, т. е. „Добро, Люди", получался почти тотъ же смыслъ, какой выражался бы въ полной надписи.

почтенная Марья Николавна, говорилъ твердымъ и рѣзкимъ голосомъ Максимъ Дмитріевичъ, примите мой дружескій совѣтъ, отдайте Сережу въ гимназію. Особенно совѣтую я это потому, что онъ, кажется, матушкинъ сынокъ; она его избалуетъ, разнѣжитъ и сдѣлаетъ бабой. Мальчика пора учить; въ Уфѣ никакихъ учителей не было, кромѣ Матвѣя Васильича въ народномъ училищѣ, да и тотъ ничего не смыслилъ; а теперь вы переѣхали на житье въ деревню, гдѣ и Матвѣя Васильича не достанешь.“ Мой отецъ безусловно соглашался съ этимъ мнѣніемъ, а мать, пораженная мыслью разлуки съ своимъ сокровищемъ, поблѣднѣла и встревоженнымъ голосомъ возражала, что я еще малъ, слабъ здоровьемъ (отчасти это было правда) и такъ привязанъ къ ней, что она не можетъ вдругъ на это рѣшиться. Я сидѣлъ, какъ говорится, ни живъ, ни мертвъ, и уже ничего не слышалъ и не понималъ, что̀ говорили. Часовъ въ десять поужинали, но ни я, ни мать моя не могли проглотить ни одного куска. Наконецъ тотъ же возокъ, который привезъ меня, отвезъ насъ опять на квартиру. Когда мы легли спать, и я по обыкновенію обнялъ и прижался къ сердцу матери, то мы оба съ нею принялись громко рыдать. Кромѣ словъ, заглушаемыхъ всхлипываньями: „Маменька, не отдавай меня въ гимназію!“ я ничего сказать не могъ. Мать также рыдала, и мы долго не давали спать моему отцу. Наконецъ мать рѣшила, что ни за что со мною не разстанется—и къ утру мы заснули.

Мы пробыли въ Казани не долго. Послѣ я узналъ, что мой отецъ и Княжевичи продолжали уговаривать мою мать отдать меня немедленно на казенное содержаніе въ Казанскую гимназію, убѣждая ее тѣмъ, что теперь есть ваканція, а впослѣдствіи можетъ быть ея не будетъ; но мать моя ни за что не согласилась и сказала рѣшительно, что ей надобно по крайней мѣрѣ годъ времени, чтобы совладѣть съ своимъ сердцемъ, чтобы самой привыкнуть и меня пріучить къ этой мысли. Отъ меня все было скрыто, и я повѣрилъ, что этой страшной бѣды со мною не случится.

Мы опять потащились на своихъ лошадяхъ, сначала въ Симбирскую губернію, гдѣ взяли сестру и брата, и потомъ пустились за Волгу въ Новое Аксаково, гдѣ оставалась новорожденная сестра, Аннушка. Ѣзда зимой на своихъ, по проселочнымъ дорогамъ тогдашней Уфимской губерніи, гдѣ по цѣлымъ десяткамъ верстъ не встрѣчалось иногда ни одной

деревни, представляется мнѣ теперь въ такомъ ужасномъ видѣ, что сердце замираетъ отъ одного воспоминанія. Проселочная дорога была ничто иное, какъ слѣдъ, проложенный нѣсколькими санями по снѣжнымъ сугробамъ, при малѣйшемъ вѣтеркѣ совершенно заметаемый верхнимъ снѣгомъ. По такой-то дорогѣ надобно было тащиться гусемъ, часовъ семь сряду, потому что пряжки или переѣзды дѣлались верстъ по тридцати-пяти и болѣе; да и кто мѣрилъ эти версты! Для этого надобно было подниматься съ ночлега въ полночь, будить разоспавшихся дѣтей, укутывать шубами и укладывать въ повозки. Скрыпъ отъ полозьевъ по сухому снѣгу терзалъ мои чувствительные нервы, и первыя сутки я всегда страдалъ желчной рвотой. Кормежки и ночевки въ дымныхъ избахъ, вмѣстѣ съ поросятами, ягнятами и телятами, нечистота, вонь... не дай Богъ никому и во снѣ все это увидѣть. Не говорю уже о буранахъ, отъ которыхъ иногда надобно было останавливаться въ какой-нибудь деревушкѣ, ждать сутокъ по двое, когда затихнетъ снѣжный ураганъ.... Страшно вспомнить! Но мы пріѣхали наконецъ въ мое милое Аксаково, и все было забыто. Я началъ опять вести свою блаженную жизнь подлѣ матери; опять началъ читать ей вслухъ мои любимыя книжки: „Дѣтское чтеніе для сердца и разума“ и даже „Ипокрену или утѣхи любословія“, конечно, не въ первый разъ, но всегда съ новымъ удовольствіемъ; опять началъ декламировать стихи изъ трагедій Сумарокова, въ которыхъ я особенно любилъ представлять вѣстниковъ, для чего подпоясывался широкимъ кушакомъ и втыкалъ подъ него, вмѣсто меча, подоконную подставку; опять началъ играть съ моей сестрой, которую съ младенчества любилъ горячо, и съ маленькимъ братомъ, валяясь съ ними на полу, устланномъ для теплоты въ два ряда калмыцкими, бѣлыми какъ снѣгъ, кошмами; опять началъ учить читать свою сестрицу: она училась сначала какъ-то тупо и лѣниво, да и я, разумѣется, не умѣлъ приняться за это дѣло, хотя очень горячо имъ занимался. Я очень помню, что никакъ не могъ растолковать моей шестилѣтней ученицѣ, какъ складывать цѣлыя слова. Я приходилъ въ отчаяніе, садился на скамеечкѣ въ уголъ и принимался плакать. На вопросъ же матери, о чемъ я плачу? я отвѣчалъ: „сестрица ничего не понимаетъ“.... Опять началъ я спать съ своей кошкой, которая такъ ко мнѣ была привязана, что ходила за мной вездѣ, какъ собаченка; опять

принялся ловить птичекъ силками, крыть ихъ лучкомъ и сажать въ небольшую горницу, превращенную такимъ образомъ въ обширный садокъ; опять началъ любоваться своими голубями, двухохлыми и мохноногими, которые зимовали безъ меня въ подпечкахъ по разнымъ дворовымъ избамъ; опять началъ смотрѣть, какъ охотники травятъ сорокъ и голубей и кормятъ ястребовъ, пущенныхъ въ зиму. Не доставало дня, чтобы насладиться всѣми этими благами! Зима прошла и наступила весна, все зеленѣло, и расцвѣло, открылось множество новыхъ живѣйшихъ наслажденій: свѣтлыя воды рѣки, мельница, прудъ, грачевая роща и островъ, окруженный со всѣхъ сторонъ старымъ и новымъ Бугурусланомъ, обсаженный тѣнистыми липами и березами, куда бѣгалъ я по нѣсколько разъ въ день, самъ не зная за чѣмъ: я стоялъ тамъ неподвижно, какъ очарованный, съ сильно бьющимся сердцемъ, съ прерывающимся дыханіемъ.... Всего же сильнѣе увлекала меня удочка, и я, подъ надзоромъ дядьки моего, Ефрема Евсеича, съ самозабвеніемъ предался охотѣ удить рыбу, которой много водилось въ прозрачномъ и омутистомъ Бугусусланѣ, протекавшемъ подъ самыми окнами деревенской спальни, прирубленной съ боку къ старому дому покойнымъ дѣдушкой, для того, чтобы у его невѣстки была отдѣльная своя горница. Подъ самымъ окномъ, наклонясь надъ водой, росла развѣсистая береза; одинъ толстый ея сучекъ выгибался у ствола, какъ кресло, и я особенно любилъ сидѣть на немъ съ сестрой.... Теперь воды Бугуруслана подмыли корни березы, она состарѣлась преждевременно и свалилась на бокъ, но все еще живетъ и зеленѣетъ. Новый хозяинъ посадилъ подлѣ нея новое дерево....

О, гдѣ ты, волшебный міръ, Шехеразада человѣческой жизни, съ которымъ часто такъ неблагосклонно, грубо обходятся взрослые люди, разрушая его очарованіе насмѣшками и преждевременными рѣчами! Ты, золотое время дѣтскаго счастія, память котораго такъ сладко и грустно волнуетъ душу старика! Счастливъ тотъ, кто имѣлъ его, кому есть что вспоминать! У многихъ проходитъ оно незамѣтно, или нерадостно, и въ зрѣломъ возрастѣ остается только память холодности и даже жестокости людей.

Лѣто провелъ я въ такомъ же дѣтскомъ упоеніи и ничего не подозрѣвалъ; но осенью, когда я сталъ больше сидѣть дома, больше слушать и больше смотрѣть на мою мать, то

сталъ примѣчать въ ней какую-то перемѣну: прекрасные глаза ея устремлялись иногда на меня съ особеннымъ выраженіемъ тайной грусти; я подглядѣлъ даже слезы, старательно отъ меня скрываемыя; встревоженный и огорченный, со всѣми ласками горячей любви, я приставалъ съ разспросами къ моей матери. Сначала она увѣряла меня, что это такъ, что это ничего не значитъ; но скоро въ ея разговорахъ со мной я началъ слышать, какъ сокрушается она о томъ, что мнѣ не у кого учиться, какъ необходимо ученье мальчику; что она лучше желаетъ умереть, нежели видѣть дѣтей своихъ выростающихъ невѣждами; что мужчинѣ надобно служить, а для службы необходимо учиться.... Сердце сжалось у меня въ груди, я понялъ, къ чему клонится рѣчь, понялъ, что бѣда не прошла, а пришла, и что мнѣ не уйти отъ Казанской гимназіи. Мать подтвердила мою догадку и сказала, что она рѣшилась; а я зналъ, что ея рѣшенья тверды. Нѣсколько дней я только плакалъ и ничего не слушалъ, и какъ будто не понималъ, что говорила мнѣ мать. Наконецъ ея слезы, ея просьбы, ея разумныя убѣжденія, сопровождаемыя нѣжнѣйшими ласками, горячность ея желанія видѣть во мнѣ образованнаго человѣка, были поняты моей дѣтской головой, и съ растерзаннымъ сердцемъ я покорился ожидающей меня участи. Всѣ мои деревенскія удовольствія вдругъ потеряли свою прелесть, ни къ чему меня не тянуло, все смотрѣло чужимъ, все опостылѣло, и только любовь къ матери выросла въ такихъ размѣрахъ, которые пугали ее. Меня стали приготовлять къ школьному ученью. Для своего возраста я читалъ какъ нельзя лучше, но писалъ по дѣтски. Отецъ еще прежде хотѣлъ мнѣ передать всю свою ученость въ математикѣ, то-есть, первыя четыре ариѳметическія правила, но я такъ непонятливо и лѣниво учился, что онъ бросилъ ученье. Тутъ все перемѣнилось: въ два мѣсяца я выучилъ эти четыре правила, которыя только одни изъ всей математики и теперь не позабыты мной; въ остальное время до отъѣзда въ Казань отецъ только повторялъ со мной зады; въ списываніи прописей я достигъ также возможнаго совершенства. Все это я дѣлалъ на глазахъ у своей матери и единственно для нея. Она сказала мнѣ, что сгоритъ со стыда, если меня не похвалятъ на экзаменѣ, который надобно было выдержать именно въ этихъ предметахъ, при вступленіи въ гимназію, что она увѣрена въ моихъ отличныхъ успѣхахъ,—этого было довольно. Я не отходилъ

отъ матери ни на шагъ. Напрасно посылала она меня погулять или посмотрѣть на голубей и ястребовъ. Я никуда не ходилъ и всегда отвѣчалъ одно: „мнѣ не хочется, маменька.“ Съ намѣреніемъ пріучить меня къ мысли о разлукѣ, мать безпрестанно говорила со мной о гимназіи, объ ученьѣ, непремѣнно хотѣла впослѣдствіи отвезти меня въ Москву и отдать въ университетскій благородный пансіонъ, куда нѣкогда опредѣлила она, будучи еще семнадцатилѣтней дѣвушкой, прямо изъ Уфы, своихъ братьевъ. Умъ мой былъ развернутъ не по лѣтамъ: я много прочелъ книгъ для себя и еще болѣе прочелъ вслухъ для моей матери; разумѣется, книги были старше моего возраста. Надобно къ этому прибавить, что все мое общество составляла мать, а извѣстно, какъ общество взрослыхъ развиваетъ дѣтей. И такъ она могла говорить со мной о преимуществахъ образованнаго человѣка передъ невѣждой, и я могъ понимать ее. Будучи необыкновенно умна, владѣя рѣдкимъ даромъ слова и страстнымъ, увлекательнымъ выраженіемъ мысли, она безгранично владѣла всѣмъ моимъ существомъ и вдохнула въ меня такую бодрость, такое рвеніе скорѣе исполнить ея пламенное желаніе, оправдать ея надежды, что я наконецъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ отъѣзда въ Казань. Мать моя казалось бодрою и веселою; но чего стоили ей эти усилія! Она худѣла и желтѣла съ каждымъ днемъ; никогда не плакала, и только болѣе обыкновеннаго молилась Богу, запершись въ своей комнатѣ. Вотъ гдѣ было настоящее торжество безграничной, безкорыстной, полной самоотверженія, материнской любви! Вотъ гдѣ доказала мнѣ мать любовь свою! Я былъ прежде больной ребенокъ, и она нѣкогда проводила цѣлые годы безотлучно у моей дѣтской кровати; никто не зналъ, когда она спала; ни чья рука, кромѣ ея, ко мнѣ не прикасалась. Впослѣдствіи она перешла весною, въ ростополь, страшную, посинѣвшую рѣку Каму, уже ни для кого непроходимую, ежеминутно готовую взломать свои льды,—узнавъ, что тоска меня одолѣла и что я лежу въ больницѣ.... Но это ничего не значитъ въ сравненіи съ рѣшимостью: отдать въ гимназію свое ненаглядное, слабое, изнѣженное, буквально обожаемое дитя, по девятому году, на казенное содержаніе, за четыреста верстъ, потому что не было другихъ средствъ доставить ему образованіе.

Пришла опять зима, и въ декабрѣ мы отправились въ Казань. Чтобы не такъ было грустно матери моей возвра-

щаться домой, по настоянію отца взяли съ собой мою любимую старшую сестрицу; брата и меньшую сестру оставили въ Аксаковѣ съ тетушкой Евгеніей Степановной. Въ Казани мы остановились на прошлогодней квартирѣ, у капитанши Аристовой. Съ Максимомъ Дмитричемъ Княжевичемъ мы переписывались изъ деревни; заранѣе знали, что есть казенная вакансія въ гимназіи, и заранѣе приготовили всѣ бумаги, нужныя для моего опредѣленія. И такъ недѣли черезъ двѣ, познакомясь предварительно чрезъ Княжевича со всѣми лицами, съ которыми надобно было имѣть дѣло, и помолясь усердно Богу, отецъ мой подалъ просьбу директору Пекену.

Совѣтъ гимназіи предложилъ главному надзирателю (онъ же былъ инспекторомъ) Николаю Ивановичу Камашеву проэкзаменовать меня, а доктору Бенису освидѣтельствовать въ медицинскомъ отношеніи. Камашевъ находился въ отпуску; должность главнаго надзирателя исправлялъ надзиратель „благонравной" комнаты, Василій Петровичъ Упадышевскій, а должность инспектора классовъ—старшій учитель россійской словесности, Левъ Семенычъ Левитскій. Оба были добрые и ласковые люди, а Упадышевскій впослѣдствіи сдѣлался истиннымъ ангеломъ-хранителемъ моимъ и моей матери: я не знаю, что было бы съ нами безъ этого благодѣтельнаго старика. Поѣхавъ подавать просьбу директору, отецъ взялъ меня съ собою, и директоръ приласкалъ меня. Левитскій былъ нездоровъ и не могъ пріѣхать въ совѣтъ гимназіи, и потому отецъ повезъ меня къ нему на квартиру. Левъ Семенычъ былъ любезный, веселый, краснощекій толстякъ, уже съ порядочнымъ брюшкомъ, не смотря на свою молодость. Онъ очаровалъ своимъ пріемомъ обоихъ насъ: началъ съ того, что разласкалъ и расцѣловалъ меня, далъ мнѣ читать прозу Карамзина и стихи Дмитріева—и пришелъ въ восхищеніе, находя, что я читаю съ чувствомъ и пониманіемъ; заставилъ меня что-то написать—и опять пришелъ въ восхищеніе; въ четырехъ правилахъ ариѳметики я также отличился; но Левитскій, какъ настоящій словесникъ, тутъ же отозвался о математикѣ съ пренебреженіемъ. По окончаніи экзамена, онъ принялся меня хвалить безпощадно; удивлялся, что мальчикъ моихъ лѣтъ, живя въ деревнѣ, могъ быть такъ хорошо приготовленъ. „Да кто же былъ его учителемъ въ каллиграфіи? добродушно смѣясь, спросилъ Левъ Семенычъ у

моего отца—вашъ собственный почеркъ не очень красивъ." Отецъ мой, обрадованный и растроганный почти до слезъ похвалами своему сыну, простодушно отвѣчалъ: что я достигъ до всего своими трудами подъ руководствомъ матери, съ которою былъ почти неразлученъ, и что онъ только выучилъ меня ариѳметикѣ. Онъ прибавилъ къ этому, что моя мать жила всегда въ губернскомъ городѣ, что мы недавно переѣхали въ деревню, что она дочь бывшаго значительнаго чиновника и большая охотница до книгъ и стиховъ. „А, теперь я понимаю, воскликнулъ Левитскій, отчего печать благонравія, и даже изящества, лежитъ на вашемъ миломъ сынѣ—это плодъ женскаго воспитанія, плодъ трудовъ образованной матери!" Мы уѣхали, очарованные имъ. Докторъ Бенисъ, который имѣлъ прекрасный домъ на Лядской улицѣ, принялъ насъ очень учтиво, и безъ всякаго затрудненія далъ свидѣтельство о моемъ здоровьѣ и крѣпкомъ тѣлосложеніи. Воротясь домой, я замѣтилъ, что мать моя много плакала, хотя глаза ея были такого свойства, что слезы не мутили ихъ ясности и никакого слѣда не оставляли. Отецъ мой съ жаромъ разсказалъ все случившееся съ нами. Мать устремила на меня взглядъ, выраженія котораго я не забуду, если проживу еще сто лѣтъ. Она обняла меня и сказала: „ты мое счастье, ты моя гордость." Чего мнѣ было больше? и я посвоему былъ счастливъ, гордъ и бодръ.

Мать моя сдѣлала визитъ женѣ доктора Бениса и познакомилась съ нимъ самимъ. Молодости, красотѣ, уму и слезамъ моей матери трудно было отказать въ сочувствіи; докторъ и докторша полюбили ее, и докторъ далъ ей обѣщаніе, что въ случаѣ малѣйшаго моего нездоровья будутъ мнѣ оказаны всѣ медицинскія пособія. Обѣщаніе страшное, по моимъ теперешнимъ понятіямъ: я боюсь излишества медицинскихъ пособій; но тогда оно нѣсколько успокоило мою бѣдную мать.—Василій Петровичъ Упадышевскій былъ вдовецъ, и двое его сыновей находились въ числѣ казенныхъ воспитанниковъ Казанской гимназіи. Отецъ мой познакомился съ нимъ и пригласилъ его къ намъ на квартиру. Этотъ добрый старикъ былъ такъ обласканъ моею матерью, такъ оцѣнилъ ея горячность къ сыну и такъ полюбилъ ее, что въ первое же свиданіе далъ честное слово: во-первыхъ, черезъ недѣлю перевесть меня въ свою благонравную комнату—ибо прямо помѣстить туда неизвѣстнаго мальчика показалось бы для

всѣхъ явнымъ пристрастіемъ, и во-вторыхъ, смотрѣть за мной болѣе, чѣмъ за своими повѣсами, то-есть, своими родными сыновьями. Онъ свято исполнилъ и то, и другое. Какъ теперь гляжу на его добродушное и привѣтливое лицо, на его правую руку, подвязанную черной широкой лентой, потому что кисть руки была оторвана взрывомъ пушки и вмѣсто нея привязывалась къ рукѣ черная перчатка, набитая хлопчатой бумагой; впрочемъ онъ очень четко и хорошо писалъ лѣвою рукою.

Наконецъ всѣ формальности были выполнены, и состоялось опредѣленіе совѣта: принять меня въ гимназію на казенное содержаніе; даже сняли съ меня мѣрку и сшили форменное платье. Напряженное состояніе духа, въ которомъ находилась мать моя и я самъ, не ослабѣвало. Поѣхали въ соборъ, отслужили молебны Гурію, Варсонофію и Герману, Казанскимъ чудотворцамъ; прямо оттуда отецъ съ матерью отвезли меня въ гимназію и отдали съ рукъ на руки Упадышевскому; дядька мой, Ефремъ Евсеичъ, также поступилъ туда въ должность комнатнаго служителя. Прощанье, разумѣется, сопровождалось слезами, благословеніями и наставленіями, но ничего особеннаго не случилось. Меня отвезли поутру въ 10 часовъ: классы только-что перемѣнились [1]), и всѣ ученики находились въ классныхъ комнатахъ на верху. Спальныя внизу были пусты, и мать моя могла осмотрѣть ихъ, даже видѣть ту кровать, на которой я буду спать; казалось, она всѣмъ осталась довольна. Какъ только уѣхали мои родители, Упадышевскій взялъ меня за руку, отвелъ въ классъ чистописанія, представилъ учителю, рекомендовалъ, какъ самаго благонравнаго мальчика, и просилъ особенно мной заняться. Меня посадили за отдѣльный столъ, вмѣстѣ съ новенькими, и заставили выписывать палочки. Я былъ такъ пораженъ, что находился точно въ какомъ-то забытьѣ; все казалось мнѣ сномъ, но страха и тоски я не чувствовалъ. Послѣ обѣда, котораго я не замѣтилъ, надѣли на меня форменную мундирную куртку, повязали суконный галстукъ,

[1]) Утренніе классы зимой начинались въ восемь часовъ; въ десять перемѣнялись учителя; въ двѣнадцать классы оканчивались; въ половинѣ перваго обѣдали; лѣтомъ же классы начинались въ семь часовъ, оканчивались въ одиннадцать; обѣдали ровно въ двѣнадцать; послѣ обѣда ученіе всегда начиналось въ два и оканчивалось въ шесть часовъ; ужинали въ восемь, ложились спать въ девять, вставали въ пять часовъ лѣтомъ и въ шесть зимою.

остригли волосы подъ гребенку, поставили во фрунтъ по ранжиру, по два человѣка въ рядъ, подлѣ ученика Владиміра Граффа, и сейчасъ выучили ходить въ ногу. Я все исполнялъ, какъ говорится, машинально: точно дѣло шло не обо мнѣ. По окончаніи классовъ, Упадышевскій встрѣтилъ меня у дверей и, сказавъ: „матушка тебя дожидается", отвелъ меня въ пріемную залу. Отецъ съ матерью были тамъ: отецъ, увидя меня, разсмѣялся и сказалъ: „вотъ какъ перерядили Сережу." А мать, которая въ первую минуту меня не узнала, всплеснула руками, ахнула и упала безъ чувствъ. Я закричалъ, какъ изступленный, и также упалъ у ея ногъ. Упадышевскій, смотрѣвшій въ непритворенную дверь, перепугался и прибѣжалъ на помощь. Обморокъ моей матери продолжался около получаса, напугалъ моего отца и такъ встревожилъ бѣднаго Упадышевскаго, что онъ призвалъ изъ больницы жившаго тамъ подлѣкаря Риттера, который давалъ матери моей какое-то лѣкарство, и даже мнѣ что-то далъ выпить. Когда мать опомнилась, то сдѣлалась очень слаба, и добрый Упадышевскій самъ предложилъ отпустить меня ночевать домой: „такъ и быть, говорилъ онъ, пусть прогнѣвается на меня Николай Иванычъ (главный надзиратель), когда, воротясь, узнаетъ объ этомъ; правда, онъ ни за что бы не позволилъ, но я ужъ беру все на свою отвѣтственность, только пожалуйста привезите его завтра къ семи часамъ, прямо къ завтраку." Мы не находили словъ благодарить добраго человѣка и отправились на квартиру. Дома мать одумалась, ободрилась и меня ободрила. Она заставила себя спокойно смотрѣть на мою, почти выбритую голову, гдѣ рука ея напрасно искала мягкихъ, бѣлокурыхъ кудрей моихъ, на суконный галстукъ, который уже успѣлъ натереть мою нѣжную шею, никогда еще не носившую и шелковаго платка. Во всемъ находила она разумную потребность, которой должно было покориться. Взаимная наша твердость духа и рѣшимость съ новою силою овладѣли нами. На другой день въ семь часовъ я былъ уже въ гимназіи. Мать пріѣзжала ко мнѣ всякій день два раза, въ двѣнадцать часовъ передъ обѣдомъ, всего на полчаса, и въ шесть часовъ вечера, и тогда я могъ оставаться съ ней часа полтора. При свиданьяхъ со мною она казалась спокойною и даже веселою; но по печальному лицу моего отца я отгадывалъ, что дома безъ меня происходило совсѣмъ другое. Черезъ нѣсколько дней, отецъ мой убѣдился, что дѣла

такъ продолжаться не могутъ и что эти безпрестанныя свиданья и прощанья—только одно безполезное мученье; онъ призвалъ на совѣтъ Княжевича, и они вмѣстѣ рѣшили увезти немедленно мою мать въ деревню. Рѣшить было легко, да исполнить трудно: отецъ мой зналъ это очень хорошо; но сверхъ его ожиданія и къ большому удовольствію, мать моя скоро уступила общимъ просьбамъ и убѣжденіямъ. Слова доктора Бениса, принявшаго въ этомъ дѣлѣ участіе, безъ сомнѣнія имѣли большой вѣсъ. Онъ увѣрялъ, что частыя свиданья, раздражая мои слабые нервы, вредны моему здоровью и что я никогда или очень долго не привыкну къ новой моей жизни, если мать моя не уѣдетъ. Даже добрѣйшій Упадышевскій упрашивалъ о томъ же, утверждая, что въ такомъ положеніи я не могу хорошо учиться, и что учителя получатъ обо мнѣ дурное мнѣніе... и мать моя согласилась уѣхать на другой же день. Удивляюсь только одному, какъ она могла рѣшиться обмануть меня? Она сказала мнѣ передъ обѣдомъ, что завтра или послѣзавтра уѣзжаетъ и что мы еще увидимся раза два; сказала также, что вечеръ проведетъ у Княжевичей и потому ко мнѣ не пріѣдетъ. Уѣхать тихонько, не простясь со мной—это была несчастная мысль, поддержанная Бенисомъ и Упадышевскимъ. Разумѣется, хотѣли пощадить насъ обоихъ, и особенно меня, отъ послѣдняго прощанья, но разсчетъ оказался не вѣренъ. Я и теперь убѣжденъ, что эта благонамѣренная хитрость произвела много печальныхъ послѣдствій.

Въ первый разъ случилось, что мать не пріѣхала ко мнѣ вечеромъ, и хотя я былъ предупрежденъ ею, но тоска и предчувствіе неизвѣстной бѣды томили мое сердце. Ночь спалъ я дурно. На другой день поутру, когда я сталъ одѣваться, дядька мой Евсеичъ подалъ мнѣ записку: мать прощалась со мной: она писала, что если я люблю ее и хочу, чтобъ она была жива и спокойна, то не буду грустить и стану прилежно учиться. Она уѣхала наканунѣ въ восемь часовъ вечера. Ясно помню я эту минуту, но описать ее не умѣю: что-то болѣзненное пронзило мою грудь, сжало ее и захватило дыханіе; черезъ минуту началось страшное біеніе сердца. Полуодѣтый, я сѣлъ на кровать и съ безумнымъ отчаяніемъ глядѣлъ на всѣхъ, ничего не слушая и ничего не понимая. Упадышевскій, который дня за два перевелъ меня въ свою благонравную комнату и который зналъ объ отъѣздѣ матери

моей, слѣдовательно понималъ причину моего состоянія,— не велѣлъ меня трогать, увелъ поскорѣе воспитанниковъ на верхъ, поручилъ ихъ одному изъ надзирателей и прибѣжалъ ко мнѣ: я сидѣлъ на кровати въ томъ-же положеніи; Евсеичъ стоялъ передо мною и плакалъ. Что ни говорилъ Упадышевскій, я не слыхалъ и молчалъ. Я не могъ сообразить никакой мысли, и глаза у меня были, какъ мнѣ послѣ сказали, дикіе и неподвижные. Меня отвели въ больницу; я и тамъ сѣлъ безсознательно на кровать и сидѣлъ также молча и глядѣлъ также дико. Черезъ часъ пріѣхалъ Бенисъ; онъ осмотрѣлъ меня по-докторски, покачалъ головой и сказалъ что-то по-французски; послѣ я узналъ отъ другихъ, что онъ сказалъ: „pauvre enfant". Мнѣ дали проглотить отвратительное лѣкарство, раздѣли, положили въ постель и принялись тереть суконками. Скоро сильный ознобъ и дрожь привели меня въ память. Я громко закричалъ: „маменька уѣхала!"... и ручьи задержанныхъ слезъ хлынули изъ моихъ глазъ. Бенисъ видимо обрадовался, сѣлъ подлѣ меня и началъ говорить объ отъѣздѣ моей матери, о необходимости этого отъѣзда для ея здоровья, о вредныхъ слѣдствіяхъ прощанья и о томъ, какъ долженъ вести себя умненькій мальчикъ въ подобныхъ обстоятельствахъ, любящій свою мать и желающій ее успокоить... Его слова были вдохновеніемъ свыше, потому что докторъ, будучи весьма почтеннымъ человѣкомъ, не отличался нѣжностью и мягкостью характера; слезы мои потекли еще сильнѣе, но мнѣ стало легче. Бенисъ уѣхалъ. Я рыдалъ еще часа два и наконецъ заснулъ отъ утомленія, и благотворный сонъ подкрѣпилъ мой слабый организмъ. Упадышевскій приходилъ ко мнѣ нѣсколько разъ; даже принесъ мнѣ для развлеченія „Дѣтское училище", котораго я еще не видывалъ. Упадышевскій зналъ, что я былъ страстный охотникъ читать; но мнѣ было тогда еще не до чтенія. Я попросилъ позволенія писать, и писалъ къ отцу и къ матери весь день, и весь вечеръ, и почти безпрестанно плакалъ. Ночь я спалъ безпокойно и много грезилъ, къ чему я всегда былъ склоненъ. Евсеичъ не отходилъ отъ меня. На другой день, по утру, Бенисъ нашелъ мое здоровье въ лучшемъ положеніи; выписалъ изъ больницы, потому что считалъ вреднымъ для меня, въ нравственномъ отношеніи, и бездѣйствіе и пребываніе между больными, и велѣлъ занимать слегка ученьемъ. Упадышевскій опять самъ отвелъ меня въ учебныя комнаты, и

я попалъ опять въ тотъ же классъ чистописанія и потомъ въ классъ къ священнику. Два часа слушалъ я, какъ сказывали мои товарищи свои уроки изъ катехизиса и священной исторіи, какъ священникъ задавалъ новый урокъ и что-то много толковалъ и объяснялъ; но я не только въ этотъ разъ, но и во все время пребыванія моего въ гимназіи, не понималъ его толкованій. Своихъ уроковъ на этотъ разъ я не зналъ. Священникъ былъ предупрежденъ о моемъ болѣзненномъ состояніи, и хотя онъ былъ человѣкъ не снисходительный и строгій, но ограничился однимъ выговоромъ и велѣлъ приготовить уроки къ слѣдующему разу. Послѣ обѣда, чтобъ я не оставался празднымъ и не предался грустнымъ мыслямъ, Упадышевскій поручилъ одному изъ старшихъ воспитанниковъ, Ильѣ Жеванову, хорошо рисовавшему, занять меня рисованіемъ, къ чему въ дѣтствѣ я имѣлъ большую склонность. Я самъ слышалъ, какъ этотъ добрѣйшій старикъ просилъ Жеванова: сдѣлать ему большое одолженіе, котораго онъ никогда не забудетъ, — заняться рисованьемъ съ бѣднымъ мальчикомъ, который очень тоскуетъ по матери — и Жевановъ занимался со мной; но ученье не только въ этотъ разъ, но и впослѣдствіи, не пошло мнѣ въ прокъ: рисованье кружковъ, бровей, носовъ, глазъ и губъ навсегда отвратило меня отъ рисованья. Послѣ же вчерашнихъ классовъ, все тотъ же благодѣтельный геній мой, Василій Петровичъ Упадышевскій, заставилъ меня твердить уроки возлѣ себя, и видя, что я самъ не понимаю, что твержу, начиналъ со мною разговаривать о моей деревенской жизни, объ моемъ отцѣ и матери, и даже позволилъ немного поплакать. Я не знаю, какъ пошла бы моя жизнь дальше; но тутъ внезапно все перемѣнилось: на третій день, во время обѣда, Евсеичъ подалъ мнѣ записочку отъ матери, которая писала мнѣ, что она стосковалась, не простившись со мною какъ слѣдуетъ, и что она, отъѣхавъ 90 верстъ, воротилась назадъ, чтобъ еще разъ взглянуть на меня хотя одну минуту. Я никакъ не могу объяснить себѣ, отчего въ первую минуту я не почувствовалъ той великой радости, которую, казалось бы, должно было мнѣ почувствовать? Я будто испугался, будто не повѣрилъ, будто грезилъ во снѣ... Упадышевскій также получилъ записку: мать просила отпустить меня съ шести до девяти часовъ вечера, а если нельзя, то хотѣла пріѣхать сама; къ этому прибавляла она, что пробудетъ въ Казани только до утра. Упадышевскій

приказалъ мнѣ написать, чтобы Марья Николавна не безпокоилась и сама не пріѣзжала, что онъ отпуститъ меня съ дядькой можетъ быть ранѣе шести часовъ, потому что на послѣдніе часы учитель, по болѣзни, вѣроятно не придетъ, и что я могу остаться у ней до семи часовъ утра. Я писалъ эти слова и рѣшительно думалъ, что вижу сонъ. Евсеичъ побѣжалъ съ моимъ письмомъ. Часа черезъ полтора, онъ воротился съ такой радостной запиской, съ такой горячей благодарностью Упадышевскому, что старикъ прослезился, прочитавъ письмецо моей матери. Евсеичъ разсказалъ намъ, что барыня воротилась одна изъ села Алексѣевскаго, въ 90 верстахъ отъ Казани по почтовому тракту, что баринъ остался тамъ съ барышней, которая нездорова, и что мать моя прискакала на почтовыхъ, въ легкой ямской повозкѣ, съ одной горничной и однимъ человѣкомъ. Я какъ будто началъ приходить въ себя, началъ вѣрить своему благополучію, и вскорѣ такъ повѣрилъ, что послѣдній часъ ожиданія былъ для меня невыносимой пыткой. Учитель точно увѣдомилъ, что не будетъ—и въ четыре часа и пять минутъ я сѣлъ съ моимъ дядькой въ извощичьи сани, уже не помня себя отъ неописанной радости. Мать моя остановилась, у кого, не помню, на Проломной улицѣ, только это былъ не постоялый дворъ. Вбѣжавъ въ комнату, я издали увидѣлъ, что мать моя, блѣдная и худая, сидитъ въ тепломъ салопѣ, у затопленнаго камина, потому что комната была очень холодна. Эта минута свиданія была такова, что невозможно дать о ней понятія! Подобнаго чувства счастія я не испытывалъ уже во всю жизнь. Нѣсколько минутъ мы ничего на говорили, только плакали и радовались. Но это продолжалось не долго. Скоро мысль о близкой разлукѣ отогнала всѣ другія мысли и чувства, и болѣзненно сжала мое сердце. Съ горькими слезами разсказалъ я матери все, происходившее со мной, со времени внезапнаго ея отъѣзда. Я испугался, какое дѣйствіе произвелъ мой разсказъ! Какъ обвиняла себя и какъ раскаявалась бѣдная мать моя, что согласилась обмануть меня и уѣхать не простясь! Потомъ она разсказала мнѣ про себя; она не помнила, какъ выѣхала изъ Казани, потому что ей сдѣлалось дурно, когда ее усадили въ повозку. По мѣрѣ удаленія отъ города, съ каждымъ часомъ становилось ей тошнѣе; скоро овладѣла ею мысль воротиться назадъ; но убѣжденіе отца и собственный разсудокъ удерживали на нѣкоторое время стремленіе мате-

ринской любви. Наконецъ она была не въ состояніи противиться своимъ чувствамъ и воротилась одна, потому что побоялась растрясти мою сестру, и безъ того нездоровую. Мой отецъ и сестра должны были дожидаться ее въ Алексѣевскомъ; для сестры моей даже нуженъ былъ отдыхъ. Цѣлый вечеръ и большую половину ночи провели мы въ разговорахъ и слезахъ; но какъ всему есть мѣра, то и мы, можно сказать, пресытились слезами и заснули. Я помню, что нѣсколько разъ вздрагивалъ во снѣ и начиналъ рыдать, но мать обнимала меня, клала мою голову къ себѣ на грудь, и я снова засыпалъ. Въ шесть часовъ насъ разбудили. Мы были спокойнѣе и бодрѣе. Мать дала мнѣ обѣщаніе, что по первому лѣтнему пути она пріѣдетъ въ Казань и проживетъ до окончанія экзаменовъ; а послѣ гимназическаго акта, который всегда бывалъ въ первыхъ числахъ іюля, увезетъ меня на вакацію въ деревню, гдѣ я проживу до половины августа. Отрадное чувство наполнило мое сердце; мы простились довольно спокойно. Въ семь часовъ мать моя сѣла въ свою ямскую кибитку, а я съ Евсеичемъ въ извощичьи сани, и мы въ одно время съѣхали со двора: повозка поѣхала направо къ заставѣ, а я налѣво въ гимназію; скоро мы свернули съ улицы въ переулокъ, и кибитка исчезла изъ моихъ глазъ. Сердце у меня оторвалось, какъ говорится, грусть залегла въ душѣ; но голова не была смущена, я понималъ ясно, что вокругъ меня происходило и что ожидаетъ впереди. Огромное бѣлое зданіе гимназіи, съ яркозеленой крышей и куполомъ, стоящее на горѣ, сейчасъ бросилось мнѣ въ глаза и поразило меня, какъ будто я его никогда не видывалъ. Оно показалось мнѣ страшнымъ, очарованнымъ замкомъ (о которыхъ я читывалъ въ книжкахъ), тюрьмою, гдѣ я буду колодникомъ. Огромная дверь на высокомъ крыльцѣ между колоннами, которую распахнулъ старый инвалидъ, и которая, казалось, проглотила меня; двѣ широкія и высокія лѣстницы, ведущія во второй и третій этажъ изъ сѣней, освѣщаемыя верхнимъ куполомъ; крикъ и гулъ смѣшанныхъ голосовъ, встрѣтившій меня издали, вылетавшій изъ всѣхъ классовъ, потому что учители еще не пришли, — все это я увидѣлъ, услышалъ и понялъ въ первый разъ. Не смотря на то, что я жилъ въ гимназіи уже болѣе недѣли—я не замѣчалъ ее. Только теперь почувствовалъ я себя казеннымъ воспитанникомъ казеннаго учебнаго заведенія. Цѣлый день я удивлялся всему, какъ будто

новому, невиданному, и Боже мой! какъ все показалось мнѣ противно! Вставанье по звонку, задолго до свѣта, при потухшихъ и потухающихъ ночникахъ и сальныхъ свѣчахъ, наполнявшихъ воздухъ нестерпимой вонью; холодъ въ комнатахъ [1]), отчего вставать еще непріятнѣе бѣдному дитяти, кое-какъ согрѣвшемуся подъ байковымъ одѣяломъ; общественное умыванье изъ мѣдныхъ рукомойниковъ, около которыхъ всегда бываетъ ссора и драка; ходьба фрунтомъ на молитву, къ завтраку, въ классы, къ обѣду и т. д.; завтракъ, который состоялъ въ скоромные дни изъ стакана молока, пополамъ съ водою, и булки, а въ постные дни—изъ стакана сбитня съ булкой; въ такомъ же родѣ обѣдъ изъ трехъ блюдъ и ужинъ изъ двухъ.... Чѣмъ все это должно было казаться изнѣженному, избалованному мальчику, котораго мать воспитывала съ роскошью, какъ будто отъ большого состоянія? Но всего болѣе приводили меня въ отчаяніе товарищи: старшіе возрастомъ и ученики среднихъ классовъ не обращали на меня вниманія, а мальчики одніхъ лѣтъ со мною и даже моложе, находившіеся въ низшемъ классѣ, по большей части нестерпимые шалуны и озорники; съ остальными я имѣлъ такъ мало сходнаго, общаго въ нашихъ понятіяхъ, интересахъ и правахъ, что не могъ съ ними сблизиться, и посреди многочисленнаго общества оставался уединеннымъ. Всѣ были здоровы, довольны и нестерпимо веселы, такъ что я не встрѣчалъ ни одного, сколько-нибудь печальнаго или задумчиваго мальчика, который могъ бы принять участіе въ моей постоянной грусти. Я смѣло бросился бы къ нему на шею и подѣлился бы моимъ внутреннимъ состояніемъ. „Что это за чудо, думалъ я, вѣрно у этихъ дѣтей нѣтъ ни отца, ни матери, ни братьевъ, ни сестеръ, ни дома, ни сада въ деревнѣ", и начиналъ сожалѣть о нихъ. Но скоро удостовѣрялся, что почти у всѣхъ были отцы и матери и семейства, а у иныхъ и дома и сады въ деревнѣ: но только не доставало того чувства горячей привязанности къ семейству и дому, которымъ было преисполнено мое серцце. Само собою разумѣется, что я, какъ *нелюдимъ*, какъ *нѣженка, недотрога,* какъ *матушкинъ сынокъ*, который все *хнычетъ по маменькѣ*,—сейчасъ сдѣлался пред-

[1]) Въ спальняхъ держали 12 градусовъ тепла, что, кажется, и теперь соблюдается во всѣхъ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ и что, по-моему, рѣшительно вредно для здоровья дѣтей. Нужно не менѣе 14 градусовъ.

метомъ насмѣшекъ своихъ товарищей; отъ этого не могли оградить меня ни власть, ни нравственное вліяніе Василья Петровича Упадышевскаго, который не переставалъ и днемъ и ночью наблюдать за мной. Онъ самъ запретилъ мнѣ жаловаться на обиды товарищей, хорошо зная, какъ ненавидятъ въ училищахъ ябедниковъ, клеймя этимъ именемъ всякаго, кто пожалуется начальству на оскорбленіе товарищей. Онъ поставилъ мою кровать между кроватями Кондырева и Мореева, которые были гораздо старше меня и оба считались самыми степенными и въ то же время неуступчивыми учениками: онъ поручилъ меня подъ ихъ защиту, и по ихъ милости никто изъ шалуновъ не смѣлъ подходить къ моей постели. Надобно замѣтить, что тогда не было у насъ рекреаціонныхъ залъ и что казенные воспитанники и пансіонеры все время, свободное отъ ученья, проводили въ спальняхъ.

Съ самыхъ первыхъ дней, послѣ окончательной разлуки съ матерью, я принялся съ жаромъ за ученье. Я упросилъ моихъ учителей (все черезъ Упадышевскаго), чтобы мнѣ задавали не по одному, а по два и по три урока, для того, чтобы догнать старшихъ учениковъ и не сидѣть на одной лавкѣ съ новенькими. Способность пониманія и память были у меня сильно развиты; черезъ мѣсяцъ я не только перегналъ и оставилъ назади новенькихъ, но во всѣхъ классахъ сѣлъ за первый столъ вмѣстѣ съ лучшими воспитанниками. Это обстоятельство усилило нерасположеніе ко мнѣ и тѣхъ, которыхъ я обогналъ, и тѣхъ, съ которыми я сравнялся.

Въ самое это время воротился къ должности главный надзиратель, Николай Ивановичъ Камашевъ. Не знаю, по справедливости ли считался онъ очень умнымъ человѣкомъ, но то вѣрно, что онъ былъ человѣкъ холодный, твердый, говорившій всегда тихо и съ улыбкой, и дѣйствовавшій съ непреклонною волею. Всѣ безъ исключенія боялись его гораздо больше, чѣмъ директора. Онъ любилъ власть, умѣлъ пріобрѣсть ее и пользовался ею съ педантическою точностью.—Упадышевскій отгадалъ, что Николай Иванычъ на него прогнѣвается; онъ сейчасъ узналъ всѣ отступленія отъ устава гимназіи, которыя сдѣлалъ для меня и для моей матери, исправлявшій его должность, надзиратель, то-есть: несвоевременное свиданіе съ родителями, тогда какъ для того были назначены извѣстные дни и часы, беззаконные отпуски домой, и особенно отпуски на ночь. Главный над-

зиратель задалъ такую гонку моему благодѣтелю, что старикъ долго ходилъ задумавшись. Камашевъ сказалъ ему съ тихою улыбкою, „что если что-нибудь подобное случится еще одинъ разъ, то онъ попроситъ почтеннѣйшаго Василія Петровича оставить службу при гимназіи.“ Я горько плакалъ, узнавъ объ этомъ, и получилъ непреодолимое отвращеніе и ужасъ даже къ имени главнаго надзирателя—и не даромъ: онъ не взлюбилъ меня безъ всякой причины, сдѣлался моимъ гонителемъ, и впослѣдствіи много пролила отъ него слезъ моя бѣдная мать. Дня черезъ три послѣ своего возвращенія, Камашевъ вызвалъ меня изъ фронта на средину залы и сказалъ мнѣ довольно длинное поученіе на слѣдующую тему: что дурно быть избалованнымъ мальчикомъ, что нехорошо пользоваться пристрастнымъ снисхожденіемъ начальства и не быть благодарнымъ правительству, которое великодушно взяло на себя немаловажныя издержки для моего образованія.— Хотя я былъ кроткій и добрый мальчикъ, но впечатлительный и вспыльчивый отъ природы. Я стоялъ, потупивъ глаза, и, неизвѣстное мнѣ до тѣхъ поръ, чувство незаслуженнаго оскорбленія и гнѣва волновало мою грудь. „Что вы не смотрите на меня? вдругъ сказалъ Камашевъ, это недобрый знакъ, если мальчикъ прячетъ свои глаза и не смѣетъ или не хочетъ смотрѣть прямо на своего начальника.... Глядите на меня!“ произнесъ онъ строго и возвыся голосъ. Я поднялъ глаза и, видно, въ нихъ такъ много выражалось внутренняго чувства оскорбленной дѣтской гордости, что Камашевъ отвернулся и сказалъ, уходя, Упадышевскому: „онъ совсѣмъ не такъ смиренъ и добръ, какъ вы говорите.“—Послѣ я узналъ, что главный надзиратель хотѣлъ перевесть меня изъ благонравной комнаты; онъ потребовалъ аттестаты всѣхъ учителей и надзирателей; но вездѣ стояло: *примѣрнаго поведенія и прилежанія, отличный въ успѣхахъ*, и Камашевъ оставилъ меня на прежнемъ мѣстѣ. Во все время перваго пребыванія моего въ гимназіи, онъ часто осматривалъ въ классахъ мои книги и тетради, заставлялъ учителей спрашивать меня при себѣ и нерѣдко придирался ко мнѣ изъ пустяковъ, а надзирателямъ приказывалъ, чтобы заставляли меня играть вмѣстѣ съ воспитанниками, прибавляя: что онъ не любитъ *тихоней* и *особняковъ*. Теперь я понимаю, что такое замѣчаніе иногда бываетъ вѣрно; но ко мнѣ оно вовсе не шло и только умножало мое справедливое раздраженіе

Упадышевскій нѣжно любилъ меня и, съ заботливостью матери, всякій день осматривалъ мое платье и постель, чистоту рукъ, тетрадей и книгъ; онъ часто твердилъ мнѣ, чтобы я всегда смотрѣлъ въ глаза Николаю Иванычу и ничего не возражалъ на его замѣчанія и выговоры: изъ любви къ старику, я исполнялъ въ точности его наставленія.

Камашевъ не унимался. По распоряженію гимназическаго начальства, никто изъ воспитанниковъ не могъ имѣть у себя ни своихъ вещей, ни денегъ; деньги, если онѣ были, хранились у комнатныхъ надзирателей и употреблялись съ разрѣшенія главнаго надзирателя; покупка съѣстнаго и лакомства строго запрещалась; конечно, были злоупотребленія, но подъ большою тайной. Въ числѣ другихъ строгостей находилось постановленіе, чтобы переписка воспитанниковъ съ родителями и родственниками производилась черезъ надзирателей: каждый ученикъ долженъ былъ отдать незапечатанное письмо, для отправки на почту, своему комнатному надзирателю, и онъ имѣлъ право прочесть письмо, если воспитанникъ не пользовался его довѣренностью. Это постановленіе рѣшительно не исполнялось; но Камашевъ потребовалъ, чтобъ Упадышевскій показывалъ ему мои письма. Скрѣпя сердце, добрый старикъ, который въ каждомъ моемъ письмѣ, не читая его, приписывалъ самъ, долженъ былъ сдѣлаться моимъ цензоромъ. Первое имъ прочитанное письмо привело его въ большое затрудненіе: оно все состояло изъ описанія моего грустнаго, ежедневнаго состоянія, изъ жалобъ на товарищей и даже на учителей, изъ выраженій горячаго желанія увидѣть мать, оставить поскорѣе противную гимназію и уѣхать изъ нея на лѣто въ деревню. Не было ничего предосудительнаго, но Василій Петровичъ чувствовалъ, что въ глазахъ Николая Иваныча каждое мое слово будетъ виновато, что онъ найдетъ тутъ ропотъ, обвиненіе начальства, клевету на учебное заведеніе и неблагодарность къ правительству. Что было ему дѣлать? Открыть мнѣ настоящее положеніе дѣлъ—ему сначала не хотѣлось: это значило войти въ заговоръ съ мальчикомъ противъ своего начальства; онъ чувствовалъ даже, что я не пойму его, что не буду умѣть написать такого письма, которое могъ бы одобрить Камашевъ; лишить мою мать единственнаго утѣшенія получать мои задушевныя письма—по добротѣ сердца, онъ не могъ.—Цѣлыя сутки ломалъ онъ голову, но ничего не придумалъ, какъ самъ онъ послѣ

сказывалъ, и рѣшился наконецъ открыть мнѣ всю истину, рѣшившись въ то же время обманывать своего стараго начальника. Такимъ образомъ, онъ заставилъ меня написать другое письмо, подъ его диктовку, совершенно оффиціальное, и показалъ его главному надзирателю, который, разумѣется, не могъ въ немъ найти ничего къ моему обвиненію. Оба письма были отправлены вмѣстѣ. Вся послѣдующая переписка состояла уже изъ двойныхъ писемъ: явныхъ и тайныхъ, даже тогда, когда мой гонитель пересталъ ихъ читать. Василій Петровичъ сейчасъ написалъ къ моей матери, отчего это такъ дѣлается; письма относилъ на почту самъ Евсеичъ. Я не умѣлъ тогда оцѣнить всю великость самоотверженія, съ которымъ дѣйствовалъ мой благодѣтель; но мать моя оцѣнила его вполнѣ и написала къ Упадышевскому письмо, въ которомъ выражалась самая горячая материнская благодарность. Нечего и говорить, что она хотя не знала вполнѣ гоненій Камашева, но была очень ими встревожена.

Дѣла продолжали итти въ прежнемъ порядкѣ; но со мной случилась перемѣна, которая для всѣхъ должна показаться странною, неестественною, потому что, въ продолженіи полутора мѣсяца, я бы долженъ былъ привыкнуть къ новому образу жизни: я сталъ задумываться и грустить; потомъ грусть превратилась въ періодическую тоску, и наконецъ въ болѣзнь. Двѣ причины могли произвесть эту печальную перемѣну: догнавъ во всѣхъ классахъ моихъ товарищей, получая обыкновенные, весьма небольшіе уроки, которые я часто выучивалъ не выходя изъ класса, я ничѣмъ не былъ занятъ, не только во все время свободное отъ ученья, но даже во время классовъ,—и умственная дѣятельность мальчика, потерявъ существенную пищу, вся обратилась на безпрестанное размышленіе и разсматриваніе своего настоящаго положенія, на безпрестанное воображеніе, что дѣлается въ его семействѣ, какъ тоскуетъ о немъ его несчастная мать, и на воспоминаніе прежней, блаженной деревенской жизни. Я возненавидѣлъ въ душѣ противную гимназію, ученье, и рѣшилъ посвоему, что оно совершенно безполезно, совсѣмъ не нужно, и что отъ него всѣ дѣти дѣлаются негодными мальчиками. Второю причиною, и можетъ быть главнѣйшею, — было несправедливое гоненіе Камашева. Каждое его появленіе производило потрясеніе въ моихъ нервахъ, а онъ пріѣзжалъ всякій день по два раза, и никто не зналъ времени его прі-

ѣзда. Не было такого часу ни днемъ, ни ночью, въ который бы онъ когда-нибудь не посѣщалъ гимназіи, и посѣщенія эти были совершенно неожиданны и внезапны. Теперь я отдаю полную справедливость его неусыпной, хотя слишкомъ строгой и педантичной дѣятельности; но тогда онъ казался мнѣ тираномъ, извергомъ, злымъ духомъ, который выросталъ какъ будто изъ земли, даже въ такихъ мѣстахъ, куда и надзиратели не заглядывали. Его страшный для меня образъ поселился въ дѣтскомъ моемъ воображеніи, и тягостное его присутствіе со мной не разставалось. Притомъ тайныя мои письма къ матери сдѣлались гораздо короче прежнихъ и писались часъ отъ часу съ большимъ стѣсненіемъ, съ большей осторожностью. Я понялъ наконецъ, какое насиліе дѣлаетъ Упадышевскій своему честному и прямодушному характеру, и чѣмъ онъ рискуетъ. — Впослѣдствіи присоединилась и третья причина. Въ концѣ марта и въ началѣ апрѣля, солнце начало сильно грѣть, снѣгъ таялъ, ручьи побѣжали по улицамъ, дохнула весна, и ея дыханіе потрясало нервы мальчика, еще безсознательно, но уже страстно любившаго природу. Раздражительное дѣйствіе солнечныхъ весеннихъ лучей на человѣческій организмъ — дѣло извѣстное. Я живо помню, что въ красные дни мнѣ было гораздо тяжеле, чѣмъ въ пасмурные. Какъ бы то ни было, только я началъ задумываться, или лучше сказать, переставалъ слышать, что говорили другіе; безъ участія училъ свои уроки, сказывалъ ихъ, слушалъ замѣчанія или похвалы учителей, и часто, смотря имъ прямо въ глаза—воображалъ себя въ миломъ Аксаковѣ, въ тихомъ родительскомъ домѣ, подлѣ любящей матери: всѣмъ казалось это простою разсѣянностью. Чтобы живѣе предаваться мечтамъ моего воображенія, представительная сила котораго возрастала съ каждымъ днемъ, я зажмуривалъ глаза и нерѣдко получалъ толчки отъ сосѣдей, которые думали, что я сплю. Одинъ разъ, въ классѣ русской грамматики, злой мальчишка, Рушка, закричалъ: „Аксаковъ спитъ!“ Учитель, спросивъ у другихъ учениковъ, точно ли я спалъ, и получивъ утвердительный отвѣтъ, едва не поставилъ меня на колѣни. Я перестлалъ зажмуривать глаза въ классахъ; но сталъ чаще подъ извѣстными предлогами уходить изъ нихъ, разумѣется, сказавши прежде свой урокъ, и мнѣ иногда удавалось спокойно простоять съ четверть часа гдѣ-нибудь въ углу коррндора и помечтать съ закрытыми глазами. По окончаніи послѣ-

обѣденныхъ классовъ, послѣ получасового бѣганья въ пріемной залѣ, въ которомъ я только по принужденію принималъ иногда участіе, когда всѣ должны были усѣсться, каждый за своимъ столикомъ у кровати, и твердить урокъ къ завтрашнему дню, я также садился, клалъ передъ собою книгу и, посреди громкаго бормотанья твердимыхъ вслухъ уроковъ, переносился моимъ воображеніемъ все туда же, въ обѣтованный край, въ сельскій домъ на берегу Бугуруслана. Скоро однако такое напряженное усиліе воображенія развилось до такихъ огромныхъ размѣровъ, что слабый тѣлесный составъ не могъ ихъ выносить. На меня стала нападать истерическая тоска, сопровождаемая такими тяжелыми слезами и рыданіями, что я впадалъ на нѣсколько минутъ въ безпамятство; послѣ я узналъ, что въ продолженіи его появлялись у меня на лицѣ судорожныя движенія. Сначала я умѣлъ какъ-то скрывать мое состояніе ото всѣхъ. Я дѣлалъ это безсознательно, можетъ быть по тайному чувству угадывая, что мнѣ станутъ мѣшать предаваться моимъ мечтамъ, которыя составляли мою единственную отраду. Тоска почти всегда находила на меня вечеромъ; я чувствовалъ ея приближеніе и выбѣгалъ черезъ заднее крыльцо на внутренній дворъ, куда могли ходить всѣ ученики для своихъ надобностей; иногда я прятался за колонну, иногда притаивался въ углу, который образовался высокимъ крыльцомъ, выступавшимъ изъ средины зданія; иногда взбѣгалъ по лѣстницѣ наверхъ и садился въ углу сѣней второго этажа, слабо освѣщаемомъ снизу висящимъ фонаремъ. Вѣроятно, холодный воздухъ способствовалъ скорому прекращенію припадковъ, и я возвращался на свое мѣсто въ обыкновенномъ своемъ положеніи. Но одинъ разъ забѣжалъ я въ незапертые классы, когда сторожа убирали ихъ; самъ не знаю, какъ я забился подъ скамью одного стола. Мнѣ кажется, этотъ припадокъ продолжался долѣе прежнихъ, можетъ быть отъ того, что случился не на свѣжемъ воздухѣ. Сторожъ замѣтилъ меня, хотѣлъ выгнать, но видя, что я ничего не отвѣчаю, донесъ надзирателю; тотъ узналъ меня и сказалъ Упадышевскому. Встревоженный старикъ прибѣжалъ ко мнѣ наверхъ; но въ самую эту минуту я очнулся и спокойно воротился съ нимъ въ свою комнату. До этого случая, Упадышевскій, обнадеженный моимъ почти двухмѣсячнымъ пребываніемъ, моимъ прилежнымъ ученьемъ, хотя и замѣчалъ мою разсѣянность или задумчивость, но не придавалъ ей ни-

какого особеннаго значенія. Тутъ онъ разспросилъ меня подробно. Я разсказалъ ему съ полною откровенностью все то, что зналъ о своемъ состояніи; но я многаго не понималъ и многаго не помнилъ. Въ продолженіи ночи, онъ самъ и мой дядька Евсеичъ наблюдали за мной: я проспалъ до утра совершенно спокойно. Надобно замѣтить, что въ продолженіи всего перваго періода моей болѣзни всѣ ночи я спалъ хорошо; упоминаю объ этомъ потому, что во второмъ періодѣ болѣзнь взяла совершенно противоположный характеръ. На другой день поутру, по обыкновенію, пріѣхалъ Бенисъ въ больницу, куда и былъ я приведенъ Упадышевскимъ. Докторъ разспросилъ и осмотрѣлъ меня внимательно, нашелъ, что я нѣсколько похудѣлъ, поблѣднѣлъ и что пульсъ у меня разстроенъ, но отпустилъ въ классъ, не предписалъ никакого лѣкарства, запретилъ изнурять меня ученьемъ,—не вѣря моимъ словамъ, что оно слишкомъ легко,—приказалъ наблюдать за мной и никуда одного не пускать. Онъ прибавилъ къ этому, чтобы всякій день, во время его пріѣзда въ больницу, я приходилъ къ нему. Упадышевскій принялъ всѣ нужныя мѣры: кромѣ того, что онъ самъ безпрестанно подходилъ ко мнѣ, онъ поручилъ двумъ воспитанникамъ постоянно смотрѣть за мной во всякое время, свободное отъ ученья; дядька же мой долженъ былъ итти со мной всякій разъ, когда я выходилъ на задній дворъ. Во всей гимназіи разнесся слухъ, что „на Аксакова находитъ *черная немочь*“. Я испугался, хотя не понималъ значенія этихъ словъ.—Мнѣ показалось очень непріятно такое постоянное вниманіе постороннихъ людей къ каждому моему движенію; цѣлый вечеръ мнѣ было скучно и грустно. Я уже привыкъ наслаждаться моими мечтами, а теперь мысль, что нѣсколько глазъ меня наблюдаютъ, мѣшала мнѣ оторваться отъ горькой дѣйствительности, чтобъ грезить на-яву сладкими снами; но тѣмъ не менѣе вечеръ прошелъ благополучно: ни тоски, ни истерическаго припадка не было. Упадышевскій и дядька мой обрадовались; очень также остался доволенъ и Бенисъ, когда я на другой день пришелъ къ нему въ больницу и когда Василій Петровичъ разсказалъ, что весь вчерашній день, вечеръ и ночь я провелъ спокойно. Не смотря на то, что докторъ нашелъ мой пульсъ такъ же разстроеннымъ, онъ отпустилъ меня безъ всякихъ медицинскихъ пособій, увѣряя, что дѣло поправится и что натура преодолѣетъ болѣзненное начало; но на другой день оказалось, что дѣло не

поправилось, а только измѣнилось: часу въ девятомъ утра, сидя въ ариѳметическомъ классѣ, вдругъ я почувствовалъ, совершенно неожиданно, сильное стѣсненіе въ груди, черезъ нѣсколько минутъ зарыдалъ, упалъ и впалъ въ безпамятство. Сдѣлался большой шумъ, послали за Упадышевскимъ; по счастію онъ былъ дома [1]) и приказалъ перенесть меня въ спальную, гдѣ я черезъ четверть часа очувствовался и даже воротился въ классъ. Вечеромъ припадокъ повторился и продолжался гораздо долѣе. Больше всего встревожился благодѣтельный Василій Петровичъ и перепугался мой усердный дядька. На этотъ разъ Бенисъ далъ мнѣ какія-то капли (вѣроятно нервныя), которыя я долженъ былъ принимать, какъ только почувствую стѣсненіе; по постнымъ днямъ приказалъ давать мнѣ скоромный обѣдъ изъ больницы и вмѣсто чернаго хлѣба булку, но оставить въ больницѣ ни за что не согласился. Капли сначала помогли мнѣ, и дня три, хотя я начиналъ тосковать и плакать, но въ безпамятство не впадалъ; потомъ, по привычкѣ ли моей натуры къ лѣкарству, или по усиленію болѣзни, только припадки стали возвращаться чаще и сильнѣе прежняго.

Никакой періодъ моего дѣтства не помню я съ такою отчетливою ясностью, какъ время перваго пребыванія моего въ гимназіи. Я могъ бы безошибочно разсказать со всѣми подробностями (чего, конечно, дѣлать не буду) весь ходъ моего страннаго недуга. Всѣмъ казалось тогда, а въ томъ числѣ и мнѣ, что появленіе припадковъ происходило безъ всякой причины; но теперь я убѣжденъ въ противномъ: они всегда происходили отъ неожиданно возникавшаго воспоминанія изъ прошедшей моей жизни, которая вдругъ представлялась моему воображенію съ живостью и яркостью ночныхъ сновидѣній. Иногда я доходилъ до такихъ явленій сознательно и постепенно, углубляясь въ неисчерпаемое хранилище памяти, но иногда они посѣщали меня безъ моего вѣдома и желанія. Случалось, что въ то время, когда я думалъ совсѣмъ о другомъ и даже когда былъ сильно занятъ ученьемъ, — вдругъ какой-нибудь звукъ голоса, вѣроятно похожій на слышанный мною прежде, полоса солнечнаго свѣта на окнѣ или стѣнѣ, точно такъ освѣщавшая нѣкогда знакомые, дорогіе мнѣ пред-

[1]) Изъ четырехъ человѣкъ надзирателей двое дежурныхъ никуда не отлучались; но остальные, во время классовъ, могли уходить по своимъ надобностямъ; къ обѣду же и ужину всѣ собирались на лицо.

меты, муха, жужжавшая и бившаяся на стеклѣ окошка, на что я часто засматривался въ ребячествѣ—мгновенно и на одно мгновеніе, неуловимо для сознанія, вызывали забытое прошедшее и потрясали мои напряженные нервы. Впрочемъ нѣкоторые случаи объяснялись тогда же сами собою: одинъ разъ я сказывалъ урокъ, какъ вдругъ голубь сѣлъ на подоконную доску и началъ кружиться и ворковать—это сейчасъ напомнило мнѣ моихъ любимыхъ голубей и деревню: грудь моя стѣснилась и послѣдовалъ припадокъ. Въ другой разъ пришелъ я напиться квасу или воды въ особенную комнату, которая называлась *квасною*; тамъ бросился мнѣ въ глаза простой деревянный столъ, который прежде вѣроятно я видалъ много разъ, не замѣчая его, но теперь онъ былъ выскобленъ за-ново и казался необыкновенно чистымъ и бѣлымъ: въ одно мгновеніе представился мнѣ такого же вида липовый столъ, всегда блиставшій бѣлизной и гладкостью, принадлежавшій нѣкогда моей бабушкѣ, а потомъ стоявшій въ комнатѣ у моей тетки, въ которомъ хранились разныя бездѣлушки, драгоцѣнныя для дитяти: узелки съ тыквенными, арбузными и дынными сѣменами, изъ которыхъ тетка моя дѣлала чудныя корзиночки и подносики; мѣшочки съ рожковыми зернами, съ раковыми жерновками, а всего болѣе большой игольникъ, въ которомъ вмѣстѣ съ иголками хранились крючки для удочекъ, изрѣдка выдаваемые мнѣ бабушкой; все это, бывало, я разсматривалъ съ восхищеніемъ, съ напряженнымъ любопытствомъ, едва переводя дыханіе... Я былъ пораженъ сходствомъ этихъ столовъ, прошедшее ярко блеснуло, ожило передо мною—сердце замерло и послѣдовалъ сильный припадокъ. Точно то же случилось со мной при взглядѣ на кошку, которая спала, свернувшись клубкомъ на солнышкѣ, и напомнила мнѣ мою любимую кошку въ деревнѣ. Мнѣ кажется довольно этихъ случаевъ, чтобы предположить во всѣхъ остальныхъ подобныя причины.

Положеніе мое становилось хуже и хуже. Припадки появлялись чаще, продолжались долѣе; я потерялъ аппетитъ, блѣднѣлъ и худѣлъ съ каждымъ днемъ; терялъ также и охоту заниматься ученьемъ; одинъ только сонъ подкрѣплялъ меня. Внимательный Василій Петровичъ замѣтилъ, что мнѣ вредно раннее вставанье, пробовалъ одинъ разъ не будить меня до восьми часовъ и увидѣлъ, что я тотъ день чувствовалъ себя гораздо лучше. Дядька мой ходилъ за мной съ отцов-

ской нѣжностью. Камашевъ пробовалъ нѣсколько разъ говорить мнѣ строгія поученія, и даже стращалъ наказаніемъ, если я не буду держать себя, какъ слѣдуетъ благовоспитанному мальчику. Мою болѣзнь называлъ онъ баловствомъ, хандрою и дурнымъ примѣромъ для другихъ. Наконецъ, онъ приказалъ положительно отдать меня въ больницу; этого желали всѣ и я самъ; противился только одинъ Бенисъ; но теперь онъ долженъ былъ согласиться, и меня отвели въ лазаретъ.

Моя мать, уѣзжая въ послѣдній разъ изъ Казани, заставила моего дядьку Евсеича побожиться передъ образомъ, что онъ увѣдомитъ ее, если я сдѣлаюсь боленъ. Онъ давно порывался исполнить свое обѣщаніе и открылся въ этомъ Упадышевскому, но тотъ постоянно его удерживалъ; теперь же онъ рѣшился дѣйствовать, не спрашиваясь никого: одинъ изъ грамотныхъ дядекъ написалъ ему письмо, въ которомъ, безъ всякой осторожности и даже несправедливо, онъ извѣщалъ, что молодой баринъ боленъ падучею болѣзнью и что его отдали въ больницу. Можно себѣ представить, какимъ громовымъ ударомъ разразилось это письмо надъ моимъ отцомъ и матерью. Письмо шло довольно долго и пришло въ деревню во время совершенной распутицы, о которой около Москвы не могутъ имѣть и понятія; дорога прорывалась на каждомъ шагу, и во всякомъ долочкѣ была зажора, то-есть, снѣгъ, насыщенный водою; ѣхать было почти невозможно. Но мать мою ничто удержать не могло; она выѣхала тотъ же день въ Казань, съ своей Парашей и молодымъ мужемъ ея, Ѳедоромъ; ѣхала день и ночь на перемѣнныхъ крестьянскихъ, не подкованныхъ лошадяхъ [1]), въ простыхъ крестьянскихъ саняхъ въ одну лошадь; всѣхъ саней было четверо: въ трехъ сидѣло по одному человѣку безъ всякой поклажи, которая вся помѣщалась на четвертыхъ саняхъ. Только такимъ образомъ была какая-нибудь возможность подвигаться шагъ за шагомъ впередъ, и то пользуясь морозными утренниками, которые на этотъ разъ продолжались по счастію до половины апрѣля. Въ десять дней дотащилась моя мать до большого села Мурзихи на берегу Камы; здѣсь вышла уже большая почтовая дорога, крѣпче уѣзженная, а потому ѣхать

[1]) По проселкамъ, при глубокомъ снѣгѣ, подкованныхъ лошадей въ это время года дорога не поднимаетъ.

по ней представлялось болѣе возможности. но за то изъ Мурзихи надобно было переѣхать черезъ Каму, чтобъ попасть въ село Шуранъ. находящееся, кажется, въ 80-ти верстахъ отъ Казани. Кама еще не прошла, но надулась и посинѣла; наканунѣ перенесли черезъ нее на рукахъ почту; но въ ночь пошелъ дождь, и никто не соглашался переправить мою мать и ея спутниковъ на другую сторону. Мать моя принуждена была ночевать въ Мурзихѣ; боясь каждой минуты промедленія, она сама ходила изъ дома въ домъ по деревнѣ и умоляла добрыхъ людей помочь ей, разсказывала свое горе и предлагала въ вознагражденіе все, что имѣла. Нашлись добрые и смѣлые люди, понимавшіе материнское сердце, которые обѣщали ей, что если дождь въ ночь уймется и къ утру хоть крошечку подмерзнетъ, то они берутся благополучно доставить ее на ту сторону и возьмутъ то, что она пожалуетъ имъ за труды. До самой зари молилась мать моя, стоя въ углу на колѣняхъ передъ образомъ той избы, гдѣ провела ночь. Теплая материнская молитва была услышана: вѣтеръ разогналъ облака и къ утру морозъ высушилъ дорогу и тонкимъ ледочкомъ затянулъ лужи. На зарѣ, шестеро молодцовъ, рыбаковъ по промыслу, выросшихъ на Камѣ и привыкшихъ обходиться съ нею во всякихъ ея видахъ, каждый съ шестомъ или багромъ, привязавъ за спины нетяжелую поклажу, перекрестясь на церковный крестъ, взяли подъ руки обѣихъ женщинъ, обутыхъ въ мужскіе сапоги, дали шестъ Ѳедору, поручивъ ему тащить *чуманъ*, то-есть, широкій лубокъ, загнутый спереди кверху и привязанный на веревкѣ, взятый на тотъ случай, что неравно барыня устанетъ,—и отправились въ путь, пустивъ впередъ самаго расторопнаго изъ своихъ товарищей для ощупыванія дороги. Дорога лежала вкось и надобно было пройти около трехъ верстъ. Переходъ черезъ огромную рѣку въ такое время такъ страшенъ, что только привычный человѣкъ можетъ совершить его, не теряя бодрости и присутствія духа. Ѳедоръ и Параша просто ревѣли, прощались съ бѣлымъ свѣтомъ и со всѣми родными, и въ иныхъ мѣстахъ надобно было силою заставлять ихъ итти впередъ; но мать моя съ каждымъ шагомъ становилась бодрѣе и даже веселѣе. Провожатые поглядывали на нее и привѣтливо потряхивали головами. Надобно было обходить полыньи, перебираться, по сложеннымъ вмѣстѣ шестамъ, черезъ трещины; мать моя нигдѣ не хотѣла

сѣсть на чуманъ, и только тогда, когда дорога, подойдя къ противоположной сторонѣ, пошла возлѣ самаго берега по мелкому мѣсту, когда вся опасность миновалась, она почувствовала слабость; сейчасъ постлали на чуманъ мѣховое одѣяло, положили подушки, мать легла на него, какъ на постель, и почти лишилась чувствъ: въ такомъ положеніи дотащили ее до ямского двора въ Шуранѣ. Мать моя дала сто рублей своимъ провожатымъ, то-есть, половину своихъ наличныхъ денегъ, но честные люди не захотѣли ими воспользоваться; они взяли по синенькой на брата (по пяти рублей ассигнаціями). Съ изумленіемъ слушая изъявленіе горячей благодарности и благословенія моей матери, они сказали ей на прощаньѣ: „дай вамъ Богъ благополучно доѣхать“ и немедленно отправились домой, потому что мѣшкать было некогда: рѣка прошла на другой день. Все это подробно разсказала мнѣ Параша. Изъ Шурана въ двое сутокъ мать моя доѣхала до Казани, остановилась гдѣ-то на постояломъ дворѣ, и черезъ полчаса уже была въ гимназіи.

Обращаюсь назадъ: въ больницѣ помѣстили меня очень хорошо; дали особую, небольшую комнату, назначенную для тяжелыхъ больныхъ, которыхъ на ту пору не было; тамъ спалъ со мною мой дядька, переведенный въ больничные служители. Лѣкарь или подлѣкарь, хорошенько не знаю, Андрей Ивановичъ Риттеръ, жилъ подлѣ меня. Это былъ рослый, румяный, красивый и веселый дѣтина; онъ впрочемъ сидѣлъ дома только по утрамъ, ожидая Бениса, послѣ котораго немедленно отправлялся на практику, которую дѣйствительно имѣлъ въ купеческихъ домахъ; онъ былъ большой гуляка и не рѣдко возвращался домой поздно и въ нетрезвомъ видѣ. Удивляюсь, какъ терпѣлъ его главный надзиратель; впрочемъ, на больныхъ онъ обращалъ менѣе вниманія, чѣмъ на здоровыхъ, и въ больницѣ Упадышевскій имѣлъ больше вѣсу. Я совершенно забылъ имя и фамилію добраго старика, бывшаго тогда больничнымъ надзирателемъ, хотя очень помню, какъ онъ былъ попечителенъ и ласковъ ко мнѣ. Упадышевскій сейчасъ позаботился, что бы мнѣ не было скучно, и снабдилъ меня книгами: „Дѣтскимъ училищемъ“ въ нѣсколькихъ томахъ, „Открытіемъ Америки“ и „Завоеваніемъ Мексики“. Какъ я обрадовался тишинѣ, спокойствію и книгамъ! Халатъ вмѣсто мундира, полная свобода въ употребленіи времени, отсутствіе звонка и чтеніе были полезнѣе для меня

всякихъ лѣкарствъ и питательной пищи. Колумбъ и Пиззаро возбуждали все мое любопытство, а несчастный Монтезума— все мое участіе. Прочитавъ въ нѣсколько дней „Открытіе Америки“ и „Завоеваніе Мексики“, я принялся и за „Дѣтское училище“. При этомъ чтеніи случилось со мной обстоятельство, которое привело меня въ великое недоумѣніе и которое я разрѣшилъ себѣ отчасти только впослѣдствіи. Читая, не помню, который томъ, дошелъ я до сказки „Красавица и звѣрь“; съ первыхъ строкъ показалась она мнѣ знакомою, и чѣмъ далѣе, тѣмъ знакомѣе; наконецъ я убѣдился, что эта была сказка, коротко извѣстная мнѣ подъ именемъ: „Аленькой цвѣточекъ“, которую я слышалъ не одинъ десятокъ разъ въ деревнѣ, отъ нашей ключницы Пелагеи. Ключница Пелагея была въ своемъ родѣ замѣчательная женщина: очень въ молодыхъ годахъ бѣжала она, вмѣстѣ съ отцомъ своимъ, отъ прежнихъ господъ своихъ, Алакаевыхъ, въ Астрахань, гдѣ прожила слишкомъ двадцать лѣтъ; отецъ ея скоро умеръ, она вышла замужъ, овдовѣла, жила въ наймахъ по купеческимъ домамъ, и въ томъ числѣ у купцовъ Персіянъ, соскучилась, провѣдала какъ-то, что она досталась другимъ господамъ, именно моему дѣдушкѣ, господину строгому, но справедливому и доброму, и за годъ до его смерти явилась изъ бѣговъ въ Аксаково. Дѣдушка, изъ уваженія къ такому добровольному возвращенію, принялъ ее очень милостиво, а какъ она была проворная баба и на все мастерица, то онъ полюбилъ ее и сдѣлалъ ключницей. Должность эту отправляла она и въ Астрахани. Пелагея, кромѣ досужества въ домашнемъ обиходѣ, принесла съ собою необыкновенное дарованіе сказывать сказки, которыхъ знала несчетное множество. Очевидно, что жители Востока распространили въ Астрахани и между Русскими особенную охоту къ слушанью и разсказыванью сказокъ. Въ обширномъ сказочномъ каталогѣ Пелагеи, вмѣстѣ съ русскими сказками, находилось множество сказокъ восточныхъ, и въ томъ числѣ нѣсколько изъ „Тысячи и одной ночи“. Дѣдушка обрадовался такому кладу, и какъ онъ уже начиналъ хворать и худо спать, то Пелагея, имѣвшая еще драгоцѣнную способность не дремать по цѣлымъ ночамъ, служила большимъ утѣшеніемъ больному старику. Отъ этой-то Пелагеи наслушался я сказокъ въ долгіе зимніе вечера. Образъ здоровой, свѣжей и дородной сказочницы, съ веретеномъ въ рукахъ за гребнемъ, неизгладимо врѣзался

въ мое воображеніе, и если бы я былъ живописецъ, то написалъ бы ее сію минуту, какъ живую. Содержанію „Красавица и звѣрь“ или „Аленькой цвѣточекъ“ суждено было еще разъ удивить меня впослѣдствіи. Черезъ нѣсколько лѣтъ пришелъ я въ казанскій театръ слушать и смотрѣть оперу „Земира и Азоръ“: это былъ опять „Аленькой цвѣточекъ“, даже въ самомъ ходѣ піесы и въ ея подробностяхъ.

Между тѣмъ, не смотря на занимательное чтеніе, на сладкіе, ничѣмъ нестѣсняемые разговоры съ Евсеичемъ про деревенскую жизнь, удочку, ястребовъ и голубей, не смотря на удаленіе отъ скучнаго школьнаго шума и тормошенья товарищей, не смотря на множество пилюль, порошковъ и микстуръ, глотаемыхъ мною, болѣзнь моя, сначала какъ будто уступившая лѣченью и больничному покою, не уменьшалась, и припадки возобновлялись по нѣскольку разъ въ день; но меня какъ-то не смущали они, и сравнительно съ прежнимъ я былъ очень доволенъ своимъ положеніемъ. Больница помѣщалась въ третьемъ этажѣ, окнами на дворъ. Зданіе гимназіи (теперешній университетъ) стояло на горѣ; видъ былъ великолѣпный: вся нижняя половина города съ его Суконными и Татарскими слободами, Булакъ, огромное озеро Кабанъ, котораго воды сливались весною съ разливомъ Волги— вся эта живописная панорама разстилалась передъ глазами. Я очень помню, какъ ложились на нее сумерки и какъ постепенно освѣщалась она утренней зарей и восходомъ солнца. Вообще пребываніе въ больницѣ оставило во мнѣ навсегда тихое и отрадное воспоминаніе, хотя никто изъ товарищей не навѣщалъ меня. Приходили только одинъ разъ Княжевичи, съ которыми однако я тогда еще близко не сошелся, потому что мало съ ними встрѣчался; они были въ среднихъ классахъ и жили „во французской комнатѣ“ у надзирателя Мейснера. Притомъ я былъ такъ занятъ собою, или лучше сказать своимъ прошедшимъ, что не чувствовалъ и не показывалъ ни малѣйшаго къ нимъ расположенія; я подружился съ Княжевичами уже во время вторичнаго моего вступленія въ гимназію, особенно въ университетѣ.

Домой я писалъ каждую почту, увѣдомляя, что я совершенно здоровъ. Вдругъ, въ одинъ понедѣльникъ не получилъ я письма отъ матери. Я встревожился и началъ грустить; въ слѣдующій понедѣльникъ опять нѣтъ письма, и тоска овладѣла мною. Напрасно увѣрялъ меня дядька, что теперь

распутица, что изъ Аксакова нельзя проѣхать въ Бугурусланъ (уѣздный городъ, находящійся въ 25 верстахъ отъ нашей деревни) — я ничего не хотѣлъ слушать; я хорошо зналъ и понималъ, что не смотря ни на какое время каждую недѣлю ѣздили на почту. Я не знаю, что бы со мной было, еслибъ и въ третій срокъ я не получилъ письма; но въ серединѣ недѣли, именно поутру 14-го апрѣля, мой добрый Евсеичъ, послѣ нѣкотораго приготовленія, состоявшаго въ томъ, что „вѣрно потому нѣтъ писемъ, что матушка сама ѣдетъ, а можетъ быть и пріѣхала“, объявилъ мнѣ съ радостнымъ лицомъ, что Марья Николавна здѣсь въ гимназіи, что безъ доктора ее ко мнѣ не пускаютъ, и что докторъ сейчасъ пріѣдетъ. Не смотря на приготовленіе, мнѣ сдѣлалось дурно. Когда я очнулся, первыя мои слова были: „гдѣ маменька?“ Но возлѣ меня стоялъ Бенисъ и бранилъ ни въ чемъ невиноватаго Евсеича: какъ бы осторожно ни сказали мнѣ о пріѣздѣ матери, я не могъ бы принять безъ сильнаго волненія такого неожиданнаго и радостнаго извѣстія, а всякое волненіе произвело бы обморокъ. Докторъ былъ совершенно убѣжденъ въ необходимости дозволить свиданіе матери съ сыномъ, особенно когда послѣдній зналъ уже о ея пріѣздѣ, но не смѣлъ этого сдѣлать безъ разрѣшенія главнаго надзирателя или директора; онъ послалъ записки къ обоимъ. Отъ директора пришло позволеніе прежде, и когда мать была уже у меня въ комнатѣ, получили приказаніе отъ Камашева: „дожидаться его пріѣзда“.—Не нахожу словъ и не беру на себя разсказать, что чувствовалъ я, когда вошла ко мнѣ моя мать. Она такъ похудѣла, что можно было не узнать ее; но радость, что она нашла дитя свое не только живымъ, но гораздо въ лучшемъ положеніи, чѣмъ ожидала (ибо чего не придумало испуганное воображеніе матери),— такъ ярко свѣтилась въ ея всегда блестящихъ глазахъ, что она могла показаться и здоровою и веселою. Я забылъ все, что вокругъ меня происходило, обнялъ свою мать и нѣсколько времени не выпускалъ ее изъ моихъ дѣтскихъ рукъ. Черезъ нѣсколько минутъ явился Камашевъ. Холодно и вѣжливо онъ сказалъ моей матери, что для нея нарушенъ существующій порядокъ въ гимназіи, что никому изъ родственниковъ и родителей не позволяется входить во внутреннія комнаты учебнаго заведенія, что для этого назначена особая пріемная зала, что входъ въ больницу совершенно воспрещенъ и что осо-

бенно это не прилично для такой молодой и прекрасной дамы. Кровь бросилась въ лицо моей матери, и по своей природной вспыльчивости она много лишняго наговорила Камашеву. Она сказала между прочимъ, „что вѣрно только въ ихъ гимназіи существуетъ такой варварскій законъ, что матери вездѣ прилично быть, гдѣ лежитъ ея больной сынъ, и что она здѣсь съ дозволенія директора, непосредственнаго начальника его, г. главнаго надзирателя, и что ему остается только повиноваться“. Мать вонзила ножъ въ самое больное мѣсто. Камашевъ поблѣднѣлъ. Онъ сказалъ, что директоръ дозволилъ это только для перваго раза, что приказаніе его исполнено, что вѣроятно оно не повторится и что онъ проситъ теперь ее уѣхать.... Но Камашевъ не зналъ моей матери, и вообще не зналъ материнскаго сердца. Мать моя сказала ему, что она не выйдетъ изъ этой комнаты, покуда директоръ самъ лично или письменно не прикажетъ ей уѣхать, и что до той поры только силою можно удалить ее отъ сына. Все это было сказано такимъ голосомъ, съ такой энергіей, что не оставляло сомнѣнія въ точности исполненія. Она взяла стулъ, пододвинула къ моей кровати и сѣла на немъ, оборотясь спиной къ Камашеву. Не знаю, что бы сдѣлалъ этотъ послѣдній, если-бъ Бенисъ и Упадышевскій не упросили его выйти въ другую комнату; тамъ докторъ, какъ я узналъ послѣ отъ Василія Петровича, съ твердостью сказалъ главному надзирателю, что если онъ позволитъ себѣ какой-нибудь насильственный поступокъ, то онъ не ручается за несчастныя послѣдствія, и даже за жизнь больного, и что онъ также боится за мать. Упадышевскій, съ своей стороны, умолялъ пощадить бѣдную женщину, которая въ отчаяніи не помнитъ себя, а всего болѣе пощадить больного мальчика, и обѣщалъ ему, что онъ уговоритъ мать мою уѣхать черезъ нѣсколько времени. Камашевъ весьма неохотно согласился и вмѣстѣ съ Бенисомъ отправился для донесенія обо всемъ директору. Упадышевскій воротился къ моей матери, старался ее успокоить и сказалъ, что она можетъ остаться у меня часа на два. Мать пробыла у меня до сумерекъ, почти до шести часовъ вечера. Сцена съ Камашевымъ сначала сильно меня испугала, и я начиналъ уже чувствовать обыкновенное сжатіе въ груди; но онъ ушелъ, и присутствіе матери, ея ласки, ея разговоры, радость—не допустили явленія припадка. На прощанье, мать съ твердостью сказала мнѣ, что возьметъ

меня совсѣмъ изъ гимназіи и увезетъ въ деревню. Я совершенно повѣрилъ ей. Я привыкъ думать, что маменька можетъ сдѣлать все, что захочетъ, и счастливая будущность засіяла предо мной всѣми радужными цвѣтами счастливаго прошедшаго.

Мать моя отправилась изъ гимназіи прямо къ Бенису: его не было дома. Она бросилась (въ буквальномъ смыслѣ) къ ногамъ его жены и, обливаясь слезами, умоляла, чтобы ей возвратили изъ гимназіи сына. Мадамъ Бенисъ, понимавшая материнскія чувства, приняла живое участіе и увѣрила ее, что Христіанъ Карлычъ сдѣлаетъ все, что можетъ, что она за него ручается. Докторъ скоро пріѣхалъ. Обѣ женщины, каждая по своему, приступили къ нему съ просьбами; но Бениса убѣждать было не нужно; онъ сказалъ, что это его собственная мысль, что онъ уже намекнулъ объ этомъ директору, но что по несчастію вмѣстѣ съ нимъ былъ главный надзиратель, который сильно этому воспротивился и, кажется, успѣлъ склонить директора на свою сторону; что директоръ, хотя человѣкъ слабый, но не злой, что надежда на успѣхъ не потеряна. Тутъ мать разсказала всѣ несправедливыя придирки ко мнѣ и постоянное преслѣдованіе главнаго надзирателя. Бенисъ самъ не любилъ его за присвоеніе власти, ему не принадлежащей; онъ не только не смягчилъ раздраженія моей матери, но усилилъ его, и она возненавидѣла Камашева, какъ лютѣйшаго своего и моего врага. Хозяева поступили съ моей матерью, какъ друзья, какъ родные, уложили ее на диванъ и заставили съѣсть что-нибудь, потому что послѣднія сутки она не пила даже чая; дали ей какое-то лѣкарство, а главное увѣрили ее, что моя болѣзнь чисто нервная и что въ деревнѣ, въ своей семьѣ, я скоро совершенно оправлюсь. Рѣшено было вести съ главнымъ надзирателемъ открытую войну. На другой день, поутру, мать моя должна была пріѣхать къ директору до пріѣзда къ нему Камашева съ рапортомъ, выпросить позволеніе пріѣзжать ко мнѣ въ больницу два раза въ день, и потомъ вымолить обѣщаніе: отпустить меня въ деревню на попеченіе родителей, впредь до выздоровленія, если докторъ найдетъ это нужнымъ. Бенисъ просилъ только не жаловаться на Камашева, не говорить о немъ ничего дурного и не поминать объ его личномъ нерасположеніи и преслѣдованіяхъ ея больного сына. Призывая благословеніе Божіе на доктора и его жену, высказавъ

имъ все, что можетъ высказать благодарное материнское сердце, мать уѣхала отдохнуть на свою квартиру. Отдохновеніе было ей необходимо: двѣнадцать дней такой дороги, почти безъ сна и пищи, и цѣлый день такихъ душевныхъ мучительныхъ волненій могли свалить съ ногъ и крѣпкаго мужчину, а мать моя была больная женщина. Но Богъ въ немощныхъ являетъ свою крѣпость и силу, и уснувъ нѣсколько часовъ, мать моя проснулась бодрою и твердою. Въ девять часовъ утра она сидѣла уже въ гостиной директора. Онъ вышелъ немедленно и встрѣтилъ ее съ явнымъ предубѣжденіемъ, которое однако скоро прошло. Искренность горя и убѣдительность слезъ нашли путь къ его сердцу; безъ большого труда, онъ позволилъ матери моей пріѣзжать въ больницу каждый день по два раза и оставаться до восьми часовъ вечера; но просьба объ увольненіи меня изъ гимназіи встрѣтила большое сопротивленіе. Можетъ быть и тутъ слезы и мольбы одержали бы побѣду, но вдругъ вошелъ главный надзиратель, и сцена перемѣнилась. Директоръ возвысилъ голосъ и съ твердостью сказалъ, что увольнять казенныхъ воспитанниковъ по нездоровью, или потому, что они станутъ тосковать, разставшись съ семействомъ,—дѣло неслыханное: въ первомъ случаѣ, это значитъ признаться въ плохомъ состояніи врачебныхъ пособій и присмотра за больными, а въ послѣднемъ это просто смѣшно; какой же мальчикъ, особенно избалованный, привыкшій только заниматься дѣтскими играми, не будетъ тосковать, когда его отдадутъ въ училище?—Камашевъ сейчасъ присоединился къ директору и поддержалъ его слова многими, весьма разсудительными и въ то же время язвительными рѣчами. Онъ упомянулъ о вредныхъ слѣдствіяхъ женскаго воспитанія, материнскаго баловства и дурныхъ примѣровъ неуваженія, непокорности, дерзости и неблагодарности. Въ заключеніе онъ сказалъ, что правительство не за тѣмъ тратитъ деньги на жалованье чиновникамъ и учителямъ и на содержаніе казенныхъ воспитанниковъ, чтобъ увольнять ихъ до окончанія полнаго курса ученья, и слѣдовательно не воспользоваться ихъ службою по ученой части; что начальство гимназіи особенно должно дорожить такимъ мальчикомъ, который по отличнымъ способностямъ и поведенію обѣщаетъ со временемъ быть хорошимъ учителемъ.—Мать мою взорвала такая іезуитская двуличность; она забыла предостереженіе Бениса и весьма горячо и неосторожно высказала свое удив-

леніе, „что г. Камашевъ хвалилъ ея сына, тогда какъ, съ самаго его вступленія, онъ постоянно преслѣдовалъ бѣднаго мальчика всякими пустыми придирками, незаслуженными выговорами и насмѣшками, надавалъ ему разныхъ обидныхъ прозвищъ: *плаксы, матушкина сынка* и проч., которыя, разумѣется, повторялись всѣми учениками; что такое несправедливое гоненіе г. главнаго надзирателя было единственною причиною, почему обыкновенная тоска дитяти, разлученнаго съ семействомъ, превратилась въ болѣзнь, которая угрожаетъ печальными послѣдствіями, что она признаетъ г. главнаго надзирателя личнымъ своимъ врагомъ, который присвоиваетъ себѣ власть, ему не принадлежащую, который хотѣлъ выгнать ее изъ больницы, несмотря на позволеніе директора, и что г. Камашевъ, какъ человѣкъ пристрастный, не можетъ быть судьей въ этомъ дѣлѣ“. Директоръ былъ нѣсколько озадаченъ; но обозлившійся главный надзиратель возразилъ ей, „что она сама, по своей безразсудной горячности, портитъ все дѣло; что въ отсутствіе его она пользовалась слабостью начальства, брала сына безпрестанно на домъ, безпрестанно пріѣзжала въ гимназію, возвращалась съ дороги, наконецъ черезъ два мѣсяца опять пріѣхала, и что такимъ образомъ не даетъ возможности мальчику привыкнуть къ его новому положенію; что причиною его болѣзни она сама, а не строгое начальство, и что настоящій ея пріѣздъ надѣлаетъ много зла, потому что сынъ ея, который уже выздоравливалъ, сегодня поутру сдѣлался очень боленъ“.—При этихъ словахъ мать моя вскрикнула и упала въ обморокъ. Добродушный директоръ ужасно перепугался и не зналъ, что дѣлать. Обморокъ продолжался около часу; кое-какъ привели ее въ чувство. Первыя слова ея были: „пустите меня къ сыну“. Перепуганный и сжалившійся директоръ, обрадованный, что мать моя по крайней мѣрѣ не умерла (чего онъ очень опасался, какъ самъ разсказывалъ послѣ), подтвердилъ приказаніе Камашеву, чтобы мою мать всегда пускать въ больницу, куда она сейчасъ и уѣхала. Въ больницѣ встрѣтилъ ее докторъ и по возможности успокоилъ. Онъ поклялся, что моя новая болѣзнь, лихорадка, ничего не значитъ, что это слѣдствіе нервнаго потрясенія и что она даже можетъ быть полезна для моихъ обыкновенныхъ припадковъ. Въ самомъ дѣлѣ, первый лихорадочный пароксизмъ былъ очень легокъ, и хотя на другой онъ повторился сильнѣе, и хотя лихорадка въ такомъ видѣ

продолжалась двѣ недѣли, но за то истерическіе припадки не возвращались. Мать почти цѣлые дни проводила со мной. Директоръ нѣсколько разъ посѣщалъ больницу, и всякій разъ, встрѣчая у меня мать, былъ съ обоими нами очень ласковъ: ему жалко было смотрѣть на блѣдность и худобу моего лица; выразительныя черты моей матери, въ которыхъ живо высказывалось внутреннее состояніе души, также возбуждали его сочувствіе. Когда Камашевъ хотѣлъ на другой день войти ко мнѣ въ комнату, мать моя не пустила его и заперла дверь, и потомъ упросила директора, чтобы главный надзиратель не входилъ ко мнѣ при ней, говоря, что она не можетъ равнодушно видѣть этого человѣка и боится испугать больного такимъ же обморокомъ, какой случился въ домѣ г. директора; онъ очень его помнилъ и согласился. Главный надзиратель обидѣлся и не ходилъ ко мнѣ совсѣмъ.

Между тѣмъ намѣреніе взять меня изъ гимназіи, подкрѣпляемое согласіемъ Бениса, остановленное на время моею новою болѣзнью, приняло оффиціальный ходъ. Желая посовѣтоваться напередъ въ этомъ дѣлѣ съ друзьями, мать ѣздила къ Максиму Дмитріевичу Княжевичу; но твердый, нѣсколько грубый, хотя и добрый по природѣ, сербъ не одобрилъ этого намѣренія. „Нѣтъ, государыня моя, Марья Николавна, сказалъ онъ: не могу посовѣтовать взять сынка, завернуть его въ хлопочки, нѣжить и кормить сахаромъ, увезти въ деревню, чтобы онъ бѣгалъ тамъ съ дворовыми мальчишками и выросъ ни на что негоднымъ неучемъ. Ну какой выйдетъ изъ него мужчина? Откровенно скажу, что на мѣстѣ Тимоѳея Степановича не позволилъ бы вамъ такъ поступать“. Не понравились такія слова моей матери; она отвѣчала, что не думаетъ воспитать своего сына неучемъ и деревенскимъ повѣсой, но прежде всего хочетъ спасти его жизнь и возстановить его здоровье,—и болѣе не видалась съ Княжевичемъ. Въ Казани былъ дальній родственникъ моему отцу, совѣтникъ палаты, Михеевъ. Мать обратилась къ нему, и хотя онъ также не одобрялъ намѣренія и отказался хлопотать объ его исполненіи, но удовлетворилъ ея желанію, приказавъ написать просьбу въ совѣтъ гимназіи о моемъ увольненіи. Въ просьбѣ было написано, что мать проситъ возвратить сына на время, для возстановленія его здоровья, и что какъ скоро оно поправится, то она обязуется вновь представить меня въ число казенныхъ воспитанниковъ. Вмѣстѣ съ этой просьбой поступило въ

совѣтъ донесеніе доктора Бениса. Онъ писалъ, что находитъ совершенно необходимымъ возвратить воспитанника Аксакова въ родительскій домъ, именно въ деревню; что моя болѣзнь такого рода, что только одинъ деревенскій воздухъ и жизнь на родинѣ, посреди своего семейства, могутъ побѣдить ее; что никакія медицинскія средства въ больницѣ не помогутъ; что припадки мои угрожаютъ переходомъ въ эпилепсію, которая можетъ окончиться апоплексіей, или поврежденіемъ умственныхъ способностей. Не могу сказать, до какой степени было это справедливо; но докторъ этимъ не удовольствовался: онъ утверждалъ, что у меня есть какое-то расширеніе въ колѣнкахъ и горбоватость ножныхъ костей, что для этого также нужно тѣлодвиженіе на вольномъ воздухѣ и продолжительное употребленіе декокта (какого, не помню), которымъ предлагалъ снабдить меня изъ казенной аптеки. Кажется, все послѣднее было несправедливо; хотя точно я имѣлъ очень толстыя колѣнки, но у дѣтей это часто бываетъ и проходитъ само собой. Тѣмъ не менѣе, такіе пустые наружные признаки были найдены впослѣдствіи вполнѣ уважительными. Началось дѣло въ совѣтѣ, въ которомъ, подъ предсѣдательствомъ директора, присутствовали главный надзиратель и трое старшихъ учителей. Камашевъ, отъ котораго прежде все зависѣло, употребилъ свое вліяніе, и учителя приняли его сторону. Директоръ колебался. Хотѣли дать предписаніе Бенису, чтобъ онъ пригласилъ на консиліумъ инспектора Врачебной Управы и вновь испыталъ надо мной медицинскія пособія, но Бенисъ предварительно объявилъ, что онъ не исполнитъ этого предписанія и донесетъ совѣту, чтобъ онъ скорѣе уволилъ меня, потому что, по прошествіи лихорадки, сейчасъ оказались признаки возобновленія прежнихъ припадковъ, что и было совершенно справедливо. — Видя, что дѣло идетъ не хорошо, бѣдная мать моя пришла въ совершенное отчаяніе. Наконецъ Бенисъ посовѣтовалъ ей просить директора, чтобъ онъ приказалъ при себѣ освидѣтельствовать меня гимназическому доктору вмѣстѣ съ другими посторонними докторами, и чтобы согласился съ ихъ мнѣніемъ — и мать моя поѣхала просить директора. Желая избавиться отъ скучныхъ просьбъ и слезъ, онъ велѣлъ сказать, что никакъ не можетъ принять ее сегодня и проситъ пожаловать въ другое время; но какъ такой отказъ былъ уже не первый, то мать приготовила письмо, въ которомъ

написала, „что это послѣднее ея посѣщеніе, что если онъ ее не приметъ, то она не выйдетъ изъ его пріемной, пока ее не выгонятъ, и что вѣрно онъ не поступитъ такъ жестоко съ несчастной матерью“. Дѣлать было нечего. Директоръ вышелъ въ гостиную, и опять не устоялъ передъ выраженіемъ истинной скорби и даже отчаянія. Онъ далъ честное слово исполнить все, о чемъ просила его мать,—и сдержалъ свое слово. На другой же день состоялось опредѣленіе гимназическаго совѣта, совершенно согласное съ желаніемъ Бениса и вчерашнею просьбою моей матери, чего, впрочемъ, никто не зналъ, кромѣ самого директора; всѣ напротивъ считали свидѣтельство постороннихъ врачей оскорбленіемъ для Бениса и были увѣрены, что врачи съ нимъ не согласятся. Пригласили городового штабъ-лѣкаря и одного изъ членовъ Врачебной Управы. Но Бенисъ, предварительно увѣренный въ ихъ согласіи съ своимъ мнѣніемъ, спокойно дожидался развязки: его увѣренность успокоила нѣсколько мою мать, которая въ свою очередь старалась успокоить и меня. Она разсказывала мнѣ, съ величайшей подробностью, всѣ свои поступки и всѣ свои переговоры, она старалась увѣрить меня, что, несмотря на препятствія, надежда на успѣхъ ее не покидаетъ; но я только по временамъ, и то не надолго, обольщался этой надеждой: освобожденіе изъ каменнаго острога, какъ я называлъ гимназію, и возвращеніе въ семейство, въ деревню — казалось мнѣ блаженствомъ недостижимымъ, несбыточнымъ. Переписка съ властями о назначеніи докторовъ тянулась какъ-то медленно, и, по настоянію главнаго надзирателя, директоръ приказалъ выписать меня изъ больницы, потому что лихорадка моя совершенно прошла. Бенисъ долженъ былъ согласиться. Я опять поступилъ въ комнату къ Упадышевскому и нашелъ кровать свою никѣмъ не занятою. Послѣ довольно продолжительнаго пребыванія на свободѣ, въ тихой и спокойной больничной комнатѣ, сталъ еще противнѣе для меня весь порядокъ и шумный образъ жизни посреди моихъ гимназическихъ товарищей. Притомъ такое перемѣщеніе показалось мнѣ зловѣщимъ признакомъ, что меня не хотятъ отпустить. Мать видалась со мной каждый день, но весьма на короткое время, и то въ общей пріемной залѣ. Все это вмѣстѣ нагнало опять тоску на мою душу, и мои припадки появились съ прежнею силою, какъ будто и не прекращались. Благодареніе Богу, такое мучи-

тельное состояніе продолжалось не долго. Ровно черезъ недѣлю, когда воспитанники, послѣ ужина, сошли въ спальныя комнаты и начали раздѣваться, Евсеичъ сунулъ мнѣ въ руку записочку отъ матери и сказалъ: „прочтите такъ, чтобы никто не видалъ". Мать писала ко мнѣ, чтобъ на другой день поутру я не вставалъ съ постели, а сказалъ-бы Василію Петровичу, что у меня ломятъ ноги, особенно колѣнки, и попросился-бы въ больницу. Записочку приказано было сжечь, что я сейчасъ исполнилъ. Ложь была совершенно мнѣ незнакома. Мать особенно строго за нее взыскивала, и я очень изумился такому приказанію. Хотя какая-то темная догадка мелькала у меня въ умѣ, что эта ложь будетъ способствовать моему освобожденію изъ гимназіи, но я долго не могъ заснуть, смущаясь, что завтра долженъ сказать неправду, которую и Василій Петровичъ и докторъ сейчасъ увидятъ и уличатъ меня. На другой день, когда дядька сталъ меня будить, я сказалъ ему, что у меня болятъ ноги и что я хочу опять въ больницу. Легкая улыбка искривила ротъ моего Евсеича, и онъ пошелъ доложить о томъ Упадышевскому, который, къ удивленію моему, не обративъ на это никакого вниманія, весьма равнодушно сказалъ: „хорошо; такъ пусть онъ не встаетъ, я только провожу дѣтей на верхъ, а потомъ приду за нимъ и отведу его въ больницу". Но товарищи не оставили меня въ покоѣ и многіе изъ нихъ, сдергивая съ моей головы одѣяло, которымъ я нарочно закрылся, спрашивали меня: „отчего же ты не встаешь?" Смущаясь и краснѣя, принужденъ я былъ солгать еще нѣсколько разъ. Со смѣхомъ отвѣчали мнѣ: „ты врешь; лѣнь учиться, въ больницѣ понравилось!" Шумная ватага мальчиковъ, построясь въ комнатный фронтъ, ушла на верхъ. Упадышевскій воротился и, не разспросивъ меня о болѣзни, отвелъ въ больницу и сдалъ съ рукъ на руки подлѣкарю Риттеру и больничному надзирателю. Меня помѣстили въ прежней комнатѣ. Въ девять часовъ пріѣхалъ Бенисъ и, начавъ меня осматривать, предупредилъ словами: „вѣрно у васъ разболѣлись ноги? Я этого ожидалъ", и, указывая подлѣкарю и надзирателю на мои колѣнки, онъ прибавилъ: „посмотрите, какъ они въ одну недѣлю распухли и жаръ въ нихъ усилился". Колѣнки мои были совершенно въ прежнемъ положеніи, жара я не чувствовалъ, и съ изумленіемъ замѣтилъ, что всѣ какъ-будто сговорились лгать. Еще болѣе изумила меня мать, которая

пріѣхала вслѣдъ за Бенисомъ, и безъ всякаго смущенія разсуждала съ нимъ и съ другими о моей новой, небывалой болѣзни. Когда мы остались наединѣ, я посмотрѣлъ на нее съ изумленіемъ и спросилъ: „маменька, что это значитъ?“ Она обняла меня и сказала: „что дѣлать, мой другъ! это необходимо, такъ приказалъ Бенисъ. На этихъ дняхъ тебя будутъ свидѣтельствовать другіе доктора, и ты долженъ имъ сказать, что у тебя болятъ ноги. Христіанъ Карлычъ увѣряетъ, что оттого тебя выпустятъ изъ гимназіи“. Лучъ надежды блеснулъ въ моей душѣ, хотя я не видѣлъ особенныхъ причинъ предаваться ей. Черезъ два дня, вечеромъ, сказала мнѣ мать, что завтра будутъ меня свидѣтельствовать, повторила мнѣ все, что я долженъ говорить о болѣзни своихъ ногъ, и убѣждала, чтобъ я отвѣчалъ смѣло и не запинался. Въ слѣдующій день, въ одиннадцать часовъ, вошли ко мнѣ въ комнату: директоръ, главный надзиратель, Бенисъ съ двумя неизвѣстными мнѣ докторами, трое учителей, присутствовавшихъ въ совѣтѣ, и Упадышевскій. Небольшая моя комната наполнилась людьми, всѣмъ подали кресла, и всѣ торжественно разсѣлись около моей постели. Я такъ смутился, что мнѣ сейчасъ начало дѣлаться дурно; впрочемъ, я скоро оправился безъ лѣкарства и услышалъ, что Бенисъ разсказываетъ докторамъ исторію моей болѣзни, иногда по-латынѣ, но большею частью по-русски; во многомъ онъ ссылался на Упадышевскаго, котораго тутъ-же разспрашивали. Призванъ былъ также мой дядька, которому было сдѣлано нѣсколько вопросовъ о состояніи моего здоровья до поступленія въ гимназію. Меня самого также очень много спрашивали; доктора часто подходили мнѣ, щупали мою грудь, животъ и пульсъ, смотрѣли языкъ; когда дѣло дошло до колѣнокъ и до ножныхъ костей, то всѣ трое обступили меня, всѣ трое вдругъ стали тыкать пальцами въ мнимо-больныя мѣста, и заговорили очень серьезно и съ одушевленіемъ. Я помню, что часто упоминались слова: „лимфа, пасока, скорбутъ“. Насилу кончилось это тягостное, очень утомившее меня, свидѣтельство; оно продолжалось по крайней мѣрѣ часъ. Когда всѣ ушли, я немедленно заснулъ, а проснувшись увидѣлъ сидящую предо мною мать и простывшій больничный обѣдъ на столѣ. Мать моя хотя надѣялась, но рѣшительно еще ничего не знала. Она немедленно уѣхала къ Бенису, и часа черезъ два опять пріѣхала ко мнѣ съ блистающимъ

радостью лицомъ: доктора прямо отъ меня отправились въ совѣтъ гимназіи, гдѣ подписали общее свидѣтельство, въ которомъ было сказано, что „совершенно соглашаясь съ мнѣніемъ г-на доктора Бениса, они считаютъ необходимымъ возвратить казеннаго воспитанника Аксакова на попеченіе родителей въ деревню; а къ прописанному для больного декокту полагаютъ не лишнимъ прибавить такіе-то медикаменты и предписать впослѣдствіи крѣпительныя холодныя ванны“. Директоръ положительно согласился, трое учителей послѣдовали его примѣру; но главный надзиратель остался при своемъ мнѣніи и не подписалъ журнала [1]; впрочемъ это ничему не мѣшало.

И такъ совершилось желанное событіе, такъ долго казавшееся несбыточною мечтою! Мать моя сіяла блаженствомъ: она плакала, смѣялась, всѣхъ обнимала, особенно Упадышевскаго и Евсеича,—благодарила Бога. Я былъ такъ счастливъ, что по временамъ не вѣрилъ счастью, думалъ, что я вижу прекрасный сонъ, боялся проснуться и, обнимая мать, спрашивалъ ее: „правда-ли это?“ Долѣе всѣхъ вечеровъ просидѣла она со мной, и Упадышевскій не одинъ разъ приходилъ и просилъ ее уѣхать. Камашевъ не измѣнилъ себѣ до конца; онъ предложилъ совѣту: взыскать съ моей матери, за пятимѣсячное пребываніе мое въ гимназіи, всѣ издержки, употребленныя на мое содержанье и ученье. Но директоръ не согласился на такое предложеніе, сказавъ, что воспитанника не исключаютъ совсѣмъ, а только возвращаютъ родителямъ до выздоровленія. На третій день послѣ свидѣтельства пригласили мою мать въ совѣтъ, обязали ее подпиской: представить въ гимназію сына по выздоровленіи, и позволили взять меня. Мать, прямо изъ совѣта, въ послѣдній разъ пришла въ больницу; Евсеичъ переодѣлъ меня въ мое прежнее платье и сдалъ всѣ казенныя вещи и книги. Съ горячими слезами благодарности простились мы съ Упадышевскимъ и больничнымъ надзирателемъ. Мать взяла меня за руку и, въ сопровожденіи Евсеича, вывела на крыльцо... Я вскрикнулъ отъ радостнаго изумленія: передъ крыльцомъ стояла наша деревенская карета, запряженная четверкой нашихъ доморощенныхъ лошадей; на козлахъ сидитъ знакомый кучеръ, а на подсѣдельной еще болѣе знакомый форейторъ, всегда

[1] Копіи со всѣхъ бумагъ долго у насъ хранились.

достававшій мнѣ червяковъ для уженья. Ѳедоръ и Евсеичъ посадили меня въ старую колымагу подлѣ матери, и мы поѣхали на квартиру. Карета, люди и лошади были присланы отцомъ моимъ изъ деревни. Несмотря на радость, которою былъ не только проникнутъ, но можно сказать ошеломленъ, я такъ расплакался, прощаясь съ Василіемъ Петровичемъ, что даже въ деревенской каретѣ продолжалъ плакать. Въ самомъ дѣлѣ, доброта этого человѣка, его безкорыстное нѣжное участіе, доходившее до самоотверженія, къ людямъ совершенно посторроннимъ, стоили самой искренней благодарности; надобно къ этому прибавить, что, находясь нѣсколько лѣтъ въ гимназіи, онъ неминуемо долженъ былъ привыкнуть къ подобнымъ явленіямъ, а сердца, не покоряющіяся привычкѣ, встрѣчаются не часто. На квартирѣ ожидали меня радостныя слезы Параши и даже хозяйки дома, все той-же капитанши Аристовой, которая также принимала участіе въ нашемъ положеніи [1]). Въ тотъ же день вечеромъ мы съ матерью ѣздили къ доктору Бенису благодарить и проститься. Надобно отдать должную справедливость и этому человѣку, который, не знаю почему, имѣлъ въ городѣ репутацію холоднаго „интересана", что въ отношеніи къ намъ онъ поступалъ обязательно и безкорыстно; онъ не только не взялъ съ насъ ни копѣйки денегъ, но даже не принялъ подарка, предложеннаго ему матерью на память объ одолженныхъ имъ людяхъ; докторамъ-же, которые свидѣтельствовали меня, онъ подарилъ отъ насъ по 25 рублей за безпокойство, какъ-будто за консиліумъ; разумѣется, мать отдала ему эти деньги. И такъ, осталось благодарить Бениса словами, слезами и молитвами за него Богу—и мать благодарила такъ отъ души, такъ горячо, что Бенисъ и жена его были очень растроганы. Что касается до меня, то я какъ-то не растрогался, и хотя я очень хорошо зналъ, что единственно Бенису обязанъ за освобожденіе изъ гимназіи, но я не заплакалъ и благодарилъ очень вяло и пошло, за что мать послѣ мнѣ очень пеняла. На другой день поутру мы отправились въ соборъ и потомъ къ Казанской Божіей Матери, и отслужили благодарственные молебны. Заѣхали къ директору, но его не было дома, или онъ не хотѣлъ насъ принять. Воротясь домой, мы нашли у насъ Василія Петровича, который еще разъ пришелъ пови-

[1]) Мать моя съ почтоваго двора немедленно переѣхала къ ней.

даться съ нами и проститься. Онъ также отказался принять подарокъ на память и отвѣчалъ коротко и ясно: „не обижайте меня, Марья Николавна". Съ нимъ прощался я совсѣмъ не такъ, какъ съ Бенисомъ: я ужасно расплакался; долго не могли меня унять, даже боялись возвращенія припадка, но какія-то новыя капли успокоили мое волненіе; должно замѣтить, что это лѣкарство, въ послѣдніе дни, уже въ третій разъ не допускало развиться дурнотѣ. По уходѣ Упадышевскаго, мы кое-какъ пообѣдали и сейчасъ принялись укладываться. Намъ какъ-то страшно было оставаться въ Казани, и каждый часъ промедленія казался долгимъ днемъ; къ вечеру все было готово. Вечеръ наступилъ теплый, совершенно лѣтній, и мы съ матерью легли спать въ каретѣ. На разсвѣтѣ, безъ всякаго шума, заложили лошадей и, не разбудивъ меня, тихо выѣхали изъ Казани. Когда я проснулся, яркое солнце свѣтило въ карету. Параша спала, а мать сидѣла возлѣ меня и плакала самыми радостными, благодарными Богу, слезами; это чувство такъ выражалось въ ея глазахъ, что никто-бы не опечалился, а скорѣе порадовался, увидя ея слезы. Она обняла свое ненаглядное дитя, и потокъ нѣжныхъ рѣчей и ласкъ высказалъ ея внутреннее состояніе. Это было 19-го мая, день рожденія моей милой сестры. Прекрасное, даже жаркое, весеннее утро настоящаго майскаго дня обливало горячимъ свѣтомъ всю природу. Въ окна кареты заглянули зеленыя, молодыя хлѣбныя поля, луга и лѣса; мнѣ такъ захотѣлось окинуть глазами всѣ края далекаго горизонта, что я попросилъ остановиться, выскочилъ изъ кареты и началъ бѣгать и прыгать, какъ самое рѣзвое пятилѣтнее дитя; тутъ только я вполнѣ почувствовалъ себя на свободѣ. Мать любовалась, глядя на меня изъ кареты. Я обнялъ Евсеича и Ѳедора, поздоровался съ кучеромъ и форрейторомъ, который успѣлъ сказать мнѣ, что рыба начинала шибко клевать, когда онъ уѣзжалъ изъ Аксакова. Я поздоровался также со всѣми лошадьми: Евсеичъ взялъ меня на руки, поднялъ, и я погладилъ каждую изъ нихъ. Это былъ славный шестерикъ, бурой и караковой масти, такой породы лошадей, о какой давно и слуху нѣтъ въ Оренбургской губерніи; но лѣтъ двадцать помнили ее и говорили о ней. Лошади были крупныя, четырехъ-вершковыя, сильныя до невѣроятности, рысистыя, не задушливыя на бѣгу и не знавшія устали. Въ тяжелыхъ экипажахъ дѣлали на нихъ по 80 и

по 90 верстъ въ день.—Боже мой, какъ было мнѣ весело! Насилу усадили меня въ карету; но я высунулся въ окошко и ѣхалъ такъ до самой кормежки, радостными восклицаніями привѣтствуя все, что попадалось на дорогѣ. Наконецъ сверкнула полоса воды—это была рѣка Мёша, не очень большая, но глубокая и чрезвычайно рыбная; по ней ходилъ довольно плохой плотъ на веревкѣ. Мы переправлялись долго: лошадей ставили только по одной парѣ, а карету едва перевезли; ее облегчили отъ сундуковъ и другихъ тяжестей, и несмотря на то, плотъ погружался въ воду. Мы съ матерью переѣхали прежде всѣхъ на другой берегъ; цвѣтущая и душистая урема покрывала его. Я не помнилъ себя отъ восхищенія. Запасливый форрейторъ, страстный охотникъ удить, взялъ съ собою изъ деревни совсѣмъ готовую удочку съ удилищемъ, которая и была привязана подъ каретой къ дрожинѣ; ее сейчасъ отвязали, и пока совершалась переправа, я уже удилъ на хлѣбъ и таскалъ плотву. Кромѣ Дёмы, я не видывалъ рѣки рыбнѣе Мёши; рыба кипѣла въ ней, какъ говорится, и такъ брала, только успѣвай закидывать. Мудрено-ли, что послѣ освобожденія изъ гимназическаго плѣна эта кормежка показалась мнѣ блаженствомъ! На оставленномъ нами берегу находилась чья-то господская деревня; тамъ достали овса, сѣна, курицу, яицъ и всѣ нужные припасы. Какой обѣдъ на желѣзномъ таганѣ приготовилъ намъ Евсеичъ, который былъ немножко и поваръ! Сковорода жареной рыбы также показалась очень вкуснымъ блюдомъ. Мы уже отъѣхали тридцать верстъ отъ Казани, кормили четыре часа и пустились въ дальнѣйшій путь. Набѣжали тучи, загремѣлъ громъ, дождь вспрыснулъ землю, и ѣхать было не жарко и не пыльно; сначала ѣхали шагомъ, а потомъ побѣжали такою рысью, что уѣзжали болѣе десяти верстъ въ часъ. Скоро небо прояснилось и великолѣпное солнце осушило слѣды дождя; мы отъѣхали еще сорокъ верстъ и остановились ночевать въ полѣ, потому что на кормежкѣ запаслись всѣмъ нужнымъ для ночевки. Опять множество новыхъ удовольствій, новыхъ наслажденій! Выпрягли, спутали лошадей и пустили ихъ на сочную молодую траву; развели яркій огонь, наложили дорожный самоваръ, то-есть, огромный чайникъ съ трубою, постлали кожу возлѣ кареты, поставили погребецъ и подали чай. Какъ онъ былъ хорошъ на свѣжемъ вечернемъ воздухѣ! Черезъ два часа напоили остывшихъ коней, разбили хребтуги

съ овсомъ, привязавъ ихъ къ дышлу и вколоченнымъ въ землю кольямъ, и припустили къ овсу лошадей. Мы съ матерью и съ Парашей улеглись въ каретѣ, и сладко заснулъ я, слушая, какъ жевали кони овесъ и фыркали отъ попадавшей въ ноздри пыли. На другой день поутру мы переправились, немного повыше Шурана, черезъ Каму, которая была еще въ разливѣ. Я боялся (и теперь боюсь) большой воды; а тогда дулъ порядочный вѣтеръ. На перевозѣ оказалась *посуда* [1]) большая и новая: на одну завозню поставили всѣхъ лошадей и карету; меня заперли въ нее съ Парашей, опустили даже гардинки и подняли жалузи, чтобъ я не видалъ волнующейся воды; но я сверхъ того закуталъ голову платкомъ и все-таки дрожалъ отъ страха во все время переправы; дурныхъ послѣдствій не было. Весенняя пристань находилась еще въ Мурзихѣ; лѣтомъ она спускалась нѣсколько верстъ ниже. Мать отыскала въ Мурзихѣ своихъ провожатыхъ; она всѣмъ привезла хорошіе гостинцы: подарки были приняты безъ удивленія, но съ удовольствіемъ и благодарностью. Мы проѣхали еще пятнадцать верстъ до мѣста своей кормежки. Такъ продолжался нашъ путь, и на пятый день пріѣхали мы ночевать въ деревню Татарскій Байтуганъ, лежащую на рѣкѣ Сокъ, всего въ двадцати верстахъ отъ Аксакова. Рѣка Сокъ также очень рыбна; но, боясь вечерней сырости, мать не пустила меня поудить, а форрейторъ сбѣгалъ и принесъ нѣсколько окуней и плотицъ. Поднявшись съ ночлега, по обыкновенію на зарѣ, мы имѣли возможность не заѣхать въ село Неклюдово, гдѣ жили родные намъ по бабушкѣ, Кальминскіе и Луневскіе, а также и въ Бахметевку, гдѣ недавно поселился новый помѣщикъ, Осоргинъ, съ молодою женою: и мы, и они еще спали во время нашего проѣзда. Версты за четыре до Аксакова, на самой межѣ нашего владѣнія, я проснулся, точно кто-нибудь разбудилъ меня; когда проѣхали мы между Липовымъ и Общимъ Колкомъ [2]) и выѣхали на склонъ горы, должно было немедленно открыться наше Аксаково, съ огромнымъ прудомъ, мельницей, длиннымъ порядкомъ избъ, домомъ и березовыми рощами. Я безпрестанно спрашивалъ кучера: „Не видно ли деревни?“ И когда онъ сказалъ наконецъ, наклонясь къ переднему

---

[1]) Такъ называются завозни, дощаники, паромы и проч.

[2]) Теперь не существуетъ послѣдняго названія, потому что владѣльцы размежевались.

окошку: „вотъ наше Аксаково, какъ на ладонкѣ“—я сталъ такъ убѣдительно просить мою мать, что она не могла отказать мнѣ и позволила сѣсть съ кучеромъ на козлахъ. Не берусь передать, что чувствовало мое сердце, когда я увидѣлъ милое мое Аксаково! Нѣтъ словъ на языкѣ человѣческомъ для выраженія такихъ чувствъ!...

Во все теченіе моей жизни я продолжалъ испытывать, приближаясь къ Аксакову, подобныя ощущенія; но нѣсколько лѣтъ тому назадъ, послѣ двѣнадцатилѣтняго отсутствія, также довольно рано, подъѣзжалъ я къ тому же Аксакову; сильно билось мое сердце отъ ожиданія, я надѣялся прежнихъ радостныхъ волненій! Я вызвалъ милое прошедшее, и рой воспоминаній окружилъ меня.... но не весело, а болѣзненно, мучительно подѣйствовали они на мою душу, и мнѣ стало невыразимо тяжело и грустно. Подобно волшебнику, который, вызвавъ духовъ, не умѣетъ съ ними сладить и не знаетъ куда отъ нихъ дѣваться,—не зналъ я, какъ мнѣ прогнать мои воспоминанія, какъ успокоить нерадостное волненіе. Старые мѣха не выдерживаютъ молодого вина, и старое сердце не выноситъ молодыхъ чувствъ.... но тогда, Боже мой, что было тогда!

Нѣсколько разъ я чувствовалъ стѣсненіе въ груди и готовъ былъ упасть; но я молчалъ, крѣпко держался за ручку козелъ и кучера, и стѣсненіе проходило само собою.—Быстро скатилась карета подъ изволокъ, переѣхала черезъ плохой мостъ на Бугурусланѣ, завязла было въ топи у Крутца, но, выхваченная сильными конями, пронеслась мимо камышей, пруда, деревни—и вотъ нашъ сельскій домъ, и на крыльцѣ его—отецъ съ милой моей сестрицей. Когда мы подъѣхали, она всплеснула рученками и закричала: „братецъ Сереженька на козлахъ!...“ Выбѣжала тётка и вывела брата, кормилица вынесла маленькую мою сестру! Сколько объятій, поцѣлуевъ, радости, вопросовъ и отвѣтовъ! Сбѣжалась вся дворня, даже крестьяне, случившіеся дома, и куча мальчишекъ и дѣвочекъ. Отецъ мой очень обрадовался; онъ не вѣрилъ, чтобъ удалось высвободить меня изъ гимназіи; послѣднюю недѣлю некогда было писать къ нему изъ Казани и онъ ничего не зналъ, что тамъ происходило.

ГОДЪ ВЪ ДЕРЕВНѢ.

Первые дни были днями самозабвенія и суматошной дѣятельности. Прежде всего я навѣстилъ своихъ голубей и двухъ перезимовавшихъ ястребовъ. Я обѣгалъ всѣ знакомыя, всѣ любимыя мѣста, а ихъ нашлось не мало. Около дома, въ саду, въ огородѣ и въ ближайшей рощѣ съ грачевыми гнѣздами, вездѣ бѣгала со мною сестрица, уцѣпясь за мою руку, и даже показывала, какъ хозяйка, кое-что сдѣланное безъ меня, и въ томъ числѣ огромную и высокую паровую гряду изъ навоза, на которой были посажены тыквы, арбузы и дыни. Сбѣгали мы также съ ней и въ кладовые амбары, гдѣ хранилось много драгоцѣнностей: мѣдные, желѣзные и рѣзной костью оклеенные ларцы съ разными штуфами и окаменѣлостями, подаренными нѣкогда моей матери какимъ-то важнымъ горнымъ чиновникомъ; посѣтили и ключницу Пелагею на погребѣ, и были угощены холодными густыми сливками съ чернымъ хлѣбомъ. Но къ рѣкѣ и за рѣку сестрицѣ не позволяли ходить со мною, и туда провожалъ меня Евсеичъ. Мы перешли съ нимъ черезъ мосточки на первый островъ, гдѣ стояла лѣтняя кухня и лежали широкіе лубки, на которыхъ сушили мытую пшеницу. Этотъ островокъ окружала съ двухъ сторонъ старица Бугуруслана, которая начинала пересыхать и заростать таловыми кустами; мы перебрались черезъ нее по жердочкамъ и сейчасъ перешли на другой островъ побольше, также съ одного боку окруженный старицей, но еще глубокой и прозрачной. Это

было любимое мѣсто моей тетки Евгеньи Степановны. все засаженное по берегу рѣки березами и пересѣченное посрединѣ липовой аллеей. Очевидно, что это мѣсто давно понравилось еще моему дѣдушкѣ и что онъ засадилъ его деревьями задолго до рожденія меньшей своей дочери Евгеши. какъ онъ называлъ ее: потому что деревьямъ было лѣтъ по пятидесяти, а дочери — тридцать пять. Евгенья Степановна, хотя не получила никакого воспитанія, какъ и всѣ ея сестры, но имѣла въ душѣ какое-то влеченіе къ образованности и любовь къ природѣ. У ней водились кое-какія книжечки: старинные романы (вѣроятно доставленные ей братомъ) и театральныя піески. Разумѣется я всѣ ихъ перечиталъ съ дозволенія и безъ дозволенія; особенно помню водевильчикъ, подъ названіемъ: „Драматическая Пустельга". Тетка любила читать книжку на островѣ и удить рыбку въ глубокой старицѣ. На многихъ березахъ вырѣзала она свое имя и числа разныхъ годовъ и мѣсяцевъ, даже какіе-то стишки изъ пѣсенника. Какъ я любилъ этотъ островъ!.. Какъ хорошо было на немъ въ лѣтнія жары! Прохладная тѣнь и кругомъ вода! Съ одной стороны новая канавка, идущая отъ вешняка, соединялась съ водой, быстро бѣгущей изъ-подъ мельницы, а съ другой—прежнее русло Бугуруслана, еще глубокое и прозрачное, огибало островъ. Безъ сердечнаго трепета, безъ замиранья сердца, не могу я до сихъ поръ вспомнить лѣтняго полдня на этомъ островѣ. Теперь все перемѣнилось. Старица почти высохла; другая, новая канавка отвела воду отъ вешняка въ другую сторону; вездѣ разросся тальникъ и ольха, и островъ уже понапрасну сохраняетъ свое имя. Впрочемъ, если взять все пространство земли, идущее до плотины, то съ натяжкой оно можетъ еще называться прежнимъ именемъ. Налюбовавшись до сыта островомъ, оглядѣвъ каждое дерево, перечитавъ всѣ тетушкины надписи, насмотрѣвшись на головлей и язей, гулявшихъ или неподвижно стоявшихъ въ старицѣ, отправились мы съ Евсеичемъ на мельницу; но я забѣжалъ на *Антошкины мостки,* гдѣ часто уживалъ пискарей. и на кузницу, гдѣ я любилъ смотрѣть, какъ прядали искры изъ подъ молота, ковавшаго раскаленное желѣзо. Когда же я взбѣжалъ на плотину, и широкій прудъ открылся передо мной, съ своими зелеными камышами и лопухами, съ длинною плотиною, оброставшею молодыми ольхами, съ цѣлымъ міромъ своего птичьяго и рыбьяго населенія, съ вешня-

комъ, каузомъ и мельницей—я оцѣпенѣлъ отъ восторга и простоялъ, какъ вкопаный, нѣсколько минутъ. Мельникъ, по прозванью Болтуненокъ, очень меня любившій, приготовилъ мнѣ неожиданную потѣху: онъ разставилъ въ травахъ нѣсколько жерлицъ на щукъ, и нарочно не смотрѣлъ ихъ до моего прихода; онъ зналъ, что я приду непремѣнно: онъ посадилъ меня съ Евсеичемъ въ лодку и повезъ полоями до травы; вода была очень мелка, и тутъ я не боялся. Я самъ вынималъ каждую жерлицу, и на одной изъ нихъ сидѣла большая щука, которую я вытащилъ съ помощью Евсеича и съ торжествомъ несъ на своихъ рукахъ до самаго дома. Потомъ дня черезъ два отецъ свозилъ меня поудить и въ *Малую* и въ *Большую Урему*; онъ ѣздилъ со мной и въ *Антошкинъ врагъ*, гдѣ на самой вершинѣ горы былъ сильный родникъ и падалъ внизъ пылью и пѣной: и къ *Колодѣ*, гдѣ родникъ бѣжалъ по нарочно подставленнымъ липовымъ колодамъ; и въ *Мордовскій врагъ*, гдѣ ключъ вырывался изъ каменной трещины у подошвы горы; и въ *Липовый* и въ *Потаенный Колокъ*, и на пчельникъ, между ними находившійся, состоящій изъ множества ульевъ. Тамъ жилъ постоянно, и лѣто и зиму, старый пчелякъ въ землянкѣ, также большой мой пріятель, у котораго былъ котъ *Тимошка* и кошка *Машка*, названные такъ въ честь моего отца и матери.

Въ такихъ-то пріятныхъ суетахъ и хлопотахъ прошли первыя двѣ недѣли послѣ нашего пріѣзда въ Аксаково. Нечего и говорить, какъ была счастлива моя мать, видя меня веселымъ, бодрымъ и повидимому здоровымъ. Она еще въ Казани взяла свои мѣры, чтобъ не пропало въ совершенной праздности время моей деревенской жизни и запаслась учебными гимназическими книжками. Постоянно думая, что если я, по милости Божіей, поправлюсь здоровьемъ, можетъ быть черезъ годъ, то все же надобно будетъ представить меня опять въ гимназію,—она назначила мнѣ отъ двухъ до трехъ часовъ въ день для повторенія всего, чему я учился, для занятія чистописаніемъ и чтеніемъ ей вслухъ разныхъ книгъ, приличныхъ моему возрасту. Я исполнялъ это очень охотно, и деревенскія удовольствія становились для меня еще пріятнѣе послѣ занятій. Я принялся также доучивать мою милую ученицу, маленькаго моего друга, мою сестрицу, и на этотъ разъ съ совершеннымъ успѣхомъ.

Я уже сказалъ, что повидимому казался здоровымъ, но на дѣлѣ вышло не совсѣмъ такъ. Правда, по выходѣ изъ гимназіи не было у меня ни одного припадка; дорогой даже прошли стѣсненія и біенія сердца и въ деревнѣ не возобновлялись; но я сталъ каждую ночь бредить во снѣ болѣе, сильнѣе обыкновеннаго. Сначала мать моя не придавала этому бреду никакой значительности, все приписывая излишнему бѣганью и живости дѣтскихъ впечатлѣній; тѣмъ болѣе, что до поступленія въ гимназію я часто грезилъ, чему подвержены бываютъ многія дѣти. Но теперь это начало принимать мало-по-малу другой характеръ. Во-первыхъ, я сталъ бредить постоянно всякую ночь, очень сильно, иногда по нѣскольку разъ. Во-вторыхъ, я сталъ не только говорить во-снѣ, но вскакивать съ постели, плакать, рыдать и выбѣгать въ другія комнаты. Я спалъ вмѣстѣ съ отцомъ и матерью въ ихъ спальной, и кроватка моя стояла возлѣ ихъ кровати; дверь стали запирать изнутри на крючекъ, и позади ее въ корридорчикѣ спала ключница Пелагея для того, чтобы убѣжать сонному не было мнѣ никакой возможности. Ночной бредъ, усиливаясь день отъ дня, или, правильнѣе сказать, ночь отъ ночи, обозначился наконецъ очевиднымъ сходствомъ съ тѣми припадками, которымъ въ гимназіи я подвергался только въ продолженіи дня: я также плакалъ, рыдалъ и впадалъ въ безпамятство, которое переходило въ обыкновенный крѣпкій сонъ. Но эти ночные новые припадки были гораздо сильнѣе и страшнѣе прежнихъ денныхъ припадковъ и проявлялись съ большимъ разнообразіемъ. Иногда это былъ тихій плачъ и рыданья, всегда съ прижатыми къ груди руками, съ невнятнымъ шопотомъ какихъ-то словъ, продолжавшіеся цѣлые часы и переходившіе въ бѣшенство и судорожныя движенія, если меня начинали будить, чего впослѣдствіи никогда не дѣлали; утомившись отъ слезъ и рыданій, я засыпалъ уже сномъ спокойнымъ; но большого труда стоило, особенно сначала, чтобъ окружающіе могли вытерпѣть такое жалкое зрѣлище, не попробовавъ меня разбудить и помочь мнѣ хоть чѣмъ-нибудь. Мнѣ разсказывали послѣ, что не только мать, которая невыразимо терзалась, глядя на меня, но и отецъ, тетка и всѣ, кто около меня были, сами надрывались отъ слезъ, смотря на мои мучительныя слезы и рыданья.—Иногда я вдругъ вскакивалъ на ноги съ пронзительнымъ крикомъ, дико глядѣлъ во всѣ глаза, и безпрестанно повторяя: „пу-

стите меня, дальше, прочь, мнѣ нельзя, не могу, гдѣ онъ, куда итти!“ и тому подобныя отрывистыя, ничего не объясняющія слова,—я бросался къ двери, къ окну или въ углы комнаты, стараясь пробиться куда-то, стуча руками и ногами въ стѣну. Въ это время у меня была такая сила, что двое и трое не могли удержать меня, и я, обливаясь потомъ, таскалъ ихъ по комнатѣ. Этого рода припадокъ всегда оканчивался сильнымъ обморокомъ, въ продолженіи котораго трудно было замѣтить, что я дышу; обморокъ переходилъ постепенно въ сонъ, сначала нѣсколько безпокойный, но потомъ глубокій и тихій, продолжавшійся иногда часовъ до девяти утра. Послѣ тихихъ слезъ и рыданій, я просыпался бодрый и живой, какъ будто всю ночь проспалъ спокойно; но послѣ иступленнаго вскакиванія и какого-то бѣшенства бывалъ нѣсколько слабъ, блѣденъ, какъ будто утомленъ; впрочемъ, все это скоро проходило, и я цѣлый день весело учился, бѣгалъ и предавался своимъ охотамъ. Проснувшись, я ничего ясно не помнилъ; иногда смутно представлялось мнѣ, что я видѣлъ во снѣ что-то навалившееся и душившее меня, или видѣлъ страшилищъ, которыя за мной гонялись; иногда усилія меня державшихъ людей, невольно повторявшихъ ласковыя слова, которыми уговаривали меня лечь на постель и успокоиться—какъ будто пробуждали меня на мгновеніе къ дѣйствительности, и потомъ, совсѣмъ проснувшись поутру, я вспоминалъ, что ночью отъ чего-то просыпался, что около меня стояли мать, отецъ и другіе, въ кустахъ подъ окнами пѣли соловьи и кричали коростели за рѣкою. Мать моя не знала, что и дѣлать; особенно пугало ее то, что во время обморока показывались у меня на лицѣ судорожныя подергиванія и пѣна на губахъ, признакъ зловѣщій. Мысль, что это можетъ быть въ самомъ дѣлѣ падучая болѣзнь, задолго предпророченная Евсеичемъ въ его письмѣ,—приводила ее въ ужасъ. Капли, предписанныя Бенисомъ, она перестала давать; кровочистительнаго декокта, полученнаго изъ казенной аптеки, вовсе не употребляла, хотя Бенисъ совѣтовалъ попить его, подозрѣвая во мнѣ золотуху, которой никогда не бывало. Мать позволила мнѣ купаться въ рѣкѣ, думая, что купаньемъ можетъ укрѣпить меня: оно мнѣ очень нравилось, но пользы не приносило. Мать обратилась къ Бенису и такъ мастерски написала исторію моей болѣзни, что докторъ пришелъ въ восхищеніе отъ ея описанія, благодарилъ

за него, прислалъ мнѣ чай и пилюли и назначилъ діэту. Все исполняли съ большой точностью, но облегченія болѣзни не было: напротивъ, припадки становились упорнѣе, а я слабѣе. Чай и пилюли бросили, принялись за докторовъ простонародныхъ, за знахарей и знахарокъ. Всѣ говорили, что дитя испорчено, что мнѣ *попритчилось;* умывали, обливали, окуривали меня—все безъ успѣха. Я совсѣмъ не противъ народной медицины и вѣрю ей, особенно въ соединеніи съ магнетизмомъ; я давно отрекся отъ презрительнаго взгляда, съ которымъ многіе смотрятъ на нее съ высоты своего просвѣщенія и учености; я видѣлъ столько поразительныхъ и убѣдительныхъ случаевъ, что не могу сомнѣваться въ дѣйствительности многихъ народныхъ средствъ; но мнѣ тогда не помогли они, можетъ быть отъ того, что не попадали на мою болѣзнь, а можетъ быть и потому, что мать не соглашалась давать мнѣ лѣкарства внутрь. Помню однако, что я долго принималъ, по совѣту одной сосѣдки, папоротникъ въ порошкѣ, для чего употреблялись самые молоденькіе побѣги его, выходящіе, на подобіе гребешка, непосредственно въ корня, между большими прорѣзными листьями или вѣтвями этого растенія. Папортникъ также не помогъ. Наконецъ обратились къ самому извѣстному лѣкарству, которое было въ большомъ употребленіи у насъ въ домѣ еще при дѣдушкѣ и бабушкѣ, но на которое мать моя смотрѣла съ предубѣжденіемъ и до этихъ поръ не хотѣла о немъ слышать, хотя тетка давно предлагала его. Это лѣкарство называлось: „припадочныя или росныя капли“, потому что росной ладонъ составлялъ главное ихъ основаніе; ихъ клали по 10 капель на полрюмки воды, и вода бѣлѣла какъ молоко. Число капель ежедневно прибавлялось по двѣ и доводилось до 25 на одинъ пріемъ, всегда на ночь. Мнѣ начали ихъ давать, и съ перваго пріема мнѣ стало лучше; черезъ мѣсяцъ болѣзнь совершенно прошла и никогда уже не возвращалась. Когда довели до 25 капель, то стали убавлять по двѣ капли и кончили десятью; я не переставалъ купаться и не держалъ ни малѣйшей діэты. Сколько было бы шуму, еслибъ такъ чудотворно вылѣчилъ меня какой-нибудь славный докторъ! Отдохнула моя бѣдная мать и отецъ и всѣ меня окружающіе, особенно ключница Пелагея, которая постоянно возилась со мной во время припадковъ, сказывала сказки мнѣ съ вечера и продолжала ихъ даже тогда, когда я спалъ: мать моя была

такъ обрадована, какъ будто въ другой разъ взяла меня изъ гимназіи... Вотъ какъ часто ищемъ мы исцѣленія вдалекѣ, когда оно давно находится у насъ въ рукахъ... Возвращаюсь нѣсколько назадъ.

Не смотря на страшный характеръ моей болѣзни, ни ученье мое, ни деревенскія удовольствія не прекращались во все время ея продолженія; только и тѣмъ и другимъ, когда припадки ожесточались, я занимался умѣреннѣе, и мать слѣдила за мной съ большимъ вниманіемъ и не отпускала отъ себя надолго и далеко. Каждый день поутру, покуда не такъ было жарко, отправлялся я съ Евсеичемъ удить. Самое лучшее уженье находилось у насъ въ саду, почти подъ окнами, потому что пониже Аксакова, въ мордовской деревнѣ *Кивацкое*, была мельница и огромный прудъ, такъ что подпруда воды доходила почти до сада; тутъ Бугурусланъ могъ назваться верховьемъ Киваціаго пруда, а всѣмъ охотникамъ извѣстно, что для уженья рыбы это очень выгодно. Впервые познакомился я тогда съ высшимъ наслажденіемъ рыбака, съ уженьемъ крупной рыбы: до тѣхъ поръ я лавливалъ только плотву, окуней и пискарей; конечно, двѣ первыя породы достигаютъ также значительной величины, но мнѣ какъ-то очень крупная не попадалась, а если и попадалась, то я не могъ ее вытащить, потому что удилъ на тонкія лесы и маленькіе крючки. Евсеичъ свилъ мнѣ двѣ лесы, волосъ въ двадцать каждую, навязалъ толстые крючки, привязалъ лесы къ крѣпкимъ удилищамъ и, взявъ еще свою удочку, повелъ меня въ садъ на свое секретное мѣсто, которое онъ называлъ: „золотымъ мѣстечкомъ". Насадивъ на крючекъ кусокъ умятаго чернаго хлѣба величиною съ большой русскій орѣхъ, онъ закинулъ мою удочку на дно подъ самый кустъ, а свою пустилъ у берега возлѣ травки и камыша. Я сидѣлъ смирно и не смѣлъ смигнуть съ моего поплавка, который тихо похаживалъ взадъ и впередъ, отъ того что тутъ вода завертывала подъ берегъ. Въ непродолжительномъ времени Евсеичъ вдругъ вскочилъ и, закричавъ: „вотъ онъ, батюшка!" началъ возиться съ большой рыбой, обѣими руками держа удилище. Евсеичъ не имѣлъ понятія объ умѣньи удить и потащилъ изо всей силы, какъ говорится, черезъ плечо на вынос; рыба вѣроятно запуталась за траву или за камышъ, удилище было просто палка, и леса порвалась: такъ мы и не видали, какая это была рыба. Евсеичъ принесъ въ боль-

шой азартъ; я также почти дрожалъ, глядя на него. Евсеичъ клялся и увѣрялъ, что это была такая большая рыбища, какой онъ съ роду не уживалъ; но вѣроятно обыкновенный язь или головль запутался за траву и оттого показался ему такъ тяжелъ. Развивъ другую мою удочку, дядька мой закинулъ ее поскорѣе на то же самое мѣсто, гдѣ взяла у него рыба, и сказавъ: „видно я немножко погорячился, теперь стану тащить потише“, — сѣлъ на траву дожидаться новой добычи, но напрасно. Тогда пришла моя очередь, и судьба захотѣла меня потѣшить: поплавокъ мой сталъ понемногу привставать и опять ложиться, потомъ всталъ окончательно и исчезъ подъ водою; я подсѣкъ, и огромная рыба начала тяжело ходить, какъ будто упираясь въ водѣ. Евсеичъ поспѣшилъ мнѣ на помощь и ухватился за мое удилище; но я, помня его недавнія слова, безпрестанно повторялъ, чтобъ онъ тащилъ потише; наконецъ, благодаря новой крѣпкой лесѣ и не очень гнуткому удилищу, котораго я не выпускалъ изъ рукъ [1]), выволокли мы на берегъ, кое-какъ общими силами, самаго крупнаго язя, на котораго Евсеичъ упалъ всѣмъ тѣломъ, восклицая: „вотъ онъ, соколикъ! теперь не уйдетъ!“ Я дрожалъ отъ радости, какъ въ лихорадкѣ, что впрочемъ и потомъ случалось со мной, когда я выуживалъ большую рыбу; долго я не могъ успокоиться, безпрестанно бѣгалъ посмотрѣть на язя, который лежалъ въ травѣ на берегу, въ безопасномъ мѣстѣ. Удочку закинули опять, но рыба больше не брала. Черезъ полчаса мы пошли домой, потому что я былъ отпущенъ на короткое время. Это первое удачное начало сдѣлало меня окончательнымъ горячимъ рыбакомъ. Язя надѣли на прутикъ, и я принесъ его къ отцу, который и самъ иногда любилъ удить. Тогда еще не было у насъ обыкновенія взвѣшивать крупную рыбу, но мнѣ кажется, что я и послѣ никогда не выуживалъ язя такой величины и что въ немъ было по крайней мѣрѣ семь фунтовъ.

Отецъ бралъ меня иногда на охоту съ ружьемъ, на которую впрочемъ онъ ѣзжалъ очень рѣдко. Я сильно ей со-

---

[1]) Для успѣшнаго уженья крупной рыбы вообще полезно гнутое удилище и очень вредно твердое; но какъ здѣсь язь былъ вытащенъ вопреки всѣмъ правиламъ уженья, прямо черезъ плечо, то твердое удилище, мало сгибаясь, оказалось полезнымъ, ибо леса, по крѣпости своей, могла выдержать рыбу.

чувствовалъ, и такія поѣздки были для меня праздниками, хотя участіе мое въ охотѣ ограничивалось тогда исправленіемъ должности лягавой собаки, то-есть, я бѣгалъ за убитой птицей и подавалъ ее отцу. Ружья мнѣ и въ руки не давали. Года черезъ три однако, во время лѣтней вакаціи, о чемъ я разскажу въ своемъ мѣстѣ, первый ружейный выстрѣлъ рѣшилъ мою судьбу: всѣ другія охоты, даже удочка, потеряли въ глазахъ моихъ свою прелесть, и я сдѣлался страстнымъ ружейнымъ охотникомъ на всю жизнь.

Когда болѣзнь моя прошла совсѣмъ, августъ мѣсяцъ былъ уже въ исходѣ: язи и головли давно перестали брать; но я успѣлъ выудить ихъ нѣсколько штукъ замѣчательной величины и, разумѣется, упустилъ вдвое болѣе. Зато уженье плотвы и особенно окуней находилось еще въ сильномъ разгарѣ. Впрочемъ, я тогда очень развлекался ястребами: прошлогодними еще въ іюлѣ начали травить перепелокъ; молодыхъ гнѣздарей также давно уже выносили, и травля шла очень удачно. Старые ястреба были у Никанора Танайченка и у Ивана Мазана, а молодые у Ѳедора и у моего дядьки Евсеича. У меня также былъ свой собственный маленькій ястребъ, чегликъ, выношенный очень хорошо, которымъ я травилъ воробьевъ и разныхъ птичекъ. Я нерѣдко ѣзжалъ въ поле, на длинныхъ дрогахъ, съ кѣмъ нибудь изъ названныхъ мною охотниковъ, всего чаще съ Евсеичемъ, и очень любилъ смотрѣть, какъ травили жирныхъ осеннихъ перепелокъ и дергуновъ. Такъ прошло лѣто и начало осени, полныя разныхъ деревенскихъ удовольствій, въ число которыхъ также можно поставить поѣздки за ягодами, а потомъ за грибами [1]).

Мать моя не любила деревенскихъ прогулокъ. Намъ рѣдко удавалось уговорить ее поѣхать со мной и отцомъ въ поле или лѣсъ. Помню, однако, что чудесная полевая клубника, родившаяся тогда въ великомъ изобиліи, выманивала иногда мою мать на залежи ближняго поля, потому что она очень любила эту ягоду и считала ее цѣлебною для своего здоровья. Ѣзжали также изрѣдка на живописные горные родники, пить чай со всей семьей подъ тѣнистыми березами;

[1]) Я не воображалъ тогда, что грибы будутъ однимъ изъ самыхъ постоянныхъ моихъ удовольствій на старости лѣтъ. Въ благодарность за то, у меня давно заронилась мысль, и я не отказываюсь еще отъ нея, — написать книжку о грибахъ и объ удовольствіи брать ихъ.

но брать грибы казалось матери моей нестерпимо-скучнымъ; отецъ же мой и тетка, напротивъ, весьма любили *ѣздить по грибки*, и я раздѣлялъ ихъ любовь. Всего было больнѣе то, что моя мать не любила также нашего милаго Аксакова. Она находила мѣстоположеніе его низменнымъ и сырымъ (что отчасти было справедливо), запахъ отъ пруда и плотины отвратительнымъ, ключевыя воды известковыми и жесткими, и все вмѣстѣ положительно вреднымъ для ея здоровья; много было правды въ этомъ, но много предубѣжденія и преувеличенія. Надобно вспомнить, что мать моя родилась и выросла въ городѣ, и всякая деревня казалась бы ей скучною. Съ огорченіемъ слушали мы съ отцомъ ея частыя, краснорѣчивыя нападенія на Аксаково, и хотя не смѣли защищать его, но мысленно не соглашались. Мать моя, живя въ деревнѣ, деревенской жизни не вела. Она занималась дѣтьми, чтеніемъ книгъ и дѣятельною перепиской съ прежними знакомыми, по большей части замѣчательными людьми, которые, бывъ только временными жителями или посѣтителями Уфы, навсегда сохранили къ моей матери чувства почтительной дружбы. Она любила также читать медицинскія книги; „Домашній лѣчебникъ“ Бухана былъ ея авторитетомъ. Къ медицинскимъ книгамъ она получила привычку, находясь нѣсколько лѣтъ при постели своего больного отца; она имѣла домашнюю аптеку и лѣчила сама больныхъ, не только своихъ, но и чужихъ, а потому больныхъ не мало съѣзжалось изъ окружныхъ деревень; отецъ мой въ этомъ добромъ дѣлѣ былъ ея дѣятельнымъ помощникомъ. Домашнимъ хозяйствомъ она почти не занималась.

Наступила осень, одно удовольствіе исчезало вслѣдъ за другимъ; дни стали коротки и сумрачны; дожди, холодъ загнали всѣхъ въ комнаты; больше сталъ я проводить время съ матерью, больше сталъ учиться, то-есть писать и читать вслухъ. Впрочемъ, въ долгіе вечера, читалъ отецъ и даже сама мать — читала же она необыкновенно хорошо. Хотя отецъ мой не былъ пріученъ къ чтенію смолоду въ своемъ семействѣ (у дѣдушки и бабушки водились только календари, да какія-то печатныя брошюрки „о Гарлемскихъ капляхъ“ и „Элексирѣ долгой жизни“), но у него была природная склонность къ чтенію, чему доказательствомъ служитъ огромное собраніе пѣсенъ и разныхъ тогдашнихъ стишковъ, переписанныхъ съ печатнаго его собственною рукою, сохраняю-

щееся у меня и теперь. Моя мать успѣла развить эту склонность, и потому чтенія по вечерамъ производились ежедневно съ общимъ интересомъ. Я съ живѣйшимъ удовольствіемъ вспоминаю эти вечера, при которыхъ всегда присутствовала и тетушка Евгенья Степановна; литературное удовольствіе подкрѣплялось кедровыми и калеными русскими орѣхами, которые были очень вредны для моей матери, но которые она очень любила: являлся на сцену мѣдный ларецъ съ лакомствомъ и приносились щипчики и пестики для раздавливанья и для разбиванья орѣховъ [1]). Какъ скоро чтеніе возбуждало мое любопытство, то это надбавочное удовольствіе становилось мнѣ очень непріятно, потому что развлекало и мѣшало слушать.—Когда моя мать чувствовала себя лучше обыкновеннаго и находилась въ пріятномъ расположеніи духа, то бывала увлекательно весела, много смѣялась и другихъ заставляла смѣяться. Особенно романъ „Франчичко Петрочіо" и „Приключенія Ильи Бенделя", какъ глупымъ содержаніемъ, такъ и нелѣпымъ, безграмотнымъ переводомъ на русскій языкъ, возбуждали сильный смѣхъ, который, будучи подстрекаемъ живыми и остроумными выходками моей матери, до того овладѣвалъ слушателями, что всѣ буквально валялись отъ хохота — и чтеніе надолго прерывалось; но попадались иногда книги, возбуждавшія живое сочувствіе, любопытство и даже слезы въ своихъ слушателяхъ.

Наступленіе зимы, съ ея первыми порошами и легкими морозами, на нѣкоторое время опять дало мнѣ возможность предаваться моимъ охотамъ. По порошамъ ходили на зайцевъ, русаковъ и бѣляковъ. Отецъ бралъ меня съ собою, и мы, въ сопровожденіи толпы всякаго народа, обметывали тенетами лежащаго на логовѣ зайца почти со всѣхъ сторонъ; съ противоположнаго края съ крикомъ и воплями бросалась вся толпа, испуганный заяцъ вскакивалъ и попадалъ въ разставленныя тенета. Я тоже бѣгалъ, шумѣлъ, кричалъ и горячился, разумѣется больше всѣхъ. Я очень любилъ эту забаву и любилъ толковать о ней съ моимъ отцомъ. Когда мать моя

[1]) Судьба этого мѣднаго ларца достойна вниманія. Мать принесла его въ приданое въ 1788-мъ году, съ ленточками, позументами, кружевами; въ девяностыхъ годахъ и даже въ 1801-мъ году онъ наполнялся калеными орѣхами; въ 1807-мъ году въ немъ лежало болѣе ста тысячъ рублей деньгами и векселями и на большую сумму брильянтовъ и жемчуговъ, а теперь онъ стоитъ подъ письменнымъ рабочимъ столомъ моего сына, набитый старинными грамотами.

бывала чѣмъ-нибудь занята, и я мѣшалъ ей своими вопросами и докуками, или когда она бывала нездорова, то обыкновенно посылала меня къ отцу, прибавляя: „поговори съ нимъ объ зайчикахъ“ — и у насъ съ отцомъ начинались безконечные разговоры. Кромѣ охоты за зайцами, у меня была большая охота ставить поставушки на маленькихъ звѣрковъ: хорьковъ, горностаевъ и ласокъ. Снятыя шкурки пойманныхъ звѣрковъ, гладкія и красивыя, висѣли, какъ трофеи, у моей кровати. Но скоро глубокіе снѣга начали засыпать сугробами землю, забушевали бураны, и всѣ мои охоты рѣшительно прекратились. Страшное и печальное зрѣлище зимній буранъ, не только въ степи, но и въ тепломъ жильѣ! Занесетъ окна, надуетъ снѣгу даже въ сѣни, замететъ всѣ дорожки отъ дома въ людскія избы, такъ что надобно отрывать ихъ лопатами: въ десяти саженяхъ не видать человѣка! Наконецъ навалитъ такія снѣжныя громады, что, кажется, никогда онѣ не растаютъ—и уныніе невольно овладѣваетъ душой! Въ столицахъ не могутъ имѣть понятія объ этомъ, но деревенскіе жители меня понимаютъ и сочувствуютъ мнѣ... Я окончательно заключился въ стѣнахъ дома и никакъ не могъ упросить мою мать, чтобъ меня отпускали съ отцомъ, который ѣзжалъ иногда на *язы* (около Москвы называютъ ихъ *завищами*), то-есть, на такія мѣста, гдѣ рѣка на перекатахъ, къ одной сторонѣ, болѣе глубокой, загораживалась плетнемъ или сплошными кольями, въ срединѣ которыхъ вставлялись плетеныя *морды* (нерота, верши, по-московски). Около Святокъ и даже ранѣе, начинали попадать въ нихъ налимы, иногда очень крупные. Привезутъ, бывало, ихъ окоченѣвшихъ отъ сильнаго мороза, вывалятъ въ большое корыто съ водой, и мраморные, темнозеленые, пузатые налимы оттаютъ понемногу, начнутъ плескаться, пошевеливая мягкими своими хвостами, опушенными мягкими перьями. Долго не отходилъ я отъ корыта, любуясь ихъ движеніями и отскакивая всякій разъ, когда летѣли водяныя брызги отъ ихъ плесъ или хвостовъ. У отца моего много сидѣло налимовъ въ большихъ плетеныхъ сажалкахъ—и вкусная налимья уха и еще вкуснѣйшіе пироги съ налимьими печенками почти всякій день бывали у насъ на столѣ, покуда всѣмъ такъ не наскучивали, что никто не хотѣлъ ихъ ѣсть. Тогда начинали налимовъ приготовлять изрѣдка и окончательно уже истребляли въ продолженіи Великаго поста.

По той же самой причинѣ, что моя мать была горожанка, какъ я уже сказалъ, и также потому, что она провела въ угнетеніи и печали свое дѣтство и раннюю молодость, и потомъ получила, такъ сказать, нѣкоторое внѣшнее прикосновеніе цивилизаціи отъ чтенія книгъ и отъ знакомства съ *тогдашними* умными и образованными людьми, — прикосновеніе, часто возбуждающее какую-то гордость и неуваженіе къ простонародному быту,—по всѣмъ этимъ причинамъ вмѣстѣ, моя мать не понимала и не любила ни хороводовъ, ни свадебныхъ и подблюдныхъ пѣсенъ, ни святочныхъ игрищъ, даже не знала ихъ хорошенько. Съ большимъ трудомъ уступала она иногда просьбамъ тетки: позволить мнѣ посмотрѣть на нихъ; тетка же, какъ деревенская дѣвушка, все это очень любила; она устроивала иногда святочныя игры и пѣсни у себя въ комнатѣ, и сладкіе, чарующіе звуки народныхъ родныхъ напѣвовъ, долетая до меня изъ третьей комнаты, волновали мое сердце и погружали меня въ какое-то непонятное раздумье. Мнѣ было очень досадно, что не позволяли не только самому участвовать, но даже присутствовать на этихъ играхъ, и, вслѣдствіе такого строгаго запрещенія, меня соблазнили наконецъ обманывать свою умную и такъ горячо любимую мать. Разумѣется, я сначала просился и приставалъ съ вопросами къ моей матери: для чего она не пускаетъ меня на игрища? Мать отвѣчала мнѣ рѣшительно и строго: „что тамъ бываетъ много глупаго, гадкаго и неприличнаго, чего мнѣ ни слышать, ни видѣть не должно, потому что я еще дитя, не умѣющее различать хорошаго отъ дурного". А какъ я ничего дурного не видѣлъ, или видя не понималъ, въ чемъ оно состоитъ, то повиновался неохотно, безъ внутренняго убѣжденія, даже съ неудовольствіемъ. Тетка же моя съ своими сѣнными дѣвушками говорили совсѣмъ другое; онѣ утверждали, „что у матери моей такой уже нравъ, что она всѣмъ недовольна и что все деревенское ей не нравится, что отъ того она нездорова; что ей самой не весело, такъ она хочетъ, чтобъ и другіе не веселились". Такія слова вкрадчиво западали въ мой дѣтскій умъ, и слѣдствіемъ того было, что одинъ разъ тетка уговорила меня посмотрѣть игрища тихонько; и вотъ какимъ образомъ это сдѣлалось: во все время Святокъ мать чувствовала себя или не совсѣмъ здоровою, или не совсѣмъ въ хорошемъ расположеніи духа: общаго чтенія не было, но отецъ читалъ моей матери какую-нибудь

скучную или извѣстную ей книгу, только для того, чтобъ усыпить ее, и она послѣ чая, всегда подаваемаго въ шесть часовъ вечера, спала часа по два и болѣе. Я въ это время уходилъ къ теткѣ. Въ одинъ изъ такихъ удобныхъ часовъ она уговорила меня посмотрѣть игрища и, завернувъ съ головой въ шубу и отдавъ на руки здоровенной своей дѣвкѣ Матренѣ, отправилась со мной въ столярную избу, гдѣ ожидала насъ, переряженная въ медвѣдей, индѣекъ, журавлей, стариковъ и старухъ, вся дѣвичья и вся молодая дворня. Не смотря на сальные вонючіе огарки, даже дымную лучину, плохо освѣщавшую просторную избу, не смотря на удушливый мефитическій воздухъ, сколько было истинной веселости на этихъ деревенскихъ игрищахъ! Чудные голоса святочныхъ пѣсенъ, уцѣлѣвшіе звуки глубокой древности, отголоски невѣдомаго міра, еще хранили въ себѣ живую обаятельную силу и властвовали надъ сердцами неизмѣримо далекаго потомства! Какимъ-то хмѣлемъ веселья, опьяненіемъ радости проникнуты были всѣ. Взрывы звонкаго, дружнаго смѣха часто покрывали и пѣсни, и рѣчи. Это были не актеры и актрисы, представляющіе кого-то, для удовольствія другихъ, — себя выражали одушевленныя пѣсенницы и плясуньи, себя тѣшили онѣ отъ избытка сердца, и каждый зритель былъ увлеченное дѣйствующее лицо. Все пѣло, плясало, говорило, хохотало — и въ самомъ разгарѣ, въ чаду шумнаго общаго веселья, тѣ же сильныя руки завертывали меня въ шубу и стремительно уносили изъ волшебнаго сказочнаго міра... Долго я не засыпалъ въ эти ночи и долго странные образы плясали и пѣли вокругъ меня, и не разставались со мною даже въ сновидѣніяхъ [1]).

---

[1]) Я помню одну драматическую святочную игру, съ особенною пѣснью и пляскою, которая, какъ я слышу теперь, уже вышла изъ памяти народной въ той губерніи, гдѣ я видѣлъ ее: по серединѣ избы, на скамьѣ или чурбанѣ, сидитъ старикъ (разумѣется, кто-нибудь переряженный); молодая его жена въ кокошникѣ и фатѣ, ходя вокругъ и приплясывая, поетъ жалобу на дряхлость мужа, хоръ ей подтягиваетъ. Пропѣвъ куплетъ, кажется, изъ восьми стиховъ, изъ которыхъ я помню два начальные во всѣхъ куплетахъ:

Охъ ты горе мое, гореванье,
Ты тяжелое мое воздыханье,

жена подходитъ къ мужу и посылаетъ его пахать яровую пашню. Старикъ кашляетъ, стонетъ и дребезжащимъ голосомъ отвѣчаетъ: „моченьки нѣтъ“. Зрители хохочутъ. Молодая женщина опять поетъ вмѣстѣ съ хоромъ новый куплетъ, ходя и приплясывая кругомъ старика. Такимъ образомъ перебираются всѣ полевыя работы, и на всѣ приглашенія: сѣять, пахать, косить, жать и проч. старикъ отвѣчаетъ словами: „моченьки нѣтъ“, разно-

Въ первый разъ я былъ увлеченъ въ этотъ обманъ внезапно, почти насильно, и по возвращеніи домой долго не могъ смотрѣть прямо въ глаза моей матери; но очаровательное зрѣлище такъ меня плѣнило, что въ другой разъ я охотно согласился, а потомъ и самъ сталъ приставать къ моей теткѣ и проситься на игрища.

Наконецъ переломилась жестокая зима и унялись трескучіе морозы. У насъ не было тогда термометровъ, и я не могу сказать, до сколька градусовъ достигала стужа, но помню, что птица мерзла и что мнѣ приносили воробьевъ и галокъ, которые на лету падали мертвыми и мгновенно коченѣли: нѣкоторымъ теплота возвращала жизнь. Вообще я долженъ замѣтить, что зимы во время моего дѣтства и ранней молодости были гораздо холоднѣе нынѣшнихъ, и это не стариковскій предразсудокъ; въ бытность мою въ Казани, до начала 1807-го года, два раза замерзала ртуть, и мы ковали ее какъ разогрѣтое желѣзо. Теперь уже въ Казани это сдѣлалось преданіемъ старины.

Начало пригрѣвать солнышко, начала лосниться дорога, пришла масляница и началось катанье съ горъ. Въ общественныхъ катаніяхъ, къ сожалѣнію моему, мать также не позволяла мнѣ участвовать, и только катаясь съ сестрицей, а иногда и съ маленькимъ братцемъ, проѣзжая мимо, съ завистью посматривалъ я на толпу деревенскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ, которые, раскраснѣвшись отъ движенія и холода, смѣло летѣли съ высокой горы, прямо отъ гумна, на маленькихъ салазкахъ, конькахъ и ледянкахъ: ледянки были ничто иное, какъ старыя рѣшета, или круглыя лубочныя лукошки, подмороженныя снизу такъ же, какъ и коньки. Шумный говоръ и смѣхъ раздавался въ бодрой, веселой толпѣ, часто одѣтой въ фантастическіе костюмы, особенно когда летѣли вверхъ ногами наѣздники съ высокихъ коньковъ, или, быстро вертясь, опрокидывалась ледянка съ какой-нибудь дѣвчонкой, которая начинала визжать задолго до крушенія своего экипажа. Какъ мнѣ хотѣлось туда—въ этотъ шумъ, го-

---

образя отказъ прибаутками и оханьемъ. Наконецъ жена поетъ послѣдній куплетъ, въ которомъ говорится, что всѣ добрые люди убрались съ полей и принялись варить пиво; потомъ подходитъ къ мужу и зоветъ его къ сосѣду: „бражки испить“. Старикъ проворно вскакиваетъ, бодро отвѣчаетъ: „пойдемъ, матушка, пойдемъ“ и бѣжитъ стариковской рысью, утаскивая за руку молодую жену. Громкій веселый хохотъ зрителей заключаетъ эту игру.

воръ и смѣхъ... и какъ, послѣ этого зрѣлища, казалось мнѣ скучнымъ уединенное катанье съ ледяной горки, устроенной въ саду передъ окнами гостиной, и только одно меня утѣшало, что моя милая сестрица каталась вмѣстѣ со мной.

Съ наступленіемъ Великаго поста оканчивались всѣ зимнія, очень немногія, удовольствія. Нельзя сказать, чтобъ Великій постъ проходилъ у насъ въ постѣ и молитвѣ. Мать моя постовъ не держала по нездоровью, я, конечно, не постничалъ, отецъ мой, хотя не ѣлъ скоромнаго въ Успенскій и Великій постъ, но при изобильномъ запасѣ уральской красной рыбы, замороженныхъ илецкихъ [1]) стерлядей, свѣжей икры и живыхъ налимовъ—его постный столъ былъ гораздо лакомѣе скоромнаго. Церкви у насъ еще не было и ближайшая находилась въ девяти верстахъ, въ селѣ „Мордовскій Бугурусланъ". Священникъ былъ какъ-то не расположенъ къ намъ, и мы ѣзжали туда только по самымъ большимъ праздникамъ. Вообще, должно сказать, что у насъ домъ былъ не то что не богомольный, но мало привычный къ слушанью церковной службы, что почти всегда бываетъ при отдаленности церкви. И такъ Великій постъ провелъ я въ обыкновенныхъ, нѣсколько усиленныхъ учебныхъ занятіяхъ. Ученица моя уже не печалила, а радовала меня своими успѣхами. Я игралъ съ ней въ куклы, строилъ городки изъ чурочекъ, а иногда читывалъ и растолковывалъ ей дѣтскія сказочки.

Мать моя постоянно была чѣмъ-то озабочена и даже иногда разстроена; она нѣсколько менѣе занималась мною, и я, болѣе преданный спокойному размышленію, потрясенный въ моей дѣтской безпечности жизнью въ гимназіи, не забывшій новыхъ впечатлѣній и по возвращеніи къ деревенской жизни,—я уже не находилъ въ себѣ прежней беззаботности, прежняго увлеченія въ своихъ охотахъ, и съ большимъ вниманіемъ сталъ вглядываться во все, меня окружающее, сталъ понимать кое-что, до тѣхъ поръ не замѣчаемое мною.... и не такъ свѣтлы и радостны показались мнѣ нѣкоторые предметы. Чувство, неиспытанной мною до тѣхъ поръ, особеннаго рода грусти стало примѣшиваться ко всѣмъ моимъ любимымъ занятіямъ, ко всѣмъ забавамъ.... Я не буду распространяться объ этомъ печальномъ обстоятельствѣ, но я

[1]) То-есть: уральскихъ.

долженъ упомянуть о немъ, потому что иначе было бы нельзя понять, отъ чего, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, жизнь въ Аксаковѣ уже не казалась мнѣ прежнимъ свѣтлымъ раемъ, а вторичное поступленіе въ гимназію, особенно ученикомъ своекоштнымъ—не представлялось страшнымъ событіемъ.

Зима стояла долгая и упорная. Весна медленно вступала въ права свои, и только въ исходѣ апрѣля теплота въ воздухѣ, дождь и вѣтеръ дружно напали на страшныя громады снѣговъ и въ одну недѣлю разрушили ихъ. Во время Пасхи стояла совершенная распутица, и мы не ѣздили даже къ заутрени великаго праздника. Всю Свѣтлую недѣлю провелъ я не весело: мать была нездорова и печальна, отецъ молчаливъ; онъ постоянно сидѣлъ за бумагами по тяжебному дѣлу съ Богдановыми о какомъ-то наслѣдствѣ; это дѣло онъ выигралъ впослѣдствіи. Отецъ всякій день ходилъ на мельницу наблюдать прибыль воды. Однажды, воротясь неожиданно скоро домой, онъ сказалъ мнѣ: „просись, Сережа, у матери; сейчасъ будемъ спускать воду." Я побѣжалъ проситься, и въ этотъ разъ счастливѣе прежнихъ разовъ; мать отпустила меня, принявъ нѣкоторыя предосторожности, чтобы я не промочилъ ногъ и не простудился. На длинныхъ крестьянскихъ дрогахъ доѣхали мы до мельницы; на плотинѣ дожидались насъ крестьяне съ разными орудіями. Русскій народъ любитъ смотрѣть на движеніе воды, и все населеніе Аксакова сбѣжалось поглядѣть, какъ будутъ спускать прудъ. Заводскихъ вешняковъ съ деревянными запорами у насъ еще не заводилось, и отверстіе въ плотинѣ, то есть, вешнякъ, для спуска полой воды, ежегодно заваливали наглухо. Прудъ надулся и весь посинѣлъ, ледъ поднялся, истрескался и отсталъ отъ береговъ, материкъ давно прошелъ и вода едва помѣщалась въ каузѣ. Топорами, пешнями и желѣзными лопатами разрубили мерзлую плотину по обоимъ краямъ прошлогодняго вешняка, и едва своротили верхній слой въ аршинъ глубиною, какъ вода хлынула и, не нуждаясь болѣе въ человѣческой помощи, такъ успѣшно принялась за дѣло, что въ полчаса расчистила себѣ дорогу до самаго материка земли. Яростно устремились мутныя волны, и въ одну минуту образовалась сильная рѣка, которая не умѣстилась въ новенькой канавкѣ и затопила окружныя мѣста. Родостными восклицаніями привѣтствовалъ народъ вырвавшуюся на волю изъ зимняго плѣна, любимую имъ стихію; особенно кричали

и взвизгивали женщины,—и все это, мѣшаясь съ шумомъ круто падающей воды, съ трескомъ осѣдающаго и ломающагося льда, представляло полную жизни картину.... и еслибъ не прислали изъ дому сказать, что давно пришла пора обѣдать, то, кажется, мы съ отцомъ простояли бы тутъ до вечера.

На другой день поутру мы опять поѣхали на плотину и нашли уже тамъ другое, также шумное и веселое зрѣлище. Первые бурные порывы воды нѣсколько усмирились, прудъ значительно сбѣжалъ, мелкія глыбы льда разбились о сваи и пронеслись, а большія сѣли на дно, по отмелѣвшимъ мѣстамъ. По сухому почти мѣсту, гдѣ текла теперь цѣлая рѣка изъ-подъ вешняка, были заранѣе вколочены толстые невысокіе колья; къ этимъ кольямъ, входя по поясъ въ воду, привязывали или надѣвали на нихъ петлями морды и хвостуши; рыба, которая скатывалась внизъ, увлекаемая стремленіемъ воды, а еще болѣе рыба, поднимавшаяся вверхъ по рѣкѣ до самаго вешняка, сбиваемая назадъ силою падающихъ волнъ,—попадала въ морды и хвостуши. То-и-дѣло, мокрые крестьяне, дрожа отъ холода, но въ то же время перекидываясь шутками и громкими восклицаніями, вытаскивали на берегъ свою добычу, а бабы, старики, старухи, мальчики и дѣвочки таскали ее домой въ лукошкахъ и рѣшетахъ, а иногда и просто въ подолахъ своихъ рубашекъ. Выбравъ нѣсколько крупныхъ рыбъ, мы отправились домой. Мать моя была недовольна, что мы такъ замѣшкались, и не скоро получилъ я позволеніе побывать на мельницѣ.

Въ короткое время исчезли всѣ признаки зимы, одѣлись зеленью кусты и деревья, выросла молодая трава, и весна явилась во всей своей красотѣ. По-прежнему населился нашъ садъ всякими пѣвчими птичками, зорьками и малиновками, особенно любившими старые смородинные и барбарисовые кусты, опять запѣли соловьи, и опять стали передразнивать ихъ варакушки. Проводя прошлогоднюю весну въ тюремномъ заключеніи, въ тѣсной больничной комнатѣ, казалось бы, я долженъ былъ съ особеннымъ чувствомъ наслажденія встрѣтить весну въ деревнѣ; но у меня постоянно ныло сердце, и хотя я не понималъ хорошенько, отъ чего это происходило, но тѣмъ не менѣе всѣ мои удовольствія, которымъ, повидимому, я по прежнему предавался, были отравлены грустнымъ чувствомъ.

Еще зимой, отецъ мой задумалъ сдѣлать на плотинѣ, такъ называемый, заводскій вешнякъ съ запорами и построить хорошую мельницу. Онъ нанялъ для этого какого-то *верховаго* мельника, Краснова, великаго краснобая и плута, что все оказалось впослѣдствіи. Весь Великій постъ заготовляли наши крестьяне лѣсной матеріалъ: крупныя и мелкія бревна, слеги, переводины, лежни и сваи, которыхъ почему-то понадобилось великое множество,—и сейчасъ по слитіи полой воды принялись разрывать плотину и рубить новый вешнякъ на другомъ мѣстѣ; въ то же время наемные плотники начали бить сваи и потомъ рубить огромный мельничный амбаръ, также на другомъ мѣстѣ, въ которомъ должны были помѣщаться шесть мукомольныхъ поставовъ; толчея находилась въ особомъ пристроѣ. Работы продолжались почти во все лѣто. Отецъ мой слѣпо ввѣрился Краснову, и хотя старый мельникъ, Болтуненокъ, и нѣкоторые крестьяне, разумѣющіе нѣсколько мельничную постройку, изподтишка ухмылялись и покачивали головами, но на вопросы моего отца: „каковъ Красновъ-то, какъ разумѣетъ свое дѣло? нарисовалъ весь планъ на бумагѣ и по одному глазомѣру бьетъ сваи и всѣ приходятся по своимъ мѣстамъ!“ всегда отвѣчали съ простодушнымъ лукавствомъ русскихъ людей: „боекъ, батюшка, боекъ! Что и говорить, мастеръ своего дѣла! Все раскинетъ въ умѣ и все приходится, какъ быть надо. Только не знай, какъ-то будетъ мельница молоть: вода-то пойдетъ по канавѣ чай тихо, не то что прямо изъ матерѣка, да какъ бы зимой промерзать не стала?“ Но Красновъ улыбался на мужичьи замѣчанія и съ такой самоувѣренностью опровергалъ ихъ, что отцу моему и въ голову не входило ни малѣйшаго сомнѣнія въ успѣхѣ. Я также слушалъ съ благоговѣніемъ краснорѣчиваго Краснова. Между тѣмъ постройка требовала, чтобы прудъ былъ спущенъ, и въ пруду открылось такое уженье, какого не видывали до тѣхъ поръ, да и послѣ не видали. Вся прудовая рыба скатилась въ трубу, то-есть въ матерѣкъ рѣки. Рыбы было столько, какъ въ кастрюлѣ съ доброй ухой. Началось баснословное уженье. Я съ Евсеичемъ не сходилъ съ пруда и нигдѣ уже больше не удилъ; даже отецъ мой, удившій очень рѣдко за недосугомъ, могъ теперь удить съ утра до вечера, потому что большую часть дня долженъ былъ проводить на мельницѣ, наблюдая надъ разными работами: онъ имѣлъ полную воз-

можность удить, не выпуская изъ глазъ всѣхъ построекъ и осматривая ихъ отъ времени до времени. Головли, язи, лини, окуни, щуки и крупная плотва (фунта по три и болѣе) брали безпрестанно и во всякое время дня. Величина рыбы зависѣла отъ величины насадки: кто насаживалъ огромные куски, у того брала огромная рыба. Я помню, что мой отецъ, который особенно любилъ удить окуней и щукъ, навязывалъ по два крючка на одну лесу, насаживалъ крючки мелкой рыбешкой и таскалъ по два окуня вдругъ, и даже одинъ разъ окуня и щуку. Впрочемъ щукъ ловили большею частью на жерлицы, насаживая порядочными окунями и плотицами, и нерѣдко попадались полупудовыя щуки. Само собою разумѣется, что, не смотря на толстыя лесы и крючки, безъ умѣнья удить и безъ помощи сачка, самая крупная рыба часто скрывалась, ломала удилища и крючки и рвала лесы. Евсеичъ мой, который и въ старости часто смѣшилъ меня своей горячностью на уженьѣ, болѣе всѣхъ подвергался несчастнымъ потерямъ, а по его милости и я часто терялъ крупную рыбу, потому что безъ его помощи не могъ ее вытащить, а помощь его почти всегда была вредна. Самый сильный ловъ продолжался съ весны до половины іюля, а потомъ крупная рыба перестала брать: я разумѣю язей, головлей и линей; остальная же вся брала превосходно; но вѣроятно и они бы брали, еслибъ тогда была извѣстна насадка цѣлыхъ линючихъ раковъ.

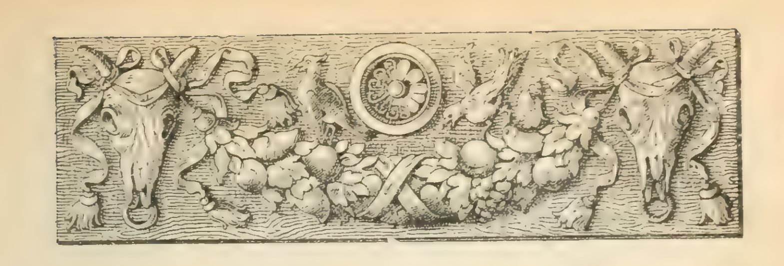
Въ теченіе всего этого года моя мать постоянно переписывалась каждый мѣсяцъ съ Василіемъ Петровичемъ Упадышевскимъ. Въ этотъ годъ много послѣдовало перемѣнъ въ Казанской гимназіи: директоръ Пекенъ и главный надзиратель Камашевъ вышли въ отставку; должность директора исправлялъ старшій учитель русской исторіи Илья Ѳедоровичъ Яковкинъ, а должность главнаго надзирателя—Упадышевскій. Переговоря съ новымъ директоромъ и инспекторомъ, Василій Петровичъ увѣдомилъ, что я могу теперь, если моимъ родителямъ угодно, не вступать въ казенные гимназисты, а поступить своекоштнымъ и жить у кого-нибудь изъ учителей; что есть двое отличныхъ молодыхъ людей: Иванъ Ипатовичъ Запольскій и Григорій Ивановичъ Карташевскій, оба изъ Московскаго университета, которые живутъ вмѣстѣ, нанимаютъ большой домъ, берутъ къ себѣ пансіонеровъ, содержатъ ихъ отлично хорошо и плату полагаютъ умѣренную.

Отецъ и мать очень обрадовались такимъ извѣстіямъ, особенно тому, что провалился Камашевъ, и хотя платить за меня триста рублей въ годъ и издерживать рублей по двѣсти на платье, книги и дядьку было для нихъ очень тяжело, но они рѣшились для моего воспитанія войти въ долги, которыхъ и безъ того имѣли двѣ тысячи рублей асс. (тогда эта сумма казалась долгами!),—и только въ ожиданіи будущихъ благъ отъ Надежды Ивановны Куроѣдовой отважились на новый заемъ. Курсъ ученья начинался въ гимназіи съ 15-го, а пріемъ съ 1-го августа.—И такъ было положено въ исходѣ іюля отправиться въ Казань. Такое рѣшеніе принялъ я почти спокойно, потому что внутреннее состояніе моего духа становилось тяжелѣе и больнѣе. Но когда сборы были кончены, назначенъ день отъѣзда — мнѣ стало такъ жаль Аксакова, что вдругъ все въ немъ получило въ глазахъ моихъ прежнюю цѣну и прелесть, даже можетъ быть большую. Мнѣ казалось, что я никогда его не увижу, и потому я прощался съ каждымъ строеніемъ, съ каждымъ мѣстомъ, съ каждымъ деревомъ и кустикомъ, и прощался со слезами. Я раздарилъ все мое богатство: голубей отдалъ я повару Степану и его сыну, кошку подарилъ Сергѣевнѣ, женѣ нашего слѣпого повѣреннаго Пантелея Григорьича, необыкновеннаго дѣльца и знатока въ законахъ; мои удочки и поставушки роздалъ дворовымъ мальчикамъ, а книжки, сухіе цвѣты, картинки и проч. отдалъ моей сестрицѣ, съ которой въ этотъ годъ мы сдѣлались такими друзьями, какими только могутъ быть девятилѣтняя сестра съ одиннадцатилѣтнимъ братомъ. Разлука съ ней была для меня очень прискорбна, и я упросилъ мать взять мою сестрицу съ собой. Мать сначала противилась моимъ просьбамъ, но наконецъ уступила.

Должно упомянуть, что за недѣлю до нашего отъѣзда была пущена въ ходъ новая мельница. Увы, оправдались сомнѣнія Болтунёнка и другихъ: вода точно шла тише по обводному каналу и не поднимала шести поставовъ; даже на два молола несравненно тише прежняго. Отецъ мой, разочарованный въ искусствѣ Краснова, прогналъ его и поручилъ, хоть кое-какъ, поправить дѣло старому мельнику.

Наконецъ, 26-го іюля, та же просторная карета, запряженная тѣмъ же шестерикомъ, съ тѣмъ же кучеромъ и форрейторомъ—стояла у крыльца; такая же толпа дворовыхъ и крестьянъ собралась провожать господъ; отецъ съ матерью,

я съ сестрой и Параша помѣстились въ экипажѣ, Евсеичъ сѣлъ на козлы, Өедоръ на запятки, и карета тихо тронулась отъ крыльца, на которомъ стояла тетушка Евгенья Степановна, нянька съ моимъ братомъ и кормилица на рукахъ съ меньшой сестрой моей. Толпа крестьянъ и дворовыхъ провожала насъ до околицы, осыпая прощаньями, благословеньями и добрыми желаньями. Дорога шла до Крутца вдоль пруда, по которому уже вилась стая бѣлыхъ и пестрыхъ мартышекъ или чаекъ. Какъ я завидовалъ каждому деревенскому мальчику, которому никуда не надо было ѣхать, ни съ кѣмъ и ни съ чѣмъ не разлучаться, который оставался дома и могъ теперь съ своей удочкой сѣсть гдѣ-нибудь на плотинѣ и подъ густой тѣнью ольхи удить беззаботно окуней и плотву! Онъ оставался полнымъ спокойнымъ хозяиномъ широкаго пруда, на этотъ годъ не заросшаго камышами и травами, потому что былъ съ весны долго спущенъ. Фыркали и горячились застоявшіеся кони; но сильныя привычныя руки кучера осаживали ихъ и долго заставляли итти шагомъ. Въ каретѣ всѣ казались печальны и молчали. Я высунулся изъ окна и глядѣлъ на милое Аксаково до тѣхъ поръ, пока оно не скрылось изъ глазъ, и тихія слезы катились по моимъ щекамъ.

ГИМНАЗІЯ.

ПЕРІОДЪ ВТОРОЙ.

Пріѣхавъ въ Казань (1801 года), мы не остановились уже у капитанши Аристовой, а наняли себѣ квартиру получше; не помню, на какой улицѣ, но помню, что мы занимали цѣлый отдѣльный домикъ, принадлежавшій, кажется, г. Чортову. Василій Петровичъ Упадышевскій не замедлилъ къ намъ явиться. Всѣ его встрѣтили, какъ близкаго родного, благодѣтеля и друга. Онъ разсказалъ намъ, что Яковкинъ до сихъ поръ только исправляетъ должность директора гимназіи, и что ходятъ по городу слухи, будто директоромъ будетъ богатый тамошній помѣщикъ Лихачевъ, и что теперь самое удобное время помѣстить меня въ гимназію своекоштнымъ ученикомъ, потому что Яковкинъ да и весь совѣтъ на это согласенъ, и что можетъ быть будущій директоръ посмотритъ на это дѣло иначе и заупрямится. Упадышевскій очень хвалилъ двухъ старшихъ учителей, поступившихъ уже давно въ гимназію изъ Московскаго университета: Ивана Ипатьевича Запольскаго, преподававшаго физику, и Григорія Ивановича Карташевскаго [1]), преподававшаго чистую математику. Онъ превозносилъ ихъ умъ, ученость и скромность поведенія. Они были дружны между собою, жили вмѣстѣ въ прекрасномъ

[1]) О Г. И. Карташевскомъ см. примѣч. ниже въ концѣ разсказа. *И. А.*

каменномъ домѣ и держали у себя семерыхъ воспитанниковъ, своекоштныхъ гимназистовъ: Рычкова, двухъ Скуридиныхъ, Ах—ва и троихъ Манасеиныхъ; содержали и кормили ихъ очень хорошо и прилежно наблюдали за ихъ ученьемъ въ классахъ. Они не принимали болѣе воспитанниковъ; но Упадышевскій разсказалъ имъ мою исторію и столько наговорилъ добраго обо мнѣ и моемъ семействѣ, что молодые люди, убѣжденные его просьбами, согласились сдѣлать исключеніе для моей матери и принять меня въ число своихъ воспитанниковъ. Отецъ поѣхалъ со мной къ Яковкину, и получивъ его согласіе опредѣлить меня въ своекоштные гимназисты, отправился, также вмѣстѣ со мной, къ Ивану Ипатычу Запольскому и Григорію Иванычу Карташевскому. Вездѣ приняли насъ очень благосклонно; но Григорій Иванычъ объявилъ, что я могу поступить собственно къ его товарищу Запольскому, потому что они воспитанниковъ раздѣлили; что трое старшихъ находятся непосредственно подъ его наблюденіемъ, что его воспитанники черезъ годъ, кончивъ курсъ гимназическаго ученья, должны оставить гимназію для поступленія въ службу, и что онъ, Григорій Иванычъ, тогда будетъ жить особо и воспитанниковъ имѣть не хочетъ. Иванъ Ипатычъ съ удовольствіемъ согласился меня принять. Для моего отца было все равно, кто бы ни взялъ меня; онъ только убѣдительно просилъ обоихъ молодыхъ людей познакомиться съ моей матерью. На другой день они пріѣхали къ намъ. Съ перваго взгляда Григорій Иванычъ чрезвычайно понравился моей матери, и она очень огорчилась тѣмъ, что я буду жить не у него. Отцу же моему и мнѣ гораздо болѣе нравился Иванъ Ипатычъ, который показался намъ привѣтливѣе, добрѣе и словоохотнѣе своего серьезнаго товарища. На всѣ ласковыя убѣжденія моей матери, что разлучаться друзьямъ не надобно, а лучше жить вмѣстѣ и помогать другъ другу въ исполненіи такихъ святыхъ обязанностей,—Григорій Иванычъ очень твердо отвѣчалъ, что считаетъ эту обязанность слишкомъ важною и тяжелою, что отвѣтственность за воспитаніе молодыхъ людей, если не передъ родителями ихъ, то передъ самимъ собою, ему не подъ силу и мѣшаетъ заниматься наукой, въ которой онъ самъ еще ученикъ. Отвѣтъ былъ высказанъ такъ рѣшительно, что возражать было нечего, да и не ловко. Молодые люди уѣхали и моя мать, по живости своего нрава, очень огорчилась. Бу-

дучи всегда слишкомъ страстною въ своихъ увлеченіяхъ. она превозносила до небесъ достоинства Григорія Иваныча и находила много недостатковъ въ его товарищѣ. Послѣдствія доказали, что горячее увлеченіе моей матери не было ошибочно. Иванъ Ипатычъ былъ очень хорошій человѣкъ, въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова; но Григорій Иванычъ принадлежалъ къ небольшому числу тѣхъ людей, нравственная высота которыхъ встрѣчается очень рѣдко, и которыхъ вся жизнь — есть строгое проявленіе этой высоты... Я же радовался отъ всей души, что попаду къ доброму Ивану Ипатычу и стану жить не съ большими воспитанниками, которые помѣщались особо, а съ своими ровесниками, такими же веселыми и добрыми мальчиками, какъ я. Всѣ дѣла наши, благодаря участію Упадышевскаго, устроились безъ всякаго затрудненія, и черезъ мѣсяцъ отецъ, мать и сестрица уѣхали въ Аксаково; но въ продолженіи этого мѣсяца Григорій Иванычъ, умѣвшій оцѣнить мою мать, часто бывалъ у насъ, хотя считался большимъ домосѣдомъ,—и прочная, на взаимномъ уваженіи основанная дружба, доказанная впослѣдствіи многими важными опытами, образовалась между ними.

Вторичная разлука наша съ матерью далеко не сопровождалась такою мучительною горестью, какъ первая. Особенно въ себѣ я замѣтилъ эту разницу и, не смотря на мой дѣтскій возрастъ, она поразила меня и заставила грустно задуматься. Но скоро новый образъ жизни поглотилъ все мое вниманіе. Меня помѣстили въ одной комнатѣ съ тремя братьями Манасеиными, съ которыми я сейчасъ познакомился хорошо; Ах—въ же занималъ маленькую особую комнату возлѣ нашей. Онъ былъ очень богатъ и, кажется, единственный сынъ у своей матери, вдовы. Не смотря на богатство, которое видно было въ его платьѣ, постели и во всемъ, онъ жилъ очень скупо; въ комнатѣ у него стоялъ огромный сундукъ, окованный желѣзомъ, ключъ отъ котораго онъ носилъ въ карманѣ. Товарищи мои думали, что въ сундукѣ хранятся драгоцѣнныя вещи и разныя сокровища: сундукъ возбуждалъ общее любопытство.

Наконецъ я опять увидѣлъ нѣкогда страшную и противную мнѣ гимназію, и увидѣлъ ее безъ страха и безъ непріятнаго чувства. Я очень этому обрадовался. Я поступилъ опять въ тѣ же нижніе классы, изъ которыхъ большая часть моихъ прежнихъ товарищей перешла въ средніе, и на мѣсто

ихъ опредѣлились новые ученики, которые были приготовлены хуже меня; ученики же, не перешедшіе въ слѣдующій классъ, были лѣнтяи или безъ способностей, и потому я въ самое короткое время сдѣлался первымъ во всѣхъ классахъ, кромѣ катехизиса и краткой Священной Исторіи. Священникъ постоянно сохранялъ ко мнѣ какое-то неблагорасположеніе, несмотря на то, что я зналъ свои уроки всегда очень твердо. Замѣчательно, что впослѣдствіи, когда Упадышевскій спрашивалъ его, отчего Аксаковъ, самый прилежный ученикъ вездѣ, не находится у него въ числѣ лучшихъ учениковъ, и что вѣрно онъ не хорошо знаетъ свои уроки,— священникъ отвѣчалъ: „Нѣтъ, уроки онъ знаетъ твердо; но онъ не охотникъ до катехизиса и Священной Исторіи."

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, разсѣялись послѣдніе остатки грусти по домѣ родительскомъ, по привольному деревенскому житью, я постепенно привыкъ къ своей школьной жизни и завелъ себѣ нѣсколько пріятелей въ гимназіи и полюбилъ ее. Этой перемѣнѣ много способствовало то, что я только пріѣзжалъ въ гимназію учиться, а не жилъ въ ней. Житье у Ивана Ипатыча не такъ рѣзко разнилось отъ моей домашней жизни, какъ безвыходное заключеніе въ казенномъ домѣ гимназіи, посреди множества разнородныхъ товарищей.

Ах—въ, который чуждался меня и Манасеиныхъ, да и всѣхъ въ гимназіи, замѣтивъ мою скромность и смиренство, сталъ со мной заговаривать и приглашать въ свою комнату, даже подчивалъ своими домашними лакомствами, которыя онъ ѣлъ потихоньку отъ всѣхъ; наконецъ сказалъ, что хочетъ показать мнѣ свой сундукъ, только такимъ образомъ, чтобы никто этого не зналъ. Я обрадовался. Воображеніе мое, полное волшебныхъ сказокъ, представляло мнѣ этотъ сундукъ хранилищемъ драгоцѣнныхъ камней, слитковъ золота и серебра. Мы условились съ Ах—мъ, что я приду къ нему въ комнату, когда всѣ заснутъ. Я такъ и сдѣлалъ въ тотъ же самый вечеръ; Манасеины не заставили меня долго ждать и скоро захрапѣли; я пришелъ къ Ах—ву, у котораго по ночамъ теплилась лампадка передъ большимъ, богато вызолоченнымъ образомъ. Хозяинъ зажегъ свѣчу, заперъ дверь, взялъ съ меня обѣщаніе: никому не сказывать о томъ, что увижу, и бережно отперъ таинственный сундукъ.... Каково было мое удивленіе! Сундукъ оказался набитъ биткомъ гравированными, рисованными, лубочными картинками! Между

ними находились и ландшафты, и портреты, писаные масляными красками, разумѣется въ родѣ цирюльныхъ вывѣсокъ. Я самъ былъ охотникомъ до картинокъ; но какъ тутъ я ожидалъ совсѣмъ другого, то не обращалъ на нихъ вниманія и все еще надѣялся, что на днѣ сундука окажется настоящее сокровище; когда же были сняты послѣдніе листы, и голыя доски представились глазамъ моимъ—я невольно воскликнулъ: „Только-то...“ и смутилъ ужасно Ах—ва, который думалъ удивить и привести меня въ восхищеніе. Я шопотомъ откровенно разсказалъ ему, что мы всѣ думали объ его сундукѣ. „Вы всѣ дураки“, сказалъ съ негодованіемъ Ах—въ, и почти выгналъ меня. Тѣмъ и кончилась наша ребячья дружба. Черезъ нѣсколько времени, я нарушилъ обѣщаніе и разсказалъ Манасеинымъ, что хранится въ сундукѣ, и мы потомъ не одинъ разъ, поглядывая въ дверныя щели, видѣли, какъ Ах—въ, запершись на крючокъ, раскладывалъ свои картинки по постели, по столамъ, по стульямъ и даже по полу. Онъ разглядывалъ ихъ, обтиралъ и любовался ими, какъ „Скупой рыцарь“, у Пушкина, своими сокровищами; почти каждый день, по большей части ночью, предавался онъ этому наслажденію цѣлые часы. Мы стали подсмѣиваться надъ Ах—мъ, разсказали въ гимназіи про его охоту къ картинкамъ—и рѣзвые мальчики не давали ему прохода, требуя, чтобъ онъ дѣлился съ другими своимъ богатствомъ и показалъ имъ, какъ „мыши погребаютъ кота“, или какъ „Еруслапъ Лазаревичъ побиваетъ несмѣтную бусурманскую силу“. Ах—въ сердился, бранился и даже дрался—ничто не помогало. Наконецъ это такъ надоѣло ему, что онъ написалъ къ своей матери, и она скоро совсѣмъ взяла его изъ гимназіи. Впрочемъ этому могли быть и другія причины. Недавно я узналъ, что Ах—въ навсегда остался большимъ чудакомъ; но это не мѣшаетъ ему имѣть репутацію очень дѣльнаго хозяина.

Первые мѣсяцы послѣ моего поступленія къ Ивану Ипатычу онъ кое-какъ занимался мною и другими. Все занятіе состояло въ томъ, что онъ предварительно спрашивалъ заданные намъ уроки и училъ читать по-французски и по-нѣмецки; но мало-по-малу онъ переставалъ нами заниматься вовсе, и сталъ куда-то отлучаться. Должно сказать правду: ученью нашему были полезны его отлучки, потому что въ его отсутствіе занимался нами Григорій Иванычъ, гораздо

внимательнѣе и лучше своего товарища, и я это очень понималъ. Наконецъ Евсеичъ сказалъ мнѣ за тайну, что Иванъ Ипатычъ сватаетъ невѣсту хорошаго дворянскаго рода и съ состояніемъ, и что невѣста и мать согласны, только отецъ не хочетъ выдать дочери за учителя, бѣдняка, да еще поповича. Это извѣстіе оказалось совершенно справедливымъ.

Директоромъ гимназіи точно былъ опредѣленъ помѣщикъ Лихачевъ; но своекоштные ученики долго его и въ глаза не знали, потому что онъ посѣщалъ гимназію обыкновенно въ обѣденное время, а въ классы и не заглядывалъ.—Я учился, ѣздилъ или ходилъ въ гимназію весьма охотно. Товарищи-ли мои были совсѣмъ другіе мальчики, чѣмъ прежде, или я сдѣлался другимъ—не знаю, только я не замѣчалъ этого, несноснаго прежде, приставанья или тормошенья учениковъ; нашлись общіе интересы, родилось желаніе сообщаться другъ съ другомъ, и я сталъ ожидать съ нетерпѣніемъ того времени, когда надо ѣхать въ гимназію. Притомъ надобно и то сказать, что я проводилъ тамъ по большей части классное время, а въ классахъ самолюбіе мое постоянно было ласкаемо похвалами учителей и нѣкоторымъ уваженіемъ товарищей, что однако не мѣшало мнѣ играть и рѣзвиться съ ними во всякое свободное время и при всякомъ удобномъ случаѣ. Домой я писалъ каждую недѣлю, и каждую недѣлю получалъ самыя нѣжныя письма отъ матери, иногда съ припискою отца. Мать увѣряла меня, что не грустить, разставшись со мною, радуется тому, что я такъ хорошо учусь и веду себя, о чемъ пишетъ къ ней Иванъ Ипатычъ и Упадышевскій; я повѣрилъ, что мать моя не грустить. Во всякомъ письмѣ она свидѣтельствовала почтеніе Ивану Ипатычу и Григорію Иванычу, съ которыми отъ времени до времени переписывалась сама. Такимъ образомъ шли дѣла почти цѣлый годъ, то-есть, до іюня 1802-го года; въ продолженіи іюня происходили экзамены, окончившіеся совершеннымъ торжествомъ для моего дѣтскаго самолюбія; я былъ переведенъ во всѣ средніе классы. Въ первыхъ числахъ іюля, на актѣ, я получилъ книжку съ золотою надписью: „за прилежаніе и успѣхи“ и еще похвальный листъ.

За мной давно уже пріѣхала простая кибитка и тройка лошадей съ кучеромъ, и въ день гимназическаго акта, послѣ обѣда, мы съ Евсеичемъ отправились въ наше любимое дорогое Аксаково. Мы ѣхали по той же самой дорогѣ, по

которой два года тому назадъ везла меня мать, вырвавъ изъ казенныхъ воспитанниковъ гимназіи, и останавливались даже на тѣхъ же кормежкахъ и ночевкахъ. Скоро дыханіе природы проникло въ мое существо и выгнало изъ головы моей гимназію, товарищей, учителей, книги и уроки. Послѣ временнаго, какъ будто, забвенія или охлажденія, еще горячѣе и уже сознательнѣе полюбилъ я красоты Божьяго міра.... Дома вся семья встрѣтила меня съ нѣжною любовью, а радости матери моей—и описать нельзя! Какъ выросла и похорошѣла въ одинъ годъ моя любимая сестрица и какъ обрадовалась мнѣ! Сколько разспросовъ, сколько разсказовъ! Между прочимъ я узналъ отъ нея, что моя мать сначала такъ по мнѣ тосковала, что даже была больна, и мнѣ сдѣлалось какъ-то больно, что я грустилъ въ разлукѣ съ ней менѣе, чѣмъ прежде.

Всѣ дни вакаціи, которые провелъ я тогда въ Аксаковѣ, слились въ моей памяти въ одинъ прекрасный, радостный день! Я никакъ не могу разсказать, если бы и хотѣлъ, что я дѣлалъ въ эти счастливые дни! Знаю только, что я наслаждался отъ утра до вечера. Всего чаще мелькаетъ въ этомъ роѣ удовольствій удочка, купанье и ястребъ. Мать заставила меня разсказать весь годъ моей гимназической жизни со всѣми мельчайшими подробностями, и въ продолженіи разсказа часто говорила моему отцу: „Видишь-ли, Тимоѳей Степанычъ, я не ошиблась въ Григоріи Иванычѣ. Онъ далекъ отъ Ивана Ипатыча, какъ небо отъ земли. Вотъ кому желала бы я отдать на воспитаніе Сережу, и я буду стараться о томъ изъ всѣхъ силъ.“ Разсказы Евсеича еще болѣе утвердили ее въ этомъ намѣреніи, важность котораго я уже понималъ и самъ желалъ его исполненія. Всего болѣе плѣняли мою мать строгость и чистота нравовъ Григорья Иваныча.—Съ моей сестрицей я почти не разставался; дружба наша сдѣлалась еще тѣснѣе и нѣжнѣе.—Быстро пролетѣли блаженные дни, и 10-го августа, въ той же кибиткѣ, съ тѣмъ же кучеромъ и на тѣхъ же лошадяхъ, мы съ Евсеичемъ отправились въ Казань.

По пріѣздѣ моемъ, я нашелъ всѣхъ учениковъ въ сборѣ, но Ивана Ипатыча не было въ городѣ. Мы узнали, что онъ поѣхалъ жениться въ деревню къ своей невѣстѣ Настасьѣ Петровнѣ Елагиной, что черезъ мѣсяцъ послѣ свадьбы они пріѣдутъ въ Казань, наймутъ особый домъ и тогда уже возь-

мутъ насъ къ себѣ, и что до тѣхъ поръ будетъ заниматься нами Григорій Иванычъ. Я очень этому обрадовался, а Манасеины напротивъ, особенно меньшой братъ, Ельпидифоръ: славный мальчикъ, но великій шалунъ, не принявшійся еще за ученье, шалунъ, изъ котораго вышелъ впослѣдствіи весьма дѣльный человѣкъ. Очень живо помню, что я съ большимъ нетерпѣніемъ и желаніемъ учиться вступилъ въ средніе классы. Я зналъ заранѣе, что въ нихъ ученье гораздо труднѣе и что средніе классы считались основаніемъ всего гимназическаго курса. Существовало мнѣніе, что тотъ ученикъ, который въ нихъ отличится, непремѣнно будетъ отличнымъ и въ высшихъ классахъ, тогда какъ, напротивъ, часто случалось, что первые ученики въ низшихъ классахъ оставались въ среднихъ навсегда посредственными [1]. Это мнѣніе меня пугало, и весь первый мѣсяцъ мое опасеніе не разсѣялось. Учителя были другіе и насъ не знали; всѣ переведенные ученики сидѣли особо на двухъ отдѣльныхъ скамейкахъ, и сначала ими занимались мало. По трудности курса среднихъ классовъ, большая часть воспитанниковъ оставалась въ нихъ по два года, отчего классы были слишкомъ полны, и для учителя не было физической возможности со всѣми равно заниматься. Въ числѣ другихъ предметовъ, вмѣстѣ съ русскимъ языкомъ, въ среднемъ классѣ преподавалась грамматика славянскаго языка, составленная самимъ преподавателемъ Николаемъ Михаиловичемъ Ибрагимовымъ [2], поступившимъ также изъ Московскаго университета: онъ же былъ не только учителемъ россійской словесности, но и математики въ среднихъ классахъ. Этотъ человѣкъ имѣлъ большое значеніе въ моемъ литературномъ направленіи и память его драгоцѣнна для меня. Онъ первый ободрилъ меня и, такъ сказать, толкнулъ на настоящую дорогу. Ибрагимовъ диктовалъ свою славянскую грамматику для тѣхъ, кто ее еще не слушалъ и у кого ея не было; обыкновенно одинъ ученикъ писалъ подъ диктовку на классной доскѣ, а другіе

---

[1]) Очевидно, что раздѣленіе гимназическаго курса на три класса было недостаточно. Это впослѣдствіи познано опытомъ, почему теперешній гимназическій курсъ и раздѣляютъ на семь классовъ.

[2]) Фамилія его и наружность ясно указывали на его татарское или башкирское происхожденіе; онъ имѣлъ большую голову, маленькіе проницательные и очень пріятные глаза, широкія скулы и огромный ротъ. Горячо любилъ литературу, былъ очень остроуменъ и вообще человѣкъ даровитый.

списывали продиктованное. Ибрагимовъ объяснялъ не довольно подробно и не такъ понятно; для слушавшихъ грамматику вторично, этого толкованія было достаточно, но мало для учениковъ новыхъ, а особенно для двѣнадцатилѣтнихъ мальчиковъ, какимъ былъ я и многіе другіе. По счастію въ это время занимался мною дома Григорій Иванычъ (по случаю отсутствія Ивана Ипатыча); онъ объяснилъ мнѣ „Введеніе въ славянскую грамматику", въ которомъ излагался взглядъ на грамматику общую: безъ объясненія я понялъ бы этотъ взглядъ такъ же плохо, какъ и другіе ученики. Имѣя у себя заранѣе полный списокъ славянской грамматики, я просмотрѣлъ ее всю въ воскресные дни, и на темныя для меня мѣста попросилъ объясненія у Григорія Иваныча. Это было мнѣ впослѣдствіи очень полезно.—Наконецъ уже въ исходѣ сентября (черезъ шесть недѣль послѣ начала ученія), маленькая татарская фигурка Ибрагимова, прошедъ нѣсколько разъ по длинному классу съ тетрадкою въ рукѣ, вмѣсто обыкновенной диктовки, вдругъ приблизилась къ отдѣльнымъ скамьямъ новыхъ учениковъ. Сердце у меня забилось. Ибрагимовъ сталъ предлагать всѣмъ ученикамъ, переведеннымъ изъ нижняго класса, разные вопросы изъ пройденныхъ имъ „Введенія" и двухъ главъ грамматики — въ томъ порядкѣ, какъ сидѣли ученики; порядокъ же былъ слѣдующій: сначала сидѣли казенные гимназисты, потомъ пансіонеры, потомъ полупансіонеры и наконецъ своекоштные. На вопросы Ибрагимова изъ грамматики кое-какъ еще отвѣчали, но изъ „Введенія" рѣшительно никто ничего не зналъ: ясное доказательство, что его не понимали. Дошла очередь до меня. Изъ грамматики я отвѣчалъ свободно и удовлетворительно. Послѣ каждаго отвѣта Ибрагимовъ говорилъ: „прекрасно". Отвѣты мои заинтересовали его, и вмѣсто трехъ-четырехъ, онъ задалъ мнѣ вопросовъ двадцать. Всѣ отвѣты были равно удачны. Ибрагимовъ безпрестанно улыбался во всю ширину своего огромнаго татарскаго рта и наконецъ сказалъ „Прекрасно, прекрасно и прекрасно! Посмотримъ теперь, что скажетъ Введеніе." — Отвѣты мои продолжали быть вполнѣ удовлетворительны. Онъ пробовалъ сбивать меня и не сбилъ, потому что я говорилъ понимая предметъ, а не выучивъ наизусть одни слова. Ибрагимовъ пришелъ въ совершенное изумленіе и восхищеніе. Онъ осыпалъ меня всевозможными похвалами, вызвалъ изъ-за стола, приказалъ забрать всѣ

классныя тетрадки и книжки, взялъ за руку, подвелъ къ первому столу и, сказавъ: „вотъ ваше мѣсто“, посадилъ меня третьимъ, а учениковъ было слишкомъ сорокъ человѣкъ. Такое торжество и во снѣ мнѣ не снилось. Я былъ совершенно счастливъ. Воротясь домой, я послалъ Евсеича попросить позволенья у Григорья Иваныча прійти къ нему въ комнату, и, получивъ согласіе, я разсказалъ съ большой радостью о случившемся со мною: Григорій Иванычъ внутренно былъ очень доволенъ этимъ происшествіемъ и тѣмъ чувствомъ, съ которымъ я его принялъ, но, слѣдуя своей методѣ, довольно сухо мнѣ отвѣчалъ: „Не слишкомъ радуйтесь; не поторопился ли Ибрагимовъ? Теперь вы должны поддержать его хорошее мнѣніе и учиться еще прилежнѣе.“ Такой отвѣтъ могъ бы окатить холодной водой или оттолкнуть другого, и я рѣшительно не одобряю такого образа дѣйствій, но я уже зналъ Григорія Иваныча. Онъ и прежде очень хвалилъ меня въ письмахъ къ моей матери, а мнѣ и виду не подавалъ, что мною доволенъ; онъ даже писалъ, чтобы мать не показывала мнѣ его писемъ. Въ классѣ россійской словесности, у того же самаго Ибрагимова, успѣхи мои были также блестящи; здѣсь преподавался синтаксисъ русскаго языка и производились практическія упражненія, состоявшія изъ писанья подъ диктовку и изъ переложенія стиховъ въ прозу. Диктовка была намъ очень полезна, сколько для правописанія, столько и для образованія нашего вкуса, потому что Ибрагимовъ выбиралъ лучшія мѣста изъ Карамзина, Дмитріева, Ломоносова и Хераскова, заставлялъ читать вслухъ и объяснялъ ихъ литературное достоинство. Онъ самъ не находилъ пользы въ „предложеніяхъ“ и, только исполняя программу, раза два заставилъ насъ ими заниматься. Вмѣсто того онъ упражнялъ насъ въ сочиненіи небольшихъ піесъ на заданныя темы. Что же касается до другихъ классовъ, то во всеобщей и русской исторіи и въ географіи у Яковкина я шелъ наравнѣ не съ лучшими, а съ хорошими учениками. Въ языкахъ вообще успѣхи были плохи, безъ сомнѣнія отъ плохихъ учителей. Въ ариѳметикѣ я былъ слабъ и въ нижнемъ классѣ, а въ среднемъ оказалось, что я не имѣю вовсе математическихъ способностей: такая аттестація удержалась за мной не только въ гимназіи, но и въ университетѣ. Чистописаніе, рисованье и танцованье шли порядочно. У священника я былъ въ числѣ не отличныхъ, но хорошихъ учениковъ. Въ среднемъ классѣ

бросилъ я тасканье аспидной доски и грифеля, къ которымъ питалъ сильное отвращеніе, сохраняемое мною отчасти и теперь. Скрипъ отъ черченья грифелемъ по аспидной доскѣ производилъ (и производитъ) содроганье въ моихъ нервахъ.

Наконецъ узнали мы, что Иванъ Ипатычъ съ молодой женой пріѣхалъ въ городъ и остановился въ домѣ своей тещи. На другой же день онъ пріѣзжалъ взглянуть на своихъ воспитанниковъ и чрезвычайно насъ обласкалъ. Евсеичъ разсказывалъ мнѣ по секрету, что Григорій Иванычъ очень сердился на Ивана Ипатыча за то, что онъ вмѣсто одного проѣздилъ три мѣсяца, говоря „что ему очень надоѣло возиться съ дѣтьми, которыхъ онъ не могъ бросить безъ надзора и вниманія, какъ дѣлаетъ это Иванъ Ипатычъ". Послѣдній извинялся, благодарилъ, обнималъ своего товарища, но тотъ обошелся съ нимъ очень сухо и грубо, грозя ему, что если онъ немедленно не найметъ себѣ квартиру, то онъ выѣдетъ изъ дома и броситъ его пансіонеровъ. Надобно прибавить, что у Григорія Иваныча уже не было своихъ воспитанниковъ. Не смотря на такія угрозы, Иванъ Ипатычъ не скоро нанялъ себѣ квартиру, и Григорій Иванычъ прожилъ съ нами еще два мѣсяца, постоянно и добросовѣстно занимаясь нашимъ ученьемъ, содержаньемъ и поведеньемъ. Въ эти пять мѣсяцевъ я очень привязался къ Григорію Иванычу, хотя онъ не сказалъ мнѣ ни одного ласковаго слова и по наружности казался сухимъ и строгимъ. Я не могъ тогда оцѣнить достоинства этого человѣка и не могъ бы его полюбить, еслибъ мать не увѣдомила меня потихоньку, что онъ меня очень любитъ и очень хвалитъ, и не показываетъ этого только для того, чтобъ я, по молодости своей, не избаловался отъ его похвалъ. Къ сожалѣнію Григорій Иванычъ держался этого ошибочнаго правила во все продолженіе своего полезнаго, долговременнаго и важнаго служебнаго поприща, гдѣ приходилось имѣть дѣло не съ дѣтьми, а часто со стариками. Кто имѣлъ случай узнать его коротко, тотъ сохранялъ къ нему глубокое уваженіе и преданность во всю жизнь; но за то были хорошіе люди, которыхъ онъ оттолкнулъ отъ себя благонамѣренною сухостью обращенія и которые сочли его за человѣка гордаго и жесткаго, что было совершенно несправедливо. Наконецъ Иванъ Ипатычъ нанялъ себѣ приличную квартиру. Переѣзжая къ нему и разставаясь съ Григоріемъ Иванычемъ, я расплакался, хотѣлъ было обнять его, но онъ не допустилъ меня и, будучи

самъ растроганъ почти до слезъ (что я узналъ впослѣдствіи изъ его письма къ моей матери), сухо и холодно сказалъ мнѣ: „Это что такое? О чемъ вы плачете? Вѣрно боитесь, что Иванъ Ипатычъ будетъ построже съ васъ взыскивать!“ Признаюсь, на ту пору досадны были мнѣ эти слова! Я забылъ сказать, что Иванъ Ипатычъ привозилъ къ намъ свою молодую жену: мы замѣтили только, что у ней нѣтъ бровей и что она по простотѣ своей не умѣла сказать намъ ласковаго слова и безпрестанно краснѣла. У Ивана Ипатыча помѣстили насъ, то-есть, меня и троихъ Манасеиныхъ, въ особомъ флигелѣ и сначала оставили безъ всякаго надзора. Тутъ-то я почувствовалъ всю разницу между нимъ и Григоріемъ Иванычемъ. Мы видѣли Ивана Ипатыча только за обѣдомъ и ужиномъ. Молодой мужъ былъ совершенно озабоченъ устройствомъ своего новаго положенія и подгородной деревни, Кощакова, состоявшей изъ 60-ти душъ, въ двадцати верстахъ отъ города, которую онъ получилъ въ приданое за женой и въ которую уѣзжалъ на два дня каждую недѣлю. Остальное время онъ былъ занятъ преподаваніемъ физики въ высшемъ классѣ гимназіи или заботами о семействѣ своей молодой супруги, изъ числа котораго три взрослыя дѣвицы, ея сестры, жили у него постоянно. Домашнимъ хозяйствомъ никто не занимался и оно шло весьма плохо, даже столъ былъ очень дуренъ, и по этому обстоятельству случилось со мной вотъ какое приключеніе: одинъ разъ за ужиномъ (мы ужинали всегда въ большомъ домѣ за общимъ столомъ) подали ветчину; только-что я, отрѣзавъ кусокъ, хотѣлъ положить его въ ротъ, какъ стоявшій за моимъ стуломъ Евсеичъ толкнулъ меня въ спину: я обернулся и съ изумленіемъ посмотрѣлъ на своего дядьку; онъ покачалъ головой и сдѣлалъ мнѣ знакъ глазами, чтобы я не ѣлъ ветчины; я положилъ кусокъ на тарелку, и тутъ только замѣтилъ, что ветчина была тухлая и даже червивая; я поспѣшно отдалъ тарелку. Я сидѣлъ очень близко отъ Ивана Ипатыча, и онъ все это замѣтилъ. Надобно прибавить, что за столомъ, кромѣ воспитанниковъ, сидѣли теща его, жена и три свояченицы. Послѣ ужина, когда мы всѣ подошли къ Ивану Ипатычу, чтобы раскланяться и итти спать, онъ приказалъ мнѣ остаться и повелъ насъ вмѣстѣ съ Евсеичемъ къ себѣ въ кабинетъ. Тамъ онъ сдѣлалъ мнѣ строжайшій выговоръ за то, что я поступилъ дерзко и, съ намѣреніемъ осрамить хозяина, обратилъ вниманіе всѣхъ на испортившуюся

ветчину, которую однакоже всѣ изъ деликатности ѣли. Иванъ Ипатычъ, прочтя мнѣ длинное поученіе и доказывая, что я сдѣлалъ непростительный проступокъ, разбранилъ очень обидно моего почтеннаго Евсеича. Я рѣшительно не понималъ своей вины и заплакалъ отъ незаслуженнаго оскорбленія. Иванъ Ипатычъ смягчился и сказалъ, что меня прощаетъ, и даже хотѣлъ обнять, но я весьма искренно и наивно возразилъ ему, что плачу не отъ раскаянія, а отъ того, что онъ обидѣлъ меня несправедливымъ подозрѣніемъ въ умыслѣ и разбранилъ моего дядьку. Иванъ Ипатычъ вновь разсердился, нашелъ во мнѣ, Богъ знаетъ, какое-то ожесточеніе, сказалъ, что я завтра буду примѣрно наказанъ, и отпустилъ спать. Я долго не могъ заснуть, и мысль, что посторонній человѣкъ, безъ всякой моей вины, хочетъ меня какъ-то примѣрно наказать, оскорбляла и раздражала меня очень сильно. Съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ себя помнить, никто кромѣ матери меня не наказывалъ, да и то было очень давно. Наконецъ я уснулъ. На другой день поутру, когда мы одѣлись и пришли пить чай въ домъ, Иванъ Ипатычъ, противъ обыкновенія, вышелъ къ намъ, объяснилъ мою вину Манасеинымъ и Елагину [1]), приказалъ имъ итти въ гимназію, а меня лишилъ чаю, велѣлъ остаться дома, итти во флигель, раздѣться, лечь въ постель и пролежать въ ней до вечера, а вмѣсто завтрака и обѣда велѣлъ дать мнѣ ломоть хлѣба и стаканъ воды. Такое дурацкое и вовсе незаслуженное наказаніе для такого чувствительнаго и развитого мальчика, какимъ былъ я, должно было показаться и показалось несноснымъ оскорбленіемъ, и я въ самомъ дѣлѣ съ ожесточеніемъ и презрительною улыбкою посмотрѣлъ на своего наставника и поспѣшно ушелъ во флигель. Я раздѣлся, легъ въ постель и взялъ читать какую-то книгу. Евсеичъ мой, не понимая нравственнаго оскорбленія, отъ души смѣялся надъ глупымъ наказаніемъ, обижался только, что я буду голоденъ и обѣщался достать мнѣ потихоньку всего, что будетъ получше за столомъ. Я съ негодованіемъ запретилъ ему это дѣлать и выслалъ вонъ. Сначала я чувствовалъ только гнѣвъ и раздраженіе, потомъ принялся плакать и наконецъ заснулъ! Ночь я спалъ мало и потому заснулъ такъ крѣпко, что проснулся только тогда, когда мои товарищи, пообѣдавъ

---

[1]) За двѣ недѣли молодой Елагинъ, своякъ Ивана Ипатыча, опредѣлился въ гимназію и поступилъ въ число воспитанниковъ.

въ общей залѣ, пришли во флигель и начали играть и шумѣть. Сонъ успокоилъ меня; я отказался отъ хлѣба и воды и равнодушно перенесъ шутки и насмѣшки моихъ соучениковъ, которые также не находили меня виноватымъ и смѣялись не столько надо мной, сколько надъ странностью моего наказанія. Средній Манасеинъ, порядочный лѣнтяй, даже завидовалъ мнѣ и говорилъ, что желалъ бы всякій день быть такъ наказаннымъ. Когда мои товарищи ушли въ гимназію на послѣобѣденные классы, я принялся твердить уроки, заданные безъ меня поутру моимъ товарищамъ, и повторилъ вчерашніе. Въ седьмомъ часу вечера, когда воспитанники воротились изъ гимназіи и пили чай въ столовой, Иванъ Ипатычъ прислалъ мнѣ сказать, чтобъ я одѣлся и пришелъ туда же. Я повиновался. Онъ встрѣтилъ меня словами: „что прощаетъ меня, и что сокращеніемъ срока моего наказанія я обязанъ дамамъ“,—и онъ указалъ на свою тещу, жену и свояченицъ. Я поблагодарилъ ихъ. Иванъ Ипатычъ съ женою ту же минуту куда-то уѣхали. Товарищи, напившись чаю, ушли во флигель, но меня дамы оставили при себѣ. Сейчасъ накрыли столикъ и принесли кушанье; меня посадили за столъ, дѣвицы сѣли около меня, кормили почти изъ своихъ рукъ и даже притащили банку съ вареньемъ, которымъ я усердно полакомился. Все это сопровождалось такими ласками, которыя разнѣжили мое сердце. Оказалось, что барышни, хотя до сихъ поръ не говорили со мной ни одного слова, давно полюбили меня за мою скромную наружность, и что наказаніе, которое онѣ и старуха ихъ мать находили незаслуженнымъ и безчеловѣчнымъ, возбудило въ нихъ такое ко мнѣ участіе, что онѣ неотступно просили Ивана Ипатыча меня простить и что сестра Катерина даже плакала и становилась предъ нимъ на колѣни. Я замѣтилъ, что Катерина Петровна ужасно покраснѣла. Меня оставили въ домѣ на цѣлый вечеръ и подробно разспросили обо всемъ, до меня касающемся. Я, разумѣется, разболтался и не только разсказалъ про свое Аксаково, про первое вступленіе свое въ гимназію, но и прочелъ множество стиховъ наизусть, къ чему я съ давняго времени имѣлъ страстную охоту. Барышни искренно восхищались, ахали и осыпали меня ласками. Я былъ также восхищенъ произведеннымъ мною впечатлѣніемъ, и дѣтское мое самолюбіе вскружило мнѣ голову. Послѣ ужина я воротился во флигель, вмѣстѣ съ моими товарищами, ко-

торые уже знали черезъ брата Елагиныхъ, какъ меня ласкали и подчивали его сестры; товарищи разспрашивали и завидовали мнѣ, и я не скоро заснулъ отъ волненія и какихъ-то непонятныхъ мнѣ фантазій.

Я съ намѣреніемъ описалъ подробно это, неважное повидимому, обстоятельство. Послѣдствіемъ его было то, что я сталъ не такъ прилежно учиться. Старуха Елагина, также какъ ея дочери, меня очень полюбила и не рѣдко выпрашивала позволенія у своего зятя приглашать меня по вечерамъ въ домъ, гдѣ я проводилъ часа по два очень весело. Въ воскресенье же и праздничные дни я безпрестанно бѣгалъ въ домъ и почти перестал ходить къ родственницамъ моего отца, къ Кирѣевой и Сафоновой, у которыхъ прежде бывалъ часто. Товарищи продолжали мнѣ завидовать, а Елагинъ, уже пятнадцатилѣтній болванъ и повѣса, котораго сестры прогоняли изъ нашего общества, хмурился на меня не на шутку и отпускалъ какіе-то язвительные намеки, которыхъ я рѣшительно не понималъ. Мало-по-малу я совсѣмъ развлекся, и хотя Иванъ Ипатычъ мѣсяца черезъ три нанялъ для насъ студента, кончившаго курса въ духовной семинаріи, Гурья Ивлича Ласточкина, очень скромнаго и знающаго молодого человѣка, съ которымъ я могъ бы очень хорошо заниматься, но я до самой весны, то-есть, до времени отъѣзда Елагиныхъ въ деревню, учился очень плохо. Только у одного Ибрагимова, въ классѣ русской словесности и славянской грамматики, я оставался по прежнему отличнымъ ученикомъ, потому что горячо любилъ и предметъ ученія и учителя. Мѣсяца за полтора до экзамена я принялся заниматься съ большимъ жаромъ. Гурій Ивличъ очень полюбилъ меня въ это время и усердно помогалъ моему прилежанію, но со всѣмъ тѣмъ я не былъ переведенъ въ высшій классъ и остался еще на годъ въ среднемъ; перешла только третья часть воспитанниковъ и въ томъ числѣ нѣкоторые не за успѣхи въ наукахъ, а за старшинство лѣтъ, потому что сидѣли по два и по три года въ среднемъ классѣ. Никто не ставилъ мнѣ этого въ вину, и хотя я находилъ вмѣстѣ со всѣми другими, что двухгодичное пребываніе въ среднемъ классѣ будетъ мнѣ полезно и что такъ бываетъ почти со всѣми учениками, но дѣтское самолюбіе мое оскорблялось, а всего болѣе я боялся, что это огорчитъ мою мать. Опасенія мои были напрасны. Когда я пріѣхалъ на вакацію въ Аксаково (1803 года) съ Евсеичемъ,

и когда моя мать прочла письма Упадышевскаго, Ивана Ипатыча и Григорья Иваныча, то она, вмѣстѣ съ моимъ отцомъ, была очень довольна, что я остался въ среднемъ классѣ. Но когда я съ полною откровенностью подробно разсказалъ о моемъ пребываніи и образѣ жизни въ домѣ моего наставника, моя мать очень призадумалась и казалась недовольною. Ей не нравился Иванъ Ипатычъ, его семейство и даже Гурій Ивличъ Ласточкинъ, потому что она терпѣть не могла семинаристовъ, въ чемъ совершенно соглашался съ нею мой отецъ, который называлъ ихъ кутейниками. Этотъ предразсудокъ былъ особенно несправедливъ въ отношеніи къ Гурію Ивличу, имѣвшему очень много достоинствъ [1]). Всего же болѣе оскор-

[1]) Черезъ нѣсколько лѣтъ я встрѣтился съ Гурьемъ Ивличемъ Ласточкинымъ самымъ оригинальнымъ образомъ. Предварительно надобно сказать, что въ послѣднее время, какъ я уже и говорилъ, онъ очень полюбилъ меня, и не смотря на то, что мнѣ былъ двѣнадцатый, а ему двадцать второй годъ, дружески повѣрялъ мнѣ всѣ свои обстоятельства, и между прочимъ то, что начальство уговариваетъ его поступить въ духовное званіе, къ которому онъ не чувствовалъ влеченія. Не знаю, почему мнѣ засѣло въ голову, что Гурій Ивличъ будетъ непремѣнно священникомъ, и я увѣрялъ его въ этомъ. Онъ спорилъ, даже сердился, и, чтобъ убѣдить меня въ противномъ, взялъ однажды листъ бумаги и написалъ на немъ: „Скорѣе рѣка Казанка потечетъ вверхъ, чѣмъ Гурій Ласточкинъ пойдетъ въ духовное званіе“. Этотъ листъ онъ отдалъ мнѣ спрятать, какъ обязательство, что онъ сохранитъ свободу: явное доказательство, какъ онъ самъ былъ еще молодъ. Мѣсяца черезъ два мы разстались. Прошло три года или около четырехъ; я ни разу не слыхалъ о Гурьѣ Ивличѣ и совершенно забылъ объ его существованіи. Въ одно скверное осеннее утро получилъ я записку отъ моей родной тетки Н. Н. Зубовой, которую очень горячо любилъ: она жила тогда въ домѣ В—хъ и я часто видѣлся съ нею. „Милый мой Сержъ (писала она), сегодня въ шестомъ часу послѣ обѣда пріѣзжай къ намъ въ мундирѣ и со шпагой. Сегодня у насъ свадьба; ты шаферъ у Лизы, будешь ее обувать и провожать въ церковь“. Лиза была воспитанница В—хъ, бѣдная, молодая и прекрасная собою дѣвушка. Я пріѣхалъ, немножко опоздалъ, меня побранили и сейчасъ провели къ невѣстѣ; я обулъ ея ножки въ шелковые чулки и башмаки. Невѣста была еще не совсѣмъ одѣта, но голова находилась уже въ полномъ свадебномъ убранствѣ; я помню, что былъ пораженъ ея красотой. Едва я успѣлъ перемолвить нѣсколько словъ съ любимой моей тетушкой у нея въ комнатѣ, какъ хозяйка В—ва позвала меня къ себѣ и попросила, чтобъ я поскорѣе поѣхалъ въ ея каретѣ къ жениху и сказалъ ему, что невѣста одѣта и чтобъ онъ ѣхалъ сейчасъ въ церковь и оттуда прислалъ шафера сказать, что онъ ожидаетъ невѣсту. Второпяхъ я не успѣлъ спросить, кто такой женихъ, и ту же минуту поскакалъ къ нему. Со мной былъ человѣкъ В—хъ, знавшій жениха и его квартиру; онъ привезъ меня въ какой-то большой казенный домъ, въ которомъ много было народа, провелъ черезъ нѣсколько комнатъ и, отворивъ дверь, сказалъ: „Вонъ женихъ, передъ зеркаломъ одѣвается“.... и я увидѣлъ спину плотнаго мужчины, въ короткихъ штанахъ, шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ, которому торопливо и усердно повязывали бѣлое толстое жабо. Я подошелъ, женихъ обернулся—это былъ Гурій Ивличъ

било и раздражило мою мать нелѣпое наказаніе, которому подвергъ меня Иванъ Ипатычъ. Желаніе взять меня отъ него и помѣстить къ бывшему его товарищу возникло въ душѣ ея съ новою силою. Взять было не трудно, но убѣдить Григорія Иваныча нарушить свое намѣреніе, единожды принятое—казалось невозможностью, которая увеличивалась еще тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ былъ не только товарищъ, но и короткій пріятель съ Иваномъ Ипатычемъ. Выходъ лучшаго ученика могъ повредить ему во мнѣніи другихъ родителей, а перемѣщеніе мое къ Григорію Иванычу—люди, не знающіе коротко обстоятельствъ, могли назвать переманкой. Очень огорчалась бѣдная моя мать, но не знала, какъ помочь горю. Ласки барышень Елагиныхъ, и особенно нѣжности одной изъ нихъ, ей также не нравились, къ немалому моему удивленію. Она рѣшилась пріѣхать въ Казань по зимнему пути: во-первыхъ, для того, чтобы взглянуть своими глазами на мое житье, и во-вторыхъ, для того, чтобы употребить всѣ усилія къ убѣжденію Григорія Иваныча взять меня къ себѣ. Третью причину я узналъ впослѣдствіи: мать моя хотѣла, чтобы все время, свободное отъ ученья, на праздникахъ зимней вакаціи, я проводилъ съ нею, а не въ семействѣ жены Ивана Ипатыча.

Лѣтнюю вакацію я прожилъ въ деревнѣ такъ же пріятно, какъ и прошлаго года; но на возвратномъ пути случилось со мною происшествіе, которое произвело на меня сильное впечатлѣніе и слѣды котораго не изгладились до сихъ поръ;

Ласточкинъ, очень пополнѣвшій. Мы оба вскрикнули отъ изумленія. „Ахъ, милый мой Аксаковъ! сказалъ онъ, обнявъ меня; какъ я радъ, что васъ вижу, но извините меня, въ эту минуту я не могу“.... Я перебилъ его слова, сказавъ, что я шаферъ его невѣсты и пріѣхалъ поторопить жениха. Ласточкинъ, продолжая поспѣшно одѣваться, продолжалъ говорить со мной:—„Какъ, я думаю, вы удивлены?“ сказалъ онъ.—„Да,“ отвѣчалъ я: „я не зналъ, кто женихъ; но я очень радъ, что вы женитесь на прекрасной и предоброй дѣвушкѣ“.—Ахъ, такъ вы еще ничего не знаете!“ воскликнулъ Ласточкинъ, взялъ меня за руку, отвелъ въ сторону и тихо сказалъ мнѣ: „вы вѣрно помните мое письменное обѣщаніе не поступать въ духовное званіе? ну такъ знайте же: завтра я священникъ, а послѣ-завтра протопопъ въ соборѣ Петра и Павла“.... и слезы показались у него на глазахъ. Какія обстоятельства измѣнили или заставили пожертвовать Гурья Ивлича своимъ прежнимъ убѣжденіемъ—я не знаю; но видно жаль было ему своей свободы. Съ тѣхъ поръ мы не видались. Въ продолженіи пятидесяти лѣтъ я постоянно слышалъ, что Гурій Ивличъ Ласточкинъ былъ всѣми любимъ за свои душевныя качества и уважаемъ за свою ученость; кажется, онъ былъ даже ректоромъ въ духовной академіи, не очень давно учрежденной въ Казани.

я сталъ гораздо болѣе бояться, и теперь боюсь, переправляться черезъ большія рѣки. Вотъ какъ случилось это происшествіе: мы пріѣхали въ полдень на лѣтній перевозъ черезъ Каму, противъ села Шурана. На берегу дожидались переправы три крестьянскихъ телѣги съ поклажей и вощиками и десятка полтора бабъ съ кузовами ягодъ; бабы возвращались домой пѣшкомъ на противоположный берегъ Камы. Перевощиковъ на перевозѣ не было: куда разбрелись они, не знаю. Потолковавъ нѣсколько времени, крестьяне и мои люди рѣшились сами переправиться черезъ рѣку, потому что одинъ изъ крестьянъ вызвался править кормовымъ весломъ, увѣривъ, что онъ нѣсколько лѣтъ былъ перевощикомъ. И такъ, выбрали лучшій дощаникъ, поставили три крестьянскія телѣги съ лошадьми, мою кибитку и всѣхъ трехъ нашихъ лошадей; разумѣется, взяли и всѣхъ бабъ съ ягодами; мнимый перевощикъ сталъ на кормѣ, двое крестьянъ, мой кучеръ и лакей Иванъ Борисовъ (молодецъ и силачъ, одинъ стоившій десятерыхъ) сѣли въ весла, и мы отчалили отъ пристани. Между тѣмъ черная туча взмывала на западѣ и мало-по-малу охватывала край горизонта; ее нельзя было не примѣтить, но всѣ думали: авось пройдетъ стороной, или авось успѣемъ переѣхать. Пристань находилась противъ самаго Шурана, и для того, чтобъ не быть снесеннымъ быстротою теченія сердитой Камы и чтобы угодить прямо на перевозъ,—надобно было подняться вверхъ по рѣкѣ, на шестахъ, слишкомъ версту. Это производилось очень медленно, а гроза быстро начала приближаться. Чтобы ускорить переѣздъ, поднялись вверхъ только съ полверсты, опять сѣли въ весла и, перекрестившись, пустились на перебой поперекъ рѣки; но лишь только мы добрались до середины, какъ туча съ неимовѣрной скоростью охватила весь горизонтъ, почернѣвшее небо еще чернѣе отразилось въ водѣ, стало темно, и страшная гроза разразилась молніей, громомъ и внезапной неистовой бурей. Кормщикъ нашъ въ испугѣ бросилъ кормовое весло и признался, что онъ совсѣмъ не перевощикъ и править не умѣетъ; вихрь завертѣлъ нашъ паромъ какъ щепку и понесъ внизъ по теченію; бабы подняли пронзительный вой—и ужасъ овладѣлъ всѣми. Я такъ испугался, что не могъ промолвить ни одного слова и дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Вихремъ и быстротой теченія снесло нашъ дощаникъ нѣсколько верстъ внизъ по рѣкѣ и наконецъ бросило на песчаную отмель, по счастію

саженяхъ въ пятидесяти отъ противоположнаго берега. Иванъ Борисовъ спрыгнулъ въ воду, она была ему по поясъ; онъ дошелъ бродомъ до берега, глубина воды нигдѣ не доставала выше груди. Онъ воротился тѣмъ же путемъ на паромъ, стащилъ съ него одну изъ нашихъ лошадей посмирнѣе, посадилъ меня верхомъ, велѣлъ крѣпко держаться за гриву и за шею лошади и повелъ ее въ поводу; Евсеичъ шелъ подлѣ и поддерживалъ меня обѣими руками. Мутныя и огромныя волны хлестали черезъ насъ и окачивали съ головой; по несчастію, Борисовъ, идя впереди, сбился съ того броду, по которому прошелъ два раза, и попалъ на болѣе глубокое мѣсто; вдругъ онъ нырнулъ въ воду, лошадь моя поплыла, и Евсеичъ отсталъ отъ меня; тутъ-то я почувствовалъ такой страхъ близкой смерти, котораго я не забылъ до сихъ поръ; каждую минуту я готовъ былъ лишиться чувствъ и едва не захлебнулся: по счастію, глубина продолжалась не болѣе двухъ или трехъ саженъ. Борисовъ плавалъ мастерски, лошадь моя отъ него не отставала, и, не выпуская повода изъ рукъ, онъ скоро выплылъ на мелкое мѣсто и благополучно вывелъ на берегъ моего коня, но Евсеичъ, не умѣвшій хорошо плавать, едва не утонулъ и насилу выбился на берегъ. Меня, мокраго до послѣдней нитки, сняли съ лошади почти безъ памяти; пальцы мои закоченѣли, замерли въ гривѣ моего коня; но я скоро опомнился и невыразимо обрадовался своему спасенью. Евсеичъ остался со мной, а Борисовъ пустился опять къ дощанику, съ котораго бабы, съ криками и воплями, не разставаясь съ кузовами ягодъ, побросались въ воду; мужики постолкали своихъ лошадей и телѣги, и всѣ кое-какъ, по отмели, удачно отыскавъ бродъ помельче, добирались до берега. Дощаникъ, облегченный отъ большей части груза, поднялся и его начало тащить водою внизъ по теченію. Вотъ тутъ-то пригодилась сила Ивана Борисова: онъ удерживалъ дощаникъ до тѣхъ поръ, покуда нашъ кучеръ столкнулъ на отмель лошадей и нашу повозку; Борисовъ пересталъ держать паромъ— и его сейчасъ унесло внизъ по рѣкѣ. Стоя въ водѣ по поясъ, заложили лошадей, и повозка моя, подмочивъ все въ ней находившееся, выѣхала на берегъ. Мы сѣли, мокрые и озябшіе, и поскакали въ Шуранъ; тамъ обогрѣлись, обсушились, напились горячаго чаю, и холодная ванна не имѣла для насъ никакихъ дурныхъ физическихъ послѣдствій. Но за то напугалась моя душа, и я во всю мою жизнь не могъ смотрѣть

равнодушно на большую рѣку, даже въ тихое время; а во время бури чувствую невольный ужасъ, котораго не въ силахъ преодолѣть.

Возвратясь въ гимназію, я принялся прилежно учиться. Семейство Елагиныхъ было въ деревнѣ и никто не развлекалъ меня. Гурій Ивлмчъ, обрадованный моимъ прилежаніемъ, усердно со мною занимался, и я скоро сдѣлался однимъ изъ лучшихъ учениковъ во всѣхъ среднихъ классахъ, кромѣ математики. О классахъ Ибрагимова я уже не говорю: тамъ я былъ постоянно первымъ. Въ это время я уже горячо любилъ гимназію, учителей, надзирателей и веселыхъ товарищей. Меня не смущала болѣе эта безпрестанная суматоха и бѣготня, этотъ шумъ, говоръ, хохотъ и крикъ. Я не чувствовалъ ихъ — я самъ пѣлъ въ хорѣ, и строенъ, увлекателенъ показался мнѣ этотъ хоръ.— Осень стояла продолжительная и дождливая. Въ городѣ появилась сильная эпидемія лихорадокъ, которая посѣтила и меня. Бениса уже не было при гимназіи, и знакомый намъ Андрей Ивановичъ Риттеръ лѣчилъ всѣхъ гимназистовъ, даже полупансіонеровъ и своекоштныхъ; въ томъ числѣ лѣчилъ и меня. Сначала онъ довольно скоро перервалъ лихорадку, но она черезъ нѣсколько дней воротилась. Огромные порошки хинной корки съ глауберовою солью, о которыхъ я до сихъ поръ не могу вспомнить безъ отвращенія, вторично прогнали лихорадку, но черезъ двѣ недѣли она опять воротилась съ большею жестокостью; такъ длилось дѣло довольно долго. Евсеичъ, видя, что лѣченье идетъ плохо, усомнился въ искусствѣ лѣкаря, котораго зналъ прежде за большого гуляку, и который нерѣдко пріѣзжалъ ко мнѣ, какъ выражался мой дядька: „на второмъ взводѣ“. Евсеичъ осмѣлился доложить объ этомъ Ивану Ипатычу, прося его взять для меня другого лѣкаря. Иванъ Ипатычъ осердился, сказалъ, что Риттеръ славится во всемъ городѣ успѣшнымъ лѣченіемъ лихорадокъ, и прогналъ моего дядьку; но онъ, любя меня горячо и помня приказаніе барыни, увѣдомилъ ее письмомъ о моей болѣзни. Моя мать, испуганная и встревоженная, еще неоправившаяся послѣ родовъ (семейство наше умножилось третьимъ братомъ), немедленно пріѣхала въ Казань одна, наняла квартиру, перевезла меня къ себѣ, пригласила лучшаго доктора и принялась за мое лѣченье. Пріѣздъ въ Казань было новое самопожертвованіе со стороны моей матери. Здоровье ея очень отъ того

пострадало... и вся жизнь ея состояла изъ такихъ самопожертвованій!—Съ Иваномъ Ипатычемъ не обошлось безъ непріятныхъ объясненій; онъ обижался и тѣмъ, что мать перевезла меня на свою квартиру, и тѣмъ, что взяла другого доктора. Покуда меня лѣчили, что продолжалось мѣсяца два, потому что у меня очень болѣлъ правый бокъ, — у Ивана Ипатыча вышла какая-то непріятность съ родителями Манасеиныхъ, вслѣдствіе чего онъ уничтожилъ свой пансіонъ и объявилъ, что болѣе держать воспитанниковъ не хочетъ. Мать моя очень обрадовалась этому обстоятельству: она и безъ того не оставила бы меня у Ивана Ипатыча, но тогда ей было бы гораздо труднѣе, даже невозможно, убѣдить Григорія Иваныча взять меня къ себѣ прямо отъ своего пріятеля. Впрочемъ, и теперь она встрѣтила столько затрудненій, что успѣхъ долго казался сомнительнымъ. Надобно сказать, что во все продолженіе вторичнаго пребыванія моего въ гимназіи дружескія отношенія Григорія Иваныча къ моему семейству не только не ослабѣвали, но постепенно возрастали. Мать моя вела съ нимъ самую живую переписку и онъ долженъ былъ оцѣнить ея умъ, необыкновенную материнскую любовь и постоянную къ нему дружбу, основанную на уваженіи къ его строгимъ нравственнымъ правиламъ. Не одинъ разъ слышалъ я самъ изъ другой комнаты, съ какимъ жаромъ сердечнаго краснорѣчія, съ какими горячими слезами моя мать убѣждала, умоляла Григорія Иваныча быть моимъ воспитателемъ.... Наконецъ твердость его была побѣждена: онъ согласился, хотя весьма неохотно. Онъ взялъ меня не какъ воспитанника или пансіонера, а какъ молодого товарища; ему было тогда двадцать-шесть лѣтъ, мнѣ—тринадцать. Онъ ни за что не согласился взять за меня деньги, но предложилъ, чтобы наемъ квартиры и столъ мы держали пополамъ, а для большаго удобства я имѣлъ свой особый чай; всѣ прочія издержки, какъ его, такъ и мои разумѣется, каждый изъ насъ производилъ на свой счетъ. Когда моя мать достигла исполненія этого пламеннаго и давнишняго своего желанія, она была такъ счастлива, такъ свѣтла и радостна, что я глубоко почувствовалъ, что съ любовью матери никакая другая любовь сравниться не можетъ. Я также былъ очень радъ, что попалъ къ Григорію Иванычу. Я чувствовалъ къ нему глубокое уваженіе и даже любилъ его; нѣсколько странные и сухіе его пріемы не пугали меня: я

хорошо зналъ, что эта холодная наружность, вслѣдствіе его взгляда на воспитаніе, была принята имъ за правило въ обращеніи съ молодыми людьми; я думалъ тогда, что, можетъ быть, такъ и надо поступать, чего, конечно, не думаю теперь.

Немедленно наняли довольно хорошій и помѣстительный домъ тѣхъ же самыхъ Елагиныхъ, домъ, въ которомъ они тогда не жили, а отдавали внаймы. Сначала мать переѣхала туда со мною, устроила наше будущее хозяйство и, сдавъ меня, уже совершенно выздоровѣвшаго, съ рукъ на руки Григорію Иванычу, исполненная самыхъ пріятныхъ надеждъ, уѣхала въ Оренбургское Аксаково къ остальному своему семейству. Это было уже въ февралѣ 1804 года.—Я не знаю болѣе отраднаго воспоминанія изъ моей ранней молодости, какъ воспоминаніе жизни у Григорія Иваныча. Она продолжалась два года съ половиной, и хотя въ концѣ ясность ея помутилась, но въ благодарной памяти моей сохранились живѣе и отчетливѣе только утѣшительныя картины. Долго не соглашался Григорій Иванычъ взять меня; но за то, согласившись,—посвятилъ мнѣ всего себя. Ученье въ классахъ, съ успѣхомъ продолжаемое, было однако дѣломъ второстепеннымъ: главнымъ дѣломъ были упражненія домашнія. Я постоянно ходилъ только къ нѣкоторымъ учителямъ; классы же ариѳметики, рисованья и каллиграфіи посѣщались мною рѣдко; въ эти часы я работалъ дома подъ руководствомъ моего разумнаго наставника. Странное дѣло, что математика рѣшительно не шла мнѣ въ голову! Григорій Иванычъ сначала усердно занимался со мною, и нельзя сказать, чтобы я не понималъ его необыкновенно ясныхъ толкованій; но я сейчасъ забывалъ понятое, и Григорій Иванычъ подумалъ, что я даже не понимаю ничего. Зная, что я былъ друженъ съ лучшимъ студентомъ математики, Александромъ Княжевичемъ, онъ предложилъ ему попробовать заняться со мною, и что же? У Княжевича я понималъ гораздо лучше, чѣмъ у Григорія Иваныча, и долѣе помнилъ. Но все это ни къ чему не повело: чрезъ нѣсколько дней не оставалось въ головѣ моей ни одного предложенія, ни одного доказательства. Отличная память моя относительно математики оказывалась чистымъ листомъ бѣлой бумаги, на которомъ не сохранялось ни однаго математическаго знака! А потому наставникъ мой, сообразно моимъ природнымъ наклонностямъ и способностямъ,

устроилъ планъ моего образованія: общаго, легкаго, преимущественно литературнаго. Онъ выписалъ для меня немедленно множество книгъ. Сколько могу припомнить, это были: Ломоносовъ, Державинъ [1]), Дмитріевъ, Капнистъ и Хемницеръ. У меня былъ уже Сумароковъ и Херасковъ, но Григорій Иванычъ никогда не читалъ ихъ со мною. На французскомъ языкѣ были выписаны: Массильонъ, Флешье и Бурдалу, какъ проповѣдники; сказки Шехеразады, Донъ-Кишотъ, смерть Авеля, Геснеровы Идилліи, Вакфильдскій Священникъ, двѣ натуральныя исторіи, и въ томъ числѣ одна съ картинками, какихъ авторовъ — не знаю. Натуральная исторія была для меня самой привлекательной наукой. Другихъ книгъ не припомню; но были и еще какія-то. Воспитатель мой прежде всего занялся со мной иностранными языками, преимущественно французскимъ, въ которомъ я, да почти и всѣ ученики, былъ очень слабъ: въ три мѣсяца я могъ свободно читать и понимать всякую французскую книгу. Ученье вокабулъ, грамматики и разговоровъ шло само по себѣ въ классѣ; но дома я ничего не училъ наизусть. Григорій Иванычъ бралъ книгу, заставлялъ меня читать и переводить словесно. Сначала я ровно ничего не понималъ, и это было мнѣ дико и скучно; но учитель мой упорно продолжалъ свою методу, и скорый успѣхъ удивилъ и обрадовалъ меня. Неизвѣстныя слова я записывалъ особо; потомъ словесный переводъ, всегда повторенный два раза, писалъ на бумагѣ; при моей свѣжей памяти, я, не уча, всегда зналъ наизусть на другой же день и французскій оригиналъ, и русскій переводъ, и всѣ отдѣльно записанныя слова. Первая прочитанная и переведенная мною статья была изъ французской христоматіи: „Lès aventures d'Aristonoy“; непосредственно послѣ нея я началъ читать и переводить Шехеразаду, а потомъ Донъ-Кишота. Нѣкоторыя мѣста мнѣ не позволялось читать, и я съ точностью исполнялъ приказаніе. Боже мой! какъ было мнѣ весело учиться по такимъ веселымъ и увлекательнымъ книгамъ! Даже теперь, по прошествіи пятидесяти лѣтъ, я вспоминаю съ живѣйшимъ удовольствіемъ объ этихъ чтеніяхъ; помню, съ какимъ нетерпѣніемъ дожидался

[1]) Тогда находился въ печати только одинъ томъ Державина и еще небольшой томикъ анакреонтическихъ стихотвореній, напечатанный въ „Петроградѣ“, какъ значилось въ заглавномъ листѣ. Видно Державину не нравилось иностранное имя новой русской столицы.

я назначеннаго для нихъ времени, почти всегда немедленно послѣ обѣда!

Григорій Иванычъ серьезно занимался своей наукой и, пользуясь трудами знаменитыхъ тогда ученыхъ по этой части, писалъ собственный курсъ чистой математики, для преподаванія въ гимназіи; онъ читалъ много нѣмецкихъ писателей, философовъ, и постоянно совершенствовалъ себя въ латинскомъ языкѣ [1]). Читая же со мною Шехеразаду и Донъ-Кишота, онъ отдыхалъ отъ своихъ умственныхъ трудовъ и отъ души хохоталъ вмѣстѣ со мною, какъ совершенный мнѣ ровесникъ, или лучше сказать, какъ дитя, чѣмъ сначала приводилъ меня въ большое изумленіе: въ это время нельзя было узнать моего наставника; вся его сухость и строгость исчезали, и я полюбилъ его такъ горячо, какъ родного старшаго брата, хотя въ то же время очень его боялся. Но когда я довольно успѣлъ во французскомъ языкѣ, чтеніе русскихъ писателей, преимущественно стихотворцевъ, сдѣлалось главнѣйшимъ нашимъ занятіемъ. Григорій Иванычъ такъ хорошо, такъ понятно объяснялъ мнѣ красоты поэтическія, мысль автора и достоинство выраженій, что моя склонность къ литературѣ скоро обратилась въ страстную любовь. Безъ всякаго усилія съ моей стороны, я выучивалъ всѣ лучшіе стихи изъ Державина, Ломоносова и Капниста, которые выбиралъ для меня мой строгій воспитатель; стихотворенія же Ив. Ив. Дмитріева, какъ образцовыя тогда по чистотѣ и правильности языка, я зналъ наизусть почти всѣ. Мы очень мало читали русской прозы, вѣроятно отъ того, что мой наставникъ не былъ доволенъ тогдашними прозаиками. Достойно замѣчанія, что онъ не читалъ со мною Карамзина, кромѣ нѣкоторыхъ писемъ „Русскаго путешественника", и не позволилъ мнѣ имѣть въ моей библіотеки „Моихъ бездѣлокъ". Я читалъ уже прежде все, написанное Карамзинымъ, зналъ на память и съ жаромъ декламировалъ „Прощанье Гектора съ Андромахой" и „Опытную Соломонову Мудрость". Я поспѣшилъ было похвастаться этимъ передъ своимъ наставникомъ, но онъ наморщился и сказалъ, „что первая піеса не даетъ понятія о Го-

---

[1]) Григорій Иванычъ отлично зналъ новѣйшіе языки и свободно писалъ на нихъ. Латинскимъ же языкомъ онъ приводилъ въ изумленіе Виленскій университетъ, котораго впослѣдствіи былъ послѣднимъ попечителемъ. Удивительно, какъ и гдѣ онъ могъ пріобрѣсть такія свѣдѣнія въ языкахъ?

мерѣ, а вторая объ Экклезіастѣ", и прибавилъ, „что Карамзинъ не поэтъ, и что лучше эти піесы совсѣмъ позабыть". Я былъ очень изумленъ; обѣ піесы мнѣ нравились, и я продолжалъ декламировать ихъ потихоньку, когда мнѣ случалось одному гулять по саду. Сочинять мнѣ не дозволялось, и я наслаждался этимъ удовольствіемъ или въ классѣ у Ибрагимова, или дома, также потихоньку. Я слышалъ одинъ разъ изъ своей комнаты, которая отдѣлялась тонкою дверью отъ гостиной, служившей ученымъ кабинетомъ и спальной для Григорія Иваныча, какъ онъ разговаривалъ обо мнѣ съ Ибрагимовымъ. Ибрагимовъ очень меня хвалилъ и показалъ моему воспитателю мое классное сочиненіе, въ видѣ письма къ пріятелю, „О красотахъ весны", и прибавилъ, что нехудо бы занимать меня поболѣе сочиненіями. Григорій Иванычъ, сохранявшій всегда надъ своими товарищами какое-то превосходство, весьма рѣшительно ему отвѣчалъ: „Все это, братецъ, совершенные пустяки. Сочиненіе его состоитъ изъ чужихъ фразъ, нахватанныхъ имъ изъ разныхъ книгъ, а потому даже нельзя судить, имѣетъ ли онъ свое собственное дарованіе. Охота у него большая, и я знаю, что онъ скоро начнетъ марать бумагу, но я буду держать его на вожжахъ какъ можно дольше: чѣмъ позже начнетъ сочинять мой Телемакъ [1]), тѣмъ лучше. Надобно, чтобы молодой человѣкъ набрался хорошихъ примѣровъ и образовалъ свой вкусъ, читая сочинителей, пишущихъ стройно и правильно. Ты думаешь, я всего Державина даю ему читать? Напротивъ, онъ знаетъ стихотвореній двадцать, не больше, а Дмитріева знаетъ всего. Я думаю, ты у меня его портишь. Вѣроятно, „Бѣдная Лиза", „Наталья, боярская дочь" и драматическій отрывокъ „Софья" — не выходятъ у тебя въ классѣ изъ рукъ?" Ибрагимовъ обидѣлся и возразилъ, „что онъ хорошо понимаетъ, что эти піесы, не смотря на ихъ прелесть, неприличны для учениковъ".—„Хорошо, что такъ, продолжалъ мой наставникъ: а нашъ Эрихъ [2]) именно эти піесы заставилъ переводить на французскій языкъ". Разговоръ продолжался довольно долго, и какъ я ни былъ молодъ, но понималъ разумность рѣчей

[1]) Такъ звали меня въ шутку всѣ товарищи Григорія Иваныча, величая его въ то же время „Менторомъ" и „Минервой".

[2]) Эрихъ былъ большой лингвистъ, какъ въ новѣйшихъ, такъ и въ древнихъ языкахъ. Въ гимназіи онъ училъ въ высшемъ классѣ французскому и нѣмецкому языкамъ, а въ университетѣ былъ сдѣланъ адъюнктомъ латинской и греческой словесности.

моего воспитателя. Онъ не зналъ, что я дома, и оттого такъ громко разговорился обо мнѣ: я воротился изъ гимназіи ранѣе обыкновеннаго, потому что учителя не было въ классѣ, и прошелъ въ свою комнату никѣмъ незамѣченный. Тутъ я услышалъ также, какъ высоко Григорій Иванычъ цѣнилъ мою мать; но увы, ни одного лестнаго отзыва не сказалъ онъ обо мнѣ, а какъ мнѣ хотѣлось услышать что-нибудь подобное! Точно онъ зналъ, что я подслушиваю у двери.— Странное, непостижимое дѣло! Разсуждая теперь о прошедшемъ, я не умѣю себѣ объяснить, отчего я былъ такъ horячо привязанъ къ Григорію Иванычу? По молодости, я не могъ тогда понимать вполнѣ, что его сухое обращеніе прикрывало глубокое участіе и душевное расположеніе ко мнѣ. Онъ ни разу не приласкалъ меня, не польстилъ моему самолюбію какою-нибудь похвалою, не ободрилъ моего прилежанія, и со всѣмъ тѣмъ я любилъ его такъ горячо, какъ не любилъ никого изъ постороннихъ. Я помню, какъ одинъ разъ услыхалъ я, что онъ смѣется; я заглянулъ въ его комнату и увидѣлъ, что мой строгій наставникъ, держа въ рукѣ какую-то математическую книгу, хохочетъ, какъ дитя, смотря на играющихъ котятъ... Лицо у него въ то время было такое доброе, ласковое, даже нѣжное, что я позавидовалъ котятамъ. Я вошелъ къ нему въ комнату съ своей тетрадкой—и прежняя спокойная холодность, даже какая-то суровость, выразилась на его лицѣ.

Такъ шло мое время; Григорій Иванычъ становился по временамъ доступнѣе, и рѣчи его, если не были ласковы, то по крайней мѣрѣ иногда дѣлались шутливы, но только наединѣ, преимущественно во время чтенія Донъ-Кишота, въ которомъ Санхо-Пансо былъ для насъ неистощимымъ источникомъ смѣха; какъ же скоро появлялся третій, хотя бы Евсеичъ,—наставникъ мой дѣлался серьезнымъ.

Григорій Иванычъ былъ сынъ малороссійскаго дворянина, священника, имѣвшаго около ста душъ крѣпостныхъ крестьянъ; прадѣдъ его, турокъ, не знаю по какимъ причинамъ, выѣхалъ изъ Турціи, принялъ христіанскую вѣру, женился и поселился въ Малороссіи. Григорій Иванычъ не былъ любимымъ сыномъ у матери, но за то отецъ любилъ его съ материнскою нѣжностью. Видя, что мальчику въ домѣ житье плохое, отецъ отвезъ его по девятому году въ Москву и помѣстилъ въ университетскую гимназію на казенное содер-

жаніе. Сынъ былъ горячо, страстно къ нему привязанъ и очень тосковалъ, оставшись въ Москвѣ; старикъ черезъ годъ пріѣхалъ навѣстить его, и мальчикъ такъ обрадовался, что получилъ отъ волненія горячку; бѣдный отецъ не могъ долго мѣшкать въ Москвѣ и долженъ былъ оставить своего любимца еще больного. Черезъ годъ старикъ умеръ. Въ продолженіи восьмнадцати лѣтъ, со времени своего опредѣленія въ Московскую гимназію, Григорій Иванычъ одинъ только разъ ѣздилъ на побывку въ Малороссію, передъ вступленіемъ въ званіе учителя, и вывезъ изъ родительскаго дома непріятное и тягостное ощущеніе. Все это разсказалъ мнѣ его слуга, хохолъ Яшка, котораго онъ привезъ съ собою. Въ выговорѣ моего воспитателя, въ складѣ его ума и въ наружности не было ни малѣйшаго признака малоросса. Кажется, родина не привлекала его, и я часто слышалъ, какъ онъ, высоко ставя великорусскій толкъ, подсмѣивался надъ хохлацкой лѣнью и тупостью, за что очень сердились его земляки, Иванъ Ипатычъ и Маркевичъ, служившій въ гимназіи экономомъ, человѣкъ необыкновенно добрый, съ порядочнымъ брюхомъ, природный юмористъ и презабавный шутникъ, который очень ласкалъ меня и котораго я очень любилъ.

Пришла весна 1804 года, и на страстной недѣлѣ Григорій Иванычъ говѣлъ со мною, соблюдая постъ и церковные обряды съ всею строгостью. Приходская наша церковь Св. Великомученицы Варвары находилась у самой заставы, за такъ-называемымъ Арскимъ полемъ; мы, не смотря на весеннюю распутицу, ходили въ церковь на всѣ службы, даже къ заутрени. Въ это время зашелъ къ намъ Иванъ Ипатычъ, и я нечаянно услышалъ, какъ онъ шутилъ надъ богомольемъ Григорія Иваныча. Изъ его словъ можно было заключить, что мой воспитатель не былъ прежде ревностнымъ исполнителемъ религіозныхъ обрядовъ; но на этотъ разъ онъ строго отдѣлалъ своего пріятеля за неумѣстныя шутки, такъ что Иванъ Ипатычъ, имѣвшій претензію слыть философомъ, очень осердился и долго не ходилъ къ намъ. Я долженъ сказать, что Григорій Иванычъ во всю жизнь былъ истиннымъ христіаниномъ. Не смотря на маленькую ссору съ Иваномъ Ипатычемъ, наставникъ мой уѣхалъ со мной въ его деревню, и мы вдвоемъ провели время въ Кошаковѣ, безъ хозяевъ, очень пріятно; мы жили въ небольшомъ флигелѣ, на берегу широкаго пруда, только что очищавшагося тогда отъ зим-

няго льда: мы постоянно читали что-нибудь и, не смотря на грязь, каждый день два раза ходили гулять. Весна развлекала меня и слишкомъ живо напоминала весну въ Аксаковѣ. Крикъ прилетныхъ птицъ волновалъ душу будущаго охотника. Одинъ разъ, когда Григорій Иванычъ читалъ со мною серьезную книгу на французскомъ языкѣ и, сидя у раствореннаго окна, старался объяснить мнѣ какую-то мысль, неясно мною понимаемую,—вдругъ куликъ-красноножка зазвенѣлъ своими мелодическими трелями, загнувъ къ верху свои крылья, и, вытянувъ длинныя, красныя ноги, плавно опустился на берегъ пруда, противъ самаго окошка—я вздрогнулъ, книга выпала у меня изъ рукъ и я бросился къ окну. Наставникъ мой былъ изумленъ. Я, задыхаясь, повторялъ: „куликъ, куликъ-красноножка, сѣлъ на берегъ близехонько, вонъ онъ ходитъ“... Но Григорій Иванычъ не понималъ чувства охотника и сурово приказалъ мнѣ сѣсть и продолжать. Я повиновался, и хотя не смотрѣлъ на кулика, но слышалъ его голосъ; кровь бросилась мнѣ въ лицо и я не понималъ ни одного слова въ моей книгѣ. Воспитатель мой съ неудовольствіемъ велѣлъ мнѣ положить ее и заняться переписываніемъ на-бѣло одного изъ моихъ прежнихъ, уже исправленныхъ имъ, переводовъ, а самъ принялся читать. Черезъ часъ онъ спросилъ меня: „Вылетѣлъ-ли куликъ изъ вашей головы?“ Я отвѣчалъ утвердительно, и мы принялись за прерванное занятіе. Надобно прибавить, что Григорій Иванычъ всегда былъ очень снисходителенъ въ подобныхъ случаяхъ: какъ только онъ замѣчалъ, что я утомлялся или развлекался чѣмъ-нибудь, онъ приказывалъ мнѣ итти гулять по саду или заняться механическимъ дѣломъ.

Наступилъ іюнь и время экзаменовъ. Я былъ отличнымъ ученикомъ во всѣхъ среднихъ классахъ, которые посѣщалъ; но какъ въ нѣкоторые я совсѣмъ не ходилъ, то и награжденія никакого не получилъ; это не помѣшало мнѣ перейти въ высшіе классы. Только девять учениковъ, кончивъ курсъ, вышли изъ гимназіи, а всѣ остальные остались въ высшемъ классѣ на другой годъ.

Тройка лошадей и повозка уже пріѣхала за мной. Мы съ Евсеичемъ собрались въ дорогу, и въ день публичнаго акта, также въ первыхъ числахъ іюля, послѣ обѣда назначено было намъ выѣхать. Наканунѣ Григорій Иванычъ сказалъ, что хочетъ проводить меня и спросилъ, доволенъ ли

я его намѣреніемъ? Я отвѣчалъ, что очень доволенъ. Я подумалъ, что онъ хочетъ проводить меня за городъ. На другой день поутру Евсеичъ шепнулъ мнѣ по секрету: „Григорій Иванычъ ѣдетъ съ нами въ Аксаково, только не велѣлъ вамъ сказывать.“ Хотя я занимался ученіемъ очень охотно, но не совсѣмъ былъ доволенъ этимъ извѣстіемъ, потому что во время вакаціи я надѣялся хорошенько поудить, а главное—пострѣлять; отецъ обѣщалъ еще за годъ, что онъ приготовитъ мнѣ ружье и выучитъ меня стрѣлять. Я зналъ, что Григорій Иванычъ не прекратитъ своихъ занятій со мной и отниметъ у меня много времени; къ тому же мнѣ показалась непріятною его скрытность. Евсеичъ также почему-то не былъ доволенъ. Послѣ акта мы пообѣдали нѣсколько ранѣе обыкновеннаго и выѣхали изъ города. Я не показывалъ виду, что знаю намѣреніе Григорія Иваныча. Выѣхавъ за заставу, мы пошли пѣшкомъ. Наставникъ мой былъ очень доволенъ и даже веселъ: любовался видомъ зеленыхъ полей, лѣсовъ и мелкими облачками лѣтняго неба. Вдругъ онъ сказалъ, улыбаясь: „Погода такъ хороша, что я хочу проводить васъ до ночевки, до Мёши, и посмотрю, какъ вы меня накормите рыбой.“ Я притворился, что ничего не знаю. „Такъ сядемте же и поѣдемте поскорѣе, сказалъ я, чтобъ пораньше пріѣхать. Да когда же и на чемъ вы воротитесь?“—„Я ночую съ вами въ повозкѣ, а завтра поутру найму телѣгу“, отвѣчалъ Григорій Иванычъ, смотря на меня пристально. Мы сѣли и поѣхали шибкой рысью. Вечеръ былъ великолѣпный, очаровательный; съ нами были удочки, и мы съ Евсеичемъ на Мёшѣ наудили множество рыбы, которую и варили и жарили; спать легли въ повозкѣ. Проснувшись на другой день поутру, я увидѣлъ, что мы ѣдемъ, что солнце уже взошло высоко и что Григорій Иванычъ сидитъ подлѣ меня и смѣется. Я самъ разсмѣялся и признался, что зналъ его намѣреніе давно. Онъ пожурилъ однако Евсеича за нескромность и прочтя на моемъ лицѣ, что я не совсѣмъ доволенъ, сказалъ: „вы боитесь, что я помѣшаю вамъ гулять, но не бойтесь. Я стану заниматься съ вами тогда, когда вы сами будете просить о томъ. Вотъ теперь дорогой нечего намъ дѣлать, такъ мы будемъ что-нибудь читать“.... И вытащилъ изъ кармана книгу. Я былъ совершенно утѣшенъ такими словами и охотно бросился бы на шею своему воспитателю; но я не смѣлъ о томъ и подумать. Мы очень много занимались

дорогой; а сверхъ того, я перечиталъ наизусть все, что зналъ; даже разговаривали гораздо больше и откровеннѣе, чѣмъ въ Казани; но гдѣ только можно было удить—я удилъ, сколько было мнѣ угодно. Такимъ образомъ въ пятый день пріѣхали мы въ Аксаково. Пріѣздъ Григорія Иваныча былъ самою пріятною неожиданностью для моей матери; она пришла въ восхищеніе.

Противъ всякаго ожиданія, мы нашли полонъ домъ родныхъ, гостей и большую суматоху: тетка моя Евгенія Степановна выходила замужъ и черезъ нѣсколько дней назначена была свадьба. Евгеньѣ Степановнѣ стукнуло уже сорокъ лѣтъ, но она была очень свѣжа и моложава; ей наскучило жить въ домѣ у невѣстки и находиться въ полной зависимости отъ хозяйки, которая въ старые годы много терпѣла отъ своихъ золовокъ и въ томъ числѣ отъ нея, хотя она была лучше другихъ. Евгеньѣ Степановнѣ захотѣлось, хоть подъ старость, зажить своимъ домкомъ, имѣть свой уголокъ и быть въ немъ полной хозяйкой. Она выходила замужъ за Василія Васильевича Угличинина, цѣлый вѣкъ служившаго въ военной службѣ и недавно вышедшаго въ отставку подполковникомъ. Это былъ человѣкъ очень простой, добрый, смирный и честный; ему было далеко за пятьдесятъ лѣтъ. Онъ не имѣлъ никакого состоянія, кромѣ пенсіи, и происходилъ изъ самобѣднѣйшихъ дворянъ или однодворцевъ, переселившихся въ Уфимское намѣстничество. Четырнадцати лѣтъ опредѣлили его въ военную службу: онъ служилъ тихо, исправно, терпѣлъ постоянно нужду, былъ во многихъ сраженіяхъ и получилъ нѣсколько легкихъ ранъ; онъ не имѣлъ никакихъ знаковъ отличія, хотя формулярный списокъ его былъ такъ длиненъ и краснорѣчивъ, что, кажется, должно бы его обвѣшать всякими орденами. Послѣднее время онъ служилъ на Кавказѣ, откуда вывезъ небольшую сумму денегъ, накопленную изъ жалованья, мундиръ безъ эполетъ, горскаго, побѣлѣвшаго отъ старости, коня, ревматизмъ во всемъ тѣлѣ и катарактъ на правомъ глазу; катарактъ по счастью былъ не такъ примѣтенъ, и Василій Васильевичъ старательно скрывалъ его, боясь, что за кривого не пойдетъ невѣста. У Евгеніи Степановны, въ семи верстахъ отъ ея сестры Александры Степановны, находилась деревушка изъ двадцати-пяти душъ, при ней маленькій домикъ, сплоченный изъ двухъ крестьянскихъ срубовъ, на родниковой рѣчкѣ Бавлѣ, кипѣвшей

форелью (уголокъ очаровательный!), и достаточное количество превосходной земли, со всякими угодьями, купленной на ея имя у Башкирцевъ за самую ничтожную цѣну, о чемъ хлопоталъ деверь ея, самъ полу-башкирецъ, И. П. Кротковъ [1]). И такое ничтожное имѣньице казалось заслуженному воину спокойной пристанью, кускомъ хлѣба на старость.

Всѣ потихоньку подсмѣивались надъ старымъ и кривымъ женихомъ, кромѣ моей матери, отца и Григорія Иваныча, которые обходились съ нимъ съ уваженіемъ и привѣтливо. Злые языки объясняли ласковость моей матери тѣмъ, что она хотѣла сбыть съ рукъ золовку. Но это неправда; моя мать всегда умѣла цѣнить и уважать простодушныхъ и безхитростныхъ людей; она искренно совѣтовала Евгеньѣ Степановнѣ выйти замужъ за добраго человѣка, и Евгенія Степановна благодарила ее за эти совѣты во всю жизнь. Григорій Иванычъ находилъ сверхъ того особенное удовольствіе въ разговорахъ съ заслуженнымъ инвалидомъ, и Василій Васильичъ, до крайности неразговорчивый съ другими, охотно отвѣчалъ на его вопросы и разсказывалъ очень много любопытнаго. Воспитатель мой тогда же обратилъ мое вниманіе и сочувствіе къ этому человѣку, объяснивъ мнѣ его достоинства, которыхъ я, по молодости лѣтъ, могъ не понять и не замѣтить.—Въ домѣ не было мѣста для мужчинъ, даже женщины съ трудомъ помѣщались, потому что три комнаты были отдѣлены для будущихъ молодыхъ. Это привело въ затрудненіе мою мать, и она сдѣлала поступокъ, котораго мужнина родня никогда ей не прощала: она отдала Григорію Иванычу свою спальню, въ которую никто изъ постороннихъ не смѣлъ и входить, и помѣстила съ нимъ меня, разумѣется, на то время, пока не разъѣхались гости. Въ положенный срокъ свадьба благополучно совершилась. Отецъ мой проводилъ молодыхъ Угличининыхъ на новоселье и немедленно воротился. Наконецъ мы остались одни въ своей семьѣ.

Я прерываю свой разсказъ и забѣгаю впередъ. Такъ живо представилась мнѣ жизнь Угличининыхъ, что хочется поговорить о ней... Не смотря на недостатки и нужду, которыхъ не знала Евгенія Степановна въ своей дѣвической жизни,

---

[1]) Увы! земля эта отошла, послѣ многолѣтней тяжбы съ сосѣдственной Бавлинской тюбой Башкирцевъ, которые доказали, что они настоящіе вотчинники. Бѣдная тётка моя купила неподалеку 900 десятинъ и должна была перевесть свою деревушку и перевесть усадьбу.

проведя ее сначала въ домѣ родительскомъ, а потомъ въ домѣ брата и снохи, и которые она узнала замужемъ—она была совершенно счастлива. Она любила нѣжно и горячо своего инвалида-полковника, который также очень нѣжно и глубоко любилъ ее. Къ сожалѣнію они не имѣли дѣтей. Евгенія Степановна до глубокой старости сохранила какой-то дѣвическій, цѣломудренный видъ; въ обращеніи съ мужемъ она была стыдлива и никогда никакой ласки при свидѣтеляхъ ему не оказывала, надъ чѣмъ иногда подсмѣивался старый воинъ, намекая, что не всегда Евгенія Степановна бываетъ такъ неприступна. При другихъ они были далеки между собою, всегда говорили другъ другу: *вы*, и вообще обходились очень учтиво. Съ перваго взгляда это могло показаться холодностью, но скоро взаимное, заботливое вниманіе, постоянное наблюденіе другъ за другомъ, участіе къ каждому слову и движенію—дѣлались замѣтны, и всякій убѣждался, что Евгенія Степановна живетъ и дышетъ Василіемъ Васильичемъ, а Василій Васильевичъ, хотя не такъ тревожно, живетъ и дышетъ Евгеніей Степановной. Домикъ ихъ блисталъ опрятностью и чистотою, привлекалъ уютностью, дышалъ спокойствіемъ. Нельзя сказать, чтобъ у нихъ были одинаковые вкусы, но самое разногласіе сливалось у нихъ въ стройное теченіе жизни. Евгенія Степановна, напримѣръ, любила кошекъ, собачекъ, которыя, надобно замѣтить, какъ-то у нея не сорили, не пачкали и ничего не портили; Василій Васильевичъ совсѣмъ не любилъ ихъ, но самая безобразная хрипучая моська, съ языкомъ на сторону, по прозванію: „Калмыкъ“, была ему пріятна и дорога, потому что ее любила Евгенія Степановна, и онъ кормилъ, ласкалъ отвратительнаго Калмыка съ удовольствіемъ и благодарностью. Даже сурокъ, который зимовалъ подъ печкой, который очень забавлялъ Евгенію Степановну и очень обижалъ Василія Васильича, потому что затаскивалъ и пряталъ его туфли такъ искусно, что иногда цѣлый день не могли отыскать ихъ, отчего приходилось полковнику вставать съ постели босикомъ,—даже и сурокъ пользовался его благосклонностью. Все у нихъ въ домикѣ было какъ-то на своемъ мѣстѣ, какъ-то лучше, чѣмъ у другихъ: собаки и кошки жирнѣе и опрятнѣе, пѣвчія птички веселѣе и голосистѣе, растенія зеленѣе. Подарятъ бывало имъ горшокъ какихъ-нибудь засыхающихъ цвѣтовъ—они у нихъ оживутъ, позеленѣютъ и необыкновенно разростутся, такъ что прежній хозяинъ

выпросить ихъ назадъ. Въ маленькихъ комнатахъ у Евгеньи Степановны росли и стручковое дерево, и финикъ, и виноградъ отъ косточекъ изюма, и другія растенія, требующія тепличнаго содержанія. Какъ-будто въ воздухѣ было нѣчто успокоительное и живительное, отъ чего и животному и растенію было привольно и что замѣняло имъ, хоть отчасти, дикую свободу или природный климатъ... Василій Васильичъ и Евгенія Степановна вмѣстѣ смотрѣли за своимъ маленькимъ хозяйствомъ, и, безъ всякаго отягощенія, всего дѣлалось у нихъ вдвое болѣе, скорѣе и лучше, чѣмъ у другихъ. Вмѣстѣ ходили они по грибы и по ягоды, вмѣстѣ ловили чудную форель въ своей рѣчкѣ и вмѣстѣ радовались всякой удачѣ... Но Боже мой, что дѣлалось съ ними, если кто-нибудь изъ нихъ захварывалъ! Тутъ только оказывалась вполнѣ эта взаимная, глубокая и нѣжная любовь, которую въ обыкновенное время не вдругъ и замѣтишь... Но я удержусь отъ дальнѣйшихъ подробностей, которыя завели бы меня далеко. Скажу только, что впослѣдствіи, заѣзжая иногда въ этотъ уединенный уголокъ и посмотря нѣсколько часовъ на эту безцвѣтную скромную жизнь, я всегда поддавался ея впечатлѣнію и спрашивалъ себя: не здѣсь ли живетъ истинное счастіе человѣческое, чуждое неразрѣшимыхъ вопросовъ, неудовлетворяемыхъ требованій, чуждое страстей и волненій? Долго звучалъ во мнѣ гармоническій строй этой жизни, долго чувствовалъ я какое-то грустное умиленіе, какое-то сожалѣніе о потерѣ того, что имѣть казалось такъ легко, что было подъ руками. Но когда задавалъ я себѣ вопросъ: не хочешь-ли быть Василіемъ Васильевичемъ?... я пугался этого вопроса, и умилительное впечатлѣніе мгновенно исчезало.

Отецъ мой сдержалъ свое обѣщаніе: онъ приготовилъ мнѣ легонькое ружье, очень ловкое въ прикладѣ и красиво отдѣланное, *съ видомъ* [1]) (на манеръ тогдашнихъ охотничьихъ англійскихъ ружей), съ серебряной насѣчкой и цѣлью; онъ купилъ его какъ-то по случаю, за пятнадцать рублей ассиг., и хотя ружье было тульской работы, но и по тогдашнимъ цѣнамъ стоило вдвое или втрое дороже; шаговъ на пятьдесятъ оно било очень хорошо.—Первый выстрѣлъ изъ ружья, ко-

[1]) Ружье, стволъ котораго къ концу толще и потому шире,—называется или называлось: съ видомъ.

торымъ я убилъ ворону, рѣшилъ мою судьбу: я сдѣлался безумнымъ стрѣлкомъ. На другой день я застрѣлилъ утку и двухъ болотныхъ куликовъ, и окончательно помѣшался. Удочка и ястреба были забыты, и я, увлеченный страстностью моей природы, бѣгалъ съ ружьемъ цѣлый день и грезилъ объ ружьѣ цѣлую ночь. Такъ продолжались и послѣдующіе дни. Григорій Иванычъ, видя меня только мелькомъ, всегда занятого и спѣшащаго, напрасно ожидалъ, чтобы я попросилъ его заняться со мною. Онъ сказалъ о нашемъ уговорѣ моей матери, и она приказала мнѣ, чтобы я попросилъ Григорія Иваныча занимать меня, каждый день два часа, чѣмъ-нибудь по его усмотрѣнію. Такое приказаніе было мнѣ очень не по вкусу, но я повиновался. Сначала Григорій Иванычъ не могъ безъ смѣха смотрѣть на мою жалкую фигуру и лицо; но когда, развернувъ какую-то французскую книгу и начавъ ее переводить, я сталъ путаться въ словахъ, не понимая, отъ разсѣянности, того, что я читалъ, ибо передъ моими глазами летали утки и кулики, а въ ушахъ звенѣли ихъ голоса,—воспитатель мой наморщилъ брови, взялъ у меня книгу изъ рукъ и, ходя изъ угла въ уголъ по комнатѣ, цѣлый часъ читалъ мнѣ наставленія, убѣждая меня, чтобы я побѣдилъ въ себѣ вредное свойство увлекаться до безумія, до забвенія всего меня окружающаго.... Увы, я ничего не слыхалъ, ничего не понималъ, и всѣ его золотыя слова, справедливыя мысли, убѣдительныя доказательства—улетали на воздухъ. Видя безуспѣшность убѣжденій, Григорій Иванычъ испыталъ другое средство: на цѣлую недѣлю оставилъ онъ меня на свободѣ, съ утра до вечера бѣгать съ ружьемъ до упаду, до совершеннаго истощенія; онъ надѣялся, что я опомнюсь самъ, что пресыщеніе новой охотой и усталость возвратятъ мнѣ разсудокъ; но напрасно: я не выпускалъ ружья изъ рукъ, мало ѣлъ, дурно спалъ, загорѣлъ какъ арапъ, и примѣтно похудѣлъ. Тогда наставникъ мой, опасаясь за мое здоровье, принялъ рѣшительныя мѣры, которыя давно совѣтывала ему моя мать, но въ распоряженія его не мѣшалась: ружье повѣсили на стѣнку и мнѣ запретили ходить на охоту. Смѣшно и совѣстно вспомнить, что было со мною въ первые сутки! Я плакалъ, ревѣлъ какъ маленькое дитя, валялся по полу, рвалъ на себѣ волосы и едва не изорвалъ своихъ книгъ и тетрадей, и, конечно, только огорченіе матери и кроткія увѣщанія отца спасли меня отъ глупыхъ, безумныхъ поступковъ; на другой день я какъ будто

очнулся, а на третій могъ уже заниматься и читать вслухъ моихъ любимыхъ стихотворцевъ со вниманіемъ и удовольствіемъ; на четвертый день я совершенно успокоился, и тогда только прояснилось лицо моего наставника. Во всѣ эти дни онъ почти не говорилъ со мною и смотрѣлъ на меня то сурово, то съ обиднымъ сожалѣніемъ. Наконецъ онъ обратился ко мнѣ съ участіемъ и разумными, снисходительными словами, и на этотъ разъ—съ полнымъ успѣхомъ. Мнѣ было совѣстно, досадно на самого себя почти до слезъ и, переходя отъ одной крайности къ другой, я хотѣлъ отказаться совсѣмъ отъ ружья. Григорій Иванычъ опять былъ недоволенъ: онъ не одобрилъ моего намѣренія, потребовалъ, чтобы я каждый день ходилъ на охоту или отъ утра до обѣда, или отъ обѣда до вечера; но чтобы каждый день три-четыре часа я занимался съ участіемъ и прилежаніемъ, особенно исторіей и географіей, въ которыхъ я былъ нѣсколько слабѣе другихъ отличныхъ учениковъ. Время потекло правильно и пріятно.

Въ продолженіе этого мѣсяца, предаваясь безъ помѣхи дружескимъ и откровеннымъ разговорамъ, мои родители еще болѣе стали уважать и цѣнить свѣтлый умъ и высокія качества души Григорія Иваныча, соединенныя въ немъ съ многостороннимъ образованіемъ и основательной ученостью. Мать употребила все вліяніе своей любви на меня, чтобы я понялъ, какого человѣка судьба послала мнѣ наставникомъ. Она видѣла въ этомъ особенную милость Божію. Я не только понималъ, но и сильно чувствовалъ слова матери. Я увѣрялъ ее, но къ сожалѣнію никогда не могъ увѣрить вполнѣ, что самъ горячо люблю Григорья Иваныча, что только въ семействѣ и въ деревнѣ развлекался я разными любимыми предметами и новою, еще неиспытанною мною, охотою съ ружьемъ; но что въ городѣ я объ одномъ только и думаю, какъ бы заслужить любовь и одобреніе моего воспитателя, и что одно его ласковое слово дѣлаетъ меня вполнѣ счастливымъ.

Подростала и удивительно хорошѣла моя милая сестра, мой сердечный другъ. Она уже не могла раздѣлять моихъ деревенскихъ забавъ и охотъ, не могла быть такъ часто со мною вмѣстѣ; но она видѣла, какъ я веселился, и сносила это лишеніе терпѣливо: за то роптала на мое ученіе и, вѣроятно потому, неблагосклонно смотрѣла на моего учителя...

10-го августа выѣхали мы изъ Аксакова, и 15-го, безъ всякихъ приключеній, благополучно пріѣхали въ Казань. Къ

удивленію моему Григорій Иванычъ въ тотъ же день запретилъ мнѣ ходить въ классы въ гимназію, а назначилъ разныя занятія и упражненія дома. Самъ же онъ, всякій день поутру, уѣзжалъ въ гимназическій совѣтъ, въ которомъ былъ ученымъ секретаремъ, и оставался тамъ очень подолгу. Наконецъ дней черезъ пять, онъ сказалъ мнѣ, что ученье въ классахъ идетъ очень вяло, что многіе еще не съѣхались, что время стоитъ чудесное и что мы поѣдемъ къ Ивану Ипатычу въ Кощаково, чтобъ еще съ недѣльку на свободѣ погулять и поучиться. Я удивился еще болѣе, но былъ очень доволенъ. Мы прожили въ Кощаковѣ не недѣльку, а слишкомъ двѣ; Григорій Иванычъ нѣсколько разъ уѣзжалъ въ городъ; уѣзжалъ рано поутру, и возвращался къ позднему обѣду. Я не обращалъ на это вниманія. Когда мы переѣхали въ Казань, на другой же день Григорій Иванычъ приказалъ мнѣ ходить въ классы. Я очень весело побѣжалъ въ гимназію, но товарищи встрѣтили меня съ невеселыми лицами и сообщили мнѣ слѣдующее печальное происшествіе.

Предварительно надобно сказать, что директоръ гимназіи Лихачевъ былъ очень плохимъ директоромъ и сверхъ того имѣлъ каррикатурную наружность, не внушавшую расположенія; между прочимъ, нижняя его губа была такъ велика, какъ будто ее разнесло отъ укушенія благой мухи или осы. Ни чиновники, ни воспитанники не уважали его, и еще до отъѣзда моего на послѣднюю вакацію, во время обѣда, когда директоръ ходилъ по столовой залѣ, онъ былъ публично осмѣянъ учениками, раздраженными за дурную кашу, въ которой кто-то нашелъ кусокъ свѣчного сала. Въ ту-же ночь на многихъ стѣнахъ гимназіи, на стѣнахъ наружныхъ, даже на куполѣ зданія, явились ругательныя надписи директору, мастерски начерченныя краснымъ карандашомъ, крупными, печатными буквами. Надписи были помѣщены такъ высоко, что ихъ нельзя было написать безъ помощи лѣстницы, а надпись на куполѣ была признана чудомъ смѣлости и ловкости; ни тогда, ни послѣ, виноватыхъ не открыли. Я и теперь не знаю, кто это сдѣлалъ. За нѣсколько дней до возвращенія съ Григоріемъ Иванычемъ изъ Аксакова, когда въ гимназіи собрались уже почти всѣ ученики,—какой-то отставной военный чиновникъ, не знаю почему называвшійся квартермистромъ, имѣвшій подъ своею командой всѣхъ инвалидовъ, служившихъ при гимназіи, прогнѣвался на одного

изъ нихъ и сталъ его жестоко наказывать палками на заднемъ дворѣ, который отдѣлялся заборомъ отъ передняго и чистаго двора, гдѣ позволялось играть и гулять въ свободное время всѣмъ воспитанникамъ. Это случилось послѣ обѣда, когда именно всѣ воспитанники гуляли. Вопль бѣднаго инвалида возбудилъ такую жалость въ молодыхъ сердцахъ, что нѣсколько учениковъ старшаго класса, и въ томъ числѣ Александръ Княжевичъ, нарушили запрещеніе, прошли въ калитку на задній дворъ и начали громко требовать, чтобъ квартермистръ пересталъ наказывать виноватаго. Квартермистръ очень разсердился за нарушеніе своей власти, принялся кричать и ругать воспитанниковъ площадными словами, а какъ Александръ Княжевичъ, по необыкновенной добротѣ своего сердца горячившійся болѣе всѣхъ, былъ впереди другихъ, то всѣ ругательства прямо и непосредственно были обращены на него. Услышавъ крикъ и брань, весь высшій классъ, а за нимъ и другіе, явились на заднемъ дворѣ. Старшій Княжевичъ, Дмитрій, узнавъ голосъ брата, нѣжно имъ любимаго, прибѣжалъ первый; будучи отъ природы пылкаго нрава, онъ горячо вступился за оскорбленнаго брата; воспитанники пристали къ нему единодушно; разумѣется, не было недостатка въ энергическихъ выраженіяхъ и угрозахъ; квартермистръ нашелся принужденнымъ прекратить свою расправу и поспѣшно ретироваться. Такое, ничего незначущее обстоятельство, въ основаніи котораго лежало прекрасное чувство состраданія, а потомъ справедливое негодованіе за грубое и дерзкое оскорбленіе,—имѣло весьма печальныя послѣдствія, единственно потому, что было не понято директоромъ и дурно ведено. Сначала, письменная и покорная просьба воспитанниковъ высшаго класса состояла въ томъ, чтобы жестокій и грубый квартермистръ былъ отставленъ; но директоръ отказалъ въ ней, обвинилъ однихъ учениковъ и даже подвергъ нѣкоторыхъ какому-то наказанію. Разумѣется, такая несправедливость раздражила юношей: отвергнутая почтительная просьба превратилась въ настоятельное требованіе и уклоненіе отъ заведеннаго порядка. Высшій классъ воспитанниковъ пересталъ учиться; они говорили, что до тѣхъ поръ не будемъ ходить въ классы, пока не удалятъ изъ гимназіи ненавистнаго квартермистра. Вскорѣ средній и даже нижній классъ присоединились къ старшему, а какъ вся исторія поднялась преимущественно за оскорбленіе одного

изъ лучшихъ учениковъ, Александра Княжевича, то естественно, что его братъ, первый во всѣхъ отношеніяхъ воспитанникъ, очень любимый товарищами, сдѣлался, такъ сказать, главою этого движенія. Директоръ струсилъ, не смѣлъ показаться ученикамъ и даже какимъ-то заднимъ ходомъ, черезъ квартиру Яковкина, проходилъ въ гимназическій совѣтъ или конференцію; онъ посылалъ уговаривать воспитанниковъ, но переговоры оказались безполезными. Нѣтъ сомнѣнія, что еслибъ добрый, любимый и уважаемый Василій Петровичъ Упадышевскій служилъ тогда главнымъ надзирателемъ, то все это несчастное происшествіе прекратилось-бы въ самомъ началѣ; но за нѣсколько недѣль онъ оставилъ гимназію по болѣзни, и должность его исправлялъ человѣкъ ничтожный. Дѣло тянулось, въ одномъ и томъ же нерѣшительномъ положеніи, дня три. Наконецъ гимназисты, узнавъ, что директоръ сидитъ въ совѣтѣ, захвативъ предварительно другой выходъ, привалили толпою къ парадныхъ дверямъ конференціи и громогласно требовали исключенія изъ службы квартермистра. Директоръ хотѣлъ уѣхать, но получивъ извѣстіе, что путь къ побѣгу отрѣзанъ и что у задняго выхода также его ожидаютъ гимназисты,—такъ перепугался и растерялся, что немедленно приказалъ составить опредѣленіе объ увольненіи виноватаго квартермистра. Опредѣленіе было прочитано воспитанникамъ; сейчасъ всѣ успокоились, поблагодарили начальство и возвратились къ полному повиновенію. Гимназія пришла въ обыкновенный порядокъ, и учебная жизнь потекла своей обычной колеей. Сначала думали, что это происшествіе не будетъ имѣть никакихъ дальнѣйшихъ послѣдствій, но очень ошиблись. Директоръ немедленно донесъ высшему начальству о происшедшемъ, и по чьему-то совѣту войдя въ сношенія съ губернаторомъ, принялъ слѣдующія мѣры: черезъ нѣсколько дней, во время обѣда, вдругъ вошли въ залу солдаты съ ружьями и штыками; вслѣдъ за ними появился губернаторъ и директоръ. Послѣдній вызвалъ по именамъ шестнадцать человѣкъ изъ высшаго класса, въ томъ числѣ, разумѣется, старшаго Княжевича, и подъ прикрытіемъ вооруженныхъ солдатъ приказалъ отвести ихъ въ карцеръ. Всѣ остальные были поражены ужасомъ, и мертвая тишина царствовала въ залѣ. У всѣхъ наружныхъ дверей гимназіи было поставлено по два солдата съ ружьями и штыками; у дверей карцера стояло четверо. — Черезъ двѣ

недѣли послѣ этого печальнаго событія, пришелъ я въ первый разъ по возвращеніи съ вакаціи, или правильнѣе сказать изъ Кощакова, въ свой высшій осиротѣвшій классъ, гдѣ и встрѣтили меня, сейчасъ разсказанною мною повѣстью. Тутъ сдѣлалось мнѣ понятно, отчего разумный мой наставникъ сначала не позволилъ мнѣ ходить въ классы, а потомъ увезъ меня въ деревню. Безъ всякаго сомнѣнія я былъ-бы однимъ изъ самыхъ горячихъ участниковъ въ этомъ несчастномъ происшествіи.—Черезъ полтора мѣсяца было получено рѣшеніе высшаго начальства. Опять явился въ столовую залу губернаторъ, директоръ и весь совѣтъ, прочли бумагу, въ которой была объяснена вина возмутившихся воспитанниковъ и сказано, что, въ примѣръ другимъ, восемь человѣкъ изъ высшаго класса, признанныхъ главными зачинщиками, Дмитрій Княжевичъ, Петръ Алехинъ, Пахомовъ, Сыромятниковъ и Крыловъ (остальныхъ не помню) исключаются изъ гимназіи безъ аттестаціи въ поведеніи. Исключены были самые лучшіе ученики. Дмитрій Княжевичъ и Алехинъ считались красою, славою гимназіи. По исполненіи приговора, которымъ всѣ были глубоко поражены и опечалены, вывели солдатскіе караулы изъ гимназіи и сняли осадное положеніе, которымъ мы очень оскорблялись.

Лихачевъ былъ вскорѣ уволенъ и вмѣсто него опредѣленъ директоромъ старшій учитель, И. Ѳ. Яковкинъ. Дмитрій Княжевичъ сохранилъ надолго близкую связь съ своими гимназическими товарищами. Онъ опредѣлился на службу въ Петербургѣ и каждую почту писалъ къ брату, обращаясь нерѣдко ко всѣмъ намъ. Его письма читались торжественно, во всеуслышанье.

Пріунывшее и пріутихшее юное народонаселеніе гимназіи мало-по-малу успокоилось, стало забывать печальное событіе, опять зашумѣло, запѣло, запрыгало, захохотало — и жизнь понеслась впередъ, какъ-будто ничего не бывало.

До половины зимы мирно текли мои классныя и домашнія упражненія подъ неослабнымъ надзоромъ и руководствомъ Григорія Иваныча; но въ это время пріѣхалъ въ Казань мой родной дядя, А. Н. Зубинъ; онъ свозилъ меня два раза въ театръ, разумѣется, съ позволенія моего воспитателя: въ оперу „Пѣснолюбіе“ и въ комедію „Братомъ проданная сестра“. Эти два спектакля произвели на меня почти такое же впечатлѣніе, какъ и ружейная охота. Я питалъ особенное

пристрастіе къ театральнымъ сочиненіямъ, и по разсказамъ составилъ себѣ кое-какое понятіе объ ихъ сценическомъ исполненіи. Но дѣйствительность далеко превзошла мои предположенія. Я грезилъ видѣнными мною спектаклями и день и ночь, и такъ разсѣялся, что совершенно не могъ заниматься ученьемъ. Разумѣется, Григорій Иванычъ сейчасъ это увидѣлъ и, допросивъ меня, узналъ настоящую причину. Нахмурился и вновь огорчился разсудительный наставникъ, и вновь долженъ былъ я выслушать длинное поученіе. Но на этотъ разъ я почувствовалъ справедливость упрековъ Григорія Иваныча и понялъ вредныя слѣдствія моей склонности къ безмѣрному увлеченію. Съ большимъ усиліемъ я побѣдилъ въ себѣ вспыхнувшую страсть къ театру, зерно которой давно во мнѣ хранилось и высказывалось въ моей охотѣ къ декламаціи и къ драматическимъ піесамъ, русскимъ и французскимъ; я успокоился и съ необыкновеннымъ жаромъ принялся за ученье. Григорій Иванычъ былъ очень доволенъ. Черезъ недѣлю онъ самъ сталъ разговаривать со мною о театрѣ и сценическомъ искусствѣ, далъ объ немъ настоящее понятіе и разсказалъ мнѣ о многихъ славныхъ актерахъ, живыхъ и мертвыхъ, иностранныхъ и русскихъ. Между прочимъ упомянулъ и о московскихъ актерахъ, Шушеринѣ и Плавильщиковѣ. Дня три продолжались у насъ такіе пріятные для меня разговоры, въ часы отдыхновенія отъ серьезныхъ занятій. Вдругъ въ одинъ счастливый день, когда я, воротясь изъ гимназіи, пилъ свой вечерній чай, Григорій Иванычъ отворилъ ко мнѣ дверь и весело сказалъ: „оканчивайте поскорѣе ваше молочное питье [1]). Вы должны сейчасъ ѣхать со мною“. Я былъ готовъ въ одну минуту. Мы сѣли въ сани и поѣхали. Я былъ увѣренъ, что мы ѣдемъ къ Г. К. Воскресенскому, къ которому Григорій Иванычъ изрѣдка ѣзжалъ со мною и котораго сынъ былъ моимъ товарищемъ въ гимназіи. На поворотѣ Григорій Иванычъ приказалъ кучеру ѣхать прямо по Грузинской улицѣ: это было не по дорогѣ къ Воскресенскому. Я удивился. Черезъ нѣсколько минутъ, когда мы поровнялись съ театромъ, онъ сказалъ: „къ театральному подъѣзду“. Кучеръ подъѣхалъ. Григорій Иванычъ выскочилъ изъ саней, а я, обомлѣвши отъ радостной надежды,

[1]) Я очень любилъ молоко и такъ много клалъ сливокъ въ чай, что Григорій Иванычъ называлъ его молочнымъ питьемъ, а меня, иногда, поенымъ теленочкомъ, что я считалъ за большую милость.

сидѣлъ неподвижно. Григорій Иванычъ не могъ удержаться отъ смѣха и спросилъ меня: „что-же? не хотите въ театръ?“ Я выпрыгнулъ какъ безумный. Билеты были взяты заранѣе; мы вошли въ кресла и сѣли вмѣстѣ въ первомъ ряду. Давали оперу „Колбасники“. Боже мой! Какъ я былъ счастливъ! До сихъ поръ вижу передъ собой актера, Михайла Калмыкова, въ главной роли стараго колбасника; до сихъ поръ слышу, какъ актеръ Прытковъ поетъ съ гитарой, то-есть, разѣвая ротъ, а за кулисами пѣла вмѣсто него актриса, Марфуша Аникіева:

Предметъ драгоцѣнный
Души распаленной,
Услыши, что плѣнный
Гласитъ къ злой судьбѣ...

А вотъ уже слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ прошло, какъ я видѣлъ этотъ спектакль, и съ тѣхъ поръ даже не слыхивалъ объ оперѣ „Калбасники!“... Воротясь домой, я отъ души поблагодарилъ моего наставника и съ удовольствіемъ услышалъ отъ него, что сегодняшній спектакль былъ награжденіемъ за мое благоразуміе, и что если „Колбасники“ не развлекутъ меня, то отъ времени до времени мы будемъ ѣздить въ театръ. По правдѣ сказать, „Колбасники“ очень занимали и даже развлекали меня, но я всѣми силами старался скрывать свое впечатлѣніе и, съ помощью свѣжей необыкновенной памяти, я такъ хорошо продолжалъ свое ученье, что Григорій Иванычъ ничего не могъ замѣтить. Въ непродолжительномъ времени, я увидѣлъ на театрѣ: „Недоросля“, „Ошибки или утро вечера мудренѣе“, оперу „Нина или сумасшедшая отъ любви“ и драму Коцебу „Графъ Вальтронъ“. Съ каждымъ днемъ росла и крѣпла во мнѣ любовь къ театру. Я выучилъ наизусть видѣнныя мною на сценѣ піесы и находилъ время, незамѣтно для моего воспитателя, разыгрывать передъ самимъ собою всѣ роли въ вышесказанныхъ піесахъ, для чего запирался въ своей комнатѣ или уходилъ въ пустыя, холодныя антресоли.

Въ эту же зиму 1804-го года началъ я сближаться съ однимъ своекоштнымъ ученикомъ, Александромъ Панаевымъ. Онъ также былъ охотникъ до театра и до русской словесности. Будучи обожателемъ Карамзина, онъ писалъ идиллическою прозой, стараясь уловить гладкость и цвѣтистость

языка, созданнаго Карамзинымъ. Братъ его Иванъ былъ лирическій стихотворецъ. Александръ Панаевъ издавалъ тогда письменный журналъ подъ названіемъ „Аркадскіе Пастушки", котораго нѣсколько нумеровъ и теперь у меня хранятся. Всѣ сочинители подписывались какими-нибудь пастушескими именами, напримѣръ: Адонисъ, Дафнисъ, Аминтъ, Ирисъ, Дамонъ, Палемонъ и проч. Александръ Панаевъ былъ каллиграфъ и рисовальщикъ, а потому самъ переписывалъ и самъ рисовалъ картинки къ каждому нумеру своего журнала, выходившему ежемѣсячно. По истинѣ, это было двойное дѣтство: нашей литературы и нашего возраста. Но замѣчательно, что направленіе и журнальные пріемы были точно такіе-же, какіе держались потомъ въ Россіи нѣсколько десятковъ лѣтъ. Названіе піесъ и нѣкоторые стихотворные и прозаическіе отрывки я помѣщаю въ особомъ приложеніи.

Благодаря стараніямъ моего наставника, я до того времени еще не былъ сочинителемъ, а потому и не участвовалъ въ составленіи журнала. Но къ сожалѣнію, примѣръ былъ очень увлекателенъ, и я началъ потихоньку пописывать, храня тайну даже отъ друга моего Панаева. Черезъ годъ я уже издавалъ съ нимъ журналъ, о чемъ будетъ разсказано въ своемъ мѣстѣ. Въ эту же зиму составился въ гимназіи благородный спектакль. Два раза играли какую-то скучную, нравоучительную піесу, названіе которой я забылъ, и при ней маленькую комедію Сумарокова: „Приданое обманомъ". Въ спектаклѣ я былъ только зрителемъ: во-первыхъ, потому, что много было охотниковъ постарше меня, а во-вторыхъ, потому, что я не смѣлъ и заикнуться объ этомъ Григорію Иванычу,—и напрасно, какъ это покажетъ слѣдующій годъ, въ которомъ назначено было развернуться моей театральной и литературной гимназической дѣятельности.

Уже около года носились слухи, что въ Казани будетъ основанъ университетъ. Слухи стали подтверждаться, и въ декабрѣ 1804 года получили оффиціальное извѣстіе, что уставъ университета 5-го ноября подписанъ Государемъ. Попечителемъ былъ назначенъ дѣйствительный статскій совѣтникъ, Степанъ Яковлевичъ Румовскій, который и пріѣхалъ въ Казань. Это событіе взволновало весь городъ, еще болѣе гимназію и преимущественно старшій классъ. Конференція собиралась каждый день; въ ней предсѣдательствовалъ Румовскій и засѣдали пріѣхавшіе съ нимъ два профессора, Гер-

манъ и Цеплинъ, директоръ гимназіи Яковкинъ и всѣ старшіе учителя. Что происходило тамъ—я и товарищи ничего не знали. Вдругъ въ одинъ вечеръ собралось къ Григорію Иванычу много гостей: двое новыхъ пріѣзжихъ профессоровъ, правитель канцеляріи попечителя, Петръ Иванычъ Соколовъ, и всѣ старшіе учителя гимназіи, кромѣ Яковкина; собрались довольно поздно, такъ что я ложился уже спать; гости были веселы и шумны; я долго не могъ заснуть и слышалъ всѣ ихъ громкіе разговоры и взаимныя поздравленія: дѣло шло о новомъ университетѣ и о назначеніи въ адъюнкты и профессоры гимназическихъ учителей. На другой день Евсеичъ сказалъ мнѣ, что гости просидѣли до трехъ часовъ, что выпили очень много пуншу и вина, и что многіе уѣхали очень навеселѣ. Онъ прибавилъ, что и „*нашъ* (такъ онъ называлъ Григорія Иваныча) принужденъ былъ много пить, но что онъ не былъ хмѣленъ ни въ одномъ глазѣ“. У насъ въ домѣ никакой пирушки никогда не бывало, и мы съ Евсеичемъ очень дивились такой новости, хотя причина была теперь очевидна: Евсеичъ самъ вслушался, да и я разсказалъ ему, что Григорій Иванычъ былъ назначенъ адъюнктъ-профессоромъ въ новомъ университетѣ, вмѣстѣ съ Иваномъ Ипатычемъ, Левицкимъ и Эрихомъ. Изъ разговоровъ ихъ я также узналъ, что Яковкинъ былъ прямо сдѣланъ ординарнымъ профессоромъ русской исторіи и назначался инспекторомъ казенныхъ студентовъ, о чемъ всѣ говорили съ негодованіемъ, считая такое быстрое возвышеніе Яковкина незаслуженнымъ, по ограниченности его ученыхъ познаній. Я вслушался также, что, говоря о студентахъ, Григорій Иванычъ громко сказалъ: „за своего Телемака, господа, я ручаюсь“. Я догадался, что и меня хотятъ сдѣлать студентомъ, чего я никакъ не могъ надѣяться, потому что еще не дослушалъ курса въ высшихъ классахъ и ничего не зналъ въ математикѣ. На другой день поутру Григорій Иванычъ еще спалъ, когда я уѣхалъ въ гимназію. Я спѣшилъ сообщить новость своимъ товарищамъ, но тамъ уже всѣ знали черезъ сына Яковкина, который былъ страшный толстякъ и весьма ограниченныхъ способностей. Онъ хвастался, что и его сдѣлаютъ студентомъ, надъ чѣмъ всѣ смѣялись. Лучшіе ученики въ высшемъ классѣ, слушавшіе курсъ уже во второй разъ, конечно, надѣялись, что они будутъ произведены въ студенты; но обо мнѣ и нѣкоторыхъ другихъ никто и не ду-

малъ. Въ тотъ же день сдѣлался извѣстенъ списокъ назначаемыхъ въ студенты; изъ него узнали мы, что всѣ ученики старшаго класса, за исключеніемъ двухъ или трехъ, поступятъ въ университетъ; между ними находились и мы съ Яковкинымъ. Въ строгомъ смыслѣ, человѣкъ съ десять, разумѣется, въ томъ числѣ и я, не стоили этого назначенія, по неимѣнью достаточныхъ знаній и по молодости; не говорю уже о томъ, что никто не зналъ по латыни и весьма немногіе знали нѣмецкій языкъ, а съ будущей осени надобно было слушать нѣкоторыя лекціи на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Но тѣмъ не менѣе шумная радость одушевляла всѣхъ. Всѣ обнимались, поздравляли другъ друга и давали обѣщаніе съ неутомимымъ рвеніемъ заняться тѣмъ, чего намъ не доставало, такъ чтобы черезъ нѣсколько мѣсяцевъ намъ не стыдно было называться настоящими студентами.— Сейчасъ былъ устроенъ латинскій классъ, и большая часть будущихъ студентовъ принялась за латынь. Я не послѣдовалъ этому похвальному примѣру, по какому-то глупому предубѣжденію къ латинскому языку. До сихъ поръ не понимаю, отчего Григорій Иванычъ, будучи самъ сильнымъ латинистомъ, позволилъ мнѣ не учиться по латыни.

Нельзя безъ удовольствія и безъ уваженія вспомнить, какою любовью къ просвѣщенью, къ наукамъ, было одушевлено тогда старшее юношество гимназіи. Занимались не только днемъ, но и по ночамъ. Всѣ похудѣли, всѣ перемѣнились въ лицѣ, и начальство принуждено было принять дѣятельныя мѣры для охлажденія такого рвенія. Дежурный надзиратель всю ночь ходилъ по спальнямъ, тушилъ свѣчки и запрещалъ говорить, потому что и въ потьмахъ повторяли наизусть другъ другу отвѣты въ пройденныхъ предметахъ. Учителя были также подвигнуты такимъ горячимъ рвеніемъ учениковъ и занимались съ ними не только въ классахъ, но во всякое свободное время, по всѣмъ праздничнымъ днямъ. Григорій Иванычъ читалъ на дому для лучшихъ математическихъ студентовъ прикладную математику; его примѣру послѣдовали и другіе учителя. Такъ продолжалось и въ первый годъ послѣ открытія университета. Прекрасное, золотое время! Время чистой любви къ знанію, время благороднаго увлеченія! Я могу безпристрастно говорить о немъ, потому что не участвовалъ въ этомъ высокомъ стремленіи, которое одушевляло преимущественно казенныхъ воспитанниковъ и

пансіонеровъ: своекоштные какъ-то мало принимали въ этомъ участія, и мое ученіе шло своей обычной чередой, подъ руководствомъ моего воспитателя. Вѣроятно онъ считалъ, что я не имѣлъ призванія быть ученымъ, и вѣроятно ошибался. Онъ судилъ по тому страстному увлеченію, которое обнаруживалось во мнѣ къ словесности и къ театру. Но мнѣ кажется, что натуральная исторія точно такъ же бы увлекала меня, и можетъ быть я сдѣлалъ бы что-нибудь полезное на этомъ поприщѣ. Впрочемъ, родители мои никогда не назначали меня къ ученому званію, даже имѣли къ нему предубѣжденіе и согласно ихъ волѣ Григорій Иванычъ давалъ направленіе моему воспитанію.—Конечно, университетъ нашъ былъ скороспѣлка, потому что черезъ полтора мѣсяца, то-есть 14-го февраля 1805 года, его открыли. Преподавателей было всего шестеро: два профессора: Яковкинъ и Цеплинъ, и четыре адъюнкта: Карташевскій, Запольскій, Левицкій и Эрихъ [1]).

---

[1]) Вотъ списокъ студентовъ, открывавшихъ университетъ; кажется, я забылъ двухъ или трехъ!

Казенные студенты и пансіонеры:

Василій Перевощиковъ.
Дмитрій Перевощиковъ.
Василій Кузминскій.
Александръ Княжевичъ
Петръ Балясниковъ.
Петръ Кондыревъ.
Александръ Петровъ.
Ѳоминъ. } Именъ не помню.
Ляпуновъ. }
Николай Трухинъ.
Николай Кинтеръ.
Петръ Зыковъ.
Василій Тимьянскій.
Чесновъ.
Михаилъ Пестяковъ.
Михаилъ Поповъ.
Василій Чуфаровъ.
Кайсаровъ.
Яковкинъ.
Риттау.
Владимиръ Граффъ.
Выгряцкій.
Андреевъ.
Шокинъ.
Николай Упадышевскій (стар.).

Въ 1805 году письма Дмитрія Княжевича, всегда получаемыя и выслушиваемыя съ живымъ участіемъ, пріобрѣли особенный политическій интересъ. Тогда шла первая война съ Наполеономъ. Не знаю почему извѣстія о военныхъ событіяхъ какъ-то трудно и поздно до насъ доходили. Княжевичъ же сообщалъ ихъ намъ скоро и подробно. Сверхъ того, письма его были проникнуты горячей любовью къ славѣ русскаго оружія, а потому и дѣйствовали на всѣхъ насъ электрически. Бывало, только крикнетъ Александръ Княжевичъ: „письмо отъ брата!“ какъ всѣ мы сейчасъ окружали его дружною и тѣсною толпою; лежа другъ у друга на плечахъ, въ глубокой тишинѣ, прерываемой иногда восторженными восклицаніями, жадно слушали мы громогласное чтеніе письма; даже гимназисты прибѣгали къ намъ и участвовали въ слушаніи этихъ писемъ. Знаменитый Багратіонъ былъ нашимъ любимцемъ, и когда мы услышали, что онъ, оставленный на жертву непріятелю, пробился съ своимъ отрядомъ сквозь цѣлую армію французовъ,—такое грянуло ура, такой былъ общій единодушный восторгъ, что я и описать не умѣю. Много было жизни въ порѣ нашей юности и отрадно вспоминать о ней.

Воспитанникамъ, назначеннымъ въ студенты, не произвели обыкновенныхъ экзаменовъ, ни гимназическихъ, ни университетскихъ, а напротивъ все это время употребили на продолженіе ученья, приготовительнаго для слушанія университетскихъ лекцій; не знаю, почему Григорій Иванычъ, за нѣсколько дней до акта, отправилъ меня на вакацію, и мы съ Евсеичемъ уѣхали въ Старое Аксаково, Симбирской губерніи, гдѣ тогда жило все мое семейство. Какая была причина этого перемѣщенія изъ Новаго Оренбургскаго Аксакова—также не знаю, но оно было мнѣ очень досадно: въ Старомъ, безводномъ Аксаковѣ не было никакого уженья, да и стрѣльбы очень мало; правда, дичи лѣсной водилось

Своекоштные студенты:

Николай Панаевъ.
Иванъ Панаевъ.
Александръ Панаевъ.
Александръ Дмитріевъ.
Сергѣй Аксаковъ.
Порфирій Безобразовъ.
Еварестъ Груберъ.

тамъ много, можно было найти и бекасовъ и дупелей, но эта трудная охота была мнѣ еще недоступна. Зная все это напередъ, я запасся театральными піесами, чтобы дома на свободѣ прочесть ихъ и даже разыграть передъ глазами моего семейства, что и было потомъ исполнено мною съ большимъ успѣхомъ и наслажденіемъ.—Отецъ и мать очень обрадовались моему назначенію въ студенты, даже съ трудомъ ему вѣрили и очень жалѣли, что Григорій Иванычъ не оставилъ меня до акта, на которомъ было предположено провозгласить торжественно имена студентовъ и раздать имъ шпаги. Боже мой, какъ обрадовалась мнѣ моя милая сестра! Съ какимъ наслажденіемъ слушала она мое чтеніе, или лучше сказать, разыгрыванье трагедій, комедій и даже оперъ, въ которыхъ я отвѣчалъ одинъ за всѣхъ актеровъ и актрисъ: картавилъ, гнусилъ, пищалъ, басилъ и пѣлъ на всѣ голоса, даже иногда костюмировался съ помощью всякой домашней рухляди. Кромѣ того, зная, что съ половины августа я начну слушать лекціи натуральной исторіи у профессора Фукса, только-что пріѣхавшаго въ Казань, я рѣшилъ заранѣе, что буду собирать бабочекъ, и въ эту вакацію, съ помощью моей сестры, сдѣлалъ уже приступъ къ тому; но, увы, не умѣя раскладывать и высушивать бабочекъ, я погубилъ множество этихъ прелестныхъ твореній. Въ продолженіи вакаціи мы два раза ѣздили къ Чуфарово къ Надеждѣ Ивановнѣ Куроѣдовой и гостили тамъ по цѣлой недѣлѣ. Отъ Стараго Аксакова до Чуфарова всего было верстъ сорокъ или пятьдесятъ. Надежда Ивановна была очень довольна, что я сдѣланъ студентомъ; съ гордостью разсказывала о томъ всякому гостю, наряжала меня въ мундиръ и очень жалѣла, что у меня не было шпаги; даже подарила мнѣ на книги десять рублей ассигнаціями. Узнавъ какъ-то нечаянно о моемъ театральномъ искусствѣ, о которомъ прямо доложить ей не смѣли, ибо опасались, что оно можетъ ей не понравиться,— она заставила меня читать, представлять и пѣть, и къ моей великой радости осталась очень довольною и много хохотала. Она никогда не видывала театра и, по своей живой, веселой и понимающей природѣ, она чувствовала неизвѣстное ей до сихъ поръ удовольствіе. Особенно ей понравилось мое обыкновенное чтеніе. Иногда отъ скуки, преимущественно по зимамъ, уставъ играть въ карты, пѣть пѣсни и тогдашніе романсы, уставъ слушать сплетни и пересуды,

она заставляла себѣ читать вслухъ современные романы и повѣсти, но всегда была недовольна чтецами; одна только мать моя нѣсколько ей угождала. Послушавъ же меня, она сказала: „вотъ какъ надо читать“, и съ тѣхъ поръ, несмотря на лѣтнее время, которое она обыкновенно проводила въ своемъ чудномъ саду, Надежда Ивановна каждый день заставляла меня читать часа по два и болѣе. Иногда являлся на сцену „Мельникъ“ Аблесимова и „Сбитеньщикъ“ Княжнина— и какъ добродушно, звонко смѣялась она, глядя, какъ моломоденькій мальчикъ представляетъ старика мельника и сбитеньщика. Я пріобрѣлъ полное благоволеніе Надежды Ивановны, чему очень радовались въ моемъ семействѣ, потому что мысль о будущемъ богатствѣ, которомъ она нѣкогда обѣщала надѣлить насъ, не могла быть совершенно чуждою человѣческимъ соображеніямъ и разсчетамъ. При моемъ отъѣздѣ, я получилъ милостивое приказаніе отъ Надежды Ивановны писать къ ней каждый мѣсяцъ два раза, что было въ точности исполняемо мною до самой ея кончины.

УНИВЕРСИТЕТЪ.

Я благополучно воротился въ Казань и очень обрадовался, увидѣвъ Григорія Иваныча. Онъ встрѣтилъ меня ласково. Первымъ моимъ дѣломъ было достать мою студентскую шпагу, которая до моего прибытія хранилась въ кладовой, у дежурнаго надзирателя. Мы съ Александромъ Панаевымъ, прицѣпивъ свои шпаги, цѣлое воскресенье бѣгали по всѣмъ городскимъ улицамъ, и какъ тогда это была новость, то мы имѣли удовольствіе обращать на себя общее вниманіе и любопытство. Болѣе просвѣщенное лакейство, сидя и любезничая съ горничными у воротъ господскихъ домовъ, нерѣдко острило на нашъ счетъ, говоря: „ой студено—студенты идутъ“.—Въ гимназіи шли большія хлопоты о назначеніи студентамъ особыхъ комнатъ, отдѣльно отъ гимназистовъ, помѣщавшихся въ томъ же зданіи гимназіи, объ устройствѣ студентамъ особеннаго стола въ другой небольшой залѣ и объ открытіи новыхъ университетскихъ лекцій. Наконецъ въ исходѣ августа все было улажено и лекціи открылись въ слѣдующемъ порядкѣ: Григорій Иванычъ читалъ чистую, высшую математику; Иванъ Ипатычъ — прикладную математику и опытную физику; Левицкій—логику и философію; Яковкинъ—русскую исторію, географію и статистику; профессоръ Цеплинъ—всеобщую исторію; профессоръ Фуксъ—натуральную исторію; профессоръ Германъ—латинскую литературу и древности; Эрихъ—латинскую и греческую словесность, и пріѣхавшій адъюнктъ Эвестъ—химію и анатомію. Былъ еще какой-то толстый про-

фессоръ, Бюнеманъ, который читалъ право естественное, политическое и народное на французскомъ языкѣ; лекцій Бюнемана я рѣшительно не помню, хотя и слушалъ его. Вотъ въ какомъ смѣшеніи факультетовъ и младенческомъ составѣ открылся нашъ университетъ. Яковкинъ, какъ инспекторъ студентовъ и директоръ гимназіи, соединялъ въ своемъ лицѣ званіе и власть ректора; подъ его предсѣдательствомъ совѣтъ Казанской гимназіи, въ которомъ присутствовали всѣ профессоры и адъюнкты, управлялъ университетомъ и гимназіей по части учебной и образовательной. Хозяйственною же частью завѣдывала контора гимназіи, также подъ предсѣдательствомъ Яковкина; одинъ изъ университетскихъ преподавателей находился въ ней постояннымъ членомъ. Яковкинъ, для соблюденія благочинія, съ позволенія попечителя, назначалъ камерныхъ студентовъ и дѣлалъ другія необходимыя распоряженія. Многіе воспитанники, въ томъ числѣ и я, не выслушавшіе полнаго гимназическаго курса, продолжали учиться въ нѣкоторыхъ высшихъ классахъ гимназіи, слушая въ то же время университетскія лекціи. Я былъ этому очень радъ, потому что мнѣ было бы больно разстаться съ Ибрагимовымъ. Этотъ человѣкъ меня такъ искренно любилъ, такъ охотно занимался со мною, что время, проведенное въ его классахъ, осталось однимъ изъ пріятныхъ воспоминаній моей юности. Я долженъ признаться, что Ибрагимовъ слишкомъ много мною занимался въ сравненіи съ другими воспитанниками и что мое самолюбіе, подстрекаемое и удовлетворяемое его отзывами передъ цѣлымъ классомъ, играло въ этомъ дѣлѣ не послѣднюю роль. И такъ очевидно, что переходъ изъ гимназіи въ университетъ былъ вообще для всѣхъ замѣтенъ, особенно для меня и для студентовъ, продолжавшихъ ходить въ нѣкоторые гимназическіе классы.

Съ открытія университета, дружба моя съ Александромъ Панаевымъ, также произведеннымъ въ студенты, росла не по днямъ, а по часамъ, и скоро мы сдѣлались такими друзьями, какими могутъ быть люди въ годахъ первой молодости; впрочемъ, Александръ Панаевъ былъ старше меня тремя годами, слѣдственно восьмнадцати лѣтъ. Григорій Иванычъ одобрялъ нашу дружбу. Кромѣ любви къ литературѣ и къ театру, которая соединяла меня съ Александромъ Панаевымъ, скоро открылась новая, общая склонность: натуральная исторія и собираніе бабочекъ; эта склонность развилась впрочемъ вполнѣ

слѣдующею весною. Настоящая же зима исключительно обратила насъ къ театру, потому что неожиданно на публичной сценѣ явился московскій актеръ Плавильщиковъ. Его пріѣздъ имѣлъ важное для меня значеніе. Григорій Ивановичъ, говорившій мнѣ и прежде о Плавильщиковѣ, не только заранѣе позволилъ мнѣ быть въ театрѣ всякій разъ, когда Плавильщиковъ игралъ, но даже былъ очень доволенъ, что я увижу настоящаго артиста и услышу правильное, естественное, мастерское чтеніе, которымъ по справедливости славился Плавильщиковъ. Ходить часто въ партеръ или кресла студенты были не въ состояніи: мѣсто въ партерѣ стоило рубль, а кресло 2 р. 50 к. ассигнаціями, а потому мы постоянно ходили въ раекъ, платя за входъ 25 коп. мѣдью. Но раекъ представлялъ для насъ важное неудобство: спектакли начинались въ $6^1/_2$ часовъ, а классъ и лекціи оканчивались въ 6; слѣдовательно оставалось только время добѣжать до театра и помѣститься уже на заднихъ лавкахъ въ райкѣ, съ которыхъ ничего не было видно, ибо переднія занимались зрителями задолго до представленія. Для отвращенія такого неудобства употреблялись слѣдующія мѣры: двое изъ студентовъ, а иногда и трое, покрупнѣе и посильнѣе, часовъ въ пять и ранѣе, отправлялись въ театръ, занимали по краямъ порожнюю лавку и не пускали на нее никого. Сначала это не обходилось безъ ссоръ, но потомъ посѣтители райка привыкли къ такому порядку и дѣло обходилось мирно. Мы приходили обыкновенно передъ самымъ поднятіемъ занавѣса и садились на приготовленныя мѣста. Сначала передовые студенты уходили изъ классовъ потихоньку, но впослѣдствіи многіе профессора и учителя, зная причину, смотрѣли сквозь пальцы на исчезновеніе нѣкоторыхъ изъ своихъ слушателей, а достолюбезный Ибрагимовъ нерѣдко говаривалъ: „а что, господа, не пора-ли въ театръ?“, даже оканчивалъ иногда ранѣе получасомъ свой классъ. Доставанье афишъ возлагалось на своекоштныхъ студентовъ. Печатныхъ афишъ тогда въ городѣ не было; нѣкоторыя почетныя лица получали афиши письменныя изъ конторы театра, а городъ узнавалъ о названіи піесы и объ именахъ дѣйствующихъ лицъ и актеровъ изъ объявленія, прибиваемаго четырьмя гвоздиками къ колоннѣ или къ стѣнѣ главнаго театральнаго подъѣзда. Я долженъ признаться, что мы воровали афиши. Подъѣдешь бывало къ театральному крыльцу, начнешь читать

афишу, и выждавъ время, когда кругомъ никого нѣтъ, сорвешь объявленіе, спрячешь въ карманъ и отправляешься съ добычею въ университетъ. Впослѣдствіи содержатель театра, Есиповъ, узнавъ студентскія продѣлки, далъ позволеніе студентамъ получать афишу въ конторѣ театра.

Игра Плавильщикова открыла мнѣ новый міръ въ театральномъ искусствѣ. Я не могъ тогда, особенно сначала, видѣть недостатковъ Плавильщикова и равно восхищался имъ и въ трагедіяхъ, и въ комедіяхъ, и въ драмахъ; но какъ онъ прожилъ въ Казани довольно долго, поставилъ на сцену много новыхъ піесъ, между прочимъ комедію свою „Бобыль", имѣвшую большой успѣхъ, и даже свою трагедію „Ермакъ", не имѣвшую никакого достоинства [1]) и успѣха, и сыгралъ нѣкоторыя роли даже два или три раза—то мы вглядѣлись въ его игру и почувствовали, что онъ гораздо выше въ „Ботѣ", чѣмъ въ „Дмитріи Самозванцѣ", въ „Досажаевѣ", чѣмъ въ „Магометѣ", въ „Отцѣ семейства", чѣмъ въ „Рославѣ". Торжествомъ въ искусствѣ чтенія были у Плавильщикова роли „Тита" въ „Титовомъ милосердіи" и особенно „Пастора" въ „Сынѣ любви". Исполненіе этой послѣдней роли привело меня въ совершенное изумленіе. Пастора игралъ въ Казани преплохой актеръ, Максимъ Гуляевъ, и это лицо въ піесѣ казалось мнѣ и всей публикѣ нестерпимо скучнымъ, такъ что длинный монологъ, который онъ читаетъ барону Нейгофу, былъ сокращенъ въ нѣсколько строкъ по общему желанію зрителей. Плавильщиковъ возстановилъ во всей полнотѣ это лицо и убилъ имъ всѣ остальныя. И въ самомъ дѣлѣ онъ игралъ роль пастора превосходно. Плавильщиковъ же поставилъ въ Казани „Эдипа въ Аѳинахъ". Стихи Озерова были тогда плѣнительной новостью; они увлекали всѣхъ, и игра Плавильщикова въ роли Эдипа произвела общій восторгъ [2]).

---

[1]) Какой-то проказникъ написалъ крупными буквами углемъ на главномъ театральномъ подъѣздѣ:

„Піеса Ермака
Не стоитъ пятака".

Эта глупая острота, говорятъ, сильно оскорбила Плавильщикова.

[2]) Несмотря на общее и мое собственное увлеченіе, я замѣтилъ, что Плавильщиковъ въ Эдипѣ иногда сбивается съ тону своей роли и часто, вмѣсто дряхлаго старика, играетъ молодого сильнаго человѣка, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оглушительный крикъ, кромѣ его неестественности, лишаетъ силы, мѣшаетъ дѣйствію рѣчей изнеможеннаго старца. Живость движеній, при отыскиваніи дочери, показалась мнѣ и многимъ даже смѣшною.

Яркій свѣтъ сценической истины, простоты, естественности тогда впервые озарилъ мою голову. Я почувствовалъ всѣ пороки моей декламаціи и съ жаромъ принялся за переработку моего чтенія. Нѣчто подобное говорилъ мнѣ прежде и требовалъ отъ меня мой воспитатель, но я плохо понималъ его. Какъ же скоро я услышалъ Плавильщикова въ лучшихъ его роляхъ, я понялъ въ одно мгновеніе, чего хотѣлъ въ моемъ чтеніи Григорій Иванычъ. Вотъ какъ примѣръ уясняетъ понятія гораздо лучше всякихъ толкованій. Тогда, подъ руководствомъ Григорія Иваныча, я горячо взялся за трудную работу и черезъ двѣ недѣли прочелъ другу моему, Александру Панаеву, извѣстный длинный монологъ изъ роли пастора. Панаевъ до того былъ удивленъ, что ничего не могъ произнести, кромѣ словъ: „ты Плавильщиковъ... ты лучше Плавильщикова!“ Въ тотъ же день Александръ Панаевъ явился въ университетъ прежде меня и успѣлъ разсказать всѣмъ о новомъ своемъ открытіи. Когда же я пришелъ на лекціи, студенты окружили меня дружною толпою и заставили прочесть монологъ пастора и мѣста изъ разныхъ піесъ, которыя я зналъ наизусть. Хотя не называли меня Плавильщиковымъ, но всѣ очень хвалили, и у старшихъ студентовъ сейчасъ родилась мысль затѣять университетскіе спектакли. Начальство не вдругъ на это согласилось, а потому мы съ Александромъ Панаевымъ, состряпавъ какую-то драму, разыграли ее съ помощью его братьевъ, въ общей ихъ квартирѣ, довольно большомъ каменномъ домѣ, принадлежавшемъ дядѣ ихъ Страхову. Я не помню названія и содержанія этой піесы, разумѣется, нелѣпо-дѣтской, но помню, что игралъ въ ней двѣ роли: какого-то пустынника старика—въ первыхъ двухъ дѣйствіяхъ и какого-то атамана разбойниковъ — въ третьемъ, при чемъ былъ убитъ изъ пистолета. Въ роли старика я отличился.—Разрѣшенія устроить театръ съ авансценою и декораціями, въ одной изъ университетскихъ залъ, долго не приходило отъ попечителя, который жилъ въ Петербургѣ, а потому мы выпросили позволеніе у директора Яковкина составить домашній спектакль, безъ устройства возвышенной сцены и безъ декорацій, въ одной изъ спальныхъ комнатъ казенныхъ студентовъ. Сколько пріятной суматохи и возни было по этому случаю! Сшили занавѣсъ изъ простынь и перегородили имъ большую и длинную комнату, кроватями отдѣлили мѣсто для сцены, и классными подсвѣч-

никами освѣтили ее. Мы сыграли комедію: „Такъ и должно“ Веревкина и маленькую піесу: „Приданое обманомъ“ Сумарокова. Въ первой піесѣ я игралъ роль стараго Доблестина, а молодого Доблестина—Александръ Панаевъ. Афросинью Сысоевну игралъ студентъ Дмитрій Перевощиковъ, лакея Угара—Петръ Балясниковъ, судью—В. Кузминскій, съ приписью подъячаго—Петръ Зыковъ, который привелъ всѣхъ зрителей въ неописанный восторгъ своимъ комическимъ талантомъ. Не помню, кто игралъ какую-то молодую женскую роль—кажется, Александръ Княжевичъ. Костюмы были уморительные: напримѣръ старый Доблестинъ явился въ солдатскомъ изорванномъ сюртукѣ одного изъ нашихъ сторожей-инвалидовъ; на головѣ имѣлъ парикъ изъ пакли, напудренный мѣломъ, а на рукахъ цѣпи съ цѣпной дворовой собаки, которая на этотъ вечеръ получила свободу и кого-то больно укусила. Перевощиковъ, по своему немоложавому и блѣдному лицу и нѣсколько сиплому голосу, былъ очень хорошъ въ роли старухи, и это амплуа навсегда за нимъ осталось. Я, съ моей собачьей цѣпью, произвелъ сильный эффектъ и былъ провозглашенъ большимъ талантомъ и актеромъ, а равно и П. Зыковъ. Но увы, другъ мой Александръ Панаевъ, несмотря на прекрасную наружность, очень не понравился всѣмъ въ роли молодого Доблестина. Въ самомъ дѣлѣ онъ имѣлъ какой-то плаксивый и холодный тонъ; много ему вредило также произношеніе на о, отъ котораго онъ не могъ отвыкнуть. Это былъ мой первый публичный театральный успѣхъ, потому что спектакль у Панаевыхъ происходилъ секретно и зрителей было очень мало; но здѣсь находилось университетское и гимназическое начальство, профессора, учителя и даже ихъ жены и дочери, не говоря о студентахъ и гимназистахъ, которыхъ набилось столько, сколько могло помѣститься. — Вскорѣ получили позволеніе отъ попечителя: устроить театръ для казенныхъ студентовъ „въ награду за ихъ отличное прилежаніе“. Инспектору было однако предписано наблюдать за выборомъ піесъ, а равно и за тѣмъ, чтобы это „благородное удовольствіе не отвлекало отъ занятій учебныхъ“. Мы всѣ были въ восторгѣ. Сцену и кулисы, которыя удобно и скоро снимались, построили на казенный счетъ; но студенты сами писали декораціи и тѣмъ значительно сократили расходы. Сначала театръ хотѣли помѣстить въ одной изъ залъ; но это оказалось неудобнымъ

по ея величинѣ и показалось дорого начальству, и потому для театра выбрали одну классную комнату, которая представляла большое удобство тѣмъ, что раздѣлялась посрединѣ нишью. Прежде это были двѣ комнаты, но за нѣсколько лѣтъ выломали раздѣлявшую ихъ стѣну и для поддержанія потолка оставили нишь, подпертую по бокамъ двумя колоннами; для устройства сцены это было чрезвычайно удобно. Впрочемъ, не дождавшись окончательной постановки театра, мы сыграли въ вышеупомянутой мною залѣ комедію Коцебу: „Ненависть къ людямъ и раскаяніе“. Я отличился въ роли Неизвѣстнаго, и слава моя установилась прочно. По общему согласію, сочинили театральный уставъ, который утвердили подписями всѣхъ участвующихъ въ театральныхъ представленіяхъ, и выбрали меня, несмотря на мою молодость, директоромъ труппы, но, увы, не на долго: едва успѣли мы сыграть комедію того-же Коцебу: „Брюзгливый“ и маленькую піеску: „Новый вѣкъ“, въ которыхъ я также отличился,—какъ стеченіе несчастныхъ обстоятельствъ на цѣлый годъ удалило меня со сцены. Надобно разсказать нѣсколько подробнѣе это героико-комическое происшествіе. Послѣ „Брюзгливаго“, затѣяли мы сыграть драму: „Мейнау или слѣдствіе примиренія“, написанную какимъ-то нѣмцемъ для выраженія своего мнѣнія, что примиреніе Мейнау съ преступной женой, чѣмъ оканчивается комедія Коцебу: „Ненависть къ людямъ и раскаяніе“—не можетъ возстановить ихъ семейнаго счастія. Въ этой піесѣ есть маленькая роль генерала, бывшаго нѣкогда обольстителемъ Эйлаліи; онъ встрѣчается нечаянно съ Мейнау и его женой, Эйлалія падаетъ въ обморокъ, а мужъ вызываетъ генерала на дуэль и убиваетъ его изъ пистолета. Александръ Панаевъ, такъ неудачно сыгравшій молодого Доблестина, мало участвовалъ въ театральныхъ представленіяхъ, оставаясь однако въ числѣ актеровъ; но когда онъ узналъ, что мы намѣрены разыграть „Мейнау“, то упросилъ меня дать ему роль генерала. Онъ сознавался, что у него нѣтъ сценическаго таланта, но желалъ сыграть эту роль по особеннымъ причинамъ. Причина была мнѣ извѣстна: онъ былъ неравнодушенъ къ одной дѣвицѣ, постоянной посѣтительницѣ нашихъ спектаклей, и ему хотѣлось явиться передъ ней на сценѣ въ генеральскомъ мундирѣ съ большими эполетами и пасть въ ея глазахъ отъ роковой пули. Я зналъ, что товарищи будутъ недовольны моимъ ра-

поряженіемъ и что на эту роль мѣтилъ другой актеръ—Петръ Балясниковъ, по своему характеру и дарованіямъ имѣвшій сильное вліяніе на студентовъ, который безъ всякаго сравненія сыгралъ бы эту роль гораздо лучше. Но дружба заставила меня покривить душой, и я отдалъ роль генерала Александру Панаеву, на что, какъ директоръ, я имѣлъ полное право [1]). Товарищи сейчасъ сказали мнѣ, что Панаевъ испортитъ піесу, но я отвѣчалъ, что эта роль маленькая и пустая, что Панаевъ мнѣ ее читалъ очень хорошо, что я беру на себя поставить его, какъ слѣдуетъ, и что его красивая наружность весьма идетъ къ этой роли. Уважая во мнѣ власть директора, всѣ повиновались, разумѣется, весьма неохотно. На первой же репетиціи другъ мой Александръ такъ всѣмъ не понравился, что мнѣ больно было на него смотрѣть. Вновь приступили ко мнѣ товарищи съ просьбою: отдать роль генерала кому-нибудь другому; но я не согласился, извинялъ Панаева незнаніемъ роли, ручался, что я его выучу и что онъ будетъ хорошъ. Я предвидѣлъ бурю и просилъ моего друга наединѣ—отказаться отъ роли, но онъ умолилъ меня со слезами не лишить его возможности произвесть выгодное впечатлѣніе на сердце любимой особы, которую онъ ревновалъ именно къ Балясникову. Онъ такъ разжалобилъ меня, что я далъ ему клятву никому не отдавать роли генерала, кромѣ его. Я обѣщалъ даже, что въ случаѣ сильнаго возстанія, откажусь отъ роли Мейнау. На второй репетиціи, несмотря на знаніе роли, Панаевъ читалъ ее также неудачно. Пользуясь правомъ директора, я не позволилъ никому, кромѣ играющихъ актеровъ, присутствовать на этой репетиціи; но въ самое то время, когда Александръ Панаевъ, въ роли генерала, велъ со мною сцену, я замѣтилъ, что двери отворились, и Балясниковъ, сопровождаемый Кузминскимъ, Кинтеромъ, Зыковымъ и другими, вошелъ съ насмѣшливымъ и наглымъ видомъ и сталъ передъ самою сценою. Едва я успѣлъ застрѣлить Панаева, какъ всѣ мои товарищи-актеры окружили меня и рѣшительно требовали, чтобы я передалъ роль генерала именно Балясникову. Панаевъ поблѣднѣлъ. Движимый горячею дружбою и оскорбленный въ моемъ директорскомъ достоинствѣ, я грозно отвѣчалъ: „что этого

[1]) Въ одномъ изъ параграфовъ устава было сказано: „директоръ назначаетъ роли, и всѣ актеры должны безпрекословно повиноваться его назначенію“.

никогда не будетъ и что они вмѣшиваются не въ свое дѣло, и что если они не хотятъ меня слушаться, то я отказываюсь отъ роли Мейнау и не хочу участвовать въ театрѣ". Я думалъ поразить всѣхъ послѣдними словами. Голова моя была сильно вскружена отъ похвалъ и высокаго о себѣ мнѣнія, и я считалъ, что театръ безъ меня невозможенъ; но противники мои только того и ждали. Балясниковъ выступилъ впередъ и произнесъ дерзкую рѣчь, въ которой между прочимъ сказалъ, что я зазнался, считаю себя великимъ актеромъ, употребляю во зло право директора и изъ дружбы къ Александру Панаеву, который играетъ гадко, жертвую спектаклемъ и всѣми актерами. „Наши похвалы дали тебѣ славу, прибавилъ онъ,—мы же ее у тебя и отнимемъ, и увѣримъ всѣхъ, что ты дрянной актеръ: мы лишаемъ тебя директорства и исключаемъ изъ числа актеровъ". Всѣ единогласно подтвердили его слова. Хотя я ожидалъ возстанія противъ моей власти, но не предвидѣлъ такого удара. Собравъ все присутствіе духа, съ геройскою твердостью я взялъ моего друга Александра за руку и, не сказавъ ни слова, вышелъ изъ комнаты. Воротясь домой, ошеломленный моимъ паденіемъ, чувствуя свою неправость, я утѣшалъ себя мыслью, что пожертвовалъ моимъ самолюбіемъ и страстью къ театру—спокойствію друга. Я думалъ, что піеса безъ меня не можетъ итти и что ненавистный его соперникъ не явится въ блестящихъ эполетахъ и не похититъ сердца красавицы. Но каково было пораженіе для меня и Панаева, когда, пріѣхавъ на другой день въ университетъ, мы узнали, что еще вчера труппа актеровъ выбрала Балясникова своимъ директоромъ, что онъ играетъ роль генерала, а моя роль отдана Дмитріеву. Надобно сказать, что этотъ замѣчательный и даровитый своекоштный студентъ, Дмитріевъ, былъ вездѣ постояннымъ моимъ соперникомъ, надъ которымъ однако до сихъ поръ я почти всегда торжествовалъ. Въ классахъ у Ибрагимова, его сочиненія на заданные предметы иногда не уступали моимъ, и несмотря на нѣкоторое пристрастіе ко мнѣ, два раза Ибрагимовъ публично сказалъ, что на этотъ разъ онъ не знаетъ, чьему сочиненію отдать преимущество: моему или Дмитріева? Онъ славился также искусствомъ декламаціи, и я видѣлъ, что иногда собиралась около него толпа слушателей, когда онъ читалъ какіе-нибудь стихи. Говоря по совѣсти, я долженъ сказать, что у Дмитріева, можетъ быть,

болѣе было таланта къ литературѣ и театру, чѣмъ у меня, но у него не было такой любви ни къ тому, ни къ другому, какою я былъ проникнутъ исключительно, а потому его дарованія оставались неразвитыми, необработанными; даже въ наружности его, нѣсколько грубой и суровой, во всѣхъ движеніяхъ, видна была не только неловкость, но какая-то угловатость и неуклюжесть. Къ нему-то обратились мои товарищи и не безъ труда упросили его взять роль Мейнау. Мнѣ никогда не входило въ голову, чтобъ этотъ дикарь согласился выйти на сцену. Сейчасъ дали ему піесу, заставили читать вслухъ, и всѣ безъ исключенія пришли въ восторгъ отъ его чтенія. Намъ разсказали, что многіе были тронуты до слезъ и что другъ Дмитріева, студентъ Чесновъ (самый добрый хохотунъ и пошлякъ), студентъ Д. Перевощиковъ плакали навзрыдъ [1]). Мы съ Александромъ Панаевымъ были убиты, уничтожены: я—въ моемъ самолюбіи, въ моей любви къ театру, Панаевъ—въ любви къ университетской красавицѣ. Еслибъ я, поступя справедливо, отдалъ роль генерала другому—не играть бы было Балясникову генерала, не являться въ блестящихъ эполетахъ!—Драма: „Мейнау или слѣдствіе примиренія" была наконецъ сыграна, но не такъ удачно, что послужило нѣкоторымъ утѣшеніемъ мнѣ и Панаеву. Впрочемъ, мы оба не были на представленіи, и я говорю о неудачѣ этого спектакля по общему отзыву не студентовъ, а учителей и постороннихъ зрителей; студенты же, напротивъ, особенно актеры, превозносили похвалами Дмитріева. Я самъ убѣжденъ, что если не вездѣ, то во многихъ сильныхъ мѣстахъ роли онъ былъ очень хорошъ, потому что я видѣлъ его на репетиціи.

Оторванный отъ театра стеченіемъ обстоятельствъ, я бросился въ другую сторону—въ литературу, въ натуральную исторію, которую читалъ намъ на французскомъ языкѣ профессоръ Фуксъ, и всего болѣе пристрастился къ собиранію бабочекъ, которымъ увлекался я до чрезвычайности. Александръ Панаевъ былъ вѣрнымъ товарищемъ и сотрудникомъ

---

[1]) Вообще Дмитріевъ былъ существо загадочное; онъ занимался всѣми предметами отлично, но ни съ кѣмъ, кромѣ Чеснова, не говорилъ ни слова и всѣхъ дичился, а потому никто не зналъ его; съ Чесновымъ же онъ былъ неразлученъ, безпрестанно съ нимъ хохоталъ, щипался, щекотался, толкался и дрался, какъ десятилѣтній школьникъ, часто получалъ за это выговоры, и какъ скоро переставалъ играть съ Чесновымъ, дѣлался угрюмъ и мраченъ.

моимъ во всемъ. Все свободное время мы бродили съ рампетками [1]) по садамъ, лугамъ и рощамъ, гоняясь за попадающимися намъ денными и сумеречными бабочками, а ночныхъ отыскивали подъ древесными сучьями и листьями, въ дуплахъ, въ трещинахъ заборовъ и каменныхъ стѣнъ [2]).

Слушаніе нѣкоторыхъ университетскихъ лекцій и продолженіе ученья въ двухъ высшихъ классахъ гимназіи шло довольно удовлетворительно, но не отлично. Я началъ было слушать съ большимъ участіемъ анатомію, и покуда рѣзали живыхъ и мертвыхъ животныхъ, ходилъ на лекціи очень охотно. Я даже считался очень хорошимъ ученикомъ. Но когда дѣло дошло до человѣческихъ труповъ, то я рѣшительно бросилъ анатомію, потому что боялся мертвецовъ; но не такъ думали мои товарищи, горячо хлопотавшіе по всему городу объ отысканіи трупа, и когда онъ нашелся и былъ принесенъ въ анатомическую залу—они встрѣтили его съ радостнымъ торжествомъ; на нѣкоторыхъ изъ нихъ я долго потомъ не могъ смотрѣть безъ отвращенія.

Разсказывая о моемъ театральномъ поприщѣ, я забѣжалъ далеко впередъ, и мнѣ надобно воротиться назадъ, чтобъ разсказать мою домашнюю жизнь у Григорія Иваныча, уже нѣсколько измѣнившуюся. О первомъ денномъ спектаклѣ въ домѣ Панаевыхъ Григорій Иванычъ ничего не зналъ; но когда мы рѣшились затѣять театръ въ университетѣ и я разсказалъ объ этомъ моему воспитателю—онъ согласился на мое участіе въ этихъ спектакляхъ безъ всякаго затрудненія, даже очень охотно. Онъ видѣлъ потомъ комедію: „Такъ и должно“, былъ доволенъ моею игрою и очень смѣялся надъ моимъ костюмомъ. Должно признаться, что театръ слишкомъ привлекалъ все мое вниманіе и участіе, да и Григорій Иванычъ началъ уже не такъ пристально заниматься мной. Я не знаю, какая была тому первоначальная причина, и самъ очень бы желалъ уяснить себѣ эту перемѣну; правда, нѣсколько ничего незначущихъ неудовольствій поселяли на время нѣкоторую холодность между нами, но безъ посторонняго участія, безъ какихъ-нибудь постороннихъ вліяній, они никакъ не могли бы произвести такихъ важныхъ послѣдствій, какихъ никто не могъ ожидать. Первое неудовольствіе произошло между нами

---

[1]) Рампетка—сачекъ изъ флера или дымки для ловли бабочекъ.
[2]) О собираніи бабочекъ см. особую статью ниже. *П. А.*

отъ того, что Григорій Иванычъ нашелъ у меня запрещенные имъ романы: „Мальчикъ у ручья“ Коцебу и „Природа и любовь“ Августа Ляфонтена. Я читалъ ихъ по ночамъ или въ пустыхъ антресоляхъ —читалъ съ увлеченіемъ, съ самозабвеніемъ!... Смѣшно сказать, но и теперь слова: „люби меня, я добръ, Фанни!“ или: „мѣсяцы, блаженные мѣсяцы пролетали надъ этими счастливыми смертными“ [1]), слова, сами по себѣ ничтожныя и пошлыя, заставляютъ сердце мое биться скорѣе, по одному воспоминанію того восторга, того упоенія, въ которое приводили они пятнадцатилѣтняго юношу! Да, слова ничего не значать; все зависитъ отъ чувства, которое мы придаемъ имъ.—Безъ сомнѣнія, я былъ виноватъ, но наставникъ мой слишкомъ строго порицалъ мою вину, и еслибъ я повѣрилъ ему, то пришелъ бы въ отчаяніе; но я не могъ признать себя такимъ преступникомъ и получилъ право и возможность обвинять моего воспитателя въ несправедливости и оскорбленіи меня. Впрочемъ на этотъ разъ все уладилось между нами довольно скоро. Второе неудовольствіе состояло въ слѣдующемъ: наканунѣ Троицы Григорій Иванычъ вздумалъ уѣхать со мной въ Кощаково и прожить тамъ дня три. На этотъ разъ мнѣ не хотѣлось уѣзжать, потому что у насъ съ Панаевымъ былъ устроенъ механическій театръ съ чудесными декораціями, машинами, превращеніями, съ грозою, съ громомъ и молніей. Александръ Панаевъ былъ великій мастеръ на всѣ такія штуки. Именно въ Духовъ день назначено было представленіе и приглашены зрители; больно мнѣ было уѣзжать, но я покорился безъ ропота. Въ назначенный день для нашего отъѣзда въ деревню я выпросился у моего воспитателя на нѣсколько часовъ къ Панаеву. Григорій Иванычъ согласился, но сказалъ, что если я не ворочусь къ семи часамъ, то онъ уѣдетъ одинъ. Я обѣщалъ непремѣнно воротиться. Мы съ Панаевымъ занялись *генеральною пробою* нашего механическаго спектакля, а какъ нѣкоторыя явленія не удавались, то есть молнія не попадала въ то дерево, которое должна была разбить и зажечь, мѣсяцъ не вылѣзалъ изъ облаковъ и паденіе водопада иногда внезапно прекращалось—то я такъ завлекся устройствомъ явленій природы, что пропустилъ назначенный срокъ, и хотя, вспомнивши его, бѣжалъ бѣгомъ до самаго дома, но

[1]) Это слова изъ романа „Природа и любовь“, Августа Ляфонтена.

опоздалъ четверть часа. Григорій Иванычъ уѣхалъ ровно въ семь часовъ одинъ, въ большомъ гнѣвѣ, но не отдалъ никакихъ приказаній на мой счетъ. Здѣсь начинается моя уже настоящая вина. Ефремъ Евсеичъ предлагалъ нанять лошадей и отправиться вмѣстѣ со мной въ Кощаково, но я, ссылаясь на то, что Григорій Иванычъ могъ бы подождать меня, или приказать, чтобъ я вслѣдъ за нимъ пріѣхалъ одинъ—рѣшительно отказался ѣхать и сейчасъ отправился къ Александру Панаеву. Мы провозились съ театромъ всю ночь. Евсеичъ, встревоженный моимъ долгимъ отсутствіемъ, самъ пришелъ за мной. Мы показали ему театръ, и онъ не мало дивился нашей хитрости. На солнечномъ всходѣ воротились мы домой. Дядька вновь уговаривалъ меня ѣхать къ Григорію Иванычу, но я рѣшительно отказался. Въ Троицынъ день Панаевъ обѣдалъ у меня, а послѣ обѣда мы отправились гулять на Арское поле, возлѣ котораго я жилъ и на которомъ обыкновенно происходило, на Троицкой недѣлѣ, самое многолюдное народное гулянье. Въ Духовъ день былъ у Панаевыхъ спектакль, сошедшій великолѣпно: дубъ былъ раздробленъ и сожженъ молніей, мѣсяцъ безпрепятственно выходилъ изъ облаковъ, водопадъ шумѣлъ и пѣнился, не останавливаясь. Зрители и хозяева были въ восхищеніи; но у меня на сердцѣ скребли кошки, какъ говорится. На третій день рано поутру воротился Григорій Иванычъ. Я еще спалъ, когда онъ имѣлъ грозное объясненіе съ Евсеичемъ, который разсказалъ ему все, что происходило, и не скрылъ даже того, что два раза предлагалъ мнѣ ѣхать въ Кощаково. Григорій Иванычъ не велѣлъ мнѣ показываться ему на глаза и двое сутокъ не видалъ меня и даже не обѣдалъ со мною. Я огорчился глубоко и въ то же время оскорбился; мнѣ уже былъ шестнадцатый годъ и я рѣшилъ, что такъ можно поступать только съ мальчикомъ. Наконецъ послѣдовало объясненіе; хотя я приготовился встрѣтить его съ твердостію и хладнокровіемъ, и точно, всѣ жестокіе упреки сначала переносилъ и отражалъ съ наружнымъ спокойствіемъ, но когда Григорій Иванычъ сказалъ: „а что будетъ съ вашей матерью, когда я опишу ей вашъ поступокъ и откажусь жить вмѣстѣ съ вами?“... тогда растаяла какъ воскъ моя твердость, слезы хлынули изъ глазъ, и я призналъ себя безусловно виноватымъ и чистосердечно просилъ простить мою вину. Григорій Иванычъ сдѣлалъ большую ошибку: онъ

не воспользовался моимъ искреннимъ раскаяніемъ, встрѣтилъ его холодно и не примирился со мною вполнѣ. Можетъ быть онъ не совсѣмъ мнѣ вѣрилъ, но всего вѣроятнѣе, что онъ поступилъ такъ по разсчету; онъ зналъ, что я, слишкомъ живо принимая впечатлѣнія, слишкомъ скоро и забывалъ ихъ, а потому и хотѣлъ, перемѣною своего обращенія, заставить меня глубже почувствовать мою вину. Слѣдствія вышли совсѣмъ не тѣ, какихъ онъ ожидалъ: самъ онъ перемѣнился ко мнѣ, а отъ меня требовалъ, чтобъ я былъ такимъ же, какимъ былъ прежде; а какъ, по свойству моей натуры, такія холодныя отношенія были для меня невыносимы, то я скоро сталъ во всемъ оправдывать себя и во всемъ обвинять его, и моя привязанность къ нему поколебалась. Наконецъ одинъ случай, совершенно ничтожный, окончательно измѣнилъ наши прежнія отношенія. Университетскій экономъ, Маркевичъ, умеръ. Я уже говорилъ, что онъ всегда ласкалъ меня и что я его очень любилъ; но какъ я сыздѣтства боялся покойниковъ, то, несмотря на убѣжденія и приказанія Григорія Иваныча, ни за что не согласился быть на похоронахъ Маркевича. Григорій Иванычъ воротился съ печальной церемоніи вмѣстѣ съ рисовальнымъ учителемъ Чекіевымъ. Надобно предварительно сказать, что я очень не любилъ этого господина, большого франта, надоѣдавшаго мнѣ самыми пошлыми шутками. Я всегда удивлялся, какъ могъ Григорій Иванычъ быть короткимъ пріятелемъ съ такимъ пустымъ человѣкомъ, хотя эта связь легко объяснялась тѣмъ, что они были товарищами въ Московской университетской гимназіи. Чекіевъ въ этотъ день особенно приставалъ ко мнѣ: зачѣмъ я не былъ на похоронахъ, зачѣмъ не отдалъ послѣдняго долга человѣку, который меня такъ любилъ? утверждалъ, что мой поступокъ показываетъ жестокое сердце и проч. и проч. Однимъ словомъ, онъ раздразнилъ меня и когда спросилъ съ насмѣшкой: „признайтесь, пожалуйста, что вы совсѣмъ не боитесь покойниковъ и что вы взвели на себя этотъ страхъ изъ одного эгоизма?“... я разсердился и рѣзко, съ грубостью ему отвѣчалъ: „вы совершенно правы. Я покойниковъ не боюсь и притворяюсь“... Обсуживая эти слова хладнокровно, я и теперь не вижу въ нихъ той важности, какую придалъ имъ Григорій Иванычъ. Гнѣвъ измѣнилъ его лицо и онъ сказалъ мнѣ тихимъ, но выразительнымъ голосомъ: „послѣ словъ, кото-

рыя вы осмѣлились сказать въ моемъ присутствіи моему товарищу и гостю—вы можете сами судить, можемъ ли мы быть пріятны одинъ другому. Извольте итти въ вашу комнату." Не чувствуя никакой своей вины, я, разумѣется, разсердился еще болѣе, но ушелъ, не сказавъ ни слова. Сцена происходила передъ самымъ обѣдомъ и кушанье уже стояло на столѣ. Вслѣдъ за мной Евсеичъ принесъ и мой приборъ и объявилъ, что Григорій Иванычъ приказалъ мнѣ обѣдать въ своей комнатѣ. Бѣшенство мое удвоилось, и только мысль о матери удержала меня отъ намѣренія итти къ моему воспитателю и наговорить ему грубостей. Я долженъ отдать справедливость Чекіеву: онъ, какъ Евсеичъ разсказалъ мнѣ, очень долго просилъ Григорія Иваныча простить меня, но напрасно. Послѣ обѣда Чекіевъ приходилъ ко мнѣ, но я заперся на крючекъ и не пустилъ его въ мою комнату. На другой день Григорій Иванычъ призвалъ меня къ себѣ и сказалъ холодно и рѣшительно: „что намъ уже не слѣдуетъ жить вмѣстѣ, что онъ слагаетъ съ себя званіе моего наставника и что мы оба должны теперь стараться о томъ, чтобы моя мать какъ можно легче перенесла нашъ разрывъ; что мы должны это сдѣлать, не оскорбляя другъ друга". — Я отвѣчалъ, что онъ предупредилъ мое желаніе, и что я точно то же хотѣлъ ему предложить. — „Такъ и прекрасно", сказалъ съ усмѣшкою Григорій Иванычъ и кивнулъ мнѣ головой. Я ушелъ въ свою комнату и на свободѣ предался волненію и гнѣву. Я считалъ себя кругомъ правымъ, а воспитателя моего—кругомъ виноватымъ. Здѣсь долженъ я признаться въ поступкѣ, который трудно извинить раздраженіемъ и вспыльчивостью. Слѣдующій день, по несчастію, былъ почтовый, и я написалъ къ отцу и къ матери большое письмо, въ которомъ не пощадилъ моего наставника и позволилъ себѣ такія оскорбительныя выраженія, отъ которыхъ краснѣю теперь. Конечно, если бы я отложилъ письмо до слѣдующей почты, я непремѣнно бы обдумался, но горячность увлекла меня... увлекала и всю жизнь.... На другой день послѣ отправки письма, совѣсть начала меня упрекать и я безпрестанно вспоминалъ слова Григорія Иваныча: „мы не должны оскорблять другъ друга". Что же я долженъ былъ почувствовать, когда чрезъ нѣсколько дней, въ продолженіе которыхъ мы видались только за обѣдомъ и почти не говорили, Григорій Иванычъ позвалъ меня къ себѣ и прочелъ мнѣ огром-

ное письмо, заготовленное имъ для отсылки къ моей матери. Въ этомъ письмѣ, исполненномъ ума и чувства дружбы, онъ признавалъ себя совершенно неспособнымъ оставаться долѣе наставникомъ и руководителемъ молодого человѣка, съ которымъ надобно поступать уже не такъ, какъ съ мальчикомъ, не такъ, какъ поступалъ онъ со мною до тѣхъ поръ; онъ увѣрялъ, что не знаетъ, не умѣетъ, какъ взяться за это трудное дѣло, и чувствуетъ, что онъ дѣйствуетъ не такъ, какъ должно; слѣдовательно можетъ мнѣ повредить. Онъ съ подробностью описалъ мой умъ, нравъ, наклонности и предсказалъ будущее ихъ развитіе; описалъ также мои недостатки: хорошая сторона изображена была ярко, предвѣщала много добра, а дурная—очень снисходительно и съ увѣренностью, что время и опытность не дадутъ ей укорениться. Онъ ручался за чистоту моихъ нравственныхъ стремленій и увѣрялъ, что я могу безопасно жить одинъ или съ хорошимъ пріятелемъ, какъ напримѣръ Александръ Панаевъ, или съ кѣмъ-нибудь изъ профессоровъ, безъ всякой подчиненности, какъ младшій товарищъ; онъ увѣрялъ, что мнѣ даже нужно пожить года полтора на полной свободѣ, передъ вступленіемъ въ службу, для того, чтобъ не прямо попасть изъ-подъ ферулы строгаго воспитателя въ самобытную жизнь, на поприще свѣта и служебной дѣятельности. Къ этому онъ прибавлялъ, что не останется долго въ университетѣ и что скоро поѣдетъ въ Петербургъ, для предварительнаго пріисканія себѣ мѣста по ученой, а можетъ быть и по гражданской части.— Григорій Иванычъ былъ испуганъ дѣйствіемъ этого письма надо мною. Терзаемый совѣстью и раскаяніемъ, я пришелъ въ такое волненіе, что долго не могъ ничего говорить; наконецъ, слезы облегчили мою грудь. Я чистосердечно признался во всемъ, что писалъ къ моимъ родителямъ, высказалъ всѣ мои прежнія къ нему чувства, плакалъ, просилъ, молилъ Григорія Иваныча позабыть мой поступокъ и не разлучаться со мною до своего отъѣзда въ Петербургъ. Я обѣщалъ ему, и, конечно, сдержалъ бы обѣщаніе, что какъ бы онъ ни поступалъ со мною строго, я не только не покажу неудовольствія, но даже не почувствую его. Искренность раскаянія и душевнаго страданія, казалось, поколебали моего воспитателя. Онъ долго и пристально смотрѣлъ на меня, потомъ началъ ходить по комнатѣ и наконецъ, сказавъ: „дайте мнѣ подумать“, отпустилъ меня. Оставалось два дня до слѣдую-

щей почты. Я написалъ другое письмо къ моимъ родителямъ, въ которомъ признавалъ себя непростительно и совершенно виноватымъ, восторженно хвалилъ моего наставника, описалъ подробно все происшествіе и сказалъ между прочимъ: „какъ бы Григорій Иванычъ ни поступилъ со мной, оставитъ у себя или прогонитъ — я стану любить его, какъ второго отца“. Передъ отправленіемъ письма на почту, я принесъ мое письмо къ Григорію Иванычу и спросилъ: не угодно ли ему прочесть, что я пишу?“ Онъ отвѣчалъ, что не нужно, что онъ уже отправилъ свое, то самое, которое я слышалъ, и что это дѣло окончательно рѣшено. Это былъ для меня ударъ, нельзя сказать, вовсе неожиданный, но тѣмъ не менѣе тяжкій: я зналъ, что никакія баттареи не заставятъ теперь моего наставника отступить, да и всякое отступленіе оказалось бы безполезнымъ, потому что письмо уже было послано. Дѣлать было нечего: я поспѣшилъ отправить мое письмо. Мое живое воображеніе рисовало мнѣ такую картину отчаянія моей бѣдной матери, что эта картина преслѣдовала меня день и ночь и я даже захворалъ съ горя. Григорій Иванычъ хмурился и, не одобряя никакихъ страстныхъ моихъ порывовъ, доказывалъ мнѣ очевидный вредъ излишества всякихъ ощущеній; въ то же время онъ сожалѣлъ обо мнѣ и успокоивалъ меня, говоря, что моя мать гораздо легче приметъ это происшествіе, нежели я думаю; что наша разлука и безъ того была неизбѣжна и что мое второе письмо, содержаніе котораго я ему разсказалъ, изгладитъ непріятное впечатлѣніе перваго. Такія слова меня нѣсколько успокоили. Я скоро выздоровѣлъ, и наконецъ мы получили письма изъ Аксакова. Григорій Иванычъ оказался совершенно правъ. Отецъ и мать оцѣнили мое раскаяніе и простили мнѣ *первое* письмо, написанное въ припадкѣ горячности. Мать вполнѣ вѣрила отзыву обо мнѣ моего наставника и ея материнское любящее сердце исполнилось отрадныхъ и лестныхъ упованій. Она вѣрила также скорому отъѣзду и необходимости этого отъѣзда, по собственнымъ обстоятельствамъ Григорія Иваныча. Она была убѣждена, что онъ останется навсегда нашимъ истиннымъ другомъ и что, переставъ быть моимъ воспитателемъ, гораздо ближе сойдется со мною и больше меня полюбитъ; что совѣты его, не отзываясь никакою властью, будутъ принимаемы мною съ большею готовностью, съ большимъ чувствомъ... Она не ошиблась. Будущее оправдало проницательность ея рѣдкаго ума.

Я долженъ былъ скоро отправиться на вакацію, а Григорій Иванычъ черезъ мѣсяцъ собирался ѣхать въ Петербургъ. Мать моя поручила ему устроить мое будущее пребываніе въ Казани, и я, съ согласія Григорія Иваныча (удивляюсь, какъ могъ онъ согласиться), условился съ адъюнктъ-профессоромъ философіи и логики, Львомъ Семенычемъ Левицкимъ, въ томъ, что я буду жить у него, платя за столъ и квартиру небольшую сумму, и въ то же время присматривая за его тремя воспитанниками, своекоштными гимназистами. Всѣ три мальчика были мнѣ ровня и страшные шалуны, о чемъ я не имѣлъ понятія. Я простился съ Григоріемъ Иванычемъ съ большимъ чувствомъ, даже со слезами, и онъ самъ былъ очень растроганъ, но по своему обыкновенію старался прикрыть свое волненіе шутками и даже насмѣшками надъ моею чувствительностью.

Несмотря на смутныя и тревожныя обстоятельства моей домашней внутренней жизни, мы съ Александромъ Панаевымъ продолжали заниматься литературой и собираніемъ бабочекъ, которыхъ умѣлъ мастерски раскладывать мой товарищъ, искусный и ловкій на всякія механическія занятія. Я написалъ нѣсколько стихотвореній и статью въ прозѣ, подъ названіемъ: „Дружба", и показалъ моему другу Александру, который ихъ одобрилъ, но сдѣлалъ нѣсколько критическихъ замѣчаній, показавшихся мнѣ однако неосновательными. Помѣщаю здѣсь мои первые ребячьи стихи, которыхъ впрочемъ не помню и половины, и празднуя тѣмъ мой пятидесятилѣтній юбилей на поприщѣ бумагомаранья; считаю нужнымъ прибавить, что у меня не было никакой жестокой красавицы, даже ни одной знакомой дѣвушки.

Къ соловью.

Другъ весны, пѣвецъ любезнѣйшій,
Будь единый мнѣ отрадою,
Уменьши тоску жестокую,
Что снѣдаетъ сердце страстное.

* * *

Пой красы моей возлюбленной,
Пой любовь мою къ ней пламенну,
Исчисляй мои страданья всѣ,
Исчисляй моей дни горести.

*
* *

Пусть услышитъ она голосъ твой,
Пусть узнаетъ, кто училъ тебя,
Можетъ быть тогда, жестокая,
Хоть изъ жалости вздохнетъ по мнѣ.

*
* *

Можетъ быть она узнаетъ тутъ,
Что любовь для насъ есть счастіе;
Можетъ быть она почувствуетъ,
Что нельзя вѣкъ не любя прожить.

(Здѣсь недостаетъ нѣсколькихъ куплетовъ).

Истощи свое умѣнье все,
Возбуди ея чувствительность;
Благодаренъ буду вѣкъ тебѣ
За твое искусство дивное....

Вотъ какими виршами безъ риѳмъ дебютировалъ я на литературной аренѣ нашей гимназіи въ 1805 году! Впрочемъ, я скоро призналъ эти стихи *недостойными моего пера* и не помѣстилъ ихъ въ нашемъ журналѣ 1806 года. Всѣ послѣдующіе стихи писалъ я уже съ риѳмами; всѣ они не имѣютъ никакого, даже относительнаго достоинства и не показываютъ ни малѣйшаго признака стихотворнаго дарованія.

Вакацію 1805 года, проведенную въ Оренбургскомъ Аксаковѣ, я какъ-то мало помню. Знаю только, что ружье и бабочки такъ сильно меня занимали, что я рѣдко удилъ рыбу, вѣроятно потому, что въ это время года клевъ всегда бываетъ незначительный: я разумѣю клевъ крупной рыбы.

Я нашелъ здоровье моей матери очень разстроеннымъ и узналъ, что это была единственная причина, по которой она не пріѣхала ко мнѣ, получивъ извѣстіе о моемъ разрывѣ съ Григоріемъ Иванычемъ.—Продолжая владѣть моей безпредѣльной довѣренностью и узнавъ всѣ малѣйшія подробности моей жизни, даже всѣ мои помышленія, она успокоилась на мой счетъ и, несмотря на молодость, отпустила меня въ университетъ на житье у неизвѣстнаго ей профессора, съ полною надеждою на чистоту моихъ стремленій и безукоризненность поведенія.

Я пріѣхалъ въ Казань прямо къ Левицкому. Не задолго до моего возвращенія Григорій Иванычъ уѣхалъ въ Петер-

бургъ, и меня очень удивило, что онъ цѣлый мѣсяцъ вакаціи прожилъ въ Казани безъ всякаго дѣла. Послѣ отъѣзда Григорія Иваныча классъ высшей математики, впредь до поступленія новаго профессора, былъ порученъ студенту А. Княжевичу, котораго отличныя способности обѣщали славнаго ученаго по этой части. Я не могъ долго оставаться у Левицкаго: пагубная страсть къ вину совершенно имъ овладѣла, и онъ уже предавался ей каждый вечеръ въ одиночку; воспитанники его избаловались до послѣдней крайности и ничему не учились. Мнѣ скоро надоѣло возиться съ этими шалунами, и я чрезъ два мѣсяца, съ разрѣшенія моего отца и матери, разставшись съ Левицкимъ, нанялъ себѣ квартиру: особый флигелекъ, близехонько отъ театра, у какого-то нѣмца Германа, поселился въ немъ, и въ первый разъ началъ вести жизнь независимую и самобытную. Мы были почти неразлучны съ Александромъ Панаевымъ и приняли въ свое литературное товарищество студента Д. Перевощикова. Переводили повѣсти Мармонтеля, не переведенныя Карамзинымъ, сочиняли стихами и прозою, и втроемъ читали другъ другу свои переводы и сочиненія. Намѣреніе переводить повѣсти Мармонтеля было еще у меня тогда, когда я жилъ у Левицкаго. Одинъ разъ я сказалъ ему объ этомъ, разумѣется, до обѣда, покуда онъ былъ съ похмѣлья, и очень помню, какъ оскорбилъ меня его отвѣтъ: „ну какъ вамъ переводить Мармонтеля послѣ Карамзина? Куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней!“ Но эти слова насъ не остановили.—Наконецъ мы съ Александромъ Панаевымъ рѣшились издавать письменный журналъ въ наступающемъ 1806 году подъ названіемъ: „Журналъ нашихъ занятій“, но безъ имени издателя. Это было предпріятіе уже болѣе серьезное, чѣмъ „Аркадскіе Пастушки“, и я изгонялъ изъ этого журнала, сколько могъ, идиллическое направленіе моего друга и слѣпое подражаніе Карамзину. Я въ то время боролся изъ всѣхъ силъ противу этого подражанія, подкрѣпляемый книгою Шишкова: „Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ“, которая увлекла меня въ противуположную крайность. Я скажу объ этомъ подробнѣе въ другомъ мѣстѣ. Изъ сохранившихся у меня трехъ книжекъ „Журнала нашихъ занятій“ я вижу, что онъ начался не съ января, а съ апрѣля, и продолжался до декабря включительно. Къ сожалѣнію, въ этихъ трехъ книжкахъ нѣтъ ни одной моей статьи, ни переводной, ни ориги-

нальной, но я помню, что ихъ находилось довольно. Теперь мнѣ было бы очень любопытно узнать, какъ выражалось мое тогдашнее направленіе. Я помѣщаю въ особомъ приложеніи оглавленіе статей и выписки изъ нѣкоторыхъ піесъ.

Между тѣмъ, въ концѣ 1805 года и въ январѣ 1806-го, составились два спектакля въ университетѣ безъ моего участія. Тяжело, горько было мнѣ это лишеніе; страдала моя любовь къ театру, страдало мое самолюбіе отъ успѣховъ моего соперника, Дмитріева; но дѣлать было нечего. Актеры предлагали мнѣ опять вступить въ ихъ труппу, но я не забылъ еще сдѣланнаго мнѣ оскорбленія и отвѣчалъ: „Я вамъ не нуженъ, у васъ есть Дмитріевъ, который прекрасно играетъ мои роли".—„Ну какъ хочешь, дуйся пожалуй, обойдемся и безъ тебя", отвѣчалъ мнѣ директоръ Балясниковъ: тѣмъ дѣло и кончилось. Впрочемъ, все шло дружелюбно; я ходилъ на репетиціи и давалъ совѣты тѣмъ, кто у меня ихъ спрашивалъ. Въ первомъ спектаклѣ, въ комедіи Коцебу: „Ненависть къ людямъ и раскаяніе", Дмитріевъ игралъ Неизвѣстнаго съ большимъ успѣхомъ. Несмотря на совершенное неумѣнье держать себя, на смѣшныя позы и еще болѣе смѣшные жесты одной правой рукой, тогда какъ лѣвая точно была привязана у него за спиной, не смотря на положительно-дурное исполненіе обыкновенныхъ разговоровъ съ своимъ слугою и бѣднымъ старикомъ,—Дмитріевъ въ сценѣ съ другомъ, которому разсказываетъ свои несчастія, и въ примиреніи съ женой выражалъ столько силы внутренняго чувства, что всѣ зрители, въ томъ числѣ и я, были совершенно увлечены, и общее восхищеніе выражалось неистовыми рукоплесканіями. Сначала я только восхищался и никакое чувство зависти не вкрадывалось въ мое сердце, но потомъ слова нѣкоторыхъ студентовъ, особенно актеровъ, глубоко меня уязвили и проклятая зависть поселилась въ моей душѣ. Мнѣ безъ церемоніи говорили: „ну что, обошлись мы и безъ тебя! Да гдѣ тебѣ сыграть такъ Неизвѣстнаго, какъ играетъ Дмитріевъ. Тебя хвалили только потому, что его не видали". Въ самомъ дѣлѣ успѣхъ Дмитріева въ этой роли былъ гораздо блистательнѣе моего, хотя существовала небольшая партія, которая утверждала, что я игралъ „Неизвѣстнаго" лучше, что Дмитріевъ каррикатуренъ и что только нѣкоторыя, сильныя мѣста были выражены имъ хорошо; что я настоящій актеръ, что я хорошъ на сценѣ во всемъ отъ начала до конца, отъ

перваго до послѣдняго слова. Тутъ была часть правды, и у меня родилось непреодолимое желаніе обработать роль „Неизвѣстнаго“ и такъ сыграть, чтобы совершенно затмить моего противника. Въ началѣ 1806 года студенты дали другой спектакль и разыграли піесу того же Коцебу: „Бѣдность и благородство души“, въ которой Дмитріевъ игралъ роль Генриха Блума, также съ большимъ успѣхомъ, уступавшимъ однако успѣху въ роли „Неизвѣстнаго“. Защитники мои утверждали, что въ Генрихѣ Блумѣ я былъ бы несравненно лучше Дмитріева. Подстрекаемый завистью и самолюбіемъ, я старательно обработалъ обѣ эти роли, и при многихъ слушателяхъ, даже не весьма ко мнѣ расположенныхъ, прочелъ, или лучше сказать разыгралъ сильныя мѣста обѣихъ піесъ. Всѣ почувствали разницу моей, конечно болѣе искусной и естественной игры, отъ дикаго, хотя одушевленнаго силою чувства, исполненія этихъ ролей моимъ соперникомъ. Между студентами возникли двѣ равносильныя партіи: за меня и противъ меня; это уже былъ первый шагъ къ торжеству. Шумные споры доходили до ссоръ и чуть не до драки; самолюбіе мое нѣсколько утѣшилось. Потомъ судьба захотѣла побаловать меня. Дмитріеву, которому было уже слишкомъ за двадцать лѣтъ, наскучило студентское ученье, правду сказать, весьма неудовлетворительное; можетъ быть были и другія причины,—не знаю,—только онъ рѣшился вступить въ военную службу; онъ внезапно оставилъ университетъ и, какъ хорошій математикъ, опредѣлился въ артиллерію. Труппа осиротѣла и поневолѣ обратилась ко мнѣ. Я, пользуясь обстоятельствами, долго не соглашался, несмотря на предлагаемое мнѣ вновь директорство. Наконецъ, довольно поломавшись, я согласился на слѣдующихъ условіяхъ: 1) званіе и должность директора уничтожить, а для управленія труппой выбрать трехъ старшинъ; 2) спектакли начать повтореніемъ: „Ненависти къ людямъ и раскаянія“ и „Бѣдности и благородства души“.—Разумѣется всѣ согласились. „Ненависть къ людямъ и раскаяніе“ шла на Святой недѣлѣ. Не знаю, по какому случаю былъ приглашенъ на генеральную репетицію актеръ Грузиновъ [1]), котораго мы всѣ очень любили и уважали. Піеса давалась у насъ уже въ третій разъ, и

[1]) Грузиновъ былъ наемный актеръ на театрѣ г-на Есипова; онъ съ большимъ успѣхомъ занималъ амплуа благородныхъ отцовъ.

общимъ стараніемъ, особенно моимъ, была довольна хорошо слажена. Грузиновъ удивился, не вѣрилъ своимъ глазамъ и ушамъ. Онъ нахвалилъ насъ содержателю Казанскаго театра, П. П. Есипову, который поспѣшилъ получить дозволеніе директора Яковкина пріѣхать въ театръ на настоящее представленіе, и не только пріѣхалъ самъ, но даже привезъ съ собою, кромѣ Грузинова, еще троихъ актеровъ.—Наконецъ сошелъ давно желанный, давно ожидаемый мною спектакль! Удовлетворилось мое молодое самолюбіе. Весь университетъ говорилъ, что я *превзошелъ самъ себя* и далеко оставилъ за собою Дмитріева. Чего же мнѣ было больше желать? О, непостоянство мірской славы! Черезъ два, три мѣсяца послѣ торжества Дмитріева, осталось только два, три человѣка, которые не громко говорили, что Дмитріевъ игралъ не хуже, а мѣстами и лучше Аксакова. Это была совершенная правда.—Въ театрѣ было довольно постороннихъ зрителей, они превозносили меня до небесъ; но самый сильный блескъ и прочность моей славѣ придавали похвалы П. П. Есипова и актеровъ, которыхъ мнѣніе, по справедливости, считалось сильнымъ авторитетомъ. Я ожидалъ еще большаго торжества въ другой піесѣ: „Бѣдность и благородство души“, которая была уже сыграна въ концѣ 1806 года. Читатели увидятъ, что я не ошибся.

Теперь надобно обратиться назадъ. Григорій Иванычъ просрочилъ свой отпускъ (потому что промѣшкалъ долго въ Казани) и опоздалъ слишкомъ мѣсяцъ. Онъ воротился безъ всякаго свидѣтельства о болѣзни и не представилъ никакихъ уважительныхъ причинъ, если не къ оправданію, то по крайней мѣрѣ къ извиненію своей просрочки. Университетское начальство встрѣтило его непріязненно: Григорію Иванычу былъ сдѣланъ въ совѣтѣ выговоръ. Его подвергли какому-то денежному штрафу и записали просрочку въ формуляръ. Григорій Иванычъ обидѣлся и подалъ въ отставку. Отставку ему дали, хотя не скоро; но въ аттестатѣ хотѣли прописать его просрочку, денежный штрафъ и выговоръ. Григорій Иванычъ не захотѣлъ получить такого аттестата, уѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ на службу въ Коммиссію Составленія Законовъ безъ аттестата. Уже по прошествіи долгаго времени выхлопоталъ онъ приказаніе у министра просвѣщенія выдать ему аттестатъ изъ университета безъ

упоминанія о просрочкѣ и прочемъ [1]). Я видался часто съ моимъ бывшимъ наставникомъ до его отъѣзда и потомъ простился съ нимъ, какъ съ добрымъ старшимъ другомъ, которому я былъ обязанъ чистотою моихъ нравственыхъ убѣжденій и стремленій; предсказаніе матери моей начинало сбываться.

Въ 1806 году совершилось другое событіе, важность послѣдствій котораго, измѣнившихъ все положеніе моего семейства, долго оставалась мнѣ неизвѣстною: Надежда Ивановна Куроѣдова, которая уже около года была больна водяною болѣзнью, скончалась. Все это время мои родители, съ остальнымъ своимъ семействомъ, жили въ Симбирскомъ Аксаковѣ: то-есть дѣти жили въ Аксаковѣ, покуда больная находилась въ Чуфаровѣ, откуда отецъ и мать не отлучались; когда же ее перевезли въ Симбирскъ, то и отецъ мой съ семействомъ переѣхалъ туда же. Надежда Ивановна, эта замѣчательная женщина, переносила тяжкую свою болѣзнь съ удивительнымъ терпѣніемъ, спокойствіемъ и даже веселостью, а смерть встрѣтила съ такою твердостью духа, къ какой немногіе бываютъ способны. Когда послѣ двукратнаго выпуска воды изъ ногъ, совершили третій разъ ту же операцію, и когда ея докторъ, Шиць, осматривая раны, говорилъ: „очень, очень хорошо“, она сказала ему: „полно врать, жидъ. Я вижу, что теперь начинается послѣдняя исторія. Это совсѣмъ не то, что прежде; это антоновъ огонь. Я не боюсь смерти, я давно къ ней приготовилась. Говори, жидовское отродье, сколько мнѣ осталось жить?“ Шицъ, привыкшій къ такимъ эпитетамъ, но всегда за нихъ злившійся, неумолимымъ голосомъ ей отвѣчалъ: „дня четыре проживете“.—„Вотъ спасибо. Иванъ Карпычъ, отвѣчала больная, что сказалъ правду. Теперь прощай: благодарю за хлопоты; больше ко мнѣ прошу не ходить. Я сейчасъ прикажу съ тобой расплатиться.“ Потомъ она собрала всѣхъ, объявила, что она умираетъ, что больше лѣчиться не хочетъ и требуетъ, чтобы ее оставили въ покоѣ, чтобъ въ ея комнатѣ не было ни одного человѣка, кромѣ того, который будетъ читать ей Евангеліе. „Все ли я исполнила, что должно? спросила она, обратясь къ моему отцу: не нужно ли еще чего?“—„Ничего, тетушка, отвѣчалъ мой отецъ, вы давно все сдѣлали.“—„Такъ и

[1]) См. примѣч. въ концѣ статьи. *И. А.*

прекрасно, заключила больная; прошу же обо мнѣ не безпокоиться. Извольте выйти." Надежда Ивановна прожила пять дней. Во все время она или читала молитвы, или слушала Евангеліе, или пѣла священныя славословія. Ни съ кѣмъ ни сказала она ни одного слова о дѣлахъ міра сего. По ея приказанію всѣ простились съ нею молча, и она всякому говорила, даже своему дворнику, только три слова: „Прости меня грѣшную". Обо всемъ этомъ увѣдомляли меня чрезъ письма, но ничего другого не сообщали.—Вскорѣ я получилъ извѣстіе, что у меня родилась третья сестра, что мать была отчаянно больна, но что, слава Богу, теперь все идетъ благополучно. Я сначала испугался, потомъ обрадовался, и наконецъ дальнѣйшія письма совершенно успокоили меня на счетъ здоровья матери.

Мы съ Александромъ Панаевымъ продолжали усердно заниматься своими литературными упражненіями и посѣщеніями театра, а какъ наступила весна—собираніемъ бабочекъ. Къ стыду моему долженъ я признаться, что, кромѣ любимыхъ предметовъ, мое ученье шло довольно слабо, и что я сильно и много развлекался.

Къ числу такихъ развлеченій я причисляю и то, что мы составили маленькое литературное общество, подъ предсѣдательствомъ Н. М. Ибрагимова. Основателями и первыми членами его были: Ибрагимовъ, студенты: В. Перевощиковъ. Д. Перевощиковъ, П. Кондыревъ (онъ же секретарь). И. Панаевъ, А. Панаевъ, я и гимназическій учитель Богдановъ. Мы собирались каждую недѣлю по субботамъ и читали свои сочиненія и переводы въ стихахъ и прозѣ. Всякій имѣлъ право дѣлать замѣчанія, и статьи нерѣдко тутъ же исправлялись, если сочинитель соглашался въ справедливости замѣчаній; споровъ никогда не было. Принятое сочиненіе или переводъ вписывался въ заведенную для того книгу. Впослѣдствіи, уже безъ меня, число членовъ умножилось, сочинили уставъ и съ Высочайшаго утвержденія было открыто: „Общество любителей русской словесности при Казанскомъ университетѣ". Оно и теперь не уничтожено, но пребываетъ въ совершенномъ бездѣйствіи, какъ и всѣ литературныя общества. Я до сихъ поръ имѣю честь считаться его почетнымъ членомъ.

Въ это время случилось въ Казани слѣдующее замѣчательное происшествіе, непосредственно касавшееся до меня.

Тамъ былъ частный, благородный пансіонъ для особъ обоего пола г-на и г-жи Вильфингъ. Они не имѣли дѣтей, но воспитали бѣдную сироту, Марью Христофоровну Кермикъ, которая достигла уже совершенныхъ лѣтъ и была очень хороша собою. Григорій Иванычъ иногда видался съ Вильфингами и даже раза два бралъ меня къ нимъ съ собой; но я уже болѣе полугода не бывалъ у нихъ. Въ настоящее время я случайно, во время прогулки за городомъ, возобновилъ это знакомство, и вскорѣ красота Марьи Христофоровны оказала и на меня свое дѣйствіе. Я, разумѣется, открылся другу моему Александру; онъ очень обрадовался, бросился ко мнѣ на шею и поздравлялъ меня, что *я начинаю жить*. Онъ употреблялъ всѣ усилія раздуть искру, заронившуюся въ мое молодое сердце. Марья Христофоровна была дѣвица очень тихая и скромная, такъ что всѣ ея обожатели, которыхъ было не мало, вздыхали по ней въ почтительномъ отдаленіи; о моихъ же чувствахъ, разумѣется, она не имѣла и понятія. Вдругъ посреди мечтательныхъ надеждъ и огорченій, выражаемыхъ мною весьма плохими ребячьими стихами, является въ Казани, проѣздомъ, какой-то путешественникъ, шведскій графъ; знакомится съ Вильфингами, всѣхъ очаровываетъ, ѣздитъ къ нимъ всякій день и проводитъ съ ними время отъ утра до вечера. Это былъ человѣкъ лѣтъ тридцати-пяти, красивой наружности, умный, ловкій и бойкій, говорившій на всѣхъ европейскихъ языкахъ, владѣвшій всѣми искусствами и сверхъ того сочинитель и въ стихахъ и въ прозѣ. Въ три дня Вильфинги сошли отъ него съ ума; черезъ недѣлю влюбилась въ него Марья Христофоровна, а еще черезъ двѣ недѣли онъ женился на ней и увезъ съ собою въ Сибирь, куда ѣхалъ для какихъ-то ученыхъ изслѣдованій, по порученію правительства, въ сопровожденіи чиновника, который служилъ ему переводчикомъ, потому что графъ не понималъ ни одного русскаго слова. Горько было Вильфингамъ разстаться съ своей воспитанницей, которую они любили, какъ родную дочь, но счастіе ея казалось такъ завидно, такъ неожиданно, такъ высоко, что они не смѣли горевать. Дочь булочника,—а теперь жена графа, обожаемая мужемъ, человѣкомъ осыпаннымъ всѣми дарами образованности и природы! Отъ такого происшествія и не нѣмцы сошли бы съ ума. Но увы! скоро загадка объяснилась. Мнимый графъ былъ самозванецъ, отъявленный плутъ и негодяй, весьма извѣстный своими по-

хожденіями въ Германіи, по фамиліи Ашенбреннеръ, бѣжавшій отъ полицейскихъ преслѣдованій въ Россію, принявшій русское подданство, проживавшій у насъ въ разныхъ западныхъ губерніяхъ нѣсколько лѣтъ, попавшійся во многихъ мошенничествахъ и сосланный на жительство въ Сибирь; чиновникъ, сопровождавшій его, былъ точно чиновникъ, но—полицейскій, носившій какую-то нѣмецкую фамилію, который везъ его секретно въ Иркутскъ, чтобы сдать съ рукъ на руки подъ строжайшій надзоръ губернатору. Все это было какъ-то скрыто отъ Вильфинговъ и отъ публики. Въ переводчикѣ же путешественникъ не нуждался, потому что очень хорошо говорилъ по русски, какъ узнали послѣ. Онъ самъ увѣдомилъ съ дороги Вильфинговъ о своемъ обманѣ, къ которому заставила его прибѣгнуть „всесильная любовь“; разумѣется, называлъ себя жертвою клеветы враговъ, надѣялся, что будетъ оправданъ и вознагражденъ за невинное страданіе. Марья Христофоровна сама писала, что она все знаетъ, но тѣмъ не менѣе благодаритъ Бога за свое счастіе. Наконецъ кто-то прислалъ Вильфингамъ печатныя похожденія мнимаго графа, въ двухъ томахъ, написанныя имъ самимъ на нѣмецкомъ языкѣ. Это былъ настоящій Видокъ того времени. Старики Вильфинги неутѣшно сокрушались. Что сдѣлалось впослѣдствіи съ Марьей Христофоровной—я ничего узнать не могъ.—Такъ печально кончилась первая моя сердечная склонность.

На лѣтнюю вакацію я опять поѣхалъ въ Симбирское Аксаково, гдѣ было тогда мое семейство. Я пріѣхалъ поздно вечеромъ; всѣ въ домѣ уже спали; но мать, ожидавшая меня въ этотъ день, услыхала шумъ, вышла ко мнѣ на крыльцо и провела меня прямо въ спальную. Послѣ радостныхъ объятій съ отцемъ и съ матерью, послѣ многихъ разспросовъ и разсказовъ, я легъ спать на софѣ, у нихъ въ комнатѣ. Проснувшись поутру довольно поздно, я слышалъ, что родители мои тихо разговариваютъ между собою о какихъ-то дѣлахъ, мнѣ не извѣстныхъ. Наконецъ, замѣтивъ, что я пересталъ храпѣть, мать тихо сказала моему отцу: „Надобно разсказать обо всемъ Сережѣ; вѣдь онъ ничего не знаетъ.“—„Разскажи, матушка“, отвѣчалъ мой отецъ.—„Ты не спишь, Сережа?“—„Нѣтъ, маменька,“ отвѣчалъ я.—„Такъ поди же къ намъ. Мы разскажемъ тебѣ, что случилось съ нами. Мы теперь богаты.“ Я всталъ, сѣлъ къ нимъ на постель, и мнѣ, со

всѣми мельчайшими подробностями, пространно разсказали то, что постараюсь разсказать въ нѣсколькихъ словахъ. Надежда Ивановна Куроѣдова, сдѣлавшись вдругъ тяжело больна водяною болѣзнью, немедленно укрѣпила моему отцу, судебнымъ порядкомъ, все свое движимое и недвижимое имѣніе. Черезъ нѣсколько дней все дѣло было улажено: весь уѣздный судъ и нѣсколько свидѣтелей, изъ числа извѣстныхъ и почетныхъ лицъ въ городѣ, пріѣхали въ Чуфарово. Надежда Ивановна, въ присутствіи всѣхъ, подписала нужныя бумаги и подтвердила ихъ особою сказкою и личнымъ удостовѣреніемъ. Когда все было кончено, она приказала подать шампанскаго, взяла бокалъ и первая весело поздравила. Надобно сказать, что въ то время она была такъ тяжело больна, что лучшій тогда докторъ Шицъ, привезенный немедленно изъ Симбирска, не имѣлъ надежды къ ея выздоровленію. Онъ рѣшился на выпускъ воды изъ ногъ, посредствомъ операціи, нисколько не ручаясь за выздоровленіе больной; но силы ея были еще такъ крѣпки, что неиспорченная натура скоро побѣдила болѣзнь, и больная въ самое короткое время совершенно выздоровѣла. Къ сожалѣнію, не вѣря простудѣ и считая діэту за выдумку докторовъ, Надежда Ивановна продолжала вести прежнюю жизнь, простудилась, испортила желудокъ и получила рецидивъ водяной болѣзни. Вторичная операція была уже не такъ удачна и только отдалила печальную развязку. Больную привезли въ Симбирскъ, гдѣ она послѣ третьей операціи скончалась, о чемъ я уже говорилъ.

Боже мой, что значитъ богатство! Какъ оно разодрало глаза всѣмъ добрымъ людямъ! Какою завистью закипѣли сердца близкихъ пріятелей и даже родныхъ!

У Надежды Ивановны были бѣдные должники; объ нихъ докладывали при ея кончинѣ и она отвѣчала: „что у ней деньги не воровскія, не нажитыя сквернымъ поведеніемъ, и что она дарить ихъ не намѣрена". Мои родители простили такихъ долговъ до 20 тысячъ, объявя должникамъ, что впослѣдствіи Надежда Ивановна сама приказала денегъ съ нихъ не взыскивать. Этотъ поступокъ никого не обезоружилъ, не примирилъ съ богатыми наслѣдниками, и мой отецъ съ матерью, очень огорченные, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ уѣхали на житье въ свое Оренбургское Аксаково.

По совѣсти скажу, что перемѣна состоянія не произвела на меня ни малѣйшаго впечатлѣнія. Всю вакацію занимался

я то ружьемъ, то театральными піесами. Я воротился въ университетъ точно такимъ же молодымъ, очень-очень небогатымъ студентомъ, и долго забывалъ даже сказать другу моему, Александру Панаеву, о счастливой перемѣнѣ нашихъ обстоятельствъ. Но въ семействѣ своемъ перемѣну замѣтилъ: поговаривали о переѣздѣ на зиму въ Казань, написали въ Москву къ своему другу и коммиссіонеру Андреяну Ѳедоровичу Аничкову, чтобы онъ пріискалъ и нанялъ француженку въ гувернантки и учительницы къ моимъ сестрамъ; даже намѣревались на будущій годъ сами ѣхать на зиму въ Москву, а лѣтомъ въ Петербургъ, для опредѣленія меня на службу. Для исполненія этого послѣдняго намѣренія было положено, чтобъ въ слѣдующемъ 1807 году я оставилъ университетъ *). Я слушалъ все это довольно равнодушно; къ Петербургу и къ службѣ никакого *призванія* я не чувствовалъ; я даже думалъ, что это только одни разговоры, одни предположенія, но ошибся. Чрезъ мѣсяцъ по пріѣздѣ въ Казань я получилъ письмо отъ отца, съ приказаніемъ пріискать и нанять большой помѣстительный домъ, гдѣ не только могло бы удобно расположиться все наше семейство, но и нашлись бы особыя комнаты для двухъ родныхъ сестеръ моей матери по отцѣ, которыя жили до тѣхъ поръ въ домѣ В — хъ. Мать прибавляла, что она намѣрена для нихъ выѣзжать въ свѣтъ, и потому должна познакомиться съ лучшею городскою публикою. Я очень этому обрадовался и за себя, и за своихъ тетокъ, которыхъ искренно любилъ и съ которыми нерѣдко видался. Я немедленно нанялъ большой, каменный домъ купца Комарова и, въ ожиданіи моего семейства, перебрался въ него на антресоли и занялъ одну уютную комнатку.

Университетская жизнь текла прежнимъ порядкомъ; прибавилось еще два профессора нѣмца, одинъ русскій адъюнктъ по медицинской части, Каменскій, съ замѣчательнымъ даромъ слова, и новый адъюнктъ-профессоръ россійской словестности, Городчаниновъ, человѣкъ бездарный и отсталый, точь-въ-точь похожій на извѣстнаго профессора Г — го или К—ва, нѣкогда обучавшихъ благородное россійское юношество. Я забылъ сказать, что бѣдный Левицкій получилъ отъ

---

[1]) Равновременный выходъ изъ университета и намѣреніе опредѣлить меня на службу были слѣдствіемъ совѣтовъ Григорія Иваныча, который даже обѣщалъ доставить мнѣ мѣсто въ Коммисеіи Составленія Законовъ, что послѣ и сдѣлалъ.

невоздержности водяную и умеръ. Всѣ мы искренно о немъ сожалѣли. — На первой лекціи адъюнктъ-профессоръ Городчаниновъ сказалъ намъ пошлое, надутое привѣтствіе и, для лучшаго ознакомленія съ студентами, предложилъ намъ, чтобъ всякій изъ насъ объявилъ, какого русскаго писателя онъ предпочитаетъ другимъ, и какое именно мѣсто въ этомъ писателѣ нравится ему болѣе прочихъ. На такой вопросъ вдругъ отвѣчать очень мудрено, и потому всякій отвѣчалъ то, что на ту пору приходило ему въ голову. Многіе называли Карамзина, но Городчаниновъ морщился и изъявлялъ сожалѣніе, что университетское юношество заражено этимъ опаснымъ писателемъ. Студентъ Ѳоминъ, сидѣвшій подлѣ меня, сказалъ мнѣ на ухо: „посмотри, Аксаковъ, какъ я потѣшу этого господина.“ Въ самомъ дѣлѣ, когда дошла до него очередь, Ѳоминъ всталъ и громко сказалъ: „Я предпочитаю всѣмъ писателямъ — Сумарокова, и считаю самыми лучшими его стихами послѣднія слова Димитрія Самозванца, въ извѣстной трагедіи того же имени:

Ступай душа во адъ и буди вѣчно плѣнна.“

Ѳоминъ сдѣлалъ движеніе рукою съ свернутой тетрадью, какъ-будто закололся кинжаломъ, и произнесъ:

Ахъ, если бы со мной погибла вся вселенна!

Студенты едва удержались отъ смѣха, но профессоръ пришелъ въ такое восхищеніе, что сбѣжалъ съ каѳедры, вызвалъ Ѳомина къ себѣ, протянулъ ему руку и сказалъ, что желаетъ познакомиться съ нимъ покороче. Тутъ сдѣлалъ онъ намъ объясненіе, что сильнѣе этого послѣдняго стиха нѣтъ ни въ одной литературѣ. Дошла очередь до меня. Я сказалъ, что всѣмъ предпочитаю Ломоносова и считаю лучшимъ его произведеніемъ оду изъ Іова. Лицо Городчанинова сіяло удовольствіемъ. „Потрудитесь же что-нибудь прочесть изъ этой превосходной оды“, сказалъ онъ. Я того только и ждалъ, надѣясь поразить профессора моей декламаціей. Но какъ жестоко наказала меня судьба за мое самолюбіе и староверство въ литературѣ! Вмѣсто извѣстныхъ стиховъ Ломоносова:

О ты, что въ горести напрасно
На Бога ропщешь, человѣкъ!

я прочелъ, по непостижимой разсѣянности, слѣдующіе два стиха:

О ты, что въ горести напрасно
На службу ропщешь, офицеръ!

„Помилуйте, закричалъ профессоръ, это гнусная пародія на превосходную оду Ломоносова!“ Я смѣшался, покраснѣлъ и поспѣшилъ начать:

О ты, что въ горести напрасно
На службу...

Вся аудиторія разразилась громкимъ смѣхомъ. Я остолбенѣлъ отъ досады и смущенія, сгорѣлъ отъ стыда и не понималъ, что со мною дѣлается. Профессоръ презрительно велѣлъ мнѣ сѣсть и продолжалъ допрашивать другихъ студентовъ. Всю двухчасовую лекцію просидѣлъ я какъ на горячихъ угольяхъ. Я потомъ объяснялся съ Городчаниновымъ и постарался увѣрить его, что это была несчастная ошибка и разсѣянность, совершенно неожиданная для меня самого, что это все произошло отъ того, что я передъ самой лекціей два раза слышалъ и одинъ разъ самъ прочелъ эту проклятую пародію: я доказалъ профессору, что коротко знакомъ съ Ломоносовымъ, что я по личному моему убѣжденію назвалъ его первымъ писателемъ; узнавъ же, что я почитатель Шишкова, Городчаниновъ скоро со мной подружился: онъ самъ былъ отчаянный *Шишковистъ*. Въ глазахъ профессора я свои дѣла поправилъ, но отъ насмѣшекъ товарищей не было спасенія, покуда имъ не наскучило смѣяться надо мной. Смѣялись не столько надъ ошибкой моей, какъ надъ симпатіей съ Городчаниновымъ. Нѣсколько дней сряду большая часть студентовъ встрѣчала меня низкими поклонами и поздравленіями, что я нашелъ себѣ достойнаго единомышленника, то-есть противника Карамзинскому направленію и обожателя Шишкова; каждый спрашивалъ о здоровьѣ Городчанинова, моего друга и покровителя, давно-ли я съ нимъ видѣлся, когда увижусь?... и проч. и проч. Надоѣли мнѣ такія шутки; но споры не помогали, и кромѣ терпѣнья не было другого лѣкарства.

Между тѣмъ составился у насъ спектакль, давно затѣянный мною, въ которомъ я надѣялся окончательно торжествовать надъ Дмитріевымъ. Я говорю о комедіи „Бѣдность и благородство души“. Мы два раза пригласили на репетицію

актера Грузинова, который, нерѣдко останавливая и поправляя игру моихъ товарищей, не сдѣлалъ мнѣ ни одного замѣчанія, а говорилъ только: „очень хорошо, прекрасно!“ Надежды мои блистательно оправдались: комедія „Бѣдность и благородство души“ была сыграна, и не осталось ни одного почитателя Дмитріева, который бы не признался, что роль Генриха Блума я сыгралъ несравненно лучше его. Содержатель публичнаго театра, П. П. Есиповъ, подарилъ мнѣ кресло на всегдашній свободный входъ въ театръ. Это былъ послѣдній университетскій спектакль, въ которомъ я игралъ; послѣднее мое сценическое торжество въ Казани. Откровенно признаюсь, что воспоминаніе о немъ и теперь пріятно отзывается въ моемъ сердцѣ. Много есть неизъяснимо-обаятельнаго въ возбужденіи общаго восторга! Двигать толпою зрителей, овладѣть ихъ чувствами и заставить ихъ слиться въ одно чувство съ выражаемымъ тобою, жить въ это время одной жизнью съ тобою—такое духовное наслажденіе, которымъ долго остается полна душа, которое никогда не забывается!—У насъ былъ также давно затѣянъ другой спектакль, и всѣ актеры и студенты пламенно желали его исполненія; но дѣло длилось, потому что трудно, не по силамъ нашимъ было это исполненіе. Рѣчь идетъ о „Разбойникахъ“ Шиллера. Я не слишкомъ горячо хлопоталъ объ этомъ спектаклѣ, потому что всегда заботился о достоинствѣ, о цѣльности, представленія піесы, а у насъ не было хорошихъ актеровъ для первыхъ ролей, для ролей Карла и Франца Моора. Наконецъ Карлъ нашелся. Это былъ молодой человѣкъ, не игравшій до сихъ поръ на театрѣ, Александръ Иванычъ Васильевъ, находившійся тогда уже учителемъ въ гимназіи. Всѣ восхищались его чтеніемъ роли Карла Моора, кромѣ меня. Студенты очень любили Васильева, какъ бывшаго милаго товарища, и увлекались наружностью его, особенно выразительнымъ лицомъ, блестящими черными глазами и прекраснымъ органомъ; но я чувствовалъ, что въ его игрѣ, кромѣ недостатка въ искусствѣ, не доставало того огня, ничѣмъ незамѣнимаго, того мечтательнаго, безумнаго одушевленія, которое одно можетъ придать смыслъ и характеръ этому лицу. Францъ Мооръ былъ положительно дуренъ. Я игралъ старика, графа Моора. Наконецъ мы срепетировали „Разбойниковъ“, какъ могли, и предполагали дать ихъ на Святкахъ. Мое семейство давно уже было въ Казани, и я оченъ радовался, что оно увидитъ меня на сценѣ; особенно хотѣлось

мнѣ, чтобъ посмотрѣла на меня мой другъ, моя красавица-сестрица; но за недѣлю до представленія получено было отъ высшаго начальства запрещеніе играть „Разбойниковъ".

Я сказалъ уже, что мое семейство давно пріѣхало; это было по первому зимнему пути, въ половинѣ ноября. Я не стану распространяться о томъ, какъ устраивала свое городское житье моя мать, какъ она взяла къ себѣ своихъ сестеръ, познакомилась съ лучшимъ казанскимъ обществомъ, дѣлала визиты, принимала ихъ, вывозила своихъ сестеръ на вечера и на балы, давала у себя небольшіе вечера и обѣды: я мало обращалъ на нихъ вниманія; но помню какъ во время одного изъ такихъ обѣдовъ пріѣхала къ намъ изъ Москвы первая наша гувернантка, старуха-француженка, мадамъ Фуасье, какъ влетѣла она прямо въ залу съ жалобою на извощиковъ, и всѣхъ насъ переконфузила, потому что всѣ мы не умѣли говорить по-французски, а старуха не знала по-русски.

Наступилъ 1807 годъ. Шла рѣшительная война съ Наполеономъ. Впервые учредилась милиція по всей Россіи; молодежь бросилась въ военную службу, и нѣкоторые изъ пансіонеровъ, особенно изъ своекоштныхъ студентовъ, подали просьбы объ увольненіи ихъ изъ университета для поступленія въ дѣйствующую армію; въ томъ числѣ и мой другъ, Александръ Панаевъ, съ старшимъ братомъ своимъ, нашимъ лирикомъ, Иваномъ Панаевымъ. Краснѣя, признаюсь, что мнѣ тогда и въ голову не приходило „летѣть съ мечомъ на поле брани", но старшіе казенные студенты, всѣ черезъ годъ назначаемые въ учителя, рвались стать въ ряды нашихъ войскъ, и поприще ученой дѣятельности, на которое они охотно себя обрекли, вдругъ имъ опротивѣло; обязанность прослужить шесть лѣтъ по ученой части — вдругъ показалась имъ несноснымъ бременемъ. Сверхъ всякаго ожиданія, въ непродолжительномъ времени, исполнилось ихъ горячее желаніе: казеннымъ студентамъ позволено было вступать въ военную службу. Это произошло уже послѣ моего выхода изъ университета. Многихъ замѣчательныхъ людей лишилась наука, и только нѣкоторые остались вѣрны своему призванію. Не одинъ Перевощиковъ, Симоновъ и Лобачевскій попали въ артиллерійскіе офицеры и почти всѣ погибли рановременною смертью.

Въ январѣ 1807 года подалъ я просьбу объ увольненіи изъ университета для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ. Подавъ просьбу, я перестал ходить на лекціи, но всякій день

бывалъ въ университетѣ и проводилъ все свободное время въ задушевныхъ, живыхъ бесѣдахъ съ товарищами. Иногда мы даже разыгрывали сцены изъ „Разбойниковъ“ Шиллера: привязывалъ себя Карлъ Мооръ (Васильевъ) къ колоннѣ, вмѣсто дерева; говорилъ онъ кипучую рѣчь молодого Шиллера; отвязывалъ Карла отъ дерева Швейцеръ. (Балясниковъ), и громко клялись разбойники умереть со своимъ атаманомъ...

Въ мартѣ получилъ я аттестатъ, по истинѣ не заслуженный мною. Мало вынесъ я научныхъ свѣдѣній изъ университета, не потому, что онъ былъ еще очень молодъ, не полонъ и не устроенъ, а потому, что я былъ слишкомъ молодъ и дѣтски увлекался въ разныя стороны страстностью моей природы. Во всю мою жизнь чувствовалъ я недостаточность этихъ научныхъ свѣдѣній, особенно положительныхъ знаній, и это много мѣшало мнѣ и въ служебныхъ дѣлахъ, и въ литературныхъ занятіяхъ.

Наканунѣ дня, назначеннаго къ отъѣзду, пришелъ я проститься въ послѣдній разъ съ университетомъ и товарищами. Обнявшись, длинной вереницей, исходили мы всѣ комнаты, аудиторіи и залы. Потомъ крѣпко, долго обнимались и цѣловались. Прощаясь навсегда, толпа студентовъ и даже гимназистовъ высыпала проводить меня на крыльцо; медленно сходилъ я съ его ступеней; тяжело, грустно было у меня на душѣ; я обернулся, еще разъ взглянулъ на товарищей, на зданіе университета—и пустился почти бѣгомъ... за мною неслись знакомые голоса: „прощай, Аксаковъ, прощай!“

Прощай, шумная, молодая, учебная жизнь! Прощайте, первые невозвратные годы юности пылкой, ошибочной, неразумной, но чистой и благородной! Ни свѣтъ, ни домашняя жизнь со всѣми ихъ дрянностями еще не помрачали вашей ясности! Стѣны гимназіи и университета, товарищи — вотъ что составляло полный міръ для меня. Тамъ разрѣшались молодые вопросы, тамъ удовлетворялись стремленія и чувства! Тамъ былъ судъ, осужденіе, оправданіе и торжество! Тамъ царствовало полное презрѣніе ко всему низкому и подлому, ко всѣмъ своекорыстнымъ расчетамъ и выгодамъ, ко всей житейской мудрости—и глубокое уваженіе ко всему честному и высокому, хотя бы и безразсудному. Память такихъ годовъ неразлучно живетъ съ человѣкомъ и, непримѣтно для него, освѣщаетъ и направляетъ его шаги въ продолженіи цѣлой

жизни, и куда бы его ни затащили обстоятельства, какъ бы ни втоптали въ грязь и тину, — она выводитъ его на честную, прямую дорогу. Я, по крайней мѣрѣ, за все, что сохранилось во мнѣ добраго, считаю себя обязаннымъ гимназіи, университету, общественному ученію и тому живому началу, которое вынесъ я оттуда. Я убѣжденъ, что у того, кто не воспитывался въ публичномъ, учебномъ заведеніи, остается пробѣлъ въ жизни, что ему недостаетъ нѣкоторыхъ, неиспытанныхъ въ юности, ощущеній, что жизнь его неполна....

По самому послѣднему зимнему пути поѣхали мы въ Аксаково, гдѣ ждала меня весна, охота, природа, проснувшаяся къ жизни, и прилетъ птицы; я не зналъ его прежде, и только тогда увидѣлъ и почувствовалъ въ первый разъ— и вылетѣли изъ головы моей, на ту пору, война съ Наполеономъ и университетъ съ товарищами [1]).

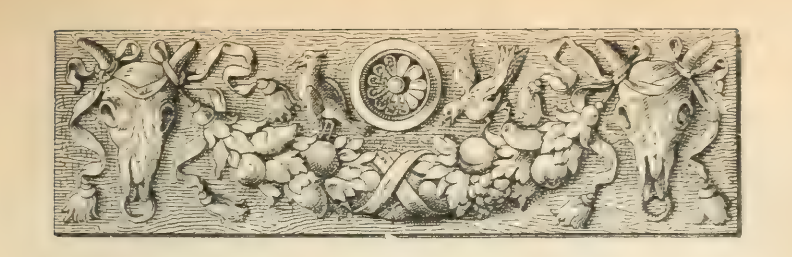
[1]) Считаемъ не лишнимъ, въ заключеніе и пополненіе этихъ разсказовъ автора о годахъ его гимназической и университетской жизни, сообщить здѣсь нѣсколько замѣтокъ о дальнѣйшей судьбѣ нѣкоторыхъ изъ его товарищей и въ особенности его воспитателя, который не можетъ, безъ сомнѣнія, не останавливать на себѣ вниманія читателя. Послѣднему, конечно, интересно будетъ узнать, что этотъ воспитатель, т. е. адъюнктъ-профессоръ Г. И. Карташевскій, тотъ самый, который впослѣдствіи, въ званіи директора департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій (1824—1829 г.), былъ едва ли не главнымъ соучастникомъ или покрайней мѣрѣ подготовителемъ великаго дѣла возсоединенія уніатовъ съ православною церковью, окончательно осуществившагося уже въ 1839 году.— Съ 1829 по 1835 г. Карташевскій занималъ званіе попечителя бѣлорусскаго учебнаго округа: постъ особенно трудный и важный въ то время; въ 1838 г. назначенъ сенаторомъ въ Петербургъ, гдѣ и скончался въ 1840 году. Болѣе подробныя о немъ свѣдѣнія см. въ Журн. Министерства Нар. Прос., 1869 г., въ статьѣ А. Н. Попова: „Нѣсколько документовъ, относящихся къ началу возсоединенія уніатовъ". Любопытно то, что и С. Т. Аксаковъ и Г. И. Карташевскій, т. е. и воспитанникъ и воспитатель, женились оба въ одномъ году, 1816-мъ, черезъ мѣсяцъ одинъ послѣ другого, и что воспитатель женился на сестрѣ воспитанника, той самой, о которой такъ часто и съ такою любовью вспоминается и въ Семейной Хроникѣ и въ Дѣтскихъ годахъ Багрова-внука и которая изображена авторомъ въ неоконченной имъ повѣсти „Наташа". — Изъ товарищей С. Т. Аксакова, упоминаемыхъ имъ въ разсказахъ о гимназіи и университетѣ,—Д. Перевощиковъ—впослѣдствіи нашъ знаменитый ученый, математикъ и астрономъ; Александръ Княжевичъ — впослѣдствіи министръ финансовъ; братъ его, Дмитрій, былъ попечителемъ Одесскаго учебнаго округа и въ этомъ званіи и скончался; изъ братьевъ Панаевыхъ — Иванъ былъ отцомъ извѣстнаго покойнаго писателя Ивана Панаева, Владиміръ — также въ свое время извѣстный сочинитель „Идиллій", потомъ директоръ канцеляріи М—ва Имп. Двора,—скончавшійся въ 1859 г. и также оставившій по себѣ „Воспоминанія", напечатанныя въ Вѣстникѣ Европы; прочіе братья, сколько знаемъ, почти всю свою жизнь провели въ своихъ помѣстьяхъ. О нѣкоторыхъ другихъ своихъ товарищахъ С. Т. Аксаковъ вспоминаетъ въ дальнѣйшихъ своихъ разсказахъ. *Примѣч. И. А.*

СОБИРАНІЕ БАБОЧЕКЪ.

РАЗСКАЗЪ

ИЗЪ СТУДЕНТСКОЙ ЖИЗНИ.

(къ 337 стр.)

СОБИРАНІЕ БАБОЧЕКЪ.

РАЗСКАЗЪ ИЗЪ СТУДЕНТСКОЙ ЖИЗНИ [1].

Собираніе бабочекъ было однимъ изъ тѣхъ увлеченій моей ранней молодости, которое, хотя не долго, но за то со всей силою страсти владѣло мною и оставило въ моей памяти глубокое, свѣжее до сихъ поръ впечатлѣніе. Я любилъ натуральную исторію съ дѣтскихъ лѣтъ; книжка на русскомъ языкѣ (которой названія не помню), съ лубочными изображеніями звѣрей, птицъ, рыбъ, попавшаяся мнѣ въ руки еще въ гимназіи, съ благоговѣньемъ, отъ доски до доски, была выучена мною наизусть. Увидѣвъ, что въ книжкѣ нѣтъ того, что при первомъ взглядѣ было замѣчаемо моимъ дѣтскимъ пытливымъ вниманіемъ, я самъ пробовалъ описывать звѣрковъ, птичекъ и рыбокъ, съ которыми мнѣ привелось покороче познакомиться. Это были ребячьи попытки мальчика, которому каждое пріобрѣтенное имъ самимъ знаніе казалось новостью, никому неизвѣстною, драгоцѣннымъ и важнымъ открытіемъ, которое надобно записать и сообщить другимъ. Съ умиленіемъ смотрю я теперь на эти двѣ тетрадки въ четверку, изъ толстой си-

---

[1] Напечатанъ въ мало-извѣстномъ учено-литературномъ сборникѣ „Братчина", изданномъ бывшими студентами Казанскаго университета, подъ редакціею П. И. Мельникова, въ концѣ 1859 года. Это послѣднее произведеніе С. Т. Аксакова (скончавшагося 30-го апрѣля 1859 г.), если не считать его краткаго „Очерка зимняго дня", помѣщаемаго ниже.

ней бумаги, какой въ настоящее время и отыскать нельзя. На страничкахъ этихъ тетрадокъ дѣтскимъ почеркомъ и слогомъ описаны: зайчикъ, бѣлка, болотный куликъ; куличекъ-зуекъ, *неизвѣстный* куличекъ, плотичка, пескарь и лошокъ; очевидно, что мальчикъ-наблюдатель познакомился съ ними первыми. Вскорѣ я развлекся множествомъ другихъ, новыхъ и еще болѣе важныхъ интересовъ, которыми такъ богата молодая жизнь; развлекся, и пересталъ описывать своихъ звѣрковъ, птичекъ и рыбокъ. Но горячая любовь къ природѣ и живымъ твореніямъ, населяющимъ Божій міръ, не остывала въ душѣ моей, и черезъ пятьдесятъ лѣтъ, обогащенный опытами охотничьей жизни страстнаго стрѣлка и рыбака, я оглянулся съ любовью на свое дѣтство—и попытки мальчика осуществилъ шестидесятилѣтній старикъ: вышли въ свѣтъ „Записки объ уженьи рыбы“ и „Записки ружейнаго охотника Оренбургской губерніи“.

Еще въ ребячествѣ моемъ, я получилъ изъ „Дѣтскаго Чтенія“ понятіе о червякахъ, которые превращаются въ куколокъ или хризалидъ и наконецъ въ бабочекъ. Это, конечно, придавало бабочкамъ новый интересъ въ моихъ глазахъ; но и безъ того я очень любилъ ихъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, изъ всѣхъ насѣкомыхъ, населяющихъ Божій міръ, изъ всѣхъ мелкихъ тварей, ползающихъ, прыгающихъ и летающихъ—бабочка лучше, изящнѣе всѣхъ. Это, поистинѣ, „порхающій цвѣтокъ“, или расписанный чудными яркими красками, блестящій золотомъ, серебромъ и перламутромъ, или испещренный неопредѣленными цвѣтами и узорами, не менѣе прекрасными и привлекательными; это милое, чистое созданіе, никому не дѣлающее вреда, питающееся сокомъ цвѣтовъ, который сосетъ оно своимъ хоботкомъ, у иныхъ коротенькимъ и толстымъ, а у иныхъ длиннымъ и тоненькимъ, какъ волосъ, свивающимся въ нѣсколько колечекъ, когда нѣтъ надобности въ его употребленіи. Какъ радостно первое появленіе бабочекъ весною! Обыкновенно это бываютъ бабочки крапивныя, бѣлыя, а потомъ и желтыя. Какое одушевленіе придаютъ онѣ природѣ, только-что просыпающейся къ жизни, послѣ жестокой, продолжительной зимы, когда почти нѣтъ еще ни зеленой травы, ни листьевъ, когда видъ голыхъ деревьевъ и увядшей прошлогодней осенней растительности былъ бы очень печаленъ, еслибъ благодатное тепло и мысль, что скоро все зазеленѣетъ, зацвѣтетъ, что

жизненные соки уже текутъ изъ корней, вверхъ по стволамъ и вѣтвямъ древеснымъ, что ростки молодыхъ травъ и растеній уже пробиваются изъ согрѣтой влажной земли,—не успокоивали, не веселили сердца человѣческаго.

Въ 1805 году, какъ извѣстно, былъ утвержденъ уставъ Казанскаго университета, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣдовало его открытіе; между немногими преподавателями, начавшими чтеніе университетскихъ лекцій, находился ординарный профессоръ натуральной исторіи Карлъ Ѳодоровичъ Фуксъ, читавшій свой предметъ на французскомъ языкѣ. Это было уже въ началѣ 1806 года. Хотя я свободно читалъ и понималъ французскія книги, даже отвлеченнаго содержанія, но разговорный языкъ и вообще изустная рѣчь профессора сначала затрудняли меня; скоро, однако, я привыкъ къ нимъ и съ жадностью слушалъ лекціи Фукса. Много способствовало къ ясному пониманію то обстоятельство, что Фуксъ читалъ по Блуменбаху, печатные экземпляры котораго, на русскомъ языкѣ, находились у насъ въ рукахъ. Книга эта, въ трехъ частяхъ, называется „Руководство къ Естественной Исторіи Д. Іон. Фридр. Блуменбаха, Геттингенскаго Университета Профессора и Великобританскаго Надворнаго Совѣтника, съ нѣмецкаго на русскій языкъ переведенное исторіи естественной и гражданской и географіи учителями: Петромъ Наумовымъ и Андреемъ Теряевымъ, печатано въ привилегированной типографіи у Вильковскаго. Въ Санктпетербургѣ 1797 года“.

Между слушателями Фукса былъ одинъ студентъ Василій Тимьянскій, который и прежде охотнѣе всѣхъ насъ занимался языками, не только французскимъ и нѣмецкимъ, но и латинскимъ, за что и былъ онъ всегда любимцемъ бывшаго у насъ въ высшихъ классахъ гимназіи преподавателя этихъ языковъ, учителя Эриха. Эрихъ былъ сдѣланъ адъюнктъ-профессоромъ и читалъ въ университетѣ латинскую и греческую литературу. Личность адъюнкта Эриха, который, какъ всѣ говорили, имѣлъ глубокія познанія въ древнихъ и новыхъ языкахъ, была въ высшей степени каррикатурна и забавна, а русскій языкъ онъ такъ коверкалъ, что безъ смѣха нельзя было слушать. Впрочемъ, къ русскому языку онъ обращался только въ крайности, видя иногда, что ученикъ не понимаетъ его, хотя онъ для лучшаго уразумѣнія прибѣгалъ уже ко всѣмъ ему извѣстнымъ языкамъ. Эрихъ даже и фа-

милін наши переиначивалъ по-своему. Студента Безобразова, напримѣръ, звалъ „геръ Абразанцовъ“, а меня то „геръ Аксаевъ“, то „геръ Ачаковъ“ и никогда Аксаковъ, хотя очень меня зналъ, потому что нерѣдко бывалъ у адъюнкта Г. И. Карташевскаго, у котораго я прежде жилъ. Тимьянскій передразнивалъ Эриха въ совершенствѣ. Я также умѣлъ нѣсколько передразнивать своего наставника, и мы съ Тимьянскимъ нерѣдко потѣшали студентовъ, представляя встрѣчу на улицѣ и взаимныя привѣтствія нашихъ адъюнктъ-профессоровъ. Но виноватъ! воспоминанія юношества увлекли меня въ сторону, возвращаюсь къ предмету моего разсказа. Этотъ студентъ Тимьянскій, считавшійся у насъ первымъ латинистомъ, и, вѣроятно, знавшій тогда не очень много по-латыни, скоро обратилъ на себя вниманіе Фукса, понравился ему за свою латынь и сталъ ѣздить къ нему на квартиру: Фуксъ нанималъ прекрасный домъ Жмакина на Арскомъ полѣ. Однажды Тимьянскій при мнѣ разсказывалъ, что видѣлъ у профессора большое собраніе насѣкомыхъ и въ томъ числѣ бабочекъ, и что Фуксъ обѣщалъ выучить его, какъ ихъ ловить, раскладывать и сушить. Въ эту самую минуту я только-что воротился въ университетъ съ кулачнаго боя, который видѣлъ въ первый разъ въ моей жизни. Это было въ январѣ или февралѣ 1806 года. Я самъ въ свою очередь горячо разсказывалъ товарищамъ о видѣнномъ мною и пропустилъ мимо ушей слова Тимьянскаго.

Тогда въ Казани происходили по зимамъ, на льду большого озера Кабана, знаменитые кулачные бои между Татарскими слободами и русскими суконными слободами, состоявшими изъ крѣпостныхъ крестьянъ помѣщика Осокина; и Татарскія и Русскія слободы были поселены по противоположнымъ берегамъ озера Кабана [1]). Бои эти доходили иногда до ожесточенія, и, конечно, къ обыкновенной горячности бойцевъ примѣшивалось чувство національности. Бой, который видѣлъ я, происходилъ однако въ должныхъ границахъ и по правиламъ, которыя нарушались только тогда, когда случалось одолѣвать Татарамъ. Бойцы, выстроившись въ двѣ стѣны, одна противъ другой, на порядочномъ разстояніи, долго стояли въ бездѣйствіи и только одни мальчишки выскакивали съ обѣихъ

---

[1]) Татарскія и Суконныя слободы существуютъ и понынѣ; но крѣпостные крестьяне уже откупились и записались въ мѣщане. *С. А.*

сторонъ на нейтральную середину и бились между собою, подстрекаемые насмѣшками или похвалами взрослыхъ; наконецъ вышелъ впередъ извѣстный боецъ Абдулка, и сейчасъ явился передъ нимъ также извѣстный боецъ Никита; татаринъ полетѣлъ съ ногъ и вмѣсто него выросъ другой. Между тѣмъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ начали биться попарно разные бойцы. Удача была сначала равная: падали Татары, падали и Русскіе. Вставая, кто держался за бокъ, кто за скулу, а иныхъ и уносили. Вдругъ съ страшнымъ крикомъ Татары бросились стѣной на стѣну—и завязалась ужасная, вполнѣ рукопашная драка; но Татары держались не долго. Скоро попятили ихъ назадъ и они побѣжали. Русскіе преслѣдовали ихъ до береговъ Кабана и съ торжествомъ воротились. Мнѣ сказывали, что когда случалось одолѣвать Татарамъ, то они преслѣдовали Русскихъ даже въ ихъ избахъ, и что тутъ-то вновь возстановлялся ожесточенный бой, въ которомъ принимали участіе и старики и женщины и дѣти: дрались уже чѣмъ ни попало. Такая схватка всегда оканчивалась бѣгствомъ Татаръ.

Весною 1806 года я узналъ, что Тимьянскій вмѣстѣ съ студентомъ Кайсаровымъ уже начинаютъ собирать насѣкомыхъ, и что способъ собиранія, то-есть ловли бабочекъ, и доски для раскладыванія ихъ, держатъ они въ секретѣ. Тогда только вспомнилъ я, что уже слышалъ объ этомъ. Вдругъ загорѣлось во мнѣ сильное желаніе самому собирать бабочекъ. Я сообщилъ объ этомъ другу моему, студенту А. П. Панаеву, и возбудилъ въ немъ такую же охоту. Сначала я обратился къ Тимьянскому съ просьбой научить меня производству этого дѣла; но онъ не согласился открыть мнѣ секрета, говоря, что тогда откроетъ его, когда сдѣлаетъ значительное собраніе, а только показалъ мнѣ нѣсколько экземпляровъ высушенныхъ бабочекъ и насѣкомыхъ. Это воспламенило меня еще больше, и я рѣшился сейчасъ ѣхать къ профессору Фуксу, который былъ въ то же время докторомъ медицины и начиналъ практиковать. Я пріѣхалъ къ нему подъ предлогомъ какого-то выдуманнаго нездоровья. Въ кабинетѣ у профессора я увидѣлъ висящіе по стѣнамъ ящики, въ которыхъ за стеклами торчали воткнутыя на булавкахъ, превосходно сохраненныя и высушенныя, такія прелестныя бабочки, какихъ я и не видывалъ. Я пришелъ въ совершенный восторгъ и посиѣшилъ объяснить кое-какъ Фуксу мою страстную любовь къ есте-

ственной исторіи и горячее желаніе собирать бабочекъ, прося его въ то же время научить меня, какъ приступить къ этому дѣлу. Профессоръ былъ очень доволенъ и охотно разсказалъ мнѣ всѣ подробности этого искусства, не мудренаго, но требующаго осторожности, терпѣнія и ловкости. Онъ тутъ-же показалъ мнѣ всѣ нужные инструменты, какъ для ловли бабочекъ, такъ и для раскладыванія ихъ. Я зналъ, что Панаевъ на все это будетъ гораздо искуснѣе меня: онъ былъ великій мастеръ на всѣ механическія, мелкія ручныя работы,—и потому выпросилъ позволеніе у Фукса привести къ нему на другой же день Панаева съ нѣсколькими живыми бабочками, которыхъ профессоръ обѣщалъ при насъ-же разложить для сушки. А какъ я хотѣлъ не только ловить бабочекъ, но и собирать гусеницъ для того, чтобы бабочки выводились у меня дома, то Фуксъ объяснилъ мнѣ и снабдилъ меня наставленіями, какъ различать червяковъ, изъ которыхъ должны выводиться бабочки, отъ тѣхъ червей, изъ которыхъ выводятся другія разныя насѣкомыя, какъ ихъ содержать, чѣмъ кормить и вообще какъ съ ними обращаться. Мы съ Панаевымъ также рѣшились хранить втайнѣ наше предпріятіе не только отъ Тимьянскаго, но и отъ всѣхъ другихъ студентовъ. На другой день, наловивъ кое-какихъ бабочекъ въ саду, отправились мы къ Фуксу, который при насъ же разложилъ двухъ бабочекъ, а третью далъ разложить Панаеву, желая, чтобы онъ первый опытъ сдѣлалъ у него на глазахъ. Дѣло происходило слѣдующимъ образомъ: взявъ бабочку снизу осторожно за грудь большимъ и указательнымъ пальцами, Фуксъ сжалъ ее довольно крѣпко; это нужно для того, чтобы бабочка лишилась чувствъ, не билась крылушками и не сбивала съ нихъ цвѣтную пыль. Для этого сжатія имѣлись особые стальные щипчики; но Фуксъ сказалъ и показалъ намъ, что мы можемъ обойтись и безъ нихъ. Потомъ онъ взялъ булавку, величина которой должна быть соразмѣрна величинѣ бабочки, и прокололъ ей спинку сверху внизъ, выпустивъ конецъ булавки настолько, насколько было нужно для втыканья его въ дерево. Пропустивъ кончикъ булавки сквозь карточку, онъ слегка нагрѣлъ его на свѣчкѣ: предосторожность, необходимая для того, чтобы тѣло насѣкомаго присохло и не вертѣлось на булавкѣ. Потомъ взялъ гладкую липовую дощечку (липовая мягче другихъ), съ вынутыми во всю ея длину

ложбинками [1]): пошире для бабочекъ, у которыхъ брюшко потолще, и поуже для тѣхъ, у которыхъ туловище тоньше. Въ одну изъ такихъ ложбинокъ, Фуксъ опустилъ туловище бабочки и воткнулъ конецъ булавки настолько, чтобы крылушки пришлись какъ разъ къ поверхности дощечки. Наконецъ онъ взялъ узенькія полоски почтовой бумаги, нарочно для того нарѣзанныя, наложилъ одну изъ нихъ на верхнее и нижнее крылья бабочки, прикрѣпилъ вверху булавкой, и особымъ инструментомъ, похожимъ на длинную иглу или шило (большая длинная булавка можетъ всегда замѣнить его), расправилъ крылья бабочки, сначала одно, а потомъ другое, ровно и гладко, такъ, чтобы верхнее не закрывало нижняго, а только его касалось; въ заключеніе прикрѣпилъ, то-есть, воткнулъ булавку въ нижній конецъ бумажки и въ дерево. Очевидно, что все умѣнье и ловкость заключались въ расправленіи крыльевъ бабочки: надобно было ихъ не прорвать, не измять и не стереть съ нихъ пыль. Черезъ нѣсколько дней бабочка высохнетъ; тогда бережно снимаются съ нея бумажки и бабочка перемѣщается въ ящикъ или шкапъ, въ которомъ она должна храниться. Третью бабочку разложилъ Панаевъ и съ перваго раза такъ искусно, что Фуксъ, повторяя безпрестанно: „Bien, très bien, parfaitement bien", провозгласилъ наконецъ торжественно: „Optime!"

И вотъ закипѣла у насъ съ Панаевымъ молодая, пылкая дѣятельность! Липовыя сухія доски и дощечки гладко выструганы подъ личнымъ присмотромъ моего товарища, а ложбинки искусно и ловко вынуты имъ самимъ; отысканы толстыя, такъ называемыя, *фунтовыя* булавки для раскладки и прикрѣпленія бабочныхъ крыльевъ; нашли и плотную почтовую бумагу, которая не прорывалась, какъ это случилось у Фукса. Рампетки для ловли бабочекъ сдѣлали двухъ сортовъ: однѣ съ длинными флеровыми или кисейными мѣшочками, другія натянутыя, какъ „рампетки", которыми играютъ въ воланъ. Рампеткой перваго вида надобно было подхватывать бабочку на-лету и завертывать ее въ мѣшечкѣ, а рампеткой второго вида надобно было сбивать бабочку на землю, въ траву, или накрывать ее, сидящую на какомъ-нибудь цвѣткѣ или растеніи. Первый способъ очевидно лучше: пыль съ бабочки стирается

[1]) Теперь это дѣлается иначе: дощечки прорѣзываются насквозь и вмѣсто дна вставляется пробка. *С. А.*

меньше; но дѣйствовать рампеткою съ мѣшечкомъ требовалось больше ловкости и проворства. Въ два дня все было готово и благодаря неусыпнымъ, горячимъ хлопотамъ моимъ, а также стараньямъ и умѣнью моего товарища, все было придумано и устроено гораздо лучше, чѣмъ у профессора Фукса.

Раскладываніе бабочекъ Панаевъ рѣшительно взялъ на себя: разложивъ ихъ еще нѣсколько экземпляровъ, онъ сталъ совершеннымъ мастеромъ въ этомъ дѣлѣ. Ловлю бабочекъ за городомъ мы положили производить вмѣстѣ, кромѣ какихъ нибудь особенныхъ случаевъ; а воспитаніе червей, до превращенія ихъ въ хризалиды, отыскиваніе готовыхъ куколокъ и храненіе и тѣхъ и другихъ, до превращенія ихъ въ бабочки, я принялъ уже на свое попеченіе. Кромѣ того, что я имѣлъ особенную охоту къ наблюденію за жизнью и нравами всего живущаго въ природѣ, меня подстрекнули слова Фукса, который сказалъ, что бабочки, выводящіяся дома, будутъ самыми лучшими экземплярами, потому что сохранятъ всю первородную яркость и свѣжесть своихъ красокъ; что бабочки, начавъ летать по полямъ, подвергаясь дождямъ и вѣтрамъ, уже теряютъ нѣсколько, то-есть стираютъ или стряхиваютъ съ себя цвѣтную пыль, которою, въ видѣ крошечныхъ чешуекъ, бываютъ покрыты ихъ крылья, когда онѣ только-что выползутъ изъ скорлупы хризалиды, или куколки, и расправятъ свои сжатые члены и сморщенныя крылушки.

Оставивъ адъюнктъ-профессора Л. С. Левицкаго, у котораго я не въ силахъ былъ прожить болѣе двухъ мѣсяцевъ, о чемъ сказано подробнѣе въ моихъ „Воспоминаніяхъ“, я жилъ тогда, въ первый разъ въ моей жизни, самъ по себѣ, полнымъ хозяиномъ, на собственной квартирѣ. Я нанималъ флигель у какого-то обрусѣлаго нѣмца Ег. Ив. Германа, сынъ котораго, Александръ, былъ нѣкогда моимъ гимназическимъ товарищемъ, а теперь служилъ въ Казанскомъ Почтамтѣ; онъ жилъ у меня во флигелѣ и часто бывалъ моимъ спутникомъ, даже руководителемъ, на всѣхъ общественныхъ и народныхъ гуляньяхъ, до которыхъ былъ большой охотникъ. Въ настоящее время, то-есть весною, въ Казани происходило обыкновенное ежегодное и оригинальное гулянье, и вотъ по какому поводу: какъ только выступитъ изъ береговъ Волга и затопитъ на нѣсколько верстъ (иногда болѣе десяти) свою луговую сторону, она сливается съ озеромъ Кабаномъ, ле-

жащимъ отъ нея, кажется, верстахъ въ трехъ, и пополнивъ его неподвижныя воды, устремитъ ихъ въ каналъ или протокъ, называемый Булакъ (мелкій, тинистый и вонючій лѣтомъ), который, проходя сквозь всю нижнюю часть Казани, соединяется съ рѣкой Казанкой [1]). Цѣлыя стаи большихъ лодокъ, нагруженныхъ разнымъ мелкимъ товаромъ, пользуясь водопольемъ, приходятъ съ Волги черезъ озеро Кабанъ и буквально покрываютъ Булакъ. Казанскіе жители всегда съ нетерпѣніемъ ожидаютъ этого времени, какъ единственной своей ярмарки, и вѣсть: „лодки пришли“ мгновенно оживляетъ весь городъ [2]). По берегамъ Булака устроивается шумное гулянье: публика и народъ толпятся по его грязнымъ и гадкимъ набережнымъ, точно какъ въ Москвѣ подъ Новинскимъ, на Святой недѣлѣ. Между множествомъ разнаго товара, между апельсинами и лимонами, привозится огромное количество посуды фарфоровой, стеклянной и глиняной муравленой, то есть покрытой внутри и снаружи, или только внутри, зеленымъ лакомъ. Въ числѣ посуды привозятъ много глиняныхъ и стеклянныхъ ребячьихъ игрушекъ, какъ-то: уточекъ, гуськовъ, дудочекъ и брызгалокъ. Въ это время, по всѣмъ Казанскимъ улицамъ и особенно около Булака, толпы мальчишекъ и дѣвчонокъ, всѣ вооруженныя новыми игрушками, купленными на лодкахъ, съ радостными лицами и какимъ-то бѣшенымъ азартомъ бѣгаютъ, свистятъ, пищатъ или пускаютъ фонтанчики изъ брызгалокъ, обливая водою другъ друга и даже гуляющихъ, и это продолжается съ мѣсяцъ. Видъ такого, чисто-народнаго торга и гулянья, куда аристократія Казани пріѣзжаетъ только полюбоваться на толпу, — смѣсь

---

[1]) Водополье озера Кабана, по особенному положенію его мѣстности, очень замѣчательно. Кабанъ, въ который стекается множество весеннихъ ручьевъ со всего города и сосѣднихъ окрестностей, очень рано оттаиваетъ отъ береговъ и спускаетъ излишнюю воду по Булаку въ рѣку Казанку, а потомъ, когда, вышедъ изъ береговъ, разливается Казанка и становится выше его уровня, Булакъ принимаетъ обратно мутныя и быстрыя волны этой рѣки; Волга же, разливаясь всегда позднѣе всѣхъ меньшихъ рѣкъ, снова заставляетъ переполненныя воды Кабана, опять по Булаку, устремляться въ Казанку.

Этимъ любопытнымъ наблюденіемъ и вообще свѣдѣніями о настоящемъ состояніи Казани, а также новѣйшими свѣдѣніями по натуральной исторіи обязанъ я молодому ученому, недавно оставившему Казанскій университетъ, Н. П. Вагнеру. *С. А.*

[2]) Эта весенняя ярмарка продолжается и теперь, даже въ большихъ размѣрахъ, какъ мнѣ сказывали; вся же мѣстность торга на водахъ и берегахъ Булака получила общее названіе „Биржи“. *С. А.*

одеждъ татарскихъ и русскихъ, городскихъ и деревенскихъ, очень живописны. Мы съ Германомъ часто посѣщали Булакъ, и Германъ очень былъ огорченъ, когда я вдругъ объявилъ ему, что не намѣренъ болѣе шататься по Булаку, что у меня другое на умѣ, что все свободное время я буду посвящать собиранію бабочекъ, воспитанію гусеницъ и отыскиванію хризалидъ и что буду очень радъ, если онъ станетъ помогать мнѣ. Герману не понравилось мое намѣреніе, ему пріятнѣе и выгоднѣе было имѣть меня своимъ товарищемъ на гуляньяхъ, но дѣлать было нечего, и онъ волею-неволею согласился быть моимъ помощникомъ въ новыхъ моихъ занятіяхъ. Комнатъ у меня было довольно и я назначилъ одну изъ нихъ, совершенно отдѣльную, исключительно для помѣщенія, на особыхъ столахъ, стеклянныхъ ящиковъ съ картонными крышками, картонныхъ коробокъ и даже большихъ стеклянныхъ банокъ, въ которыхъ должны были сидѣть разные черви или гусеницы, достаточно снабженные тѣми травами и растеньями, которыя служили имъ обыкновенной пищей. Для того, чтобы воздухъ могъ проходить въ ящики и коробки, крышки ихъ были всѣ исколоты толстой булавкой. То-же сдѣлалъ я съ бумагою, которою обвязывались стеклянныя банки. Въ этихъ мелкихъ и скучныхъ хлопотливыхъ приготовленіяхъ Германъ былъ точно моимъ помощникомъ. Впослѣдствіи, когда собраніе гусеницъ сдѣлалось довольно многочисленно, въ комнатѣ, гдѣ жили червяки, распространился сильный и противный запахъ, такъ что безъ раствореннаго окна въ ней нельзя было долго оставаться, а я любилъ подолгу наблюдать за моими питомцами; Германъ же пересталъ и ходить туда, увѣрялъ даже, что во всемъ флигелѣ воняетъ червями, — что было совершенно несправедливо. Для денныхъ, сумеречныхъ и ночныхъ хризалидъ были назначены особые ящики. Квартира моя имѣла еще то удобство, что находилась на какомъ-то пустырѣ, окруженномъ съ двухъ сторонъ оврагами, идущими къ рѣкѣ Казанкѣ и заросшими травою. Я немедленно осмотрѣлъ ихъ съ большимъ вниманіемъ и, къ удовольствію моему, увидѣлъ, что тамъ летаютъ разныя бабочки. У Панаева, который жилъ на Черномъ озерѣ, вмѣстѣ съ четырьмя братьями, въ собственномъ домѣ, былъ подъ руками тоже довольно большой садъ, превращенный частью въ огородъ, совершенно запущенный, что однако не мѣшало залетать туда бабочкамъ. Благодаря такимъ благопріятнымъ для насъ обстоятельствамъ,

мы съ Панаевымъ въ первые два дня, не выходя еще за городъ, поймали съ десятокъ такихъ бабочекъ, которыя, хотя были довольно обыкновенны, но могли уже съ честью занять свое мѣсто въ нашемъ собраніи. Я сказалъ, что мы рѣшились было вести наше дѣло по секрету отъ всѣхъ товарищей. Но увы! какія тайны сохраняются строго! на другой же день знали въ университетѣ о нашемъ предпріятіи. (Вѣроятно разболтали меньшіе братья Панаева, Владиміръ и Петръ, которые были тогда своекоштными гимназистами). Мы рѣшились болѣе не скрываться, да и Тимьянскій съ Кайсаровымъ послѣдовали нашему примѣру; но тѣмъ не менѣе между нами установилось открытое соперничество. Собраніе Тимьянскаго имѣло уже то преимущество, что было старѣе нашего и успѣло собрать до 30-ти экземпляровъ, тогда какъ у насъ не было еще ни одного; но мы имѣли болѣе свободнаго времени, болѣе средствъ и скоро потомъ сравнялись съ своими соперниками. Впослѣдствіи студенты раздѣлились на двѣ стороны, изъ которыхъ одна болѣе хвалила собраніе бабочекъ у казенныхъ студентовъ, а другая у своекоштныхъ, то-есть у меня и Панаева.—Какъ нарочно, нѣсколько дней не удалось намъ попасть за городъ, въ рощи и сады за Арскимъ полемъ. Мое нетерпѣніе возрастало съ каждымъ часомъ. Я, даже не испытавъ еще настоящимъ образомъ удовольствія ловить бабочекъ, особенно рѣдкихъ, или почему нибудь замѣчательныхъ,—я уже всею душою, страстно предался новому увлеченію, и въ это время, кромѣ отыскиванія червяковъ, хризалидъ и ловли бабочекъ, ничего не было у меня въ головѣ: Панаевъ раздѣлялъ мою новую охоту, но всегда въ границахъ спокойнаго благоразумія. Наконецъ, въ одинъ воскресный или праздничный день, рано поутру, для чего Панаевъ ночевалъ у меня, потому что я жилъ гораздо ближе къ Арскому полю, вышли мы на свою охоту, каждый съ двумя рампетками: одна крѣпко вставленная въ деревянную палочку была у каждаго въ рукахъ, а другая, запасная, безъ ручки, висѣла на снуркѣ черезъ плечо. У каждаго также висѣлъ картонный ящикъ, въ который можно было класть пойманныхъ бабочекъ. Едва-ли когда-нибудь, сдѣлавшись уже страстнымъ ружейнымъ охотникомъ, послѣ продолжительнаго ненастья, продержавшаго меня нѣсколько дней дома, выходилъ я въ такомъ упоительномъ восторгѣ, съ ружьемъ и легавой собакой, въ изобильное перво-классною дичью болото!... Да и какой весенній день сіялъ надъ нашими мо-

лодыми головами! Солнце изъ-за рощи выходило къ намъ на встрѣчу и потоками пылающаго свѣта обливало всю окрестность. Какъ будто земля горѣла подъ нашими ногами, такъ быстро пробѣжали мы Новую Горшечную улицу и Арское поле [1])... И вотъ онъ наконецъ передъ нами, старый, заглохшій садъ, съ темными, вѣковыми аллеями, съ своими ветхими заборами, своими цвѣтистыми полями, садъ, называвшійся тогда Болховскимъ [2]). Хоръ птичьихъ голосовъ, заглушаемый соловьиными пѣснями, поразилъ сначала мой слухъ, но я скоро забылъ о немъ. Мы остановились съ Панаевымъ, чтобы перевести духъ и условиться въ нашихъ поискахъ. Мы рѣшились пройти первую представившуюся намъ широкую поляну вмѣстѣ, то есть на разстояніи шаговъ ста одинъ отъ другого. Только тронулся я съ мѣста по росистому лугу, въ одну минуту промочившему мои ноги, какъ увидѣлъ, что Панаевъ побѣжалъ и началъ что-то ловить своей рампеткой. Я забылъ даже условіе, чтобы не сходиться другъ съ другомъ, если другой не будетъ звать, и чтобы никогда обоимъ не гоняться за одной добычей. Я опрометью прибѣжалъ къ Панаеву и увидѣлъ, что онъ точно ловитъ какую-то красивую бабочку, никогда мною невиданную. Я бросился ему помогать, несмотря на его крикъ, чтобы я ушелъ прочь, чтобы я не мѣшалъ ему. Но увы, это было уже поздно. Бабочка, испуганная нашимъ преслѣдованіемъ, особенно потому, что я забѣжалъ ей встрѣчу, поднялась вверхъ столбомъ и, перепорхнувъ черезъ аллею, скрылась отъ нашихъ глазъ. Панаевъ очень сердился и очень журилъ меня и положительно сказалъ, что если я въ другой разъ такъ поступлю, то никогда вмѣстѣ со мной ходить не будетъ.—Онъ увѣрялъ, что бабочка была необыкновенно красива и что едва-ли это не была Ириса или Глазчатая Нифма. Я очень огорчился, очень раскаивался, очень досадовалъ на себя и далъ искреннее обѣщаніе, даже побожился, что впередъ этого никогда не будетъ. Я въ точности сдержалъ обѣщаніе.—Мы разошлись опять, каждый на свою черту въ назначенномъ разстояніи,

[1]) Арское поле почти теперь не существуетъ: оно все застроено улицами и домами; даже бывшее на немъ стародавнее, трехдневное гулянье, начинавшееся съ Троицына дня и продолжавшееся всегда дней пять, перенесено на другое мѣсто. *С. А.*

[2]) Сады Болховской и рядомъ съ нимъ Неёловскій существуютъ и теперь, но прежнихъ ихъ именъ никто уже не знаетъ: они составляютъ садъ Родіоновскаго Института благородныхъ дѣвицъ. *С. А.*

и я скоро увидѣлъ, что Панаевъ опять побѣжалъ. Въ самое то время, какъ товарищъ мой, что-то поймавъ, остановился и сталъ вынимать изъ мѣшечка рамнетки, когда мнѣ стоило большого труда, чтобы не прибѣжать къ нему, не узнать, не посмотрѣть, что онъ поймалъ,—мелькнула передъ моими глазами, бросая отъ себя по травѣ и цвѣтамъ дрожащую и порхающую тѣнь, большая бабочка, темная, но блестящая на солнцѣ, какъ эмаль. Я бросился ее преслѣдовать и очень счастливо; очень скоро поймалъ; руки у меня дрожали отъ радости и я не вдругъ могъ подавить слегка грудку моей плѣнницы, чтобы привесть ее въ обморочное состояніе; безъ этой печальной, необходимой предосторожности, она стала бы биться въ ящикѣ и испортила бы свои бархатныя крылушки. Эту денную бабочку я сейчасъ узналъ: она находилась уже въ собраніи у Тимьянскаго и была въ точности опредѣлена по Блуменбаху и утверждена Фуксомъ; она называлась Антіопа. Но какимъ жалкимъ образомъ описываетъ ее Блуменбахъ: „Антіопа, бабочка Нимфа, полосатая, у коей крылья угольчатыя, черныя, съ бѣлесоватымъ краемъ“. Вотъ и все. Ну какое понятіе можно получить изъ этого описанія? къ тому же и полосъ на ней никакихъ нѣтъ. Тогда какъ Антіопа, несмотря на скромныя свои краски, уже по величинѣ своей принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ русскихъ бабочекъ; темно-кофейныя, блестящія, лаковыя ея крылья, по изобилію цвѣтной пыли, кажутся бархатными, а къ самому брюшку или туловищу покрыты какъ будто мохомъ или тоненькими волосками рыжеватаго цвѣта; края крыльевъ, и верхняго и нижняго, оторочены блѣдно-желтою, палевою, довольно широкою зубчатою каемкою, вырѣзанною фестончиками; такого же цвѣта двѣ коротенькихъ полоски находятся на верхнемъ краѣ верхнихъ крыльевъ, а вдоль палевой коймы, по обоимъ крыльямъ, размѣщены яркія, синія пятнышки; глаза Антіопы и булавообразные усы, сравнительно съ другими бабочками, очень велики; все тѣло покрыто темнымъ пухомъ; исподъ крыльевъ не замѣчателенъ: по темному основанію онъ исчерченъ бѣлыми тонкими жилочками [1]. Я былъ

---

[1] Всѣ описанія бабочекъ составлены мною или съ натуры, или съ рисунковъ, или по Блуменбаху, поправленному и дополненному нами тогда же. Въ описаніяхъ моихъ можетъ встрѣтиться разница съ описаніями натуралистовъ. Она происходитъ оттого, что многія денныя бабочки имѣютъ два вылета: весенній и осенній, чего мы тогда не знали.

очень доволенъ, что у насъ есть Антіопа. Поймавъ еще нѣсколько бабочекъ, неизвѣстныхъ мнѣ по имени, которыхъ я или вовсе не видѣлъ, или видѣлъ издалека, сошелся я наконецъ съ Панаевымъ. Онъ также поймалъ Антіопу и такихъ же ярко-голубыхъ и краснозолотистыхъ маленькихъ бабочекъ, какія были и у меня въ ящичкѣ; я сверхъ того нашелъ нѣсколько червей, изъ которыхъ одинъ, очень мохнатый, извѣстный подъ именемъ Поповой Собаки, обѣщалъ очень красивую сумеречную бабочку. Гусеницъ бабочки я узнавалъ по тому, что онѣ имѣютъ обыкновенно восемь паръ ногъ. Очень довольные такимъ началомъ, мы сѣли отдохнуть подъ непроницаемой тѣнью старыхъ липъ и даже позавтракали, потому что имѣли предусмотрительность запастись хлѣбомъ и сыромъ. Позавтракавъ, мы разошлись въ разныя стороны, назначивъ мѣсто, гдѣ мы должны сойтись. Болховской садъ былъ намъ хорошо извѣстенъ; мы хаживали въ него гулять, а также и въ другой, кажется, рядомъ съ нимъ лежащій, Неёловскій садъ.

Я не видалъ этихъ садовъ пятьдесятъ-два года. Они представляются мнѣ теперь огромными и таинственными, и нѣкоторыя мѣста совершенно глухими и непроходимыми. Легко быть можетъ, что они совсѣмъ не таковы и даже не велики. Мнѣ не разъ случалось увидать въ совершенныхъ лѣтахъ, послѣ долгаго промежутка, то мѣсто, гдѣ въ ранней молодости часто гулялъ, или тотъ домъ, въ которомъ я долго жилъ; всегда я былъ пораженъ тѣмъ, что находилъ ихъ миніатюрными въ сравненіи съ тѣми образами, которые жили въ моей памяти. Я боюсь, чтобы того же не случилось съ садами Болховскимъ и Неёловскимъ, и потому предупреждаю моихъ читателей, что я пишу обо всѣхъ предметахъ такъ, какъ они казались мнѣ за пятьдесятъ лѣтъ.

Побродивъ довольно долго по полянамъ и луговинамъ, и поймавъ довольно бабочекъ, нѣкоторыхъ вовсе мнѣ неизвѣстныхъ, и предполагая, что иныя изъ нихъ, по оригинальности цвѣтовъ и формъ, должны быть замѣчательными, я занялся отыскиваніемъ червяковъ, хризалидъ и ночныхъ бабочекъ, которыя привлекали меня къ себѣ больше, чѣмъ денныя. Находя червяка, я всегда срывалъ растеніе или вѣтку того куста или дерева, на которомъ находилъ его, для того, чтобы знать,

Краски весеннихъ бабочекъ блѣднѣе (ибо онѣ перезимовали), а осеннихъ гораздо ярче. Вообще, я не поправляю нашихъ тогдашнихъ ошибочныхъ понятій и взглядовъ на науку. Въ 50 лѣтъ она ушла далеко. *С. А.*

чѣмъ кормить. Червяковъ или гусеницъ я могъ бы набрать много; но сажать ихъ было некуда, ящичекъ былъ уже довольно полонъ, и я пустился отыскивать хризалидъ и ночныхъ бабочекъ: я осматривалъ для этого исподъ листьевъ всякой высокой и широколиственной травы, осматривалъ старыя деревья, ихъ дупла и всякія трещины и углубленія въ корѣ; наконецъ осматривалъ полусгнившіе мѣстами заборы, ихъ щели и продолбленные столбы. Успѣхъ превзошелъ мои ожиданія, и я долженъ былъ прекратить мои поиски, за неимѣніемъ мѣста, куда класть добычу. Я поспѣшилъ на условленное мѣсто и нашелъ тамъ Панаева, который уже давно меня дожидался. По его веселому лицу я угадалъ, что его ловля была удачна. Панаевъ ничего не хотѣлъ мнѣ разсказать, да и меня не сталъ слушать, говоря: „если мы еще промѣшкаемъ, то многія бабочки, у которыхъ грудки слишкомъ сильно сжаты, высохнутъ и раскладывать ихъ будетъ невозможно.“ Хотя мнѣ очень хотѣлось отдохнуть, но причины были такъ важны и убѣдительны, что я сейчасъ согласился, и мы отправились домой, т. е. прямо къ Панаеву, на Черное Озеро, чтобы немедленно воспользоваться плодами нашей ловли, и можетъ быть съ перваго раза затмить нашихъ соперниковъ. Эта мысль подкрѣпила наши силы и мы шли бодро, разсказывая другъ другу свои подвиги и неудачи, и закусывая все это на ходу оставшимся у насъ хлѣбомъ. Боже мой, какъ весело было наше возвращеніе! Братья Панаева, двое старшихъ и двое младшихъ (старшіе были также студенты), съ нетерпѣніемъ насъ ожидали. Они всѣ принимали живое участіе въ собираніи бабочекъ. Напоивъ насъ квасомъ, потому что мы умирали отъ жажды, посадили насъ сейчасъ за работу. Панаевъ долженъ былъ раскладывать самыхъ лучшихъ бабочекъ, или такихъ, какихъ у насъ еще не было, а мнѣ предоставлялись дубликаты, также бабочки обыкновенныя и оборотныя: оборотными у насъ назывались тѣ, которыя раскладывались и сушились обороченныя вверхъ исподомъ своихъ крыльевъ. Въ полныхъ учебныхъ собраніяхъ всегда такъ дѣлалось, по словамъ Фукса; но у насъ это было исключеніе для тѣхъ бабочекъ, у которыхъ исподъ довольно красивъ: есть такія, у которыхъ нижняя сторона даже лучше верхней [1]).

[1]) Теперь это дѣлается иначе, какъ я узналъ отъ Н. Н. В.: ящикъ имѣетъ стеклянное дно и, обернувъ его, можно видѣть исподъ бабочкиныхъ крыльевъ. Такъ устроены собранія насѣкомыхъ, принадлежащія казанскимъ ученымъ Эверсману и Бутлерову. *С. А.*

При разборѣ наловленныхъ бабочекъ оказалось, что мы оба съ Панаевымъ, особенно я, по моей торопливости и горячности, не всегда въ надлежащей мѣрѣ сдавливали имъ грудки: нѣкоторыя совершенно отдохнули, вѣроятно бились и, по тѣснотѣ помѣщенія, потерлись, то есть, сбили пыль съ своихъ крылушекъ; по счастію, лучшія бабочки сохранились хорошо. Собраніе наше увеличилось двадцатью новыми экземплярами, изъ которыхъ половина была тогда же опредѣлена нами по Блуменбаху, выученному почти наизусть; остальныхъ же мы никакъ отыскать не могли, потому что Блуменбахъ очень краток въ своихъ описаніяхъ и неточенъ, да къ тому же многихъ родовъ бабочекъ въ немъ вовсе не находится. Напримѣръ, у него ни слова не сказано о маленькихъ голубыхъ и оранжево-золотистыхъ бабочкахъ, блестящихъ, совершенно какъ эмаль, серебристымъ и золотистымъ блескомъ. Бабочки эти положительно денныя и появляются иногда во множествѣ. Точно такую голубую бабочку я видѣлъ одинъ разъ большую; но къ сожалѣнію поймать ее не могъ.

Вотъ тѣ бабочки, которыхъ можно было опредѣлить съ достовѣрностью. Денныя: *Капустная бабочка* (Brassicae) [1], съ черными кончиками и такими же двумя черными пятнышками; исподъ крыльевъ желтоватый; ее не надобно смѣшивать съ обыкновенной капустной бабочкой, которая имѣетъ нѣсколько видовъ. *Бабочка Іо или Глазчатая Нимфа*, довольно большая, очень красивая и рѣдкая: крылушки у ней угловато-зубчатыя, цвѣтомъ темно-вишневыя; на каждомъ крылѣ находится по большому глазку голубовато-лиловаго цвѣта, по которому съ боку идутъ по пяти маленькихъ бѣлыхъ пятнышекъ. Глазки на верхнихъ крыльяхъ имѣютъ не полный, желтый ободочекъ, а глазки на нижнихъ крыльяхъ—темный. Исподъ крыльевъ темный. Оторочка крыльевъ черная. На верхнихъ крыльяхъ, возлѣ глазковъ, послѣ темнаго промежутка, ближе къ туловищу, находится по желтоватому пятну или короткой полоскѣ. *Бабочка Галатея* (Galathea), имѣющая крылушки зубчатыя, испещренная по блѣдно-палевому цвѣту черными пятнышками. На переднихъ крыльяхъ, съ-испода, находится по одному, а на нижнихъ по пяти или болѣе безцвѣтныхъ очковъ или кружечковъ. Она также теперь въ Казани не попадается. *Бабочка С.* (С. Album); ее поймалъ Па-

[1]) Эти бабочки теперь не попадаются въ Казани.

наевъ. Этой бабочкѣ мы очень обрадовались, потому что, читая ея описаніе, намъ казалось очень страннымъ, даже невѣроятнымъ: какъ это у бабочки на крыльяхъ изображена бѣлой краской буква С., да еще и съ точкой? Эта бабочка средней величины, крылушки у ней по краямъ вырѣзаны уголками или городками; цвѣтомъ желтовато-красная, съ черными клѣтками и пятнышками, а на нижнихъ крыльяхъ, по темному полю, съ-испода, очень ярко означена бѣлымъ цвѣтомъ буква С., и возлѣ нее бѣлая же точка. *Бабочка Аглая* (Aglaia), какъ называетъ ее Блуменбахъ, называлась у насъ со словъ профессора Фукса *перламутровою*. Крылья у ней кругловатыя, желто-бурыя, съ черными пятнышками, правильно расположенными, какъ будто въ графахъ; исподъ же крыльевъ, по Блуменбаху, „имѣетъ на каждой сторонѣ по 21-му пятну серебряному“, но въ дѣйствительности цвѣтъ ихъ похожъ не на серебро, а на перламутръ. Ихъ даже нельзя назвать пятнами, а гораздо будетъ точнѣе, если сказать, что исподъ крыльевъ этой бабочки весь перламутровый, расчерченный темными полосками на клѣточки разной величины и фигуры, изъ коихъ нѣкоторыя кругловаты. *Бабочка Проскурняковая* (Malvæ), названная такъ по тому, что водится на полевыхъ рожахъ или проскурнякѣ; она имѣетъ темныя крылья съ бѣлыми пятнами, зубчатыя по краешкамъ. Сумеречныхъ находилось три бабочки и одна ночная. Первая изъ нихъ называется *Олеандровая сумеречная бабочка* (Nerii), и хотя сказано у Блуменбаха, что она водится на олеандрѣ, слѣдовательно не должна жить въ Россіи, но ея, зеленаго цвѣта, угловатыя крылья съ разными, то блѣдными, то темными, то желтоватыми повязками, описанныя вѣрно у Блуменбаха, не оставляютъ сомнѣнія, что это она, и что она живетъ въ Казанской губерніи [1]. *Молочайная сумеречная бабочка* (Euphorbiæ) имѣетъ довольно большія бурыя крылья; на переднихъ лежитъ поперекъ блѣдно-розовая, а на заднихъ красная струя или повязка: очень красива. *Бабочка барашекъ* (Filipendulæ), въ двухъ видахъ. У Блуменбаха описанъ только первый видъ, большей величины, и она названа *ненастоящею сумеречною бабочкою*, вѣроятно потому, что хотя у нея крылушки длинны и она складываетъ ихъ, какъ сумеречная бабочка, въ тре-

[1] Родъ Сфинксъ. Около Казани ее уже нѣтъ и она встрѣчается не ближе Сарепты. С. А.

угольникъ, но усы толстые, булавообразные [1]) и летаетъ она хотя мало, но днемъ, а въ сумерки мнѣ не случалось ее видѣть. Она очень красива, и я, завидя ее перелетывающую перелетомъ изумрудныхъ букашекъ, не счелъ бабочкой: когда же она сѣла на траву, то я разглядѣлъ ее и пришелъ въ восхищенье! Верхнія крылушки у ней точно бархатъ, зеленоватыя, отливаютъ голубымъ глянцомъ, и каждое крыло имѣетъ шесть ярко-пунцовыхъ точекъ или пятнышекъ, а нижнія крылушки гораздо меньше верхнихъ, чисто пунцовыя, съ узкой черной каемкой: все тѣло зеленовато-голубое съ отливомъ. Второй видъ *Барашка* былъ пойманъ Панаевымъ: онъ нѣсколько поменьше, верхнія крылушки коричнево-зеленоватыя, съ такими же красивыми пятнышками, а нижнія блѣдно-розовыя или желтовато-розовыя. Этими бабочками мы долго гордились, потому что наши соперники не могли достать ихъ. Но я всего болѣе радовался *Хмълевой ночной бабочкѣ* (Humuli), которую нашелъ въ дуплѣ старой липы. У нея была совершенно совиная головка, тѣло красножелтое, а крылья бѣлыя, какъ снѣгъ, съ верхней стороны, а съ испода темно-бурыя: въ добавокъ она была такъ свѣжа, какъ будто сейчасъ вывелась. По Блуменбаху это былъ самецъ: самка же красновато-желтаго цвѣта.

Разложивши бабочекъ, досыта налюбовавшись ими и пообѣдавъ на скорую руку съ другомъ моимъ Панаевымъ (братья его давно уже отобѣдали, зная напередъ, что мы вернемся поздно), я поспѣшилъ домой: мнѣ нужно было размѣстить моихъ червяковъ и куколокъ; и тѣхъ и другихъ нашлось до тридцати штукъ. Хризалидъ денныхъ бабочекъ я старался развѣсить [2]) на стѣнкахъ или приклеить къ верхней крышкѣ ящика, который нарочно открывался съ боку: но это было очень трудно сдѣлать, потому что клейкая матерія, похожая на шелкъ-сырецъ, которою червячки приклеиваютъ свой задъ къ исподу травяныхъ и древесныхъ листьевъ, а въ дуплахъ и щеляхъ—къ дереву, уже высохла, и хотя я снималъ хризалидъ очень бережно, отдѣляя ножечкомъ приклейку, но, будучи намочена, она уже теряла клейкость, не приставала

---

[1]) Вѣроятно, память обманываетъ меня, булавообразныхъ усовъ у Барашка, по всѣмъ рисункамъ, нѣтъ, а есть обыкновенные усики сумеречныхъ бабочекъ, широкіе въ срединѣ и узенькіе къ концамъ. *С. А.*

[2]) Потому что онѣ сами всегда устраиваютъ себя въ висячемъ положеніи. *С. А.*

и не держалась даже и на стѣнкахъ ящичка, не только на верхней крышкѣ. Впослѣдствіи Панаевъ придумалъ приклеивать ихъ вишневымъ клеемъ, что вышло очень удобно. Куколокъ же сумеречныхъ бабочекъ, закутанныхъ въ какомъ-то пухѣ или гнѣздѣ, и куколокъ ночныхъ бабочекъ, которыхъ было у меня всего двѣ и которыя лежали въ кругловатыхъ яичкахъ, оболочка которыхъ была очень крѣпка,— я положилъ въ особый ящичекъ, прикрылъ ихъ расщипанной хлопчатой бумагой и защитилъ отъ вліянія свѣта, потому что ночныхъ хризалидъ всегда находишь въ густой тѣни.

На другой день поутру явились мы съ Панаевымъ въ университетъ за полчаса до начала лекцій, чтобы успѣть разсказать о своихъ пріобрѣтеніяхъ и чтобы узнать, удачна ли была ловля нашихъ соперниковъ: мы знали, что они также собирались итти за городъ. Признаться, мы думали похвастаться своей добычей и предполагали, что преимущество останется на нашей сторонѣ. Но толь ко мы вошли въ дортуары, какъ нѣсколько человѣкъ студентовъ, принимавшихъ болѣе живое участіе въ предпріятіи Тимьянскаго и Кайсарова, встрѣтили насъ громкими восклицаніями: „ну, господа, какихъ бабочекъ поймалъ Тимьянскій съ Кайсаровымъ, такъ это чудо! Вамъ ужъ эдакихъ не достать; и какую пропасть наловили всякихъ рѣдкихъ насѣкомыхъ! Они и теперь возятся съ ними на верху, въ аудиторіи Фукса: даже кавалера Подалиріуса достали!“ [1]) Мы съ Панаевымъ были очень озадачены и смущены такимъ извѣстіемъ. Особенно Кавалеръ какъ громомъ поразилъ насъ. Тутъ узнали мы отъ своихъ словоохотливыхъ товарищей, что вчера Тимьянскій и Кайсаровъ, вмѣстѣ еще съ тремя студентами, Поповымъ, Петровымъ и Кинтеромъ, уходили на цѣлый день за городъ къ Хижицамъ и Зилантову Монастырю (извѣстное мѣсто, верстахъ въ 4 или 5 отъ Казани), что они брали съ собой особый большой ящикъ, въ которомъ помѣщались доски для раскладыванія бабочекъ и сушки другихъ насѣкомыхъ, что всего они набрали штукъ 70. Мы поспѣшили на верхъ и тамъ своими глазами убѣдились, что торжество было на сторонѣ нашихъ противниковъ. Они поймали по

---

[1]) У Блуменбаха, въ русскомъ переводѣ, онъ названъ *Подалирій*, но мы всегда произносили по-латыни: Podalirius. *С. А.*

нѣсколько экземпляровъ всѣхъ бабочекъ, пойманныхъ вчера мною и Панаевымъ, кромѣ Барашковъ и Хмѣлевой ночной бабочки: да сверхъ того болѣе десяти неизвѣстныхъ намъ видовъ, въ томъ числѣ двухъ Кардамонныхъ бабочекъ, бывающихъ не каждый годъ въ окрестностяхъ Казани; но что всего важнѣе: они поймали Кавалера Подалиріуса. Когда я взглянулъ на него, во всей красѣ и величинѣ разложеннаго на доскѣ, со шпорами на заднихъ крыльяхъ, сердце у меня забилось отъ удовольствія и зависти! Надобно сказать, что во всемъ многочисленномъ царствѣ бабочекъ находится, по Блуменбаху, только четыре Кавалера; первый изъ нихъ называется: „Пріамъ, бабочка Кавалеръ Троянскій (такъ говоритъ Блуменбахъ), у коего крылья зубчатыя, пушистыя, сверху зеленыя, съ черными полосками, а заднія съ шестью черными пятнами. Водится въ Амбоинѣ. Онъ, также какъ и слѣдующая порода, есть самое большое великолѣпное насѣкомое". Второй: „Улисъ, бабочка Кавалеръ Ахивскій, у коего крылья бурыя съ хвостиками (то есть со шпорами), а верхняя ихъ сторона синяя, блестящая и съ зубчиками. Заднія крылья имѣютъ по семи глазковъ. Водится также въ Амбоинѣ". Уже изъ этого краткаго и скуднаго описанія можно себѣ вообразить, что за красивыя, прелестныя созданія эти два Кавалера. Фуксъ видѣлъ ихъ и говорилъ, что они величиною съ летучую мышь, и такъ хороши, что трудно описать [1]). „Третій Кавалеръ, Махаонъ, и четвертый, Подалиріусъ, водятся въ Европѣ"—и одного-то изъ нихъ удалось поймать нашимъ соперникамъ! Не зная тогда, что послѣдніе два вида Кавалеровъ водятся вездѣ въ Россіи и что они не слишкомъ рѣдки, мы съ Панаевымъ не могли не завидовать счастію Тимьянскаго, поймавшаго чуднаго Подалиріуса.

Тимьянскій видѣлъ наше смущеніе и съ торжествующей улыбкой сказалъ: „Вотъ, господа, я вамъ показываю всѣхъ нашихъ бабочекъ, покажите же и вы намъ своихъ." Панаевъ отвѣчалъ, что экземпляровъ у насъ мало, слѣдовательно показывать нечего, но что пожалуй мы привеземъ завтра или послѣ завтра, когда бабочки всѣ высохнутъ, особенно одна очень толстая Хмѣлевая бабочка. „Развѣ у васъ есть Ночная Хмѣлевая? спросилъ Тимьянскій съ удивленіемъ; вѣдь

---

[1]) Теперь считается до десяти видовъ кавалеровъ, водящихся въ Европѣ; китайскія же бабочки (Aglia и Strex) превосходятъ ихъ величиною вчетверо. *С. А.*

это рѣдкость!" Я отвѣчалъ, что есть, что я нашелъ ее въ дуплѣ и совершенно свѣжею, то есть не потертою. Замѣтно было, что Тимьянскій въ свою очередь позавидовалъ Хмѣлевой бабочкѣ; это насъ утѣшило. Когда же мы вышли, то Панаевъ весело сказалъ мнѣ: „А видѣлъ ли ты, какъ нечисто, неопрятно разложены у нихъ всѣ бабочки? вѣдь онѣ нашимъ въ слуги не годятся!" Хотя я не обращалъ на это обстоятельство особеннаго вниманія, но тутъ припомнилъ, что Панаевъ совершенно правъ,—и мы оба, успокоенные, бодро отправились слушать профессорскія лекціи.

На другой же день намъ удалось умножить наше собраніе тремя сумеречными необыкновенно-красивыми бабочками, которыхъ и воткнуть иначе было нельзя, какъ на самыя тоненькія кружевныя булавочки, по миніатюрности ихъ тѣла. При раскладкѣ ихъ Панаевъ вполнѣ выказалъ свою ловкость и умѣнье. Я поймалъ ихъ въ оврагахъ около моей квартиры, куда заглянулъ случайно. Солнце было еще высоко, а въ оврагахъ была уже тѣнь и сумеречныя бабочки начали летать.

Черезъ два дня повезли мы нашъ ящикъ, съ тридцатью пятью экземплярами бабочекъ, въ университетъ, на показъ своимъ товарищамъ. Въ одну минуту всѣ сошлись смотрѣть ихъ, и, конечно, всякій видѣлъ превосходство нашего собранія относительно цѣлости, свѣжести и правильности раскладки нашихъ бабочекъ; особенно нельзя было не удивляться маленькимъ, прелестнымъ ночнымъ бабочкамъ, казавшимся совершенно живыми, потому что крошечныхъ булавочекъ, на которыхъ онѣ торчали, совсѣмъ было не замѣтно. Къ этому надо прибавить, что ящикъ, внутренняя его оклейка, стекло, петли и замокъ—все было прекрасно, благодаря попеченіямъ Панаева. Разумѣется, наружность бросилась въ глаза всѣмъ, но Тимьянскій очень хорошо видѣлъ, понималъ и цѣнилъ, такъ сказать, внутреннее достоинство нашего собранія. Не безъ досады и, можетъ быть, зависти, онъ холодно хвалилъ нашихъ бабочекъ, особенно Ночную Хмѣлевую и Барашковъ, но сдѣлалъ замѣчаніе, что бабочки слишкомъ вычурно разложены, какъ-то на-показъ, и что имъ дано неестественное положеніе. Если въ послѣднемъ обвиненіи была своя доля правды, то это не наша вина: этотъ способъ былъ принятъ всѣми натуралистами. Я поспѣшилъ сказать о томъ въ наше оправданіе и прибавилъ въ оправданіе натуралистовъ, что

денныя бабочки часто принимаютъ точно такое положеніе, въ какомъ раскладываются: что, конечно, сумеречныя и особенно ночныя бабочки, когда сидятъ, не расширяютъ своихъ крыльевъ, а складываютъ ихъ повислымъ треугольникомъ, такъ что нижнихъ крыльевъ подъ верхними не видно; но если ихъ такъ и высушивать, то онѣ потеряютъ половину своей красоты, потому что нижнія крылья бываютъ часто красивѣе верхнихъ, и что, глядя на такой экземпляръ, не получишь настоящаго понятія о бабочкѣ. „Да ты развѣ не такъ же раскладываешь?“ сказалъ Панаевъ. „Верхнія крылушки у тебя также приподняты, а только нижнія висятъ. Это развѣ естественное положеніе?“ Но Тимьянскій не соглашался и доказывалъ, что его способъ раскладыванія гораздо натуральнѣе; многіе приняли его сторону, многіе нашу, изъ этого вышелъ споръ, и мы разстались съ своими соперниками, хотя безъ явнаго неудовольствія, но съ холодностью. Впослѣдствіи они прозвали насъ „богачами-щеголями“ и называли такъ даже въ глаза, что, признаюсь, было мнѣ очень досадно, особенно потому, что было совершенно несправедливо; ящикъ нашъ, пожалуй, можно было назвать щеголеватымъ, но нисколько не богатымъ; все достоинство заключалось въ чистотѣ отдѣлки, до чего Панаевъ былъ большой охотникъ и за чѣмъ самъ заботливо смотрѣлъ. Одинъ изъ студентовъ, принадлежавшій къ противной партіи, Михайло Пестяковъ, прозвалъ наше собраніе бабочекъ „дворянскимъ“. Это прозвище также было въ ходу, потому что, какъ нарочно, всѣ наши противники были разночинцы, отъ которыхъ мы съ Панаевымъ отличались въ гимназіи красными воротниками: это было очень прискорбно, потому что прежде у насъ никогда не было слышно ни одного слова и даже намека на различіе сословій. Благодаря Бога, всѣ эти нѣсколько непріятныя отношенія впослѣдствіи исчезли, и мы уже соперничали дружески въ общемъ дѣлѣ, не завидуя другъ другу. Кромѣ бабочекъ, которыхъ у Тимьянскаго было болѣе 50-ти, онъ набралъ уже около сотни разныхъ насѣкомыхъ: нѣкоторыя блистали яркими радужными красками, особенно изъ породы жуковъ, божьихъ коровокъ, шпанскихъ мухъ, и также изъ породы коромысловъ; а нѣкоторыя отличались особенностью и странностью своего наружнаго вида; но всѣ они мнѣ не нравились и даже были противны. Бабочки, бабочки! — вотъ къ чему я привязывался съ каждымъ днемъ болѣе.

При первой возможности, мы съ Панаевымъ отправлялись за городъ; посѣтили садъ Неёловскій, Госпитальный и даже садъ Чемесова, который былъ впрочемъ не за городомъ, а на краю города: бабочекъ въ послѣднемъ мы нашли мало, но за то долго любовались на сотни кроликовъ, которымъ былъ отведенъ во владѣніе довольно высокій пригорокъ или холмъ (не умѣю сказать, натуральный или искусственный), обнесенный кругомъ крѣпкимъ заборомъ. Кроликовъ развелось тамъ невѣроятное множество; вся гора была изрыта ихъ норами; они бѣгали цѣлыми стаями и очень забавно играли между собой; но при первомъ шумѣ или стукѣ, который мы отъ времени до времени нарочно производили, эти трусливые звѣрки пугались и прятались въ свои норы [1].

Мы ходили съ Панаевымъ также на пасѣку или посѣку и находящіяся по обѣимъ ея сторонамъ гористыя мѣста, или, лучше сказать, глубокіе овраги, оброставшіе тогда молодымъ лѣскомъ, за которыми впослѣдствіи утвердилось названіе Казанской Швейцаріи, данное нами, т. е. казанскими студентами. До сихъ поръ эти мѣста служатъ любимымъ гуляньемъ для жителей Казани. Я слышалъ даже, что это мѣсто раздѣляется на двѣ половины: одна называется Нѣмецкою, другая Русскою Швейцаріею: послѣдняя ближе къ городу. Поиски наши были болѣе или менѣе удачны, и мы, мало-помалу, пріобрѣли всѣхъ тѣхъ бабочекъ, которыя находились въ собраніи Тимьянскаго, и которыхъ намъ не доставало, кромѣ одного, Кавалера Подалиріуса. Мы даже не имѣли надежды достать его, потому что появленіе Кавалера въ окрестностяхъ Казани считалось тогда рѣдкостью. Кавалеръ Подалиріусъ торчалъ какъ заноза въ нашемъ сердцѣ! Не скоро достали мы и Кардамонную бабочку, которая, не будучи особенно ярка, пестра и красива, какъ-то очень мила. Ея кругловатыя, молочной бѣлизны, крылушки покрыты какимъ-то особеннымъ, нѣжнымъ пухомъ; на каждомъ верхнемъ углѣ верхняго крыла у ней находится по одному пятну яркаго оранжеваго цвѣта, а исподъ нижнихъ крыльевъ—зеленовато-пестрый. Но самыми красивыми бабочками можно было назвать, во-первыхъ, бабочку *Ирису*: крылья у ней нѣсколько зубчатыя, блестящаго темно-бураго цвѣта, съ яркимъ синимъ

[1] Чемесовъ садъ существуетъ и теперь, но находится въ большомъ запущеніи, и кроликовъ уже давно нѣтъ. *С. А.*

яхонтовымъ отливомъ: верхнія до половины перерѣзаны бѣлою повязкою, а на нижнихъ у верхняго края находится по бѣлому очку; особенно замѣчательно, что исподъ ея крыльевъ есть совершенный отпечатокъ лицевой стороны, только нѣсколько блѣднѣе. Еще красивѣе бабочка *Аталанта* или *Адмиралъ* (Atalanta). У ней крылья также зубчатыя, черныя съ лоскомъ, испещренныя бѣлыми пятнышками; во всю длину верхнихъ крыльевъ лежитъ повязка ярко-пурпуроваго цвѣта, а на нижнихъ крылушкахъ такая же повязка, только съ черными пятнышками, огибаетъ ихъ боковые края. Надобно признаться, что у насъ и у Тимьянскаго было много бабочекъ безъимянныхъ, которыхъ нельзя было опредѣлить по Блуменбаху и которыхъ профессоръ Фуксъ не умѣлъ назвать по-русски.

Питомники мои были давно уже наполнены червяками или гусеницами, такъ что и сажать болѣе было некуда. Многіе превращались въ куколокъ, а многіе умирали, вѣроятно отъ недостатка свѣжаго воздуха или пищи. Трудно было доставать именно то растеніе, которымъ они предпочтительно питались; по большей части мы не знали, какое это растеніе, потому что не знали названія гусеницы. Я обыкновенно набиралъ всякихъ травъ и старался только чаще ихъ перемѣнять. Каждый день, по нѣскольку разъ, наблюдалъ я за моими питомцами, и это доставляло мнѣ большое наслажденіе. Тѣ червяки, которые попадались мнѣ въ періодѣ близкаго превращенія въ куколокъ, почти никогда у меня не умирали; принадлежавшіе къ породамъ бабочекъ денныхъ, всегда имѣвшіе гладкую кожу, приклѣпляли свой задъ выпускаемою изо рта клейкой матеріей къ стѣнѣ или крышкѣ ящика и казались умершими, что сначала меня очень огорчало; но по большей части въ продолженіи сутокъ спадала съ нихъ сухая съеживщаяся кожица гусеницы и висѣла уже хризалида съ рожками, съ очертаніемъ будущихъ крылушекъ и съ шипообразною грудкою и брюшкомъ; многія изъ нихъ были золотистаго цвѣта. Можно себѣ представить мою радость, когда, вмѣсто мнимо умиравшаго жалкаго червяка, вдругъ находилъ я миловидную куколку. Гусеницы сумеречныхъ бабочекъ, болѣе или менѣе волосистыя, гдѣ нибудь въ верхнемъ уголку ящика, или подъ листомъ растенія, положеннаго для ихъ пищи, заматывали себя вокругъ тонкими нитями той же клейкой матеріи, съ примѣсью волосковъ, покрывающихъ туловище,—

нитями иногда пушистыми, какъ хлопчатая бумага, иногда покрытыми сверху бѣлымъ, нѣсколько блестящимъ лакомъ, что давало имъ видъ тонкой и прозрачной, но некрѣпкой пелены. Гусеницы ночныхъ бабочекъ, почти всегда очень мохнатыя, кромѣ немногихъ исключеній, устроивали себѣ скорлупообразныя яички или коконы, ложились въ нихъ, закрывались на-глухо и превращались въ куколокъ: у обѣихъ послѣднихъ породъ свалившаяся сухая кожица червяка всегда лежала вмѣстѣ съ хризалидой внутри гнѣзда. Сумеречныя и ночныя куколки имѣли гладкую, овальную наружность безъ всякихъ угловатостей и выпуклостей, но также съ очертаніемъ головы, крыльевъ, усиковъ, ножекъ и брюшныхъ колецъ. Цвѣтомъ онѣ бываютъ всегда темныя, а нѣкоторыя породы ночныхъ совершенно черныя. Червяки молодые, которымъ должно было прожить до превращенія въ хризалиду опредѣленный, весьма различный срокъ времени, если не погибали отъ голода и духоты, то раза два или три перемѣняли на себѣ кожу и всякій разъ, передъ такой перемѣной, впадали въ сонъ или обморочное состояніе, не прикрѣпляя, однако, своего тѣла ни къ какому предмету. Вѣроятно, сначала я выкидывалъ нѣкоторыхъ, считая ихъ уже умершими. Обновленный червякъ, казавшійся сначала слабымъ или больнымъ, выходилъ всегда цвѣтнѣе, пушистѣе прежняго, съ невѣроятною жадностью накидывался на пищу и скоро поправлялся. Изъ числа тѣхъ хризалидъ, которыя превращались изъ червяковъ не у меня, а на волѣ, выводились иногда какіе-то летучіе тараканы, отвратительные по своей наружности. Изъ этого должно заключить, что куколки ихъ похожи на бабочкины, потому что я не могъ различить ихъ [1]). Выводились также иногда бабочки-уродцы: съ однимъ маленькимъ крыломъ, или совсѣмъ безъ одного крыла, или съ такимъ, которое не расправлялось и оставалось навсегда свернутымъ въ трубочку. Фуксъ не могъ удовлетворительно объяснить мнѣ причины такихъ явленій. Я предполагаю, что хризалиды

---

[1]) Вотъ какъ тотъ же почтенный молодой ученый, о которомъ я уже говорилъ, Н. Н. В., объясняетъ это странное явленіе: „Существуетъ четырекрылое насѣкомое, называемое *Наѣздникъ*: оно кладетъ свои яйца въ гусеницы бабочекъ: вышедшіе изъ этихъ яицъ червячки живутъ въ гусеницѣ и питаются ея внутренностями, что не мѣшаетъ ей превратиться въ куколку. Въ ней совершается превращеніе червячковъ Наѣздника, которые потомъ и выходятъ изъ нея, такъ что, вмѣсто ожидаемой бабочки, является отвратительная оса, или наѣздникъ". *С. А.*

бабочекъ-уродцевъ были какъ нибудь помяты или зашибены, и что отъ того крылушко на больной сторонѣ не достигало полнаго своего развитія. Весьма часто случалось, что пойманная бабочка, по большей части, въ ту минуту, когда ее раскладывали почти умирающую, выпускала изъ себя множество яичекъ, изъ которыхъ впослѣдствіи образовывались крошечные червячки; оно и неудивительно, потому что бабочка могла быть прежде оплодотворена; но вотъ что достойно замѣчанія, что выведшаяся у меня ночная свѣчная бабочка, черезъ нѣсколько часовъ разложенная, также при этой операціи выпустила изъ себя яички, изъ которыхъ впослѣдствіи вылупились червячки [1]). Недавно открыто подобное изумительное явленіе не только въ пчелиныхъ маткахъ, но и въ рабочихъ пчелахъ [2]), доказывающее глубокую экономическую предусмотрительность природы.

Когда наше собраніе бабочекъ ни въ чемъ уже не уступало собранію Кайсарова и Тимьянскаго (кромѣ, однако, Кавалера), а напротивъ въ свѣжести красокъ и въ изяществѣ раскладки имѣло большое преимущество, повезли мы съ Панаевымъ уже два ящика бабочекъ на показъ Фуксу. Профессоръ разсыпался въ похвалахъ нашему искусству и особенно удивлялся маленькимъ сумеречнымъ бабочкамъ, которыя были также хорошо разложены, какъ и большія. Онъ очень жалѣлъ, что мы не собирали и другихъ насѣкомыхъ.

Между тѣмъ лѣто вступало въ права свои. Прошла весна. Соловей допѣлъ свои послѣднія пѣсни, да и другія пѣвчія птички почти всѣ перестали пѣть. Только варакушка еще передразнивала и перевирала голоса и крики всякихъ птицъ, да и та скоро должна была умолкнуть. Одни жаворонки, вися гдѣ-то въ небѣ, невидимые для глазъ человѣческихъ, разсыпали съ высоты свои мелодическія трели, оживляя сонную тишину знойнаго, молчаливаго лѣта. Да, прошла голо-

---

[1]) Несеніе неоплодотворенныхъ яицъ, изъ которыхъ развивались гусеницы, было давно извѣстно и впервые подмѣчено у *тли* и очень маленькой породы бабочекъ Psyche. Но мы тогда ничего этого не знали. Одновременно съ открытіемъ подобнаго явленія, о которомъ сейчасъ будетъ сказано, оно было замѣчено у шелковичной бабочки. *С. А.*

[2]) Брошюра: „Три открытія въ Естественной Исторіи пчелы“, написанная незабвеннымъ, такъ рано погибшимъ, даровитымъ профессоромъ Московскаго университета. К. Ф. Рулье, напечатанная въ Москвѣ 1857 года. ***С. А.***

систая весна, пора беззаботнаго веселья, пѣсенъ, любви! Прошли „лѣтніе повороты", то-есть 12-ое іюня; поворотило солнышко на зиму, а лѣто на жары, какъ говоритъ русскій народъ; наступила и для птицъ пора дѣловая, пора неусыпныхъ заботъ, безпрестанныхъ опасеній, инстинктивнаго самозабвенія, самопожертвованія, пора родительской любви. Вывелись дѣти у пѣвчихъ птичекъ, надобно ихъ кормить, потомъ учить летать и ежеминутно беречь отъ опасныхъ враговъ, отъ хищныхъ птицъ и звѣрей. Пѣсенъ уже нѣтъ, а есть крикъ; это не пѣсня, а рѣчь: отецъ и мать безпрестанно окликаютъ, зовутъ, манятъ своихъ глупыхъ дѣтенышей, которые отвѣчаютъ имъ жалобнымъ, однообразнымъ пискомъ, разѣвая голодные рты. Такая перемѣна, совершившаяся въ какія-нибудь двѣ недѣли, въ продолженіи которыхъ я не выходилъ за-городъ, сильно поразила и даже опечалила меня, когда я, во второй половинѣ іюня, вмѣстѣ съ неразлучнымъ моимъ спутникомъ Панаевымъ, рано утромъ вышелъ въ тѣнистый Неёловскій садъ.—Въ прежніе годы я не замѣчалъ такой перемѣны.

На сей разъ добыча наша была незначительна. Вообще это посѣщеніе Неёловскаго сада осталось памятно для насъ неудачами и обманутыми надеждами: Панаевъ видѣлъ Кавалера, но не могъ поймать: а я совершенно испортилъ превосходную розовую ночную бабочку, названія которой не знаю, но которую очень помню, особенно потому, что впослѣдствіи имѣлъ ее въ рукахъ. Неёловская розовая бабочка была замѣчательной величины, втрое больше розовой свѣчной, тоже ночной бабочки, которая очень обыкновенна и часто налетаетъ на горящую свѣчку и обжигаетъ свои крылушки; а испорченная мною была рѣдкая бабочка: яркаго алаго цвѣта бархатная пыль покрывала всѣ ея крылья, головку и туловище, но яркость эта уменьшалась тѣмъ, что вся бабочка была исчерчена тоненькими желтыми жилками. Я взялъ ее очень бережно, подавилъ грудку и какъ-то уронилъ въ траву; отыскивая, я наступилъ на нее ногой — и уничтожилъ прелестное созданіе. Смѣшно вспомнить, какъ я былъ огорченъ этой потерей и какъ долго не могъ утѣшиться. Въ 1810 году, гуляя въ Петербургѣ, въ Лѣтнемъ саду, я увидѣлъ точно такую бабочку, сидящую подъ широкимъ листомъ вѣкового клена. По старой охотѣ, я поймалъ, разложилъ, высушилъ и подарилъ одному любителю натуральной исторіи.

Время лѣчитъ всякія язвы, и мы съ Панаевымъ примирились съ мыслью, что у насъ нѣтъ Кавалера, а можетъ быть и не будетъ. Тимьянскій также примирился съ общимъ мнѣніемъ, что наши бабочки лучше, и утѣшился тѣмъ, что онъ собираетъ всѣхъ насѣкомыхъ, а мы только часть ихъ, что цѣлое гораздо важнѣе части.

У насъ въ университетѣ шли экзамены, которые не имѣли и не могли имѣть формы и условій настоящихъ университетскихъ экзаменовъ. Это были семейныя, дружескія испытанія, или, лучше сказать, это было обозрѣніе всего того, что профессора успѣли прочесть, а студенты—усвоить себѣ изъ выслушаннаго ими. Раздѣленія предметовъ на факультеты не было, а слѣдовательно не было ни курсовъ, ни переходовъ на нихъ. Конечно, это было дѣтство возникающаго университета, но тѣмъ не менѣе тутъ было много добрыхъ, благотворныхъ началъ, прочно подвигавшихъ на пути образованности искренно желавшихъ учиться; немного было пріобрѣтено свѣдѣній научныхъ, но за то они вошли въ плоть и кровь учащихся, вполнѣ были усвоены ими и способствовали самобытному развитію молодыхъ умственныхъ силъ. Предметы преподаванія до того были перепутаны и совѣтъ испытателей смотрѣлъ на это такъ не строго, что, напримѣръ, адъюнктъ-профессоръ И. И. Запольскій, читавшій опытную физику (по Бриссону), показывалъ на экзаменѣ наши сочиненія (и заставилъ читать вслухъ) о предметахъ философскихъ, а иногда чисто литературныхъ, и это никому не казалось страннымъ. И. И. Запольскій любилъ пофилософствовать, онъ былъ послѣдователь и поклонникъ Канта; на каждой лекціи о физикѣ онъ какъ нибудь припутывалъ „Критику чистаго разума". Одинъ разъ разговорился о дѣйствующей и конечной причинѣ и потомъ предложилъ намъ, чтобы каждый изъ насъ, кто понялъ его слова и кому предметъ нравится, написалъ о немъ хоть что нибудь и показалъ ему. Написали человѣкъ десять, въ томъ числѣ и я; и каково же было мое удивленіе, когда въ числѣ студентскихъ сочиненій, читанныхъ на экзаменѣ, попались и мои три странички о дѣйствующей и конечной причинѣ! Вѣроятно, это было самое ребячье и поверхностное пониманіе предмета. Адъюнктъ россійскаго краснорѣчія Л. С. Левицкій, читавшій по программѣ философію и логику, уже давно незанимавшійся своими лекціями и почти переставшій ѣздить въ университетъ,

притащился однако кое-какъ на экзаменъ и перепугалъ насъ своимъ болѣзненнымъ видомъ. Вмѣсто россійской словесности, онъ произвелъ экзаменъ въ логикѣ, которую прежде проходилъ съ нами по рукописной тетрадкѣ, въ самомъ сокращенномъ объемѣ: разумѣется, онъ предувѣдомилъ насъ, чтобы мы приготовились къ экзамену изъ логики. Фуксъ торжествовалъ съ своей натуральной исторіей, и наши бабочки и гусеницы, и другія насѣкомыя, всѣ пошли въ дѣло. Тимьянскій отличился обширностью своихъ знаній и латинскимъ языкомъ; но и мнѣ досталось разсказать о моихъ наблюденіяхъ надъ воспитаніемъ червей, превращеніемъ ихъ въ хризалиды и бабочки. Всѣ меня похвалили, даже и тѣ профессора, которые не знали ни одного русскаго слова, а я говорилъ, разумѣется, по-русски. Лучшимъ экзаменомъ безъ сомнѣнія былъ математическій, у Г. И. Карташевскаго, но я не повиненъ былъ въ этомъ блескѣ и даже не являлся на экзаменъ. Этотъ предметъ у насъ шелъ блистательно.

По случаю экзаменовъ, заботы о собираніи бабочекъ были оставлены, да къ тому же случилось и другое обстоятельство: я сильно поссорился съ старшими братьями Панаева, съ которыми прежде всегда былъ очень друженъ; одинъ изъ нихъ, именно старшій, такъ меня обидѣлъ какимъ-то грубымъ и дерзкимъ словомъ, что я вспылилъ и въ горячности далъ торжественное обѣщаніе не быть у нихъ въ домѣ до тѣхъ поръ, покуда виноватый предо мною товарищъ не попроситъ у меня прощенія. Панаевъ (Николай) и не думалъ просить у меня прощенія, и я цѣлую недѣлю къ нимъ не ѣздилъ. Другъ мой, Александръ Панаевъ, бывалъ у меня почти каждый день, и своими извѣстіями о старшихъ братьяхъ только усиливалъ мое оскорбленіе. Мнѣ было особенно досадно на Ивана Панаева, нашего перваго лирика: онъ былъ прекрасный товарищъ, добрый и правдивый, очень меня любилъ, въ семьѣ своей онъ считался главнымъ—и онъ не заступился за меня, не заставилъ брата извиниться передо мною, а еще его оправдывалъ. Но великія событія именно совершаются тогда, когда всего менѣе можно ожидать ихъ, и мгновенно разрубаютъ крѣпко затянутые узлы, которые безъ того не скоро, а можетъ быть и никогда не были бы распутаны.

Въ самыхъ послѣднихъ числахъ іюня, когда наши экзамены приходили къ окончанію, воротился я изъ университета

на свою квартиру, и по какому-то странному побужденію, еще не пообѣдавъ, взялъ рампетку и, несмотря на палящій зной, пошелъ въ овраги, находившіеся неподалеку отъ моего флигеля. Мнѣ захотѣлось обойти ихъ передъ обѣдомъ; почему? для чего?—и теперь не понимаю. Лишь только дошелъ я до половины ближайшаго лѣваго оврага, задыхаясь отъ жару и духоты, потому что вѣтерокъ не попадалъ въ это ущелье, какъ увидѣлъ, въ двухъ шагахъ отъ себя, пересѣвшаго съ одного цвѣтка на другой великолѣпнаго Кавалера... Я такъ былъ пораженъ неожиданностью, что не вдругъ повѣрилъ своимъ глазамъ, но, опомнившись, съ судорожнымъ напряженіемъ смахнулъ рампеткой бабочку съ вершины еще цвѣтущаго репейника... Кавалеръ исчезъ; смотрю завернувшійся мѣшечекъ рампетки—и ничего въ немъ не нахожу: онъ пустъ! Мысль, что я брежу на-яву, что я видѣлъ сонъ, мелькнула у меня въ головѣ—и вдругъ вижу, въ самомъ сгибѣ флероваго мѣшка, безцѣнную свою добычу, желаннаго, прошенаго и моленаго Кавалера, лежащаго со сложенными крыльями, въ самомъ удобномъ положеніи, чтобы взять его и пожать ему грудку. Я торопливо это исполнилъ, и, не помня себя отъ восторга, не вынимая бабочки изъ рампетки, побѣжалъ домой. Какъ изступленный закричалъ я, еще издали, своему дядькѣ Евсеичу, который ожидалъ меня у крыльца: „дрожки, дрожки!“ Добрый мой Евсеичъ, испуганный моимъ голосомъ и страннымъ видомъ, побѣжалъ ко мнѣ навстрѣчу. Но я поспѣшилъ объяснить ему, въ чемъ состояло дѣло, и просилъ, умолялъ, чтобы онъ велѣлъ поскорѣе заложить мнѣ лошадь. Евсеичъ, успокоенный, покачалъ головой, улыбнулся, но пошелъ исполнять мое приказаніе. Я вошелъ въ комнату, положилъ рампетку на столъ, поглядѣлъ внимательно на свою добычу, и, кажется, тутъ только повѣрилъ, что это не мечта, не призракъ, что вотъ онъ, дѣйствительный Кавалеръ, пойманъ и лежитъ передо мною. Изъ предосторожности, я въ другой разъ пожалъ грудку моему Подалиріусу, бережно опустилъ его въ картонный ящичекъ, накрылъ бумажкой, а остальное пространство заложилъ хлопчатой бумагой, чтобы отъ ѣзды бабочка не могла двигаться. Евсеичъ вернулся со словами: „сейчасъ заложатъ“ и съ прежней улыбкой. Тутъ-то высказалъ я свою радость моему доброму дядькѣ, обнявъ и расцѣловавъ его предварительно. Хотя Евсеичъ зналъ меня вдоль и поперекъ, какъ говорится, но безумный мой восторгъ

смутилъ его. Всѣ мои увѣренія и доказательства въ важности пріобрѣтенія Кавалера, въ необычайности событія, что онъ залетѣлъ въ середину большого города, что я пошелъ безъ всякой причины гулять по жару въ овраги,—дядька мой выслушалъ съ совершеннымъ равнодушіемъ. Онъ уже не улыбался, а все качалъ головой и наконецъ сказалъ: „нѣтъ, соколикъ, больно молодо, больно зелено, — надо долго еще учиться; ну, куда тебѣ на службу!“ Стукъ подкатившихся дрожекъ прервалъ поучительную рѣчь Евсеича, и черезъ минуту я уже скакалъ на Черное Озеро, прямо къ Панаеву. Я живо представилъ себѣ его удивленіе и радость, особенно потому, что мы съ полчаса какъ разстались. Долгимъ днемъ показалась мнѣ четверть часа ѣзды до Панаева. Вотъ онъ, наконецъ, бѣлый, засаленный, хорошо знакомый домъ. Взбѣгаю на крыльцо, на лѣстницу, отворяю дверь въ залу, и вижу друга моего Александра Панаева, выбѣгающаго изъ гостиной, съ окровавленнымъ лицомъ, зажавшаго одинъ глазъ рукою... „Что съ тобой?“ закричалъ я. — „Я пропалъ! съ отчаяніемъ отвѣчалъ Панаевъ:—братъ Петя нечаянно попалъ въ самый зрачокъ глаза фарфоровымъ верешкомъ. Если я окривѣю—я застрѣлюсь. Я бѣгу къ колодцу, чтобы обмыть мой глазъ холодной водой“. Мы побѣжали вмѣстѣ. Панаевъ такъ боялся увѣриться, что глазъ у него испорченъ, что красота его погибла (онъ дѣйствительно былъ красавецъ), что не вдругъ рѣшился отнять руку и промыть раненый глазъ; я упросилъ его это сдѣлать, и къ великой моей, и еще большей его радости, я увидѣлъ, что разсѣчена только нижняя вѣка, и слегка оцарапанъ глазной бѣлокъ. Въ самую ту минуту, какъ я обнималъ и поздравлялъ моего друга съ благополучнымъ окончаніемъ такой бѣды, прибѣжали его испуганные братья, кромѣ виноватаго; я поспѣшилъ ихъ успокоить, что никакой важности нѣтъ, да они и сами въ томъ сейчасъ убѣдились. Радость была общая, мы всѣ обнялись дружески и послали за Петей, который съ испугу и съ горя залѣзъ въ какой-то чуланъ. Вдругъ Александръ Панаевъ меня спросилъ: „какъ это случилось, мой другъ, что ты пріѣхалъ въ самую ту минуту, когда разразилась было надо мной эта страшная гроза? Вѣрно сердце тебѣ сказало, и ты, забывъ все, прискакалъ на помощь къ своему отчаянному другу“. Тутъ только я вспомнилъ, что я въ ссорѣ съ братьями Панаева, что я пересталъ къ нимъ ѣздить и

что я поймалъ Кавалера.—„Нѣтъ, мой другъ, отвѣчалъ я:—на этотъ разъ сердце мнѣ ничего не сказало; но случилось другое обстоятельство, которое заставило меня позабыть всѣ неудовольствія: съ полчаса какъ я поймалъ у себя въ оврагѣ чудеснѣйшаго Кавалера. Вотъ онъ“. И я побѣжалъ въ залу, гдѣ оставилъ свой картонный ящичекъ на столѣ. Всѣ Панаевы съ радостными восклицаніями послѣдовали за мной, и когда я, открывши ящичекъ, показалъ имъ, лежащаго въ томъ-же положеніи, въ самомъ дѣлѣ необыкновенно большого и великолѣпнаго Подалиріуса, раздался новый залпъ радостныхъ восклицаній. Само собою разумѣется, что я не одинъ разъ разсказалъ, какъ совершилось это счастливое событіе. Другъ мой Александръ, примочивъ глазъ розовой водой и завязавъ его весьма щеголевато батистовымъ платочкомъ, сейчасъ сѣлъ раскладывать Кавалера, который оказался совершенно цѣлымъ и нигдѣ не потертымъ. „Ну, теперь наше собраніе бабочекъ несравненно выше Тимьянскаго“, сказалъ онъ съ торжествующей улыбкой. Онъ аккуратно и внимательно принялся за свою работу, а мы всѣ пятеро, тѣсно окруживъ его, не сводя глазъ и не смѣя свободно дышать, слѣдили за каждымъ движеніемъ его искусныхъ рукъ. Напрасно Панаевъ кричалъ, что мы ему мѣшаемъ, что ему отъ насъ тѣсно, жарко, чтобы мы отошли прочь,—никто не трогался съ мѣста. Наконецъ раскладка совершилась благополучно, и я вспомнилъ, что еще не обѣдалъ. Панаевы уже успѣли пообѣдать. Не было и тѣни неудовольствія между нами; они упрашивали меня не ѣздить домой, желая угостить оставшимися блюдами; но я не могъ исполнить ихъ желанія: я не видѣлъ сегодня еще своихъ червячковъ и хризалидъ! Можетъ быть тамъ что-нибудь во что-нибудь превратилось или что-нибудь вывелось. Я помнилъ также, что для завтрашняго экзамена мнѣ надобно прочесть одну тетрадку. Мнѣ самому не хотѣлось разстаться въ эту минуту съ Панаевыми и (надобно признаться) съ пойманнымъ мною Кавалеромъ. Я примирилъ всѣ обстоятельства тѣмъ, что обѣщалъ въ полчаса осмотрѣть своихъ червячковъ и хризалидъ, пообѣдать и, захвативъ тетрадку съ собою, воротиться къ нимъ. Не одинъ разъ дружескіе голоса товарищей заставляли меня повторить обѣщаніе, что черезъ часъ я буду съ ними. Какъ весело сѣлъ я въ дрожки и поѣхалъ въ свой уединенный флигелекъ!

Пословица говоритъ: „пришла бѣда—отворяй ворота“,

что, къ сожалѣнію, не рѣдко и случается; но за то часто бываетъ и наоборотъ: вслѣдъ за одной радостью скоро наступаетъ другая. Воротясь домой, только что я раскрылъ ящикъ съ хризалидами, какъ представилась мнѣ прелестная сумеречная бабочка, самой крупной породы, выведшаяся вѣроятно еще ночью, потому что крылушки ея были совершенно расправлены. По Блуменбаху, я могъ признать ее Крушинною (ligustri) сумеречною бабочкою, названною имъ такъ потому, что водится на растеніи крушинѣ, испанскомъ бузнякѣ, но я ее не опредѣляю и не называю положительно; верхнія ея крылушки у Блуменбаха вовсе не описаны. Впослѣдствіи я убѣдился, что очень красивая гусеница этой прекрасной бабочки живетъ преимущественно на крыжовникѣ и барбарисѣ. Крылья у ней верхнія темно-сѣраго цвѣта, съ бѣлыми пятнами, или матово-бѣлыя съ темными пятнами: я потому говорю *или,* что обоихъ цвѣтовъ находится поровну, и я не знаю, который изъ нихъ признать основнымъ; нижнія крылья красныя, какъ-будто кровяныя, съ тремя черными перевязками; туловище также красное, съ черными ободочками по всему брюшку,—это довольно вѣрно описано и у Блуменбаха. Послѣ мы всегда звали эту очень красивую сумеречную бабочку Барбарисовою. Она довольно обыкновенна; но я до тѣхъ поръ ее не видывалъ и она показалась мнѣ чудомъ красоты. Да и какъ было не обрадоваться первой сумеречной бабочкѣ, выведшейся у меня изъ найденныхъ мною хризалидъ! По величинѣ и темному цвѣту куколки я считалъ ее ночною. Поздно, но весело сѣлъ я обѣдать. Евсеичъ прислуживалъ мнѣ по обыкновенію. Я замѣтилъ, что давнишняя, не совсѣмъ обыкновенная улыбка не сходила съ его губъ. Онъ отъ времени до времени подтрунивалъ надъ моей охотой ловить бабочекъ и возиться съ червями, отъ которыхъ гадко воняетъ, и я отъ души забавлялся его тонкими намеками и сарказмами. Пообѣдавъ, я повезъ свою новорожденную сумеречную красавицу, со всѣми предосторожностями, чтобы не помрачить первороднаго блеска чудныхъ ея красокъ, къ другу моему Панаеву. Онъ принялъ ее почти съ такой же радостью, какъ и знаменитаго Кавалера, и немедленно разложилъ. Она должна была придать новый блескъ нашему собранію.

На другой же день поутру весь университетъ зналъ о нашихъ новыхъ необыкновенныхъ пріобрѣтеніяхъ, и хотя

всѣ были, болѣе или менѣе, заняты и озабочены продолжающимися экзаменами, но приняли живое участіе въ нашихъ новыхъ бабочкахъ. Тимьянскій былъ даже озадаченъ и смущенъ, особенно когда увидѣлъ ихъ. „Ну ужъ счастливцы! говорилъ онъ намъ.—Для васъ Кавалеръ и въ Казань прилетѣлъ. Вотъ смѣялись надъ тобой, Аксаковъ, что ты возишься по пустякамъ съ червями, а пойди-ка, достань такую сумеречную Крушинную бабочку совершенно свѣжую и не потертую!.. такъ нигдѣ не достанешь!“

Университетскіе экзамены кончились, а гимназическіе еще оканчивались. Семеро студентовъ, въ томъ числѣ и я, продолжали ходить въ высшій русскій классъ къ Ибрагимову (прежде въ гимназіи у него былъ средній, а высшій занималъ Л. С. Левицкій) и должны были явиться на гимназическій экзаменъ, назначенный послѣднимъ, заключительнымъ. Товарищи мои обижались этимъ, а я напротивъ былъ очень доволенъ. Гимназическіе экзамены вообще шли полнѣе, стройнѣе и соотвѣтственнѣе своему назначенію. У Ибрагимова-же русскій экзаменъ былъ его блестящимъ торжествомъ: мы читали свои сочиненія, говорили о старой и новой литературѣ и критически оцѣнивали лучшихъ нашихъ писателей. Мое декламаторство также было употреблено въ дѣло. Всѣ, волею или неволею, осыпали похвалами Ибрагимова, обиженнаго тѣмъ, что его не сдѣлали адъюнктомъ, и поздравляли съ блестящими успѣхами его учениковъ. Никогда не забуду свѣтящихся удовольствіемъ татарскихъ глазъ и раздвинутаго улыбкою до ушей большого рта незабвеннаго для меня Николая Михаиловича Ибрагимова, воспоминаніе о которомъ всегда сливается въ моей памяти съ самыми отрадными воспоминаніями юношескихъ учебныхъ годовъ. „Благодарствуйте, Аксаковъ! говорилъ онъ: — мнѣ всегда было пріятно заниматься съ вами, вы отблагодарили меня достойнымъ образомъ“. Я обнималъ его, увѣряя, что очень чувствую и никогда не забуду, какъ много ему обязанъ.

Наконецъ всѣ экзамены кончились. Надобно было ѣхать на лѣтнюю вакацію: мнѣ въ Симбирскую губернію, въ Старое Аксаково, гдѣ жило этотъ годъ мое семейство, а Панаевымъ въ Тетюшскій уѣздъ Казанской губерніи, гдѣ жила ихъ мать и сестры. Въ первый разъ случилось, что радостное время поѣздки на вакацію въ деревню, къ семейству, было смущено въ душѣ моей посторонней заботой. По совѣту Фукса, бабо-

чекъ мы оставляли въ гимназической библіотекѣ, подъ надзоромъ ея смотрителя. Но что же было дѣлать съ моими гусеницами и хризалидами? Семь ящиковъ и три стеклянныя банки нельзя было везти съ собою въ простой ямской кибиткѣ: въ одни сутки червяковъ бы затрясло, а хризалидъ оторвало съ мѣста и вообще все-бы разстроилось [1]), да и просто некуда было помѣстить эти громоздкія вещи; оставить-же безъ призора мое воспитательное заведеніе—также было невозможно. Да и на кого же могъ я положиться? Въ Казани оставался только мой кучеръ съ лошадью. Кто могъ замѣнить меня? Признаюсь также, что жаль мнѣ было оторваться отъ этого постояннаго наблюденія, попеченія, заботъ и ожиданій, которыя я уже привыкъ устремлять на жизнь моихъ питомцевъ, безпрестанно ожидая новыхъ превращеній и наконецъ послѣдняго полнаго превращенія въ какую-нибудь неизвѣстную мнѣ чудную бабочку. Но дѣлать было нечего, и съ этою мыслью я уже примирился. Оставалось только рѣшить, кому поручить ихъ. Я готовъ уже былъ избрать въ попечители о моихъ гусеницахъ и хризалидахъ остававшагося жить въ моемъ флигелѣ Александра Германа, который невольнымъ образомъ уже присмотрѣлся къ этому дѣлу и не отказывался отъ него; но онъ былъ очень вѣтренъ и неблагонадеженъ. Вдругъ пришелъ мнѣ въ голову Тимьянскій: ему не къ кому, не куда было ѣхать и онъ оставался вакацію въ университетѣ, какъ и многіе другіе. Почему не попросить его? По моему мнѣнію, наше соперничество не мѣшало ему заняться моими гусеницами и хризалидами, къ которымъ онъ, какъ натуралистъ, не могъ быть совершенно равнодушенъ. Я не ошибся. Лишь только я заговорилъ о моемъ затруднительномъ положеніи, Тимьянскій сейчасъ искренно и добродушно вызвался самъ присмотрѣть за моими питомцами. Я сказалъ Тимьянскому, что хотѣлъ просить его объ этомъ и былъ заранѣе увѣренъ, что онъ не откажется одолжить и успокоить товарища, и что я сердечно ему благодаренъ. Точно гора свалилась у меня съ плечъ! Я зналъ, что цѣлая комната, возлѣ нашего физическаго кабинета, то есть кабинета съ физическими инструментами, находилась въ его распоряженіи для сушки бабочекъ и насѣкомыхъ, и даже аудиторія, въ которой читалъ

[1]) Такъ мы думали тогда, но ошибались: червяковъ въ травѣ и листьяхъ, и особенно хризалидъ въ хлопчатой бумагѣ можно везти безопасно. *С. А.*

Фуксъ и отъ которой онъ имѣлъ ключъ: слѣдовательно, ему было гдѣ размѣститься; свѣжихъ же листьевъ и травъ для корма червей онъ могъ ежедневно доставать въ саду, который находился при сосѣдственномъ домѣ, купленномъ въ казну для университета. И такъ, поблагодаривъ еще разъ отъ всей души добраго товарища за его радушную готовность принять на себя мои хлопоты и заботы, я сейчасъ же отправился къ Панаеву, чтобы сообщить ему это пріятное извѣстіе. Другъ мой принялъ его не такъ, какъ я ожидалъ. Онъ былъ немножко недовѣрчивъ и даже подозрителенъ, и хотя не предполагалъ никакого дурного намѣренія у Тимьянскаго, но не ожидалъ слишкомъ усерднаго попеченія объ умноженіи и украшеніи нашего собранія бабочекъ. Впрочемъ онъ соглашался, что въ настоящемъ нашемъ положеніи—это самое лучшее, чего можно было желать. Въ тотъ же день мы съ Панаевымъ бережно перевезли бабочекъ въ библіотеку, а моихъ гусеницъ и хризалидъ въ особую комнату возлѣ физическаго кабинета, назначенную для кабинета натуральной исторіи, гдѣ и сдали ихъ съ рукъ на руки Тимьянскому и Кайсарову. Я убѣдительно просилъ и Кайсарова присматривать за моими питомниками, и онъ обѣщалъ, но по своему обыкновенію и нраву обѣщалъ очень холодно, такъ что я не полагалъ на него никакой надежды, въ чемъ, однако, къ большому моему удовольствію, совершенно ошибся. Кайсаровъ былъ какъ-то сухъ и необщителенъ. Я не знаю, былъ ли у него въ цѣломъ университетѣ не только другъ, но короткій пріятель; съ Тимьянскимъ тоже у него не было никакой близости; я удивился, когда онъ сдѣлался его помощникомъ въ собираніи бабочекъ и насѣкомыхъ. При прощаніи Тимьянскій сказалъ намъ: „Послушайте, господа! я стану усердно смотрѣть за вашими червяками и хризалидами, но вѣдь я за успѣхъ не ручаюсь. Легко быть можетъ, что гусеницы и хризалиды поколѣютъ до своего превращенія, такъ чуръ, за это на меня не сердиться. Всѣхъ бабочекъ, которыя выведутся, я разложу, какъ умѣю, высушу и сохраню.... Да кстати: сухія бабочки часто пропадаютъ отъ моли,—это сказалъ мнѣ Фуксъ, и совѣтовалъ напоить ихъ туловище камфорою, то есть намазать и покапать на нихъ съ кисточки камфарнымъ спиртомъ. Не худо вамъ сдѣлать это сейчасъ съ вашими бабочками, которыхъ вы оставляете въ библіотекѣ. Вотъ вамъ и кисточка, и камфарный

спиртъ.“ Такая заботливость убѣдила и друга моего Панаева въ совершенномъ доброжелательствѣ Тимьянскаго. Мы съ благодарностью воспользовались его предложеніемъ и сейчасъ побѣжали въ библіотеку. Еще разъ взглянули и простились съ нашими чудесными бабочками, помазали камфарнымъ спиртомъ, заперли ящики, и ключики отдали, на всякій случай, Тимьянскому. Мы простились съ нимъ дружески, искренно увѣряя, что во всемъ на него полагаемся, и что бы ни случилось, за все будемъ благодарны. Простились также со всѣми товарищами, оставшимися въ университетѣ, и, напутствуемые ихъ добрыми желаніями, отправились домой сначала къ Панаевымъ, гдѣ я простился съ другомъ моимъ Александромъ и съ его братьями. Лошади у нихъ были давно запряжены; ждали только возвращенія Александра и ужъ побранивали насъ, особенно меня, за возню съ червями и хризалидами,—такъ нетерпѣливо хотѣлось имъ ѣхать въ деревню! Да и какъ не хотѣть, какъ не рваться послѣ десятимѣсячной школьной жизни, лѣтомъ, изъ города пыльнаго, душнаго и всегда чѣмъ нибудь вонючаго, въ чистое, душистое поле, въ тѣнистые лѣса, въ прохладу, къ семейству, на родину, или по крайней мѣрѣ туда, гдѣ прошли дѣтскіе, незабвенные года. Панаевы при мнѣ же уѣхали, помѣстившись всѣ пятеро въ старинной линейкѣ, на присланныхъ за ними своихъ лошадяхъ. Александръ сѣлъ съ порядочнымъ ящикомъ въ рукахъ, въ которомъ находилось десятка два бабочекъ, собранныхъ имъ изъ дубликатовъ: онъ везъ ихъ подарить сестрамъ, но двое меньшихъ братьевъ, сидѣвшихъ съ нимъ рядомъ, громко возопіяли на него, утверждая, что отъ ящика имъ будетъ тѣсно.... Стукъ и дребежжанье старой линейки, тронувшейся съ мѣста, заглушили ихъ дѣтскіе голоса. Панаевы собирались и кормить и ночевать въ полѣ; съ ними были и удочки и даже ружье—мнѣ стало грустно и завидно. На этотъ разъ приказано мнѣ было пріѣхать на почтовыхъ, въ простой, ямской повозкѣ; а главное, я долженъ былъ ѣхать не въ милое и дорогое мнѣ, богатое водами, лугами, болотами и отдѣльными рощами Оренбургское Аксаково, а въ скучное, безводное, кругомъ лѣсное, старое Симбирское Аксаково, гдѣ и дома порядочнаго не было.

Воротясь въ свою квартиру, я нашелъ также все готовымъ къ отъѣзду. Ямскія лошади были запряжены, слабо подвязанный колокольчикъ позвякивалъ отъ каждаго движе-

нія коренной, люди, одѣтые по дорожному, съ картузами въ рукахъ, ждали меня на крыльцѣ.... Покуда я переодѣвался также въ дорожное легкое платье, мысль о близкомъ свиданіи съ семействомъ, особенно съ другомъ моимъ сестрицей, которая ждала меня съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ, мелькнула въ моей головѣ и радостно взволновала мое сердце; а запахъ дегтя и рогожи, которымъ пахнуло на меня отъ кибитки, мгновенно перенесъ меня въ деревню, и стало легко и весело у меня на душѣ. Евсеичъ сѣлъ со мной въ повозку, Иванъ Малышъ вскочилъ на козлы, ямщикъ тронулъ вожжами, свистнулъ и тройка полетѣла.

Когда мы выбрались изъ Казани и длинной городской слободы, которая называлась Мокрою, было уже не жарко и великолѣпный лѣтній вечеръ повѣялъ прохладой на раскаленную землю. Стояла засуха, давно не было дождя. Я еще не испытывалъ настоящимъ образомъ удовольствія скорой, почтовой ѣзды, и когда ямщикъ, чтобъ потѣшить молодого барина и заслужить на водку, пустилъ во весь опоръ, во весь духъ свою лихую тройку, я почувствовалъ неизъяснимое и неизвѣстное мнѣ, какое-то раздражающее наслажденіе.... Евсеичъ мой тоже очень былъ доволенъ.—„Что, соколикъ, каково закатываетъ? говорилъ онъ, улыбаясь. А вѣдь лошадки-то, поглядѣть—дрянь! Да ты не боишься-ли?“ продолжалъ онъ, видя, что я тяжело дышу и ничего не отвѣчаю. Мнѣ ужасно стало досадно; но я переломилъ себя и ласково старался увѣрить моего дядьку, что напротивъ мнѣ очень весело, что у меня сердце бьется отъ радости и какъ будто духъ замираетъ. Это было совершенно справедливо, я говорилъ прерывающимся отъ волненія голосомъ. Я чувствовалъ такое нервное, невыразимое сладкое раздраженіе, такое внутреннее стремленіе впередъ, что желалъ бы самъ полелѣть, какъ птица! Между тѣмъ опускался вечеръ. Длиннѣе и длиннѣе становились тѣни отъ скачущей повозки, лошадей, кучера и Ивана Малыша, который заливался русскою пѣснею. Тѣни блѣднѣли постепенно и наконецъ смѣшались съ потемнѣвшей землей. Все это вмѣстѣ сильно подѣйствовало на меня, я чувствовалъ какое-то волненіе и не умѣлъ понять, что со мною дѣлается. Мнѣ не захотѣлось пить чаю на станціи, хотя Евсеичъ проворно разложилъ погребецъ, а Иванъ Малышъ наложилъ дорожный самоварчикъ. Мой отказъ отъ чаю очень смутилъ добраго дядьку. Прежде

этого никогда не случалось, а здѣсь была особенная приманка: на столѣ стоялъ горшокъ густыхъ, сморщившихся, холодныхъ сливокъ, которыя я очень любилъ. Евсеичъ подумалъ, что я нездоровъ, сталъ приставать съ разспросами, и для его успокоенія я съѣлъ цѣлую тарелку сливокъ съ казанскими кренделями. Лошади были готовы и мы опять поскакали. Обидная для меня мысль, что я напугался отъ скорой ѣзды, не выходила изъ головы Евсеича; онъ не велѣлъ шибко ѣхать, чтобъ ночью какъ нибудь не опрокинуться, и ужасно надоѣлъ мнѣ своими докучныи разспросами и разсужденіями. Я закрылъ глаза, хотя это было и не нужно, потому что становилось темно, притворился спящимъ, даже всхрапывалъ, покуда не заснулъ самъ, наблюдавшій меня, мой попечительный дядька. Я напротивъ не спалъ долго и послѣ восхожденія солнца, и много новыхъ ощущеній и наслажденій доставила мнѣ эта безсонная ночь съ своей вечерней и утренней зарею. Не скоро, и какъ-то нечаянно, сонъ овладѣлъ мною; но за то я заснулъ уже такъ крѣпко, что не слыхалъ, какъ перемѣнили лошадей на станціи, и проснулся часовъ въ девять утра, разбуженный громовымъ ударомъ. Опомнившись и оглядѣвшись, я увидѣлъ, что надъ нашими головами быстро неслось большое грозовое облако, прямо къ тучѣ, которая синѣла и чернѣла, росла ежеминутно и заволокла уже полнеба съ правой стороны и у которой одинъ край былъ бѣлесоватъ. Тамъ уже рубилъ дождевой ливень; глухой, какой-то зловѣщій шумъ и свѣжая влажность неслась оттуда.—„Никакъ, градъ? сказалъ Евсеичъ. Господи спаси и помилуй! Послѣдній хлѣбецъ выбьетъ у мужичковъ“.—Казалось, туча шла стороною; но вдругъ поворотила и стала нагибать прямо на насъ; крупныя капли дождя зашлепали по пыльной дорогѣ и по моей рогожной, также пыльной кибиткѣ. Люди засуетились, чтобы прикрыть меня и самимъ прикрыться. Евсеичъ велѣлъ ѣхать шагомъ, говоря, что въ грозу скакать опасно. Скоро накрыла насъ туча. Засверкали змѣистыя, ослѣпительныя молніи и мгновенно вслѣдъ за ними раздавались оглушительные громовые удары. Всякій разъ казалось, что громъ ударилъ возлѣ нашей повозки. Сначала Евсеичъ, Иванъ Малышъ и ямщикъ снимали шапки и крестились при блескѣ каждой молніи, но когда она сдѣлалась почти безпрерывною, то и креститься перестали.... Вдругъ налетѣла буря съ крупнымъ частымъ градомъ и проливнымъ дождемъ, и воздухъ превратился

въ бѣлую водяную пыль. Должно признаться, что я не безъ страха смотрѣлъ на эту величественную, но грозную картину. Гнѣвъ стихій ужасенъ. Въ ту минуту онъ такъ могущественно проявлялъ свои разрушительныя силы, и ничтожность, беззащитность человѣческой природы такъ явно изобличалась и чувствовалась мною, что я не могъ оставаться спокойнымъ; притомъ я въ дѣтствѣ былъ напуганъ громомъ и тогда еще не освободился отъ этого тяжелаго впечатлѣнія. Признаюсь, чувство невыразимо отраднаго спокойствія и радости разлилось въ душѣ моей, когда удары грома начали становиться рѣже и отдаленнѣе. Туча провалила съ полудня на западъ и уже голубое небо засверкало съ правой стороны. Мы съ Евсеичемъ уцѣлѣли, а Иванъ Малышъ и ямщикъ были до костей промочены дождемъ. Но яркое, лѣтнее солнце уже спѣшило выкатиться на очищенное отъ тучъ небо и принялось сушить мокраго ямщика и Малыша, которые весело подсмѣивались другъ надъ другомъ. Намъ показалось, что туча самой серединой прошла надъ нашими головами; но подвигаясь, уже рысью, впередъ, мы увидѣли, что тамъ и дождь и градъ были гораздо сильнѣе, а громовые удары ближе и разрушительнѣе: лужи воды стояли на дорогѣ, скошенныя луговины были затоплены, какъ весною; крупный градъ еще не растаялъ и во многихъ мѣстахъ, особенно по долочкамъ, лежалъ бѣлыми полосами. Мы проѣзжали мимо хлѣбовъ, которые всѣ были, болѣе или менѣе, побиты градомъ, а нѣкоторыя десятины такъ выколочены, какъ будто бы долго пасли на нихъ стадо мелкаго скота; не только колосья—солома, казалось, была втоптана въ грязь. Въ добавокъ ко всему, въ одной окольной деревнѣ виднѣлись два столба дыма, означавшіе безъ сомнѣнія пожары отъ молніи, а въ ближнемъ лѣсу дымилось нѣсколько расколотыхъ деревьевъ, зажженныхъ тоже молніей. Этотъ ужасный слѣдъ быстро промчавшейся грозы былъ особенно поразителенъ при ясномъ небѣ, тишинѣ освѣженнаго воздуха и яркомъ солнечномъ освѣщеніи.—„Ну вотъ гдѣ была настоящая гроза, говорилъ Евсеичъ:—а насъ видно туча только крылушкомъ задѣла“. Выбитыя десятины хлѣба возбуждали особенное участіе въ моихъ спутникахъ; ямщикъ самъ былъ изъ той деревни, куда мы ѣхали, и зналъ даже, кому принадлежали эти десятины; какъ нарочно, хозяева ихъ были бѣдные люди, и такая потеря окончательно раззоряла ихъ. Нѣсколько времени всѣ трое толковали о печальномъ

событій, и въ словахъ моего дядьки слышалась его искренняя, неподдѣльная доброта. „Ахъ, Господи! говорилъ онъ:— кабы я былъ богатый, вотъ и пособилъ бы имъ; а то что? убытку тутъ на сотни, на тысячи рублевъ, такъ копѣйками не поможешь“. Мы скоро пріѣхали на станцію и привезли печальное извѣстіе о хлѣбныхъ поляхъ. Никто не чаялъ такой бѣды: въ деревнѣ и граду не было, а слышали только шумъ. Между старухами и бабами поднялся вой и плачъ, и нѣкоторыя сейчасъ пошли въ поля, чтобы собственными глазами удостовѣриться въ своемъ несчастьѣ. Евсеичъ признался мнѣ потомъ, что отдалъ свои копѣйки одному самобѣднѣйшему семейству.

На слѣдующей станціи мы перемѣнили лошадей въ такомъ селеніи, которое своими жителями произвело на меня необыкновенное впечатлѣніе: это были Татары, перекрещенные въ православное вѣроисповѣданіе, какъ мнѣ сказали, еще при царѣ Иванѣ Васильевичѣ. И мужчины и женщины одѣвались и говорили по-русски; но на всей ихъ наружности лежалъ отпечатокъ чего-то печальнаго и суроваго, чего-то потеряннаго, безпріютнаго и безпорядочнаго; платье на нихъ сидѣло какъ-то не такъ и какая-то робость была видна во всѣхъ движеніяхъ; они жили очень бѣдно, тогда какъ вокругъ и татарскія, и русскія, и мордовскія, и чувашскія деревни жили зажиточно. Мой дядька Евсеичъ зналъ прежде эту деревню и зналъ такихъ же перекрещенцевъ въ другихъ деревняхъ. Онъ говорилъ мнѣ, что они всѣ на одинъ ладъ и всѣ бѣдны: отъ своего отстали, а къ нашему не пристали; „такъ и маятся, какъ какіе-то Каины“, прибавилъ онъ въ заключеніе. Слова его заставили меня очень задуматься. Я промѣшкалъ на станціи лишняго полчаса, стараясь внимательно вглядѣться и разговориться съ хозяевами. Я говорилъ также и съ сосѣдями ихъ, со стариками и старухами, а также съ мальчиками. Впрочемъ, въ дѣтяхъ менѣе было замѣтно той грустной и непріятной особенности, которая лежала на всѣхъ взрослыхъ: дѣти были живѣе и веселѣе. Типъ татарской физіономіи еще не истребился, но уже повыродился: никто не брилъ головы, но и длинныхъ волосъ никто не носилъ: всѣ казались какими-то сейчасъ остриженными, взятыми изъ крестьянъ въ рекруты или на господскій дворъ. Они отчасти понимали свое положеніе и считали невозможностью изъ него выйти. Между ними ходило преданіе, что праотцы ихъ,

за какую-то вину, должны были подвергнуться наказанію кнутомъ и ссылкѣ въ Сибирь въ каторжную работу, что ихъ простили за то, что они приняли русскую вѣру, и переселили на другія мѣста, что Магометъ ихъ проклялъ и что потому они живутъ бѣдно. Все это произвело на меня тогда живое впечатлѣніе; но потомъ мнѣ уже никогда не случалось бывать въ деревнѣ, населенной перекрещенцами, и я мало-по-малу совершенно забылъ объ этихъ бѣдныхъ и жалкихъ людяхъ; а любопытно было бы узнать: продолжается-ли эта ужасная казнь надъ потомками за вѣроотступничество предковъ, совершенное безъ всякаго убѣжденія, а изъ цѣли корыстной? или наконецъ, смѣшавшись съ Русскими, съ которыми вмѣстѣ были поселены, эти невинные бѣдняки смягчили строгость нравственнаго правосудія своимъ долготерпѣніемъ?

Далѣе по дорогѣ не было и слуху о дождѣ и градѣ. Мы ѣхали очень скоро, и ночь застала насъ уже въ тридцатипяти верстахъ отъ Стараго Аксакова. Я крѣпко заснулъ, не слыхалъ, какъ мы пріѣхали, и вѣроятно проспалъ бы очень долго, еслибы не разбудили меня ласки и поцѣлуи моей милой сестры. Проснувшись часовъ въ шесть утра и узнавъ, что я пріѣхалъ на зарѣ и сплю въ кибиткѣ, она прибѣжала и разбудила меня. Въ домѣ почти всѣ еще спали; я пошелъ въ комнату моей сестрицы, которая немедленно сообщила мнѣ, что наловила и собрала для меня много бабочекъ и червячковъ. Она знала изъ писемъ моихъ всѣ подробности моего новаго увлеченія. Въ самомъ дѣлѣ червяки (многіе даже не гусеницы) жили у ней въ ящикахъ, въ стеклянныхъ банкахъ и подъ опрокинутыми стаканами. Бабочки помѣщались на окнѣ, которое не растворялось и съ внутренней стороны было обтянуто кисеей. Эта выдумка была не дурна, хотя имѣла ту невыгоду, что бабочки бились на стеклахъ и теряли свою цвѣтную пыль; но другая выдумка была не такъ удачна: сестрица моя подняла фортепьянную доску и подъ ней тоже были насажены разныя бабочки; большая часть изъ нихъ отъ духоты перемерли. Груды свѣжихъ травъ, цвѣтовъ и листьевъ у червей показывали заботу, съ которою ухаживала за ними моя милая сестрица, хотя червяковъ она терпѣть не могла и никогда не брала въ руки. Осмотрѣвъ внимательно неожиданное мною пріобрѣтеніе, я нашелъ нѣсколько видовъ бабочекъ и гусеницъ мнѣ неизвѣстныхъ;

много было мертвыхъ и даже высохшихъ, много было потертыхъ бабочекъ, но довольно нашлось и такихъ, которыхъ я сейчасъ принялся раскладывать, потому что дощечки, булавки и бумажки привезъ съ собой. Я просилъ мою добрую сестру не смотрѣть на раскладку, говоря, что ей будетъ жалко; но она не хотѣла со мной разстаться, да и любопытно ей было поглядѣть, какъ это дѣлается; прижиганье на свѣчкѣ заставило ее убѣжать, и она долго не могла равнодушно смотрѣть и на высушенныхъ бабочекъ.

Между тѣмъ въ домѣ всѣ проснулись. Я не стану говорить объ общей семейной радости и объ особенной радости моей матери, которая видѣла во мнѣ теперь настоящаго студента, уже не мальчика, а молодого человѣка, живущаго самобытною жизнью. Видѣла въ то же время мою полную искренность и прежнюю чистоту нравовъ. Добрый мой отецъ также былъ очень мною доволенъ и хотя онъ мнѣ ничего такого не говорилъ, но я видѣлъ, съ какимъ удовольствіемъ онъ смотрѣлъ на меня, когда я съ жаромъ описывалъ свою университетскую жизнь. Первые дни были посвящены разговорамъ и взаимнымъ разсказамъ. Я услыхалъ много новаго и, въ житейскомъ существенномъ отношеніи, очень много важнаго и пріятнаго. Съ своей стороны я разсказалъ о своихъ новыхъ и старыхъ профессорахъ, о новыхъ предметахъ ученія, о нашихъ студентскихъ спектакляхъ, о литературныхъ занятіяхъ и затѣяхъ на будущее время и наконецъ о моей страсти къ собиранію бабочекъ и о пользѣ, которая можетъ произойти для науки отъ подобныхъ собираній. Потомъ съѣздили мы къ друзьямъ нашимъ Миницкимъ, къ двоюродной сестрѣ моей А. П. Веригиной, бывшей воспитанницѣ П. П. Куроѣдовой, жившей теперь уже своимъ домомъ въ своей деревенькѣ; съѣздили и къ другимъ сосѣдямъ.

Когда всѣ разъѣзды были кончены, деревенская жизнь съ возможными, по тамошней мѣстности, удовольствіями пошла по своей обыкновенной колеѣ. Что и говорить—не было никакого сравненія между Старымъ и Новымъ Аксаковымъ! Тамъ была рѣчка, огромный прудъ, купанье, уженье и самая разнообразная стрѣльба, а здѣсь воды совсѣмъ почти не было, даже воду для питья привозили за двѣ версты изъ родниковъ; охота съ ружьемъ, правда, была чудесная, но лѣсная, для меня еще недоступная, да и легавой собаки не было. Впрочемъ, отецъ возилъ меня нѣсколько разъ на охоту за

выводками глухихъ тетеревовъ, которыхъ тамошній охотникъ, крестьянинъ Егоръ Филатовъ, умѣлъ находить и поднимать безъ собаки; но все это было въ лѣсу, и я не успѣвалъ поднять ружья, какъ всѣ тетеревята разлетались въ разныя стороны, а отецъ мой и охотникъ Егоръ всякій разъ однако умудрялись какъ-то убивать по нѣскольку штукъ; я же только одинъ разъ убилъ глухого тетеревенка, имѣвшаго глупость сѣсть на дерево. Вальдшнеповъ было великое множество, но для нихъ еще не наступила пора. Впрочемъ Егоръ приносилъ иногда старыхъ и молодыхъ вальдшнеповъ: молодыхъ онъ ловилъ руками, съ помощью своей звѣровой собаки, а какъ онъ ухитрялся убивать старыхъ—я и теперь не знаю, потому что онъ въ летъ стрѣлять не умѣлъ. Около моховыхъ болотъ, окруженныхъ лѣсомъ, жило множество бекасовъ, старыхъ и молодыхъ; но я рѣшительно не умѣлъ ихъ стрѣлять, да и болотные берега озеръ подъ ногами такъ тряслись и опускались, „ходенемъ ходили", какъ говорили крестьяне, что я, по непривычкѣ, и ходить тамъ боялся. Ѣзжали мы иногда въ лѣсъ, цѣлой семьей, за ягодами, за грибами, за орѣхами; но эти поѣздки мало меня привлекали. И такъ, поневолѣ, единственнымъ моимъ наслажденіемъ было—собираніе бабочекъ; на него-то устремилъ я все свое вниманіе и дѣятельность. Бабочекъ, по счастію, въ Старомъ Аксаковѣ оказалось очень много и самыхъ разнообразныхъ породъ; особенно же было много бабочекъ ночныхъ и сумеречныхъ. Гусеницъ попадалось уже мало, да и я не занимался ими, потому что выводиться было имъ уже некогда или поздно: наступалъ августъ мѣсяцъ. При первыхъ моихъ поискахъ, и въ старомъ плодовитомъ саду, и на поникшей рѣчкѣ Майнѣ, и около маленькихъ родничковъ, которые кое-гдѣ просачивались по старому руслу рѣки, и на полянахъ между лѣсами, я встрѣтилъ не только бабочекъ, водившихся въ окрестностяхъ Казани, но много такихъ, о которыхъ я не имѣлъ понятія. Сумеречныхъ бабочекъ я караулилъ всегда въ сумерки или отыскивалъ въ лѣсномъ сумракѣ, даже середи дня, гдѣ онѣ, не чувствуя яркаго солнечнаго свѣта, перепархивали съ мѣста на мѣсто. Ночныхъ же бабочекъ, кромѣ отыскиванія ихъ днемъ въ дуплахъ деревъ или въ расщелинахъ заборовъ и старыхъ строеній, я добывалъ ночью, приманивая ихъ на огонь. Я сдѣлалъ себѣ маленькій фонарь и привязывалъ его на вершину смородиннаго или барбарисоваго куста, или на

синель или невысокую яблонь. Привлеченныя свѣтомъ, бабочки прилетали и кружились около моего фонаря, а я, неподвижно возлѣ него съ готовой рампеткой, подхватывалъ ихъ на-лету. Въ непродолжительномъ времени я поймалъ около двадцати новыхъ экземпляровъ; трудно было опредѣлить ихъ названія по Блуменбаху, какъ мы ни хлопотали надъ нимъ вмѣстѣ съ сестрой. Не ручаюсь даже за точность именъ, принятыхъ мною по нѣкоторымъ признакамъ и сходству въ описаніи. Я заимствовалъ ихъ изъ нашего нѣмецкаго руководителя и они казались мнѣ тогда вѣрными. Разкажу о самыхъ замѣчательныхъ бабочкахъ по порядку, какъ онѣ мнѣ доставались. Первая бабочка, пойманная мною, должна принадлежать къ породѣ не настоящихъ сумеречныхъ бабочекъ, потому что признаки въ ней были смѣшанные. Мнѣ казалось, что ее можно отнести къ одному изъ многочисленныхъ видовъ моли, принадлежащихъ къ породѣ ночныхъ бабочекъ; но въ описанныхъ у Блуменбаха ее нѣтъ, да она и крупна для породъ моли. Это была бабочка нѣсколько менѣе среднихъ, но и не маленькая; крылушки у ней круглыя, какъ снѣгъ бѣлыя, покрытыя длиннымъ пухомъ, который на головѣ, спинкѣ и брюшкѣ еще длиннѣе; на этомъ бѣломъ пуху ярко выдаются черные, какъ уголь, глазки, такого же цвѣта длинный волосяной хоботокъ, толстые усики и ножки [1]). Когда я увидѣлъ ее въ первый разъ, тихо вьющуюся около какого-то дерева въ лѣсу, то опускающуюся, то поднимающуюся, я подумалъ, что это летаетъ пухъ въ душномъ, недоступномъ продольному вѣтерку, лѣсномъ воздухѣ. Но когда въ другой разъ увидѣлъ я эту точно косматую пушинку, прильнувшую къ древесному листку, тогда, подойдя поближе, къ великой моей радости, я разглядѣлъ, что это бабочка. Много предстояло мнѣ хлопотъ. Много надо было ловкости, чтобы ее поймать и разложить, не помявши и не потерши ея пушистыхъ крылушекъ. Вторую бабочку поймалъ я и назвалъ по Блуменбаху Иперантъ (Hyperanthus). Она принадлежала по величинѣ къ породѣ среднихъ бабочекъ; на всѣхъ ея четырехъ темносизыхъ, вырѣзныхъ, угольчатыхъ крыльяхъ находятся бѣленькія точки, а на изнанкѣ нижнихъ крыльевъ по три свѣтлыхъ очка или кружечка: она была довольна кра-

---

[1]) Н. П. В. полагаетъ вѣроятнымъ, что это была Ивовая сумеречная бабочка (Liparis Salicis). *С. А.*

сива, или, правильнѣе сказать, необыкновенна. Потомъ поймалъ я Атропу или Мертвую Голову; въ ея названіи ошибиться нельзя—признакъ слишкомъ очевиденъ: возлѣ самой ея головки, на спинкѣ, находится нѣчто похожее на человѣческій черепъ и двѣ кости, сложенныя подъ нимъ крестообразно. Верхнія крылья у нея свѣтлобурыя, а заднія желтыя, съ двумя черными поперечными полосами; брюшко желтое съ черными перевязками. Хотя она показана у Блуменбаха въ числѣ сумеречныхъ бабочекъ, но мы признавали ее за ночную, по величинѣ ея крыльевъ и толщинѣ туловища [1]). Очень была красива узоромъ и замѣчательна относительной величиной своей *Настоящая сумеречная бабочка*, у которой крылушки верхнія и нижнія были совершенно клѣтчатыя: кофейныя клѣточки лежали по бѣлому полю. Маленькія въ этомъ родѣ бабочки попадались часто, но такой величины я никогда уже не встрѣчалъ. Она ночью залетѣла въ комнату моей сестры и усѣлась очень низко въ углу. Я замѣтилъ ее поутру и подумалъ, что это лоскуточекъ клѣтчатаго ситца или кисеи присталъ какъ нибудь къ стѣнѣ — и Боже мой, какъ обрадовался, когда разглядѣлъ, что это бабочка! У Блуменбаха ее вовсе нѣтъ. Была также у меня очень большая ночная бабочка, вся свѣтло-бурая, у которой на крыльяхъ лежала діагональная полоса бѣловато-розоваго цвѣта, такъ что когда я разложилъ ее и поднялъ вверхъ длинноватыя и угловатыя ея крылья, то конецъ перевязки на верхнемъ сошелся съ началомъ перевязки на нижнемъ крылѣ и они составили бы треугольникъ, еслибы продолжить ихъ сходящіеся концы. У Блуменбаха есть нѣкоторое сходство съ нею въ описаніи *Огородной ночной бабочки*. Впрочемъ, сходство это ограничивается только перевязкою, похожею на треугольникъ. Но самыми драгоцѣнными пріобрѣтеніями, изъ которыхъ каждое въ свою очередь привело меня въ восторгъ, были двѣ бабочки: Кавалеръ *Махаонъ* и Большой Павлинъ, Вотъ какимъ образомъ достались мнѣ эти сокровища. Шелъ я однажды по изсохшему руслу рѣчки Майны и увидѣлъ въ небольшомъ углубленіи, вѣроятно высохшаго отъ жаровъ, родничка, дно котораго было еще мокровато, цѣлую кучу бѣлыхъ, простыхъ капустныхъ бабочекъ. Многія

---

[1]) Очевидно, что мы ошибались: въ числѣ ночныхъ бабочекъ находятся самыя мелкія породы моли. *С. А.*

изъ нихъ лежали уже мертвыя или умирали, другія сидѣли въ кучкѣ, сложивъ свои крылья, ползали, но уже не летали, остальныя вились надъ ними. Подобныя явленія для меня были не новость. Я видѣлъ, какъ нѣкоторыя породы бабочекъ, какъ напримѣръ бѣлыя маленькія, голубыя и маленькія же свѣтло-коричневыя, съ точками на заднихъ крыльяхъ, собираются въ кучи, чтобы вмѣстѣ умирать [1]). Я подошелъ однако изъ любопытства, потому что подобныя необъяснимыя явленія всегда любопытны. Вдругъ вижу, что въ числѣ сидящихъ и ползающихъ сидитъ одна большая желтая бабочка. Я наклонился ее разсмотрѣть—и пришелъ въ такой восторгъ, который трудно передать моимъ читателямъ. Эта бабочка была Кавалеръ, и не Подалиріусъ, потому что широкія сверху и узенькія внизу, поперечныя черныя полосы ясно изображались и на исподней сторонѣ ея верхнихъ крыльевъ, чего совсѣмъ нѣтъ у Подалиріуса, да и концы шпоръ были совершенно другіе. Итакъ, это Кавалеръ Махаонъ!... Необычайность такого счастія отуманила меня... Какъ бы для полнаго моего удостовѣренія, бабочка раскрыла свои крылья, проползла вершка два и опять плотно сложила ихъ. По рисункамъ и по одному экземпляру у Фукса, я зналъ хорошо отличительныя особенности Махаона, и у меня не осталось сомнѣнія, что это онъ. Я накрылъ его поспѣшно рампеткой, и, успокоившись отъ волненія, вздохнувъ свободнѣе, сталъ думать, какъ бы взять бережнѣе мою драгоцѣнную добычу. Сначала я старался спугнуть бабочку, чтобъ она взлетѣла и чтобъ я могъ завернуть ее въ мѣшечкѣ рампетки; но она не двигалась съ мѣста. Тутъ я догадался, что она находится въ такомъ же полусонномъ или болѣзненномъ предсмертномъ состояніи, какъ и окружавшія ея бѣлыя бабочки; я подпустилъ правую руку подъ рампетку, преспокойно взялъ двумя пальцами Кавалера за грудку, сжалъ и, не выпуская изъ рукъ, поспѣшилъ домой. Раскладывая Махаона, я къ

---

[1]) Такая необъяснимая особенность замѣчается и въ другихъ породахъ животныхъ: я читалъ, что слоны имѣютъ общее кладбище. Во время же мора на зайцевъ, я самъ нахаживалъ до десятка заячьихъ труповъ, иногда на одной небольшой полянкѣ. Вотъ какъ объясняетъ это явленіе г. Вагнеръ: „Бабочки собираются около лужицъ, сырыхъ мѣстъ по дорогамъ и пьютъ воду. Многія изъ нихъ прилетаютъ послѣ акта оплодотворенія, за которымъ у самцевъ непосредственно слѣдуетъ смерть. Эти-то самцы (а иногда и самки, уже положившія яйца), мучимые жаждою, слетаются къ лужамъ и оканчиваютъ здѣсь свою жизнь“. *С. А.*

моему огорченію увидѣлъ, что верхняя сторона лѣваго нижняго крыла была потерта. Вообще, при внимательномъ разсмотрѣніи можно было замѣтить, что бабочка уже много жила и много потеряла цвѣтной своей пыли, слѣдовательно потеряла яркость и свѣжесть своихъ красокъ, точно полиняла. Но, несмотря на эти недостатки, Кавалеръ Махаонъ могъ назваться драгоцѣнной добычей.

Здѣсь я считаю кстати объяснить недоразумѣніе, въ которомъ мы находились тогда относительно обоихъ Кавалеровъ, то-есть Подалиріуса и Махаона.

Имѣя въ рукахъ Блуменбаха, Озерецковскаго и Раффа (двое послѣднихъ тогда были извѣстны мнѣ и другимъ студентамъ, охотникамъ до натуральной исторіи), имѣя въ настоящую минуту передъ глазами высушенныхъ и нарисованныхъ Кавалеровъ, разсмотрѣвъ все это съ особеннымъ вниманіемъ, я увидѣлъ странную ошибку: Махаона мы называли Подалиріусомъ, а Подалиріуса—Махаономъ. Правда, что съ перваго взгляда они нѣсколько похожи другъ на друга; но не сходство этихъ бабочекъ, а профессоръ Фуксъ ввелъ насъ въ это заблужденіе. Онъ назвалъ Махаона Подалиріусомъ, а мы, положась на его слова, уже невнимательно прочли описаніе Блуменбаха, Озерецковскаго и Руффа. И такъ первые Кавалеры, пойманные Тимьянскимъ и мною, были Махаоны. Вотъ описаніе послѣдняго съ натуры, по возможности подробное и точное. Махаонъ принадлежитъ къ числу крупныхъ нашихъ бабочекъ; крылья имѣетъ не круглыя, а довольно длинныя и остроконечныя, по желтому основанію испещренныя черными пятнами, жилками и клѣтками; переднія крылья перевиты по верхнему краю тремя черными, короткими перевязками, а по краю боковому, на черной широкой коймѣ, лежатъ отдѣльно, въ видѣ оторочки, желтые полукружечки, числомъ восемь; къ туловищу, къ корнямъ крыльевъ, примыкаютъ черные углы въ полпальца шириною; вездѣ по желтому полю разсыпаны черныя жилки, а всѣ черныя мѣста какъ будто посыпаны слегка желтоватою пылью. Нижнія крылья овально-кругловаты, по краямъ вырѣзаны городками или фестончиками, отороченными черною каймою, съ шестью желтыми полукружечками, болѣе крупными, чѣмъ на верхнихъ крыльяхъ; непосредственно за ними слѣдуютъ черныя, широкія, дугообразныя полосы, также съ шестью, но уже синими кружками, неясно отдѣляющимися; седьмой

кружекъ, самый нижній, красно-бураго цвѣта, съ бѣлымъ оттѣнкомъ къ верху, послѣ второго желтаго кружечка снизу, или какъ будто изъ него, идутъ длинные, черные хвостики, называемые шпорами, на которыя они очень похожи. Подаліріусъ же цвѣтомъ также желтый, но гораздо блѣднѣе, съ черными пестринками, на верхнихъ своихъ крыльяхъ имѣетъ широкія, сначала черныя перевязки, идущія съ верхняго края до нижняго, но внизу оканчивающіяся уже узенькой ниточкой; на нижнихъ крыльяхъ у Подаліріуса лежатъ кровавые, небольшіе ободочки, съ синей середкой; синею же каймою оторочены нижнія крылья съ наружнаго края; шпоры имѣетъ такія же длинныя и черныя съ желтыми оконечностями. Вообще Подаліріусъ въ объемѣ уже Махаона. Для меня онъ даже красивѣе.

Ночная бабочка Павлинъ, рѣдкой величины и красоты, залетѣла ко мнѣ сама. Недѣли за двѣ до моего отъѣзда, были у насъ гости. Часовъ въ девять вечера всѣ сидѣли въ гостиной около самовара и пили чай: моя мать сама его разливала. Вечера становились уже прохладны, но окна были открыты; четыре свѣчи горѣли въ комнатѣ. Взглянувъ нечаянно вверхъ, я увидѣлъ на самомъ потолкѣ мелькающую тѣнь отъ чего-то летающаго. Я сейчасъ подумалъ, что это летучая мышь: ихъ водилось тамъ очень много и онѣ часто по вечерамъ влетали на огонь въ горницы. Мать моя имѣла къ нимъ непреодолимое отвращеніе, и я хотѣлъ уже сказать, чтобы она вышла, покуда мы выгонимъ незванную гостью. Но вглядѣвшись попристальнѣе, я замѣтилъ, что это была не летучая мышь, а бабочка: бабочка огромная и непремѣнно ночная. Я поднялъ страшный крикъ и бросился затворять двери и окна. Всѣ были испуганы, мать осердилась и начала бранить меня; но когда я, задыхаясь отъ волненія, указывая вверхъ рукою, умоляющимъ голосомъ выговорилъ: „бабочка, огромнѣйшая, чудеснѣйшая бабочка! позвольте мнѣ ее поймать“... всѣ расхохотались, и мать, знавшая мою безумную страсть, не могла не улыбнуться; она позволила мнѣ поймать залетѣвшую къ намъ бабочку, *огромнѣйшую и чудеснѣйшую*, по моимъ словамъ. Но это было не такъ легко сдѣлать. Она летала подъ самымъ потолкомъ и садилась иногда отдыхать на карнизѣ. Я сбѣгалъ за самой длинной рампеткой, поставилъ на столъ стулъ и вскарабкался на него. Мать ушла съ гостями въ залу, чтобы я могъ возиться на просторѣ, а сестра

и отецъ остались помогать мнѣ. Отецъ придерживалъ стулъ, на которомъ я стоялъ, а сестрица взлѣзла на столъ и, держа въ рукахъ двѣ горящія свѣчи (остальныя двѣ мы потушили), вытянувъ руки вверхъ и стоя на цыпочкахъ, свѣтила мнѣ и приманивала бабочку на огонь. Распоряженія мои увѣнчались успѣхомъ: бабочка стала кружиться около меня и я скоро поймалъ ее. Это была бабочка Большой Павлинъ, немного поменьше летучей мыши. Не берусь описывать, до какой степени я ей обрадовался и какъ я былъ счастливъ тогда! Объ огромномъ Павлинѣ, какъ о великой рѣдкости, наслышался я отъ Фукса; безъ всякаго сомнѣнія, это была та самая бабочка. У Блуменбаха описаніе ея совершенно недостаточно, а въ отношеніи къ образованію крыльевъ вовсе не вѣрно. Вотъ его описаніе: „Ночная бабочка Павлинъ (Pavonia) съ гребенчатыми усиками, безъязычная, у коей крылья округленныя, сѣровато-мутныя, съ нѣкоторыми (?) повязками, а на нихъ нѣсколько прозрачныхъ глазокъ“. Пойманная же мною бабочка, признанная впослѣдствіи за настоящаго Большого Павлина [1]) и профессоромъ Фуксомъ, имѣла крылья не округленныя, а нѣсколько продолговатыя и по краямъ съ маленькими, чуть замѣтными вырѣзками. Пожалуй, можно ихъ назвать сѣровато-мутными, но это не даетъ настоящаго понятія о цвѣтѣ ея крыльевъ; они были прекраснаго цвѣта, съ темноватыми и бѣловатыми по краямъ полосками или струями, съ оттѣнками и переливами такого красиваго узора, что можно было на нихъ заглядѣться. Нижнія крылья были также хороши, но какого-то мутнаго, пепельнаго цвѣта; на всѣхъ четырехъ крыльяхъ находилось по большому кружку или глазку, блиставшему цвѣтомъ павлиныхъ перьевъ, то есть глазковъ, находящихся на длинныхъ перьяхъ въ хвостѣ самца павлина, отчего, вѣроятно, и бабочка названа Павлиномъ. Исподъ крыльевъ просто сѣрый, съ бѣлыми жилками, но глазки обозначались и тамъ очень красиво, хотя не такъ ярко, съ примѣсью блѣдно-пунцоваго цвѣта, котораго на верхней сторонѣ совсѣмъ не видно. Хотя лучше было разложить прелестную бабочку при дневномъ свѣтѣ, но я побоялся отложить эту операцію по двумъ причинамъ: если Павлинъ умретъ отъ сжатія грудки, то можетъ высохнуть къ утру [2]);

[1]) Бабочекъ Павлиновъ находится три рода: большой, средній и малый. *С. А.*

[2]) Мы тогда не знали, что можно раскладывать и сухихъ бабочекъ, размачивая ихъ надъ сырымъ пескомъ въ закрытомъ сосудѣ. *С. А.*

если же отдохнетъ, то станетъ биться и можетъ стереть цвѣтную пыль съ своихъ крыльевъ. И такъ я рѣшился разложить ее сейчасъ, зажегъ нѣсколько свѣчъ и въ присутствіи всѣхъ гостей и моего отца, смотрѣвшихъ съ любопытствомъ на мою работу, благополучно разложилъ чудеснаго Павлина.

Само собою разумѣется, что у меня давно уже былъ сдѣланъ прекрасный ящикъ со стекломъ, оклеенный внутри бѣлою бумагою, съ мягкимъ липовымъ дномъ для удобнаго втыканія булавокъ съ бабочками. Мало-по-малу ящикъ наполнился, по истинѣ, прекрасными и даже рѣдкими экземплярами бабочекъ; но теперь предстоялъ вопросъ: какъ его довезти до Казани на почтовыхъ, въ ямской кибиткѣ? Булавки могутъ повыскакать отъ тряски и тогда одинъ вывалившійся экземпляръ перепортитъ множество другихъ. Оставалось одно средство: во всю дорогу держать ящикъ въ рукахъ; ѣзды было всего сутки, можно ночку и не поспать!

13-го августа утромъ я уже скакалъ по казанской дорогѣ, именно съ ящикомъ въ рукахъ. На каждой станціи я пробовалъ, крѣпко ли держатся булавки. Бодро не спалъ всю ночь, и только на другой день поутру уступилъ просьбамъ моего Евсеича, который, вызвавшись подержать моихъ бабочекъ, уговорилъ меня „соснуть часокъ-другой". Къ обѣду пріѣхалъ я благополучно въ Казань, на свою квартиру. Панаевы еще не пріѣзжали. Я немедленно отправился въ университетъ, разумѣется, съ ящикомъ бабочекъ. Я нашелъ Тимьянскаго выздоравливающимъ отъ болѣзни. Онъ, бѣдный, прохворалъ почти все лѣто лихорадкой. Наши бабочки, хранившіяся въ библіотекѣ, и хризалиды и гусеницы находились въ совершенномъ порядкѣ: во все это время неусыпно смотрѣлъ за ними Кайсаровъ,—я не зналъ, какъ и благодарить его! Почти всѣ червяки превратились въ хризалиды, а остальные померли, многіе изъ прежнихъ хризалидъ превратились въ бабочекъ; замѣчательныхъ не оказалось; но всѣ до одной были разложены. Мое деревенское собраніе бабочекъ привело въ восхищеніе Тимьянскаго, Кайсарова и другихъ студентовъ, принимавшихъ болѣе или менѣе участіе въ этомъ дѣлѣ. Почти всѣ студенты, уѣзжавшіе на вакацію, воротились къ 15-му августа, потому что 16-го начинались лекціи. Собраніе насѣкомыхъ Тимьянскаго мало пріобрѣло новаго со времени моего отъѣзда: сколько отъ его болѣзни, столько и отъ того, что ближайшія окрестности Казани не представ-

ляли особенныхъ удобствъ къ добыванію новыхъ разнообразныхъ и рѣдкихъ насѣкомыхъ. Что же касается бабочекъ, то не оставалось никакого сомнѣнія, что наше съ Панаевымъ собраніе, не принимая въ разсчетъ того, что привезъ мой товарищъ, было несравненно лучше собранія Тимьянскаго. Съ мучительнымъ нетерпѣніемъ ожидалъ я возращенія друга моего Александра. Что-то удалось поймать ему? И что скажетъ онъ, взглянувъ на моихъ бабочекъ? Я безпрестанно посылалъ узнавать, не пріѣхали ли Панаевы, и самъ нѣсколько разъ ѣздилъ освѣдомляться о томъ же. Наконецъ 15-го августа вечеромъ прислали сказать мнѣ изъ дому Панаевыхъ, что „молодые господа сейчасъ пріѣхали"—и черезъ нѣсколько минутъ я былъ уже на Черномъ Озерѣ. Ящикъ съ бабочками, конечно, былъ со мною; но я завязалъ его платкомъ, чтобъ показать вдругъ съ большимъ эффектомъ тогда уже, когда общее вниманіе будетъ устремлено безъ помѣхи на мои драгоцѣнныя пріобрѣтенія. Послѣ первыхъ радостныхъ объятій и восклицаній, мы оба съ Александромъ въ одинъ голосъ спросили другъ друга: „ну, что же ты привезъ?" Я отвѣчалъ многозначительно, что „привезъ кое-что, чѣмъ онъ будетъ доволенъ". Панаевъ отвѣчалъ въ такомъ же родѣ съ самодовольною улыбкой; но братья его не вытерпѣли и всѣ четверо вдругъ начали разсказывать и хвалиться своими бабочками, прибавляя, что у меня, „конечно, ничего подобнаго нѣтъ".—„Ну такъ показывайте", сказалъ я.—„Нѣтъ, покажи напередъ ты!" возразилъ Панаевъ. Въ такихъ перекорахъ прошло нѣсколько минутъ. Наконецъ я уступилъ и открылъ свой ящикъ. Панаевы были поражены, уничтожены; Александръ въ радости бросился меня обнимать. Махаона, то есть Подалиріуса, и Павлина никто не ожидалъ. „Ну, сказалъ Александръ Панаевъ, разсмотрѣвъ внимательнѣе моихъ бабочекъ:—послѣ этого нашихъ нечего и показывать! Да и какъ ты сталъ хорошо раскладывать, не хуже меня!" прибавилъ онъ. Но это было несправедливо. Я сталъ лучше прежняго раскладывать—это правда; до Панаева же мнѣ было далеко. Послѣ онъ разглядѣлъ, да я и самъ указалъ ему многіе мои грѣхи, происшедшіе отъ неловкости и нетерпѣнія. Наконецъ Александръ принесъ свой ящикъ. Цѣльность экземпляровъ, красота и чистота раскладки по истинѣ были изумительны; но, конечно, такихъ рѣдкихъ бабочекъ, какъ Махаонъ и Павлинъ, у него не было. Онъ привезъ

около двухъ десятковъ новыхъ экземпляровъ и нѣсколько дубликатовъ прежнимъ нашимъ бабочкамъ въ превосходнѣйшемъ видѣ. Лучшія бабочки его были слѣдующія: денная бабочка, которую мы признали за Полихлора (Polichloros) по Блуменбаху, значительной величины; она имѣла крылья угловатыя, желтокрасныя, съ черными пятнами; на верхнихъ крыльяхъ сверху находились четыре черныя, крупныя точки, идущія отъ конца крылушка къ туловищу. Она имѣла нѣкоторое сходство съ крапивной бабочкой. Другая денная бабочка, которую съ грѣхомъ пополамъ мы назвали Пафія, тоже по Блуменбаху, была средней величины, крылья имѣла зубчатыя, оранжево-желтыя, съ темно-синими блестящими пятнами. Это была бабочка необыкновенной красоты, но „съ-исподи на крыльяхъ серебряныхъ поперекъ чертъ", какъ пишетъ Блуменбахъ, никакихъ не оказалось. Впрочемъ, это могло происходить отъ случайной причины. Изъ ночныхъ, замѣчательными можно было назвать двухъ бабочекъ: одна изъ нихъ Антиква, довольно большая, имѣвшая крылья очень плоскія, *хорошаго*, то есть, яркаго темно-краснаго цвѣта; на переднихъ или верхнихъ ея крыльяхъ, у задняго угла, находилось по бѣлой лункѣ или пятну. Другая новая бабочка, признанная всѣми за Смородинную Геометру (Crossula ariata), имѣла крылья бѣлесоватыя, испещренныя кругловатыми черными пятнышками; на переднихъ крыльяхъ были замѣтны желтыя черточки или желтыя оторочки черныхъ крапинокъ. Особенно были хороши у Панаева средней величины сумеречныя бабочки. Первую изъ нихъ признали мы по Блуменбаху за Сфинкса (Celerio): у ней были верхнія сѣрыя и дымчатыя крылья съ продольною чертою, или лучше сказать, двумя чертами, вмѣстѣ соединенными: одна половина черты была черная, а другая бѣлая, заднія крылушки къ корню или туловищу были красныя, каждое съ шестью точками или пятнышками. Про нее сказано у Блуменбаха, что она водится въ виноградѣ; но тамъ, гдѣ его нѣтъ, вѣроятно она водится по другимъ кустарникамъ или растеніямъ [1]). Вторую же сумеречную бабочку можно назвать Собачья Голова (Stellatarum), по необыкновенно бородастой груди, мохнатому брюшку и заднимъ красновато-желтымъ крылушкамъ; верхнія же

---

[1]) Бабочка эта, то есть Сфинксъ, Celerio, не водится въ Россіи, по словамъ г. Вагнера. И такъ надобно предположить, что мы приняли за нее какого нибудь другого Сфинкса. *С. А.*

крылья не сходны съ описаніемъ Блуменбаха: они не бѣлыя и черныя, какъ онъ говоритъ, а самаго простого сѣраго цвѣта, какъ у всѣхъ обыкновенныхъ свѣчныхъ, ночныхъ бабочекъ. Остальныхъ сумеречныхъ, тоже очень красивыхъ, не часто попадающихся бабочекъ, пойманныхъ Панаевымъ, мы опредѣлить и назвать не могли.

Когда мы соединили наши четыре ящика и привели ихъ въ надлежащій порядокъ, то есть, расположили бабочекъ по родамъ, выставили нумера, составили регистръ съ названіями и описаніями, то по истинѣ наше собраніе можно было назвать превосходнымъ во многихъ отношеніяхъ, хотя, конечно, не полнымъ. Всѣ студенты соглашались безпрекословно, и уже не было никакого спора, чье собраніе лучше: наше или Тимьянскаго. Можно сказать, что мы съ Панаевымъ торжествовали.

Между тѣмъ начались лекціи, и я, чувствуя себя нѣсколько отставшимъ, потому что съ самой весны слишкомъ много занимался бабочками, принялся съ жаромъ догонять моихъ товарищей, Панаевъ тоже. Черезъ недѣлю однако мы рѣшились съ нимъ, по старой привычкѣ и неостывшей еще охотѣ, выйти за городъ, чтобы посмотрѣть, не попадется ли намъ какая-нибудь новая, неизвѣстная порода бабочекъ. Но не только не попалось намъ новой, даже извѣстныхъ бабочекъ встрѣтилось мало, потому что наступилъ уже конецъ августа и погода очень похолодѣла. Съ этого дня прекратились наши походы за бабочками, и прекратились навсегда! Пришла суровая осень, и все свободное время отъ учебныхъ занятій мы посвятили литературѣ, съ великимъ жаромъ издавая письменный журналъ, подъ названіемъ: „Журналъ нашихъ занятій“. Я же сверхъ того сильно увлекся театромъ. У насъ въ университетѣ составлялись спектакли, которые упрочили мою актерскую славу. Бабочки отошли сначала на второй планъ, но мы съ Панаевымъ еще каждый день смотрѣли ихъ, любовались ими, вспоминали съ удовольствіемъ, какъ доставались намъ лучшія изъ нихъ, и какъ мы были тогда счастливы. Потомъ эти воспоминанія день ото дня становились рѣже и блѣднѣе. Бабочки забывались понемногу и страсть ловить и собирать ихъ начала казаться намъ слишкомъ молодымъ или дѣтскимъ увлеченіемъ. Такъ казалось особенно мнѣ, который былъ привязанъ къ этой охотѣ несравненно горячѣе и страстнѣе Панаева.

Въ непродолжительномъ времени судьба моя была рѣшена моимъ отцемъ и матерью: черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ началѣ 1807 года, я долженъ былъ выйти изъ университета для поступленія въ статскую службу въ Петербургъ.

Въ университетѣ въ это время царствовалъ воинственный духъ. Большая часть казенныхъ студентовъ желала, хотя безнадежно, вступить въ военную службу, чтобъ принять личное и дѣятельное участіе въ войнѣ съ Наполеономъ. Другъ мой Александръ Панаевъ съ братомъ своимъ Иваномъ, нашимъ университетскимъ лирикомъ, также воспламенились браннымъ жаромъ и рѣшились выйти немедленно изъ университета и опредѣлиться въ кавалерію. Они ожидали согласія матери. Воинственному настроенію въ Казанскомъ университетѣ была особенная причина, кромѣ любви къ отчизнѣ и любви къ народной славѣ. Между казенными студентами была одна необыкновенная личность, Петръ Семеновичъ Балясниковъ. Онъ былъ отличный студентъ по математикѣ; пылкій, неустрашимый, предпріимчивый и въ то же время человѣкъ съ желѣзной волей—онъ бы надѣлалъ много славнаго, если бы смерть не пресѣкла рановременно его жизни. При переправѣ Наполеона черезъ Березину, Балясниковъ былъ уже полковникомъ и командовалъ батареей конной артиллеріи; онъ простудился и умеръ горячкой. Этотъ-то Балясниковъ, всегда имѣвшій сильное вліяніе на своихъ товарищей, воспламенялъ теперь всѣхъ воинскимъ жаромъ. Онъ увлекъ даже и тѣхъ, которые, повидимому, не имѣли и, по своему слабому здоровью и мирному настроенію духа, не могли имѣть никакого расположенія къ военной службѣ. Никто, конечно, не думалъ, чтобы маленькій, тщедушный Михайло Ѳоминъ, студентъ необыкновенно умный, дѣльный, тихій, преимущественно занимавшійся литературою, или дорогой мой товарищъ по театру, необыкновенный комическій талантъ, тоже худощавый и кроткій по своимъ наклонностямъ, Петръ Зыковъ—пошли въ военную службу! Но именно такъ случилось на дѣлѣ. Тимьянскій и Кайсаровъ остались однако вѣрными своему ученому назначенію.

Прежде поступленія на службу въ Петербургѣ, мнѣ предстояло еще встрѣтить весну въ деревнѣ, въ моемъ любимомъ Аксаковѣ. Прилетъ птицы приводилъ меня въ восторгъ при одномъ воспоминаніи о той веснѣ, которую я провелъ тамъ, будучи еще восьмилѣтнимъ мальчикомъ; но теперь, когда я

могъ встрѣтить весну съ ружьемъ въ рукахъ, прилетъ птицы казался мнѣ такимъ желаннымъ и блаженнымъ временемъ, что дай только Богъ терпѣнья дожить до него и силъ пережить его. При такомъ настроеніи, не было уже мѣста бабочкамъ въ мечтахъ и желаніяхъ, кипѣвшихъ въ то время въ моей головѣ и душѣ. Сначала я подарилъ свою половину бабочекъ Панаеву, Панаевъ же подарилъ мнѣ прекрасные рисунки лучшихъ изъ нихъ, снятыхъ имъ съ натуры съ большимъ искусствомъ и точностью; а какъ потомъ Панаевъ задумалъ въ военную службу, то мы отдали бабочекъ въ вѣчное и потомственное владѣніе Тимьянскому. Остались ли онѣ его собственностью или онъ пожертвовалъ ихъ въ университетскій кабинетъ натуральной исторіи? — ничего не знаю.

Быстро, но горячо прошла по душѣ моей страсть—иначе я не могу назвать ее—ловить и собирать бабочекъ. Она доходила до излишествъ, до крайности, до смѣшного; можетъ быть, на нѣсколько мѣсяцевъ она помѣшала мнѣ внимательно слушать лекціи... но нужды нѣтъ! Я не жалѣю объ этомъ. Всякое безкорыстное стремленіе, напряженіе силъ душевныхъ, нравственно полезно человѣку. На всю жизнь осталось у меня отрадное воспоминаніе этого времени, многихъ счастливыхъ, блаженныхъ часовъ. Ловля бабочекъ происходила подъ открытымъ небомъ, она была обстановлена разнообразными явленіями, красотами, чудесами природы. Горы, лѣса и луга, по которымъ бродилъ я съ рампеткою; вечера, когда я подкарауливалъ сумеречныхъ бабочекъ, и ночи, когда на огонь приманивалъ я бабочекъ ночныхъ, какъ будто не замѣчались мною; все вниманіе, казалось, было устремлено на драгоцѣнную добычу; но природа, незамѣтно для меня самого, отражалась на душѣ моей вѣчными красотами своими, а такія впечатлѣнія, ярко и стройно возникающія впослѣдствіи,— благодатны, и воспоминаніе о нихъ вызываетъ отрадное чувство изъ глубины души человѣческой.

Москва. Петровскій Паркъ.
1858 года, 21 іюля.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Оглавленіе четырехъ нумеровъ журнала:

„АРКАДСКІЕ ПАСТУШКИ“, 1804 ГОДА.

(Къ страницѣ 320).

Мѣсяцъ мартъ:

„Осень“ (стихи Ириса). „Нынѣшняя дружба“ (стихи Ириса). „Швейцарія въ Казани“ (проза Дафниса). „Стихи къ Н...“ съ французскаго (Дафниса). „Письмо къ другу“ (стихи Аминта). „Къ кокеткамъ“ (стихи Ириса). „Лиса и курятникъ“, басня въ стихахъ (Ириса). „Черта изъ жизни Генриха IV-го“ съ французскаго (проза Нереиса).

Мѣсяцъ май:

„Тоска по родныхъ“ (стихи Ириса). „Чувствованіе на послѣдній день 1804 года“ (проза*...). „Моя слава — слава Россовъ“ (стихи Ириса). „Сонета изъ Петрарка“ (проза...). „Похвала женщинамъ“ (стихи Ириса). „Черта изъ жизни Генриха IV-го“ (проза, съ французскаго, Нереиса). „Прощаніе“ (проза Дафниса).

Мѣсяцъ іюнь:

Ода Государю Императору Александру Павловичу, по случаю извѣстія объ основаніи университета въ Казани

(Ириса). „Новый годъ“ (проза Меналка). „Гласъ надежды“ (стихи неизвѣстнаго). „Прогулка“ (проза Аминта). „Житель береговъ Біотійскихъ“ (проза Дамона).

Мѣсяцъ августъ:

Ода „Раздоръ“ (стихи Беліандра). „Деревенскія удовольствія“ (проза Палемона). „Мое счастіе“ (стихи Палемона). „Осень“ (стихи Палемона). „Путешествіе въ Болгары“ (проза Дафниса). „Святки“ (стихи Палемона).

Такого же рода піесы составляли содержаніе и другихъ нумеровъ; вотъ нѣкоторые отрывки стиховъ и прозы.

ИЗЪ ОДЫ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ.

Воззри, монархъ, Ты на блаженство
Россіи и сыновъ Твоихъ;
Во всемъ Ты узришь совершенство.
Но мало, мало словъ моихъ,
Чтобы всю истину представить
И такъ какъ должно бы прославить
Творца блаженства, счастья ихъ.
Ты намъ въ Себѣ его являешь
И радость въ сердцѣ ощущаешь
Въ награду добрыхъ дѣлъ Своихъ.

*

Подъ мирною Твоей державой
Цвѣтетъ обиліе вездѣ:
Ужъ грады большей блещутъ славой,
Ужъ недостатковъ нѣтъ нигдѣ.
Ты снялъ невѣжества оковы,
Ты храмы музамъ зиждешь новы,
И покровительствуешь имъ.

Ирисъ (*Иванъ Панаевъ*).

ОСЕНЬ.

Минуло красное лѣто;
Мрачная осень,
Крылья расширя, несется
Съ юга на сѣверъ.

Бурно ея дуновенье
Все премѣняетъ;
Въ нашихъ странахъ пожелтѣли
Листья зелены;
Травки, цвѣточки поблекли,
Скрылися птички,
Лишь облака темносизы
Носятся бурей.
Скоро природа надѣнетъ
Бѣлую ризу.
Все успокоится, снова
Чтобъ обновиться весною.
Лишь человѣкъ невозвратно
Вянетъ навѣки...
Нѣтъ, мы умремъ, но въ надеждѣ
Лучшія жизни.

Палемонъ (Петръ Алексинъ).

ШВЕЙЦАРІЯ ВЪ КАЗАНИ.

„Въ концѣ минувшаго лѣта, вставши гораздо ранѣе обыкновеннаго, я пошелъ ходить по окрестностямъ Казани, имѣя съ собою незабвеннаго Карамзина, и—въ задумчивости зашелъ въ мѣста совсѣмъ мнѣ неизвѣстныя,— останавливаюсь и... удивляюсь пріятному мѣстоположенію... потомъ сажусь отъ усталости на мураву,—вынимаю изъ кармана Письма русскаго путешественника, — раскрываю и... начинаю читать... въ мысляхъ своихъ странствую съ нимъ по городамъ Швейцаріи, останавливаюсь у пастуховъ для подкрѣпленія себя пищею, они подаютъ мнѣ молоко, сыръ, плоды... Постой, блуждающее воображеніе! Ты завело сѣвернаго жителя слишкомъ далеко, въ счастливыя страны Гельвеціи! Ахъ! я въ Казани... Пріятная мечта, ты исчезаешь, ты увлекаешь за собою тѣ прелестные, неподражаемые ландшафты величественной натуры, коими ты недавно питала мою душу!...

Тутъ я перестаю читать, сравниваю описаніе Швейцаріи съ сими мѣстами и... кажется, нахожу нѣкоторое сходство; кажется, вижу тотъ *чортовъ мостъ*, тѣ стремнины, гдѣ безсмертный по своимъ побѣдамъ Россійскій Геркулесъ переходилъ съ войскомъ, пылающимъ усердіемъ и ревностью къ своему отечеству, подвергающимъ себя охотно опасностямъ

и бѣдствіямъ въ чужой землѣ, на неприступныхъ горахъ, окруженныхъ отовсюду пропастями;—но Россы не страшились, съ ними былъ мужественный, отважный Константинъ! Съ ними былъ непобѣдимый Суворовъ!

Далѣе, встаю, осматриваю прочія мѣста, и мнѣ представляется, что я стою на землѣ, принадлежащей отечеству храбраго патріота, Вильгельма Телля!... Долго я ходилъ тутъ, восхищаясь часъ отъ часу различными видами... но наконецъ величественный царь міровъ совершилъ полдневное свое теченіе... Стало жарко! и... я рѣшился возвратиться домой обѣдать. Положивъ въ карманъ милаго моего спутника [1]), спѣшилъ по узенькой тропинкѣ, которая пролегала между двухъ глубокихъ пропастей, и дивился самъ себѣ, какъ могъ я, будучи занятъ другими предметами, пройти по ней такъ счастливо!.. По дорогѣ мнѣ попадались разныя березки, расположенныя самою натурою въ пріятномъ, плѣняющемъ видѣ, а иныя шли аллеей и составляли прекрасную перспективу. Я примѣтилъ, что на нѣкоторыхъ изъ нихъ были надписи... вѣрно какой-нибудь чувствительный меланхоликъ, посѣщая сію несравненную окрестность Казани, написалъ ихъ!..

При окончаніи сей прогулки, принесшей столько для меня удовольствія, я разсказалъ друзьямъ моимъ; они, вмѣстѣ со мною, хвалили мѣста сіи, и съ общаго согласія мы назвали ихъ „*Казанской Швейцаріей*“.

Перепсъ (Николай Панаевъ).

Вотъ какимъ образомъ родилось названіе Швейцаріи въ окрестностяхъ Казани. Отыскавъ это гористое и живописное мѣстоположеніе позади урочища *Полека,* на которомъ стоялъ архіерейскій домъ, Александръ Панаевъ мнѣ первому сообщилъ объ этомъ открытіи. Наши разсказы привлекли другихъ, и гимназисты окрестили это мѣсто именемъ „Казанской Швейцаріи“. Теперь оно сдѣлалось любимымъ мѣстомъ гулянья для всего города. Тамъ настроены домики, бесѣдки, и, кажется, есть даже кондитерская; самое мѣсто раздѣлилось на два гулянья: одна половина называется нѣмецкою, а другая русскою Швейцаріею.—Вотъ еще отрывокъ изъ „Путешествія въ Болгары“.

---

[1]) Сочинитель называетъ милымъ своимъ спутникомъ книгу, которая съ нимъ тогда находилась.

Издатель.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ БОЛГАРЫ.

Жить такъ не далеко отъ Болгаръ, отъ такого достопамятнаго въ Россіи мѣста, жить и не побывать тамъ, было бы непростительно. Я очень любопытенъ, особенно на вещи такого рода, которыя съ удовольствіемъ осматриваю. Оставалось переѣхать Волгу, побѣдить пятнадцать верстъ и потомъ совершенно удовлетворить своему желанію. Я не утерпѣлъ, велѣлъ осѣдлать лошадь, простился и, переплывши бурливую стихію, поскакалъ по широкой дорогѣ болгарской,—березовыя рощицы поминутно мелькали въ глазахъ моихъ. Иныя подавались назадъ, а другія стремились впередъ, и, казалось, старались догнать меня: пространные луга, усѣянные разными цвѣточками, то показывались, то скрывались за мрачною густотою лѣса. Однимъ словомъ, предметы то и дѣло перемѣнялись въ виду моемъ, такъ что, не успѣвая бросить взгляда на одну сторону, принужденъ былъ тотчасъ обратить взоры на другую; но наконецъ я достигъ цѣли своего желанія—увидѣлъ Болгары—увидѣлъ издали тѣ величественныя готическія строенія, коимъ удивлялся всякій проѣзжающій. Увидѣлъ—и давъ шпоры моей лошади, въ одну минуту былъ уже подлѣ одного изъ минаретовъ. Я взглянулъ на верхъ онаго, и изумленнымъ взорамъ моимъ представился тотъ желѣзный обручъ, который былъ надѣтъ на него по повелѣнію мудраго Монарха нашего, великаго Петра. Сей знаменитый любитель древности хотѣлъ сохранить для позднято потомства сію достопамятную древность. Долго я смотрѣлъ на этотъ памятникъ и любопытство мое часъ отъ часу возрастало. Я желалъ быть на самой вершинѣ сего столба,—желалъ видѣть Волгу, ея окрестности. Однимъ словомъ, желалъ быть тамъ, куда рѣдкіе, очень рѣдкіе, отваживались всходить.—Я зналъ, что многіе съ половины своего пути въ страхѣ возвращались назадъ. Я зналъ сіе и все еще хотѣлъ удовлетворить своему намѣренію;—видѣлъ, что столбъ уже покосился отъ времени,—видѣлъ и, сошедши съ лошади, направилъ шаги мои туда, куда влекло меня мое стремленіе. Нѣсколько разъ принимался я всходить на изломанную каменную лѣстницу; но какой-то необычайный трепетъ въ сердцѣ моемъ останавливалъ мое шествіе! Наконецъ я рѣшился, и по развалившимся ступенямъ пустился вверхъ, сопротивляясь всѣмъ препятствіямъ, встрѣчающимся мнѣ въ семъ трудномъ

пути. Иногда мнѣ надлежало карабкаться перпендикулярно по высунувшимся каменьямъ, а иногда обступаться и взбираться по отпавшимъ глыбамъ. Однако-же я успѣлъ преодолѣть всѣ опасности и—очутился на верхней площадкѣ минарета!.. Ахъ! какое зрѣлище представилось глазамъ моимъ! Съ одной стороны протекала вдали великолѣпная Волга, на хребтѣ коей въ разныхъ мѣстахъ показывались суда съ распущенными парусами. Правый берегъ рѣки сей ограничивался цѣпью утесистыхъ горъ, на отлогости коихъ, въ пріятной долинкѣ, видны были *Тетюши,* съ своею желтою церковью, съ другой-же пролегали обширныя поля, на которыхъ въ пріятномъ видѣ перемѣшаны были орѣховые кусточки и мрачныя руины. Ахъ! сей восхитительный ландшафтъ, конечно, стоилъ въ сію минуту неподражаемой кисти безсмертнаго Сальватора-Розы; и сколько бы могъ онъ собрать здѣсь прелестныхъ идей для своихъ пейзажей, достойныхъ удивленія и восторговъ. Такимъ образомъ, предаваясь различнымъ удовольствіямъ, которыя чувствовалъ, взирая на величественныя красоты натуры, я сѣлъ отдохнуть: солнце начинало склоняться къ западу и жаръ его не былъ уже тотъ жаръ знойнаго полудня, который опаляетъ молодыя растенія, который принуждаетъ нѣжныхъ овечекъ утолять свою жажду въ прозрачныхъ источникахъ, который повелѣваетъ безпечнымъ, скромнымъ пастухамъ искать убѣжища подъ сѣнью мирнаго крова шалашей своихъ; лучи его, играя въ серебристыхъ струяхъ тихаго источника, казалось, готовы были въ нихъ исчезнуть, и яркимъ своимъ блескомъ показывали приближеніе сумраковъ. Мнѣ хотѣлось еще побывать и у другихъ остатковъ царства Болгарскаго. Я всталъ съ своего мѣста, спустился внизъ и пошелъ далѣе по зелено-бархатному лугу, встрѣчая множество различныхъ цвѣточковъ, которые пріятнымъ своимъ видомъ такъ меня заняли, что я не чувствовалъ, какимъ образомъ приблизился къ такому же точно столбу, какой незадолго передъ симъ видѣлъ: но жалко, что верхъ его уже обрушился. Впрочемъ, онъ почти ничѣмъ не разнилъ отъ прежняго и лѣстница его въ такомъ же направленіи шла къ верху. По достовѣрнымъ преданіямъ народа и по нѣкоторымъ довольно справедливымъ догадкамъ другихъ, можно сказать утвердительно, что они служили нѣкогда Мусульманамъ тѣми возвышенными мѣстами, съ коихъ предвозвѣстники молитвы созывали ихъ въ мечеть!.. Въ мрачномъ, меланхолическомъ молчаніи удивлялся

я чудеснымъ древнимъ зданіямъ. Я взиралъ на окружающіе печальные, представшіе глазамъ моимъ предметы!.. Слѣды яростнаго, неумолимаго времени! Что можетъ устоять противъ острой, все погубляющей косы его? Что можетъ притупить острое лезвіе сего ужаснаго орудія?.. Вздохи тѣснили грудь мою—слезы сожалѣнія навертывались на глазахъ моихъ... Нѣкогда и я долженъ буду покориться сему неизмѣнному закону природы и составъ бреннаго моего тѣла также долженъ будетъ такъ разрушиться. Черныя тучи начинали покрывать горизонтъ и вѣтеръ часъ отъ часу усиливался... а я все еще, стоя на одномъ мѣстѣ, предавался въ безмолвіи моей задумчивости".

(Продолженіе впредь).

Адонисъ (Александръ Панаевъ).

Если немножко поправить эти строки, списанныя съ дипломатическою точностью, то онѣ ничѣмъ не будутъ хуже прозы Владиміра Измайлова и князя Шаликова, людей, которые въ свое время имѣли свою славу.

ОСЕНЬ.

Уже не раздаются
Пернатыхъ голоса,
Ихъ гнѣздышки не вьются,
Не падаетъ роса,
*
Котора оживляла
Предъ симъ поля и лѣсъ.
И свѣжесть разливала
Подъ чистый сводъ небесъ.
*
Ужъ нѣту и листочковъ
Совсѣмъ на деревахъ,
И миленькихъ цвѣточковъ
Не видно на поляхъ.
*
Лишь эхо раздается
Въ ущелинахъ горы,

Какъ быстрый токъ несется
Ручья черезъ бугры;

*

Какъ сильный дождикъ съ шумомъ
Творитъ изъ свѣта мракъ;
Или градъ крупный съ громомъ
Наводитъ нѣкій страхъ.

*

Какъ сильный вѣтеръ мчится,
Вертя засохшій листъ, —
Иль въ воздухѣ струится
Осенней птицы свистъ.

*

Земля оледенѣла,
Свирѣль совсѣмъ глуха
И крыша посѣдѣла
Избушки пастуха.

*

Лишь дымъ изъ трубъ курится,
На гумнахъ слышенъ цѣпъ —
Крестьянинъ всякой тщится
Въ амбаръ убрать свой хлѣбъ.

*

Ахъ, скоро ль обновится
Природа снова вся
И радость водворится
Опять съ весной въ меня!...

*

Но должно все съ терпѣньемъ
Всегда переносить,
Чтобъ съ большимъ утѣшеньемъ
Веселіе вкусить!..,

Прис. (Иванъ Панаевъ).

Иванъ Панаевъ славился у насъ впослѣдствіи одами, изъ коихъ нѣкоторыя, по тогдашнему времени, были очень не дурны; но къ сожалѣнію ихъ у меня нѣтъ. Его піесу „Осень" я помѣстилъ для того, чтобъ показать, какъ неудачно писалъ онъ стихи въ другомъ родѣ, о чемъ у насъ были большіе толки, и въ чемъ нашъ лирикъ никогда не хотѣлъ сознаться.

Оглавленіе трехъ нумеровъ

„ЖУРНАЛА НАШИХЪ ЗАНЯТІЙ". 1806 ГОДА.

(Къ страницѣ 346).

Эпиграфъ.

„Многіе пишутъ для славы, мы пишемъ для удовольствія; пріятная улыбка на устахъ нашихъ товарищей и друзей есть для насъ драгоцѣнный вѣнокъ награды".

А...ъ.

Мѣсяцъ іюль:

„Война", ода И. И. „Лаузій и Лидія". „О поединкахъ" изъ Журнала des dames et des modes.

Мѣсяцъ ноябрь:

„Ода" (писанная на случай публичнаго испытанія студентовъ въ Казанскомъ университетѣ) И. П. „Дмитрій при рѣкѣ Донѣ", проза Өомина. „Сцены изъ жизни Брутовой" (окончаніе) А. П. „Смерть", проза Өомина.

Мѣсяцъ декабрь:

„Къ ручью", стихи И. И. „Загадка", стихи И. П. „О распространеніи и пользѣ Русской литературы", проза А. П. „Эпиграмма" П. А. „Дружба, уединеніе и любовь" (неоконченная, а потому неизвѣстно чья).

Вотъ и нѣкоторые отрывки:

ДВѢ ПЕРВЫЯ СТРОФЫ ОДЫ „ВОЙНА".

Почто война людей терзаетъ,
Почто ліется смертныхъ кровь,
Что адскій вымыслъ сей питаетъ,
Гдѣ-жъ къ ближнимъ кроется любовь!
Скажи, скажи ты мнѣ, Беллонна,
Пріятна-ль купленна корона
Злодѣйствомъ, гибелью людей?—
Гдѣ жалость, гдѣ тогда бываетъ,
Когда братъ брата забываетъ
Для славы варварской своей?...

Гдѣ святость, вѣра и законы?
Гдѣ ты, къ отечеству любовь?
Я внемлю только вопль и стоны
Тобой, война, сраженныхъ вновь!
Тамъ руки мочныя съ мечами,
Главы съ отверстыми очами
Въ крови отрублены плывутъ;
Ногой ихъ дерзкій попираетъ,
Ударитъ громъ!—Онъ упадаетъ—
И вмѣстѣ съ ними гибнетъ тутъ.

Такого рода стихами долго писали въ Россіи, и долго получали похвалы за нихъ наши лирическіе поэты: что-жъ мудренаго, что за пятьдесятъ лѣтъ сочинитель ихъ считалъ себя истиннымъ талантомъ, а его товарищи, семнадцатилѣтняя молодежь, видѣли въ немъ будущаго Ломоносова или Державина.

ДМИТРІЙ ПРИ РѢКѢ ДОНѢ.

„Когда Россія стенала подъ игомъ татарскимъ и когда никто изъ князей русскихъ не могъ управлять своимъ народомъ безъ грамоты гордыхъ хановъ, тогда Дмитрій осмѣлился пренебречь сіе поносное для Россіи обыкновеніе и взошелъ на престолъ безъ воли царя татарскаго.

Честолюбивый Мамай воспылалъ гнѣвомъ за сію непокорность и ворвался въ предѣлы россійскіе: смерть повсюду распростерла зѣвъ свой; зазвучали цѣпи на старцахъ и вопль обезчещенныхъ дѣвъ донесся до первопрестольнаго града Москвы.

Дмитрій возстеналъ, услышавъ бѣдствія своихъ подданныхъ. Онъ повелѣваетъ собраться народу передъ дворцомъ своимъ: „Народъ! Тебѣ извѣстны опустошенія, варварства, распространяемыя Мамаемъ. Воспряни отъ сна бездѣйственнаго и, призвавъ на помощь Бога и мужество отцовъ нашихъ, изощри мечи свои на погибель враговъ отечества“. Такъ вѣщалъ Дмитрій—и по стѣнамъ московскимъ раздавалось „побѣда или смерть“; и на лицахъ гражданъ видны были мужество и радость умереть, спасая отечество;—всѣ брали оружіе. Пересвѣтъ, горя нетерпѣніемъ оказать новыя

услуги Дмитрію, въ одеждѣ монашеской и съ копьемъ въ рукѣ, явился къ его легіонамъ.

На разсвѣтѣ прекраснѣйшаго дня, архіепископъ Троицкій именемъ Всевышняго благословилъ воинство и оно, подъ повелѣніями храбрыхъ вождей, при звукѣ трубъ двинулось къ странамъ, орошаемымъ Дономъ. Шумъ оружія, величественное молчаніе воиновъ составляли противоположность, распростирающую ужасъ по мѣстамъ окружнымъ.

Солнце оканчивало уже свое дневное теченіе, какъ забѣлѣли шатры татарскіе, лучи его умирали на позлащенномъ шпицѣ ставки Мамаевой. Едва Дмитрій установилъ свое воинство, раздалъ повелѣнія, какъ вѣстникъ хановъ предсталъ предъ нимъ съ сими словами: „Князь Россійскій! Повелитель мой не желаетъ всеобщаго кровопролитія; но отдаетъ рѣшеніе судьбы на единоборство двухъ воиновъ...“

Дмитрій согласился, далъ знакъ, и со стороны Русской Пересвѣтъ, вооруженный однимъ копьемъ, явился передъ своимъ противникомъ. Какъ разъяренные львы сошлись они, сразились — и оба пали мертвы. Тутъ замерцало оружіе и рѣки крови смѣшались съ Дономъ. Два раза Дмитрій собиралъ разсѣянное воинство; наконецъ съ отчаяніемъ и любовію къ отечеству ударилъ на враговъ своихъ, и мужество истребило варваровъ многочисленныхъ.

Съ честью возвратился побѣдитель въ свою столицу; вѣнки лавровые сыпались на главы избавителей отечества; радость была всеобщая; дѣти обнимали отцовъ своихъ, матери сыновей и супруги своихъ супруговъ!

При звукѣ колоколовъ и при благословеніяхъ соотчичей погребено было тѣло храбраго Пересвѣта.—Да почтитъ память его потомство!..“

М. Ѳоминъ.

Эта, ничего особеннаго въ себѣ не содержащая, статейка Ѳомина, студента впрочемъ очень остроумнаго и дѣльнаго, не знаю почему пользовалась у насъ общимъ одобреніемъ. Сравнивая ее съ другими прозаическими статьями, я рѣшительно не могу отдать ей значительнаго преимущества; и такъ надобно приписать ея успѣхъ *счастью*, которое до сихъ поръ нерѣдко сопровождаетъ появленіе и книгъ и статей. Разумѣется, подъ словомъ: „счастье“ должно понимать стеченіе благопріятныхъ обстоятельствъ и причинъ, незамѣтныхъ для человѣка.

ВЫПИСКА ИЗЪ СТАТЬИ:

„О РАСПРОСТРАНЕНІИ И ПОЛЬЗѢ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ“.

„Наконецъ явился незабвенный Карамзинъ, преобразователь русской прозы, которая до него находилась у насъ въ самомъ жалкомъ положеніи; уродливыя выраженія, скучные и продолжительные періоды, принужденный смыслъ, все такъ сказать утомляло тогда читателей нашихъ, но онъ явился— и чистота слога одушевила сочиненія наши, и тьма подражателей старались наперерывъ превосходить другъ друга въ подражаніи, и множество молодыхъ людей захотѣли заниматься отечественною литературою. Отсюда-то, можно смѣло сказать, слѣдуетъ эпоха усовершенствованія нашей словесности,—отсюда-то вкусъ къ любословію началъ у насъ приходить въ лучшее состояніе—и изданіе журналовъ было самое полезнѣйшее намѣреніе къ достиженію онаго; извѣстнѣйшіе изъ нихъ были тогда: „*Чтеніе для вкуса, разума и чувствованій*“, „*Московской журналъ*“, „*Пріятное и полезное препровожденіе времени*“, „*Ипокрена или утѣхи любословія*“, а послѣ и „*Вѣстникъ Европы*“, который и понынѣ продолжаетъ издавать г. Каченовскій, если не съ такимъ успѣхомъ, какъ г. Карамзинъ, то по крайней мѣрѣ сей послѣдній журналъ будетъ всегда въ моихъ глазахъ превосходнѣе всѣхъ „*Сѣверныхъ Вѣстниковъ*“, „*Новостей литературы*“, „*Лицеевъ*“ и проч.... Покойный Новиковъ, имѣющій всѣ права на нашу признательность, и котораго память должна быть столько для насъ священна, для пользы просвѣщенія своихъ соотечественниковъ отпускалъ даромъ при газетахъ „Листочки ежемѣсячныхъ и еженедѣльныхъ изданій“, выходившихъ при немъ въ свѣтъ. Разумѣется, что всякій, получающій или неполучающій Вѣдомости, любопытствовалъ знать, что въ нихъ находится, отъ любопытства непримѣтно родилась охота къ чтенію, а отъ чтенія напослѣдокъ и собственное упражненіе. Молодые люди отваживались уже выпускать въ журналы свои мелочныя произведенія; узнавая же, что публика принимаетъ ихъ съ удовольствіемъ и одобреніемъ, продолжали дѣлать дальнѣйшіе успѣхи въ словесности и, шествуя мало-по-малу по трудному и терніемъ усѣянному пути, достигали наконецъ авторскаго достоинства.

Но намъ извѣстно, что человѣкъ, желающій быть въ семъ классѣ людей *непослѣднимъ*, непремѣнно долженъ знать по-

рядочно хотя одинъ иностранный языкъ; ибо сравнивая оный съ своимъ, онъ наблюдаетъ, такъ сказать, лучшія принадлежности каждаго, и потому, если грубое и непріятное выраженіе русское ему не нравится въ его твореніи, то онъ, примѣняя его къ чужеземному, дѣлаетъ другой оборотъ и тѣмъ самымъ даетъ ему новую силу — новую жизненность. Я умалчиваю уже, что и чтеніе хорошихъ иностранныхъ книгъ также бы не безполезно было — хотя это старо и истерто, но за то истинно. Тутъ разумѣется знаніе историческихъ происшествій, характеръ слога и проч.

А посему, если большая часть нашихъ читателей будутъ такимъ образомъ трудиться, то въ самомъ дѣлѣ слогъ нашъ въ короткое время можетъ дойти до высочайшей степени совершенства (если еще не дошелъ). — Да и кто можетъ сравнить древнюю литературу съ теперешней. Книгу, написанную нынѣ, въ состояніи бываетъ понимать всякій молодой воспитанникъ, если ему будетъ извѣстенъ, хотя мало, предметъ оной. Возьмите же какого-нибудь Тредьяковскаго: я думаю, и въ совершенномъ возрастѣ человѣкъ, человѣкъ съ познаніями, нерѣдко бываетъ принужденъ прочитать у него нѣсколько разъ одинъ періодъ, чтобы сыскать настоящій смыслъ онаго. Напротивъ, читая слово Екатеринѣ II-й г. Карамзина, кто мысленно не переносился въ прежній Римъ? Кто не думалъ, что онъ внимаетъ великому Цицерону? Да и кто можетъ меня увѣрить, что сей послѣдній превосходилъ въ піитическомъ краснорѣчіи перваго... Довольно прочитать только одинъ его приступъ, чтобы отдать совершенно должную справедливость неподражаемому перу сѣвернаго оратора.—Въ его громкихъ періодахъ плавность слога подобна величественному теченію спокойной, обширной рѣки, а трогательная гармонія словъ очаровываетъ, восхищаетъ чувства наши и воображенье!

Вотъ каково дѣйствіе быстрыхъ успѣховъ словесности!— И вотъ какую пользу приноситъ намъ упражненіе въ оной!“

А. П.

Я помню, что въ этой дѣтски-молодой статьѣ было несравненно больше преувеличенныхъ, безусловныхъ и восторженныхъ похвалъ Карамзину, и что только изъ уваженія въ моимъ настоятельнымъ требованіямъ, Панаевъ согласился кое-что убавить. Что же касается до мысли и выраженій, то развѣ издатель „Московскаго Меркурія“ (г-нъ Макаровъ), да и другіе поклонники и послѣдователи Карамзина, не такими же мыслями и выраженіями опровергали грубыя, иногда натянутыя, но всего чаще справедливыя осужденія Шишкова?

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

С. Т. АКСАКОВА.

ТОМЪ II.

ДѢТСКІЕ ГОДЫ
БАГРОВА-ВНУКА,

служащіе продолженіемъ

СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ.

МОСКВА.
Изданіе А. А. Карцева.
1895.

Типо-Литографія І. А. Бончъ-Бруевича, Мясницкая, Козловскій пер., д. Прянишникова.

Отъ издателя.

Первое изданіе „Дѣтскихъ годовъ Багрова внука“ вышло въ свѣтъ еще при жизни автора, незадолго до его кончины. Новое изданіе печатается съ перваго, безъ измѣненій, съ сохраненіемъ даже того обращенія „къ читателямъ“, въ которомъ С. Т. Аксаковъ объясняетъ, что этихъ разсказовъ не слѣдуетъ принимать за личныя его воспоминанія и что они только записаны имъ со словъ молодого Багрова... Подобное же объясненіе сопровождало и первыя три изданія „Семейной Хроники,“ и только недавно, въ четвертомъ изданіи, вставлено нами „Предувѣдомленіе,“ которое окончательно снимаетъ съ „Хроники“ завѣсу (и безъ того, впрочемъ, очень прозрачную), и которое, по тѣсной связи „Хроники“ съ „Дѣтскими годами“, мы считаемъ вполнѣ умѣстнымъ перепечатать и здѣсь. Вотъ это „Предувѣдомленіе“:

„Книга, извѣстная подъ общимъ названіемъ „Семейной Хроники“, дѣлится на двѣ части: первая состоитъ изъ пяти отрывковъ „Хроники семейства Багровыхъ“; вторая — изъ личныхъ „Воспоминаній“ С. Т. Аксакова о годахъ воспитанія и первой молодости. Во всѣхъ трехъ предшествовавшихъ изданіяхъ печаталось обращеніе автора къ читателямъ, въ которомъ онъ предувѣдомлялъ ихъ, что отрывки изъ „Хроники „семейства Багровыхъ, близкихъ его сосѣдей, не имѣютъ „ничего общаго съ собственными его „Воспоминаніями“, „кромѣ сходства въ названіи мѣстностей и въ нѣкоторыхъ „именахъ, данныхъ имъ произвольно.“ Такое предувѣдомле-

ніе было въ то время нужно, не потому, чтобы авторъ полагалъ возможнымъ увѣрить читателей въ отсутствіи тождества обоихъ названій Багровыхъ и *Аксаковыхъ*, Куролесовыхъ и *Курольдовыхъ* и проч.,—а потому, что такимъ способомъ авторъ надѣялся предотвратить толки и пересуды, непріятные для родственнаго чувства многихъ, тогда еще живыхъ, членовъ этихъ двухъ семействъ; надѣялся удержать журнальную критику въ предѣлахъ чисто литературной оцѣнки выставленныхъ имъ характеровъ и типовъ, безъ всякаго нескромнаго разоблаченія тѣхъ обстоятельствъ, которыя могли, конечно, подразумѣваться, но которымъ еще не пришло время выступить гласно наружу.

„Но теперь, когда уже протекло пятнадцать лѣтъ со дня кончины автора; когда и другихъ многихъ, близкихъ родственниковъ уже нѣтъ и описываемыя имъ событія еще глубже ушли въ историческую даль,—теперь нѣтъ никакой надобности скрывать то, что и прежде подразумѣвалось и что, будучи обнаруженнымъ и признаннымъ, способно придать всей книгѣ, сверхъ ея художественнаго достоинства, еще новое, положительное достоинство живой, несомнѣнной правды, значеніе важнаго матеріала для исторіи русскаго общества. Одни и тѣ же лица выступаютъ и въ „Отрывкахъ изъ Семейной Хроники“ и въ „Воспоминаніяхъ“, и читатель можетъ, не смущаясь прежними предувѣдомленіями, слѣдить развитіе характеровъ и составить себѣ цѣльную картину семейнаго быта по обѣимъ частямъ книги, почти за три четверти вѣка тому назадъ.—Мы, однакоже, сохранили въ отрывкахъ изъ „Семейной Хроники“ прежнія вымышленныя названія, такъ какъ они уже получили извѣстность и нѣкоторое право гражданства въ русской литературѣ,—но объяснили въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ настоящія имена какъ мѣстностей, такъ и лицъ...“

На томъ же основаніи удерживаемъ мы и въ настоящемъ изданіи „Дѣтскихъ годовъ“ вымышленныя названія Багровыхъ, Куролесовыхъ и нѣкоторыя другія.

И такъ пусть читатель знаетъ, что одни и тѣ же лица выступаютъ и въ „Отрывкахъ изъ Хроники семейства Багровыхъ“, изъ которыхъ въ послѣднемъ, именно пятомъ отрывкѣ, разсказывается рожденіе Багрова-внука,—и въ „Дѣтскихъ годахъ“, непосредственно слѣдующихъ за пятымъ отрывкомъ, и наконецъ въ приложенныхъ къ „Хроникѣ“ и

изданныхъ одновременно съ нею „Воспоминаніяхъ“, непосредственно связывающихся съ „Дѣтскими годами“ разсказомъ о вступленіи Багрова-внука или С. Т. Аксакова въ Казанскую гамназію, — разсказомъ, который ведется С. Т. Аксаковымъ уже не подъ вымышленнымъ именемъ, а прямо отъ своего лица. Точно также и мать автора, Марья Николаевна Аксакова, называемая настоящимъ своимъ именемъ въ „Воспоминаніяхъ“,—то же самое лицо, которое въ „Хроникѣ“ и „Дѣтскихъ годахъ“ является подъ именемъ Софьи Николаевны Багровой,—а часто упоминаемая въ „Дѣтскихъ годахъ“ Прасковья Ивановна Куролесова—есть героиня разсказа „Хроники“ о Куролесовѣ, т. е. Куроѣдовѣ,—Надежда Ивановна Куроѣдова, освобожденная съ бою Степаномъ Михайловичемъ Багровымъ (т. е. Аксаковымъ) изъ подъ желѣзныхъ затворовъ своего злодѣя мужа.

Издатель Иванъ Аксаковъ.

ВНУЧКѢ МОЕЙ,

ОЛЬГѢ ГРИГОРЬЕВНѢ

АКСАКОВОЙ.

Къ читателямъ.

Я написалъ отрывки изъ „Семейной Хроники“ по разсказамъ семейства гг. Багровыхъ, какъ извѣстно моимъ благосклоннымъ читателямъ. Въ эпилогѣ къ пятому и послѣднему отрывку, я простился съ описанными мною личностями, не думая, чтобы мнѣ когда нибудь привелось говорить о нихъ. Но человѣкъ часто думаетъ ошибочно: внукъ Степана Михайловича разсказалъ мнѣ съ большими подробностями исторію своихъ дѣтскихъ годовъ; я записалъ его разсказы съ возможною точностью, а какъ они служатъ продолженіемъ „Семейной Хроники“, такъ счастливо обратившей на себя вниманіе читающей публики, и какъ разсказы эти представляютъ довольно полную исторію дитяти, жизнь человѣка въ дѣтствѣ, дѣтскій міръ, созидающійся постепенно подъ вліяніемъ ежедневныхъ, новыхъ впечатлѣній, то я рѣшился напечатать записанные мною разсказы. Желая, по возможности, передать живость изустнаго повѣствованія, я вездѣ говорю прямо отъ лица разскащика. Прежнія лица „Хроники“ выходятъ опять на сцену, а старшія, то-есть, дѣдушка и бабушка, въ продолженіи разсказа оставляютъ ее навсегда... Снова поручаю моихъ Багровыхъ благосклонному вниманію читателей.

С. Аксаковъ.

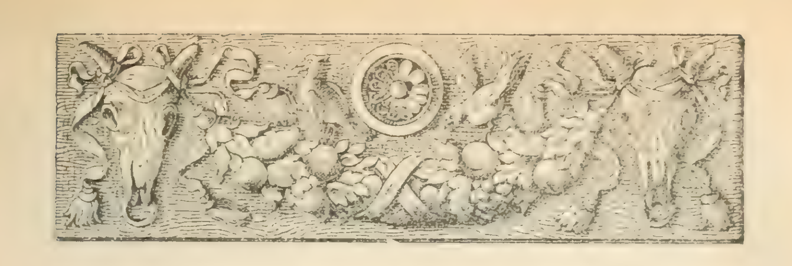

ВСТУПЛЕНІЕ.

Я самъ не знаю, можно-ли вполнѣ вѣрить всему тому, что сохранила моя память? Если я помню дѣйствительно случившіяся событія, то это можно назвать воспоминаніями не только дѣтства, но даже младенчества. Разумѣется, я ничего не помню въ связи, въ непрерывной послѣдовательности; но многіе случаи живутъ въ моей памяти до сихъ поръ со всею яркостью красокъ, со всею живостью вчерашняго событія. Будучи лѣтъ трехъ или четырехъ, я разсказывалъ окружающимъ меня, что помню, какъ отнимали меня отъ кормилицы... Всѣ смѣялись моимъ разсказамъ и увѣряли, что я наслушался ихъ отъ матери или няньки, и подумалъ, что это я самъ видѣлъ. Я спорилъ, и въ доказательство приводилъ иногда такія обстоятельства, которыя не могли мнѣ быть разсказаны, и которыя могли знать только я, да моя кормилица или мать. Наводили справки, и часто оказывалось, что дѣйствительно дѣло было такъ, и что разсказать мнѣ о немъ никто не могъ. Но не все, казавшееся мнѣ видѣннымъ, видѣлъ я въ самомъ дѣлѣ; тѣ же справки

иногда доказывали, что многаго я не могъ видѣть, а могъ только слышать.

Итакъ, я стану разсказывать изъ до-исторической, такъ сказать, эпохи моего дѣтства только то, въ дѣйствительности чего не могу сомнѣваться.

Отрывочныя воспоминанія.

Самые первые предметы, уцѣлѣвшіе на ветхой картинѣ давно прошедшаго, — картинѣ, сильно полинявшей въ иныхъ мѣстахъ отъ времени и потока шестидесятыхъ годовъ, предметы и образы, которые еще носятся въ моей памяти—кормилица, маленькая сестрица и мать; тогда онѣ не имѣли для меня никакого опредѣленнаго значенія и были только безъимянными образами. Кормилица представляется мнѣ сначала какимъ-то таинственнымъ, почти невидимымъ существомъ. Я помню себя лежащимъ ночью, то въ кроваткѣ, то на рукахъ матери, и горько плачущимъ: съ рыданіемъ и воплями повторялъ я одно и то-же слово, призывая кого-то, и кто-то являлся въ сумракѣ слабоосвѣщенной комнаты, бралъ меня на руки, клалъ къ груди... и мнѣ становилось хорошо. Потомъ помню, что уже никто не являлся на мой крикъ и призывы, что мать, прижавъ меня къ груди, напѣвая однѣ и тѣ-же слова успокоительной пѣсни, бѣгала со мной по комнатѣ до тѣхъ поръ, пока я засыпалъ. Кормилица, страстно меня любившая, опять нѣсколько разъ является въ моихъ воспоминаніяхъ, иногда вдали, украдкой смотрящая на меня изъ-за другихъ, иногда цалующая мои руки, лицо и плачущая надо мною. Кормилица моя была господская крестьянка и жила за 30 верстъ; она отправлялась изъ деревни пѣшкомъ въ субботу вечеромъ и

приходила въ Уфу рано по утру въ воскресенье; наглядѣвшись на меня и отдохнувъ, пѣшкомъ же возвращалась въ свою Касимовку, чтобы поспѣть на барщину. Помню, что она одинъ разъ приходила, а можетъ быть и пріѣзжала какъ-нибудь, съ моей молочною сестрой, здоровой и краснощекой дѣвочкой.

Сестрицу я любилъ сначала больше всѣхъ игрушекъ, больше матери, и любовь эта выражалась безпрестаннымъ желаньемъ ее видѣть, и чувствомъ жалости: мнѣ все казалось, что ей холодно, что она голодна и что ей хочется кушать; я безпрестанно хотѣлъ одѣть ее своимъ платьицемъ и кормить своимъ кушаньемъ; разумѣется, мнѣ этого не позволяли, и я плакалъ.

Постоянное присутствіе матери сливается съ каждымъ моимъ воспоминаніемъ. Ея образъ неразрывно соединяется съ моимъ существованіемъ, и потому онъ мало выдается въ отрывочныхъ картинахъ перваго времени моего дѣтства, хотя постоянно участвуетъ въ нихъ.

Тутъ слѣдуетъ большой промежутокъ, то-есть темное пятно или полинявшее мѣсто въ картинѣ давноминувшаго, и я начинаю себя помнить уже очень больнымъ, и не въ началѣ болѣзни, которая тянулась слишкомъ полтора года, не въ концѣ ея (когда я уже оправлялся), — нѣтъ, именно помню себя въ такой слабости, что каждую минуту опасались за мою жизнь. Одинъ разъ, рано утромъ, я проснулся или очнулся, и не узнаю, гдѣ я. Все было незнакомо мнѣ: высокая, большая комната, голыя стѣны изъ претолстыхъ новыхъ сосновыхъ бревенъ, сильный смолистый запахъ; яркое, кажется лѣтнее, солнце только-что всходитъ, и сквозь окно съ правой стороны, поверхъ рѣдиннаго полога, который былъ надо мною опущенъ, ярко отражается на противоположной стѣнѣ... Подлѣ меня тревожно спитъ, безъ подушекъ и не раздѣтая, моя мать. Какъ теперь гляжу на черную ея косу, растрепавшуюся по худому и желтому ея лицу. Меня наканунѣ перевезли въ подгородную деревню Зубовку, верстахъ въ 10-ти отъ Уфы. Видно, дорога и произведенный движеніемъ спокойный сонъ подкрѣпили меня; мнѣ стало хорошо и весело, такъ что я нѣсколько минутъ съ любопытствомъ и удовольствіемъ разсматривалъ, сквозь пологъ,

окружающіе меня новые предметы. Я не умѣлъ поберечь сна бѣдной моей матери, тронулъ ее рукой и сказалъ: „ахъ какое солнышко! какъ хорошо пахнетъ“! Мать вскочила, въ испугѣ сначала, и потомъ обрадовалась, вслушавшись въ мой крѣпкій голосъ и взглянувъ на мое посвѣжѣвшее лицо. Какъ она меня ласкала, какими называла именами, какъ радостно плакала... этого не разскажешь!.. Пологъ подняли; я попросилъ ѣсть, меня покормили и дали мнѣ выпить полъ-рюмки стараго рейнвейну, который, какъ думали тогда, одинъ только и подкрѣплялъ меня. Рейнвейну налили мнѣ изъ какой-то странной бутылки, со сплюснутымъ, широкимъ, круглымъ дномъ и длинною узенькою шейкою. Съ тѣхъ поръ я не видывалъ такихъ бутылокъ. Потомъ по просьбѣ моей достали мнѣ кусочки или висюлки сосновой смолы, которая вездѣ по стѣнамъ и косякамъ топилась, капала, даже текла по немножку, застывая и засыхая на дорогѣ и вися въ воздухѣ маленькими сосульками, совершенно похожими своимъ наружнымъ видомъ на обыкновенныя ледяныя сосульки. Я очень любилъ запахъ сосновой и еловой смолы, которою курили иногда въ нашихъ дѣтскихъ комнатахъ. Я понюхалъ, полюбовался, поигралъ душистыми и прозрачными смоляными сосульками; онѣ разстаяли у меня въ рукахъ и склеили мои худые, длинные пальцы; мать вымыла мнѣ руки, вытерла ихъ насухо, и я сталъ дремать... Предметы начали мѣшаться въ моихъ глазахъ; мнѣ казалось, что мы ѣдемъ въ каретѣ, что мнѣ хотятъ дать лѣкарство, и я не хочу принимать его, что вмѣсто матери стоитъ подлѣ меня нянька Агафья или кормилица... Какъ заснулъ я и что было послѣ—ничего не помню.

Часто припоминаю я себя въ каретѣ, даже не всегда запряженной лошадьми, не всегда въ дорогѣ. Очень помню, что мать, а иногда нянька держитъ меня на рукахъ, одѣтаго очень тепло, что мы сидимъ въ каретѣ, стоящей въ сараѣ, а иногда вывезенной на дворъ; что я хнычу, повторяя слабымъ голосомъ: „супу, супу“, котораго мнѣ давали понемножку, не смотря на болѣзненный мучительный голодъ, смѣнявшійся иногда совершеннымъ отвращеніемъ отъ пищи. Мнѣ сказывали, что въ каретѣ я плакалъ менѣе и вообще былъ гораздо спокойнѣе. Кажется, господа доктора въ самомъ началѣ болѣзни дурно лѣчили меня и наконецъ залѣ-

чили почти до смерти, доведя до совершеннаго ослабленія пищеварительные органы; а можетъ-быть что мнительность, излишнія опасенія страстной матери, безпрестанная перемѣна лѣкарствъ были причиною отчаяннаго положенія, въ которомъ я находился.

Я иногда лежалъ въ забытьи, и въ какомъ-то среднемъ состояніи между сномъ и обморокомъ; пульсъ почти переставалъ биться, дыханіе было такъ слабо, что прикладывали зеркало къ губамъ моимъ, чтобъ узнать, живъ ли я; но я помню многое, что дѣлали со мной въ то время и что говорили около меня, предполагая, что я уже ничего не вижу, не слышу и не понимаю, что я умираю. Доктора и всѣ окружающіе давно осудили меня на смерть: доктора — по несомнѣннымъ медицинскимъ признакамъ, а окружающіе—по несомнѣннымъ дурнымъ примѣтамъ, неосновательность и ложность которыхъ оказались на мнѣ весьма убѣдительно. Страданій матери моей описать невозможно, но восторженное присутствіе духа и надежда спасти свое дитя — никогда ея не оставляли. „Матушка Софья Николавна—не одинъ разъ говорила, какъ я самъ слышалъ, преданная ей душою, дальняя родственница Чепрунова, — перестань ты мучить свое дитя; вѣдь ужъ и доктора и священникъ сказали тебѣ, что онъ не жилецъ. Покорись волѣ Божіей: положи дитя подъ образа, затепли свѣчку и дай его ангельской душенькѣ выйти съ покоемъ изъ тѣла. Вѣдь ты только мѣшаешь ей и тревожишь ее, а пособить не можешь“... Но съ гнѣвомъ встрѣчала такія рѣчи моя мать и отвѣчала, что пока искра жизни тлѣется во мнѣ, она не перестанетъ дѣлать все, что можетъ, для моего спасенья—и снова клала меня безчувственнаго въ крѣпительную ванну, вливала въ ротъ рейнвейну или бульону, цѣлые часы растирала мнѣ грудь и спину голыми руками, а если и это не помогало, то наполняла легкія мои своимъ дыханьемъ—и я, послѣ глубокаго вздоха, начиналъ дышать сильнѣе, какъ будто просыпался къ жизни, получалъ сознаніе, начиналъ принимать пищу и говорить, и даже поправлялся на нѣкоторое время. Такъ бывало не одинъ разъ. Я даже могъ заниматься своими игрушками, которыя разставляли подлѣ меня на маленькомъ столикѣ; разумѣется, все это дѣлалъ я лежа въ кроваткѣ, потому что едва шевелилъ своими пальцами. Но самое главное мое удовольствіе со-

стояло въ томъ, что приносили ко мнѣ мою милую сестрицу, давали поцѣловать, погладить по головкѣ, а потомъ нянька садилась съ нею противъ меня, и я подолгу смотрѣлъ на сестру, указывая то на одну, то на другую мою игрушку, и приказывая подавать ихъ сестрицѣ.

Замѣтивъ, что дорога мнѣ какъ будто полезна, мать ѣздила со мной безпрестанно: то въ подгородныя деревушки своихъ братьевъ, то къ знакомымъ помѣщикамъ; одинъ разъ, не знаю куда, сдѣлали мы большое путешествіе; отецъ былъ съ нами. Дорогой, довольно рано поутру, почувствовалъ я себя такъ дурно, такъ я ослабѣлъ, что принуждены были остановиться; вынесли меня изъ кареты, постлали постель въ высокой травѣ лѣсной поляны, въ тѣни деревьевъ, и положили почти безжизненнаго. Я все видѣлъ и понималъ, что около меня дѣлали. Слышалъ, какъ плакалъ отецъ и утѣшалъ отчаянную мать, какъ горячо она молилась, поднявъ руки къ небу. Я все слышалъ и видѣлъ явственно, и не могъ сказать ни одного слова, не могъ пошевелиться—и вдругъ точно проснулся и почувствовалъ себя лучше, крѣпче обыкновеннаго. Лѣсъ, тѣнь, цвѣты, ароматный воздухъ мнѣ такъ понравились, что я упросилъ не трогать меня съ мѣста. Такъ и простояли мы тутъ до вечера. Лошадей выпрягли и пустили на траву близехонько отъ меня, и мнѣ это было пріятно. Гдѣ-то нашли родниковую воду; я слышалъ, какъ толковали объ этомъ; развели огонь, пили чай, а мнѣ дали выпить отвратительной римской ромашки съ рейнвейномъ, приготовили кушанье, обѣдали и всѣ отдыхали, даже мать моя спала долго. Я не спалъ, но чувствовалъ необыкновенную бодрость и какое-то внутреннее удовольствіе и спокойствіе, или, вѣрнѣе сказать, я не понималъ, что чувствовалъ, но мнѣ было хорошо. Уже довольно поздно вечеромъ, не смотря на мои просьбы и слезы, положили меня въ карету и перевезли въ ближайшую на дорогѣ татарскую деревню, гдѣ и ночевали. На другой день поутру я чувствовалъ себя также свѣжѣе и лучше противъ обыкновеннаго. Когда мы воротились въ городъ, моя мать, видя, что я сталъ немножко покрѣпче, и сообразя, что я уже съ недѣлю не принималъ обыкновенныхъ микстуръ и порошковъ, помолилась Богу и рѣшилась оставить уфимскихъ докторовъ, а принялась лѣчить меня по домашнему лѣчебнику Бухана. Мнѣ становилось часъ отъ часу лучше, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ я былъ уже почти здоровъ;

но все это время, отъ кормежки на лѣсной полянѣ до настоящаго выздоровленія, почти совершенно изгладилось изъ моей памяти. Впрочемъ одно происшествіе я помню довольно ясно: оно случилось, по увѣренію меня окружающихъ, въ самой срединѣ моего выздоровленія...

Чувство жалости ко всему страдающему доходило во мнѣ, въ первое время моего выздоровленія, до болѣзненнаго излишества. Прежде всего это чувство обратилось на мою маленькую сестрицу: я не могъ видѣть и слышать ея слезъ или крика и сейчасъ начиналъ самъ плакать; она же была въ это время нездорова. Сначала мать приказала было перевести ее въ другую комнату; но я, замѣтивъ это, пришелъ въ такое волненіе и тоску, какъ мнѣ послѣ говорили, что поспѣшили возвратить мнѣ мою сестрицу. Медленно поправляясь, я не скоро началъ ходить, и сначала цѣлые дни. лежа въ своей кроваткѣ и посадивъ къ себѣ сестру, забавлялъ ее разными игрушками или показываніемъ картинокъ. Игрушки у насъ были самыя простыя: небольшіе гладкіе шарики или кусочки дерева, которые мы называли чурочками; я строилъ изъ нихъ какія-то клѣтки, а моя подруга любила разрушать ихъ, махнувъ своею ручонкой. Потомъ началъ я бродить и сидѣть на окошкѣ, растворенномъ прямо въ садъ. Всякая птичка, даже воробей, привлекала мое вниманіе и доставляла мнѣ большое удовольствіе. Мать, которая все свободное время отъ посѣщенія гостей и хозяйственныхъ заботъ проводила около меня, сейчасъ достала мнѣ клѣтку съ птичками и пару ручныхъ голубей, которые ночевали подъ моею кроваткой. Мнѣ разсказывали, что я пришелъ отъ нихъ въ такое восхищеніе и такъ его выражалъ, что нельзя было смотрѣть равнодушно на мою радость. Одинъ разъ, сидя на окошкѣ (съ этой минуты я все уже твердо помню), услышалъ я какой-то жалобный визгъ въ саду; мать тоже его услышала, и когда я сталъ просить, чтобы послали посмотрѣть, кто это плачетъ, что „вѣрно кому-нибудь больно"—мать послала дѣвушку и та, черезъ нѣсколько минутъ, принесла въ своихъ пригоршняхъ крошечнаго, еще слѣпого, щеночка, который, весь дрожа и нетвердо опираясь на свои кривыя лапки, тыкаясь во всѣ стороны головой, жалобно визжалъ или *скучалъ*, какъ выражалась моя нянька. Мнѣ стало такъ его жаль, что я взялъ этого щеночка и закуталъ его своимъ платьемъ. Мать при-

казала принести на блюдечкѣ тепленькаго молочка, и послѣ многихъ попытокъ, толкая рыльцемъ слѣпого кутенка въ молоко, выучила его лакать. Съ этихъ поръ щенокъ по цѣлымъ часамъ со мной не разставался; кормить его по нѣскольку разъ въ день сдѣлалось моей любимой забавой; его назвали Суркой, онъ сдѣлался потомъ небольшою дворняшкой и жилъ у насъ семнадцать лѣтъ, разумѣется уже не въ комнатѣ, а на дворѣ, сохраняя всегда необыкновенную привязанность ко мнѣ и къ моей матери.

Выздоровленіе мое считалось чудомъ по признанію самихъ докторовъ. Мать приписывала его, во-первыхъ, безконечному милосердію Божію, а во-вторыхъ, лѣчебнику Бухана. Буханъ получилъ титло моего спасителя, и мать пріучила меня въ дѣтствѣ молиться Богу за упокой его души, при утренней и вечерней молитвѣ. Впослѣдствіи она гдѣ-то достала гравированный портретъ Бухана, и четыре стиха, напечатанные подъ его портретомъ на французскомъ языкѣ, были кѣмъ-то переведены русскими стихами, написаны красиво на бумажкѣ и наклеены сверхъ французскихъ. Все это, къ сожалѣнію, давно исчезло безъ слѣда.

Я приписываю мое спасеніе, кромѣ первой вышеприведенной причины, безъ которой ничто совершиться не могло, неусыпному уходу, неослабному попеченію, безграничному вниманію матери и дорогѣ, то-есть движенію и воздуху. Вниманіе и попеченіе было вотъ какое: постоянно нуждаясь въ деньгахъ, перебиваясь, какъ говорится, съ копѣйки на копѣйку, моя мать доставала старый рейнвейнъ въ Казани, почти за 500 верстъ, черезъ стариннаго пріятеля своего покойнаго отца, кажется, доктора Рейслейна; за вино платилась неслыханная тогда цѣна, и я пилъ его понемногу, нѣсколько разъ въ день. Въ городѣ Уфѣ не было тогда такъ называемыхъ французскихъ бѣлыхъ хлѣбовъ—и каждую недѣлю, то-есть каждую почту, щедро вознаграждаемый почтальонъ привозилъ изъ той же Казани по три бѣлыхъ хлѣба. Я сказалъ объ этомъ для примѣра; точно то же соблюдалось во всемъ. Моя мать не давала потухнуть во мнѣ догоравшему свѣтильнику жизни: едва онъ начиналъ угасать, она питала его магнетическимъ изліяніемъ собственной жизни, собственнаго дыханія. Прочла ли она объ этомъ въ какой-нибудь книгѣ или сказалъ докторъ—не знаю. Чудное цѣли-

тельное дѣйствіе дороги не подлежитъ сомнѣнію. Я зналъ многихъ людей, отъ которыхъ отступались доктора, обязанныхъ ей своимъ выздоровленіемъ. Я считаю также, что двѣнадцатичасовое лежанье въ травѣ, на лѣсной полянѣ, дало первый благотворный толчекъ моему разслабленному тѣлесному организму. Не одинъ разъ я слышалъ отъ матери, что именно съ этого времени сдѣлалась маленькая перемѣна къ лучшему.

Послѣдовательныя воспоминанія.

После моего выздоровленія я начинаю помнить себя уже дитятей, не крѣпкимъ и рѣзвымъ, какимъ я сдѣлался впослѣдствіи, но тихимъ, кроткимъ, необыкновенно жалостливымъ, большимъ трусомъ и въ то же время безпрестанно, хотя медленно, уже читающимъ дѣтскую книжку съ картинками, подъ названіемъ „Зеркало добродѣтели". Какъ и когда я выучился читать, кто меня училъ и по какой методѣ—рѣшительно не знаю; но писать я учился гораздо позднѣе и какъ-то очень медленно и долго. —Мы жили тогда въ губернскомъ городѣ Уфѣ и занимали огромный Зубинскій деревянный домъ, купленный моимъ отцомъ, какъ я послѣ узналъ, съ аукціона за 300 р. асс. Домъ былъ обитъ тесомъ, но не выкрашенъ; онъ потемнѣлъ отъ дождей, и вся эта громада имѣла очень печальный видъ. Домъ стоялъ на косогорѣ, такъ что окна въ садъ были очень низки отъ земли, а окна изъ столовой на улицу, на противоположной сторонѣ дома, возвышались аршина три надъ землей; парадное крыльцо имѣло болѣе 25 ступенекъ, и съ него была видна рѣка Бѣлая почти во всю свою ширину. Двѣ дѣтскія комнаты, въ которыхъ я жилъ вмѣстѣ съ сестрой, выкрашенныя по штукатуркѣ голубымъ цвѣтомъ, находившіяся возлѣ спальной, выходили окошками въ садъ, и посаженная подъ ними малина росла такъ высоко, что на

цѣлую четверть заглядывала къ намъ въ окна, что очень веселило меня и неразлучнаго моего товарища—маленькую сестрицу. Садъ, впрочемъ, былъ хотя довольно великъ, но не красивъ: кое-гдѣ ягодные кусты смородины, крыжовника и барбариса, десятка два-три тощихъ яблонь, круглые цвѣтники съ ноготками, шафранами и астрами, и ни одного большого дерева, никакой тѣни; но и этотъ садъ доставлялъ намъ удовольствіе, особенно моей сестрицѣ, которая не знала ни горъ, ни полей, ни лѣсовъ; я же изъѣздилъ, какъ говорили, болѣе пятисотъ верстъ: несмотря на мое болѣзненное состояніе, величіе красотъ Божьяго міра незамѣтно ложилось на дѣтскую душу и жило безъ моего вѣдома въ моемъ воображеніи; я не могъ удовольствоваться нашимъ бѣднымъ городскимъ садомъ и безпрестанно разсказывалъ моей сестрѣ, какъ человѣкъ бывалый, о разныхъ чудесахъ, мною видѣнныхъ; она слушала съ любопытствомъ, устремивъ на меня, полные напряженнаго вниманія, свои прекрасные глазки, въ которыхъ въ то же время ясно выражалось: „братецъ, я ничего не понимаю“. Да и что мудренаго: разскащику только-что пошелъ пятый годъ, а слушательницѣ—третій.

Я сказалъ уже, что былъ робокъ и даже трусоватъ; вѣроятно, тяжкая и продолжительная болѣзнь ослабила, утончила, довела до крайней воспріимчивости мои нервы, а можетъ быть и отъ природы я не имѣлъ храбрости. Первыя ощущенія страха поселили во мнѣ разсказы няньки. Хотя она собственно ходила за сестрой моей, а за мной только присматривала, и хотя мать строго запрещала ей даже разговаривать со мною, но она иногда успѣвала сообщить мнѣ кое-какія извѣстія о букѣ, о домовыхъ и мертвецахъ. Я сталъ бояться ночной темноты и даже днемъ боялся темныхъ комнатъ. У насъ въ домѣ была огромная зала, изъ которой двѣ двери вели въ двѣ небольшія горницы, довольно темныя, потому-что окна изъ нихъ выходили въ длинныя сѣни, служившія корридоромъ; въ одной изъ нихъ помѣщался буфетъ, а другая была заперта; она нѣкогда служила рабочимъ кабинетомъ покойному отцу моей матери; тамъ были собраны всѣ его вещи: письменный столъ, кресло, шкапъ съ книгами и проч. Нянька сказала мнѣ, что тамъ видятъ иногда покойнаго моего дѣдушку, Зубина, сидящаго за столомъ и разбирающаго бумаги. Я такъ боялся этой комнаты, что, проходя мимо ея, всегда зажмуривалъ глаза. Одинъ разъ, идучи

по длиннымъ сѣнямъ, забывшись, я взглянулъ въ окошко кабинета, вспомнилъ разсказъ няньки и мнѣ почудилось, что какой-то старикъ въ бѣломъ шлафрокѣ сидитъ за столомъ. Я закричалъ и упалъ въ обморокъ. Матери моей не было дома. Когда она воротилась, и я разсказалъ ей обо всемъ случившемся и обо слышанномъ мною отъ няни, она очень разсердилась: приказала отпереть дѣдушкинъ кабинетъ, ввела меня туда, дрожащаго отъ страха, насильно и показала, что тамъ никого нѣтъ и что на креслахъ висѣло какое-то бѣлье. Она употребила всѣ усилія растолковать мнѣ, что такіе разсказы—вздоръ и выдумка глупаго невѣжества. Няньку мою она прогнала и нѣсколько дней не позволяла ей входить въ нашу дѣтскую. Но крайность заставила призвать эту женщину и опять приставить къ намъ; разумѣется, строго запретили ей разсказывать подобный вздоръ и взяли съ нея клятвенное обѣщаніе никогда не говорить о простонародныхъ предразсудкахъ и повѣрьяхъ; но это не вылѣчило меня отъ страха. Нянька наша была странная старуха, она была очень къ намъ привязана, и мы съ сестрой ее очень любили. Когда ее сослали въ людскую и ей не позволено было даже входить въ домъ, она прокрадывалась къ намъ ночью, цѣловала насъ сонныхъ и плакала. Я это видѣлъ самъ, потому что одинъ разъ ея ласки разбудили меня. Она ходила за нами очень усердно, но, по закоренѣлому упрямству и невѣжеству, не понимала требованій моей матери и потихоньку дѣлала ей все наперекоръ. Черезъ годъ ее совсѣмъ отправили въ деревню. Я долго тосковалъ: я не умѣлъ понять, за что маменька такъ часто гнѣвалась на добрую няню, и оставался въ томъ убѣжденіи, что мать просто ее не любила.

Я всякій день читалъ свою единственную книжку „Зеркало добродѣтели“ моей маленькой сестрицѣ, никакъ не догадываясь, что она еще ничего не понимала, кромѣ удовольствія смотрѣть картинки. Эту дѣтскую книжку я зналъ тогда наизусть всю; но теперь только два разсказа и двѣ картинки изъ цѣлой сотни остались у меня въ памяти, хотя они, противъ другихъ, ничего особеннаго не имѣютъ. Это „Признательный левъ“ и „Самъ себя одѣвающій мальчикъ“. Я помню даже физіономію льва и мальчика! — Наконецъ „Зеркало добродѣтели“ перестало поглощать мое вниманіе и удовлетворять моему ребячьему любопытству,—мнѣ захо-

тѣлось почитать другихъ книжекъ, а взять ихъ рѣшительно было негдѣ.—тѣхъ книгъ, которыя читывалъ иногда мой отецъ и мать, мнѣ читать не позволяли. Я принялся было за „Домашній лѣчебникъ Бухана", но и это чтеніе мать сочла почему-то для моихъ лѣтъ неудобнымъ; впрочемъ, она выбирала нѣкоторыя мѣста и, отмѣчая ихъ закладками, позволяла мнѣ ихъ читать; и это было въ самомъ дѣлѣ интересное чтеніе, потому-что тамъ описывались всѣ травы, соли, коренья и всѣ медицинскія снадобья, о которыхъ только упоминается въ лѣчебникѣ. Я перечитывалъ эти описанія уже гораздо въ позднѣйшемъ возрастѣ и всегда съ удовольствіемъ, потому-что все это изложено и переведено на русскій языкъ очень толково и хорошо.

Благодѣтельная судьба скоро послала мнѣ неожиданное новое наслажденіе, которое произвело на меня сильнѣйшее впечатлѣніе и много расширило тогдашній кругъ моихъ понятій. Противъ нашего дома жилъ въ собственномъ же домѣ С. И. Аничковъ, старый, богатый холостякъ, слывшій очень умнымъ и даже ученымъ человѣкомъ; это мнѣніе подтверждалось тѣмъ, что онъ былъ когда-то посланъ депутатомъ отъ Оренбургскаго края въ извѣстную коммиссію, собранную Екатериною Второй для разсмотрѣнія существующихъ законовъ. Аничковъ очень гордился, какъ мнѣ разсказывали, своимъ депутатствомъ и смѣло поговаривалъ о своихъ рѣчахъ и дѣйствіяхъ, не принесшихъ, впрочемъ, по его собственному признанію, никакой пользы. Аничкова не любили, а только уважали и даже прибаивались его рѣзкаго языка и негибкаго нрава. Къ моему отцу и матери онъ благоволилъ и даже давалъ взаймы денегъ, которыхъ просить у него никто не смѣлъ. Онъ услышалъ какъ-то отъ моихъ родителей, что я мальчикъ прилежный и очень люблю читать книжки, но что читать нечего. Старый депутатъ, будучи просвѣщеннѣе другихъ, естественно былъ покровителемъ всякой любознательности. На другой день вдругъ присылаетъ онъ человѣка за мною; меня повелъ самъ отецъ. Аничковъ, разспросивъ хорошенько, что я читалъ, какъ понимаю прочитанное и что помню, остался очень доволенъ, велѣлъ подать связку книгъ и подарилъ мнѣ... о счастіе!... „Дѣтское чтеніе для сердца и разума", изданное безденежно при „Московскихъ Вѣдомостяхъ" Н. И. Новиковымъ. Я такъ обрадовался, что чуть ни со слезами бросился на шею ста-

рику, и не помня себя, запрыгалъ и побѣжалъ домой, оставя своего отца бесѣдовать съ Аничковымъ. Помню однако благосклонный и одобрительный хохотъ хозяина, загремѣвшій въ моихъ ушахъ и постепенно умолкавшій по мѣрѣ моего удаленія. Боясь, чтобы кто-нибудь не отнялъ моего сокровища, я пробѣжалъ прямо черезъ сѣни въ дѣтскую, легъ въ свою кроватку, закрылся пологомъ, развернулъ первую часть—и позабылъ все меня окружающее. Когда отецъ воротился и со смѣхомъ разсказалъ матери все происходившее у Аничкова, она очень встревожилась, потому что и не знала о моемъ возвращеніи. Меня отыскали лежащаго съ книжкой. Мать разсказывала мнѣ потомъ, что я былъ точно какъ помѣшанный: ничего не говорилъ, не понималъ, что мнѣ говорятъ, и не хотѣлъ итти обѣдать. Должны были отнять книжку, несмотря на горькія мои слезы. Угроза, что книги отнимутъ совсѣмъ, заставила меня удержаться отъ слезъ, встать и даже обѣдать. Послѣ обѣда я опять схватилъ книжку и читалъ до вечера. Разумѣется, мать положила конецъ такому изступленному чтенію: книги заперла въ свой комодъ и выдавала мнѣ по одной части, и то въ извѣстные, назначенные ею часы. Книжекъ всего было двѣнадцать, и тѣ не по порядку, а разрозненныя. Оказалось, что это не полное собраніе „Дѣтскаго чтенія“, состоявшаго изъ 20-ти частей. Я читалъ свои книжки съ восторгомъ и, несмотря на разумную бережливость матери, прочелъ все съ небольшимъ въ мѣсяцъ. Въ дѣтскомъ умѣ моемъ произошелъ совершенный переворотъ, и для меня открылся новый міръ. Я узналъ въ „разсужденіи о громѣ“ что такое молнія, воздухъ, облака; узналъ образованіе дождя и происхожденіе снѣга. Многія явленія въ природѣ, на которыя я смотрѣлъ безсмысленно, хотя и съ любопытствомъ, получили для меня смыслъ, значеніе, и стали еще любопытнѣе. Муравьи, пчелы и особенно бабочки съ своими превращеніями изъ яичекъ въ червяка, изъ червяка въ хризалиду и, наконецъ, изъ хризалиды въ красивую бабочку—овладѣли моимъ вниманіемъ и сочувствіемъ; я получилъ непреодолимое желаніе все это наблюдать своими глазами. Собственно нравоучительныя статьи производили менѣе впечатлѣнія, но какъ забавляли меня „смѣшной способъ ловить обезьянъ“—и басня „о старомъ волкѣ“, котораго всѣ пастухи отъ себя прогоняли! Какъ восхищался я „золотыми рыбками“!

Съ нѣкотораго времени сталъ я замѣчать, что мать моя нездорова. Она не лежала въ постели, но худѣла, блѣднѣла и теряла силы съ каждымъ днемъ. Нездоровье началось давно, но я этого сперва не видѣлъ и не понималъ причины, отъ чего оно происходило. Только впослѣдствіи узналъ я изъ разговоровъ меня окружавшихъ людей, что мать сдѣлалась больна отъ тѣлеснаго истощенія и душевныхъ страданій во время моей болѣзни. Ежеминутная опасность потерять страстно любимое дитя и усилія сохранить его напрягали ея нервы и придавали ей неестественныя силы и какъ бы искусственную бодрость; но когда опасность миновалась—общая энергія упала и мать начала чувствовать ослабленіе: у нея заболѣла грудь, бокъ, и наконецъ появилось лихорадочное состояніе; тѣ же самые доктора, которые такъ безуспѣшно лѣчили меня и которыхъ она бросила, принялись лѣчить ее. Я услыхалъ, какъ она говорила моему отцу, что у нея начинается чахотка. Я не знаю, до какой степени это было справедливо, потому что больная была, какъ всѣ утверждали, очень мнительна, и не знаю, притворно или искренно, но мой отецъ и доктора увѣряли ее, что это неправда. Я имѣлъ уже смутное понятіе, что чахотка какая-то ужасная болѣзнь. Сердце у меня замерло отъ страха, и мысль, что я причиною болѣзни матери, мучила меня безпрестанно. Я сталъ плакать и тосковать; но мать умѣла какъ-то меня разувѣрить и успокоить, что было и не трудно при ея безпредѣльной нравственной власти надо мною.

Не имѣя полной довѣренности къ искусству уфимскихъ докторовъ, мать рѣшилась ѣхать въ Оренбургъ, чтобы посовѣтоваться тамъ съ докторомъ Деобольтомъ, который славился во всемъ краѣ чудесными излѣченіями отчаянно-больныхъ. Она сама сказала мнѣ объ этомъ съ веселымъ видомъ и увѣрила, что возвратится здоровою. Я совершенно повѣрилъ, успокоился, даже повеселѣлъ и началъ приставать къ матери, чтобъ она ѣхала поскорѣе. Но для этой поѣздки надобно было имѣть деньги, а притомъ куда дѣвать, на кого оставить двухъ маленькихъ дѣтей? Я вслушивался въ безпрестанные разговоры объ этомъ между отцомъ и матерью и наконецъ узналъ, что дѣло уладилось: денегъ далъ тотъ же мой книжный благодѣтель, С. И. Аничковъ, а дѣтей, то-есть насъ съ сестрой, рѣшились завести въ Багрово и оставить у бабушки съ дѣдушкой. Я былъ очень доволенъ, узнавъ, что мы поѣдемъ на своихъ лошадяхъ и что будемъ

въ полѣ кормить. У меня сохранилось неясное, но самое пріятное воспоминаніе о дорогѣ, которую мой отецъ очень любилъ; его разсказы о ней и еще болѣе о Багровѣ, обѣщавшіе множество новыхъ, еще неизвѣстныхъ мнѣ удовольствій, воспламенили мое ребячье воображеніе. Дѣдушку съ бабушкой мнѣ также хотѣлось видѣть, потому что я хотя и видѣлъ ихъ, но помнить не могъ: въ первый мой пріѣздъ въ Багрово мнѣ было восемь мѣсяцевъ; но мать разсказывала, что дѣдушка былъ намъ очень радъ и что онъ давно зоветъ насъ къ себѣ и даже сердится, что мы въ четыре года ни разу у него не бывали. Моя продолжительная болѣзнь, медленное выздоровленіе и потомъ нездоровье матери — были тому причиной. Впрочемъ, мой отецъ ѣздилъ прошлаго года въ Багрово, однако на самое короткое время. По обыкновенію, вслѣдствіе природнаго моего свойства — дѣлиться моими впечатлѣніями съ другими, всѣ мои мечты и пріятныя надежды я разсказалъ и старался растолковать маленькой моей сестрицѣ, а потомъ объяснить и всѣмъ, меня окружавшимъ. Начались сборы. Я собрался прежде всѣхъ: уложилъ свои книжки, то-есть „Дѣтское чтеніе" и „Зеркало добродѣтели", въ которое однако я уже давно не заглядывалъ; не забылъ также и чурочки, чтобъ играть ими съ сестрицей; двѣ книжки „Дѣтскаго чтенія", которыя я перечитывалъ уже въ третій разъ, оставилъ на дорогу и съ радостнымъ лицемъ прибѣжалъ сказать матери, что я готовъ ѣхать и что мнѣ жаль только оставить Сурку. Мать сидѣла въ креслахъ, печальная и утомленная сборами, хотя она распоряжалась ими, не вставая съ мѣста. Она улыбнулась моимъ словамъ и такъ взглянула на меня, что я хотя не могъ понять выраженія этого взгляда, но былъ пораженъ имъ. Сердце у меня опять замерло и я готовъ былъ заплакать; но мать приласкала меня, успокоила, ободрила и приказала мнѣ итти въ дѣтскую—читать свою книжку и занимать сестрицу, прибавя, что ей теперь некогда съ нами быть и что она поручаетъ мнѣ смотрѣть за сестрою; я повиновался и медленно пошелъ назадъ: какая-то грусть вдругъ отравила мою веселость, и даже мысль, что мнѣ поручаютъ мою сестрицу, что въ другое время было бы мнѣ очень пріятно и лестно, теперь не утѣшила меня. Сборы продолжались еще нѣсколько дней, и наконецъ все было готово.

Дорога до Парашина.

Въ жаркое лѣтнее утро, — это было въ исходѣ іюля—разбудили насъ съ сестрой ранѣе обыкновеннаго; напоили чаемъ за маленькимъ нашимъ столикомъ; подали карету къ крыльцу, и, помолившись Богу, мы всѣ пошли садиться. Для матери было такъ устроено, что она могла лежать; рядомъ съ нею сѣлъ отецъ, а противъ него нянька съ моею сестрицей; я же стоялъ у каретнаго окна, придерживаемый отцомъ и помѣщаясь вездѣ, гдѣ открывалось мѣстечко. Спускъ къ рѣкѣ Бѣлой былъ такъ крутъ, что понадобилось подтормозить два колеса. Мы съ отцомъ и няня съ сестрицей шли съ горы пѣшкомъ.

Здѣсь начинается рядъ еще не испытанныхъ мною впечатлѣній. Я не одинъ уже разъ переправлялся черезъ Бѣлую, но, по тогдашнему болѣзненному моему состоянію и почти младенческому возрасту, ничего этого не замѣтилъ и не почувствовалъ; теперь же я былъ пораженъ широкою и быстрою рѣкой, отлогими песчаными ея берегами и зеленою уремой на противоположномъ берегу. Нашу карету и повозку стали грузить на паромъ, а намъ подали большую косную лодку, на которую мы всѣ должны были перейти по двумъ доскамъ, положеннымъ съ берега на край лодки; перевощики въ пестрыхъ мордовскихъ рубахахъ, бредя по колѣни въ водѣ, повели подъ руки мою мать и няньку съ

сестрицей; вдругъ одинъ изъ перевощиковъ, рослый и загорѣлый, схватилъ меня на руки и понесъ прямо по водѣ въ лодку, а отецъ пошелъ рядомъ по дощечкѣ, улыбаясь и ободряя меня, потому что я, по своей трусости, отъ которой еще не освободился, очень испугался такого неожиданнаго путешествія. Четверо гребцовъ сѣли въ весла, перенесшій меня человѣкъ взялся за кормовое весло, оттолкнулись отъ берега шестомъ, всѣ пятеро перевощиковъ перекрестились, кормчій громко сказалъ: „призывай Бога на помочь“, и лодка полетѣла поперекъ рѣки, скользя по вертящейся быстринѣ, бѣгущей у самаго берега, называющейся „стремя“. Я былъ такъ пораженъ этимъ невиданнымъ зрѣлищемъ, что совершенно онѣмѣлъ и не отвѣчалъ ни одного слова на вопросы отца и матери. Всѣ смѣялись, говоря, что отъ страха у меня языкъ отнялся, но это было не совсѣмъ справедливо: я былъ подавленъ не столько страхомъ, сколько новостью предметовъ и величіемъ картины, красоту которой я чувствовалъ, хотя объяснить, конечно, не умѣлъ. Когда мы стали подплывать къ другому отлогому берегу и, по мелкому мѣсту, пошли на шестахъ къ пристани, я уже совершенно опомнился, и мнѣ стало такъ весело, какъ никогда не бывало. Бѣлые, чистые пески съ грядами разноцвѣтной гальки, то-есть камушковъ, широко разстилались передъ нами. Одинъ изъ гребцовъ соскочилъ въ воду, подвелъ лодку за носовую веревку къ пристани и крѣпко привязалъ къ причалу; другой гребецъ сдѣлалъ то же съ кормою, и мы всѣ преспокойно вышли на пристань. Сколько новыхъ предметовъ, сколько новыхъ словъ! Тутъ мой языкъ уже развязался, и я съ большимъ любопытствомъ сталъ разспрашивать обо всемъ нашихъ перевощиковъ. Я не могу забыть, какъ эти добрые люди ласково, просто и толково отвѣчали мнѣ на мои безчисленные вопросы и какъ они были благодарны, когда отецъ далъ имъ что-то за труды. Съ нами на лодкѣ былъ коверъ и подушки, мы разостлали ихъ на сухомъ пескѣ, подальше отъ воды, потому что мать боялась сырости, и она прилегла на нихъ; меня же отецъ повелъ набирать галечки. Я не имѣлъ о нихъ понятія и пришелъ въ восхищеніе, когда отецъ отыскалъ мнѣ нѣсколько прекрасныхъ, гладкихъ, блестящихъ разными цвѣтами камешковъ, изъ которыхъ нѣкоторые имѣли очень красивую, затѣйливую фигуру. Въ самомъ дѣлѣ, нигдѣ нельзя отыскать такого

разнообразія гальки, какъ на рѣкѣ Бѣлой; въ этомъ я убѣдился впослѣдствіи. Мы тутъ же нашли нѣсколько окаменѣлостей, которыя и послѣ долго у насъ хранились и которыя можно назвать рѣдкостью; это былъ большой кусокъ пчелинаго сота и довольно большая лепешка или кучка рыбьей икры, совершенно превратившаяся въ камень. Переправа кареты, кибитки и девяти лошадей продолжалась довольно долго, и я успѣлъ набрать цѣлую кучу чудесныхъ, по моему мнѣнію, камешковъ; но я очень огорчился, когда отецъ не позволилъ мнѣ ихъ взять съ собою, а выбралъ только десятка полтора, сказавъ, что всѣ остальные—дрянь; я доказывалъ противное, но меня не послушали, и я съ большимъ сожалѣніемъ оставилъ набранную мною кучку. Мы сѣли въ карету и отправились въ дальнѣйшій путь. Мать какъ будто освѣжилась на открытомъ воздухѣ, и я съ жаромъ началъ ей показывать и разсказывать о найденныхъ мною драгоцѣнностяхъ, которыми были набиты мои карманы; камешки очень понравились моей сестрицѣ, и нѣкоторые изъ нихъ я подарилъ ей. Въ нашей каретѣ было много дорожныхъ ящиковъ, одинъ изъ нихъ мать опростала и отдала въ мое распоряженіе, и я съ большимъ стараніемъ уложилъ въ него свои сокровища.

Сначала дорога шла лѣсистой уремой; огромные дубы, вязы и осокори поражали меня своею громадностью, и я безпрестанно вскрикивалъ: „Ахъ какое дерево! Какъ оно называется?“ Отецъ удовлетворялъ моему любопытству. Дорога была песчана, мы ѣхали шагомъ, а люди шли пѣшкомъ; они срывали мнѣ листья и вѣтки съ разныхъ деревьевъ и подавали въ карету, и я съ большимъ удовольствіемъ разсматривалъ и замѣчалъ ихъ особенности. День былъ очень жаркій, и мы, отъѣхавъ верстъ 15, остановились покормить лошадей, собственно для того, чтобъ мать моя не слишкомъ утомилась отъ перевоза черезъ рѣку и переѣзда. Эта первая кормежка случилась не въ полѣ, а въ какой-то русской деревушкѣ, которую я очень мало помню; но за то отецъ обѣщалъ мнѣ на другой день кормежку на рѣкѣ Демѣ, гдѣ хотѣлъ показать мнѣ какую-то рыбную ловлю, о которой я зналъ только по его же разсказамъ. Во время отдыха, въ поднавѣсѣ крестьянскаго двора, отецъ мой занимался приготовленіемъ удочекъ для меня и для себя. Это опять было для меня новое удовольствіе. Выдернули волосъ изъ

лошадиныхъ хвостовъ и принялись сучить лесы; я самъ держалъ связанные волоса, а отецъ вилъ изъ нихъ тоненькую ниточку, называемую лесою. Намъ помогалъ Ефремъ Евсеевъ, очень добрый и любившій меня слуга. Онъ не вилъ, а сучилъ какъ-то на своей колѣнкѣ толстыя лесы для крупной рыбы; грузила и крючки, припасенные заранѣе, были прикрѣплены и навязаны, и всѣ эти принадлежности, узнанныя мною въ первый разъ, были намотаны на палочки, завернуты въ бумажки и положены для сохраненія въ мой ящикъ. Съ какимъ вниманіемъ и любопытствомъ смотрѣлъ я на эти новые для меня предметы, какъ скоро понималъ ихъ назначеніе и какъ легко и твердо выучивалъ ихъ названія!—Ночевать мы должны были въ татарской деревнѣ; но вечеръ былъ такъ хорошъ, что матери моей захотѣлось остановиться въ полѣ; и такъ, у самой околицы, своротили мы немного въ сторону и расположились на крутомъ берегу маленькой рѣчки. Ночевки въ полѣ никто не ожидалъ. Отецъ думалъ, что мать побоится ночной сырости; но мѣсто было необыкновенно сухо, никакихъ болотъ, и даже лѣсу не находилось по близости, потому что начиналась уже Башкирская степь; даже влажности ночного воздуха не было слышно. Для меня опять готовилось новое зрѣлище: отложили лошадей, хотѣли спутать и пустить въ поле, но какъ степныя травы погорѣли отъ солнца и завяли, то послали въ деревню за свѣжимъ сѣномъ и овсомъ и за всякими съѣстными припасами. Люди принялись разводить огонь: одинъ принесъ сухую жердь отъ околицы, изрубилъ ее на полѣнья, настрогалъ стружекъ и накололъ лучины для подтопки, другой притащилъ цѣлый ворохъ хворосту съ рѣчки, а третій, именно поваръ Макей, досталъ кремень и огниво, вырубилъ огня на большой кусокъ труту, завернулъ его въ сухую куделю (ее возили нарочно съ собой для такихъ случаевъ), взялъ въ руку и началъ проворно махать взадъ и впередъ, внизъ и вверхъ, и махалъ до тѣхъ поръ, пока куделя вспыхнула; тогда подложили огонь подъ готовый костеръ дровъ со стружками и лучиной—и пламя запылало. Стали накладывать дорожный самоваръ; на разостланномъ коврѣ и на подушкахъ лежала мать и готовилась наливать чай: она чувствовала себя бодрѣе. Я попросилъ позволенія развести маленькій огонекъ возлѣ того мѣста, гдѣ мы сидѣли, и когда получилъ позволеніе, то, не помня себя отъ радости, принялся хлопотать

объ этомъ съ помощью Ефрема, который въ дорогѣ вдругъ сдѣлался моимъ какъ будто дядькой. Разведеніе огня доставило мнѣ такое удовольствіе, что я и пересказать не могу: я безпрестанно бѣгалъ отъ большого костра къ маленькому, приносилъ щепочекъ, прутьевъ и сухого бастыльнику для поддержанія яркаго пламени, и такъ суетился, что мать принуждена была посадить меня насильно подлѣ себя. Мы напились чаю и поѣли супу изъ курицы, который сварилъ намъ поваръ. Мать расположилась ночевать съ дѣтьми въ каретѣ, а отецъ въ кибиткѣ. Мать скоро легла и положила съ собой мою сестрицу, которая давно уже спала на рукахъ у няньки; но мнѣ не хотѣлось спать, и я остался посидѣть съ отцомъ и поговорить о завтрешней кормежкѣ, которую я ожидалъ съ радостнымъ нетерпѣніемъ; но посреди разговоровъ мы оба какъ-то задумались и долго просидѣли, не говоря ни одного слова. Небо сверкало звѣздами, воздухъ былъ наполненъ благовоніемъ отъ засыхающихъ степныхъ травъ, рѣчка журчала въ оврагѣ, костеръ пылалъ и ярко освѣщалъ нашихъ людей, которые сидѣли около котла съ горячею кашицей, хлебали ее и весело разговаривали между собою; лошади, припущенныя къ овсу, также были освѣщены съ одной стороны полосою свѣта.... „Не пора ли спать тебѣ, Сережа?“ сказалъ мой отецъ послѣ долгаго молчанія, поцѣловалъ меня, перекрестилъ и бережно, чтобы не разбудить мать, посадилъ въ карету. Я не вдругъ заснулъ. Столько увидѣлъ и узналъ я въ этотъ день, что дѣтское мое воображеніе продолжало представлять мнѣ въ какомъ-то смѣшеніи всѣ картины и образы, носившіеся предо мною. А что же будетъ завтра, на чудесной Демѣ.... Наконецъ сонъ одолѣлъ меня, и я заснулъ въ какомъ-то блаженномъ упоеніи.

Съ ночевки поднялись такъ рано, что еще не совсѣмъ было свѣтло, когда отецъ сѣлъ къ намъ въ карету. Онъ сѣлъ съ большимъ трудомъ, потому что отъ спавшихъ дѣтей стало тѣснѣе. Я видѣлъ, будто сквозь сонъ, какъ онъ садился, какъ тронулась карета съ мѣста и шагомъ проѣзжала черезъ деревню, и слышалъ, какъ лай собакъ долго провожалъ насъ; потомъ крѣпко заснулъ и проснулся, когда уже мы проѣхали половину степи, которую намъ надобно было перебить поперекъ и проѣхать сорокъ верстъ, не встрѣтивъ жилья человѣческаго. Когда я открылъ глаза, всѣ уже давно проснулись, даже моя сестрица сидѣла на рукахъ у отца,

смотрѣла въ отворенное окно и что-то весело лепетала. Мать сказала, что чувствуетъ себя лучше, что устала лежать и что ей хочется посидѣть. Мы остановились и всѣ вышли изъ кареты, чтобы переладить въ ней ночное устройство на денное. Степь, то-есть безлѣсная и волнообразная безконечная равнина, окружала насъ со всѣхъ сторонъ; кое-гдѣ виднѣлись деревья и синѣлось что-то вдали: отецъ мой сказалъ, что тамъ течетъ Дема и что это синѣется ея гористая сторона, покрытая лѣсомъ. Степь не была уже такъ хороша и свѣжа, какъ бываетъ весною и въ самомъ началѣ лѣта, какою описывалъ ее мнѣ отецъ и какою я послѣ самъ узналъ ее: по долочкамъ трава была скошена и сметена въ стога, а по другимъ мѣстамъ она выгорѣла отъ лѣтняго солнца, засохла и пожелтѣла, и уже сизый ковыль, еще не совсѣмъ распустившійся, еще не побѣлѣвшій, разстилался, какъ волны, по необозримой равнинѣ; степь была тиха, и ни одинъ птичій голосъ не оживлялъ этой тишины; отецъ толковалъ мнѣ, что теперь вся степная птица уже не кричитъ, а прячется съ молодыми дѣтьми по низкимъ ложбинкамъ, гдѣ трава выше и гуще. Мы усѣлись въ каретѣ по прежнему и взяли къ себѣ няню, которая опять стала держать на рукахъ мою сестрицу. Мать весело разговаривала съ нами, и я неумолкаемо болталъ о вчерашнемъ днѣ; она напомнила мнѣ о моихъ книжкахъ, и я признался, что даже позабылъ о нихъ. Я досталъ однако одну часть „Дѣтскаго чтенія" и сталъ читать, но былъ такъ развлеченъ, что въ первый разъ чтеніе не овладѣло моимъ вниманіемъ, и читая громко вслухъ: „Канарейки, хорошія канарейки, такъ кричалъ мужикъ подъ Машинымъ окошкомъ" и проч., я думалъ о другомъ, и всего болѣе о текущей тамъ, вдалекѣ, Демѣ. Видя мою разсѣянность, отецъ съ матерью не могли удержаться отъ смѣха, а мнѣ было какъ-то досадно на себя и неловко. Наконецъ, кончивъ повѣсть объ умершей съ голоду канарейкѣ и не разжалобясь, какъ бывало прежде, я попросилъ позволенія закрыть книжку и сталъ смотрѣть въ окно, пристально слѣдя за синѣющею въ сторонѣ далью, которая какъ будто сближалась съ нами и шла пересѣчь нашу дорогу; дорога начала непримѣтно склоняться подъ изволокъ, и кучеръ Трофимъ, тряхнувъ возжами, весело крикнулъ: „эхъ, вы, милыя, пошевеливайтесь! Не далеко до Демы!..." И добрые кони наши побѣжали крупною рысью.

Уже обозначилась зеленѣющая долина, по которой текла рѣка, ведя за собою густую, также зеленую урему. „А вонъ, Сережа, сказалъ отецъ, выглянувъ въ окно, видишь, какъ прямо къ Демѣ идетъ тоже зеленая полоса и какъ въ разныхъ мѣстахъ по ней торчатъ бѣловатые острые шиши? Это башкирскія войлочныя кибитки, въ которыхъ они живутъ по лѣтамъ, это башкирскіе „кочи“. Кабы было поближе, я сводилъ бы тебя посмотрѣть на нихъ. Ну, да когда-нибудь послѣ“. Я съ любопытствомъ разсматривалъ, виднѣвшіяся вдалекѣ, лѣтнія жилища Башкирцевъ и пасущіяся кругомъ ихъ стада и табуны. Обо всемъ этомъ я слыхалъ отъ отца, но видѣлъ своими глазами въ первый разъ. Вотъ уже открылась и рѣка, и множество озеръ, и прежнее русло Демы, по которому она текла нѣкогда, которое тянулось длиннымъ рукавомъ и называлось *Старицей*. Спускъ въ широкую зеленую долину былъ крутъ и косогористъ; надобно было тормозить карету и спускаться осторожно; это замедленіе раздражало мою нетерпѣливость, и я бросался отъ одного окошка къ другому и суетился, какъ будто могъ ускорить приближеніе желанной кормежки. Мнѣ велѣли сидѣть смирно на мѣстѣ, и я долженъ былъ не хотя угомониться. Но вотъ мы наконецъ на берегу Демы, у самаго перевоза; карета своротила въ сторону, остановилась подъ тѣнью исполинскаго осокоря, дверцы отворились, и первый выскочилъ я,—и такъ проворно, что забылъ свои удочки въ ящикѣ. Отецъ, улыбнувшись, напомнилъ мнѣ о томъ, и на мои просьбы итти поскорѣе удить, сказалъ мнѣ, чтобъ я не торопился и подождалъ, покуда онъ все уладитъ около моей матери и распорядится кормомъ лошадей. „А ты погуляй покуда съ Ефремомъ, посмотри на перевозъ, да червячковъ приготовьте“. Я схватилъ Ефрема за руку, и мы пошли на перевозъ. Величавая, полноводная Дема, не широкая, не слишкомъ быстрая, съ какою-то необыкновенною красотою, тихо и плавно, наравнѣ съ берегами, разстилалась передо мной. Мелкая и крупная рыба металась безпрестанно. Сердце такъ и стучало у меня въ груди, и я вздрагивалъ при каждомъ всплескѣ воды, когда щука или жерихъ выскакивали на поверхность, гоняясь за мелкою рыбкой. По обѣимъ берегамъ рѣки было врыто по толстому столбу, къ нимъ крѣпко былъ привязанъ мокрый канатъ, толщиною въ руку: по канату ходилъ плотъ, похожій устройствомъ на деревян-

ный полъ въ комнатѣ, утвержденный на двухъ выдолбленныхъ огромныхъ деревянныхъ колодахъ, которыя назывались тамъ „комягами“. Скоро я увидѣлъ, что одинъ человѣкъ могъ легко перегонять этотъ плотъ съ одного берега на другой. Двое перевощиковъ были Башкирцы, въ остроконечныхъ своихъ войлочныхъ шапкахъ, говорившіе ломанымъ русскимъ языкомъ. Ефремъ, или Евсеичъ, какъ я его зналъ, держа меня крѣпко за руку, вошелъ со мною на плотъ и сказалъ одному Башкирцу: „Айда знакомъ, гуляй на другой сторона“. И Башкирецъ очень охотно, отвязавъ плотъ отъ причала, засучивъ свои жилистыя руки, ставъ лицомъ къ противоположному берегу и упершись ногами, началъ тянуть къ себѣ канатъ обѣими руками, и плотъ, отдѣлясь отъ берега, поплылъ поперекъ рѣки: черезъ нѣсколько минутъ мы были на томъ берегу, и Евсеичъ, все держа меня за руку, походивъ по берегу, повысмотрѣвъ выгодныхъ мѣстъ для уженья, до котораго былъ страстный охотникъ, такимъ же порядкомъ воротился со мною назадъ. Тутъ началъ онъ толковать съ обоими перевощиками, которые жили постоянно на берегу въ плетеномъ шалашѣ; немилосердно коверкая русскій языкъ, думая, что такъ будетъ понятнѣе, и примѣшивая татарскія слова, спрашивалъ онъ: гдѣ бы отыскать намъ червяковъ для уженья. Одинъ изъ Башкирцевъ скоро догадался, о чемъ идетъ дѣло, и отвѣчалъ: „Екши, екши, бачка, ладно! Айда“, и повелъ насъ подъ небольшую повѣть, подъ которой стояли двѣ лошади въ защитѣ отъ солнца: тамъ мы нашли въ изобиліи, чего желали. Подойдя къ каретѣ, я увидѣлъ, что все было устроено: мать расположилась въ тѣни кудряваго осокоря, погребецъ былъ раскрытъ и самоваръ закипалъ. Всѣ припасы для обѣда были закуплены съ вечера въ татарской деревнѣ, не забыли и овса, а свѣжей, сейчасъ накошенной, травы для лошадей купили у Башкирцевъ. Великолѣпная урема окружала насъ. Необыкновенное разнообразіе ягодныхъ деревьевъ и другихъ древесныхъ породъ, живописно перемѣшанныхъ, поражало своею красотой. Толстыя, какъ бревна, черемухи были покрыты уже потемнѣвшими ягодами; кисти рябины и калины начинали краснѣть; кусты черной спѣлой смородины распространяли въ воздухѣ свой ароматическій запахъ; гибкіе и цѣпкіе стебли ежевики, покрытые крупными, еще зелеными ягодами, обвивались около всего, къ чему только прикасались; даже малины было много. На все это очень любовался

и указывалъ мнѣ отецъ: но признаюся, удочка такъ засѣла у меня въ головѣ, что я не могъ вполнѣ почувствовать окружавшую меня пышную и красивую урему. Какъ только мы напились чаю, я сталъ просить отца, чтобъ онъ показалъ мнѣ уженье. Наконецъ мы пошли, и Евсеичъ съ нами. Онъ уже вырубилъ нѣсколько вязовыхъ удилищъ, поплавки сдѣлали изъ толстаго зеленаго камыша, лесы привязали и стали удить съ плоту, повѣря словамъ Башкирцевъ, что тутъ „ай-ай, больно хороша беретъ рыба“. Евсеичъ приготовилъ мнѣ самое легонькое удилище и навязалъ тонкую лесу съ маленькимъ крючкомъ; онъ насадилъ кусочекъ мятаго хлѣба, закинулъ удочку и далъ мнѣ удилище въ правую руку, а за лѣвую крѣпко держалъ меня отецъ: ту же минуту наплавокъ привсталъ и погрузился въ воду, Евсеичъ закричалъ: „тащи, тащи“.... и я съ большимъ трудомъ вытащилъ порядочную плотичку. Я весь дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ, и совершенно не помнилъ себя отъ радости. Я схватилъ свою добычу обѣими руками и побѣжалъ показать ее матери; Евсеичъ провожалъ меня. Мать не хотѣла вѣрить, чтобъ я могъ самъ поймать рыбу, но, задыхаясь и заикаясь отъ горячности, я увѣрялъ ее, ссылаясь на Евсеича, что точно я вытащилъ самъ эту прекрасную рыбку; Евсеичъ подтвердилъ мои слова. Мать не имѣла расположенія къ уженью, даже не любила его, и мнѣ было очень больно, что она холодно приняла мою радость; а къ большему горю, мать, увидя меня въ такомъ волненіи, сказала, что это мнѣ вредно, и прибавила, что не пуститъ, покуда я не успокоюсь. Она посадила меня подлѣ себя и послала Евсеича сказать моему отцу, что пришлетъ Сережу, когда онъ отдохнетъ и придетъ въ себя. Это былъ для меня неожиданный ударъ; слезы такъ и брызнули изъ моихъ глазъ, но мать имѣла твердость не пустить меня, покуда я не успокоился совершенно. Немного погодя, отецъ самъ пришелъ за мной. Мать была недовольна. Она сказала, что, отпуская меня, и не воображала, что я самъ стану удить. Но отецъ уговорилъ мать позволить мнѣ на этотъ разъ поймать еще нѣсколько рыбокъ, и мать, хотя не скоро, согласилась. Какъ я благодарилъ моего отца! Я не знаю, что бы сдѣлалось со мной, еслибы меня не пустили. Мнѣ кажется, я бы непремѣнно захворалъ съ горя. Сестрица стала проситься со мной, и какъ уженье было всего шагахъ въ пятидесяти, то отпустили ее съ няней посмотрѣть на наше

рыболовство. Когда мы пришли, отецъ показалъ мнѣ нѣсколько крупныхъ окуней и плотицъ, которыхъ онъ выудилъ безъ меня: другая рыба въ это время не брала, потому что было уже поздно и жарко, какъ объяснялъ мнѣ Евсеичъ. Я выудилъ еще нѣсколько плотичекъ, и всякій разъ почти съ такимъ же восхищеніемъ, какъ и первую. Но какъ мать отпустила меня на короткое время, то мы скоро воротились. Отецъ приказалъ повару Макею сварить и зажарить нѣсколько крупныхъ окуней, а всю остальную рыбу отдать людямъ, чтобъ они сварили себѣ уху.

Уженье просто свело меня съ ума! Я ни о чемъ другомъ не могъ ни думать, ни говорить, такъ что мать сердилась и сказала, что не будетъ меня пускать, потому что я отъ такого волненія могу захворать; но отецъ увѣрялъ ее, что это случилось только въ первый разъ и что горячность моя пройдетъ; я же былъ увѣренъ, что никогда не пройдетъ, и слушалъ съ замирающимъ сердцемъ, какъ рѣшается моя участь. Удочка, дрожащій и ныряющій наплавокъ, согнутое отъ тяжести удилище, рыба, трепещущая на лесѣ,—приводили меня, при одномъ воспоминаніи, въ восторгъ, въ самозабвеніе. Все остальное время на кормежкѣ я былъ невеселъ и не смѣлъ разговаривать о рыбкахъ ни съ отцомъ, ни съ сестрицей, да и всѣ были, какъ будто, чѣмъ-то недовольны. Въ такомъ расположеніи духа отправились мы въ дальнѣйшій путь. Мать дорогой принялась мнѣ растолковывать, почему не хорошо такъ безумно предаваться какой-нибудь забавѣ, какъ это вредно для здоровья, даже опасно: она говорила, что, забывая всѣ другія занятія для какой нибудь охоты, и умненькій мальчикъ можетъ поглупѣть, и что вотъ теперь, вмѣсто того, чтобы весело смотрѣть въ окошко, или читать книжку, или разговаривать съ отцомъ и матерью, я сижу молча, какъ будто опущенный въ воду. Все это она говорила и нѣжно, и ласково, и я какъ будто почувствовалъ правду ея словъ, успокоился нѣсколько и началъ вслухъ читать свою книжку. Между тѣмъ къ вечеру пошелъ дождь, дорога сдѣлалась грязна и тяжела; высунувшись изъ окошка, я видѣлъ, какъ налипала земля къ колесамъ и потомъ отваливалась отъ нихъ толстыми пластами: мнѣ это было любопытно и весело, а лошадкамъ нашимъ накладно, и онѣ начинали приставать. Кучеръ Трофимъ, наклонясь къ переднему окну, сказалъ моему отцу, что дорога стала тяжела, что намъ не доѣхать засвѣтло

до Парашина, что мы больно запоздаемъ и лошадей *перегонимъ*, и что не прикажетъ ли онъ заѣхать для ночевки въ чувашскую деревню, мимо околицы которой мы будемъ проѣзжать. Отецъ мой и самъ уже говорилъ объ этомъ; мы поутру проѣхали 40 верстъ, да послѣ обѣда надо было проѣхать 45,—это было уже слишкомъ много, а потому онъ согласился на предложеніе Трофима. Хотя матери моей и не хотѣлось бы ночевать въ Чувашахъ, которые по неопрятности своей были ей противны, но дѣлать было нечего и послѣдовало приказаніе—завернуть въ чувашскую деревню для ночевки. Мы не доѣхали до Парашина 15 верстъ. Черезъ нѣсколько минутъ своротили съ дороги и въѣхали въ селеніе безъ улицъ; избы были разбросаны въ безпорядкѣ; всякій хозяинъ поселился тамъ, гдѣ ему угодно, и къ каждому двору былъ свой проѣздъ. Солнце, закрытое облаками, уже садилось, дождь продолжался, и наступали раннiе сумерки; мы были встрѣчены страшнымъ лаемъ собакъ, которыхъ Чуваши держатъ еще больше, чѣмъ Татары. Лай этотъ, неумолкаемо продолжавшійся и во всю ночь, сливался тогда съ рѣзкимъ бормотаньемъ визгливыхъ Чувашекъ, съ звяканьемъ ихъ мѣдныхъ и серебряныхъ подвѣсковъ и бранью нашихъ людей, потому что хозяева прятались, чтобъ избавиться отъ постояльцевъ. Долго звенѣла въ ушахъ у насъ эта пронзительная музыка. Наконецъ отыскали выборнаго, какъ онъ ни прятался, должность котораго на этотъ разъ, за отсутствіемъ мужа, исправляла его жена-Чувашка; она отвела намъ квартиру у богатаго Чувашенина, который имѣлъ нѣсколько избъ, такъ что одну изъ нихъ очистили совершенно для насъ. Въ каретѣ оставаться было сыро, и мы немедленно вошли въ избу, уже освѣщенную горящею лучиной. Тутъ опять явились для меня новые, невиданные предметы: прежде всего кинулся мнѣ въ глаза нарядъ чувашскихъ женщинъ: онѣ ходятъ въ бѣлыхъ рубашкахъ, вышитыхъ красною шерстью, носятъ какіе-то черные хвосты, а головы ихъ и грудь увѣшаны серебряными, и крупными и самыми мелкими, деньгами: все это звенитъ и брякаетъ на нихъ при каждомъ движеніи. Потомъ изумили меня огромная изба, закопченная дымомъ и покрытая лоснящеюся сажей съ потолка до самыхъ лавокъ,—широкія, устланныя поперекъ досками лавки, называющіяся „нарами“,—печь безъ трубы и, наконецъ, горящая лучина вмѣсто свѣчи, ущемленная въ такъ называемый свѣтецъ, ко-

торый есть не что иное, какъ желѣзная полоска, разрубленная сверху на трое и воткнутая въ деревянную палку съ подножкой, такъ что она можетъ стоять, гдѣ угодно. Въ избѣ не было никакой нечистоты, но только пахло дымомъ, и не противно. Мы расположились очень удобно на широкихъ нарахъ. Отецъ доказывалъ матери моей, что она напрасно не любитъ чувашскихъ деревень, что ни у кого нѣтъ такихъ просторныхъ избъ и такихъ широкихъ наръ, какъ у нихъ, и что даже въ ихъ избахъ опрятнѣе, чѣмъ въ мордовскихъ и особенно русскихъ; но мать возражала, что Чуваши сами очень неопрятны и гадки; противъ этого отецъ не спорилъ, но говорилъ, что они предобрые и пречестные люди. Свѣтецъ, съ ущемленной въ него горящею лучиной, которую надобно было безпрестанно замѣнять новою, обратилъ на себя мое особенное вниманіе; иныя лучины горѣли какъ-то очень прихотливо: иногда пламя пылало ярко, иногда чуть-чуть перебиралось и вдругъ опять сильно вспыхивало; обгорѣвшій, обуглившійся конецъ лучины то загибался крючкомъ въ сторону, то падалъ треща, и звеня, и ломаясь; иногда вдругъ лучина начинала шипѣть, и струйка сѣраго дыма начинала бить, какъ струйка воды изъ фонтанчика, вправо или влѣво. Отецъ растолковалъ мнѣ, что это была струйка не дыма, а пара, отъ сырости, находившейся въ лучинѣ. Все это меня очень занимало, и мнѣ было досадно, когда принесли дорожную свѣчу и погасили лучину. Мы всѣ провели ночь очень спокойно подъ своими пологами, безъ которыхъ мы никуда не ѣздили. Ночью дождь прошелъ; хотя утро было прекрасное, но мы выѣхали не такъ рано, потому что намъ надобно было переѣхать всего 15 верстъ до Парашина, гдѣ отецъ хотѣлъ пробыть цѣлый день. Слыша часто слово Парашино, я спросилъ, что это такое, и мнѣ объяснили, что это было большое и богатое село, принадлежавшее теткѣ моего отца, Прасковьѣ Ивановнѣ Куролесовой, и что мой отецъ долженъ былъ осмотрѣть въ немъ все хозяйство и написать своей тетушкѣ, все ли тамъ хорошо, все ли въ порядкѣ.—Верстъ за восемь до села пошли парашинскія поля, покрытыя спѣлою, высокою и густою рожью, которую уже начали жать. Поля казались такъ обширны, какъ будто имъ и конца не было. Отецъ мой говорилъ, что онъ и не видывалъ такихъ хлѣбовъ и что нынѣшній годъ урожай отличный. Молодые крестьяне и крестьянки, рабо-

тавшіе въ однѣхъ рубахахъ, узнали нашихъ людей и моего отца; воткнувъ серпы свои въ сжатые снопы, они начали выбѣгать къ каретѣ. Отецъ велѣлъ остановиться. По загорѣлымъ лицамъ жнецовъ и жницъ текли ручьи пота, но лица были веселы; человѣкъ двадцать окружили нашу карету. Всѣ были такъ рады. „Здравствуй, батюшка Алексѣй Степанычъ! заговорилъ одинъ крестьянинъ постарше другихъ, который былъ десятникомъ, какъ я послѣ узналъ;—давно мы тебя не видали. Матушка Прасковья Ивановна отписала къ намъ, что ты у насъ побываешь. Насилу мы тебя дождались“. Отецъ мой, не выходя изъ кареты, ласково поздоровался со всѣми и сказалъ, что вотъ онъ и пріѣхалъ къ нимъ и привезъ свою хозяйку и дѣтей. Мать выглянула изъ окна и сказала: „здравствуйте, мои друзья!“ Всѣ поклонились ей и тотъ же крестьянинъ сказалъ: „здравствуй, матушка Софья Николавна, милости просимъ. А это сынокъ что ли твой, продолжалъ онъ, указавъ на меня?“—„Да, это мой сынъ, Сережа, а дочка спитъ“, отвѣчалъ отецъ. Меня высунули изъ окошка. Мнѣ также всѣ поклонились и назвали меня Сергѣемъ Алексѣичемъ, чего я до тѣхъ поръ не слыхивалъ: „Всѣмъ вамъ мы рады, батюшка Алексѣй Степанычъ“, сказалъ тотъ же крестьянинъ. Радость была непритворная, выражалась на всѣхъ лицахъ и слышна была во всѣхъ голосахъ. Я былъ изумленъ, я чувствовалъ какое-то непонятное волненіе, и очень полюбилъ этихъ добрыхъ людей, которые всѣхъ насъ такъ любятъ. Отецъ мой продолжалъ разговаривать и разспрашивать о многомъ, чего я не понималъ; слышалъ только, какъ ему отвѣчали, что, слава Богу, всѣ живутъ помаленьку; что съ хлѣбомъ не знай, какъ и совладать, потому что много народу хвораетъ. Когда же мой отецъ спросилъ, отчего въ праздникъ они на барщинѣ (это былъ первый Спасъ, то есть первое августа), ему отвѣчали, что такъ приказалъ староста Миронычъ; что въ этотъ праздникъ точно прежде не работали, но вотъ уже года четыре какъ начали работать; что всѣ мужики постарше и бабы ребятницы уѣхали ночевать въ село, но послѣ обѣдни всѣ пріѣдутъ, и что въ полѣ остался только народъ молодой, всего серповъ съ сотню подъ присмотромъ десятника. Отецъ и мать простились съ крестьянами и крестьянками. Я отвѣчалъ на ихъ поклоны множествомъ поклоновъ, хотя карета тронулась уже съ мѣста, и, высунувшись изъ окна, кричалъ:

„прощайте, прощайте!“ Отецъ и мать улыбались, глядя на меня, а я, весь въ движеніи и волненіи, принялся разспрашивать: отчего эти люди знаютъ, какъ насъ зовутъ? Отчего они намъ рады и за что они насъ любятъ? Что такое барщина? Кто такой Мироничъ? и проч. и проч. Отецъ какъ-то затруднялся удовлетворить всѣмъ моимъ вопросамъ, но мать помогала ему, и мнѣ отвѣчали, что въ Парашинѣ половина крестьянъ родовыхъ Багровскихъ и что имъ хорошо извѣстно, что когда-нибудь они будутъ опять наши; что его они знаютъ потому, что онъ ѣзжалъ въ Парашино съ тетушкой, что любятъ его за то, что онъ имъ ничего худого не дѣлалъ, и что по немъ любятъ мою мать и меня, а потому и знаютъ, какъ насъ зовутъ. Что такое староста Мироничъ—я хорошо понялъ, а что такое барщина, по моимъ лѣтамъ, понять мнѣ было трудно.

Въ этотъ разъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, не понявъ нѣкоторыхъ отвѣтовъ на мои вопросы, я не оставлялъ ихъ для себя темными и нерѣшенными, а всегда объяснялъ по-своему: такъ обыкновенно поступаютъ дѣти.—Такія объясненія надолго остаются въ ихъ умахъ, и мнѣ часто случалось потомъ, называя предметъ настоящимъ его именемъ, заключающимъ въ себѣ полный смыслъ,—совершенно его не понимать. Жизнь, конечно, объяснитъ все, и узнаніе ошибки бываетъ часто очень забавно; но за то бываетъ иногда очень огорчительно.

Послѣ ржаныхъ хлѣбовъ пошли яровые, начинающіе уже поспѣвать. Отецъ мой, глядя на нихъ, часто говорилъ съ сожалѣніемъ: „не успѣютъ нынче убраться съ хлѣбомъ до ненастья; рожь поспѣла поздно, а вотъ уже и яровые поспѣваютъ. А какіе хлѣба, въ жизнь мою не видывалъ такихъ!“ Я замѣтилъ, что мать моя совершенно равнодушно слушала слова отца. Не понимая, какъ и почему, но и мнѣ было жалко, что не успѣютъ убраться съ хлѣбомъ.

Парашино *).

Съ плоской возвышенности пошла дорога подъ изволокъ, и вотъ наконецъ открылось передъ нами лежащее на низменности богатое село Парашино, съ каменною церковью и небольшимъ прудомъ въ оврагѣ. Господское гумно стояло какъ городъ, построенный изъ хлѣбныхъ кладей, даже въ крестьянскихъ гумнахъ видно было много прошлогоднихъ копенъ. Отецъ мой радовался, глядя на такое изобиліе хлѣба, и говорилъ: „вотъ крестьяне, такъ крестьяне! Сердце радуется!“ Я радовался вмѣстѣ съ нимъ и опять замѣтилъ, что мать не принимала участія въ его словахъ. Наконецъ мы въѣхали въ село. Въ самое это время священникъ въ полномъ облаченіи, неся крестъ на головѣ, предшествуемый діакономъ съ кадиломъ, образами и хоругвями, и сопровождаемый огромною толпою народа, шелъ изъ церкви для совершенія водоосвященія на Іордани. Пѣніе дьячковъ заглушалось колокольнымъ звономъ и только въ промежутокъ врывалось въ мой слухъ. Мы сейчасъ остановились, вышли изъ кареты и присоединились къ народу. Мать вела меня за руку, а нянька несла мою сестрицу, которая съ необыкновеннымъ любопытствомъ смотрѣла на невиданное ею зрѣлище; мнѣ же хотя удалось видѣть нѣчто подобное въ Уфѣ, но тѣмъ не менѣе я смотрѣлъ на него съ восхищеніемъ.

---

*) Имѣніе это, принадлежавшее послѣ Сергѣю Тимоѳеевичу, носитъ названіе *Надеждино*, но извѣстно болѣе подъ именемъ „Куроѣдово“. Въ настоящее время въ этомъ имѣніи станція Самаро-Златоустовской желѣзной дороги „Белебей-Аксаково“.

Послѣ водосвятія, приложившись ко кресту, окропленные святой водою, получивъ отъ священника поздравленіе съ благополучнымъ пріѣздомъ, пошли мы на господскій дворъ, всего черезъ улицу отъ церкви. Народъ окружалъ насъ тѣсною толпою, и всѣ были такъ же веселы и рады намъ, какъ и крестьяне на жнитвѣ; многіе старики протѣснились впередъ, кланялись и здоровались съ нами очень ласково; между ними первый былъ малорослый, широкоплечій, не молодой мужикъ съ просѣдью и съ такими необыкновенными глазами, что мнѣ даже страшно стало, когда онъ на меня пристально поглядѣлъ. Толпа крестьянъ проводила насъ до крыльца господскаго флигеля и потомъ разошлась, а мужикъ съ страшными глазами взбѣжалъ на крыльцо, отперъ двери и пригласилъ насъ войти, приговаривая: „милости просимъ, батюшка Алексѣй Степанычъ и матушка Софья Николавна!“ Мы вошли во флигель; тамъ было какъ будто все приготовлено для нашего пріѣзда, но послѣ я узналъ, что тутъ всегда останавливался, наѣзжавшій иногда, главный управитель и повѣренный бабушки Куролесовой, котораго отецъ съ матерью называли Михайлушкой, а всѣ прочіе съ благоговѣніемъ величали Михайломъ Максимовичемъ, и вотъ причина, почему флигель всегда былъ прибранъ. Изъ словъ отца я сейчасъ догадался, что малорослый мужикъ съ страшными глазами былъ тотъ самый Мироничъ, о которомъ я разспрашивалъ еще въ каретѣ. Отецъ мой освѣдомлялся у него обо всемъ, касающемся до хозяйства, и отпустилъ, сказавъ, что позоветъ его, когда будетъ нужно, и приказавъ, чтобъ нѣкоторыхъ стариковъ, названныхъ имъ по именамъ, онъ прислалъ къ нему. Какъ я ни былъ малъ, но замѣтилъ, что Мироничъ былъ недоволенъ приказаніемъ моего отца. Онъ такъ отвѣчалъ „слушаю-съ“, что я какъ теперь слышу этотъ звукъ, который ясно выражалъ: „не хорошо вы это дѣлаете“. Когда онъ ушелъ, я услышалъ такой разговоръ между отцомъ и матерью, который привелъ меня въ большое изумленіе. Мать сказала, что этотъ Мироничъ долженъ быть разбойникъ. Отецъ улыбнулся и отвѣчалъ, что похоже на то; что онъ и прежде слыхалъ о немъ много нехорошаго; но что онъ родня и любимецъ Михайлушки, а тетушка Прасковья Ивановна во всемъ Михайлушкѣ вѣритъ; что онъ велѣлъ послать къ себѣ такихъ стариковъ изъ Багровскихъ, которые скажутъ ему всю правду, зная, что онъ ихъ не выдастъ, и что Миронычу было это

невкусно. Отецъ прибавилъ, что поѣдетъ послѣ обѣда осмотрѣть всѣ полевыя работы и приглашалъ съ собою мою мать; но она рѣшительно отказалась, сказавъ, что она не любитъ смотрѣть на нихъ, и что если онъ хочетъ, то можетъ взять съ собой Сережу. Я обрадовался, сталъ проситься; отецъ охотно согласился. „Да, вотъ мы съ Сережей, сказалъ мой отецъ, послѣ чаю пойдемъ осматривать конный заводъ, а потомъ пройдемъ на родники и на мельницу". Разумѣется, я тоже очень обрадовался и этому предложенію, и мать тоже на него согласилась. Послѣ чаю мы отправились на конный дворъ, находившійся на заднемъ концѣ господскаго двора, поросшаго травою. У входа въ конюшни ожидалъ насъ, вмѣстѣ съ другими конюхами, главный конюхъ Григорій Ковляга, который съ перваго взгляда очень мнѣ понравился; онъ былъ особенно ласковъ со мною. Не успѣли мы войти въ конюшни, какъ явился противный Миронычъ, который потомъ цѣлый день уже не отставалъ отъ отца. Мы вошли широкими воротами въ какое-то длинное строеніе; по обѣ стороны тянулись корридоры, гдѣ, направо и налѣво, въ особыхъ отгородкахъ, стояли старыя большія и толстыя лошади, а въ нѣкоторыхъ и молодыя, еще тоненькія. Тутъ я узналъ, что ихъ комнатки назывались стойлами. Противъ самыхъ воротъ, на стѣнѣ висѣлъ образъ Николая Чудотворца, какъ сказалъ мнѣ Ковляга. Осмотрѣвъ обѣ стороны конюшни и похваливъ въ нихъ чистоту, отецъ вышелъ опять на дворъ и приказалъ вывести нѣкоторыхъ лошадей. Ковляга самъ выводилъ ихъ съ помощью другого конюха. Гордыя животныя, раскормленныя и застоявшіяся, ржали, подымались на дыбы и поднимали на воздухъ обоихъ конюховъ, такъ что они висѣли у нихъ на шеяхъ, крѣпко держась правою рукою за узду. Я робѣлъ и прижимался къ отцу; но когда пускали нѣкоторыхъ изъ этихъ славныхъ коней бѣгать и прыгать на длинной веревкѣ вокругъ державшихъ ее конюховъ, которые, упершись ногами и пригнувшись къ землѣ, едва могли съ ними ладить— я очень ими любовался. Миронычъ во все совался, и мнѣ было очень досадно, что онъ называлъ Ковлягу Гришка Ковляженокъ, тогда какъ мой отецъ называлъ его Григорій. „А гдѣ пасутся табуны?" спросилъ мой отецъ у Ковляги. Миронычъ отвѣчалъ, что одинъ пасется у „Кошелги", а другой у „Каменнаго врага", и прибавилъ: „коли вамъ угодно будетъ, батюшка Алексѣй Степанычъ, поглядѣть господскіе

ржаные и яровые хлѣба и паровое поле (мы завтра отслужимъ молебенъ и начнемъ сѣвъ), то не прикажете ли подогнать туда табуны? Тамъ будетъ ужь недалеко". Отецъ отвѣчалъ: „хорошо". Съ коннаго двора отправились мы на родники. Отецъ мой очень любилъ всякія воды, особенно ключевыя; а я не могъ безъ восхищенія видѣть даже бѣгущей по улицамъ воды, и потому великолѣпные Парашинскіе родники, которыхъ было больше двадцати, привели меня въ восторгъ. Нѣкоторые родники были очень сильны и вырывались изъ середины горы, другіе били и кипѣли у ея подошвы, нѣкоторые находились на косогорахъ и были обдѣланы деревянными срубами съ крышей; въ срубы были вдолблены широкія липовыя колоды, наполненныя такою прозрачною водою, что казались пустыми: вода по всей колодѣ переливалась черезъ край, падая по бокамъ стеклянною бахрамою. Я видѣлъ, какъ приходили крестьянки съ ведрами, оттыкали деревянный гвоздь, находившійся въ концѣ колоды, подставляли ведро подъ струю воды, которая била дугой, потому что нижній конецъ колоды лежалъ высоко отъ земли, на большихъ каменныхъ плитахъ (бока оврага состояли всѣ изъ дикаго плитняка). Въ одну минуту наполнялось одно ведро, а потомъ другое. — Всѣ родники стекали въ прудъ. Многіе необдѣланные ключи текли туда же ручейками по мелкимъ камешкамъ; между ними мы съ отцомъ нашли множество прекрасныхъ, точно какъ обточенныхъ, довольно длинныхъ, похожихъ на сахарныя головки: эти камешки назывались чортовыми пальцами. Я увидѣлъ ихъ въ первый разъ; они мнѣ очень понравились; я набилъ ими свои карманы, только названіе ихъ никакъ не могъ объяснить мнѣ отецъ, и я долго надоѣдалъ ему вопросами: что за звѣрь чертъ, имѣющій такіе крѣпкіе пальцы?—Еще полный новыхъ и пріятныхъ впечатлѣній, я вдругъ перешелъ опять къ новымъ, если не такъ пріятнымъ, за то не менѣе любопытнымъ впечатлѣніямъ: отецъ привелъ меня къ мельницѣ, о которой я не имѣлъ никакого понятія. Прудъ наполнялся родниками и былъ довольно глубокъ; оврагъ перегораживала, запружая воду, широкая навозная плотина; посрединѣ ея стояла мельничная амбарушка; въ ней находился одинъ мукомольный поставъ, который мололъ хорошо только въ полую воду, впрочемъ не отъ того, чтобы мало было воды въ прудѣ, какъ объяснилъ мнѣ отецъ, а отъ того, что вода шла вездѣ сквозь плотину. Эта дрян-

ная мельница показалась мнѣ чудомъ искусства человѣческаго. Прежде всего я увидѣлъ падающую изъ каузной трубы струю воды прямо на водяное колесо, позеленѣвшее отъ мокроты, ворочавшееся довольно медленно, все въ брызгахъ и пѣнѣ; шумъ воды смѣшивался съ какимъ-то другимъ гудѣньемъ и шипѣньемъ. Отецъ показалъ мнѣ деревянный ларь, то-есть ящикъ, широкій вверху и узенькій внизу, какъ я увидалъ послѣ, въ который всыпаютъ хлѣбныя зерна. Потомъ мы сошли внизъ и я увидѣлъ вертящійся жерновъ и надъ нимъ дрожащій ковшикъ, изъ котораго сыпались зерна, попадавшіе подъ камень; вертясь и раздавливая зерна, жерновъ, окруженный лубочной обечайкой, превращалъ ихъ въ муку, которая сыпалась внизъ по деревянной лопаточкѣ. Заглянувъ сбоку, я увидѣлъ другое, такъ называемое сухое колесо, которое вертѣлось гораздо скорѣе водяного и, задѣвая какими-то кулаками за шестерню, вертѣло утвержденный на ней камень; амбарушка была наполнена хлѣбною пылью и вся дрожала, даже припрыгивала. Долго я находился въ совершенномъ изумленіи, разглядывая такія чудеса и вспоминая, что я видѣлъ что-то подобное въ дѣтскихъ игрушкахъ; долго простояли мы въ мельничномъ амбарѣ, гдѣ какой-то старикъ, дряхлый и сгорбленный, котораго называли засыпкой, сѣдой и хворый, мололъ всякое хлѣбное ухвостье для посыпки господскимъ лошадямъ: онъ былъ весь бѣлый отъ мучной пыли; я началъ было разспрашивать его, но замѣтя, что онъ часто и задыхаясь кашлялъ, что привело меня въ жалость, я обратился съ остальными вопросами къ отцу; противный Мироничъ и тутъ безпрестанно вмѣшивался, хотя мнѣ не хотѣлось его слушать. Когда мы вышли изъ мельницы, то я увидѣлъ, что хлѣбная пыль и насъ выбѣлила, хотя не такъ, какъ засыпку. Я сейчасъ началъ просить отца, чтобы больного старичка положили въ постель и напоили чаемъ; отецъ улыбнулся и, обратясь къ Миронычу, сказалъ: „засыпка, Василій Терентьевъ, больно старъ и хворъ; кашель его забилъ, и ухвостная пыль ему не годится; его бы надо совсѣмъ отставить отъ старичьихъ работъ и не наряжать въ засыпки“.—„Какъ изволите приказать, батюшка Алексѣй Степанычъ, отвѣчалъ Мироничъ; да не будетъ ли другимъ обидно? Его отставить, такъ и другихъ надо отставить. Вѣдь такихъ дармоѣдовъ и лежебоковъ много. Кто же будетъ старичьи работы исполнять?“ Отецъ отвѣчалъ, что

не всѣ же старики хворы, что больныхъ надо поберечь и успокоить, что они на свой вѣкъ уже поработали. „Вѣдь ты и самъ скоро состаришься, сказалъ мой отецъ, тоже будешь дармоѣдомъ и тогда захочешь покою“. Миронычъ отвѣчалъ: „слушаю-съ; по приказанію вашему будетъ исполнено; а этого-то Василія Терентьева и не надо бы миловать: у него внукъ буянъ и намнясь чуть меня за горло не сгребъ“. Отецъ мой съ сердцемъ отвѣчалъ и такимъ голосомъ, какого я у него никогда не слыхивалъ: „такъ ты за вину внука наказываешь больного дѣдушку? Да ты взыскивай съ виноватаго“. Миронычъ проворно подхватилъ: „будьте покойны, батюшка Алексѣй Степанычъ, будетъ исполнено по вашему приказанію“. — Не знаю отчего, я начиналъ чувствовать внутреннюю дрожь. Василій Терентьевъ, который видѣлъ, что мы остановились, и побрелъ было къ намъ, услыхавъ такія рѣчи, самъ остановился, трясясь всѣмъ тѣломъ и кланяясь безпрестанно. Когда мы взошли на гору, я оглянулся— старикъ все стоялъ на томъ же мѣстѣ и низко кланялся. Когда же мы пришли въ свой флигель, я, забывъ о родникахъ и мельницѣ, сейчасъ разсказалъ матери о больномъ старичкѣ. Мать очень горячо приняла мой разсказъ: сейчасъ хотѣла призвать и разбранить Мироныча, сейчасъ отставить его отъ должности, сейчасъ написать объ этомъ къ тетушкѣ Прасковьѣ Ивановнѣ.... и отцу моему очень трудно было удержать ее отъ такихъ опрометчивыхъ поступковъ. Тутъ послѣдовалъ долгій разговоръ и даже споръ. Я многаго не понималъ, многое забылъ и у меня остались въ памяти только отцевы слова: „не вмѣшивайся не въ свое дѣло, ты все дѣло испортишь, ты все семейство погубишь, теперь Миронычъ не тронетъ ихъ,—онъ все-таки будетъ опасаться, чтобъ я не написалъ къ тетушкѣ, а если пойдетъ дѣло на то, чтобы Мироныча прочь, то Михайлушка его не выдастъ. Тогда мнѣ ужь въ Парашино и заглядывать нечего, пользы не будетъ, да пожалуй и тетушка еще прогнѣвается“. Мать поспорила, но уступила. Боже мой! Какое смѣшеніе понятій произошло въ моей ребячьей головѣ! За что страдаетъ больной старичекъ, что такое злой Миронычъ, какая это сила Михайлушка и бабушка? Почему отецъ не позволилъ матери сейчасъ прогнать Мироныча? Стало, отецъ можетъ это сдѣлать? Зачѣмъ же онъ не дѣлаетъ? Вѣдь онъ добрый, вѣдь онъ никогда не сердится? Вотъ вопросы, которые кипѣли

въ дѣтской головѣ моей, и я разрѣшилъ себѣ ихъ тѣмъ, что Михайлушка и бабушка недобрые люди, и что мой отецъ ихъ боится.

Чортовы пальцы я отдалъ милой моей сестрицѣ, которая очень скучала безъ меня. Мы присоединили новое сокровище къ нашимъ прежнимъ драгоцѣнностямъ — къ чуркамъ и камешкамъ съ рѣки Бѣлой, которые я всегда называлъ „штуфами“ (это слово я переняль у старика Аничкова). Я пересказалъ сестрицѣ съ жаромъ о томъ, что видѣлъ. Я постоянно сообщалъ ей обо всемъ, что происходило со мной безъ нея. Теперь я сталъ замѣчать, что сестрица моя не все понимаетъ, и потому, перенимая рѣчи у няньки, старался говорить понятнымъ языкомъ для маленькаго дитяти.

Послѣ обѣда, на длинныхъ крестьянскихъ роспускахъ, отправились мы съ отцомъ въ поле; противный Миронычъ также присѣлъ съ нами. Я ѣхалъ на роспускахъ въ первый разъ въ моей жизни и мнѣ очень понравилась эта ѣзда: сидя на сложенной вчетверо бѣлой кошмѣ, я покачивался точно какъ въ колыбели, висящей на гибкомъ древесномъ сучкѣ. По колеямъ степной дороги роспуски опускались такъ низко, что растущія высоко травы и цвѣты хлестали меня по ногамъ и рукамъ, и это меня очень забавляло. Я даже успѣвалъ срывать цвѣточки. Но я замѣтилъ, что для большихъ людей такъ сидѣть не ловко потому, что они должны были не опускать своихъ ногъ, а вытягивать и держать ихъ на воздухѣ, чтобъ не задѣвать за землю: я же сидѣлъ на роспускахъ почти съ ногами, и трава задѣвала только мои башмаки. Когда мы проѣзжали между хлѣбовъ по широкимъ межамъ, заросшимъ вишенникомъ съ красноватыми ягодами и бобовникомъ съ зеленоватыми бобами, то я упросилъ отца остановиться и своими руками нарвалъ цѣлую горсть дикихъ вишень, мелкихъ и жесткихъ какъ крупный горохъ; отецъ не позволилъ мнѣ ихъ отвѣдать, говоря, что онѣ кислы, потому что не поспѣли; бобовъ же дикаго персика, называемаго крестьянами бобовникомъ, я нащипалъ себѣ цѣлый карманъ; я хотѣлъ и ягоды положить въ другой карманъ и отвезти маменькѣ, но отецъ сказалъ, что „мать на такую дрянь и смотрѣть не станетъ, что ягоды въ карманѣ раздавятся и перепачкаютъ мое платье и что ихъ надо кинуть“. Мнѣ жаль было вдругъ разставаться съ ними, и я долго держалъ ихъ въ своей рукѣ, но наконецъ принужденъ былъ бросить, самъ не знаю какъ и когда.

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рожь не наклонилась, не вылегла, какъ говорится, она стояла такъ высоко, что насъ съ роспусками и лошадьми не было видно. Это новое зрѣлище тоже мнѣ очень нравилось. Долго мы ѣхали межами, и вотъ началъ слышаться издалека какой-то странный шумъ и говоръ людей; чѣмъ ближе мы подъѣзжали, тѣмъ становился онъ слышнѣе, и наконецъ сквозь не сжатую рожь стали мелькать блестящіе серпы и колосья горстей срѣзанной ржи, которыми кто-то взмахивалъ въ воздухѣ; вскорѣ показались плечи и спины согнувшихся крестьянъ и крестьянокъ. Когда мы выѣхали на десятину, которую жали человѣкъ съ десять, говоръ прекратился; но за то шарканье серповъ по соломѣ усилилось и наполняло все поле необыкновенными и неслыханными мною звуками. Мы остановились, сошли съ роспусковъ, подошли близко къ жнецамъ и жницамъ, и отецъ мой сказалъ какимъ-то добрымъ голосомъ: „Богъ на помощь!" Вдругъ всѣ оставили работу, обернулись къ намъ лицомъ, низко поклонились, а нѣкоторые крестьяне, постарше, поздоровались съ отцомъ и со мной. На загорѣлыхъ лицахъ была написана радость, нѣкоторые тяжело дышали, у иныхъ были обвязаны грязными тряпицами пальцы на рукахъ и босыхъ ногахъ, но всѣ были бодры. Отецъ мой спросилъ: сколько людей на десятинѣ? не тяжело ли имъ? и получивъ въ отвѣтъ, что „тяжеленько, да какже быть, рожь сильна, прихватимъ вечера" — сказалъ: „такъ жните съ Богомъ".... И въ одну минуту засверкали серпы, горсти ржи замелькали надъ головами работниковъ, и шумъ отъ рѣзки жесткой соломы еще звучнѣе, сильнѣе разнесся по всему полю. Я стоялъ въ какомъ-то оцѣпенѣніи. Вдругъ плачъ ребенка обратилъ на себя мое вниманіе, и я увидѣлъ, что въ разныхъ мѣстахъ, между трехъ палочекъ, связанныхъ вверху и воткнутыхъ въ землю, висѣли люльки; молодая женщина воткнула серпъ въ связанный ею снопъ, подошла не торопясь, взяла на руки плачущаго младенца, и тутъ же присѣвъ у стоящаго пятка сноповъ, начала цѣловать, ласкать и кормить грудью свое дитя. Ребенокъ скоро успокоился, заснулъ, мать положила его въ люльку, взяла серпъ и принялась жать съ особеннымъ усиліемъ, чтобы догнать своихъ подругъ, чтобы не отстать отъ другихъ. Отецъ разговаривалъ съ Миронычемъ, и я имѣлъ время всмотрѣться во все меня окружающее. Невыразимое чувство состраданія къ работающимъ

съ такимъ напряженіемъ силъ, на солнечномъ зноѣ, обхватило мою душу, и много разъ потомъ, бывая на жнитвѣ, я всегда вспоминалъ это первое впечатлѣніе.... Съ этой десятины поѣхали мы на другую, на третью и такъ далѣе. Сначала мы вставали съ роспусковъ и подходили къ жнецамъ, а потомъ только подъѣзжали къ нимъ, останавливались; отецъ мой говорилъ: „Богъ на помочь". Вездѣ было одно и то же: тѣ же поклоны, тѣ же добрыя обрадованныя лица и тѣ же простыя слова: „благодарствуемъ, батюшка Алексѣй Степанычъ". Останавливаться вездѣ было невозможно,—не достало бы времени. Мы объѣхали яровые хлѣба, которые тоже начинали поспѣвать, о чемъ отецъ мой и Миронычъ говорили съ безпокойствомъ, не зная, гдѣ взять рукъ и какъ убраться съ жнитвомъ. „Вотъ она страда-то, настоящая-то страда, батюшка Алексѣй Степанычъ, говорилъ главный староста. Ржи поспѣли поздно, яровые почитай поспѣваютъ, уже и поздніе овсы стали мѣшаться, а пришла пора сѣять. Вчера Богъ далъ такого дождика, что борозду пробилъ; теперь земля сыренька и съ завтрашняго дня всѣхъ мужиковъ выгоню сѣять; такъ извольте разсудить: съ однѣми бабами не много нажнешь, а ржи-то осталось половина не сжатой. Не позволите ли, батюшка, сдѣлать лишній сгонъ?" Отецъ отвѣчалъ, что крестьянамъ вѣдь также надо убираться и что отнять у нихъ день въ такую страдную пору дѣло не хорошее, и что лучше сдѣлать помочь и позвать сосѣдей. Староста началъ было распространяться о томъ, что у нихъ сосѣди дальніе и къ помочамъ непривычные, но въ самое это время подъѣхали мы къ горохамъ и макамъ, которые привлекли мое вниманіе. Отецъ приказалъ Миронычу сломить нѣсколько еще зеленыхъ головокъ мака и выдрать съ корнемъ охапку гороха съ молодыми стручками и лопатками; все это онъ отдалъ въ мое распоряженіе и даже позволилъ съѣсть одинъ молоденькій стручекъ, плоскія горошенки котораго показались мнѣ очень сладкими и вкусными. Въ другое время это заняло бы меня гораздо сильнѣе, но въ настоящую минуту ржаное поле съ жнецами и жницами наполняло мое воображеніе, и я довольно равнодушно держалъ въ рукахъ, за тонкіе стебли, десятокъ маковыхъ головокъ и охапку зеленаго гороха. Возвращаясь домой, мы заѣхали въ паровое поле, довольно заросшее зеленымъ осотомъ и козлецомъ, за что отецъ мой сдѣлалъ замѣчаніе Миронычу; но

тотъ оправдывался дальностью полей, невозможностью гонять туда господскія и крестьянскія стада для толоки, и увѣрялъ, что вся эта трава подрѣжется сохами и больше *не отрыгнетъ*, то-есть не выростетъ. Несмотря на все это, отецъ мой остался не совсѣмъ доволенъ паровымъ полемъ и сказалъ, что пашня мѣстами мелка и борозды рѣдки—отчего и травы много. Солнце опускалось, и мы едва успѣли посмотрѣть два господскихъ табуна, нарочно подогнанные близко къ пару. Въ одномъ находилось множество молодыхъ лошадокъ всякихъ возрастовъ и матерей съ жеребятками, которые нѣсколько отвлекли меня отъ картины жнитва и развеселили своими прыжками и ласками къ матерямъ. Другой табунъ, къ которому, какъ говорили, и приближаться надо было съ осторожностью, осматривалъ только мой отецъ, и то ходилъ къ нему пѣшкомъ вмѣстѣ съ пастухами. Тамъ были какія-то дикія и злыя лошади, которыя бросались на незнакомыхъ людей. Уже стало темно, когда мы воротились. Мать начинала безпокоиться и жалѣть, что меня отпустила. Въ самомъ дѣлѣ я слишкомъ утомился, и заснулъ не дождавшись даже чаю.

Проснувшись довольно поздно, потому что никто меня не будилъ, я увидѣлъ около себя большія суеты, хлопоты и сборы. Къ отцу пришли многіе крестьяне съ разными просьбами, которыхъ исполнить Мироничъ не смѣлъ, какъ онъ говорилъ, или всего вѣрнѣе не хотѣлъ. Это узналъ я послѣ, изъ разговоровъ моего отца съ матерью. Отецъ однако не бралъ на себя никакой власти и всѣмъ отвѣчалъ, что тетушка приказала ему только осмотрѣть хозяйство и обо всемъ донести ей; но входить въ распоряженія старосты не приказывала. Впрочемъ, наединѣ съ Миронычемъ, я самъ слышалъ, какъ онъ говорилъ, что для одного крестьянина можно бы сдѣлать то-то, а для другого то-то. На такія рѣчи староста обыкновенно отвѣчалъ: „слушаю, будетъ исполнено“, хотя мой отецъ нѣсколько разъ повторялъ: „я, братецъ, тебѣ ничего не приказываю, а говорю только, не разсудишь ли ты самъ такъ поступить? Я и тетушкѣ донесу, что никакихъ приказаній тебѣ не давалъ, и ты на меня не ссылайся“. Къ матери моей пришло еще болѣе крестьянскихъ бабъ, чѣмъ къ отцу крестьянъ: однѣ тоже съ разными просьбами объ оброкахъ, а другія съ разными болѣзнями. Здоровыхъ мать и слушать не стала, а больнымъ давала

совѣты и даже лѣкарства изъ своей дорожной аптечки. Наканунѣ вечеромъ, когда я уже спалъ, отецъ мой видѣлся съ тѣми стариками, которыхъ онъ приказалъ прислать къ себѣ; видно, они ничего особенно дурного объ Мироnычѣ не сказали, потому что отецъ былъ съ нимъ ласковѣе вчерашняго и даже похвалилъ его за усердіе. Священникъ съ попадьей приходили прощаться съ нами и отозвались о Мироnычѣ одобрительно. Священникъ сказалъ между прочимъ, что староста—человѣкъ подвластный, исполняетъ, что ему прикажутъ, и прибавилъ съ улыбкой, что „единъ Богъ безъ грѣха и что жаль только, что у Мироnыча много родни на селѣ и онъ до нея ласковъ“. Я не понялъ этихъ словъ и думалъ, что чѣмъ больше родни у него и чѣмъ онъ ласковѣе къ ней—тѣмъ лучше. Не знаю, отчего сборы продолжались очень долго, и мы выѣхали около полденъ. Мироnычъ и нѣсколько стариковъ, съ толпою крестьянскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ, проводили насъ до околицы. Намъ надобно было проѣхать 45 верстъ и ночевать на рѣкѣ „Икъ“, о которой отецъ говорилъ, что она не хуже Демы и очень рыбна: пріятныя надежды опять зашевелились въ моей головѣ.

Дорога изъ Парашина въ Багрово.

Дорога—удивительное дѣло! Ея могущество непреодолимо, успокоительно и цѣлительно. Отрывая вдругъ человѣка отъ окружающей его среды, все равно, любезной ему или даже непріятной, отъ постоянно развлекающей его множествомъ предметовъ, постоянно текущей разнообразной дѣятельности,—она сосредоточиваетъ его мысли и чувства въ тѣсный міръ дорожнаго экипажа, устремляетъ его вниманіе сначала на самого себя, потомъ на воспоминаніе прошедшаго и наконецъ на мечты и надежды—въ будущемъ; и все это дѣлается съ ясностью и спокойствіемъ, безъ всякой суеты и торопливости. Точно то было тогда со мной. Сначала смѣшанною толпою новыхъ предметовъ, образовъ и понятій роились у меня въ головѣ: Дема, ночевка въ Чувашахъ, родники, мельница, дряхлый старичекъ-засыпка и ржаное поле со жницами; потомъ каждый предметъ отдѣлился и уяснился, явились темныя, непонимаемыя мной мѣста или пятна въ этихъ картинахъ; я обратился къ отцу и матери, прося объяснить и растолковать ихъ мнѣ. Объясненія и толкованія показались мнѣ неудовлетворительными, вѣроятно потому, что со мной говорили какъ съ ребенкомъ, не замѣчая того, что мои вопросы были гораздо старше моего возраста. Наконецъ я обратился къ самому свѣжему предмету моихъ недоумѣній: отчего сначала

говорили о Мироничѣ какъ о человѣкѣ зломъ, а простились съ нимъ какъ съ человѣкомъ добрымъ? Отецъ съ матерью старались растолковать мнѣ, что совершенно добрыхъ людей мало на свѣтѣ, что парашинскіе старики, которыхъ отецъ мой знаетъ давно, люди честные и правдивые, сказали ему, что Миронычъ начальникъ умный и распорядительный, заботливый о господскомъ и о крестьянскомъ дѣлѣ; они говорили, что конечно онъ потакаетъ и потворствуетъ своей роднѣ и богатымъ мужикамъ, которые находятся въ милости у главнаго управителя Михайлы Максимыча, но что какъ же быть? свой своему—поневолѣ другъ, и что нельзя не уважить Михайлѣ Максимычу; что Миронычъ хотя гуляетъ, но на работахъ всегда бываетъ въ трезвомъ видѣ и не дерется безъ толку; что онъ не поживился ни одною копейкой, ни господской, ни крестьянской, а наживаетъ большія деньги отъ дегтя и кожевенныхъ заводовъ, потому что онъ въ части у хозяевъ, то-есть у богатыхъ парашинскихъ мужиковъ, промышляющихъ въ башкирскихъ лѣсахъ сидкою дегтя и покупкою у Башкирцевъ кожъ разнаго мелкаго и крупнаго скота; что хотя хозяевамъ маленько и обидно,—ну да они богаты и получаютъ большіе барыши. Въ заключеніе старики просили, чтобы Мироныча не трогать и что всякій другой на его мѣстѣ будетъ гораздо хуже. Такое объясненіе, на которое понадобилось еще много новыхъ объясненій, очень меня озадачило. Житейская мудрость не можетъ быть понимаема дитятей; добровольныя уступки несовмѣстны съ чистотой его души, и я никакъ не могъ примириться съ мыслью, что Миронычъ можетъ драться, не переставая быть добрымъ человѣкомъ. Наконецъ я надоѣлъ своими вопросами, и мнѣ приказали или читать книжку или играть съ сестрицей. Книжка не шла мнѣ въ голову, и я принялся разбирать свои камешки и чортовы пальцы, показывая, называя и разсказывая объ ихъ качествахъ моей сестрѣ.

Переѣздъ опять былъ огромный, слишкомъ сорокъ верстъ. Сначала, верстахъ въ десяти отъ Парашина, мы проѣхали черезъ какую-то, вновь селившуюся, русскую деревню, а потомъ тридцать верстъ не было никакого селенія и дорога шла по ровному рѣдколѣсью; кругомъ виднѣлись прекрасныя рощи, потомъ стали попадаться небольшіе пригорки, а съ правой стороны потянулась непрерывная цѣпь высокихъ и скалистыхъ горъ, иногда покрытыхъ лѣсомъ, а иногда совер-

шенно голыхъ. Спускаясь съ пологаго ската, ведущаго къ рѣкѣ Икъ, надобно было проѣзжать мимо чувашско-мордовской и частью татарской деревни, называющейся Икъ Кармалà, потому что она раскинулась по пригоркамъ рѣчки Кармалки, впадающей въ Икъ, въ полуторѣ верстѣ отъ деревни. Мы остановились возлѣ околицы, чтобы послать въ Кармалу для закупки овса и съѣстныхъ припасовъ, которые люди наши должны были привезти намъ на ночевку, назначенную на берегу рѣки Ика. Солнце стояло еще очень высоко; было такъ жарко, какъ среди лѣта. Вдругъ мать начала говорить, что не лучше ли ночевать въ Кармалѣ, гдѣ воздухъ такъ сухъ, и что около Ика ночью непремѣнно будетъ сыро. Я такъ и обмеръ. Отцу моему также было это непріятно, но онъ отвѣчалъ: „какъ тебѣ угодно, матушка". Мать высунулась изъ окна, посмотрѣла на разсѣянныя чувашскія избы и, указавъ рукою на одинъ дворъ, стоявшій отдѣльно отъ прочихъ и заключавшій внутри себя небольшой холмъ, сказала: „вотъ гдѣ я желала бы остановиться". Препятствій никакихъ не было. Богатый Чувашенинъ охотно пустилъ насъ на ночлегъ, потому что мы не требовали себѣ избы, и мы спокойно въѣхали на огромный, еще зелёный дворъ и поставили карету, по желанію матери, на самомъ верху холма или пригорка. Видъ оттуда былъ очень хорошъ на всю живописную окрестность рѣчки Кармалки и зеленую урему Ика, текущаго въ долинѣ. Но мнѣ было не до прекрасныхъ видовъ! Всѣ мои мечты поудить вечеромъ, когда, по словамъ отца, такъ хорошо клюетъ рыба на такой рѣкѣ, которая не хуже Дёмы,— разлетѣлись какъ дымъ, и я стоялъ точно приговоренный къ какому-нибудь наказанію. Вдругъ голосъ отца вывелъ меня изъ отчаяннаго положенія. „Сережа, сказалъ онъ, я попрошу у хозяина лошадь и роспуски, и онъ довезетъ насъ съ тобой до Ика. Мы тамъ поудимъ. Какъ только солнце станетъ садиться—я пришлю тебя съ Ефремомъ. А самъ я ворочусь, когда ужь будетъ темно. Просись у матери", прибавилъ онъ смотря съ улыбкою въ глаза моей матери. Я не говорилъ ни слова, но когда мать взглянула на меня, то прочла все на моемъ лицѣ. Она почувствовала невозможность лишить меня этого счастія и съ досадой сказала отцу: „какъ тебѣ не стыдно взманивать ребенка? Вѣдь онъ опять такъ же взволнуется какъ на Дёмѣ!" Тутъ я получилъ употребленіе языка и принялся горячо увѣрять, что буду совершенно спокоенъ;

мать съ большимъ неудовольствіемъ сказала: „ступай; но чтобъ до заката солнца ты былъ здѣсь“. Такъ неохотно данное позволеніе облило меня холодною водой. Я хотѣлъ было сказать, что не хочу ѣхать, но языкъ не поворотился. Черезъ нѣсколько минутъ все было готово: лошадь, удочки и червяки, и мы отправились на Икъ. Впослѣдствіи я нашелъ, что Икъ ничѣмъ не хуже Демы; но тогда я не въ состояніи былъ имъ восхищаться: мысль, что мать отпустила меня противъ своего желанія, что она недовольна, безпокоится обо мнѣ, что я отпущенъ на короткое время, что сейчасъ надо возвращаться—совершенно закрыла мою душу отъ сладкихъ впечатлѣній великолѣпной природы и уже зародившейся во мнѣ охоты, но мѣсто, куда мы пріѣхали, было поистинѣ очаровательно! Сажень за двѣсти повыше, Икъ раздѣлялся на два рукава, или протока, которые текли въ весьма близкомъ разстояніи другъ отъ друга. Раздѣленная вода была уже не такъ глубока, и на обоихъ протокахъ находились высокіе мосты на сваяхъ; одинъ протокъ былъ глубже и тише, а другой—мельче и быстрѣе. Такая же чудесная урема, какъ и на Дёмѣ, росла по берегамъ Ика. Протоки устремлялись въ глубь ея и исчезали въ густой чащѣ деревьевъ и кустовъ. Далѣе, по обѣимъ сторонамъ Ика, протекавшаго до сихъ поръ по широкой и открытой долинѣ, подступали горы, то лѣсистыя, то голыя и каменистыя, какъ будто готовыя принять рѣку въ свое владѣнье.

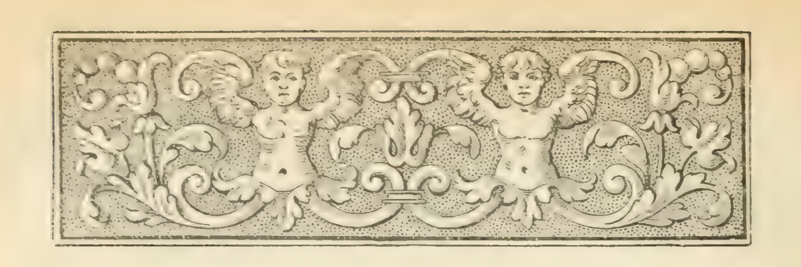
Отецъ мой выбралъ мѣсто для уженья, и они оба съ Евсеичемъ скоро принялись за дѣло. Мнѣ также дали удочку и насадили крючекъ уже не хлѣбомъ, а червякомъ, и я немедленно поймалъ небольшого окуня; удочку оправили, закинули и дали мнѣ держать удилище, но мнѣ сдѣлалось такъ грустно, что я положилъ его и сталъ просить отца, чтобы онъ отправилъ меня съ Евсеичемъ къ матери. Отецъ удивился, говорилъ, что еще рано, что солнышко еще цѣлый часъ не сядетъ, но я продолжалъ проситься и начиналъ уже плакать. Отецъ мой очень не любилъ и даже боялся слезъ, и потому приказалъ Евсеичу отвезти меня домой, а самому поскорѣе воротиться, чтобы вечеръ поудить вмѣстѣ. Мое скорое возвращеніе удивило, даже испугало мать. „Что съ тобой, вскрикнула она, здоровъ-ли ты?“ Я отвѣчалъ, что совершенно здоровъ, но что мнѣ не захотѣлось удить. По нетвердому моему голосу, по глазамъ, полнымъ слезъ, она

прочла все, что происходило въ моемъ сердце. Она обняла меня, и мы оба заплакали. Мать хотѣла опять меня отправить удить къ отцу, но я сталъ горячо просить не посылать меня, потому что желаніе остаться было вполнѣ искренно. Мать почувствовала, что послать меня было бы такимъ-же насиліемъ, какъ и непозволеніе ѣхать, когда я просился. Евсеичъ бѣгомъ побѣжалъ къ отцу, а я остался съ матерью и сестрой; мнѣ вдругъ сдѣлалось такъ легко, такъ весело, что кажется я еще и не испытывалъ такого удовольствія. Послѣ многихъ нѣжныхъ словъ, ласкъ и разговоровъ, позаботившись, чтобы хозяйскія собаки были привязаны и заперты, мать приказала мнѣ вмѣстѣ съ сестрицей побѣгать по двору. Мы обѣжали вокругъ пригорка, на которомъ стояла наша карета, и нашли тамъ такую диковинку, что я, запыхавшись, съ радостнымъ крикомъ прибѣжалъ разсказать о ней матери. Дѣло состояло въ томъ, что съ задней стороны, изъ средины пригорка билъ родникъ; Чувашенинъ подставилъ колоду, и какъ всѣ надворныя строенія были ниже родника, то онъ провелъ воду во-первыхъ въ лѣтнюю кухню, во-вторыхъ въ огромное корыто или выдолбленную колоду для мытья бѣлья и въ-третьихъ въ хлѣвы, куда загонялся на ночь скотъ и лошади. Все это привело меня въ восхищенье и обо всемъ я съ жаромъ разсказалъ матери. Мать улыбалась и хвалила догадливость Чувашенина, особенно выгодную, потому что рѣка была довольно далеко. Въ дополненіе моего удовольствія, мать позволила мнѣ развести маленькій костеръ огня у самой кареты, потому что нашъ дворъ былъ точно поле. Великолѣпно опускалось солнце за темныя Икскія горы. Мы напились чаю, потомъ поужинали при свѣтѣ моего костра. Отецъ еще не возвращался. Нѣсколько разъ мелькала у меня въ головѣ мысль: что-то дѣлается на берегу Ика? Какъ-то клюетъ тамъ рыба? Но эти мысли не смущали моего радостнаго, свѣтлаго состоянія души. Какой былъ вечеръ! Какимъ чуднымъ свѣтомъ озаряла насъ постепенно угасающая заря! Какъ темнѣла понемногу вся окрестность! Вотъ уже и урема Ика скрылась въ бѣломъ туманѣ росы, и мать сказала мнѣ: „Сережа, какъ тамъ сыро; хорошо что мы не тамъ ночуемъ! Отецъ все еще не возвращался, и мать хотѣла уже послать за нимъ, но только что мы улеглись въ каретѣ, какъ подошелъ отецъ къ окну и тихо сказалъ: „вы еще не спите?“ Мать попеняла ему, что онъ такъ долго не возвращался.

Рыбы поймали мало, но отецъ выудилъ большого жериха, котораго мнѣ очень захотѣлось посмотрѣть. Евсеичъ принесъ пукъ горящей лучины, и я, не вылѣзая изъ кареты, полюбовался на эту славную рыбу. Отецъ перекрестилъ меня и сѣлъ ужинать. Еще нѣсколько словъ, нѣсколько ласкъ отъ матери— и крѣпкій сонъ овладѣлъ мною.

Мы никогда еще не поднимались такъ рано съ ночлега, потому что рано остановились. Я въ просонкахъ слышалъ, какъ спустили карету съ пригорка и совсѣмъ проснулся, когда сѣлъ къ намъ отецъ. Мысль, что я сейчасъ опять увижу Икъ, разгуляла меня, и я уже не спалъ до солнечнаго восхода. При блескѣ какъ будто пылающей зари подъѣхали мы къ первому мосту черезъ Икъ; вся урема и особенно рѣка точно дымились. Я не смѣлъ опустить стекла, которое поднялъ отецъ, шопотомъ сказавъ мнѣ, что сырость вредна для матери; но и сквозь стекло я видѣлъ, что всѣ деревья и оба моста были совершенно мокры, какъ будто отъ сильнаго дождя. Но какъ хорошъ былъ Икъ! Легкій паръ подымался отъ быстро текущихъ и мѣстами завертывающихся струй его. Высокія деревья были до половины закутаны въ туманъ. Какъ только поднялись мы на изволокъ, туманъ исчезъ и первый лучъ солнца проникъ почти сзади въ карету и освѣтилъ лице спящей противъ меня моей сестрицы. Черезъ нѣсколько минутъ мы всѣ уже крѣпко спали. Рано поднявшись, довольно рано пріѣхали мы и на кормежку въ большое мордовское селеніе Коровино. Тамъ негдѣ было кормить въ полѣ, но какъ мать моя не любила останавливаться въ деревняхъ, то мы расположились между послѣднимъ дворомъ и околицей. Славнаго жериха, довезеннаго въ мокрой травѣ совершенно свѣжимъ, сварили на обѣдъ. Мать только-что отвѣдала, и то по просьбѣ отца; она считала рыбу вредною для себя пищей. Мнѣ тоже дали небольшой кусочекъ съ реберъ, и я нашелъ его необыкновенно вкуснымъ, что утверждалъ и мой отецъ. Выкормивъ лошадей, мы вскорѣ послѣ полденъ, часу во второмъ, пустились въ путь. Это былъ послѣдній переѣздъ до Багрова, всего 35 верстъ. Мы торопились, чтобы пріѣхать поранѣе, потому что въ Коровинѣ, гдѣ всѣ знали и моего дѣдушку и отца, мы услыхали, что дѣдушка нездоровъ. Въ продолженіе дороги мы два раза переѣхали черезъ рѣку Насягай, по весьма плохимъ мостамъ. Первый мостъ былъ такъ дуренъ, что мы должны были всѣ выйти изъ кареты,

даже лошадей уносныхъ отложили и на одной парѣ коренныхъ, кое-какъ, перетащили нашу тяжелую и нагруженную карету. Тутъ Насягай былъ еще невеликъ, но когда, верстъ черезъ десять, мы переѣхали его въ другой разъ, то уже увидѣли славную рѣку, очень быструю и глубокую; но все онъ былъ по крайней мѣрѣ вдвое меньше Ика, и урема его состояла изъ однихъ кустовъ. Солнце стояло еще очень высоко, „дерева въ два", какъ говорилъ Евсеичъ, когда мы съ крутой горы увидѣли Багрово, лежащее въ долинѣ между двухъ большихъ прудовъ, до половины заросшихъ камышами, и съ одной стороны окруженное высокими березовыми рощами. Я все это очень хорошо разсмотрѣлъ, потому что гора была крута, карету надобно было подтормозить и отецъ пошелъ со мною пѣшкомъ. Не знаю отчего, сердце у меня такъ и билось. Когда мать выглянула изъ окошка и увидала Багрово, я замѣтилъ, что глаза ея наполнились слезами и на лицѣ выразилась грусть; хотя и прежде, вслушиваясь въ разговоры отца съ матерью, я догадывался, что мать не любитъ Багрова и что ей непріятно туда ѣхать, но я оставлялъ эти слова безъ пониманія и даже безъ вниманія, и только въ эту минуту понялъ, что есть какія-нибудь важныя причины, которыя огорчаютъ мою мать. Отецъ также сдѣлался невеселъ. Мнѣ стало грустно, и я съ большимъ смущеньемъ сѣлъ въ карету. Въ нѣсколько минутъ доѣхали мы до крыльца дома, который показался мнѣ печальнымъ и даже маленькимъ въ сравненіи съ нашимъ уфимскимъ домомъ.

Багрово.

Бабушка и тетушка встрѣтили насъ на крыльцѣ. Онѣ съ восклицаніями, и какъ мнѣ показалось, со слезами обнимались и цѣловались съ моимъ отцомъ и матерью, а потомъ и насъ съ сестрой перецѣловали. Я ту же минуту однако почувствовалъ, что онѣ не такъ были ласковы съ нами, какъ другія городскія дамы, иногда пріѣзжавшія къ намъ. Бабушка была старая, очень толстая женщина, одѣтая точно въ такой шушунъ и такъ же повязанная платкомъ, какъ наша нянька Агаѳья, а тетушка была точно въ такой же кофтѣ и юбкѣ, какъ наша Параша. Я сейчасъ замѣтилъ, что онѣ вообще какъ-то совсѣмъ не то, что моя мать или наши уфимскія гостьи. Къ дѣдушкѣ сначала вошелъ отецъ, и потомъ мать, а насъ съ сестрицей оставили однихъ въ залѣ. Мать успѣла сказать намъ, чтобы мы были смирны, никуда по комнатамъ не ходили и не говорили громко. Такое приказаніе, вмѣстѣ съ недостаточно ласковымъ пріемомъ, такъ насъ смутило, что мы оробѣли и молча сидѣли на стулѣ совершенно одни, потому что нянька Агаѳья ушла въ коридоръ, гдѣ окружили ее горничныя дѣвки и дворовыя бабы. Такъ прошло не мало времени. Наконецъ вышла мать и спросила: „гдѣ же ваша нянька?“ Агаѳья выскочила изъ корридора, увѣряя, что только сію минуту отошла отъ насъ, между тѣмъ какъ мы, съ самаго прихода въ залу, ее и не видали, а слышали только бормо-

танье и шушуканье въ корридорѣ. Мать взяла насъ обоихъ за руки и ввела въ горницу дѣдушки: онъ лежалъ совсѣмъ раздѣтый въ постели. Сѣдая борода отросла у него чуть не на вершокъ, и онъ показался мнѣ очень страшенъ. „Здравствуйте, внучекъ и внучка“, сказалъ онъ, протянувъ намъ руку. Мать шепнула, чтобъ мы ее поцѣловали. „Не разгляжу теперь, продолжалъ дѣдушка, жмурясь и накрывъ глаза рукою,—на кого похожъ Сережа: когда я его видѣлъ, онъ еще ни на кого не походилъ. А Надежа кажется похожа на мать. Завтра, Богъ дастъ, не встану-ли какъ-нибудь съ постели. Дѣти, чай, съ дороги кушать хотятъ; покормите же ихъ. Ну, ступайте, улаживайтесь на новомъ гнѣздѣ“.—Мы всѣ вышли. Въ гостиной ожидалъ насъ самоваръ. Бабушка хотѣла напоить насъ чаемъ съ густыми жирными сливками и сдобными кренделями, чего, конечно, намъ хотѣлось; но мать сказала, что она сливокъ и жирнаго намъ не даетъ, и что мы чай пьемъ постный, а вмѣсто сдобныхъ кренделей просила дать обыкновеннаго бѣлаго хлѣба. „Ну, такъ ты намъ скажи, невѣстушка, говорила бабушка, что твои дѣтки ѣдятъ и чего не ѣдятъ: а то вѣдь я не знаю, чѣмъ ихъ подчивать; мы вѣдь люди деревенскіе и вашихъ городскихъ порядковъ не знаемъ“. Тетушка подхватила, что сестрица сама будетъ распоряжаться и что пусть поваръ Степанъ къ ней приходитъ и спрашиваетъ, что нужно приготовить. Хотя я не понималъ тогда тайной музыки этихъ словъ, но я тутъ же почувствовалъ что-то чужое, недоброхотное. Мать отвѣчала очень почтительно, что напрасно матушка и сестрица безпокоятся о нашемъ кушаньѣ и что одного куринаго супа будетъ всегда для насъ достаточно; что она потому не даетъ мнѣ молока, что была напугана моей долговременною болѣзнью, а что возлѣ меня и сестра привыкла пить постный чай. Потомъ бабушка предложила моей матери выбрать для своего помѣщенья одну изъ двухъ комнатъ: или залу, или гостиную. Мать отвѣчала, что она желала бы занять гостиную, но боится, чтобы не было безпокойно сестрицѣ отъ такого близкаго сосѣдства съ маленькими дѣтьми. Тетушка возразила, что стѣна глухая, безъ двери, и потому слышно не будетъ,—и мы заняли гостиную. Съ нами была желѣзная двойная кровать, которая вся развинчивалась и разбиралась. Ефремъ съ Өедоромъ сейчасъ ее собрали и поставили, а Параша повѣсила очень красивый, не знаю изъ какой матеріи, кажется, кисейный

занавѣсъ; знаю только, что на немъ были такіе прекрасные букеты цвѣтовъ, что я, много лѣтъ спустя, находилъ большое удовольствіе ихъ разсматривать; на окошки повѣсили такія же гардины—и комната вдругъ получила совсѣмъ другой видъ, такъ что у меня на сердцѣ стало веселѣе. Дорожные сундуки также притащили въ гостиную и покрыли ковромъ. Я не забылъ своего ящичка съ камешками, а также своихъ книгъ, и все это разложилъ въ углу на столикѣ. Передъ ужиномъ отецъ съ матерью ходили къ дѣдушкѣ и остались у него посидѣть. Насъ также хотѣли было сводить къ нему проститься, но бабушка сказала, что не надо его безпокоить и что дѣтямъ пора спать. Оставшись одни въ новомъ гнѣздѣ, мы съ сестрицей принялись болтать; я сказалъ одни потому, что нянька опять ушла и, стоя за дверьми, опять принялась съ кѣмъ-то шептаться. Я сообщилъ моей сестрицѣ, что мнѣ невесело въ Багровѣ, что я боюсь дѣдушки, что мнѣ хочется опять въ карету, опять въ дорогу, и много тому подобнаго; но сестрица, плохо понимая меня, уже дремала и говорила такой вздоръ, что я смѣялся. Наконецъ сонъ одолѣлъ ее, я позвалъ няню, и она уложила мою сестру спать на одной кровати съ матерью, гдѣ и мнѣ приготовлено было мѣстечко; отцу же послали на канапе. Я тоже легъ. Мнѣ было сначала грустно, потомъ стало скучно, и я заснулъ. Не знаю, сколько времени я спалъ, но проснувшись увидѣлъ, при свѣтѣ лампады, теплившейся передъ образомъ, что отецъ лежитъ на своемъ канапе, а мать сидитъ подлѣ него и плачетъ.

Мать долго говорила въ полголоса, иногда почти шепотомъ, и я не могъ разслушать въ связи всѣхъ ея рѣчей, хотя старался какъ можно вслушиваться. Сонъ отлетѣлъ отъ моихъ глазъ, и слова матери: „какъ я ихъ оставлю? На кого? Я умру съ тоски; никакой докторъ мнѣ не поможетъ“; а также слова отца: „матушка, побереги ты себя, вѣдь ты захвораешь; ты непремѣнно завтра сляжешь въ постель“... слова, схваченныя моимъ дѣтскимъ напряженнымъ слухомъ на лету, между многими другими,—встревожили, испугали меня. Мысль остаться въ Багровѣ однимъ съ сестрой, безъ отца и матери, хотя была не новою для меня, но какъ будто до сихъ поръ не понимаемою; она вдругъ поразила меня такимъ ужасомъ, что я на минуту потерялъ способность слышать и соображать слышанное, а потому многихъ разговоровъ

не понялъ, хотя и могъ бы понять. Наконецъ мать, по усильнымъ просьбамъ отца, согласилась лечь въ постель. Она помолилась Богу, перекрестила насъ съ сестрой и легла. Я притворился спящимъ; но въ самомъ дѣлѣ заснулъ уже тогда, когда заснула моя мать.

Оправдалось предсказаніе моего отца! Проснувшись, я увидѣлъ, что онъ и Параша хлопотали около моей матери. Она очень захворала: у ней разлилась желчь и била лихорадка; она и прежде бывала нездорова, но всегда на ногахъ, а теперь была такъ слаба, что не могла встать съ постели. Я никогда еще не видалъ ее такъ больною.... страхъ и тоска овладѣли мной. Я уже понималъ, что мои слезы огорчатъ больную, что это будетъ ей вредно—и плакалъ потихоньку, завернувшись въ широкія полы занавѣса, за высокимъ изголовьемъ кровати. Отецъ увидѣлъ это, и погрозя пальцемъ, указалъ на мать; я кивнулъ и потрясъ головой въ знакъ того, что понимаю, въ чемъ дѣло, и не встревожу больную.

Отецъ ходилъ къ дѣдушкѣ и воротясь сказалъ, что ему лучше и что онъ хочетъ встать. Въ залѣ тетушка разливала чай, няня позвала меня туда, но я не хотѣлъ отойти ни на шагъ отъ матери, и отецъ, боясь, чтобъ я не расплакался, если станутъ принуждать меня, самъ принесъ мнѣ чаю и постный крендель, точно такой, какіе присылали намъ въ Уфу изъ Багрова; мы съ сестрой (да и всѣ) очень ихъ любили, но теперь крендель не пошелъ мнѣ въ горло, и, чтобы не принуждали меня ѣсть, я спряталъ его подъ огромный пуховикъ, на которомъ лежала мать. Я слышалъ въ безпрестанно растворяемую дверь, какъ весело болтала моя сестрица съ бабушкой и тетушкой, и мнѣ было отъ чего-то досадно на нее. Я слышалъ, какъ повели ее къ дѣдушкѣ и почувствовалъ, что сейчасъ придутъ за мной. Предчувствіе исполнилось ту же минуту: тетушка прибѣжала, говоря, что дѣдушка меня спрашиваетъ. Отецъ громко сказалъ: „Сережа, ступай къ дѣдушкѣ“. Мать тихо подозвала меня къ себѣ, разгладила мои волосы, пристально посмотрѣла на мои покраснѣвшіе глаза, поцѣловала меня въ лобъ и сказала на ухо: „будь уменъ и ласковъ съ дѣдушкой“, и глаза ея наполнились слезами. Каково же было мнѣ итти! Отецъ остался съ матерью, а тетушка повела меня за руку. Видно много страданія и страха выражалось на моемъ лицѣ, потому что тетушка, остановившись въ лакейской, приласкала меня и сказала: „не

бойся, Сережа! Дѣдушка тебя не укуситъ". Я едва могъ удерживать слезы, готовыя хлынуть изъ глазъ, и робко перешагнулъ порогъ дѣдушкиной горницы. Онъ сидѣлъ на кожаныхъ, старинныхъ, какихъ-то диковинныхъ креслахъ, вездѣ по краямъ унизанныхъ мѣдными шишечками.... Какъ это странно! Эти кресла и мѣдныя шишечки прежде всего кинулись мнѣ въ глаза, привлекли мое вниманіе и какъ будто разсѣяли и немного ободрили меня. Дѣдушка былъ въ халатѣ: на колѣняхъ у него сидѣла сестрица. Увидя меня, онъ сейчасъ спустилъ ее на полъ и ласково сказалъ: „подойди-ка ко мнѣ, Сережа", и протянулъ руку. Я поцѣловалъ ее. „Что это у тебя глаза красны? Ты никакъ плакалъ, да и теперь хочешь плакать? Видно ты боишься и не любишь дѣдушку"?—„Маменька больна", сказалъ я, собравъ всѣ силы, чтобы не заплакать. Тутъ бабушка и тетушка принялись разсказывать, что я ужасть какъ привязанъ къ матери, что не отхожу отъ нея ни на пядь и что она уже меня такъ пріучила. Говорили много въ этомъ родѣ; но дѣдушка какъ будто не слушалъ ихъ, а самъ такъ пристально и добродушно смотрѣлъ на меня, что робость моя стала проходить. „Знаете ли, на кого похожъ Сережа?" громко и весело сказалъ онъ. „Онъ весь въ дядю, Григорья Петровича". Съ этими словами онъ взялъ меня, посадилъ къ себѣ на колѣни, погладилъ, поцѣловалъ и сказалъ: „Не плачь, Сережа. Мать выздоровѣетъ. Вѣдь это не смертное"—и началъ меня разспрашивать очень много и очень долго объ Уфѣ и о томъ, что я тамъ дѣлалъ, о дорогѣ и проч. Я ободрился и разговорился, особенно о книжкахъ и о дорогѣ. Дѣдушка слушалъ меня внимательно, привѣтливо улыбнулся; наконецъ сказалъ: „это хорошо, что ты мать любишь. Она ходила за тобой, не щадя живота. Ступай къ ней, только не шуми, не безпокой ее и не плачь". Я отвѣчалъ, что маменька не увидитъ, что я спрячусь въ пологъ, когда захочется плакать; поцѣловалъ руку у дѣдушки и побѣжалъ къ матери. Сестрица осталась. Мать какъ будто испугалась, услыхавъ мои скорые шаги; но увидавъ мое радостное лицо, сама обрадовалась. Я поспѣшилъ разсказать съ малѣйшими подробностями мое пребываніе у дѣдушки, и кожаныя кресла съ мѣдными шишечками также не были забыты: отецъ и даже мать не могли не улыбнуться, слушая мое горячее и обстоятельное описаніе кресель. „Слава Богу, сказала мать, я вижу, что ты дѣдушкѣ

понравился. Онъ добрый, ты долженъ любить его"…. Я отвѣчалъ, что люблю и пожалуй сейчасъ опять пойду къ нему; но мать возразила, что этого ненужно, и попросила отца сейчасъ пойти къ дѣдушкѣ и посидѣть у него: ей хотѣлось знать, что онъ станетъ говорить обо мнѣ и объ сестрицѣ. Хотя я повидимому былъ доволенъ пріемомъ дѣдушки, но все мнѣ казалось, что онъ не такъ обрадовался мнѣ, какъ я ожидалъ, судя по разсказамъ. Я спросилъ объ этомъ мать. Она отвѣчала, что дѣдушка теперь нездоровъ, что ему не до насъ—а потому онъ и не ласковъ.

Вмѣстѣ съ Парашей я сталъ хлопотать и ухаживать около больной, подавая ей какое-то лѣкарство, которое она сдѣлала по Бухану, и питье изъ клюквы. Она попросила было лимоновъ; но ей отвѣчали, что ихъ даже не видывали. „Какъ я глупа", сказала мать какъ будто про себя, и спросила клюквы. Параша сейчасъ принесла цѣлую полоскательную чашку, прибавя, что „клюквы у нихъ много: имъ каждый годъ, по первому зимнему пути, по цѣлому возу привозятъ ее изъ стараго Багрова". Потомъ мать приказала привязать къ своей головѣ чернаго хлѣба съ уксусомъ, который мнѣ такъ нравился, что я понемножку клалъ его къ себѣ въ ротъ; потомъ она захотѣла какъ будто уснуть и заставила меня читать. Я сейчасъ принялся за „Дѣтское чтеніе", и въ самомъ дѣлѣ мать заснула и спала цѣлый часъ. Я видѣлъ въ окошко, что сестрица гуляла съ нянькой Агаѳьей по саду, между разросшимися, старыми, необыкновенной величины кустами смородины и барбариса, какихъ я ни прежде, ни послѣ не видывалъ; я замѣтилъ, какъ выпархивали изъ нихъ птички съ красножелтыми хвостиками. Замѣтилъ, что изъ одного такого куста выпрыгнула пестрая кошка — и мнѣ очень захотѣлось туда.

Какъ только мать проснулась и сказала, что ей немножко получше, вошелъ отецъ. Я сейчасъ попросился гулять въ садъ вмѣстѣ съ сестрой; мать позволила, приказавъ мнѣ не подходить къ рѣкѣ, чего именно я желалъ, потому что отецъ часто разговаривалъ со мной о своемъ любезномъ Бугурусланѣ, и мнѣ хотѣлось посмотрѣть на него поближе. Въ саду я увидѣлъ, что сада нѣтъ, даже и такого, какіе я видалъ въ Уфѣ. Это былъ скорѣе огородъ, состоявшій изъ однихъ ягодныхъ кустовъ, особенно изъ кустовъ бѣлой, красной и черной смородины, усыпанной ягодами, и—изъ яблонь, боль-

шею частью померзшихъ прошлаго года, которыя были спилены и вновь привиты черенками: все это заключалось въ огородѣ и было окружено высокими навозными грядками арбузовъ, дынь и тыквъ, безчисленнымъ множествомъ грядокъ съ огурцами и всякими огородными овощами, разными горохами, бобами, рѣдькою, морковью и проч. Въ добавокъ ко всему, вездѣ, гдѣ только было мѣстечко, росли подсолнечники и укропъ, который тамъ называли „копромъ"; наконецъ на лощинѣ, заливаемой весенней водой, зеленѣло страшное количество капусты.... Вся эта некрасивая смѣсь мнѣ очень понравилась, нравится даже и теперь, и конечно гораздо болѣе подстриженныхъ липовыхъ или березовыхъ аллей и несчастныхъ елокъ, изъ которыхъ вырѣзываютъ коммоды, пирамиды и шары.—Съ правой стороны, возлѣ самаго дома, текла быстрая и глубокая рѣка или рѣчка, которая вдругъ поворачивала налѣво и такимъ образомъ, составляя уголъ съ двухъ сторонъ точно огораживала, такъ называемый, садъ. Едва мы успѣли его обойти и осмотрѣть, едва успѣли переговорить съ сестрицей, которая съ помощью няньки разсказала мнѣ, что дѣдушка долго продержалъ ее, очень ласкалъ и наконецъ послалъ гулять въ садъ,—какъ прибѣжалъ Евсеичъ и позвалъ насъ обѣдать; въ это время, то-есть часу въ двѣнадцатомъ, мы обыкновенно завтракали, а обѣдали часу въ третьемъ; но Евсеичъ сказалъ, что дѣдушка всегда обѣдаетъ въ полдень и что онъ сидитъ уже за столомъ. Мы поспѣшили въ домъ и вошли въ залу. Дѣдушка приказалъ насъ съ сестрицей посадить за столъ прямо противъ себя; а какъ высокихъ дѣтскихъ креселъ съ нами не было, то подложили подъ насъ кучу подушекъ, и я смѣялся, какъ высоко сидѣла моя сестрица, хотя самъ сидѣлъ немного пониже. Я вспомнилъ, что воротившись изъ саду не былъ у матери, и сталъ проситься сходить къ ней; но отецъ, сидѣвшій подлѣ меня, шепнулъ мнѣ, чтобъ я пересталъ проситься и что я схожу послѣ обѣда; онъ сказалъ эти слова такимъ строгимъ голосомъ, какого я никогда не слыхивалъ— и я замолчалъ. Дѣдушка хотѣлъ насъ кормить разными своими кушаньями, но бабушка остановила его, сказавъ, что Софья Николавна ничего такого дѣтямъ не даетъ и что для нихъ приготовленъ супъ. Дѣдушка поморщился и сказалъ: „Ну, такъ пусть отецъ кормитъ ихъ, какъ знаетъ". Самъ онъ и вся семья ѣли постное, и дѣдушка, несмотря на то,

что первый день какъ всталъ съ постели, кушалъ ботвинью, рыбу, раки, кашу съ какимъ-то постнымъ молокомъ и грибы. Запахъ постнаго масла бросился мнѣ въ носъ, и я сказалъ: „какъ нехорошо пахнетъ!“ Отецъ дернулъ меня за рукавъ и опять шепнулъ мнѣ, чтобъ я не смѣлъ этого говорить; но дѣдушка слышалъ мои слова и сказалъ: „Эге, братъ, какой ты нѣженка“. Бабушка и тетушка улыбнулись, а мой отецъ покраснѣлъ. Послѣ обѣда дѣдушка зашелъ къ моей матери, которая лежала въ постели и ничего въ этотъ день не ѣла. Посидѣвъ немного, онъ пошелъ почивать, и вотъ наконецъ мы остались одни, то-есть: отецъ съ матерью и мы съ сестрицей. Тутъ я узналъ, что дѣдушка приходилъ къ намъ передъ обѣдомъ, и увидя какъ въ самомъ дѣлѣ больна моя мать, очень сожалѣлъ объ ней и совѣтовалъ ѣхать немедленно въ Оренбургъ, хотя прежде, что было мнѣ извѣстно изъ разговоровъ отца съ матерью, онъ называлъ эту поѣздку причудами и пустою тратою денегъ, потому что не вѣрилъ докторамъ. Мать отвѣчала ему, какъ мнѣ разсказали, что теперешняя ея болѣзнь дѣло случайное, что она скоро пройдетъ и что для поѣздки въ Оренбургъ ей нужно нѣсколько времени оправиться. Снова поразила меня мысль объ разлукѣ съ матерью и отцомъ. Оставаться намъ однимъ съ сестрицей въ Багровѣ на цѣлый мѣсяцъ казалось мнѣ такъ страшно, что я самъ не зналъ, чего желать. Я вспомнилъ, какъ самъ просилъ еще въ Уфѣ мою мать ѣхать поскорѣе лѣчиться, но слова, слышанныя мною въ прошедшую ночь: „я умру съ тоски, никакой докторъ мнѣ не поможетъ“, поколебали во мнѣ увѣренность, что мать воротится изъ Оренбурга здоровою. Все это я объяснилъ ей и отцу, какъ умѣлъ, сопровождая свои объясненія слезами; но для матери моей не трудно было увѣрить меня во всемъ, что ей угодно, и совершенно успокоить, и я скоро, несмотря на страхъ разлуки, сталъ желать только одного: скорѣйшаго отъѣзда маменьки въ Оренбургъ, гдѣ непремѣнно вылѣчитъ ее докторъ. Съ этихъ поръ я замѣтилъ, что мать сдѣлалась осторожна и не говорила при мнѣ ничего такого, что могло бы меня встревожить или испугать, а если и говорила, то такъ тихо, что я ничего не могъ разслышать. Она заставляла меня долѣе обыкновеннаго читать, играть съ сестрицей и гулять съ Евсеичемъ: даже отпускала съ отцомъ на мельницу и на островъ. Прудъ и островъ очень мнѣ нравились, но конечно не такъ, какъ бы

понравились въ другое время и какъ горячо полюбилъ я ихъ впослѣдствіи.

Черезъ нѣсколько дней мать встала съ постели; ея лихорадка и желчь прошли, но она еще больше похудѣла и глаза ея пожелтѣли. Скоро я замѣтилъ, что стали рѣшительно сбираться въ Оренбургъ, и что самъ дѣдушка торопилъ отъѣздомъ, потому что путь былъ не близкій. Одинъ разъ мать при мнѣ говорила ему, что боится обременить матушку и сестрицу присмотромъ за дѣтьми; боится обезпокоить его, если кто-нибудь изъ дѣтей захвораетъ. Но дѣдушка возразилъ, и какъ будто съ сердцемъ, что это все пустяки, что вѣдь дѣти не чужіе, и что кому же, какъ не родной бабушкѣ и теткѣ, присмотрѣть за ними. Мать говорила, что нянька у насъ не благонадежна и что уходъ за мной она поручаетъ Ефрему, очень доброму и усердному человѣку, и что онъ будетъ со мной ходить гулять. Дѣдушка отвѣчалъ: „ну что же, хорошо; Ефремъ доброй породы, а не то пожалуй я дамъ тебѣ свою Аксютку ходить за дѣтьми". Мать отклонила такое милостивое предложеніе, подъ разными предлогами; она знала, что Аксинья не добрая. Дѣдушка съ неудовольствіемъ промолвилъ: „ну, какъ хочешь; я вѣдь съ своей Аксюткой не навязываюсь". Слышалъ я также, какъ моя мать просила и молила со слезами бабушку и тетушку не оставить насъ, присмотрѣть за нами, не кормить постнымъ кушаньемъ и, въ случаѣ нездоровья, не лѣчить обыкновенными ихъ лѣкарствами: Гарлемскими каплями и Эссенціей долгой жизни, которыми они лѣчили всѣхъ, и стариковъ и младенцевъ, отъ всѣхъ болѣзней. Бабушка и тетушка, которыя были недовольны, что мы остаемся у нихъ на рукахъ, и даже не скрывали этого, обѣщали, покоряясь волѣ дѣдушки, что будутъ смотрѣть за нами неусыпно и выполнятъ всѣ просьбы моей матери. На всякой случай мать оставила нѣкоторыя лѣкарства изъ своей аптеки и даже написала, какъ и когда ихъ употреблять, если кто-нибудь изъ насъ захвораетъ. Это было поручено тетушкѣ Татьянѣ Степановнѣ, которая все-таки была подобрѣе другихъ и не могла не чувствовать жалости къ слезамъ больной матери, впервые разстающейся съ маленькими дѣтьми.

Все это время, до отъѣзда матери, я находился въ тревожномъ состояніи и даже борьбѣ съ самимъ собою. Видя мать блѣдною, худою и слабою, я желалъ только одного, чтобъ

она ѣхала поскорѣе къ доктору; но какъ только я или оставался одинъ, или хотя и съ другими, но не видалъ передъ собою матери, тоска отъ приближающейся разлуки и страхъ остаться съ дѣдушкой, бабушкой и тетушкой, которые не были такъ ласковы къ намъ, какъ мнѣ хотѣлось, не любили, или такъ мало любили насъ, что мое сердце къ нимъ не лежало—овладѣвали мной, и мое воображеніе, развитое не по лѣтамъ, вдругъ представляло мнѣ такія страшныя картины, что я бросалъ все, чѣмъ тогда занимался: книжки, камешки, оставлялъ даже гулянье по саду и прибѣгалъ къ матери, какъ безумный, въ тоскѣ и страхѣ. Нѣсколько разъ готовъ я былъ броситься къ ней на шею и просить, чтобъ она не ѣздила или взяла насъ съ собою; но больное ея лице заставляло меня опомниться, и желанье, чтобъ она ѣхала лѣчиться, всегда побѣждало мою тоску и страхъ. Я не понимаю теперь, отчего отецъ и мать рѣшились оставить насъ въ Багровѣ. Они ѣхали въ той же каретѣ, и мы точно также могли бы помѣститься въ ней; но мать никогда не имѣла этого намѣренія и еще въ Уфѣ сказала мнѣ, что ни подъ какимъ видомъ не можетъ насъ взять съ собою, что она должна ѣхать одна съ отцомъ; это намѣреніе ни разу не поколебалось и въ Багровѣ, и я вполнѣ вѣрилъ въ невозможность перемѣнить его.

Черезъ недѣлю, которая, несмотря на мою печаль и мучительныя тревоги, необыкновенно скоро прошла для меня, отецъ и мать уѣхали. При прощаньи я уже не умѣлъ совладѣть съ собою, и мы оба съ сестрой плакали и рыдали; мать также. Когда карета съѣхала со двора и пропала изъ моихъ глазъ, я пришелъ въ изступленіе, бросился съ крыльца и побѣжалъ догонять карету съ крикомъ: „маменька, воротись!“ Этого никто не ожидалъ, и потому не вдругъ могли меня остановить; я успѣлъ перебѣжать черезъ дворъ и выбѣжать на улицу; Евсеичъ первый догналъ меня, за нимъ бѣжало множество народа; онъ схватилъ меня и крѣпко держа на рукахъ, принесъ домой. Дѣдушка съ бабушкой стояли на крыльцѣ, а тетушка шла къ намъ навстрѣчу; она стала уговаривать и ласкать меня, но я ничего не слушалъ, кричалъ, плакалъ и старался вырваться изъ крѣпкихъ рукъ Евсеича. Когда онъ, взошедъ на крыльцо, поставилъ меня на ноги передъ дѣдушкой,—дѣдушка сердито крикнулъ: „перестань ревѣть. О чемъ плачешь? мать воротится, не останется жить въ Оренбургѣ“. И я присмирѣлъ. Дѣдушка пошелъ въ свою

горницу, и я слышалъ, какъ бабушка, идя за нимъ, говорила: „вотъ, батюшка, самъ видишь. Много будетъ намъ хлопотъ: дѣти очень избалованы". Тетушка взяла меня за руку и повела въ гостиную, то-есть въ нашу спальную комнату. Милая моя сестрица, держась за другую мою руку и сама обливаясь тихими слезами, говорила: „не плачь, братецъ, не плачь". Когда мы вошли въ гостиную, и я увидѣлъ кровать, на которой мы обыкновенно спали вмѣстѣ съ матерью, я бросился на постель и снова принялся громко рыдать. Тетушка, Евсеичъ и нянька Агаѳья употребляли всѣ усилія, чтобъ успокоить меня книжками, штуфами, игрушками и разговорами. Евсеичъ пробовалъ остановить мои слезы разсказами о дорогѣ, о Демѣ, объ уженьи и рыбкахъ; но все было напрасно; только утомившись отъ слезъ и рыданья, я наконецъ, самъ не знаю какъ, заснулъ.

Пребываніе въ Багровѣ безъ отца и матери.

Слишкомъ мѣсяцъ прожили мы съ сестрицей, безъ отца и матери, въ негостепріимномъ тогда для насъ Багровѣ, большую часть времени заключенные въ своей комнатѣ, потому что скоро наступила сырая погода, и гулянье наше по саду прекратилось. Вотъ какъ текла эта однообразная и невеселая жизнь: какъ скоро мы просыпались, что бывало всегда часу въ восьмомъ, нянька водила насъ къ дѣдушкѣ и бабушкѣ; съ нами здоровались, говорили нѣсколько словъ, а иногда почти и не говорили, потомъ отсылали насъ въ нашу комнату; около двѣнадцати часовъ мы выходили въ залу обѣдать; хотя отъ насъ была дверь прямо въ залу, но она была заперта на ключъ и даже завѣшена ковромъ, и мы проходили черезъ корридоръ, изъ котораго тогда еще была дверь въ гостиную. За обѣдомъ насъ всегда сажали на другомъ концѣ стола, прямо противъ дѣдушки, всегда на высокихъ подушкахъ; иногда онъ бывалъ веселъ и говорилъ съ нами, особенно съ сестрицей, которую называлъ козулькой; а иногда онъ былъ такой сердитый, что ни съ кѣмъ не говорилъ; бабушка и тетушка также молчали, и мы съ сестрицей, соскучившись, начинали перешептываться между собой; но Евсеичъ, который всегда стоялъ за моимъ стуломъ, сейчасъ останавливалъ меня, шепнувъ мнѣ на ухо, чтобы я молчалъ: то же дѣлала нянька Агаѳья съ моей се-

стрицей. Послѣ они сказали намъ, чтобы мы не смѣли говорить, когда старый баринъ, то-есть дѣдушка, не веселъ. Послѣ обѣда мы сейчасъ уходили въ свою комнату, куда въ 6 часовъ приносили намъ чай; часовъ въ 8 обыкновенно ужинали, и насъ точно также, какъ къ обѣду, вводили въ залу и сажали противъ дѣдушки; сейчасъ послѣ ужина мы прощались и уходили спать. Первые дни заглядывала къ намъ въ комнату тетушка и какъ будто заботилась о насъ, а потомъ стала ходить рѣже, и наконецъ совсѣмъ перестала. Мы только и видались съ нею и со всѣми за обѣдомъ, ужиномъ, при утреннемъ здорованьѣ и вечернемъ прощаньѣ. Сначала заглядывали къ намъ, подъ разными предлогами, горничныя дѣвчонки и дѣвушки, даже дворовыя женщины, просили у насъ „поцѣловать ручку", къ чему мы не были пріучены и потому не соглашались; кое о чемъ спрашивали и уходили; потомъ всѣ совершенно насъ оставили, и, кажется, по приказанію бабушки или тетушки, которая (я самъ слышалъ) говорила, что „Софья Николавна не любитъ, чтобъ лакеи и дѣвки разговаривали съ ея дѣтьми". Нянька Агаѳья, отъ утренняго чая до обѣда и отъ обѣда до вечерняго чая, также куда-то уходила; но за то Евсеичъ цѣлый день не отлучался отъ насъ и даже спалъ всегда въ корридорѣ у нашихъ дверей. Онъ или забавлялъ насъ разсказами, или игралъ съ нами, или слушалъ мое чтеніе. Тутъ-то мы еще больше сжились съ милой моей сестрицей, хотя она была такъ еще мала, что я не могъ вполнѣ раздѣлять съ ней всѣхъ моихъ мыслей, чувствъ и желаній. Она, напримѣръ, не понимала, что насъ мало любятъ, а я понималъ это совершенно; оттого она была смѣлѣе и веселѣе меня и часто сама заговаривала съ дѣдушкой, бабушкой и теткой; ее и любили за то гораздо больше, чѣмъ меня, особенно дѣдушка; онъ даже иногда присылалъ за ней и подолгу держалъ у себя въ горницѣ. Я очень это видѣлъ, но не завидовалъ милой сестрицѣ во первыхъ потому, что очень любилъ ее, и во-вторыхъ потому, что у меня не было расположенія къ дѣдушкѣ, и я чувствовалъ всегда невольный страхъ въ его присутствіи. Должно сказать, что была особенная причина, почему я не любилъ и боялся дѣдушки: я своими глазами видѣлъ одинъ разъ, какъ онъ сердился и топалъ ногами; я слышалъ потомъ изъ своей комнаты какіе-то страшные и жалобные крики. Нянька Агаѳья не замедлила мнѣ все объяснить, хотя добрый Евсеичъ пенялъ, зачѣмъ она она разсказываетъ дитяти то, о чемъ ему и знать не надо.

И такъ непримѣтно устроился у насъ особый міръ въ тѣсномъ углу нашемъ, въ нашей гостиной комнатѣ. Первые дни послѣ отъѣзда отца и матери я провелъ въ безпрестанной тоскѣ и слезахъ; но мало-по-малу успокоился, осмотрѣлся вокругъ себя и устроился. Всякій день я принимался учить читать маленькую сестрицу, и совершенно безъ пользы, потому что во все время пребыванія нашего въ Багровѣ она не выучила даже азбуки. Всякій день заставлялъ ее слушать „Дѣтское чтеніе", читая сряду всѣ статьи безъ исключенія, хотя многихъ самъ не понималъ. Бѣдная слушательница моя часто зѣвала, напряженно устремивъ на меня свои прекрасные глазки, и засыпала иногда подъ мое чтеніе; тогда я принимался съ ней играть, строя городки и церкви изъ чурочекъ, или дома, въ которыхъ хозяевами были ея куклы; самая любимая ея игра была игра „въ гости": мы садились по разнымъ угламъ, я бралъ къ себѣ одну или двѣ изъ ея куколъ, съ которыми пріѣзжалъ въ гости къ сестрицѣ, то-есть переходилъ изъ одного угла въ другой. У сестрицы всегда было нѣсколько куколъ, которыя всѣ назывались ея дочками или племянницами; тутъ было много разговоровъ и угощеній, полное передразниванье большихъ людей. Я очень помню, что пускался въ разныя выдумки и разсказывалъ разныя небывалыя со мной приключенія, нѣкоторымъ основаніемъ или образцомъ которыхъ были прочитанныя мною въ книжкахъ или слышанныя происшествія. Такъ, напримѣръ, я разсказывалъ, что у меня въ домѣ былъ пожаръ, что я выпрыгнулъ съ двумя дѣтьми изъ окошка (то-есть съ двумя куклами, которыхъ держалъ въ рукахъ); или, что на меня напали разбойники и я всѣхъ ихъ побѣдилъ; наконецъ, что въ Багровскомъ саду есть пещера, въ которой живетъ Змѣй-Горынычъ о семи головахъ, и что я намѣренъ ихъ отрубить. Мнѣ очень было пріятно, что мои разсказы производили впечатлѣніе на мою сестрицу и что мнѣ иногда удавалось даже напугать ее: одну ночь она худо спала, просыпалась, плакала и все видѣла во снѣ то разбойниковъ, то Змѣя-Горыныча, и прибавляла, что это братецъ ее напугалъ. Няня погрозила мнѣ, что пожалуется дѣдушкѣ, и я укротилъ пламенные порывы моей дѣтской фантазіи.—Во время отсутствія отца и матери три тетушки перебывали въ гостяхъ въ Багровѣ. Первая была Александра Степановна; она произвела на меня самое непріятное впечатлѣніе, а также и мужъ ея, который однако

насъ съ сестрой очень любилъ, часто сажалъ на колѣни и безпрестанно цѣловалъ. Новая тетушка совсѣмъ насъ не любила, все насмѣхалась надъ нами, называла насъ городскими нѣженками, и сколько я могъ понять, очень нехорошо говорила о моей матери и смѣялась надъ моимъ отцомъ. Ея мужъ бывалъ иногда какъ-то страненъ и даже страшенъ: шумѣлъ, бранился, пѣлъ пѣсни и должно-быть говорилъ очень дурныя слова, потому что обѣ тетушки зажимали ему ротъ руками и пугали, что дѣдушка идетъ, чего онъ очень боялся и тотчасъ уходилъ отъ насъ. Вторая пріѣхавшая тетушка была Аксинья Степановна, крестная моя мать; эта была предобрая, насъ очень любила и очень ласкала, особенно безъ другихъ; она даже привезла намъ гостинца, изюму и черносливу, но отдала тихонько отъ всѣхъ и велѣла такъ ѣсть, чтобы никто не видалъ; она пожурила няньку нашу за неопрятность въ комнатѣ и платьѣ, приказала перемѣнять чаще бѣлье и погрозила, что скажетъ Софьѣ Николавнѣ, въ какомъ видѣ нашла дѣтей; мы очень обрадовались ея ласковымъ рѣчамъ и очень ее полюбили. Одно смутило меня: приказанье ѣсть потихоньку подаренныя ею лакомства. Мать и отецъ пріучали меня ничего тихонько не дѣлать, и я рѣшился спрятать изюмъ и черносливъ до пріѣзда матери. Третья тетушка, Елизавета Степановна, которую всѣ называли генеральшей, пріѣзжала на короткое время: эта тетушка была прегордая и ничего съ нами не говорила. Она привезла съ собою двухъ дочерей, которыя были постарше меня; она оставила ихъ погостить у дѣдушки съ бабушкой и сама дня черезъ три уѣхала. Повидимому пребываніе двухъ двоюродныхъ сестрицъ могло бы развеселить насъ и сдѣлать нашу жизнь болѣе пріятною, но вышло совсѣмъ не такъ, и положеніе наше стало еще грустнѣе, по крайней мѣрѣ мое. Я очень видѣлъ, что съ ними поступаютъ совсѣмъ не такъ, какъ съ нами; ихъ и любили, и ласкали, и веселили, и угощали разными лакомствами; имъ даже чай наливали слаще, чѣмъ намъ: я узналъ это нечаянно, взявши ошибкой чашку двоюродной сестры. Дѣвочки эти, разумѣется, ни въ чемъ не были виноваты: онѣ чуждались насъ; но, какъ ихъ научали и какъ имъ приказывали, такъ онѣ и обходились съ нами. Я пробовалъ имъ читать, но онѣ не хотѣли слушать и называли меня дьячкомъ. Онѣ были въ домѣ *свои:* вся дѣвичья и вся дворня ихъ знала и любила, и имъ было очень

весело, а на насъ никто и не смотрѣлъ. Я часто слышалъ сквозь дверь, въ коррндорѣ шепотъ и сдержанный смѣхъ, а иногда и хохотъ и возню; Евсеичъ сказывалъ мнѣ, что это горничныя дѣвушки играли съ барышнями и прятались за сундуками въ перинахъ и подушкахъ, которыми былъ заваленъ, по обѣимъ сторонамъ, широкій корридоръ. Евсеичъ предлагалъ и мнѣ поиграть; и мнѣ самому иногда хотѣлось, но у меня не доставало для этого смѣлости, да и мать, уѣзжая, запретила намъ входить въ какія-нибудь игры или разговоры съ Багровской прислугой. Евсеичъ въ продолженіе этихъ тяжелыхъ пяти недѣль сдѣлался совершенно моимъ дядькой, и я очень полюбилъ его. Я даже читывалъ ему иногда „Дѣтское чтеніе“. Однажды я прочелъ ему: „Повѣсть о несчастной семьѣ [1]), жившей подъ снѣгомъ“. Выслушавъ ее, онъ сказалъ: „не знаю, соколикъ мой (такъ онъ звалъ меня всегда), все ли правда тутъ написано; а вотъ здѣсь въ деревнѣ, прошлой зимою, доподлинно случилось, что мужикъ Ареѳій Никитинъ поѣхалъ за дровами въ лѣсъ, въ общій колокъ, всего версты четыре, да и запоздалъ; поднялся буранъ, лошаденка была плохая, да и самъ онъ былъ плохъ; показалось ему, что онъ не по той дорогѣ ѣдетъ, онъ и пошелъ отыскивать дорогу, снѣгъ былъ глубокій, онъ выбился изъ силъ, завязъ въ долочкѣ — такъ его снѣгомъ тамъ и занесло. Лошадь постояла, отдохнула, видно прозябла, и пошла шажкомъ, да и пришла домой съ возомъ. Дома Ареѳья ждали; увидали, что лошадь пришла одна, дали знать старостѣ, подняли тревогу, и мужиковъ съ десятокъ поѣхали отыскивать Ареѳья. Буранъ былъ страшный, зги не видать! поѣздили, поискали, да такъ ни съ чѣмъ и воротились. На другой день вся барщина ѣздила отыскивать, и также ничего не нашли. Ужь на третій день, совсѣмъ по другой дорогѣ, ѣхалъ мужикъ изъ Кудрина, ѣхалъ онъ съ звѣровой собакой; собака и причуяла что-то недалеко отъ дороги и начала лапами снѣгъ разгребать; мужикъ былъ охотникъ, остановилъ лошадь и подошелъ посмотрѣть, что тутъ такое есть; и видитъ, что собака выкопала нору, что оттуда паръ идетъ; вотъ и принялся онъ разгребать, и видитъ, что внутри пустое мѣсто, ровно медвѣжья берлога, и видитъ, что въ ней человѣкъ лежитъ, спитъ, и что кругомъ

---

[1]) Дѣтское чтеніе, часть 1-я.

его все обтаяло; онъ зналъ про Areѳья и догадался, что это онъ. Мужикъ поскорѣе прикрылъ дыру снѣжкомъ, палъ на лошадь, да и прискакалъ къ намъ въ деревню. Народъ мигомъ собрался. Поскакали съ лопатами, откопали Areѳья, взвалили на сани, прикрыли шубой и привезли домой. Дома его въ избу не вдругъ внесли, а сначала долго оттирали снѣгомъ, а онъ весь былъ талый. Areѳій отъ стужи и снѣгу ровно проснулся; тогда внесли его въ избу, но онъ все былъ безъ памяти. Ужь на другой день пришелъ въ себя, и ѣсть попросилъ. Теперь здоровъ, только какъ-то говорить сталъ дурно. — Вотъ это, мой соколикъ, ужь настоящая правда. Коли хочешь, то я тебѣ покажу его, когда онъ придетъ на барскій дворъ. Съ тѣхъ поръ его зовутъ не Areѳій, а Areва [1])". Разсказъ объ Areѳьѣ очень меня занялъ, и черезъ нѣсколько дней Евсеичъ мнѣ показалъ его, потому что онъ приходилъ къ дѣдушкѣ чего-то просить. Areѳья всѣ называли дурачкомъ, и въ самомъ дѣлѣ онъ ничего не умѣлъ разсказать мнѣ, какъ его занесло снѣгомъ и что съ нимъ потомъ было.

Я попросилъ одинъ разъ у тетушки какихъ-нибудь книжекъ почитать. Оказалось, что ея библіотека состояла изъ трехъ книгъ: изъ „Пѣсенника", „Сонника" и какого-то театральнаго сочиненія въ родѣ водевиля. Пѣсенника почему-то она не разсудила дать мнѣ, а Сонникъ и театральную піеску отдала. Обѣ книжки сдѣлали на меня сильное впечатлѣніе. Я выучилъ наизусть, что какой сонъ значитъ, и долго любилъ толковать сны свои и чужіе, долго вѣрилъ правдѣ этихъ толкованій, и только въ университетѣ совершенно истребилось во мнѣ это суевѣріе. Толкованія сновъ въ Сонникѣ были крайне нелѣпы, не имѣли даже никакихъ, самыхъ пустыхъ, извѣстныхъ въ народѣ, основаній и при-

---

[1]) Замѣчательно, что этотъ несчастный Areѳій, не замерзшій въ продолженіи трехъ дней подъ снѣгомъ, въ жестокіе зимніе морозы,—замерзъ лѣтъ черезъ 25-ть, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, при самомъ легкомъ морозѣ, послѣдовавшемъ послѣ сильнаго дождя! Онъ точно также ѣздилъ въ лѣсъ за дровами, въ тотъ же общій колокъ, также потерялъ лошадь, которая пришла домой, и также вѣроятно бродилъ, отыскивая дорогу. Разумѣется онъ измокъ, иззябъ и до того, какъ видно, выбился изъ силъ, что наконецъ, найдя дорогу, у самой околицы упалъ въ маленькій овражекъ и не имѣлъ силъ вылѣзть изъ него. Осенняя ночь длинна, и потому не извѣстно, когда онъ попалъ въ овражекъ; но на другой день, часовъ въ 8 утра, поѣхавъ на охоту, молодой Багровъ нашелъ его уже мертвымъ и совершенно окоченѣвшимъ. *Примѣч. С. А.*

мѣненій. Я помню нѣкоторыя даже теперь. Вотъ нѣсколько примѣровъ: „ловить рыбу значитъ несчастіе. Ѣхать на телѣгѣ, означаетъ смерть. Видѣть себя во снѣ въ навозѣ предвѣщаетъ богатство“.—Театральная піеска имѣла двойное названіе; перваго не помню, а второе было: „Драматическая пустельга“. И точно, это была пустельга.... но какъ она мнѣ понравилась! Начиналась она такъ: пастушка или крестьянская дѣвушка гнала домой стадо гусей и пѣла куплетъ, который начинался и оканчивался припѣвомъ:

Тига, тига домой,
Тига. тига за мной.

Помню еще два стишка изъ другого куплета:

Вотъ василекъ
Милый цвѣтокъ.

Больше ничего не помню; знаю только, что содержаніе состояло изъ любви пастушки къ пастуху, что бабушка сначала не соглашалась на ихъ свадьбу, а потомъ согласилась. Съ этого времени глубоко запала въ мой умъ склонность къ театральнымъ сочиненіямъ и росла съ каждымъ годомъ.

Дѣдушка получилъ только одно письмо изъ Оренбурга съ приложеніемъ маленькой записочки ко мнѣ отъ матери, написанной крупными буквами, чтобъ я лучше могъ разобрать; эта записочка доставила мнѣ великую радость. Тутъ примѣшивалась новость впечатлѣнія особаго рода: въ первый разъ услышалъ я рѣчь, обращенную ко мнѣ изъ-за нѣсколькихъ сотъ верстъ, и отъ кого же?—Отъ матери, которую я такъ горячо любилъ, о которой безпрестанно думалъ и часто тосковалъ. До сихъ поръ еще никто ко мнѣ не писалъ ни одного слова, да я не умѣлъ и разбирать писаннаго, хотя хорошо читалъ печатное.

Пошла уже пятая недѣля, какъ мы жили одни. и наконецъ такая жизнь начала сильно дѣйствовать на мой дѣтскій умъ и сердце. Чувство какого-то сиротства и робкой грусти выражалось не только на моемъ лицѣ, но даже во всей моей наружности. Я сталъ разсѣянно играть съ сестрицей, разсѣянно читать свои книжки и слушать разсказы Евсеича. Часто, разогнувъ „Дѣтское чтеніе“, я задумывался, и мое ребячье воображеніе рисовало мнѣ печальныя, а потомъ и

страшныя картины. Мнѣ представлялось, что маменька умираетъ, умерла, что умеръ также и мой отецъ и что мы остаемся жить въ Багровѣ, что насъ будутъ наказывать, одѣнутъ въ крестьянское платье, сошлютъ въ кухню (я слыхалъ о наказаніяхъ такого рода) и что наконецъ и мы съ сестрицей оба умремъ. Воображаемыя картины часъ отъ часу становились ярче, и сидя за книжкой надъ какимъ-нибудь веселымъ разсказомъ, я заливался слезами. Сестрица бросалась обнимать меня, цѣловать, спрашивать, и не всегда получая отъ меня отвѣты, сама принималась плакать, не зная о чемъ. Евсеичъ и нянька, которая въ ожиданіи молодыхъ господъ (такъ называли въ домѣ моего отца и мать) начала долѣе оставаться съ нами,—не знали, что и дѣлать. Обыкновенныя въ такихъ случаяхъ уговариванья и утѣшенья не имѣли успѣха. На вопросы, о чемъ мы плачемъ, я отвѣчалъ, что „вѣрно маменька больна, или умираетъ"; а сестрица отвѣчала, что „ей жалко, когда братецъ плачетъ". Сказали о нашихъ слезахъ тетушкѣ. Она приходила къ намъ, и на свои о томъ же вопросы получала такіе же отвѣты. Тетушка уговаривала насъ не плакать и увѣряла, что маменька здорова, что она скоро воротится и что ее ждутъ каждый день; но я былъ такъ убѣжденъ въ моихъ печальныхъ предчувствіяхъ, что рѣшительно не повѣрилъ тетушкинымъ словамъ и упорно повторялъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: „вы нарочно такъ говорите". Тетушка съ досадою ушла отъ насъ. На другой день, когда мы пришли здороваться къ дѣдушкѣ, онъ довольно сурово сказалъ мнѣ: „я слышу, что ты все хнычешь, ты плакса, а глядя на тебя и козулька плачетъ. Чтобъ я не слыхалъ о твоихъ слезахъ". Я такъ испугался, что даже поблѣднѣлъ, какъ мнѣ послѣ сказывали, и точно, я не смѣлъ плакать весь этотъ день, но за то проплакалъ почти всю ночь. Дѣдушки я сталъ бояться еще болѣе. Въ подражаніе тетушкинымъ словамъ и Евсеичъ и нянька безпрестанно повторяли: „маменька здорова, маменька сейчасъ пріѣдетъ, вотъ ужь она подъѣзжаетъ къ околицѣ и мы пойдемъ ихъ встрѣчать"..... Послѣднія слова сначала производили на меня сильное впечатлѣніе, сердце у меня такъ и билось, но потомъ мнѣ было досадно ихъ слушать. Прошло еще два дня; тоска моя еще болѣе усилилась, и я потерялъ всякую способность чѣмъ-нибудь заниматься. Милая моя сестрица не отходила отъ меня ни на шагъ: часто она просила меня поиграть съ

ней, или почитать ей книжку, или разсказать что-нибудь. Я исполнялъ ея просьбы, но такъ неохотно, вяло и невесело, что не рѣдко посреди игры или чтенія я переставалъ играть или читать и мы, молча, печально смотрѣли другъ на друга и глаза наши наполнялись слезами. Въ одинъ изъ такихъ скучныхъ, тяжелыхъ дней вбѣжала къ намъ въ комнату дѣвушка Ѳеклуша и громко закричала: „молодые господа ѣдутъ". Странно, что я не вдругъ и не совсѣмъ повѣрилъ этому извѣстію. Конечно, я привыкъ слышать подобныя слова отъ Евсеича и няньки; но все странно, что я такъ недовѣрчиво обрадовался; впрочемъ, слава Богу, что такъ случилось: еслибъ я совершенно повѣрилъ, то кажется сошелъ бы съ ума или захворалъ; сестрица моя начала прыгать и кричать: „маменька пріѣхала, маменька пріѣхала!" Нянька Агаѳья, которая на этотъ разъ была съ нами одна, встревоженнымъ голосомъ спросила: „взаправду что-ли?" „Взаправду, взаправду, ужь близко, отвѣчала Ѳеклуша, Ефремъ Евсеичъ побѣжалъ встрѣчать"—и сама убѣжала.—Нянька проворно оправила наше платье и волосы, взяла обоихъ насъ за руки и повела въ лакейскую; двери были растворены настежъ, въ сѣняхъ уже стояла бабушка, тетушка и двоюродныя сестрицы. Дождь лилъ какъ изъ ведра, такъ что на крыльцо нельзя было выйти; подъѣхала карета, въ окошкѣ мелькнулъ образъ моей матери—и съ этой минуты я ничего не помню... Я очнулся или очувствовался уже на колѣняхъ матери, которая сидѣла на канапе, положивъ мою голову на свою грудь. Вотъ была радость, вотъ было счастье!

Какъ только я совсѣмъ оправился и началъ было разспрашивать и разсказывать,—моя мать торопливо встала и ушла къ дѣдушкѣ, съ которымъ она еще не успѣла поздороваться: испуганная моей дурнотой, она не заходила въ его комнату. Черезъ нѣсколько минутъ прислали Евсеичу сказать, чтобъ онъ меня привелъ къ старому барину. На этотъ разъ я пошелъ безъ всякой робости. Тамъ была моя мать, при ней я никого не боялся. Дѣдушка сидѣлъ на кровати, а возлѣ него по одну сторону отецъ, по другую мать. Бабушка сидѣла на дѣдушкиныхъ креслахъ, а тетушка и двоюродныя сестрицы на стульяхъ. Я не видѣлъ, или, лучше сказать, не помнилъ, что видѣлъ отца, а потому обрадовавшись прямо бросился къ нему на шею и началъ его обнимать и цѣловать.—„А, такъ ты также и отца любишь, какъ

мать, весело сказалъ дѣдушка, а я думалъ, что ты только по ней соскучился. Ну, Софья Николавна, продолжалъ онъ, сынокъ твой плакса, на всѣхъ тоску нагналъ, и козулька отъ него не мало поплакала. Я ужь на него прикрикнулъ маленько, такъ онъ поунялся". Мать отвѣчала, что я привыкъ къ ней во время своей продолжительной болѣзни. Милая моя сестрица была такъ смѣла, что я съ удивленіемъ смотрѣлъ на нее: когда я входилъ въ комнату, она побѣжала мнѣ на встрѣчу съ радостными криками: „маменька пріѣхала, тятенька пріѣхалъ!" а потомъ съ такими же восклицаніями перебѣгала отъ матери къ дѣдушкѣ, къ отцу, къ бабушкѣ и къ другимъ; даже вскарабкалась на колѣни къ дѣдушкѣ.

Отецъ съ матерью пріѣхали передъ обѣдомъ часа за два. Послѣ обѣда всѣ разошлись по обыкновенію отдыхать, а мы остались одни. Я разсказывалъ отцу и матери подробно все время нашего пребыванія безъ нихъ. Я не понималъ, что долженъ былъ произвесть мой разсказъ надъ сердцемъ горячей матери, не понималъ, что моему отцу было вдвойнѣ прискорбно его слушать. Впрочемъ еслибъ я и понималъ, я бы всетаки разсказалъ настоящую правду, потому что былъ пріученъ матерью къ совершенной искренности. Нѣсколько разъ мать перерывала мой разсказъ; глаза ея блестѣли, блѣдное ея лицо вспыхивало румянцемъ, и прерывающимся отъ волненія голосомъ начинала она говорить моему отцу не совсѣмъ понятныя мнѣ слова; но отецъ всякій разъ останавливалъ ее знакомъ и успокоивалъ словами: „побереги себя ради Бога, пожалѣй Сережу. Что онъ долженъ подумать?"... И всякій разъ мать овладѣвала собой и заставляла меня продолжать разсказъ. Когда я кончилъ, она выслала насъ съ сестрой въ залу, приказавъ нянькѣ, чтобы мы никуда не ходили и сидѣли тихо, потому что хочетъ отдохнуть; но я скоро догадался, что мы высланы для того, чтобы мать съ отцомъ могли поговорить безъ насъ. Я даже слышалъ сквозь запертую и завѣшенную дверь, сначала выразительный и явственный шопотъ, а потомъ и жаркій разговоръ въ полголоса, при чемъ иногда вырывались и громкія слова. Понимая дѣло только въ половину, я однако догадывался, что маменька гнѣвается за насъ на дѣдушку, бабушку и тетушку, и что мой отецъ за нихъ заступается; изъ всего этого я вывелъ почему-то такое заключеніе, что мы должны скоро уѣхать, въ чемъ и не ошибся.

Я въ свою очередь разспросилъ также отца и мать о томъ, что случилось съ ними въ Оренбургѣ. Изъ разсказовъ ихъ и разговоровъ съ другими я узналъ, къ большой моей радости, что докторъ Деобольдъ не нашелъ никакой чахотки у моей матери, но за то нашелъ другія важныя болѣзни, отъ которыхъ и началъ было лѣчить ее; что лѣкарства ей очень помогли сначала, но что потомъ она стала тосковать о дѣтяхъ и докторъ принужденъ былъ ее отпустить; что онъ далъ ей лѣкарствъ на всю зиму, а весною приказалъ пить кумысъ, и что для этого мы поѣдемъ въ какую-то прекрасную деревню, и что мы съ отцомъ и Евсеичемъ будемъ тамъ удить рыбку. Все это меня успокоило и обрадовало, особенно потому, что другіе говорили, да я и самъ видѣлъ, что маменька стала здоровѣе и крѣпче. Робость моя вдругъ прошла, и печальное Багрово какъ будто повеселѣло. Мнѣ показалось даже, а можетъ-быть оно и въ самомъ дѣлѣ было такъ, что всѣ стали къ намъ ласковѣе, внимательнѣе и больше заботились о насъ. По ребячеству моему я подумалъ, что всѣ насъ полюбили. Впрочемъ я и теперь думаю, что въ эту послѣднюю недѣлю нашего пребыванія въ Багровѣ дѣдушка точно полюбилъ меня, и полюбилъ именно съ той поры, когда самъ увидѣлъ, что я горячо привязанъ къ отцу. Онъ даже высказалъ мнѣ, что считалъ меня баловнемъ матери, матушкинымъ сынкомъ, который отца совсѣмъ не любитъ, а родныхъ его и подавно, и всѣмъ въ Багровѣ „брезгуетъ"; очевидно, что это было ему насказано, а моя неласковость, печальный видъ и робость, даже страхъ, внушаемый его присутствіемъ, утвердили старика въ такихъ мысляхъ. Теперь же, когда онъ приласкалъ меня, когда прошелъ мой страхъ и тоска по матери, когда на сердцѣ у меня повеселѣло, и я самъ сталъ къ нему ласкаться,—весьма естественно, что онъ полюбилъ меня. Въ нѣсколько дней я какъ будто переродился: сталъ живъ, даже рѣзовъ; къ дѣдушкѣ сталъ бѣгать безпрестанно, разсказывать ему всякую всячину и сейчасъ попотчивалъ его чтеніемъ „Дѣтскаго чтенія", и все это дѣдушка принималъ благосклонно; угрюмый старикъ также какъ будто сталъ добрымъ и ласковымъ старикомъ. Я живо помню, какъ онъ любовался на нашу дружбу съ сестрицей, которая, сидя у него на колѣняхъ и слушая мою болтовню или чтеніе, вдругъ безъ всякой причины спрыгивала на полъ, подбѣгала ко мнѣ, обнимала и

цѣловала, и потомъ возвращалась назадъ и опять всползала къ дѣдушкѣ на колѣни; на вопросъ же его: „что ты, козулька, вскочила?“ она отвѣчала: „захотѣлось братца поцѣловать“. Однимъ словомъ, у насъ съ дѣдушкой образовалась такая связь и любовь, такія прямыя сношенія, что передъ ними всѣ отступили и не смѣли мѣшаться въ нихъ. Двоюродныя наши сестрицы, которыя прежде были въ большой милости, сидѣли теперь у печки на стульяхъ, а мы у дѣдушки на кровати; видя, что онъ не обращаетъ на нихъ никакого вниманья, а занимается нами, генеральскія дочки (какъ ихъ называли), соскучась молчать и не принимая участія въ нашихъ разговорахъ, уходили потихоньку изъ комнаты въ дѣвичью, гдѣ было имъ гораздо веселѣе.

Хотя мать мнѣ ничего не говорила, но я узналъ изъ ея разговоровъ съ отцомъ, иногда не совсѣмъ пріятныхъ, что она имѣла недружелюбныя объясненія съ бабушкой и тетушкой, или просто сказать ссорилась съ ними, и что бабушка отвѣчала: „нѣтъ, невѣстушка, не взыщи; мы къ твоимъ дѣтямъ и приступиться не смѣли. Гдѣ намъ мѣшаться не въ свое дѣло? У васъ порядки городскіе, а у насъ деревенскіе.“— Всего же болѣе мать сердилась на нашу няньку и очень ее бранила. Нянька Агаѳья плакала, и мнѣ было очень ее жаль, а въ то же время она все говорила неправду; клялась и божилась, что отъ насъ и денно и нощно не отходила, и ссылалась на меня и на Евсеича. Я попробовалъ даже сказать ей: „зачѣмъ ты, нянюшка, говоришь неправду?“ Она отвѣчала, что грѣхъ мнѣ на нее нападать, и заплакала навзрыдъ. Я сталъ въ тупикъ; мнѣ приходило даже въ голову: ужь въ самомъ дѣлѣ не солгалъ ли я на няньку Агаѳью; но Евсеичъ, который въ глаза уличалъ ее, что она все бѣгала по избамъ, успокоилъ мою робкую, ребячью совѣсть. Послѣ этого мать сказала отцу, что она ни за что на свѣтѣ не оставитъ Агаѳью въ нянькахъ и что, пріѣхавъ въ Уфу, непремѣнно ее отпуститъ.

Начали поспѣшно сбираться въ дорогу. Срокъ отпуска моего отца уже прошелъ, да и время было осеннее. За день до нашего отъѣзда пріѣхала тетушка Аксинья Степановна. Мы съ сестрицей очень обрадовались доброй тетушкѣ и очень къ ней ласкались. Моя мать, при дѣдушкѣ и при всѣхъ, очень горячо ее благодарила за то, что она не оставила своего крестника и его сестры своими ласками и вни-

ніемъ, и увѣряла ее, что, покуда жива, не забудетъ ея родственной любви. Какъ я ни былъ малъ, но замѣтилъ, что бабушка и тетушка Татьяна Степановна чего-то очень перепугались. Послѣ я узналъ, что онѣ боялись дѣдушки. Я даже слышалъ какъ мой отецъ пенялъ моей матери и говорилъ: „хорошо, что батюшка не вслушался, какъ ты благодарила сестру Аксинью Степановну, и не догадался, а то могла бы выйти бѣда. Вѣдь ужь ты выговорила свое неудовольствіе и матушкѣ и сестрѣ; зачѣмъ же ихъ подводить подъ гнѣвъ? Вѣдь мы завтра уѣдемъ“. Мать со вздохомъ отвѣчала, что сердце не вытерпѣло и что она на ту минуту забылась и точно поступила неосторожно. Когда же крестная мать пришла къ намъ въ комнату, то мать опять благодарила ее со слезами и цѣловала ея руки.

Наконецъ мы совсѣмъ уложились и собрались въ дорогу. Дѣдушка ласково простился съ нами, перекрестилъ насъ и даже сказалъ: „Жаль, что ужь время позднее, а то бы еще съ недѣльку надо вамъ погостить. Невѣстынькѣ съ дѣтьми было безпокойно жить; ну, да я пристрою ей особую горницу“. Всѣ прочія прощались не одинъ разъ; долго цѣловались, обнимались и плакали. Я совершенно повѣрилъ, что насъ очень полюбили, и мнѣ всѣхъ было жаль, особенно дѣдушку.

Обратная дорога въ Уфу, также черезъ Парашино, гдѣ мы только переночевали, уже совсѣмъ была не такъ весела. Погода стояла мокрая или холодная, останавливаться въ полѣ было невозможно, а потому кормежки и ночевки въ чувашскихъ, мордовскимъ и татарскихъ деревняхъ очень намъ наскучили; у Татаръ еще было лучше, потому что у нихъ избы были *бѣлыя*, то-есть, съ трубами, а въ курныхъ избахъ Чувашъ и Мордвы кормежки были нестерпимы: мы такъ рано выѣзжали съ ночевокъ, что останавливались кормить лошадей именно въ то время, когда еще топились печи; надо было лежать на лавкахъ, чтобы не задохнуться отъ дыму, несмотря на растворенную дверь. Мать очень боялась, чтобы мы съ сестрой не простудились, и мы обыкновенно лежали въ пологу, прикрытые теплымъ одѣяломъ. У матери отъ дыму съ непривычки заболѣли глаза и проболѣли цѣлый мѣсяцъ; только въ шестой день пріѣхали мы въ Уфу.

Зима въ Уфѣ.

После такой скучной, продолжительной и утомительной дороги я очень обрадовался нашему уфимскому просторному дому, большимъ и высокимъ комнатамъ, Суркѣ, который мнѣ также очень обрадовался, и свободѣ—бѣгать, играть и шумѣть, гдѣ угодно. Въ домѣ насъ встрѣтили неожиданные гости, которымъ мать очень обрадовалась: это были ея родные братья, Сергѣй Николаичъ и Александръ Николаичъ; они служили въ военной службѣ, въ какомъ-то драгунскомъ полку, и пріѣхали въ домовой отпускъ на нѣсколько мѣсяцевъ. Съ перваго взгляда я полюбилъ обоихъ дядей; оба очень молодые, красивые, ласковые и веселые, особенно Александръ Николаичъ: онъ шутилъ и смѣялся съ утра до вечера и всѣхъ другихъ заставлялъ хохотать. Они воспитывались въ Москвѣ, въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ, любили читать книжки и умѣли наизусть читать стихи; это была для меня совершенная новость: я до тѣхъ поръ не зналъ, что такое стихи и какъ ихъ читаютъ. Въ добавокъ ко всему, дядя Сергѣй Николаичъ очень любилъ рисовать и хорошо рисовалъ; съ нимъ былъ ящичекъ съ соковыми красками и кисточки.... одно ужъ это привело меня въ восхищеніе. Я любилъ смотрѣть картинки, а рисованье ихъ казалось мнѣ чѣмъ-то волшебнымъ, сверхъестественнымъ; я смотрѣлъ на дядю Сергѣя Николаича какъ на высшее существо.

Хотя печальное и тягостное впечатлѣніе житья въ Багровѣ было ослаблено послѣднею недѣлею нашего тамъ пребыванія, хотя длинная дорога также приготовила меня къ той жизни, которая ждала насъ въ Уфѣ; но, несмотря на то, я почувствовалъ необъяснимую радость и потомъ спокойную увѣренность, когда увидѣлъ любовь къ себѣ отъ дядей и отъ близкихъ друзей моего отца и матери, увидѣлъ ласку и привѣтъ отъ всѣхъ нашихъ знакомыхъ. Это произвело на меня такое дѣйствіе, что я вдругъ, какъ говорили, развернулся, то-есть сталъ смѣлѣе прежняго, тверже и бойчѣе. Всѣ говорили, что я перемѣнился, что я выросъ и поумнѣлъ. Должно признаться, что, слыша такіе отзывы, я сталъ самолюбивѣе и самонадѣяннѣе.

Дяди мои помѣстились въ отдѣльной столовой, изъ которой, кромѣ двери въ залу, былъ ходъ черезъ общую или проходную комнату въ большую столярную; прежде это была горница, въ которой у покойнаго дѣдушки Зубина помѣщалась канцелярія, а теперь въ ней жилъ и работалъ столяръ Михей, мужъ нашей няньки Агаѳьи, очень сердитый и грубый человѣкъ. Я прежде о немъ почти не зналъ; но мои дяди любили иногда заходить въ столярную, подразнить Михея, и забавлялись тѣмъ, что онъ сердился, гонялся за ними съ деревяннымъ молоткомъ, бранилъ ихъ и даже иногда бивалъ, что доставляло имъ большое удовольствіе и чему они отъ души хохотали. Мнѣ тоже казалось это забавнымъ, и не подозрѣвалъ я тогда, что самъ буду много терпѣть отъ подобной забавы.

Здоровье моей матери видимо укрѣплялось, и я замѣтилъ, что къ намъ стало ѣздить гораздо больше гостей, чѣмъ прежде; впрочемъ это могло мнѣ показаться: прошлаго года я былъ еще малъ, не совсѣмъ поправился въ здоровьѣ и менѣе обращалъ вниманія на все, происходившее у насъ въ домѣ. Всѣхъ знакомыхъ ѣздило очень много; но я ихъ мало зналъ. Мнѣ хорошо извѣстны и памятны только тѣ, которые бывали у насъ почти ежедневно, и которые, какъ видно, очень любили моего отца и мать, и насъ съ сестрицей. Это были: старушка Мертваго и двое ея сыновей Дм. Бор. и Ст. Бор. Мертваго, Чичаговы, Княжевичи, у которыхъ двое сыновей были почти однихъ лѣтъ со мною, Воецкая, которую я особенно любилъ за то, что ее звали, также какъ и мою мать, Софьей Николавной, и сестрица ея, дѣвушка Пекар-

ская: изъ военныхъ всѣхъ чаще бывали у насъ генералъ Мансуровъ съ женою и двумя дочерьми, генералъ графъ Ланжеронъ и полковникъ Л. И. Энгельгардтъ; полковой же же адъютантъ Волковъ и другой офицеръ Христофовичъ, которые были дружны съ моими дядями, бывали у насъ каждый день; докторъ Авенаріусъ—также: это былъ давнишній другъ нашего дома. Съ дѣтьми Княжевичей и Мансуровыхъ мы были дружны и часто вмѣстѣ игрывали. Дѣти Княжевичей были молодцы, потому что отецъ и мать воспитывали ихъ безъ всякой нѣги: они не знали простуды и ѣли все, что имъ вздумается, а я, напротивъ, кромѣ ежедневныхъ діэтныхъ кушаній, не смѣлъ ничего съѣсть безъ позволенія матери; въ сырую же погоду меня не выпускали изъ комнаты. Надо вспомнить, что я года полтора былъ боленъ при смерти, и потому не удивительно, что меня берегли и нѣжили; но милая моя сестрица даромъ попала на такую же діэту и береженье отъ воздуха. Иногда гости пріѣзжали обѣдать, и Боже мой! какъ хлопотала моя мать съ поваромъ Макеемъ, весьма плохо разумѣвшимъ свое дѣло. Миндальное пирожное всегда приготовляла она сама, и смотрѣть на это приготовленье было однимъ изъ любимыхъ моихъ удовольствій. Я внимательно наблюдалъ, какъ она обдавала миндаль кипяткомъ, какъ счищала съ него разбухшую кожицу, какъ выбирала миндалины только самыя чистыя и бѣлыя, какъ заставляла толочь ихъ, если пирожное приготовлялось изъ миндальнаго тѣста, или, какъ сама рѣзала ихъ ножницами и, замѣсивъ эти обрѣзки на яичныхъ бѣлкахъ, сбитыхъ съ сахаромъ, дѣлала изъ нихъ чудныя фигурки: то вѣнки, то короны, то какія-то цвѣточныя шапки или звѣзды; все это сажалось на желѣзный листъ, усыпанный мукою, и посылалось въ кухонную печь, откуда приносилось уже передъ самымъ обѣдомъ, совершенно готовымъ и поджарившимся. Мать, щегольски разодѣтая, по данному ей отъ меня знаку, выбѣгала изъ гостиной, надѣвала на себя высокій бѣлый фартукъ, снимала бережно ножичкомъ чудное пирожное съ желѣзнаго листа, каждую фигурку окропляла малиновымъ сиропомъ, красиво накладывала на большое блюдо и возвращалась къ своимъ гостямъ. Сидя за столомъ, я всегда нетерпѣливо ожидалъ миндальнаго блюда, не столько для того, чтобъ имъ полакомиться, сколько для того, чтобъ порадоваться, какъ гости будутъ хвалить прекрасное пирожное, брать по другой фи-

гуркѣ и говорить, что „ни у кого нѣтъ такого миндальнаго блюда, какъ у Софьи Николавны“. Я торжествовалъ и не могъ спокойно сидѣть на моихъ высокихъ кресельцахъ и непремѣнно говорилъ на ухо сидѣвшему подлѣ меня гостю, что все это маменька дѣлала сама. Я помню, что гости у насъ тогда бывали такъ веселы, какъ послѣ никогда уже не бывали во все остальное время нашего житья въ Уфѣ, а между тѣмъ я и тогда зналъ, что мы всякій день нуждались въ деньгахъ, и что все у насъ въ домѣ было бѣднѣе и хуже, чѣмъ у другихъ. Изъ военныхъ гостей я больше всѣхъ любилъ сначала Льва Николаевича Энгельгардта; по своему росту и дородству онъ казался богатыремъ между другими и къ тому же былъ хорошъ собою. Онъ очень любилъ меня, и я часто сиживалъ у него на колѣняхъ, съ любопытствомъ слушая его громозвучные военные разсказы и съ благоговѣніемъ посматривая на два креста, висѣвшіе у него на груди, особенно на золотой крестикъ съ округленными концами и съ надписью: „Очаковъ взятъ 1788 года 6 декабря“. Я сказалъ, что любилъ его сначала; это потому, что впослѣдствіи я его боялся; онъ напугалъ меня, сказавъ однажды: „хочешь, Сережа, въ военную службу?“ Я отвѣчалъ: „не хочу“.—„Какъ тебѣ не стыдно“, продолжалъ онъ,—„ты дворянинъ и непремѣнно долженъ служить со шпагой, а не съ перомъ. Хочешь въ гренадеры? Я привезу тебѣ гренадерскую шапку и тесакъ“.... Я перепугался и побѣжалъ отъ него. Энгельгардтъ вздумалъ продолжать шутку и на другой день, видя, что я не подхожу къ нему, сказалъ мнѣ: „а, трусишка! Ты боишься военной службы, такъ вотъ я тебя насильно возьму“.... Съ этихъ поръ я ужъ не подходилъ къ полковнику безъ особеннаго приказанія матери, и то со слезами. Въ этомъ страхѣ утверждалъ меня мальчикъ-товарищъ, часто къ намъ ходившій, кривой Андрюшка, сынъ очень доброй женщины, преданной душевно нашему дому. Онъ былъ старше меня, и я ему вѣрилъ. Потомъ мнѣ казалось, что онъ нарочно пугалъ меня.

Послѣ чтенія, лучшимъ моимъ удовольствіемъ было смотрѣть, какъ рисуетъ дядя Сергѣй Николаичъ. Онъ не такъ любилъ ѣздить по гостямъ, какъ другой мой дядя, меньшой его братъ, котораго всѣ называли вѣтренникомъ, и рисовалъ не только для меня маленькія картинки, но и для себя довольно большія картины. Я не могъ бывало дождаться того времени,

когда дядя сядетъ за столъ у себя въ комнатѣ, на которомъ стоялъ уже стаканъ съ водой и чистая фаянсовая тарелка, заранѣе мною приготовленная. За нѣсколько времени до назначеннаго часа я уже не отходилъ отъ дяди и все смотрѣлъ ему въ глаза; а если и это не помогало, то дергалъ его за рукавъ, говоря самымъ просительнымъ голосомъ: „дяденька, пойдемте рисовать". Наконецъ онъ садился за столъ, натиралъ на тарелку краски, обмакивалъ кисточку въ стаканъ,— и глаза мои уже не отрывались отъ его руки, и каждое появленіе новаго листка на деревѣ, носа у птицы, ноги у собаки, или какой-нибудь черты въ человѣческомъ лицѣ, привѣтствовалъ я радостными восклицаніями. Видя такую мою охоту, дядя вздумалъ учить меня рисовать; онъ весьма тщательно приготовилъ мнѣ *оригиналы,* то-есть мелкіе и большіе, полукружечки и полные круги, безъ тушовки и оттушованные, помѣщенные въ квадратикахъ, заранѣе расчерченныхъ, потомъ глазки, брови и проч. Дядя, какъ скоро садился самъ за свою картину, усаживалъ и меня рисовать на другомъ столѣ; но ученіе сначала не имѣло никакого успѣха, потому что я безпрестанно вскакивалъ, чтобы посмотрѣть, какъ рисуетъ дядя; а когда онъ запретилъ мнѣ сходить съ мѣста, то я таращилъ свои глаза на него или влѣзалъ на стулъ, надѣясь хоть что-нибудь увидѣть. Дядя догадался, что прока не будетъ, и началъ заставлять меня рисовать въ другіе часы; онъ не ошибся: въ короткое время я сдѣлалъ блистательные успѣхи для своего возраста. Дядя былъ въ восторгѣ и пророчилъ, что изъ меня выйдетъ необыкновенный рисовальщикъ. Но не всѣ пророчества сбываются, и я въ зрѣлыхъ годахъ не умѣлъ нарисовать того кружечка, который рисовалъ въ ребячествѣ.

По книжной части, библіотека моя, состоявшая изъ 12 частей „Дѣтскаго чтенія" и „Зеркала добродѣтели", была умножена двумя новыми книжками: „Дѣтской библіотекой" Шишкова и „Исторіей о Младшемъ Кирѣ и о возвратномъ походѣ десяти тысячъ Грековъ, сочиненія Ксенофонта". Книги эти подарилъ мнѣ тотъ же добрый человѣкъ, С. И. Аничковъ; къ нимъ прибавилъ онъ еще толстый рукописный томъ, который я теперь и назвать не умѣю. Я помню только, что въ немъ было множество чертежей и плановъ, очень тщательно сдѣланныхъ и разрисованныхъ красками. Ничего не понимая, я съ великимъ наслажденіемъ перелистывалъ эту

книгу, вмѣстѣ съ моею сестрицей, и растолковывалъ ей, что какая фигура представляетъ и значитъ. Я долженъ былъ все сочинять и выдумывать, потому что не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о настоящемъ дѣлѣ. Какъ бы я желалъ теперь услышать мою тогдашнюю болтовню! Дѣтская библіотека, сочиненіе г. Кампе, переведенная съ нѣмецкаго А. С. Шишковымъ, особенно дѣтскія пѣсни, которыя скоро выучилъ я наизусть, привели меня въ восхищеніе [1]): это и не мудрено;

[1]) Александръ Семенычъ Шишковъ, безъ сомнѣнія, оказалъ великую услугу переводомъ этой книжки, которая, несмотря на устарѣлость языка и нравоучительныхъ пріемовъ, до сихъ поръ остается лучшею дѣтскою книгою. Она имѣла много изданій: кажется, первое было сдѣлано въ 1792 году. Въ изданіяхъ, которыя мнѣ случалось видѣть и сличать, текстъ оставался безъ поправки, безъ перемѣнъ. Нѣкоторыя стихотворенія, какъ напримѣръ: „Дитя, разсуждающее здраво", „Дѣтскія забавы", „Фіалка и Терновый кустъ", „Бабочка", „Счастье благодѣтельства", „Николашина похвала зимнимъ утѣхамъ" (лучше всѣхъ написанное)—можно назвать истинными сокровищами для маленькихъ дѣтей. Я имѣю теперь подъ руками три изданія Дѣтской библіотеки: 1806-го (четвертое изданіе), 1820-го и 1846-го годовъ (вѣроятно, ихъ было болѣе десяти); но, къ удивленію моему, не нахожу въ двухъ послѣднихъ небольшой драматической піески, въ которой бѣдный крестьянскій мальчикъ поетъ слѣдующую пѣсню, сложенную для его отца какимъ-то грамотѣемъ. Вотъ она:

Не въ нѣгѣ я родился,
Не въ роскоши я жилъ;
Работалъ и трудился,
И хладъ и зной сносилъ.
Терпя различны муки,
Боролся я съ судьбой;
Мои суровы руки
Не знали, что покой.

Я солнечнаго всходу
Ни разу не проспалъ,
Въ суровую погоду
Укрыться не искалъ.
Но, плугомъ раздирая
Утробу я земли,
То дрогнулъ, промокая,
То весь горѣлъ въ пыли.

За разными трудами
Меня зрѣлъ солнца бѣгъ:
Здѣсь твердыми стѣнами
Одѣлъ я дикой брегъ;
Тамъ каменные домы
Воздвигнулъ для другихъ,
Чуть крышу изъ соломы
Имѣя для своихъ.

но удивительно, что Ксенофонтъ нравился мнѣ не менѣе, а въ послѣдующіе годы сдѣлался моимъ любимымъ чтеніемъ. Я и теперь такъ помню эту книгу, какъ будто она не сходила съ моего стола: даже наружность ея такъ врѣзалась въ моей памяти, что я точно гляжу на нее и вижу чернильныя пятна на многихъ страницахъ, протертыя пальцемъ мѣста и завернувшіеся уголки нѣкоторыхъ листовъ. Сраженіе Младшаго Кира съ братомъ своимъ Артаксерксомъ, его смерть въ этой битвѣ, возвращеніе десяти тысячи Грековъ подъ враждебнымъ наблюденіемъ многочисленнаго персидскаго воинства, греческая фаланга, дорійскія пляски, безпрестанныя битвы съ варварами и наконецъ море, путь возвращенія въ Грецію, которое съ такимъ восторгомъ увидѣло храброе воинство, восклицая: „ѳалатта! ѳалатта!“—все это такъ сжи-

---

Земную жилу роя,
Въ пещерахъ погребенъ,
Я солнечнаго зноя
И свѣта былъ лишенъ.
Въ количествѣ премногомъ
Я злато находилъ—
И въ рубищѣ убогомъ
Весь вѣкъ мой проводилъ.

Однакожъ въ это время,
Бывъ молодъ и здоровъ,
Не чувствовалъ я бремя
Сихъ тягостныхъ трудовъ;
Безъ всякаго излишку
Довольно собиралъ,
Кормилъ свою семьишку,
Былъ сытъ и сладко спалъ.

Но младость промелькнула,
Ея ужь болѣ нѣтъ;
Скорбь лютая согнула
Упругій мой хребетъ....
Мой одръ, гдѣ я, страдая,
Убогъ лежу и сиръ,
Злой смерти ожидая,
Сталъ нынѣ весь мой міръ.

Почему и какъ была исключена драматическая піеса и пѣсня въ изданіяхъ 1820 и 1846 годовъ, не понимаю. Какая надобность была перепечатывать текстъ старыхъ изданій 1790 годовъ, когда было изданіе 1806 года, исправленное и значительно пополненное самимъ Шишковымъ?

А сколько силы и теплоты въ приведенной мною пѣснѣ, несмотря на неприличную для крестьянина книжность нѣкоторыхъ словъ и выраженій, хотя это извиняется тѣмъ, что пѣсню написалъ какой-то грамотѣй! Какъ слышна горячая любовь Шишкова къ простолюдину! *С. А.*

лось со мною, что я и теперь помню все съ совершенной ясностью.

Такъ безмятежно и весело текла моя жизнь первые мѣсяцы. Не могу въ точности припомнить, съ какого именно времени начала она возмущаться. Это случилось какъ-то непримѣтно. Оба мои дяди и пріятель ихъ адъютантъ Волковъ получили охоту дразнить меня: сначала военной службой, говоря, что вышелъ указъ, по которому велѣно брать въ солдаты старшаго сына у всѣхъ дворянъ. Хотя я возражалъ, что это неправда, что это все ихъ выдумки, но проказники написали крупными буквами указъ, приложили къ нему какую-то печать—и успѣли напугать меня. Я всего болѣе повѣрилъ кривому Андрюшѣ, который началъ ходить къ намъ всякій день и который вѣроятно былъ въ заговорѣ. Эта глупая забава продолжалась довольно долго и стоила мнѣ многихъ волненій, огорченій и даже слезъ. Всего хуже было то, что я, будучи вспыльчивъ отъ природы, сердился за насмѣшки и началъ говорить грубости, къ чему прежде совершенно не былъ способенъ. Это забавляло всѣхъ; общій смѣхъ ободрялъ меня, и я позволялъ себѣ говорить такія дерзости, за которыя потомъ меня же бранили и заставляли просить извиненія; а какъ я, по ребячеству, находилъ себя совершенно правымъ и не соглашался извиняться, то меня ставили въ уголъ и доводили наконецъ до того, что я просилъ прощенія. Конечно, мать вразумляла меня, что все это однѣ шутки, что за нихъ не должно сердиться, и что надобно отвѣчать на нихъ шутками же; но бѣда состояла въ томъ, что дитя не можетъ ясно различать границъ между шуткою и правдою. Иногда долго я не вѣрилъ словамъ моихъ преслѣдователей и отвѣчалъ на нихъ смѣхомъ, но вдругъ какъ-то начиналъ вѣрить, оскорбляться насмѣшками, разгорячался, выходилъ изъ себя, и дерзкими бранными словами, какъ умѣлъ, отплачивалъ моимъ противникамъ. Всего болѣе доставалось отъ меня Волкову; впрочемъ развязка всегда была для меня слишкомъ не выгодна. Когда надоѣло дразнить меня солдатствомъ, да я и привыкъ къ тому же и не такъ уже раздражался, отыскали другую, не менѣе чувствительную во мнѣ струну. Одинъ разъ вдругъ дядя говоритъ мнѣ потихоньку, съ важнымъ и таинственнымъ видомъ, что Волковъ хочетъ жениться на моей сестрицѣ и увезти съ собой въ походъ. Я повѣрилъ и, не имѣя ни о чемъ понятія, понялъ

только, что хотятъ разлучить меня съ сестрицей и сдѣлать ее чѣмъ-то въ родѣ солдата. Гнѣвъ и ненависть, къ какой только можетъ быть способно сердце дитяти, почувствовалъ я къ Волкову, котораго и прежде не подлюбливалъ. Волковъ на другой день, чтобы поддержать шутку, сказалъ мнѣ съ важнымъ видомъ, что батюшка и матушка согласны выдать за него мою сестрицу, и что онъ проситъ также моего согласія. Изъ этого вышло много весьма печальныхъ исторій: я приходилъ въ бѣшенство, бранился и хотѣлъ застрѣлить изъ пушки Волкова, если онъ только дотронется до моей сестрицы.—Съ этимъ господиномъ въ самое это время случилось смѣшное и непріятное происшествіе, какъ будто въ наказаніе за его охоту дразнить людей, которому я, по глупости моей, очень радовался и говорилъ: „вотъ Богъ его наказалъ за то, что онъ хочетъ увезти мою сестрицу“. Происшествіе состояло въ слѣдующемъ: въ какой-то торжественный праздникъ у губернатора былъ балъ. Волковъ, распудренный, разодѣтый, въ чулкахъ и башмакахъ, передъ самымъ баломъ, заѣхалъ къ намъ, чтобы вмѣстѣ съ моими дядями отправиться къ губернатору. Покуда дяди мои одѣвались, Волковъ отъ нечего дѣлать зашелъ въ столярную къ Михею, и началъ, по обыкновенію, дразнить его и мѣшать работать. Михей былъ особенно не въ духѣ; сначала онъ довольствовался бранными словами, но, выведенный изъ терпѣнія, схватилъ деревянный молотокъ и такъ ловко ударилъ имъ Волкова по лбу, что у него въ одну минуту вскочила огромная шишка и одинъ глазъ запухъ. Ѣхать на балъ было невозможно. Дяди мои хохотали, а бѣдный Волковъ плакалъ отъ боли и досады, что не могъ попасть къ губернатору, гдѣ ему очень хотѣлось потанцовать. Разумѣется, всѣ узнали это происшествіе и долго не могли безъ смѣха смотрѣть на Волкова, который принужденъ былъ нѣсколько дней просидѣть дома и даже не ѣздилъ къ намъ: на цѣлый мѣсяцъ я былъ избавленъ отъ несноснаго дразненья.

Еще прежде я слышалъ мелькомъ, что мой отецъ покупаетъ какую-то башкирскую землю; въ настоящее же время эта покупка совершилась законнымъ порядкомъ. Превосходная земля, слишкомъ семь тысячъ десятинъ, въ тридцати верстахъ отъ Уфы, по рѣкѣ Бѣлой, со множествомъ озеръ, изъ которыхъ одно было длиною около трехъ верстъ, была куплена за небольшую цѣну. Отецъ мой съ жаромъ и по-

дробно разсказалъ мнѣ, сколько тамъ водится птицы и рыбы, сколько родится всякихъ ягодъ, сколько озеръ, какіе чудесные растутъ лѣса. Разсказы его привели меня въ восхищеніе и такъ разгорячили мое воображеніе, что я даже по ночамъ бредилъ новою прекрасною землею! Въ добавокъ ко всему, въ судебномъ актѣ ей дали имя „Сергѣевской пустоши“, а деревушку, которую хотѣли немедленно поселить тамъ въ слѣдующую весну, заранѣе назвали „Сергѣевкой“. Это мнѣ понравилось. Чувство собственности, исключительной принадлежности чего бы то ни было, хотя не вполнѣ, но очень понимается дитятей и составляетъ для него особенное удовольствіе (по крайней мѣрѣ такъ было со мной); а потому и я, будучи вовсе не скупымъ мальчикомъ, очень дорожилъ тѣмъ, что Сергѣевка — *моя:* безъ этого притяжательнаго мѣстоименія я никогда не называлъ ея. Туда весною собиралась моя мать, чтобы пить кумысъ, предписанный ей Деобольтомъ. Я считалъ дни и часы въ ожиданіи этого счастливаго событія и безъ устали говорилъ о Сергѣевкѣ со всѣми гостями, съ отцомъ и матерью, съ сестрицей и съ новою нянькой ея, Парашей. Я забылъ сказать, что Агаѳья уже была давно отставлена. Вмѣсто Параши мать взяла къ себѣ для услугъ горбушку Катерину, *княжну;* такъ всегда ее называли безъ всякой причины, вѣроятно въ шутку. Это была Калмычка, купленная нѣкогда моимъ покойнымъ дѣдушкой Зубинымъ и послѣ его смерти отпущенная на волю. Мать держала ее у себя въ дѣвичей, одѣвала и кормила такъ, изъ сожалѣнья; но теперь, приставивъ свою горничную ходить за сестрицей, она пробовала взять къ себѣ княжну и сначала была ею довольна; но впослѣдствіи не было никакой возможности ужиться съ Калмычкой: лукавая азіатская природа, льстивая и злая, скучливая и непостоянная, скоро до того надоѣла матери, что она отослала горбушку опять въ дѣвичью и запретила намъ говорить съ нею, потому что точно разговоры съ нею могли быть вредны для дѣтей. Катерина имѣла привычку хвалить въ глаза и осыпать самыми униженными ласками всѣхъ господъ, и большихъ и маленькихъ, а за глаза говорила совсѣмъ другое; моему отцу и матери она жаловалась и ябедничала на всѣхъ нашихъ слугъ, а съ ними очень не хорошо говорила про моего отца и мать и чуть было не поссорила ее съ Парашей. Даже намъ съ сестрицей мимоходомъ хотѣла внушить

недобрыя мысли. Я не скрывалъ отъ матери ничего мною слышаннаго, даже ни одной собственной моей мысли, разумѣется все ей разсказалъ, и она поспѣшила удалить отъ насъ это вредное существо. Впрочемъ горбушка, подъ именемъ княжны, прожила въ нашемъ домѣ до глубокой старости.

Когда забылась шишка на лбу, произведенная молоткомъ Михея, Волковъ и мои дяди опять принялись мучить и дразнить меня. На этотъ разъ моя любезная Сергѣевка послужила къ тому весьма дѣйствительнымъ средствомъ. Сначала Волковъ приставалъ, чтобъ я подарилъ ему Сергѣевку, потомъ принимался торговать ее у моего отца; разумѣется, я сердился и говорилъ разныя глупости; наконецъ повторили прежнее средство, еще съ большимъ успѣхомъ: вмѣсто указа о солдатствѣ, сочинили и написали свадебный договоръ, или рядную, въ которой было сказано, что мой отецъ и мать, съ моего согласія, потому что Сергѣевка считалась моей собственностью, отдаютъ ее въ приданое за моей сестрицей въ вѣчное владѣніе П. Н. Волкову. Бумага была подписана моимъ отцомъ и матерью, то-есть подписались подъ ихъ руки; вмѣсто же меня, за неумѣньемъ грамотѣ, росписался дядя мой Сергѣй Николаичъ. Бѣдный мальчикъ былъ совершенно сбитъ съ толку! Не вѣря согласію моего отца и матери, слишкомъ хорошо зная свое несогласіе, въ то же время я вполнѣ повѣрилъ, что эта бумага, которую дядя называлъ купчею крѣпостью, лишаетъ меня и сестры и Сергѣевки; кромѣ мучительной скорби о такихъ великихъ потеряхъ, я былъ раздраженъ и уязвленъ до глубины сердца такимъ наглымъ обманомъ. Бѣшенство мое превзошло всякія границы и помрачило мой разсудокъ. Я осыпалъ дядю всѣми бранными словами, какія только зналъ; назвалъ его подъячимъ, приказнымъ крючкомъ и мошенникомъ, а Волкова, какъ главнаго виновника и преступника, хотѣлъ непремѣнно застрѣлить, какъ только достану ружье, или затравить Суркой (дворовой собаченкой, извѣстной читателямъ); а чтобы не откладывать своего мщенія надолго, я выбѣжалъ, какъ изступленный, изъ комнаты, бросился въ столярную, схватилъ деревянный молотокъ, бѣгомъ воротился въ гостиную и, подошедъ поближе, пустилъ молоткомъ прямо въ Волкова.... Вотъ до чего можно довести добраго и тихаго мальчика такими неразумными шутками! По счастію, ударъ былъ незна-

чителенъ; но со мною поступили строго. Наказаніе, о которомъ прежде я только слыхалъ, было исполнено надо мною: меня одѣли въ какое-то сѣрое, толстое суконное платье и поставили въ уголъ въ совершенно пустой комнатѣ, подъ присмотромъ Ефрема Евсеича. Боже мой, какъ плакала и рыдала моя милая сестрица, бывшая свидѣтельницею происшествія! Дѣло происходило поутру; до самаго обѣда я рвался и плакалъ; напрасно Евсеичъ убѣждалъ меня, что нехорошо такъ гнѣваться, такъ бранить дяденьку и драться съ Петромъ Николаичемъ, что они со мной только пошутили, что маленькія дѣвочки замужъ не выходятъ, и что какъ же можно отнять насильно у насъ Сергѣевку? Напрасно уговаривалъ онъ меня повиниться и попросить прощенья, — я былъ глухъ къ его словамъ. Я наконецъ пересталъ плакать, но ожесточился духомъ и говорилъ, что я не виноватъ; что если они сдѣлали это нарочно, то все равно, и что ихъ надобно за то наказать, разжаловать въ солдаты и послать на войну, и что они должны просить у меня прощенья. Мать, которая страдала больше меня, безпрестанно подходила къ дверямъ, чтобы слышать, что я говорю, и смотрѣть на меня въ дверную щель; она имѣла твердость не входить ко мнѣ до обѣда. Наконецъ она пришла, осталась со мной наединѣ и употребила всѣ усилія, чтобъ убѣдить меня въ моей винѣ. Долго говорила она; ея слова, нѣжныя и грозныя, ласковыя и строгія и всегда убѣдительныя, ея слезы о моемъ упрямствѣ—поколебали меня: я признавалъ себя виноватымъ предъ маменькой и даже дяденькой, котораго очень любилъ, особенно за рисованье, но никакъ не соглашался, что я виноватъ передъ Волковымъ; я готовъ былъ просить прощенье у всѣхъ, кромѣ Волкова. Мать не хотѣла сдѣлать никакой уступки, скрѣпила свое сердце, и, сказавъ, что я останусь безъ обѣда, что я останусь въ углу до тѣхъ поръ, покуда не почувствую вины своей и отъ искренняго сердца не попрошу Волкова простить меня, ушла обѣдать, потому что гости ее ожидали.—Тогда я ничего не понималъ, и только впослѣдствіи почувствовалъ, какихъ терзаній стоила эта твердость материнскому сердцу; но душевная польза своего милаго дитяти, можетъ-быть иногда невѣрно понимаемая, всегда была для нея выше собственныхъ страданій, въ настоящее время очень опасныхъ для ея здоровья. — Евсеичу было приказано сидѣть въ другой

комнатѣ. Я остался одинъ. Тутъ-то наработало мое воображеніе! Я представлялъ себя какимъ-то героемъ, мученикомъ, о которыхъ я читалъ и слыхалъ, страдающимъ за истину, за правду. Я уже видѣлъ свое торжество: вотъ растворяются двери, входятъ отецъ и мать, дяди, гости; начинаютъ хвалить меня за мою твердость, признаютъ себя виноватыми, говорятъ, что хотѣли испытать меня, одѣваютъ въ новое платье и ведутъ обѣдать.... Дверь не отворялась, никто не входилъ, только Евсеичъ начиналъ всхрапывать, сидя въ другой комнатѣ; фантазіи мои разлетались какъ дымъ, а я начиналъ чувствовать усталость, голодъ и головную боль. Но воображеніе мое снова начинало работать, и я представлялъ себя выгнаннымъ за мое упрямство изъ дому, бродящимъ ночью по улицамъ: никто не пускаетъ меня къ себѣ въ домъ; на меня нападаютъ злыя, бѣшеныя собаки, которыхъ я очень боялся, и начинаютъ меня кусать: вдругъ является Волковъ, спасаетъ меня отъ смерти и приводитъ къ отцу и матери; я прощаю Волкова и чувствую какое-то удовольствіе. Множество тому подобныхъ картинъ роилось въ моей головѣ; но вездѣ я былъ первымъ лицомъ, торжествующимъ или погибающимъ героемъ. Слова: герой, конечно, я тогда не зналъ, но заманчивый его смыслъ ясно выражался въ моихъ дѣтскихъ фантазіяхъ. Волненіе, слезы, продолжительное стояніе на ногахъ утомили меня. Конечно, я могъ бы сѣсть на полъ, — въ комнатѣ никого не было; но мнѣ приказано, чтобъ я стоялъ въ углу, и я ни за что не хотѣлъ сѣсть, несмотря на усталость. Часа черезъ два послѣ обѣда приходилъ ко мнѣ нашъ добрый другъ, докторъ Андрей Юрьичъ (Авенаріусъ). Онъ также уговаривалъ меня попросить прощенья у Волкова, — я не согласился. Онъ предложилъ мнѣ съѣсть тарелку супу—я отказался, говоря, что „если маменька прикажетъ, то я буду ѣсть, а самъ я кушать не хочу“. Вскорѣ послѣ Авенаріуса пришла мать; я видѣлъ, что она очень встревожена; она приказала мнѣ ѣсть, и я съ покорностью исполнилъ приказаніе, хотя пища была мнѣ противна. Мать спросила меня: „ты не чувствуешь своей вины передъ Петромъ Николаичемъ, не раскаяваешься въ своемъ поступкѣ, не хочешь просить у него прощенья?“ Я отвѣчалъ, что я передъ Петромъ Николаичемъ не виноватъ, а если маменька прикажетъ, то прощенія просить буду.—„Ты упрямишься, сказала мать. Когда ты одумаешься, то пришли за мой Ев-

сеича: тогда и я прощу тебя". Евсеичъ подалъ свѣчку и поставилъ ее на окошко. Мать ушла, приказавъ ему остаться со мной, сѣсть у дверей и ничего не говорить. Послѣ пищи я вдругъ почувствовалъ себя нездоровымъ: голова разболѣлась и мнѣ стало жарко. Дремота начала овладѣвать мною, колѣнки постепенно сгибались, наконецъ усталость одолѣла меня, я самъ не помню, какъ сползли мои ноги, я присѣлъ въ углу и крѣпко заснулъ. Послѣ разсказали мнѣ, что Евсеичъ и самъ задремалъ, что когда пришелъ отецъ, то нашелъ насъ обоихъ спящими. Я проснулся уже тогда, когда Авенаріусъ щупалъ мою голову и пульсъ; онъ приказалъ отнести меня въ дѣтскую и положить въ постель; у меня сдѣлался сильный жаръ и даже бредъ. Проснувшись, или, лучше сказать, очувствовавшись, на другой день поутру, очень нерано, въ слабости и все еще въ жару, я не вдругъ понялъ, что около меня происходило. Наконецъ все стало мнѣ ясно: я захворалъ отъ волненія и усталости; моя болѣзнь всѣхъ перепугала, а мать привела въ отчаяніе. Дѣйствительно, сбылись мои мечты, хотя отъ другихъ причинъ. Всѣ почувствовали свои вины: дядя Сергѣй Николаевичъ сидѣлъ возлѣ меня и плакалъ; Волковъ стоялъ за дверью, тоже почти плакалъ и не смѣлъ войти, чтобы не раздражить больного: отецъ очень грустно смотрѣлъ на меня, а мать — довольно было взглянуть на ея лицо, чтобъ понять, какую ночь она провела! Вошелъ Авенаріусъ и всѣхъ отъ меня выгналъ, приказавъ на нѣкоторое время оставить меня въ совершенномъ покоѣ. — Я выздоровѣлъ не вдругъ. Дня черезъ два, когда я не лежалъ уже въ постели, я сидѣлъ за столикомъ и во что-то игралъ съ милой сестрицей, которая не знала, какъ высказать свою радость, что братецъ выздоравливаетъ, —вдругъ я почувствовалъ сильное желаніе увидѣть своихъ гонителей, выпросить у нихъ прощенье и такъ примириться съ ними, чтобы никто на меня не сердился. Я сейчасъ вызвалъ изъ спальной мать и сказалъ ей, чего мнѣ хочется. Мать обняла меня и заплакала отъ радости (какъ она мнѣ сказала), что у меня такое доброе сердце. Волковъ былъ въ это время у дядей, и они всѣ трое ту же минуту пришли ко мнѣ. Я съ полной искренностью просилъ ихъ простить меня, особенно Волкова. Меня цѣловали и обѣщали никогда не дразнить. Мать улыбнулась и сказала очень твердо: „Да еслибъ вы и вздумали, то я уже никогда не позволю. Я всѣхъ

больше виновата и всѣхъ больше была наказана. Этого урока я никогда не забуду".

Совершенно выздоровѣвъ, я опять сдѣлался веселъ и рѣзовъ. Я скоро забылъ печальную исторію; но не могъ забыть, что меня назвали неумѣющимъ грамотѣ, и потому росписались за меня въ извѣстной бумагѣ, то-есть мнимой „рядной" или купчей. Я тогда же возражалъ, что это неправда, что я умѣю хорошо читать, а только писать не умѣю; но теперь я захотѣлъ поправить этотъ недостатокъ и упросилъ отца и мать, чтобы меня начали учить писать. Дядя Сергѣй Николаевичъ вызвался удовлетворить моему желанію. Онъ началъ меня учить чистописанію или каллиграфіи, какъ онъ называлъ, и заставилъ выписывать „палочки", чѣмъ я былъ очень недоволенъ, потому что мнѣ хотѣлось прямо писать буквы; но дядя утверждалъ, что я никогда не буду имѣть хорошаго почерка, если не стану правильно учиться чистописанію, что напередъ надобно пройти всю каллиграфическую школу, а потомъ приняться за прописи. Дѣлать нечего, я долженъ былъ повиноваться, но между тѣмъ потихоньку я выучился писать всю азбуку, срисовывая слова съ печатныхъ книгъ. Чистописаніе затянулось; срокъ отпуска моихъ дядей кончался, и они уѣхали въ полкъ, съ твердымъ однако намѣреніемъ выйти немедленно въ отставку, потому что жизнь въ Уфѣ очень имъ понравилась. Уѣзжая, дядя Сергѣй Николаевичъ, который былъ отличный каллиграфъ, уговорилъ моего отца, особенно желавшаго, чтобъ я имѣлъ хорошій почеркъ, взять мнѣ учителя изъ народнаго училища. Учителя звали Матвѣй Васильичъ (фамиліи его я никогда не слыхивалъ); это былъ человѣкъ очень тихій и добрый; онъ писалъ прописи не хуже печатныхъ и принялся учить меня точно такъ же, какъ училъ дядя. Не видя конца палочкамъ съ усами и безъ усовъ, кривымъ чертамъ и оникамъ, я скучалъ и лѣнился, а потому, чтобы мнѣ было охотнѣе заниматься, посадили Андрюшу писать вмѣстѣ со мной. Андрюша началъ учиться чистописанію гораздо прежде меня у того же Матвѣя Васильича въ народномъ училищѣ. Это средство нѣсколько помогло: мнѣ стыдно стало, что Андрюша пишетъ лучше меня, а какъ успѣхи его были весьма незначительны, то я постарался догнать его, и въ самомъ дѣлѣ догналъ довольно скоро. Учитель нашъ имѣлъ обыкновеніе, по окончаніи урока,

продолжавшагося два часа, подписывать на нашихъ тетрадкахъ какое-нибудь изъ слѣдующихъ словъ: „посредственно, не худо, изрядно, хорошо, похвально". Скоро сталъ я замѣчать, что Матвѣй Васильичъ поступаетъ несправедливо и что если мы съ Андрюшей оба писали неудачно, то мнѣ онъ ставилъ „не худо", а ему „посредственно", а если мы писали оба удовлетворительно, то у меня стояло „очень хорошо" или „похвально", а у Андрюши „хорошо"; въ тѣхъ же случаяхъ, впрочемъ довольно рѣдкихъ, когда товарищъ мой писалъ лучше меня, — у насъ стояли одинаковыя одобрительныя слова. Замѣтивъ это, я сталъ разсуждать: отчего такъ поступаетъ нашъ добрый учитель? „Вѣрно онъ меня больше любитъ, подумалъ я, и конечно за то, что у меня оба глаза здоровы, а у бѣднаго Андрюши одинъ глазъ выпятился отъ бѣльма и похожъ на какую-то бѣлую пуговицу". Въ этой мысли вскорѣ убѣдило меня то, что Матвѣй Васильичъ былъ со мною ласковѣе, чѣмъ съ моимъ товарищемъ, чего я прежде не замѣчалъ. Всѣ мои наблюденія и разсужденія, я не замедлилъ сообщить матери и отцу. Они какъ-то переглянулись и улыбнулись, и мнѣ ничего не сказали. Но въ подписяхъ Матвѣя Васильича вскорѣ произошла перемѣна; на тетрадкахъ нашихъ съ Андрюшей появились однѣ и тѣ же слова, у обоихъ или „не худо" или „изрядно" или „хорошо", и я понялъ что отецъ мой вѣрно что-нибудь говорилъ нашему учителю, но обращался Матвѣй Васильичъ всегда лучше со мной, чѣмъ съ Андрюшей.

Я и теперь не могу понять, какія причины заставили мою мать послать меня одинъ разъ въ народное училище, вмѣстѣ съ Андрюшей. Вѣроятно это былъ чей-нибудь совѣтъ, и всего скорѣе М. Д. Княжевича: но, кажется, его дѣти въ училище не ходили. Какъ ни была умна моя мать, но, по ея недостаточному образованію, не могла ей войти въ голову, дикая, тогда, мысль спосылать сына въ народное училище,—мысль, которая теперь могла бы быть для всѣхъ понятною и служить объясненіемъ такого поступка. Какъ бы то ни было, только въ одинъ, очень памятный для меня, день отвезли насъ съ Андрюшей въ саняхъ, подъ надзоромъ Евсеича, въ народное училище, находившееся на другомъ краю города и помѣщавшееся въ небольшомъ деревянномъ домишкѣ. Евсеичъ отдалъ насъ съ рукъ на руки Матвѣю Васильичу, который взялъ меня за руку и ввелъ въ большую

неопрятную комнату, изъ которой несся шумъ и крикъ, мгновенно утихнувшій при нашемъ появленіи, — комнату, всю установленную рядами столовъ со скамейками, какихъ я никогда не видывалъ; передъ первымъ столомъ стояла, утвержденная на какихъ-то подставкахъ, большая черная четвероугольная доска; у доски стоялъ мальчикъ съ обвостреннымъ мѣломъ въ одной рукѣ и съ грязною тряпицей въ другой. Половина скамеекъ была занята мальчиками разныхъ возрастовъ; передъ ними лежали на столахъ тетрадки, книжки и аспидныя доски; ученики были пребольшіе, превысокіе и очень маленькіе, многіе въ однѣхъ рубашкахъ, а многіе одѣтые какъ нищіе. Матвѣй Васильичъ подвелъ меня къ первому столу, велѣлъ ученикамъ потѣсниться и посадилъ съ края, а самъ сѣлъ на стулъ передъ небольшимъ столикомъ, недалеко отъ черной доски; все это было для меня совершенно новымъ зрѣлищемъ, на которое я смотрѣлъ съ жаднымъ любопытствомъ. При входѣ въ классъ Андрюша пропалъ. Вдругъ Матвѣй Васильичъ заговорилъ такимъ сердитымъ голосомъ, какого у него никогда не бывало, и съ какимъ-то напѣвомъ: „не знаешь?—на колѣни!“ и мальчикъ, стоявшій у доски, очень спокойно положилъ на столъ мѣлъ и грязную тряпицу и сталъ на колѣни позади доски, гдѣ уже стояло трое мальчиковъ, которыхъ я сначала не замѣтилъ и которые были очень веселы; когда учитель оборачивался къ нимъ спиной, они начинали возиться и драться. Классъ былъ ариѳметическій. Учитель продолжалъ громко вызывать учениковъ по списку, одного за другимъ; это была въ то же время перекличка: оказалось, что половины учениковъ не было въ классѣ. Матвѣй Васильичъ отмѣчалъ въ спискѣ, кого нѣтъ, приговаривая иногда: „въ третій разъ нѣтъ, въ четвертый нѣтъ — такъ розги!“ Я оцѣпенѣлъ отъ страха. Вызываемые мальчики подходили къ доскѣ и должны были писать мѣломъ требуемыя цыфры и считать ихъ какъ-то отъ правой руки къ лѣвой, повторяя: „единицы, десятки, сотни“. При этомъ счетѣ многіе сбивались, и мнѣ самому казался онъ непонятнымъ и мудренымъ, хотя я давно уже выучился самоучкой писать цифры. Нѣкоторые ученики оказались знающими; учитель хвалилъ ихъ; но и самыя похвалы сопровождались бранными словами, по большей части неизвѣстными мнѣ. Иногда бранное слово возбуждало общій смѣхъ, который вдругъ вырывался и вдругъ утихалъ. Пере-

кликавъ всѣхъ по списку и испытавъ въ степени знанія, Матвѣй Васильичъ задалъ урокъ на слѣдующій разъ: дѣло шло тоже о цифрахъ, объ ихъ мѣстахъ и о значеніи нуля. Я ничего не понялъ, сколько потому, что вовсе не зналъ, о чемъ шло дѣло, столько и потому, что сидѣлъ, какъ говорится, ни живъ, ни мертвъ, пораженный всѣмъ, мною видѣннымъ. Задавъ урокъ, Матвѣй Васильичъ позвалъ сторожей; пришли трое, вооруженные пучками прутьевъ, и принялись сѣчь мальчиковъ, стоявшихъ на колѣняхъ. При самомъ началѣ этого страшнаго и отвратительнаго для меня зрѣлища, я зажмурился и заткнулъ пальцами уши. Первымъ моимъ движеніемъ было убѣжать, но я дрожалъ всѣмъ тѣломъ и не смѣлъ пошевелиться. Когда утихли крики и звѣрскія восклицанія учителя, долетавшія до моего слуха, не смотря на заткнутыя пальцами уши, я открылъ глаза и увидѣлъ живую и шумную около меня суматоху; забирая свои вещи, всѣ мальчики выбѣгали изъ класса, и вмѣстѣ съ ними наказанные, также веселые и рѣзвые, какъ и другіе. Матвѣй Васильичъ подошелъ ко мнѣ съ обыкновеннымъ ласковымъ видомъ, взялъ меня за руку и прежнимъ тихимъ голосомъ просилъ „засвидѣтельствовать его нижайшее почтеніе батюшкѣ и матушкѣ". Онъ вывелъ меня изъ опустѣвшаго класса и отдалъ Евсеичу, который проворно укуталъ меня въ шубу и посадилъ въ сани, гдѣ уже сидѣлъ Андрюша. „Что, понравилось ли вамъ училище?" спросилъ онъ, заглядывая мнѣ въ лицо, и, не получая отъ меня отвѣта, прибавилъ: „никакъ напугались? У насъ это всякій день". Пріѣхавъ домой, я ужасно встревожилъ свою мать, сначала безмолвнымъ волненіемъ и слезами, а потомъ изступленнымъ гнѣвомъ на злодѣйскіе поступки Матвѣя Васильича. Мать ничего не знала о томъ, что обыкновенно происходитъ въ народныхъ училищахъ и конечно ни за что на свѣтѣ не подвергла бы моего сердца такому жестокому потрясенію. Успокоить и утѣшить меня сначала не было никакой возможности; въ эту минуту даже власть матери была безсильна надо мной. Наконецъ, разсказавъ все, до малѣйшей подробности, мною видѣнное и слышанное, изливъ мое негодованіе въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ, какія только зналъ изъ книгъ и разговоровъ, и осудивъ Матвѣя Васильича на всѣ извѣстныя мнѣ казни, я поутихъ и получилъ способность слушать и понимать разумныя рѣчи моей матери. Долго она

говорила со мной, и для моего успокоенія должна была коснуться многаго, еще мнѣ неизвѣстнаго и не вполнѣ мною тогда понятаго. Трудно было примириться дѣтскому уму и чувству съ мыслью, что видѣнное мною зрѣлище не было исключительнымъ злодѣйствомъ, разбоемъ на большой дорогѣ, за которое слѣдовало бы казнить Матвѣя Васильича, какъ преступника, что такіе поступки не только дозволяются, но требуются отъ него, какъ исполненіе его должности; что самые родители высѣченныхъ мальчиковъ благодарятъ учителя за строгость, а мальчики будутъ благодарить со временемъ: что Матвѣй Васильичъ могъ браниться звѣрскимъ голосомъ, сѣчь своихъ учениковъ и оставаться въ то же время честнымъ, добрымъ и тихимъ человѣкомъ. Слишкомъ рано получилъ я это раздирающее впечатлѣніе и этотъ страшный урокъ! онъ возмутилъ ясную тишину моей души. Я долго не могъ успокоиться, а отъ Матвѣя Васильича получилъ такое непреодолимое отвращеніе, что черезъ мѣсяцъ должны были ему отказать. — Чистописаніе продолжалъ я одинъ, а иногда вмѣстѣ съ Андрюшей. Учителя другого въ городѣ не было, а потому мать и отецъ сами исправляли его должность; всего больше они смотрѣли за тѣмъ, чтобъ я писалъ какъ можно похожѣе на прописи. Матери моей какъ-то не совсѣмъ нравилось товарищество Андрюши, и онъ начиналъ рѣже ходить ко мнѣ. Итакъ, все мое дѣтское общество, кромѣ пріѣзжавшихъ иногда маленькихъ гостей Княжевичей и Мансуровыхъ, съ которыми мы очень много играли и рѣзвились,—ограничивалось обществомъ моей милой сестрицы, которая, становясь умнѣе съ каждымъ днемъ, могла уже болѣе раздѣлять всѣ мои наклонности, впечатлѣнія и забавы.

Здоровье матери было лучше прежняго, но не совсѣмъ хорошо; а потому, чтобы намъ можно было воспользоваться лѣтнимъ временемъ, въ Сергѣевкѣ дѣлались приготовленія къ нашему переѣзду: купили нѣсколько избъ и амбаровъ; въ продолженіе великаго поста перевезли и поставили ихъ на новомъ мѣстѣ, которое выбирать ѣздилъ отецъ мой самъ; сколько я ни просился, чтобъ онъ взялъ меня съ собою, мать не отпустила. Сергѣевка исключительно овладѣла моимъ воображеніемъ, которое отецъ ежедневно воспламенялъ своими разсказами. Дорога въ Багрово, природа, со всѣми чудными ея красотами, не были забыты мной, а только нѣсколь-

ко подавлены новостью другихъ впечатлѣній: жизнью въ Багровѣ и жизнью въ Уфѣ; но съ наступленіемъ весны проснулась во мнѣ горячая любовь къ природѣ; мнѣ такъ захотѣлось увидѣть зеленые луга и лѣса, воды и горы, такъ захотѣлось побѣгать съ Суркой по полямъ, такъ захотѣлось закинуть удочку, что все окружающее потеряло для меня свою занимательность, и я каждый день просыпался и засыпалъ съ мыслью о Сергѣевкѣ. Святая недѣля прошла для меня незамѣтно. Я конечно не могъ понимать ея высокаго значенія, но я мало обратилъ вниманія даже на то, что понятно для дѣтей: радостныя лица, праздничныя платья, колокольный звонъ, безпрестанный пріѣздъ гостей, красныя яйца и проч. и проч. Приходская церковь наша стояла на возвышеніи, и снѣгъ около нея давно уже обтаялъ. Великимъ моимъ удовольствіемъ было смотрѣть, какъ бѣгутъ по косогору мутные и шумные потоки весенней воды мимо нашего высокаго крыльца, а еще большимъ наслажденіемъ, которое мнѣ не часто дозволялось,—прочищать палочкой весенніе ручейки. Съ крыльца нашего была видна рѣка Бѣлая, и я съ нетерпѣніемъ ожидалъ, когда она вскроется. На всѣ мои вопросы отцу и Евсѣичу: „когда́ же мы поѣдемъ въ Сергѣевку?“ обыкновенно отвѣчали: „а вотъ, какъ рѣка пройдетъ“.

И наконецъ пришелъ этотъ желанный день и часъ! Торопливо заглянулъ Евсеичъ въ мою дѣтскую и тревожно-радостнымъ голосомъ сказалъ: „Бѣлая тронулась!“ Мать позволила, и въ одну минуту, тепло одѣтый, я уже стоялъ на крыльцѣ и жадно слѣдилъ глазами, какъ шла между неподвижныхъ береговъ огромная полоса синяго, темнаго, а иногда и желтаго льда. Далеко уже уплыла поперечная дорога, и какая-то несчастная черная корова бѣгала по ней, какъ безумная, отъ одного берега до другого. Стоявшія около меня женщины и дѣвушки сопровождали жалобными восклицаніями каждое неудачное движеніе бѣгающаго животнаго, котораго ревъ долеталъ до ушей моихъ, и мнѣ стало очень его жалко. Рѣка на поворотѣ загибалась за крутой утесъ,—и скрылись за нимъ дорога и бѣгающая по ней черная корова. Вдругъ двѣ собаки показались на льду; но ихъ суетливые прыжки возбудили не жалость, а смѣхъ въ окружающихъ меня людяхъ, ибо всѣ были увѣрены, что собаки не утонутъ, а перепрыгнутъ или переплывутъ на берегъ. Я охотно этому вѣрилъ и, позабывъ бѣдную корову, самъ

смѣялся вмѣстѣ съ другими. Собаки не замедлили оправдать общее ожиданіе и скоро перебрались на берегъ. Ледъ все еще шелъ крѣпкою, сплошною, неразрывною безконечною глыбою. Евсеичъ, опасаясь сильнаго и холоднаго вѣтра, сказалъ мнѣ: „пойдемъ, соколикъ, въ горницу; рѣка еще не скоро взломается, а ты прозябнешь. Лучше я тебѣ скажу, когда ледъ начнетъ трескаться“. Я очень неохотно послушался; но за то мать была очень довольна и похвалила Евсеича и меня. Въ самомъ дѣлѣ не ближе какъ черезъ часъ Евсеичъ пришелъ сказать мнѣ, что ледъ на рѣкѣ ломается. Мать опять отпустила меня на короткое время, и, одѣвшись еще теплѣе, я вышелъ и увидѣлъ новую, тоже невиданную мною картину: ледъ трескался, ломался на отдѣльныя глыбы; вода виплескивалась между ними; онѣ набѣгали одна на другую; большая и крѣпкая затопляла слабѣйшую, а если встрѣчала сильный упоръ, то поднималась однимъ краемъ вверхъ, иногда долго плыла въ такомъ положеніи, иногда обѣ глыбы разрушались на мелкіе куски и съ трескомъ погружались въ воду. Глухой шумъ, похожій иногда на скрыпъ или отдаленный стонъ, явственно долеталъ до нашихъ ушей. Полюбовавшись нѣсколько времени этимъ величественнымъ и страшнымъ зрѣлищемъ, я воротился къ матери и долго, съ жаромъ разсказывалъ ей все, что видѣлъ. Пріѣхалъ отецъ изъ присутствія, и я принялся съ новымъ жаромъ описывать ему, какъ прошла Бѣлая, и разсказывалъ ему еще долѣе, еще горячее, чѣмъ матери, потому что онъ слушалъ меня какъ-то охотнѣе. Съ этого дня Бѣлая сдѣлалась постояннымъ предметомъ моихъ наблюденій. Рѣка начала выступать изъ береговъ и затоплять луговую сторону. Каждый день картина измѣнялась, и наконецъ разливъ воды, простиравшійся слишкомъ на восемь верстъ, слился съ облаками. Налѣво виднѣлась необозримая водяная поверхность, чистая и гладкая, какъ стекло, а прямо противъ нашего дома вся она была точно усѣяна иногда верхушками деревъ, а иногда до половины затопленными огромными дубами, вязами и осокорями, вышина которыхъ только тогда вполнѣ обозначилась; они были похожи на маленькіе, какъ будто плавающіе островки.—Долго не сбывала полая вода, и эта медленность раздражала мое нетерпѣніе. Напрасно мать увѣряла меня, что она не поѣдетъ въ Сергѣевку до тѣхъ поръ, покуда не выростетъ трава: я все думалъ, что намъ мѣшаетъ рѣка и что мы оттого не

ѣдемъ, что она не вошла въ берега. Вотъ уже наступила теплая, даже жаркая погода. Бѣлая вошла въ межень, улеглась въ своихъ пескахъ; давно уже зазеленѣли поля и зазеленѣла урема за рѣкою—а мы все еще не ѣхали. Отецъ мой утверждалъ, что трудно проѣхать по тѣмъ мѣстамъ, которыя были залиты весеннею водою, что грязно, топко, и что въ долочкахъ или размыло дорогу, или нанесло на нее илу; но мнѣ всѣ такія препятствія казались совершенно не стоющими вниманія. Желаніе скорѣе переѣхать въ Сергѣевку сдѣлалось у меня болѣзненнымъ устремленіемъ всѣхъ помышленій и чувствъ къ одному предмету; я уже не могъ ничѣмъ заниматься, скучалъ и привередничалъ. Можно было предвидѣть и должно было принять дѣйствительныя мѣры, чтобъ укротить во мнѣ эту страстность, эту способность увлекаться до самозабвенія и впадать въ крайности. Впослѣдствіи я слышалъ сожалѣніе моей матери, что она мало обращала вниманія на эту сторону моего характера, великую помѣху въ жизни и причину многихъ ошибокъ.

Я думалъ, что мы ужъ никогда не поѣдемъ, какъ вдругъ, о счастливый день! мать сказала мнѣ, что мы ѣдемъ завтра. Я чуть не сошелъ съ ума отъ радости. Милая моя сестрица раздѣлала ее со мной, радуясь, кажется, болѣе моей радости. Плохо я спалъ ночь. Никто еще не вставалъ, когда я уже былъ готовъ совсѣмъ. Но вотъ проснулись въ домѣ, начался шумъ, бѣготня, укладыванье, заложили лошадей, подали карету, и наконецъ, часовъ въ 10 утра, мы спустились на перевозъ черезъ рѣку Бѣлую. Въ добавокъ ко всему, Сурка былъ съ нами.

Сергѣевка.

Сергѣевка занимаетъ одно изъ самыхъ свѣтлыхъ мѣстъ въ самыхъ раннихъ воспоминаніяхъ моего дѣтства. Я чувствовалъ тогда природу уже сильнѣе, чѣмъ во время поѣздки въ Багрово; но далеко еще не такъ сильно, какъ почувствовалъ ее черезъ нѣсколько лѣтъ. Въ Сергѣевкѣ я только радовался спокойною радостью, безъ волненія, безъ замиранія сердца. Все время, проведенное мною въ Сергѣевкѣ въ этомъ году, представляется мнѣ веселымъ праздникомъ.

Мы, также какъ и прошлаго года, переправились черезъ Бѣлую въ косной лодкѣ. Такіе же камешки и пески встрѣтили меня на другомъ берегу рѣки; но я уже мало обратилъ на нихъ вниманія,—у меня впереди рисовалась Сергѣевка, *моя* Сергѣевка, съ ея озеромъ, рѣкою Бѣлою и лѣсами. Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ переправы нашей кареты и повозки, съ нетерпѣніемъ смотрѣлъ, какъ выгружались, какъ закладывали лошадей, и очень скучалъ бѣлыми сыпучими песками, по которымъ надобно было тащиться болѣе версты. Наконецъ мы въѣхали въ урему, въ зеленую, цвѣтущую и душистую урему. Веселое пѣніе птичекъ неслось со всѣхъ сторонъ, но всѣ голоса покрывались свистами, раскатами и щелканьемъ соловьевъ. Около деревьевъ въ цвѣту вились и жужжали цѣлые рои пчелъ, осъ и шмелей. Боже мой, какъ было весело!

Слѣды недавно сбывшей воды вездѣ были примѣтны: сухіе прутья, солома, облѣпленная иломъ и землей, уже высохшая отъ солнца, висѣли клочьями на зеленыхъ кустахъ; стволы огромныхъ деревьевъ, высоко отъ корней, были плотно какъ будто обмазаны также высохшею тиной и пескомъ, который свѣтился отъ солнечныхъ лучей. „Видишь, Сережа, какъ высоко стояла полая вода“, говорилъ мнѣ отецъ; „смотри-ка, вонъ этотъ вязъ точно въ шапкѣ отъ разнаго наноса; видно онъ почти весь стоялъ подъ водою“. Многое въ такомъ родѣ объяснялъ мнѣ отецъ, а я, въ свою очередь, объяснялъ моей милой сестрицѣ, хотя она тутъ-же сидѣла и также слушала отца. Скоро и не одинъ разъ подтвердилась справедливость его опасеній; даже и теперь во многихъ мѣстахъ дорога была размыта, испорчена вешнею водою, а въ нѣкоторыхъ долочкахъ было такъ вязко отъ мокрой тины, что сильныя наши лошади съ трудомъ вытаскивали карету. Наконецъ мы выбрались въ чистое поле, побѣжали шибкою рысью и часу въ третьемъ пріѣхали въ такъ-называемую Сергѣевку. Подъѣзжая къ ней, мы опять попали въ урему, то-есть поемное мѣсто, поросшее рѣдкими кустами и деревьями, избитое множествомъ среднихъ и маленькихъ озеръ, уже оброставшихъ зелеными камышами: это была пойма той-же рѣки Бѣлой, протекавшей въ верстѣ отъ Сергѣевки и заливавшей весною эту низменную полосу земли. Потомъ мы поднялись на довольно крутой пригорокъ, на ровной поверхности котораго стояло нѣсколько новыхъ и старыхъ недостроенныхъ избъ; налѣво виднѣлись длинная полоса воды, озеро Кіишки и противоположный берегъ, довольно возвышенный, а прямо противъ насъ лежала разбросанная большая татарская деревня, такъ-называемыхъ „Мещеряковъ“. Направо зеленѣла и сверкала, какъ стеклами, своими озерами пойма рѣки Бѣлой, которую мы сейчасъ переѣхали поперекъ. Мы повернули нѣсколько вправо и въѣхали въ нашу усадьбу, обгороженную свѣжимъ зеленымъ плетнемъ. Усадьба состояла изъ двухъ избъ: новой и старой, соединенныхъ сѣнями; недалеко отъ нихъ находилась людская изба, еще не покрытая; остальную часть двора занимала длинная соломенная повѣть, вмѣсто сарая для кареты и вмѣсто конюшни для лошадей; вмѣсто крыльца къ нашимъ сѣнямъ положены были два камня, одинъ на другой; въ новой избѣ не было ни дверей, ни оконныхъ рамъ, а прорублены только отверстія для нихъ. Мать была не совсѣмъ довольна и вы-

говаривала отцу, но мнѣ все нравилось гораздо болѣе, чѣмъ нашъ городской домъ въ Уфѣ. Отецъ увѣрялъ, что рамы привезутъ завтра и, безъ косяковъ, которые еще не готовы, приколотятъ снаружи, а вмѣсто дверей покуда совѣтовалъ повѣсить коверъ. Стали раскладываться и устраиваться: стулья, кровати и столы были привезены заранѣе. Мы скоро сѣли обѣдать. Кушанье, приготовленное также заранѣе на таганѣ въ ямѣ, вырытой возлѣ забора, показалось намъ очень вкуснымъ. Въ этой ямѣ хотѣли сбить изъ глины лѣтнюю кухонную печь. Мать успокоилась, развеселилась и отпустила меня съ отцомъ на озеро, къ которому стремились всѣ мои мысли и желанія; Евсеичъ пошелъ съ нами, держа въ рукахъ приготовленныя удочки; мать смѣялась, глядя на насъ, и весело сказала: „оконъ и дверей нѣтъ, а удочки у васъ готовы". Я отъ радости ногъ подъ собой не слыхалъ: не шелъ, а бѣжалъ въ припрыжку, такъ, что надо было меня держать за руки. Вотъ оно, наконецъ, мое давно желанное и жданное великолѣпное озеро, въ самомъ дѣлѣ великолѣпное! Озеро Кіишки тянулось разными изгибами, затонами и плесами версты на три; ширина его была очень не ровная: иногда саженъ семьдесятъ, а иногда полверсты. Противоположный берегъ представлялъ лѣсистую возвышенность, спускавшуюся къ водѣ пологимъ скатомъ; налѣво озеро оканчивалось очень близко узкимъ рукавомъ, посредствомъ котораго весною, въ полую воду, заливалась въ него рѣка Бѣлая; направо за изгибомъ не видно было конца озера, по которому, въ полуверстѣ отъ нашей усадьбы, была поселена очень большая мещеряцкая деревня, о которой я уже говорилъ, называвшаяся по озеру также Кіишки. Разумѣется, Русскіе звали ее и озеро, и вновь поселенную русскую деревушку Сергѣевку, просто „Кишки"—и къ озеру очень шло это названіе, вполнѣ обозначавшее его длинное, искривленное протяженіе. Чистая, прозрачная вода, мѣстами очень глубокое, бѣлое, песчаное дно, разнообразное чернолѣсье, отражавшееся въ водѣ, какъ въ зеркалѣ, и обросшее зелеными береговыми травами, все вмѣстѣ было такъ хорошо, что не только я, но и отецъ мой и Евсеичъ пришли въ восхищеніе. Особенно былъ красивъ и живописенъ *нашъ* берегъ, покрытый молодой травой и луговыми цвѣтами, то-есть часть берега, не заселенная и потому ничѣмъ не загаженная; по берегу росло десятка два дубовъ необыкновенной вышины и

толщины. Когда мы подошли къ водѣ, то увидали новые широкіе мостки и привязанную къ нимъ новую лодку: новыя причины къ новому удовольствію. Отецъ мой позаботился объ этомъ заранѣе, потому что вода была мелка и безъ мостковъ удить было бы невозможно: да и для мытья бѣлья оказались они очень пригодны; лодка же назначалась для ловли рыбы сѣтьми и неводомъ. Сзади мостковъ стоялъ огромнѣйшій дубъ въ нѣсколько обхватовъ толщиною; возлѣ него росъ нѣкогда другой дубъ, отъ котораго остался только довольно высокій пень, гораздо толще стоявшаго дуба; изъ любопытства мы влезли на этотъ громадный пень всѣ трое, и конечно занимали маленькій краешекъ. Отецъ мой говорилъ, что на немъ могли бы усѣсться человѣкъ двадцать. Онъ указалъ мнѣ зарубки на дубовомъ пнѣ и на растущемъ дубу и сказалъ, что Башкирцы, настоящіе владѣльцы земли, каждые сто лѣтъ кладутъ такія замѣтки на большихъ дубахъ, въ чемъ многіе старики его увѣряли; такихъ зарубокъ на пнѣ было только двѣ, а на растущемъ дубу пять, а какъ пень былъ гораздо толще и слѣдовательно старѣе растущаго дуба, то и было очевидно, что остальныя зарубки находились на отрубленномъ стволѣ дерева. Отецъ прибавилъ, что онъ видѣлъ дубъ несравненно толще и что на немъ находилось двѣнадцать замѣтокъ, слѣдовательно ему было 1.200 лѣтъ. Не знаю, до какой степени были справедливы разсказы Башкирцевъ, но отецъ имъ вѣрилъ и они казались мнѣ тогда истиной, не подверженной сомнѣнію.

Озеро было полно всякой рыбы и очень крупной; въ половодье она заходила изъ рѣки Бѣлой, а когда вода начинала убывать, то Мещеряки перегораживали плетнемъ узкій и не глубокій протокъ, которымъ соединялось озеро съ рѣкою, и вся рыба оставалась до будущей весны въ озерѣ. Огромныя щуки и жерихи то и дѣло выскакивали изъ воды, гоняясь за мелкою рыбой, которая металась и плавилась безпрестанно. Мѣстами около береговъ и травъ рябила вода отъ рыбьихъ стай, которыя тѣснились на мель и даже выскакивали на береговую траву: мнѣ сказали, что это рыба мечетъ икру. Всего болѣе водилось въ озерѣ окуней и особенно лещей. Мы размотали удочки и принялись удить. Отецъ взялъ самую большую, съ крѣпкою лесой, насадилъ какого-то необыкновенно толстаго червяка и закинулъ, какъ можно дальше: ему хотѣлось поймать крупную рыбу; мы же съ Евсеичемъ удили на среднія

удочки и на маленькихъ навозныхъ червячковъ. Клевъ начался ту же минуту; безпрестанно брали средніе окуни и подлещики, которыхъ я еще и не видывалъ. Я пришелъ въ такое волненіе, въ такой азартъ, какъ говорилъ Евсеичъ, что у меня дрожали руки и ноги, и я самъ не помнилъ, что дѣлалъ. У насъ поднялась страшная возня отъ частаго вытаскиванія рыбы и закидыванія удочекъ, отъ моихъ восклицаній и Евсеичевыхъ наставленій и удерживанья моихъ дѣтскихъ порывовъ, а потому отецъ, сказавъ: „нѣтъ, здѣсь съ вами ничего не выудишь хорошаго", сѣлъ въ лодку, взялъ свою большую удочку, отъѣхалъ отъ насъ нѣсколько десятковъ саженъ подальше, опустилъ на дно веревку съ камнемъ, привязанную къ лодкѣ, и сталъ удить. Множество и легкость добычи охладили однако горячность мою и моего дядьки, который, право, горячился не меньше меня. Онъ сталъ думать, какъ бы и намъ выудить рыбу покрупнѣе. „Давай, соколикъ, удить со дна, сказалъ онъ мнѣ, и станемъ насаживать червяковъ побольше; а я закину третью удочку на хлѣбъ". Я, разумѣется, охотно согласился: наплавки передвинули повыше, такъ что они уже не стояли, а лежали на водѣ, червяковъ насадили покрупнѣе, а Евсеичъ навздѣвалъ ихъ даже десятокъ на свой крючокъ; на третью же удочку насадилъ онъ кусокъ умятаго хлѣба, почти въ орѣхъ величиною. Рыба вдругъ перестала брать, и у насъ наступила совершенная тишина. Какъ нарочно, для подтвержденія словъ моего отца, что съ нами ничего хорошаго не выудишь, у него взяла какая-то большая рыба; онъ долго возился съ нею, и мы съ Евсеичемъ, стоя на мосткахъ, принимали живое участіе. Вдругъ отецъ закричалъ: „сорвалась!" и вытащилъ изъ воды пустую удочку; крючекъ однако остался цѣлъ. „Видно я не далъ хорошенько заглотать", съ досадою сказалъ онъ; снова насадилъ крючекъ и снова закинулъ удочку. Евсеичъ очень горевалъ. „Экой грѣхъ, говорилъ онъ; теперь ужь другая не возьметъ. Ужь первая сорвалась, такъ удачи не будетъ!" Я же, вовсе не видавшій рыбы, потому что отецъ не выводилъ ее на поверхность воды, не чувствовавшій ея тяжести, потому что не держалъ удилища въ рукахъ, не понимавшій, что по согнутому удилищу можно судить о величинѣ рыбы,—я не такъ близко къ сердцу принялъ эту потерю—и говорилъ, что, можетъ-быть, это была маленькая рыбка. Нѣсколько времени мы сидѣли въ совершенной тишинѣ, рыба не трогала. Мнѣ стало скучно и я попросилъ Евсеича

переладить мою удочку по-прежнему; онъ исполнилъ мою просьбу; наплавокъ мой всталъ, и клевъ начался немедленно: но свои удочки Евсеичъ не переправлялъ, и его наплавки спокойно лежали на водѣ. Я выудилъ уже болѣе двадцати рыбъ, изъ которыхъ двухъ не могъ вытащить безъ помощи Евсеича; правду сказать, онъ только и дѣлалъ, что снималъ рыбу съ моей удочки, сажалъ ее въ ведро съ водой, или насаживалъ червяковъ на мой крючокъ; своими удочками ему некогда было заниматься, а потому онъ и не замѣтилъ, что одного удилища уже не было на мосткахъ, и что какая-то рыба утащила его отъ насъ сажень на двадцать. Евсеичъ поднялъ такой крикъ, что испугалъ меня; Сурка, бывшій съ нами, началъ лаять. Евсеичъ сталъ просить и молить моего отца, чтобъ онъ поймалъ плавающее удилище. Отецъ поспѣшно исполнилъ его просьбу: поднялъ камень въ лодку и, гребя весломъ то направо, то налѣво, скоро догналъ Евсеичево удилище, вытащилъ очень большого окуня, не отцѣпляя положилъ его въ лодку и привезъ къ намъ на мостки. Въ этомъ происшествіи я уже принималъ гораздо живѣйшее участіе: крики и тревога Евсеича привели меня въ волненіе; я прыгалъ отъ радости, когда мы перенесли окуня на берегъ, отцѣпили и посадили въ ведро. Вѣроятно рыба была испугана шумомъ и движеньемъ подъѣзжавшей лодки: клевъ прекратился и мы долго сидѣли, напрасно ожидая новой добычи. Только къ вечеру, когда солнышко стало уже садиться, отецъ мой выудилъ огромнаго леща, котораго оставилъ у себя въ лодкѣ, чтобъ не распугать, какъ видно подходившую рыбу; держа обѣими руками леща, онъ показалъ намъ его только издали. У меня начали опять брать подлещики, какъ вдругъ отецъ замѣтилъ, что отъ воды сталъ подыматься туманъ, и приказалъ Евсеичу отвести меня домой. Очень не хотѣлось мнѣ итти; но я уже столько натѣшился рыбною ловлею, что не смѣлъ попросить позволенья остаться, и помогая Евсеичу обѣими руками нести ведро, полное воды и рыбы, хотя въ помощи моей никакой надобности не было и я скорѣе мѣшалъ ему—весело пошелъ къ ожидавшей меня матери. Покуда я удилъ, вытаскивая рыбу или наблюдая за движеніемъ наплавка, или безпрестанно ожидая, что вотъ сейчасъ начнется клевъ—я чувствовалъ только волненіе страха, надежды и какой-то охотничьей жадности; настоящее удовольствіе, полную радость я почувствовалъ только теперь, съ востор-

томъ вспоминая всѣ подробности и пересказывая ихъ Евсеичу, который самъ былъ участникъ моей ловли, слѣдовательно зналъ все такъ же хорошо, какъ и я, но который, будучи истиннымъ охотникомъ, такъ же находилъ наслажденіе въ повтореніи и воспоминаніи всѣхъ случайностей охоты. Мы шли и оба кричали, перебивая другъ друга своими разсказами, даже останавливались иногда, ставили ведро на землю и доканчивали какое-нибудь горячее воспоминаніе: какъ тронуло наплавокъ, какъ его утащило, какъ упиралась или какъ сорвалась рыба; потомъ снова хватались за ведро и спѣшили домой. Мать, сидѣвшая на каменномъ крыльцѣ или, лучше сказать, на двухъ камняхъ, замѣнявшихъ крыльцо для входа въ наше новое, недостроенное жилище, издали услышала, что мы возвращаемся и дивилась, что насъ долго нѣтъ. „О чемъ это вы съ Евсеичемъ такъ громко разсуждали?“ спросила она, когда мы подошли къ ней. Я снова принялся разсказывать, Евсеичъ тоже. Хотя я не одинъ уже разъ замѣчалъ, что мать неохотно слушаетъ мои горячія описанія рыбной ловли,— въ эту минуту я все забылъ. Въ подтвержденіе нашихъ разсказовъ, мы съ Евсеичемъ вынимали изъ ведра то ту, то другую рыбу, а какъ это было затруднительно, то наконецъ вытряхнули всю свою добычу на землю; но увы, никакого впечатлѣнія не произвела наша рыба на мою мать. Угомонившись отъ разсказовъ, я замѣтилъ, что передъ матерью былъ разведенъ небольшой огонь и курились двѣ-три головешки, дымъ отъ которыхъ прямо шелъ на нее. Я спросилъ, что это значитъ? Мать отвѣчала, что она не знала, куда дѣваться отъ комаровъ, и только тутъ, вглядѣвшись въ мое лице, она вскрикнула: „посмотри-ка, что сдѣлали съ тобой комары! У тебя все лице распухло и въ крови“. Въ самомъ дѣлѣ, я былъ до того искусанъ комарами, что лице, шея и руки у меня распухли. И всего этого я даже не замѣтилъ— такъ уже страстно полюбилъ я уженье. Что же касается до комаровъ, то я никогда и нигдѣ, во всю мою жизнь, не встрѣчалъ ихъ въ такомъ множествѣ, да еще въ соединеніи съ мушкарою, которая, по моему, еще несноснѣе, потому что забивается человѣку въ ротъ, носъ и глазъ. Причиною множества комаровъ и мушкары было изобиліе стоячей воды и лѣса. Наконецъ комары буквально одолѣли насъ и мы съ матерью ушли въ свою комнату безъ дверей и оконъ, а какъ она не представляла никакой защиты, то сѣли на кровать

подъ рѣдинный пологъ, и хотя душно было сидѣть подъ нимъ, но за то спокойно. Пологъ единственное спасеніе отъ вечернихъ и ночныхъ нападеній комаровъ. Отецъ воротился, когда уже стало темно; онъ поймалъ еще двухъ очень большихъ лещей и увѣрялъ, что клевъ не прекращался и что онъ просидѣлъ бы всю ночь на лодкѣ, еслибъ не боялся встревожить насъ. „Боже мой, подумалъ я, когда я буду большой, чтобъ проводить цѣлыя ночи съ удочкой и Суркой на берегу рѣки или озера...“ потому что лодки я прибаивался.

На другой день поутру, хорошенько выспавшись подъ однимъ пологомъ съ милой моей сестрицей, мы встали бодры и веселы. Мать съ удовольствіемъ замѣтила, что слѣды вчерашнихъ уязвленій, нанесенныхъ мнѣ злыми комарами, почти прошли; съ вечера натерли мнѣ лицо, шею и руки какимъ-то составомъ; опухоль опала, краснота и жаръ уменьшились. Сестрицу же комары мало искусали, потому что она рано улеглась подъ нашъ пологъ.

Началось дѣятельное устройство нашей полукочевой жизни, а главное—устройство особеннаго приготовленія и правильнаго употребленія кумыса. Для этого надобно было повидаться съ башкирскимъ кантоннымъ старшиной, Мавлютомъ Исеичемъ (такъ звали его въ глаза, а за глаза—Мавлюткой), который былъ однимъ изъ вотчинниковъ, продавшихъ намъ Сергѣевскую пустошь. Онъ жилъ если не въ деревнѣ Кішки, то гдѣ-нибудь очень близко, потому что отецъ посылалъ его звать къ себѣ, и посланный воротился очень скоро съ отвѣтомъ, что Мавлютка сейчасъ будетъ. Въ самомъ дѣлѣ, едва мы успѣли напиться чаю, какъ передъ нашими воротами показалась какая-то странная громада верхомъ на лошади. Громада подъѣхала къ забору, весьма свободно сошла съ лошади, привязала ее къ плетню и ввалилась къ намъ на дворъ; мы сидѣли на своемъ крыльцѣ. Отецъ пошелъ на встрѣчу гостю, протянулъ ему руку и сказалъ: „салямъ маликумъ, Мавлютъ Исеичъ“. Я разинулъ ротъ отъ изумленія. Передо мной стоялъ великанъ необыкновенной толщины: въ немъ было двѣнадцать вершковъ роста и двѣнадцать пудъ вѣса, какъ я послѣ узналъ; онъ былъ одѣтъ въ казакинъ и въ широчайшіе плисовые шальвары; на макушкѣ толстой головы чуть держалась вышитая золотомъ, запачканная тюбетейка; шеи у него не было; голова съ подзобомъ плотно лежала на широкихъ плечахъ; огромная саблища тащилась по землѣ—

и я почувствовалъ невольный страхъ: мнѣ сейчасъ представилось, что таковъ долженъ быть коварный Тиссафернъ, предводитель персидскихъ войскъ, сражавшихся противъ младшаго Кира. Я не замедлилъ сообщить свою догадку на ухо своей сестрицѣ, и потомъ матери, и она очень смѣялась, отчего и страхъ мой прошелъ. Мавлюткѣ принесли скамейку, на которой онъ съ трудомъ усѣлся; ему подали чаю, и онъ выпилъ множество чашекъ. Дѣло о приготовленіи кумыса для матери, о чемъ она сама просила, устроилось весьма удобно и легко. Одна изъ семи женъ Мавлютки была тутъ же заочно назначена въ эту должность: она всякій день должна была приходить къ намъ и приводить съ собой кобылу, чтобы, надоивъ нужное количество молока, заквасить его въ нашей посудѣ, на глазахъ моей матери, которая имѣла непреодолимое отвращеніе къ нечистотѣ и неопрятности въ приготовленіи кумыса. Условились въ цѣнѣ и дали впередъ сколько-то денегъ Мавлюткѣ, чему онъ, какъ я замѣтилъ, очень обрадовался. Я не могъ удержаться отъ смѣха, слушая, какъ моя маменька старалась подражать Мавлюткѣ, коверкая свои слова. Послѣ этого начался разговоръ у моего отца съ кантоннымъ старшиной, обратившій на себя все мое вниманіе: изъ этого разговора я узналъ, что отецъ мой купилъ такую землю, которую другіе Башкирцы, а не тѣ, у которыхъ мы ее купили, называли своею, что съ этой земли надобно было согнать двѣ деревни, что когда будетъ межеванье, то всѣ объявятъ споръ, и что надобно поскорѣе переселить на нее нѣсколько нашихъ крестьянъ. „Землимиръ, землимиръ скоро тащи, бачка Алексѣй Степанычъ, говорилъ визгливымъ голосомъ Мавлютка; землимиръ вся кончалъ; бѣлымъ столбамъ надо; я самъ гуляетъ на мижа“. — Мавлютъ Исеичъ ушелъ, отвязалъ свою лошадь, про которую между прочимъ сказалъ, что она „въ цѣлый табунъ одна его таскай“, надѣлъ свой войлочный вострый колпакъ, очень легко сѣлъ верхомъ, махнулъ своей страшной плетью и поѣхалъ домой. Я не даромъ обратилъ вниманіе на разговоръ башкирскаго старшины съ моимъ отцомъ. Оставшись наединѣ съ матерью, онъ говорилъ объ этомъ съ невеселымъ лицомъ и съ озабоченнымъ видомъ; тутъ я узналъ, что матери и прежде не нравилась эта покупка, потому что пріобрѣтаемая земля не могла скоро и безъ большихъ затрудненій достаться намъ во владѣніе: она была заселена двумя деревнями припущенниковъ, „Кіиш-

ками" и „Старымъ Тимкинымъ", которые жили правда по просроченнымъ договорамъ, но которыхъ свести на другія казенныя земли было очень трудно; всего же болѣе не нравилось моей матери то, что сами продавцы Башкирцы ссорились между собою и всякій называлъ себя настоящимъ хозяиномъ, а другого обманщикомъ. Теперь я разсказалъ объ этомъ такъ, какъ узналъ впослѣдствіи; тогда же я не могъ понять настоящаго дѣла, а только испугался, что тутъ будутъ спорить, ссориться, а можетъ быть—и драться. Сердце мое почувствовало, что моя Сергѣевка не крѣпкая, и я не ошибся [1]).

Съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе устроивалась наша полукочевая жизнь. Оконныя рамы привезли и, за неимѣніемъ косяковъ, приколотили ихъ снаружи довольно плотно; но дверей не было и ихъ продолжали замѣнять коврами, что мнѣ казалось нисколько не хуже дверей. На дворѣ поставили большую новую бѣлую калмыцкую кибитку; боковыя войлочныя стѣнки можно было поднять, и рѣшетчатая кибитка тогда представляла видъ огромнаго зонтика съ круглымъ отверстіемъ вверху. Мы обыкновенно тамъ обѣдали, чтобы въ нашихъ комнатахъ было меньше мухъ, и обыкновенно поднимали одну сторону кибитки, ту, которая находилась въ тѣни.—Кумысъ приготовлялся отлично хорошо и мать находила его уже не такъ противнымъ, какъ прежде; но я чувствовалъ къ нему непреодолимое отвращеніе, по крайней мѣрѣ увѣрялъ въ томъ и себя и другихъ, и хотя матери моей очень захотѣлось, чтобъ я пилъ кумысъ, потому что я былъ худъ и всѣ думали, что отъ него потолстѣю, но я отбился. Сестрица тоже не могла его переносить; онъ рѣшительно былъ ей вреденъ. По совѣсти говоря, я думаю, что могъ привыкнуть къ кумысу, но я боялся, чтобъ его употребленіе и утреннія прогулки, неразлучныя съ нимъ, не отняли у меня лучшаго времени для уженья. Охота удить рыбу часъ отъ часу болѣе овладѣвала мной; я только изъ боязни, чтобы мать не запретила мнѣ сидѣть съ удочкой на озерѣ, съ насильственнымъ прилежаніемъ занимался чтеніемъ, письмомъ и двумя первы-

[1]) Вся Сергѣевская земля до сихъ поръ находится въ спорѣ, и тридцать душъ крестьянъ, на ней населенныхъ, имѣютъ землю въ общемъ владѣніи съ деревнями Кишки и Старымъ Тимкинымъ. Права настоящихъ вотчинниковъ-Башкирцевъ такъ спутаны, что разобрать ихъ не только трудно, даже невозможно. *С. А.*

ми правилами ариѳметики, чему училъ меня отецъ. Я помню, что притворялся довольно искусно и часто пускался въ длинныя разсужденія съ матерью, тогда какъ на умѣ моемъ только и было, какъ бы поскорѣе убѣжать съ удочкой на мостки, когда каждая минута промедленія была для меня тяжкимъ испытаніемъ. Рыба клевала чудесно; неудачъ не было или онѣ состояли только въ томъ, что иногда крупной рыбы попадалось меньше. Милая моя сестрица, ходившая также иногда съ своей Парашей на уженье, не находила въ этомъ никакого удовольствія, и комары скоро прогоняли ее домой.

Наконецъ стали пріѣзжать къ намъ гости. Одинъ разъ съѣхались охотники до рыбной ловли: добрѣйшій генералъ Мансуровъ, страстный охотникъ до всѣхъ охотъ, съ женой, и Иванъ Николаичъ Булгаковъ, также съ женой. Затѣяли большую рыбную ловлю неводомъ; достали неводъ, кажется, у Башкирцевъ, а также еще нѣсколько лодокъ; двѣ изъ нихъ побольше связали вмѣстѣ, покрыли поперекъ досками, приколотили доски гвоздями и такимъ образомъ сдѣлали маленькій паромъ съ лавочкой, на которой могли сидѣть дамы. Въ одну чудную, тихую, мѣсячную ночь, мы всѣ, кромѣ матери, отправились на тоню. Я сидѣлъ съ дамами на паромѣ. Безъ всякаго шуму, осторожно завезли неводъ и спустили его въ воду, окружа одинъ большой затонъ, или плесо, продолговатымъ полукругомъ вдавшееся въ берегъ. Туда ночью на отмель собирались безчисленныя стаи лещей. Едва только подтянули клячи [1]) невода къ берегамъ затона, какъ уже начало оказываться множество захваченной рыбы: мы слѣдовали на паромѣ за мотней [2]) и видѣли въ ней такое движеніе и возню, что наши дамы, а вмѣстѣ съ ними я, испускали радостные крики; многія огромныя рыбы прыгали черезъ верхъ, или бросались въ узкіе промежутки между клячами и берегомъ; это были щуки и жерехи. Хранившіе до тѣхъ поръ молчаніе рыбаки, плывшіе съ боковъ на лодкахъ или тянувшіе неводъ, подняли шумъ, крикъ и хлопанье клячевыми веревками по водѣ, чтобы заставить рыбу воротиться въ средину невода. Мы поспѣшили пристать къ берегу, чтобы видѣть, какъ будутъ вытаскивать рыбу. Удивительно и

[1]) Клячами называются боковые концы или края невода, пришитые къ деревяннымъ палкамъ. *С. А.*

[2]) Мотня—середина невода, имѣющая фигуру длиннаго и къ концу узкаго мѣшка. *С. А.*

трудно повѣрить, что я не раздѣлялъ общаго увлеченья, и потому былъ внимательнымъ наблюдателемъ всей этой живой и одушевленной картины. Мансуровъ и мой отецъ горячились больше всѣхъ; отецъ мой только распоряжался и безпрестанно кричалъ: „выравнивайклячи! нижніе подборы веди плотнѣе! смотри, чтобы мотня шла по середкѣ!“ Мансуровъ же не довольствовался одними словами: онъ влѣзъ по колѣни въ воду и, ухватя руками нижніе подборы невода, тащилъ ихъ, притискивая ихъ къ мелкому дну, для чего долженъ былъ, согнувшись въ дугу, пятиться назадъ; онъ представлялъ такимъ образомъ пресмѣшную фигуру; жена его, родная сестра Ивана Николаича Булгакова, и жена самого Булгакова, несмотря на свое рыбачье увлеченье, принялись громко хохотать. Наконецъ выбрали и накидали цѣлыя груды мокрой сѣти, то есть стѣнъ или крыльевъ невода, показалась мотня, изъ длинной и узкой сдѣлавшаяся широкою и круглою отъ множества попавшейся рыбы; наконецъ стало такъ трудно тащить по мели, что принуждены были остановиться изъ опасенія, чтобы не лопнула мотня; поднявъ высоко верхніе подборы, чтобы рыба не могла выпрыгивать, нѣсколько человѣкъ съ ведрами и ушатами бросились въ воду и хватая рыбу, биткомъ набившуюся въ мотню, какъ въ мѣшокъ, накладывали ее въ свою посуду, выбѣгали на берегъ, вытряхивали на землю добычу и снова бросались за нею; облегчивъ такимъ образомъ тягость груза, всѣ дружно схватились за нижніе и верхніе подборы и съ громкимъ крикомъ выволокли мотню на берегъ. Рыбы поймали такое множество, какого не ожидали, и потому послали за телѣгой: по большей части были серебряные и золотые лещи, ярко блиставшіе на лунномъ свѣтѣ; попалось также довольно крупной плотвы, язей и окуней; щуки, жерихи и головли повыскакали, потому что были вороваты, какъ утверждали рыбаки. Сколько тутъ было суматошной бѣготни и веселаго крику! Дамы также принимали живое участіе. Я часто слышалъ восклицанія Евсеича: „вотъ лещь-то! Ровно заслонъ!“ Но видно я былъ настоящій рыбакъ по природѣ, потому что и тогда говорилъ Евсеичу: „вотъ еслибъ на удочку вытащить такого леща!“ Мнѣ даже какъ-то стало невесело, что поймали такое множество крупной рыбы, которая могла бы клевать у насъ; мнѣ было жалко, что такъ опустошили озеро, и я печально говорилъ Евсеичу, что теперь ужъ не будетъ

такого клеву, какъ прежде; но онъ успокоилъ меня, увѣривъ, что въ озерѣ такая тьма-тьмущая рыбы, что озеро такъ велико, и тянули неводомъ такъ далеко отъ нашихъ мостковъ,—что клевъ будетъ не хуже прежняго. „Вотъ завтра самъ увидишь, соколикъ", прибавилъ онъ, и я, совершенно успокоенный его словами, развеселился и принялъ болѣе живое участіе въ общемъ дѣлѣ. Мало-по-малу все пришло въ порядокъ: крупною рыбою нагрузили телѣгу, а остальную понесли въ ведрахъ и ушатѣ. Все общество весело пошло домой за телѣгою, нагруженною рыбой. Генералъ Мансуровъ былъ довольнѣе всѣхъ, несмотря на то, что весь запачкался и вымочился чуть не по поясъ. Мать ожидала насъ на дворѣ, сидя, при дымномъ кострѣ отъ комаровъ, за самоваромъ и чайнымъ приборомъ. Шумно и живо разсказывали ей всѣ о нашихъ подвигахъ, она дивилась общему увлеченію, не понимала его, смѣялась надъ нами, а всего болѣе надъ довольно толстымъ и мокрымъ генераломъ, который ни за что не хотѣлъ переодѣться. Мать, удостовѣрившись, что мои ноги и платье сухи, напоила меня чаемъ и уложила спать подъ одинъ пологъ съ сестрицей, которая давно уже спала, а сама воротилась къ гостямъ. Какъ было весело мнѣ засыпать подъ нашимъ пологомъ, вспоминая недавнюю тоню, слыша сквозь дверь, завѣшанную ковромъ, громкій смѣхъ и веселыя рѣчи, мечтая о завтрашнемъ утрѣ, когда мы съ Евсеичемъ съ удочками сядемъ на мосткахъ! Проснувшись на другой день поутру ранѣе обыкновеннаго, я увидѣлъ, что мать уже встала, и узналъ, что она начала пить свой кумысъ и гулять по двору и по дорогѣ, ведущей въ Уфу; отецъ также всталъ, а гости наши еще спали: женщины занимали единственную комнату подлѣ насъ, отдѣленную перегородкой, а мущины спали на подволокѣ, на толстомъ слоѣ сѣна, покрытомъ кожами и простынями. Я проворно одѣлся, побѣжалъ къ матери поздороваться и попросился удить. Мать отпустила меня безъ малѣйшаго затрудненія, и я безъ чаю поспѣшилъ съ Евсеичемъ на озеро. Правъ былъ Евсеичъ! Никогда такъ еще не клевала рыба, какъ въ это утро. „Вотъ видишь, соколикъ, говорилъ Евсеичъ,—рыбы-то стало больше. Ее вечоръ напугали неводомъ, она и привалила сюда". Справедливо ли было заключеніе Евсеича или нѣтъ, только рыба брала отлично. Странно, что моя охотничья жадность слишкомъ скоро удовлетворилась отъ мысли: „да куда же намъ

дѣваться съ этою рыбой, которой и вчера наловлено такое множество?“ Впослѣдствіи развилось во мнѣ это чувство въ большихъ размѣрахъ и всегда охлаждало мою охотничью горячность. Я сообщилъ мое сомнѣніе Евсеичу, но онъ говорилъ, что это ничего, что всю рыбу сегодня же пересушимъ или прокоптимъ. Хотя такое объясненіе меня нѣсколько успокоило, но я захотѣлъ воротиться домой гораздо ранѣе обыкновеннаго.

Гости прогостили у насъ еще два дня. Мансуровъ не могъ оставаться безъ какого-нибудь охотничьяго занятія: въ этотъ же день вечеромъ онъ ходилъ съ отцомъ и съ мужемъ Параши, Ѳедоромъ, ловить сѣтью на дудки перепеловъ. Очень мнѣ хотѣлось посмотрѣть этой ловли, но мать не пустила. Ѳедоръ принесъ мнѣ живого перепела, котораго посадилъ я въ какое-то лукошечко, сплетенное Евсеичемъ изъ зеленыхъ прутьевъ. На другой день Мансуровъ ходилъ на охоту съ ружьемъ также вмѣстѣ съ моимъ отцомъ; съ ними было двѣ легавыхъ собаки, привезенныхъ Мансуровымъ. Охотники принесли нѣсколько утокъ и десятка два разныхъ куликовъ; все это было разсмотрѣно мною съ величайшимъ вниманіемъ. На охоту съ ружьемъ я не смѣлъ уже и попроситься, хотя думалъ, что почему бы и мнѣ съ Суркой не поохотиться? Впрочемъ, гдѣ же было мнѣ ходить за охотниками по кочкамъ, болотамъ и камышамъ? Но за то обѣ гостьи каждый вечеръ ходили удить со мной на озеро; удить онѣ не умѣли, а потому и рыбы выуживали мало; къ тому же комары такъ нападали на нихъ, особенно на солнечномъ закатѣ, что онѣ бросали удочки и убѣгали домой; весьма неохотно, но я, совершенно свыкшійся съ комарами, долженъ былъ возвращаться также домой.

Наконецъ гости уѣхали, взявъ обѣщаніе съ отца и матери, что мы черезъ нѣсколько дней пріѣдемъ къ Ивану Николаичу Булгакову, въ его деревню Алмантаево, верстахъ въ двадцати отъ Сергѣевки, гдѣ гостилъ Мансуровъ съ женою и дѣтьми.—Я былъ радъ, что уѣхали гости, и понятно, что очень не радовался намѣренію ѣхать въ Алмантаево; а сестрица моя напротивъ очень обрадовалась, что увидитъ меленькихъ своихъ городскихъ подругъ и знакомыхъ: съ дѣвочками Мансуровыми она была дружна, а съ Булгаковыми только знакома.

Во все время моего дѣтства и въ первые годы отрочества

замѣтно было во мнѣ странное свойство: я не дружился съ своими сверстниками и тяготился ихъ присутствіемъ даже тогда, когда оно не мѣшало моимъ охотничьимъ увлеченіямъ, которымъ и въ ребячествѣ я страстно предавался. Это свойство называли во мнѣ нелюдимствомъ, дикостью и робостью; говорили, что я *боюсь* чужихъ. Мнѣ всегда были очень досадны такія обвиненія и, конечно, они умножали мою природную застѣнчивость. Это свойство не могло происходить изъ моей природы, весьма сообщительной и слишкомъ откровенной, какъ оказалось въ юношескихъ годахъ; это происходило, вѣроятно, отъ долговременной болѣзни, съ которою неразлучно отчужденье и уединенье, заставляющія сосредоточиваться и малое дитя, заставляющія его уходить въ глубину внутренняго своего міра, которымъ трудно дѣлиться съ посторонними людьми. Еще болѣе оно происходило отъ постояннаго чтенія книгъ. Голова моя была старше моихъ лѣтъ и общество однолѣтнихъ со мною дѣтей не удовлетворяло меня, а для старшихъ я былъ самъ молодъ.

Здоровье матери видимо укрѣплялось. Кромѣ обыкновенныхъ прогулокъ пѣшкомъ ежедневно поутру и къ вечеру, мать очень часто ѣздила въ поле прокатываться, особенно въ сѣренькіе дни, вмѣстѣ съ отцомъ, со мною и сестрицей на длинныхъ крестьянскихъ дрогахъ, съ которыми я познакомился еще въ Парашинѣ. Мать скучала этими поѣздками, но считала ихъ полезными для своего здоровья, да онѣ и были предписаны докторами, при употребленіи кумыса; отцу моему прогулки также были скучноваты, но всѣхъ болѣе ими скучалъ я, потому что онѣ мѣшали моему уженью, отнимая иногда самое лучшее время. Рѣдко случалось, чтобы мать отпускала меня съ отцомъ или Евсеичемъ до окончанія своей прогулки; точно то же было и вечеромъ; но почти всякій день я находилъ время поудить.

Въ половинѣ іюня начались уже сильные жары; они составляли новое препятствіе къ моей охотѣ: мать боялась дѣйствія лѣтнихъ солнечныхъ лучей; увидѣвъ же однажды, что шея у меня покраснѣла и покрылась маленькими пузырьками, какъ будто отъ шпанской мушки, что конечно произошло отъ солнца,—она приказала, чтобы всегда въ десять часовъ утра я уже былъ дома. Какъ я просилъ у Бога сѣренькихъ дней, въ которые мать позволяла мнѣ удить до самаго обѣда и въ которые рыба клевала жаднѣе. Какое сча-

стіе сидѣть спокойно съ Евсеичемъ на мосткахъ, насаживать, закидывать удочки, слѣдить за наплавками, не опасаясь, что пора итти домой, а весело поглядывая на Сурку, который всегда или сидѣлъ, или спалъ на берегу, развалясь на солнцѣ! Но за то чтеніе, письмо и ариѳметика очень туго подвигались впередъ и дѣтскія игры съ сестрицей начинали терять для меня свою занимательность и пріятность.

Черезъ недѣлю поѣхали мы къ Булгаковымъ въ Алмантаево, которое мнѣ очень не понравилось, чего и ожидать было должно, по моему нежеланію туда ѣхать; но и въ самомъ дѣлѣ никому не могло понравиться его ровное мѣстоположеніе и домъ на пустоплесьѣ, безъ сада и тѣни, на солнечномъ припекѣ. Правда, не далеко отъ дому протекала очень рыбная и довольно сильная рѣка, „Уршакъ", на которой, пониже деревни, находилась большая мельница съ широкимъ прудомъ; но и рѣка мнѣ не понравилась, во-первыхъ, потому, что вся отъ береговъ проросла камышами, такъ что и воды было не видно, а во-вторыхъ потому, что вода въ ней была горька, и не только люди ее не употребляли, но даже и скотъ пилъ неохотно. Впрочемъ горьковатость воды не имѣла дурного вліянія на рыбу, которой водилось въ Уршакѣ множество, и которую находили всѣ очень вкусною. Удить около дома было невозможно, по причинѣ отлогихъ береговъ, заросшихъ густыми камышами, а на мельницѣ удили только съ плотины около кауза и вешняка, особенно въ глубокой ямѣ или водоеминѣ, выбитой подъ нимъ водою. Мы ѣздили туда одинъ разъ цѣлымъ обществомъ, разумѣется, около завтрака, то-есть совсѣмъ не во время, и ловля была очень неудачна; но мельникъ увѣрялъ, что рано утромъ до солнышка, особенно съ весны и къ осени, рыба беретъ очень крупная и всего лучше въ ямѣ подъ вешнякомъ.

Хозяинъ, Иванъ Николаевъ Булгаковъ, былъ большой охотникъ до лошадей, борзыхъ собакъ и верховой ѣзды. У нихъ въ домѣ всѣ ѣздили верхомъ,—и дамы, и дѣти. Булгаковъ, какъ-то особенно меня полюбившій, захотѣлъ непремѣнно и меня посадить на лошадь. Мнѣ стыдно было сказать, что я боюсь, и я согласился. У меня была мысль, что маменька не позволитъ; но какъ нарочно, мать отвѣчала, что если я не трушу, то она очень рада. Такія слова укололи мое самолюбіе, и я, скрѣпя сердце, сказалъ, что не трушу. Привели дѣтскую маленькую лошадку; всѣ вышли на крыль-

цо, меня посадили и дали мнѣ въ руки поводъ. Покуда Евсеичъ велъ моего коня, я превозмогалъ свой страхъ; но какъ скоро онъ выпустилъ узду—я совершенно растерялся; поводья выпали у меня изъ рукъ, и никѣмъ не управляемая моя лошадка побѣжала рысью къ конюшнѣ. Страхъ превозмогъ самолюбіе и я принялся кричать; потерявъ равновѣсіе, я конечно бы упалъ, еслибы выбѣжавшій на встрѣчу конюхъ не остановилъ смирную лошадь. Общій хохотъ на крыльцѣ терзалъ мое ребячье самолюбіе, и я, смутившись окончательно, какъ только сняли меня съ лошади, убѣжалъ черезъ заднее крыльцо въ занимаемую нами комнату. Я долго и неутѣшно плакалъ и цѣлый день не могъ ни на кого смотрѣть. Это обстоятельство мнѣ особенно памятно потому, что я въ первый разъ сознательно подосадовалъ на отца и мать: зачѣмъ и они смѣются надо мною? „Развѣ они не видятъ, какъ мнѣ больно и стыдно? думалъ я.—Отчего же сестрица не смѣется, а жалѣетъ обо мнѣ и даже плачетъ?“ Тутъ только я съ горестью убѣдился въ моей трусости, и эта мысль долго возмущала мое спокойствіе. По счастію, на другой день мы уѣхали изъ Алмантаева. Мать хотѣла пробыть два дня, но кумысъ, котораго цѣлый боченокъ былъ привезенъ съ нами во льду, окрѣпъ, и мать не могла его пить. О, съ какою радостью возвращался я въ мою милую Сергѣевку!

Сергѣевка понравилась мнѣ еще болѣе прежняго, хотя, правду сказать, кромѣ озера и старыхъ дубовъ ничего въ ней хорошаго не было. Опять по-прежнему спокойно и весело потекла наша жизнь, я начиналъ понемногу забывать несчастное происшествіе съ верховою лошадкой, обнаружившее мою трусость и покрывшее меня, какъ я тогда думалъ, вѣчнымъ стыдомъ. Мать и отецъ и не поминали объ этомъ, а моя сестрица и подавно. Но Евсеичъ, мой добрый дядька, неугомонный Евсеичъ корилъ меня безпрестанно: „Эхъ ты, соколикъ, говорилъ онъ,—ну, чего обробилъ? Лошадка пресмирная, а ты давай кричать. Вѣдь это ты не лошади испугался, а чужихъ людей. Я вѣдь говорилъ, что ты чужихъ боишься. Ну, какой ты будешь кавалеръ? А про войну читать и разсказывать любишь. Послушать тебя, такъ ты одинъ на цѣлый полкъ пойдешь!“ Эти простыя рѣчи, сказанныя безъ всякаго умысла, казались мнѣ самыми язвительными укоризнами. Я доказывалъ Евсеичу, что это совсѣмъ другое, что на войнѣ я не испугаюсь, съ Греками я бы на всѣхъ вар-

варовъ пошелъ. Но мысленно я уже давалъ обѣщаніе себѣ: во-первыхъ, не говорить съ Евсеичемъ о „походѣ младшаго Кира“, о которомъ любилъ ему разсказывать, и, во-вторыхъ, преодолѣть мой страхъ и выучиться ѣздить верхомъ. Я сталъ просить объ этомъ отца и мать и получилъ въ отвѣтъ: „ну, куда еще тебѣ верхомъ ѣздить!“ и отвѣтъ мнѣ очень не понравился. Между тѣмъ укоризны Евсеича продолжались и такъ оскорбляли меня, что я иногда сердился на него, а иногда плакалъ потихоньку. Я рѣшился попросить, чтобъ онъ не говорилъ объ этомъ, и добрый Евсеичъ наконецъ пересталъ поминать про Алмантаевское приключеніе. Я успокоился и сталъ забывать о немъ. Вдругъ пріѣхали Булгаковы со старшими дѣтьми. Точно что-нибудь укололо меня въ сердце! Я подумалъ, что какъ увидятъ меня, такъ и начнутъ смѣяться, и хотя этого не случилось при первой встрѣчѣ, но ежеминутное ожиданіе насмѣшекъ такъ смущало меня, что я краснѣлъ безпрестанно безъ всякой причины. Слава Богу, всѣ кромѣ меня забыли мой позоръ!.. Гости прожили у насъ нѣсколько дней. Безъ А. П. Мансурова, этого добрѣйшаго и любезнѣйшаго изъ людей, охоты не клеились, хотя была и тоня, только днемъ, а не ночью, и разумѣется не такъ изобильная, хотя ходили на охоту съ ружьями и удили цѣлымъ обществомъ на озерѣ. Однако всѣмъ было весело, кромѣ меня, и съ тайной радостью проводилъ я большихъ и маленькихъ гостей, впрочемъ очень милыхъ и добрыхъ дѣтей.

Проводя гостей, отецъ вздумалъ потянуть неводомъ черезъ извѣстное рыбное плесо на рѣкѣ Бѣлой, которая текла всего въ полуверстѣ отъ нашего жилья: ему очень хотѣлось поймать стерлядей, и онъ даже говорилъ мнѣ: „что, Сережа, кабы попалась бѣлорыбица или осетръ?“ Я увѣрялъ, что непремѣнно попадетъ! Мы поѣхали послѣ обѣда съ цѣлымъ обозомъ: повезли двѣ лодки, неводъ и взяли съ собой всѣхъ людей. Бѣлая тутъ была не широка, потому что рѣчка Уршакъ и довольно многоводная рѣка Уфа въ нее еще не впадали; она понравилась мнѣ болѣе, чѣмъ подъ городомъ: песковъ было менѣе, русло сжатѣе, а берега гораздо живописнѣе. Отецъ взялъ съ собою ружье и какъ нарочно на дорогѣ попалась намъ цѣлая стая куропатокъ; отецъ выстрѣлилъ и двухъ убилъ. Это былъ первый охотничій выстрѣлъ, произведенный при мнѣ и очень близко отъ меня. Онъ про-

извелъ на меня сильное впечатлѣніе, и не страха, а чувства какого-то пріятнаго волненія; когда же я увидалъ застрѣленную куропатку, особенно же когда, увлеченный примѣромъ окружающихъ, я бросился ловить другую подстрѣленную,— я чувствовалъ уже какую-то жадность, какую-то неизвѣстную мнѣ радость. И куда дѣвалась моя жалостливость: окровавленныя, бьющіяся красивыя эти птички не возбудили во мнѣ никакого состраданія.

Только-что мы успѣли запустить неводъ, какъ вдругъ прискакала цѣлая толпа Мещеряковъ; они принялись громко кричать, доказывая, что мы не можемъ ловить рыбу въ Бѣлой, потому что воды ея сняты рыбаками; отецъ мой не захотѣлъ ссориться съ близкими сосѣдями, приказалъ вытащить неводъ, и мы ни съ чѣмъ должны были отправиться домой. Всѣ люди наши были такъ недовольны, такъ не хотѣлось имъ уступить, что даже не вдругъ послушались приказанія моего отца. Еслибы не онъ, вышла бы непремѣнно драка. Мнѣ тоже это было очень досадно, хотя я чувствовалъ немножко, что Мещеряки правы, и только двѣ застрѣленныя куропатки, которыхъ я держалъ въ своихъ рукахъ, меня утѣшали.

Давно уже поспѣла полевая клубника, лакомиться которою позволяли намъ вдоволь. Мать сама была большая охотница до этихъ ягодъ, но употреблять ихъ при кумысѣ доктора запрещали. Вмѣсто прежнихъ безцѣльныхъ прогулокъ мать стала ѣздить въ поле по ягоды, предпочтительно на залежи. Это удовольствіе было для меня совершенно неизвѣстно и сначала очень мнѣ нравилось, но скоро наскучило; всѣ же окружающіе меня, и мущины и женщины, постоянно занимались этимъ дѣломъ очень горячо. Мы ѣздили за клубникой цѣлымъ домомъ, такъ что только поваръ Макей оставался въ своей кухнѣ; но и его отпускали послѣ обѣда, и онъ всегда возвращался уже къ вечеру съ огромнымъ кузовомъ чудесной клубники. У всякаго была своя посуда: у кого ведро, у кого лукошко, у кого буракъ, у кого кузовъ. Мать обыкновенно скоро утомлялась собираньемъ ягодъ, и потому садилась на дроги, выѣзжала на дорогу и каталась по ней часъ и болѣе, а потомъ заѣзжала за нами; сначала мать каталась одна или съ отцомъ, но черезъ нѣсколько дней я сталъ проситься, чтобъ она брала меня съ собою, и

потомъ я уже всегда ѣздилъ прогуливаться съ нею. У насъ съ сестрицей были прекрасные съ крышечками берестовые бурачки, испещренные вытѣсненными на нихъ узорами. Милая моя сестрица не умѣла брать ягодъ, то-есть не умѣла различать спѣлую клубнику отъ неспѣлой. Я слышалъ, какъ ея нянька Параша, всегда очень ласковая и добрая женщина, вытряхивая бурачокъ, говорила: „ну, барышня, опять набрала зеленухи!" и потомъ наполняла ея бурачокъ ягодами изъ своего кузова; у меня же оказалась претензія, что я умѣю брать ягоды и что моя клубника лучше Евсеичевой: это конечно было несправедливо. Вслѣдствіе той же претензіи я всегда заявлялъ, что сестрица не сама брала, и что я видѣлъ, какъ Параша насыпала ея бурачокъ своей клубникой. По возвращеніи домой начиналась новая возня съ ягодами: въ тѣни отъ нашего домика разсыпали ихъ на широкій, чистый липовый лубокъ; самыя крупныя отбирали на варенье, потомъ для кушанья, потомъ для сушки; изъ остальныхъ дѣлали русскія и татарскія пастилы; русскими назывались пастилы толстыя, сахарныя или медовыя, процѣженныя сквозь рѣдинку, а татарскими—тонкія, какъ кожа, со всѣми ягодными сѣмячка̀ми, довольно кислыя на вкусъ. Эти приготовленія занимали меня сначала едва ли не болѣе собиранія ягодъ; но наконецъ и они мнѣ наскучили. Болѣе всего любилъ я смотрѣть, какъ мать варила варенье въ мѣдныхъ блестящихъ тазахъ на таганѣ, подъ которымъ разводился огонь,—можетъ быть потому, что снимаемыя съ кипящаго таза сахарныя пѣнки большею частью отдавались намъ съ сестрицей; мы съ ней обыкновенно сидѣли на землѣ, поджавъ подъ себя ноги, нетерпѣливо ожидая, когда масса ягодъ и сахара начнетъ вздуваться, пузыриться и покрываться бѣловатою пеленою.

Отецъ ѣзжалъ иногда въ поле съ сѣтками и дудками ловить перепеловъ. Я просился нѣсколько разъ, но мать не позволяла. Я уже́ пересталъ проситься, и вдругъ совершенно неожиданно мать отпустила меня одинъ разъ съ отцомъ и Ѳедоромъ посмотрѣть на эту охоту. Она мнѣ очень понравилась: когда на тихій пискъ дудочки прибѣгали перепела, подходили подъ разостланную на травѣ сѣть, когда мы всѣ трое вскакивали, а испуганная и взлетѣвшая перепелочка попадалась въ сѣтку,—я чувствовалъ сильное волненіе. Но мнѣ захотѣлось дѣйствовать самому, то-есть самому манить

перепеловъ. *Бить* въ дудки заранѣе училъ меня Өедоръ, считавшійся въ этомъ дѣлѣ великимъ мастеромъ, и я тотчасъ подумалъ, что я самъ такой же мастеръ. Я присталъ къ отцу и Өедору съ неотступными просьбами, и желаніе мое исполнили, но опытъ доказалъ, что я вовсе не умѣю манить: на мои звуки не только перепела не шли подъ сѣть, но даже не откликались. Я очень огорчился и уже въ другой разъ не просился на эту охоту.

Время для питья кумыса, какъ лѣкарства, проходило; травы достигли зрѣлости, а нѣкоторыя даже начинали сохнуть; кобылье молоко теряло свое цѣлебное свойство, и мы въ исходѣ іюля переѣхали въ Уфу. Кумысъ и деревенская жизнь сдѣлали моей матери большую пользу. Съ грустью оставлялъ я Сергѣевку и прощался съ ея чудеснымъ озеромъ, мостками, съ которыхъ удилъ, къ которымъ привыкъ и которыхъ видъ до сихъ поръ живетъ въ моей благодарной памяти; простился съ великолѣпными дубами, подъ тѣнью которыхъ иногда сиживалъ и которыми всегда любовался. Простился—очень надолго.

Возвращеніе въ Уфу къ городской жизни.

Двухмѣсячное пребываніе въ деревнѣ или, правильнѣе сказать, въ недостроенномъ домишкѣ на берегу озера, чистый воздухъ, свобода, уженье, къ которому я пристрастился, какъ только можетъ пристраститься ребенокъ,—все это такъ разнилось съ нашей городской жизнью, что Уфа мнѣ опостылѣла. Я загорѣлъ, какъ Арапъ, и одичалъ, по общему выраженію всѣхъ нашихъ знакомыхъ. Садъ нашъ сдѣлался мнѣ противенъ, и я не заглядывалъ въ него даже тогда, когда милая моя сестрица весело гуляла въ немъ; напрасно звала она меня побѣгать, поиграть или полюбоваться цвѣтами, которыми попрежнему были полны наши цвѣтники. Я даже сердился на маленькую свою подругу, доказывая ей, что послѣ Сергѣевскихъ дубовъ, озера и полей, гадко смотрѣть на нашъ садишко, съ тощими яблонями. Иногда я выходилъ только для того, чтобъ погладить, приласкать Сурку и поиграть съ нимъ; житье въ Сергѣевкѣ такъ сблизило насъ, что одинъ видъ Сурки, напоминая мнѣ мою блаженную деревенскую жизнь, производилъ на меня пріятное впечатлѣніе. Между тѣмъ загаръ мой не проходилъ и мать принялась меня чѣмъ-то лѣчить отъ него; это было мнѣ очень досадно, и я повиновался очень не охотно. Я не могъ обратиться вдругъ къ прежнимъ своимъ занятіямъ и игрушкамъ; я считалъ уже себя устарѣвшимъ для нихъ.

Чистописаніе мнѣ наскучило, потому что успѣхи мои безъ учителя были слишкомъ малы; къ чтенію меня также не тянуло, потому что все было давно перечитано не одинъ разъ и многое выучено наизусть. Но, поскучавъ съ недѣльку, я принялся, однако, писать по приказанію, а читать старое— уже по охотѣ. С. Н. Аничковъ не переставалъ освѣдомляться о моихъ занятіяхъ. Онъ опять потребовалъ меня къ себѣ, опять сдѣлалъ мнѣ экзаменъ, остался отмѣнно доволенъ и подарилъ мнѣ такую кучу книгъ, которую Евсеичъ едва могъ донести; это была ужъ маленькая библіотека. Въ числѣ книгъ находились: Древняя Вивліоѳика, Россіада Хераскова и полное собраніе въ 12-ти томахъ сочиненій Сумарокова. Заглянувъ въ Вивліоѳику, я оставилъ ее въ покоѣ, а Россіаду и сочиненія Сумарокова читалъ съ жадностью и съ восторженнымъ увлеченіемъ. Зараженный примѣромъ одного изъ моихъ дядей, который любилъ декламировать стихи, то-есть читать ихъ на-распѣвъ, я принялся подражать ему. Матери и отцу моему видно нравилось такое чтеніе, потому что они заставляли меня декламировать при гостяхъ, которыхъ собиралось у насъ въ домѣ уже гораздо менѣе, чѣмъ въ прошедшую зиму: дяди мои были въ полку, а нѣкоторые изъ самыхъ короткихъ знакомыхъ куда-то разъѣхались. Мать была здоровѣе прежняго, менѣе развлечена обществомъ, болѣе имѣла досуга и потому болѣе времени я проводилъ вмѣстѣ съ ней. Самое любимое мое дѣло было читать ей вслухъ Россіаду и получать отъ нея разныя объясненія на непонимаемыя мною слова и цѣлыя выраженія. Я обыкновенно читалъ съ такимъ горячимъ сочувствіемъ, воображеніе мое такъ живо воспроизводило лица любимыхъ моихъ героевъ: Мстиславскаго, князя Курбскаго и Палецкаго, что я какъ будто видѣлъ и зналъ ихъ давно; я дорисовывалъ ихъ образы, дополнялъ ихъ жизнь и съ увлеченіемъ описывалъ ихъ наружность; я подробно разсказывалъ, что они дѣлали передъ сраженіемъ и послѣ сраженія, какъ совѣтовался съ ними царь, какъ благодарилъ ихъ за храбрые подвиги и прочая и прочая. Мать смѣялась, а отецъ удивлялся, и одинъ разъ сказалъ: „откуда это все у тебя берется? Ты не сдѣлайся лгунишкой“. А мать отвѣчала: „не безпокойся, это пройдетъ“. Но въ то же время мать запрещала мнѣ разсказывать гостямъ про домашнюю жизнь Палецкаго, Курбскаго и Мстиславскаго. Какимъ совершенствомъ казалось мнѣ изображеніе послѣдняго, то-есть князя Мстиславскаго!

Сей мужъ въ сраженіяхъ не дерзокъ былъ, не злобенъ;
Но твердому кремню являлся онъ подобенъ,
Который сильно огнь въ то время издаетъ,
Когда поверхность кто его желѣзомъ бьетъ.

Гидромиръ и Асталонъ были личные враги мои, и я скорбѣлъ душою, что Гидромиръ не былъ убитъ въ единоборствѣ съ Палецкимъ. Я восхищался и казанскими рыцарями, которые

Въ уста вложивъ кинжалъ и въ руки взявъ мечи,
Которые у нихъ сверкали какъ лучи...
. . . .
. . . .
И войска нашего ударили въ ограду.
Какъ стадо лебедей скрывается отъ граду,
Такъ войски по холмамъ отъ ихъ мечей текли;
Злодѣи скоро бы вломиться въ станъ могли,
Когда бъ не прекратилъ сію крováву сѣчу
Князь Курбскій съ Палецкимъ, врагамъ текущи встрѣчу.

Послѣдніе два стиха произносилъ я съ гордостью и наслажденіемъ. Я долженъ признаться, что послѣдній стихъ я и теперь произношу съ удовольствіемъ и слышу въ немъ что-то крѣпкое и стремительное. Я не преминулъ похвастаться чтеніемъ наизусть стиховъ изъ Россіады предъ моимъ покровителемъ С. И. Аничковымъ; онъ, выслушавъ меня, похвалилъ и обѣщалъ подарить Ломоносова.

Все было тихо и спокойно въ городѣ и въ нашемъ домѣ, какъ вдругъ послѣдовало событіе, которое не само по себѣ, а по впечатлѣнію, произведенному имъ на всѣхъ безъ исключенія, заставило и меня принять участіе въ общемъ волненіи. Въ одинъ прекрасный осенній день,—это было вокресенье или какой-нибудь праздникъ,—мы возвращались отъ обѣдни изъ приходской церкви Успенія Божіей Матери и лишь только успѣли взойти на высокое наше крыльцо, какъ вдругъ въ народѣ, возвращающемся отъ обѣдни, послышалось какое-то движеніе и говоръ. По улицѣ во весь духъ проскакалъ губернаторскій ординарецъ-казакъ и остановился у церкви; всѣмъ, встрѣчающимся по дорогѣ, верховой кричалъ: „ступайте назадъ, въ церковь, присягать новому Императору!“ Народъ, шедшій въ разсыпную, пріостановился, собрался въ кучки, пошелъ назадъ, и безпрестанно усиливаясь встрѣчными людьми, уже густою толпой воротился въ церковь.

Не успѣли мы получить извѣстія, отъ кого-то изъ бѣгущихъ мимо, что „Государыня скончалась“, какъ раздался въ соборѣ колокольный звонъ и, подхваченный другими десятью приходами, разлился по всему городу. Отецъ и мать были очень поражены. Отецъ даже заплакалъ, а мать, тоже со слезами на глазахъ, перекрестилась и сказала: „царство ей небесное“. Я былъ глубоко пораженъ, самъ не зная отъ чего. Весь домъ сбѣжался къ намъ на крыльцо, на лицахъ всѣхъ было написано смущеніе и горесть; идущій по улицѣ народъ плакалъ. Прибѣжалъ, запыхавшись, какой-то присяжный изъ Верхняго Земскаго суда и сказалъ отцу, чтобъ онъ ѣхалъ присягать въ соборъ. Отецъ поспѣшно одѣлся и уѣхалъ. Мы съ матерью и съ сестрицей, которая была также чѣмъ-то изумлена, вошли въ спальную. Мать помолилась Богу, сѣла на кресла и грустно задумалась. Мы съ сестрицей сидѣли противъ нея на стулѣ, и молча, пристально на нее смотрѣли. Наконецъ, мать обратила на насъ вниманіе и стала говорить съ нами, то-есть собственно со мною, потому что сестра была еще мала и не могла понимать ея словъ, даже скоро ушла въ дѣтскую къ своей нянѣ. Примѣняясь къ моему ребячьему возрасту, мать объяснила мнѣ, что Государыня Екатерина Алексѣевна была умная и добрая, царствовала долго, старалась, чтобъ всѣмъ было хорошо жить, чтобъ всѣ учились, что она умѣла выбирать хорошихъ людей, храбрыхъ генераловъ, и что въ ея царствованіе сосѣди насъ не обижали, и что наши солдаты при ней побѣждали всѣхъ и прославились. Отчасти я уже имѣлъ понятіе обо всемъ этомъ, а тутъ понялъ еще больше, и мнѣ стало очень жаль умершую Государыню. „А кто-жъ будетъ теперь у насъ Государыней“, спросилъ я? — „Теперь будетъ у насъ Государь, сынъ ея, Павелъ Петровичъ“.—„А будетъ-ли онъ такой-же умный и добрый?“—„Какъ угодно Богу, и мы будемъ молиться о томъ“, отвѣчала мать. Я возразилъ, что „Богъ вѣроятно захочетъ, чтобъ Павелъ Петровичъ былъ умный и добрый“. Мать ничего не отвѣчала и велѣла мнѣ итти въ дѣтскую читать или играть съ сестрицей; но я просилъ ее, чтобъ она растолковала мнѣ, что значитъ присягать. Она объяснила, и я рѣшительно объявилъ, что хочу присягнуть. „Дѣтей не приводятъ къ присягѣ, сказала мать,—ступай къ сестрѣ“. Я обидѣлся. Скоро пріѣхалъ отецъ и вслѣдъ за нимъ нѣсколько знакомыхъ. Всѣ были въ негодованіи на В*, нашего, кажется,

военнаго губернатора или корпуснаго командира—хорошенько не знаю, который публично показывалъ свою радость, что скончалась Государыня, цѣлый день велѣлъ звонить въ колокола и вечеромъ пригласилъ всѣхъ къ себѣ на балъ и ужинъ. Я сейчасъ подумалъ, что губернаторъ В. долженъ быть не добрый человѣкъ; тутъ же я услышалъ, что онъ имѣлъ особенную причину радоваться; новый Государь его очень любилъ, и онъ надѣялся при немъ сдѣлаться большимъ человѣкомъ. Я прогнѣвался на В. еще больше: зачѣмъ онъ радуется, когда всѣ огорчены. Сначала я слышалъ, какъ говорила моя мать, что не надо ѣхать на балъ къ губернатору, и какъ соглашались съ нею другіе, а потомъ вдругъ всѣ рѣшили, что нельзя не ѣхать. Мать не спорила, но сказала, что останется дома. Поѣхалъ и мой отецъ, но сейчасъ воротился и сказалъ, что балъ похожъ на похороны, и что веселъ только В., двое его адъютантовъ и старый депутатъ, мой книжный благодѣтель, С. И. Аничковъ, который не могъ простить покойной Государынѣ, зачѣмъ она распустила депутатовъ, собранныхъ для совѣщанія о законахъ, и говорилъ, что „пора мужской рукѣ взять скипетръ власти...“

И этотъ день принесъ мнѣ новыя, неизвѣстныя прежде понятія и заставилъ меня перечувствовать неиспытанныя мною чувства. Когда я легъ спать въ мою кроватку, когда задернули занавѣски моего полога, когда все затихло вокругъ, воображеніе представило мнѣ поразительную картину: мертвую Императрицу, огромнаго роста, лежащую подъ чернымъ балдахиномъ, въ черной церкви (я наслушался толковъ объ этомъ), и подлѣ нея, на колѣняхъ, новаго Императора, тоже какого-то великана, который плакалъ, а за нимъ громко рыдалъ весь народъ, собравшійся такою толпою, что край ея могъ достать отъ Уфы до Зубовки, т.-е. за десять верстъ. На другой день я уже разсказывалъ свои грезы-наяву Парашѣ и сестрицѣ, какъ будто я самъ все видѣлъ или читалъ объ этомъ описаніе.

Толки о кончинѣ Императрицы долго не уменьшались, а первое время, часъ отъ часу, даже увеличивались. Толковали въ спальной у матери, толковали въ гостиной, толковали даже въ нашей дѣтской, куда заглядывали иногда изъ дѣвичьей то Аннушка, Ефремова жена, то горбатая княжна Калмычка. Въ спальной и гостиной говорили о перемѣнахъ въ правительствѣ, которыхъ необходимо ожидать должно,

и о томъ, что Императоръ удалитъ всѣхъ прежнихъ любимцевъ Государыни, которыхъ онъ терпѣть не можетъ, потому что они съ нимъ дурно поступали. Я часто слышалъ выраженіе, тогда совершенно не понимаемое мною: „теперь-то Гатчинскіе пойдутъ въ гору". Въ нашей дѣтской говорили, или лучше сказать въ нашу дѣтскую доходили слухи о томъ, о чемъ толковали въ дѣвичьей и лакейской, а толковали тамъ всего болѣе о скоропостижной кончинѣ Государыни, прибавляя страшные разсказы, которые меня необыкновенно смутили; я побѣжалъ за объясненіями къ отцу и матери, и только твердыя и горячія увѣренія ихъ, что всѣ эти слухи совершенный вздоръ и нелѣпость, могли меня успокоить. Тогда я побѣжалъ въ дѣтскую и старался изъ всѣхъ силъ убѣдить Парашу и другихъ, заходившихъ въ нашу комнату, въ нелѣпости ихъ разсказовъ, но—безъ всякаго успѣха! Мнѣ отвѣчали, что „я еще маленькій и ничего не смыслю". Я обижался и очень сердился. Послѣ я узналъ, что Парашѣ и другимъ съ этихъ поръ строго запретили сообщать мнѣ нелѣпые толки, ходившіе въ народѣ.

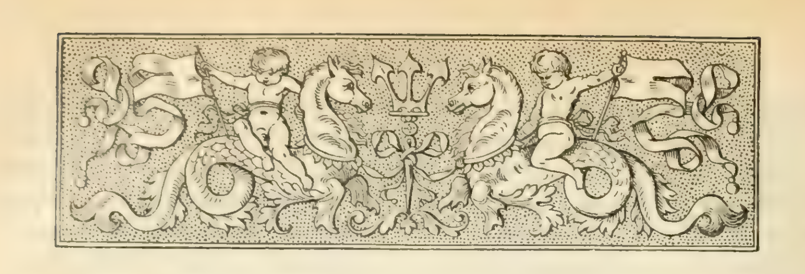
Всякій день ожидали новыхъ событій, но по отдаленности Уфы медленно доходили туда извѣстія изъ столицъ. Губернаторъ В. скоро уѣхалъ, вызванный будто-бы секретно Императоромъ, какъ говорили потихоньку.

Скоро наступила жестокая зима, и мы окончательно заключились въ своихъ дѣтскихъ комнаткахъ, изъ которыхъ занимали только одну. Чтеніе книгъ, писанье прописей и занятія ариѳметикой, которую я понималъ какъ-то тупо и которой учился неохотно, все это увеличилось само собою, потому что прибавилось времени: гостей стало пріѣзжать менѣе, а гулять стало невозможно. Доходило дѣло даже до „Древней Вивліоѳики".

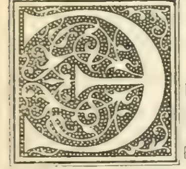
Разъ какъ-то вслушался я между словъ, что дѣдушка нездоровъ; но кажется никто объ его болѣзни не безпокоился и я почти забылъ о ней. Вдругъ, когда мы всѣ сидѣли за обѣдомъ, подали отцу письмо, присланное съ нарочнымъ изъ Багрова. Отецъ распечаталъ его, началъ читать, заплакалъ и передалъ матери. Она прочла и хотя не заплакала, но встревожилась. Мы кончили обѣдъ очень скоро, и я замѣтилъ, что отецъ съ матерью ничего не ѣли. Послѣ обѣда они ушли въ спальню, насъ выслали и о чемъ-то долго говорили; когда же намъ позволили прійти, отецъ уже куда-то

сбирался ѣхать; а мать, очень огорченная, сказала мнѣ: „ну, Сережа, мы всѣ поѣдемъ въ Багрово: дѣдушка умираетъ“. Съ горестнымъ изумленіемъ выслушалъ я такія слова. Я уже зналъ, что всѣ люди умираютъ, и смерть, которую я понималъ по-своему, казалась мнѣ такимъ страшилищемъ и злымъ духомъ, что я боялся о ней и подумать. Мнѣ было жаль дѣдушки, но совсѣмъ не хотѣлось видѣть его смерть или быть въ другой комнатѣ, когда онъ, умирая, станетъ плакать и кричать. Смущала меня также мысль, что маменька отъ этого захвораетъ. „Да какъ-же мы поѣдемъ зимой, думалъ я,—вѣдь мы съ сестрицей маленькіе, вѣдь мы замерзнемъ?“ Всѣ такія мысли крѣпко осадили мою голову, и я, встревоженный и огорченный до глубины души, сидѣлъ молча, предаваясь печальнымъ картинамъ моего горячаго воображенія, которое разыгрывалось у меня часъ отъ часу болѣе. Кромѣ страха, что дѣдушка при мнѣ умретъ, Багрово само по себѣ не привлекало меня. Я не забылъ нашего печальнаго въ немъ житья безъ отца и матери, и мнѣ не хотѣлось туда ѣхать, особенно зимой. Пріѣхалъ отецъ, вошелъ въ спальню торопливо и сказалъ какъ-будто весело, что меня очень удивило: „слава Богу, все нашелъ! Возокъ даетъ намъ С. И. Аничковъ, а кибитку — Мисайловы. Ну, матушка, теперь собирайся поскорѣе. Мнѣ завтра же дадутъ отпускъ, и мы завтра же поѣдемъ на перемѣнныхъ“. Мать, очень огорченная, печально отвѣчала: „у меня все будетъ готово, лишь-бы твой отпускъ не задержалъ“.—Въ тотъ-же вечеръ начались у насъ сборы, укладыванье и приготовленье кушанья на дорогу. Мнѣ позволили взять съ собою нѣсколько книжекъ. Я высказалъ всѣ свои сомнѣнія и страхи матери; иныхъ она не могла уничтожить, надъ опасеніемъ же, что „мы замерзнемъ“, разсмѣялась и сказала, что намъ будетъ жарко въ возкѣ.

На другой день къ обѣду, дѣйствительно, всѣ сборы были кончены, возокъ и кибитка уложены, и дожидались только отцова отпуска. Его принесли часу въ третьемъ. Мы должны были проѣхать нѣсколько станцій по большой Казанской дорогѣ, а потому намъ привели почтовыхъ лошадей, и вечеромъ мы выѣхали.

Зимняя дорога въ Багрово.

Эта дорога, продолжавшаяся почти двое сутокъ, оставила во мнѣ самое тягостное и непріятное воспоминаніе. Какъ только мы вышли садиться, я пришелъ въ ужасъ отъ низенькаго кожанаго возка, съ маленькою дверью, въ которую трудно было пролѣзть, а въ возкѣ слѣдовало помѣститься мнѣ съ сестрицей, Парашѣ и Аннушкѣ. Я просился въ кибитку къ матери, но морозъ былъ страшный и мнѣ строго приказали лѣзть въ возокъ. Я повиновался съ раздраженіемъ и слезами. Мать не могла зимой ѣздить въ закрытомъ экипажѣ: ей дѣлалось тошно и дурно; даже въ кибиткѣ она сидѣла какимъ-то особеннымъ образомъ, вся наружи, такъ что воздухъ обхватывалъ ее со всѣхъ сторонъ. Скоро въ возкѣ сдѣлалось тепло и надобно было развязать платокъ, которымъ я, сверхъ шубы и шапочки, былъ окутанъ. Мы быстро скакали по гладкой дорогѣ, и я почувствовалъ, неизвѣстное мнѣ до сихъ поръ, удовольствіе скорой ѣзды. Въ обѣихъ дверяхъ находилось по маленькому четвероугольному окошечку со стекломъ, задѣланнымъ наглухо. Я кое-какъ подползъ къ окошку и съ удовольствіемъ смотрѣлъ въ него; ночь была мѣсячная, свѣтлая; толстыя вѣхи, а иногда деревья быстро мелькали; но, увы, скоро и это удовольствіе исчезло: стекла затуманились, разрисовались снѣжными узорами и наконецъ покрылись густымъ слоемъ

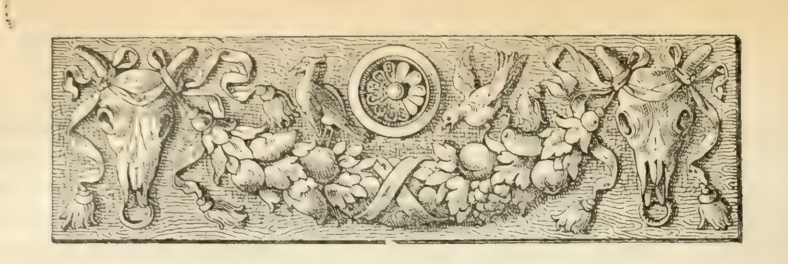
непроницаемаго инея. Невеселая будущность представлялась мнѣ впереди: печальный Багровскій домъ, весь въ сугробахъ, и умирающій дѣдушка. Сестрица моя давно уже спала, а наконецъ и меня посѣтилъ благодѣтельный сонъ. Проснувшись на другой день поутру, я подумалъ, что еще рано; въ возкѣ у насъ былъ разсвѣтъ, или сумерки, потому что стеклышки еще больше запушило. Всѣ уже, какъ видно, давно проснулись, и милая моя сестрица что-то кушала; она приползла ко мнѣ и принялась меня обнимать и цѣловать. Въ возкѣ дѣйствительно было жарко. Скоро поразилъ мой слухъ пронзительный скрипъ полозьевъ, и я почувствовалъ, что мы едва полземъ. Тутъ мнѣ объяснили, что проѣхавъ двѣ съ половиной станціи, мы своротили съ большой дороги и ѣдемъ теперь уже не на тройкѣ почтовыхъ лошадей въ рядъ, а тащимся гусемъ по проселку на обывательскихъ подводахъ. Это все меня очень огорчило, и милая сестрица не могла развеселить меня. Она знала, до чего я былъ охотникъ, и сейчасъ стала просить, чтобъ я почиталъ ей книжку, которая лежала въ боковой сумкѣ, но я не сталъ даже и читать,— такъ мнѣ было грустно. Наконецъ доплелись мы до какой-то татарской деревушки, гдѣ надобно было перемѣнить лошадей, для заготовленія которыхъ ѣхалъ впереди кучеръ Степанъ. Мы вышли въ избу, заранѣе приготовленную, чтобы напиться чаю и позавтракать. У матери было совершенно больное и разстроенное лицо; она всю ночь не спала и чувствовала тошноту и головокруженье: это встревожило и огорчило меня еще больше. Въ бѣлой татарской избѣ, на широкихъ нарахъ лежала груда довольно сальныхъ перинъ, чуть не до потолка, прикрытыхъ съ одной стороны ковромъ, остальная часть наръ покрыта была бѣлою кошмою. Мать, разостлавъ на ней свой дорожный салопъ и положа свои же подушки, легла отдохнуть и скоро заснула, приказавъ, чтобы мы и чай пили безъ нея. Она проспала цѣлый часъ, а мы съ отцомъ и сестрицей, говоря шепотомъ и наблюдая во всемъ тишину, напились чаю, даже позавтракали разогрѣтымъ въ печкѣ жаркимъ. Сонъ подкрѣпилъ мать, и мы пустились въ дальнѣйшій путь. Вечеромъ опять повторилось то же событіе, то-есть мы остановились перемѣнять лошадей, вышли, только ужь не въ чистую татарскую, а въ гадкую мордовскую избу. Кажется, отвратительнѣе этой избы я не встрѣчалъ во всю мою жизнь: нечистота, вонь отъ разнаго скота, а

въ добавокъ ко всему—узенькія лавки, на которыхъ нельзя было прилечь матери, совершенно измученной отъ зимней дороги; но отецъ приставилъ кое-какъ скамейку и устроилъ ей мѣстечко полежать; она ничего не могла ѣсть и только напилась чаю. Мы сидѣли съ ногами на лавкѣ (хотя были тепло обуты), потому что съ пола ужасно несло. Говорили, что морозъ сталъ гораздо сильнѣе; когда отворяли дверь, то врывающійся холодъ клубился какимъ-то бѣлымъ паромъ и въ одну минуту обхватывалъ всю избу. Тутъ мы еще поѣли разогрѣтаго супу и пирожковъ и пустились въ дальнѣйшій путь. Возокъ нашъ такъ настылъ отъ непритворенной по неосторожности двери, что мы не скоро его согрѣли своимъ присутствіемъ и дыханіемъ.

Я не могу описать тревоги и волненія, которое я испытывалъ тогда. У меня было и предчувствіе, и убѣжденіе, что съ нами случится какое-нибудь несчастіе, что мы или замерзнемъ, какъ воробьи и галки, которые на лету падали мертвыми, по разсказамъ Параши, или захвораемъ. Но всѣ мои страхи и опасенія относились гораздо болѣе къ матери, чѣмъ къ намъ съ сестрицей. У насъ въ возкѣ опять стало тепло, а мать все сидѣла даже и не внутри повозки, а вся открытая. Предчувствіе бѣды не давало мнѣ спать. Вдругъ мы остановились, и черезъ нѣсколько минутъ эта остановка привела меня въ безпокойство; я разбудилъ Парашу, просилъ и молилъ ее постучать въ дверь, позвать кого-нибудь и спросить, что значитъ эта остановка; но Параша, обыкновенно всегда добрая и ласковая, недовольная тѣмъ, что я ее разбудилъ, съ нѣкоторою грубостью отвѣчала мнѣ: „никого не достучишься теперь. Извѣстно, зачѣмъ остановились“. Еслибъ она знала, какое мученіе испытывалъ я отъ неизвѣстности, то конечно сжалилась бы надо мной. Благодареніе Богу, возокъ скоро двинулся. Поутру, когда мы опять остановились пить чай, я узналъ, что мои страхи были не совсѣмъ неосновательны: у насъ точно замерзъ было Чувашанинъ, ѣхавшій форрейторомъ въ нашемъ возкѣ. Будучи плохо одѣтъ, онъ такъ озябъ, что упалъ безъ чувствъ съ лошади; его оттерли и довезли благополучно до ближайшей деревни. Тогда же поселились во мнѣ, до сихъ поръ сохраняемые мною, ужасъ и отвращеніе къ зимней ѣздѣ на перемѣнныхъ обывательскихъ лошадяхъ, по проселочнымъ дорогамъ: мочальная сбруя, непривычныя малосильныя лошаденки, которыхъ ни-

когда не кормятъ овсомъ, и наконецъ возчики, не довольно тепло одѣтые для переѣзда и десяти верстъ въ жестокую стужу—все это по-истинѣ ужасно. Дорога наша была совсѣмъ не та, по которой мы ѣздили въ первый разъ въ Багрово, о чемъ я узналъ послѣ. Той лѣтней степной дороги не было теперь и слѣдочка. Зимой, по дальности разстояній, и не прокладывали прямыхъ путей, а кое-какія тропинки шли отъ деревни до деревни.

Поутру, когда я выползъ изъ тюрьмы на свѣтъ Божій, я нѣсколько ободрился и успокоился; къ тому же и мать почувствовала себя покрѣпче, попривыкла къ дорогѣ; и морозъ сталъ полегче. Скоро прошелъ короткій зимній день, и ночная темнота, ранѣе обыкновеннаго наступавшая въ возкѣ, опять нагнала страхи и печальныя предчувствія на мою робкую душу и, къ сожалѣнію, опять не даромъ. Я говорю: къ сожалѣнію, потому что именно съ этихъ поръ у меня укоренилась вѣра въ предчувствія, и я, во всю мою жизнь, страдалъ отъ нихъ болѣе, чѣмъ отъ дѣйствительныхъ несчастій, хотя въ то же время предчувствія мои почти никогда не сбывались. Подъѣзжая къ Багрову уже вечеромъ, возокъ нашъ наѣхалъ на пенекъ и опрокинулся. Я, сонный, ударился бровью объ круглую мѣдную шляпку гвоздя, на которомъ висѣла сумка, и сверхъ того едва не задохся, потому что Параша, сестрица и множество подушекъ упали мнѣ на лицо, и особенно потому, что не скоро подняли опрокинутый возокъ. Когда мы освободились, то сгоряча я ничего не почувствовалъ, кромѣ радости, что не задохся, и даже не замѣтилъ, что ушибся; но, къ досадѣ моей, Параша, Аннушка и даже сестрица, которая не понимала, что я могъ задохнуться и умереть,—смѣялись и моему страху, и моей радости. Слава Богу, мать не знала, что мы опрокинулись.

Багрово зимой.

Наконецъ послышался лай собакъ, замелькали блѣдные дрожащіе огоньки изъ крестьянскихъ избъ; слабый свѣтъ ихъ пробивался въ наши окошечки, менѣе прежняго запушенныя снѣгомъ,—и мы догадались, что пріѣхали въ Багрово: ибо не было другой деревни на послѣднемъ двѣнадцативерстномъ переѣздѣ. Мы остановились у перваго крестьянскаго двора, и послѣ я узналъ, что отецъ посылалъ спрашивать о дѣдушкѣ; отвѣчали, что онъ еще живъ. Мы ѣхали съ колокольчиками и очень медленно; насъ ожидали, догадались, что это мы ѣдемъ, и потому, несмотря на ночное время и стужу, бабушка и тетушка Татьяна Степановна встрѣтили насъ на крыльцѣ: обѣ плакали навзрыдъ и даже завывали потихоньку. Мы безъ шума вошли въ домъ. Тетушка взялась хлопотать обо мнѣ съ сестрицей, а отецъ съ матерью пошли къ дѣдушкѣ, который былъ при смерти, но въ совершенной памяти, и нетерпѣливо желалъ увидѣть сына, невѣстку и внучатъ. Намъ опять отдали гостиную, потому что особая горница, которую обѣщалъ намъ дѣдушка, хотя была срублена и покрыта, но еще не отдѣлана. Домъ былъ весь занятъ,—съѣхались всѣ тетушки съ своими мужьями; въ комнатѣ Татьяны Степановны жила Ерлыкина съ двумя дочерьми; Иванъ Петровичъ Каратаевъ и Ерлыкинъ спали гдѣ-то въ столярной, а остальныя три тетушки помѣщались въ комнатѣ

бабушки, рядомъ съ горницей больного дѣдушки. Въ залѣ была стужа, да и въ гостиной холодно. Едва нашли кровать для матери; намъ съ сестрицей постлали на канапе, а отцу приготовили перину на полу. Подали самоваръ и стали насъ поить чаемъ, и тутъ пришла мать; она вся была мокрая отъ духоты въ дѣдушкиной горницѣ, въ которой было жарко, какъ въ банѣ. Въ гостиной ей показалось холодно, и она сейчасъ принялась ее ухичивать; заперли дверь въ залу, завѣсили ковромъ, устлали полъ кошмами,—и гостиная, въ которой было двѣ печки, скоро нагрѣлась и во все время нашего пребыванія была очень тепла.

Въ головѣ моей происходила совершенная путаница разныхъ впечатлѣній, воспоминаній, страха и предчувствій; а сверхъ того, дѣйствительно, у меня начинала сильно болѣть голова отъ ушиба. Мать скоро замѣтила, что я нездоровъ, что у меня запухаетъ глазъ, и мы должны были разсказать ей все происшествіе. Мнѣ сдѣлали какую-то примочку и глазъ завязали. Но мать была больнѣе меня отъ безсонницы, усталости и тошноты въ продолженіи всей дороги. Она не легла, а упала въ изнеможеніи на свою постель; разумѣется, и насъ сейчасъ уложили. Отецъ остался на всю ночь у дѣдушки, кончины котораго ожидали каждую минуту. Мать скоро уснула, но я долго не могъ заснуть. Безпрестанно я ожидалъ, что дѣдушка начнетъ умирать, а какъ смерть, по моему понятію и убѣжденію, соединялась съ мучительною болью и страданьемъ, то я все вслушивался: не начнетъ-ли дѣдушка плакать и стонать. Сильно я тревожился также о матери; голова болѣла, глазъ закрывался, я чувствовалъ жаръ и даже готовность бредить, и боялся, что захвораю.... но все уступило благотворному, цѣлебному сну. Проснувшись еще до свѣта, я взглянулъ на мать: она спала, и это меня очень обрадовало. Голова и глазъ перестали болѣть, но за то глазъ совершенно закрылся, запухъ и все ушибенное мѣсто посинѣло. Видно, отецъ еще не приходилъ: постель его не была измята. Я принялся разглядывать гостиную. Все въ ней было точно такъ же, какъ и прошлаго года, только стекла чудными узорами разрисовались отъ сильнаго мороза. На досугѣ я далъ волю своему воображенію, или лучше сказать соображенію, потому что я именно соображалъ настоящее наше положеніе съ тѣмъ, которое ожидало насъ впереди. Разумѣется, все это думалось по-дѣтски. Я думалъ, что когда умретъ дѣдушка, то и бабушка

вѣрно умретъ, потому что она старая и сѣдая. Тогда мы тетушку Татьяну Степановну увеземъ въ Уфу, и будетъ она жить у насъ въ пустой дѣтской; а если бабушка не умретъ, то и ее увеземъ, перенесемъ домъ изъ Багрова въ Сергѣевку, поставимъ его надъ самымъ озеромъ и станемъ тамъ лѣтомъ жить и удить вмѣстѣ съ тетушкой..... Но всѣ эти мечтанья исчезали при мысли о дѣдушкиной кончинѣ, въ которой никто не сомнѣвался. Я зналъ, что онъ желалъ насъ видѣть, и надобно признаться, что это неизбѣжное свиданье наводило на мою душу неописанный ужасъ. Всего больше я боялся, что дѣдушка станетъ прощаться со мной, обниметъ меня и умретъ, что меня нельзя будетъ вынуть изъ его рукъ, потому что онѣ *окоченѣютъ*, и что надобно будетъ меня вмѣстѣ съ нимъ закопать въ землю..... Конечно, такое опасеніе могло родиться изъ разсказовъ о покойникахъ, объ окоченѣлости ихъ членовъ, но все странно противорѣчитъ оно моимъ тогдашнимъ, здравымъ уже понятіямъ объ иныхъ предметахъ. Боже мой, какъ замирало отъ страха мое сердце при этой мысли! Дыханье останавливалось, холодный потъ выступалъ на лицѣ, я не могъ улежать на своемъ мѣстѣ, вскочилъ и сѣлъ поперекъ своей постельки, даже сталъ было будить сестрицу, и если не закричалъ, то вѣроятно отъ того, что у меня не было голоса..... Въ самое это время проснулась мать и ахнула, взглянувъ на мое лице: перевязка давно свалилась и синяя, даже черная шишка надъ моимъ глазомъ испугала мою мать. Мнимые страхи мои исчезли предъ дѣйствительнымъ испугомъ матери, и я прибѣжалъ къ ней на постель, увѣряя, что совершенно здоровъ и что у меня ничего не болитъ. Мать успокоилась и сказала мнѣ, что это пройдетъ. Сонъ подкрѣпилъ ее, она поспѣшно встала, одѣлась и ушла къ дѣдушкѣ. Уже стало свѣтло; сестрица моя также проснулась и тоже сначала испугалась, взглянувъ на мой глазъ, но его завязали, и она успокоилась. Она нисколько не боялась дѣдушки, очень сожалѣла о немъ и сама желала итти къ нему. Ея бодрость и привязанность къ дѣдушкѣ пристыдили и ободрили меня. Мать скоро воротилась и сказала, что дѣдушка уже очень слабъ, но еще въ памяти, желаетъ насъ видѣть и благословить. Какъ я ни старался овладѣть собою, но не могъ скрыть своего страха и даже поблѣднѣлъ. Мать старалась ободрить меня: „можно-ли бояться дѣдушки, который едва дышетъ и уже умираетъ?“ Я подумалъ, что

того-то я и боюсь, но не смѣлъ этого сказать. Она повела насъ въ горницу къ дѣдушкѣ, который лежалъ на постели, закрывши глаза; лицо его было блѣдно и такъ измѣнилось, что я не узналъ бы его; у изголовья на креслахъ сидѣла бабушка, а въ ногахъ стоялъ отецъ, у котораго глаза распухли и покраснѣли отъ слезъ. Онъ наклонился къ уху больного и громко сказалъ: „дѣти пришли проститься съ вами.“ Дѣдушка открылъ глаза, не говоря ни слова, дрожащею рукой перекрестилъ насъ и прикоснулся пальцами къ нашимъ головамъ: мы поцѣловали его исхудалую руку и заплакали; всѣ бывшіе въ комнатѣ принялись плакать, даже рыдать, и тутъ только я замѣтилъ, что около насъ стояли всѣ тетушки, дядюшки, старыя женщины и служившіе при дѣдушкѣ люди. Страхъ мой совершенно прошелъ, и въ эту минуту я вполнѣ почувствовалъ и любовь, и жалость къ умирающему дѣдушкѣ. Въ комнатѣ былъ нестерпимый жаръ и духота: мать скоро увела насъ въ гостиную, гдѣ мы съ сестрицей такъ расплакались, что насъ долго не могли унять. Чтобы разсѣять насъ, мать позвала къ намъ двоюродныхъ нашихъ сестрицъ. Онѣ были гораздо спокойнѣе и встрѣтили насъ ласково; мы сами нѣсколько успокоились и разговорились съ ними. Мы проговорили такъ до обѣда, который происходилъ обыкновеннымъ порядкомъ въ залѣ; кушаній было множество и кромѣ моей матери и отца, который и за столъ не садился, всѣ кушали охотно и разговаривали довольно спокойно, только въ полголоса. Послѣ обѣда сестрицы зашли къ намъ въ гостиную, и я принялся очень живо болтать и разсказывать имъ всякую всячину. Безсознательно я хотѣлъ подавить въ себѣ пустыми разговорами постоянное присутствіе мысли о дѣдушкиной смерти. Мать безпрестанно уходила къ больному и позволила намъ итти въ горницу къ двоюроднымъ сестрамъ. Проходить къ нимъ надобно было чрезъ корридоръ и чрезъ дѣвичью, биткомъ набитую множествомъ горничныхъ дѣвушекъ и дѣвченокъ; ихъ одежда поразила меня: однѣ были одѣты въ полосушатыя платья, другія въ тѣлогрѣйки съ юбками; а иныя были просто въ однѣхъ рубашкахъ и юбкахъ: всѣ сидѣли за гребнями и пряли. Это была для меня совершенная новость и я, остановясь, съ любопытствомъ разсматривалъ, какъ пряхи, одною рукою подергивая льняныя мочки, другою вертѣли веретена съ намотанной на нихъ пряжей; все это дѣлалось очень проворно и красиво, а какъ всѣ

молчали, то жужжанье веретенъ и подергиванье мочекъ производили необыковеннаго рода шумъ, никогда мною не слыханный. Въ самое это время, какъ я вслушивался и всматривался внимательно, въ комнатѣ дѣдушки раздался плачъ; я вздрогнулъ, въ одну минуту вся дѣвичья опустѣла: пряхи, побросавъ свои гребни и веретена, бросились толпою въ горницу умирающаго. Я подумалъ, что дѣдушка умеръ; пораженный и испуганный этою мыслью, я самъ не помню, какъ очутился въ комнатѣ своихъ двоюродныхъ сестрицъ, какъ взлѣзъ на тетушкину кровать и забился въ уголъ за подушки. Параша, оставя насъ однихъ, также побѣжала посмотрѣть, что дѣлается въ горницѣ бѣднаго стараго барина. Мнѣ стало еще страшнѣе; но Параша скоро воротилась и сказала, что дѣдушка началъ было *томиться*, но опять отдохнулъ. „Все ужъ ночью помретъ", прибавила она очень равнодушно Мы пробыли у сестеръ часа два, но я уже не болталъ, а сидѣлъ какъ въ воду опущенный. Насъ позвали пить чай въ залу, куда приходили: мать, тетушки и бабушка, но по одиночкѣ и на короткое время. Отецъ не приходилъ и мнѣ было грустно, что я такъ давно его не вижу. Я уже понималъ, какъ тяжело было ему смотрѣть на умирающаго своего отца. Послѣ чаю двоюродныя сестры опять зашли къ намъ въ гостиную и я опять не принималъ никакого участія въ ихъ разговорахъ; часа черезъ два онѣ ушли спать.—Какъ было мнѣ завидно, что онѣ ничего не боялись, и какъ я желалъ, чтобъ онѣ не уходили! Безъ нихъ мнѣ стало гораздо страшнѣе. Милая сестрица моя грустила объ дѣдушкѣ и безпрестанно о немъ поминала. Она говорила: „дѣдушка не будетъ кушать. Дѣдушку зароютъ въ снѣгъ. Мнѣ его жалко". Она плакала, но также ничего не боялась и скоро заснула. У меня же всѣ чувства были подавлены страхомъ и я былъ увѣренъ, что не усну во всю ночь. Я умолялъ Парашу, чтобъ она не уходила, и она обѣщала не уходить, пока не придетъ мать. Вмѣсто ночника, всегда горѣвшаго тускло, я упросилъ зажечь свѣчку. Замѣтя, что Параша дремлетъ, я сталъ съ ней разговаривать. Я спросилъ: „отчего дѣдушка не плачетъ и не кричитъ? Вѣдь ему больно умирать?" Параша со смѣхомъ отвѣчала: „нѣтъ, ужъ когда придется умирать, такъ тутъ больно не бываетъ; тутъ человѣкъ ужъ ничего и не слышитъ, и не чувствуетъ. Дѣдушка уже безъ языка и никого не узнаетъ; хочетъ что-то сказать, глядитъ во всѣ глаза, да

только губами шевелитъ"…. Новый, еще страшнѣйшій образъ умирающаго дѣдушки нарисовало мое воображеніе. Этотъ образъ неотступно стоялъ предъ моими глазами. Я почувствовалъ всю безконечность муки, о которой нельзя сказать окружающимъ, потому что человѣкъ уже не можетъ говорить. Я схватилъ руку Параши, не выпускалъ ее и пересталъ говорить. Свѣтильня нагорѣла, надо было снять со свѣчи, но я не рѣшился и на одну минуту разстаться съ рукой Параши: она должна была итти вмѣстѣ со мной и переставить свѣчу на столъ возлѣ меня, такъ близко, чтобы можно было снимать ее щипцами, не вставая съ мѣста. Параша принялась дремать, а я безпрестанно ее будилъ, жалобнымъ голосомъ повторяя: „Парашенька, не спи." Наконецъ пришла мать. Она удивилась, что я не сплю, и узнавъ причину, перевела меня на свою постель, и не раздѣваясь, легла вмѣстѣ со мною. Я обнялъ ее обѣими руками и, успокоенный ея увѣреніями, что дѣдушка умретъ не скоро,—скоро заснулъ.—Я спокойно проспалъ нѣсколько часовъ, но пробужденіе было ужасно. Открывъ глаза, я увидѣлъ, что матери не было въ комнатѣ, Параши также; свѣчка потушена, ночникъ догоралъ и огненный языкъ потухающей свѣтильни, кидаясь во всѣ стороны на днѣ горшечка съ выгорѣвшимъ саломъ, изрѣдка озарялъ мелькающимъ невѣрнымъ свѣтомъ комнату, угрожая каждую минуту оставить меня въ совершенной темнотѣ. Нѣтъ словъ для выраженія моего страха! Точно кипяткомъ обливалось мое сердце, и въ то же время морозъ пробѣгалъ по всему тѣлу. Я завернулся съ головой въ одѣяло и чувствовалъ, какъ холодный потъ выступалъ по мнѣ. Напрасно зажмуривалъ я глаза—дѣдушка стоялъ предо мной, смотря мнѣ въ глаза и шевеля губами, какъ говорила Параша. Кузнечики ковали въ голыхъ деревянныхъ стѣнахъ и слабые эти звуки болѣзненно пронзали мой слухъ. Еслибъ въ это время что-нибудь стукнуло или треснуло, мнѣ кажется, я бы умеръ отъ испуга. Вдругъ мнѣ послышался издали сначала плачъ; я подумалъ, что это мнѣ почудилось….. но плачъ перешелъ въ вопль, стонъ, визгъ… я не въ силахъ былъ болѣе выдержать; раскрылъ одѣяло и принялся кричать такъ громко, какъ могъ; сестрица проснулась и принялась также кричать. Вѣроятно долго продолжались наши крики, никѣмъ не услышанные, потому что въ это время въ самомъ дѣлѣ скончался дѣдушка; весь домъ сбѣжался въ горницу къ покойнику, и

всѣ подняли такой громкій вой, что никому не было возможности услышать наши дѣтскіе крики. Я терялъ уже сознаніе и готовъ былъ упасть въ обморокъ или помѣшаться, какъ вдругъ вбѣжала Параша, которая преспокойно спала въ коридорѣ у самой нашей двери и которую наконецъ разбудили общіе вопли; по счастію насъ съ сестрой она разслышала прежде, потому что мы были ближе. Она зажгла свѣчу у потухающаго ночника, посадила насъ къ себѣ на колѣни и кое-какъ успокоила. Наконецъ пришла мать, сама разстроенная и больная, сказала, что дѣдушка скончался въ 5 часовъ утра и что сейчасъ придетъ отецъ и ляжетъ спать, потому что уже не спалъ двѣ ночи. Въ самомъ дѣлѣ, скоро пришелъ отецъ, поцѣловалъ насъ, перекрестилъ и сказалъ: „не стало вашего дѣдушки“ и горько заплакалъ; заплакали и мы съ сестрицей. Общее вытье въ домѣ умолкло. Отецъ легъ и ту же минуту заснулъ. Свѣча горѣла въ углу, чѣмъ-то заставленная, въ окнахъ появилась бѣлизна, я догадался, что начинаетъ свѣтать: это меня очень ободрило, и скоро я заснулъ, вмѣстѣ съ матерью и сестрою.

Я проспалъ очень долго. Яркое зимнее солнце заглянуло уже въ наши окна, когда я открылъ глаза. Прежде всего слухъ мой былъ пораженъ церковнымъ пѣніемъ, происходившимъ въ залѣ, а потомъ услышалъ я и плачъ и рыданье. Событіе прошедшей ночи ожило въ моей памяти, и я сейчасъ догадался, что вѣрно молятся Богу объ умершемъ дѣдушкѣ. Въ комнатѣ никого не было. „Видно и Параша съ сестрицей ушли молиться Богу“, подумалъ я, и сталъ терпѣливо дожидаться чьего-нибудь прихода. Днемъ, при солнечномъ свѣтѣ, я не боялся одиночества. Скоро пришла Параша съ сестрицей, у которой глаза были заплаканы. Параша, сказавъ: „вотъ какъ проспали, ужъ скоро обѣдать станутъ“, начала поспѣшно меня одѣвать. Я сталъ умываться, и вдругъ вслушался въ какое-то однообразное, тихое, нараспѣвъ чтенье, выходившее какъ будто изъ залы. Я спросилъ Парашу, что это такое читаютъ? и она, обливая изъ рукомойника холодною водою мою голову, отвѣчала: „по дѣдушкѣ псалтырь читаютъ“. Я еще ни о чемъ не догадывался и былъ довольно спокоенъ, какъ сестрица сказала мнѣ: „пойдемъ, братецъ, въ залу, тамъ дѣдушка лежитъ“. Я испугался и, все еще не понимая настоящаго дѣла, спросилъ: „да какъ же дѣдушка въ залу пришелъ, развѣ онъ живъ?“—„Какое живъ,

отвѣчала Параша; ужъ давно остамѣлъ; его обмыли, одѣли въ саванъ, принесли въ залу и положили на столъ, отслужили панихиду, попы уѣхали [1]), а теперь старикъ Екимъ читаетъ псалтырь. Не слушайте сестрицы: ну, чего дѣдушку глядѣть: такой страшный, однимъ глазомъ смотритъ"…. Каждое слово Параши охватывало мою душу новымъ ужасомъ, а послѣднее описаніе такъ меня поразило, что я съ крикомъ бросился вонъ изъ гостиной, и черезъ корридоръ и дѣвичью прибѣжалъ въ комнату двоюродныхъ сестеръ; за мной прибѣжала Параша и сестрица, но никакъ не могли уговорить меня воротиться въ гостиную. Правда, страхъ смѣшонъ, и я не обвиняю Парашу за то, что она смѣялась, уговаривая меня воротиться и даже пробуя увести насильно, противъ чего я защищался и руками и ногами; но муки, порождаемыя страхомъ въ дѣтскомъ сердцѣ, такъ ужасны, что надъ ними грѣшно смѣяться. Параша пошла за моей матерью, которая, какъ послѣ я узналъ, хлопотала вмѣстѣ съ другими около бабушки: бабушкѣ сдѣлалось дурно послѣ панихиды, потому что она ужасно плакала, рвалась и билась. Мать пришла вмѣстѣ съ тетушкой Елизаветой Степановной. Я бросился къ матери на шею и умолялъ ее не уводить меня въ гостиную. Ей было очень непріятно и стыдно за меня передъ двоюродными сестрами, что я хотя мущина, а такой трусъ. Она хотѣла употребить власть; но я пришелъ въ изступленье, котораго мать сама испугалась. Тетушка видно сжалилась надо мной и вызвалась перейти въ гостиную съ своими дочерьми, которыя не боятся покойниковъ. Мать въ другое время ни за что бы не приняла такого одолженья—теперь же охотно и съ благодарностью согласилась. Точно камень свалился съ моего сердца, когда было рѣшено, что мы перейдемъ въ эту угольную комнату, отдаленную отъ залы. Въ ней не слышно было ни чтенія псалтыря, ни *вытья*. Выть по мертвому или причитать, считалось тогда необходимостью, долгомъ. Не только тетушки, но всѣ старухи, дворовыя и крестьянскія, перебывали въ залѣ, плакали и голосили, приговаривая: „отецъ ты нашъ родимый, на кого ты насъ оставилъ, сиротъ горемычныхъ" и проч. и проч. Мы перебрались въ тетушкину горницу очень скоро; я и не видѣлъ этого

[1]) Про священника съ причтомъ иногда говорятъ въ Оренб. г. во множественномъ числѣ. *С. А.*

перетаскиванья, потому что насъ позвали обѣдать. Большой круглый столъ былъ накрытъ въ бабушкиной горницѣ. Когда мы съ сестрицей вошли туда, бабушка, всѣ тетушки и двоюродныя наши сестры, повязанныя черными платками, а иныя и въ черныхъ платкахъ на шеѣ, сидѣли молча другъ возлѣ друга; оба дяди также были тамъ; общій видъ этой картины произвелъ на меня тяжелое впечатлѣніе. Всѣ перецѣловали насъ, плакали на распѣвъ, приговаривали: „покинулъ насъ дѣдушка родимый“ и еще что-то въ этомъ родѣ, чего я не помню. Скоро столъ уставили множествомъ кушаній. Не знаю почему, но вся прислуга состояла изъ горничныхъ дѣвушекъ. Отецъ былъ занятъ какимъ-то дѣломъ въ столярной и его дожидались довольно долго. Моя мать говорила своей свекрови: „для чего вы, матушка, не изволите садиться кушать? Алексѣй Степанычъ сейчасъ придетъ“. Но бабушка отвѣчала, что „Алеша теперь полный хозяинъ и господинъ въ домѣ, такъ его слѣдуетъ подождать“. Мать попробовала возразить: „онъ вашъ сынъ, матушка, и вы будете всегда госпожей въ его домѣ“. Бабушка замахала руками и сказала: „нѣтъ, нѣтъ, невѣстынька: по нашему не такъ, а всякій сверчокъ знай свой шестокъ“. Все это я слушалъ съ большимъ вниманіемъ и любопытствомъ. Вдругъ растворились двери и вошелъ мой отецъ. Я его уже давно не видалъ, видѣлъ только мелькомъ ночью; онъ былъ блѣденъ, печаленъ и похудѣлъ. Въ одну минуту всѣ встали и пошли къ нему навстрѣчу, даже толстая моя бабушка, едва держась на ногахъ и кѣмъ-то поддерживаемая, поплелась къ нему, всѣ же четыре сестры повалились ему въ ноги и завыли. Всего нельзя было разслушать, да я и забылъ многое. Помню слова: „ты теперь нашъ отецъ, не оставь насъ сиротъ“.—Добрый мой отецъ, обливаясь слезами, всѣхъ поднималъ и обнималъ, а своей матери, идущей къ нему навстрѣчу, самъ поклонился въ ноги и потомъ, цѣлуя ея руки, увѣрялъ, что никогда изъ ея воли не выйдетъ и что все будетъ итти попрежнему. Вслѣдъ за этой сценой всѣ обратились къ моей матери и, хотя не кланялись въ ноги, какъ моему отцу, но просили ее, *настоящую хозяйку въ домѣ,* не оставить ихъ своимъ расположеніемъ и ласкою. Я видѣлъ, что моей матери все это было непріятно и противно; она слишкомъ хорошо знала, что ее не любили, что желали ей сдѣлать всякое зло. Она отвѣчала холодно, что „никогда

никакой власти на себя не возьметъ и что будетъ всѣхъ уважать и любить, какъ и прежде". Сѣли за столъ и принялись такъ кушать (за исключеніемъ моей матери), что я съ удивленіемъ смотрѣлъ на всѣхъ. Тетушка Татьяна Степановна разливала налимью уху изъ огромной кастрюли, и накладывая груды икры и печенокъ, приговаривала: „покушайте, матушка, братецъ, сестрица, икорки-то и печеночекъ-то, вѣдь какъ батюшко-то любилъ ихъ..." и я самъ видѣлъ, какъ слезы у ней капали въ тарелку. Точно также и другіе плакали и ѣли съ удивительнымъ аппетитомъ. Послѣ обѣда всѣ пошли спать и спали до вечерняго чая. Проходя черезъ дѣвичью въ нашу новую комнату, я съ робостью поглядывалъ въ растворенный корридоръ, который выходилъ прямо въ залу, откуда слышалось однообразное, утомительное чтеніе псалтыри. Отецъ съ матерью также отдыхали, а мы съ сестрицей шепотомъ разговаривали. При дневномъ свѣтѣ бодрость моя возвратилась, и я даже любовался яркими лучами солнца. Комната мнѣ чрезвычайно нравилась; кромѣ того, что она отдаляла меня отъ покойника, она была угольная и одною своей стороной выходила на рѣку Бугурусланъ, который и зимой не замерзалъ отъ быстроты теченья и множества родниковъ. Онъ круто поворачивалъ противъ самыхъ оконъ. Видъ, въ снѣгахъ, быстро бѣгущей рѣки, лѣтняя кухня на острову, высокіе къ ней переходы, другой островъ съ большими и стройными деревьями, опушенными инеемъ, и вдали выпуклоутесистая Челяевская гора—вся эта картина произвела на меня пріятное, успокоительное впечатлѣніе. Въ первый разъ почувствовалъ я, что и видъ зимней природы можетъ имѣть свою красоту.

Мое спокойствіе продолжалось до сумерекъ. Самъ того не примѣчая, съ угасающими лучами заходящаго солнца терялъ я свою бодрость. Я боялся даже итти пить чай въ бабушкину комнату, потому что надобно было проходить въ дѣвичьей мимо извѣстнаго корридора. Мать строго приказала мнѣ итти. Я имѣлъ силу послушаться, но пробѣжалъ бѣгомъ черезъ дѣвичью, заткнувъ уши и отворотясь отъ корридора. Послѣ чаю у бабушки въ горницѣ начались разговоры о томъ, какъ умиралъ и что завѣщалъ исполнить дѣдушка, а также о томъ, что послѣ завтра будутъ его хоронить. Мать, замѣтивъ, что такіе разговоры меня смущаютъ, сейчасъ увела насъ съ сестрой въ нашу угловую комнату, даже пригласила

къ намъ двоюродныхъ сестрицъ. Онѣ, посидѣвъ и поболтавъ съ нами, ушли, и когда надобно было ложиться спать, страхъ опять овладѣлъ мною и такъ выразился на моемъ лицѣ, что мать поняла, какую ночь проведу я, если не лягу спать вмѣстѣ съ нею. Горячею благодарностью къ ней наполнилось мое сердце, когда она сама сказала мнѣ: „Сережа, ты ляжешь со мной". Это все, чего я могъ желать, о чемъ безъ сомнѣнія я сталъ-бы и просить и въ чемъ не отказали-бы мнѣ; но какъ тяжело, какъ стыдно было-бы просить объ этомъ! Я конечно не вдругъ-бы рѣшился и прежде не одинъ часъ провелъ-бы въ мучительномъ положеніи. О, благо тѣмъ, которые щадятъ, избавляютъ отъ унизительнаго сознанія въ трусости робкое сердце дитяти! Ночь прошла спокойно. Я проснулся еще до свѣта и услышалъ много любопытныхъ разговоровъ между отцомъ и матерью. Я узналъ, что отецъ мой хочетъ выйти въ отставку и переѣхать на житье въ Багрово. Эта вѣсть очень меня огорчила; Багрово въ оба раза представилось мнѣ въ неблагопріятномъ видѣ и конечно не могло меня привлекать къ себѣ; всѣ мои мечты стремились къ Сергѣевкѣ, гдѣ такъ весело провелъ я прошедшее лѣто. Тутъ же я въ первый разъ услышалъ, что у меня будетъ новая сестрица или братецъ.

Слѣдующій день прошелъ точно такъ же, какъ и предыдущій: то-есть днемъ я былъ спокойнѣе и бодрѣе, а къ ночи опять начиналъ бояться. Всего болѣе тревожило меня сомнѣніе, положитъ-ли маменька меня съ собою спать. Я съ волненіемъ дожидался того времени, когда начнутъ стлать постели, и почувствовалъ большую радость, увидя, что мои подушки кладутъ на маменькину постель. Новаго я узналъ, что завтра дѣдушку повезутъ хоронить въ село Неклюдово, чего онъ именно не желалъ, потому что не любилъ всего Неклюдовскаго. Почему было поступлено противъ его воли— я до сихъ поръ не знаю; но помню, что говорили о какихъ-то важныхъ причинахъ. Я долженъ признаться, что горячо желалъ, чтобы поскорѣе увезли дѣдушку. Я чувствовалъ, что только тогда возвратится въ мою душу совершенное спокойствіе. Мертвецовъ боятся многіе во всю свою жизнь; я самъ боялся ихъ и никогда не видывалъ лѣтъ до двадцати. Страхъ этотъ опредѣлить трудно. Человѣкъ въ зрѣломъ возрастѣ вѣроятно страшится собственнаго впечатлѣнія: видъ покойника возмутитъ его душу и будетъ преслѣдовать его

воображеніе; но тогда я положительно боялся и былъ увѣренъ, что дѣдушка, какъ скоро я взгляну на него, на минуту оживетъ и схватитъ меня.

Наступилъ этотъ печальный и торжественный день. Всѣ поднялись рано; началась бѣготня и безпрестанное хлопанье дверями. Когда мы пришли, ранѣе обыкновеннаго, пить чай въ бабушкину горницу, то всѣ тетушки и бабушка были уже одѣты въ дорожныя платья; у крыльца стояло нѣсколько повозокъ и саней, запряженныхъ гусемъ. Дворъ и улица были полны народу: не только сошлись свои крестьяне и крестьянки, отъ стараго и до малаго, но и окольныя деревни собрались проститься съ моимъ дѣдушкой, который былъ всѣми уважаемъ и любимъ, какъ отецъ. Много лѣтъ спустя, я слыхалъ, что сосѣдняя Мордва иначе не называла его, какъ „отца наша“. Когда все было готово и всѣ пошли прощаться съ покойникомъ, то въ залѣ поднялся вой, громко раздававшійся по всему дому: я чувствовалъ сильное волненіе, но уже не отъ страха, а отъ темнаго пониманія важности событія, жалости къ бѣдному дѣдушкѣ и грусти, что я никогда его не увижу. Двери въ домѣ были вездѣ настежь, вездѣ сдѣлалась стужа, и мать приказала Парашѣ не водить сестрицу прощаться съ дѣдушкой, хотя она плакала и просилась. Итакъ, мы только трое остались въ бабушкиной теплой горницѣ. Вдругъ поднялся глухой шумъ и топотъ множества ногъ въ залѣ, съ которымъ вмѣстѣ двигался плачь и вой: все это прошло мимо насъ... и вскорѣ я увидѣлъ, что съ крыльца, какъ будто на головахъ людей, спустился деревянный гробъ; потомъ, когда тѣсная толпа раздвинулась, я разглядѣлъ, что гробъ несли мой отецъ, двое дядей и старикъ Петръ Ѳедоровъ, котораго самого вели подъ руки; бабушку также вели сначала, но скоро посадили въ сани, а тетушки и маменька шли пѣшкомъ; многіе стоявшіе на дворѣ кланялись въ землю. Медленно двигаясь, толпа вышла на улицу, вытянулась во всю ея длину и наконецъ скрылась изъ моихъ глазъ. Стоя на стулѣ и смотря въ окошко, я плакалъ отъ глубины души, исполненной искренняго чувства любви и умиленія къ моему дѣдушкѣ, такъ горячо любимому всѣми. На одно мгновеніе мнѣ захотѣлось даже еще разъ его увидѣть и поцѣловать исхудалую его руку.

Мы сидѣли въ бабушкиной горницѣ и грустно молчали. Послѣ шума и движенья въ домѣ наступила мертвая тишина.

Вдругъ подъѣхали къ крыльцу сани; съ нихъ сошла мать и двѣ наши двоюродныя сестры. Я вскрикнулъ отъ радости; я думалъ, что всѣ уѣхали въ Неклюдово за двадцать верстъ. Вслѣдъ за пріѣздомъ матери повалили толпы возвращающагося народа. Мать проводила дѣдушку до околицы; тамъ поставили его гробъ на сани, а всѣ провожавшіе сѣли въ повозки. Мы ушли въ свою угольную комнату. Мать, разстроенная душевно, потому что очень любила покойнаго дѣдушку, и очень утомленная, пролежала почти цѣлый день, не занимаясь нами. Двоюродныя сестрицы оставались у насъ въ комнатѣ, и мы съ ними очень разговорились, и очень дружелюбно. Впрочемъ, говорили почти все онѣ, и я тутъ узналъ много такого, о чемъ прежде не имѣлъ понятія и что даже считалъ невозможнымъ. Я узналъ, напримѣръ, что онѣ очень мало любятъ, а только боятся своихъ родителей, что онѣ безпрестанно лгутъ и обманываютъ ихъ; я принялся было осуждать своихъ сестрицъ, доказывать, какъ это дурно, и учить ихъ, какъ надобно поступать добрымъ дѣтямъ. Я говорилъ все то, что зналъ изъ книгъ, еще болѣе изъ собственной моей жизни, но сестрицы меня или не понимали, или смѣялись надо мной, или утверждали, что у нихъ тятенька и маменька совсѣмъ не такіе, какъ у меня.

Поздно вечеромъ воротился отецъ. Бабушка съ тетушками осталась ночевать въ Неклюдовѣ у родныхъ своихъ племянницъ; мой отецъ прямо съ похоронъ, не заходя въ домъ, какъ его о томъ ни просили, уѣхалъ къ намъ. Онъ цѣлый день ничего не ѣлъ и ужасно усталъ, потому что много шелъ пѣшкомъ за гробомъ дѣдушки. Эту ночь я спалъ уже на особой кроваткѣ вмѣстѣ съ сестрицей. Я вечеромъ опять почувствовалъ страхъ, но скрылъ его: мать положила-бы меня спать съ собою, а для нея это было безпокойно; къ тому же она спала, когда я ложился Долго не могъ я заснуть; видъ колыхающагося гроба и чего-то въ немъ лежащаго, медленно двигающагося на плечахъ толпы народа— не отходилъ отъ меня и далеко прогонялъ сонъ. Наконецъ послѣ многихъ усилій я кое-какъ заснулъ, слава Богу, и проснулся позже всѣхъ.

Къ обѣду пріѣхала бабушка, тетушка и дяди; наканунѣ весь домъ былъ вымытъ, печи жарко истоплены и въ домѣ стало тепло, кромѣ залы, въ которую, впрочемъ, никто и не входилъ до девяти денъ. Чтеніе псалтыря продолжалось и день и ночь уже въ горницѣ дѣдушки, гдѣ онъ жилъ и

скончался. Пили чай, обѣдали и ужинали у бабушки, потому что это была самая большая комната послѣ залы; тамъ же обыкновенно всѣ сидѣли и разговаривали. Мать нѣсколько дней не могла оправиться; она по большей части сидѣла съ нами въ нашей свѣтлой угольной комнатѣ, которая, впрочемъ, была холоднѣе другихъ; но мать захотѣла остаться въ ней до нашего отъѣзда въ Уфу, который былъ назначенъ черезъ девять дней.

Какъ я ни былъ малъ, но замѣтилъ, что моего отца всѣ тетушки, особенно Татьяна Степановна, часто обнимали, цѣловали и говорили, что онъ одинъ остался у нихъ кормилецъ и защитникъ. Мать мою также очень ласкали. Тетушка Татьяна Степановна часто приходила къ намъ, чтобы „матушкѣ сестрицѣ не было скучно", и звала ее съ собою, чтобы вмѣстѣ поговорить о разныхъ домашнихъ дѣлахъ. Но мать всегда отвѣчала, что „не намѣрена мѣшаться въ ихъ семейныя и домашнія дѣла, что ея согласіе тутъ не нужно и что все зависитъ отъ матушки", то-есть отъ ея свекрови. Возвращаясь съ семейныхъ совѣщаній, отецъ разсказывалъ матери, что покойный дѣдушка, еще до нашего пріѣзда, отдалъ разныя приказанья бабушкѣ; назначилъ каждой дочери, кромѣ крестной матери моей, доброй Аксиньи Степановны, по одному семейству изъ дворовыхъ, а для Татьяны Степановны приказалъ купить сторгованную землю у Башкирцевъ и перевести туда 25 душъ крестьянъ, которыхъ назвалъ поименно; сверхъ того роздалъ дочерямъ много хлѣба и всякой домашней рухляди. „Хоть батюшка мнѣ ничего не говорилъ, а изволилъ только сказать: *не оставь Танюшу и награди также, какъ я наградилъ другихъ сестеръ при замужествѣ,* — но я свято исполню все, что онъ приказывалъ матушкѣ". Мать одобрила его намѣренье. Когда мой отецъ изъявилъ полное согласіе на исполненье дѣдушкиной воли, то всѣ благодарили его и низко кланялись, а Татьяна Степановна поклонилась даже въ ноги. Она приходила также обнимать, цѣловать и благодарить мою мать, которая однако никакихъ благодарностей не принимала и возражала, что это дѣло до нея вовсе не касается.

Я замѣчалъ иногда, что Параша что-то шептала моей матери; иногда она слушала ее, а всего чаще заставляла молчать и прогоняла, и вотъ что эта Параша, одѣвая меня, одинъ разъ мнѣ сказала: „Да, вы тутъ сидите, а васъ грабятъ". Я не понялъ и попросилъ объясненья. Параша отвѣ-

чала: „Да вотъ сколько теперь батюшка-то вашъ роздалъ крестьянъ, дворовыхъ людей и всякаго добра вашимъ тетушкамъ-то, а все по напрасну; онѣ всклепали на покойника; онѣ точно просили, да дѣдушка отвѣчалъ: что братъ Алеша дастъ, тѣмъ и будьте довольны. Никанорка Танайченокъ все это своими ушами слышалъ и всѣ въ домѣ это знаютъ". Я плохо понималъ, о чемъ шло дѣло, и это не произвело на меня никакого впечатлѣнія; но я, какъ и всегда, поспѣшилъ разсказать объ этомъ матери. Она такъ разсердилась и такъ кричала на Парашу, такъ грозила ей, что я испугался. Параша плакала, просила прощенья, валялась въ ногахъ у моей матери, крестилась и божилась, что никогда впередъ этого не будетъ. Мать сказала ей, что если еще разъ что-нибудь такое случится, то она отошлетъ ее въ Симбирское Багрово ходить за коровами. Какъ было мнѣ жаль бѣдную Парашу, какъ она жалобно на меня смотрѣла и какъ умоляла, чтобъ я упросилъ маменьку простить ее!... и я съ жаромъ просилъ за Парашу, обвиняя себя, что подвергъ ее такому горю. Мать простила, но совсѣмъ тѣмъ выгнала вонъ изъ нашей комнаты свою любимую приданую женщину и не позволила ей показываться на глаза, пока ея не позовутъ, а мнѣ она строго подтвердила, чтобъ я никогда не слушалъ разсказовъ слугъ и не вѣрилъ имъ, и что это все выдумки Багровской дворни: разумѣется, что тогда никакое сомнѣніе въ справедливости словъ матери не входило мнѣ въ голову. Только впослѣдствіи понялъ я, за что мать сердилась на Парашу и отчего она хотѣла, чтобъ я не зналъ печальной истины, которую мать знала очень хорошо. Понялъ также и то, для чего мать напрасно обвиняла Багровскую дворню, понялъ, что въ этомъ случаѣ дворня была выше нѣкоторыхъ своихъ господъ.

Обрадованный, что со мной и съ сестрицей бабушка и тетушка стали ласковы, и увѣренный, что всѣ насъ любятъ, я самъ сдѣлался очень ласковъ со всѣми, особенно съ бабушкой. Я скоро предложилъ всему обществу послушать моего чтенія изъ Россіады и трагедій Сумарокова. Меня слушали съ любопытствомъ, хвалили и говорили, что я умникъ, грамотей и чтецъ.

Черезъ нѣсколько дней страхъ мой совершенно прошелъ. Я сталъ ходить по всему дому провожаемый иногда Евсеичемъ. Одинъ разъ, какъ-то безъ него, я заглянулъ даже въ дѣдушкину комнату: она была пуста, всѣ вещи куда-то вы-

несли; стояла только въ углу его скамеечка и кровать съ веревочнымъ переплетомъ, посрединѣ котораго лежалъ тонкій лубокъ, покрытый войлокомъ, а на войлокѣ спали поочередно который-нибудь изъ чтецовъ псалтыря; чтецовъ было двое: дряхлый старикъ Екимъ Мысеичъ и очень молодой, рыжій парень Василій. Они перемѣнялись, читая день и ночь. Когда я вошелъ въ первый разъ въ эту печальную комнату, читалъ Мысеичъ медленно и гнуся, плохо разбирая и въ очки церковную печать. Въ углу стоялъ высокій столикъ, накрытый бѣлою салфеткой, съ большимъ образомъ, передъ которымъ теплилась желтая восковая свѣчка; Екимъ иногда крестился, а иногда и кланялся. Я стоялъ долго и тихо, испытывая чувство грустнаго умиленья. Вдругъ мнѣ захотѣлось самому почитать псалтырь по дѣдушкѣ: я еще въ Уфѣ выучился читать церковную печать. Я попросилъ объ этомъ Екима, и онъ согласился. Заставивъ меня напередъ помолиться Богу, Мысеичъ подставилъ мнѣ низенькую дѣдушкину скамеечку, и я стоя принялся читать. Какое-то волненье стѣсняло мою грудь, я слышалъ біеніе моего сердца и звонкій голосъ мой дрожалъ; но я скоро оправился и почувствовалъ неизъяснимое удовольствіе. Я читалъ довольно долго, какъ вдругъ голосъ Евсеича, который, вошедши за мной, уже давно стоялъ и слушалъ, прервалъ меня: „не будетъ ли, соколикъ? сказалъ онъ; а читать гораздъ“. Я оглянулся: Мысеичъ заснулъ, прислонясь къ окошку. Мы разбудили его и онъ, благословясь, принялся за чтеніе. Я помолился передъ образомъ, посмотрѣлъ на дѣдушкину кровать, на которой спалъ рыжій Васька, вспомнилъ все прошедшее и грустно вышелъ изъ комнаты.

Пришелъ и девятый день, день поминовенья по усопшемъ дѣдушкѣ. Наканунѣ всѣ, кромѣ отца и матери, даже двоюродныя сестры, уѣхали ночевать въ Неклюдово. Въ девятый же день и отецъ съ матерью рано поутру, чтобы поспѣть къ обѣднѣ, уѣхали туда же. Въ цѣломъ домѣ оставались одни мы съ сестрицей. Евсеичъ со мной не разставался, и я упросилъ его пойти въ комнату дѣдушки, чтобъ еще разъ почитать по немъ псалтырь. Въ горницѣ также читалъ Мысеичъ и также спалъ рыжій Васька. Хотя я началъ читать не безъ волненія, но голосъ мой уже не дрожалъ, и я читалъ еще съ большимъ внутреннимъ удовольствіемъ, чѣмъ въ первый разъ. Долго и терпѣливо слушалъ Евсеичъ; наконецъ также сказалъ: „не будетъ ли, соколикъ? чай ножки устали“. Мы-

сеичъ опять дремалъ, прислонясь къ окошку; я опять помолился Богу и даже поклонился въ землю, опять съ грустью посмотрѣлъ на дѣдушкину кровать—и мы вышли. Дѣдушкиной горницы въ этомъ видѣ я уже болѣе не видалъ. Выходя изъ комнаты, Евсеичъ сказалъ мнѣ: „вотъ это хорошо вышло! Въ Неклюдовѣ служили по дѣдушкѣ панихиду на его могилкѣ, а ты, соколикъ, читалъ по немъ псалтырь въ его горницѣ“, и я чувствовалъ необыкновенное удовольствіе, смѣшанное съ какой-то даже гордостью.

Къ обѣду, о которомъ, какъ я замѣтилъ, заранѣе хлопотали тетушки,—всѣ воротились изъ Неклюдова; даже пріѣхали бабушкины племянницы со старшими дѣтьми. Еще до пріѣзда хозяевъ и гостей былъ накрытъ большой столъ въ залѣ. Мать воротилась, очень утомленная и разстроенная, отецъ съ красными глазами отъ слезъ, а прочія показались мнѣ довольно спокойными. Какъ пріѣхали, такъ сейчасъ сѣли за обѣдъ. Кушаній было множество и все такія жирныя, что мать намъ съ сестрицей почти ничего ѣсть не позволяла. Въ концѣ обѣда явились груды блиновъ: ихъ кушали со слезами и даже съ рыданьями, хотя передъ блинами всѣ были спокойны и громко говорили. Мать ничего не ѣла и очень была печальна; я глазъ съ нея не сводилъ. Я слышалъ, какъ она, уйдя послѣ обѣда въ нашу комнату, сказала Парашѣ, съ которой опять начала ласково разговаривать, что она „ничего не могла ѣсть, потому что обѣдали на томъ самомъ столѣ, на которомъ лежало тѣло покойнаго батюшки“. Меня такъ поразили эти слова, что я самъ почувствовалъ какое-то отвращенье къ кушаньямъ, которыя ѣлъ. Мнѣ даже сдѣлалось тошно.—Вечеромъ гости уѣхали, потому что въ домѣ негдѣ было помѣститься.

На другой день мы сбирались и укладывались, а на третій, рано по утру, уѣхали. Прощанье было продолжительное, обнимались, цѣловались и плакали, особенно бабушка, которая не одинъ разъ говорила моему отцу: „ради Бога, Алеша, выходи поскорѣе въ отставку и переѣзжай въ деревню. Гдѣ мнѣ управлять мужскимъ хозяйствомъ: мое дѣло вдовье и старушечье; я плоха, а Танюша человѣкъ молодой, да мы и не смыслимъ. Все вѣдь держалось покойникомъ, а теперь насъ съ Танюшей никто и слушать не станетъ. Всѣ разъѣдутся по своимъ мѣстамъ; мы останемся однѣ, дѣло наше женское,—ну, что мы станемъ дѣлать?“ Отецъ обѣщалъ исполнить ея волю.

....

УФА.

Надобно признаться, что мнѣ не жаль было покинуть Багрово. Два раза я жилъ въ немъ, и оба раза невесело. Въ первый разъ была дождливая осень и тяжелая жизнь въ разлукѣ съ матерью и отцомъ при явномъ недоброжелательствѣ родныхъ-хозяевъ, или хозяекъ лучше сказать. Во второй разъ стояла жестокая зима, скончался дѣдушка, и я испыталъ впечатлѣнія мучительнаго страха, о которомъ долго не могъ забыть. Итакъ, не за что было полюбить Багрово. Обратный путь нашъ въ Уфу совершился скорѣе и спокойнѣе: морозы стояли умѣренные, окошечки въ нашемъ возкѣ не совсѣмъ запушались снѣгомъ, и возокъ не опрокидывался.

Въ Уфѣ всѣ знакомые наши друзья очень намъ обрадовались. Кругъ знакомыхъ нашихъ, особенно знакомыхъ съ нами дѣтей, значительно уменьшился. Крестный отецъ мой. Д. Б. Мертваго, который хотя никогда не бывалъ со мной ласковъ, но за то никогда и не дразнилъ меня—давно уже уѣхалъ въ Петербургъ. Княжевичи съ своими дѣтьми переѣхали въ Казань; Мансуровы также со всѣми дѣтьми куда-то уѣхали.

Обогащенный многими новыми понятіями и чувствами, я принялся опять перечитывать свои книги, и многое понялъ въ нихъ яснѣе прежняго, увидѣлъ даже то, чего прежде

вовсе не видалъ, а потому и самыя книги показались мнѣ отчасти новыми. Слишкомъ годъ прошелъ послѣ неудачной моей попытки учить грамотѣ милую мою сестрицу, и я снова приступилъ къ этому важному и еще неблагодарному для меня дѣлу, неуспѣхъ котораго меня искренно огорчалъ. Сестрица моя выучивала три-четыре буквы въ одно утро, вечеромъ еще знала ихъ, потому что, ложась спать, я дѣлалъ ей всегда экзаменъ; но на другой день поутру рѣшительно ничего не помнила. Писать прописи я началъ уже хорошо; ариѳметика была давно брошена. У меня была надежда, что весной мы опять поѣдемъ въ Сергѣевку; но мать сказала мнѣ, что этого не будетъ. Во-первыхъ потому, что она, слава Богу, здорова, а во-вторыхъ потому, что въ исходѣ мая она, можетъ-быть, подаритъ мнѣ сестрицу или братца. Хотя это извѣстіе очень меня занимало и радовало, но грустно мнѣ было лишиться надежды прожить лѣто въ Сергѣевкѣ. Я уже начиналъ сильно любить природу, охота удить также сильно начинала овладѣвать мною, и приближеніе весны волновало сердце мальчика (будущаго страстнаго рыбака), легко поддающагося увлеченіямъ.

Съ самаго возвращенія въ Уфу я началъ вслушиваться и замѣчать, что у матери съ отцомъ происходили споры, даже непріятные. Дѣло шло о томъ, что отецъ хотѣлъ въ точности исполнить обѣщанье, данное имъ своей матери: выйти немедленно въ отставку, переѣхать въ деревню, избавить свою мать отъ всѣхъ заботъ по хозяйству и успокоить ея старость. Переѣздъ въ деревню и занятія хозяйствомъ онъ считалъ необходимымъ даже и тогда, когда бы бабушка согласилась жить съ нами въ городѣ, о чемъ она и слышать не хотѣла. Онъ говорилъ, что „безъ хозяина скоро портится порядокъ и что черезъ нѣсколько лѣтъ не узнаешь ни стараго, ни новаго Багрова“. На всѣ эти причины, о которыхъ отецъ мой говаривалъ много, долго и тихо,—мать возражала съ горячностью, что „деревенская жизнь ей противна, Багрово особенно не нравится и вредно для ея здоровья, что ея не любятъ въ семействѣ и что ее ожидаютъ тамъ безпрестанныя неудовольствія“. Впрочемъ была еще важная причина для переѣзда въ деревню: письмо, полученное отъ Прасковьи Ивановны Куролесовой. Узнавъ о смерти моего дѣдушки, котораго она называла вторымъ отцомъ и благодѣтелемъ, Прасковья Ивановна писала къ моему отцу, „нечего ему жить

по пустякамъ въ Уфѣ, служить въ какомъ-то Судѣ изъ трехъ сотъ рублей жалованья, что гораздо будетъ выгоднѣе заняться своимъ собственнымъ хозяйствомъ, да и ей старухѣ помогать по ея хозяйству. Оно же и кстати, потому что старое Багрово всего 50 верстъ отъ Чурасова, гдѣ она постоянно живетъ". Въ заключеніе письма она писала, что „хочетъ узнать въ лицо Софью Николавну, съ которою давно бы пора ее познакомить; да и наслѣдниковъ своихъ она желаетъ видѣть". Письмо это отецъ нѣсколько разъ читалъ матери и доказывалъ, что тутъ и разсуждать нечего, если не хотимъ прогнѣвать тетушку и лишиться всего. Противъ этихъ словъ мать ничего не возражала.—Я и прежде составилъ себѣ понятіе, что Прасковья Ивановна—какая-то сила, повелительница, нѣчто въ родѣ покойной Государыни; а теперь еще больше утвердился въ моихъ мысляхъ. Споры однако продолжались, отецъ не уступалъ, и все, чего могла добиться мать, состояло въ томъ, что отецъ согласился не выходить въ отставку немедленно, а отложилъ это намѣреніе до совершеннаго выздоровленія матери отъ *будущей болѣзни,* то-есть, до лѣта. *Будущую болѣзнь* объяснили мнѣ ожидаемымъ появленіемъ сестрицы или братца. Написали письмо къ Прасковьѣ Ивановнѣ и не одинъ разъ его перечитывали; заставили и меня написать по линейкамъ, что „я очень люблю бабушку и желаю ее видѣть". Я не могъ любить, да и видѣть не желалъ Прасковью Ивановну, потому что не зналъ ея, и понимая, что пишу ложь, всегда строго осуждаемую у насъ, я откровенно спросилъ: „для чего меня заставляютъ говорить неправду". Мнѣ отвѣчали, что когда я узнаю бабушку, то непремѣнно полюблю, и что я теперь долженъ ее любить, потому что она насъ любитъ и хочетъ намъ сдѣлать много добра. Дальнѣйшихъ возраженій и вопросовъ моихъ не стали слушать.

Въ городѣ безпрестанно получались разныя извѣстія изъ Петербурга, которыя приводили всѣхъ въ смущеніе и страхъ; но въ чемъ состояли эти извѣстія, я ничего узнать не могъ, потому что о нихъ всегда говорили потихоньку, а на мои вопросы обыкновенно отвѣчали, что я еще дитя и что мнѣ знать объ этомъ не нужно. Мнѣ было досадно; особенно сердилъ меня одинъ отвѣтъ: „много будешь знать, скоро состарѣешься".—Одного только обстоятельства нельзя было скрыть: Государь приказалъ, чтобы всѣ, кто служитъ, носили

какіе-то сертуки, особеннаго покроя, съ гербовыми пуговицами (сертуки назывались *оберроками*), и кромѣ того—чтобы жены служащихъ чиновниковъ носили сверхъ своихъ парадныхъ платьевъ что-то въ родѣ курточки, съ такимъ же шитьемъ, какое носятъ ихъ мужья на своихъ мундирахъ. Мать была мастерица на всякія вышиванья и сейчасъ принялась шить по картѣ серебряныя петлицы, которыя очень были красивы на голубомъ воротникѣ бѣлаго спензера, или курточки. Мать выѣзжала въ такомъ нарядѣ нѣсколько разъ по праздникамъ въ церковь, къ губернаторшѣ и еще куда-то. Я всегда любовался ею и провожалъ до лакейской. Всѣ называли мою мать красавицей, и точно, она была лучше всѣхъ, кого я зналъ.

Весна пришла, и вмѣсто радостнаго чувства я испытывалъ грусть. Что мнѣ было до того, что съ горъ бѣжали ручьи, что показались проталины въ саду и около церкви, что опять прошла Бѣлая и опять широко разлились ея воды! Не увижу я Сергѣевки и ея чуднаго озера, ея высокихъ дубовъ, не стану удить съ мостковъ вмѣстѣ съ Евсеичемъ, и не будетъ лежать на берегу Сурка, растянувшись на солнышкѣ!—Вдругъ узнаю я, что отецъ ѣдетъ въ Сергѣевку. Кажется, это было давно рѣшено, и только скрывали отъ меня, чтобы не дразнить понапрасну ребенка. Въ Сергѣевку пріѣхалъ землемѣръ Ярцевъ, чтобъ обмежевать нашу землю. Межеванье обѣщали покончить въ двѣ недѣли, потому что моему отцу нужно было воротиться къ тому времени, когда у меня будетъ новая сестрица или братецъ. Проситься съ отцомъ я не смѣлъ. Дороги были еще не проѣздныя, Бѣлая въ полномъ разливѣ, и мой отецъ долженъ былъ проѣхать на лодкѣ десять верстъ, а потомъ добраться до Сергѣевки кое-какъ въ телѣгѣ. Мать очень безпокоилась объ отцѣ, что и во мнѣ возбудило безпокойство. Мать боялась также, чтобы межеванье не задержало отца, и чтобъ ее успокоить, онъ далъ ей слово, что если въ двѣ недѣли межеванье не будетъ конечно, то онъ все броситъ, оставитъ тамъ повѣреннымъ кого-нибудь, хотя Ѳедора, мужа Параши, а самъ пріѣдетъ къ намъ въ Уфу. Мать не могла удержаться отъ слезъ, прощаясь съ моимъ отцомъ, а я разревѣлся. Мнѣ было грустно разстаться съ нимъ, и страшно за него, и горько, что не увижу Сергѣевки и не поужу на озерѣ. Напрасно Евсеичъ утѣшалъ меня тѣмъ, что теперь нельзя гулять, потому что грязно; нельзя удить,

потому что вода въ озерѣ мутная,—я плохо ему вѣрилъ: я уже не одинъ разъ замѣчалъ, что для моего успокоенья говорили неправду. Медленно тянулись эти двѣ недѣли. Хотя я, живя въ городѣ, мало проводилъ времени съ отцомъ, потому что поутру онъ обыкновенно уѣзжалъ въ должность, а вечеромъ—въ гости или самъ принималъ гостей, но мнѣ было скучно и грустно безъ него. Отецъ не успѣлъ мнѣ разсказать хорошенько, что значитъ межевать землю, и я для дополненія свѣдѣній, разспросивъ мать, а потомъ Евсеича, въ чемъ состоитъ межеванье, и не узнавъ отъ нихъ почти ничего новаго (они сами ничего не знали), составилъ себѣ однако кое-какое понятіе объ этомъ дѣлѣ, которое казалось мнѣ важнымъ и торжественнымъ. Впрочемъ, я узналъ внѣшнюю обстановку межеванья: вѣхи, колья, цѣпь и понятыхъ.—Воображеніе рисовало мнѣ разныя картины, и я бродилъ мысленно, вмѣстѣ съ моимъ отцемъ, по полямъ и лѣсамъ Сергѣевской дачи. Очень странно, что составленное мною понятіе о межеваньѣ довольно близко подходило къ дѣйствительности: впослѣдствіи я убѣдился въ этомъ на опытѣ, даже мысль дитяти о важности и какой-то торжественности межеванья всякій разъ приходила ко мнѣ въ голову, когда я шелъ или ѣхалъ за астролябіей, благоговѣйно несомой крестьяниномъ, тогда какъ другіе тащили цѣпь и втыкали колья черезъ каждыя десять саженъ; настоящаго же дѣла, то-есть, измѣренія земли и съемки ея на планъ, разумѣется я тогда не понималъ, какъ и всѣ меня окружавшіе.

Отецъ сдержалъ свое слово: ровно черезъ двѣ недѣли онъ воротился въ Уфу. Возвращаться было гораздо труднѣе, чѣмъ ѣхать на межеванье. Вода начала сильно сбывать, во многихъ мѣстахъ земля оголилась, и всѣ десять верстъ, которыя отецъ спокойно проѣхалъ туда на лодкѣ, надобно было проѣхать въ обратный путь уже верхомъ. Воды еще много стояло въ долочкахъ и ложбинкахъ, и она доставала иногда по брюхо лошади. Отецъ пріѣхалъ, весь съ ногъ до головы забрызганный грязью. Мать и мы съ сестрицей очень ему обрадовались, но отецъ былъ не веселъ; многіе Башкирцы и всѣ припущенники, то-есть, жители „Кишекъ“ и „Тимкина“, объявили споръ и дачу обошли *черными* (спорными) *столбами*: обмежеванье *бѣлыми столбами* означало безспорность владѣнія. Разсказавъ все подробно, отецъ прибавилъ: „ну, Сережа, Сергѣевская дача пойдетъ въ долгій ящикъ и не скоро

достанется тебѣ; напрасно мы поторопились перевести туда крестьянъ". Я огорчился, потому что мнѣ очень было пріятно имѣть собственность, и я съ тѣхъ поръ пересталъ уже говорить съ наслажденіемъ, при всякомъ удобномъ случаѣ: „моя Сергѣевка".

Приближался конецъ мая, и насъ съ сестрицей перевели изъ дѣтской въ такъ называемую столовую, гдѣ впрочемъ мы никогда не обѣдали; съ нами спала Параша, а въ комнатѣ, которая отдѣляла насъ отъ столярной, спалъ Евсеичъ: онъ получилъ приказаніе не отходить отъ меня. Такое отлученіе отъ матери, черезъ всю длину огромнаго дома, несмотря на увѣренія, что это необходимо для маменькина здоровья, что жизнь будущаго братца или сестрицы отъ этого зависитъ, показалось мнѣ вовсе не нужнымъ; только впослѣдствіи я узналъ настоящую причину этого удаленія.

Въ это время, кажется 1-го іюня, случилась жестокая гроза, которая произвела на меня сильное впечатлѣніе страха. Гроза началась вечеромъ, часу въ десятомъ; мы ложились спать; прямо передъ нашими окнами былъ закатъ лѣтняго солнца, и свѣтлая заря, еще не закрытая черною приближающеюся тучею, изъ которой гремѣлъ по временамъ глухой громъ, озаряла розовымъ свѣтомъ нашу обширную спальню, то-есть, столовую; я стоялъ возлѣ моей кроватки и молился Богу. Вдругъ страшный громовой ударъ потрясъ весь домъ и оглушилъ насъ; я бросился на свою кроватку и очень сильно ушибъ себѣ ногу. Нѣсколько минутъ я не могъ опомниться; опомнившись, я увидѣлъ, что сижу на колѣняхъ у Евсеича, что дождь льетъ, какъ изъ ведра, и что комната освѣщена не зарею, а заревомъ отъ огня. Евсеичъ разсказалъ мнѣ, что это горитъ соборная Троицкая колокольня, которую зажгла *мóлонья*. Милая моя сестрица также была испугана и также сидѣла на рукахъ своей няни; вдругъ вошла княжна-калмычка и сказала, что барыня спрашиваетъ къ себѣ дѣтей. Насъ привели въ спальню. Мать лежала въ постели, отецъ хлопоталъ около нея вмѣстѣ съ бабушкой-повитушкой (какъ всѣ ее называли), Аленой Максимовной. Я замѣтилъ, что мать не только встревожена, но и нездорова; она положила насъ къ себѣ на постель: ласкала, цѣловала и мнѣ показалось, что она даже плакала. Видя мое безпокойство, сообщившееся и моей сестрицѣ, она увѣрила насъ, что ее испугалъ громъ, что она боялась нашего испуга

и что завтра будетъ здорова. Она перекрестила насъ и послала спать: отецъ также перекрестилъ. Я замѣтилъ, что онъ не раздѣвался и не собирается лечь въ постель. Я догадался, что мать больна. Мы воротились въ нашу комнату. Ночь была душная, растворили окна, ливень унялся, шелъ уже мелкій дождь; мы стали смотрѣть въ окна и увидѣли три пожара, отъ которыхъ, несмотря на черныя тучи, было довольно свѣтло. Кто-то изъ военныхъ подъѣзжалъ къ нашему окошку и спрашивалъ о здоровьѣ нашей матери. Сестрица моя скоро задремала, Параша уложила ее спать и сама заснула. Мы съ Евсеичемъ долго смотрѣли въ окно и разговаривали. Испугъ мой прошелъ и я принялся разспрашивать: что такое молонья, отчего она зажигаетъ, отчего гремитъ громъ? Евсеичъ отвѣчалъ, что „молонья огненная громовая стрѣла и во что она ударитъ, то и загорится". Небо очистилось, замелькали звѣзды, становилось уже свѣтло отъ утренней зари, когда я заснулъ въ моей кроваткѣ.

На другой день догадка моя подтвердилась; мать точно была больна; этого уже не скрывали отъ насъ. Пріѣзжалъ нашъ другъ Авенаріусъ и еще какой-то другой докторъ. Я съ сестрицей приходилъ къ маменькѣ на одну минуту; она, поцѣловавъ насъ, сказала, что хочетъ почивать, и отпустила. Я не могъ разсмотрѣть лица матери: въ комнатѣ было почти темно отъ опущенныхъ зеленыхъ гардинъ. Отецъ былъ блѣденъ и смущенъ. Тоска сжала мое сердце. Я ничѣмъ не могъ заниматься, а только плакалъ и просился къ маменькѣ. Видно отцу сказали объ этомъ: онъ приходилъ къ намъ и сказалъ, что если я желаю, чтобы мать поскорѣе выздоровѣла, то не долженъ плакать и проситься къ ней, а только молиться Богу и просить, чтобъ онъ ее помиловалъ, что мать хоть не видитъ, но материнское сердце знаетъ, что я плачу, и что ей отъ этого хуже. Я повѣрилъ, молился Богу и хотя не успокоился, но удерживался отъ слезъ. Я даже уговаривалъ свою сестрицу, которая также тосковала и не разъ принималась плакать. Тяжело прошелъ этотъ мучительный день. На слѣдующій видно было еще хуже нашей маменькѣ, потому что насъ и здороваться къ ней не водили. Доктора пріѣзжали часто. Приносили изъ церкви большой мѣстный образъ Иверской Божьей Матери и служили молебенъ у маменьки въ спальнѣ. Насъ же не пустили туда; но мы видѣли и слышали, какъ съ пѣньемъ пронесли образъ черезъ залу,

молились въ отворенную дверь нашей столовой. Въ этотъ день насъ даже не водили гулять въ садъ, а приказали побѣгать по двору, который былъ очень великъ и зеленѣлся какъ лугъ; но мы не бѣгали, а только ходили тихо взадъ и впередъ. Напрасно Сурка ласкался, забѣгалъ мнѣ въ лицо, прыгалъ на меня, лизалъ мои руки,—я совершенно не могъ имъ заниматься. Евсеичъ и Параша печально молчали, или потихоньку перешептывались между собой. Евсеичъ уже не старался меня развеселить или утѣшить, а только повторялъ, видя мои глаза, безпрестанно наполняющіеся слезами: „молись Богу, соколикъ, чтобъ маменька выздоровѣла". — Мы воротились съ печальнаго гулянья; я бросился въ свою кроватку, задернулся занавѣсками, спряталъ голову подъ подушки и далъ волю слезамъ, которыя удерживалъ я такъ долго, съ невѣроятными усиліями для дитяти. Въ то же время мелькала у меня мысль, что я спрятался, что я не всхлипываю, что маменька не увидитъ и не услышитъ моихъ слезъ. Видно Евсеичъ догадался, что такія слезы нельзя остановить; онъ долго стоялъ возлѣ моей кроватки, зналъ, что я плачу, и молчалъ. Наконецъ вылились слезы, и я заснулъ. Спалъ я довольно долго и проснулся съ крикомъ, какъ будто отъ испуга. Сестрица первая подбѣжала ко мнѣ, весело говоря, „маменькѣ получше", и Параша сказала то же. Евсеича не было съ нами, но онъ скоро пришелъ, и Параша встрѣтила его вопросомъ: „ну что, вѣдь барынѣ получше?" „Получше", отвѣчалъ Евсеичъ, но не твердымъ голосомъ. Я это замѣтилъ, однако успокоился нѣсколько. Давно прошло время обѣда. Сестрица не хотѣла безъ меня кушать, но теперь, вмѣстѣ со мною, охотно сѣла за столъ, и мы кое-какъ пообѣдали. Я упросилъ Евсеича узнать объ маменькѣ; онъ ходилъ и, поспѣшно воротясь, сказалъ: „барыня почиваетъ". Черезъ нѣсколько времени ходила Параша и принесла такое же извѣстіе. Сомнѣніе начало вкрадываться въ мою душу. Я пристально посмотрѣлъ въ глаза Евсеичу и Парашѣ и твердо сказалъ: „вы неправду говорите". Они смутились, переглянулись и не вдругъ отвѣчали. Все это я замѣтилъ, и уже не слушалъ потомъ никакихъ увѣреній и утѣшеній. Во время этого спора вошелъ отецъ. По его лицу я все угадалъ. „Пойдемте, сказалъ онъ тихо, мать хочетъ васъ видѣть и благословить". Я зарыдалъ, а за мной и сестрица. „Послушайте, сказалъ отецъ, если мать увидитъ, что вы плачете, то ей

сдѣлается хуже, и она отъ того можетъ умереть; а если вы не будете плакать, то ей будетъ лучше". Слезы высохли у меня на глазахъ, сестрица тоже перестала плакать. Погодя немного, отецъ взялъ насъ за руки и привелъ въ спальную. Въ комнатѣ было такъ темно, что я видѣлъ только образъ матери, а лица разглядѣть не могъ; насъ подвели къ кровати, поставили на колѣни, мать благословила насъ образомъ, перекрестила, поцѣловала и махнула рукой. Насъ поспѣшно увели. Въ гостиной встрѣтили мы священника; онъ также благословилъ насъ, и мы воротились въ свою комнату въ какомъ-то душевномъ оцѣпенѣніи. Я вдругъ какъ будто забылъ, что маменька насъ благословила, простилась съ нами... Я потерялъ способность не только соображенія, но и пониманія; одно вертѣлось у меня въ головѣ, что у маменьки темно и что у ней горячее лицо. Евсеичъ, Параша и сестрица плакали, а у меня не было ни одной слезинки. Не знаю, что было со мной? Я не могу назвать тогдашняго моего духовнаго состоянія холоднымъ отчаяніемъ. Мысль о смерти матери не входила мнѣ въ голову, и я думаю, что мои понятія стали путаться и что это было началомъ какого-то помѣшательства.—Пришло время ложиться спать, Евсеичъ раздѣлъ меня, велѣлъ мнѣ молиться Богу, и я молился и, по обыкновенію, прочитавъ молитву, проговорилъ вслухъ: „Господи, помилуй тятеньку и маменьку". Я легъ, Евсеичъ сѣлъ подлѣ меня и началъ что-то говорить, но я ничего не слыхалъ. Не помню, чтобъ я спалъ; но Евсеичъ увѣрялъ послѣ, что я скоро заснулъ и спалъ около часа. Я помню только, что вдругъ началъ слышать радостные голоса: „слава Богу, слава Богу, Богъ далъ вамъ братца, маменька теперь будетъ здорова". Это говорили Евсеичъ и Параша моей сестрицѣ, которая, съ радостнымъ крикомъ, повторяя эти слова, прибѣжала къ моей кроваткѣ, распахнула занавѣски, влѣзла ко мнѣ и обняла меня своими ручонками... Я вспомнилъ все и зарыдалъ, какъ изступленный, и рыдалъ такъ долго, что смутилъ общую радость и привелъ всѣхъ въ безпокойство. Сходили за моимъ отцомъ. Онъ пришелъ и услыша издали мои рыданья, подходя ко мнѣ, закричалъ: „что ты, Сережа! Надо радоваться, а не плакать. Слава Богу! Мать будетъ здорова, у тебя родился братецъ..." Онъ взялъ меня на руки, посадилъ къ себѣ на колѣни, обнялъ и поцѣловалъ. Не скоро унялись судорожныя рыданья и всхлипыванья, внутренняя и наружная

дрожь. Наконецъ все мало-по-малу утихло, и прежде всего я увидѣлъ, что въ комнатѣ ярко-свѣтло отъ утренней зари, а потомъ понялъ, что маменька жива, будетъ здорова, — и чувство невыразимаго счастія наполнило мою душу! Это происходило 4-го іюня, на зарѣ передъ восходомъ солнца, слѣдовательно очень рано. Я все спрашивалъ, отчего сестрица проснулась, отчего она прежде меня узнала радостное извѣстіе? Сестрица увѣряла, что она не спала, когда прибѣжала Параша, но я спорилъ и не вѣрилъ. Я долго также спорилъ, утверждая, что я не засыпалъ; но наконецъ долженъ былъ согласиться, что я дѣйствительно спалъ, что меня разбудили громкія рѣчи Параши, Евсеича и крикъ сестрицы. Отецъ поспѣшилъ уйти, а дядька и нянька поспѣшили насъ съ сестрицей уложить почивать. Мы не скоро заснули, а все переговаривались, лежа въ своихъ кроваткахъ: какой у насъ братецъ? Наконецъ намъ запретили говорить, и мы сладко заснули.

Поздно послѣдовало наше радостное пробужденье. Я сейчасъ сталъ проситься къ маменькѣ, и просился такъ неотступно, что Евсеичъ ходилъ съ моею просьбой къ отцу; отецъ приказалъ мнѣ сказать, чтобъ я и не думалъ объ этомъ, что я нѣсколько дней не увижу матери. Это меня огорчило. Потомъ я сталъ просить поглядѣть братца, и Параша сходила и выпросила позволенья у бабушки-повитушки, Алены Максимовны: прійти намъ съ сестрицей потихоньку, черезъ дѣвичью, въ дѣтскую братца, которая отдѣлялась отъ спальни матери другою дѣтскою комнатой, гдѣ обыкновенно жили мы съ сестрицей. Мы еще въ сѣняхъ пошли на цыпочкахъ, чему Параша много смѣялась. Въ маленькой дѣтской висѣла прекрасная люлька на мѣдномъ кольцѣ, ввернутомъ въ потолокъ. Эту люльку подарилъ покойный дѣдушка, Зубинъ, когда еще родилась старшая моя сестрица, вскорѣ умершая; въ ней качались и я, и моя вторая сестрица. Подставили стулъ, я влѣзъ на него и, раскрывъ зеленый шелковый положокъ, увидалъ спящаго спелененнаго младенца и замѣтилъ только, что у него на головкѣ черные волоски. Сестрицу взяли на руки, и она также посмотрѣла на спящаго братца — и мы остались очень довольны. Приготовленная заранѣе кормилица, еще не кормившая братца, которому давали только ревенный сыропъ, нарядно одѣтая, была уже тутъ; она поцѣловала у насъ ручки. Алена Максимовна, видя, что мы такія

умныя дѣти, ходимъ на цыпочкахъ и говоримъ вполголоса, обѣщала всякій день пускать насъ къ братцу именно тогда, когда она будетъ его мыть. Обрадованные такими пріятными надеждами, мы весело пошли гулять и бѣгать, сначала по двору, а потомъ и по саду. На этотъ разъ ласки моего любимца, Сурки, были приняты мною благосклонно и я, кажется, бѣгалъ, прыгалъ и валялся по землѣ больше, чѣмъ онъ; когда же мы пошли въ садъ, то я сейчасъ спросилъ: „отчего вчера насъ не пустили сюда?“ Живая Параша, не подумавъ, отвѣчала: „отъ того, что вчера матушка очень стонали, и вы въ саду услыхали бы ихъ голосъ“. Меня такъ встревожило и огорчило это извѣстіе, что Параша не знала, какъ поправить дѣло. Она увѣряла и божилась, что теперь все прошло, что она своими глазами видѣла барыню, говорила съ ней, и что онѣ здоровы, а только слабы. Параша просила даже меня не сказывать Евсеичу и никому, что она проболталась, и увѣряла, что ее будутъ очень бранить; я обѣщалъ никому не говорить. Я повѣрилъ Парашѣ, успокоился и у меня опять стало весело на сердцѣ.

До самаго вечера ничѣмъ не омрачилось свѣтлое состояніе моей души. Изъ послѣднихъ словъ Параши я еще болѣе понялъ, какъ ужасно было вчерашнее прошедшее; но въ то же время я совершенно повѣрилъ, что теперь все прошло благополучно, и что маменька почти здорова. Вечеромъ, частый пріѣздъ докторовъ, суетливая бѣготня изъ дѣвичьей въ кухню и людскую, а всего болѣе печальное лицо отца, который приходилъ проститься съ нами и перекрестить насъ, когда мы ложились спать,—навели на меня сомнѣніе и безпокойство. На мои вопросы отецъ не имѣлъ духу отвѣчать, что маменька здорова; онъ только сказалъ мнѣ, что ей лучше, и что, Богъ милостивъ, она выздоровѣетъ.... Богъ точно былъ къ намъ милостивъ, и черезъ нѣсколько дней, проведенныхъ мною въ тревогѣ и печали, повеселѣвшее лицо отца и увѣренія Авенаріуса, что маменька точно выздоравливаетъ, и что я скоро ее увижу совершенно здоровою, меня успокоили. Тутъ только обратилъ я все мое вниманіе, любопытство и любовь на новаго братца. Мы попрежнему ходили къ нему всякій день и видѣли, какъ его мыли; но сначала я смотрѣлъ на все безъ участія: я мысленно жилъ въ спальной у моей матери, у кровати больной.

Наконецъ, не видавшись съ матерью около недѣли, я

увидѣлъ ее, блѣдную и худую, все еще лежащую въ постели; зеленыя гардинки были опущены и потому, можетъ-быть, лицо ея показалось мнѣ еще блѣднѣе. Отецъ заранѣе наказалъ мнѣ, чтобы я не только не плакалъ, но и не слишкомъ радовался, не слишкомъ ласкался къ матери. Это меня очень смутило: одѣвать свое горячее чувство въ болѣе сдержанныя, умѣренныя выраженія я тогда еще не умѣлъ; я долженъ былъ показаться страннымъ, не тѣмъ, чѣмъ я былъ всегда, и мать сказала мнѣ: „ты, Сережа, совсѣмъ не радъ, что у тебя мать осталась жива“.... Я заплакалъ и убѣжалъ. Отецъ объяснилъ матери причину моего смущенія. Мнѣ дали проплакаться немножко и опять позвали въ спальню. Мать нѣжно приласкала меня и сестрицу (меня особенно) и сказала: „не бойтесь, мнѣ не будетъ вредна ваша любовь.“—Я обнялъ мать, плакалъ на ея груди и шепталъ: „я самъ бы умеръ, еслибъ вы умерли.“ Видно мать почувствовала, что ее слишкомъ волнуетъ свиданье съ нами, потому что вдругъ и торопливо сказала: „подите къ братцу: его скоро будутъ крестить.“—Мы прямо пошли къ братцу. Его только-что вымыли, одѣли въ новую распашенку, завернули въ новую простынку и въ розовое, атласное одѣяльце; онъ, разумѣется, плакалъ; мнѣ стало жалко, но у груди кормилицы онъ сейчасъ успокоился. Видя приготовленія къ крестинамъ и слыша, что говорятъ о нихъ, я попросилъ объясненія этому, неслыханному и невиданному мною, дѣлу. Мнѣ объяснили, и я захотѣлъ непремѣнно быть крестнымъ отцомъ моего братца. Мнѣ говорили, что этого нельзя, что я маленькій, что у меня нѣтъ кумы, но послѣднее препятствіе я сейчасъ преодолѣлъ, сказавъ, что кумой будетъ моя сестрица. Видя мое упорство и не желая довести меня до слезъ, меня обманули, какъ я послѣ узналъ, то-есть, поставили, вмѣстѣ съ сестрицей, рядомъ съ настоящимъ кумомъ и кумою. Крещеніе, символическихъ таинствъ котораго я не понималъ, возбудило во мнѣ сильное вниманіе, изумленіе и даже страхъ: я боялся, что священникъ порѣжетъ ножницами братцыну головку, а погруженіе младенца въ воду заставило меня вскрикнуть отъ испуга.... Но я, неотступными просьбами, выпросилъ позволеніе подержать на своихъ рукахъ моего крестнаго сына,—разумѣется, его придерживала бабушка-повитушка — и я долго оставался въ пріятномъ заблужденіи, что братецъ мой крестный сынъ, и даже, прощаясь, всегда его крестилъ.

Черезъ нѣсколько дней насъ перевели изъ столовой въ прежнюю дѣтскую комнату. Мать поправлялась медленно, домашними дѣлами почти не занималась, никого, кромѣ доктора, Чичаговыхъ и К. А. Чепруновой не принимала; я былъ съ нею безотлучно. Я читалъ матери вслухъ разныя книги, для ея развлеченья, а иногда для ея усыпленья, потому что она какъ-то мало спала по ночамъ. Книги для развлеченья получала она изъ библіотеки С. И. Аничкова; для усыпленья же употреблялись мои дѣтскія книжки, а также „Херасковъ" и „Сумароковъ". Въ числѣ первыхъ особенно памятна мнѣ „Жизнь англійскаго философа Клевеланда", кажется, въ пятнадцати томахъ, которую я читалъ съ большимъ удовольствіемъ. Кромѣ чтенія, я очень скоро привыкъ ухаживать за больною матерью и въ извѣстные часы подавать ей лѣкарства, не пропуская ни одной минуты; въ горничной своей она не имѣла уже частой надобности, я призывалъ ее тогда, когда было нужно. Мать была очень этимъ довольна, потому что не любила присутствія и сообщества слугъ и служанокъ. Мысль, что я полезенъ матери, была мнѣ очень пріятна, я даже гордился тѣмъ. Часто и подолгу разговаривая со мною наединѣ, она, кажется, увидѣла, что я могу понимать ее болѣе, чѣмъ она предполагала. Она стала говорить со мною о томъ, о чемъ прежде не говаривала. Я это замѣтилъ потому, что иногда предметъ разговора превышалъ мой возрастъ и мои понятія. Нерѣдко дѣтскіе мои вопросы изобличали мое непониманье, и мать вдругъ перемѣняла разговоръ, сказавъ: „объ этомъ мы поговоримъ послѣ." Мнѣ особенно было непріятно, когда мать, разсуждая со мной, какъ съ большимъ, вдругъ перемѣняла складъ своей рѣчи и начинала говорить, примѣняясь къ моему дѣтскому возрасту. Самолюбіе мое всегда оскорблялось такою внезапною перемѣной, а главное— мыслью матери, что меня такъ легко обмануть. Впослѣдствіи я сталъ хитрить, притворяясь, что все понимаю хорошо, и не предлагая вопросовъ. Между прочимъ, мать разсказывала мнѣ, какъ ей не хочется уѣзжать на житье въ деревню. У ней было множество причинъ; главныя состояли въ томъ, что Багрово сыро и вредно ея здоровью, что она въ немъ будетъ непремѣнно хворать, а помощи получить не откуда, потому что лѣкарей близко нѣтъ; что всѣ сосѣди и родные ей не нравятся, что все это люди грубые и необразованные, съ которыми ни о чемъ ни слова сказать нельзя; что жизнь

въ деревенской глуши, безъ общества умныхъ людей, ужасна, что мы сами тамъ поглупѣемъ. „Одна моя надежда, говорила мать,—Чичаговы: по счастью, они переѣзжаютъ тоже въ деревню и станутъ жить въ тридцати верстахъ отъ насъ. По крайней мѣрѣ, хотя нѣсколько разъ въ годъ можно будетъ съ ними отвести душу.“ Не понимая всего вполнѣ, я вѣрилъ матери и раздѣлялъ ея грустное опасенье. Предполагаемая поѣздка къ бабушкѣ Куролесовой въ Чурасово и продолжительное тамъ гощенье—матери также не нравилось: она еще не знала Прасковьи Ивановны и думала, что она такая же, какъ и вся родня моего отца; но впослѣдствіи оказалось совсѣмъ другое. Милая моя сестрица, до сихъ поръ не понимаю отчего, очень грустила, разставаясь съ Уфой.

Какъ только мать стала оправляться, отецъ подалъ просьбу въ отставку: въ самое это время пріѣхали изъ полка мои дяди, Зубины: оба оставили службу и вышли въ *чистую*, то-есть отставку: старшій съ чиномъ майора, а младшій—капитаномъ. Всѣ удивлялись этой разницѣ въ чинахъ: оба брата были въ одно число записаны въ гвардію, въ одно число переведены въ армейскій полкъ капитанами и въ одно же число уволены въ отставку. Я очень обрадовался имъ, особенно дядѣ Сергѣю Николаичу, который, по моему мнѣнію, такъ чудесно рисовалъ. Я напомнилъ ему, какъ онъ дразнилъ меня, когда я былъ *маленькій*, и прибавилъ, съ чувствомъ собственнаго достоинства, что теперь уже нельзя раздразнить меня какими-нибудь пустяками. Дядя на прощанье нарисовалъ мнѣ безподобную картину на стеклѣ: она представляла болото, молодого охотника съ ружьемъ и лягавую собаку, бѣлую съ кофейными пятнами и коротко отрубленнымъ хвостомъ, которая нашла какую-то дичь, вытянулась надъ ней и подняла одну ногу. Эта картинка была какъ-бы пророчествомъ, что я со временемъ буду страстнымъ ружейнымъ охотникомъ. Сергѣй Николаичъ самъ былъ горячій стрѣлокъ. Оба дяди очень были огорчены, что мы переѣзжаемъ на житье въ деревню.

Не дождавшись еще отставки, отецъ и мать совершенно собрались къ переѣзду въ Багрово. Вытребовали оттуда лошадей и отправили впередъ большой обозъ съ разными вещами. Распростились со всѣми въ городѣ и видя, что отставка все еще не приходитъ, рѣшились ея не дожидаться.

Губернаторъ далъ отцу отпускъ, въ продолженіи котораго должно было выйти увольненіе отъ службы; дяди остались жить въ нашемъ домѣ: имъ поручили продать его.

Мы выѣхали изъ Уфы около того же числа, какъ и два года тому назадъ. Только помѣщались уже не такъ: съ матерью вмѣстѣ сидѣла кормилица съ нашимъ маленькимъ братцемъ, а мы съ сестрицей и Парашей ѣхали въ какой-то коляскѣ на пазахъ, которая вся дребезжала и бренчала, что насъ очень забавляло. Мы ѣхали по той же дорогѣ, останавливались на тѣхъ-же мѣстахъ, также удили на Демѣ, также пробыли въ Парашинѣ полторы сутокъ и также все осматривали. Я принялъ въ другой разъ на свою душу такія-же пріятныя впечатлѣнія; хотя они были не такъ уже новы и свѣжи и не такъ меня изумляли, какъ въ первый разъ, но за то я понялъ ихъ яснѣе и почувствовалъ глубже. Одно Парашино подѣйствовало на меня грустно и тяжело. Въ этотъ годъ тамъ случился неурожай; ржаные хлѣба были рѣдки, а яровые—низки и травны. Работы казалось бы меньше, а жницы и жнецы скучали ею больше. Одинъ изъ нихъ, суровый съ виду, грубымъ голосомъ сказалъ моему отцу: „невесело работать, Алексѣй Степанычъ. Не глядѣлъ бы на такое поле: козлецъ да осотъ. Ходишь день-деньской по десятинѣ, да собираешь по колосу“. Отецъ возразилъ: „какъ быть, воля Божья“.... и суровый жнецъ ласково отвѣчалъ: „вѣстимо такъ, батюшка!“

Впослѣдствіи понялъ я высокій смыслъ этихъ простыхъ словъ, которыя успокоиваютъ всякое волненье, усмиряютъ всякій человѣческій ропотъ и подъ благодатною силою которыхъ до сихъ поръ живетъ православная Русь. Ясно и тихо становится на душѣ человѣка, съ вѣрою сказавшаго и съ вѣрою услыхавшаго ихъ.

Вообще народъ въ Парашинѣ былъ унылъ, особенно потому, что къ хлѣбному неурожаю присоединился сильный падежъ рогатаго скота. Отецъ говорилъ объ этомъ долго съ Миронычемъ, и Миронычъ, между прочимъ, сказалъ: „это еще не бѣда, что хлѣба мало Господь уродилъ; у насъ на селѣ стараго довольно, а у кого не достанетъ, такъ господской-то сусѣкъ [1]) на что? Вотъ бѣда крестьянину семьянному съ малыми дѣтьми, когда Богъ его скотинкой обидитъ; безъ

[1]) Сусѣкъ—закромъ.

молочка ребятамъ плохо, батюшка Алексѣй Степанычъ. Вотъ у десятника Архипова было въ дому восемь дойныхъ коровъ, а теперича не осталось ни шерстинки, а ребятъ куча. Прогнѣвали Бога!"—Богатое село Парашино часто подвергалось скотскимъ падежамъ. Отецъ зналъ настоящую ихъ причину и сказалъ Миронычу: „надо построже смотрѣть за кожевниками: они покупаютъ у Башкирцевъ за безцѣнокъ кожи съ дохлыхъ отъ чумы коровъ, и отъ этого у васъ въ Парашинѣ такъ часто падежи". Миронычъ почесалъ за ухомъ и съ недовольнымъ видомъ отвѣчалъ: „коли отъ евтого, батюшка Алексѣй Степанычъ, такъ ужъ за грѣхи наши Господь посылаетъ свое насланіе [1])". Отецъ не забылъ спросить о хворомъ старичкѣ Терентьѣ, бывшемъ засыпкой. Терентій былъ тогда же отставленъ отъ всѣхъ работъ и черезъ годъ умеръ. На этотъ разъ Багровскіе старики отозвались объ Миронычѣ, что „онъ сталъ маненько позашибаться", т.-е. чаще сталъ напиваться пьянъ, но все еще другого начальника не желали.

Мы выѣхали изъ Парашина на зарѣ и пріѣхали кормить на быстрый, глубокій, многоводный Икъ. Мы расположились у послѣдняго моста, на самомъ быстромъ рукавѣ рѣки. Тутъ я вполнѣ разсмотрѣлъ и вполнѣ налюбовался этою великолѣпною и необыкновенно рыбною рѣкою. Мы кормили слишкомъ четыре часа и досыта наудились, даже раковъ наловили. Ночевали въ Коровинѣ, а на другой день, около полденъ, увидѣли съ горы Багрово. Я въ это время сидѣлъ въ каретѣ съ отцомъ и матерью. Въ каретѣ было довольно просторно, и когда мать не лежала, тогда насъ съ сестрицей брали попеременно въ карету; но мнѣ доставалось сидѣть чаще. День былъ красный и жаркій. Мать, въ самомъ мрачномъ расположеніи духа, сидѣла въ углу кареты; въ другомъ углу сидѣлъ отецъ; онъ также казался огорченнымъ, но я замѣтилъ, что въ то же время онъ не могъ безъ удовольствія смотрѣть на открывшіеся передъ нашими глазами камышистые пруды, зеленыя рощи, деревню и домъ.

---

[1]) Снятіе кожъ съ чумной скотины воспрещено закономъ; но Башкирцы — плохіе законовѣдцы, а русскіе кожевники соблазняются дешевизной, и это зло до сихъ поръ не вывелось въ Оренбургской губерніи. *С. А.*

Пріѣздъ на постоянное житье въ Багрово.

Когда мы подъѣхали къ дому, бабушка, въ полгода очень постарѣвшая, и тетушка Татьяна Степановна стояли уже на крыльцѣ. Бабушка съ искренними, радостными слезами обняла моего отца и мать, перекрестилась и сказала: „ну, слава Богу! Пріѣхали настоящіе хозяева. Не чаяла дождаться васъ. Мы съ Танюшей дни и часы считали и глазыньки проглядѣли, глядя на уфимскую дорогу“. Мы вошли прямо къ бабушкѣ, она жила въ дѣдушкиной горницѣ, изъ которой была прорублена дверь въ ея прежнюю комнату, гдѣ поселилась Татьяна Степановна. Бабушка съ тетушкой обѣдали, когда мы пріѣхали, за маленькимъ столикомъ у бабушкиной кровати; прислуга была женская; всѣхъ лакеевъ посылали на полевую работу. Бабушка бросила свой обѣдъ. Началась бѣготня и хлопоты, чтобъ накормить насъ обѣдомъ. Набѣжала куча дѣвокъ, проворно накрыли столъ въ залѣ, и мы вмѣстѣ съ бабушкой и тетушкой очень скоро сѣли за обѣдъ. Блюдъ оказалось множество, точно насъ ждали; но всѣ кушанья были такъ жирны, что мать и я съ сестрицей встали изъ-за стола почти голодные. Бабушка, безпрестанно со слезами вспоминая дѣдушку, кушала довольно; она послѣ обѣда, по обыкновенію, легла уснуть, а мать и отецъ принялись распоряжаться своимъ

помѣщеніемъ въ домѣ. *Новая горница* (такъ ее всегда звали) для молодой барыни была еще не совсѣмъ отдѣлана: въ ней работали старый столяръ Михей и молодой столяръ Акимъ. На первый разъ мы помѣстились въ гостиной и въ угольной комнатѣ, гдѣ живала прежде тетушка; угольная потеряла всю свою прелесть, потому что окна и вся сторона, выходившая на Бугурусланъ, была закрыта пристройкою новой горницы для матери. Эта горница отдѣлялась отъ угольной маленькимъ корридорчикомъ съ выходомъ въ садъ; но двери въ него были еще не прорублены. Пока происходила въ домѣ раскладка, размѣщеніе привезенныхъ изъ Уфы вещей и устройство новаго порядка, я съ Евсеичемъ ходилъ гулять, разумѣется съ позволенія матери, и мы успѣли осмотрѣть Бугурусланъ, быстрый и омутистый, протекавшій угломъ по всему саду, лѣтнюю кухню, островъ, мельницу, прудъ и плотину, и на этотъ разъ все мнѣ такъ понравилось, что въ одну минуту изгладились въ моемъ воспоминаніи всѣ непріятныя впечатлѣнія, произведенныя на меня двукратнымъ пребываніемъ въ Багровѣ. Разсказы дворовыхъ мальчишекъ, бѣгавшихъ за нами толпою, о чудесномъ клевѣ рыбы, которая беретъ вездѣ, гдѣ ни закинь удочку, привели меня въ восхищеніе, и съ этой минуты кончилось мое согласіе съ матерью въ непріязненныхъ чувствахъ къ Багрову.

На первыхъ порахъ отецъ былъ очень озабоченъ своимъ вступленьемъ въ должность полнаго хозяина, чего непремѣнно требовала бабушка и что онъ самъ считалъ своей необходимой обязанностью. Но мать, сколько ея не просили, ни за что въ свѣтѣ не согласилась входить въ управленье домомъ и еще менѣе — въ распоряженіе оброками, пряжею и тканьемъ крестьянскихъ и дворовыхъ женщинъ. Мать очень твердо объявила, что будетъ жить гостьей и что беретъ на себя только одно дѣло: заказывать кушанья для стола нашему городскому повару Макею, и то съ тѣмъ, чтобы бабушка сама приказывала для себя готовить кушанье, по своему вкусу, своему деревенскому повару Степану. Объ этомъ было много разговоровъ и споровъ. Я замѣтилъ, что мать находилась въ постоянномъ раздраженіи и говорила рѣзко, несмотря на то, что бабушка и тетушка говорили съ ней почтительно и даже робко. Я одинъ разъ сказалъ ей: „маменька, вы чѣмъ-то недовольны, вы все сердитесь“. Она отвѣчала: „не сержусь, мой другъ, но огорчаюсь моимъ

положеньемъ. Меня здѣсь никто не понимаетъ. Отецъ съ утра до вечера будетъ заниматься хозяйствомъ, а ты еще малъ и не можешь раздѣлять моего огорченья". — Я рѣшительно не понималъ, чѣмъ можетъ огорчаться мать.

Въ домѣ произошло много перемѣнъ прежде, чѣмъ отдѣлали новую горницу: дверь изъ гостиной въ корридоръ задѣлали, а прорубили дверь въ угольную; дверь изъ бывшей бабушкиной горницы въ буфетъ также задѣлали, а прорубили дверь въ дѣвичью. Все это конечно было удобнѣе и покойнѣе. Все это придумала мать и все это исполняли съ неудовольствіемъ. Недѣли двѣ продолжалась въ домѣ безпрестанная стукотня отъ столяровъ и плотниковъ; не было угла спокойнаго, а какъ погода стояла прекрасная, то мы съ сестрицей съ утра до вечера гуляли по двору и по саду и по березовой рощѣ, въ которой уже поселялись грачи и которая потомъ была прозвана „Грачевой рощей". Я ничего не читалъ и не писалъ въ это время, и мать всякій день отпускала меня съ Евсеичемъ удить: она уже увѣрилась въ его усердіи и осторожности. Съ каждымъ днемъ я болѣе и болѣе пристращался къ уженью, и съ каждымъ днемъ открывалъ новыя красоты въ Багровѣ. По глубокимъ мѣстамъ въ саду и съ плотины на мельницѣ удили мы окуней и плотву такую крупную, что часто я не могъ вытащить ее безъ помощи Евсеича. Начиная же отъ лѣтней кухни до мельницы, гдѣ рѣка раздѣлялась на двое и была мелка, мы удили пискарей, а иногда и другихъ маленькихъ рыбокъ. Въ это время года крупная рыба, какъ-то: язи, головли и лини, уже не брали, или лучше сказать (что конечно я узналъ гораздо позднѣе) ихъ не умѣли удить. Вообще уженье находилось тогда въ самомъ первоначальномъ, младенческомъ состояніи. Я всего болѣе любилъ островъ. Тамъ можно было удить и крупную и мелкую рыбу: въ старицѣ, тихой и довольно глубокой, брала крупная, а съ другой стороны, гдѣ Бугурусланъ бѣжалъ мелко и по чистому дну съ песочкомъ и камешками, отлично клевали пискари; да и сидѣть подъ тѣнью березъ и липъ, даже безъ удочки, на покатомъ, зеленомъ берегу, было такъ весело, что я и теперь неравнодушно вспоминаю объ этомъ времени. Островъ былъ также любимымъ мѣстомъ тетушки и она сиживала иногда вмѣстѣ со мной и удила рыбку: она была большая охотница удить.

Наконецъ кончилась стукотня топоровъ, строганье настру-

говъ и однообразное шипѣнье пилъ: это тоже были для меня любопытные предметы; я любилъ внимательно и подолгу смотрѣть на живую работу столяровъ и плотниковъ, мѣшая имъ безпрестанными вопросами.—Комната моей матери, застроенная дѣдушкой, была совершенно отдѣлана. Мать отслужила молебенъ въ новой горницѣ, священникъ окропилъ новыя стѣны святою водою, и мы перешли въ новое жилье. Подъ словомъ: мы, я разумѣю мать, отца и себя. Сестрица и маленькій братецъ поселились въ бывшей тетушкиной угольной, а теперь уже въ нашей дѣтской комнатѣ. Спальня матери, получившая у прислуги навсегда имя „барыниной горницы", была еще веселѣе, чѣмъ бывшая угольная, потому что она была ближе къ рѣкѣ. Растущая подъ берегомъ, развѣсистая, молодая береза почти касалась ея стѣны своими вѣтвями. Я очень любилъ смотрѣть въ окно, выходившее на Бугурусланъ: изъ него виднѣлась даль уремы Бугуруслана, сходившаяся съ уремою рѣчки Кармалки, и между ними крутая и голая вершина Челяевской горы.

Отецъ точно былъ занятъ хозяйствомъ съ утра до вечера. Каждый день онъ ѣздилъ въ поле; каждый день ходилъ на конный и скотный дворъ; каждый день бывалъ и на мельницѣ. Пріѣзжалъ изъ города какой-то чиновникъ, собралъ всѣхъ крестьянъ, прочелъ имъ указъ и ввелъ моего отца во владѣніе доставшимся ему имѣньемъ по наслѣдству отъ нашего покойнаго дѣдушки. Потомъ всѣхъ крестьянъ и крестьянокъ угощали пивомъ и виномъ; всѣ кланялись въ ноги моему отцу, всѣ обнимали, цѣловали его и его руки. Многіе плакали, вспоминая о покойномъ дѣдушкѣ, крестясь и говоря: „царство ему небесное". Я одинъ былъ съ отцомъ: меня также обнимали и цѣловали, и я чувствовалъ какую-то гордость, что я внукъ моего дѣдушки. Я уже не дивился тому, что моего отца и меня всѣ крестьяне такъ любятъ; я убѣдился, что это непремѣнно такъ быть должно: мой отецъ—сынъ, а я—внукъ Степана Михайлыча. Мать ни за что не согласилась выйти къ собравшимся крестьянамъ и крестьянкамъ, сколько ни уговаривали ее отецъ, бабушка и тетушка. Мать постоянно отвѣчала, что „госпожей и хозяйкой по прежнему остается матушка", то-есть, моя бабушка, и велѣла сказать это крестьянамъ; но отецъ сказалъ имъ, что молодая барыня нездорова. Всѣ были недовольны, какъ мнѣ показалось; вѣроятно, всѣ знали, что барыня здорова. Мнѣ было

досадно, что мать не вышла къ добрымъ крестьянамъ и совѣстно, что отецъ сказалъ неправду. Когда мы воротились, я при всѣхъ сказалъ объ этомъ матери, которая стала горячо выговаривать отцу, зачѣмъ онъ солгалъ. Отецъ съ досадой отвѣчалъ: „совѣстно было сказать, что ты не хочешь быть ихъ барыней и не хочешь ихъ видѣть; въ чемъ же они передъ тобой виноваты?...“ Странно также и непріятно мнѣ показалось, что въ то время, когда отца вводили во владѣніе и когда крестьяне его поздравляли шумными криками: „здравствуй на многія лѣта отецъ нашъ Алексѣй Степанычъ!“—бабушка и тетушка, смотрѣвшія въ растворенное окно, обнялись, заплакали навзрыдъ и заголосили.

„О чемъ плакали бабушка и тетушка“ спросилъ я, оставшись наединѣ съ матерью? Мать подумала и отвѣчала: „онѣ вспомнили, что цѣлый вѣкъ были здѣсь полными хозяйками, что теперь настоящая хозяйка—я, чужая имъ женщина, что я только не хочу принять власти, а завтра могу захотѣть, что нѣтъ на свѣтѣ твоего дѣдушки—и отъ того стало грустно имъ“.—„А почему, маменька, вы не вышли къ нашимъ добрымъ крестьянамъ? Они васъ такъ любятъ“.—„А потому, что бабушкѣ и тетушкѣ твоей стало бы еще грустнѣе; къ тому же я терпѣть не могу.... ну, да ты еще малъ и понять меня не можешь“.—Сколько я ни просилъ, сколько ни приставалъ, мать ничего болѣе мнѣ не сказала. Долго мучило меня любопытство, долго ломалъ я голову: чего мать терпѣть не можетъ? Неужели добрыхъ крестьянъ, которые сами говорятъ, что насъ такъ любятъ?...

Стали пріѣзжать къ намъ тетушки. Первая пріѣхала Аксинья Степановна; въ ней я никакой перемѣны не замѣтилъ: она была такъ же къ намъ ласкова и добра, какъ и прежде. Потомъ пріѣхала Александра Степановна съ мужемъ, и я сейчасъ увидѣлъ, что она стала совсѣмъ другая; она сдѣлалась не только ласкова и почтительна, но бросалась услуживать моей матери, точно Параша; мать однако держала себя съ ней совсѣмъ неласково. Наконецъ пріѣхала и Елизавета Степановна съ дочерьми. Гордая генеральша, хотя не ластилась такъ къ моему отцу и матери, какъ Александра Степановна, но также перемѣнила свое холодное и надменное обращеніе на внимательное и учтивое. Даже двоюродныя сестрицы перемѣнились. Меньшая изъ нихъ, Катерина, была живого и веселаго нрава; она и прежде нравилась намъ больше; теперь

же хотѣли мы подружиться съ ней покороче; но перемѣнившись въ обращеніи, то-есть сдѣлавшись учтивѣе и привѣтливѣе, она была съ нами такъ скрытна и холодна, что оттолкнула насъ и не дала намъ возможности полюбить ее, какъ близкую родню. Всѣ онѣ гостили въ Багровѣ не подолгу.

Наконецъ пріѣхали Чичаговы. Искренняя, живая радость матери сообщилась и мнѣ; я бросился на шею къ Катеринѣ Борисовнѣ и обнялъ ее, какъ родную. Видно много выражалось удовольствія на моемъ лицѣ, потому что она, взглянувъ на мужа, съ удивленіемъ сказала: „посмотри, Петръ Иванычъ, какъ Сережа намъ обрадовался!“ Петръ Иванычъ въ первый разъ обратилъ на меня свое особенное вниманіе и приласкалъ меня; въ Уфѣ онъ никогда не говорилъ со мной. Его доброе расположеніе ко мнѣ впослѣдствіи росло съ годами, и когда я былъ уже гимназистомъ, то онъ очень любилъ меня. Мать Катерины Борисовны, старушка Марья Михайловна Мертваго, которую и покойный дѣдушка, какъ мнѣ сказывали, уважалъ, имѣла славу необыкновенно тонкой и умной женщины. Она заняла и заговорила мою бабушку, тетушку и отца своими ласковыми рѣчами, а моя мать увела Чичаговыхъ въ свою спальную и у нихъ начались самые одушевленные и задушевные разговоры. Даже мнѣ приказано было уйти въ дѣтскую къ моей сестрицѣ. Пріѣздъ Чичаговыхъ оживилъ мать, которая начинала скучать. Дня черезъ три они уѣхали, взявъ слово, что мы пріѣдемъ погостить къ нимъ на цѣлую недѣлю.

Въ Багровѣ каждый годъ производилась охота съ ястребами за перепелками, которыхъ всѣ любили кушать и свѣжихъ и соленыхъ. Въ этотъ годъ также были вынуты изъ гнѣзда и выкормлены въ клѣткѣ, называвшейся „садкомъ“, два ястреба, изъ которыхъ одинъ находился на рукахъ у Филиппа, стараго сокольника моего отца, а другой у Ивана Мазана, нѣкогда ходившаго за дѣдушкой, который, несмотря на то, что до нашего пріѣзда ежедневно посылался жать, не разставался съ своимъ ястребомъ и вынашивалъ его по ночамъ. Ястребами начали травить, и каждый день поздно вечеромъ приносили множество жирныхъ перепелокъ и коростелей. Мнѣ очень хотѣлось посмотрѣть эту охоту, но мать не пускала. Наконецъ отецъ самъ поѣхалъ и взялъ меня съ собой. Охота мнѣ очень понравилась и, по увѣренію моего отца, что въ ней нѣтъ ничего опаснаго, и по его

просьбамъ, мать стала отпускать меня съ Евсеичемъ. Я очень скоро пристрастился къ травлѣ *ястребочкомъ*, какъ говорилъ Евсеичъ, и въ тотъ счастливый день, въ которой получалъ съ утра позволеніе ѣхать на охоту, съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ ожидалъ назначеннаго времени, то-есть часовъ двухъ пополудни, когда Филиппъ или Мазанъ, выспавшись послѣ ранняго обѣда, явится съ добрымъ и голоднымъ ястребомъ на рукѣ, съ собственной своей собакой на веревочкѣ (потому что у обоихъ собаки гонялись за перепелками), и скажетъ: „пора, сударь, на охоту". Роспуски уже давно были запряжены, и мы отправлялись въ поле. Я не только любилъ смотрѣть, какъ рѣзвый ястребъ догоняетъ свою добычу, я любилъ все на охотѣ: какъ собака, почуявъ слѣдъ перепелки, начнетъ горячиться, мотать хвостомъ, фыркать, прижимая носъ къ самой землѣ; какъ по мѣрѣ того, какъ она подбирается къ птицѣ, горячность ея часъ отъ часу увеличивается; какъ охотникъ, высоко поднявъ на правой рукѣ ястреба, а лѣвою рукою удерживая на своркѣ горячую собаку, подсвистывая, горячась самъ, почти бѣжитъ за ней; какъ вдругъ собака, иногда искривясь на бокъ, загнувъ носъ въ сторону, какъ будто окаменѣетъ на мѣстѣ; какъ охотникъ кричитъ запальчиво „пиль, пиль" и наконецъ толкаетъ собаку ногой; какъ, Богъ знаетъ откуда, изъ-подъ самаго носа съ шумомъ и чоканьемъ вырывается перепелка—и уже догоняетъ ее съ распущенными когтями жадный ястребъ, и уже догналъ, схватилъ, пронесся нѣсколько саженъ, и опускается съ добычею въ траву или жниву,—на это, пожалуй, всякій посмотритъ съ удовольствіемъ. Но я также люблю смотрѣть, какъ охотникъ, подбѣжавъ къ ястребу, ставъ на колѣни и осторожно наклонясь надъ нимъ, обмявъ кругомъ траву и оправивъ его распущенныя крылья, начнетъ бережно отнимать у него перепелку; какъ потомъ полакомитъ ястреба оторванною головкой и снова пойдетъ за новою добычей; я любилъ смотрѣть, какъ охотникъ кормитъ своего ловца, какъ ястребъ щиплетъ перья и пухъ, который пристаетъ къ его окровавленному носу, и какъ онъ отряхаетъ, чиститъ его объ рукавицу охотника; какъ ястребъ сначала жадно глотаетъ большіе куски мяса и даже небольшіе кости и наконецъ набиваетъ свой зобъ въ цѣлый кулакъ величиною. Въ этой-то любви обнаруживался будущій охотникъ. Но, увы, какъ я ни старался выгодно описывать мою охоту матери и сестрицѣ—обѣ говорили, что это жалко и противно.

Я и прежде самъ замѣчалъ большую перемѣну въ бабушкѣ; но особенное вниманіе мое на эту перемѣну обратилъ разговоръ отца съ матерью, въ который я вслушался, читая свою книжку. „Какъ перемѣнилась матушка послѣ кончины батюшки, говорила моя мать; она даже ростомъ стала какъ будто меньше; ничѣмъ отъ души не занимается, все ей стало словно чужое; безпрестанно поминаетъ покойника, даже объ сестрицѣ Татьянѣ Степановнѣ мало заботится. Я ей говорю о томъ, какъ-бы ее пристроить, выдать замужъ, а она и слушать не хочетъ; только и говоритъ: „какъ угодно Богу, такъ и будетъ“.... А отецъ со вздохомъ отвѣчалъ: „да, ужь совсѣмъ не та матушка! Видно ей недолго жить“. Мнѣ вдругъ стало жалко бабушку и я сказалъ: „надо бабушку утѣшать, чтобъ ей не было скучно.“ Отецъ удивился моимъ неожиданнымъ словамъ, улыбнулся и сказалъ: „а вы бы съ сестрой почаще къ ней ходили, старались бы ее развеселить“. И съ того же дня мы съ сестрицей по нѣскольку разъ въ день стали бѣгать къ бабушкѣ. Обыкновенно, она сидѣла на своей кровати и пряла на самопрялкѣ козій пухъ. Вокругъ нея, поджавъ подъ себя ноги, сидѣло множество дворовыхъ и крестьянскихъ дѣвочекъ и выбирали волосья изъ клочковъ козьяго пуха. Выбравъ свой клочокъ, дѣвчонка подавала его старой барынѣ, которая, посмотрѣвъ на свѣтъ и не видя въ пуху волосъ, клала въ лукошечко, стоявшее подлѣ нея. Если же выбрано было нечисто, то возвращала назадъ и бранила нерадивую дѣвчонку. Глаза у бабушки были мутны и тусклы; она часто дремала за своимъ дѣломъ, а иногда вдругъ отталкивала отъ себя прялку и говорила: „ну, что ужь мнѣ за пряжа, пора къ Степану Михайловичу“ и начинала плакать. Мы съ сестрицей не умѣли и приступиться къ ней сначала, и, посидѣвъ, уходили; но тетушка научила насъ, чѣмъ угодить бабушкѣ. Она, несмотря на свое равнодушіе къ окружающимъ предметамъ, сохраняла свой прежній аппетитъ къ любимымъ лакомствамъ и блюдамъ. Между прочимъ, она очень любила вороньи ягоды и жареные въ сметанѣ шампиньоны. Этихъ ягодъ было много въ саду, или лучше сказать, въ огородѣ; тетушка ходила съ нами туда, указала ихъ и мы вмѣстѣ съ ней набрали цѣлую полоскательную чашку и принесли бабушкѣ. Она, какъ будто, обрадовалась и сказавъ: „знатныя ягоды, эки крупныя и какія спѣлыя!“ кушала ихъ съ удовольствіемъ; хотѣла и насъ поподчивать, но мы ска-

зали, что безъ позволенія маменьки не смѣемъ. Потомъ тетушка указала намъ, гдѣ ростутъ шампиньоны. Это была ямочка или, скорѣе сказать, лощинка среди двора, возлѣ тетушкина амбара; вѣроятно, тутъ было прежде какое-нибудь строеніе, потому что только тутъ и родились шампиньоны; у бабушки называлось это мѣсто „золотою ямкой", ее всякій день поливала водой косая и глухая дѣвка Груша. Также, съ помощью тетушки, мы наковыряли, почти изъ земли, молоденькихъ шампиньоновъ полную тарелку и принесли бабушкѣ, она была очень довольна и приказала нажарить себѣ полную сковородку. Бабушка опять захотѣла поподчивать насъ шампиньонами и мы опять отказались. Она махнула рукой и сказала: „ну, ужь какіе вы". Услуживая такимъ образомъ, мы пускались въ разные разговоры съ бабушкой, и она становилась ласковѣе и болѣе нами занималась, какъ вдругъ неожиданный случай такъ отдалилъ меня отъ бабушки, что я долго ходилъ къ ней только здороваться да прощаться. Одинъ разъ, когда мы весело разговаривали съ бабушкой, рыжая крестьянская дѣвчонка подала ей свой клочокъ пуха, уже разъ возвращенный назадъ; бабушка посмотрѣла на свѣтъ, и увидя, что есть волосья, схватила одною рукой дѣвчонку за волосы, а другою вытащила изъ-подъ подушекъ ременную плетку и начала хлестать бѣдную дѣвочку.... Я убѣжалъ. Это напомнило мнѣ народное училище, и я потерялъ охоту сидѣть въ бабушкиной горницѣ, смотрѣть, какъ прядетъ она на самопрялкѣ и какъ выбираютъ дѣвчонки козій пухъ.

Послѣ двухъ-недѣльнаго ненастья или, вѣрнѣе сказать, сырой погоды, наступило ясное осеннее время. Всякій день по ночамъ бывали морозы, и, проснувшись поутру, я видѣлъ, какъ всѣ мѣста, не освѣщенныя солнцемъ, были покрыты бѣлымъ блестящимъ инеемъ. „Вонъ какой морозъ лежитъ!" говорилъ Евсеичъ, подавая мнѣ одѣваться. И точно, широкая и длинная тѣнь нашего дома лежала бѣлая, какъ скатерть, ярко отличаясь отъ потемнѣвшей и мокрой земли. Тѣнь укорачивалась, косилась, и снѣжный иней скоро исчезалъ при первомъ прикосновеніи солнечныхъ лучей, которые и въ исходѣ сентября еще сильно пригрѣвали. Я очень любилъ наблюдать, какъ солнышко сгоняло морозъ и радовался, когда совершенно исчезала противная снѣжная бѣлизна.

Не знаю отчего, еще ни разу не бралъ меня отецъ въ поле на крестьянскія работы. Онъ говорилъ, что ему надо было

долго оставаться тамъ, и что я соскучусь. Жнитво уже давно кончили; большую часть ржи уже перевезли въ гумно, обмолотили горохъ, вытрясли макъ—и я ничего этого не видалъ! Наконецъ, морозъ и солнце высушили остальные снопы, и дружно принялись доканчивать возку, нѣсколько запоздавшую въ этотъ годъ. Я видѣлъ изъ бабушкиной горницы, какъ тянулись телѣги, нагруженныя снопами, къ нашему высокому гумну. Это новое зрѣлище возбудило мое любопытство. Я сталъ проситься съ отцомъ, который собирался ѣхать въ поле, и онъ согласился, сказавъ, что теперь можно, что онъ только объѣдетъ поля и останется на гумнѣ, а меня съ Евсеичемъ отпуститъ домой. Мать также согласилась. Съ самаго Парашина, чему прошло уже два года, я не бывалъ въ хлѣбномъ полѣ и потому съ большою радостью усѣлся возлѣ отца на роспускахъ. Я предварительно напомнилъ ему, что не худо было бы взять ружье съ собой (что отецъ иногда дѣлалъ), и онъ взялъ съ собой ружье. Живя въ городѣ, я, конечно, не могъ получить настоящаго понятія, что такое осень въ деревнѣ. Все было ново, все изумляло и радовало меня. Мы проѣхали мимо пруда: на грязныхъ и отлогихъ берегахъ его еще виднѣлись ледяныя закрайки; стадо утокъ плавало по срединѣ. Я просилъ отца застрѣлить уточку; но отецъ отвѣчалъ: „что уточки далеко, и что никакое ружье не хватитъ до нихъ.“ Мы поднялись на изволокъ и выѣхали въ поле. Трава поблекла, потемнѣла и прилегла къ землѣ; голые крутые взлобки горъ стали еще круче и голѣе; сурчины какъ-то выше и краснѣе, потому что листья чилизника и бобовника завяли, облетѣли и не скрывали отъ глазъ ихъ глинистыхъ бугровъ; но сурковъ уже не было: они давно попрятались въ свои норы, какъ сказывалъ мнѣ отецъ. Навстрѣчу стали попадаться намъ телѣги съ хлѣбомъ, такъ называемыя *сноповыя* телѣги. Это были короткія дроги, съ четырьмя столбиками по угламъ, между которыми очень ловко укладывались снопы въ два ряда, укрѣпленные сверху *гнетомъ* и крѣпко привязанные веревками спереди и сзади. Все это растолковалъ мнѣ отецъ, говоря, что такой возъ не опрокинется и не разсыплется по нашимъ косогористымъ дорогамъ, что умная лошадь одна, безъ провожатаго, безопасно привезетъ его въ гумно. Въ самомъ дѣлѣ при сноповыхъ возахъ были только мальчики или дѣвчонки, которые весело шли каждый при своей лошадкѣ, низко кланяясь при встрѣчѣ съ нами. Когда мы пріѣхали на десятины, то уви-

дѣли, что нѣсколько человѣкъ крестьянъ длинными вилами накладываютъ воза и только увязываютъ и отпускаютъ ихъ. Мы поздоровались съ крестьянами и сказали имъ: „Богъ на помочь.“ Они поблагодарили; мы спросили, не видали ли тетеревовъ. Отвѣчали, что на скирдахъ была тьма-тьмущая, да всѣ разлетѣлись: такъ ружье и не понадобилось намъ. Отецъ объяснилъ мнѣ, что большая часть крестьянъ работаетъ теперь на гумнѣ, и что мы скоро увидимъ ихъ работу. „А хочешь посмотрѣть, Сережа, какъ бабы молотятъ дикушу (гречу)?“ спросилъ отецъ. Разумѣется, я отвѣчалъ, что очень хочу, и мы поѣхали. Еще издали заслышали мы глухой шумъ, похожій на топотъ многихъ ногъ, который вскорѣ заглушился звуками крикливыхъ женскихъ голосовъ. „Вишь орутъ, сказалъ, смѣясь, Евсеичъ; ровно дѣлаютъ что! Вотъ оно, бабье-то царство!“ Шумъ и крикъ увеличивался, по мѣрѣ нашего приближенія, и вдругъ затихъ. Евсеичъ опять разсмѣялся, сказавъ: „а, увидали, сороки!“ На одной изъ десятинъ былъ расчищенъ токъ, гладко выметенный; на немъ, высокою грядой, лежала гречневая солома, по которой ходили взадъ и впередъ болѣе тридцати цѣповъ. Я долго съ изумленіемъ смотрѣлъ на эту невиданную мною работу. Стройность и ловкость мѣрныхъ и быстрыхъ ударовъ привели меня въ восхищеніе. Цѣпы мелькали, взлетая и падая другъ возлѣ друга, и ни одинъ не зацѣплялъ за другой, между тѣмъ какъ бабы не стояли на одномъ мѣстѣ, а то подвигались впередъ, то отступали назадъ. Такое искусство казалось мнѣ непостижимымъ! Чтобъ не прерывать работы, отецъ не здоровался, покуда не кончили полосы или ряда. Подошедшій къ намъ десятникъ сказалъ: „послѣдній проходъ идутъ, батюшка Алексѣй Степанычъ. И давича была, почитай, чиста солома, да я велѣлъ еще разокъ пройти. Теперь ни зернушка не останется.“ Когда дошли до края, мы оба съ отцомъ сказали обычное „Богъ на помочь!“ и получили обыкновенный благодарственный отвѣтъ многихъ женскихъ голосовъ. На другомъ току двое крестьянъ вѣяли ворохъ обмолоченной гречи; вѣтерокъ далеко относилъ всякую дрянь и тощія, легкія зерна,—а полныя и тяжелыя, косымъ дождемъ, падали на землю; другой крестьянинъ сметалъ метлою ухвостье и всякій соръ. Работать было не жарко, въ работающихъ незамѣтно было никакой усталости, и молотьба не произвела на меня тяжелаго впечатлѣнія, какое получилъ я на жнитвѣ въ

Парашинѣ. Мы отправились, по дорогѣ къ дому, прямо на гумно. Я вслушался, что десятникъ вполголоса говорилъ Евсеичу: „скажи старостѣ, что онъ? али заснулъ?—не шлетъ подводъ за обмолоченною дикушей.“ На гумнѣ стояло уже нѣсколько новыхъ высокихъ ржаныхъ кладей. Когда мы пріѣхали, то вершили одну пшеничную кладь и только заложили другую, полбенную. На каждой клади стояли по четыре человѣка, они принимали снопы, которые подавались на вилахъ, а когда кладь становилась высока, вскидывались по воздуху ловко и проворно: еще съ большею ловкостью и проворствомъ ловили снопы на лету, стоявшіе на кладяхъ, крестьяне. Я пришелъ въ сильнѣйшее изумленіе, и окончательно убѣдился, что крестьяне и крестьянки гораздо насъ искуснѣе и ловчѣе, потому что умѣютъ то дѣлать, чего мы не умѣемъ. У меня загорѣлось сильное желаніе выучиться крестьянскимъ работамъ. Отецъ нашелъ на гумнѣ какія-то упущенья и выговаривалъ старостѣ, что бока у яровыхъ кладей неровны, и что кладка неопрятна; но староста съ усмѣшкой отвѣчалъ: „вы глядите, батюшка Алексѣй Степанычъ, на оржаныя-то клади,—яровыя такія не будутъ; оржаная солома-то длинная, а яровая—коротенькая, снопы-то и ползутъ.“—Мнѣ показалось, что отецъ смутился. Онъ остался на гумнѣ и хотѣлъ прійти пѣшкомъ, а меня съ Евсеичемъ отправилъ на лошади домой. Я пересказалъ матери все видѣнное мною, съ моимъ обыкновеннымъ волненіемъ и увлеченіемъ. Я съ восторгомъ описывалъ крестьянскія работы и съ огорченіемъ увидѣлъ, уже не въ первый разъ, что мать слушала меня очень равнодушно; а мое желаніе выучиться крестьянскимъ работамъ назвала ребячьими бреднями. Я насупился и ушелъ къ сестрицѣ, которая должна была выслушать мой разсказъ о крестьянскихъ работахъ. Надобно признаться, что и она слушала его очень равнодушно. Всего же болѣе досадила мнѣ Параша. Когда я сталъ пенять сестрѣ, что она невнимательно слушаетъ и не восхищается моими описаніями, Параша вдругъ вмѣшалась и сказала: „нечего и слушать. Вотъ нашли какую невидаль! Очень нужно сестрицѣ вашей знать, какъ крестьяне молотятъ, да клади кладутъ“.... и захохотала. Я такъ разсердился, что назвалъ Парашу дурой. Она погрозила мнѣ, что пожалуется маменькѣ, однакожъ не пожаловалась.—Когда воротился отецъ, мы съ нимъ досыта наговорились о крестьянскихъ работахъ. Отецъ уважалъ труды

крестьянъ, съ любовью говорилъ о нихъ, и мнѣ было очень пріятно его слушать, а также высказывать мои собственныя чувства и дѣтскія мысли.

Уже весьма поздно осенью отправились мы въ Старую Мертовщину къ Чичаговымъ. Сестрица съ маленькимъ братцемъ остались у бабушки; отецъ только проводилъ насъ и на другой же день воротился въ Багрово къ своимъ хозяйственнымъ дѣламъ. Я зналъ все это напередъ и боялся, что мнѣ будетъ скучно въ гостяхъ; даже на всякій случай взялъ съ собой книжки, читанныя мною уже не одинъ разъ. Но на дѣлѣ вышло, что мнѣ не было скучно. Когда моя мать уходила въ комнату Чичаговой, старушка Мертваго сажала меня подлѣ себя и разговаривала со мной по цѣлымъ часамъ. Она умѣла такъ разспрашивать и особенно такъ разсказывать, что мнѣ было очень весело ее слушать. Она въ своей жизни много видѣла, много вытерпѣла, и ея разсказы были любопытнѣе книжекъ. Тутъ я получилъ въ первый разъ настоящее понятіе о „пугачевщинѣ", о которой прежде только слыхалъ мимоходомъ. Бѣдная Марья Михайловна съ своимъ семействомъ жестоко пострадала въ это страшное время и лишилась своего мужа, котораго бунтовщики убили. У старушки Мертваго я сидѣлъ обыкновенно по утрамъ, а послѣ обѣда бралъ меня къ себѣ въ кабинетъ Петръ Иванычъ Чичаговъ. Онъ былъ и живописецъ, и архитекторъ: самъ построилъ церковь для своей тещи Марьи Михайловны въ саду, близехонько отъ дома, и самъ писалъ всѣ образа. Тутъ я узналъ въ первый разъ, что такое *математическій инструментъ*, что такое палитра и масляныя краски и какъ ими рисуютъ. Мнѣ особенно нравилось черченье, въ чемъ Чичаговъ былъ искусенъ, и я долго бредилъ циркулемъ и рейсфедеромъ. Обладаніе такими сокровищами показалось мнѣ необыкновеннымъ счастіемъ. Въ добавокъ ко всему, Петръ Иванычъ далъ мнѣ почитать „Тысячу и одну ночь" арабскія сказки. Шехерезада свела меня съ ума. Я не могъ оторваться отъ книжки, и добрый хозяинъ подарилъ мнѣ два тома этихъ волшебныхъ сказокъ: у него только ихъ и было. Мать сначала сомнѣвалась, не вредно ли будетъ мнѣ это чтеніе. Она говорила Чичагову, что у меня и безъ того слишкомъ горячее воображеніе и что, послѣ волшебныхъ сказокъ Шехерезады, я стану бредить на яву; но Петръ Иванычъ какъ-то умѣлъ убѣдить мою мать, что чтеніе „Тысячи и одной ночи"

не будетъ мнѣ вредно. Я не понималъ его доказательствъ, но вѣрилъ въ ихъ справедливость и очень обрадовался согласію матери. Кажется, еще ни одна книга не возбуждала во мнѣ такого участія и любопытства! Покуда мы жили въ Мертовщинѣ, я читалъ разсказы Шехерезады урывками, но съ полнымъ самозабвеніемъ. Прибѣгу бывало въ ту отдѣльную комнату, въ которой мы съ матерью спали, разверну Шехерезаду, такъ чтобъ только прочесть страничку;—и забудусь совершенно. Одинъ, разъ, замѣтивъ, что меня нѣтъ, мать отыскала меня, читающаго съ такимъ увлеченіемъ, что я не слыхалъ, какъ она приходила въ комнату и какъ ушла потомъ. Она привела съ собой Чичагова, и я долго не замѣчалъ ихъ присутствія, не слышалъ и не видѣлъ ничего: только хохотъ Петра Иваныча заставилъ меня опомниться. Мать воспользовалась очевидностью доказательства и сказала: „вотъ видите, Петръ Иванычъ, какъ онъ способенъ увлекаться; и вотъ почему я считаю вреднымъ для него чтеніе волшебныхъ сказокъ". Петръ Иванычъ только смѣялся и говорилъ, что это ничего, что это такъ быть должно, что это прекрасно! Я очень перепугался. Я не думалъ, чтобы послѣ такой улики въ способности увлекаться до безумія мать въ другой разъ уступила Чичагову; слава Богу, все обошлось благополучно. Мать оставила у меня книги; но запретила мнѣ и смотрѣть ихъ, покуда мы будемъ жить въ Мертовщинѣ. Опасаясь худшихъ послѣдствій, я, хотя неохотно, повиновался, и въ послѣдніе дни нашего пребыванія у Чичаговыхъ еще съ большимъ вниманіемъ слушалъ разсказы старушки Мертваго, еще съ большимъ любопытствомъ разспрашивалъ Петра Иваныча, который все на свѣтѣ зналъ, читалъ, видѣлъ и самъ умѣлъ дѣлать; въ дополненье къ этому онъ былъ очень веселъ и словоохотенъ. Удивленіе мое къ этому человѣку, необыкновенному по уму и дарованьямъ, росло съ каждымъ днемъ.

Въ Мертовщинѣ былъ еще человѣкъ, возбуждавшій мое любопытство, смѣшанное со страхомъ: это былъ сынъ Марьи Михайловны, Иванъ Борисычъ, человѣкъ молодой, но уже нѣсколько лѣтъ сошедшій съ ума. Мать ни за что не хотѣла стѣснить его свободу; онъ жилъ въ особомъ флигелѣ, съ приставленнымъ къ нему слугою, ходилъ гулять по полямъ и лѣсамъ и приходилъ въ домъ, гдѣ жила Марья Михайловна, во всякое время, когда ему было угодно, даже ночью. Я ви-

дѣлъ его каждый день раза по два и по три, но издали. Одинъ разъ, когда мы всѣ сидѣли въ гостиной, вдругъ вошелъ Иванъ Борисычъ, небритый, нечесаный, очень странно одѣтый; бормоча себѣ подъ носъ какія-то русскія и французскія слова, кусая ногти, безпрестанно кланяясь на бокъ, поцѣловалъ онъ руку у своей матери, взялъ ломберный столъ, поставилъ его посрединѣ комнаты, раскрылъ, досталъ карты, мелки, щеточки, и началъ самъ съ собою играть въ карты. Катерина Борисовна тихо сказала моей матери, что игра въ карты съ самимъ собою составляетъ единственное удовольствіе ея несчастнаго брата и что онъ играетъ мастерски; въ доказательство же своихъ словъ попросила мужа поиграть съ ея братомъ въ пикетъ. Петръ Иванычъ охотно согласился, прибавя, что онъ много разъ съ нимъ игралъ, но выиграть никогда не могъ. Я осмѣлился подойти поближе и сталъ возлѣ Чичагова. Иванъ Борисычъ все дѣлалъ съ изумительною скоростью, и часто, не дожидаясь розыгрыша игры, вычисливъ всѣ ходы въ умѣ, писалъ мѣломъ свой будущій выигрышъ или проигрышъ. Всѣ говорили, что онъ никогда не ошибался. Въ то же время на лицѣ его появлялись безпрестанныя гримасы. Онъ смѣялся какимъ-то дикимъ смѣхомъ, безпрестанно что-то говорилъ, вставалъ, кланялся и опять садился. Очевидно было, что онъ съ кѣмъ-то мысленно разговаривалъ, но въ то же время это не мѣшало ему играть съ большимъ вниманіемъ и умѣньемъ. Сыгравъ нѣсколько королей и сказавъ: „нѣтъ, братецъ, васъ никогда не обыграешь“, Петръ Иванычъ всталъ, принесъ изъ кабинета нѣсколько мѣдныхъ денегъ и отдалъ Ивану Борисычу. Тотъ былъ чрезвычайно доволенъ, подсѣлъ къ матери и очень долго говорилъ съ ней, то громко, то тихо, то печально, то весело, но всегда почтительно; она слушала съ вниманіемъ и участіемъ. Иванъ Борисычъ такъ бормоталъ, что нельзя было понять ни одного слова; но его мать все понимала и смотрѣла на него съ необыкновенною нѣжностью. Наконецъ она сказала: „ну довольно, мой другъ Иванъ Борисовичъ. Я теперь все знаю; подумаю хорошенько о твоемъ намѣреньи и дамъ тебѣ совѣтъ. Ступай съ Богомъ въ свой флигель“. Иванъ Борисовичъ сейчасъ повиновался, съ почтеньемъ поцѣловалъ у нея руку и ушелъ. Нѣсколько минутъ всѣ молчали; глаза у старушки были полны слезъ. Потомъ она перекрестилась и сказала тихимъ и торжественнымъ голосомъ: „да будетъ воля Господня!

Но мать не можетъ привыкнуть видѣть свое дитя лишеннымъ разума. Бѣдный мой Иванъ не вѣритъ, что государыня скончалась: а какъ онъ воображаетъ, что влюбленъ въ нее, любимъ ею и что онъ оклеветанъ, то хочетъ писать письмо къ покойной императрицѣ на французскомъ языкѣ". — Все это было для меня совершено непонятно и непостижимо. Я понималъ только одно, какъ мать любила безумнаго сына и какъ сумасшедшій сынъ почтительно повиновался матери. Въ тотъ же день, ложась спать въ нашей отдѣльной комнатѣ, я присталъ къ своей матери со множествомъ разныхъ вопросовъ, на которые было очень мудрено отвѣчать понятнымъ для ребенка образомъ. Всего болѣе смущала меня возможность сойти съ ума, и я нѣсколько дней слѣдилъ за своими мыслями и надоѣдалъ матери разспросами и сомнѣніями, нѣтъ ли во мнѣ чего-нибудь, похожаго на сумасшествіе?—Пріѣздъ отца и нашъ отъѣздъ, назначенный на другой день, выгнали у меня изъ головы мысли о возможности помѣшательства. Мы уѣхали. Я думалъ только уже объ одномъ: о свиданіи съ милой сестрицей, и о томъ, какъ буду я читать ей арабскія сказки и разсказывать объ Иванѣ Борисычѣ. Дорогою мать очень много говорила съ моимъ отцомъ о Марьѣ Михайловнѣ Мертваго; хвалила ее и удивлялась, какъ эта тихая старушка, никогда не возвышавшая своего голоса, умѣла внушать всѣмъ ее окружающимъ такое уваженіе и такое желаніе исполнять ея волю. „Изъ любви и уваженія къ ней, продолжала моя мать, — не только никто изъ семейства и пріѣзжающихъ гостей, но даже никто изъ слугъ никогда не поскучалъ, не посмѣялся надъ ея безумнымъ сыномъ, хотя онъ бываетъ и противенъ и смѣшонъ. Даже надъ нимъ она сохраняетъ такую власть, что во время самаго сильнаго бѣшенства, которое иногда на него находитъ, — стоитъ только появиться Марьѣ Михайловнѣ и сказать нѣсколько словъ, чтобы бѣснующійся совершенно успокоился".—Все это понималось, и подтверждалось моимъ собственнымъ чувствомъ, моимъ дѣтскимъ разумѣньемъ.

Воротясь въ Багрово, я не замедлилъ разсказать подробно обо всемъ, происходившемъ въ Старой Мертовщинѣ— сначала милой моей сестрицѣ, а потомъ и тетушкѣ. По моей живости и непреодолимому, безотчетному желанью передавать другимъ свои впечатлѣнія съ точностью и ясностью очевидности, такъ чтобы слушатели получили такое же по-

нятіе объ описываемыхъ предметахъ, какое я самъ имѣлъ о нихъ,—я сталъ передразнивать сумасшедшаго Ивана Борисыча въ его бормотаньѣ, гримасахъ и поклонахъ. Видно я исполнялъ свою задачу очень удачно, потому что напугалъ мою сестрицу, и она бѣгала отъ меня, или зажмуривала глаза и затыкала уши, какъ скоро я начиналъ представлять сумасшедшаго. Тетушка же моя напротивъ очень смѣялась и говорила: „ахъ, какой проказникъ, Сережа! Точь въ точь Иванъ Борисычъ“. Это было мнѣ пріятно, и я повторялъ мои продѣлки передъ Евсеичемъ, Парашей и другими, заставляя ихъ смѣяться и хвалить мое умѣнье передразнивать.

При первомъ удобномъ случаѣ началъ я читать арабскія сказки, надолго овладѣвшія моимъ горячимъ воображеньемъ. Всѣ сказки мнѣ нравились; я не зналъ, которой отдать преимущество! Онѣ возбуждали мое дѣтское любопытство, приводили въ изумленіе неожиданностью диковинныхъ приключеній, воспламеняли мои собственныя фантазіи. Геніи, заключенные то въ колодезѣ, то въ глиняномъ сосудѣ, люди, превращенные въ животныхъ, очарованныя рыбы, черная собака, которую сѣчетъ прекрасная Зобеида и потомъ со слезами обнимаетъ и цѣлуетъ... сколько загадочныхъ чудесъ, при чтеніи которыхъ духъ занимался въ груди! Съ какою жадностью, съ какимъ ненасытнымъ любопытствомъ читалъ я эти сказки, и въ то же время я зналъ, что все это выдумка, настоящая сказка, что этого нѣтъ на свѣтѣ и быть не можетъ. Гдѣ же скрывается тайна такого очарованія? Я думаю, что она заключается въ страсти къ чудесному, которая, болѣе или менѣе, врождена всѣмъ дѣтямъ, и которая, у меня исключительно, не обуздывалась разсудкомъ. Мало того, что я самъ читалъ по обыкновенію съ увлеченьемъ и съ восторгомъ,—я потомъ разсказывалъ сестрицѣ и тетушкѣ читанное мной съ такимъ горячимъ одушевленіемъ и можно сказать самозабвеніемъ, что, самъ того не примѣчая, дополнялъ разсказы Шехеразады многими подробностями своего изобрѣтенья; я говорилъ обо всемъ, мною читанномъ, точно какъ будто самъ тутъ былъ и самъ все видѣлъ. Возбудивъ вниманье и любопытство моихъ слушательницъ и удовлетворяя ихъ желанью, я сталъ перечитывать имъ вслухъ арабскія сказки—и добавленія моей собственной фантазіи были замѣчены и обнаружены тетушкой и подтверждены сестрицей. Тетушка часто останавливала меня, говоря: „а какже тутъ

нѣтъ того, что ты намъ разсказывалъ? стало быть, ты все это отъ себя выдумалъ? Смотри пожалуй, какой ты хвастунъ! Тебѣ вѣрить нельзя".—Такой приговоръ очень меня озадачилъ и заставилъ задуматься. Я былъ тогда очень правдивый мальчикъ и терпѣть не могъ лжи; а здѣсь я самъ видѣлъ, что точно прилгалъ много на Шехеразаду. Я самъ былъ удивленъ, не находя въ книгѣ того, что казалось мнѣ я читалъ въ ней и что совершенно утвердилось въ моей головѣ. Я сталъ осторожнѣе и наблюдалъ за собой, покуда не разгорячался; въ горячности же я забывалъ все, и мое пылкое воображеніе вступало въ безграничныя свои права.

Тянулась глубокая осень, уже не сырая и дождливая, а сухая, вѣтреная и морозная. Морозы безъ снѣгу доходили до 20 градусовъ, грязь превратилась въ камень, по прудамъ ѣздили на лошадяхъ. Однимъ словомъ стояла настоящая зима, только безъ саннаго пути, котораго всѣ ждали нетерпѣливо. Я давно уже перестал гулять и почти все время проводилъ съ матерью въ ея новой горницѣ, гдѣ стояла моя кроватка, лежали мои книжки, удочки, снятыя съ удилищъ, и камешки. У отца не было кабинета и никакой отдѣльной комнаты; въ одномъ углу залы стояло домашнее, Акимовой работы, ольховое бюро; отецъ все сидѣлъ за нимъ и что-то писалъ. Нерѣдко стоялъ передъ отцомъ слѣпой старикъ, повѣренный Пантелей Григорьичъ (по прозвищу, никогда не употребляемому, Мягковъ), знаменитый ходокъ по тяжебнымъ дѣламъ и знатокъ въ законахъ, о чемъ разумѣется я узналъ послѣ. Это былъ человѣкъ геніальный въ своемъ дѣлѣ; но какъ могъ образоваться такой человѣкъ у моего покойнаго дѣдушки, плохо знавшаго грамотѣ и ненавидѣвшаго всякія тяжбы? А вотъ какъ: Михайла Максимычъ Куролесовъ, черезъ годъ послѣ своей женитьбы на двоюродной сестрѣ моего дѣдушки, замѣтилъ у него въ дворнѣ круглаго сироту Пантюшку, который показался ему необыкновенно смѣтливымъ и умнымъ; онъ предложилъ взять его къ себѣ для обученія грамотѣ и для образованія изъ него дѣлового человѣка, котораго могъ бы мой дѣдушка употреблять, какъ повѣреннаго, во всѣхъ соприкосновеніяхъ съ земскими и уѣздными судами; дѣдушка согласился. Пантюшка скоро сдѣлался Пантелеемъ и выказалъ такія необыкновенныя способности, что Куролесовъ, выпросивъ согласіе у дѣдушки, послалъ Пантелея въ Москву, для полнаго образованья, къ одному своему прі-

ятелю, оберъ-секретарю, великому законовѣдцу и знаменитому взяточнику. Черезъ нѣсколько лѣтъ Пантелея уже звали Пантелеемъ Григорьичемъ, и онъ получилъ извѣстность въ классѣ дѣловыхъ людей. Въ Москвѣ онъ женился на мѣщанкѣ, красавицѣ и съ хорошимъ приданымъ, Натальѣ Сергѣевой, которая, по любви или по уваженію къ талантамъ Пантелея Григорьева, не побоялась выйти за крѣпостного человѣка. Въ самыхъ зрѣлыхъ лѣтахъ, кончивъ съ полнымъ торжествомъ какое-то „судоговоренье" противъ извѣстнаго тоже доки по тяжебнымъ дѣламъ и сбивъ съ поля своего стараго и опытнаго противника, Пантелей Григорьичъ, обѣдая въ этотъ самый день у своего довѣрителя,—вдругъ, сидя за столомъ, ослѣпъ. Параличъ поразилъ глазные нервы, вѣроятно отъ усиленнаго чтенья рукописныхъ бумагъ, письма и безсонницы, и ничто уже не могло возвратить ему зрѣнія. Онъ полѣчился въ Москвѣ съ годъ, и потомъ переѣхалъ съ своей женой и дочкой Настенькой въ Багрово; но и слѣпой, онъ постоянно занимался разными чужими тяжебными дѣлами, съ которыми пріѣзжали къ нему повѣренные, которыя ему читались вслухъ и по которымъ онъ диктовалъ просьбы въ Сенатъ, за что получалъ по тогдашнему не малую плату. Вотъ этотъ-то Пантелей часто стоялъ передъ моимъ отцомъ, слушая бумаги и разсуждая о дѣлахъ, которыя отецъ намѣревался начать. Я какъ теперь гляжу на него: высокій ростомъ, благообразный лицомъ, съ длинными русыми волосами, въ которыхъ трудно было разглядѣть сѣдину, въ длинномъ сюртукѣ гороховаго цвѣта съ огромными мѣдными пуговицами, въ синихъ пестрыхъ чулкахъ съ красными стрѣлками и башмакахъ съ большими серебряными пряжками, опирался онъ на камышевую трость съ вызолоченнымъ набалдашникомъ. Это былъ замѣчательный представитель старинныхъ слугъ, которые уже перевелись и которые очень удачно схвачены Загоскинымъ въ его романахъ. Ни за что въ свѣтѣ не соглашался Пантелей Григорьичъ сѣсть, не только при моемъ отцѣ, но даже при мнѣ, и никогда не могъ я отъ него отбиться, чтобъ онъ не поцѣловалъ моей руки. И память и даръ слова были у него удивительные: года, числа указовъ и самые законы зналъ онъ наизусть. Онъ постоянно держалъ одного или двухъ учениковъ, которые и жили у него въ особомъ флигелькѣ о двухъ горницахъ съ кухнею, выстроенномъ имъ на свой *коштъ*. У него съ утра до вечера

читали и писали, а онъ обыкновенно сидѣлъ на высокой лежанкѣ, согнувъ ноги, и курилъ коротенькую трубку; слухъ у него былъ такъ чутокъ, что онъ узнавалъ походку всякаго, кто приходилъ къ нему въ горницу, даже мою. Я охотно и часто ходилъ бы къ нему послушать его разсказовъ о Москвѣ, сопровождаемыхъ всегда подчиваньемъ его дочки и жены, которую обыкновенно звали „Сергѣевна", но старикъ не хотѣлъ сидѣть при мнѣ, и это обстоятельство въ соединеніи съ подчиваньемъ, не нравившимся моей матери, заставило меня рѣдко посѣщать Пантелея Григорьича.

Наконецъ, выпалъ сильный снѣгъ, давно ожидаемый и людьми и природой, какъ выражалась моя мать. Мы поспѣшно собрались въ дальнюю дорогу. Прасковья Ивановна настоятельно потребовала, чтобъ отецъ показалъ ей *всю свою* семью. Ея требованіе считалось закономъ—и мы отправлялись по первому зимнему пути, по *первозимью*, когда дорога бываетъ гладка какъ скатерть и можно еще ѣхать парами и тройками въ рядъ. Мы поѣхали на своихъ лошадяхъ: я съ отцомъ и матерью въ повозкѣ, а сестрица съ братцемъ, Парашей и кормилицей—въ возкѣ, то-есть, крытой рогожею повозкѣ. Я не стану описывать нашей дороги: она была точно такъ же скучна и противна своими кормежками и ночевками, какъ и прежнія; скажу только, что мы останавливались на цѣлый день въ большой деревнѣ „Вишенки", принадлежащей той-же Прасковьѣ Ивановнѣ Куролесовой. Тамъ былъ точно такой-же удобный и теплый флигель для наѣзда управляющаго, какъ и въ Парашинѣ; даже лучше. Въ той половинѣ, гдѣ нѣкогда останавливался страшный баринъ, висѣли картины въ золотыхъ рамахъ, показавшіяся мнѣ чудесными; особенно одна картина, представлявшая какого-то воина въ шлемѣ, въ латахъ, съ копьемъ въ рукѣ, ѣдущаго верхомъ по песчаной пустынѣ. Мнѣ съ улыбкой говорили, что всѣ картины покойный Михайла Максимычъ (царство ему небесное!) изволилъ отнять у своихъ сосѣдей. Отецъ мой точно также, какъ въ Парашинѣ, осматривалъ все хозяйство, только меня съ собой никуда не бралъ, потому что на дворѣ было очень холодно. Селеніе Вишенки славилось богатствомъ крестьянъ и особенною охотой ихъ до хорошихъ, породистыхъ лошадей, разведенныхъ покойнымъ мужемъ Прасковьи Ивановны. Многіе старики приходили съ разными приносами: съ сотовымъ медомъ, яйцами и живою птицей.

Отецъ ничего не бралъ, а мать и не выходила къ старикамъ. Очевидно, что и здѣсь смотрѣли на насъ, какъ на будущихъ господъ, хотя никого изъ багровскихъ крестьянъ тамъ не было. Изъ Вишенокъ пріѣхали мы въ село Троицкое, Багрово тожь, извѣстное подъ именемъ Стараго или Симбирскаго Багрова. Тамъ былъ полуразвалившійся домишко, гдѣ жилъ нѣкогда мой дѣдушка съ бабушкой, гдѣ родились всѣ мои тетки и мой отецъ. Я замѣтилъ, что отецъ чуть не заплакалъ, войдя въ старыя господскія хоромы (такъ называлъ ихъ Евсеичъ) и увидя, какъ все постарѣло, подгнило, осѣло и покосилось. Матери моей очень не понравились эти развалины, и она сказала: „какъ это могли жить въ такой мурьѣ, и гдѣ тутъ помѣщались?“ Въ самомъ дѣлѣ, трудно было отгадать, гдѣ тутъ могло жить цѣлое семейство, въ томъ числѣ пять дочерей. Видно небольшія были требованія на удобства въ жизни. „Это, Сережа, наше родовое имѣнье, говорилъ мнѣ отецъ, жалованное намъ отъ царей; да теперь половина ужь не наша.“ Эти послѣднія слова произвели на меня какое-то особенное, непріятное впечатлѣніе, котораго я объяснить себѣ не умѣлъ. Мы пріѣхали поутру, а во время обѣда уже полонъ былъ дворъ крестьянъ и крестьянокъ. Не знаю отчего, на этотъ разъ, несмотря на морозъ, мать согласилась выйти къ собравшимся крестьянамъ и вывела меня. Мы были встрѣчены радостными криками, слезами и упреками: „за что покинули вы насъ, прирожденныхъ крестьянъ вашихъ!“ Мать моя, не любившая шумныхъ встрѣчъ и громкихъ выраженій любви въ подвластныхъ людяхъ, была побѣждена искренностью чувствъ нашихъ добрыхъ крестьянъ, и заплакала; отецъ заливался слезами, а я принялся ревѣть. Ничего не было припасеннаго и попотчивать крестьянъ оказалось нечѣмъ. Отецъ обѣщалъ пріѣхать черезъ недѣлю и тогда угостить всѣхъ. Всѣ отвѣчали, что ничего не нужно и просили только принять отъ нихъ „хлѣбъ-соль.“ Отказать было невозможно, хотя рѣшительно некуда было дѣвать крестьянскихъ гостинцевъ.

Кое-какъ отецъ послѣ обѣда осмотрѣлъ свое собственное небольшое хозяйство и все нашелъ въ порядкѣ, какъ онъ говорилъ; мы легли рано спать, и поутру, за нѣсколько часовъ до свѣта, выѣхали въ Чурасово, до котораго оставалось пятьдесятъ верстъ.

Чурасово.

Мы рано выкормили лошадей въ слободѣ упраздненнаго городка „Тагая“ и еще засвѣтло пріѣхали въ знаменитое тогда село Чурасово. Уже подъѣзжая къ нему, я увидѣлъ, что это совсѣмъ другое, совсѣмъ не то, что видалъ я прежде. Двѣ каменныя церкви съ зелеными куполами, одна поменьше, а другая большая, еще новая и неосвященная, красныя крыши господскаго огромнаго дома, флигелей и всѣхъ надворныхъ строеній, съ какими-то колоколенками, бросились мнѣ въ глаза и удивили меня. Когда мы подъѣхали къ парадному крыльцу съ навѣсомъ, слуги, цѣлой толпой, одѣтые какъ господа, выбѣжали къ намъ навстрѣчу, высадили насъ изъ кибитокъ и подъ руки ввели въ лакейскую, гдѣ мы узнали, что у Прасковьи Ивановны, по обыкновенію, много гостей, и что господа недавно откушали. Едва мать и отецъ успѣли снять съ себя дорожныя шубы, какъ въ залѣ раздался свѣжій и громкій голосъ: „да гдѣ же они? давайте ихъ сюда!“ Двери изъ залы растворились, мы вошли, и я увидѣлъ высокаго роста женщину, въ волосахъ съ просѣдью, которая съ живостью протянула руки навстрѣчу моей матери и сказала: „Насилу я дождалась тебя!“ Мать послѣ мнѣ говорила, что Прасковья Ивановна такъ дружески, съ такимъ чувствомъ ее обняла, что она въ ту же минуту всею душой полюбила нашу общую *благодѣ-*

тельницу и безъ памяти обрадовалась, что можетъ согласить благодарность съ сердечною любовью. Прасковья Ивановна долго обнимала и цѣловала мою, прослезившуюся отъ внутренняго чувства, мать; ласкала ее, охорашивала, подвела даже къ окну, чтобы лучше разсмотрѣть. Мой отецъ, желая поздороваться съ теткой, хотѣлъ-было поцѣловать ея руку, говоря: „здравствуйте, тетушка!“ но Прасковья Ивановна не дала руки. „Я тебя давно знаю, проговорила она какъ-то рѣзко, успѣемъ поздороваться, а вотъ дай мнѣ хорошенько разглядѣть твою жену!“ Наконецъ она сказала: „ну, кажется, мы другъ друга полюбимъ!“ и обратилась къ моему отцу, обняла его очень весело и что-то шепнула ему на ухо. Мы съ сестрицей давно стояли передъ новой бабушкой, устремивъ на нее свои глаза, ожидая съ какимъ-то безпокойствомъ ея вниманья и привѣта. Пришла и наша очередь. „А, это наши Багровы, продолжала она также весело. Я не охотница цѣловать ребятишекъ. Ну, да покажите ихъ мнѣ сюда къ свѣту“ (на дворѣ начинало уже смеркаться). Насъ съ сестрицей поставили у окошка на стулья, а маленькаго братца поднесла на рукахъ кормилица. Прасковья Ивановна поглядѣла на насъ внимательно, сдвинувъ немного свои густыя брови, и сказала: „правду писалъ покойный братъ Степанъ Михайловичъ: Сережа похожъ на дядю Григорья Петровича; дѣвочка какая то замухрышка, а маленькій сынокъ какой-то чернушка“. Она громко засмѣялась, взяла за руку мою мать и повела въ гостиную; въ дверяхъ стояло много гостей и тутъ начались рекомендаціи, обниманья и цѣлованья. Я получилъ-было непріятное впечатлѣніе отъ словъ, что моя милая сестрица замухрышка, а братецъ чернушка, но взглянувъ на залу, я пораженъ былъ ея великолѣпіемъ: стѣны были расписаны яркими красками, на нихъ изображались незнакомые мнѣ лѣса, цвѣты и плоды, неизвѣстныя мнѣ птицы, звѣри и люди; на потолкѣ висѣли двѣ большія хрустальныя люстры, которыя показались мнѣ составленными изъ алмазовъ и брилліантовъ, о которыхъ начитался я въ Шехеразадѣ; къ стѣнамъ во многихъ мѣстахъ были придѣланы золотые крылатые змѣи, державшіе во рту подсвѣчники со свѣчами, обвѣшанные хрустальными подвѣсками; множество стульевъ стояло около стѣнъ, всѣ обитые чѣмъ-то краснымъ. Не успѣлъ я внимательно разсмотрѣть всѣхъ этихъ диковинокъ, какъ Прасковья Ивановна, въ со-

провожденіи моей матери и молодой дѣвицы, съ умными и добрыми глазами, но съ большимъ носомъ и совершенно рябымъ лицомъ, воротилась изъ гостиной и повелительно сказала: „Александра! отведи же Софью Николавну и дѣтей въ комнаты, которыя я имъ назначила, и устрой ихъ“. Рябая дѣвица была Александра Ивановна Ковригина, двоюродная моя сестра, круглая сирота, съ малыхъ лѣтъ взятая на воспитаніе Прасковьей Ивановной; она находилась въ должности главной исполнительницы приказаній бабушки, то-есть хозяйки дома. Она очень радушно и ласково хлопотала о нашемъ помѣщеніи и очень скоро подружилась съ моею матерью. Намъ отвели большой кабинетъ, изъ котораго была одна дверь въ столовую, а другая въ спальню; спальню также отдали намъ; въ обѣихъ комнатахъ, лучшихъ въ цѣломъ домѣ, Прасковья Ивановна не жила послѣ смерти мужа: ихъ занимали иногда почетные гости, обыкновенные же посѣтители жили во флигелѣ. Въ кабинетѣ, какъ мнѣ сказали, многое находилось точно въ томъ видѣ, какъ было при прежнемъ хозяинѣ, о которомъ упоминали съ какимъ-то страхомъ. На одной стѣнѣ висѣла большая картина въ раззолоченыхъ рамахъ, представлявшая сѣдого старичка въ цѣпяхъ, заключеннаго въ тюрьму, котораго кормила грудью молодая прекрасная женщина (его дочь, по словамъ Александры Ивановны), тогда какъ въ окошко съ желѣзною рѣшеткой заглядывали два монаха и улыбались. На другихъ двухъ стѣнахъ также висѣли картины, но небольшія; на одной изъ нихъ была нарисована швея, точно съ живыми глазами, устремленными на того, кто на нее смотритъ. Въ углу стояло великолѣпное бюро краснаго дерева съ бронзовою рѣшеткою и бронзовыми полосами и съ финифтяными бляхами на замкахъ. Мать захотѣла жить въ кабинетѣ, и сейчасъ изъ спальной перенесли большую двойную кровать, также краснаго дерева съ бронзою и также великолѣпную; вмѣсто кроватки для меня назначили диванъ, сестрицу же съ Парашей и братца съ кормилицей помѣстили въ спальной, откуда была дверь прямо въ дѣвичью, что́ мать нашла очень удобнымъ. Распорядясь и поручивъ исполненіе Александрѣ Ивановнѣ, мать принарядилась передъ большимъ, на полу стоящимъ, зеркаломъ, какого я съ роду еще не видывалъ, и ушла въ гостиную; она воротилась послѣ ужина, когда я уже спалъ. Видно за ужиномъ было шумно и весело, потому что часто доле-

талъ до меня черезъ столовую громкій говоръ и смѣхъ гостей. Добрая Александра Ивановна долго оставалась съ нами, и мы очень ее полюбили. Она съ какою-то грустью разспрашивала меня подробно о Багровѣ, о бабушкѣ и тетушкахъ. Я не поскупился на разсказы, и въ тотъ же вечеръ она получила достаточное понятіе о нашей уфимской деревенской жизни и обо всѣхъ моихъ любимыхъ наклонностяхъ и забавахъ.

Проснувшись на другой день, я увидѣлъ весь кабинетъ освѣщенный яркими лучами солнца: золотыя рамы картинъ, люстры, бронза на бюро и зеркалахъ—такъ и горѣли. Обводя глазами стѣны, я былъ пораженъ взглядомъ швеи, которая смотрѣла на меня изъ своихъ золотыхъ рамокъ, точно какъ живая,—смотрѣла, не спуская глазъ. Я не могъ вынести этого взгляда и отвернулся; но черезъ нѣсколько минутъ, поглядѣвъ украдкой на швею, увидѣлъ, что она точно такъ же, какъ и прежде, пристально на меня смотритъ; я смутился, даже испугался и, завернувшись съ головой своимъ одѣяльцемъ, смирно пролежалъ до тѣхъ поръ, покуда не встала моя мать, не ушла въ спальню, и покуда Евсеичъ не пришелъ одѣть меня. Умываясь, я взглянулъ съ боку на швею—она смотрѣла на меня и какъ будто улыбалась. Я смутился еще болѣе и сообщилъ мое недоумѣніе Евсеичу; онъ самъ попробовалъ посмотрѣть на картину съ разныхъ сторонъ, самъ замѣтилъ и дивился ея странному свойству, но въ заключеніе равнодушно сказалъ: „ужь такъ ее живописецъ написалъ, что она всякому человѣку въ глаза глядитъ“. Хотя я не совсѣмъ удовлетворился такимъ объясненіемъ, но меня успокоило то, что швея точно такъ же смотритъ на Евсеича, какъ и на меня.

Гости еще не вставали; да и многіе изъ тѣхъ, которые уже встали, не приходили къ утреннему чаю, а пили его въ своихъ комнатахъ. Прасковья Ивановна давно уже проснулась, какъ мы узнали отъ Параши, одѣлась и кушала чай въ своей спальнѣ. Мать пошла къ ней и черезъ ея приближенную, горничную или барскую барыню, спросила: „можно ли видѣть тетушку“?—Прасковья Ивановна отвѣчала: „можно“. Мать вошла къ ней и черезъ нѣсколько времени воротилась очень весела. Она сказала: „тетушка желаетъ васъ всѣхъ видѣть“, и мы сейчасъ пошли къ ней въ спальню. Прасковья Ивановна встрѣтила насъ такъ просто, ласково и весело, что я простилъ ей прозвища „замухрышки“ и „чернушки“,

данныя ею моей сестрицѣ и братцу, и тутъ же окончательно полюбилъ ее. Она никого изъ насъ, то есть изъ дѣтей, не поцѣловала; но долго разглядывала, погладила по головкѣ, мнѣ съ сестрицей дала поцѣловать руку и сказала: „это такъ, для перваго раза, я принимаю васъ у себя въ спальной. Я до ребятъ не охотница, особенно до грудныхъ; крику ихъ терпѣть не могу, да и пахнетъ отъ нихъ противно. Ко мнѣ прошу водить дѣтей тогда, когда позову. Ну, Сережа постарше, его можно и гостямъ показать. Дѣти будутъ пить чай, обѣдать и ужинать у себя въ комнатахъ; я отдаю вамъ еще столовую, гдѣ они могутъ играть и бѣгать; маленькимъ съ большими нечего мѣшаться. Ну, милая моя Софья Николавна, живи у меня въ домѣ, какъ въ своемъ собственномъ: требуй, приказывай—все будетъ исполнено. Когда тебѣ захочется меня видѣть—милости прошу; не захочется—цѣлый день сиди у себя: я за это въ претензіи не буду; я скучныхъ лицъ не терплю. Я полюбила тебя какъ родную, но себя принуждать для тебя не стану. У меня и всѣ гости живутъ на такомъ положеніи. Я собой никому не скучаю, прошу и мнѣ не скучать“.—Послѣ такого объясненья Прасковья Ивановна, которая сама себѣ наливала чай, стала подчивать имъ моего отца и мать, а намъ приказала итти въ свои комнаты. Я осмѣлился попросить у ней позволенья еще разъ посмотрѣть, какъ расписаны стѣны въ залѣ, и назвалъ ее бабушкой. Прасковья Ивановна разсмѣялась и сказала: „а, ты охотникъ до картинокъ, такъ ступай съ своимъ дядькой и осмотри залу, гостиную и диванную: она лучше всѣхъ расписана, но руками ничего не трогать и меня бабушкой не звать, а просто Прасковьей Ивановной“.—Отчего не любила она называться бабушкой—не знаю; только во всю ея жизнь мы никогда ее бабушкой не называли. Я не замедлилъ воспользоваться даннымъ мнѣ позволеніемъ и отправился съ Евсеичемъ въ залу, которая показалась мнѣ еще лучше, чѣмъ вчера, потому что я могъ свободнѣе и подробнѣе разсмотрѣть живопись на стѣнахъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что живописецъ былъ какой-нибудь домашній маляръ, равный въ искусствѣ нынѣшнимъ малярамъ, расписывающимъ вывѣски на цирюльныхъ лавочкахъ, но тогда я съ восхищеніемъ смотрѣлъ и на Китайцевъ, и на дикихъ Американцевъ, и на пальмовыя деревья, и на звѣрей, и на птицъ, блиставшихъ всѣми яркими цвѣтами. Когда мы вошли въ гостиную, то я

былъ пораженъ не живописью на стѣнахъ, которой было не много, а золотыми рамами картинъ и богатымъ убранствомъ этой комнаты, показавшейся мнѣ въ то же время какъ-то темною и невеселою, вѣроятно отъ кисейныхъ и шелковыхъ гардинъ на окнахъ. Какіе были диваны, сколько было креселъ, и всѣ обитые шелковой синею матеріей! Какая огромная люстра висѣла посерединѣ потолка! Какія большія куклы съ подсвѣчниками въ рукахъ возвышались на каменныхъ столбахъ по угламъ комнаты! Какіе столы съ бронзовыми рѣшеточками, наборные изъ разноцвѣтнаго дерева, стояли у боковыхъ дивановъ! Какіе на нихъ были набраны птицы, звѣри и даже люди! Особенное же вниманіе мое обратили на себя широкія зеркала отъ потолка до полу, съ приставленными къ нимъ мраморными столиками, на которыхъ стояли бронзовые подсвѣчники съ хрустальными подвѣсками, называющіеся канделябрами. Сравнительно съ домами, которые я видалъ и въ которыхъ жилъ, особенно съ домомъ въ Багровѣ, Чурасовскій домъ долженъ былъ показаться мнѣ, и показался, дворцомъ изъ Шехеразады. Диванная, въ которую перешли мы изъ гостиной, уже не могла поразить меня, хотя была убрана такъ же роскошно, но за то она понравилась мнѣ больше всѣхъ комнатъ: широкій диванъ во всю внутреннюю стѣну и маленькіе диванчики по угламъ, обитые яркой, красной матеріей, казались стоящими въ зеленыхъ бесѣдкахъ изъ цвѣтущихъ кустовъ, которые были нарисованы на стѣнахъ. Окна, едва завѣшанныя гардинами, и стеклянная дверь въ садъ, пропускали много свѣта и придавали веселый видъ комнатѣ. Прасковья Ивановна тоже ее любила и постоянно сидѣла или лежала въ ней на диванѣ, когда общество было не такъ многочисленно и состояло изъ коротко знакомыхъ людей.

Налюбовавшись и насмотрѣвшись вмѣстѣ съ Евсеичемъ, который ахалъ больше меня, всѣми диковинками и сокровищами (какъ я думалъ тогда), украшавшими Чурасовскій домъ, воротился я торопливо въ свою комнату, чтобы передать кому-нибудь всѣ мои впечатлѣнія. Но у насъ въ дѣтской [1]) сидѣла добрая Александра Ивановна, разговаривая съ моей милой сестрицей и лаская моего братца. Она сказала мнѣ, что *тетушка* занята очень разговорами съ моимъ

[1]) Такъ стали называть бывшую нѣкогда спальню Прасковьи Ивановны.

отцомъ и матерью и выслала ее, прибавя: „изволь отсюда убираться“. Мнѣ показалось, что Александра Ивановна огорчилась такими словами, и чтобъ утѣшить ее, я поспѣлъ сообщить, что Прасковья Ивановна и насъ всѣхъ выслала и не позволила мнѣ называть себя бабушкой. Александра Ивановна печально улыбнулась и сказала: „Прасковья Ивановна не любитъ называться бабушкой и приказала мнѣ называть ее тетушкой, и я уже привыкла ее такъ звать. Я ей такая же родная, какъ и вы; только я бѣдная дѣвка и сирота, а вы ея наслѣдники“. Я ничего не понялъ; грустно звучали ея слова и мнѣ какъ будто стало грустно; но не на долго. Картины и великолѣпное убранство дома вдругъ представились мнѣ и я принялся съ восторгомъ разсказывать моей сестрицѣ и другимъ всѣ видѣнныя мною чудеса. Александра Ивановна безпрестанно улыбалась и наконецъ тихо промолвила: „экой ты дитя!“ Я былъ смущенъ такими словами и какъ будто охладѣлъ въ концѣ моихъ разсказовъ. Потомъ Александра Ивановна начала опять разспрашивать меня про нашу родную бабушку и про Багрово. Я подумалъ: ну что говорить о Багровѣ послѣ Чурасова?—Но не такъ видно думала Александра Ивановна и продолжала меня разспрашивать обо всѣхъ бездѣлицахъ. Потомъ она стала сама мнѣ разсказывать про себя: какъ ея отецъ и мать жили въ бѣдности, въ нуждѣ, и оба померли; какъ ее взялъ было къ себѣ въ Багрово покойный мой и ея родной дѣдушка Степанъ Михайловичъ, какъ пріѣхала Прасковья Ивановна и увезла ее къ себѣ въ Чурасово, и какъ живетъ она у ней вмѣсто пріемыша уже 16 лѣтъ. Вдругъ вошла какая-то толстая, высокая и не молодая женщина, которой я еще не зналъ, и стала насъ ласкать и цѣловать; ее называли Дарьей Васильевной; ея фамиліи я и теперь не знаю. Одѣта она была какъ-то странно: платье на ней было господское, а повязана она была платкомъ, какъ дворовая женщина. Послѣ я узналъ, что платья обыкновенно дарила ей Прасковья Ивановна *съ своего плеча* и требовала, чтобы она носила ихъ, а не прятала. Дарья Васильевна съ перваго взгляда мнѣ не очень понравилась, да и замѣтилъ я, что она съ Александрой Ивановной не дружелюбно обходилась; но впослѣдствіи я убѣдился, что она была тоже добрая, хотя и смѣшная женщина. Прасковья Ивановна привыкла къ ней и жаловала ее особенно за прекрасный голосъ, который у ней и въ старости былъ хорошъ. Она пустилась растабары-

вать не съ нами, а съ Парашей и кормилицей. Александра Ивановна, шепнувъ мнѣ тихо: „пришла все вывѣдывать у слугъ“, ушла съ неудовольствіемъ. Оставшись на свободѣ, я увелъ сестрицу въ кабинетъ, гдѣ мы спали съ отцомъ и матерью, и, позабывъ смутившія меня слова „экой ты дитя“, принялся вновь разсказывать и описывать гостиную и диванную, украшая все, по своему обыкновенью. Милая сестрица жалѣла, что не видала этихъ комнатъ и залы, которую она вчера мало разглядѣла. Мы принялись разсуждать по своему о Прасковьѣ Ивановнѣ, объ Александрѣ Ивановнѣ и о Дарьѣ Васильевнѣ. Сестрица такъ меня любила, что обо всемъ думала точно то же, что и я, и мы съ ней всегда во всемъ были согласны.

Между тѣмъ домъ, который былъ пустъ и тихъ, когда я его осматривалъ, началъ наполняться и оживляться. Въ гостиной и диванной появились гости, и Прасковья Ивановна вышла къ нимъ вмѣстѣ съ отцомъ моимъ и матерью. Александра Ивановна также явилась къ своей должности—занимать гостей, которыхъ на этотъ разъ было человѣкъ пятнадцать. Между прочимъ тутъ находились: Александръ Михайлычъ Карамзинъ съ женой, Никита Никитичъ Философовъ съ женой, г-нъ Петинъ съ сестрою, какой-то помѣщикъ Бедринъ, котораго бранила и надъ которымъ въ глаза смѣялась Прасковья Ивановна, М. В. Лѣнивцевъ съ женой и Павелъ Иванычъ Миницкій, недавно женившійся на Варварѣ Сергѣевнѣ Плещеевой; это была прекрасная пара, какъ всѣ тогда ихъ называли, и Прасковья Ивановна ихъ очень любила: оба молоды, хороши собой и горячо привязаны другъ къ другу. Черезъ нѣсколько дней Миницкіе сдѣлались друзьями съ моимъ отцомъ и матерью. Они жили въ 25-ти верстахъ отъ Чурасова, возлѣ самаго упраздненнаго городка Тагая, и потому ѣзжали къ Прасковьѣ Ивановнѣ каждую недѣлю, даже чаще. Миницкіе, въ этотъ день, вмѣстѣ съ моимъ отцомъ, приходили къ намъ въ комнаты и очень насъ обласкали. Мы полюбили ихъ, какъ родныхъ. Передъ самымъ обѣдомъ мать пришла за нами и водила насъ обоихъ съ сестрицей въ гостиную. Прасковья Ивановна показывала насъ гостямъ, говоря: „вотъ мои Багровы, прошу любить да жаловать. А какъ Сережа похожъ на дядю Григорья Петровича!“ Всѣ ласкали, цѣловали насъ, особенно мою сестрицу, и говорили, что она будетъ красавица, чѣмъ я остался очень доволенъ. На счетъ

моего сходства съ какимъ-то прадѣдушкой никто не сомнѣвался, потому что никто его не видывалъ. Гости, кромѣ Миницкихъ, которыхъ я уже зналъ, мнѣ не очень понравились; особенно не взлюбилъ я одну молодую даму, которая причиталась въ родню моему отцу и которая безпрестанно кривлялась и какъ-то странно выворачивала глаза. Прасковья Ивановна безпрестанно ее бранила, а та смѣялась. Все это показалось мнѣ и страннымъ, и непріятнымъ.—Передъ самымъ обѣдомъ насъ отослали на *нашу* половину: это названье утвердилось за нашими тремя комнатами. Мы прежде никогда не обѣдали розно съ отцомъ и матерью, кромѣ того времени, когда мать уѣзжала въ Оренбургъ, или когда была больна; и то мы обѣдали не одни, а съ дѣдушкой, бабушкой и тетушкой, и мнѣ такое отлученіе и одиночество за обѣдомъ было очень грустно. Я не скрылъ отъ матери моего чувства; она очень хорошо поняла его и раздѣляла со мной, но сказала, что „нельзя не исполнить волю Прасковьи Ивановны, что она добрая и очень насъ любитъ“. Впрочемъ, прибавила она, со временемъ я надѣюсь какъ-нибудь это устроить.“—Мать ушла. Печально сѣли мы вдвоемъ съ милой моей сестрицей за обѣдъ въ большой столовой, гдѣ накрыли намъ кончикъ стола, за которымъ могли бы помѣститься десять человѣкъ. Начался шумъ и бѣготня лакеевъ, которыхъ было множество, и которые не только громко разговаривали и смѣялись, но даже ссорились, толкались и почти дрались между собою; къ нимъ безпрестанно прибѣгали дѣвки, которыхъ оказалось еще больше, чѣмъ лакеевъ. Изъ столовой былъ корридоръ въ дѣвичью, и потому столовая служила единственнымъ сообщеніемъ въ домѣ; на лаковомъ желтомъ ея полу была протоптана дорожка изъ корридора въ лакейскую. Тутъ-то наглядѣлись мы съ сестрой и наслушались того, о чемъ до сихъ поръ понятія не имѣли и чего, по счастью, понять не могли.—Евсеичъ и Параша, бывшіе при насъ неотлучно, сами пришли въ изумленье и даже страхъ отъ наглаго безстыдства и своеволья окружавшей насъ прислуги. Я слышалъ, какъ Евсеичъ шепотомъ говорилъ Парашѣ: „что это? Господи! куда мы попали? Хорошъ господскій, богатый домъ! Да это разбой денной!“ Параша отвѣчала ему въ томъ же смыслѣ. Между тѣмъ о насъ совершенно забыли. Остатки кушаній, приносимыхъ изъ залы, ту же минуту на расхватъ съѣдались жадными дѣвками и лакеями. Буфетчикъ

Иванъ Никифорычъ, котораго величали казначеемъ, только и хлопоталъ, кланялся и просилъ объ одномъ, чтобы не трогали блюдъ до тѣхъ поръ, покуда не подадутъ ихъ господамъ за столъ. Евсеичъ не зналъ, что и дѣлать. На всѣ его представленья и требованья что „надобно же дѣтямъ кушать.“ не обращали никакого вниманья, а казначей, человѣкъ смирный, но нетрезвый, со вздохомъ отвѣчалъ: „да что же мнѣ дѣлать, Ефремъ Евсеичъ? Сами видите, какая вольница! Всякій день, ложась спать, благодарю Господа моего Бога, что голова на плечахъ осталась. Просите особаго стола.“—Евсеичъ пришелъ въ совершенное отчаянье, что дѣти останутся *не кушамши:* жаловаться было некому: всѣ господа сидѣли за столомъ. Усердный и горячій дядька мой скоро однако принялъ рѣшительныя мѣры. Прежде всего онъ перевелъ насъ изъ столовой въ кабинетъ, затворилъ дверь и велѣлъ Парашѣ запереться изнутри, а самъ побѣжалъ въ кухню, отыскалъ какого-то поваренка изъ Багровскихъ, велѣлъ сварить для насъ супъ и зажарить на сковородѣ битаго мяса. Евсеичъ поспѣшно воротился къ намъ и сталъ ожидать конца обѣда, чтобъ немедленно вызвать черезъ кого-нибудь мать и чтобъ донести обо всемъ происходившемъ въ столовой. Вслѣдъ за стукомъ отодвигаемыхъ стульевъ и креселъ прибѣжала къ намъ Александра Ивановна. Узнавъ, что мы не начинали обѣдать, она очень встревожилась, осердилась, призвала къ отвѣту буфетчика, который, боясь лакеевъ, безсовѣстно солгалъ, что никакихъ блюдъ не осталось и подать намъ было нечего. Хотя Александра Ивановна, представляя въ домѣ нѣкоторымъ образомъ лицо хозяйки, очень хорошо знала, что это безсовѣстная ложь, хотя она вообще хорошо знала чурасовское лакейство и сама отъ него много терпѣла; но и она не могла себѣ вообразить, чтобы могло случиться что-нибудь похожее на случившееся съ нами. Она вызвала къ себѣ дворецкаго Николая, и даже главнаго управителя Михайлушку, жившихъ въ особенномъ флигелѣ, разсказала имъ обо всемъ и побожилась, что при первомъ подобномъ случаѣ она доложитъ объ этомъ тетушкѣ. Николай отвѣчалъ, что дворня у него отъ рукъ отбилась и что это давно извѣстно Прасковьѣ Ивановнѣ, а Михайлушка, на котораго я смотрѣлъ съ особеннымъ любопытствомъ, съ большою важностью сказалъ, явно стараясь оправдать лакеевъ, что это ошибка поваровъ, что кушанье сейчасъ подадутъ и что онъ не совѣ-

туетъ тревожить Прасковью Ивановну такими пустяками.— Только-что они ушли, пришла мать. Александра Ивановна, очень встревоженная, начала ее обнимать и просить у нея прощенья въ томъ, что случилось съ дѣтьми. Она прибавила, что если дѣло дойдетъ до тетушки, то весь ея гнѣвъ упадетъ на нее, ни въ чемъ тутъ невиноватую. Мать очень дружески ее успокоила, говоря, что это бездѣлица и что дѣти поѣдятъ послѣ (она уже слышала, что намъ готовятъ особое кушанье) и что тетушка объ этомъ никогда не узнаетъ. Успокоенная Александра Ивановна ушла къ гостямъ, а я принялся подробно разсказывать матери все видѣнное и слышанное мной. Тутъ моя мать такъ взволновалась, что вся покраснѣла и чуть не заплакала. Она очень благодарила Евсеича, что онъ увелъ насъ изъ столовой, приказала, чтобы мы всегда обѣдали въ кабинетѣ, и строго подтвердила ему и Парашѣ, чтобы чурасовская прислуга никогда и близко къ намъ не подходила. Евсеичъ и Параша ушли, а съ ними и сестрица.

Оставшись наединѣ съ матерью, я обнялъ ее и поспѣшилъ предложить множество вопросовъ обо всемъ, что видѣлъ и слышалъ. Мать очень смущалась и затруднялась отвѣтами. Я уже давно и хорошо зналъ, что есть люди добрые и недобрые; этимъ послѣднимъ словомъ я опредѣлялъ всѣ дурныя качества и пороки. Я зналъ, что есть господа, которые приказываютъ, есть слуги, которые должны повиноваться приказаніямъ, и что я самъ, когда выросту, буду принадлежать къ числу господъ, и что тогда меня будутъ слушаться, а что до тѣхъ поръ я долженъ всякаго *просить* объ исполненіи какого-нибудь моего желанія. Но какъ Прасковью Ивановну я считалъ такою великою госпожей, что ей всѣ должны повиноваться, даже мы,—то и трудно было объяснить мнѣ, какъ осмѣливаются слуги не исполнять ея приказаній, такъ сказать, почти на глазахъ у ней? Я очень помнилъ, какъ она говорила моей матери: „приказывай — все будетъ исполняться.“ Я сначала думалъ, что лакеи и дѣвки, пожиравшіе остатки блюдъ, просто хотѣли кушать, что они были голодны; но меня увѣрили въ противномъ, и я почувствовалъ къ нимъ большое отвращенье. Неприличныхъ шутокъ и намековъ я, разумѣется, не понялъ, и въ безстыдномъ обращеніи прислуги видѣлъ только грубость и дерзость, замѣченную мною у мальчиковъ въ народномъ училищѣ. Мать утвердила меня въ такихъ мысляхъ. Но всѣ вопросы объ Алек-

сандрѣ Ивановнѣ, объ ея положеніи въ домѣ и объ ея отношеніи къ благодѣтельницѣ нашей Прасковьѣ Ивановнѣ—мать оставила безъ отвѣта, прибѣгнувъ къ обыкновенной отговоркѣ, что „я еще малъ, и понять этого не могу.“ Между тѣмъ смирный буфетчикъ и Евсеичъ принесли намъ обѣдъ, позвали сестрицу, и мы, порядочно проголодавшись, поѣли очень весело и аппетитно, особенно потому, что маменька сидѣла съ нами.— Послѣ нашего поздняго обѣда мать ушла къ гостямъ, а мы съ сестрицей принялись устроивать мое маленькое хозяйство, состоящее въ размѣщеніи книжекъ, бумаги, чернильницы, линейки и проч. Сверхъ того у меня былъ удивительный ларчикъ или шкафикъ, оклеенный рѣзною костью, въ которомъ находилось восемь ящичковъ, наполненныхъ моими сокровищами, то-есть окаменѣлостями, чертовыми пальцами и другими рѣдкими камешками, всегда называемыми мною штуфами. Крючки съ лесами, грузилами и поплавками, снятые съ удилищъ, также занимали одинъ изъ ящиковъ. Всѣ восемь ящиковъ запирались вдругъ, очень хитрымъ замкомъ, тайну котораго я хранилъ отъ всѣхъ, кромѣ сестрицы. Для такого диковиннаго ларца очищалось самое лучшее и видное мѣсто. Мы поставили его на бюро и при этомъ случаѣ пересмотрѣли вновь, неизвѣстно который разъ, всѣ мои драгоцѣнности. Потомъ приходилъ къ намъ отецъ; мать сказала ему о нашемъ позднемъ обѣдѣ; онъ пожалѣлъ, что мы были долго голодны, и поспѣшно ушелъ, сказавъ, что онъ играетъ съ тетушкой въ пикетъ. Вскорѣ послѣ чаю, который привелось намъ пить немедленно послѣ обѣда, пришла къ намъ маменька и сказала, что болѣе къ гостямъ не пойдетъ, и что Прасковья Ивановна сама ее отпустила, замѣтивъ по лицу, что она устала. Мать въ самомъ дѣлѣ казалась утомленною и сейчасъ послѣ нашего дѣтскаго ужина легла въ постель. Я обрадовался случаю поговорить съ нею наединѣ и поразспросить кое о чемъ, казавшемся мнѣ непонятнымъ, какъ вдругъ неожиданно явилась Александра Ивановна. Видно было, что она полюбила мою мать, потому что все обнимала ее и говорила съ ней очень ласково и даже потихоньку. Я не могъ разслушать всѣхъ разговоровъ, но хорошо понялъ, что Александра Ивановна жаловалась на свое житье, даже плакала, оговариваясь впрочемъ, что она не тетушку обвиняетъ, а свою несчастную судьбу. Хотя мнѣ было жаль ее, но черезъ нѣсколько времени я заснулъ подъ шепотъ ея разсказовъ.

Проснувшись, на слѣдующее утро, услышалъ я живые разговоры между отцомъ и матерью. Имъ не для чего было рано вставать и было о чемъ переговорить, потому что въ продолженіи прошедшаго дня не имѣли они свободной минуты побыть другъ съ другомъ наединѣ. Я не подалъ никакого знака, что не сплю, и слушалъ съ усиленнымъ вниманіемъ. Мать говорила съ жаромъ о Прасковьѣ Ивановнѣ: хвалила ея простой и здравый умъ, ея открытый, веселый и прямой нравъ, ея правдивыя, хотя подъ часъ рѣзкія и грубыя, рѣчи. Александра Ивановна успѣла, наканунѣ вечеромъ, когда я заснулъ, сообщить моей матери много подробностей о Прасковьѣ Ивановнѣ, которую, по мнѣнію матери, она не умѣла понять и оцѣнить, и въ которой она видѣла только капризность и странности. Мать, въ свою очередь, пересказывала моему отцу рѣчи Александры Ивановны, состоявшія въ томъ, что даже всякій новый губернаторъ пріѣзжаетъ съ ней знакомиться; что сама Прасковья Ивановна никого не уважаетъ и не любитъ; что она своими гостями или забавляется, или ругаетъ ихъ въ глаза; что она для своего покоя и удовольствія не входитъ ни въ какія хозяйственныя дѣла, ни въ свои, ни въ крестьянскія, а все предоставила своему повѣренному Михайлушкѣ, который отъ крестьянъ пользуется и наживаетъ большія деньги, а дворню и лакейство до того избаловалъ, что вотъ какъ они и съ нами, будущими наслѣдниками, поступили; что Прасковья Ивановна— большая странница, терпѣть не можетъ поповъ и монаховъ, и нищимъ никому копѣечки не подастъ; молится Богу по капризу, когда ей захочется,—а не захочется, то и середи обѣдни изъ церкви уйдетъ; что священника и причетъ содержитъ она очень богато, а никого изъ нихъ къ себѣ въ домъ не пускаетъ, кромѣ попа съ крестомъ, и то въ самые большіе праздники; что первое ея удовольствіе, лѣтомъ— садъ, за которымъ она ходитъ, какъ садовникъ, а зимою любитъ она пѣть пѣсни, слушать, какъ ихъ поютъ, читать книжки или играть въ карты; что Прасковья Ивановна ее, сироту, не любитъ, никогда не ласкаетъ и денегъ не даетъ ни копѣйки, хотя позволяетъ выписывать изъ города или покупать у разнощиковъ все, что Александрѣ Ивановнѣ вздумается; что сколько ни просили ее посторонніе почтенные люди, чтобъ она своей внучкѣ-сироткѣ что-нибудь при жизни назначила, для того, чтобъ она могла жениха найти,—

Прасковья Ивановна и слышать не хотѣла и отвѣчала, что Багровы родную племянницу не бросятъ безъ куска хлѣба и что лучше вѣкъ оставаться въ дѣвкахъ, чѣмъ навязать себѣ на шею мужа, который изъ денегъ женился-бы на ней, на рябой кукушкѣ, да послѣ и вымѣщалъ-бы ей за то.— Къ этому мать прибавила отъ себя, что конечно никто лучше самой Прасковьи Ивановны не узналъ на опытѣ, каково выйти замужъ за человѣка, который женился на богатствѣ.—Все слышанное мною произвело какой-то разладъ въ моей головѣ. Если-бы мать не сказала прежде, что Александра Ивановна не понимаетъ своей благодѣтельницы, то я бы повѣрилъ Александрѣ Ивановнѣ, потому что она казалась мнѣ такою умною, ласковою и правдивою. Я вдругъ обратился къ матери съ вопросомъ: „неужели бабушка Прасковья Ивановна такая недобрая?“ Мать удивилась и сказала: „еслибъ я знала, что ты не спишь, то не стала-бы всего при тебѣ говорить, ты тутъ ничего не понялъ и подумалъ, что Александра Ивановна жалуется на тетушку, и что тетушка недобрая; а это все пустяки, одни недогадки и кривое толкованье: Прошу же не говорить объ этомъ ни сестрѣ, ни Евсеичу, ни Парашѣ“. Я еще больше спутался въ моихъ понятіяхъ и долго оставался въ совершенномъ недоумѣніи: добрая или несовсѣмъ добрая Прасковья Ивановна? Признаюсь, я невольно склонялся на сторону Александры Ивановны.

Разсуждая теперь безпристрастно, я долженъ сказать, что Прасковья Ивановна была замѣчательная, рѣдкая женщина и что явленіе такой личности въ *то* время и въ той средѣ, въ которой она жила, есть уже само по себѣ изумительное явленіе. Прасковья Ивановна, еще ребенкомъ выданная замужъ родными своей матери за страшнаго злодѣя, испытавъ дѣйствительно всѣ ужасы, какіе мы знаемъ изъ старыхъ романовъ и французскихъ мелодрамъ, уже двадцать лѣтъ жила вдовою. Пользуясь независимостью своего положенія, доставляемаго ей богатствомъ и нравственною чистотою цѣлой жизни, она была совершенно свободна и даже своевольна во всѣхъ движеніяхъ своего ума и сердца. Мимо корыстныхъ разсчетовъ, окруженная вполнѣ заслуженнымъ, общимъ уваженіемъ, эта женщина, неполучившая никакого образованія, была чужда многихъ пороковъ, слабостей и предразсудковъ, которые неодолимо владѣли тогдашнимъ

людскимъ обществомъ. Она была справедлива въ поступкахъ, правдива въ словахъ, строга ко всѣмъ безъ разбора и еще болѣе къ себѣ самой; она безпощадно обвиняла себя въ самыхъ тонкихъ иногда уклоненіяхъ отъ тѣхъ нравственныхъ началъ, которыя понимала; этого мало, она поправляла по возможности свои ошибки. Безъ образованія, безъ просвѣщенія, она не могла быть выше своего вѣка и не сознавала своихъ обязанностей и отношеній къ 1.200 душъ подвластныхъ ей людей. Дорожа всего болѣе своимъ спокойствіемъ, она не занималась хозяйствомъ, говоря, что въ немъ ничего не смыслитъ, и опредѣлила главнымъ управителемъ двороваго своего человѣка, Михайла Максимова, но она нисколько въ немъ не ошиблась и не ввѣрялась ему, какъ думали другіе. Она говорила: „я знаю, что Михайлушка тонкая штука: онъ себя не забываетъ, пользуется отъ зажиточныхъ крестьянъ и набиваетъ свой карманъ. Я это знаю, но знаю и то, что онъ человѣкъ умный и не злой. Я хочу одного, чтобъ мои крестьяне были богаты, а ссоръ и жалобъ ихъ слышать не хочу. Я могла бы получать дохода вдвое больше, но на мой вѣкъ станетъ, да и наслѣдникамъ останется“. Въ довольствѣ и богатствѣ своихъ крестьянъ она была увѣрена, потому что часто наводила стороною справки о нихъ въ сосѣднихъ деревняхъ, черезъ вѣрныхъ и преданныхъ людей. Ея крестьяне дѣйствительно жили богато, это знали всѣ; но многочисленная дворня, вслѣдствіе такой системы управленія, дошла до крайней степени тунеядства, своеволья и разврата. Если попадался на глаза Прасковьѣ Ивановнѣ пьяный лакей или какой-нибудь дворовый человѣкъ, она сейчасъ приказывала Михайлушкѣ отдать виноватаго въ солдаты, не годится — *спустить въ крестьяне*. Замѣчала-ли нескромность поведенія въ женскомъ полѣ, она опять приказывала Михайлушкѣ: отослать такую-то въ дальнюю деревню ходить за скотиной и потомъ отдать замужъ за крестьянина. Но для того, чтобы могли случиться такія строгія и возмутительныя наказанія, надобно было самой барынѣ нечаянно наткнуться, такъ сказать, на виноватаго или виноватую; а какъ это бывало очень рѣдко, то все вокругъ нея утопало въ безпутствѣ, потому что она ничего не видѣла, ничего не знала и очень не любила, чтобъ говорили ей о чемъ-нибудь подобномъ. Прасковья Ивановна была набожна безъ малѣйшей примѣси ханжества и совершенно свободно относилась ко многимъ церковнымъ обрядамъ и къ

соблюденію постовъ. Она выстроила новую, каменную большую церковь, потому что прежняя напоминала своего строителя, покойнаго ея мужа, о которомъ она старалась забыть и о которомъ никогда не упоминала. Она любила великолѣпіе и пышность въ храмѣ Божіемъ; знала наизусть весь церковный кругъ, сама пѣвала съ своими пѣвчими, стоя у клироса; иногда подолгу не ходила въ церковь, даже большіе праздники пропускала, а иногда заставляла служить обѣдни часто. Всего же страннѣе было то, что иногда, помолясь усердно, она вдругъ уходила въ началѣ или серединѣ обѣдни, сказавъ, что больше ей не хочется молиться, о чемъ Александра Ивановна говорила съ особеннымъ удивленіемъ. Не умѣя почти писать, она любила читать или слушать свѣтскія книги, и выписывая ихъ ежегодно, она составила порядочную библіотеку, заведенную впрочемъ уже ея мужемъ. Священныя книги она читала только тогда, когда говѣла; впрочемъ это не мѣшало ей во время говѣнья, по вечерамъ для отдыха, играть въ пикетъ съ моимъ отцомъ, если онъ былъ тутъ, или съ Александрой Ивановной. Она говаривала въ такихъ случаяхъ, что гораздо меньше грѣха думать о томъ, какъ-бы сдѣлать пикъ или рѣпикъ [1]), чѣмъ слушать пустые разговоры и сплетни насчетъ ближняго, или самой думать о пустякахъ. Говѣла она не всегда въ великій постъ, а какъ ей вздумается, раза по два и по три въ годъ, не затрудняясь употребленіемъ скоромной пищи, если была нездорова; терпѣть не могла монаховъ и монахинь, и никогда черный клобукъ или черная камилавка не смѣли показываться ей на глаза. Денегъ взаймы она давала очень неохотно и также не любила раздачу мелкой милостыни; но, узнавъ о какомъ-нибудь несчастномъ случаѣ съ человѣкомъ достойнымъ уваженія, помогала щедро, а какъ люди достойные уваженія встрѣчаются не часто, то и вспоможенья ея были рѣдки, и Прасковью Ивановну вообще не считали доброю женщиной. Надобно сказать правду, что доброты, въ общественномъ смыслѣ этого слова, особенно чувствительности, мягкости — въ ней было мало или, лучше сказать, эти свойства были въ ней мало развиты, а въ добавокъ къ тому она не любила щеголять ими и скрывала ихъ. Правда, немного было людей, которыхъ

---

1) То-есть *шестьдесятъ* или *девяносто*, какъ теперь выражаются технически игроки. *С. А.*

она любила, потому что она любила только тѣхъ, кого уважала. Изъ всего круга своихъ многочисленныхъ знакомыхъ она больше всѣхъ любила Миницкихъ, а впослѣдствіи мою мать. Наконецъ правда и то, что съ гостями своими обходилась она слишкомъ безцеремонно, а иногда и грубовато: всѣмъ говорила „ты“ и безъ всякой пощады высказывала въ глаза все дурное, что слышала объ нихъ или что сама въ нихъ замѣчала. Всѣ чувствовали, болѣе или менѣе сознательно, что Прасковья Ивановна мало принимаетъ участія въ другихъ, что она живетъ больше для себя, бережетъ свой покой и любитъ веселую беззаботность своей жизни. Это не мѣшало однако безпрестанному приливу и отливу многочисленной толпы гостей и выраженію общаго глубокаго почтенія и преданности. Своекорыстныхъ разсчетовъ тутъ не могло быть, потому что отъ Прасковьи Ивановны трудно было чѣмъ-нибудь поживиться; итакъ, это необыкновенное стеченіе гостей можно объяснить тѣмъ, что хозяйка была всегда разговорчива, жива, весела, даже очень смѣшлива: лгуновъ заставляла лгать, вѣстовщиковъ—разсказывать вѣсти, сплетниковъ—сплетни; что у ней въ домѣ было жить привольно, сытно, свободно и весело. Къ сожалѣнію, жалобы Александры Ивановны были не совсѣмъ несправедливы. Съ живущими постоянно въ домѣ: Дарьей Васильевной и двоюродной внучкою-сиротой, то-есть съ Александрой Ивановной, Прасковья Ивановна обращалась невнимательно и взыскательно: онѣ были не что иное, какъ приближенныя служанки. Дарья Васильевна, старая и глупая женщина, не чувствовала унизительности своего положенія, а очень неглупая и добрая по природѣ Александра Ивановна, конечно не понимавшая вполнѣ многихъ высокихъ качествъ своей благодѣтельницы и не умѣвшая поставить себя въ лучшее отношеніе, много испытывала огорченій, и только дружба Миницкихъ и моихъ родителей облегчала тягость ея положенія.

Я описывалъ Прасковью Ивановну такою, какою зналъ ее самъ впослѣдствіи, будучи еще очень молодымъ человѣкомъ, и какою она долго жила въ памяти моего отца и матери, а равно и другихъ коротко ей знакомыхъ и хорошо ее понимавшихъ людей.

Жизнь въ Чурасовѣ пошла, какъ заведенные часы: гости смѣнялись одни другими, то убывали, то прибывали. Мать съ каждымъ днемъ пріобрѣтала большую благосклонность Пра-

сковьи Ивановны, съ каждымъ днемъ становилась дружнѣе съ Александрой Ивановной и еще болѣе съ Миницкими. Это были по-истинѣ прекраснѣйшіе люди, особенно Павелъ Иванычъ Миницкій, который съ поэтическою природою Малоросса соединялъ энергическую дѣятельность, благородство души и строгость правилъ; страстно любя свою красавицу-жену, также любившую своего красавца-мужа, онъ съ удивительною настойчивостью перевоспитывалъ ее, истребляя въ ней сѣмена тщеславія и суетности, какъ-то заронившіяся въ дѣтствѣ въ ея прекрасную природу.—Мать устроила свое время очень хорошо, благодаря совершенной свободѣ, которую допускала и даже любила въ своемъ домѣ Прасковья Ивановна. Мать обѣдала всегда вмѣстѣ съ нами, ранѣе цѣлымъ часомъ общаго обѣда, за которымъ она уже мало ѣла. Сначала нерѣдко раздавался веселый и громкій голосъ голосъ хозяйки: „Софья Николавна, ты ничего не ѣшь!“ Потомъ, когда она какъ-то узнала, что гостья уже въ половину обѣдала съ дѣтьми, она посмѣялась и перестала ее подчивать. Когда Прасковья Ивановна садилась играть въ карты, мать уходила къ намъ. Впрочемъ быть съ нею наединѣ въ это время намъ мало удавалось, даже менѣе, чѣмъ поутру; Александра Ивановна или Миницкій, если не были заняты, приходили къ намъ въ кабинетъ; дамы ложились на большую двуспальную кровать, Миницкій садился на диванъ—и начинались одушевленные и откровенные разговоры, такъ что насъ съ сестрицей нерѣдко усылали въ столовую или дѣтскую. Однако мать не любила этого переселенія, потому что столовая продолжала служить постояннымъ и безпрестаннымъ путемъ сообщенія дѣвичьей съ лакейской; въ дѣтскую же часто заглядывали горничныя. Мы съ сестрицей каждый день ходили къ бабушкѣ только здороваться, а вечеромъ уже не прощались; но меня иногда послѣ обѣда призывали въ гостиную или диванную, и Прасковья Ивановна съ коротко знакомыми гостями забавлялась моими отвѣтами, подъ часъ рѣзкими и смѣлыми, на разные трудные и, должно признаться, иногда нелѣпые и неприличные для дитяти вопросы; иногда заставляла она меня читать что-нибудь наизусть изъ „Россіады“ или Сумароковскихъ трагедій. Я чувствовалъ, что мною не занимаются, а потѣшаются; это мнѣ не нравилось и потому-то именно мои отвѣты были иногда неприлично рѣзки и не соотвѣтствовали моему возрасту и природнымъ свой-

ствамъ. Мать бранила меня за это наединѣ, я отвѣчалъ, что мнѣ досадно, когда поднимаютъ на смѣхъ мои слова, да и говорятъ со мной только для того, чтобы посмѣяться. Отецъ вообще мало былъ съ нами; онъ проводилъ время или съ Прасковьей Ивановной и ея гостями, всегда играя съ ней въ карты, или призывалъ къ себѣ Михайлушку, который былъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ нашего Пантелѣя Григорьича, и читалъ съ нимъ какія-то бумаги. Тутъ я узналъ, что мой отецъ не даромъ бесѣдовалъ въ Багровѣ съ слѣпымъ нашимъ повѣреннымъ, что онъ затѣваетъ тяжбу съ Богдановыми объ имѣньѣ, слѣдовавшемъ моей бабушкѣ Аринѣ Васильевнѣ Багровой по наслѣдству. Отецъ ѣздилъ для этого дѣла въ городъ Лукояновъ и подалъ тамъ просьбу; онъ проѣздилъ гораздо болѣе, чѣмъ предполагалъ, и я съ огорченіемъ увидѣлъ послѣ его возвращенія, что мать ссорилась съ нимъ за то—и не одинъ разъ.

Еще прежде отецъ съѣздилъ въ старое Багрово и угощалъ тамъ добрыхъ нашихъ крестьянъ, о чемъ, разумѣется, я разспросилъ его очень подробно, и съ удовольствіемъ услышалъ, какъ сожалѣли, что насъ съ матерью тамъ не было.

Я сказалъ уже, что въ Чурасовѣ была изрядная библіотека; я не замедлилъ воспользоваться этимъ сокровищемъ и, съ позволенья Прасковьи Ивановны, по выбору матери, бралъ оттуда книги, которыя читалъ съ великимъ наслажденіемъ. Первая попавшаяся мнѣ книга была „Кадмъ и Гармонія“, сочиненіе Хераскова, и его же „Полидоръ, сынъ Кадма и Гармоніи“. Тогда мнѣ очень нравилась эти книги, а напыщенный мѣрный языкъ стихотворной прозы казался мнѣ совершенствомъ. Потомъ прочелъ я „Арфаксадъ, халдейская повѣсть“, не помню, чье сочиненіе, и „Нума или процвѣтающій Римъ“, тоже Хераскова, и много другихъ книгъ въ этомъ родѣ. Я заглядывалъ также въ романы, которые особенно любила читать Александра Ивановна; они воспламеняли мое участіе и любопытство, но мать не позволяла мнѣ читать ихъ, и я пробѣгалъ нѣкоторыя страницы только украдкой, потихоньку, въ чемъ однако признавался своей матери и за что она очень снисходительно меня журила. Такимъ образомъ мнѣ удалось заглянуть въ „Алькивіада“, въ „Графа Вальмонта или заблужденіе разсудка“, и въ „Достопамятную жизнь Клариссы Гарловъ“. Не скоро потомъ удалось мнѣ прочесть эти книги вполнѣ, но отрывки изъ нихъ

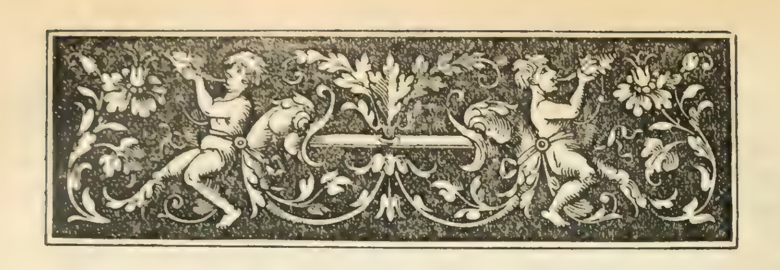
такъ глубоко запали мнѣ въ душу, что я не переставалъ о нихъ думать и только тогда успокоился, когда прочелъ. Наконецъ тутъ же попались „Мои бездѣлки“ Карамзина и его же изданіе разныхъ сочиненій, подъ названіемъ „Аониды.“ Эти стихи уже были совсѣмъ не то, что стихи Сумарокова и Хераскова. Я почувствовалъ эту разницу, хотя содержаніе ихъ меня не удовлетворяло, несмотря на ребячій возрастъ.

Чтеніе всѣхъ этихъ новыхъ книгъ и слушанье разговоровъ гостей, въ числѣ которыхъ было много людей, тоже совершенно для меня новыхъ, часто заставляли меня задумываться; для думанья же я имѣлъ довольно свободнаго времени. Я разсуждалъ обо всемъ съ Евсеичемъ; но онъ даже не могъ понять, о чемъ я говорю, что желаю узнать и о чемъ спрашиваю; онъ частехонько говорилъ мнѣ; „да что это тебѣ, соколикъ, за охота узнавать: отчего, да почему, да на что? Этого и старики не знаютъ, а ты еще дитя. Такъ Богу угодно—вотъ и все. Пойдемъ-ка лучше посмотримъ картинки“.

Въ этомъ родѣ жизнь, съ мелкими измѣненіями, продолжалась слишкомъ два мѣсяца, и, несмотря на великолѣпный домъ, какимъ онъ мнѣ казался тогда, на разрисованныя стѣны, которыя нравились мнѣ больше картинъ и на которыя я не переставалъ любоваться; несмотря на старыя и новыя пѣсни, которыя часто и очень хорошо пѣвала вмѣстѣ съ другими Прасковья Ивановна и которыя я слушалъ всегда съ наслажденіемъ; несмотря на множество новыхъ книгъ, читанныхъ мною съ увлеченіемъ,—эта жизнь мнѣ очень надоѣла. Я нетерпѣливо желалъ воротиться изъ шумнаго Чурасова въ тихое Багрово, въ бѣдный нашъ домъ; я даже соскучился по бабушкѣ и тетушкѣ. Но главною причиною скуки, ясно и тогда мною понимаемою, было то, что я мало проводилъ времени наединѣ съ матерью. Я уже привыкъ къ чистосердечному изліянію всѣхъ моихъ мыслей и чувствъ въ ея горячее материнское сердце, привыкъ повѣрять свои впечатлѣнія ея разумнымъ судомъ, привыкъ слышать ея живыя рѣчи и находить въ нихъ необъяснимое удовольствіе. Въ Чурасовѣ безпрестанно намъ мѣшали Миницкіе и особенно Александра Ивановна; они даже отвлекали отъ меня вниманіе матери—и много новыхъ вопросовъ, сомнѣній и предположеній, безпрестанно возникавшихъ во мнѣ отъ новыхъ людей и предметовъ, оставались безъ окончательнаго

рѣшенія, разъясненія, опроверженія или утвержденія: это постоянно безпокоило меня. Сестрицу я любилъ часъ отъ часу горячѣе; ея дружба очень утѣшала меня, но я былъ старше, болѣе развитъ и могъ только сообщать ей свои мысли, а не совѣтоваться съ ней. Несознаваемою мною тогда причиною скуки вѣроятно было лишеніе полной свободы. Я зналъ только одинъ кабинетъ; мнѣ не позволяли оставаться долго въ дѣтской у братца, котораго я начиналъ очень любить, потому что у него были прекрасные черные глазки, и котораго, Богъ знаетъ за что, называла Прасковья Ивановна чернушкой. Кромѣ же кабинета и дѣтской, только на короткое время, непремѣнно съ Евсеичемъ, позволяли мнѣ побѣгать въ столовой. Прасковьи Ивановны я не понималъ, вѣрилъ на слово, что она добрая, но постоянно былъ недоволенъ ея обращеніемъ со мной, съ моей сестрой и братцемъ, котораго она одинъ разъ приказала было высѣчь за то, что онъ громко плакалъ; хорошо, что маменька не послушалась. Итакъ, весьма естественно, что я очень обрадовался, когда стали поговаривать объ отъѣздѣ. Видно, Прасковья Ивановна очень полюбила мою мать, потому что нѣсколько разъ откладывала нашъ отъѣздъ. „Ну, что тебѣ тамъ дѣлать, въ этой мурьѣ? говорила она.—Свекровь по тебѣ не стоскуется, а золовки и подавно. Я тебя ничѣмъ не стѣсняю, а на людяхъ веселѣе.“—Мать и не спорила; но отецъ мой тихо, но въ то же время настоятельно докладывалъ своей тетушкѣ, что долѣе оставаться нельзя, что уже три почты нѣтъ писемъ изъ Багрова отъ сестрицы Татьяны Степановны, что матушка слаба здоровьемъ, хозяйствомъ заниматься не можетъ, что она послѣ покойника-батюшки стала совсѣмъ другая и очень скучаетъ. Онъ прибавилъ, что молотьба и поставка хлѣба идетъ очень плохо и что ему нечѣмъ будетъ жить. Прасковья Ивановна отвѣчала, что все это „враки“— и не пособляла моему отцу ни одной копѣйкой. Наконецъ мы собрались совсѣмъ, и хозяйка согласилась отпустить насъ, взявъ честное слово съ моего отца и матери, что мы непремѣнно пріѣдемъ въ исходѣ лѣта и проживемъ всю осень. „Да, Софья Николавна, говорила она, — ты еще не видала моего Чурасова; его надо видѣть лѣтомъ, когда всѣ деревья будутъ покрыты плодами и когда заиграютъ всѣ мои двадцать родниковъ. Пріѣзжай же непремѣнно. Если мужъ не поѣдетъ, пріѣзжай одна съ ребятишками, хоть я до нихъ и

не охотница; а всего бы лучше чернушку, меньшаго сынка, оставить у бабушки; пусть онъ реветъ тамъ въ волю. Если не пріѣдете—осержусь". Отецъ и мать обѣщали непремѣнно пріѣхать. Сверхъ всякаго ожиданія бабушка Прасковья Ивановна подарила мнѣ нѣсколько книгъ, а именно: „Кадмъ и Гармонія", „Полидоръ, сынъ Кадма и Гармоніи", „Нума или процвѣтающій Римъ", „Мои бездѣлки" и „Аониды"—и этимъ подаркомъ много примирила меня съ собой. Мы уѣхали на другой день рожденья моего отца, то-есть 22 февраля. Мы возвращались опять тою же дорогой, черезъ Старое Багрово и Вишенки. Кромѣ нѣсколькихъ дней простоя въ этихъ деревняхъ, мы ѣхали слишкомъ восемь дней. Такой тягостной, мучительной дороги я до сихъ поръ и не испытывалъ. Снѣга были страшные и — ежедневный буранъ; дороги иногда и слѣдочка не было, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не могли мы обойтись безъ проводниковъ. Въ восьмой день мы пріѣхали ночевать въ Неклюдово къ Кальпинскимъ, гдѣ узнали, что бабушка и тетушка здоровы. На другой день поутру, напившись чаю, мы пустились въ путь, и часа черезъ два я увидѣлъ съ горы, уже милое мнѣ, Багрово.

Багрово послѣ Чурасова.

Багрово было очень печально зимою, а послѣ Чурасова должно было показаться матери моей еще печальнѣе. Расположенное въ лощинѣ между гарами, съ трехъ сторонъ окруженное тощею, голой уремой, а съ четвертой—голою горою, заваленное сугробами снѣга, изъ которыхъ торчали соломенныя крыши крестьянскихъ избъ,—Багрово произвело ужасно-тяжелое впечатлѣніе на мою мать. Но отецъ и даже я съ радостью его увидѣли. Отецъ провелъ въ немъ свое дѣтство, я начиналъ проводить. Въ самомъ дѣлѣ, въ сравненіи съ богатымъ Чурасовымъ, похожимъ на городъ, это были какія-то зимнія юрты кочующаго народа. Въ Чурасовѣ крестьянскія избы, крытыя дранью, съ большими окнами, стояли какъ-то высоко и весело; вокругъ нихъ и на улицѣ снѣгъ казался мелокъ: такъ все было уѣзжено и укатано; господскій дворъ вычищенъ, выметенъ, и дорога у подъѣзда усыпана пескомъ; около двухъ каменныхъ церквей также все было прибрано. Въ Багровѣ же крестьянскіе дворы такъ занесло, что къ каждому надо было выкопать проѣздъ; господскій дворъ, по своей обширности, еще болѣе смотрѣлъ какой-то пустыней; сугробы казались еще выше, и по верхушкамъ ихъ, какъ по горамъ, проложены были уединенныя тропинки въ кухню и людскія избы.

Все было тихо, глухо, пусто. Строенія, утонувъ въ снѣгу, представлялись низенькими, непохожими на прежнихъ себя. Я самъ не могу надивиться, какъ все это не казалось мнѣ мрачнымъ и грустнымъ... Сурка съ товарищами встрѣтилъ насъ на дворѣ веселымъ, привѣтнымъ лаемъ; двѣ дѣвчонки выскочили посмотрѣть, на кого лаютъ собаки, и опрометью бросились назадъ въ дѣвичью; тетушка выбѣжала на крыльцо и очень намъ обрадовалась, а бабушка — еще больше: изъ мутныхъ, безцвѣтныхъ и какъ будто потухшихъ глазъ ея катились крупныя слезы. Она благодарила отца и особенно мать, цѣловала у ней руки и сказала, что „не ждала насъ, зная по письмамъ, какъ Прасковья Ивановна полюбила Софью Николавну и какъ будетъ уговаривать остаться, и зная, что Прасковьѣ Ивановнѣ нельзя не уважить“. Тутъ я почувствовалъ всю цѣну твердости добродушнаго моего отца, съ которою не могла сладить богатая тетка, отдававшая ему все свое милліонное имѣніе и привыкшая, чтобы каждое ея желаніе исполнялось. Къ большому огорченію матери, мы нашли цѣлую половина дома холодною. Богъ знаетъ изъ какой экономіи, бабушка, неожидавшая нашего возвращенія ранѣе послѣдняго пути, не приказала топить именно наши комнаты. Дѣлать было нечего: мы всѣ помѣстились въ тетушкиной комнатѣ, а тетушка перешла къ бабушкѣ. Черезъ три дня порядокъ возстановился и мы поселились на прежнихъ нашихъ мѣстахъ.

Обогащенный новыми книгами и новыми впечатлѣніями, которыя сдѣлались явственнѣе въ тишинѣ уединенія и ненарушимой свободы, только послѣ чурасовской жизни вполнѣ оцѣненной мною, я безпрестанно разговаривалъ и о томъ и о другомъ съ своей матерью, и съ удовольствіемъ замѣчалъ, что я сталъ старше и умнѣе, потому что мать и другіе говорили, разсуждали со мной уже о томъ, о чемъ прежде и говорить не хотѣли. Жизнь наша потекла правильно и однообразно. Морозы стояли еще сильные и меня долго не пускали гулять, даже не пустили сбѣгать къ Пантелею Григорьичу и Сергѣевнѣ; но отецъ мой немедленно повидался съ своимъ слѣпымъ повѣреннымъ, и я съ любопытствомъ слушалъ ихъ разговоры. Отецъ разсказывалъ подробно о своей поѣздкѣ въ Лукояновъ, о сдѣлкахъ съ уѣзднымъ судомъ, о подачѣ просьбы и обѣщаніяхъ судьи рѣшить дѣло непремѣнно въ нашу пользу; но Пантелей Григорьичъ усмѣ-

хался и, положа обѣ руки на свою высокую трость, говорилъ, что вѣрить судьѣ не слѣдуетъ, что онъ будетъ мирволить тутошнему помѣщику и что безъ правительствующаго сената не обойдется; что когда придетъ время, онъ сочинитъ просьбу, и тогда понадобится ѣхать кому нибудь въ Москву и хлопотать тамъ у секретаря и оберъ-секретаря, которыхъ онъ зналъ еще протоколистами. „Но будьте благонадежны, государь мой, Алексѣй Степанычъ, сказалъ въ заключеніе Пантелей Григорьевичъ. Дѣло наше законное, проиграть его нельзя, а могутъ только затянуть рѣшеніе". Отецъ не могъ вдругъ повѣрить, что лукояновскій судья его обманетъ, и самъ, улыбаясь, говорилъ: „хорошо, Пантелей Григорьичъ, посмотримъ, какъ рѣшится дѣло въ уѣздномъ судѣ". Предсказанія слѣпого повѣреннаго оправдались впослѣдствіи съ буквальною точностью.

Погода становилась мягче. Пришла масляница. Мы съ сестрицей катались въ саняхъ, и въ первый разъ въ жизни видѣли, какъ крестьянскіе и дворовые мальчики и дѣвочки смѣло катались съ высокой горы отъ гумна, на подмороженныхъ конькахъ и ледянкахъ. Я чувствовалъ, что у меня не хватило бы храбрости на такую потѣху; но мнѣ весело было смотрѣть на шумное веселье катающихся; многіе опрокидывались вверхъ ногами, другіе налетали на нихъ и сами кувыркались: громкій хохотъ оглашалъ окрестныя снѣжныя поля и горы, слегка пригрѣваемыя солнечными лучами. У насъ съ сестрицей была своя, Ѳедоромъ и Евсеичемъ сдѣланная горка передъ окнами спальней, съ нея я не боялся кататься вмѣстѣ съ моею подругой, но вдвоемъ не такъ было весело, какъ въ шумномъ множествѣ дѣтей, собравшихся съ цѣлой деревни,—куда насъ не пускали.

Эта масляница памятна для меня тѣмъ, что къ намъ пріѣзжали въ гости сосѣди, никогда у насъ не бывавшіе: Пелагея Ардаліоновна Рожнова, съ сыномъ Митинькой; она сама была претолстая и не очень старая женщина, сынъ же ея—уродъ по своей толщинѣ; а потому особенно было смѣшно, что мать называла его Митинькой. Впрочемъ, гости эти возбудили мое и общее любопытство не одной своею толщиной, а причиною своего посѣщенья. Пелагея Ардаліоновна хотѣла женить своего сына, и они пріѣзжали смотрѣть невѣсту, то-есть тетушку мою Татьяну Степановну. Для такого важнаго событія вызвали заранѣе другую тетушку Алек-

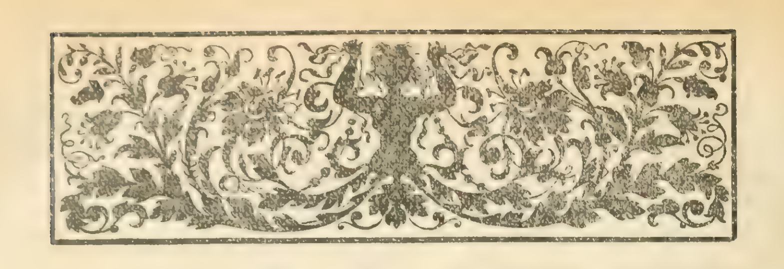
сандру Степановну. Мать моя принимала въ этомъ дѣлѣ живое участіе и очень желала, чтобы Татьяна Степановна вышла замужъ. Прежде, горячѣе всѣхъ желала этого бабушка; но въ настоящую минуту она такъ опустилась, что уже не было у ней горячихъ желаній. Вотъ какъ происходило это посѣщеніе: въ назначенный день, часовъ въ 10 утра, все въ домѣ было готово для пріема гостей: комнаты выметены, вымыты и особенно прибраны; деревенскіе лакеи, ходившіе кое въ чемъ, пріодѣты и приглажены, а также и вся дѣвичья; тетушка разряжена въ лучшее свое платье; даже бабушку одѣли въ шелковый шушунъ и юпку и повязали шелковымъ платкомъ, вмѣсто бѣлой и грязной какой-то тряпицы, которою она повязывалась сверхъ волосника и которую едва-ли перемѣняла со смерти дѣдушки. Однимъ словомъ: домъ принялъ по возможности нарядный видъ, какъ будто въ большой праздникъ. Только мать и мы остались въ обыкновенномъ своемъ платьѣ. Наконецъ раздался крикъ: „ѣдутъ, ѣдутъ!“ Бабушку поспѣшно перевели подъ руки въ гостиную, потому что она уже плохо ходила; отецъ, мать и тетка также отправились туда; а мы съ сестрицей и даже съ братцемъ, разумѣется съ дядькой, нянькой, кормилицей и со всею дѣвичьей, заняли окна въ тетушкиной и бабушкиной горницахъ, чтобы видѣть, какъ подъѣдутъ гости и какъ станутъ вылѣзать изъ повозокъ. Тутъ въ самомъ дѣлѣ было чего посмотрѣть! Сначала подъѣхала кожаная кибитка, изъ которой не безъ труда вытащили двое дюжихъ рожновскихъ лакеевъ свою толстую барыню и ввели на крыльцо, гдѣ она и остановилась; потомъ подъѣхали необыкновенной величины розвальни, въ которыхъ глубоко сидѣло что-то похожее на небольшую калмыцкую кибитку, или копну сѣна. Тутъ уже двухъ лакеевъ было недостаточно. Къ нимъ присоединился нашъ Ѳедоръ, тетушкинъ приданый Николай, а также Мазанъ и Танайченокъ. Соединенными силами выгрузили они жениха и втащили на крыльцо; когда же гости вошли въ лакейскую раздѣваться, то вся дѣвичья бросилась опрометью въ корридоръ и буфетъ, чтобы видѣть, какъ женихъ съ матерью станутъ проходить черезъ залу въ гостиную. Параша отперла дверь изъ бабушкиной горницы въ лакейскую, обыкновенно запертую на крючекъ, растворила ее немного, и мы видѣли, какъ маменька и сынокъ освобождались отъ зимняго платья и теплыхъ платковъ. Надо

сказать правду, что это была диковинная пара! Я не могъ вытерпѣть и громко сказалъ Евсеичу: „ахъ, это Мавлютка!“ Но Евсеичъ зажалъ мнѣ ротъ, едва удерживаясь отъ смѣха. Въ дверяхъ залы встрѣтилъ гостей мой отецъ; послѣ многихъ взаимныхъ поклоновъ, рекомендацій и обниманій, онъ повелъ ихъ въ гостиную. Всѣ окружающіе насъ удивлялись дородству жениха, а Евсеичъ, сказавъ: „эка буря! посытѣе будетъ Мавлютки“, повелъ насъ въ наши комнаты.

Слова: женихъ, невѣста, сватанье и свадьба, были мнѣ давно извѣстны и давно объяснены матерью на столько, на сколько я могъ и долженъ былъ понимать ихъ, такъ сказать, внѣшній смыслъ. Прилагая тогда мои понятія къ настоящему случаю, я говорилъ Парашѣ и Евсеичу: „какъ-же тетинькѣ выйти замужъ за Рожнова? Жена должна помогать мужу; она такая сухонькая, а онъ такой толстый; она его не подниметъ, если онъ упадетъ.“ Параша, смѣясь, отвѣчала мнѣ вопросомъ: „да зачѣмъ-же ему падать?“—Но у меня было готово неопровержимое доказательство: я возразилъ, что „самъ видѣлъ, какъ одинъ разъ отецъ упалъ, а маменька его подняла и ему помогла встать“.—Впослѣдствіи, когда мои слова сдѣлались извѣстны всѣмъ тетушкамъ, онѣ заставляли меня повторять ихъ (всегда безъ матери), и такъ хохотали, что приводили меня въ совершенное изумленіе.

Когда насъ съ сестрицей позвали обѣдать, всѣ сидѣли уже за столомъ. Слава Богу, мы только поклонились гостямъ, а то я боялся, что они будутъ насъ обнимать и какъ-нибудь задушатъ. Цѣлый обѣдъ я не спускалъ глазъ съ жениха: онъ такъ ѣлъ, что страшно было смотрѣть. Я замѣтилъ, что у всѣхъ невольно обращались глаза на его тарелку. Маменька его тоже кушала исправно, но успѣвала говорить и хвалить своего сынка. По ея словамъ, онъ былъ самый смирный и добрый человѣкъ, который и мухи не обидитъ; въ то же время прекрасный хозяинъ, самъ ѣздитъ въ поле, все разумѣетъ и за всѣмъ смотритъ, и что одна у него есть утѣха—борзыя собачки. Она жаловалась только на его слабое здоровье и говорила, что такъ бережетъ его, что спать кладетъ у себя въ опочивальнѣ; она прибавила, съ какими-то гримасами на лицѣ: что „Митинька будетъ совсѣмъ здоровъ, когда женится, и что если Богъ дастъ ему судьбу, то не безсчастна будетъ его половина“. Произнося послѣднія слова, она бросила выразительные взгляды на тетушку Татья-

ну Степановну, которая краснѣла и потупляла глаза и лице въ тарелку. Послѣ обѣда, за которымъ женихъ видно черезчуръ покушалъ, онъ тотчасъ началъ дремать. Мать извиняла его привычкой отдыхать послѣ обѣда; но видя, что онъ того и гляди повалится и захрапитъ, велѣла заложить лошадей и, разсыпаясь въ разныхъ извиненіяхъ, намекахъ и любезностяхъ, увезла своего слабаго здоровьемъ Митиньку. Когда уѣхали гости, много было шутокъ и смѣху, и тетушка объявила, что ни за что въ свѣтѣ не пойдетъ за такого урода и увальня, чему я былъ радъ. Жениху дали знать стороною о нерасположеніи невѣсты—и дальнѣйшаго формальнаго сватовства не было.

Первая весна въ деревнѣ.

Въ срединѣ Великаго поста, именно на середокрестной недѣлѣ, наступила сильная оттепель. Снѣгъ быстро началъ таять и вездѣ показалась вода. Приближеніе весны въ деревнѣ производило на меня необыкновенное, раздражающее впечатлѣніе. Я чувствовалъ, никогда не испытанное мною, особаго рода волненіе. Много содѣйствовали тому разговоры съ отцомъ и Евсеичемъ, которые радовались веснѣ, какъ охотники, какъ люди, выросшіе въ деревнѣ и *страстно любившіе* природу, хотя сами того хорошенько не понимали, не опредѣляли себѣ, и сказанныхъ сейчасъ мною словъ—никогда не употребляли. Находя во мнѣ живое сочувствіе, они съ увлеченіемъ предавались удовольствію разсказывать мнѣ: какъ сначала обтаятъ горы, какъ побѣгутъ съ нихъ ручьи, какъ спустятъ прудъ, разольется полая вода, пойдетъ вверхъ по полямъ рыба, какъ начнутъ ловить ее вятелями и мордами; какъ прилетитъ лѣтняя птица, запоютъ жаворонки, проснутся сурки и начнутъ свистать, сидя на заднихъ лапкахъ по своимъ сурчинамъ; какъ зазеленѣютъ луга, одѣнется лѣсъ, кусты, и зальются, защелкаютъ въ нихъ соловьи..... Простыя, но горячія слова западали мнѣ глубоко въ душу, потрясали какія-то невѣдомыя струны и пробуждали какія-то неизвѣстныя, томительныя и сладкія чувства. Только намъ троимъ, отцу, мнѣ

и Евсеичу, было не грустно и не скучно смотрѣть на почернѣвшія крыши и стѣны строеній и голые сучья деревъ, на мокреть и слякоть, на грязные сугробы снѣга, на лужи мутной воды, на сѣрое небо, на туманъ сырого воздуха, на снѣгъ и дождь, то вмѣстѣ, то попеременно падавшіе изъ потемнѣвшихъ низкихъ облаковъ.—Заключенный въ домѣ, потому что въ мокрую погоду меня и на крыльцо не выпускали, я тѣмъ не менѣе слѣдилъ за каждымъ шагомъ весны. Въ каждой комнатѣ, чуть не въ каждомъ окнѣ, были у меня замѣчены особенные предметы или мѣста, по которымъ я производилъ мои наблюденія: изъ новой горницы, то-есть изъ нашей спальни, съ одной стороны виднѣлась Челявская гора, оголявшая постепенно свой крутой и круглый взлобокъ, съ другой—часть рѣки давно растаявшаго Бугуруслана, съ противоположнымъ берегомъ; изъ гостиной чернѣлись проталины на Кудринской горѣ, особенно около круглаго родниковаго озера, въ которомъ мочили коноплю; изъ залы стекленѣлась лужа воды, подтоплявшая грачевую рощу; изъ бабушкиной и тетушкиной горницы видно было гумно на высокой горѣ и множество сурчинъ по ней, которыя съ каждымъ днемъ освобождались отъ снѣга. Шире, длиннѣе становились грязныя проталины, полнѣе наливалось озеро въ рощѣ, и, проходя сквозь заборъ, уже показывалась вода между капустныхъ грядъ въ нашемъ огородѣ. Все замѣчалось мною точно и внимательно, и каждый шагъ весны торжествовался, какъ побѣда! Съ утра до вечера бѣгалъ я изъ комнаты въ комнату, становясь на свои наблюдательныя сторожевыя мѣста. Чтенье, письмо, игры съ сестрой, даже разговоры съ матерью — все вылетѣло у меня изъ головы. О томъ, чего не могъ видѣть своими глазами, получалъ я безпрестанныя извѣстія отъ отца, Евсеича, изъ дѣвичьей и лакейской: „прудъ посинѣлъ и надулся, ѣздить по немъ опасно, мужикъ съ возомъ провалился, подпруда подошла подъ водяныя колеса, молоть уже нельзя, пора спускать воду; Антошкинъ оврагъ ночью прошелъ, да и Мордовскій напружился и почернѣлъ, скоро—никуда нельзя будетъ проѣхать; дорожки начали проваливаться, въ кухню не пройдешь; Мазанъ провалился съ миской щей и щи пролилъ, мостки снесло, вода залила людскую баню"—вотъ что слышалъ я безпрестанно, и неравнодушно принимались всѣ такія извѣстія. Грачи давно расхаживали по двору и начали вить гнѣзда въ грачевой рощѣ.

Скворцы и жаворонки тоже прилетѣли; и вотъ стала появляться настоящая птица, *дичь*, по выраженію охотниковъ. Отецъ съ восхищеніемъ разсказывалъ мнѣ, что видѣлъ лебедей, такъ высоко летѣвшихъ, что онъ едва могъ разглядѣть ихъ, и что гуси потянулись большими станицами. Евсеичъ видѣлъ нырковъ и кряковныхъ утокъ, опустившихся на прудъ, видѣлъ дикихъ голубей по гумнамъ, дроздовъ и щеглицъ около родниковъ... Сколько волненій, сколько шумной радости! Вода сильно прибыла. Немедленно спустили прудъ—и безъ меня. Погода была слишкомъ дурна, и я не смѣлъ даже проситься. Разсказы отца отчасти удовлетворили моему любопытству.—Съ каждымъ днемъ извѣстія становились чаще, важнѣе, возмутительнѣе! Наконецъ Евсеичъ съ азартомъ объявилъ, что „всякая птица валомъ валитъ, безъ перемежки!“ Переполнилась мѣра моего терпѣнья. Невозможно стало для меня все это слышать и не видѣть, и съ помощью отца, слезъ и горячихъ убѣжденій, выпросилъ я позволенье у матери, одѣвшись тепло, потому что дулъ сырой и пронзительный вѣтеръ,—посидѣть на крылечкѣ, выходившемъ въ садъ, прямо надъ Бугурусланомъ. Внутренняя дверь еще не была откупорена, Евсеичъ обнесъ меня кругомъ дома на рукахъ, потому что вездѣ была вода и грязь.—Въ самомъ дѣлѣ, то происходило въ воздухѣ, на землѣ и на водѣ, чего представить себѣ нельзя, не видавши, и чего увидѣть теперь уже невозможно въ тѣхъ мѣстахъ, о которыхъ я говорю, потому что нѣтъ такого множества прилетной дичи.—Рѣка выступила изъ береговъ, поняла урему на обѣихъ сторонахъ и, захвативъ половину нашего сада, слилась съ озеромъ грачевой рощи. Всѣ берега полоевъ были усыпаны всякаго рода дичью; множество утокъ плавало по водѣ между верхушами затопленныхъ кустовъ, а между тѣмъ безпрестанно проносились большія и малыя стаи разной прилетной птицы: однѣ летѣли высоко, не останавливаясь, а другія—низко, часто опускаясь на землю; однѣ стаи садились, другія поднимались, третьи перелетывали съ мѣста на мѣсто: крикъ, пискъ, свистъ наполнялъ воздухъ. Не зная, какая это летитъ или ходитъ птица, какое ея достоинство, какая изъ нихъ пищитъ или свиститъ,—я былъ пораженъ, обезумленъ такимъ зрѣлищемъ. Отецъ и Евсеичъ, которые стояли возлѣ меня, сами находились въ большомъ волненьи. Они указывали другъ другу на птицу, называли ее по имени, отга-

дывая часто по голосу, потому что только ближнюю можно было различить и узнать по перу. „Шилохвостя, шилохвостя-то сколько! говорилъ торопливо Евсеичъ.—Эки стаи! А кряковыхъ-то! батюшки, видимо не видимо!“—„А слышишь ли, подхватывалъ мой отецъ,—вѣдь это степняги, кроншнепы заливаются! Только больно высоко. А вотъ сивки играютъ надъ озимями, точно туча!... Веретенниковъ-то сколько! а турухтановъ-то—я уже и не видывалъ такихъ стай!“—Я слушалъ, смотрѣлъ, и тогда ничего не понималъ, что вокругъ меня происходило: только сердце то замирало, то стучало какъ молоткомъ; но за то послѣ все представлялось, даже теперь представляется мнѣ ясно и отчетливо, доставляло и доставляетъ неизъяснимое наслажденiе!.. и все это понятно вполнѣ только однимъ охотникамъ! Я и въ ребячествѣ былъ уже въ душѣ охотникъ, и потому можно судить, что я чувствовалъ, когда воротился въ домъ! Я казался, я долженъ былъ казаться какимъ-то полоумнымъ, помѣшаннымъ; глаза у меня были дикiе, я ничего не видѣлъ, ничего не слышалъ, что со мной говорили. Я держался за руку отца, пристально смотрѣлъ ему въ глаза и съ нимъ только могъ говорить, и только о томъ, что мы сейчасъ видѣли. Мать сердилась и грозила, что не будетъ пускать меня, если я не образумлюсь и не выброшу сейчасъ изъ головы утокъ и куликовъ. Боже мой, да развѣ можно было это сдѣлать!.. Вдругъ грянулъ выстрѣлъ подъ самыми окнами, я бросился къ окошку и увидѣлъ дымокъ, расходящiйся въ воздухѣ, стоящаго съ ружьемъ Филиппа (старый сокольникъ) и пуделя Тритона, котораго всѣ звали „Трентонъ“, который, держа во рту за крылышко какую-то птицу, выходилъ изъ воды на берегъ. Скоро Филиппъ пришелъ съ своей добычей: это былъ кряковный селезень, какъ мнѣ сказали, до того красивый перомъ, что я долго любовался имъ, разсматривая его бархатную зеленую голову и шею, багряный зобъ и темнозеленые косички на хвостѣ.

Мало-по-малу привыкъ я къ наступившей веснѣ и къ ея разнообразнымъ явленiямъ, всегда новымъ, потрясающимъ и восхитительнымъ; говорю привыкъ, въ томъ смыслѣ, что уже не приходилъ отъ нихъ въ изступленiе. Погода становилась теплая, мать безъ затрудненья пускала меня на крылечко и позволяла бѣгать по высохшимъ мѣстамъ; даже сестрицу отпускала со мной. Всякiй день кто-нибудь изъ охотниковъ

убивалъ то утку, то кулика, а Мазанъ застрѣлилъ даже дикаго гуся и принесъ къ отцу съ большимъ торжествомъ, разсказывая подробно, какъ онъ подкрался камышами, въ водѣ по горло, къ двумъ гусямъ, плававшимъ на материкѣ пруда, какъ прицѣлился въ одного изъ нихъ, и заключилъ разсказъ словами: „какъ ударилъ, такъ и не ворохнулся!“ Всякій день также сталъ приносить старый грамотѣй Мысеичъ разную крупную рыбу: щукъ, язей, головлей, линей и окуней. Я любилъ тогда рыбу больше, чѣмъ птицъ, потому что зналъ и любилъ рыбную ловлю, то-есть уженье; каждаго большого линя, язя или головля воображалъ я на удочкѣ, представляя себѣ, какъ бы онъ сталъ биться и метаться и какъ было бы весело вытащить его на берегъ.

Несмотря однако же на всѣ предосторожности, я какъ-то простудился, получилъ насморкъ и кашель и, къ великому моему горю, долженъ былъ оставаться заключеннымъ въ комнатахъ, которыя казались мнѣ самою скучною тюрьмою, о какой я только читывалъ въ своихъ книжкахъ; а какъ я очень волновался разсказами Евсеича, то ему запретили доносить мнѣ о разныхъ новостяхъ, которыя весна безпрестанно приносила съ собой; къ тому же мать почти не отходила отъ меня. Она сама была не совсѣмъ здорова. Въ первый день напала на меня тоска, увеличившая мое лихорадочное состояніе, но потомъ я сталъ спокойнѣе, и цѣлые дни игралъ, а иногда читалъ книжку съ сестрицей, безпрестанно подбѣгая, хоть на минуту, къ окнамъ, изъ которыхъ видѣнъ былъ весь разливъ полой воды, затопившей огородъ и половину сада. Можно было даже разглядѣть и птицу, но мнѣ не позволяли долго стоять у окошка. Скорому выздоровленію моему мѣшала безсонница, которая, Богъ знаетъ отчего, на меня напала. Это разстраивало сонъ моей матери, которая хорошо спала только съ вечера. По совѣту тетушки, для нашего усыпленія, позвали одинъ разъ ключницу Пелагею, которая была великая мастерица сказывать сказки, и которую даже покойный дѣдушка любилъ слушать. Мать и прежде знала объ этомъ; но она не любила ни сказокъ, ни сказочницъ, и теперь не охотно согласилась. Пришла Пелагея, не молодая, но еще бѣлая, румяная и дородная женщина, помолилась Богу, подошла къ ручкѣ, вздохнула нѣсколько разъ, по своей привычкѣ, всякій разъ приговаривая: „Господи, помилуй насъ грѣшныхъ“, сѣла у

печки, подгорюнилась одною рукой и начала говорить, немного на распѣвъ: „въ нѣкіимъ царствѣ, въ нѣкіимъ государствѣ“... Это вышла сказка подъ названіемъ: „Аленькій цвѣточекъ“ [1]). Нужно ли говорить, что я не заснулъ до окончанія сказки, что, напротивъ, я не спалъ долѣе обыкновеннаго? Сказка до того возбудила мое любопытство и воображеніе, до того увлекла меня, что могла бы вылѣчить отъ сонливости, а не отъ безсонницы. Мать заснула сейчасъ; но, проснувшись черезъ нѣсколько часовъ и узнавъ, что я еще не засыпалъ, она выслала Пелагею, которая разговаривала со мной объ „Аленькомъ цвѣточкѣ“, и сказыванье сказокъ на ночь прекратилось очень надолго. Это запрещенье могло бы сильно огорчить меня, еслибы мать не позволила Пелагеѣ сказывать иногда мнѣ сказки въ продолженіи дня. На другой же день выслушалъ я въ другой разъ повѣсть объ „Аленькомъ цвѣточкѣ“. Съ этихъ поръ, до самаго моего выздоровленья, то-есть до середины страстной недѣли, Пелагея ежедневно разсказывала мнѣ какую-нибудь изъ своихъ многочисленныхъ сказокъ. Болѣе другихъ помню я „Царь-дѣвицу“, „Иванушку-дурачка“, „Жаръ-птицу“ и „Змѣя-Горынича“. Сказки такъ меня занимали, что я менѣе тосковалъ о вольномъ воздухѣ, не такъ рвался къ оживающей природѣ, къ разлившейся водѣ, къ разнообразному царству прилетѣвшей птицы. Въ страстную субботу мы уже гуляли съ сестрицей по высохшему двору. Въ этотъ день мой отецъ, тетушка Татьяна Степановна и тетушка Александра Степановна, которая на то время у насъ гостила, уѣхали ночевать въ Неклюдово, чтобы встрѣтить тамъ въ храмѣ Божіемъ Свѣтлое Христово Воскресенье. Проѣхать было очень трудно,

---

[1]) Эту сказку, которую слыхалъ я въ продолженіи нѣсколькихъ годовъ не одинъ десятокъ разъ, потому что она мнѣ очень нравилась,— впослѣдствіи выучилъ я наизусть и самъ сказывалъ ее, со всѣми прибаутками, ужимками, оханьемъ и вздыханьемъ Пелагеи. Я такъ хорошо ее передразнивалъ, что всѣ домашніе хохотали, слушая меня. Разумѣется, потомъ я забылъ свой разсказъ: но теперь, возстановляя давно-прошедшее въ моей памяти, я неожиданно наткнулся на груду обломковъ этой сказки; много словъ и выраженій ожило для меня, и я попытался вспомнить ее. Странное сочетаніе восточнаго вымысла, восточной постройки и многихъ очевидно переводныхъ выраженій, съ пріемами, образами и народною нашею рѣчью, слѣды прикосновенья разныхъ сказочниковъ и сказочницъ,— показались мнѣ стоющими вниманья.

Примѣч. молодого Багрова.

Чтобы не прерывать разсказа о дѣтствѣ, эта сказка помѣщается въ приложеніи. *С. А.*

потому что полая вода хотя и пошла на убыль, но все еще высоко стояла; они пробрались по плотинѣ въ крестьянскихъ телѣгахъ и съ полверсты ѣхали полями; вода хватала выше колесныхъ ступицъ, и мнѣ сказывали провожавшіе ихъ верховые, что тетушка Татьяна Степановна боялась и громко кричала, а тетушка Александра Степановна смѣялась. Я слышалъ, какъ Параша тихо сказала Евсеичу: „эта чего испугается!“—и дивился тетушкиной храбрости. Съ четверга на страстной начали красить яйца: въ красномъ и синемъ сандалѣ, въ серпухѣ и луковыхъ перьяхъ; яйца выходили красныя, синія, желтыя, блѣдно-розоваго и рыжеватаго цвѣта. Мы съ сестрицей съ большимъ удовольствіемъ присутствовали при этомъ крашеньѣ. Но мать умѣла мастерски красить яйца въ мраморный цвѣтъ разными лоскутками и шемаханскимъ шелкомъ. Сверхъ того, она съ необыкновеннымъ искусствомъ, простымъ перочиннымъ ножичкомъ, выскабливала на красныхъ яйцахъ чудесные узоры, цвѣты и слова: „Христосъ Воскресъ“. Она всѣмъ приготовила по такому яичку, и только я одинъ видѣлъ, какъ она надъ этимъ трудилась. Мое яичко было лучше всѣхъ и на немъ было написано: „Христосъ воскресъ, милый другъ Сережинька!“ Матери было очень грустно, что она не услышитъ заутрени Свѣтлаго Христова Воскресенья, и она удивлялась, что бабушка такъ равнодушно переносила это лишенье; но бабушкѣ, которая бывала очень богомольна, какъ-то ни до чего не было дѣла.

Я заснулъ въ обыкновенное время; но вдругъ отчего-то ночью проснулся: комната была ярко освѣщена, кивотъ съ образами растворенъ, передъ каждымъ образомъ, въ золоченной ризѣ, теплилась восковая свѣча, а мать, стоя на колѣняхъ, въ полголоса читала молитвенникъ, плакала и молилась. Я самъ почувствовалъ непреодолимое желанье помолиться вмѣстѣ съ маменькой и попросилъ ее объ этомъ. Мать удивилась моему голосу и даже смутилась; но позволила мнѣ встать. Я проворно вскочилъ съ постели, сталъ на колѣнки и началъ молиться съ неизвѣстнымъ мнѣ до тѣхъ поръ, особаго рода одушевленьемъ; но мать уже не становилась на колѣни и скоро сказала: „будетъ, ложись спать“. Я прочелъ на лицѣ ея, услышалъ въ голосѣ, что помѣшалъ ей молиться. Я изо всѣхъ силъ старался поскорѣе заснуть, но не скоро утихло дѣтское мое волненье и непостижимое для меня чувство умиленья. Наконецъ мать, помолясь, погасила

свѣчки и легла на свою постель. Яркій свѣтъ потухъ, теплилась только тусклая лампада; не знаю, кто изъ насъ заснулъ прежде. Къ большой моей досадѣ, я проснулся довольно поздно: мать была совсѣмъ одѣта; она обняла меня и, похристосовавшись заранѣе приготовленнымъ яичкомъ, ушла къ бабушкѣ. Вошелъ Евсеичъ, также похристосовался со мной, далъ мнѣ желтое яичко и сказалъ: „эхъ, соколикъ, проспалъ! Вѣдь я говорилъ тебѣ, что надо посмотрѣть, какъ солнышко на восходѣ играетъ и радуется Христову Воскресенью“. — Мнѣ самому было очень досадно; я поспѣшилъ одѣться, заглянулъ къ сестрицѣ и братцу, перецѣловалъ ихъ и побѣжалъ въ тетушкину комнату, изъ которой видно было солнце, и хотя оно уже стояло высоко, принялся смотрѣть на него сквозь мои кулаки. Мнѣ показалось, что солнышко какъ будто прыгаетъ, и я громко закричалъ: „солнышко играетъ! Евсеичъ правду сказалъ“. Мать вышла ко мнѣ изъ бабушкиной горницы, улыбнулась моему восторгу и повела меня христосоваться къ бабушкѣ. Она сидѣла въ шелковомъ платкѣ и шушунѣ, на дѣдушкиныхъ креслахъ; мнѣ показалось, что она еще болѣе опустилась и постарѣла въ своемъ праздничномъ платьѣ. Бабушка не хотѣла разгавливаться до полученья *пѣтой* пасхи и кулича, но мать сказала, что будетъ пить чай со сливками, и увела меня съ собою.

Отецъ съ тетушками воротился еще до полденъ, когда насъ съ сестрицей только-что выпустили погулять. Назадъ проѣхали они лучше, потому что воды въ ночь много убыло; они привезли съ собой пѣтыя пасхи, куличи, крутыя яйца и четверговую соль. Въ залѣ былъ уже накрытъ столъ; мы всѣ собрались туда и разговѣлись. Правду сказать, настоящимъ то образомъ разгавливались бабушка, тетушки и отецъ; мать постничала одну страстную недѣлю (да она уже пила и чай со сливками), а мы съ сестрицей—только послѣдніе три дня; но за то намъ было голоднѣе всѣхъ, потому что намъ не давали обыкновенной постной пищи, а питались мы ухою изъ окуней, медомъ и чаемъ съ хлѣбомъ. Для прислуги была особая пасха и куличъ. Вся дворня собралась въ лакейскую и залу; мы перехристосовались со всѣми; каждый получилъ по кусочку кулича, пасхи и по два красныхъ яйца, каждый крестился и потомъ начиналъ кушать. Я замѣтилъ, что нашъ куличъ былъ гораздо болѣе того, какимъ разгавливались дворовые люди, и громко спросилъ: „отчего Евсеичъ

и другіе кушаютъ не такой же бѣлый куличъ, какъ мы?“ Александра Степановна съ живостью и досадой отвѣчала мнѣ: „вотъ еще выдумалъ! ѣдятъ и похуже“. Я хотѣлъ было сдѣлать другой вопросъ, но мать сказала мнѣ: „это не твое дѣло“.—Черезъ часъ послѣ разгавливанья пасхою и куличемъ, приказали подавать обѣдъ, а мнѣ съ сестрицей позволили еще побѣгать по двору, потому что день былъ теплый, даже жаркій. Дворовые мальчики и дѣвочки, нѣсколько припринаряженные, иные хоть тѣмъ, что были въ бѣлыхъ рубашкахъ, почище умыты и съ приглаженными волосами,— всѣ весело бѣгали и начали уже катать яйца, какъ вдругъ общее вниманіе привлечено было двумя какими-то пѣшеходами, которые, сойдя съ Кудринской горы, шли въ бродъ по водѣ, прямо чрезъ затопленную урему. Въ одну минуту сбѣжалась вся дворня, и вскорѣ узнали въ этихъ пѣшеходахъ стараго мельника, Болтуненка, и двороваго молодого человѣка, Василья Петрова, возвращающихся отъ обѣдни изъ того же села Неклюдова. По безразсудному намѣренію пробраться полоями къ лѣтней кухнѣ, которая соединялась высокими мостками съ высокимъ берегомъ нашего двора, всѣ угадали, что они были пьяны. Очевидно, что они хотѣли избѣжать длиннаго обхода на мельничную плотину. Конечно, вода уже такъ сбыла, что въ обыкновенныхъ мѣстахъ доставала не выше колѣна, но за то во всѣхъ ямахъ, канавахъ и старицахъ, которыя въ лѣтнее время высыхали и которыя окружали кухню, глубина была еще значительна. Сейчасъ начались опасенія, что эти люди могутъ утонуть, попавъ въ глубокое мѣсто, что могло бы случиться и съ трезвыми людьми; дали знать отцу. Онъ пришелъ, увидѣлъ опасность и приказалъ какъ можно скорѣе заложить лошадь въ роспуски и привезть лодку съ мельницы, на которой было бы не трудно перевезти на берегъ этихъ безумцевъ. Болтуненокъ и Васька рыжій (какъ его обыкновенно звали), распѣвая громко пѣсни, то сходясь вмѣстѣ, то расходясь врозь, потому что одинъ хотѣлъ итти налѣво, а другой—на право, — подвигались впередъ: голоса ихъ становились явственно слышны. Вся толпа дворовыхъ, къ которымъ безпрестанно присоединялись крестьянскіе парни и дѣвки, принимала самое живое участіе: шумѣла, смѣялась и спорила между собой. Одни говорили, что бѣды никакой не будетъ, что только выкупаются, что холодная вода выгонитъ хмель,

что вездѣ мелко, что только около кухни въ старицѣ будетъ по горло, но что они мастера плавать; а другіе утверждали, что, стоя на берегу, хорошо растабарывать, что глубокихъ мѣстъ много, а въ старицѣ и съ руками уйдешь; что одежда на нихъ намокла, что этакъ и трезвый не выплыветъ, а пьяные пойдутъ какъ ключъ ко дну. Забывая, что хотя слышны были голоса, а словъ разобрать невозможно, всѣ принялись кричать и давать совѣты, махая изо всей мочи руками: „лѣвѣе, правѣе, сюда, туда, не туда“ и проч. Между тѣмъ пѣшеходы, попавъ нѣсколько разъ въ воду по поясъ, а иногда и глубже, въ самомъ дѣлѣ какъ будто отрезвились, перестали пѣть и кричать и молча шли прямо впередъ. Вдругъ почему-то они перемѣнили направленіе и стали подаваться влѣво, гдѣ текла скрытая подъ водою, такъ называемая новенькая, глубокая тогда, канавка, которую можно только было различить по быстротѣ теченія. Вся толпа подняла громкій крикъ, котораго нельзя было не слышать, но на который не обратили никакого вниманья, а можетъ-быть и сочли одобрительнымъ знакомъ, несчастные пѣшеходы. Подойдя близко къ канавѣ, они остановились, что-то говорили, махали руками, и видно было, что Василій указывалъ въ другую сторону. Наступила мертвая тишина: точно всѣ старались вслушаться, что они говорятъ...... Слава Богу, они пошли внизъ по канавкѣ, но по самому ея краю. Въ эту минуту прискакалъ съ лодкой молодой мельникъ, сынъ стараго Болтуненка. Лодку подвезли къ берегу, спустили на воду; молодой мельникъ замахалъ весломъ, перебилъ материкъ Бугуруслана, вплылъ въ старицу, какъ вдругъ старый Болтуненокъ исчезъ подъ водою... Страшный вопль раздался вокругъ меня и вдругъ затихъ: всѣ догадались, что старый Болтуненокъ оступился и попалъ въ канаву: всѣ ожидали, что онъ вынырнетъ, всплыветъ на верхъ, канавка была узенькая и сейчасъ можно было попасть на берегъ... но никто не показывался на водѣ. Ужасъ овладѣлъ всѣми. Многіе начали креститься, а другіе тихо шептали: „пропалъ, утонулъ“; женщины принялись плакать навзрыдъ. Насъ увели въ домъ. Я такъ былъ испуганъ, пораженъ всѣмъ видѣннымъ мною, что ничего не могъ разсказать матери и тетушкамъ, которыя принялись меня разспрашивать: „что такое случилось?“ Евсеичъ же съ Парашей только впустили насъ въ комнату, а сами опять убѣжали. Въ цѣломъ домѣ

не было ни одной души изъ прислуги. Впрочемъ мать, бабушка и тетушка знали, что пьяные люди идутъ въ бродъ по полямъ, а какъ я наконецъ сказалъ слышанныя мною слова, что старый Болтуненокъ „пропалъ, утонулъ", то несчастное событіе вполнѣ и для нихъ объяснилось. Тетушки сами пошли узнать подробности этого несчастія и прислать къ намъ кого-нибудь. Вскорѣ прибѣжала глухая бабушкина Груша и сестрицына нянька Параша. Онѣ сказали намъ, что стараго мельника не могутъ найти, что много народа съ шестами и баграми переѣхало и перебралось кое-какъ черезъ старицу, и что теперь хоть и найдутъ утопленника, да ужъ онъ давно захлебнулся. „Больно жалко смотрѣть, прибавила Параша, на ребятъ и на хворую жену стараго мельника, а ужъ ему такъ на роду написано".

Всѣ были очень огорчены, и свѣтлый веселый праздникъ вдругъ сдѣлался печаленъ. Что же происходило со мной, трудно разсказать. Хотя я много читалъ и еще больше слыхалъ, что люди то и дѣло умираютъ, зналъ, что всѣ умрутъ, зналъ, что въ сраженіяхъ солдаты погибаютъ тысячами, очень живо помнилъ смерть дѣдушки, случившуюся возлѣ меня, въ другой комнатѣ того же дома; но смерть мельника Болтуненка, который передъ моими глазами шелъ, пѣлъ, говорилъ и вругъ пропалъ навсегда, — произвела на меня особенное, гораздо сильнѣйшее впечатлѣніе, и утонуть въ канавѣ показалось мнѣ гораздо страшнѣе, чѣмъ погибнуть при какомъ-нибудь кораблекрушеніи на безпредѣльныхъ моряхъ, на бездонной глубинѣ (о кораблекрушеніяхъ я много читалъ). На меня напалъ безотчетный страхъ, что каждую минуту можетъ случиться какое-нибудь подобное неожиданное несчастье съ отцомъ, съ матерью и со всѣми нами. — Мало-по-малу возвращалась наша прислуга. У всѣхъ былъ одинъ отвѣтъ: „не нашли Болтуненка".—Давно уже прошло обычное время для обѣда, который бываетъ ранѣе въ день разговѣнья. Наконецъ накрыли столъ, подали кушать и послали за моимъ отцомъ. Онъ пришелъ огорченный и разстроенный. Онъ съ дѣтскихъ лѣтъ своихъ зналъ стараго мельника Болтуненка и очень его любилъ. Обѣдъ прошелъ грустно, и какъ только встали изъ-за-стола, отецъ опять ушелъ. До самаго вечера искали тѣло несчастнаго мельника. Утомленные, передрогшіе отъ мокрети и голодные люди, не успѣвшіе даже хорошенько разговѣться, возвращались уже

домой, какъ вдругъ крикъ молодого Болтуненка: „нашелъ!“ заставилъ всѣхъ воротиться. Сынъ зацѣпилъ багромъ за зипунъ утонувшаго отца, и при помощи другихъ, съ большимъ усиліемъ, вытащилъ его трупъ. Оказалось, что утонувшій какъ-то попалъ подъ оголившійся корень старой ольхи, ростущей на берегу, не новой канавки, а глубокой старицы, огибавшей островъ, куда снесло тѣло быстротою воды. Какъ скоро вѣсть объ этомъ событіи дошла до насъ, опять на нѣсколько времени опустѣлъ нашъ домъ: всѣ сбѣгали посмотрѣть утопленника и всѣ воротились съ такими страшными и подробными разсказами, что я не спалъ почти всю ночь, воображая себѣ стараго мельника, дрожа и обливаясь холоднымъ потомъ. Но я имѣлъ твердость одолѣть мой ужасъ и не будить отца и матери. Прошла мучительная ночь, стало свѣтло, и на солнечномъ восходѣ затихло, улеглось мое воспаленное воображеніе—я сладко заснулъ.

Погода перемѣнилась и остальные дни Святой недѣли были дождливы и холодны. Дождя выпало такъ много, что сбывавшая полая вода, подкрѣпленная дождями и такъ называемою *земляною водою*, вновь поднялась и простоявъ на прежней высотѣ однѣ сутки—вдругъ слила. Въ то же время, также вдругъ наступила и лѣтняя теплота, что бываетъ часто въ апрѣлѣ. Въ концѣ Ѳоминой недѣли началась та чудная пора, не всегда являющаяся дружно, когда природа, пробудясь отъ сна, начнетъ жить полною, молодою, торопливою жизнью; когда все переходитъ въ волненье, въ движенье, въ звукъ, въ цвѣтъ, въ запахъ. Ничего тогда не понимая, не разбирая, не оцѣнивая, никакими именами не называя, я самъ почуялъ въ себѣ новую жизнь, сдѣлался частью природы, и только въ зрѣломъ возрастѣ сознательныхъ воспоминаній объ этомъ времени, сознательно оцѣнилъ всю его очаровательную прелесть, всю поэтическую красоту. Тогда я узналъ то, о чемъ догадывался, о чемъ мечталъ, встрѣчая весну въ Уфѣ, въ городскомъ домѣ, въ дрянномъ саду или на грязной улицѣ. Въ Сергѣевку я пріѣхалъ уже поздно и засталъ только конецъ весны, когда природа достигла полнаго развитія и полнаго великолѣпія; безпрестаннаго измѣненія и движенія впередъ—уже не было.

Горестное событіе, смерть стараго мельника, скоро было забыто мной, подавлено, вытѣснено новыми, могучими впечатлѣніями. Умъ и душа стали чѣмъ то полны, какое-то

дѣло легло на плеча, озабочивало меня, какое-то стремленіе овладѣло мной, хотя въ дѣйствительности я ничѣмъ не занимался, никуда не стремился, не читалъ и не писалъ. Но до чтенія ли, до письма ли было тутъ, когда душистыя черемухи зацвѣтаютъ, когда пучекъ на березахъ лопается, когда черные кусты смородины опушаются бѣловатымъ пухомъ распускающихся сморщенныхъ листочковъ, когда всѣ скаты горъ покрываются подснѣжными тюльпанами, называемыми *сонъ,* лиловаго, голубаго, желтоватаго и бѣлаго цвѣта, когда полезутъ вездѣ изъ земли, свернутыя въ трубочки, травы и завернутыя въ нихъ головки цвѣтовъ; когда жаворонки, съ утра до вечера, висятъ въ воздухѣ надъ самымъ дворомъ, разсыпаясь въ своихъ журчащихъ, однообразныхъ, замирающихъ въ небѣ пѣсняхъ, которыя хватали меня за сердце, которыхъ я заслушивался до слезъ; когда Божьи коровки и всѣ букашки выползаютъ на Божій свѣтъ, крапивныя и желтыя бабочки замелькаютъ, шмели и пчелы зажужжатъ; когда въ водѣ движенье, на землѣ шумъ, въ воздухѣ трепетъ, когда и лучъ солнца дрожитъ, пробиваясь сквозь влажную атмосферу, полную жизненныхъ началъ.... А сколько было мнѣ дѣла, сколько заботъ! Каждый день надо было раза два побывать въ рощѣ и освѣдомиться, какъ сидятъ на яйцахъ грачи; надо было послушать ихъ докучныхъ криковъ; надо было посмотрѣть, какъ развертываются листья на сиреняхъ и какъ выпускаютъ онѣ сизыя кисти будущихъ цвѣтовъ; какъ поселяются зорки и малиновки въ смородинныхъ и барбарисовыхъ кустахъ; какъ муравьиныя кучи ожили, зашевелились; какъ муравьи показались сначала понемногу, а потомъ высыпали наружу въ безчисленномъ множествѣ и принялись за свои работы; какъ ласточки начали мелькать и нырять подъ крыши строеній въ старыя свои гнѣзда; какъ клохтала насѣдка, оберегая крошечныхъ цыплятокъ и какъ коршуны кружились, плавали надъ ними.... О, много было дѣла и заботы мнѣ! Я уже не бѣгалъ по двору, не каталъ яицъ, не качался на качеляхъ съ сестрицей, не игралъ съ Суркой, а ходилъ и чаще стоялъ на одномъ мѣстѣ, будто не веселый и безпокойный, ходилъ, глядѣлъ и молчалъ противъ моего обыкновенія. Обвѣтрилъ и загорѣлъ я, какъ цыганъ. Сестрица смѣялась надо мной. Евсеичъ не могъ надивиться, что я не гуляю, какъ слѣдуетъ, не играю, не прошусь на мельницу, а все хожу и стою на однихъ и тѣхъ же

мѣстахъ. „Ну, чего, соколикъ, ты не видалъ тутъ?“ говорилъ онъ. Мать также не понимала моего состоянія и съ досадою на меня смотрѣла; отецъ сочувствовалъ мнѣ больше. Онъ ходилъ со мной подглядывать за птицами въ садовыхъ кустахъ и разсказывалъ, что онѣ завиваютъ ужъ гнѣзда. Онъ ходилъ со мной и въ грачевую рощу и очень сердился на грачей, что они сушатъ вершины березъ, ломая вѣтви для устройства своихъ уродливыхъ гнѣздъ, даже грозился разорить ихъ. Какъ былъ отецъ доволенъ, увидя въ первый разъ медуницу! Онъ научилъ меня легонько выдергивать лиловые цвѣтки и сосать бѣлые, сладкіе ихъ корешки! И какъ онъ еще болѣе обрадовался, услыша издали, также въ первый разъ, пѣніе варакушки. „Ну, Сережа, сказалъ онъ мнѣ; теперь всѣ птички начнутъ пѣть: варакушка первая запѣваетъ. А вотъ, когда одѣнутся кусты, то запоютъ наши соловьи, и еще веселѣе будетъ въ Багровѣ!“

Наконецъ пришло и это время: зазеленѣла трава, распустились деревья, одѣлись кусты, запѣли соловьи — и пѣли не уставая, и день и ночь. Днемъ ихъ пѣнье не производило на меня особеннаго впечатлѣнія; я даже говорилъ, что и жаворонки поютъ не хуже; но поздно вечеромъ или ночью, когда все вокругъ меня утихало, при свѣтѣ потухающей зори, при блескѣ звѣздъ, соловьиное пѣніе приводило меня въ волненіе, въ восторгъ и сначала мѣшало спать. Соловьевъ было такъ много, и ночью они, казалось, подлетали такъ близко къ дому, что, при закрытыхъ ставнями окнахъ, свисты, раскаты и щелканье ихъ съ двухъ сторонъ врывались съ силою въ нашу закупоренную спальню, потому что она угломъ выходила на загибавшуюся рѣку, прямо въ кусты, полные соловьевъ. Мать посылала ночью пугать ихъ. И тутъ только повѣрилъ я словамъ тетушки, что соловьи не давали ей спать. Я не знаю, исполнились ли слова отца, стало ли веселѣе въ Багровѣ? Вообще я не умѣю сказать: было ли мнѣ тогда весело? Знаю только, что воспоминаніе объ этомъ времени, во всю мою жизнь, разливало тихую радость въ душѣ моей.

Наконецъ я сталъ спокойнѣе, присмотрѣлся, попривыкъ къ окружающимъ меня явленіямъ или, вѣрнѣе сказать, чудесамъ природы, которая, достигнувъ полнаго своего великолѣпія, сама какъ будто успокоилась. Я сталъ заниматься иногда играми и книгами, сталъ больше сидѣть и говорить

съ матерью, и съ радостью увидѣлъ, что она была тѣмъ довольна. „Ну, теперь ты, кажется, очнулся, сказала она мнѣ, лаская и цѣлуя меня въ голову,—а вѣдь ты былъ точно помѣшанный. Ты ни въ чемъ не принималъ участія, ты забылъ, что у тебя есть мать“. И слезы показались у ней на глазахъ. Въ самое сердце укололъ меня этотъ упрекъ. Я уже смутно чувствовалъ какое-то безпокойство совѣсти; вдругъ точно пелена спала съ моихъ глазъ. Конечно, я не забылъ, что у меня была мать, но я не часто думалъ о ней. Я не спрашивалъ и не зналъ, въ какомъ положеніи было ея слабое здоровье. Я не дѣлился съ ней въ это время, какъ бывало всегда, моими чувствами и помышленіями, и мной овладѣло угрызеніе совѣсти и раскаяніе; я жестоко обвинялъ себя, просилъ прощенья у матери и обѣщалъ, что этого никогда не будетъ. Мнѣ казалось, что съ этихъ поръ я стану любить ее еще сильнѣе. Мнѣ казалось, что я до сихъ поръ не понималъ, не зналъ ей всей цѣны, что я не достоинъ матери, которая нѣсколько разъ спасла мнѣ жизнь, жертвуя своею. Я дошелъ до мысли, что я дурной, неблагодарный сынъ, котораго всѣ должны презирать. По несчастію, мать не всегда умѣла или не всегда была способна воздерживать горячность, крайность моихъ увлеченій; она сама тѣмъ же страдала, и когда мои чувства были согласны съ ея собственными чувствами, она не охлаждала, а возбуждала меня страстными порывами своей души. Такъ часто бывало гораздо въ позднѣйшее время, и такъ именно было въ то время, которое я описываю. Подстрекая другъ друга, мы съ матерью предались пламеннымъ изліяніямъ взаимнаго раскаянія и восторженной любви; между нами исчезло разстояніе лѣтъ и отношеній, мы оба изступленно плакали и громко рыдали. Я раскаявался, что мало любилъ мать; она—что мало цѣнила такого сына и оскорбила его упрекомъ... Въ самую эту минуту вошелъ отецъ. Взглянувъ на насъ, онъ такъ перепугался, что поблѣднѣлъ: онъ всегда блѣднѣлъ, а не краснѣлъ отъ всякаго внутренняго движенія. „Что съ вами сдѣлалось?“ спросилъ онъ встревоженнымъ голосомъ. Мать молчала; но я принялся съ жаромъ разсказывать все. Онъ смотрѣлъ на меня сначала съ удивленіемъ, а потомъ съ сожалѣніемъ. Когда я кончилъ, онъ сказалъ: „охота вамъ мучить себя понапрасну изъ пустяковъ и разстроивать свое здоровье. Ты еще ребенокъ, а матери это грѣхъ“. Ушатомъ холодной

воды облилъ меня отецъ. Но мать горячо заступилась за наши чувства и сказала много оскорбительнаго и несправедливаго моему доброму отцу. Увы! несправедливость оскорбленія я понялъ уже въ зрѣлыхъ годахъ, а тогда я повѣрилъ, что мать говоритъ совершенную истину и что у моего отца мало чувствъ, что онъ не умѣетъ такъ любить, какъ мы съ маменькой любимъ. Разумѣется, черезъ нѣсколько дней совсѣмъ утихло мое волненіе, успокоилась совѣсть, исчезло убѣжденіе, что я дурной мальчикъ и дурной сынъ. Сердце мое опять раскрылось впечатлѣніямъ природы: но я долго предавался имъ съ нѣкоторымъ опасеніемъ: горячность-же къ матери росла уже постоянно. Не смотря на мой дѣтскій возрастъ, я сдѣлался ея другомъ, повѣреннымъ, и узналъ много такого, чего не могъ понять, что понималъ превратно и чего мнѣ знать не слѣдовало...

Между тѣмъ, какъ только слила полая вода и рѣка пришла въ свою лѣтнюю межень, даже прежде, чѣмъ вода совершенно прояснилась, всѣ дворовые начали уже удить. Я сказалъ всѣ, потому что тогда удилъ всякій, кто могъ держать въ рукѣ удилище, даже нѣкоторыя старухи, ибо только въ эту пору, то-есть, съ весны, отъ цвѣта черемухи до окончанія цвѣта калины, чудесно брала крупная рыба, язи, головли и лини. Стоило сбѣгать пораньше утромъ на одинъ часъ, чтобъ принесть, по крайней мѣрѣ, пару большихъ язей, упустивъ столько же или больше, и вотъ, у цѣлаго семейства была уха, жареное или пирогъ. Евсеичъ уже давно удилъ и, разсказывая мнѣ свои подвиги, обыкновенно говорилъ: „это, соколикъ, еще не твое уженье. Теперь еще вездѣ мокро и грязно, а вотъ недѣльки черезъ двѣ солнышко землю прогрѣетъ, земля повысохнетъ: къ тѣмъ порамъ я тебѣ и удочки приготовлю“.

Пришла пора и моего уженья, какъ предсказывалъ Евсеичъ. Теплая погода, простоявъ нѣсколько дней, на Ѳоминой недѣлѣ еще разъ перемѣнилась на сырую и холодную, что, однакожъ, ничему не мѣшало зеленѣть, расти и цвѣсти. Потомъ опять наступило теплое время и сдѣлалось уже постояннымъ. Солнце пригрѣло землю, высушило грязь и тину. Евсеичъ приготовилъ мнѣ три удочки: маленькую, среднюю и побольше, но не такую большую, какія употреблялись для крупной рыбы; такую я и сдержать-бы не могъ. Отецъ, который ни разу еще не ходилъ удить, можетъ-быть потому, что матери это

было непріятно, пошелъ со мною и привелъ меня на прудъ, который былъ спущенъ. Въ спущенномъ прудѣ удить и ловить рыбу запрещалось, а на рѣкѣ позволялось вездѣ и всѣмъ. Я видѣлъ, что мой отецъ собирался удить съ большою охотой. „Ну, что теперь дѣлать, Сережа, на рѣкѣ? говорилъ онъ мнѣ, дорогой на мельницу, идя такъ скоро, что я едва поспѣвалъ за нимъ. Киваціий прудъ пронесло и его не скоро запрудятъ; рыбы теперь въ саду мало. А вотъ у насъ на пруду вся рыба свалилась въ материкъ, въ трубу, и должна славно брать. Ты еще въ первый разъ будешь удить въ Бугурусланѣ; пожалуй, послѣ Сергѣевки, тебѣ покажется, что въ Багровѣ клюетъ хуже". Я увѣрялъ, что въ Багровѣ все лучше. Въ прошломъ лѣтѣ я не бралъ въ руки удочки, и хотя настоящая весна такъ сильно подѣйствовала на меня новыми и чудными своими явленіями — прилетомъ птицы и возрожденіемъ къ жизни всей природы, что я почти забывалъ объ уженьѣ, но тогда уже успокоенный отъ волненій, пресыщенный, такъ сказать, тревожными впечатлѣніями, я вспомнилъ и обратился съ новымъ жаромъ къ страстно-любимой мною охотѣ и чѣмъ ближе подходилъ я къ пруду, тѣмъ нетерпѣливѣе хотѣлось мнѣ закинуть удочку. Спущенный прудъ грустно изумилъ меня. Обширное пространство, затопляемое обыкновенно водою, представляло теперь голое, нечистое, неровное дно, состоящее изъ тины и грязи, истрескавшейся отъ солнца, но еще не высохшей внутри; вездѣ валялись жерди, сучья и коряги, или торчали колья, воткнутые прошлаго года для вятелей. Прежде все это было затоплено и представляло свѣтлое, гладкое зеркало воды, лежащее въ зеленыхъ рамахъ и проросшее зеленымъ камышемъ. Молодые его побѣги еще были непримѣтны, а старыя гривы сухого камыша, не скошеннаго въ прошедшую осень, непріятно желтѣли между зеленѣющихъ краевъ прудового разлива и, волнуемые вѣтромъ, еще непріятнѣе, какъ-то безжизненно шумѣли. Надобно прибавить, что отъ высыхающей тины и рыбы, погибшей въ камышахъ, пахло очень дурно. Но скоро прошло непріятное впечатлѣніе. Выбравъ мѣста посуше, неподалеку отъ кауза, стали мы удить — и вполнѣ оправдались слова отца: безпрестанно брали окуни, крупная плотва, средней величины язи и большіе лини. Крупная рыба попадалась все отцу, а иногда и Евсеичу, потому что удили на большія удочки и насаживали большіе куски, а я

удилъ на маленькую удочку, и у меня безпрестанно брала плотва, если Евсеичъ насаживалъ мнѣ крючекъ хлѣбомъ, или окуни, если удочка насаживалась червякомъ. Я никогда не видѣлъ, чтобъ отецъ мой такъ горячился, и у меня мелькнула мысль, отчего онъ не ходитъ удить всякій день? Евсеичъ же, горячившійся всегда и прежде, самъ говорилъ, что не помнитъ себя въ такомъ *азартѣ!* Азартъ этотъ еще увеличился, когда отецъ вытащилъ огромнаго окуня и еще огромнѣйшаго линя, а у Евсеича сорвалась какая-то большая рыба и вдобавокъ щука оторвала удочку. Онъ такъ смѣшно хлопалъ себя по ногамъ ладонями и такъ жаловался на свое несчастье, что отецъ смѣялся, а за нимъ и я. Впрочемъ, щука точно также и у отца перекусила лесу. Мнѣ тоже захотѣлось выудить что-нибудь покрупнѣе, и хотя Евсеичъ увѣрялъ, что мнѣ хорошей рыбы не вытащить, но я упросилъ его дать мнѣ удочку побольше и также насадить большой кусокъ. Онъ исполнилъ мою просьбу, но успѣха не было, а вышло еще хуже, потому что перестала попадать и мелкая рыба. Мнѣ стало какъ-то скучно и захотѣлось домой; но отецъ и Евсеичъ и не думали возвращаться, и, конечно, безъ меня остались-бы на пруду до самаго обѣда. Собираясь въ обратный путь и свертывая удочки, Евсеичъ сказалъ: „что-бы вамъ, Алексѣй Степанычъ, забраться сюда на зарѣ? Вѣдь это какой-бы клевъ-то былъ!“ Отецъ отвѣчалъ съ нѣкоторою досадой: „Ну, какъ мнѣ поутру“.—„Вотъ вы и съ ружьемъ не поохотились ни разу, а вѣдь въ старые годы хаживали“.— Отецъ молчалъ. Я очень замѣтилъ слова Евсеича, а равно и то, что отецъ возвращался какъ-то невеселъ.

Пойманная рыба едва помѣщалась въ двухъ ведрахъ. Мы принесли ее прямо къ бабушкѣ и тетушкѣ Татьянѣ Степановнѣ (Александра же Степановна давно уѣхала въ свою Каратаевку). Онѣ неравнодушно приняли нашъ уловъ: онѣ ахали, разглядывали и хвалили рыбу, которую очень любили кушать, а Татьяна Степановна — удить: но мать махнула рукой и не стала смотрѣть на нашу добычу, говоря, что отъ нея воняетъ сыростью и гнилью: она даже увѣряла, что и отъ меня съ отцомъ пахнетъ прудовою тиной, что, можетъ-быть, и въ самомъ дѣлѣ было такъ.

Оставшись наединѣ съ матерью, я спросилъ ее: „отчего отецъ не ходитъ удить, хотя очень любитъ уженье? Отчего онъ ни разу не бралъ ружья въ руки, а стрѣлять онъ также

былъ охотникъ, о чемъ самъ разсказывалъ мнѣ?" Матери моей были непріятны мои вопросы. Она отвѣчала, что никто не запрещаетъ ему ни стрѣлять, ни удить; но въ то же время презрительно отозвалась объ этихъ охотахъ, особенно объ уженьѣ, называя его забавою людей праздныхъ и пустыхъ, неимѣющихъ лучшаго дѣла, забавою, приличною только дѣтскому возрасту, и мнѣ немножко стало стыдно, что я такъ люблю удить. Я начиналъ уже считать себя выходящимъ изъ ребячьяго возраста: чтеніе книгъ, разговоры съ матерью о предметахъ недѣтскихъ, ея довѣренность ко мнѣ, ея слова, питавшія мое самолюбіе: „ты уже не маленькій, ты все понимаешь; какъ ты объ этомъ думаешь, другъ мой?" и тому подобныя выраженія, которыми мать, въ порывахъ нѣжности, уравнивала наши возрасты, обманывая самое себя—эти слова возгордили меня, и я началъ свысока посматривать на окружающихъ меня людей. Впрочемъ, недолго стыдился я моей страстной охоты къ уженью. На третій день мнѣ такъ уже захотѣлось удить, что я, прикрываясь своимъ дѣтскимъ возрастомъ, отъ котораго, однако, въ иныхъ случаяхъ отказывался, выпросился у матери на прудъ поудить съ отцомъ, куда съ однимъ Евсеичемъ меня-бы не отпустили. Я имѣлъ весьма важную причину не откладывать уженья на пруду: отецъ сказалъ мнѣ, что черезъ два дня его запрудятъ, или, какъ выражались тогда, *займутъ заимку*. Евсеичъ съ отцомъ взяли свои мѣры, чтобы щуки не отгрызали крючковъ: они навязали ихъ на поводки изъ проволоки или струны, которыхъ щуки не могли перекусить, несмотря на свои острые зубы. Общія наши надежды и ожиданія не были обмануты. Мы наудили много рыбы, и въ томъ числѣ отецъ поймалъ четырехъ щукъ, а Евсеичъ двухъ.

Заимка пруда, или, лучше сказать, послѣдствіе заимки, потому что на прудъ меня мать не пустила, — также представило мнѣ много новаго, никогда мною невиданнаго. Какъ скоро завалили вешнякъ, и теченіе воды мало-по-малу прекратилось,—рѣка ниже плотины совсѣмъ обмелѣла, и кромѣ глубокихъ ямъ, называемыхъ омутами, Бугурусланъ побѣжалъ маленькимъ ручейкомъ. По всему протяженію рѣки, до самаго Кивацкаго пруда, также спущеннаго, вездѣ стоялъ народъ, и старый и малый, съ бреднями, вятелями и недотками, перегораживая ими рѣку. Какъ скоро рыба послышала, что вода пошла на убыль, она начала скатываться внизъ, оста-

ваясь иногда въ самыхъ глубокихъ мѣстахъ и, разумѣется, попадая въ разставленныя снасти. Мы съ Евсеичемъ стояли на самомъ высокомъ берегу Бугуруслана, откуда далеко было видно и вверхъ и внизъ, и смотрѣли на эту торопливую и суматочную ловлю рыбы, сопровождаемую крикомъ деревенскихъ бабъ, мальчишекъ и дѣвчонокъ: послѣднія употребляли для ловли рыбы связанныя юпки и рѣшета, даже хватали добычу руками, вытаскивая иногда порядочныхъ плотицъ и язиковъ изъ-подъ корягъ и изъ рачьихъ норъ, куда во всякое время особенно любятъ забиваться некрупные налимы, которые также попадались. Раки пресмѣшно корячились и ползали по обмелѣвшему дну и очень больно щипали за голыя ноги и руки бродившихъ по водѣ и грязи людей, отчего нерѣдко раздавался пронзительный визгъ мальчишекъ и особенно дѣвчонокъ.

Бугурусланъ былъ хотя не широкъ, но очень быстръ, глубокъ и омутистъ; вода еще была *жирна*, по выраженію мельниковъ, и прудъ къ вечеру сталъ наполняться, а въ ночь уже пошла вода въ каузъ; на другой день поутру замолола мельница, и нашъ Бугурусланъ сдѣлался опять прежнею глубокою, многоводной рѣкой. Меня очень огорчало, что я не видѣлъ, какъ занимали заимку, а разсказы отца еще болѣе подстрекали мою досаду и усиливали мое огорченье. Я не преминулъ попросить у матери объясненіе, почему она меня не пустила, и получилъ въ отвѣтъ, что „нечего мнѣ дѣлать въ толпѣ мужиковъ и не для чего слушать ихъ грубыя и непристойныя шутки, прибаутки и брань между собою". Отецъ напрасно увѣрялъ, что ничего такого не было и не бываетъ, что никто не бранился; но что веселаго крику и шуму было много.... Не могъ я не вѣрить матери, но отцу хотѣлось больше вѣрить.

Какъ только провяла земля,—начались полевыя работы, то-есть посѣвъ яроваго хлѣба, и отецъ сталъ ѣздить всякій день на пашню. Всякій день я просился съ нимъ, и только одинъ разъ отпустила меня мать. По моей усильной просьбѣ отецъ согласился было взять съ собой ружье, потому что въ поляхъ водилось множество полевой дичи; но мать начала говорить, что она боится, какъ бы ружье не выстрѣлило и меня не убило, а потому отецъ, хотя увѣрялъ, что ружье лежало бы на дрогахъ незаряженное,—оставилъ его дома. Я замѣтилъ, что ему самому хотѣлось взять ружье; я же очень

горячо этого желалъ, а потому поѣхалъ нѣсколько огорченный. Видъ весеннихъ полей скоро привлекъ мое вниманіе, и радостное чувство, уничтоживъ непріятное, овладѣло моею душой. Поднимаясь отъ гумна на гору, я увидѣлъ, что всѣ долочки весело зеленѣли сочною травой, а гривы или *кулиги* дикаго персика, которыя тянулись по скатамъ крутыхъ холмовъ, были осыпаны розовыми цвѣточками, издававшими сильный ароматическій запахъ. На горахъ зацвѣтала вишня и дикая акація или чилизникъ. Жаворонки такъ и разсыпались пѣснями вверху; иногда проносился крикъ журавлей, вдали заливался звонкими трелями кроншнепъ, слышался хриплый голосъ кречетокъ, стрепета поднимались съ дороги и тутъ же садились. Не одинъ разъ отецъ говорилъ: „жалко, что нѣтъ съ нами ружья". Это былъ особый птичій міръ, совсѣмъ не похожій на тотъ, который подъ горою населялъ воды и болота,—и онъ показался мнѣ еще прекраснѣе. Тутъ только, на горѣ, почувствовалъ я неизмѣримую разность между атмосферами внизу и вверху! Тамъ пахло стоячею водой, тяжелою сыростью, а здѣсь воздухъ былъ сухъ, ароматенъ и легокъ; тутъ только я почувствовалъ справедливость жалобъ матери на низкое мѣсто въ Багровѣ. Вскорѣ зачернѣлись полосы вспаханной земли, и, подъѣхавъ, я увидѣлъ, что крестьянинъ, уже не молодой, мѣрно и бодро ходилъ взадъ и впередъ по десятинѣ, разсѣвая вокругъ себя хлѣбныя сѣмена, которыя доставалъ онъ изъ лукошка, висящаго у него черезъ плечо. Издали за нимъ шли три крестьянина за сохами; запряженныя въ нихъ лошадки казались мелки и слабы, но онѣ, не останавливаясь и безъ напряженнаго усилія, взрывали сошниками черноземную почву, разсыпая рыхлую землю направо и налѣво, разумѣется не новь, а мякоть, какъ называлась тамъ нѣсколько разъ паханая земля; за ними тащились три бороны съ желѣзными зубьями, запряженныя такими-же лошадками; ими управляли мальчики. Несмотря на утро и еще весеннюю свѣжесть, всѣ люди были въ однѣхъ рубашкахъ. И весь этотъ, повидимому, тяжелый трудъ производился легко, бодро и весело. Глядя на эти правильно и непрерывно движущіяся фигуры людей и лошадей, я забылъ окружающую меня красоту весенняго утра. Важность и святость труда, которыхъ я не могъ тогда вполнѣ ни понять, ни оцѣнить, однако глубоко поразили меня. Отецъ пошелъ на вспаханную, но еще не заборонованную десятину, сталъ что-то мѣрять своей па-

лочкой и считать; а я, оглянувшись вокругъ себя и увидя, что въ разныхъ мѣстахъ много людей и лошадей двигались такъ же мѣрно и въ такомъ-же порядкѣ взадъ и впередъ,—я крѣпко задумался, самъ хорошенько не зная о чемъ. Отецъ, воротясь ко мнѣ и найдя меня въ томъ-же положеніи, спросилъ: „что-ты, Сережа?" Я отвѣчалъ множествомъ вопросовъ о работающихъ крестьянахъ и мальчикахъ, на которые отецъ отвѣчалъ мнѣ удовлетворительно и подробно. Слова его запали мнѣ въ сердце. Я сравнивалъ себя съ крестьянскими мальчиками, которые цѣлый день, отъ восхода до заката солнечнаго, бродили взадъ и впередъ, какъ по песку, по рыхлымъ десятинамъ, которые кушали хлѣбъ да воду,—и мнѣ стало совѣстно, стыдно, и рѣшился я просить отца и мать, чтобы меня заставили бороновать землю. Полный такихъ мыслей, воротился я домой и принялся передавать матери мои впечатлѣнія и желаніе работать. Она смѣялась, а я горячился; наконецъ она съ важностью сказала мнѣ: „выкинь этотъ вздоръ изъ головы. Пашня и бороньба—не твое дѣло. Впрочемъ, если хочешь попробовать,—я позволяю". Черезъ нѣсколько времени дѣйствительно мнѣ позволили попробовать бороновать землю. Оказалось, что я никуда не годенъ: не умѣю ходить по вспаханной землѣ, не умѣю держать возжи и править лошадью, не умѣю заставить ее слушаться. Крестьянскій мальчикъ шелъ рядомъ со мной и смѣялся. Мнѣ было стыдно и досадно, и я никогда уже не поминалъ объ этомъ.

Именно въ эту пору житья моего въ Багровѣ я мало проводилъ времени съ моей милой сестрицей и какъ будто отдалился отъ нея, но это нисколько не значило, чтобъ я сталъ меньше ее любить. Причиною этого временнаго отдаленія были мои новыя забавы, которыя она, какъ дѣвочка, не могла раздѣлять со мной; и потомъ—мое приближеніе къ матери. Говоря со мной, какъ съ другомъ, мать всегда высылала мою сестрицу и запрещала мнѣ разсказывать ей наши откровенные разговоры. Она не такъ горячо любила ее, какъ меня, и менѣе ласкала. Я былъ любимецъ, фаворитъ, какъ многіе называли меня, и, слѣдовательно, балованное дитя. Я долго оставался такимъ; но это никогда не мѣшало горячей привязанности между мной и остальными братьями и сестрами. Бабушка же и тетушка ко мнѣ не очень благоволили, а сестрицу мою любили; онѣ напѣвали ей въ уши,

что она не любимая дочь, что мать глядитъ мнѣ въ глаза и дѣлаетъ все, что мнѣ угодно, что „братецъ—все, а она—ничего"; но всѣ такія вредныя внушенія не производили никакого впечатлѣнія на любящее сердце моей сестры, и никакое чувство зависти или негодованія и на одну минуту никогда не омрачало свѣтлую доброту ея прекрасной души.

Мать попрежнему не входила въ домашнее хозяйство, а всѣмъ распоряжалась бабушка, или, лучше сказать, тетушка; мать заказывала только кушанья для себя и для насъ; но въ то же время было слышно и замѣтно, что она настоящая госпожа въ домѣ и что все дѣлается или сдѣлается, если она захочетъ, по ея волѣ. Несмотря на мой ребячій возрастъ, я понималъ, что моей матери всѣ въ домѣ боялись, а не любили (кромѣ Евсеича и Параши), хотя мать никому и грубаго слова не говаривала. Эту мудреную загадку тогда рано было мнѣ разгадывать!

По просухѣ перебывали у насъ въ гостяхъ всѣ сосѣди, большею частью родные намъ. Пріѣзжали также и Чичаговы, только безъ старушки Мертваго; разумѣется, мать была имъ очень рада и большую часть времени проводила въ откровенныхъ и задушевныхъ разговорахъ наединѣ съ Катериной Борисовной, даже меня высылала. Я мелькомъ вслушался раза два въ ея слова и догадался, что она жаловалась на свое положеніе, что она была недовольна своей жизнью въ Багровѣ: эта мысль постоянно смущала и огорчала меня.

Петръ Иванычъ Чичаговъ, также какъ моя мать, не зналъ и не любилъ домашняго и полевого хозяйства. Всѣмъ занимались его теща и жена. Онъ читалъ, писалъ, рисовалъ, чертилъ и охотился съ ружьемъ. Зная, что у насъ много водится дичи, онъ привезъ съ собой и ружье и собаку, и всякій день ходилъ стрѣлять въ нашихъ болотахъ, около нижняго и верхняго пруда, гдѣ жило множество бекасовъ, всякихъ куликовъ и куличковъ, болотныхъ курочекъ и коростелей. Одинъ разъ и отецъ ходилъ съ нимъ на охоту; они принесли полные ягдташи дичи. Петръ Иванычъ все подсмѣивался надъ моимъ отцомъ, говоря, что „Алексѣй Степанычъ большой экономъ на порохъ и дробь, что онъ любитъ птичку покрупнѣе да поближе, что бекасы ему не по вкусу, а вотъ уточки или болотные кулички—такъ это его дѣло: тутъ мясца побольше." Отецъ мой отшучивался,

признаваясь, что онъ точно мелкую птицу не мастеръ стрѣлять—не привыкъ, и что Петръ Иванычъ конечно убилъ пары четыре бекасовъ, но за то много посѣялъ въ болотахъ дроби, которая на будущій годъ уродится... Петръ Иванычъ громко смѣялся своимъ особеннымъ звучнымъ смѣхомъ, про который мать говорила, что Петръ Иванычъ и смѣется умно. Онъ удѣлялъ иногда нѣсколько времени на разговоры со мной. Обыкновенно это бывало послѣ охоты, когда онъ, переодѣвшись въ сухое платье и бѣлье, садился на диванъ въ гостиной и закуривалъ свою большую пѣнковую трубку. „Ну, Сережа, такъ начиналъ онъ свой разговоръ,—какъ поживаютъ старикашки Сумароковъ, Херасковъ и особенно Ломоносовъ? Что подѣлываетъ Карамзинъ съ братіей новыхъ стихотворцевъ?"—Это значило, чтобъ я начиналъ читать наизусть заученые мною стихи этихъ писателей. Петръ Иванычъ надъ всѣми подсмѣивался, даже надъ Ломоносовымъ, котораго впрочемъ очень уважалъ. Горячо хвалилъ Державина и въ то же время подшучивалъ надъ нимъ; одного только Дмитріева хвалилъ, хотя не горячо, но безусловно: къ сожалѣнію, я почти не зналъ ни того, ни другого. Мое восторженное чтенье или декламація, какъ онъ называлъ, очень его забавляла. Единственные чтецы стиховъ, которыхъ я слыхалъ, были мои дяди Зубины. Александръ Николаичъ особенно любилъ передразнивать московскихъ трагическихъ актеровъ—и подражая такой каррикатурной декламаціи, образовалъ я мое чтеніе! Легко понять, что оно, сопровождаемое неумѣстною горячностью и уродливыми жестами, было очень забавно. Тѣмъ не менѣе я вспоминаю съ искреннимъ удовольствіемъ и благодарностью объ этихъ часахъ моего дѣтства, которые проводилъ я съ Петромъ Иванычемъ Чичаговымъ. Этотъ необыкновенно умный и талантливый человѣкъ стоялъ неизмѣримо выше окружающаго его общества. Остроумныя шутки его западали въ мой дѣтскій умъ и вѣроятно приготовили меня къ болѣе вѣрному пониманью тогдашнихъ писателей.

Впослѣдствіи, когда я уже былъ студентомъ, а потомъ петербургскимъ чиновникомъ, пріѣзжавшимъ въ отпускъ, я всегда спѣшилъ повидаться съ Чичаговымъ: прочесть ему все, что явилось новаго въ литературѣ, и подѣлиться съ нимъ моими впечатлѣніями, молодыми взглядами и убѣжденіями. Его судъ часто былъ вѣренъ и всегда остроуменъ.

Съ особенною живостью припоминаю я, что уже не задолго до его смерти, очень больному, прочелъ я ему стихи на Державина и Карамзина, не знаю кѣмъ написанные, едва ли не Шатровымъ. Перваго куплета помню только половину.

. . . .
Перлово-сизыхъ облаковъ.
Иль давъ толчекъ въ Кавказъ ногами,
И вихро-бурными крылами,
Разсѣкши воздухъ, прилети;
Хвостомъ сребро-злато-махровымъ
Иль радужно-гнѣдо-багровымъ
Слѣды пурпурны замети.

—

Но вдругъ картина премѣнилась,
Услышалъ стонъ я голубка;
У Лизы слезка покатилась
Изъ лѣваго ея глазка.
Катилась по щекѣ, катилась,
На щечкѣ въ ямкѣ поселилась,
Какъ будто въ лужицѣ вода.
Не такъ-то были въ стары вѣки
На слезы скупы человѣки,
Но люди были-ли тогда?
Когда.... дѣвушкѣ случалось
Въ разлукѣ съ милымъ другомъ быть,
То должно ей о немъ, казалось,
Ручьями слезы горьки лить.
Но нынче слезы дорогія
. . . .
Сравнятся-ль древнія, простыя
Съ алмазной нынѣшней слезой?

Забывъ свою болѣзнь и часто возвращающіеся мучительные ея припадки, Чичаговъ, слушая мое чтеніе, смѣялся самымъ веселымъ смѣхомъ, повторяя нѣкоторые стихи или выраженія. „Ну, другъ мой, сказалъ онъ мнѣ потомъ съ живымъ и яснымъ взглядомъ,—ты меня такъ утѣшилъ, что теперь мнѣ не надо и пріема опіума.“ Во время страданій, превышающихъ силы человѣческія, онъ употреблялъ опіумъ въ маленькихъ пріемахъ.

Наступило жаркое лѣто. Клевъ крупной рыбы прекратился. Уженье мое ограничилось ловлею на булавочные крючки лошковъ, пискарей и маленькихъ плотичекъ, по мелкимъ безопаснымъ мѣстамъ, начиная отъ дома, вверхъ по рѣкѣ Бугуруслану, до такъ называемыхъ Антошкиныхъ мостковъ, построенныхъ крестьяниномъ Антономъ противъ своего двора; далѣе рѣка была поглубже, и мы туда безъ отца не ходили. Меня отпускали съ Евсеичемъ всякій день или поутру, или вечеромъ, часа на два. Около самаго дома древесной тѣни не было, и потому мы, вмѣстѣ съ сестрицей, ходили гулять, сидѣть и читать книжки въ грачевую рощу или на островъ, который я любилъ съ каждымъ днемъ болѣе. Въ самомъ дѣлѣ тамъ было очень хорошо: берега были обсажены березами, которыя разрослись, широко раскинулись и давали густую тѣнь; липовая аллея пересѣкала островъ по серединѣ; она была тѣсно насажена и подъ нею вѣчно былъ сумракъ и прохлада; она служила деннымъ убѣжищемъ для ночныхъ бабочекъ, собираніемъ которыхъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, я сталъ очень горячо заниматься. На островъ нерѣдко съ нами хаживала тетушка Татьяна Степановна. Сидя подъ освѣжительной тѣнью, на берегу широко и рѣзво текущей рѣки, иногда съ удочкой въ рукѣ, охотно слушала она мое чтеніе; приносила иногда свой „Пѣсенникъ", читала сама или заставляла меня читать, и какъ ни были нелѣпы и уродливы эти пѣсни, принадлежавшія Сумарокову съ братіей, но читались и слушались онѣ съ искреннимъ сочувствіемъ и удовольствіемъ. До сихъ поръ помню наизусть охотничью пѣсню Сумарокова [1]).

Мы такъ нахвалили матери моей прохладу тѣнистаго острова, въ полдневный зной, что она рѣшилась одинъ разъ пойти съ нами. Сначала ей понравилось и она приказала принести большую кожу, чтобы сидѣть на ней на берегу рѣки, потому что никогда не садилась прямо на большую траву, говоря, что отъ нея сыро, что въ ней множество насѣкомыхъ, которыя сейчасъ наползутъ на человѣка. Принесли кожу и даже кожаныя подушки. Мы всѣ усѣлись на нихъ.

[1]) Пѣсня III. Она начинается такъ:

Не пастухъ въ свирѣль играетъ,
Стоя при рѣчныхъ струяхъ;
Не пастухъ овецъ сгоняетъ
На прекрасныхъ сихъ лугахъ и проч.

но, я не знаю почему, только такое осторожное, искусственное обращеніе съ природой расхолодило меня и мнѣ совсѣмъ не было такъ весело, какъ всегда бывало одному съ сестрицей или тетушкой. Мать равнодушно смотрѣла на зеленыя липы и березы, на текущую вокругъ насъ воду; стукъ толчеи, шумъ мельницы, долетавшій иногда явственно до насъ, когда поднимался вѣтерокъ, по временамъ затихавшій, казался ей однообразнымъ и скучнымъ; сырой запахъ отъ пруда, котораго никто изъ насъ не замѣчалъ, находила она противнымъ и, посидѣвъ съ часъ, она ушла домой въ свою душную спальню, раскаленную солнечными лучами. Мы остались одни; унесли кожу и подушки, и островъ получилъ для меня свою прежнюю прелесть.—Тетушка любила дѣлать надписи на бѣлой и гладкой кожѣ березъ и даже вырѣзывала иногда ножичкомъ или накалывала толстой булавкой разные стишки изъ своего пѣсенника. Я, разумѣется, охотно подражалъ ей. На этотъ разъ она вырѣзала, что такого-то года, мѣсяца и числа „Софья Николаевна посѣтила островъ.“

Изрѣдка ѣзжалъ я съ отцомъ въ поле на разныя работы, видѣлъ, какъ полютъ яровые хлѣба: овсы, полбы и пшеницы; видѣлъ, какъ крестьянскія бабы и дѣвки, безпрестанно нагибаясь, выдергиваютъ сорныя травы и, набравъ ихъ на лѣвую руку цѣлую охапку, бережно ступая, выносятъ на межи, бросаютъ и снова идутъ полоть. Работа довольно тяжелая и скучная, потому что успѣхъ труда не замѣтенъ.—Наконецъ пришло время сѣнокоса. Его начали за недѣлю до Петрова дня. Эта работа одна изъ всѣхъ крестьянскихъ полевыхъ работъ, которой я до тѣхъ поръ еще не видывалъ, понравилась мнѣ больше всѣхъ. Въ прекрасный лѣтній день, когда солнечные лучи давно уже поглотили ночную свѣжесть, подъѣзжали мы съ отцомъ къ такъ называемому „Потаенному колку“, состоящему по большей части изъ молодыхъ и уже довольно толстыхъ, какъ сосна прямыхъ, липъ,—колку, давно заповѣданному и сберегаемому съ особенною строгостью. Лишь только поднялись мы къ лѣсу изъ оврага, сталъ долетать до моего слуха глухой необыкновенный шумъ: то какой-то отрывистый и мѣрный шорохъ, на мгновенье перемежающійся и вновь возникающій, то какое-то звонкое металлическое шарканье. Я сейчасъ спросилъ: „что это такое?“—„А вотъ увидишь!“ отвѣчалъ отецъ, улыбаясь. Но за порослью молодого и частаго осинника ничего не было видно; когда

же мы обогнули его—чудное зрѣлище поразило мои глаза. Человѣкъ сорокъ крестьянъ косили, выстроясь въ одну линію, какъ по ниткѣ: ярко блестя на солнцѣ, взлетали косы, и стройными рядами ложилась срѣзанная густая трава. Пройдя длинный рядъ, вдругъ косцы остановились и принялись чѣмъ-то точить свои косы, весело перебрасываясь между собою шутливыми рѣчами, какъ можно было догадываться по громкому смѣху: разслышать словъ было еще невозможно. Металлическіе звуки происходили отъ точенья косъ деревянными лопаточками, обмазанными глиною съ пескомъ, о чемъ я узналъ послѣ.—Когда мы подъѣхали близко и отецъ мой сказалъ обыкновенное привѣтствіе: „Богъ помочь“ или „Богъ на помочь!“ громкое: „Благодарствуйте батюшка, Алексѣй Степанычъ!“ огласило поляну, отозвалось въ оврагѣ,—и снова крестьяне продолжали широко, ловко, легко и свободно размахивать косами! Въ этой работѣ было что-то доброе, веселое, такъ что я не вдругъ повѣрилъ, когда мнѣ сказали, что она тоже очень тяжела. Какой легкій воздухъ, какой чудесный запахъ разносился отъ близкаго лѣса и скошенной еще рано утромъ травы, изобиловавшей множествомъ душистыхъ цвѣтовъ, которые отъ знойнаго солнца уже начали вянуть и издавать особенный пріятный ароматическій запахъ! Нетронутая трава стояла стѣной, въ поясъ вышиною, и крестьяне говорили: „что за трава! медвѣдь медвѣдемъ!“ [1]) По зеленымъ высокимъ рядамъ скошенной травы уже ходили галки и вороны, налетѣвшія изъ лѣса, гдѣ находились ихъ гнѣзда. Мнѣ сказали, что они подбираютъ разныхъ букашекъ, козявокъ и червячковъ, которые прежде скрывались въ густой травѣ, а теперь бѣгали на виду по опрокинутымъ стеблямъ растеній и по обнаженной землѣ. Подойдя поближе, я своими глазами удостовѣрился, что это совершенная правда. Сверхъ того и я замѣтилъ, что птица клевала и ягоды. Въ травѣ клубника была еще зелена, за то необыкновенно крупна: на открытыхъ же мѣстахъ она уже поспѣвала. Изъ скошенныхъ рядовъ мы съ отцомъ набрали по большой кисти такихъ ягодъ, изъ которыхъ иныя попадались крупнѣе обыкновеннаго орѣха: мно-

---

[1]) Я никогда не умѣлъ удовлетворительно объяснить себѣ этого выраженія, употребляемаго также, когда говорилось о густомъ, высокомъ не сжатомъ хлѣбѣ: какъ тутъ пришелъ медвѣдь! Я думаю, что словомъ медвѣдь выражалась *сила*, то-есть плотнина, вышина и вообще добротность травы или хлѣба. С. А.

гія изъ нихъ, хотя еще не покраснѣли, но были уже мягки и вкусны.

Мнѣ такъ было весело на сѣнокосѣ, что не хотѣлось даже ѣхать домой, хотя отецъ уже звалъ меня. Изъ лѣсного оврага, на днѣ котораго, тихо журча, бѣжалъ маленькій родничокъ, неслось воркованье дикихъ голубей или горлинокъ, слышался также кошачій крикъ и заунывный стонъ иволги, звуки эти были такъ различны, противоположны, что я долго не хотѣлъ вѣрить что это кричитъ одна и та же миловидная, желтенькая птичка. Изрѣдка раздавался пронзительный трубный голосъ желны.... Вдругъ копчикъ вылетѣлъ на поляну, высоко взвился и, кружась надъ косцами, которые выпугивали иногда изъ травы маленькихъ птичекъ, сторожилъ ихъ появленье и падалъ на нихъ, какъ молнія изъ облаковъ. Его быстрота и ловкость были такъ увлекательны, а участіе къ бѣдной птичкѣ такъ живо, что крестьяне привѣтствовали громкими криками и удальство ловца, и проворство птички, всякій разъ, когда она успѣвала упасть въ траву или скрыться въ лѣсу. Евсеичъ особенно горячился, также сопровождая ободрительными восклицаніями чудную быстроту этой красивой и рѣзвой хищной птицы. Долго копчикъ потѣшалъ всѣхъ проворнымъ, хотя безуспѣшнымъ преслѣдованіемъ своей добычи, но наконецъ поймалъ птичку и, держа ее въ когтяхъ, полетѣлъ въ лѣсъ. „А, попалась бѣдняга! Подцѣпилъ, понесъ въ гнѣздо дѣтей кормить!“ раздавались голоса косцовъ, перерываемые и заглушаемые иногда шарканьемъ косъ и шорохомъ, рядами падающей, травы.—Отецъ въ другой разъ сказалъ, что пора ѣхать, и мы поѣхали. Веселая картина сѣнокоса не выходила изъ моей головы во всю дорогу; но, воротясь домой, я уже не бросился къ матери, чтобы разсказать ей о новыхъ впечатлѣніяхъ. Опыты научили меня, что мать не любитъ разсказовъ о полевыхъ крестьянскихъ работахъ, о которыхъ она знала только по наслышкѣ; а если и видѣла, то какъ-нибудь мелькомъ или издали. Я поспѣшилъ разсказать все милой моей сестрицѣ, потомъ Парашѣ, а потомъ и тетушкѣ съ бабушкой. Тетушка и бабушка много разъ видали косьбу и всю уборку сѣна и, разумѣется, знали это дѣло гораздо короче и лучше меня. Онѣ не могли надивиться только, чему я такъ радъ. Тетушка однако прибавила: „да, оно смотрѣть точно пріятно, да косить-то больно тяжело въ такую жару.“ Эти слова заставили меня задуматься.

Милая моя сестрица, не раздѣлявшая со мной нѣкоторыхъ моихъ лѣтнихъ удовольствій, была за то вѣрною моею подругой и помощницей въ собираніи травъ и цвѣтовъ, въ наблюденіяхъ за гнѣздами маленькихъ птичекъ, которыхъ много водилось въ старыхъ смородинныхъ и барбарисовыхъ кустахъ, въ собираніи червячковъ, бабочекъ и разныхъ букашекъ. Врожденную охоту къ этому роду занятій и наблюденій, и вообще къ натуральной исторіи, возродили во мнѣ книжки „Дѣтскаго Чтенія.“ Замѣтивъ гнѣздо какой-нибудь птички, всего чаще зорьки или горихвостки, мы всякій день ходили смотрѣть, какъ мать сидитъ на яйцахъ; иногда, по неосторожности, мы спугивали ее съ гнѣзда, и тогда, бережно раздвинувъ колючія вѣтви барбариса или крыжовника, разглядывали, какъ лежатъ въ гнѣздѣ маленькія, миленькія, пестренькія яички. Случалось иногда, что мать, наскучивъ нашимъ любопытствомъ, бросала гнѣздо; тогда мы, увидя, что уже нѣсколько дней птички въ гнѣздѣ нѣтъ и что она не покрикиваетъ и не вертится около насъ, какъ-то всегда бывало,—доставали яички, или даже все гнѣздо, и уносили къ себѣ въ комнату, считая, что мы законные владѣльцы жилища, оставленнаго матерью. Когда же птичка благополучно, несмотря на наши помѣхи, высиживала свои яички, и мы вдругъ находили вмѣсто нихъ голенькихъ дѣтенышей съ жалобнымъ, тихимъ пискомъ, безпрестанно разѣвающихъ огромные рты: видѣли, какъ мать прилетала и кормила ихъ мушками и червячками.... Боже мой, какая была у насъ радость! Мы не переставали слѣдить, какъ маленькія птички росли, перились и наконецъ покидали свое гнѣздо.—Сорванныя травы и цвѣты мы раскладывали и сушили въ книгахъ, на что преимущественно употреблялись: „Римская исторія Роллена“ и „Домашній лѣчебникъ Бухана“; а чтобы листы въ книгахъ не портились отъ сырости и не раскрашивались разными красками, мы клали цвѣты между листочками писчей бумаги. Свѣтящіеся червячки прельщали насъ своимъ фосфорическимъ блескомъ (о фосфорическомъ блескѣ я зналъ также изъ „Дѣтскаго Чтенія“); мы ловили ихъ и держали въ ящикахъ или бумажныхъ коробочкахъ, положивъ туда разныхъ травъ и цвѣтовъ; то же дѣлали мы со всякими червяками, у которыхъ было 16 ножекъ. Свѣтляки не долго жили и почти всегда на другой же день теряли способность разливать по временамъ свой плѣнительный блескъ, которымъ мы любовались въ темной комнатѣ. Другіе

червячки жили долго и превращались иногда, къ великой нашей радости, въ хризалиды или куколки. Это происходило слѣдующимъ порядкомъ: червячки голые, посредствомъ клейкой слизи, привѣшивали, точно приклеивали себя хвостикомъ къ крышкѣ или стѣнкѣ ящика, а червячки мохнатые, завернувшись въ листья и замотавшись въ тонкія, бѣлыя и прозрачныя ниточки или шелковинки, ложились въ нихъ, какъ въ кроватку. По прошествіи извѣстнаго, но весьма неравнаго времени, сваливалась, какъ сухая шелуха, наружная кожа съ гладкаго или мохнатаго червя—и висѣла или лежала куколка: висѣла угловатая, съ рожками, узорчато-сѣрая, бланжевая, даже золотистая хризалида; а лежала всегда темнаго цвѣта, настоящая, крошечная, точно спеленатая куколка. Я зналъ, что изъ первыхъ висячихъ хризалидъ должны были вывестись денныя бабочки, а изъ вторыхъ, лежачихъ—ночныя; но какъ въ то время я еще не умѣлъ ходить за этимъ дѣломъ, то превращенія хризалидъ въ бабочки у насъ не было, да и быть не могло, потому что мы ихъ безпрестанно смотрѣли, даже трогали, чтобъ узнать, живы ли онѣ? У насъ вывелась только одна, найденная мною гдѣ-то подъ застрехой, вся золотистая куколка; изъ нея вышла самая обыкновенная крапивная бабочка—но радость была необыкновенная!...

Наконецъ поспѣла полевая клубника и ее начали приносить уже не чашками и бураками, но ведрами. Бабушка, бывало, сидитъ на крыльцѣ и принимаетъ клубнику отъ дворовыхъ и крестьянскихъ женщинъ. Рѣдко она хвалила ягоды, а все ворчала и бранилась. Мать очень любила и дорожила полевою клубникой. Она считала ее полезною для своего здоровья и употребляла какъ лѣкарство по нѣскольку разъ въ день, такъ что въ это время мало ѣла обыкновенной пищи. Намъ съ сестрой тоже позволяли кушать клубники, сколько угодно. Кромѣ всѣхъ другихъ хозяйственныхъ потребностей, изъ клубники приготовляли клубничную воду, вкусомъ съ которой ничто сравниться не можетъ.

Въ лѣтніе знойные дни протягивали по всему двору, отъ кладовыхъ амбаровъ до погреба и отъ конюшенъ до столярной, длинныя веревки, поддерживаемыя въ разныхъ мѣстахъ рогульками изъ лутошекъ. На эти веревки вывѣшивали для просушки и сбереженья отъ моли разныя платья мужскія и женскія, шубы, шерстяные платки, теплыя одѣяла, сукна и проч. Я очень любилъ все это разсматривать. И тогда уже

висѣло тамъ много такого платья, котораго болѣе не носили, сшитаго изъ такого сукна или матеріи, какихъ болѣе не продавали, какъ мнѣ сказывали. Одинъ разъ, бродя между этими разноцвѣтными, иногда золотомъ и серебромъ вышитыми, качающимися отъ вѣтра, висячими стѣнами или ширмами, забрелъ я нечаянно къ тетушкину амбару, выстроенному почти середи двора, передъ ея окнами; ея дѣвушка, толстая, бѣлая и румяная Матрена, посаженная на крылечкѣ для караула, крѣпко спала, несмотря на то, что солнце пекло ей прямо въ лицо; около нея висѣло на сошкахъ и лежало по крыльцу множество широкихъ и тонкихъ полотенъ и холстовъ, столоваго бѣлья, мѣховъ, шелковыхъ матерій, платьевъ и т. п. Разсмотрѣвъ все внимательно, я замѣтилъ, что нѣкоторыя полотна были желты. Любопытство заставило меня войти въ амбаръ. Кромѣ отворенныхъ пустыхъ сундуковъ и привѣшенныхъ къ потолку мѣшковъ, на полкахъ, которыя тянулись по стѣнамъ въ два ряда, стояло великое множество всякой всячины, фаянсовой и стеклянной посуды, чайниковъ, молочниковъ, чайныхъ чашекъ, лаковыхъ подносовъ, ларчиковъ, ящичковъ, даже бутылокъ съ новыми пробками; въ одномъ углу лежалъ громадный пуховикъ или, лучше сказать, мѣшокъ съ пухомъ; въ другомъ стояла большая новая кадушка, покрытая бѣлымъ холстомъ; изъ любопытства я поднялъ холстъ и съ удивленіемъ увидѣлъ, что кадушка почти полна колотымъ сахаромъ. Въ самое это время я услышалъ близко голоса Параши и сестрицы, которыя ходили между развѣшенными платьями, искали и кликали меня. Я поспѣшилъ къ нимъ на встрѣчу и, сбѣгая съ крылечка, разбудилъ Матрену, которая ужасно испугалась, увидя меня выбѣгающаго изъ амбара. „Что это, сударь, вы тамъ дѣлали? сказала она съ сердцемъ. Тамъ совсѣмъ не ваше мѣсто. Теперь тетушка на меня будетъ гнѣваться. Онѣ никому не позволяютъ ходить въ свой амбаръ“. Я отвѣчалъ, что не зналъ этого, и сейчасъ же скажу тетенькѣ, и попрошу у ней позволеніе все хорошенько разглядѣть. Но Матрена перепугалась еще больше, бросилась ко мнѣ, начала цѣловать мои руки и просить, чтобъ я не сказывалъ тетушкѣ, что былъ въ ея амбарѣ. Побѣжденный ея ласками и просьбами, я обѣщалъ молчать; но передо мной стояла уже Параша, держа сестрицу за руку, и лукаво улыбалась. Она слышала все и, когда мы отошли подальше отъ амбара, она принялась меня разспрашивать,

что я тамъ видѣлъ. Разумѣется, я разсказалъ съ большою точностью и подробностью. Параша слушала неравнодушно, и когда дѣло дошло до колотаго сахару, то она вспыхнула и заговорила: „вотъ не диви, мы, рабы, припрячемъ какой-нибудь лоскутокъ или утащимъ кусочекъ сахарку; а вотъ благородныя-то барышни что дѣлаютъ, столбовыя-то дворянки? Да вѣдь все, что вы ни видѣли въ амбарѣ, все это тетушка натаскала у покойнаго дѣдушки, а бабушка-то ей потакала.— Вишь какой себѣ муравейникъ въ приданое сгоношила! Сахаръ-то лѣтъ двадцать крадетъ да копитъ. Поди чай у нея и чаю и кофею мѣшки висятъ?..“ Вдругъ Параша опомнилась и точно такъ же, какъ недавно Матрена, принялась цѣловать меня и мои руки, просить, молить, чтобъ я ничего не сказывалъ маменькѣ, что она говорила про тетушку. Она напомнила мнѣ, какой перенесла гнѣвъ отъ моей матери за подобныя слова объ тетушкахъ, она принялась плакать и говорила, что теперь навѣрное сошлютъ ее въ Старое Багрово, да и съ мужемъ пожалуй разлучатъ, если Софья Николаевна узнаетъ объ ея глупыхъ рѣчахъ. „Лукавый меня попуталъ, продолжала она, утирая слезы; за сердце взяло: жалко васъ стало. Я давно слышала объ этихъ дѣлахъ, да не вѣрила, а теперь сами видѣли... Ну, пропала я совсѣмъ!“ вскрикнула она, вновь заливаясь слезами. Я увѣрялъ ее, что ничего не стану говорить маменькѣ, но Параша тогда только успокоилась, когда заставила меня побожиться, что не скажу ни одного слова. „Вотъ моя умница, сказала она обнимая и цѣлуя мою сестрицу,—она ужь ничего не скажетъ на свою няню“. Сестрица молча обнимала ее. Я побожился, то-есть сказалъ: „ей Богу“ въ первый разъ въ моей жизни, хотя часто слыхалъ, какъ другіе легко произносятъ эти слова. Удивляюсь, какъ могла уговорить меня Параша и довесть до божбы, которую мать моя строго осуждала!

Намѣреніе мое не подводить подъ гнѣвъ Парашу—осталось твердымъ. Я очень хорошо помнилъ, въ какую бѣду ввелъ было ее прошлаго года и какъ я потомъ раскаявался, —но утаить всего я не могъ. Я немедленно разсказалъ матери обо всемъ, что видѣлъ въ тетушкиномъ амбарѣ, объ испугѣ Матрены и объ ея просьбѣ ничего не сказывать тетушкѣ. Я скрылъ только слова Параши. Мать сначала улыбнулась, но потомъ строго сказала мнѣ: „ты виноватъ, что зашелъ туда, куда безъ позволенія ты ходить не долженъ,

и въ наказаніе за свою вину ты долженъ теперь солгать, то-есть утаить отъ своей тетушки, что былъ въ ея амбарѣ, а не то она прибьетъ Матрешу". Слово „прибьетъ" меня смутило; я не могъ себѣ представить, чтобы тетушка, которой жалко было комара раздавить, могла бить Матрешу. Я конечно попросилъ бы объясненія, еслибы не былъ взволнованъ угрызеніемъ совѣсти, что я уже солгалъ, утаилъ отъ матери все, въ чемъ просвѣтила меня Параша. Цѣлый день я чувствовалъ себя какъ-то неловко; къ тетушкѣ даже и не подходилъ, да и съ матерью оставался мало, а все гулялъ съ сестрицей или читалъ книжку. Къ вечеру однако я придумалъ себѣ вотъ какое оправданіе: если маменька сама сказала мнѣ, что я долженъ утаить отъ тетушки, что входилъ въ ея амбаръ, для того, чтобъ она не побила Матрешу, то я долженъ утаить отъ матери слова Параши, для того, чтобъ она не услала ее въ Старое Багрово. Я совершенно успокоился и весело легъ спать.

Лѣто стояло жаркое и грозное. Чуть не всякій день шли дожди, сопровождаемые молніей и такими громовыми ударами, что весь домъ дрожалъ. Бабушка затепливала свѣчки передъ образами и молилась; а тетушка, боявшаяся грома, зарывалась въ свою огромную перину и пуховыя подушки. Я порядочно трусилъ, хотя много читалъ, что не должно бояться грома; но какъ же не бояться того, что убиваетъ до смерти? Слухи о разныхъ несчастныхъ случаяхъ безпрестанно до меня доходили. Послѣ грозы, быстро пролетавшей, такъ было хорошо и свѣжо, такъ легко на сердцѣ, что я приходилъ въ восторженное состояніе, чувствовалъ какую-то безумную радость, какое-то шумное веселье: всѣ удивлялись и спрашивали меня о причинѣ: я самъ не понималъ ее, а потому и объяснить не могъ. Вслѣдствіе такихъ частыхъ, хотя непродолжительныхъ перемокъ, необыкновенно много появилось грибовъ. Слухъ о груздяхъ, которыхъ уродилось въ Потаенномъ Колкѣ *мостъ-мостомъ*, какъ выражался старый пчелякъ, жившій въ лѣсу съ своими пчелами,—взволновалъ тетушку и моего отца, которые очень любили брать грибы и особенно *ломать* грузди. Въ тотъ же день, сейчасъ послѣ обѣда, они рѣшились отправиться въ лѣсъ, въ сопровожденіи цѣлой дѣвичьей и многихъ дворовыхъ женщинъ. Мнѣ очень было непріятно, что въ продолженіи всего обѣда мать насмѣхалась надъ охотой брать грибы, и особенно надъ моимъ от-

цомъ, который для этой поѣздки отложилъ до завтра какое-то нужное по хозяйству дѣло. Я подумалъ, что мать ни за что меня не отпуститъ, и такъ, только для пробы, спросилъ весьма нетвердымъ голосомъ: „не позволите ли, маменька, и мнѣ поѣхать за груздями?“ Къ удивленію моему, мать сейчасъ согласилась и выразительнымъ голосомъ сказала мнѣ: „только съ тѣмъ, чтобъ ты въ лѣсу ни на шагъ не отставалъ отъ отца, а то, пожалуй, какъ займутся груздями, то тебя потеряютъ“. Обрадованный неожиданнымъ позволеніемъ, я отвѣчалъ, что ни на одну минуточку не отлучусь отъ отца. Отецъ нѣсколько смутился и, какъ мнѣ показалось, даже покраснѣлъ. Сейчасъ послѣ обѣда начались торопливые сборы. У крыльца уже стояли двое длинныхъ дрогъ и телѣга. Всѣ запаслись кузовьями, лукошками и плетеными корзинками изъ ивовыхъ прутьевъ. На длинные роспуски и телѣгу насѣло столько народу, сколько могло помѣститься, а нѣкоторые пошли пѣшкомъ впередъ. Мать съ бабушкой сидѣли на крыльцѣ, и мы поѣхали въ совершенной тишинѣ; всѣ молчали, но только съѣхали со двора, какъ на всѣхъ экипажахъ начался веселый говоръ, превратившійся потомъ въ громкую болтовню и хохотъ; когда же отъѣхали отъ дому съ версту, дѣвушки и женщины запѣли пѣсни, и сама тетушка имъ подтягивала. Всѣ были необыкновенно шутливы и веселы, и мнѣ самому стало очень весело. Я мало слыхалъ пѣсенъ, и онѣ привели меня въ восхищеніе, которое до сихъ поръ свѣжо въ моей памяти. Румяная Матреша имѣла чудесный голосъ и была *запѣвалой*. Послѣ извѣстнаго приключенія въ тетушкиномъ амбарѣ, удостовѣрившись въ моей скромности, она при всякомъ удобномъ случаѣ осыпала меня ласками и называла „умницей“ и „милымъ бариномъ“. Когда мы подъѣхали къ лѣсу, я подбѣжалъ къ Матрешѣ и, похваливъ ея прекрасный голосъ, спросилъ: „отчего она никогда не поетъ въ дѣвичьей?“ Она наклонилась и шепнула мнѣ на ухо: „матушка ваша не любитъ слушать нашихъ деревенскихъ пѣсенъ“. Она поцѣловала меня и убѣжала въ лѣсъ. Я очень пожалѣлъ о томъ, потому что пѣсня и голосъ Матреши заронились мнѣ въ душу. Скоро всѣ разбрелись по лѣсу въ разныя стороны и скрылись изъ виду. Лѣсъ точно ожилъ: вездѣ начали раздаваться разныя веселыя восклицанія, ауканье, звонкій смѣхъ и одиночные голоса многихъ пѣсенъ; пѣсни Матреши были громче и лучше всѣхъ, и я долго различалъ ея удаляю-

щійся голосъ. Евсеичъ, тетушка и мой отецъ, отъ котораго я не отставалъ ни на пядь, ходили по молодому лѣсу, не подалеко другъ отъ друга. Тетушка первая нашла слой груздей. Она вышла на маленькую полянку, остановилась и сказала: „здѣсь непремѣнно должны быть грузди; такъ и пахнетъ груздями"—и вдругъ закричала: „ахъ, я наступила на нихъ!" Мы съ отцемъ хотѣли подойти къ ней, но она не допустила насъ близко, говоря, что это ея грузди, что она нашла ихъ, и что пусть мы ищемъ другой слой. Я видѣлъ, какъ она стала на колѣни и, щупая руками землю подъ листьями папортника, вынимала оттуда грузди и клала въ свою корзинку. Скоро и мы съ отцомъ нашли гнѣздо груздей; мы такъ же принялись ощупывать ихъ руками и бережно вынимать изъ-подъ пелены прошлогоднихъ полусгнившихъ листьевъ, поросшихъ всякими лѣсными травами и цвѣтами. Отецъ мой съ жаромъ охотника занимался этимъ дѣломъ и особенно любовался молодыми груздями, говоря мнѣ: „посмотри, Сережа, какіе маленькіе груздочки! Осторожно снимай ихъ,—они хрупки и ломки. Посмотри: точно пухомъ снизу-то обросли, и какъ пахнутъ!" Въ самомъ дѣлѣ молоденькіе груздочки были какъ-то очень миловидны и издавали острый запахъ.—Наконецъ, побродивъ по лѣсу часа два, мы наполнили свои корзинки одними молодыми груздями. Мы пошли назадъ къ тому мѣсту, гдѣ оставили лошадей, а Евсеичъ принялся громко кричать: „пора домой! Собирайтесь всѣ къ лошадямъ!" Нѣкоторые голоса ему откликались. Мы не вдругъ нашли свои дроги или роспуски, и еще долѣе бы ихъ проискали, если бы не заслышали издали фырканья и храпѣнья лошадей. Крѣпко привязанные къ молодымъ дубкамъ, добрые кони наши терпѣли страшную пытку отъ нападенія овода, то-есть мухъ, слѣпней и строки; послѣдняя особенно кусается очень больно, потому что выбираетъ для своего кусанья мѣста на животномъ, не защищенныя волосами. Бѣдныя лошади, искусанныя въ кровь, безпрестанно трясли головами и гривами, обмахивались хвостами и били копытами въ землю, приводя въ сотрясенье все свое тѣло, чтобы сколько-нибудь отогнать своихъ мучителей. Форрейторъ, ѣхавшій кучеромъ на телѣгѣ, нарочно оставленный обмахивать коней, для чего ему была срѣзана длинная зеленая вѣтка, спалъ преспокойно подъ тѣнью дерева. Отецъ побранилъ его, а Евсеичъ погрозилъ, что скажетъ старому кучеру Трофиму, и что тотъ ему даромъ не спуститъ.

Многія горничныя дѣвки, съ лукошками, полными груздей, скоро къ намъ присоединились, а нѣкоторыя видно зашли далеко. Мы не стали ихъ дожидаться и поѣхали домой. Матреша была въ числѣ воротившихся, и потому я упросилъ посадить ее на наши дроги. Она помѣстилась на запяткахъ съ своимъ кузовомъ, и дорогой спѣла намъ еще нѣсколько пѣсенъ, которыя слушалъ я съ большимъ удовольствіемъ.—Мы воротились къ самому чаю. Бабушка сидѣла на крыльцѣ, и мы поставили передъ ней наши корзины и кузовья Евсеича и Матрены, полные груздей. Бабушка вообще очень любила грибы, а грузди въ особенности; она любила кушать ихъ жареные въ сметанѣ, отварные въ разсолѣ, а всего болѣе соленые. Она долго, съ дѣтскою радостью, разбирала грузди, откладывая маленькіе къ маленькимъ, средніе къ среднимъ, а большіе къ большимъ. Бабушка имѣла странный вкусъ: она охотница была кушать въ смятку несвѣжія яйца, а грибы любила старые и червивые и, найдя въ кузовѣ Матреши пожелтѣвшіе трухлявые грузди, она сейчасъ же послала ихъ изжарить на сковородѣ.

Я побѣжалъ къ матери въ спальню, гдѣ она сидѣла съ сестрицей и братцемъ, занимаясь кройкою какого-то бѣлья для насъ. Я разсказалъ ей подробно о нашемъ путешествіи, о томъ, что я не отходилъ отъ отца, о томъ, какъ понравились мнѣ пѣсни и голосъ Матреши и какъ всѣмъ было весело; но я не сказалъ ни слова о томъ, что Матреша говорила мнѣ на ухо. Я сдѣлалъ это безъ всякихъ предварительныхъ соображеній, точно кто шепнулъ мнѣ, чтобъ я не говорилъ; но послѣ я задумался, и долго думалъ о своемъ поступкѣ, сначала съ грустью и раскаяньемъ, а потомъ успокоился и даже увѣрилъ себя, что маменька огорчилась бы словами Матреши и что мнѣ такъ и должно было поступить. Я очень хорошо замѣтилъ, что мать и безъ того была недовольна моими разсказами. Странно, что по какому-то инстинкту я это предчувствовалъ. Весь этотъ вечеръ и на другой день мать была печальнѣе обыкновеннаго, и я, самъ не зная почему, считалъ себя какъ будто въ чемъ-то виноватымъ. Я грустилъ и чувствовалъ внутреннее безпокойство. Забывая или, лучше сказать, жертвуя своими удовольствіями и охотами, я проводилъ съ матерью болѣе времени, былъ нѣжнѣе обыкновеннаго. Мать замѣчала эту перемѣну и, не входя въ объясненія, сама была со мною еще ласковѣе и нѣжнѣе. Когда же мнѣ каза-

лось, что мать становилась спокойнѣе и даже веселѣе,—я съ жадностью бросался къ своимъ удочкамъ, ястребамъ и голубямъ. Такъ шло время до самаго отъѣзда.

Я давно зналъ, что мы въ началѣ августа поѣдемъ въ Чурасово къ Прасковьѣ Ивановнѣ, которая непремѣнно хотѣла, чтобы мать увидѣла въ полномъ блескѣ великолѣпный, семидесятинный чурасовскій садъ, заключавшій въ себѣ необъятное количество яблонь самыхъ рѣдкихъ сортовъ, вишень, грушъ и даже бергамотъ. Отцу моему очень не хотѣлось уѣхать изъ Багрова въ самую дѣловую пору. Только съ недѣлю, какъ начали жать рожь, а между тѣмъ уже подоспѣлъ ржаной сѣвъ, который тамъ всегда начинался около 25 іюля. Онъ самъ видѣлъ, что послѣ дѣдушки полевыя работы пошли хуже, и хотѣлъ поправить ихъ собственнымъ надзоромъ. Бабушка тоже роптала на нашъ отъѣздъ и говорила: „проказница, право, Прасковья Ивановна! Пріѣзжай смотрѣть ея сады, а свое хозяйство брось! На меня, Алеша, не надѣйся; я больно плоха становлюсь, да и не смыслю. Я съ новымъ твоимъ старостой и говорить не стану: больно рѣчистъ.“ Все это мой отецъ понималъ очень хорошо; но ослушаться Прасковьи Ивановны и не исполнить обѣщанія—было невозможно. Отецъ хотѣлъ только оттянуть подолѣе время отъѣзда, вмѣсто 1-го августа ѣхать 10-го, основываясь на томъ, что все лѣто были дожди и что яблоки поспѣютъ только къ Успеньеву дню. Вдругъ получилъ онъ письмо отъ Михайлушки, извѣстнаго повѣреннаго и любимца Прасковьи Ивановны, который писалъ, что, по тяжебному дѣлу съ Богдановыми, отцу моему надобно пріѣхать немедленно въ Симбирскъ и что Прасковья Ивановна приказываетъ ему поскорѣе собраться и Софью Николавну проситъ поторопиться. Всѣ хозяйственные разсчеты были оставлены, и мы стали поспѣшно собираться въ путь. Бабушка очень неохотно, хотя уже безпрекословно, отпускала насъ и взяла съ отца слово, что мы къ Покрову воротимся домой. Мнѣ также жалко было разставаться съ Багровымъ и со всѣми его удовольствіями, съ удочкой, съ ястребами, которыми только-что начинали травить, а всего болѣе—съ мохноногими и двухохлыми голубями, которыхъ двѣ пары недавно подарилъ мнѣ Иванъ Петровичъ Куроѣдовъ, богатый сосѣдъ тетушки Аксиньи Степановны, сватавшійся къ ея дочери, очень красивой дѣвушкѣ, но еще слишкомъ молодой. Тетушка Аксинья Степановна

была радехонька такому зятю, но, по молодости невѣсты, (ей было ровно 15 лѣтъ), отложила совершеніе этого дѣла на годъ. Женихъ былъ большой охотникъ до голубей и, желая приласкаться къ тетушкинымъ роднымъ, неожиданно сдѣлалъ мнѣ этотъ драгоцѣнный подарокъ. Всѣ говорили, и отецъ и Евсеичъ, что такихъ голубей сродясь не видывали. Отецъ приказалъ сдѣлать мнѣ голубятню или огромную клѣтку, приставленную къ задней стѣнѣ конюшни, и обтянуть ее старою сѣтью; клѣтка находилась близехонько отъ передняго крыльца, и я безпрестанно къ ней бѣгалъ, чтобы посмотрѣть—довольно ли корму у моихъ голубей и есть ли вода въ корытцѣ, чтобы взглянуть на нихъ и послушать ихъ воркованье. Одна пара уже сидѣла на яйцахъ. Каково же было мнѣ со всѣмъ этимъ разставаться? Милой моей сестрицѣ также не хотѣлось ѣхать въ Чурасово. Но я видѣлъ, что мать сбиралась очень охотно. Чтобы не такъ было скучно бабушкѣ безъ насъ, пригласили къ ней Елизавету Степановну съ обѣими дочерьми, которая обѣщала пріѣхать и прожить до нашего возвращенья, чему отецъ очень обрадовался. Въ нѣсколько дней сборы были кончены, и 2 августа, послѣ утренняго чаю, распростившись съ бабушкой и тетушкой и оставивъ на ихъ попеченіе маленькаго братца, котораго Прасковья Ивановна не велѣла привозить, мы отправились въ дорогу въ той же, знакомой читателямъ, аглицкой Мурзахановской каретѣ и, разумѣется, на своихъ лошадяхъ.

Лѣтняя поѣздка въ Чурасово.

Ровно черезъ три года представлялся мнѣ случай снова испытать впечатлѣніе дальней лѣтней дороги. Три года для восьмилѣтняго возраста значатъ очень много, и можно было бы ожидать, что я гораздо живѣе, сознательнѣе, разумнѣе почувствую красоты разнообразной, живописной природы тѣхъ мѣстностей, по которымъ намъ должно было проѣзжать. Но вышло не совсѣмъ такъ. Три года тому назадъ, уѣзжая изъ Уфы въ Багрово, изъ города въ деревню, я точно вырывался изъ тюрьмы на волю. На каждомъ шагу ожидали меня новые, невиданные мною предметы и явленія въ природѣ; самое Багрово, по разсказамъ отца, представлялось мнѣ какимъ-то очаровательнымъ мѣстомъ, похожимъ на тѣ волшебные „Счастливые острова", которые открывалъ Васко де-Гама въ своемъ мореплаваніи, о которыхъ читалъ я въ „Дѣтскомъ Чтеніи". Въ настоящую же минуту я оставлялъ Багрово, которое уже успѣлъ страстно полюбить, оставлялъ всѣ мои охоты — и ѣхалъ въ непріятное мнѣ Чурасово, гдѣ ожидали меня тѣ же двѣ комнаты въ богатомъ, но чужомъ домѣ, которыя прежде мы занимали, и тѣ же вѣчные гости. Садъ съ яблоками, которыхъ мнѣ и ѣсть не давали, меня не привлекалъ; ни уженья, ни ястребовъ, ни голубей, ни свободы вездѣ ходить, вездѣ гулять и все говорить, что захочется; вдобавокъ

ко всему, я очень зналъ, что мать не будетъ заниматься и разговаривать со мной такъ, какъ въ Багровѣ, потому что ей будетъ некогда, потому что она или будетъ сидѣть въ гостиной, на балконѣ, или будетъ гулять въ саду съ бабушкой и гостями, или къ ней станутъ приходить гости; слово „гости“ начинало дѣлаться мнѣ противнымъ... Такія мысли бродили у меня въ головѣ, и я печально сидѣлъ рядомъ съ сестрицей, прижавшись въ уголъ кареты. Отецъ также былъ печаленъ; ему такъ же, какъ и мнѣ, жалко было покинуть Багрово, и еще болѣе грустно ему было разстаться съ матерью, моей бабушкой, которая очень хизнула въ послѣднее время, какъ всѣ замѣчали, и которую онъ очень горячо любилъ. Но моя мать была довольна, что уѣхала изъ Багрова: она не любила его и всегда говорила, что всѣ ея болѣзни происходятъ отъ низкаго и сырого мѣстоположенія этой деревни. Послѣ довольно долгаго молчанія, мать обратилась ко мнѣ и сказала: „что ты забился въ уголъ, Сережа? Ничего не говоришь и въ окошко не смотришь?“ Я отвѣчалъ, что мнѣ жалко Багрова,—и высказалъ все, что у меня было на душѣ. Мать старалась меня увѣрить, что Чурасово гораздо лучше Багрова, что тамъ сухой и здоровый воздухъ, что хотя нѣтъ гнилого пруда, но за то множество чудесныхъ родниковъ, которые бьютъ изъ горы и бѣгутъ по камешкамъ; что въ Чурасовѣ такой садъ, что его въ три дня не исходишь, что въ немъ нѣсколько тысячъ яблонь, покрытыхъ спѣлыми румяными яблоками, что какія тамъ оранжереи, персики, груши, какое множество цвѣтовъ, отъ которыхъ прекрасно пахнетъ, и что, наконецъ, тамъ есть еще много книгъ, которыхъ я не читалъ. Все это мать говорила съ жаромъ и съ увлеченіемъ, и все это въ то же время было совершенно справедливо и я не могъ сказать противъ ея похвалъ ни одного слова; мой умъ былъ совершенно побѣжденъ, но сердце не соглашалось, и когда мать спросила меня: „не правда ли, что въ Чурасовѣ будетъ лучше?“— Я ту-жь минуту отвѣчалъ, что люблю больше Багрово, и что тамъ веселѣе. Мать улыбнулась и сказала: „ты еще малъ, и ничего кромѣ Багрова не видывалъ, а когда поживешь лѣтомъ въ Чурасовѣ, такъ заговоришь другое“. Я отвѣчалъ, что всегда буду тоже говорить. „Ты еще глупъ“, возразила мнѣ мать съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ. Мнѣ стало еще грустнѣе. Подъ вліяніемъ такихъ-то мыслей и чувствъ продолжалась наша дорога.

Хотя я уже ѣздилъ одинъ разъ въ Чурасово, но мѣстность всего пути была мнѣ совершенно неизвѣстна. Во-первыхъ потому, что тогда стояла зима, а зимой подъ сугробами снѣга ничего не увидишь и не замѣтишь, а во-вторыхъ потому, что лѣтняя дорога отчасти шла по другимъ, болѣе степнымъ мѣстамъ. Въ первый же день мы ночевали возлѣ татарской деревни „Байтуганъ“, на берегу полноводной и очень рыбной рѣки „Сокъ“. Разумѣется, подъ каретой были подвязаны четыре удочки съ удилищами; мы съ отцомъ и Евсеичемъ успѣли поудить и выудили много прекрасныхъ окуней, что нѣсколько успокоило наше общее грустное состояніе духа. На другой или на третій день, хорошенько не помню, пріѣхали мы поутру въ огромную слободу пахатныхъ солдатъ, называемую „Краснымъ поселеніемъ“, расположенную на рѣкѣ „Кондурчѣ“, которая была немного поменьше „Сока“, но такъ же красива, омутиста и рыбна. Съѣхавъ съ дороги, мы остановились кормить у самаго моста. Эта кормежка мнѣ очень памятна, потому что ею какъ-то всѣ были довольны. Мы съ отцомъ уже покорились своей судьбѣ и переставали тосковать о Багровѣ. Мать, которой, безъ сомнѣнія, наскучили наши печальныя лица, очень этому обрадовалась и старалась еще болѣе развеселить насъ; сама предложила намъ пойти удить на мельницу, которая находилась въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ, такъ что шумъ воды, падающей съ мельничныхъ колесъ, и даже гуденье жернововъ раздавались въ ушахъ и заставляли насъ говорить громче обыкновеннаго. Не успѣли мы выпрячь лошадей, какъ прибѣжали крестьянскіе мальчики „Краснаго поселенія“ и принесли намъ множество крупныхъ раковъ, которые изобильно водились въ небольшихъ озерахъ по „Кондурчѣ“. Для насъ съ отцомъ, кромѣ вкуснаго блюда, раки имѣли особенную цѣну: мы запаслись ими для уженья—и не понапрасну. Отецъ и Евсеичъ выудили на раковыя сырыя шейки, въ самое короткое время, очень много и очень крупной рыбы, особенно окуней и небольшихъ жереховъ, которые брали безпрестанно въ глубокой ямѣ подъ вешнякомъ, около свай и кауза. Къ прискорбію своему, я не могъ участвовать въ такого рода уженьѣ; оно было мнѣ еще не по лѣтамъ, и на маленькую свою удочку таскалъ я маленькихъ рыбокъ на мелкомъ, безопасномъ мѣстѣ, сидя на плотинѣ. Когда мы весело возвращались съ богатою добычей, милая

сестрица выбѣжала ко мнѣ навстрѣчу съ радостнымъ крикомъ и съ полоскательною чашкой спѣлой ежевики, которую набрала она (то-есть Параша) по кустамъ мелкой уремы, растущей около живописной Кондурчи. Мать чувствовала себя здоровою и была необыкновенно весела, даже шутлива. Въ тѣни кареты накрыли намъ столъ, составленный изъ досокъ, утвержденныхъ на двухъ отрубкахъ дерева; принесли скамеекъ съ мельницы, и у насъ устроился такой обѣдъ, котораго вкуснѣе и веселѣе, какъ мнѣ казалось тогда, не можетъ быть на свѣтѣ. Когда моя мать была здорова и весела, то всѣ около нея дѣлались веселы; это я замѣчалъ уже и прежде. За этимъ обѣдомъ я совершенно забылъ объ оставленномъ Багровѣ и примирился съ ожидающимъ меня Чурасовымъ. Я былъ увѣренъ, что и мой отецъ чувствовалъ точно то же, потому что лицо его, какъ мнѣ казалось, стало гораздо веселѣе; даже сестрица моя, которая немножко боялась матери, на этотъ разъ также рѣзвилась и болтала, какъ иногда безъ нея.—На слѣдующій день по утру мы пріѣхали въ Вишенки. Зимой я ничего не замѣтилъ, но лѣтомъ увидѣлъ, что это было самое скучное степное мѣсто. Пересыхающая во многихъ мѣстахъ, рѣчка „Берля", запруженная навозною плотиной, безъ чего лѣтомъ не осталось бы и капли воды, загнившая, покрытая какою-то пѣной, была очень не красива, къ тому же берега ея были завалены цѣлыми горами навоза, надъ которыми тянулись ряды крестьянскихъ избъ; кое-гдѣ торчали высокіе коромыслы колодцевъ; но вода и въ нихъ была мутна и солодковата. Для питья воду доставали довольно далеко изъ маленькаго родничка. И по всему этому плоскому мѣсту не только деревьевъ, даже зеленаго кустика не было, на которомъ могъ бы отдохнуть глазъ. Только въ нижнемъ огородѣ стояли двѣ огромныя ветлы. Впрочемъ селеніе считалось очень богатымъ, чему лучшимъ доказательствомъ служили гумна, полныя копенъ стараго хлѣба, многочисленныя стада коровъ и овецъ и такіе же табуны отличныхъ лошадей. Все это мы увидѣли своими глазами, когда на солнечномъ закатѣ были пригнаны господскія и крестьянскія стада. Страшная пыль долго стояла надъ деревней, и мычанье коровъ и блеянье овецъ долго раздавалось въ вечернемъ воздухѣ. Отецъ мой сказалъ, что еще большая половина разнаго скота ночуетъ въ полѣ. Онъ съ восхищеніемъ говорилъ о хлѣбород-

ной Вишенской землѣ, состоящей въ иныхъ мѣстахъ изъ трехаршиннаго чернозема. Вечеромъ, говоря со старостой, отецъ мой сказалъ: „все у васъ хорошо, да воды только нѣтъ. Ошибся дядя Михайла Максимычъ, что не поселилъ деревню версты три пониже: тамъ въ Берлѣ воды уже много, да и мельница была бы у васъ въ деревнѣ". Но староста съ поклономъ доложилъ, что ошибки тутъ не было. „Все вышло отъ нашей глупости, батюшка Алексѣй Степанычъ. Хоша я еще былъ махонькой, когда насъ со старины сюда переселили, а помню, что не токма у насъ на деревнѣ, да и за пять верстъ выше, въ Берлинскихъ вершинахъ, воды было много, и по всей рѣчкѣ росъ лѣсъ; а старики наши, да и мы за ними, лѣсъ-то весь повырубили, роднички затоптала скотинка, вода-то и пересохла. Вотъ и „Медвѣжій врагъ"—вѣдь какой былъ лѣсъ! и тотъ вывели; остался одинъ молодежникъ—и оглобли не вырубишь. Нончи за то и маемся, топимъ соломой, а на лучину и на крестьянскія подѣлки покупаемъ лѣсъ въ Грязнухѣ". Отецъ мой очень сожалѣлъ объ этомъ и тутъ же приказалъ, чтобы „Медвѣжій врагъ" былъ строго заповѣданъ, о чемъ хотѣлъ немедленно доложить Прасковьѣ Ивановнѣ и обѣщалъ прислать особое отъ нея приказаніе.

Флигель, въ которомъ мы остановились, былъ точно также прибранъ къ пріѣзду управляющаго, какъ и прошлаго года. Точно также, рыцарь грозно смотрѣлъ изъ-подъ забрала своего шлема съ картины, висѣвшей въ той комнатѣ, гдѣ мы спали. На другой картинѣ такъ же лежали синія виноградныя кисти въ корзинѣ, разрѣзанный красный арбузъ съ черными сѣмечками на блюдѣ и наливныя яблоки на тарелкѣ. Но я замѣтилъ перемѣну въ себѣ: картины, которыя мнѣ такъ понравились въ первый нашъ пріѣздъ, показались мнѣ не такъ хороши.

Послѣ обѣда отецъ мой ѣздилъ осматривать хлѣбныя поля; здѣсь уже кончилось ржаное жнитво, потому что хлѣбъ въ Вишенкахъ поспѣваетъ двумя недѣлями ранѣе; за то здѣсь только-что начинали сѣять господскую рожь, а въ Багровѣ отсѣвались. Здѣсь уже съ недѣлю какъ принялись жать яровые: пшеницы и полбы. Поля были очень удалены, на какомъ-то наемномъ участкѣ въ „Орловской степи" [1]). Мать

[1]) Названіе „Орловской степи" носила сосѣдственная съ Вишенками земля, отдаваемая внаймы отъ казны, но прежде принадлежавшая графу Орлову. *С. А.*

не пустила меня, да и отецъ не хотѣлъ взять, опасаясь, что я слишкомъ утомлюсь.

На другой день, выѣхавъ не такъ рано, мы кормили на перевозѣ черезъ чудесную, хотя не слишкомъ широкую рѣку „Черемшанъ", въ богатомъ селѣ Никольскомъ, принадлежавшемъ помѣщику Дурасову. Не переѣзжая на другую сторону рѣки, едва мы успѣли расположиться на песчаномъ берегу, отвязали удочки, достали червей и, по разсказамъ мальчишекъ, удившихъ около парома, хотѣли было итти на какое-то диковинное мѣсто, „гдѣ рыба такъ и хватаетъ, даже берутъ стерляди", какъ явился парадно-одѣтый лакей отъ Дурасова съ покорнѣйшею просьбою *откушать* у него и съ извѣщеніемъ, что сейчасъ пріѣдетъ за нами коляска. Дурасовъ былъ извѣстный богачъ, славился хлѣбосольствомъ и жилъ великолѣпно; прошлаго года онъ познакомился съ нами въ Чурасовѣ у Прасковьи Ивановны. Отецъ и мать сочли неучтивостью отказаться и обѣщали пріѣхать. Боже мой! Какой это былъ для меня ударъ, и вовсе неожиданный! Мелькнула было надежда, что насъ съ сестрицей не возьмутъ; но мать сказала, что боится близости глубокой рѣки, боится, чтобъ я не подбѣжалъ къ берегу и не упалъ въ воду, а какъ сестрица моя къ рѣкѣ не пойдетъ, то приказала ей остаться, а мнѣ переодѣться въ лучшее платье и отправиться въ гости. Скоро пріѣхала щегольская коляска, заложенная четверкой, съ форейторомъ и двумя лакеями. Мы съ отцомъ довольно скоро переодѣлись; мать, устроивъ себѣ уборную въ лубочномъ балаганѣ, гдѣ жили перевощики, одѣвалась долго и вышла такою нарядною, какою я очень давно ея не видѣлъ. Какъ она была хороша, какъ все шло ей къ лицу! Перебирая въ памяти всѣхъ мнѣ извѣстныхъ молодыхъ женщинъ, я опять рѣшилъ, что нѣтъ въ свѣтѣ никого лучше моей матери.

По серединѣ большой площади, съ двухъ боковъ застроенной порядками крестьянскихъ избъ, стояла каменная церковь, по тогдашнему новѣйшей архитектуры. Каменный двухъ-этажный домъ, соединяющійся сквозными колоннадами съ флигелями, составлялъ одну сторону четырехъ-угольнаго двора съ круглыми башнями по угламъ. Всѣ надворныя строенія служили какъ бы стѣнами этому двору; безконечный старый садъ, съ прудами и рѣчкою, примыкалъ къ нему съ одного боку; главный фасадъ дома выходилъ на рѣку Черемшанъ.

Я ничего подобнаго не видывалъ, а потому былъ очень пораженъ и сейчасъ приложилъ къ дѣйствительности, жившія въ моей памяти, описанія рыцарскихъ замковъ или загородныхъ дворцовъ англійскихъ лордовъ, читанныя мною въ книгахъ. Любопытство мое возбудилось, воображеніе разыгралось, и я началъ уже на все смотрѣть съ ожиданіемъ чего-нибудь необыкновеннаго. Мы въѣхали на широкій четвероугольный дворъ, посреди котораго былъ устроенъ мраморный фонтанъ и солнечные часы: они были окружены широкими красивыми цвѣтниками съ песчаными дорожками. Великолѣпное крыльцо съ фонарями, вазами и статуями, и еще великолѣпнѣйшая лѣстница, по серединѣ устланная ковромъ, обставленная оранжерейными деревьями и цвѣтами,—превзошли мои ожиданія, и я изъ дворца англійскаго лорда перелетѣлъ въ очарованный замокъ Шехеразады. Въ залѣ встрѣтилъ насъ хозяинъ самаго простого вида, невысокій ростомъ и немолодой уже человѣкъ. Послѣ обыкновенныхъ учтивостей, онъ подалъ руку моей матери и повелъ ее въ гостиную. Обитая бархатомъ или штофомъ, мебель изъ краснаго дерева съ бронзою, разные диковинные столовые часы, то въ брюхѣ льва, то въ головѣ человѣка, картины въ раззолоченныхъ рамахъ—все было такъ богато, такъ роскошно, что чурасовское великолѣпіе могло назваться бѣдностью въ сравненіи съ Никольскимъ дворцомъ. При первыхъ разспросахъ, узнавъ, что мать оставила мою сестрицу на мѣстѣ нашей кормежки, гостепріимный хозяинъ сталъ упрашивать мою мать послать за ней коляску; мать долго не соглашалась, но принуждена была уступить убѣдительнымъ и настоятельнымъ его просьбамъ. Между тѣмъ Дурасовъ предложилъ намъ посмотрѣть его садъ, оранжереи и теплицы. Не трудно было догадаться, что хозяинъ очень любилъ показывать и хвастаться своимъ домомъ, садомъ и всѣми заведеніями; онъ прямо говорилъ, что у него въ Никольскомъ все отличное, а у другихъ дрянь. „Да; у меня и свиньи такія есть, какихъ здѣсь не видывали; я ихъ привезъ въ горницѣ на колесахъ изъ Англіи. У нихъ теперь особый домъ. Хотите посмотрѣть? Онъ здѣсь недалеко. Я всякій день раза по два у нихъ бываю“. Отецъ съ матерью согласились, и мы пошли. Въ самомъ дѣлѣ, въ глухой сторонѣ сада, стоялъ красивый домикъ. Въ передней комнатѣ жилъ скотникъ и скотница, а въ двухъ большихъ комнатахъ жили двѣ чудовищныя свиньи,

каждая величиною съ небольшую корову. Хозяинъ ласкалъ ихъ и называлъ какими-то именами. Онъ особенно обращалъ наше вниманіе на ихъ уши, говоря: „посмотрите на уши, точно печные заслоны!“—Подивившись на свиней, которыя мнѣ не понравились, а показались страшными, пошли мы по теплицамъ и оранжереямъ: диковинныхъ цвѣтовъ, растеній, винограду и плодовъ было великое множество. Хозяинъ поспѣшилъ намъ сказать, что это фрукты поздней пристановки, и что ранней—всѣ давно сошли. Туда Параша привела мою милую сестрицу, которая, издали увидѣвъ насъ, прибѣжала къ намъ бѣгомъ, а Параша проворно воротилась. Дурасовъ рвалъ безъ разбора всякіе цвѣты и плоды и столько надавалъ намъ, что некуда было дѣвать ихъ. Онъ очень обласкалъ мою сестрицу, которая была удивительно какъ смѣла и мила, называлъ ее красавицей и своей невѣстой.... Это напомнило мнѣ давнопрошедшія исторіи съ Волковымъ; и хотя я съ нѣкоторою гордостью думалъ, что былъ тогда глупенькимъ дитятей, и теперь понималъ, что семилѣтняя дѣвочка не можетъ быть невѣстой сорокалѣтняго мущины, но слово невѣста все-таки непріятно щекотало мое ухо. Только-что воротились мы въ гостиную и сѣли отдохнуть, потому что много ходили, какъ вошелъ человѣкъ богато одѣтый, точно нашъ уфимскій губернаторъ, и доложилъ, что кушанье поставлено. Я сейчасъ спросилъ тихонько мать: „кто это?“ и она успѣла шепнуть мнѣ, что это *главный оффиціантъ*. Я въ первый разъ услышалъ это слово, совершенно не понималъ его, и оно нисколько не рѣшало моего вопроса. Дурасовъ одну руку подалъ матери моей, а другою повелъ мою сестрицу. Пройдя нѣсколько комнатъ, одна другой богаче, мы вошли въ огромную, великолѣпную и очень высокую залу, такъ высокую, что вверху находился другой рядъ оконъ. Небольшой круглый столъ былъ убранъ роскошно: посрединѣ стояло прекрасное дерево съ цвѣтами и плодами; граненый хрусталь, серебро и золото ослѣпили мои глаза. Сестрицу мою хозяинъ посадилъ возлѣ себя и велѣлъ принесть для нея вышитую подушку. Только-что подали стерляжью уху, которую заранѣе хвалилъ хозяинъ, говоря, что лучше черемшанскихъ стерлядей нѣтъ во всей Россіи, какъ вдругъ задняя стѣна залы зашевелилась, поднялась вверхъ, и громъ музыки поразилъ мои уши! Передо мной открылось возвышеніе, на которомъ сидѣло множество людей, державшихъ

въ рукахъ неизвѣстные мнѣ инструменты. Я не слыхивалъ ничего, кромѣ скрипки, на которой кое-какъ игрывалъ дядя, лакейской балалайки и мордовской волынки. Я былъ подавленъ изумленіемъ, уничтоженъ. Держа ложку въ рукѣ, я превратился самъ въ статую и смотрѣлъ, разиня ротъ и выпуча глаза, на эту кучу людей, то-есть на оркестръ, гдѣ всѣ проворно двигали руками взадъ и впередъ, дули ртами, и откуда вылетали чудные, восхитительные, волшебные звуки, то какъ будто замиравшіе, то превращавшіеся въ ревъ бури и даже громовые удары.... Хозяинъ, замѣтя мое изумленіе, былъ очень доволенъ и громко хохоталъ, напоминая мнѣ, что уха простынетъ. Но я и не думалъ объ ѣдѣ. Матери моей было непріятно мое смущеніе, или, лучше сказать, мое изумленіе, и она шепнула мнѣ, чтобъ я пересталъ смотрѣть на музыкантовъ, а ѣлъ.... Трудно было мнѣ вполнѣ повиноваться! Черпая ложкой уху, я безпрестанно заглядывался на оркестръ музыкантовъ и безпрестанно обливался. Дурасовъ еще громче хохоталъ, отецъ улыбался, а мать краснѣла и сердилась. Сестрица моя сначала также была удивлена, но потомъ сейчасъ успокоилась, принялась кушать и смѣялась, глядя на меня. Немного съѣлъ я диковинной ухи и сдалъ почти полную тарелку. Музыка прекратилась. Всѣ хвалили искусство музыкантовъ. Я принялся-было усердно ѣсть какое-то блюдо, котораго я никогда прежде не ѣлъ, какъ вдругъ на возвышеніи показались двѣ дѣвицы, въ прекрасныхъ бѣлыхъ платьяхъ, съ голыми руками и шеей, всѣ въ завитыхъ локонахъ; держа въ рукахъ какіе-то листы бумаги, онѣ подошли къ самому краю возвышенія, низко присѣли (я отвѣчалъ имъ поклономъ) и принялись пѣть. Мой поклонъ вызвалъ новый хохотъ у Дурасова и новую краску на лицо моей матери. Но пѣніе меня не увлекло: слова были мнѣ непонятны, а напѣвы еще менѣе. Я вспомнилъ пѣсни нашихъ горничныхъ дѣвушекъ и рѣшилъ, что Матреша поетъ гораздо лучше. Вслѣдствіе такого рѣшенія, я сталъ заниматься кушаньемъ и до конца обѣда уже не привлекъ на себя вниманія хозяина. Прежнимъ порядкомъ воротились мы въ гостиную. Послѣ кофе Дурасовъ предложилъ-было намъ катанье на лодкѣ, съ роговою музыкой, по Черемшану, приговаривая, что „такихъ роговъ ни у кого нѣтъ“; но отецъ съ матерью не согласились, извиняясь тѣмъ, что имъ необходимо завтра рано поутру переправиться черезъ Волгу. Дурасовъ не сталъ долѣе

удерживать, очень ласково простился съ нами, расцѣловалъ мою сестрицу и проводилъ насъ до коляски, которая была нагружена цвѣтами, плодами и двумя огромными свертками конфектъ.

Воротясь, мы поспѣшили переодѣться и пустились въ дальнѣйшій путь. Во всю дорогу, почти до самой ночевки, я не переставалъ допрашивать отца, и особенно мать, обо всемъ слышанномъ и видѣнномъ мною въ этотъ день. Отвѣты вели къ новымъ вопросамъ, и объясненія требовали новыхъ объясненій. Наконецъ, я такъ надоѣлъ матери, что она велѣла мнѣ болѣе не разспрашивать ее объ Никольскомъ. Я обратился къ отцу и въ полголоса продолжалъ говорить съ нимъ о томъ же, сообщая при случаѣ и мои собственныя замѣчанія и догадки. Вполнѣ неразрѣшенными вопросами остались: отчего вода изъ фонтана била вверхъ? Отчего солнечные часы показываютъ время, какъ они устроены, и что такое значитъ возвышеніе, на которомъ сидѣли музыканты? Когда же я спросилъ, кто такія эти красавицы-барышни, которыя пѣли, отецъ отвѣчалъ мнѣ, что это были крѣпостныя горничныя дѣвушки Дурасова, выученныя пѣнью въ Москвѣ. Что же онѣ такое пѣли и на какомъ языкѣ—этого опять не знали мой отецъ и мать. Когда рѣчь дошла до хозяина, то мать вмѣшалась въ нашъ разговоръ и сказала, что онъ человѣкъ добрый, недальній, необразованный и въ то же время самый тщеславный, что онъ, увидѣвъ въ Москвѣ и Петербургѣ, какъ живутъ роскошно и пышно знатные богачи, захотѣлъ и самъ такъ же жить, а какъ устроить ничего не умѣлъ, то и нанялъ себѣ разныхъ мастеровъ, Нѣмцевъ и Французовъ, но увидя, что дѣло не ладится, пріискалъ какого-то промотавшагося господина, чуть ли не князя, для того, чтобъ онъ завелъ въ его Никольскомъ все на барскую ногу; что Дурасовъ очень богатъ и не щадитъ денегъ на свои затѣи; что нѣсколько разъ въ годъ онъ даетъ такіе праздники, на которые съѣзжается къ нему вся губернія. Мать пожурила меня, зачѣмъ я былъ такъ смѣшонъ, когда услышалъ музыку: „Ты точно былъ крестьянскій мальчикъ, который съ роду ничего не видывалъ, кромѣ своей избы, и котораго привели въ господскій домъ“. Я отвѣчалъ, что я точно съ роду ничего подобнаго не видывалъ, и потому и былъ такъ удивленъ. Мать возразила, что ненадобно показывать своего удивленія; а я спросилъ, для чего не надобно

его показывать. „Для того, что это было смѣшно, а мнѣ стыдно за тебя,“ сказала мать. У меня вертѣлось на умѣ и на языкѣ новое возраженіе въ видѣ вопроса, но я замѣтилъ, что мать сердится, и замолчалъ; мы же въ это самое время пріѣхали на ночевку въ деревню „Красный Яръ,“ въ двѣнадцати верстахъ отъ Симбирска и въ десяти отъ переправы черезъ Волгу. Мы должны были поспѣть на перевозъ на солнечномъ восходѣ, чтобы переправиться черезъ рѣку въ тихое время, потому что каждый день, какъ только солнышко обогрѣетъ, разыгрывался сильный вѣтеръ.

Проснувшись рано поутру, я увидѣлъ, что наша карета отпряжена и стоитъ на отлогомъ песчаномъ берегу. Солнышко только-что взошло. Было очень прохладно, и даже въ каретѣ пахло какой-то особенной свѣжею сыростью, которая чувствуется только на песчаныхъ берегахъ большихъ рѣкъ. Это совсѣмъ не то, что сырость отъ прудовъ или болотъ, всегда имѣющая непріятный запахъ. Двухверстная, быстро текущая ширина Волги поразила меня, и я съ ужасомъ смотрѣлъ на это пространство, которое надобно намъ переплыть. Насъ одѣли потеплѣе и посадили на опрокинутую лодку. По берегамъ тянулись, какъ узоры, слѣды сбѣжавшихъ волнъ, и можно было видѣть, какъ хлестали и куда доставали онѣ во время бури. Это были гладкія окраины изъ крупнаго песка и мелкой гальки. Стаи мартышекъ съ крикомъ вились надъ водой, падая иногда на нее и ныряя, чтобы поймать какую-нибудь рыбку. Симбирскъ съ своими церквами и каменнымъ губернаторскимъ домомъ, на высокой горѣ, покрытой сплошными плодовитыми садами, представлялъ великолѣпный видъ; но я мало обращалъ на него вниманья. Около меня кипѣла шумная суматоха. На перевозѣ ночевало много народу, и уже одна большая завозня, биткомъ набитая лошадьми и телѣгами съ приподнятыми передками и торчащими вверхъ оглоблями,—чернѣлась на серединѣ Волги, а другая торопливо грузилась, чтобы воспользоваться *благополучнымъ временемъ*. Перевозчиковъ изъ деревни „Часовня“, лежащей на берегу, набѣжало множество, предлагая намъ свои услуги. У нихъ былъ какой-то староста, который говорилъ моему отцу, чтобъ онъ не всѣмъ вѣрилъ и что многіе изъ нихъ вовсе не перевозчики, и чтобы мы положились во всемъ на него. Нагрузилась до послѣдней возможности и другая завозня, отвязали причалы, оттолкнули отъ пристани и тихо

пошли на шестахъ вверхъ по рѣкѣ, держась около берега. Подвели третью завозню, самую лучшую и прочную, какъ увѣряли, поставили нашу карету, кибитку и всѣхъ девять лошадей. Не привыкшіе къ подобнымъ переправамъ, добрые наши кони храпѣли и фыркали; привязать ихъ къ каретѣ или перекладинамъ, которыми съ двухъ сторонъ загораживали завозню, было невозможно, и каждую пару держали за поводья наши кучера и люди: съ нами остались только Евсеичъ да Параша. Никому изъ постороннихъ не позволили грузиться, и вотъ тронулась и наша завозня, и тихо пошла вверхъ, также на шестахъ. „Взводись выше, молодцы!“ кричалъ съ берега староста,—„надо убить прямо на перевозъ“. Неравнодушно смотрѣлъ я на эту картину и со страхомъ замѣчалъ, что вѣтерокъ, который сначала едва тянулъ съ восхода, становился сильнѣе, и что поверхность Волги безпрестанно мѣняла свой цвѣтъ, то темнѣла, то свѣтлѣла—и крупная рябь безконечными полосами бороздила ея мутную воду. Проворно подали большую косную лодку, шестеро гребцовъ сѣли въ весла, самъ староста или хозяинъ сталъ у кормового весла. Насъ подхватили подъ руки, перевели и перенесли въ это легкое судно; мы разсѣлись по лавочкамъ на самой его серединѣ, оттолкнулись, и лодка, скользнувъ по водѣ, тихо поплыла, сначала также вверхъ; но проплывъ сажень сто, хозяинъ громко сказалъ: „шапки долой, призывай Бога на помочь!“ Всѣ и онъ самъ сняли шапки и перекрестились; лодка на минуту пріостановилась. „Съ Богомъ, на перебой, работайте молодцы“, проговорилъ кормщикъ, и налегши обѣими руками и всѣмъ тѣломъ на рукоятку тяжелаго кормового весла, опустивъ ее до самаго дна кормы, и такимъ образомъ поднявъ нижній конецъ, онъ перекинулъ весло на другую сторону и повернулъ носъ лодки поперекъ Волги. Гребцы дружно легли въ весла, и мы быстро понеслись. Страхъ давно уже овладѣвалъ мною; но я боролся съ нимъ и скрывалъ, сколько могъ; когда же берегъ сталъ уходить изъ глазъ моихъ, когда мы попали на *стрежень* рѣки, и страшная громада воды, вертящейся кругами, стремительно текущей съ непреодолимою силою, обхватила со всѣхъ сторонъ и понесла внизъ, какъ щепку, нашу косную лодочку,—я не могъ долѣе выдерживать, закричалъ, заплакалъ и спряталъ свое лицо на груди матери. Глядя на меня, заплакала и сестрица. Отецъ смѣялся, называя меня трусишкой; а мать, ко-

торая и въ бурю не боялась воды, сердилась и доказывала мнѣ, что нѣтъ ни малѣйшей причины бояться. Пролежавъ нѣсколько времени съ закрытыми глазами и понимая, что это стыдно, я сталъ понемногу открывать глаза, и съ радостью замѣтилъ, что гора съ Симбирскомъ приближалась къ намъ. Сестрица уже успокоилась и весело болтала. Страхъ мой началъ проходить; подплывая же къ берегу, я развеселился, что всегда со мной бывало послѣ какого-нибудь страха. Мы вышли на крутой берегъ и сѣли на толстыя бревна, какихъ тамъ много лежало. Завозня съ нашей каретой плыла еще по срединѣ Волги; маханье веслами казалось издали ребячьей игрушкой и повидимому нисколько завозни къ намъ не приближало. Вѣтеръ усиливался, карета парусила, и всѣ утверждали, что нашихъ порядочно снесетъ внизъ. Около насъ, по крутому скату, были построены лубочныя лавочки, въ которыхъ продавали калачи, пряники, квасъ и великое множество яблокъ. Мать, которая очень ихъ любила, пошла сама покупать, но нашла, что яблоки продавались не совсѣмъ спѣлыя, и сказала, что это все *падаль*; кое-какъ однако нашла она съ десятокъ спѣлыхъ, и выбравъ одно яблоко, очень сладкое, разрѣзала его, очистила и дала намъ съ сестрицей по половинѣ. Я вообще мало ѣдалъ сырыхъ плодовъ, и яблоко показалось мнѣ очень вкуснымъ. Въ ожиданіи завозни, отецъ мой, особенно любившій рыбу, поѣхалъ на рыбачьей лодкѣ къ прорѣзямъ и привезъ цѣлую связку нанизанныхъ на лычко стерлядей, чтобы въ Симбирскѣ сварить изъ нихъ уху. Я и не думалъ проситься съ отцомъ: меня бы конечно не пустили, да я и самъ боялся маленькой лодочки, но за то я съ большимъ удовольствіемъ разсмотрѣлъ стерлядокъ; живыхъ мнѣ еще не удавалось видѣть и я выпросилъ позволеніе подержать ихъ по крайней мѣрѣ въ рукахъ. Въ ближайшей церкви раздался благовѣстъ, и колокольный звонъ, котораго я давно не слыхалъ и какъ-то даже мало замѣчалъ въ Уфѣ, поразилъ мое ухо и очень пріятно отозвался у меня въ душѣ. Наконецъ и наша завозня, съ каретой и лошадьми, которую точно нѣсколько снесло, причалила къ пристани; экипажи выгрузили и стали запрягать лошадей; отецъ расплатился за перевозъ, и мы пошли пѣшкомъ на гору. Симбирская гора или, лучше сказать, подъемъ на Симбирскую гору, высокую, крутую и косогористую, былъ тогда такимъ тяжелымъ дѣломъ, что даже въ сухое

время считали его болѣе затруднительнымъ, чѣмъ самую переправу черезъ Волгу; во время же грязи, для тяжелаго экипажа это было препятствіе, къ преодолѣнію котораго требовались неимовѣрныя усилія; это былъ подвигъ, даже не безопасный. По счастью, погода стояла сухая. Когда мы взошли на первый взлобокъ горы, карета догнала насъ; чтобъ остановиться какъ-нибудь на косогорѣ и дать вздохнуть лошадямъ, надобно было подтормозить оба колеса и подложить подъ нихъ камни или полѣнья, которыми мы запаслись: безъ того карета стала бы катиться назадъ. Потомъ всѣ взошли, пѣшкомъ же, на другую крутизну, на которой также кое-какъ остановили карету. Мать устала и не могла болѣе итти, и потому со мной и съ моей сестрицей сѣла въ экипажъ, а всѣ прочіе пошли пѣшкомъ. Крѣпкія и сильныя наши лошади были всѣ въ мылѣ и такъ тяжело дышали, что мнѣ жалко было на нихъ смотрѣть. Такимъ образомъ, останавливаясь нѣсколько разъ на каждомъ удобномъ мѣстѣ, поднялись мы благополучно на эту исполинскую гору [1]). У бабушки Прасковьи Ивановны былъ свой домъ въ Симбирскѣ, въ который она, однако, никогда не въѣзжала. Мы остановились въ немъ. Домъ былъ по тогдашнему прекрасный, хорошо убранъ и увѣшанъ картинами, до которыхъ покойный Михайло Максимычъ, какъ видно, былъ большой охотникъ. Еслибъ я не видѣлъ Никольскаго, то и этотъ домъ показался бы мнѣ богатымъ и роскошнымъ; но послѣ Никольскаго дворца я нашелъ его нестоющимъ вниманія.— Отецъ съ матерью ни съ кѣмъ въ Симбирскѣ не видѣлись; выкормили только лошадей да поѣли стерляжьей ухи, которая показалась мнѣ лучше, чѣмъ въ Никольскомъ, потому-что той я почти не ѣлъ, да и вкуса ея не замѣтилъ: до того ли мнѣ было!... Часа въ два мы выѣхали изъ Симбирска въ Чурасово, и на другой день около полденъ туда пріѣхали.

Прасковья Ивановна давно ожидала насъ и чрезвычайно намъ обрадовалась; особенно она ласкала мою мать и говорила ей: „я знаю, Софья Николавна, что еслибы не ты, то Алексѣй не собрался бы подняться изъ Багрова въ дѣловую

---

1) Впослѣдствіи этотъ въѣздъ понемногу срывали, и онъ годъ отъ году становился положе и легче; но только недавно устроили его окончательно, то есть сдѣлали вполнѣ удобнымъ, спокойнымъ и безопаснымъ.
С. А.

пору; да чай и Арина Васильевна не пускала. Ну, теперь покажу я тебѣ свой садъ во всей его красотѣ. Яблоки только-что поспѣли, а иныя еще поспѣваютъ. Какъ нарочно урожай отличный. Посмотрю я, какая ты охотница до яблокъ?“ Мать съ искреннею радостью обнимала привѣтливую хозяйку и говорила, что еслибъ отъ нея зависѣло, то она не выѣхала бы изъ Чурасова. Александра Ивановна Ковригина также очень обрадовалась намъ и сейчасъ послала сказать Миницкимъ, что мы пріѣхали. Гостей на этотъ разъ никого не было, но скоро ожидали многихъ. Прасковья Ивановна, не давъ намъ опомниться и отдохнуть послѣ дороги, сейчасъ повела въ свой садъ. Въ самомъ дѣлѣ садъ былъ великолѣпенъ: яблони, въ безчисленномъ количествѣ обремененныя всѣми возможными породами спѣлыхъ и поспѣвающихъ яблокъ, блиставшихъ яркими красками, гнулись подъ ихъ тяжестью; подъ многія вѣтви были подставлены подпорки, а нѣкоторыя были привязаны къ стволу дерева, безъ чего онѣ бы сломились отъ множества плодовъ. Сильные родники били изъ горы по всему скату и падали по уступамъ натуральными каскадами, журчали, пѣнились и потомъ текли прозрачными, красивыми ручейками, освѣжая воздухъ и оживляя мѣстность. Прасковья Ивановна была неутомимый ходокъ; она водила насъ до самаго обѣда, то къ любимымъ родникамъ, то къ любимымъ яблонямъ, съ которыхъ сама снимала, какой-то длинною рогулькою, лучшія спѣлыя яблоки и подчивала насъ. Мать въ самомъ дѣлѣ была большая охотница до яблокъ и ѣла ихъ такъ много, что хозяйка наконецъ перестала подчивать, говоря: „ты этакъ, пожалуй, обѣдать не станешь.“ Старый буфетчикъ Иванушка уже два раза приходилъ съ докладомъ, что кушанье простынетъ. Мы не исходили и половины сада, но должны были воротиться. Мы прямо прошли въ столовую и сѣли за обѣдъ. Въ первый разъ случилось, что и насъ съ сестрицей въ Чурасовѣ посадили за одинъ столъ съ большими. Съ этихъ поръ мы уже всегда обѣдали вмѣстѣ, чѣмъ мать была особенно довольна. Прасковья Ивановна была такъ весела, такъ разговорчива, проста и пряма въ своихъ рѣчахъ, такъ добродушно смѣялась, такъ ласково на насъ смотрѣла, что я полюбилъ ее гораздо больше прежняго. Она показалась мнѣ совсѣмъ другою женщиной, какъ будто я въ первый разъ ее увидѣлъ. Мы по прежнему заняли

кабинетъ и дѣтскую, то-есть, бывшую спальню, но уже не были стѣснены постояннымъ сидѣньемъ въ своихъ комнатахъ, и стали иногда ходить и бѣгать вездѣ; вѣроятно отсутствіе гостей было этому причиной, но впослѣдствіи и при гостяхъ продолжалось то же. На другой день пріѣхали изъ своей „Подлѣсной" Миницкіе, которыхъ никто не считалъ за гостей. Они встрѣтились съ моимъ отцомъ и матерью, какъ искренніе друзья. Точно такъ, какъ и вчера, мы вмѣстѣ съ Миницкими, до самаго обѣда, осматривали остальную половину сада, осмотрѣли также оранжереи и грунтовые сараи; но Прасковья Ивановна до нихъ была небольшая охотница. Она любила все растущее привольно, на открытомъ, свѣжемъ воздухѣ, а все добытое такимъ трудомъ, все искусственное ей не нравилось; она только *терпѣла* оранжереи и теплицы, и то единственно потому, что онѣ были уже заведены прежде. Въ Чурасовскомъ саду всего болѣе нравились мнѣ родники, въ которыхъ я находилъ, между камешками, множество такъ называемыхъ, чортовыхъ пальцевъ необыкновенной величины; у меня составилось ихъ такое собраніе, что не помѣщалось на одномъ окошкѣ. Впрочемъ это удовольствіе скоро мнѣ наскучило, а яблонный садъ—еще болѣе, и я сталъ съ грустью вспоминать о Багровѣ, гдѣ въ это время отлично клевали окуни и гдѣ охотники всякій день травили ястребами множество перепелокъ. Гораздо больше удовольствія доставляли мнѣ книги, которыя я читалъ съ большею свободою, чѣмъ прежде. Тутъ прочелъ я нѣсколько романовъ, какъ-то: „Векфильдскій священникъ", „Гербертъ, или прощай богатство". Особенно понравилась мнѣ своею таинственностью „Желѣзная маска": интересъ увеличивался тѣмъ, что это была не выдумка, а истинное происшествіе, какъ увѣрялъ сочинитель.

Отецъ мой, побывавъ въ старомъ Багровѣ, уѣхалъ хлопотать по дѣламъ въ Симбирскъ и Лукояновъ. Онъ оставался тамъ опять гораздо болѣе назначеннаго времени, чѣмъ мать очень огорчалась.

Между тѣмъ опять начали наѣзжать гости въ Чурасово и опять началась та же жизнь, какъ и въ прошломъ году. Въ этотъ разъ я узналъ и разглядѣлъ эту жизнь поближе, потому что мы съ сестрицей всегда обѣдали вмѣстѣ съ гостями и гораздо чаще бывали въ гостиной и диванной. Въ гостиной обыкновенно играли въ карты люди пожилые и

болѣе молчали, занимаясь игрою: а въ диванной сидѣли всѣ неиграющіе, по большей части молодые; въ ней было всегда шумнѣе и веселѣе, даже пѣли иногда романсы и русскія пѣсни. До сихъ поръ осталось у меня въ памяти нѣсколько куплетовъ пѣсенки князя Хованскаго, которую очень любила пѣть сама Прасковья Ивановна. Вотъ эти куплеты:

Пастухи бѣгутъ ко стаду
Всякъ съ подружкою своей;
Мнѣ твердятъ лишь то въ досаду:
Нѣтъ, здѣсь нѣтъ твоихъ друзей.

На поля зефиры мчатся
И опять летятъ съ полей;
Шумомъ ихъ слова твердятся:
Нѣтъ, здѣсь нѣтъ твоихъ друзей.[1]

Травка, быліе, цвѣточекъ,
Желты классы, видъ полей,
Всякій мнѣ твердитъ листочекъ:
Нѣтъ, здѣсь нѣтъ твоихъ друзей.

Такъ, ихъ нѣтъ со мной, конечно,
Нѣтъ друзей души моей!
Я мученіе сердечно
Безъ моихъ терплю друзей.

И эти бѣдныя вирши (напечатанныя кажется въ „Аонидахъ“) не только въ пѣніи, гдѣ мелодія и голосъ пѣвца или пѣвицы придаютъ достоинство и плохимъ словамъ, но даже въ чтеніи производили на меня живое и грустное впечатлѣніе. Я выучилъ ихъ наизусть и читалъ съ большимъ увлеченіемъ; окружающіе хвалили меня. Мать сказала объ этомъ Прасковьѣ Ивановнѣ, и она очень была довольна, что мнѣ такъ нравится любимая ея пѣсня. Она заставила меня прочесть ее вслухъ при гостяхъ въ диванной и очень меня хвалила. Съ этихъ поръ я сталъ пользоваться ея особенною благосклонностью.

Чурасовская лакейская и дѣвичья, по прежнему или даже болѣе, возбуждали опасенія моей матери и она заранѣе взяла всѣ мѣры, чтобы предохранить меня отъ вредныхъ впечатлѣній. Она строго приказала мнѣ ни съ кѣмъ не разговаривать, не вслушиваться въ рѣчи лакеевъ и горничныхъ, и даже не смотрѣть на ихъ неприличное между собой обра-

щеніе Евсеичу и Парашѣ было приказано отдалять насъ отъ чурасовской прислуги. Но исполненіе такихъ приказаній трудно, и никогда нельзя на него полагаться. Ушей не заткнешь и глазъ не зажмуришь, а услыхавъ или увидавъ коечто новое и любопытное—захочешь услышать или увидѣть продолженіе. Самая строгость запрещенія подстрекала любопытство, и я невольно обращалъ вниманіе на многое, чего мнѣ не надо было ни слышать, ни видѣть. Опасаясь, чтобы не вышло какихъ-нибудь непріятныхъ исторій, сходныхъ съ исторіей Параши, а главное, опасаясь, что мать будетъ бранить меня, я не все разсказывалъ ей, оправдывая себя тѣмъ, что она сама позволила мнѣ не сказывать тетушкѣ Татьянѣ Степановнѣ о моемъ посѣщеніи ея заповѣднаго амбара. Дѣти необыкновенно памятливы, и часто неосторожно сказанное при нихъ слово служитъ имъ поощреніемъ къ такого рода поступкамъ, которыхъ они не сдѣлали-бы, не услыхавъ этого ободрительнаго слова.

Я всегда предпочиталъ дѣтскому обществу общество людей взрослыхъ; но въ Чурасовѣ оно какъ-то меня не удовлетворяло. Сидя въ диванной и внимательно слушая, о чемъ говорили, чему такъ громко смѣялись, я не могъ понять, какъ не скучно было говорить о такихъ пустякахъ? Ничто не возбуждало моего сочувствія, и всѣ разсказы разныхъ анекдотовъ о сосѣдяхъ, видно очень смѣшные, потому что всѣ смѣялись,—казались мнѣ незанимательными и незабавными. Я пробовалъ даже сидѣть въ гостиной подлѣ играющихъ въ карты; но и тамъ мнѣ было скучно, потому что я не понималъ игры, не понималъ словъ и не понималъ споровъ играющихъ, которые иногда довольно горячились. Любимыми гостями Прасковьи Ивановны были: Александръ Михайлычъ Карамзинъ и Никита Никитичъ Философовъ, женатый на его сестрѣ. Карамзина всѣ называли богатыремъ, и въ самомъ дѣлѣ рѣдко можно было встрѣтить человѣка такого крѣпкаго, могучаго сложенія. Онъ былъ высокъ ростомъ, необыкновенно широкъ въ плечахъ, довольно толстъ и въ то же время очень строенъ; грудь выдавалась у него впередъ колесомъ, какъ говорится; нравъ имѣлъ онъ горячій и веселый; нерѣдко показывалъ онъ свою богатырскую силу, играя двухпудовыми гирями, какъ легкими шариками. Одинъ разъ, въ припадкѣ веселости, схватилъ онъ толстую и высокую Дарью Васильевну, и началъ метать ею, какъ ружьемъ,

солдатскій артикулъ. Отчаянный крикъ испуганной старухи, у которой свалился платокъ и волосникъ съ головы и сѣдыя косы растрепались по плечамъ, поднялъ изъ-за картъ всѣхъ гостей, и долго общій хохотъ раздавался по всему дому; но мнѣ жалко было бѣдной Дарьи Васильевны, хотя я думалъ въ то же время о томъ, какой-бы чудесный рыцарь вышелъ изъ Карамзина, если-бы надѣть на него латы и шлемъ и дать ему въ руки щитъ и копье. Н. Н. Философовъ былъ небольшого роста, но очень живъ и ловокъ. Языкъ его называли бритвой; онъ шутилъ безпрестанно, и я часто слыхалъ выраженіе, что онъ „мертваго разсмѣшитъ". Но повторяю, что все это какъ-то мало меня занимало, и я обратился къ дѣтскому обществу милой моей сестрицы, отъ котораго сначала удалялся. Ей было не скучно въ это время, потому что въ Чурасовѣ постоянно гостили двѣ дочери Миницкихъ, съ которыми она очень подружилась. Старшая изъ нихъ А. П. была мнѣ ровесница и также, какъ я, очень любила читать книжки. Она привезла съ собой тетрадку стихотвореній князя Ив. М. Долгорукова. Она очень любила его стихи и предпочитала всѣмъ другимъ стихамъ, которые слышала отъ меня. Я горячо вступался за своихъ, извѣстныхъ мнѣ стихотворцевъ, выученныхъ мною почти наизусть, и у насъ выходили прежаркіе споры. Противница моя не соглашалась со мной, и я, чтобъ отмстить ей за оскорбленную честь любимыхъ мною сочинителей, бранилъ кн. Долгорукова, хотя, сказать по правдѣ, онъ мнѣ очень нравился [1]), особенно стихи: „Бѣдняку", начинающіеся такъ:

Парѳенъ! Напрасно ты вздыхаешь
О томъ, что долженъ жить въ степи,
Гдѣ съ горя, скуки изнываешь.
Ты бѣденъ—слѣдственно терпи.
Блаженство даромъ достается
Такимъ, какъ ты—на небеси:
А здѣсь съ поклона все дается.
Ты бѣденъ—слѣдственно терпи! и пр.

Потихоньку, я выучилъ лучшія его стихотворенія наизусть. Дѣло доходило иногда до ссоры, но не надолго: на

---

[1]) Надобно признаться я, что и теперь, не между дѣтьми, а между взрослыми, заслуженными литераторами и дилеттантами литературы — очень часто происходитъ точно то же.

Прим. А. С.

мировой мы обыкновенно читали наизусть стихи того же князя Долгорукова, подъ названіемъ „Споръ“. Рѣчь шла о достоинствѣ солнца и луны. Я восторженно декламировалъ похвалы солнцу, а Миницкая повторяла одинъ и тотъ же стихъ, которымъ заканчивался почти каждый куплетъ: „Все такъ, да мнѣ луна милѣй“. Вотъ какъ мы это дѣлали:

Я.

Лучъ солнца грѣетъ и питаетъ;
Что можетъ быть его свѣтлѣй?
Онъ съ неба въ руды проникаетъ....

Миницкая.

„Все такъ, да мнѣ луна милѣй“.

Я.

Когда весной оно проглянетъ
И верхъ озолотитъ полей,
Все вдругъ цвѣсти, рождаться станетъ....

Миницкая.

„Все такъ, да мнѣ луна милѣй“ и пр. и пр.

Потомъ Миницкая читала послѣдующіе куплеты въ похвалу лунѣ, а я—окончательные четыре стиха, въ которыхъ вполнѣ выражается любезность князя Долгорукова.

„Впередъ не спорь, да будь умнѣе
И знай, пустая голова,
Что всякой логики сильнѣе
Любезной женщины слова“.

Изъ такого чтенія выходило что-то драматическое. Я много и усердно хлопоталъ, передавая мои литературныя убѣжденія, наконецъ довелъ свою противницу до нѣкоторой уступки; она защищала кн. Долгорукова его же стихомъ и говорила на распѣвъ звучнымъ голосомъ своимъ, не заботясь о мѣрѣ:

Все такъ, да Долгорукой мнѣ милѣй!

Долгое отсутствіе моего отца, сильно огорчавшее мою мать, заставило Прасковью Ивановну послать къ нему на

помощь своего главнаго управляющаго Михайлушку, который въ то же время считался въ Симбирской губерніи первымъ повѣреннымъ, ходокомъ по тяжебнымъ дѣламъ: онъ былъ лучшій ученикъ нашего слѣпого Пантелея. Не говоря ни слова моей матери, Прасковья Ивановна написала письмецо къ моему отцу и приказала ему сейчасъ пріѣхать. Отецъ мому немедленно исполнилъ приказаніе и, оставя вмѣсто себя Михайлушку, пріѣхалъ въ Чурасово. Мать обрадовались, но радость ея очень уменьшилась, когда она узнала, что отецъ пріѣхалъ *по приказанію тетушки*. Я слышалъ кое-какіе объ этомъ непріятные разговоры. Черезъ нѣсколько дней, при мнѣ, мой отецъ сказалъ Прасковьѣ Ивановнѣ: „Я исполнилъ, тетушка, вашу волю; но если я оставлю дѣло безъ моего надзора, то я его проиграю". Прасковья Ивановна отвѣчала, что это все вздоръ, и что Михайлушка побольше смыслитъ въ дѣлахъ. Отецъ мой остался, но весьма неохотно. Предсказаніе его сбылось: недѣли черезъ двѣ Михайлушка воротился и объявилъ, что дѣло рѣшено въ пользу Богдановыхъ. Отецъ мой пришелъ въ отчаяніе, и всѣ увѣренія Михайлушки, что это ничего не значитъ, что дѣло окончательно должно рѣшиться въ сенатѣ (это говорилъ и нашъ Пантелей), что тратиться въ низшихъ судебныхъ мѣстахъ — напрасный убытокъ, потому что, въ случаѣ выгоднаго для насъ рѣшенія, противная сторона взяла бы дѣло на апелляцію и перенесла бы его въ сенатъ, и что теперь это самое слѣдуетъ сдѣлать намъ, — нисколько не успокоивали моего отца. Прасковья Ивановна и мать соглашались съ Михайлушкой, и мой отецъ долженъ былъ замолчать. Михайлушкѣ поручено было немедленно выхлопотать копію съ рѣшенія дѣла, потому что прошеніе въ сенатъ долженъ былъ сочинить повѣренный, Пантелей Григорьичъ, въ Багровѣ.

Между тѣмъ наступалъ конецъ сентября и отецъ доложилъ Прасковьѣ Ивановнѣ, что намъ пора ѣхать, что къ Покрову онъ обѣщалъ воротиться домой, что матушка все нездорова и становится слаба; но хозяйка наша не хотѣла и слышать о нашемъ отъѣздѣ. „Все пустое, говорила она,— матушка твоя совсѣмъ не слаба, и ей съ дочками не скучно, да и внучекъ ей оставленъ на утѣшеніе. Я отпущу васъ къ вашему празднику, къ Знаменью." Отецъ мой докладывалъ, что до Знаменья, то-есть до 27-го ноября, еще слиш-

комъ два мѣсяца и что въ половинѣ ноября всегда становится зимній путь, а мы пріѣхали въ каретѣ. Прасковья Ивановна признала такое возраженіе справедливымъ и сказала: „ну, такъ и быть, отпускаю васъ къ Михайлину дню.“ Какъ ни хотѣлось моему отцу исполнить обѣщаніе, данное матери, горячо имъ любимой, какъ ни хотѣлось ему въ Багрово, въ свой домъ, въ свое хозяйство, въ свой деревенскій образъ жизни, къ деревенскимъ своимъ занятіямъ и удовольствіямъ, но мысль ослушаться Прасковьи Ивановны не входила ему въ голову. Онъ повиновался, какъ и всегда. Я былъ огорченъ не меньше отца. Съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе надоѣдала мнѣ эта городская жизнь въ деревнѣ; даже мать скорѣе желала воротиться въ противное ей Багрово, потому что тамъ оставался маленькій братецъ мой, которому уже пошелъ третій годъ. Отецъ очень грустилъ и даже плакалъ. Н. П. Миницкій и А. П. Ковригина, какъ самые близкіе люди къ Прасковьѣ Ивановнѣ, рѣшились попробовать упросить ее, чтобъ она насъ отпустила, или, по крайней мѣрѣ, хоть одного моего отца. Но Прасковья Ивановна приняла такое ходатайство съ большимъ неудовольствіемъ и сказала: „Алексѣя я пожалуй бы отпустила, да это огорчитъ Софью Николавну; а я такъ ее люблю, что не хочу съ ней скоро разстаться и не хочу ее огорчить.“ Дѣлать было нечего. Отложили мысль объ отъѣздѣ, попринудили себя, и веселая Чурасовская жизнь потекла попрежнему. Пришелъ Покровъ. Проснувшись довольно рано поутру, я увидѣлъ, что отецъ мой сидитъ на постели и вздыхаетъ. Я спросилъ его о причинѣ, и онъ, вставъ потихоньку, чтобы не разбудить мою мать, подошелъ ко мнѣ, сѣлъ на диванъ, на которомъ я обыкновенно спалъ, и сказалъ вполголоса: „я ужъ давно не сплю. Я видѣлъ дурной сонъ, Сережа. Вѣрно матушка очень больна“. Слезы показались у него на глазахъ. Мнѣ стало такъ жаль бѣднаго моего отца, что я началъ его обнимать и самъ готовъ былъ заплакать. Въ самую эту минуту проснулась мать и очень удивилась, увидя, что мы съ отцомъ обнимаемся. Она подумала, не захворалъ ли я; но отецъ разсказалъ ей, въ чемъ состояло дѣло, разсказалъ также и свой сонъ, только такъ тихо, что я ни одного слова не слыхалъ. Мать старалась его успокоить и говорила, что онъ видѣлъ сонъ страшный, а не *дурной*, и что „праздничный сонъ до обѣда.“ Эти слова запали въ мой

умъ, и я принялся разсуждать: „какъ же это маменька всегда говорила, что глупо вѣрить снамъ и что всѣ толкованія ихъ—совершенный вздоръ, а теперь сама сказала, что отецъ видѣлъ страшный, а не дурной сонъ? Стало бываютъ сны дурные? Стало праздничный сонъ сбывается до обѣда? Сегодня большой праздникъ. Вотъ увидимъ, что случится до обѣда.“ Кажется, мать успѣла успокоить моего отца, потому что послѣ они разговаривали весело. Вскорѣ всѣ встали, начали одѣваться и потомъ пошли къ обѣднѣ. Прасковья Ивановна была уже въ церкви. Мало-по-малу собрались всѣ гости и домашніе: началась служба; священникъ и дьяконъ были въ новыхъ золотыхъ ризахъ. Прасковья Ивановна пѣла, стоя у клироса, вмѣстѣ съ своими пѣвчими. По окончаніи обѣдни всѣ поздравили ее съ праздникомъ и весело возвратились въ домъ, кто пѣшкомъ, кто въ дрожкахъ и линейкахъ, потому что накрапывалъ дождь. Въ гостиной насъ ожидалъ чай и кофе. Вдругъ вошелъ человѣкъ, подалъ моему отцу письмо и сказалъ, что его привезъ нарочный изъ Багрова. Отецъ мой поблѣднѣлъ, руки у него затряслись; онъ съ трудомъ распечаталъ конвертъ, прочелъ первыя строки, зарыдалъ, опустилъ письмо на колѣни и сказалъ: „матушка отчаянно больна.“ Всѣ очень встревожились; но мать и я были особенно поражены, потому что вспомнили сонъ. Не дочитывая письма, отецъ обратился къ Прасковьѣ Ивановнѣ и твердымъ голосомъ сказалъ: „какъ вамъ угодно, тетушка, а мы сегодня же ѣдемъ; если Вы не пустите Софью Николавну, то я поѣду одинъ, на перекладныхъ, въ телѣгѣ.“ Прасковья Ивановна, сама очень встревоженная, торопливо сказала: „поѣзжайте всѣ, я васъ не держу“. Отецъ ту же минуту вышелъ, чтобы распорядиться къ немедленному отъѣзду. Письмо дочитали: тетушка Татьяна Степановна писала: „поспѣшите, братецъ, своимъ пріѣздомъ. Матушка отчаянно больна. Третій день въ жару и безъ памяти. Послали за священникомъ. Я къ вамъ посылаю нарочнаго, моего Николая. Приказала ему и день и ночь ѣхать на перемѣнныхъ. Матушка, какъ опомнится на минутку, то все спрашиваетъ васъ.“ Въ концѣ была приписка, что священникъ пріѣхалъ, исповѣдывалъ больную глухою исповѣдью и пріобщилъ запасными дарами, и говоритъ, что она очень трудна. Видно было, что Прасковью Ивановну сильно взволновало и огорчило это извѣстіе. Она не пустила моего отца

къ Покрову въ Багрово безъ всякой основательной причины, и, конечно, очень въ томъ раскаявалась. Печально и строго было ея лицо, брови сдвинуты. Она долго молчала; молчали и всѣ. Потомъ, сказавъ: „Боже сохрани и помилуй, если онъ не застанетъ матери!“ встала и ушла въ свою спальню. Страхъ и жалость боролись въ моей душѣ. Мнѣ жалко было бабушку и еще болѣе жалко моего отца. Но скоро суевѣрный страхъ взялъ верхъ, овладѣлъ всѣми моими чувствами. Къ Покрову отецъ обѣщалъ пріѣхать, въ Покровъ видѣлъ дурной сонъ, и въ тотъ же день, черезъ нѣсколько часовъ—до обѣда сонъ исполнился. Что же это значитъ? Можно послѣ этого не вѣрить снамъ? Не Богъ ли посылаетъ ихъ? И я долго вѣрилъ имъ, хотя, правду сказать, мои сны никогда не сбывались.

Мать пошла укладываться, и къ обѣду было все уложено. Подали кушать. Прасковья Ивановна напередъ зашла къ намъ въ кабинетъ. Она была уже спокойна и твердымъ голосомъ уговаривала моего отца не сокрушаться заранѣе, а положиться во всемъ на милость Божію. „Я надѣюсь“, между прочимъ сказала она, „что Господь не накажетъ такъ строго меня, грѣшную, за мою неумышленную вину. Надѣюсь, что ты застанешь Арину Васильевну живою, и что въ день Покрова Божіей Матери, то-есть сегодня, она почувствуетъ облегченіе отъ болѣзни.“ Отецъ мой какъ будто нѣсколько ободрился отъ ея словъ. Прасковья Ивановна взяла за руки моего отца и мать и повела ихъ въ залу, гдѣ ожидало насъ множество гостей, съѣхавшихся къ празднику. Она посадила насъ всѣхъ около себя и особенно занималась нами. Покуда мы обѣдали, карета была подана къ крыльцу. Послѣ стола, выпивъ кофею, безъ чего Прасковья Ивановна не хотѣла насъ отпустить, она первая встала и, помолясь Богу, сказала: „прощайте, друзья мои. Благодарю Алексѣя Степаныча за исполненіе моего желанія и за послушаніе. А тебя, Софья Николавна, за твою родственную любовь и дружбу. Кажется, мы съ тобой другъ друга не разлюбимъ. Пришлите ко мнѣ нарочнаго съ извѣстіемъ объ Аринѣ Васильевнѣ“...

Черезъ нѣсколько минутъ мы уже ѣхали небольшой рысью и по грязной дорогѣ. Осенній мелкій дождь съ вѣтромъ такъ и рубилъ въ поднятое окно, подлѣ котораго я сидѣлъ, и водяные потоки, нагоняя и перегоняя другъ дру-

га, невольно наблюдаемые мною, безпрестанно текли во всю длину стекла. Не успѣлъ я опомниться, какъ уже начало становиться темно, и сумерки, какъ мнѣ казалось, гораздо ранѣе обыкновеннаго, обхватили нашу карету. Чуть-чуть свѣтлѣла красноватая полоса тамъ, гдѣ сѣло солнышко. У насъ была совершенная тишина; никто не говорилъ ни одного слова.

Осенняя дорога въ Багрово.

На другой день, часовъ въ десять утра, въѣхали мы въ Симбирскъ. Погода стояла самая неблагопріятная: по временамъ шелъ мелкій, осенній дождь и постоянно дулъ страшный вѣтеръ. Мы остановились въ томъ же домѣ, выкормили лошадей и сейчасъ поѣхали на перевозъ. Спускъ съ Симбирской горы представлялъ теперь несравненно болѣе трудностей, чѣмъ подъемъ на нее: гора ослизла, тормоза не держали и карета катилась бокомъ по косогору. Оставаться въ экипажѣ было опасно, и мы, несмотря на грязь и дождь, должны были итти пѣшкомъ. Волга.... страшно вообразить, что такое была Волга! Она вся превратилась въ водяные бугры, которые ходили взадъ и впередъ, желтые и бурые около песчаныхъ отмелей и черные по серединѣ рѣки; она билась, кипѣла, металась во всѣ стороны и точно стонала; волны безпрестанно хлестали въ берегъ, взбѣгая на него болѣе чѣмъ на сажень. По всему водяному пространству, особенно посреди Волги, играли *бѣлянки:* такъ называются всплески воды, когда гребни валовъ, достигнувъ крайней высоты, вдругъ обрушиваются и разсыпаются въ брызги и бѣлую пѣну. Невыразимый ужасъ обнялъ мою душу, и одна мысль плыть по этому страшному пути—леденила мою кровь и почти лишала меня сознанія. На берегу сказали намъ, что теперь перевозу нѣтъ, и что всѣ перевозчики разошлись,—кто въ

кабакъ, кто въ харчевню. Но отецъ мой немедленно хотѣлъ ѣхать и послалъ отыскать перевозчиковъ; сейчасъ явилось нѣсколько человѣкъ и сказали, что надо часокъ погодить, что передъ солнечнымъ закатомъ вѣтеръ постихнетъ, и что тогда можно будетъ благополучно доставить насъ на ту сторону. Между тѣмъ, въ ожиданіи этого благополучнаго часа, стали грузиться. Опять выбрали лучшую и новую завозню, поставили нашу карету, кибитку и всѣхъ лошадей. Вѣтеръ, въ самомъ дѣлѣ, сталъ какъ будто утихать. Замѣтили, что съ той стороны отвалила завозня, и наша проворно отчалила отъ пристани и пошла на шестахъ вверхъ около берега, намѣреваясь взвестись какъ можно выше. Съ нами остались Параша и Евсеичъ. Приготовили и для насъ большую косную лодку. Явился знакомый намъ хозяинъ, или перевозчичій староста, какъ его иногда называли; онъ самъ хотѣлъ править кормовымъ весломъ и отобралъ отличныхъ шестерыхъ гребцовъ, но предложилъ подождать еще съ полчасика. Слава Богу, что онъ сдѣлалъ намъ это предложеніе, потому что вѣтеръ, утихнувъ на нѣсколько минутъ, разыгрался пуще прежняго, и пуще прежняго закипѣла Волга, и сами перевозчики сказали, что „оно, конечно, доставить можно, да будетъ маленько страховито; лодка станетъ нырять и, пожалуй, господа напугаются“. Тутъ я точно очнулся отъ какого-то оцѣпенѣнія и со слезами принялся просить и молить, чтобы сегодня не ѣздить. Въ первый разъ я видѣлъ, что отецъ сердился на меня и говорилъ, что я „дрянь, трусишка!“ „Ну, посмотри на сестру, продолжалъ онъ,—вѣдь тебѣ стыдно! Она—дѣвочка, а не плачетъ и не проситъ, чтобъ остались“. Сестрица моя точно не плакала. Но когда спросили ее: „Ты не боишься? хочешь ѣхать?“ она отвѣчала, что боится и ѣхать не хочетъ. Мать, видя, что я весь дрожу отъ страха, стала уговаривать отца остаться до утра. Отецъ все не соглашался. Перевозчики молча смотрѣли на насъ нѣсколько времени; наконецъ хозяинъ сказалъ: „али до утра, ваше благородіе? На зарѣ безпремѣнно вѣтеръ затихнетъ, и мы васъ мигомъ доставимъ. Погодка, точно, разыгралась и вашу завозню больно далеко снесетъ. Вонъ она только-что пошла на перебой, а ужъ теперь ниже пристани. Версты двѣ снесетъ. Придется имъ заночевать у Гусиной луки [1]) и завтра

[1]) Гусиною лукою назывался длинный заливъ позади песчаной косы.
С. А.

наврядъ имъ добиться до пристани прежде васъ". Эти слова порѣшили дѣло. Но теперь возникъ вопросъ, гдѣ ночевать, на чемъ спать и что ѣсть? Платье, подушки, постели, съѣстные припасы—все было отправлено на ту сторону, а утренней зари надо дожидаться часовъ двѣнадцать. Хозяинъ вывелъ насъ изъ затрудненія: онъ предложилъ намъ свою квартиру, которую нанималъ для себя и работниковъ на самомъ берегу, а что-нибудь поѣсть обѣщалъ достать намъ изъ харчевни. Мы съ благодарностью воспользовались его предложеніемъ; дождь порядочно уже насъ вымочилъ, и мы съ радостью вошли въ теплую избу, которую всю намъ уступили. Чаю въ харчевнѣ нельзя было достать, но и тутъ помогъ намъ хозяинъ: подъ горою, недалеко отъ насъ, жилъ знакомый ему купецъ; онъ пошелъ къ нему съ Евсеичемъ, и черезъ часъ мы уже пили чай съ калачами, который былъ пріятенъ и весьма полезенъ всѣмъ намъ; но ужинать никто изъ насъ не хотѣлъ, и мы очень рано улеглись кое-какъ по лавкамъ на сухомъ сѣнѣ.

Чуть брежжилось, когда насъ разбудили; даже одѣваться было темно. Боже мой, какъ намъ съ сестрицей не хотѣлось вставать! Изъ теплаго гнѣздышка итти на сырой и холодный осенній воздухъ, на самомъ разсвѣтѣ, когда особенно сладко спится, да еще прямо на лодку!... Но отецъ безпрестанно торопилъ, и мы, одѣвшись, почти бѣгомъ побѣжали на пристань: красная заря горѣла сквозь сѣрое небо и предвѣщала сильный вѣтеръ. Дождя не было, но нельзя сказать, чтобы было тихо: рѣзкій вѣтерокъ уже упорно тянулъ и крупною рябью подергивалъ водяную поверхность. Гребцы, держа въ рукахъ весла, сидѣли на своихъ мѣстахъ. Хозяинъ поспѣшно перевелъ насъ по доскамъ на лодку и усадилъ въ ней по лавкамъ на самой серединѣ. Страхъ сжималъ мое сердце, и я сидѣлъ, какъ говорится, ни живъ, ни мертвъ. Мы не долго взводились вверхъ и скоро пошли наперебой. Гребцы работали съ необыкновеннымъ усиліемъ, лодка летѣла; но едва мы, достигнувъ середины Волги, вышли изъ-подъ защиты горы,—подулъ сильный вѣтеръ, страшныя волны встрѣтили насъ, и лодка начала то подыматься носомъ кверху, то опускаться кормою внизъ: я вскрикнулъ, бросился къ матери, прижался къ ней и зажмурилъ глаза. Я открылъ ихъ тогда, когда услышалъ, что до берега недалеко. Точно, берегъ былъ уже близокъ, но въ лодкѣ происходила

суматоха, которой я съ закрытыми глазами до тѣхъ поръ не замѣчалъ, и нашъ кормщикъ казался очень озабоченнымъ и даже испуганнымъ. Гребли только четверо, а двое гребцовъ выливали воду, одинъ—какимъ-то длиннымъ ковшомъ, а другой — шляпой. Вода въ лодкѣ выступила уже сквозь полъ и подмочила намъ ноги, а въ кормѣ было ея очень много. Я не вполнѣ понялъ важность происшествія и очень удивился, когда отецъ, высадивъ насъ всѣхъ на берегъ, накинулся съ бранью на хозяина гребцовъ. „Ахъ ты разбойникъ, говорилъ мой отецъ,—какъ могъ ты подать намъ худую лодку! Вѣдь ты насъ едва не утопилъ! Да знаешь ли ты, что я тебя сейчасъ отправлю къ Симбирскому городничему?“ Бѣдный нашъ кормщикъ, стоя безъ шляпы и почтительно кланяясь, говорилъ: „помилуйте, ваше благородіе, развѣ я этому дѣлу радъ, развѣ мнѣ свой животъ надоѣлъ? Вѣдь и я потонулъ бы вмѣстѣ съ вами. Грѣхъ такой вышелъ. Хотѣлъ поусердствовать вамъ, самую лучшую посуду далъ, новую; только большимъ господамъ ее даютъ. Всего разъ десять была въ дѣлѣ. Съ Успеньева дня ее и не трогали. Воды не было ни капли, какъ мы поѣхали. Ума не приложу, отчего такая бѣда случилась. Я, вѣстимо, безъ вины виноватъ. Помилосердуйте, простите, заставьте за себя вѣкъ Бога молить“...... и онъ повалился въ ноги моему отцу. Ему сейчасъ велѣли встать и сказали, что прощаютъ его вину и жаловаться не будутъ.—Завозни нашей съ каретой еще у пристани не было: предсказаніе нашего хозяина-кормщика сбылось изъ слова въ слово. Она медленно подвигалась на шестахъ съ низу и находилась еще отъ насъ не менѣе версты, какъ говорили перевозчики. Отцу моему захотѣлось узнать, отчего потекла наша лодка; ее вытащили на берегъ, обернули вверхъ дномъ и нашли, что у самой кормы она проломлена чѣмъ-то острымъ: дыра была пальца въ два шириною. Какъ это случилось, никто объяснить не могъ. Долго толковали перевозчики и, наконецъ, порѣшили, что это кто-нибудь со зла проломилъ желѣзнымъ ломомъ. Отверстіе было довольно высоко надъ водою, и въ тихую погоду можно было плавать на лодкѣ безопасно, но гребни высокихъ валовъ попадали въ дыру. Еслибъ не доглядѣли и не принялись вовремя выливать воду, лодка наполнилась бы ею, сѣла глубже, и тогда гибель была неизбѣжна. Тутъ только я понялъ, какой опасности мы подвергались, и боязнь, отвращеніе отъ

переправъ черезъ большія рѣки прочно поселилась въ моей душѣ. Наконецъ приплыла наша завозня; она точно ночевала у Гусиной луки, на мели, кое-какъ привязавшись къ воткнутымъ въ песокъ шестамъ. Люди наши разсказывали, что натерпѣлись такого страху, какого съ роду не видывали, что не спали всю ночь и пробились съ голодными лошадьми, которыя не стояли на мѣстѣ и нѣсколько разъ едва не опрокинули завозню. Насъ ожидала новая остановка и потеря времени: надо было заѣхать въ деревню „Часовню", стоящую на самомъ берегу Волги, и выкормить лошадей, которыя около сутокъ ничего не ѣли. Нельзя было узнать моего отца. Всегда тихій и спокойный, онъ рвался съ досады, что столько времени пропадало даромъ, и безпрестанно сердился. Мать принуждена была его уговаривать и успокоивать, что всегда бывало дѣлывалъ отецъ съ нею, и я съ любопытствомъ смотрѣлъ на эту перемѣну. Мать говорила очень долго и такъ хорошо, какъ и въ книжкахъ не пишутъ. Между прочимъ она сказала ему, что безразсудно сердиться на Волгу и бурю, что такія препятствія не зависятъ отъ воли человѣческой, и что грѣшно роптать на нихъ, потому что ихъ посылаетъ Богъ, что, напротивъ, мы должны благодарить его за спасеніе нашей жизни.... Но я не умѣю такъ разсказать, какъ она говорила. Наконецъ, мало-по-малу отецъ мой успокоился, хотя все оставался очень грустенъ. Выкормивъ лошадей, мы пустились въ дальнѣйшій путь. Мы не жалѣли своихъ добрыхъ коней, и въ двѣ упряжки, то-есть въ два переѣзда, проѣхали почти 90 верстъ, и на другой день, въ обѣдъ, были уже въ Вишенкахъ. Простоявъ часа четыре, мы опять пустились въ дорогу и ночевали въ деревнѣ, называемой „Одинъ дворъ". Судьба захотѣла испытать терпѣнье моего отца. Когда душа его рвалась въ Багрово, къ умирающей матери, препятствія выростали на каждомъ шагу. Все путешествіе наше было самое неудачное, утомительное, печальное. Послѣ постояннаго ненастья, отъ котораго размокла черноземная почва, сначала образовалась страшная грязь, такъ что мы съ трудомъ стали уѣзжать 50 верстъ въ день; потомъ вдругъ сдѣлалось холодно, и, поднявшись на зарѣ, чтобъ выбраться поранѣе изъ грязнаго „Одного двора", мы увидѣли, что грязь замерзла и что земля слегка покрыта снѣгомъ. Сначала отецъ не встревожился этимъ и говорилъ, что лошадямъ будетъ легче, потому что

подмерзло; мы же съ сестрицей радовались, глядя на опрятную бѣлизну полей, но снѣгъ продолжалъ итти часъ отъ часу сильнѣе и къ вечеру выпалъ слишкомъ въ полторы четверти; ѣзда сдѣлалась ужасно тяжела, и мы едва тащились шагомъ, потому что мокрый снѣгъ прилипалъ къ колесамъ и даже тормозилъ ихъ. Такъ ѣхали мы цѣлый слѣдующій день и проѣхали только 30 верстъ. Къ вечеру пошелъ дождь, снѣгъ почти растаялъ, и, хотя дорога стала еще грязнѣе, но все лошадямъ было легче. Тутъ явилась новая бѣда: мать захворала, и такъ сильно, что, отъѣхавъ 25 верстъ, мы принуждены были остановиться и простоять болѣе сутокъ. Какъ было грустно мнѣ и моей милой сестрицѣ! Мы жили въ грязной чувашской избѣ. Мать лежала подъ пологомъ, отецъ съ Парашей безпрестанно подавали ей какія-то лѣкарства; а мы, сидя въ другомъ углу, перешептывались въ полголоса между собой и молились Богу, чтобы Онъ послалъ маменькѣ облегченіе.

Только на седьмой день, довольно рано утромъ, добрались мы до Неклюдова и подъѣхали къ крыльцу очень странно построеннаго дома Кальпинскихъ, всего въ двадцати верстахъ отъ Багрова. Мы съ сестрицей никогда тамъ не бывали, да и теперь бы отецъ не заѣхалъ, но такъ пришлось, что надобно было выкормить усталыхъ лошадей. Хозяйка встрѣтила мою мать въ сѣняхъ и ушла съ нею въ домъ, а отецъ высадилъ меня и сестру изъ кареты и повелъ за руку. Въ залѣ встрѣтилъ насъ И. Н. Кальпинскій; отецъ, здороваясь съ нимъ, поспѣшно спросилъ: „а что матушка?“—„Развѣ вы не знаете?“ возразилъ хозяинъ.—„Вотъ другая недѣля, какъ ничего не знаемъ,“ отвѣчалъ отецъ.—„Приказала долго жить, преспокойно сказалъ Кальпинскій, — скончалась въ самый Покровъ“. Боже мой, что сдѣлалось съ моимъ отцомъ! Онъ всплеснулъ руками, тихо промолвилъ: „въ Покровъ“, поблѣднѣлъ, весь задрожалъ, и конечно бы упалъ, еслибъ Кальпинскій не подхватилъ его и не посадилъ на стулъ. Между тѣмъ матери въ гостиной успѣли уже сказать о кончинѣ бабушки; она выбѣжала къ намъ на встрѣчу, и, увидя моего отца въ такомъ положеніи, ужасно испугалась и бросилась помогать ему. Принесли холодной воды, вспрыснули ему лицо, облили голову, отецъ пришелъ въ себя и ручьи слезъ полились по его блѣдному лицу. Ему дали выпить стаканъ холодной воды, и Кальпинскій увелъ его къ

себѣ въ кабинетъ, гдѣ отецъ мой плакалъ навзрыдъ болѣе часу, какъ маленькое дитя, повторяя только иногда: „Богъ судья тетушкѣ! на ея душѣ этотъ грѣхъ!“ Между тѣмъ вокругъ него шли уже горячіе разсказы и даже споры между моими двоюродными тетушками, Кальпинской и Лупеневской, которая на этотъ разъ гостила у своей сестрицы. Съ мельчайшими подробностями разсказывали онѣ, какъ умирала, какъ томилась моя бѣдная бабушка; какъ понапрасну звала къ себѣ своего сына; какъ на третій день, именно въ день похоронъ, выпалъ такой снѣгъ, что не было возможности провезти тѣло покойницы въ Неклюдово, гдѣ и могилка была для нея вырыта, и какъ принуждены были похоронить ее въ Мордовскомъ Бугурусланѣ, въ семи верстахъ отъ Багрова. „Вотъ Богъ-то все по своему дѣлаетъ, говорила Флена Ивановна Лупеневская;—покойный дядюшка Степанъ Михайлычъ, царство ему небесное, не жаловалъ нашего Неклюдова, и слышать не хотѣлъ, чтобъ его у насъ похоронили, а косточки его лежатъ возлѣ нашей церкви. Тетушка же такъ насъ любила, какъ родныхъ дочерей, и всей душенькой желала и приказывала, чтобъ положить ее въ Неклюдовѣ, рядомъ съ Степаномъ Михайлычемъ, а пришлось лечь въ Мордовскомъ Бугурусланѣ у отца Василья“. Катерина же Ивановна Кальпинская прибавляла въ полголоса, какъ будто про себя: „такъ ужъ сами не захотѣли. Все генеральша. И провезти было можно, снѣгъ-то всего лежалъ одни сутки“. Но Флена Ивановна, вслушавшись, возразила: „полно, матушка-сестрица, что ты грѣшишь на Елизавету Степановну и на всѣхъ! Проѣзду не было ни на саняхъ, ни на колесахъ. Вѣдь мы и сами поѣхали на похороны, да отъ Бахметевки воротились, вѣдь на Саврушѣ-то мостъ снесло; а ждать тоже было нельзя; да и снѣгъ-то можетъ и не сошелъ бы. Нѣтъ, сестрица, не грѣши; ужъ такъ было угодно Богу; а вотъ братецъ-то не засталъ Арины Васильевны, такъ это жалко.“ Такими-то утѣшительными разговорами успокоивали хозяйки огорченнаго сына! Наконецъ сестры заспорили и подняли крикъ. Мать упросила всѣхъ оставить моего отца одного. Даже насъ выслала и сама съ нимъ осталась. Послѣ она сказала мнѣ, что отецъ долго еще плакалъ и, наконецъ, заснулъ у ней на груди. У Катерины Ивановны Кальпинской было три дочери и одинъ сынъ, еще маленькій. Мы ихъ совсѣмъ не знали. Они сначала дичились

насъ, но потомъ стали очень ласковы, и показались намъ предобрыми; они старались насъ утѣшить, потому что мы съ сестрицей плакали о бабушкѣ, а я еще болѣе плакалъ о моемъ отцѣ, котораго мнѣ было такъ жаль, что я и пересказать не могу. Насъ подчивали чаемъ и завтракомъ: хотѣли было подчивать моего отца и мать, но я заглянулъ къ нимъ въ дверь, мать махнула мнѣ рукой, и я упросилъ, чтобъ къ нимъ не входили. Часа черезъ два вышла къ намъ мать и сказала: „слава Богу, теперь Алексѣй Степанычъ спокойнѣе, только хочетъ поскорѣе ѣхать". Но лошадямъ надо было хорошенько отдохнуть и выкормиться, а потому мы пробыли еще часа два и даже пообѣдали; отецъ не выходилъ за столъ и ничего не ѣлъ. Послѣ обѣда мы распростились съ хозяевами и тотчасъ поѣхали. Всю остальную дорогу я смотрѣлъ на лицо моего отца. На немъ выражалась глубокая, неутѣшная скорбь, и я тутъ же подумалъ, что онъ болѣе любилъ свою мать, чѣмъ отца; хотя онъ очень плакалъ при смерти дѣдушки, но такой печали у него на лицѣ я не замѣчалъ. Мать старалась заговаривать съ нимъ и принуждала отвѣчать на ея вопросы. Она съ большимъ чувствомъ и нѣжностью вспоминала о покойной бабушкѣ, и говорила моему отцу: „Ты можешь утѣшиться тѣмъ, что былъ всегда къ матери самымъ почтительнымъ сыномъ, никогда не огорчалъ ее и всегда свято исполнялъ всѣ ея желанія. Она прожила для женщины долгій вѣкъ (ей было 74 года); она послѣ смерти Степана Михайлыча ни въ чемъ не находила утѣшенья, и сама желала скорѣе умереть." Отецъ мой отвѣчалъ, проливая уже тихія слезы, что это все правда, и что онъ бы не сокрушался такъ, еслибъ только получилъ отъ нея послѣднее благословеніе, еслибъ она при немъ закрыла свои глаза. „Тетушка всему причиной, съ горячностью сказалъ мой отецъ.—Зачѣмъ она меня не пустила? Изъ каприза"…. Мать прервала его и начала просить, чтобъ онъ не сердился и не винилъ Прасковью Ивановну, которая и сама ужасно огорчена, хотя и скрывала свои чувства, которая не могла предвидѣть такого несчастія. „Правда, правда, сказалъ мой отецъ со вздохомъ:— видно ужъ такъ угодно Богу", снова залился слезами и обнялъ мою мать. Мы съ сестрицей во все время плакали потихоньку и даже Параша утирала свои глаза. Въ разговорахъ такого рода прошла вся дорога отъ Неклюдова до

Багрова, и я удивился, какъ мы скоро доѣхали. Карета съ громомъ въѣхала на мостъ черезъ Бугурусланъ, и тутъ только я догадался, что мы такъ близко отъ нашего милаго Багрова. Эта мысль на ту минуту разсѣяла мое печальное расположеніе духа, и я бросился къ окошку, чтобъ посмотрѣть на нашъ широкій прудъ. Боже мой, какъ показался онъ мнѣ печаленъ! Дулъ жестокій вѣтеръ, мутные валы ходили по всему пруду, такъ что напоминали мнѣ Волгу; мутное небо отражалось въ нихъ; камыши высохли, пожелтѣли; волны и вѣтеръ трепали ихъ во всѣ стороны, и они грустно и глухо шумѣли. Зеленые берега, зеленыя деревья—все пропало. Деревья, берега, мельница и крестьянскія избы—все было мокро, черно и грязно. На дворѣ радостнымъ лаемъ встрѣтили насъ Сурка и Трезоръ (лягавая собака, которую я тоже очень любилъ); я не успѣлъ имъ обрадоваться, какъ увидѣлъ, что на крыльцѣ уже стояли двое дядей, Ерлыкинъ и Каратаевъ, и всѣ четыре тетушки: онѣ привѣтствовали насъ громкимъ вытьемъ, какое уже слышалъ я на дѣдушкиныхъ похоронахъ. Нашу карету увидѣли издали, когда она начала спускаться съ горы, а потому не только тетушки и дяди, но вся дворня и множество крестьянъ и крестьянокъ толпою собрались у крыльца.

Жизнь въ Багровѣ послѣ кончины бабушки.

Можно себѣ вообразить, сколько тутъ было слезъ, рыданій, причитаній, обниманья и цѣлованья! Мать со мной и сестрицей скоро вошла въ домъ, а отецъ долго не приходилъ; онъ со всѣми поздоровался и со всѣми поплакалъ. Наконецъ собрались въ гостиную, куда привели и милаго моего братца, который очень обрадовался намъ съ сестрицей. Въ короткое время нашей разлуки онъ выросъ, очень похорошѣлъ и сталъ лучше говорить. Двоюродныя сестры наши, Ерлыкины, также были тамъ. Мы увидѣлись съ ними съ удовольствіемъ, но онѣ обошлись съ нами холодно. Цѣлый вечеръ провели въ печальныхъ разсказахъ о болѣзни и смерти бабушки. У ней было предчувствіе, что она болѣе не увидитъ своего сына, и она, даже еще здоровая, постоянно объ этомъ говорила: когда же сдѣлалась больна, то уже не сомнѣвалась въ близкой смерти и сказала: „Не видать мнѣ Алеши!“ Впрочемъ, причина болѣзни была случайная и, кажется, отъ жирной и не свѣжей пищи, которую бабушка любила. Передъ кончиной она не отдала никакихъ особенныхъ приказаній, но поручила тетушкѣ Аксиньѣ Степановнѣ, какъ старшей, просить моего отца и мать, чтобъ они не оставили Танюшу, и сверхъ того приказала сказать моей матери, что она передъ ней виновата

и проситъ у ней прощенья. Все это Аксинья Степановна высказала при всѣхъ, къ изумленію и неудовольствію своихъ сестеръ. Послѣ я узналъ, что онѣ употребляли всѣ средства и просьбы, и даже угрозы, чтобъ заставить Аксинью Степановну не говорить такихъ, по мнѣнію ихъ, для покойницы унизительныхъ словъ, но та не послушалась и даже сказала при нихъ самихъ. Мать отвѣчала: „я отъ всей души прощаю, если матушка (царство ей небесное!) была противъ меня въ чемъ-нибудь несправедлива. Я и сама была виновата передъ ней и очень сокрушаюсь, что не могла испросить у ней прощенья. Но надѣюсь, что она, по добротѣ своей, простила меня“. Послѣ этого долго шли разговоры о томъ, что бабушка къ Покрову просила насъ пріѣхать и въ Покровъ скончалась, что отецъ мой именно въ Покровъ видѣлъ страшный и дурной сонъ, и въ Покровъ же получилъ извѣстіе о болѣзни своей матери. Всѣ эти разговоры я слушалъ съ необыкновеннымъ вниманіемъ. Припоминая наше первое пребываніе въ Багровѣ и нѣкоторыя слова, вырывавшіяся у моей матери, тогда же мною замѣченныя, я старался составить себѣ сколько-нибудь ясное и опредѣленное понятіе: въ чемъ могла быть виновата бабушка передъ моею матерью, и въ чемъ была виновата мать передъ нею? Вѣрованіе же мое въ предчувствіе и въ пророческіе сны получило отъ этихъ разговоровъ сильное подкрѣпленіе.

На другой день, рано поутру, отецъ мой вмѣстѣ съ тетушкой Татьяной Степановной уѣхалъ въ Мордовскій Бугурусланъ. Хотя на слѣдующій день, девятый послѣ кончины бабушки, всѣ собирались ѣхать туда, чтобы слушать заупокойную обѣдню и отслужить панихиду; но отецъ мой такъ нетерпѣливо желалъ взглянуть на могилу матери и поплакать надъ ней, что не захотѣлъ дожидаться цѣлые сутки. Онъ воротился еще задолго до обѣда, блѣдный и разстроенный, и тетушка Татьяна Степановна разсказывала, что мой отецъ, какъ скоро завидѣлъ могилу своей матери, то бросился къ ней, какъ изступленный, обнялъ руками сырую землю „да такъ и замеръ“. „Напугалъ меня братецъ“, продолжала она: „я подумала, что онъ умеръ, и начала кричать; прибѣжалъ отецъ Василій съ попадьей, и мы всѣ трое насилу стащили его и почти безчувственнаго привели въ избу къ попу; насилу-то онъ пришелъ въ себя и началъ

плакать; потомъ, слава Богу, успокоился и мы отслужили панихиду. Обѣдню я заказала, и какъ мы завтра пріѣдемъ, такъ и ударятъ въ колоколъ".—Я опять подумалъ, что отецъ гораздо горячѣе любилъ свою мать, чѣмъ своего отца.

Въ тотъ же день послали нарочнаго къ Прасковьѣ Ивановнѣ. Мать написала большое письмо къ ней, которое прочла вслухъ моему отцу: онъ только приписалъ нѣсколько строкъ. И тогда показалось мнѣ, что письмо написано удивительно хорошо; но тогда я не могъ понять и оцѣнить его достоинствъ. Послѣ я имѣлъ это письмо въ своихъ рукахъ и былъ пораженъ изумительнымъ тактомъ и даже искусствомъ, съ какимъ оно было написано: въ немъ заключалось совершенно вѣрное описаніе кончины бабушки и сокрушенія моего отца, но въ то же время все было разсказано съ такою нѣжною пощадой и мягкостью, что оно могло скорѣе успокоить, чѣмъ растравить горесть Прасковьи Ивановны, которую извѣстіе о смерти бабушки *до нашего пріѣзда* должно было сильно поразить.

Въ девятый день, въ день обычнаго поминовенія по усопшимъ, рано утромъ, всѣ, кромѣ насъ троихъ дѣтей и двоюродныхъ сестеръ, отправились въ Мордовскій Бугурусланъ. Отправились также и Калышнская съ Лупеневской, пріѣхавшія наканунѣ. Мать хотѣла взять и меня, но я былъ нездоровъ, да и погода стояла сырая и холодная; я чувствовалъ небольшой жаръ и головную боль. Вѣроятно, я простудился, потому что бѣгалъ нѣсколько разъ смотрѣть моихъ голубей и ястребовъ, пущенныхъ въ зиму. На просторѣ я заглянулъ въ бабушкину горницу и нашелъ ее точно такою же, пустою и печальною, какою я видѣлъ ее послѣ кончины дѣдушки. Тотъ же Мысеичъ и тотъ же Васька Рыжій читали псалтырь по усопшей. Я хотѣлъ было также почитать псалтырь, но не прочелъ и страницы, — каждое слово болѣзненно отдавалось мнѣ въ голову. Къ обѣду всѣ воротились и привезли съ собой попа съ попадьей, накрыли большой столъ въ залѣ, уставили его множествомъ кушаній; потомъ подали разныхъ блиновъ и такъ же аппетитно всѣ кушали (разумѣется, кромѣ отца и матери), крестясь и поминая бабушку, какъ это дѣлали послѣ смерти дѣдушки. Я почти ничего не ѣлъ, потому-что разнемогался, даже дремалъ; помню только, что мать не захотѣла сѣсть на первое мѣсто хозяйки и сказала, что „покуда сестрица Татьяна Степа-

новна не выйдетъ замужъ,—она будетъ всегда хозяйкой у меня въ домѣ". Помню также, что оба мои дяди, и даже Кальпинская съ Лупеневской, много пили пива и наливокъ и къ концу обѣда были очень навеселѣ. — Вставъ изъ-за стола, я прилегъ на канапе, заснулъ—я уже ничего не помню, какъ меня перенесли на постель. Я пролежалъ въ жару и въ забытьи трое сутокъ. Опомнившись, я сначала подумалъ, что проснулся послѣ долгаго сна. Мать сидѣла подлѣ меня блѣдная, желтая и худая; но какое счастіе выразилось на ея лицѣ, когда она удостовѣрилась, что я не брежу, что жаръ совершенно изъ меня вышелъ! Какія радостныя слезы потекли по ея щекамъ! Какъ она на меня смотрѣла, какъ цѣловала мои руки!... Но я съ удивленіемъ принималъ ея ласки; я еще болѣе удивился, замѣтивъ, что голова и руки мои были чѣмъ-то обвязаны, что у меня болитъ грудь, затылокъ и икры на ногахъ. Я хотѣлъ было встать съ постели, но не имѣлъ силъ приподняться.... Тутъ только мать разсказала мнѣ, что я былъ боленъ, что я лежалъ въ горячкѣ, что къ головѣ и рукамъ моимъ привязанъ черный хлѣбъ съ уксусомъ и толчеными можжевеловыми ягодами, что на затылкѣ и на груди у меня поставлены шпанскія мушки, а къ икрамъ горчичники.... Можетъ быть, все это было не нужно, а можетъ быть именно дружное дѣйствіе всѣхъ этихъ лѣкарствъ прервало горячку такъ скоро. Ничего нѣтъ пріятнѣе выздоравливанья послѣ трудной болѣзни, особенно когда видишь, какую радость производитъ оно во всѣхъ окружающихъ. Пришелъ отецъ, сестрица съ братцемъ, всѣ улыбались и цѣловали меня, а мать— бросилась на колѣни передъ кивотомъ съ образами, молилась и плакала. Я сейчасъ вспомнилъ, что маменька никогда при другихъ не молится, и подумалъ, что же это значитъ? Сердце сказало мнѣ причину.... Но мать уже перестала молиться и обратила все свое вниманіе, всю себя на попеченіе и заботы обо мнѣ. Опасаясь, чтобы разговоры и присутствіе другихъ меня не взолновали, она не позволила никому долго у меня оставаться. Я, въ самомъ дѣлѣ, былъ такъ слабъ, что утомился и скоро заснулъ. Это уже былъ сонъ настоящій, возстановитель силъ, и черезъ нѣсколько часовъ я проснулся гораздо бодрѣе и крѣпче. Тутъ уже пришли ко мнѣ и тетушки Аксинья и Татьяна Степановны, очень обрадованныя, что мнѣ лучше, а потомъ пришелъ Евсеичъ, ко-

торый даже плакалъ отъ радости. Отъ него я узналъ, что всѣ гости и родные на другой же день моей болѣзни разъѣхались; одна только добрѣйшая моя крестная мать Аксинья Степановна, видя въ мучительной тревогѣ и страхѣ моихъ родителей, осталась въ Багровѣ, чтобы при случаѣ въ чемъ-нибудь помочь имъ, тогда какъ ея собственныя дѣти, остававшіяся дома, были не очень здоровы. Мать горячо цѣнила ея добрую и любящую душу и благодарила ее какъ умѣла. Видя, что мнѣ гораздо лучше, что я выздоравливаю, она упросила Аксинью Степановну уѣхать немедленно домой.

Выздоровленіе мое тянулось съ недѣлю; но мнѣ довольно было этихъ дней, чтобы понять и почувствовать материнскую любовь во всей ея силѣ. Я, конечно, и прежде зналъ, видѣлъ на каждомъ шагу, какъ любитъ меня мать; я наслышался и даже помнилъ, будто сквозь сонъ, какъ она ходила за мной, когда я былъ маленькій и такой больной, что каждую минуту ждали моей смерти; я зналъ, что неусыпныя заботы матери спасли мнѣ жизнь, но воспоминаніе и разсказы не то, что настоящее, дѣйствительно сейчасъ происходящее дѣло. Обыкновенная жизнь, когда я былъ здоровъ, когда никакая опасность мнѣ не угрожала, не вызывала такъ ярко наружу, лежащаго въ глубинѣ души, безпредѣльнаго чувства материнской любви. Я нѣсколько лѣтъ сряду не былъ боленъ, и вдругъ, въ глуши, въ деревнѣ, безъ всякой докторской помощи, въ жару и бреду увидѣла мать своего первенца, любимца души своей... Понятенъ испытанный ею мучительный страхъ, понятенъ и восторгъ, когда опасность миновалась. Я уже сталъ постарше и былъ способенъ понять этотъ восторгъ, понять любовь матери. Эта недѣля много вразумила меня, много развила, и моя привязанность къ матери, болѣе сознательная, выросла гораздо выше моихъ лѣтъ. Съ этихъ поръ, во все остальное время пребыванія нашего въ Багровѣ, я безпрестанно былъ съ нею, чему способствовала и осенняя ненастная погода. Разумѣется, половина времени проходила въ чтеніи вслухъ; иногда мать читала мнѣ сама и читала такъ хорошо, что я слушалъ за новое—извѣстное мнѣ давно, слушалъ съ особеннымъ наслажденіемъ и находилъ такія достоинства въ прочитанныхъ матерью страницахъ, какихъ прежде не замѣчалъ.

Между тѣмъ еще прежде моего совершеннаго выздоро-

вленія воротился нарочный, посланный съ письмомъ къ бабушкѣ Прасковьѣ Ивановнѣ. Онъ привезъ отъ нея, хотя не собственноручную грамотку, потому что Прасковья Ивановна писала съ большимъ трудомъ, но продиктованное ею длинное письмо. Я говорю длинное, относительно тѣхъ писемъ, которыя диктовались ею или были писаны отъ ея имени, и состояли обыкновенно изъ нѣсколькихъ строчекъ. Прасковья Ивановна вполнѣ оцѣнила, или, лучше сказать, почувствовала письмо моей матери. Она благодарила за него въ сильныхъ и горячихъ выраженіяхъ, часто называя мою мать своимъ другомъ. Она очень огорчилась, что бабушка Арина Васильевна скончалась безъ насъ, и обвиняла себя за то, что удержала моего отца, просила у него прощенья и просила его не сокрушаться, а покориться волѣ Божіей. „Еслибъ не боялась надѣлать вамъ много хлопотъ, писала она, сама бы пріѣхала къ вамъ по первому снѣгу, чтобы раздѣлить съ вами это грустное время. У васъ вѣдь, я думаю, тоска смертная; постороннихъ ни души, не съ кѣмъ слова промолвить, а сами вы только скуку да хандру другъ на друга наводите. Вотъ бы было хорошо всѣмъ вамъ, съ дѣтьми и съ Танюшей, пріѣхать на всю зиму въ Чурасово. Подумайте-ка объ этомъ. И я бы объ васъ не стала безпокоиться и скучать бы не стала безъ Софьи Николавны“, и проч. и проч.—Приглашеніе Прасковьи Ивановны пріѣхать къ ней, сказанное между словъ, было сочтено такъ, за мимолетную мысль, мелькнувшую у ней въ головѣ, но не имѣющую прочнаго основанія. Отецъ мой сказалъ: „вотъ еще что придумала тетушка! Цѣлый вѣкъ жить въ дорогѣ, да въ гостяхъ; да эдакъ и отъ дому отстанешь“. Тетушка Татьяна Степановна прибавила, что куда ей, деревенщинѣ, соваться въ такой богатый и модный домъ, съ утра до вечера набитый гостями, и что у ней теперь не веселье на умѣ. Даже мать сказала: „какъ же можно зимою тащиться намъ съ тремя маленькими дѣтьми“. Согласно такимъ отзывамъ было написано письмо къ Прасковьѣ Ивановнѣ и отправлено на первой почтѣ. Предложеніе ея было предано забвенію.

Отецъ мой цѣлые дни проводилъ сначала въ разговорахъ съ слѣпымъ повѣреннымъ Пантелеемъ; потомъ принялся писать, потомъ слушать, что сочинилъ Пантелей Григорьичъ (читалъ ученикъ его Хоревъ) и наконецъ, въ свою очередь, читать Пантелею Григорьичу свое, написанное имъ самимъ.

Дѣло состояло въ томъ, что они сочиняли вмѣстѣ просьбу въ сенатъ по Богдановскому дѣлу. Я слыхалъ нерѣдко споры между ними, и довольно горячіе, въ которыхъ слѣпой повѣренный всегда оставался побѣдителемъ, самымъ почтительнымъ и скромнымъ. Говорили, что онъ всѣ законы знаетъ наизусть, и я этому вѣрилъ, потому что самъ слыхалъ, какъ онъ бывало начнетъ приводить указы, ихъ годы, числа, пункты, параграфы, самыя выраженія,—и такъ бойко, какъ будто разогнутая книга лежала передъ его, не слѣпыми, а зрячими глазами. Собственная рѣчь Пантелея была совершенно книжная, и онъ выражался самыми отборными словами, говоря о самыхъ обыкновенныхъ предметахъ. Къ отцу моему, напримѣръ, онъ всегда обращался такъ: „соблаговолите, государь мой Алексѣй Степановичъ“ и т. д. Диктовалъ онъ очень скоро и горячо, при чемъ дѣлалъ движенія головой и руками. Я прокрадывался иногда въ его горницу такъ тихо, что онъ не слыхалъ, и подолгу стоялъ тамъ, прислонясь къ печкѣ: Пантелей Григорьичъ сидѣлъ съ ногами на высокой лежанкѣ, куря коротенькую трубку, которую безпрестанно самъ вычищалъ, набивалъ, вырубалъ огня на трутъ и закуривалъ. Онъ говорилъ громко, съ одушевленіемъ, и проворный писецъ Иванъ Хоревъ (Большакъ по прозванью), давно находившійся постоянно при немъ, едва поспѣвалъ писать и повторять вслухъ нѣсколько послѣднихъ словъ, имъ написанныхъ. Я съ благоговѣніемъ смотрѣлъ на этого слѣпца, дивясь его великому уму и памяти, замѣнявшимъ ему глаза.

Проводя почти все свое время неразлучно съ матерью, потому что я и писалъ и читалъ въ ея отдѣльной горницѣ, гдѣ обыкновенно и спалъ, — тамъ стояла моя кроватка и тамъ былъ мой домъ,—я менѣе игралъ съ сестрицей, рѣже видѣлся съ ней. Я уже сказалъ, что мать не была къ ней такъ ласкова и нѣжна, какъ ко мнѣ, а потому естественно, что и сестрица не была и не могла быть съ ней нѣжна и ласкова, даже нѣсколько робѣла и смущалась въ ея присутствіи. Мать не высылала ее изъ своей спальни, но сестрицѣ было тамъ какъ-то не свободно, не ловко—и она непримѣтно уходила при первомъ удобномъ случаѣ; а мать говорила: „эта дѣвочка совсѣмъ не имѣетъ ко мнѣ привязанности. Такъ и смотритъ, какъ бы уйти отъ меня къ своей нянѣ“.—Мнѣ самому такъ казалось тогда, и я грустно молчалъ, не умѣя оправдать сестрицу, и самъ думалъ, что она мало любитъ

маменьку. Въ самомъ же дѣлѣ, какъ послѣ оказалось, она всегда любила свою мать гораздо горячѣе и глубже, чѣмъ я.

Поведеніе тетушки Татьяны Степановны или, лучше сказать, держанье себя съ другими, вдругъ перемѣнилось; по крайней мѣрѣ она казалась уже совершенно не такою, какою была прежде. Изъ дѣвушки, довольно веселой и живой, державшей себя въ домѣ весьма свободно и самостоятельно, какъ слѣдуетъ барышнѣ-хозяйкѣ, она вдругъ сдѣлалась печальна, тиха, робка и до того услужлива, особенно передъ матерью, что матери это было непріятно. Мать сказала одинъ разъ моему отцу: „Алексѣй Степанычъ, посовѣтуй пожалуйста своей сестрицѣ, чтобъ она не кидалась мнѣ такъ услуживать, какъ горничная дѣвка. Мнѣ совѣстно принимать отъ нея такія услуги, и вообще это мнѣ противно". Но отецъ мой совсѣмъ иначе смотрѣлъ на это дѣло. „Помилуй, матушка, возразилъ онъ: я ничего противнаго въ этомъ не вижу. Сестра привыкла уважать и услуживать старшему въ домѣ. Такъ услуживала она покойнику батюшкѣ, потомъ покойницѣ матушкѣ, а теперь услуживаетъ тебѣ, потому что ты хозяйка и госпожа въ Багровѣ". Мать не стала спорить; но черезъ нѣсколько дней, при мнѣ, когда тетушка кинулась подать ей скамеечку подъ ноги, мать вдругъ ее остановила и сказала очень твердо: „прошу васъ, сестрица, никогда этого не дѣлать, если не хотите разсердить меня. Кстати, я давно собираюсь поговорить съ вами откровенно о теперешнемъ нашемъ положеніи; сядьте, пожалуйста, ко мнѣ на постель и выслушайте меня внимательно. Многое вамъ будетъ непріятно, но я стану говорить не для ссоры, а для того, чтобъ у насъ на будущее время не было причинъ къ неудовольствіямъ. Я хочу, чтобы вы не ошибались на мой счетъ, не думали, что я ничего не знаю и не понимаю. Нѣтъ, я очень хорошо знаю, что сестры ваши, кромѣ Аксиньи Степановны, меня не любили, клеветали на меня покойнику батюшкѣ и желали сдѣлать мнѣ всякое зло. Покойница матушка вѣрила имъ во всемъ, на все смотрѣла ихъ глазами и по слабости своей даже не смѣла имъ противиться; вы—также; но вамъ простительно: если родная мать была на сторонѣ старшихъ сестеръ, то гдѣ же вамъ, меньшой дочери, пойти противъ нихъ?—вы съ малыхъ лѣтъ привыкли вѣрить и повиноваться имъ. Я не хочу притворяться, я не люблю вашихъ сестеръ и помню ихъ обиды; но мстить имъ никогда не буду. Вамъ же я

давно все простила и все непріятное забыла. Вась увѣряли, что я злодѣйка ваша, и вы иногда вѣрили, хоть сердце у васъ доброе; я напротивъ желаю вамъ добра и докажу это на дѣлѣ. Вы знаете характеръ вашего брата: по своей мѣшкотности и привычкѣ все откладывать до завтра, онъ долго не собрался бы устроить ваше состояніе, то-есть укрѣпить въ судѣ за вами крестьянъ и перевесть ихъ на вашу землю, которая также хотя сторгована, но еще не куплена. Если я только замолчу, то онъ ничего не сдѣлаетъ, пожалуй, до тѣхъ самыхъ поръ, покуда вы не выйдете замужъ; а какъ неустройство вашего состоянія можетъ помѣшать вашему замужеству и лишить васъ хорошаго жениха, то я даю вамъ слово, что въ продолженіи нынѣшняго же года все будетъ сдѣлано. Я не отстану отъ Алексѣя Степаныча, покуда онъ не выполнитъ воли своихъ родителей и не сдержитъ своего обѣщанія. Тогда, имѣя свой собственный уголъ, если вы захотите жить со мной, то сдѣлаете это уже добровольно, по вашему желанію. Я же съ моей стороны очень буду рада, если вы останетесь у насъ. Я не люблю домашняго хозяйства и буду благодарна вамъ, если вы будете имъ заниматься по прежнему. Но я требую, чтобы вы не вскакивали передо мной, не услуживали мнѣ, чтобы вы держали себя со мной, какъ равная мнѣ, однимъ словомъ, какъ вы держали себя при жизни Арины Васильевны. Согласны ли вы?"—Татьяна Степановна давно разливалась въ слезахъ и нѣсколько разъ хотѣла было броситься обнимать „матушку сестрицу", а можетъ быть и поклониться въ ноги, но мать всякій разъ останавливала ее рукой. Разумѣется, Татьяна Степановна охотно на все согласилась и не находила словъ благодарить мою мать за ея „великія милости и благодѣянія".—Она прибавила, что „все добро, оставшееся послѣ покойницы матушки, собрано, переписано ею и будетъ представлено сестрицѣ."—Мать съ горячностью возразила: „и вы думаете, что я захочу воспользоваться какими-нибудь вещами или платьями послѣ покойницы свекрови, когда у ней осталась незамужняя родная дочь?... Вотъ какъ вы меня мало знаете. Мнѣ ничего ненадобно; я и видѣть этого не хочу; это все ваше". Засимъ послѣдовала новая и очень горячая благодарность отъ Татьяны Степановны.—Тогда только вполнѣ объяснилось для меня положеніе матери, въ которомъ жила она въ семействѣ моего отца. Припомнивъ все, слышанное мною въ разное

время отъ Параши, и вырвавшіяся иногда слова у матери во время горячихъ разговоровъ съ отцомъ, я составилъ себѣ довольно ясное понятіе о свойствахъ людей, съ которыми она жила. Можно себѣ представить, какимъ высшимъ существомъ являлась мнѣ моя мать! Я начиналъ смотрѣть на нее съ благоговѣніемъ, гордился ею и любилъ съ каждымъ днемъ болѣе.

Вдругъ, вовсе неожиданно, привезли намъ съ почты письмо отъ бабушки Прасковьи Ивановны, и, къ общему удивленію, вдвое длиннѣе перваго! Прасковья Ивановна подробно высчитывала причины, по которымъ намъ не слѣдуетъ оставаться эту зиму въ Багровѣ, и уже требовала настоятельно, чтобы мы послѣ шести недѣль переѣхали къ ней въ Чурасово, а Великимъ постомъ воротились бы домой. Письмо состояло изъ такихъ нѣжныхъ просьбъ и въ то же время изъ такихъ положительныхъ приказаній, что всѣ, хотя ни слова не сказали, но почувствовали невозможность имъ противиться. Къ Татьянѣ Степановнѣ было приложено особое письмецо, самое ласковое и убѣдительное. Прасковья Ивановна писала, что приготовитъ ей прекрасную, совершенно отдѣльную комнату, въ которой жила Дарья Васильевна, теперь переведенная уже во флигель; что Татьяна Степановна будетъ жить спокойно, что никто къ ней ходить не будетъ, и что она можетъ приходить къ хозяйкѣ и къ намъ только тогда, когда сама захочетъ. По прочтеніи обоихъ писемъ нѣсколько времени всѣ молчали и, казалось, всѣ были недовольны. Наконецъ, отецъ мой прервалъ молчаніе и первый заговорилъ: „Какъ же тутъ быть, Софья Николавна? Какъ же намъ не исполнить желанія тетушки? Вѣдь настоящихъ причинъ къ отказу нѣтъ. Вѣдь тетушка прогнѣвается“. Мать отвѣчала, что она сама не знаетъ, какъ тутъ быть, и что ее затрудняетъ только перевозка дѣтей въ зимнюю пору. „А что ты скажешь, Танюша?“ спросилъ мой отецъ. Татьяна Степановна, не задумавшись, отвѣчала, что ни за что не поѣдетъ; что она въ Чурасовѣ съ тоски умретъ и что „не хочетъ удалиться такъ скоро и такъ далеко отъ могилы своей матушки.“—„Гдѣ же ты будешь жить? продолжалъ мой отецъ. Неужели останешься одна въ Багровѣ?“—Тетушка задумалась и потомъ отвѣчала, что она переѣдетъ къ сестрицѣ Александрѣ Степановнѣ, и что каждый мѣсяцъ вмѣстѣ съ ней будетъ пріѣзжать молиться и служить панихиды на могилѣ

матери.—Поговоря такимъ образомъ и ничего не рѣшивъ положительно, всѣ разошлись.

Я догадался однако, что мы непремѣнно поѣдемъ, и былъ огорченъ больше всѣхъ. Какъ нарочно, за нѣсколько дней до полученія письма, я узналъ новое деревенское удовольствіе, которое мнѣ очень полюбилось: Евсеичъ выучилъ меня крыть лучкомъ птичекъ; въ нашемъ саду и огородѣ было ихъ очень много. Маленькій снѣжокъ покрывалъ уже землю; Евсеичъ расчистилъ точокъ и положилъ на него приваду изъ хлѣбной мякины и ухвостнаго конопляннаго сѣмени. Голодныя птички очень обрадовались корму, котораго доставать имъ уже было трудно, и дня въ три привыкли летать на приваду. Тогда Евсеичъ поставилъ позади точка лучокъ, обтянутый сѣткой, привязалъ къ нему веревочку и протянулъ ее сквозь смородинный кустъ, за которымъ легко было притаиться одному человѣку, или даже двоимъ. Когда птички привыкли къ лучку, стали смѣло возлѣ него садиться и клевать зерна. Евсеичъ привелъ меня осторожно къ кусту, сквозь голыя вѣтки котораго было видно все, что дѣлается на точкѣ.— „Наклонись, соколикъ, и шишни, шепотомъ говорилъ Евсеичъ, присѣвъ на корточки.—Вотъ какъ налетятъ птички получше,—а теперь сидятъ все бѣски да чечотки,—тогда ты возьми за веревочку, да и дерни. Птичекъ-то всѣхъ и накроетъ лучкомъ, а мы съ тобой хорошенькихъ-то выберемъ, да въ клѣточки и посадимъ.“ Я готовъ былъ все исполнять; черезъ нѣсколько времени Евсеичъ сказалъ мнѣ: „ну, бери веревочку, дергай!“ Дрожа отъ радостнаго нетерпѣнія, я дернулъ изо всей мочи, и мы, выскочивъ изъ-за куста, прибѣжали къ лучку. Я дернулъ неудачно, слишкомъ сильно, такъ что лучекъ сорвался съ мѣста однимъ краемъ и покрылъ только половину точка; но все-таки нѣсколько птичекъ билось подъ сѣткой, и мы, взявъ пару щеглятъ, чижика и бѣленькаго бѣсочка, побѣжали домой съ своей добычей. Евсеичъ бѣжалъ такъ же, какъ и я. И вотъ чѣмъ былъ неоцѣненный человѣкъ Ефремъ Евсеичъ: онъ во всякой охотѣ горячился не меньше меня!... Я скоро выучился крыть хорошо; а какъ мнѣ жалко было выпускать пойманныхъ птичекъ, то я, кромѣ клѣтокъ, насажалъ ихъ множество въ пустой садокъ, обтянутый сѣткою, находившійся въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ крыльца, гдѣ лѣтомъ жили мои голуби, зимовавшіе теперь по дворовымъ избамъ, въ подпечкахъ. У меня сидѣли въ

садкѣ бѣлые, голубые и зеленые бѣски или синицы, щеглята, чижи, овсянки и чечотки. Я поставилъ имъ водопойку, а когда вода замерзла, то клалъ снѣгу; поставилъ двѣ небольшія березки, на которыхъ птички сидѣли и ночевали, и навалилъ на полъ всякаго корма. Смотрѣть въ этотъ садокъ, любоваться живыми и быстрыми движеніями миловидныхъ птичекъ и наблюдать, какъ онѣ ѣдятъ, пьютъ и ссорятся между собой—было для меня истиннымъ наслажденіемъ. Иногда, не довольно тепло одѣтый, я не чувствовалъ холода наступающаго ноября и готовъ былъ цѣлый день простоять, прислонивъ лицо къ опушенной инеемъ сѣткѣ, еслибы мать не присылала за мною, или Евсеичъ не уводилъ насильно въ горницу.

На другой же день послѣ полученія письма отъ Прасковьи Ивановны, вѣроятно переговоривъ обо всемъ наединѣ, отецъ и мать объявили рѣшительное намѣреніе ѣхать въ Чурасово немедленно, какъ только ляжетъ зимній путь. Въ тотъ же день отданы были приказанія всѣмъ, кому слѣдуетъ, чтобы все было готово и чтобы сами готовились въ дорогу. Отъѣздъ нашъ зависѣлъ отъ времени, когда станетъ Волга, о чемъ должны были немедленно увѣдомить насъ изъ Вишенокъ. Татьяна Степановна осталась твердою въ своемъ намѣреніи не ѣхать въ Чурасово и жить до нашего возвращенія у сестрицы своей Александры Степановны. Мать не уговаривала тетушку ѣхать съ нами и при мнѣ сказала отцу, что сестрицѣ будетъ тамъ несвободно и скучно. Въ тотъ же день написали Александрѣ Степановнѣ объ этомъ рѣшеніи. Татьяну Степановну смущало только одно: какъ ей разстаться съ своимъ амбаромъ, то-есть, со всѣмъ тѣмъ, чѣмъ онъ былъ нагруженъ. Она высказала свои опасенія отцу, говоря, что боится, какъ бы безъ господъ въ ночное время не подломали амбара и не украли бы все ея добро, которое она „сгоношила сначала по милости покойнаго батюшки и матушки, а потомъ по милости братца и сестрицы“. Она просила у моего отца лошадей, чтобъ хоть кое-что получше заблаговременно перевезти въ Каратаевку. Отецъ считалъ это не нужнымъ, но согласился на убѣдительныя просьбы своей сестры. Я послѣ слышалъ, какъ перешептывались Евсеичъ съ Парашей и смѣялись потихоньку надъ страхомъ моей тетки.

Снѣгъ выпадалъ постепенно почти каждую ночь, и каждое утро была отличная пороша. Отецъ очень любилъ обходить

съ ружьемъ по слѣду русаковъ и охотился иногда за ними; но, къ сожалѣнію, онъ не бралъ меня съ собою, говоря, что для меня это будетъ утомительно и что я буду ему мѣшать. За то, чтобъ утѣшить меня, онъ приказалъ Тайначенку верхомъ объѣхать русака и взялъ меня съ собою, чтобъ при мнѣ поймать зайца тенетами. Часа за два до обѣда мы съ отцомъ въ санкахъ пріѣхали къ верховью пруда. „Вонъ гдѣ лежитъ русакъ, Сережа!“ сказалъ мой отецъ и указалъ на гриву желтаго камыша, приросшую кустами и примыкавшую къ крутцу. „Русакъ побѣжитъ въ гору, и потому все это мѣсто обметано тенетами. Видишь ихъ, какъ они висятъ на кустикахъ? Ну, смотри же, что будутъ дѣлать“. Народу было съ нами человѣкъ двадцать; одни зашли сзади, а другіе съ боковъ и такимъ образомъ подвигаясь впередъ полукругомъ, принялись шумѣть, кричать и хлестать холудинами по камышу. Въ одну минуту вылетѣлъ русакъ, какъ стрѣла покатилъ въ гору, ударился въ тенета, вынесъ ихъ впередъ на себѣ съ сажень, увязилъ голову и лапки, запутался и завертѣлся въ сѣткѣ. Люди кричали и бѣжали со всѣхъ ногъ къ попавшему зайцу, я также кричалъ во всю мочь и бѣжалъ изо всѣхъ силъ. Что за красавецъ былъ этотъ старый матерой русакъ! Черные кончики ушей, черный хвостикъ, желтоватая грудь и переднія ноги, и пестрый въ завиткахъ ремень по спинѣ... Я задыхался отъ восторга, самъ не понимая его причины!..

И отъ всего этого надобно было уѣхать, чтобы жить цѣлую зиму въ непріятномъ мнѣ Чурасовѣ, гдѣ не нравились мнѣ многіе изъ постоянныхъ гостей, гдѣ должно избѣгать встрѣчи съ тамошней противной прислугой и гдѣ всетаки надо будетъ сидѣть, по большей части, въ извѣстныхъ нашихъ, уже опостылѣвшихъ мнѣ, комнатахъ; да и съ матерью придется гораздо рѣже быть вмѣстѣ. Милой моей сестрицѣ также не хотѣлось ѣхать въ Чурасово, хотя собственно для нея тамошнее житье представляло уже ту выгоду, что мы съ нею бывали тамъ почти неразлучны, а она такъ нѣжно любила меня, что въ моемъ присутствіи всегда была совершенно довольна и очень весела.

Прошло сорокъ дней и пришло время поминокъ по бабушкѣ, называемыхъ въ народѣ „сорочинами“. Несмотря на то, что не было ни тележнаго, ни саннаго пути, потому что снѣгу мало лежало на дорогѣ, превратившейся въ мер-

злыя кочки грязи, родные наканунѣ съѣхались въ Багрово. 9-го ноября поутру всѣ, кромѣ насъ маленькихъ, ѣздили въ Мордовскій Бугурусланъ, слушали заупокойную обѣдню и отслужили панихиду на могилкѣ бабушки. Потомъ воротились, кушали чай и кофе, потомъ былъ обѣдъ, за которымъ происходило все точно то же, что я уже разсказывалъ не одинъ разъ: гости пили, ѣли, плакали, поминали и—разъѣхались.

Вотъ уже выпалъ довольно глубокій снѣгъ и пошли сильные морозы, которые начали постукивать въ стѣны нашего дома, и уже Александра Степановна пріѣхала за Татьяной Степановной. Наконецъ получили извѣстіе, что Волга стала, и что чрезъ нее потянулись обозы. Назначили день отъѣзда; подвезли къ крыльцу возокъ, въ которомъ должны были помѣститься: я, сестрица съ Парашей и братецъ съ своей бывшей кормилицей Матреной, которая, переставъ его кормить, поступила къ нему въ няньки. Подвезли и кибитку для отца и матери: настряпали въ дорогу разнаго кушанья, уложились, и 21-го ноября заскрипѣли, завизжали полозья и мы тронулись въ путь. Мы съ матерью терпѣть не могли этого скрипа. Я плакалъ, сидя въ возкѣ. Тетушка Татьяна Степановна должна была въ тотъ же день уѣхать съ Александрой Степановной въ Каратаевку.

Переѣздъ изъ Багрова въ Чурасово совершился благополучно и скоро. Первый зимній путь, если снѣгъ выпалъ ровно, при тихой погодѣ, если онъ достаточно покрываетъ всѣ неровности дороги, и въ то же время такъ умѣренно глубокъ, что не мѣшаетъ ѣздить тройками въ рядъ,—бываетъ у насъ на Руси великолѣпно хорошъ. Именно таковъ онъ былъ тогда. Мы ѣхали такъ скоро на своихъ лошадяхъ, какъ никогда не ѣзжали. Скрипъ полозьевъ былъ мало слышенъ отъ скорости ѣзды и мелкости снѣга, и мы съ матерью во всю дорогу почти не чувствовали противной тошноты. Въ Вишенкахъ мы только покормили лошадей. Отецъ, разумѣется, повидался со старостой, обо всемъ разспросилъ и все записалъ, чтобы доложить Прасковьѣ Ивановнѣ. Зимній видъ Никольскаго замка или дворца напомнилъ мнѣ великолѣпное угощеніе гостепріимнаго хозяина, и хотя тому прошло только нѣсколько мѣсяцевъ, но мнѣ казалось уже смѣшнымъ мое тогдашнее изумленіе и увлеченіе... Помѣщика Дурасова не было въ Никольскомъ. Мы остановились у одного зажи-

точнаго крестьянина. Отецъ мой любилъ всегда разговаривать съ хозяевами домовъ, въ которыхъ мы кормили или ночевали, а я любилъ слушать ихъ разговоры. Мать иногда скучала ими; но въ этотъ разъ попался намъ хозяинъ—необыкновенно умный мужикъ, который своими разсказами о баринѣ всѣхъ насъ очень занялъ и очень смѣшилъ мою мать. Онъ какъ будто хвалилъ своего господина и въ то же время выставлялъ его въ самомъ смѣшномъ видѣ. Рѣчь зашла о великолѣпныхъ свиньяхъ, изъ которыхъ одна умерла. „То-то горе-то у насъ было, говорилъ хозяинъ; — чушка-то что ни лучшая сдохла. Баринъ у насъ, дай ему Богъ много лѣтъ здравствовать, добрый, милосливый, до всякаго скота жалосливый, такъ печаловался, что уѣхалъ изъ Никольскаго; ужъ и мы ему не взмилились. Оно и точно такъ: насъ-то у него много, а чушекъ-то всего было двѣ, и тѣ изъ-за моря, а мы доморощина. А добрый баринъ; ужъ сказать нельзя какой добрый, да и затѣйникъ! У насъ на выѣздѣ изъ села было два колодца, вода преотмѣнная, родниковая, холодная. Такъ онъ приказалъ надъ каждымъ колодцемъ по деревянной дѣвкѣ поставить, какъ есть одѣтыя въ кумашные сарафаны, подпоясаны золотымъ позументомъ, только босыя; одной ногой стоитъ на колодцѣ, а другую подняла, ровно прыгнуть хочетъ. Ну, всякъ, кто ни ѣдетъ, и конный и пѣшій, остановится и заглядится. Только крестьяне-то воду изъ колодцевъ брать перестали:говорятъ,что непригоже“.Словоохотливый хозяинъ долго и много говорилъ въ этомъ родѣ; многаго я не понималъ, но мать говорила, что все было очень умно и зло. Впрочемъ и того, что я понялъ, было достаточно для меня; я вывелъ заключеніе и сдѣлалъ новое открытіе: крестьянинъ насмѣхался надъ бариномъ, а я привыкъ думать, что крестьяне смотрятъ на своихъ господъ съ благоговѣніемъ и всѣ ихъ поступки и слова считаютъ разумными. Я рѣшился обратить особенное вниманіе на всѣ разговоры Евсеича съ Парашей и замѣчать, не смѣются-ли и они надъ нами, говоря намъ въ глаза разныя похвалы и цѣлуя наши ручки?.. Я сообщилъ мое намѣреніе матери. Она улыбнулась и сказала: „зачѣмъ тебѣ это знать? Параша, особенно Евсеичъ, служатъ намъ усердно, а что про насъ думаютъ — я и знать не хочу“. Но мнѣ было любопытно узнать и я не оставилъ своего намѣренія.

На другой день переѣхали мы по гладкому, какъ зеркало,

льду страшную для меня Волгу. Она даже и въ этомъ видѣ меня пугала. Въ этотъ годъ Волга стала очень чисто, *наголо*, какъ говорится. Снѣгу было мало, снѣжныхъ барановъ тоже, а потому мало шло по рѣкѣ льдинъ и такъ называемаго *сала*, то есть снѣга, пропитаннаго водою. Одни морозы сковали поверхность рѣки, и сквозь прозрачный ледъ было видно, какъ бѣжитъ вода, какъ она завертывается кругами и какъ скачутъ иногда по ней бѣлые пузыри [1]). Признаюсь, я не могъ смотрѣть безъ содроганія изъ моего окошечка на это страшное движеніе огромной водяной глубины, по которой скакали наши лошади. Вдругъ увидѣлъ я въ сторонѣ, не далеко отъ наѣзженной дороги, что-то похожее на длинную прорубь, которая дымилась. Я пришелъ въ изумленіе и упросилъ Парашу посмотрѣть и растолковать мнѣ. Параша взглянула и со смѣхомъ сказала: „это полынья. Тутъ вода не мерзнетъ. Это Волга дышетъ, отъ того и паръ валитъ; а чтобъ ночью кто-нибудь не ввалился, по краямъ хворостъ накиданъ". Какъ ни любопытна была для меня эта новость, но я думалъ только объ одномъ: что мы, того и гляди, провалимся и нырнемъ подъ ледъ. Страхъ одолѣлъ меня, и я прибѣгнулъ къ обыкновенному моему успокоительному средству, то-есть зажмурилъ глаза и открылъ ихъ уже на другомъ берегу Волги.

Въ Симбирскѣ получили мы извѣстіе, что Прасковья Ивановна не совсѣмъ здорова и ждетъ—не дождется насъ. На другой день, въ пятыя сутки по выѣздѣ изъ Багрова, въ самый полдень засвѣтились передъ нами четыре креста Чурасовскихъ церквей и колоколенъ.

Прасковья Ивановна такъ намъ обрадовалась, что я и пересказать не умѣю. Она забыла свое нездоровье и не вышла, а выбѣжала даже въ лакейскую. Я никогда не видывалъ у ней такого веселаго лица! Она крѣпко и долго обнимала моего отца и особенно мать: даже насъ всѣхъ перецѣловала, чего никогда не дѣлывала, а всегда только давала цѣловать намъ руку. „А, и чернушка здѣсь! говорила она смѣясь. Да какъ похорошѣлъ! Откуда взялся у него такой носъ? Ну здравствуйте, заволжскіе помѣщики. Какъ поживаютъ ваши друзья и сосѣди, Мордва и Чуваши? Ми-

---

[1]) Рѣдко бываетъ, чтобы большая рѣка становилась безъ снѣга. Я одинъ разъ только видѣлъ Волгу въ такомъ видѣ, въ какомъ описываетъ ее молодой Багровъ. *С. А.*

лости прошу, друзья мои! А Татьяны нѣтъ? Одичала и уперлась. Вѣрно уѣхала въ Каратаевку? Ну, вотъ какъ каратаевскій баринъ подъ пьяную руку ее поколотитъ, такъ она и пожалѣетъ, что не пріѣхала въ Чурасово. Ну, славу Богу, насилу васъ дождалась. Пойдемте прямо въ гостиную." Въ залѣ и гостиной встрѣтили насъ неизмѣнные гости.

Мы опять размѣстились по знакомымъ намъ угламъ и опять зажили прежнею жизнью. Только Прасковья Ивановна стала несравненно ласковѣе и добрѣе, какъ мнѣ казалось. Для всѣхъ было очевидно, что она горячо привязалась къ моей матери и ко всѣмъ намъ. Она не знала, какъ угостить насъ и чѣмъ уподчивать. Но въ то же время я замѣтилъ, что Дарья Васильевна и Александра Ивановна Ковригина не такъ намъ обрадовались, какъ въ прежніе пріѣзды. Въ мужской и женской прислугѣ еще было замѣтнѣе, что они просто намъ не рады. Я сообщилъ мое замѣчаніе матери, но она отвѣчала мнѣ, что это совершенный вздоръ, и что мнѣ даже не слѣдуетъ этого замѣчать. Я однако не удовольствовался такимъ объясненіемъ и повторилъ мое замѣчаніе Евсеичу въ присутствіи Параши, и онъ сказалъ мнѣ: „да, видно надоѣли. Больно часто стали ѣздить." Параша прибавила: „другихъ гостей здѣсь не боятся, а васъ опасаются, чтобы вы Прасковьѣ Ивановнѣ чего-нибудь не пересказали." Я внутренно убѣдился, что это совершенно справедливо и что мать не хотѣла сказать мнѣ правды.

Миницкіе не замедлили пріѣхать и привезти съ собою двухъ старшихъ дочерей. Мы съ сестрицей любили ихъ, очень имъ обрадовались, и у насъ опять составились и прежнія игры, и прежнія чтенія. Съ утра до вечера мы были неразлучны съ сестрой, потому что всѣ комнатныя наши занятія и забавы были у насъ общія.

Что касается до вреднаго вліянія Чурасовской лакейской и дѣвичьей, то мать могла быть на этотъ счетъ совершенно спокойна: всѣ какъ будто сговорились избѣгать насъ и ничего при насъ не говорить. Даже Иванушка буфетчикъ пересталъ при насъ подходить къ Евсеичу и болтать съ нимъ, какъ бывало прежде, и Евсеичъ, добродушно смѣясь, однажды сказалъ мнѣ: „вотъ такъ-то лучше! Стали насъ побаиваться!"

Прасковья Ивановна вскорѣ совершенно выздоровѣла

отъ небольшой простуды. Рождество Христово было у ней храмовой праздникъ въ ея новой, самою ею выстроенной церкви, и она праздновала этотъ день со всевозможною деревенскою пышностью. Гостей наѣхало столько, что въ обоихъ флигеляхъ негдѣ было помѣщаться; нѣкоторые мелкопомѣстные и безсемейные сосѣди жили даже по крестьянскимъ избамъ. Всѣ говорили, что никогда не бывало такого съѣзда, какъ въ этотъ годъ. Я этого не утверждаю, но знаю, что въ этотъ разъ еще болѣе надоѣли мнѣ гости. Отца съ матерью я почти не видѣлъ, и только дружба съ милой моей сестрицей, выроставшая не по днямъ, а по часамъ, утѣшала меня въ этомъ скучномъ и какъ-то тяжеломъ для насъ Чурасовѣ. Сестра становилась уже моимъ настоящимъ другомъ, съ которымъ могъ я дѣлиться всѣми моими дѣтскими чувствами и мыслями. Такъ прошелъ декабрь и наступилъ новый годъ, который я встрѣтилъ съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ и ожиданіемъ. Вдругъ, на другой день мать говоритъ мнѣ: „Сережа, хочешь ѣхать со мной въ Казань? Мы ѣдемъ туда съ отцомъ на двѣ недѣли.“ Я обрадовался выѣзду изъ Чурасова и отвѣчалъ, что очень хочу. „Ну, такъ сбирайся.“ Я обѣщалъ собраться въ полчаса, но вдругъ вспомнилъ о сестрицѣ и спросилъ: „а сестрица поѣдетъ съ нами?“ Мать отвѣчала, что она останется въ Чурасовѣ. Это меня огорчило. Когда же я сказалъ сестрицѣ о моемъ отъѣздѣ, она принялась горько плакать. Хотя я былъ горячо привязанъ къ матери и не привыкъ разставаться съ нею, но горесть сестрицы такъ глубоко меня потрясла, что я не задумавшись побѣжалъ къ матери и сталъ ее просить оставить меня въ Чурасовѣ, Мать удивилась, узнала причину такой быстрой перемѣны, обняла меня, поцѣловала, но сказала, что ни подъ какимъ видомъ не оставитъ, что мы проѣздимъ всего двѣ недѣли и что сестрица скоро перестанетъ плакать. Я печально воротился въ дѣтскую. Бѣдная моя сестрица плакала навзрыдъ. Ей предстояло новое горе: мать брала съ собой Парашу, а сестрицу мою Прасковья Ивановна переводила жить къ себѣ въ спальню и поручила за нею ходить своей любимой горничной, Акулинѣ Борисовнѣ, женщинѣ очень скромной и заботливой.

Неожиданную поѣздку въ Казань устроила сама Прасковья Ивановна. Мать еще прежде не одинъ разъ говорила, что она хотѣла бы побывать въ Казани и помолиться тамошнимъ

чудотворцамъ; что она не видывала мощей, и очень бы желала къ нимъ приложиться; что ей хотѣлось бы посмотрѣть и послушать архіерейской службы. Прасковья Ивановна, казалось, и не замѣтила этихъ словъ. Когда стало приближаться Крещенье, которое было въ то же время днемъ рожденія моей матери, то мать сказала одинъ разъ, разговаривая съ Александрой Ивановой, въ присутствіи Прасковьи Ивановны, которая играла съ моимъ отцомъ въ пикетъ, что очень бы желала на шестое число куда-нибудь уѣхать, хоть въ Старое Багрово. „Я терпѣть не могу дня своего рожденья, прибавила мать; а у васъ будетъ куча гостей; принимать отъ нихъ поздравленія и желанія всякаго благополучія и всѣхъ благъ земныхъ—это для меня наказанье Божіе.“ Вдругъ Прасковья Ивановна обратилась къ матери моей и сказала: „послушай, Софья Николавна, что я вздумала. Тебѣ хотѣлось помолиться казанскимъ чудотворцамъ, ты не любишь дня своего рожденія (я и сама не люблю моего)—чего же лучше? поѣзжай въ Казань съ Алексѣемъ Степанычемъ. Вы больше двухъ недѣль не проѣздите: до Казани всего два девяноста.“ Мать очень охотно приняла такое предложеніе, и 3-го января, въ прекрасной повозкѣ со стеклами, которую дала намъ Прасковья Ивановна, мы уже скакали въ Казань. Вмѣсто радости, что я хоть на время уѣзжаю изъ Чурасова и увижу новый богатый городъ, о которомъ много наслышался, я чувствовалъ, что сердце мое разрывалось отъ горя. Милая моя сестрица, вся въ слезахъ, съ покраснѣвшими глазами, тоскующая по своемъ братцѣ и по своей нянѣ, но безмолвно покоряющаяся своей судьбѣ,—безпрестанно представлялась мнѣ, и я долго самъ потихоньку плакалъ, не обращая вниманіе на то, что вокругъ меня происходило, и, противъ моего обыкновенія, не мечтая о томъ, что ожидало меня впереди.

А впереди ожидало меня начало важнѣйшаго событія въ моей жизни.... [1])

Здѣсь прекращается повѣствованіе Багрова-внука о своемъ дѣтствѣ. Онъ утверждаетъ, что дальнѣйшіе разсказы относятся уже не къ дѣтству его, а къ отрочеству.

С. А.

[1]) Т. е. вступленіе въ гимназію, которое разсказано въ „Семейной Хроникѣ“, въ отдѣлѣ „Воспоминаній.“

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Аленькой цвѣточекъ.

СКАЗКА КЛЮЧНИЦЫ ПЕЛАГЕИ.

Въ нѣкіимъ царствѣ, въ нѣкіимъ государствѣ, жилъ былъ богатый купецъ, именитый человѣкъ. Много у него было всякаго богатства, дорогихъ товаровъ заморскіихъ, жемчугу, драгоцѣнныхъ каменіевъ, золотой и серебряной казны; и было у того купца три дочери, всѣ три красавицы писаныя, а меньшая лучше всѣхъ; и любилъ онъ дочерей своихъ больше всего своего богатества, жемчуговъ, драгоцѣнныхъ каменіевъ, золотой и серебрянной казны—по той причинѣ, что онъ былъ вдовецъ, и любить ему было не кого; любилъ онъ старшихъ дочерей, а меньшую дочь любилъ больше, потому что она была собой лучше всѣхъ и къ нему ласковѣе. Вотъ и собирается тотъ купецъ по своимъ торговымъ дѣламъ за море, за тридевять земель, въ тридевятое царство, въ тридесятое государство, и говоритъ онъ своимъ любезнымъ дочерямъ: „дочери мои милыя, дочери мои хорошія, дочери мои пригожія, ѣду я по своимъ купецкіимъ дѣламъ за тридевять земель, въ тридевятое царство, тридесятое государство, и мало ли, много ли времени проѣзжу—не вѣдаю, и наказываю я вамъ жить безъ меня честно и смирно, и коли вы будете жить безъ меня

честно и смирно, то привезу вамъ такіе гостинцы, какихъ вы сами похочете, и даю я вамъ сроку думать на три дня, и тогда вы мнѣ скажете, какихъ гостинцевъ вамъ хочется." Думали онѣ три дня и три ночи, и пришли къ своему родителю, и сталъ онъ ихъ спрашивать, какихъ гостинцевъ желаютъ. Старшая дочь поклонилась отцу въ ноги, да и говоритъ ему первая: „Государь ты мой батюшка родимый! Не вози ты мнѣ золотой и серебряной парчи, ни мѣховъ чернаго соболя, ни жемчуга бурмицкаго; а привези ты мнѣ золотой вѣнецъ изъ каменьевъ самоцвѣтныихъ, и чтобъ былъ отъ нихъ такой свѣтъ, какъ отъ мѣсяца полнаго, какъ отъ солнышка краснаго; и чтобъ было отъ него свѣтло въ темную ночь, какъ середи дня бѣлаго." Честной купецъ призадумался и сказалъ потомъ: „Хорошо, дочь моя милая, хорошая и пригожая; привезу я тебѣ таковой вѣнецъ; знаю я за моремъ такова человѣка, который достанетъ мнѣ таковой вѣнецъ; а и есть онъ у одной королевишны заморскія, а и спрятанъ онъ въ кладовой каменной, а и стоитъ та кладовая въ каменной горѣ, глубиной на три сажени, за тремя дверьми желѣзными, за тремя замками нѣмецкими. Работа будетъ не малая: да для моей казны супротивнаго нѣтъ". Поклонилась ему въ ноги дочь середняя и говоритъ: „Государь ты мой батюшка родимый! Не вози ты мнѣ золотой и серебряной парчи, ни черныхъ мѣховъ соболя сибирскаго, ни ожерелья жемчуга бурмицкаго, ни золота вѣнца самоцвѣтнаго; а привези ты мнѣ туалетъ изъ хрусталю восточнаго, цѣльнаго, безпорочнаго, чтобы, глядя въ него, видѣла я всю красоту поднебесную и чтобъ, смотрясь въ него, я не старилась и красота-бъ моя дѣвичья прибавлялася." Призадумался честной купецъ, и подумавъ мало ли, много ли времени, говоритъ ей таковыя слова: „Хорошо, дочь моя милая, хорошая и пригожая, достану я тебѣ таковой хрустальный туалетъ; а и есть онъ у дочери короля персидскаго, молодой королевишны, красоты несказанной, неписанной и негаданной; и схороненъ тотъ туалетъ въ терему каменномъ, высокіимъ, и стоитъ онъ на горѣ каменной, вышина той горы въ триста сажень, за семью дверьми желѣзными, за семью замками нѣмецкими, и ведутъ къ тому терему ступеней три тысячи, и на каждой ступени стоитъ по воину персидскому и день и ночь, съ саблею на голо булатною, и ключи отъ тѣхъ дверей желѣзныхъ носитъ королевишна на поясѣ. Знаю я за моремъ

такова человѣка, и достанетъ онъ мнѣ таковой туалетъ. Потяжеле твоя работа сестриной: да для моей казны супротивнаго нѣтъ." Поклонилась въ ноги отцу меньшая дочь и говоритъ таково слово: „Государь ты мой батюшка родимый! Не вози ты мнѣ золотой и серебряной парчи, ни черныхъ соболей сибирскiихъ, ни ожерелья бурмицкаго, ни вѣнца самоцвѣтнаго, ни тувалета хрустальнаго, а привези ты мнѣ *аленькой цвѣточекъ*, котораго бы не было краше на бѣломъ свѣтѣ." Призадумался честной купецъ крѣпче прежняго. Мало ли, много ли времени онъ думалъ, доподлинно сказать не могу; надумавшись, онъ цѣлуетъ, ласкаетъ, приголубливаетъ свою меньшую дочь любимую и говоритъ таковыя слова: „Ну, задала ты мнѣ работу потяжеле сестриныхъ; коли знаешь, что искать, то какъ не сыскать, а какъ найти то, чего самъ не знаешь? Аленькой цвѣточекъ не хитро найти, да какъ же узнать мнѣ, что краше его нѣтъ на бѣломъ свѣту? Буду стараться, а на гостинцѣ не взыщи." И отпустилъ онъ дочерей своихъ, хорошiихъ, пригожiихъ, въ ихнiе терема дѣвичьи. Сталъ онъ собираться въ путь, во дороженьку, въ дальнiе края заморскiе. Долго ли, много ли онъ собирался, я не знаю и не вѣдаю: скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Поѣхалъ онъ въ путь, во дороженьку. Вотъ ѣздитъ честной купецъ по чужимъ сторонамъ заморскiимъ, по королевствамъ невиданнымъ; продаетъ онъ свои товары въ тридорога, покупаетъ чужiе въ тридешева, онъ мѣняетъ товаръ на товаръ и того сходнѣй, со придачею серебра да золота; золотой казной корабли нагружаетъ, да домой посылаетъ. Отыскалъ онъ завѣтный гостинецъ для своей старшей дочери: вѣнецъ съ камнями самоцвѣтными, а отъ нихъ свѣтло въ темную ночь, какъ бы въ бѣлый день. Отыскалъ завѣтный гостинецъ и для своей средней дочери: тувалетъ хрустальный, а въ немъ видна вся красота поднебесная, и смотрясь въ него, дѣвичья красота не старѣется, а прибавляется. Не можетъ онъ только найти завѣтнаго гостинца для меньшой, любимой дочери, аленькаго цвѣточка, краше котораго не было бы на бѣломъ свѣту. Находилъ онъ во садахъ царскихъ, королевскихъ и султановыхъ много аленькихъ цвѣточковъ такой красоты, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать; да никто ему поруки не даетъ, что краше того цвѣтка нѣтъ на бѣломъ свѣтѣ; да и самъ онъ того не думаетъ. Вотъ ѣдетъ онъ путемъ-дорогою, со

своими слугами вѣрными, по пескамъ сыпучіимъ, по лѣсамъ дремучіимъ, и, откуда ни возьмись, налетѣли на него разбойники, бусурманскіе, турецкіе да индѣйскіе, нехристи поганые, и, увидя бѣду неминучую, бросаетъ честной купецъ свои караваны богатые со прислугою своей вѣрною, и бѣжитъ въ темны лѣса. „Пусть-де меня растерзаютъ звѣри лютые, чѣмъ попасться мнѣ въ руки разбойничьи, поганыя, и доживать свой вѣкъ въ плѣну во неволѣ.“ Бродитъ онъ по тому лѣсу дремучему, непроѣздному, непроходному, и что дальше идетъ, то дорога лучше становится, словно деревья передъ нимъ разступаются, а часты кусты раздвигаются. Смотритъ назадъ—руки не просунуть, смотритъ направо—пни да колоды, зайцу косому не проскочить, смотритъ налѣво — а и хуже того. Дивуется честной купецъ, думаетъ не придумаетъ, что съ нимъ за чудо совершается, а самъ все идетъ да идетъ: у него подъ ногами дорога торная. Идетъ онъ день отъ утра до вечера, не слышитъ онъ реву звѣринаго, ни шипѣнія змѣинаго, ни крику совинаго, ни голоса птичьяго: ровно около него все повымерло. Вотъ пришла и темная ночь; кругомъ его хоть глазъ выколи, а у него подъ ногами свѣтлехонько. Вотъ идетъ онъ, почитай, до полуночи, и сталъ видѣть впереди будто зарево, и подумалъ онъ: „видно лѣсъ горитъ, такъ зачѣмъ же мнѣ туда итти на вѣрную смерть, неминучую?“ Поворотилъ онъ назадъ—нельзя итти, направо, налѣво—нельзя итти; сунулся впередъ — дорога торная. „Дай постою на одномъ мѣстѣ, можетъ зарево пойдетъ въ другую сторону, аль прочь отъ меня, аль потухнетъ совсѣмъ“. Вотъ и сталъ онъ, дожидается; да не тутъ-то было: зарево точно къ нему навстрѣчу идетъ, и какъ будто около него свѣтлѣе становится; думалъ онъ думалъ и порѣшилъ итти впередъ. Двухъ смертей не бывать, а одной не миновать. Перекрестился купецъ и пошелъ впередъ. Чѣмъ дальше идетъ, тѣмъ свѣтлѣе становится, и стало почитай, какъ бѣлый день, а не слышно шуму и треску пожарнаго. Выходитъ онъ подъ конецъ на поляну широкую, и посередь той поляны широкія стоитъ домъ не домъ, чертогъ не чертогъ, а дворецъ королевскій или царскій, весь въ огнѣ, въ серебрѣ и золотѣ и въ каменьяхъ самоцвѣтныихъ, весь горитъ и свѣтитъ, а огня не видать; ровно солнушко красное, индо тяжело на него глазамъ смотрѣть. Всѣ окошки во дворцѣ растворены и играетъ въ немъ музыка согласная, какой никогда онъ не слыхивалъ. Входитъ

онъ на широкій дворъ, въ ворота широкія растворенныя: дорога пошла изъ бѣлаго мрамора, а по сторонамъ бьютъ фонтаны воды, высокіе, большіе и малые. Входитъ онъ во дворецъ по лѣстницѣ, устланной кармазиннымъ сукномъ, съ перилами позолоченными; вошелъ въ горницу—нѣтъ никого; въ другую, въ третью—нѣтъ никого, въ пятую, десятую—нѣтъ никого; а убранство вездѣ царское, неслыханное и невиданное: золото, серебро, хрустали восточные, кость слоновая и мамонтовая. Дивится честной купецъ такому богатству несказанному, а вдвое того, что хозяина нѣтъ; а музыка играетъ не смолкаючи; и подумалъ онъ въ тѣ поры про себя: „все хорошо, да ѣсть нечего“, и выросъ передъ нимъ столъ, убраный, разубраный; въ посудѣ золотой да серебряной яства стоятъ сахарныя и вина заморскія и питья медвяныя. Сѣлъ онъ за столъ безъ сумлѣнія; напился, наѣлся до сыта, потому что не ѣлъ сутки цѣлыя; кушанье такое, что и сказать нельзя,—того и гляди, что языкъ проглотишь, а онъ, по лѣсамъ и пескамъ ходючи, крѣпко проголодался; всталъ онъ изъ-за стола, а поклониться некому, и сказать спасибо за хлѣбъ за соль некому. Не успѣлъ онъ встать да оглянуться, а стола съ кушаньемъ какъ не бывало, а музыка играетъ неумолкаючи. Дивуется честной купецъ такому чуду чудному и такому диву дивному, и ходитъ онъ по палатамъ изукрашеннымъ, да любуется, а самъ думаетъ: „хорошо-бы теперь соснуть да всхрапнуть“—и видитъ стоитъ передъ нимъ кровать рѣзная, изъ чистаго золота, на ножкахъ хрустальныихъ, съ пологомъ серебрянымъ, съ бахрамою и кистями жемчужными; пуховикъ на ней какъ гора лежитъ, пуху мягкаго, лебяжьяго. Дивится купецъ такому чуду новому, новому и чудному; ложится онъ на высокую кровать, задергиваетъ пологъ серебряный, и видитъ, что онъ тонокъ и мягокъ, будто шелковый. Стало въ палатѣ темно: ровно въ сумерки, и музыка играетъ будто издали, и подумалъ онъ: „ахъ кабы мнѣ дочерей хоть во снѣ увидать“—и заснулъ тое-жъ минуточку.

Просыпается купецъ, а солнце уже взошло выше дерева стоячаго. Проснулся купецъ, а вдругъ опомниться не можетъ: всю ночь видѣлъ онъ во снѣ дочерей своихъ любезныихъ, хорошіихъ и пригожіихъ, и видѣлъ онъ дочерей своихъ старшіихъ: старшую и середнюю, что онѣ веселымъ-веселехоньки, а печальна одна, дочь меньшая, любимая; что у

старшей и середней дочери есть женихи богатые, и что сбираются онѣ выйти замужъ, не дождавшись его благословенія отцовскаго; меньшая же дочь, любимая, красавица писаная, о женихахъ и слышать не хочетъ, покуда не воротится ея родимый батюшка; и стало у него на душѣ и радошно и не радошно. Всталъ онъ со кровати высокія, платье ему все приготовлено, и фонтанъ воды бьетъ въ чашу хрустальную; онъ одѣвается, умывается, и ужъ новому чуду не дивуется; чай и кофей на столѣ стоятъ, и при нихъ закуска сахарная. Помолившись Богу, онъ накушался и сталъ опять по палатамъ ходить, чтобъ опять на нихъ полюбоватися при свѣтѣ солнышка краснаго. Все показалось ему лучше вчерашняго. Вотъ видитъ онъ въ окна растворенныя, что кругомъ дворца разведены сады диковинные, плодовитые, и цвѣты цвѣтутъ красоты неописанной. Захотѣлось ему по тѣмъ садамъ прогулятися.

Сходитъ онъ по другой лѣстницѣ изъ мрамора зеленаго, изъ малахита мѣднаго, съ перилами позолоченными, сходитъ прямо въ зелены сады. Гуляетъ онъ и любуется; на деревьяхъ висятъ плоды спѣлые, румяные, сами въ ротъ такъ и просятся, инда глядя на нихъ слюнки текутъ; цвѣты цвѣтутъ распрекрасные, мохровые, пахучіе, всякими красками расписанные; птицы летаютъ невиданныя: словно по бархату зеленому и пунцовому золотомъ и серебромъ выложенныя, пѣсни поютъ райскія; фонтаны воды бьютъ высокіе, инда глядѣть на ихъ вышину—голова запрокидывается; и бѣгутъ и шумятъ ключи родниковые по колодамъ хрустальнымъ. Ходитъ честной купецъ, дивуется; на всѣ такія диковинки глаза у него разбѣжалися, и не знаетъ онъ, на что смотрѣть и кого слушать. Ходилъ онъ такъ, много-ли, мало-ли времени — невѣдомо: скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. И вдругъ видитъ онъ на пригорочкѣ зеленымъ цвѣтетъ цвѣтокъ цвѣту алаго, красоты невиданной и неслыханной, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать. У честнаго купца духъ занимается; подходитъ онъ къ тому цвѣтку, запахъ отъ цвѣтка по всему саду, ровно струя бѣжитъ; затряслись и руки и ноги у купца и возговорилъ онъ голосомъ радошнымъ: „вотъ аленькій цвѣточекъ, какого нѣтъ краше на бѣломъ свѣтѣ, о какомъ просила меня дочь меньшая, любимая“. И, проговоривъ таковы слова, онъ подошелъ и сорвалъ аленькой цвѣточекъ. Въ тое-жъ минуту, безо всякихъ тучъ,

блеснула молонья и ударилъ громъ, инда земля зашаталася подъ ногами, — и выросъ, какъ будто изъ земли, передъ купцомъ: звѣрь не звѣрь, человѣкъ не человѣкъ, а такъ, какое-то чудище, страшное и мохнатое, и заревѣлъ онъ голосомъ дикiимъ: „Что ты сдѣлалъ? Какъ ты посмѣлъ сорвать въ моемъ саду мой заповѣдной, любимый цвѣтокъ? Я хоронилъ его паче зеницы ока моего, и всякой день утѣшался, на него глядючи: а ты лишилъ меня всей утѣхи въ моей жизни. Я хозяинъ дворца и сада, я принялъ тебя, какъ дорогого гостя и званаго, накормилъ, напоилъ и спать уложилъ, а ты эдакъ-то заплатилъ за мое добро! Знай же свою участь горькую: умереть тебѣ за свою вину смертью безвременною"... И несчетное число голосовъ дикiихъ со всѣхъ сторонъ завопило: „умереть тебѣ смертью безвременною!" У честнаго купца отъ страха зубъ на зубъ не приходилъ; онъ оглянулся кругомъ и видитъ, что со всѣхъ сторонъ, изъ подъ каждаго дерева и кустика, изъ воды, изъ земли, лезетъ къ нему сила нечистая и несмѣтная, все страшилища безобразныя. Онъ упалъ на колѣни передъ набольшимъ хозяиномъ-чудищемъ мохнатымъ, и возговорилъ голосомъ жалобнымъ: „Охъ ты гой еси, господинъ честной, звѣрь лѣсной, чудо морское: какъ звеличать тебя — не знаю, не вѣдаю. Не погуби ты души моей христiанскiя, за мою продерзость безвинную, не прикажи меня рубить и казнить, прикажи слово вымолвить. А есть у меня три дочери, три дочери красавицы, хорошiя и пригожiя; обѣщалъ я имъ по гостинцу привезть: старшей дочери—самоцвѣтный вѣнецъ, средней дочери—туалетъ хрустальный, а меньшой дочери—аленькiй цвѣточекъ, какого-бы не было краше на бѣломъ свѣтѣ. Старшимъ дочерямъ гостинцы я сыскалъ, а меньшой дочери гостинца отыскать не могъ; увидалъ я такой гостинецъ у тебя въ саду, аленькой цвѣточекъ, какого краше нѣтъ на бѣломъ свѣтѣ, и подумалъ я, что такому хозяину богатому, богатому, славному и могучему, не будетъ жалко цвѣточка аленькаго, о какомъ просила моя меньшая дочь любимая. Каюсь я въ своей винѣ передъ твоимъ величествомъ. Ты прости мнѣ, неразумному и глупому, отпусти меня къ моимъ дочерямъ родимымъ и подари мнѣ цвѣточекъ аленькой, для гостинца моей меньшой, любимой дочери. Заплачу я тебѣ казны золотой, что потребуешь". Раздался по лѣсу хохотъ, словно громъ загремѣлъ, и возговоритъ купцу звѣрь лѣсной, чудо морское: „Не надо мнѣ

твоей золотой казны: мнѣ своей дѣвать некуда. Нѣтъ тебѣ отъ меня никакой милости, и разорвутъ тебя мои слуги вѣрные на куски, на части мелкія. Есть одно для тебя спасенье. Я отпущу тебя домой невредимаго, награжу казной несчетною, подарю цвѣточекъ аленькой, коли дашь ты мнѣ слово честное купецкое и запись своей руки, что пришлешь замѣсто себя одну изъ дочерей своихъ, хорошiихъ, пригожiихъ; я обиды ей никакой не сдѣлаю, а будетъ она жить у меня въ чести и привольѣ, какъ самъ ты жилъ во дворцѣ моемъ. Стало скучно мнѣ жить одинокому, и хочу я залучить себѣ товарища". Такъ и палъ купецъ на сыру землю, горючьми слезами обливается; а и взглянетъ онъ на звѣря лѣснаго, на чудо морское, а и вспомнитъ онъ своихъ дочерей, хорошiихъ, пригожiихъ, а и пуще того завопитъ источнымъ голосомъ: больно страшенъ былъ лѣсной звѣрь, чудо морское. Много времени честной купецъ убивается и слезами обливается, и возговоритъ онъ голосомъ жалобнымъ: „Господинъ честной, звѣрь лѣсной, чудо морское! А и какъ мнѣ быть, коли дочери мои, хорошiя и пригожiя, по своей воли не похочутъ ѣхать къ тебѣ? Не связать же мнѣ имъ руки и ноги, да насильно прислать? Да и какимъ путемъ до тебя доѣхать? Я ѣхалъ къ тебѣ ровно два года, а по какимъ мѣстамъ, по какимъ путямъ, я не вѣдаю". Возговоритъ купцу звѣрь лѣсной, чудо морское: „Не хочу я невольницы: пусть прiѣдетъ твоя дочь сюда по любви къ тебѣ, своей волею и хотѣнiемъ; а коли дочери твои не поѣдутъ по своей волѣ и хотѣнiю, то самъ прiѣзжай, и велю я казнить тебя смертью лютою. А какъ прiѣхать ко мнѣ—не твоя бѣда; дамъ я тебѣ перстень съ руки моей: кто надѣнетъ его на правый мизинецъ, тотъ очутится тамъ, гдѣ пожелаетъ, во единое ока мгновенiе. Сроку тебѣ даю дома пробыть три дня и три ночи". Думалъ, думалъ купецъ думу крѣпкую, и придумалъ такъ: „лучше мнѣ съ дочерьми повидаться, дамъ имъ свое родительское благословенiе, и коли онѣ избавить меня отъ смерти не похочутъ, то приготовиться къ смерти по долгу христiанскому и воротиться къ лѣсному звѣрю, чуду морскому". Фальши у него на умѣ не было, а потому онъ разсказалъ, что у него было на мысляхъ. Звѣрь лѣсной, чудо морское, и безъ того ихъ зналъ; видя его правду, онъ и записи съ него заручной не взялъ, а снялъ съ своей руки золотой перстень и подалъ его честному купцу. И только честной

купецъ успѣлъ надѣть его на правый мизинецъ, какъ очутился онъ въ воротахъ своего широкаго двора; въ ту пору, въ тѣ-же ворота въѣзжали его караваны богатые съ прислугою вѣрною, и привезли они казны и товаровъ втрое противу прежняго. Поднялся въ домѣ шумъ и гвалтъ, повскакали дочери изъ-за пялецъ своихъ, а вышивали онѣ серебромъ и золотомъ ширинки шелковыя, почали онѣ отца цѣловать, миловать и разными ласковыми именами называть, и двѣ старшія сестры лебезятъ пуще меньшой сестры. Видятъ онѣ, что отецъ какъ-то не радошенъ и что есть у него на сердцѣ печаль потаенная. Стали старшія дочери его допрашивать: не потерялъ ли онъ своего богатства великаго; меньшая же дочь о богатествѣ не думаетъ и говоритъ она своему родителю: „мнѣ богатества твои ненадобны,—богатество дѣло наживное, а открой ты мнѣ свое горе сердешное". И возговоритъ тогда честной купецъ своимъ дочерямъ родимымъ, хорошіимъ и пригожіимъ: „Не потерялъ я своего богатества великаго, а нажилъ казны втрое-вчетверо; а есть у меня другая печаль, и скажу вамъ объ ней завтрашній день, а сегодня будемъ веселитися". Приказалъ онъ принести сундуки дорожные, желѣзомъ окованные; доставалъ онъ старшей дочери золотой вѣнецъ, золота аравійскаго, на огнѣ не горитъ, въ водѣ не ржавѣетъ, со камнями самоцвѣтными; достаетъ гостинецъ середней дочери, туалетъ хрусталю восточнаго; достаетъ гостинецъ меньшой дочери, золотой кувшинъ съ цвѣточкомъ аленькимъ. Старшія дочери отъ радости рехнулися, унесли свои гостинцы въ терема высокіе, и тамъ на просторѣ ими досыта потѣшалися. Только дочь меньшая любимая, увидавъ цвѣточекъ аленькой, затряслась вся и заплакала, точно въ сердце ее что ужалило. Какъ возговоритъ къ ней отецъ таковы рѣчи: „Что же дочь моя милая, любимая, не берешь ты своего цвѣтка желаннаго; краше его нѣтъ на бѣломъ свѣтѣ?" Взяла дочь меньшая цвѣточекъ аленькой, ровно нехотя, цѣлуетъ руки отцовы, а сама плачетъ горючими слезами. Скоро прибѣжали дочери старшія, попытали онѣ гостинцы отцовскіе и не могутъ опомниться отъ радости. Тогда сѣли всѣ они за столы дубовые, за скатерти браныя, за явства сахарныя, за питія медвяныя; стали ѣсть, пить, прохлаждатися, ласковыми рѣчами утѣшатися. Ввечеру гости понаѣхали, и сталъ домъ у купца полнехонекъ дорогихъ гостей, сродниковъ, угодниковъ, прихлебате-

лей. До полуночи бесѣда продолжалася, и таковъ былъ вечерній пиръ, какого честной купецъ у себя въ дому не видывалъ; и откуда что бралось, не могъ догадаться онъ, да и всѣ тому дивовалися: и посуды золотой-серебряной, и кушаньевъ диковинныхъ, какихъ никогда въ дому не видывали. Заутра позвалъ къ себѣ купецъ старшую дочь, разсказалъ ей все, что съ нимъ приключилося, все отъ слова-до-слова, и спросилъ: хочетъ ли она избавить его отъ смерти лютыя и поѣхать жить къ звѣрю лѣсному, къ чуду морскому? Старшая дочь на-отрѣзъ отказалася и говоритъ: „Пусть та дочь и выручаетъ отца, для кого онъ доставалъ аленькій цвѣточекъ". Позвалъ честной купецъ къ себѣ другую дочь середнюю, разсказалъ ей все, что съ нимъ приключилося, все отъ слова-до-слова, и спросилъ: хочетъ ли она избавить его отъ смерти лютыя и поѣхать жить къ звѣрю лѣсному, чуду морскому? Средняя дочь на-отрѣзъ отказалася и говоритъ: „Пусть та дочь и выручаетъ отца, для кого онъ доставалъ аленькой цвѣточекъ". Позвалъ честной купецъ меньшую дочь и сталъ ей все разсказывать, все отъ слова-до-слова, и не успѣлъ кончить рѣчи своей, какъ стала передъ нимъ на колѣни дочь меньшая, любимая, и сказала: „Благослови меня, государь мой батюшка родимый: я поѣду къ звѣрю лѣсному, чуду морскому и стану жить у него. Для меня досталъ ты аленькой цвѣточекъ и мнѣ надо выручить тебя". Залился слезами честной купецъ, обнялъ онъ свою меньшую дочь любимую и говоритъ ей таковыя слова: „дочь моя милая, хорошая, пригожая, меньшая и любимая. Да будетъ надъ тобою мое благословеніе родительское, что выручаешь ты своего отца отъ смерти лютыя, и по доброй волѣ своей и хотѣнію идешь на житье противное къ страшному звѣрю лѣсному, чуду морскому. Будешь жить ты у него во дворцѣ, въ богатствѣ и привольѣ великіимъ; да гдѣ тотъ дворецъ—никто не знаетъ не вѣдаетъ, и нѣтъ къ нему дороги ни конному, ни пѣшему, ни звѣрю прыскучему, ни птицѣ перелетной. Не будетъ намъ отъ тебя ни слуха ни вѣсточки, а тебѣ отъ насъ и подавно. И какъ мнѣ доживать мой горькой вѣкъ, лица твоего не видаючи, ласковыхъ рѣчей твоихъ не слыхаючи; разстаюсь я съ тобою на вѣки вѣчные, ровно тебя живую въ землю хороню". И возговоритъ отцу дочь меньшая любимая: „Не плачь, не тоскуй, государь мой батюшка родимый; житье мое будетъ богатое,

привольное; звѣря лѣснаго, чуда морскаго я не испугаюся, буду служить ему вѣрою и правдою, исполнять его волю господскую, а можетъ онъ надо мной и сжалится. Не оплакивай ты меня живую, словно мертвую; можетъ Богъ дастъ я и вернусь къ тебѣ". Плачетъ, рыдаетъ честной купецъ, таковыми рѣчьми не утѣшается. Прибѣгаютъ сестры старшія, большая и середняя, подняли плачъ по всему дому: вишь больно имъ жалко меньшой сестры любимыя; а меньшая сестра и виду печальнаго не кажетъ, не плачетъ, не охаетъ и въ дальній путь невѣдомый собирается. И беретъ съ собой цвѣточекъ аленькой во кувшинѣ позолоченномъ. Пришелъ третій день и третья ночь, пришла пора разставаться честному купцу, разставаться съ дочерью меньшою, любимою; онъ цѣлуетъ, милуетъ ее, горючьми слезами обливаетъ и кладетъ на нее крестное благословеніе свое родительское. Вынимаетъ онъ перстень звѣря лѣсного, чуда морского, изъ ларца кованнаго, надѣваетъ перстень на правый мизинецъ меньшой, любимой дочери—и не стало ея въ тое-жъ минуточку, со всѣми ея пожитками.

Очутилась она во дворцѣ звѣря лѣснаго, чуда морскаго, во палатахъ высокіихъ, каменныхъ, на кровати изъ рѣзнаго золота, со ножками хрустальными, на пуховикѣ пуха лебяжьяго, покрытомъ золотой камкой; ровно она и съ мѣста не сходила, ровно она цѣлый вѣкъ тутъ жила, ровно легла почивать, да проснулася. Заиграла музыка согласная, какой сродясь она не слыхивала. Встала она со постели пуховыя и видитъ, что всѣ ея пожитки и цвѣточекъ аленькой въ кувшинѣ позолоченномъ тутъ же стоятъ, раскладены и раставлены на столахъ зеленыихъ малахита мѣднаго, и что въ той палатѣ много добра и скарба всякого, есть на чемъ посидѣть-полежать, есть во что пріодѣться, есть во что посмотрѣться. И была одна стѣна вся зеркальная, а другая стѣна золоченая, а третья стѣна вся серебряная, а четвертая стѣна изъ кости слоновыя и мамонтовыя, самоцвѣтными яхонтами разубранная, и подумала она: „должно быть это моя опочивальная". Захотѣлось ей осмотрѣть весь дворецъ и пошла она осматривать всѣ его палаты высокія, и ходила она не мало времени, на всѣ диковинки любуючись: одна палата была краше другой, и всѣ краше того, какъ разсказывалъ честной купецъ, государь ея батюшка родимый; взяла она изъ кувшина золоченаго любимый цвѣточекъ аленькой, сошла

она въ зелены сады, и запѣли ей птицы свои пѣсни райскія, а деревья, кусты и цвѣты замахали своими верхушками, и ровно передъ ней преклонилися; выше забили фонтаны воды и громчѣй зашумѣли ключи родниковые, и нашла она то мѣсто высокое, пригорокъ муравчатый, на которомъ сорвалъ честной купецъ цвѣточекъ аленькой, краше котораго нѣтъ на бѣломъ свѣтѣ. И вынула она тотъ аленькой цвѣточекъ изъ кувшина золоченаго, и хотѣла посадить на мѣсто прежнее; но самъ онъ вылетѣлъ изъ рукъ ея и приросъ къ стеблю прежнему, и расцвѣлъ краше прежняго. Подивилася она такому чуду чудному, диву дивному, порадовалась своему цвѣточку аленькому завѣтному, и пошла назадъ въ палаты свои дворцовыя, и въ одной изъ нихъ стоялъ столъ накрытъ, и только она подумала: „видно звѣрь лѣсной, чудо морское, на меня не гнѣвается, и будетъ онъ ко мнѣ господинъ милостивый“, — какъ на бѣлой мраморной стѣнѣ появилися словеса огненныя: „Не господинъ я твой, а послушный рабъ. Ты моя госпожа, и все, что тебѣ на умъ придетъ, исполнять я буду съ охотою“. Прочитала она словеса огненныя и пропали они со стѣны бѣлой мраморной, какъ будто ихъ никогда не бывало тамъ. И вспало ей на мысли написать письмо къ своему родителю, и дать ему о себѣ вѣсточку. Не успѣла она о томъ подумати, какъ видитъ она, передъ нею бумага лежитъ, золотое перо со чернилицей. Пишетъ она письмо къ своему батюшкѣ родимому и сестрицамъ своимъ любезнымъ: „Не плачьте обо мнѣ, не горюйте, я живу во дворцѣ у звѣря лѣснаго, чуда морскаго, какъ королевишна; самого его не вижу и не слышу, а пишетъ онъ ко мнѣ на стѣнѣ бѣломраморной, словесами огненными; и знаетъ онъ все, что у меня на мысли, и тое-жъ минутою все исполняетъ и не хочетъ онъ называться господиномъ моимъ, а меня называетъ госпожей своей“. Не успѣла она письма написать и печатью припечатать, какъ пропало письмо изъ рукъ и изъ глазъ ея, словно его тутъ и не было. Заиграла музыка пуще прежняго, на столѣ явились яства сахарныя, питья медвяныя, вся посуда золота червоннаго. Сѣла она за столъ веселехонька, хотя съ роду не обѣдала одна одинешенька, ѣла она, пила, прохлаждалася, музыкою забавлялася. Послѣ обѣда, накушамшись, она опочивать легла; заиграла музыка потише и подальше, по той причинѣ, чтобъ ей спать не мѣшать. Послѣ сна встала она веселе-

шенька и пошла опять гулять по садамъ зеленымъ, потому что не успѣла она до обѣда обходить и половины ихъ, наглядѣться на ихъ диковинки. Всѣ деревья, кусты и цвѣты передъ ней преклонялися, а спѣлые плоды, груши, персики и наливныя яблочки сами въ ротъ лѣзли. Походивъ время не малое, почитай вплоть до вечера, воротилась она въ свои палаты высокія, и видитъ она: столъ накрытъ, и на столѣ яствы стоятъ сахарныя и питья медвяныя, и все отмѣнныя. Послѣ ужина вошла она въ ту палату бѣломраморну, гдѣ читала она на стѣнѣ словеса огненныя, и видитъ она на той же стѣнѣ опять такія же словеса огненныя: „Довольна ли госпожа моя своими садами и палатами, угощеньемъ и прислугою?“ И возговорила голосомъ радошнымъ молодая дочь купецкая, красавица писаная: „Не зови ты меня госпожей своей, а будь ты всегда мой добрый господинъ, ласковый да милостивый. Я изъ воли твоей никогда не выступлю. Благодарствую тебѣ за все твое угощеніе. Лучше твоихъ палатъ высокіихъ и твоихъ зеленыхъ садовъ не найти на бѣломъ свѣтѣ: то и какъ же мнѣ довольною не быть? Я сродясь такихъ чудесъ не видывала. Я отъ такого дива еще въ себя не приду, только боюся я почивать одна; во всѣхъ твоихъ палатахъ высокіихъ нѣтъ ни души человѣческой“. Появилися на стѣнѣ словеса огненныя: „Не бойся, моя госпожа прекрасная; не будешь ты почивать одна, дожидается тебя твоя дѣвушка сѣнная, вѣрная и любимая; и много въ палатахъ душъ человѣческихъ, а только ты ихъ не видишь и не слышишь, и всѣ онѣ вмѣстѣ со мною берегутъ тебя и день и ночь: не дадимъ мы на тебя вѣтру вѣнути, не дадимъ и пылинкѣ сѣсть“. И пошла почивать въ опочивальню свою молодая дочь купецкая, красавица писанная, и видитъ: стоитъ у кровати ея дѣвушка сѣнная, вѣрная и любимая, и стоитъ она чуть отъ страха жива, и обрадовалась она госпожѣ своей, и цѣлуетъ ея руки бѣлыя, обнимаетъ ея ноги рѣзвыя. Госпожа была ей также радошна, принялась ее разспрашивать про батюшку родимаго, про сестрицъ своихъ старшіихъ и про всю свою прислугу дѣвичью, опосля того принялась сама разсказывать, что съ нею въ это время приключилося; такъ и не спали онѣ до бѣлой зори.

Такъ и стала жить да поживать молодая дочь купецкая, красавица писаная. Всякой день ей готовы наряды новые

богатые, а убранства такія, что цѣны имъ нѣтъ, ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать: всякой день угощенья и веселья новыя, отмѣнныя: катанье, гулянье съ музыкою на колесницахъ безъ коней и упряжи, по темнымъ лѣсамъ; а тѣ лѣса передъ ней разступалися и дорогу давали ей широкую и гладкую, и стала она рукодѣльями заниматися, рукодѣльями дѣвичьими, вышивать ширинки серебромъ и золотомъ и низать бахромы частымъ жемчугомъ, стала посылать подарки батюшкѣ родимому, а и самую богатую ширинку подарила своему хозяину ласковому, а и тому лѣсному звѣрю, чуду морскому, а и стала она день-ото-дня чаще ходить въ залу бѣломраморную, говорить рѣчи ласковыя своему хозяину милостивому и читать на стѣнѣ его отвѣты и привѣты словесами огненными.

Мало ли, много ли тому времени прошло: скоро сказка сказывается, не скоро дѣло дѣлается,—стала привыкать къ своему житью-бытью молодая дочь купецкая, красавица писаная, ничему она ужь не дивуется, ничего не пугается, служатъ ей слуги невидимые, подаютъ, принимаютъ, на колесницахъ безъ коней катаютъ, въ музыку играютъ и всѣ ея повелѣнія исполняютъ; и возлюбляла она своего господина милостиваго, день-ото-дня, и видѣла она, что не даромъ онъ зоветъ ее госпожей своей, и что любитъ онъ ее пуще самого себя, и захотѣлось ей его голоса послушати; захотѣлось съ нимъ разговоръ повести, не ходя въ палату бѣломраморную, не читая словесовъ огненныхъ. Стала она его о томъ молить и просить; да звѣрь лѣсной, чудо морское, не скоро на ея просьбу соглашается, испугать ее своимъ голосомъ опасается; упросила, умолила она своего хозяина ласковаго, и не могъ онъ ей супротивнымъ быть, и написалъ онъ ей въ послѣдній разъ на стѣнѣ бѣломраморной словесами огненными: „Приходи сегодня въ зеленый садъ, сядь въ свою бѣсѣдку любимую, листьями, вѣтками, цвѣтами заплетенную, и скажи такъ: „говори со мной, мой вѣрный рабъ". И мало спустя времечка, побѣжала молодая дочь купецкая, красавица писаная, во сады зеленые, входила во бесѣдку свою любимую, листьями, вѣтками, цвѣтами заплетенную, и садилась на скамью парчевую, и говоритъ она задыхаючись, бьется сердечко у ней, какъ у пташки пойманой, говоритъ таковыя слова: „Не бойся ты, господинъ мой, добрый, ласковый, испугать меня своимъ голосомъ; опосля всѣхъ твоихъ

милостей, не убоюся я и рева звѣринаго, говори со мной, не опасаючись". И услышала она, ровно кто вздохнулъ за бесѣдкою, и раздался голосъ страшный, дикой и зычный, хриплый и сиплый, да и то говорилъ онъ еще въ полголоса; вздрогнула сначала молодая дочь купецкая, красавица писаная, услыхавъ голосъ звѣря лѣснаго, чуда морскаго, только со страхомъ своимъ совладала и виду, что испужалася, не показала, и скоро слова его ласковыя и привѣтливыя, рѣчи умныя и разумныя, стала слушать она и заслушалась, и стало у ней на сердце радошно.

Съ той поры, съ того времечка, пошли у нихъ разговоры почитай цѣлый день, во зеленомъ саду на гуляньяхъ, во темныхъ лѣсахъ на катаньяхъ, и во всѣхъ палатахъ высокiихъ. Только спроситъ молода дочь купецкая, красавица писаная: „Здѣсь ли ты, мой добрый любимый господинъ?" Отвѣчаетъ лѣсной звѣрь, чудо морское: „Здѣсь, госпожа моя прекрасная, твой вѣрный рабъ, неизмѣнный другъ". И не пугается она его голоса дикаго и страшнаго, и пойдутъ у нихъ рѣчи ласковыя, что конца имъ нѣтъ.

Прошло мало ли, много ли времени: скоро сказка сказывается, не скоро дѣло дѣлается, — захотѣлось молодой дочери купецкой, красавицѣ писаной, увидѣть своими глазами звѣря лѣснаго, чуда морскаго, и стала она его о томъ просить и молить; долго онъ на то не соглашается, испугать ее опасается, да и былъ онъ такое страшилище, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать; не токмо люди, звѣри дикiе его завсегда устрашалися и въ свои берлоги разбѣгалися. И говоритъ звѣрь лѣсной, чудо морское, таковыя слова: „не проси, не моли ты меня, госпожа моя распрекрасная, красавица ненаглядная, чтобы показалъ я тебѣ свое лицо противное, свое тѣло безобразное. Къ голосу моему привыкла ты; мы живемъ съ тобой въ дружбѣ, согласiи, другъ съ другомъ почитай не разлучаемся и любишь ты меня за мою любовь къ тебѣ несказанную, а увидя меня страшнаго и противнаго, возненавидишь ты меня несчастнаго, прогонишь ты меня съ глазъ долой, а въ разлукѣ съ тобой я умру съ тоски." Не слушая такихъ рѣчей молода купецка дочь, красавица писаная, и стала молить пуще прежняго, клясться, божиться и ротитися, что никакого на свѣтѣ страшилища не испугается и что не разлюбитъ она своего господина милостиваго, и говоритъ ему таковыя

слова: „если ты старъ человѣкъ — будь мнѣ дѣдушка, если середовичь—будь мнѣ дядюшка, если же молодъ ты — будь мнѣ названный братъ, и поколь я жива—будь мнѣ сердешный другъ.“ Долго, долго, лѣсной звѣрь, чудо морское, не поддавался на такія слова, да не могъ просьбамъ и слезамъ своей красавицы супротивнымъ быть, и говоритъ ей таково слово: „не могу я тебѣ супротивнымъ быть; по той причинѣ, что люблю тебя пуще самого себя, исполню я твое желаніе, хоша знаю, что погублю мое счастіе и умру смертью безвременной. Приходи во зеленый садъ, въ сумерки сѣрыя, когда сядетъ за лѣсъ солнышко красное, и скажи: „покажись мнѣ вѣрный другъ!“ и покажу я тебѣ свое лицо противное, свое тѣло безобразное. А коли станетъ не въ моготу тебѣ больше у меня оставатися, не хочу я твоей неволи и муки вѣчныя: ты найдешь въ опочивальнѣ своей, у себя подъ подушкою, мой золотъ-перстень. Надѣнь его на правой мизинецъ и очутишься ты у батюшки родимаго, и ничего обо мнѣ николи не услышишь.“ Не убоялась, не устрашилася, крѣпко на себя понадѣялась, молода дочь купецкая, красавица писанная. Въ тѣ поры, не мѣшкая ни минуточки, пошла она во зеленый садъ дожидатися часу урочнаго, и когда пришли сумерки сѣрыя, опустилося за лѣсъ солнышко красное, проговорила она: „покажись мнѣ, мой вѣрный другъ!“ и показался ей издали звѣрь лѣсной, чудо морское: онъ прошелъ только поперекъ дороги и пропалъ въ частыхъ кустахъ, и невзвидѣла свѣта молода дочь купецкая, красавица писаная, всплеснула руками бѣлыми, закричала источнымъ голосомъ и упала на дорогу безъ памяти. Да и страшенъ былъ звѣрь лѣсной, чудо морское: руки кривыя, на рукахъ когти звѣриные, ноги лошадиныя, спереди-сзади горбы великіе верблюжіе, весь мохнатый отъ верху до низу, изо рта торчали кабаньи клыки, носъ крючкомъ, какъ у беркута, а глаза были совиные. Полежамши, долго ли, мало ли времени, опамятовалась молода дочь купецкая, красавица писаная, и слышитъ: плачетъ кто-то возлѣ нея, горючьми слезами обливается и говоритъ голосомъ жалостнымъ: „погубила ты меня, моя красавица возлюбленная, не видать мнѣ больше твоего лица распрекраснаго, не захочешь ты меня даже слышати, и пришло мнѣ умереть смертью безвременною“. И стало ей жалко и совѣстно, и совладала она съ своимъ страхомъ велиимъ, и съ своимъ сердцемъ робкіимъ дѣвичьимъ, и

заговорила она голосомъ твердымъ: „нѣтъ, не бойся ничего, мой господинъ добрый и ласковый, не испугаюсь я больше твоего вида страшнаго, не разлучусь я съ тобой, не забуду твоихъ милостей; покажись мнѣ теперь же въ своемъ видѣ давишнемъ: я только впервые испугалася“. Показался ей лѣсной звѣрь, чудо морское въ своемъ видѣ страшнымъ, противнымъ, безобразнымъ, только близко подойти къ ней не осмѣлился, сколько она ни звала его; гуляли они до ночи темныя и вели бесѣды прежнія, ласковыя и разумныя, и не чуяла никакого страха молодая дочь купецкая, красавица писаная. На другой день увидала она звѣря лѣснаго, чудо морское, при свѣтѣ солнышка краснаго, и хоша сначала, разглядя его, испугалася, а виду не показала, и скоро страхъ ея совсѣмъ прошелъ. Тутъ пошли у нихъ бесѣды пуще прежняго; день деньской почитай не разлучалися, за обѣдомъ и ужиномъ яствами сахарными насыщалися, питьями медвяными прохлажалися, гуляли по зеленымъ садамъ, безъ коней каталися по темнымъ лѣсамъ.

И прошло тому не мало времени: скоро сказка сказывается, да не скоро дѣлается. Вотъ однова и привидѣлось во снѣ молодой купецкой дочери, красавицѣ писанной, что батюшка ея нездоровъ лежитъ; и напала на нее тоска неусыпная, и увидалъ ее въ той тоскѣ и слезахъ звѣрь лѣсной, чудо морское, и вельми закручинился и сталъ спрашивать: отчего она въ тоскѣ во слезахъ? Разсказала она ему свой недоброй сонъ и стала просить у него позволенія: повидать своего батюшку родимаго и сестрицъ своихъ любезныихъ: и возговоритъ къ ней лѣсной звѣрь, чудо морское: „И за чѣмъ тебѣ мое позволенье? золотъ-перстень мой у тебя лежитъ, надѣнь его на правый мизинецъ и очутишься въ дому у батюшки родимаго. Оставайся у него, пока не соскучишься, а и только я скажу тебѣ: коли ты ровно черезъ три дня и три ночи не воротишься, то не будетъ меня на бѣломъ свѣтѣ, и умру я тою же минутою, по той причинѣ, что люблю тебя больше, чѣмъ самого себя, и жить безъ тебя не могу“. Стала она завѣрять словами завѣтными, и божбами и клятвами, что ровно за часъ до трехъ дней и трехъ ночей воротится во палаты его высокія.—Простилась она съ хозяиномъ своимъ ласковымъ и милостивымъ, надѣла на правый мизинецъ золотъ-перстень и очутилась на широкомъ дворѣ честнаго купца, своего батюшки родимаго. Идетъ она на высокое крыльцо

его палатъ каменныхъ; набѣжала къ ней прислуга и челядь дворовая, подняли шумъ и крикъ; прибѣжали сестрицы любезныя и, увидѣвши ее, диву дались красотѣ ея дѣвичей и ея наряду царскому, королевскому; подхватили ее подъ руки бѣлыя и повели къ батюшкѣ родимому, а батюшка нездоровъ лежалъ, нездоровъ и нерадошенъ, день и ночь ее вспоминаючи, горючими слезами обливаючись; и не вспомился онъ отъ радости, увидамши свою дочь милую, хорошую, пригожую, меньшую любимую, и дивился онъ красотѣ ея дѣвичей, ея наряду царскому, королевскому. Долго они цѣловалися, миловалися, ласковыми рѣчами утѣшалися. Разсказала она своему батюшкѣ родимому и своимъ сестрамъ старшiимъ, любезнымъ, про свое житье-бытье у звѣря лѣснаго, чуда морскаго, все отъ слова-до слова, никакой крохи не скрываючи, и возвеселился честной купецъ ея житью богатому, царскому, королевскому, и дивился, какъ она привыкла смотрѣть на своего хозяина страшнаго и не боится звѣря лѣснаго, чуда морскаго; самъ онъ, объ немъ вспоминаючи, дрожкой-дрожалъ. Сестрамъ же старшiимъ, слушая про богатства несмѣтныя меньшей сестры и про власть ея царскую надъ своимъ господиномъ, словно надъ рабомъ своимъ, инда завистно стало. День проходитъ какъ единый часъ, другой день проходитъ какъ минуточка, а на третiй день стали уговаривать меньшую сестру сестры старшiя, чтобы не ворочалась она къ звѣрю лѣсному, чуду морскому. „Пусть де околѣетъ, туда и дорога ему...“ И прогнѣвалась на сестеръ старшiихъ дорогая гостья, меньшая сестра, и сказала имъ таковы слова: „Если я моему господину доброму и ласковому за всѣ его милости и любовь горячую, несказанную, заплачу его смертью лютою, то не буду я стоить того, чтобы мнѣ на бѣломъ свѣтѣ жить, и стоитъ меня тогда отдать дикимъ звѣрямъ на растерзанiе“. И отецъ ея, честной купецъ, похвалилъ ее за такiя рѣчи хорошiя, и было положено, чтобы до срока ровно за часъ воротилась къ звѣрю лѣсному, чуду морскому, дочь хорошая, пригожая, меньшая, любимая, а сестрамъ то въ досаду было и задумали онѣ дѣло хитрое, дѣло хитрое и не доброе: взяли онѣ, да всѣ часы въ домѣ цѣлымъ часомъ назадъ поставили, и не вѣдалъ того честной купецъ и вся его прислуга вѣрная, челядь дворовая. И когда пришелъ настоящiй часъ, стало у молодой купеческой дочери, красавицы писаной, сердце болѣть и щемить, ровно стало

что-нибудь подмывать ее, и смотритъ она то и дѣло на часы отцовскіе, аглицкіе, нѣмецкіе, — а все рано ей пускаться въ дальній путь; а сестры съ ней разговариваютъ, о томъ, о семъ разспрашиваютъ, позадерживаютъ; однако сердце ея не вытерпѣло; простилась дочь меньшая любимая, красавица писаная, со честнымъ купцомъ батюшкой родимымъ, приняла отъ него благословеніе родительское, простилась съ сестрами старшими, любезными, со прислугою вѣрною, челядью дворовою, и, не дождавшись единой минуточки до часа урочнаго, надѣла золотъ-перстень на правый мизинецъ и очутилась во дворцѣ бѣлокаменномъ, во палатахъ высокіихъ звѣря лѣснаго, чуда морскаго, и дивуючись, что онъ ее не встрѣчаетъ, закричала она громкимъ голосомъ: „Гдѣ же ты мой добрый господинъ, мой вѣрный другъ? Что же ты меня не встрѣчаешь? Я воротилась раньше срока назначеннаго, цѣлымъ часомъ со минуточкой". Ни отвѣта, ни привѣта не было, тишина стояла мертвая; въ зеленыхъ садахъ птицы не пѣли пѣсни райскія, не били фонтаны воды и не шумѣли ключи родниковые, не играла музыка во палатахъ высокіихъ. Дрогнуло сердечко у купецкой дочери, красавицы писаной, почуяла она нѣшто не доброе, обѣжала она палаты высокія и сады зеленые, звала зычнымъ голосомъ своего хозяина добраго—нѣтъ нигдѣ ни отвѣта, ни привѣта, и никакого гласа послушанія; побѣжала она на пригорокъ муравчатый, гдѣ росъ, красовался ея любимый цвѣточекъ аленькой, и видитъ она, что лѣсной звѣрь, чудо морское, лежитъ на пригоркѣ, обхвативъ аленькой цвѣточекъ своими лапами безобразными. И помстилось ей, что заснулъ онъ, ее дожидаючись, и спитъ теперь крѣпкимъ сномъ. Начала его будить потихоньку дочь купецкая, красавица писаная: онъ не слышитъ; принялась будить покрѣпче, схватила его за лапу мохнатую, и видитъ, что звѣрь лѣсной, чудо морское, бездыханенъ, мертвъ лежитъ.... Помутилися ея очи ясныя, подкосилися ноги рѣзвыя, пала она на колѣни, обняла руками бѣлыми голову своего господина добраго, голову безобразную и противную, и завопила источнымъ голосомъ: „Ты встань, пробудись, мой сердешный другъ, я люблю тебя какъ жениха желаннаго".... и только таковы словеса она вымолвила, какъ заблестѣли молоньи со всѣхъ сторонъ, затряслася земля отъ грома великаго, ударила громова стрѣла каменная въ пригорокъ муравчатый, и упала безъ памяти молодая дочь купецкая, кра-

савица писаная. Много ли, мало ли времени она лежала безъ памяти—не вѣдаю; только очнувшись, видитъ она себя во палатѣ высокой бѣломраморной, сидитъ она на золотомъ престолѣ со каменьями драгоцѣнными, и обнимаетъ ее принцъ молодой, красавецъ писаный, на головѣ со короною царскою, въ одеждѣ златокованной, передъ ней стоитъ отецъ съ сестрами, а кругомъ на колѣняхъ стоитъ свита великая, всѣ одѣты въ парчахъ золотыхъ, серебряныхъ, и возговоритъ къ ней молодой принцъ красавецъ писаный, на головѣ со короною царскою: „Полюбила ты меня, красавица ненаглядная, въ образѣ чудища безобразнаго, за мою добрую душу и любовь къ тебѣ; полюби же меня теперь въ образѣ человѣческомъ, будь моей невѣстой желанною. Злая волшебница прогнѣвалась на моего родителя покойнаго, короля славнаго и могучаго, украла меня, еще малолѣтняго, и сатанинскимъ колдовствомъ своимъ, силой нечистою, оборотила меня въ чудище страшное и наложила таковое заклятіе, чтобы жить мнѣ въ таковомъ видѣ безобразномъ, противномъ и страшномъ для всякаго человѣка, для всякой твари божіей, пока найдется красная дѣвица, какого бы роду и званья ни была она, и полюбитъ меня въ образѣ страшилища, и пожелаетъ быть моей женой законною, и тогда колдовство все покончится, и стану я опять по прежнему человѣкомъ молодымъ и пригожіимъ; и жилъ я таковымъ страшилищемъ и пугаломъ ровно тридцать лѣтъ, и залучалъ я въ мой дворецъ заколдованный одиннадцать дѣвицъ красныхъ, а ты была двѣнадцатая. Ни одна не полюбила меня за мои ласки и угожденія, за мою душу добрую. Ты одна полюбила меня, чудище противное и безобразное, за мои ласки и угожденія, за мою душу добрую, за любовь мою къ тебѣ несказанную, и будешь ты за то женою короля славнаго, королевою въ царствѣ могучіимъ“.

Тогда всѣ тому подивилися, свита до земли преклонилася. Честной купецъ далъ свое благословеніе дочери меньшой любимой и молодому принцу-королевичу. И проздравили жениха съ невѣстою сестры старшія завистныя и всѣ слуги вѣрные, бояре великіе и кавалеры ратные, и ни мало не медля принялись веселымъ пиркомъ да за свадебку, и стали жить да поживать, добра наживать. Я сама тамъ была, пиво, медъ пила, по усамъ текло да въ ротъ не попало.

Оглавленіе.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

